РАЗОБЛАЧЕННАЯ ИЗИДА

Е. П. БЛАВАТСКОЙ

КЛЮЧ К ТАЙНАМ
ДРЕВНЕЙ И СОВРЕМЕННОЙ
НАУКИ И ТЕОСОФИИ

Том II. ТЕОЛОГИЯ

Автор
посвящает этот труд
Теософскому обществу,
которое было основано в Нью-Йорке в 1875 г.
для изучения того, о чём эти тома трактуют.

Часть II

«НЕПОГРЕШИМОСТЬ» РЕЛИГИИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глава I. ЦЕРКОВЬ – ГДЕ ОНА?

Церковная статистика
Католические "чудеса" и спиритуалистические "феномены"
Сопоставление христианских и языческих верований
Магия и колдовство, практикуемые христианским духовенством
Сравнительная теология – новая наука
Восточные традиции об Александрийской библиотеке
Римские папы – императоры индусского Брахматмы
Христианские догматы, взятые из языческой философии
Учение о Троице языческого происхождения
Диспуты между гностиками и отцами церкви
Кровавые летописи христианства

Глава II. ХРИСТИАНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЯЗЫЧЕСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Колдовство Катерины Медичи
Оккультные приемы, употребляемые духовенством
Сжигание ведьм и аутодафе малых детей
Лживые католические святые
Претензии миссионеров в Индии и Китае
Святотатственные трюки католического духовенства
Павел – каббалист
Петр – не основатель Римской церкви
Строгие жизни языческих иерофантов
Возвышенный характер древних "мистерий"
Сообщение Жаколио об индусских факирах
Индусская доктрина питри
Христианский символизм, происшедший от фаллического культа
Брахманское общение с духами
Опасности нетренированного медиумизма

Глава III. СЕКТЫ РАННИХ ХРИСТИАН

Сходство между ранним христианством и буддизмом
Петр никогда не был в Риме
Значение слов "назар" и "назарей"
Крещение – заимствованный обряд
Родовое ли имя Зороастр?
Пифагорейские учения Иисуса
Кабалистика Апокалипсиса
Некоторые языческие философы и ранние христиане

считают Иисуса адептом
Доктрина пермутации
Значение воплощенного Бога
Догматы гностиков
Идеи Маркиона "ересиарха"
Заповеди Ману. Тождество Иеговы с Вакхом

Глава IV. ВОСТОЧНЫЕ КОСМОГОНИИ
И ЗАПИСИ БИБЛИИ

Расхождения в Пятикнижии
Сопоставление индийской, халдейской и офитской систем
Кто были первые христиане?
Христос и София-Ахамот
Тайная доктрина, преподанная Иисусом
Иисус никогда не претендовал на то, что он Бог
Повествования Нового Завета и индусские легенды
Древность "Логоса" и "Христа"
Сравнительный культ Девы

Глава V. ТАЙНЫ КАББАЛЫ

Эн-Соф и сефирот
Первобытная религия мудрости
Книга Бытия – компиляция легенд Старого Мира
Троица Каббалы
Системы гностиков и назареев, сопоставленные с
мифами индусов
Каббализм в Книге Иезекииля
Повествование о воскрешении дочери Джайруи
найдено в жизнеописании Кришны
Не заслуживающие доверия учения ранних Отцов
Их дух преследования

Глава VI ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ БУДДИЗМА,
ПАРОДИРОВАННЫЕ В ХРИСТИАНСТВЕ

Решения Никейского Собора; как к ним пришли
Убиение Ипатии
Происхождение символа-рыбы Вишну
Каббалистическая доктрина космогонии
Диаграммы индусской и халдео-еврейской систем
Десять мифических аватар Вишну
Троичность человека, изложенная Павлом
Сократ и Платон о душе и духе
Истинный буддизм – что это такое

Глава VII. ЕРЕСИ РАННИХ ХРИСТИАН
И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

Назареи офиты и современные друзы
Этимология ИАО
Египетские "герметические братья"
Истинное значение нирваны
Секта джайнов
Христиане и дрестиане
Гностики и их клеветники

Будда, Иисус и Аполлоний Тианский

Глава VIII. ИЕЗУИТСТВО И МАСОНСТВО

"Зогар" и раввин Симеон
Орден иезуитов и его отношение к некоторым масонским орденам
Преступления разрешенные его членам
Принципы иезуитства в сопоставлении с принципами языческих моралистов
Троичность человека в египетской "Книге мертвых"
Масонство перестало быть эзотеричным
Преследование тамплиеров церковью
Тайные масонские шифры
Иегова не есть "Непроизносимое Имя"

Глава IX. ВЕДЫ И БИБЛИЯ

Почти каждый миф обоснован на какой-либо великой истине
Древность Вед
Откуда христианский Саббат
Пифагорейская доктрина о потенциальности чисел
"Дни" книги Бытия и "Дни" Брахмы
Грехопадение человека и Потоп в индусских книгах
Древность "Махабхараты"
Принадлежали ли древние египтяне к арийской расе?
Самуил, Давид и Соломон – мифические персонажи
Символизм Ноева Ковчега
Патриархи тождественны со знаками Зодиака
Все библейские легенды принадлежат всемирной истории

Глава X. МИФ О ДЬЯВОЛЕ

Дьявол официально признан церковью
Сатана – главная опора духовенства
Тождественность Сатаны с египетским Тифоном
Его связь с культом змея
Книга Иова и книга Мертвых
Индусский дьявол – метафизическая абстракция
Сатана и Князь Ада в Евангелии от Никодима

Глава XI. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПО БУДДИЗМУ И ХРИСТИАНСТВУ

Век философии не создавал атеистов
Легенды о трех Спасителях
Христианская доктрина Искупления нелогична
Причина неудачи миссионеров при обращении в свою веру буддистов и брахманистов
Ни Будда, ни Иисус не оставили записей

Величайшие тайны религии в "Бхагавадгите"
Значение возрождения объясненное
в "Сатапа-брахмане"
Истолкование жертвоприношений крови
Деморализация Британской Индии
христианскими миссионерами
Библия менее подлинна чем любая
другая сокровенная книга
Знание химии и физики, проявляемое
индийскими фокусниками

Глава XII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перечисление основных положений
Провидение души и духа
Феномен так называемой руки духа
Разница между медиумами и адептами
Интервью английского посла с
перевоплощенным Буддой
Полет астрального тела ламы в
повествовании аббата Хака
Школа магии в буддийских ламасериях
Неизвестное племя индусских тодов
Сила воли факиров и йогов
Укрощение диких зверей факирами
Вызывание живого духа шаманом,
засвидетельствованное автором
Колдовство иезуитского отца
посредством дыхания
Почему изучение магии почти
неосуществимо в Европе
Заключение

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если бы это было возможно, мы бы не давали этот труд в руки многим христианам, которым чтение его не принесет пользы и не для которых он был написан. Мы имеем в виду тех, кто искренне и чистосердечно верят в свои соответственные церкви, и тех, чья безгрешная жизнь отражает блестящий пример Пророка из Назарета, чьими устами дух истины громко говорил человечеству. Такие были во все времена. История сохраняет имена многих героев, философов, филантропов, мучеников, святых мужчин и женщин; но насколько больше таких, которые жили и умирали, оставаясь неизвестными, за исключением близких друзей, лишенными благословения, кроме как от своих скромных облагодетельствованных! Они облагородили христианство, но принесли бы такой же блеск любой другой вере, какую бы они ни исповедали, ибо они были выше своего вероисповедания. Благотворительность Питера Купера и Элизабет Томпсон в Америке, которые не являются правоверными христианами, не менее христоподобна, чем благотворительность баронессы Анджелы Бадет-Кутц в Англии, христианки. И все же, по сравнению с теми миллионами, которые считаются христианами, они всегда образовывали ничтожное меньшинство. Их можно найти и в наши дни: на кафедре и на церковной скамье, во дворцах и в хижинах; но растущий материализм, увлеченность мирскими делами и лицемерие быстро уменьшают их соответственную численность. Их благотворительная деятельность и простая, как бы детская вера в непогрешимость их Библии, их догм и их духовенства, приводят в полное действие все добродетели, какие заложены в присущей нам всем натуре. Мы лично знали таких богобоязненных жрецов и священнослужителей и всегда избегали вступать с ними в споры, чтобы не быть виновными в совершении жестокости, задевая их чувства; также мы не лишали ни одного мирянина его слепой веры, если только она одна делала для него возможной святую жизнь и спокойную смерть.

Являясь анализом религиозных верований вообще, этот том в особенности направлен против богословского христианства, главного противника свободной мысли. Он не содержит ни одного слова против чистых учений Иисуса, но нещадно разоблачает их вырождение в пагубно вредные церковные системы, которые разрушают веру человека в свое бессмертие, в своего Бога и подрывают всякую нравственную свободу.

Мы бросаем перчатку догматическим богословам, которые хотели бы поработить и историю и науку, и в особенности – Ватикану, чьи деспотические претензии стали ненавистными большей части просвещенного христианского мира. Оставляя духовенство в стороне, никому, кроме логически мыслящих и отважных исследователей, не следовало бы заниматься книгами, подобными этой. Такие ныряльщики за истиной обладают мужеством иметь свое собственное мнение.

ГЛАВА I
ЦЕРКОВЬ – ГДЕ ОНА?

«Даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу».

Евангелие от Иоанна, XVI, 2.

«Анафема тому... кто скажет, что человеческими науками следует заниматься в таком духе свободы, что человеку может быть позволено считать истинными их утверждения, даже когда они противоречат божественным откровениям».

– Вселенский Собор 1870 г.

«ГЛАВК – Церковь! Где ж она?»

– «Король Генрих VI», акт I, сцена I.

В Соединенных Штатах Америки шестидесяти тысячам (60428) человек платят жалование, чтобы они изучали науку о Боге и Его отношениях со Своими созданиями.

Эти люди принимают на себя обязательства передать нам знания, которые трактуют о существовании, характере и свойствах нашего Творца; Его законах и правлении; учения, которым мы должны верить, обязанности, которые должны исполнять. Пять тысяч (5141) из них,[1] с перспективой 1273 студентов богословия, которые со временем будут им помогать, преподают эту науку согласно доктрине, предписанной им Епископом Римским, пяти миллионам людей. Пятьдесят тысяч (55287) местных и странствующих священников, представляющих пятнадцать различных вероисповеданий[2], из которых каждая противоречит остальным по более или менее существенным вопросам богословия, – наставляют, каждый по своей вере, тридцать три миллиона (33.500.000) других людей. Многие из них учат по канонам заатлантической ветви одного учреждения, которое признает своим духовным главою дочь покойного герцога Кентского. Также имеются многие сотни тысяч иудеев, несколько тысяч разного рода ориенталистов, и очень мало тех, кто принадлежат к Греческой церкви. Один человек в городе Солт-Лейк, имеющий двенадцать жен и более сотни детей и внуков, является высшим духовным правителем над девяноста тысячами людей, которые верят, что он часто общается с богами – так как мормоны являются как политеистами, так и полигамистами, и их главный бог представлен живущим на планете, которую они называют Колоб.

Бог унитарианцев – холостяк; божеством пресвитерианцев, конгрегационалистов и других ортодоксальных протестантских сект является лишенный супруги Отец с одним Сыном, который тождественен Ему самому. В попытках превзойти друг друга в воздвижении своих шестидесяти двух с лишним тысяч церквей, молитвенных домов и залов собраний, в которых преподают эти противоречивые богословские доктрины, было израсходовано 354.485.581 доллар. Стоимость одних только домов протестантских пасторов, в которых приютились эти диспутанты вместе со своими семьями, оценивается приблизительно в 54.115.297 долларов. Шестнадцать миллионов долларов (16.179.387), кроме того, ежегодно вносятся на текущие расходы по одним только протестантским вероисповеданиям. Одна пресвитерианская церковь в Нью-Йорке обходится в круглый миллион, один только католический алтарь – в одну четвертую этой же суммы!

Не станем упоминать множество меньших сект, общин и причудливо оригинальных малых ересей в этой стране, которые возникают в один год с тем, чтобы погибнуть в

---

[1] Эти цифры взяты нами из *«Статистики религий США на 1871 г.»*.

[2] Они суть: баптисты, конгрегационалисты, епископалианцы, северные методисты, южные методисты, различные методисты, северные пресвитерианцы, южные пресвитерианцы, объединенные пресвитерианцы, объединенные братья, братья во Христе, реформисты голландские, реформисты германские, реформисты пресвитерианские, камберлендские пресвитерианцы.

следующем, подобно неисчислимым спорам гриба в дождливый день. Мы не остановимся даже для того, чтобы посчитать якобы миллионы спиритуалистов, ибо у большинства из них не хватает храбрости отойти от своих соответственных вероисповеданий. Они – Никодимы, приходящие в ночи.

А теперь вместе с Пилатом зададим вопрос – «Что есть истина»? Где следует ее искать среди этого множества воюющих друг с другом сект? Каждая из них заявляет, что она основана на божественном откровении и что она держит ключи от врат небесных. Каждая ли из них владеет этой редкостной истиной? Или же мы должны воскликнуть вместе с буддийским философом:

> «Есть только одна истина на Земле, и она неизменна, и она заключается в том, что нет никакой истины на ней!»

Хотя у нас нет ни малейшей склонности посягать на данные, которые так исчерпывающе были собраны теми учеными, показавшими, что каждая христианская догма ведет свое происхождение из какого-либо языческого обряда, все же факты, которые они извлекли со времени предоставления свободы науке, ничего не потеряют от повторения. Кроме того, мы предлагаем рассматривать эти факты с другой и, пожалуй, весьма новой точки зрения – с точки зрения древних философий в эзотерическом понимании. В нашем первом томе мы едва на них взглянули. Мы будем пользоваться ими в качестве стандарта, при помощи которого сопоставим христианские догмы и чудеса с доктринами и феноменами древней магии и современного «нового провозвестия», как называют спиритуализм его последователи. Так как материалисты отрицают феномены без исследования их и, так как богословы, признавая их, предоставляют нам очень бедный выбор из двух явных нелепостей – Дьявола и чудес – мы мало можем потерять, обращаясь к теургам, и они действительно могут помочь нам пролить великий свет на этот весьма темный предмет.

Профессор А. Бутлеров из Императорского Университета в Санкт-Петербурге говорит в недавней статье, озаглавленной *«Медиумистические проявления»,* следующее:

> «Пусть эти факты (современного спиритуализма) относятся, если хотите, к числу тех, которые более или менее были известны древним;
>
> пусть они будут тождественны тем фактам, которые в темные века придавали значительность должности египетского жреца и римского авгура;
>
> пусть они даже составят основу колдовства нашего сибирского шамана... пусть они будут всем этим. но если они *действительные факты,* это не наше дело. Все факты в природе *принадлежат науке,* и каждое добавление к ее запасам обогащает науку, вместо того, чтобы обеднять. Если человечество когда-то признавало какую-то истину и затем по слепоте самомнения отвергло ее, то возвращение к ее пониманию будет шагом вперед, а не назад!»

С того дня как современная наука нанесла догматическому богословию то, что можно считать смертельным ударом, основываясь на том, что религия полна тайн, а тайна не научна, – ментальное состояние образованного класса выявило любопытный аспект. Кажется, что общество с того времени все время балансирует на одной ноге на невидимой, туго натянутой, веревке, протянутой из нашей видимой вселенной в невидимую; неуверенное, не оборвется ли конец веревки, нацепленный на вере в последнюю, и не ввергнет ли ее в окончательное уничтожение.

Великое количество номинальных христиан можно разделить на три неравные части: материалистов, спиритуалистов и настоящих христиан. Материалисты и спиритуалисты объединяются в общей борьбе против иерархических претензий духовенства, которое в отместку поносит обоих с одинаковой резкостью. Материалисты находятся в столь же малом согласии, как и христианские секты; контисты или, как они себя называют, позитивисты, презираемы и ненавидимы до последней степени всеми

школами мыслителей, одну из которых Модели с достоинством представляет в Англии. Позитивизм, не забудем, является той «религией» будущего, относительно основателя которой даже Гёксли пришел в негодование в своей знаменитой лекции *«Физическая основа жизни»;* а Модели почувствовал себя обязанным ради современной науки выразиться так:

> «Не удивительно, что ученые с такой яростью отвергают Конта как своего законодателя и протестуют против назначения такого короля над ними. Не признавая себя чем-либо обязанными его писаниям – сознавая, насколько он в некоторых отношениях неправильно истолковал дух и претензии науки – они отвергают вассальную зависимость, которую его последователи-энтузиасты хотели бы навязать им и которую популярное мнение быстро начинает считать естественной. И они правильно поступают, делая своевременное заявление о независимости; так как если бы они не сделали этого вскоре, то потом оказалось бы слишком поздно, чтобы сделать это успешно» [**322**].

Когда материалистическую доктрину отвергают с такою силою два таких материалиста, как Гёксли и Модели, тогда мы должны думать, что она, действительно, сама нелепость.

Среди христиан нет ничего, кроме разногласий. Различные их церкви представляют всякие степени религиозного верования, начиная со всепожирающей доверчивости слепой веры, до снисходительной высокого тона почтительности к божеству, которая едва прикрывает очевидную убежденность в божественной мудрости их самих. Все эти секты более или менее верят в бессмертие души. Некоторые признают сношения между обоими мирами как факт; некоторые придерживаются мнения, что это дело чувств; некоторые категорически отрицают это, и только меньшинство пребывает в состоянии внимания и ожидания.

Раздраженная ограничением, мечтающая о возвращении к векам мрака Римская церковь хмурится на *дьявольские* манифестации и дает понять, как бы она поступила с их приверженцами, будь в ее руках прежняя власть. Если бы не тот самоочевидный факт, что она сама привлечена наукою на суд и что руки ее в наручниках, – она сразу же была бы готова возобновить в девятнадцатом веке отвратительные сцены прежних дней. Что касается протестантского духовенства, такого свирепого в своей единодушной ненависти к спиритуализму, то, как очень верно высказывается одна светская газета:

> «Кажется, они очень хотят подорвать веру людей во все духовные феномены прошлого, занесенные в Библию, если бы только они могли увидеть вредную современную ересь раненной в сердце».[3]

Ссылаясь на давно позабытые воспоминания о Моисеевых законах. Римская церковь претендует на монополию на чудеса и право судить о них, как единственная наследница по праву непосредственного наследования. Ветхий Завет, отправленный в изгнание Колензо, его предшественниками и современниками снова вызван обратно из изгнания. Пророки, которых его святейшество папа наконец снизошел поместить если и не на одном уровне с собою, то по крайней мере на менее почтительном расстоянии[4], – подчищены и освобождены от пыли. Снова воскрешена память о всякой дьявольской абракадабре. Кощунственные *ужасы,* совершенные язычеством, его фаллический культ,

---

[3] *«Boston Sunday Herald»,* от 5-го ноября 1876 г.

[4] См. самопрославлепие нынешнего папы в труде под заглавием «Речи Паны Пия IX» дона Паскаля де Франциска, и в знаменитой статье о той же великой личности, написанной достопочтенным У. Э. Глэдстоном. Последний приводит из вышеупомянутого труда следующую сентенцию, произнесенную этим папой: «Я желаю, чтобы все правительства знали, что я говорю по этому поводу... И я имею *право* говорить, *даже большее, чем пророк Натан* – царю Давиду, *и намного большее, чем Св. Амвросий – Феодосию!!»*

тауматургические чудеса, совершаемые Сатаною, человеческие жертвоприношения, заклинания, колдовство, магия и чародейство вспомянуты, и демонизм сопоставлен со *спиритуализмом* для взаимного опознания и отождествления. Наши современные демонологи для удобства пропускают несколько незначительных подробностей, среди которых находится неоспоримое присутствие языческого фаллицизма в христианских символах. Сильный духовный элемент этого культа может быть легко продемонстрирован в догмате Беспорочного Зачатия Девственной Матери Бога; и можно равно найти физический элемент в фетишистском культе священных *конечностей* святых Козьмы и Дамиана в Изернии близ Неаполя, *ex-voto* которых из воска духовенство ежегодно выносило едва ли полвека тому назад.[5]

Мы считаем довольно не мудрым со стороны католических писателей изливать свою ярость в фразах, подобных нижеследующей:

> «Во множествах пагод фаллический камень принимает всегда, подобно греческому *батилос,* грубо непристойную форму *лингама...* маха-дэва» [**104,** гл. I].

Прежде, чем бросать грязью в символ, глубокий метафизический смысл которого превышает понимание современных представителей той чувственной религии, какой, преимущественно, является католицизм, они должны были бы разрушить свои древнейшие церкви и изменить форму куполов своих собственных храмов. Маходи Элефанты, Круглая башня Бхагулпора, минареты ислама – закругленные или же заостренные – являются прообразами Кампанилы на площади Сан-Марко в Венеции, собора в Рочестере и современного Миланского собора. Все эти колокольни, башенки, купола и все христианские храмы есть лишь воспроизведения первоначального представления *lithos,* стоящего фаллоса.

> «Западная башня Лондонского собора св. Павла», – говорит автор «Розенкрейцеров», – «представляет собою один из двойных *littioi,* помещаемых всегда впереди каждого храма, как христианского, так и языческого». – Кроме того, во всех христианских церквях. – «в особенности в протестантских, где они фигурируют весьма заметно, две каменные таблицы Моисеевого Завета помещаются над алтарем бок о бок, как бы единый камень, причем их верхушки закруглены... Правый камень считается *мужским,* левый – *женским»* [**76**, с. 228-241].

Поэтому ни католики, ни протестанты не имеют права говорить о «неприличных формах» языческих памятников до тех пор, пока они сами украшают свои церкви символами Лингама и Иони и даже пишут законы своего Бога на них.

Другую деталь, не очень-то прибавляющую честь христианскому духовенству, можно напомнить словом Инквизиция. Потоки человеческой крови, пролитые этим *христианским* учреждением, и количество его человеческих жертв не имеют равных в летописях Язычества. Другой, еще более выдающейся чертой, в которой духовенство превзошло своих учителей «язычников», является *колдовство.* Вне сомнения, ни в одном языческом храме не пользовались больше черной магией, в ее действительном истинном значении, чем в Ватикане. Решительно поддерживая обряд изгнания духов, как весьма значительный источник доходов, они пренебрегали магией столь же мало, как язычники древности. Легко доказать, что *sortilegium* или колдовство среди духовенства и монахов широко практиковалось вплоть до прошлого века и временами практикуется даже теперь.

Проклиная каждое проявление оккультной природы вне пределов церкви, духовенство – несмотря на доказательства противного – называет его «делом Сатаны», «западнею падших ангелов», которые «заскакивают и выскакивают из бездны», упомянутой Иоанном в его каббалистическом «Откровении», «из которой поднимается дым, как дым из великой печи».

---

[5] См. «Гностики» Кинга [**410**] и другие труды.

«Опьяненные ее испарениями, вокруг этой пропасти ежедневно собираются миллионы спиритуалистов, чтобы поклоняться Бездне Ваалт [**100**].

Более чем когда-либо высокомерная, упрямая и деспотичная, теперь, когда она почти опрокинута современными исследованиями, не осмеливаясь схватиться с мощными приверженцами науки, Латинская церковь вымещает свою злобу на непопулярные феномены. Деспот без жертвы – слово, лишенное смысла; власть, которая не заботится утверждать себя внешними, хорошо рассчитанными эффектами, подвергается риску, что наконец начнут сомневаться в ее существовании. У церкви нет намерения впасть в забвение древних мифов или терпеть, когда ее авторитетность слишком подвергается сомнению. Поэтому, поскольку наши времена позволяют, она придерживается своей традиционной политики. Оплакивая вынужденное упразднение своего союзника. Святой Инквизиции, она из необходимости делает добродетель. Теперь единственные доступные жертвы – это спиритисты Франции. Недавние события показали, что кроткая невеста Христова никогда не упустит случая отомстить беспомощным жертвам.

Успешно разыграв свою роль *dens ex machina* за спиною французского суда, который не постеснялся ради нее унизить свое достоинство, Римская церковь берется за работу и в 1876 году показывает, на что она способна. Христианский мир получает предостережение, чтобы от крутящихся столов и пляшущих карандашей нечестивого спиритуализма он обратился к божественным «чудесам» Лурда. Тем временем церковные власти не теряют ни дня, чтобы устроить другие, более легкие триумфы, рассчитанные на то, чтобы запугать суеверных до безрассудства. Таким образом, действуя по приказам, духовенство швыряет драматические, если и не очень впечатляющие анафемы с каждой католической епархии; угрожает направо и налево, отлучает от церкви и проклинает. Осознав, наконец, что ее громовые стрелы, направленные даже на коронованные головы, падают вокруг так же безвредно, как молнии Юпитера из Офенбаховского «Calhas», Рим оборачивается в бессильной ярости на принесенных в жертву *proteges* российского Императора – несчастных болгар и сербов. Не смущающийся ни свидетельствами, ни сарказмом, глухой к доказательствам, «ягненок Ватикана» беспристрастно делит свой гнев между либералами Италии, «нечестивыми, чье дыхание отдает вонью тления»,[6] «схизматическими русскими *сарматами»* и еретиками и спиритуалистами, «которые совершают поклонение у бездонной пропасти, где лежит великий Дракон и ждет».

Мистер Глэдстон потрудился составить каталог того, что он называет «цветами красноречия», разбросанными по этим папским разглагольствованиям. Давайте отберем несколько избранных терминов, использованных этим наместником Того, Кто сказал: «Всякому, кто скажет – *ты глуп* – угрожает адское пламя». Они собраны из достоверных бесед. Те, кто выступают против папы являются «волками, фарисеями, ворами, лжецами, лицемерами, опухшими детьми Сатаны, сынами погибели, греха и разложения, сателлитами Сатаны в человеческой плоти, чудовищами ада, воплощенными демонами, вонючими трупами, исчадиями адовой пропасти, предателями и Иудами, которых ведет дух ада, детьми глубочайших пропастей ада» и т. д. и т. д.; все это благочестиво собрано и опубликовано доном Паскалем де Франциском, которого Глэдстон совершенно заслуженно называет «завершенным профессором *подхалимства в* духовных вещах».[7]

Так как в распоряжении его Святейшества Папы имеется такой богатый лексикон ругательств, то почему удивляться, что епископ Тулузский не постеснялся произносить наиболее недостойные измышления о протестантах и спиритуалистах Америки – людях вдвойне неприятных католику – в своей речи, обращенной к епархии:

---

[6] «Don Pasquale di Franciscis. Discorsi del Sommo Pontefice Pio IX», ч. I, с. 340 [411].

[7] «Речи Папы Пия IX», Ам. издание, с. 14 [411]. 21.

«Ничто», – говорит он, – «не является более обычным в эпоху неверия, чем увидеть, как *ложное откровение заменяет собою истинное,* и умы пренебрегают учениями Святой церкви, чтобы посвятить себя изучению гадании и оккультных наук».

С тонким епископским презрением к статистике и странным образом смешивая в своей памяти слушателей возрожденцев Муди и Сэнки, и постоянных посетителей затемненных комнат сеансов, он произносит необоснованное и ложное утверждение, что «было доказано, что спиритуализм в Соединенных Штатах явился причиною одной шестой части всех случаев самоубийства и помешательств». Он говорит, что невозможно, чтобы духи «учили точной науке, так как они – лживые демоны, или полезной науке, потому что природа слова Сатаны, как и сам Сатана – бесплодна». Он предостерегает своих дорогих сотрудников, что «писания в пользу спиритуализма находятся под запретом», и советует им принять к сведению, что «частое посещение спиритических кружков, сопряженное с намерением принять их учение, есть отступничество от Святой церкви и влечет за собой риск отлучения»; в конечном счете, говорит он, «провозглашайте тот факт, что никакое учение какого бы то ни было духа не должно возвыситься над учением кафедры Петра, которое есть учение Духа Самого Бога!!»

Будучи осведомленными о многих ложных учениях, приписываемых католической церковью Творцу, мы предпочитаем не верить последнему утверждению. Знаменитый католический богослов Тийемон уверяет нас в своем труде, что «все эти прославленные язычники осуждены на вечные муки в аду, *так как* они жили до прихода Иисуса и поэтому не могли быть облагодетельствованы искуплением!!» Он также уверяет нас, что Дева Мария лично об этом свидетельствовала своей собственной подписью в письме к одному святому. Так что это тоже является откровением – «Дух Самого Бога» проповедует такие милосердные доктрины.

Мы также читали с большою пользою топографические описания «Ада и Чистилища» в знаменитом трактате под этим заглавием, написанном иезуитом кардиналом Беллармином. Один критик нашел, что автор, который дает это описание с *божественного* видения, которым он был удостоен, «по-видимому обладал всеми познаниями землемера» о секретных участках и страшных разделах «бездонной пропасти». Юстин Мученик, фактически, изложил на бумаге еретическую мысль, что, в конце концов, Сократа можно бы и не отправлять в Ад, за что этот слишком снисходительный отец был сурово раскритикован своим издателем-бенедиктинцем. Кто только засомневается в христианском милосердии Римской церкви в этом направлении, приглашается прочитать «Censure» Сорбонны в адрес Мармонтелевского «Belisarius». *Odium theologicum* сверкает в нем на темном небе ортодоксального богословия подобно северному сиянию – предтече Божьего гнева, по толкованию некоторых средневековых священнослужителей.

В первой части настоящего труда мы пытались показать на исторических примерах, в какой полной мере люди науки заслужили жалящий сарказм покойного профессора де Моргана, который выразился о них, что «они носят сброшенные священнослужителями облачения, перекрашенные, чтобы избегнуть опознавания». Христианское духовенство, подобным же образом, одето в сброшенные *языческими* жрецами одежды, действуя диаметрально противоположно моральным предписаниям своего *Бога,* но тем не менее восседая в качестве судей над всем миром.

Умирая на кресте, замученный Человек Скорбей простил своих врагов. Его последними словами была молитва за них. Он учил своих учеников не проклинать, но благословлять, даже своих врагов. Но наследники Св. Петра, самозваные представители на земле того самого кроткого Иисуса, не колеблясь, проклинают всякого, кто бы ни противился их деспотической воле. Кроме того, не был ли «Сын» уже давно оттиснут ими на задний план? Они совершают свои поклонения только Почтенной Матери, так как по их учению – опять через «непосредственный Дух Божий», только она одна служит посредником. Вселенский Собор 1870 года превратил это учение в догмат, не верить

которому – значит обрекать себя навсегда на «бездонную пропасть». Сочинение дона Паскаля де Франциска по этому пункту высказывается положительно, ибо он сообщает нам, что поскольку Царица Небесная обязана «лучшим украшением в своей короне» нынешнему папе, с тех пор как он одарил ее нежданной честью внезапно стать непорочной, то нет ничего такого, чего она не могла бы получить от своего Сына для «своей церкви».[8]

Несколько лет тому назад некие путешественники видели в Барри, Италия, статую Мадонны, наряженную в отделанную оборками розовую юбку поверх раздувшегося *кринолина!* Благочестивые паломники, которые захотят осмотреть обычный гардероб своей Божьей Матери, могут это сделать, отправившись в Южную Италию, Испанию и католические Северную и Южную Америки. Мадонна Барри еще должна быть там – между двумя виноградниками и *locanda* (кабачком). При последнем осмотре оказалось, что сделана наполовину удавшаяся попытка приодеть младенца Иисуса; они покрыли его ноги парой грязных с зубчиками панталон. Так как один англичанин-путешественник пожертвовал для «Посредницы» зеленый шелковый зонтик, то благодарное население этого *contadini* в сопровождении деревенского священника двинулось процессией к тому месту. Им удалось засунуть раскрытый зонтик между спиною младенца и рукою Девы, которая его обнимала. Эта сцена и церемония были и торжественны и весьма освежающи для наших религиозных чувств. Ибо тут стояло изображение богини в ее нише, окруженное рядом постоянно горящих лампад, *огни* которых, колыхаясь под дуновением, заражали чистый Божий воздух неприятным запахом оливкового масла. Эти Мать и Сын, истинно, представляют двух наиболее бросающихся в глаза идолов *монотеистического* христианства!

За компаньоном идолу бедного *contadini* Барри отправьтесь в богатый город Рио-де-Жанейро. В церкви *Duomo del Candelaria,* в длинном зале, тянущемся по одной стороне церкви, несколько лет тому назад можно было видеть другую Мадонну. Вдоль стен зала стоит ряд святых, каждый на своем ящике для сбора пожертвований, которые таким образом образуют подходящий пьедестал. В центре этой линии под роскошным балдахином из голубого шелка выставлена Дева Мария, прислонившаяся к руке Христа. «Царица наша» наряжена в весьма декольтированное платье из голубого сатина с короткими рукавами, выгодно обнажающими изящно сформированную белоснежную шею, плечи и локти. Юбка, тоже из голубого сатина с верхней юбкой из пышных кружев и буфов из просвечивающей ткани, столь же коротка, как у балерин; едва достигая колен, она обнажает пару прекрасной формы ног, покрытых телесного цвета шелковым трико и обутых в французские сапожки из голубого сатина на очень высоких красных каблуках! Светлые волосы этой «Божьей Матери» причесаны по последней моде с объемистым шиньоном и кудрями. В то время как она прислоняется к руке своего Сына, лицо ее с любовью обращено к своему Единородному, чья одежда и поза равно вызывает восхищение. Христос в вечернем костюме: хвостатый фрак, черные брюки и белый жилет с низким вырезом; лакированные туфли и белые козловые перчатки, *на одной из которых* искрится дорогое кольцо с алмазом, стоимостью, надо полагать, во многие тысячи – дорогое бразильское ювелирное изделие. Над этим туловищем современного португальского дэнди возвышается голова с волосами, с пробором посредине; печальное и торжественное лицо и глаза, полный терпения взгляд которых, кажется, отражает всю горечь этого последнего оскорбления, брошенного величию Распятого[9].

Египетскую Изиду ее почитатели тоже представляли как Девственную Мать, которая держит в руках своего младенца-сына, Гора. В некоторых статуях и барельефах, где она появляется одна, ее изображают совершенно нагой или укутанной с головы до ног. Но в мистериях, как и почти все богини, она завуалирована с головы до ног, как символ

---

[8] См. «Речи Папы Пия IX» [**411**]; памфлет Глэдстона па эту книгу; [**48**] и другие.

[9] Этот факт сообщен нам очевидцем, который посещал эту церковь несколько раз; он римский католик и, по его словам, он пришел в полный *ужас.*

материнского целомудрия. Нам не причинило бы никакого вреда, если бы мы позаимствовали у древних хоть сколько-нибудь поэтического чувства из их религий и внутреннего почитания, какие они питали по отношению к *своим* символам.

Будет только справедливо сказать сразу, что последний из *истинных* христиан умер вместе с последним из непосредственных апостолов. Макс Мюллер задает веский вопрос:

> «Как может миссионер при таких обстоятельствах удовлетворять удивление и вопросы своих учеников, если он не может указать на это семя[10] и рассказать им. каким было задумано христианство? Если он не может показать, что, подобно всем другим религиям, Христианство тоже имело свою историю; что христианство девятнадцатого века не есть христианство средних веков, и что христианство средних веков не было христианством первых Соборов; что христианство первых Соборов не было христианством апостолов, и что только то, что было сказано Христом, было хорошо сказано?» [**47**. т. I, с. 26, *Предисловие*]

Таким образом, мы можем вывести заключение, что единственной характерной разницей между современным христианством и старыми языческими верованиями является вера первого в личного дьявола и в ад.

> «У арийских народов не было никакого дьявола», – говорит Макс Мюллер. – «Плутон, хотя обладал угрюмым характером, был весьма почтенной личностью; и (скандинавский) Локи, хотя и личность озорная, не был бесом. Германская богиня, Хелл, тоже, подобно Прозерпине, когда-то видела лучшие дни. Поэтому, когда германцам поднесли идею о настоящем дьяволе, семитическом Сете, Сатане или *Diabolus* – они отнеслись к нему весьма добродушно».

То же самое можно сказать об аде. Гадес весьма отличался от нашего царства вечных мук и мог бы быть назван скорее промежуточным состоянием очищения. Также и скандинавский *Хел* или Хела не подразумевают состояния или места наказания, ибо когда Фригг, горем убитая мать Балдура, белого бога, который умер и очутился в мрачных обителях теней (Гадеса), послала Хермода, сына Тора, на поиски ее любимого дитяти, то посланец нашел его в безжалостной области – увы! но все же удобно усевшимся на скале и читающим книгу [136]. Кроме того, у северян царство мертвых расположено в высоких широтах Полярной области; это холодное и неприветливое обиталище, и ни студеные залы Хела, ни занятие Балдура ничем не напоминают пламенеющий ад вечного огня и жалких «осужденных» грешников, которыми церковь так щедро населяет его. Не более это – египетский Аменти, место суда и очищения; и не Ондерах – пропасть мрака индусов, ибо даже падшим ангелам, которых швырнул туда Шива, Парабрахма разрешил считать это промежуточным состоянием, в котором им предоставляется возможность подготовиться для высших ступеней очищения и искупления от тяжких условий. Геенна Нового Завета была местностью за стенами Иерусалима, и упоминая ее, Иисус употреблял лишь обычную метафору. Откуда же тогда пришла мрачная догма об аде, этот Архимедов рычаг христианского богословия, посредством которого им удалось удержать в подчинении бесчисленные миллионы христиан в течение девятнадцати столетий? Несомненно не из еврейских Писаний, и мы обращаемся за подтверждением этого к любому хорошо осведомленному еврейскому ученому.

Единственное указание на что-то, похожее на ад, имеющееся в Библии, это *Геенна* или Хинном, долина близ Иерусалима, где был расположен Тофет, место, где постоянно поддерживался огонь в санитарных целях. Пророк Иеремия сообщает нам, что израильтяне имели обычай в том месте приносить в жертву Молоху-Геркулесу своих детей; и позднее мы находим, что христиане спокойно заменили это божество своим богом *милосердия,* гнев которого не может быть утихомирен, если церковь не пожертвует ему своих некрещенных детей и согрешивших сыновей на алтарь «вечных мук»!

---

[10] Относится к семени, посаженному Иисусом и его Апостолами.

Откуда же тогда богословы узнали условия ада настолько, чтобы действительно делить его на два вида: *puena damni* и *paenae sensus;* первое означает лишение блаженных видений, второе – *вечные* муки *в озере огня и серы?* Если они ответят нам, что об этом написано в «Апокалипсисе» [XX, 10], то мы готовы показать, откуда богослов Иоанн сам взял эту идею: «А *диавол,* прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где *зверь* и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков», – говорит он. Уже не говоря об эзотерическом толковании, что «дьявол» или демон-соблазнитель означал наше собственное земное тело, которое после смерти несомненно будет растворено в *огненных* или эфирных элементах[11], – слово «навечно», которым наши богословы объясняют слово «навеки», не существует в еврейском языке ни как слово, ни как значение. Нет такого еврейского слова, которое собственно выражает *вечность,* по объяснению Ле Клерка, עולם *улам,* подразумевает только время, начало и конец которого неизвестны. Доказывая, что это слово не означает *бесконечной* длительности и что в Ветхом Завет слово *навеки* означает только долгое время, архиепископ Тиллотсон совершенно извратил его смысл в отношении адовых мук. По его учению, когда Содом и Гоморра были обречены на горение в «вечном огне», то мы это должны понимать лишь в том смысле, что этот огонь будет гореть до тех пор, пока оба города не будут полностью истреблены. Но когда дело касается адова огня, тогда это слово должно пониматься в самом полном смысле бесконечной продолжительности. Таково решение этого ученого богослова. Ибо длительность наказания грешников должна быть пропорциональна вечному счастью праведников. Так, он говорит:

> «Эти (говоря о грешниках) пойдут εις κολσιν αιωνιον на *вечное* наказание, но праведники εις ζωην αιωνιον на вечную жизнь».

Досточтимый Т. Санден,[12] комментируя рассуждения своих предшественников, заполнил целый том такими аргументами, на которые невозможно ответить, пытаясь доказать, что местонахождение *Ада – в солнце.* Мы подозреваем, что досточтимый мыслитель читал «Апокалипсис» в кровати перед сном, и вследствие этого ему виделись кошмары. В «Откровении Иоанна» есть два стиха, в которых сказано: «Четвертый ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем. И жег людей сильный зной, и они хулили имя Бога» [*Откровение,* XVI, 8-9]. Это просто пифагорейская и каббалистическая аллегория. Эта идея не возникла ни у вышеупомянутого автора, ни у Иоанна. Пифагор поместил «сферу очищения в солнце», каковое солнце вместе с его сферой он, кроме того, помещает в центре вселенной;[13] эта аллегория имеет двоякое значение:

1. Символически, центральное, духовное солнце. Высочайшее божество. Прибывши в эту область, каждая душа становится очищенной от своих грехов и соединяется навсегда со своим духом, предварительно страдав во всех низших сферах. 2. Поместив эту сферу *видимого* огня в середину вселенной, он просто преподавал гелиоцентрическую систему, которая относилась к мистериям и сообщалась только на высшей ступени посвящения. Иоанн придает своему Слову чисто каббалистическое значение, которое ни один из «Отцов», за исключением тех, кто принадлежал к школе неоплатоников, не был в состоянии понять. Ориген хорошо понимал это, будучи учеником Аммония Саккаса; поэтому мы видим, что он храбро отрицает бесконечность адовых мук. Он утверждал, что не только люди, но даже дьяволы (под этим термином он подразумевал развоплощенных

---

[11] Эфир представляет собою и *чистый* и *нечистый* огонь. Состав последнего содержит все его видимые формы, такие как «корреляция сил» – тепло, пламя, электричество и т. д. Первый есть *Дух Огня.* Разница чисто алхимическая.

[12] См, [**412**].

[13] Аристотель упоминает пифагорейцев, которые поместили сферу огня в Солнце и назвали его «Заключением Юпитера». См. *«De* Coe/o», II.

человеческих грешников) после определенной длительности наказания будут прощены и в конечном счете водворены на небеса [311, 1, XXI, с.17]. Вследствие этой и других ересей Ориген, само собой разумеется, был изгнан.

Много было ученых, и поистине вдохновенных рассуждений по поводу местонахождения ада. Наиболее популярными были те, которые помещали его в центре земли. В одно время, однако, из-за вмешательства ученых того времени возникли скептические сомнения, которые нарушили покой веры в эту весьма подбадривающую доктрину. Как мистер Свинден в нашем собственном веке замечает, эта теория была неприемлема по причине двух возражений: 1) что запасы горючего или серы, необходимые для сохранения такого яростного и постоянного пламени, не могут быть там предположены; 2) что там нужны азотистые частицы воздуха, чтобы поддерживать и сохранять горение.

> «И как», – говорит он, – «огонь может быть вечным, когда постепенно все вещество земли должно быть поглощено таким образом?» [**413.** с. 289.]

Этот скептический джентльмен, по-видимому, забыл, что уже века тому назад св. Августин это затруднение разрешил. Разве у нас нет заверения этого ученого богослова, что ад, тем не менее, *находится* в центре земли, ибо «Бог *чудом* снабжает центральный огонь воздухом»? На этот аргумент ответить невозможно, поэтому мы не будем стремиться его опровергать.

Христиане были первыми, кто превратили существование Сатаны в догму церкви. И раз это учредивши, ей пришлось бороться в течение более чем 1700 лет за подавление таинственной силы, которой, согласно своей политике, она должна была приписывать дьявольское происхождение. К несчастью, проявляясь, эта сила неизменно обладает тенденцией опрокидывать такое верование смешным расхождением между приписываемой причиной и следствиями. Если духовенство не переоценило действительной силы «заклятого врага Бога», то надо признать, что он прибегает к большим предосторожностям, чтобы не быть опознанным в качестве «Князя Тьмы», метящего на наши души. Если современные «духи», вообще, являются дьяволами, как проповедует духовенство, то они могут быть только теми «бедными» или «глупыми чертями», которых Макс Мюллер описывает как постоянно являющихся в германских и норвежских сказках.

Несмотря на это, духовенство больше всего боится, что его принудят выпустить из рук эту узду над человечеством. Они не желают позволить нам судить о дереве по его плодам, так как это может иногда поставить их перед опасными дилеммами. Они также отказываются признать, вместе с непредубежденными людьми, что феномены спиритуализма несомненно одухотворили и отклонили от неправильных путей многих непоколебимых атеистов и скептиков. Но, как они сами признают, что за польза в Папе, если нет Дьявола?

И поэтому Рим посылает своих самых способных приверженцев и проповедников на спасение тех, кто погибают в «бездонной пропасти». Рим использует с этой целью умнейших своих писателей – хотя они все с негодованием это отрицают – и в предисловии к каждой книге, выпущенной плодотворным де Мюссе, этим французским Тертуллианом нашего века, мы находим неопровержимые доказательства этого факта. Среди прочих свидетельств одобрения духовенства, каждый том украшен текстом определенного подлинного письма, адресованного весьма набожному автору всемирно известным отцом Вентуре де Раулика в Риме. Мало таких, кто не слыхал этого знаменитого имени. Это есть имя одного из главных столпов Латинской церкви, бывшего генерала Театинского ордена, советника Священного Совета Обрядов, экзаменатора епископов и римского духовенства и т. д. и т, д. и т; д. Нижеприведенный поразительно характерный документ останется, чтобы удивлять будущие поколения своим духом наивной демонолатрии и некраснеющей искренности. Мы переводим отрывок дословно и, способствуя таким образом его

распространению, надеемся заслужить благословение матери-церкви [100, с. V (*Предисловие*)]:

> «МОСЬЕ И ПРЕВОСХОДНЫЙ ДРУГ:
>
> Величайшая победа Сатаны была одержана в тот день, когда ему удалось убедить людей, что он не существует.
>
> Наглядно доказать существование Сатаны значит восстановить *одну из основных догм церкви,* которая служит основою христианства и без которой Сатана был бы пустым звуком...
>
> Магия, месмеризм, магнетизм, сомнамбулизм, спиритуализм, спиритизм, гипнотизм... это только другие названия САТАНИЗМА.
>
> Вывести такую истину и показать ее в надлежащем свете, значит сорвать маску с врага; это значит раскрыть огромную опасность некоторых занятий, *считающихся невинными;* это значит иметь большую заслугу в глазах человечества и перед религией.
>
> *Отец Вентура де Раулика».*
>
> *Аминь!*

Это действительно, неожиданная честь для наших американских «водителей» в целом, и невинных «индейских вождей» в особенности. Быть представленными Риму в качестве принцев Империи Иблиса – это больше, чем они когда-либо могли надеяться в других странах.

Ничуть не подозревая, что она работает для будущей пользы своих врагов, спиритуалистов и спиритистов, церковь, уже в течение двадцати лет, утверждает де Мюссе и де Мирвиля в качестве жизнеописателей Дьявола, и давая свое одобрение на это, молчаливо признает свое литературное соавторство.

Шевалье Гугенот де Мюссе и его друг и соратник маркиз Юде де Мирвиль, судя по их длинным титулам, должны быть аристократами *pur sung,* и, кроме того, они писатели с немалой эрудицией и талантом. Если бы они чуть больше поскупились по части двоеточий и восклицаний, следующих за каждой бранью в адрес Сатаны и его поклонников, их стиль был бы безупречен. В самом деле, крестовый поход против врага человеческого был яростный и длился более двадцати лет.

Что касается католиков, накапливающих свои психологические феномены, чтобы доказать существование личного дьявола, и графа де Гаспарина, старого министра Луи Филипа, собиравшего тома других фактов, чтобы доказать противное, – то спиритисты Франции находятся в вечном долгу благодарности перед этими диспутантами. Существование невидимой духовной вселенной, населенной невидимыми существами, продемонстрировано теперь бесспорно. Роясь в старейших библиотеках, они извлекли из исторических записей квинтэссенцию доказательств. Все эпохи, начиная со времен Гомера и вплоть до нынешних дней, предоставили в распоряжение этих неутомимых авторов самые лучшие свои материалы. В попытке доказать подлинность чудес, совершенных Сатаною в дни, предшествующие христианской эре, а также в течение средних веков, – они просто заложили крепкий фундамент для изучения феноменов в наши дни.

Хотя де Мюссе горячий, бескомпромиссный энтузиаст, он, сам того не замечая, невольно превращается в демона-искусителя или – как он любит называть Дьявола – в Змия «Книги Бытия». В своем желании продемонстрировать в каждой манифестации присутствие Злого Духа ему только удается показать, что спиритуализм и магия не являются чем-то новым в мире, но что это очень древние братья-близнецы, происхождение которых следует искать в самом раннем детстве древней Индии, Халдеи, Вавилонии, Египта, Персии и Греции.

Он доказывает существование «духов» независимо от того, ангелы ли они или дьяволы, с такой ясностью аргументации и логики, и с таким количеством свидетельств, исторических, неопровержимых и строго удостоверенных, что мало что осталось на долю авторов-спиритуалистов, которые могут появиться после него. Как жаль, что ученые,

которые не верят ни в дьявола, ни в духов, более чем склонны высмеивать книги де Мюссе, не читавши их, ибо в них поистине содержится так много фактов, представляющих глубокий научный интерес!

Но что же мы можем ожидать в нашем веке неверия, когда мы обнаруживаем, что Платон двадцать два века тому назад жаловался на то же самое?

> «Также и меня», – говорит он в своем «Евтифроне», – «когда я на общественном собрании говорю что-нибудь о божественном и *предсказываю им,* что произойдет, они высмеивают, как сумасшедшего; и *хотя ничто из того, что я предсказывал, не оказалось неправильным,* все же они завидуют всем таким людям, как мы. Однако мы не должны обращать на это внимания и следовать по нашему намеченному пути».

Литературные источники Ватикана и других католических хранилищ учености, должно быть, свободно предоставлялись для использования этим современным авторам. Когда под рукою такие сокровища – подлинные рукописи, папирусы и книги, награбленные из богатейших языческих библиотек; старинные трактаты по алхимии и магии; протоколы всех процессов колдовства и приговоры за это на дыбу, костер и пытки, – очень легко тогда написать многие тома обвинений против Дьявола. Мы утверждаем, имея солидные основания, что существуют сотни наиболее ценных трудов по оккультным наукам, приговоренных к вечному скрыванию от публики, но которые внимательно читаются и изучаются теми привилегированными, кто имеют доступ в Ватиканскую библиотеку. Законы природы одинаковы как для языческого колдуна, так и для католического святого; и «чудо» может быть совершено как первым, так и вторым без малейшего вмешательства Бога и дьявола.

Едва только манифестации начали привлекать внимание в Европе, как духовенство подняло крик, что их традиционный враг снова появился под другим именем; также стали доносится слухи о «божественных чудесах» в отдельных случаях. Сперва они ограничивались скромными личностями; некоторые из них заявляли, что совершали их посредством вмешательства Девы Марии, святых и ангелов; другие же – по словам духовенства – начали страдать от *одержания,* ибо Дьявол тоже должен получить свою долю славы, так же как и Бог. Когда, несмотря на предупреждение, *независимые* или так называемые спиритуальные феномены продолжали увеличиваться и умножаться, и эти проявления стали угрожать опрокидыванием тщательно разработанных догматов церкви, мир вдруг был поражен сообщениями чрезвычайного характера. В 1864 году целая община стала одержимой Дьяволом. Морзин и ужасные повествования о демониаках; Вэлейрес и рассказы о достоверно проявленном колдовстве в ней; а также рассказы пресвитера де Сидвилля – от их ужаса стыла кровь в католических жилах.

Как ни странно, но этот вопрос задавался снова и снова – почему «божественные» чудеса и большинство одержаний так строго ограничиваются римско-католическими епархиями и странами? Почему это так, что со времени Реформации в протестантских странах вряд ли было хоть одно божественное «чудо»? Разумеется, что от католиков нам следует ожидать ответа, что это потому, что последние населены *еретиками* и покинуты Богом. Если так, то почему нет больше церковных чудес в России, в стране, религия которой отличается от римско-католической веры только внешними формами обрядов, так как основные догматы их одинаковы, за исключением касающегося эманации Святого Духа? Россия имеет своих признанных святых, тауматургические реликвии и чудотворные иконы. Святой Митрофаний Воронежский является достоверным чудотворцем, но его чудеса ограничиваются исцелениями; и хотя сотни и сотни людей были исцелены *силою веры,* и хотя старый собор полон магнетическими излучениями, и целые поколения будут продолжать *верить* в его силу, и несколько человек всегда будут исцелены, – все же в России не слышали о таких чудесах, как хождение Богоматери, писание Богоматерью писем и слова, произносимые статуями – как в католических странах. Почему это так? Просто потому, что императоры строго запретили такого рода дела. Царь Петр Великий

останавливал каждое поддельное «божье» чудо одним только нахмуриванием своего мощного лба. Он заявил, что не потерпит никаких *фальшивых* чудес, творимых святыми иконами, и они исчезли навсегда [414, с.407].

Имеются записи об отдельных и независимых феноменах, проявленных определенными иконами в последнем столетии; самым последним было кровотечение щеки на иконе святой Девы, когда солдат Наполеона рассек ее лицо надвое. Это чудо, якобы происшедшее в 1812 году, в дни вторжения «великой армии», было последним «прощай».[14] Но с тех пор, хотя три последовательно царствовавших императора были набожными людьми, воля их уважалась, иконы и святые пребывали в покое, и о них едва кто заговаривал, за исключением того, что имело отношение к религиозному культу. В Польше, стране яростных сторонников папского абсолютизма, в разное время совершались отчаянные попытки к созданию чудес. Но они умирали при рождении, так как за ними наблюдала тысячеокая полиция,– католическое чудо в Польше, провозглашаемое ксендзами, означало политическую революцию, кровопролитие и войну.

Не будет ли после этого позволительно, по меньшей мере, подозревать, что если в одной стране божественные чудеса могут быть приостановлены гражданскими военным законом, а в другой они *никогда не происходят,* то мы должны искать объяснения этим двум фактам в некоторых естественных причинах, вместо того, чтобы приписывать их богу или дьяволу? По нашему мнению – если оно чего-нибудь стоит – весь этот секрет можно объяснить следующим образом. В России духовенство остерегается смущать своих прихожан, чья набожность искренна и вера сильна без чудес; они знают, что ничто так не способствует посеиванию недоверия, сомнений и, в конечном счете – скептицизма, ведущего прямо к атеизму, как чудеса. Кроме того, климат менее благоприятный, и магнетизм населения, в среднем, слишком положительный, *слишком здоровый,* чтобы вызвать *независимые* феномены; и обман не имел бы успех. С другой стороны, ни в протестантской Германии, ни в Англии, ни даже в Америке, духовенство, начиная со дней Реформации, не имело доступа ни к одной из засекреченных библиотек Ватикана. Вследствие этого все они слабы в магии Альберта Магнуса.

Что касается того, что Америка переполнена сенситивами и медиумами, то причину этого можно частично приписать климатическим влияниям и в особенности физиологическому состоянию населения. Со времени Салемского ведьмовства, около 200 лет тому назад, когда сравнительно небольшое количество переселенцев имело чистую и несмешанную кровь в своих жилах, почти ничего не было слышное «духах» или «медиумах» до 1840 г.[15] Затем феномены сперва появились среди аскетических и

---

[14] В Тамбовской губернии, в семье богатого помещика произошел любопытный случай в течение Венгерского похода в 1848 г. Его единственный и весьма любимый племянник, которого он, не имея собственных детей, усыновил. – служил в русской армии. Пожилые супруги имели его портрет, постоянно стоявший на обеденном столе перед обычным местом сиденья молодого человека. Однажды вечером, когда семья с некоторыми друзьями сидела за этим столом, попивая чай, стекло, покрывавшее портрет, безо всякого прикосновения от кого-либо с громким взрывом разлетелось на мельчайшие кусочки. Когда тетка молодого солдата схватила портрет в руки, она увидела, что лоб и голова на портрете запачканы кровью. Чтобы успокоить тетю, гости стали ее уверять, что эта кровь из ее пальцев, порезанных разбитым стеклом. Но как они ни рассматривали ее пальцы, все же не могли обнаружить следа пореза, и никто не прикасался к портрету, кроме ее самой. Обеспокоенный ее волнением, ее муж, притворившись, что очень тщательно изучает портрет, нарочно порезал палец и затем пытался убедить ее, что это была его кровь и что в первый момент волнения он прикоснулся к раме и этого никто не заметил. Но все было напрасно – старая барыня определенно чувствовала, что Димитрий убит. Она заказала ежедневные заупокойные моления в деревенской церкви и нарядила всех домашних в траур. Несколько недель спустя поступило официальное извещение от командира полка, что их племянник был убит осколком снаряда, снесшего у него верхнюю часть головы.

[15] Казни за колдовство имели место не намного более, чем одно столетие тому назад, в других Американских провинциях. Известно, что в Нью-Джерси негров сжигали на костре – наказание,

экзальтированных трясунов, чьи религиозные устремления, своеобразный образ жизни, нравственная чистота и физическая воздержанность – все вели к возникновению независимых феноменов как психологического, так и физического характера. Сотни тысяч и даже миллионы людей из различных климатов, с различным строением и привычками, наводнили, начиная с 1692 года. Северную Америку и, переженившись между собою, основательно изменили физический тип ее обитателей. В какой стране мира можно женский природный склад сравнить с нежной, нервной и чувствительной конституцией женской половины населения Соединенных Штатов? После нашего приезда в эту страну мы были поражены полупрозрачною нежностью кожи местных жителей обоих полов. Сравните тяжело работающую на фабрике ирландскую девушку или парня с такими же из настоящей американской семьи. Посмотрите на их руки. И тот и другой работают одинаково тяжело; оба одинакового возраста и по-видимому здоровы; и все же, тогда как руки одного после часовой обработки мылом будут обладать кожей только немногим мягче кожи молодого крокодила, руки другого, несмотря на постоянную работу, позволят вам наблюдать циркуляцию крови под тонкой и нежной эпидермой. Поэтому неудивительно, что Америка является оранжереей сенситивов, а большинство ее духовенства, не будучи в состоянии совершить ни божественных, ни каких-либо других чудес, решительно отвергает возможность каких-либо феноменов, кроме производимых трюками и обманом. И также не удивительно, что католическое духовенство, которое фактически знает о существовании магии и духовных феноменов и верит в них, в то же время, опасаясь их последствий, пытается приписать их всех деяниям Дьявола.

Разрешите привести еще один аргумент, хотя бы в качестве косвенного доказательства. В каких странах «божьи чудеса» наиболее процветали, были наиболее часты и наиболее изумительны? Бесспорно, в католической Испании и в папской Италии. И кто же имел больше доступа к древней литературе, как не эти две? Испания славилась своими библиотеками; мавры были знамениты своими глубокими познаниями по алхимии и другим наукам. Ватикан – это склад огромного количества древних рукописей. В течение долгого промежутка почти в 1500 лет они накапливали от одного судилища к другому книги и рукописи, конфискованные у своих осужденных жертв в свою пользу. Католики могут заявить, что такие книги, как правило, предавались пламени, что трактаты знаменитых колдунов и чарователей погибали вместе со своими проклятыми авторами. Но Ватикан, если бы мог говорить, мог бы рассказать совсем другое. Он прекрасно знает о существовании определенных кабинетов и комнат, доступ куда имеют лишь очень немногие. Он знает, что входы в эти тайные укрытия так искусно спрятаны от взоров под резными обрамлениями и обильными украшениями библиотечных стен, что были даже папы, которые жили и умирали в пределах дворца, не подозревая о их существовании. Но этими папами не были ни Сильвестр II, ни Бенедикт IX, ни Иоанн XX, ни VI и VII Григории; также не токсилогически знаменитый Борджиа. Также не принадлежали к незнающим о сокрытом знании друзья сынов Лойолы.

Где, по записям о европейской магии, мы можем найти более искусных заклинателей, нежели в таинственных уединениях монастыря? Альберт Магнус, знаменитый епископ и чудодей из Ратисбона, был непревзойденным в своем искусстве. Роджер Бэкон был монах, и Фома Аквинский был одним из наиболее ученых учеников Альберта. Тритемий, аббат Спангеймских бенедиктинцев, был учителем, другом и доверенным лицом Корнелия Агриппы; и в то время когда союзы теософов были рассеяны по всей Германии, где они сперва зародились, помогая один другому и годами борясь за приобретение эзотерических знаний, любой человек, который знал, как стать любимым

осужденное в нескольких штатах. Даже в Южной Каролине в 1865 году, когда правительство штата было «реорганизовано» после гражданской войны, постановления о применении смертной казни за колдовство еще не были упразднены. Еще не прошло и ста лет, как они до убивающей буквы их текста приводились в исполнение.

учеником неких монахов, мог в скором времени набраться знаний по всем важным отраслям оккультного учения.

Все это запечатлено в истории и не может быть с легкостью отрицаемо. Магия, во всех своих аспектах, широко и почти открыто применялась духовенством вплоть до Реформации. И даже тот, кого когда-то называли «Отцом Реформации», знаменитый Джон Рейхлин[16], автор «Mirific Word» и друг Пико ди Мирандолы, учителя и наставника Эразма, Лютера и Меланктона – был каббалистом и оккультистом.

Древнее *Sortilegium* или гадание посредством *Sortes,* или жребиев, искусство и занятие, ныне объявленное духовенством мерзостью, рассматриваемое *Slat. 10 Jac.* как уголовное преступление[17], и изъятое *Stat. 12 Carolus II* из категории обычно прощаемых, на том основании, что оно является *колдовством,* – широко применялось духовенством и монахами. Более того, оно было санкционировано Самим Св. Августином, который «не отнесся неодобрительно к этому способу узнавания будущего, если только он не используется для мирских целей». Более того, он признается, что сам пользовался им.[18]

Да, но духовенство называло это гадание *Sortes Sanctorum,* когда само им пользовалось, тогда как *Sortes Praenestinae с* последующим за ним *Sortes Homericae* и *Sortes Virgilianae* становились отвратительным *язычеством,* служением Дьяволу, как только им пользовался кто-либо другой.

Григорий де Тур доводит до нашего сведения, что когда духовенство прибегало к *Sortes,* то они обычно клали Библию на алтарь и молились Господу, чтобы Тот явил свою волю и раскрыл им будущее через один из стихов этой книги. Жильбер де Ноген пишет, что в его время (около двенадцатого века) был обычай при посвящении епископов прибегать к *Sortes Sanctorum,* чтобы таким образом узнать успешность и судьбу епископата. С другой стороны, нам говорят, что *Sortes Sanctorum* было осуждено Собором в Агде в 506 г. В этом случае нам опять остается только спросить, в котором же случае непогрешимость церкви провалилась? Было ли это тогда, когда она запретила то, чем занимался ее величайший святой и покровитель, Августин, или же в двенадцатом веке, когда это открыто и с благословением той же самой церкви применялось духовенством в целях епископских выборов? Или же мы все еще должны верить, что в обоих этих противоречивых случаях Ватикан получил непосредственное вдохновение от «духа Божия»?

Если существует какое-либо сомнение, что Григорий Турский одобрил занятие, которое более или менее распространено и по сие время, даже среди строгих протестантов, – то прочтите следующее:

> «Так как Ландаст, граф Тура, чтобы разорить меня, направился в Тур с королевой Фредегондой, полный злых замыслов против меня, то я удалился в свою молельню в глубокой озабоченности, где взял «Псалтырь»... Сердце мое возрадовалось во мне, когда мой взор упал на это в семьдесят седьмом псалме: «Он велел им с уверенностью продолжать путь, в то время как море поглотило их врагов». Соответственно, графом ничего не было сказано в ущерб мне: и в тот же день, уезжая из Тура, его судно было потоплено бурей, и он спасся только тем, что был хорошим пловцом».

Святейший епископ здесь просто признается, что немножко занялся колдовством. *Каждый месмеризатор знает, какую власть имеет сила воли, направленная в момент сильного желания на какую-либо особую цель.* Или вследствие «совпадения» или иначе, попавшийся стих шепнул его уму о мести утоплением. Проводя остаток дня в «глубокой

---

[16] См. титульный лист английского перевода Майерхофа книги «Reuchlin und Seine Zeit», Берлин, 1830. – F. Barham. «The Life and Times of John Rouchlin, or Capnion, the Father of the German Reformation». Лондон, 1843.

[17] Lord Coke, 3 «Institutes», fol. 44.

[18] См. «Жизнь Св. Григория Турского» [**416**].

озабоченности», обуянный этой всепоглощающей мыслью, этот святой – быть может бессознательно – применяет свою волю для этой цели; и таким образом, в то время как он усматривает в несчастном случае руку Божию, он просто становится колдуном, применяющим свою магнетическую волю на лицо, которого опасается, и граф едва спасает свою жизнь. Если бы несчастный случай был предопределен Богом, то виновник утонул бы, так как. простое купание не могло бы изменить его злобных решений против Св. Григория, если эти решения были достаточно сильны.

Далее мы находим анафемы, мечущие громы против этой лотереи судьбы, на Варесском Соборе, который запрещает «всем духовным лицам под угрозою отлучения от церкви совершать такого рода гадания или заглядывать в будущее путем заглядывания в какую-либо книгу или писание». То же самое запрещение произносится на соборах Агды в 506 г., Орлеана в 511 г., Ауксерре в 595 г., и, наконец, Аэнхама в 1110 г.; последний осуждает «колдунов, ведьм, гадалок, таких, кто причиняют смерть магическими деяниями и кто занимается предсказанием будущего посредством жеребьевки на Святом Писании»; и жалоба объединившегося духовенства на де Гарлана, своего епископа Орлеанского, направленная папе Александру III, заканчивается в таком стиле:

> «Да наберут силу ваши апостольские руки, чтобы *обнажить* беззаконие этого человека, чтоб могло разразиться над ним проклятие, предсказанное в день его посвящения; ибо, когда *Евангелие* было раскрыто на алтаре *согласно обычаю,* то первые слова были: *и юноша, оставив свое белье, убежал от них нагим»*[19].

Для чего же тогда поджаривать мирских магов и гадателей по книгам и канонизировать служителей церкви? Просто потому, что средневековые, а также современные феномены, проявляющиеся через мирян, совершены ли они путем оккультных познаний или возникли самостоятельно, подрывают претензии на божественные чудеса как католической, так и протестантской церкви. Перед лицом повторных и достоверных свидетельств для первой стало невозможным поддерживать с успехом свое утверждение, что якобы чудесные манифестации, совершаемые непосредственным вмешательством добрых ангелов и Бога, могут быть произведены исключительно ее избранными служителями и святыми. Также протестантская церковь не могла бы больше утверждать, что чудеса кончились вместе с веком апостолов. Ибо, той же самой природы или нет,– современные чудеса предъявляли претензии на близкое сходство с библейскими чудесами. Магнетизеры и целители нашего века вступили в явное и открытое состязание с апостолами. Зуав Жакоб из Франции превзошел пророка Илию по части оживления лиц, казавшихся умершими; а Алексис, сомнамбул, упоминаемый мистером Уоллесом в своем труде [161], своим ясновидением посрамил апостолов, пророков и сивилл старины. Со времени сжигания последней ведьмы, Великая Французская Революция, столь тщательно подготовленная лигой тайных обществ и их умных эмиссаров, подула над Европой и пробудила ужас в лоне духовенства. Она, как разрушительный ураган, смела в ходе своем лучших союзников церкви – римско-католическую аристократию. Был заложен прочный фундамент права на личное мнение. Мир освободился от тирании духовенства, расчистив беспрепятственный путь Наполеону Великому, который нанес смертельный удар Инквизиции. Эта великая бойня христианской церкви – где она убивала, во имя Агнца, всех овец, самовольно объявленных паршивыми – лежала в руинах, и она очутилась предоставленной самой себе и своим средствам.

До тех пор, пока феномены возникали только случайно, она всегда чувствовала себя достаточно могущественной, чтобы подавить последствия. Суеверие и вера в Дьявола были так же сильны, как всегда, и наука еще не осмеливалась публично помериться

---

[19] Переведено с подлинного документа из архивов Орлеана, Франция; см. также «Sortes and Sortilogium»: «Life of Peter de Blois».

силами с религией, базирующейся на сверхъестественном. А враг тем временем медленно, но верно набирал силу. И вдруг она прорвалась с неожиданным неистовством. «Чудеса» стали проявляться при полном дневном свете и перешли из мистического отшельничества в область закона природы, где нечестивые руки науки были готовы сорвать с них маску священства. Все же на какое-то время церковь удержала свои позиции и с мощной помощью суеверного страха преградила продвижение вторгающейся силы. Но когда подряд стали появляться месмеристы и сомнамбулы, воспроизводящие физические и ментальные феномены экстаза, которые до этого считались особым даром святых; когда страсть столоверчения во Франции и в других местах достигла своего кульминационного пункта ярости; когда психография – считавшаяся духовной – из простого любопытства развилась и превратилась в предмет неослабного интереса и, в конечном счете, влилась в религиозный мистицизм; когда эхо, вызванное первыми стуками Рочестера, пересекая океаны, стало отдаваться почти во всех уголках мира, – тогда, и только тогда Латинская церковь полностью очнулась и почувствовала опасность. Сообщалось, что одно чудо за другим совершалось в кружках спиритуалистов и в лекционных залах месмеристов; больные исцелялись, слепые прозревали, хромые начинали ходить, глухие – слышать. Дж. Р. Ньютон в Америке и Дю Потэ во Франции исцеляли множества без малейших претензий на божественное вмешательство. Великое открытие Месмера, которое открывает серьезному исследователю механизм природы, покоряло, как бы магической силой, органические и неорганические тела.

Но это еще не было самое худшее. Более ужасная беда для церкви произошла вследствие вызывания из верхнего и нижнего миров множеств «духов», личное поведение и беседы которых разоблачали, как ложные наиболее хранимые и выгодные для церкви догмы. Эти «Духи» утверждали, что они являются подлинными развоплощенными сущностями отцов, матерей, сыновей и дочерей, друзей и знакомых лиц, наблюдающих эти вещие феномены. Казалось, что Дьявол не имеет объективного существования, и это нанесло удар по самому основанию, на котором покоился трон Св. Петра.*

[**Прим.* В Риме было два трона упомянутого апостола. Духовенство, испугавшись непрерывных доказательств, добываемых научными исследованиями. наконец решило выступить против врага, и мы видим, как в «Chroniquc des Arts» дается самое умное и в то же время *иезуитское* объяснение этого факта. По их словам, *«увеличение* количества верующих заставило Петра решить сделать Рим центром своей деятельности. Кладбище Остраниума было слишком далеко и *недостаточно для собрании христиан.* Мотив, который побудил Апостола возложить на Лина и Клета последовательно сан епископа, чтобы сделать их способными разделить заботы о церкви, которая должна была распространиться безгранично, естественно приводил к умножению мест собраний. Поэтому отдельная резиденция Петра была установлена в Виминале, и там был установлен этот таинственный Трон, символ власти и истины. Высочайший трон, пользующийся почитанием в Острианских катакомбах, однако, не был перенесен. Петр все еще посещал эту колыбель Римской церкви, и, несомненно, часто исполнял там свои священные функции. *Второй* Трон, выражающий ту же тайну, что и первый, был установлен в Корнелии, и именно этот через века дошел до нас».

Поскольку маловероятна возможность того. что когда-либо было два подлинных трона такого рода, большинство критиков доказывают, что Петр вообще никогда не был в Риме; доводы многочисленны и бесспорны. Может быть, лучше всего начать с указания па труды Юстина Мученика. Этот великий поборник христианства, писавший в первой половине второго века *в Риме,* где он жил, стремившийся овладеть малейшими доказательствами в пользу той истины, за которую он пострадал, кажется *ничего не знает о существовании Св. Петра!!*

Также ни один другой сколько-нибудь значительный писатель не упоминает его в связи с Римской церковью ранее дней Иринея, когда последний взялся сам за изобретение новой религии, которую извлек из глубин собственного воображения. Мы отсылаем читателя, пожелавшего узнать больше, к талантливому труду м-ра Джорджа Рибера под заглавием «The Christ of Paul». Доводы этого автора убедительны. Вышеупомянутая статья из *«Chronique des Arts»* говорит об *увеличении* количества верующих до такой степени, что Остраниум уже не вмещал число христиан. Теперь, если Петр вообще был в Риме, – говорится в доводе Риберы, –

то это должно было быть между 64 и 69 гг. н. э., ибо в 64 г. он был в Вавилоне, откуда он писал послания и письма в Рим, и в какое-то время между 64 и 68 гг. (при царствовании Нерона) умер, то ли как мученик, то ли в собственной постели, ибо Ириней приписывает ему передачу Римской церкви вместе с Павлом (?!) (которого он преследовал и с которым ссорился всю жизнь) в руки Лина. который стал епископом с 69 г. (см. [**417**. с. 122]). Мы рассмотрим все это более подробно в главе III.

А теперь мы зададим вопрос во имя здравого рассудка, как могли *верующие* церкви Петра *увеличиваться* в количестве с такою скоростью, когда Нерон вылавливал их и убивал, как мышей, в течение своего царствования? История говорит, что малочисленные христиане разбегались из Рима кто куда мог, чтобы спастись от преследований императора, а *«Chronique des Arts»* заставляет их количество увеличиваться и умножаться. «Христос», говорится дальше в статье, «захотел, чтобы этот видимый знак доктриналыюго полномочия его заместителя также получил свою долю бессмертия; его можно проследить из века в век по документам Римской церкви». Тертуллиан формально свидетельствует о его существовании в своей книге «De Praescriptionibus». Будучи очень заинтересованными узнать все, касающееся такого интересного предмета, мы очень хотим, чтобы нам показали, когда *Христос* ЗАХОТЕЛ что-либо подобное? Однако: «Передняя часть и спинка трона были украшены слоновой костью, но только в тех частях, в которые было вставлено дерево акации. Те, которые покрывают панель спереди, разделены на три накладывающиеся друг на друга ряда, причем каждый содержит шесть пластинок слоновой кости, на которых выгравированы различные изображения, в том числе «Труды Геркулеса». Некоторые из этих пластинок были неправильно расположены и казалось, что они были прикреплены к трону в то время, когда остатки старины применялись в качестве украшений, не задумываясь, насколько они подходящи». Вот в этом суть. Статья была написана просто как ловкий ответ на несколько фактов, опубликованных в течение нынешнего столетия. Бауер в своей «Истории папства» [**353**, т. II, с. 7] повествует, что в 1662 году во время чистки одного из тронов, к несчастью, обнаружились выгравированные «Двенадцать трудов Геркулеса», после чего этот трон был удален и заменен другим. Но в 1795 г., когда войска Бонапарта заняли Рим, трон был снова подвергнут осмотру. На этот раз на нем обнаружили формулу магометанского вероисповедания арабскими буквами: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет апостол Его». (См. приложение к H. M. Westropp и C. Staniland Wake «Ancient Symbol-Worship».) В этом приложении проф. Александр Уайлдер весьма справедливо говорит следующее: «Мы полагаем, что апостол обрезания – как Павел, его великий соперник, величает его, – никогда не был в имперском городе, также не имел там преемника, даже в гетто. «Трон Св. Петра», поэтому, является скорее *священным,* чем апостолическим. Его святость, однако, произошла от эзотерической религии предшествовавших времен Рима. Вероятно, иерофант мистерий занимал этот трон в дни посвящений, когда показывал кандидатам петрову (каменную скрижаль, содержащую последнее откровение, передаваемое иерофантом неофиту при посвящении)».]

Ни один дух, за исключением издевающихся манекенов Планшета, не признавался даже в отдаленнейшем родстве с его Сатанинским величеством и не отводил ему под управление ни вершка территории. Духовенство чувствовало, что его престиж падает с каждым днем, так как оно видело, как люди нетерпеливо стряхивали с себя при ярком дневном свете истины темные завесы, которые столько веков закрывали им глаза. Затем, наконец, удача, которая до того была на их стороне в течение долгой войны между богословием и наукой, переметнулась к противнику. Помощь последней в изучении оккультной стороны природы была в самом деле драгоценна и своевременна, и наука невольно расширила когда-то узкую тропу феноменов в широкую дорогу. Если бы этот конфликт не дошел до кульминации в мгновение ока, – мы могли бы увидеть воспроизведенные в миниатюре позорные сцены эпизодов Салемского ведьмовства и монахинь Лоудуна. Но вышло, что духовенство заставили замолчать.

Но если наука неумышленно способствовала прогрессу оккультных феноменов, то последние аналогично помогли самой науке. До того дня как вновь воплотившаяся философия смело потребовала себе место в мире, было мало ученых, которые брались за трудную задачу исследований сравнительного богословия. Эта наука занимает область, в

которую до сих пор проникло только несколько исследователей. Сопряженная с этим необходимость хорошо знать мертвые языки неизбежно сокращала число исследователей. Кроме того, в ней имелось меньше общей нужды до тех пор, пока люди не могли заменить христианскую ортодоксальность чем-то более ощутимым. Одним из наиболее неотрицаемых фактов психологии является то, что средний человек может столь же мало существовать без религиозного элемента, как рыба без воды. Голос истины, «голос, который сильнее мощнейшего грома», говорит внутреннему человеку в девятнадцатом веке христианской эры, как он говорил в соответственном веке до Р. Х. Бесполезна и невыгодна задача предлагать человечеству выбор между будущей жизнью и уничтожением. Единственный шанс, остающийся для тех друзей человеческого прогресса, которые стремятся установить для блага человечества веру, впредь совершенно освобожденную от суеверия и догматических пут, – заключается в том, чтобы обратиться к нему со словами Иисуса Навина: «Изберите сегодня ныне, кому служить, богам ли, которым служили ваши отцы, бывшие за рекою, или же богам Аморреев, в земле которых живете» [*Иисуса Навин,* XXIV, 15].

> «Наука о религии»,– писал Макс Мюллер в 1860 г., – «только что зарождается... В течение последних пятидесяти лет подлинные документы, касающиеся наиболее значительных религий мира, *попадали в руки человечества весьма неожиданным и почти чудесным образом*[20]. Перед нами теперь раскрыты канонические книги буддизма; «Зенд-Авеста» Зороастра больше не является запечатанной книгой; и гимны *«Ригведы»* раскрыли состояние религий, предшествовавших первым истокам той мифологии, которая у Гомера и Гесиода предстает перед нами, как заплесневшие развалины».[21]

В своем ненасытном желании расширить царство слепой веры, архитекторы христианского богословия были вынуждены скрывать как только можно истинные источники религий. Говорят, что с этой целью они сжигали или уничтожали другим путем все первоначальные рукописи по *«Каббале»,* магии и оккультным наукам, где только их руки могли до них добраться. Они по невежеству полагали, что наиболее опасные писания этого рода погибли вместе с последним гностиком; но когда-нибудь они смогут обнаружить, что ошиблись. Другие подлинные и столь же значительные документы, вероятно, снова появятся «весьма неожиданным и почти чудесным образом».

Странные предания живут в различных частях Востока – например, на Афонской горе и в пустыне Нитрии – среди неких монахов, и у ученых раввинов в Палестине,

---

[20] Одним из наиболее удивительных фактов, попавших в наше поле зрения, является то, что люди, занимающиеся глубокими исследованиями, не догадались связать частые случаи этих «неожиданных и почти чудесных» открытий важных документов в наиболее своевременный момент, с заранее выработанным планом. Разве это так уж странно, что хранители «языческого» учения, увидев, что надлежащее время настало, устраивают так, чтобы нужный документ, книга или реликвия попали, как бы случайно, к нужному человеку? Геологи и исследователи, даже такие компетентные как Гумбольт и Чуди не открыли сокрытых копей, откуда перуанские инки добывали свои сокровища, хотя последний признает, что нынешние выродившиеся индейцы знают этот секрет. В 1839 г. археолог Иеринг предлагал шейху арабского поселка два кошелька с золотом, если только он поможет ему открыть вход в потаенный проход, ведущий в комнаты захоронения Северной пирамиды Дошура. И хотя люди его были без работы и полуголодные, шейх гордо отказался «продать тайну мертвых», обещая показать ее бесплатно, когда *время настанет для этого.* Разве тогда невозможно, что в каких-то других областях земли хранятся остатки той славной литературы прошлого, которая была плодом его величественной цивилизации? Что у тут такого удивительного в такой идее? Кто знает, – так как христианская церковь, не сознавая того, породила свободную мысль в качестве реакции против ее собственной жестокости, жадности и догматизма, то публичное мнение может с радостью последовать за ориенталистами прочь от Иерусалима по направлению к Эллоре; и тогда откроется гораздо больше из того, что теперь сокрыто.

[21] [**47**. т. 1, с. 373] – «Семитический монотеизм».

которые проводят свои жизни, комментируя *«Талмуд»*. Они говорят, что не все свитки и рукописи, объявленные историей сожженными Цезарем, христианской чернью в 389 г. и арабским генералом Амру, были уничтожены, как обычно полагают; и об этом они рассказывают следующее:

Во время борьбы за трон в 51 году до Р. Х. между Клеопатрой и ее братом Дионисием Птолемеем, Брукион, в котором хранилось более семисот тысяч свитков, переплетенных в дерево и в *огненепроницааемый* пергамент, подвергался восстановлению, и значительная часть подлинных рукописей, считавшихся наиболее ценными и с которых не были сняты копии, – была сложена в доме одного из библиотекарей. Так как пожар, пожравший остальное, был результатом случайности, то всякие предохранительные меры отсутствовали. Но они добавляют, что прошло несколько часов с того момента, когда огонь с горящего флота, подожженного по приказу Цезаря, перекинулся на здания гавани в городе, и что все библиотекари с помощью нескольких сот рабов, прикрепленных к музею, успели спасти наиболее драгоценные из этих свитков. Настолько совершенным и плотным было вещество пергамента, что в то время, как в одних свитках внутренние страницы и деревянные переплеты превратились в пепел, в других переплет пергамента даже не покоробился от огня. Эти подробности все были описаны на греческом, латинском и халдео-сирийском диалектах ученым-юношей по имени Феодас, одним из писцов, служивших в музее. Утверждают, что одна из этих рукописей доныне хранится в греческом монастыре, и человек, рассказавший нам об этом, видел ее сам. Он сказал, что многие еще увидят ее и узнают, где искать важные документы, когда исполнится одно пророчество, и добавил, что большинство этих трудов могут быть найдены в Татарии и Индии.[22] Монах показал нам копию с оригинала, которую, разумеется, мы могли читать лишь с большим трудом, так как мы можем претендовать лишь на малую эрудицию по мертвым языкам. Но мы были так поражены живым и выразительным переводом святого отца, что полностью запомнили несколько любопытных отрывков, которые гласили, поскольку мы помним, следующее:

> «Когда Королева Солнца (Клеопатра) вернулась обратно в полуразрушенный город после того, как пламя пожрало Славу Мира, когда она увидела горы книг – или свитков – покрывавших полусожженные ступени estrada, и поняла, что внутреннее содержание погибло, а остались лишь неуничтожимые переплеты, она плакала в ярости и бешенстве, и проклинала низость своих отцов, которые пожалели затрат на настоящие Пергамос для нутра так же, как для внешности этих драгоценных свитков».

Далее наш автор, Феодас, даже подшучивает над королевой за то, что та поверила, что почти вся библиотека сгорела; тогда как на самом деле сотни и тысячи самых избранных книг были в целости сложены в его собственном доме и в домах других писцов, библиотекарей, учеников и философов.

Не более верят в полное уничтожение более поздних библиотек весьма ученые копты, рассеянные по всему Востоку в Малой Азии, Египте и Палестине. Например, они говорят, что из библиотеки Аттала III из Пергама, преподнесенной Антонием Клеопатре, ни один том не был уничтожен. По их утверждениям, в то время, с момента, когда христиане начали приобретать власть в Александрии – около конца четвертого века – и

---

[22] Некоторое раздумье привело нас к мысли, что нам понятен смысл следующих предложений Моисея из Хоренэ: «Древние обитатели Азии», говорит он, «за пять веков до нашей эры, и в особенности индусы, персы и халдеи обладали большим количеством исторических и научных книг. Эти труды были частью заимствованы, частью переведены на греческий язык, главным образом с того времени, как Птолемеи учредили Александрийскую библиотеку и подбадривали писателей своими щедротами; таким образом, греческий язык стал складом всех наук». *(«История Армении».)* Поэтому, большая часть литературы, заключающейся в 700 000 томов Александрийской библиотеки, своим происхождением была обязана Индии и ее ближайшим соседям.

Анатолий, епископ Лаодикийский, начал оскорблять национальных богов, языческие философы и ученые теурги приняли эффективные меры, чтобы сохранить хранилища своего священного учения. Теофила, епископа, оставившего за собою репутацию наиболее нечестного корыстолюбивого злодея, некто Антонин, знаменитый теург и ученый по оккультным наукам в Александрии, обвинил в том, что тот подкупал рабов Серапиона, чтобы те воровали книги, которые он потом продавал иностранцам по высокой цене. История повествует нам, как Теофил одолел лучших философов в 389 г. после Р. Х. и как его наследник и племянник, не менее нечестивый Кирил, подло убил Ипатию. Свидас дает нам некоторые подробности об Антонине, которого он называет Антонием, и об его красноречивом друге Олимпии, защитнике Серапиона. Но история далека от того, чтобы быть полной в тех жалких остатках книг, которые, перейдя столько веков, достигли нашего ученого века; она не дает фактов, относящихся к первым пяти векам христианства, которые сохранились в многочисленных преданиях, циркулирующих по Востоку. Хотя они могут показаться недостоверными, все же в этой куче плевел, бесспорно, есть немало добрых зерен. Но эти предания не так часто передаются европейцам; в этом нет ничего странного, если мы примем во внимание, насколько наши путешественники склонны проявлять себя антагонистически к местным жителям своим скептическим отношением и иногда догматической нетерпимостью. Когда исключительные люди, как некоторые археологи, которые знают, как завоевать доверие и даже дружбу определенных арабов, удостаиваются чести получить драгоценные документы, то это объявляется просто «совпадением». И все же широко распространены предания о существовании неких подземных и бесконечных галерей по соседству с Ишмонией – «окаменевшим городом», в которых сложены бесчисленные рукописи и свитки. Ни за какие деньги арабы не станут подходить к нему. По ночам, говорят они, чрез щели покинутых руин, глубоко ушедших в сухой песок пустыни, пробиваются лучи света, переносимые в галереях туда и сюда нечеловеческими руками. По их верованию, африты изучают там литературу допотопных дней, и джины заучивают по магическим свиткам урок следующего дня.

«Британская Энциклопедия» в статье об Александрии говорит:

> «Когда храм Сераписа. был разрушен... ценная библиотека была *разграблена* или уничтожена; а *двадцать* лет спустя[23] пустые полки возбуждали сожаление... и т. д.».

Но она не сообщает о дальнейшей судьбе *разграбленных* книг.

Соревнуясь со свирепыми почитателями Марии четвертого века, современные церковные преследователи либерализма и «ереси» охотно заперли бы всех еретиков вместе с их книгами в какой-нибудь современный Серапион и сожгли бы их живьем.[24] Причина этой ненависти естественна. Новейшие исследования более чем когда-либо раскрыли этот секрет.

> «Не есть ли нынешнее поклонение святым и ангелам во всех отношениях то же самое, чем поклонение демонам было в прежние времена?» – сказал епископ Ньютон годы тому назад. – «Только название стало другим, сущность та же самая... те же самые храмы, те же самые изображения, которые когда-то посвящались Юпитеру и другим демонам, теперь посвящаются Деве Марии и другим святым... Язычество целиком переделано и применено к папству».

---

[23] Бонами говорит в «Le Bibliotheque d'Alexandrie», цитируя, как мы полагаем, пресвитера Орозия, очевидца, – *тридцать* лет спустя».

[24] Со времени написания вышесказанного, описанный тут дух прекрасно показал себя в Барселоне. Испания, где епископ Фрей Иоахим пригласил местных спиритуалистов быть свидетелями формального сожжения их книг. Отчет об этом мы находим в газете *«Откровение»,* издаваемой в Аликанте, в котором разумно добавлено, что это событие было «карикатурой на памятную эпоху Инквизиции».

Почему не быть беспристрастными и не добавить, что «значительная часть того же применена также в протестантских религиях?»

Само апостолическое имя *Peter* пришло из мистерий. Иерофант или верховный понтиф носил халдейский титул פתר, *peter,* или истолкователь. Имена *Phtah, Peth'r,* резиденция Валаама, Патара и Патрас, имена городов-оракулов, *pateres* или *pateras,* и, возможно, Буддха[25]– все произошли от одного и того же корня. Иисус говорит: «На этом *petra я* построю свою церковь, и врата, или правители Гадеса, не одолеют ее»; подразумевая *под petra* высеченный в скале храм, а метафорой – христианские мистерии, противниками которых были древние боги-мистерий подземного царства, которым поклонялись в обрядах Изиды, Адониса, Атиса, Сабазия, Диониса и Элевзинии. Никакого *апостола* Петра в Риме никогда не было; но папа, захватив скипетр *Pontifex Maximus,* ключи Януса и Кибелы, и украсив свою христианскую голову шапкой *Magna Mater,* скопированной с тиары Брахматмы, верховного понтифа посвященных древней Индии, – стал наследником языческого верховного жреца, действительного *Peter-Roma* или *Petroma*[26].

У римско-католической церкви два гораздо более могущественных врага, чем «еретики» и «неверные»; и этими врагами являются сравнительная мифология и филология. Когда такие выдающиеся теологи, как досточтимый Джеймс Фримэн Кларк, прилагают так много усилий, чтобы убедить своих читателей, что «Критическое богословие со времен Оригена и Иеронима... и дискуссионное богословие в течение пятнадцати веков не заключалось в принятии, на основе авторитета, мнения других лиц», но, наоборот, выявило много «острых и разумных рассуждений», – мы можем лишь сожалеть, что так много учености должно было быть зря затрачено на попытки доказать то, что беспристрастный обзор истории богословия опровергает на каждом шагу. В этих «дискуссиях» и в критической трактовке доктрин церкви, несомненно, можно обнаружить некоторую долю «острых рассуждений», но намного больше там еще более острой софистики.

Недавно масса накапливающихся доказательств была подкреплена до такой степени, которая мало, если вообще, оставляет место для какой-либо дальнейшей дискуссии. Убедительное мнение высказано слишком большим количеством ученых, чтобы сомневаться в том факте, что Индия была *alma mater* не только цивилизации, искусств и наук, но и всех великих религий древности, в том числе и иудаизма, следовательно, и христианства. Гердер помещает колыбель человечества в Индии и представляет Моисея как умного и сравнительно *современного* компилятора древних брахманистских традиций:

> – «Рекою, охватывающей эту страну (Индию), является священный Ганг, которую вся Азия считает Райскою рекою. Есть также библейский Гихон, что есть ничто другое как Инд. Арабы до сих пор называют его этим именем, и названия стран, омываемых ими, известны среди индусов».

Жаколио утверждает, что он переводил каждую древнюю написанную на пальмовых листьях рукопись, которую брахманы Пагод позволяли ему читать. В одном из его переводов мы обнаружили отрывок, который раскрывает нам *несомненное происхождение ключей* Св. Петра и объясняет принятие этого символа его святейшеством римским папой.

Он показывает нам, основываясь на свидетельстве «Агручеда Парикшай», название, которое он свободно переводит как «Книга духов» (питри), что за многие века до нашей эры посвященные храма выбирали Верховный Совет, где председательствовал Брахм-атма или верховный глава всех этих *посвященных.* Эту высокую должность мог занимать

---

[25] Е. Покок приводит вариации имени Буддха: *Bud'ha, Buddha, Booddha, Butta, Pout, Pole, Pto, Pie, Phte, Phtha, Phut* и т. д. См. [**418**], прим., прилож., 397.

[26] Тиара папы является также совершенной копией тиары далай-ламы Тибета.

только брахман, достигший восьмидесяти лет[27]; этот Брахм-атма и являлся единственным хранителем мистической формулы, *резюме* всех наук, заключенного в трех мистических буквах:

A
U M

которые означают *творение, сохранение* и *преображение.* Только он единственный мог излагать ее значение в присутствии посвященных третьей и высшей ступени. Если кто-нибудь из посвященных открывал хотя бы одну, даже самую малую, из доверенных ему истин профану, его казнили. А тот, кто принял от него секрет – разделял его участь.

> «Наконец, как венец этой мощной системы», – говорит Жаколио, – «существовало слово, еще более превосходящее этот мистический слог – **А У М**; оно делало того человека, который владел его ключом, почти равным самому Брахме. Только Брахм-атма единственный владел этим ключом и передавал его в запечатанной шкатулке своему наследнику.
>
> Это неизвестное слово, которое никакая человеческая сила не смогла *принудить раскрыть* – даже сегодня, когда брахманская власть сокрушена вторжениями монголов и европейцев, когда каждая пагода имеет своего Брахм-атму[28],– было выгравировано на золотом треугольнике и хранилось в святилище храма Асгартха. чей Брахм-атма единственный владел его ключами. Он также носил на своей тиаре *два скрещенных ключа,* поддерживаемых двумя опустившимися на колени брахманами – символ драгоценного клада, находящегося в его владении... Это слово и этот треугольник были вырезаны на плоскости кольца, которое этот глава религии носил в качестве одного из знаков своего достоинства; оно было также обрамлено золотым солнцем на алтаре, на котором Верховный Понтиф каждое утро совершал жертву сарвамеда, или жертву всем силам природы» [**378**, с. 28].

Достаточно ли это ясно? И не станут ли католики все-таки утверждать, что это брахманы 4000 лет тому назад скопировали обряд, символы и одеяние римских понтифов? Мы этому ничуть не удивились бы.

Не удаляясь слишком далеко назад в древность ради сравнений, если мы только остановимся на четвертом и пятом веке нашей эры и сопоставим так называемое «язычество» третьей неоплатонической эклектической школы с растущим христианством, то результат был бы не в пользу последнего. Даже в тот ранний период, когда новая религия едва только успела наметить свои противоречивые догматы; когда последователи кровожадного Кирила сами еще не знали, то ли Марии предстоит стать «Божией Матерью», то ли считать ее «демоном» наравне с Изидой; когда память о кротком и милосердном Иисусе еще витала в каждом христианском сердце, и его слова о милосердии и благотворении еще вибрировали в воздухе, – даже тогда христиане превосходили язычников во всех видах жестокости и религиозной нетерпимости.

И если мы заглянем еще дальше назад и будем искать примеров истинного *христизма* в тех веках, когда буддизм только что перекрыл брахманизм в Индии и когда имени Иисуса суждено было прозвучать только тремя веками позже, – что мы тогда находим? Кто из святых столпов церкви когда-либо возвысился до уровня веротерпимости и благородной простоты характера некоторых язычников? Сравните, для примера, индийского Ашоку, который жил за 300 лет до Р. Х., и карфагенского Св. Августина, процветавшего 300 лет после Р. Х. Согласно Максу Мюллеру, вот что высечено на скалах Джирнара, Дхаулы и Капурдигиры:

---

[27] Это традиционная политика коллегии кардиналов, чтобы выбирать каждый раз, когда это возможно, нового папу из самых старых и слабых здоровьем. Иерофант Элевзина тоже всегда был стар и неженат.

[28] Это не верно.

«Пиядаси, возлюбленный богами царь, желает, чтобы аскеты *всех вероисповеданий* могли жить везде. Все эти аскеты одинаково проповедуют заповеди, которые людям следовало бы применить на себе, а также чистоту души. *Но у людей мнения различны и различны склонности».*

А вот что написал Августин после своего крещения:

«Дивна глубина твоих слов! их внешность, гляди! перед нами, приглашая к малым; и все же в них дивная глубина, о Боже мой, дивная глубина! Страшно заглядывать в нее; да... благоговейный ужас почитания и дрожь любви. Врагов твоих [читайте – язычников] поэтому *ненавижу* неистово; о, *если бы ты убил их* своим обоюдоострым мечом, чтобы они больше не могли быть врагами ему; *ибо я так бы хотел, чтобы были они убиты»*[29]

Удивительный дух христианства; и это дух одного манихейца, обращенного в религию того, кто даже на кресте молился за своих врагов!

Кто, по мнению христиан, были этими врагами «Господа» – не трудно догадаться; Его новыми детьми и любимцами, заменившими в Его привязанности сынов Израиля, Его «избранный народ», было меньшинство, входящее в паству Августина. Остальное же человечество являлось Его природными врагами. Кишащие множества языческого мира были только топливом для адового пламени; горсточка же церковной общины являлась «унаследователями спасения».

Но если такая проскрипционная политика была справедлива и осуществление ее было «сладким запахом» в ноздрях «Господа», то почему не оказать презрения также и языческим обрядам и философии? Почему тогда черпать так глубоко из колодцев мудрости, вырытых и наполненных до краев теми же язычниками? Или же эти отцы в своем желании во всем подражать избранному народу, чьи изношенные туфли они старались приладить к своим ногам, задумали снова разыграть сцену грабежа, описанную в «Исходе»? Разве они решили, убегая от язычества, как евреи убегали из Египта, унести с собою ценности его религиозных аллегорий так же, как «избранные» поступили с золотыми и серебряными украшениями?

Определенно кажется, что события первых веков христианства являются только отражениями образов, отраженных в зеркале будущего во времена Исхода. В бурные дни времен Иринея платоническая философия с ее мистическим погружением в божество, в конце концов, не была уж такой неприятной для нового учения, чтобы удержать христиан от использования ее глубокой метафизики где и как только можно. Вступив в союз с аскетическими терапевтами – предками и прообразами христианских монахов и отшельников – именно в Александрии, не забудем это, они заложили первые основы чисто платонического учения о тройственности. Впоследствии оно стало платоно-филонским учением и таким, каким мы находим его теперь. Платон рассматривал божественную природу в трояком видоизменении *Первопричины,* разума или *Логоса,* и души или духа вселенной.

«Три исходные или изначальные принципа», – говорит Гиббон [**51**], – «были представлены в платоновской системе как три бога, соединенные друг с другом таинственным и невыразимым родством».

Слив эту трансцендентальную идею с более гипостатическим образом *Логоса* Филона, чье учение было учением старейшей *Каббалы,* и который рассматривал Царя Мессию как метатрона или «ангела Господня», *Legatus,* спустившегося в плоть, но не как Самого *Ветхого Днями*[30] – христиане облекли Иисуса, сына Марии, в это мифическое

---

[29] Переведено проф. Дрейпером для книги «История конфликта между религией и наукой», кн. XII [**48**].

[30] «Sohar Comment.», Gen. XI. 10; [**419**, 1, 528].

представительство Медиатора для павшей расы Адама. Под этим неожиданным одеянием его личность была утеряна. В современном Иисусе христианской церкви мы находим идеал обладавшего ярким воображением Иринея, но не адепта ессеев, таинственного реформатора из Галилеи. Мы видим его под искаженной платоно-филоновой маской, не таким, каким его слышали ученики во время Нагорной проповеди.

До сих пор языческая философия помогла им в построении основной догмы. Но когда теурги третьей неоплатонической школы, лишенные своих древних мистерий, стремились слить доктрины Платона с доктринами Аристотеля и посредством объединения этих двух философий добавили к своей теософии первичные доктрины Восточной *«Каббалы»,* тогда христиане из соперников превратились в преследователей. Раз уж начали готовиться к публичному обсуждению, в форме греческой диалектики, метафизических аллегорий Платона, то всей тщательно разработанной системе христианской Троицы угрожало разоблачение, и божественный престиж мог оказаться полностью разрушенным. Эклектическая школа, перевернув порядок, перешла на индуктивный метод; и этот метод стал ее похоронным звоном. Изо всего существующего на земле логика и разумные объяснения были наиболее ненавистными для новой религии тайны, так как они угрожали разоблачить всю основу концепции троичности, сообщить множествам людей доктрину эманации и таким образом разрушить единство целого. Этого нельзя было допустить, и это не было допущено. История запечатлела *христоподобные* средства, к каким для этого прибегали.

Всемирная доктрина эманации, принятая с незапамятных времен величайшими школами, которую преподавали каббалистические, александрийские и восточные философы, – дает ключ к этой панике среди христианских отцов. Тот дух иезуитизма и хитрости духовенства, который много веков спустя побудил Паркхерста замалчивать в своем «Еврейском лексиконе» истинное значение первого слова «Книги Бытия», зародился в те дни войны против угасающих неоплатонической и эклектической школ. Отцы решили извратить значение слова *«daimon»*[31] и больше всего они страшились раскрыть толпе эзотерическое и истинное значение слова *Rasit,* так как если только истинный смысл этой сентенции, также как и еврейского слова *asdt* (переведенного в Септуагинте как *«ангелы»,* тогда как в самом деле оно означает эманации)[32], был бы правильно понят, то тайна христианской троицы обрушилась бы, в своем падении унося с собой новую религию в одну кучу развалин с древними мистериями. Вот это истинная причина, почему диалектики, так же как и сам Аристотель, «пытливый философ», всегда были невыносимы для христианского богословия. Даже Лютер, при разработке своей реформы, чувствуя неустойчивость почвы под ногами, несмотря на то, что он свел догмы к их простейшим выражениям, – дал полную свободу своему чувству боязни и ненависти к Аристотелю. Количество брани, какое он вылил на память великого логика, может быть только приравнено – но никогда не превзойдено – проклятиям и брани папы римского в адрес либералов итальянского правительства. Собранные вместе, они легко могли бы заполнить том новой энциклопедии с примерами обезьяньих речей.

Разумеется, христианское духовенство никогда не сможет примириться с доктриной, основанной на применении строгой логики к последовательно построенному логическому рассуждению. Количество тех, которые вследствие этого покинули богословие, никогда не было оглашено. Они задавали вопросы, и им запрещали их задавать; от этого происходил раскол, разочарование и часто отчаянный скачок в бездну атеизма. Взгляды орфиков на эфир как главный *посредник между* Богом и сотворенной материей точно так же осуждались. Эфир орфиков слишком живо напоминал *архея,* душу мира, а последняя была по своему метафизическому смыслу столь же близко связана с эманациями, являясь

---

[31] «Существа, которых философы других пародов различают под названием «демоны», Моисей называет «ангелами»», – говорит Филон Иудей. – «De Gigant», I, 253.

[32] [*Второзаконие*, XXXIII, 2]; אשרת переведено как «огненный закон» в английской Библии.

первой манифестацией – Сефирой или божественным Светом. И когда же можно было больше бояться последней, как не в тот критический момент?

Ориген, Климент Александрийский, Калцидий, Мефодий и Маймонид, опираясь на авторитет «Таргума» Иерусалима, ортодоксального и величайшего авторитета евреев, считали, что первые два слова в «Книге Бытия» – Бэ-РЕШИТ (בראשית) – означают *мудрость* или *принцип,* и что идея, что эти слова означали *«в начале»,* не разделялась никем, как только профанами, которым не разрешалось проникать сколько-нибудь глубже в эзотерический смысл этого предложения, – этот факт наглядно доказали Бособр и после него Годфри Хиггинс.

> «Все», – говорит *«Каббала»,* – «произошло из одного великого Принципа, и этот принцип есть *неизвестный* и *невидимый* Бог. Из Него непосредственно исходит вещественная сила, которая есть *отражение Бога* и источник всех последующих эманации. Этот второй принцип испускает, посредством *энергии* (или *воли* и *силы)* эманирования, другие сущности, которые более или менее совершенны, в зависимости от их различных степеней удаления по шкале эманации от Первоисточника существования, и которые образуют различные миры или категории бытия, все соединенные с извечной мощью, из которой они исходят. *Материя есть ни что иное, как наиболее отдаленный результат эмаирующей энергии* божества. Материальный мир получает свою форму от непосредственного действия сил, стоящих намного ниже Первоисточника Бытия».[33]

Бособр [420, кн. VI, гл. I, с. 291] вкладывает в уста манихейца Св. Августина такие слова:

> «И если под словом *РЕШИТ* мы понимаем *активный Принцип* творения вместо его *начала,* то в таком случае нам станет ясно, что Моисей никогда не собирался сказать, что небо и земля были первыми творениями Бога. Он только сказал, что Бог сотворил небо и землю *через этот Принцип,* который есть его Сын. Не на *время* он указывает, но на непосредственного автора творения».

По Августину, ангелы были созданы *до* сотворения тверди, и, по эзотерическому толкованию, небо и земля были сотворены после этого, выявляясь из *второго* Принципа или Логоса – творящего божества. «Слово *принцип»,* – говорит Бособр, – «не значит, что небо и земля были сотворены прежде чего-либо другого, так как, во-первых, *ангелы* были сотворены до этого, но что Бог все совершал через Свою Мудрость, которая есть его *Verbum* и которую христианская Библия назвала *Началом»,* – принимая таким образом экзотерическое значение этого слова, предоставленное толпе. *«Каббала»* – как Восточная, так и еврейская – показывает, что ряд *эманации* (еврейские сефироты) изошел из *первого* принципа, из которых главной была *мудрость.* Эта мудрость есть *логос* Филона, и Михаил, глава гностических эонов; она – Ормазд персов; *Минерва* – богиня мудрости греков, эманировавшая из головы Юпитера; и второе Лицо христианской Троицы. Первым отцам церкви не пришлось слишком напрягать воображение; они нашли уже готовую доктрину, которая уже существовала в каждой теогонии на протяжении тысячелетий до христианской эры. Их троица есть ни что иное, как трио сефиротов, первых трех каббалистических *светов,* про которых Моисей Нахманид говорит, что «их *никто никогда не видел,* и в них нет ни недостатков, ни разъединения». Первым вечным числом является Отец или халдейский первичный, невидимый и непостижимый *хаос,* из которого изошел *Постижимый,* Египетский Птах, или *«Принцип Света* – не самый свет, и Принцип Жизни – однако же сам *не* жизнь». *Мудрость,* посредством которой Отец сотворил небеса, есть *Сын,* или каббалистический андрогинный Адам Кадмон. Сын в то же время есть *Ра* мужского рода, Свет Мудрости, Благоразумие или *Ум,* Сефира, женская часть его Самого; из этой двойственной сущности исходит третья эманация, Бина или Рассудок, второй Ум –

[33] См. Rees, «Encyclopadia», ст. *Каббала.*

Святой Дух христиан. Поэтому, строго говоря, налицо ТЕТРАКТИС, или четверка, состоящая из непостижимой Первой монады и ее тройной эманации, которая и составляет нашу Троицу.

Как же тут сразу не осознать, что если бы христиане не исказили умышленно в своем толковании и переводе Моисееву «Книгу Бытия», чтобы приспособить ее к своим собственным воззрениям, то существование их религии вместе с ее нынешними догматами было бы невозможно? Раз слово Решит толкуется в новом значении *Принципа,* а не *Начала,* и принимается преданная анафеме доктрина эманации, то положение второго персонажа троицы становится несостоятельным. Ибо, если ангелы являются *первыми* божественными эманациями из божественной Субстанции и существовали *раньше* Второго Принципа, тогда антропоморфизированный *Сын,* в лучшем случае, является эманацией, как они сами, и не может быть богом *гипостатически,* так же, как наши видимые плоды трудов не есть мы сами. Что эти метафизические тонкости никогда не приходили в голову честно мыслящему, искреннему Павлу – это очевидно; также и из дальнейшего видно, что он, подобно всем ученым евреям, был хорошо ознакомлен с доктриной эманации и никогда не собирался ее искажать. Как можно вообразить, что Павел отождествляет *Сына* с *Отцом,* когда он говорит нам, что Бог поставил Иисуса *немного ниже* ангелов [*«Евреям»,* II, 9] и *немного выше* Моисея! Ибо этот *человек* считался достойным большей славы, чем Моисей [*«Евреям»,* III, 3]. В каких или во скольких подделках, вставленных в «Деяния Апостолов», виновны отцы,– мы не знаем; но что Павел никогда не считал Христа более, чем человеком, «полным Духа Божия», это весьма очевидно:

> «В *arche* был *Логос,* и Логос был *adnate* к Теосу».

Мудрость, первая эманация Эйн-Софа; Протогонос, Ипостась; Адам Кадмон каббалистов; Брахма индусов; Логос Платона, и *«Начало»* Св. Иоанна – все это *РЕШИТ* – ראשית «Книги Бытия». Будучи правильно истолкованным, это опрокидывает, как мы уже сказали, всю разработанную систему христианского богословия, так как это доказывает, что за *творящим* Богом стоит более ВЫСОКИЙ Бог, составитель плана, архитектор; и что первый был только Его агент-исполнитель – простая СИЛА!

Они преследовали гностиков, убивали философов, и сжигали каббалистов и масонов, и когда настанет великий день расчетов и когда засветит свет в темноте, что смогут они предложить взамен ушедшей, погаснувшей религии? Что ответят они, эти притворные монотеисты, эти поклонники и *ложные* слуги единого Бога Живого своему Творцу? Чем будут они объяснять это долгое преследование тех, кто были истинными последователями великого Мегалистора, верховного великого мастера розенкрейцеров, ПЕРВОГО масона. «Ибо он есть Строитель и Архитектор храма Вселенной; Он есть *Verbum Sapienti»*[34]

> «Каждый знает», – писал великий манихеец третьего столетия Фост, – «что Евангелии не были написаны ни Иисусом Христом, ни его апостолами, но долго после их времен какими-то неизвестными личностями, которые, хорошо рассудив, что едва ли им поверят, если они будут повествовать о делах, которых сами не видели, озаглавили свои повествования именами апостолов или последователей, живших одновременно с последними».

Комментируя этот вопрос, А. Франк, еврейский ученый из Института и переводчик *«Каббалы»,* выражает ту же самую идею.

---

[34] «Всецело мистическая окраска христианства гармонировала с правилами жизни и мнениями ессеев, поэтому не будет невероятным, что Иисус и Иоанн Креститель были посвящены в мистерии ессеев, которым христианство может быть многим обязано по части форм выражения: так как, действительно, община Терапевтов, ответвление ордена ессеев, скоро всецело примкнула к христианству» («Yost», 1. 411 – цитировано автором книги «Сод, сын человеческий» [**142**]).

«Разве у нас нет оснований», – спрашивает он, – «рассматривать *«Каббалу»* как драгоценные остатки религиозной философии Востока, которая, будучи перенесенной в Александрию, смешалась с учением Платона и под незаконно присвоенным именем Дионисия Ареопагита, епископа Афинского, обращенного и посвященного Св. Павлом, получила возможность проникнуть в мистицизм средних веков?» [**256**]

Говорит Жаколио:

«Что же это за религиозная философия Востока, которая проникла в мистический символизм христианства? Мы отвечаем: Эта философия – следы которой мы находим у магов, халдеев, египтян, еврейских каббалистов и христиан – есть ничто другое, как философия брахманов Индии, сектантов веры в *питри,* или духов невидимых миров, которые окружают нас» [**378**}.

Но если гностики были уничтожены, то *гнозис,* основанный на тайной науке наук, продолжает жить. Именно земля является тем, что поможет женщине, и которой суждено открыть свой зев, чтобы поглотить средневековое христианство, незаконного захватчика и убийцу учения великого учителя. Древняя *«Каббала»,* Гнозис, или традиционное *тайное* знание, никогда не оставалось без своих представителей ни в одном веке и ни в одной стране. Троицы посвященных, независимо от того, вошли ли они в историю или скрылись под непроницаемым покровом тайны, сохранились и оставили свой след в веках. Они известны как Моисей, Ахолиаб и Безалил, сын Ури, сын Хура; как Платон, Филон и Пифагор и т. д. В Преображении мы видим их как Иисуса, Моисея и Илию, трех Трисмегистов; и трех каббалистов, Петра, Иакова и Иоанна – чье *откровение* является ключом ко всей мудрости. В сумерках еврейской истории мы находим их как Зороастра, Авраама и Тераха, а впоследствии – как Еноха, Иезекииля и Даниила.

Кто из тех, кто когда-либо изучал древние философии, кто интуитивно постиг величие их концепций, беспредельную возвышенность их взглядов на Непознаваемое Божество – кто станет колебаться хоть минуту, чтобы отдать предпочтение их доктринам перед непонятным догматическим и противоречивым богословием сотен христианских сект? Кто из тех, кто когда-либо читал Платона и вдумывался в его То'Ov, *«кого не видел никто, кроме Сына»,* может сомневаться, что Иисус был последователем той же самой тайной доктрины, которая наставляла этого великого философа? Ибо, как мы уже до этого доказывали, Платон никогда не претендовал на то, что он является изобретателем всего того, что он пишет, но приписывал это Пифагору, который, в свою очередь, указывал на отдаленный Восток как на источник, откуда он черпал свои знания и философию. Колбрук доказывает, что Платон признается в этом в своих письмах и говорит, что он взял свои учения из древних и священных доктрин! [421, I, с. 579] Кроме того, неотрицаемо то, что теологии всех великих народов согласуются и показывают, что каждая является частью «одного огромного целого». Подобно остальным посвященным, мы видим, как Платон прилагает большие усилия, чтобы скрыть истинное значение своих аллегорий. Каждый раз, когда дело касается величайших секретов Восточной *«Каббалы»,* секрета истинной космогонии вселенной и *идеального,* предсуществующего мира, Платон обволакивает свою философию глубочайшим мраком. Его «Тимей» настолько запутан, что никто, кроме *посвященного,* не может понять его тайного значения. А Мошейм думает, что Филон заполнил свои труды абзацами, прямо-таки противоречащими друг другу, с единственной целью скрыть истинную доктрину. На этот раз мы видим, что критик на правильном пути.

И сама идея троичности, так же как негодующе поносимая доктрина эманации – где их отдаленнейший источник? Ответить на это легко, и все доказательства теперь под рукой. В величественной и глубочайшей изо всех философий, в философии всемирной «религии мудрости», первые следы которой историческое исследование теперь

обнаруживает в древней до-ведийской религии Индии. Как много оскорбляемый Жаколио правильно замечает:

> «Не в таких религиозных трудах древности как Веды, «Зенд-Авеста» и Библия, должны мы искать точных выражений благородных и возвышенных верований тех эпох» [**379**].
>
> «Священный первичный слог, состоящий из трех букв **А – У – М**, в котором содержится ведийская Тримурти (Троица), должен держаться в тайне, подобно другой тройной Веде», – говорит Many в книге XI, шлока 265.

Сваямбхува есть непроявленное божество; оно есть Существо, существующее через себя и от себя; оно есть центральный и бессмертный зародыш всего, что существует во вселенной. Три троицы эманируют из Него и содержатся в Нем, образуя Верховное *единство.* Этими троицами или тройными Тримурти являются: Нара, Нари и Вирадьи – *первоначальная* триада; Агни, Вайя и Сурья – *проявленная* триада; Брахма, Вишну и Шива – *творящая* триада. Каждая из этих триад становится менее метафизической и более приспособленной к обычному рассудку по мере нисхождения. Таким образом последняя становится только символом в его конкретном выражении, вызванном необходимостью чисто метафизической концепции. Вместе со Сваямбхува они суть десять *сефиротов* еврейских каббалистов, десять индусских Праджапати; – Эйн-Соф первых соответствует великому *Неизвестному,* выраженному мистическим А У М последних.

Франк, переводчик «Каббалы», комментирует:

> «Десять сефиротов разделяются на *три класса,* причем каждый из них представляет нам божество *под иным аспектом,* в то время как целое все же остается *неделимой Троицей.*
>
> Первые три сефирота чисто интеллектуальны в метафизике; они выражают абсолютную тождественность существования и мысли и образуют то, что современные каббалисты называют интеллигибельным миром – что есть первое проявление Бога.
>
> Три последующие заставляют нас постигать Бога в одном из их аспектов как идентичность доброты и мудрости; в другом они являют нам в Высшем добре источник красоты и величия (в творении). Поэтому они называются *добродетелями,* или *чувственным миром.*
>
> Наконец, по последним трем сефиротам мы узнаем, что Всемирное Провидение, что Верховный художник есть также *абсолютная Сила,* всемогущая причина, и что в то же время эта причина *является порождающим элементом всего, что существует.* Именно эти последние сефироты являются теми, кто образуют *естественный мир* или природу в ее сущности и в ее *активном* принципе. *Natura naturansv*» [**256**].

Эта каббалистическая концепция таким образом оказалась идентичной с концепцией индусской философии. Кто бы ни читал Платона и его диалог «Тимей», найдет, что греческий философ повторяет эти идеи с точностью эхо. Кроме того, предписание секретности у каббалистов было столь же строгим, как у посвященных в святая святых и у индусских йогов.

> «Сомкни уста твои из опасения произнести *это* (Тайну), и сердце твое из опасения громкой думы; и если сердце твое вырвалось из контроля. верни его на место, ибо такова цель нашего союза» *(«Сефер Иецира», «Книга Творения»).*
>
> «Это есть тайна, дающая смерть. Сомкни уста твои из опасения, чтобы не выдать ее невежде, сожми мозг твой из опасения, чтобы что-либо не вырвалось из него и не проникло наружу» *(«Агручада Парикшай»)*

Истинно, судьбы многих будущих поколений висели на волоске в дни третьего и четвертого веков. Если бы император не послал в 389 году в Александрию приказа – на что его принудили христиане – об уничтожении всех идолов, наш век никогда не имел бы собственного христианского мифологического пантеона. Никогда еще Неоплатоническая

школа не достигала таких высот философии, как перед своим концом. Объединившие мистическую теософию старого Египта с изысканной философией греков; стоявшие ближе к древним мистериям Фив и Мемфиса, чем когда-либо в течение веков; сведущие в науке предсказывания и гадания, так же как и в искусстве терапевтов; поддерживавшие дружбу с самыми проницательнейшими людьми еврейского народа, которые были глубоко проникнуты идеями зороастрийцев, – неоплатоники стремились слить воедино древнюю мудрость Восточной *«Каббалы»* с наиболее благородными концепциями западных теософов. Несмотря на измену христиан, которые нашли уместным по политическим причинам после дней Константина отвергать своих наставников, влияние новой платонической философии бросается в глаза в последующей адаптации догм, происхождение которых легко проследить в этой замечательной школе. Хотя они искалечены и обезображены, все же они сохранили сильное семейное сходство, которое ничто не может изгладить.

Но, если знание оккультных сил природы раскрывает духовное зрение человека, расширяет его интеллектуальные способности и безошибочно приводит его к более глубокому почитанию Творца, то, с другой стороны, невежество, догматическая узость мышления и детский страх заглянуть в глубину сущего неизменно приводит к поклонению фетишам и суеверию.

Когда Кирил, епископ Александрийский открыто ухватился за идею Изиды, египетской богини, и антропоморфизировал ее в Марии, Божьей матери, и когда начались споры о триединстве, – с этого момента египетская доктрина об эманировании творящего Бога из Эмефта подвергалась искажениям на разные лады, пока наконец Соборы пришли к соглашению принять ее в таком виде, как она выглядит теперь – обезображенной Триады каббалистического Соломона и Филона! Но так как ее происхождение все еще было слишком очевидно, то *Слово* больше не называлось «Небесным человеком», *первичным* Адамом Кадмоном, но стало Логосом – Христом, и было сделано таким же старым, как «Старейший из Старейших», его отец. *Сокрытая* МУДРОСТЬ стала идентичной со своей эманацией БОЖЕСТВЕННОЮ МЫСЛЬЮ, и ее заставили рассматривать соравной и совечной со своей первой манифестацией.

Если мы здесь остановимся, чтобы рассмотреть другую из основных догм христианства – доктрину об искуплении, то мы легко можем проследить ее назад до язычества. Этот краеугольный камень церкви, которая, по ее собственному мнению, покоилась незыблемо на прочной скале в течение долгих веков, теперь выкопан наукою и доказано, что он произошел от гностиков. Профессор Дрейпер представляет ее, как едва ли известную в дни Тертуллиана, и как *«возникшую* среди еретиков гностиков».[35] Мы не позволим себе возражать такому ученому авторитету больше, как только заявить, что она *возникла* среди них не более, как это было о их «помазанным» Христом и Софией. Первого они создали по образу «Царя Мессии», мужского принципа мудрости, а последнюю по третьему сефироту, из халдейской *«Каббалы»*[36] и даже по индусскому Брахме и Сарасвати[37] и языческому Дионису и Деметре. И здесь у нас твердая почва под ногами, хотя бы уже потому, что теперь доказано, что Новый Завет совсем не появлялся в своей завершенной форме, каким,мы его находим теперь, пока не прошло 300 лет со времени апостолов[38], а в отношении «Зогара» и других каббалистических книг установлено, что они появились в первом веке до нашей эры, если не намного раньше.

Гностики переняли много идей от ессеев; а у ессеев еще за два века до нашей эры были свои «великие» и «малые» мистерии. Они были *изаримы* или *посвященные,* потомки египетских иерофантов, в стране которых они прожили несколько веков до того, как они были обращены в буддийское монашество миссионерами царя Ашоки, и впоследствии

---

[35] См. [**48,** с.224].

[36] См. «Зогар», [**419**], «Книга Тайны», древнейшая книга каббалистов; и [**422**, с. 212, 213-215],

[37] [**422**, с. 280], Куриос и Кора повторно упоминаются в *«Justin Martyr»,* см. с. 97.

[38] См. [**423**, II].

слились с ранними христианами; и они существовали, вероятно, до того, как старые египетские храмы были осквернены и разрушены беспрерывными вторжениями персов, греков и других орд завоевателей. У иерофантов было свое *искупление,* совершавшееся в мистерии посвящения за века до того, как появились гностики или даже ессеи. Оно было известно у иерофантов под названием крещение крови и не считалось искуплением за «грехопадение человека» в Эдеме, но просто как искупление за грехи прошлого, настоящего и будущего невежественного, но тем не менее развращенного человечества. Иерофант имел право выбора: или принести свою чистую и безгрешную жизнь в качестве жертвы за свою расу богам, к которым он надеялся присоединиться, или же ограничиться животною жертвою. Первое зависело целиком от его собственного желания. В последний момент торжественного «нового рождения» посвятитель передавал посвящаемому «слово» и немедленно после этого в правую руку посвящаемого вкладывалось оружие и он получал приказ *нанести удар.**

[**Прим.* Существует широко распространенное *суеверие* (?), в особенности среди славян и русских, что *маг* или колдун не может умереть, пока он не передал «слово» своему преемнику. Это популярное верование настолько укоренилось в народе, что вряд ли в России найдется человек, который об этом не слыхал. Но очень легко проследить происхождение этого верования до мистерий древности, которые веками были распространены по всему земному шару. Древняя «Варяжская» Русь имела свои мистерии как на Севере, так и на юге Руси: и много реликвий угаснувшей веры рассеяно по землям, омываемым священным Днепром, этим Иорданом крещения Руси. Никакой знахарь или колдун, мужчина или женщина, фактически не может умереть, пока он не передал тайное слово кому-либо. Популярное верование говорит, что если он этого не сделает, он не сможет умереть и будет страдать неделями и месяцами, и если даже в конце концов он освободится, то не будет в состоянии покинуть землю и будет бродить по ней, пока не найдет преемника даже после смерти. Насколько это верование может быть проверено другими – мы не знаем, но мы видели один случай, который по своим трагическим и таинственным *denoument* заслуживает того, чтобы о нем рассказать в качестве иллюстрации к разбираемому вопросу. Про старика, которому было более ста лет от роду, крепостного крестьянина С. губернии, прослывшего колдуном и целителем, – стали говорить, что он уже несколько дней при смерти, но умереть никак не может. Слух этот распространился с молниеносной быстротой, и бедного старика стали избегать даже члены его собственной семьи, так как они опасались получить от него совсем нежелательное наследие. Наконец пошли слухи, что он послал за своим коллегой, менее преуспевшим, чем он в этом мастерстве, и что тот, несмотря на то, что жил в отдаленном районе, все же, по призыву, спешит прийти и прибудет на следующий день рано утром. В то время у помещика, владельца имения, гостил молодой врач, который принадлежал к знаменитой в те дни школе нигилистов и издевательски смеялся над этой идеей. Хозяин имения, будучи очень набожным человеком, но лишь наполовину склонным смеяться над «суеверием», улыбался – как в поговорке говорится – только одним уголком рта. Тем временем молодой скептик, чтобы удовлетворить свое любопытство, посетил умирающего человека и, обнаружив, что тот не в состоянии прожить более двадцати четырех часов и решив доказать нелепость «суеверия», принял меры, чтобы задержать спешащего к старику «преемника» в соседней деревне. Рано утром компания в составе четырех человек: врача, владельца имения, его дочери и автора этих строк, направились в деревенскую избу, где должен был восторжествовать скептицизм. Умирающий человек каждое мгновение ожидал прихода своего избавителя и его агония из-за этой задержки была чрезвычайна. Мы пытались уговорить врача, чтобы он пошел навстречу желаниям старика, хотя бы человечности ради. Но он только хохотал. Щупая одной рукой пульс старого колдуна, он вынул другой часы и, говоря нам по-французски, что смерть наступит через несколько минут, весь погрузился в свой профессиональный эксперимент. Сцена была и торжественна и ужасна. Вдруг открылась дверь, и вошел молодой парень с вестью для доктора, что «кум» лежит мертвецки пьяный в соседней деревне и, согласно *его приказаниям,* не сможет прийти к «дедушке» раньше следующего дня. Молодой доктор смутился и только что собирался сказать старику, как вдруг знахарь с молниеносной быстротой вырвал свою руку из руки доктора и поднялся в кровати. Его глубоко ввалившиеся глаза вспыхнули, его желто-белая борода и волосы, свисавшие вокруг его мертвенно-бледного лица, придали ему страшный вид. Еще один

миг, и его длинные мускулистые руки сомкнулись вокруг шеи врача, и со сверхъестественной силой он стал притягивать к себе голову врача все ближе и ближе; он держал ее как в тисках и *нашептывал* ему в ухо слова, неслышимые для нас. Скептик боролся, чтобы освободиться, но прежде чем ему удалось сделать успешное движение, дело, по-видимому, было уже сделано; руки отпали и старый колдун упал на спину – уже трупом! Странная и ужасная улыбка застыла на его неподвижных губах – улыбка злорадного торжества и удовлетворенной мести; но доктор выглядел бледнее и ужаснее самого мертвеца. Он оглядывался вокруг с выражением такого ужаса, какой трудно описать, и не отвечая на наши вопросы, как безумный бросился вон из избы и побежал по направлению к лесу. Нарочных послали разыскать его, но нигде не могли найти его. К заходу солнца услышали выстрел в лесу, и через час принесли его тело с простреленной головой – скептик размозжил ее! Что заставило его совершить самоубийство? Какие магические чары «слово» умирающего колдуна оставило в его уме – кто может сказать?]

Вот это есть истинное происхождение христианской догмы искупления. Воистину, «Христов» в дохристианские века было много. Но они умирали, оставаясь неизвестными миру и исчезали так же молчаливо и таинственно из поля зрения людей, как Моисей с вершины Писгах, горы Нэбо (пророческой мудрости) после того, как возложил руки на Иисуса Навина, который таким образом «наполнился духа мудрости» (т. е. стал *посвященным).*

Также Таинство Св. Причастия не принадлежит одним только христианам. Годфри Хиггинс доказывает, что оно было учреждено за многие сотни лет до «Пасхальной тайной вечери», и говорит, что «жертва хлеба и вина была общим обычаем у многих древних наций».[39] Цицерон упоминает ее в своих трудах и удивляется странности этого обряда. Какое-то эзотерическое значение было связано с этим обрядом со времени установления мистерий, и таинство причастия является одним из старейших обрядов древности. У иерофантов оно имело почти такое же значение как у христиан. Церера была *хлебом* и Вакх был *вином,* первая означала возрождение жизни из семени, второй – виноградную гроздь – эмблему мудрости и знания; накопление сущности вещей, брожение и последующая за тем крепость эзотерического знания соответственно символизировалась вином. Мистерия имела отношение к драме Эдема; она, как говорят, впервые была введена Янусом, который также был первым, кто установил в храмах жертву «хлеба» и «вина» в память «падения в рождение» в качестве символа «семени». «Я есмь вино, и Отец мой есть виноградарь», говорит Иисус, намекая на тайное знание, которым он мог наделять. «Я больше не буду пить плода виноградной лозы до того дня, как я буду пить новое вино в Царстве Божием».

Празднества элевсинских мистерий начинались в месяце Боёдромион, который соответствует сентябрю, времени сбора винограда, и продолжался с 15 по 22 число, семь дней.[40] Еврейский праздник кущей начинался 15 и кончался 22 числа месяца этаним, что, как доказывает Данлэп, является производным от Адоним, Адониа, Аттеним, Этаним [140, с. 71]; и этот праздник называется в «Левите» [XXIII, 34] праздником *кущей.* «И собрались к царю Соломону на праздник все Израильтяне в месяце Афаниме, который есть *седьмой* месяц» [*1 Царей,* VIII, 2]. Плутарх считает, что праздник палаток относится к вакхическим обрядам, а не к элевсинским. Таким образом, «прямо взывали к Вакху», говорит он. Поклонение *сабациям* было *саббатическим;* имена Эвий или Хевий и Луайос идентичны с *Хивит* и *Левит.* Французское имя Луи есть еврейское *Леви; Iacchus* – тот же *Iao* или Иегова; и Ваал или Адон, подобно Вакху, был фаллическим богом.

«Кто взойдет на гору [высокое место] Господню?» – спрашивает праведный царь Давид, – «кто станет на место его кадушу **קדשו** [на святом месте его]?» [*«Псалтырь»,* XXIII, 3].

---

[39] [**52**]; также Тертуллиан.

[40] «Anthon», art. Eleusinia.

Кадеш может означать в одном смысле «озарять», «освящать» и даже посвящать или отделять; но он также означает служителей сладострастных ритуалов (культ Венеры), и истинное толкование слова *кадеш* открыто указано во «Второзаконии» [XXIII, 17]; в «Осии» [IV, 14] и в «Бытие» [XXXVIII, 15-22]. «Святые» библейские кадешимы были тождественны, что касается до их обязанностей, баядеркам в позднейших индусских храмах. Еврейские *кадешим,* или галли (жрицы Кибелы), жили «при храме Господнем, где женщины ткали одежды для Астарты» или же занавеси для статуи Венеры-Астарты, гласит стих седьмой в двадцать третьей главе «Второй книги Царей».

Пляска, совершаемая Давидом вокруг Ковчега, была «кружением», которое, как говорят, было предписано амазонками для мистерий. Такова была пляска дочерей Силомских [*«Судей»,* XXI, 21, 23 и далее], также как и прыжки пророков Ваала [*I Царей,* XVIII, 26]. Это просто были характерные признаки культа сабеян, ибо пляска эта изображала движение планет вокруг Солнца. Несомненно, что пляска эта была вакхическим исступлением, при чем употреблялись цистры, также весьма выразительны укоры Мелхолы и ответы царя.

> «Отличился сегодня царь Израилев, обнажившись сегодня перед глазами рабынь рабов своих, как обнажается какой-нибудь *пустой* человек». – И он резко отвечает: – «пред **יהוה** играть и плясать буду, и буду еще более отвратительным, чем это, и я буду низкий в собственных глазах».

Если мы вспомним, что Давид жил среди тирийцев и филистимлян, где их обряды были обычными; что он, на самом-то деле, отвоевал эту страну у Саулова дома с помощью наемников из их страны, то такое поощрительное отношение к их обрядам и даже введение такого языческого культа со стороны слабого «псалмопевца» выглядит весьма естественным. Кажется, Давид ничего не знал о Моисее, и если он ввел поклонение Иегове, то вовсе не в монотеистическом смысле, а просто в смысле одного из многих богов соседних народов – в качестве бога охранителя, которому он отдал предпочтение и выбрал среди «всех других богов».

Прослеживая христианские догматы пункт за пунктом, если мы сосредоточим наше внимание на одном из них, который вызвал самые яростные столкновения, пока его не признали, а именно – догмате о Троице – что мы находим? Мы встречаем его, как мы уже показали, на северо-востоке Инда; и прослеживая до Малой Азии и Европы, узнаем его у каждого народа, имеющего что-нибудь похожее на установленную религию. Этот догмат преподавали в старейших халдейских, египетских и митраических школах. Халдейский Солнечный бог, Митра, назывался «Тройственным», и халдейская идея тройственности была учением аккадийцев, которые сами принадлежали к расе, которая была первой, породившей метафизическую тройственность. Согласно Раулинсону, халдеи были аккадийским племенем, которое жило в Вавилонии с самого начала. По мнению других, они были туранцами и наставляли вавилонян, давая им первые понятия о религии. Но эти же самые аккадийцы – кто же они были? Те ученые, которые хотели бы приписать им туранское происхождение, делают из них изобретателей клинообразных письмен; другие называют их шумерами; еще другие называют их язык, от которого (по весьма основательным причинам) не осталось никаких следов, – то каздейским, то халдейским, то прото-халдейским, то каздо-скифским и т. п. Единственной традицией, заслуживающей доверия, является та, которая гласит, что эти аккадийцы наставляли вавилонян в мистериях и научили их жреческому языку, или языку *мистерий.* Но тогда эти аккадийцы были просто племенем индусских брахманов, которых теперь называют арийцами, а их родным языком – санскрит[41] Вед; и священный язык или язык мистерий – тот, который даже в нашем веке употребляется индусскими факирами и посвященными брахманами

[41] Вспомним в этой связи, что полк. Ван Кенеди уже давно тому назад высказал свое убеждение, что Вавилония когда-то была центром санскритского языка и брахманского влияния.

для своих магических вызываний[42]. С незапамятных времен им пользовались и ныне пользуются посвященные всех стран, и тибетские ламы заявляют, что письмена именно этого языка появляются на листьях и коре священного дерева Кумбум.

Жаколио, который приложил столько усилий, чтобы проникнуть в тайны брахманистских посвящений при переводе и комментировании *«Агручада-Парикшай»,* делает следующее признание:

> «Утверждают также, без возможности проверить это утверждение, что магические вызывания произносились на особом языке и что под страхом смерти запрещено переводить их на простые языки. Те редкие выражения, которыми нам удалось завладеть, как, например, Л'рхом, Х'ХОМ, ш'хрум, шо'рхим – в сущности, весьма любопытны, и как кажется, не принадлежат ни к одной из известных идиом» [**378**, с. 108].

Те, кто видели факиров или лам, произносящих свои мантры или заклинания, знают, что они никогда не произносят слов слышимо, когда готовятся к феномену. Их губы шевелятся, но никто никогда не услышит грозную формулу произнесенной, за исключением внутри храмов, и то только – осторожным шепотом. Вот это и был тот язык, который теперь каждый ученый по-своему, соответственно своему воображению и филологическим пристрастиям, скрещивает каздеосемитическим, скифским, протохалдейским и т. п.

Едва ли двое, даже самые ученые филологи по санскриту, придут к полному согласию по поводу правильного толкования ведийских слов. Лишь только один опубликует очерк, лекцию, трактат, перевод, словарь, как другие немедленно пустятся в споры с ним и друг с другом по поводу его согрешений, пропусков и допусков. Профессор Уитни, величайший американский востоковед, говорит, что заметки профессора Мюллера о *«Ригведа Санхита»* «далеки от того, чтобы обладать теми здравыми и вдумчивыми суждениями, тою умеренностью и экономностью, которые считаются наиболее ценными качествами толкователя». Профессор Мюллер гневно возражает на его критику, что «не только отравляется радость, являющаяся естественной наградой всех добросовестных трудов, но эгоизм, злоба, да – *даже лживость* берет верх, и здоровый рост науки задерживается». Он «во многом расходится с объяснениями слов Веды, данными профессором Ротом» в его «Санскритском словаре», и профессор Уитни намыливает головы им обоим, говоря, что у обоих имеются, бесспорно, слова и фразы, «в которые впоследствии придется вносить исправления».

В первом томе своих «Осколков» [47] профессор Мюллер клеймит все Веды, за исключением «Ригведы», «Атхарваведу» включая – «богословским пустословием», тогда как профессор Уитни рассматривает последнюю, «как наиболее исчерпывающую и ценную из четырех собраний вслед за «Ригведой». Но вернемся к случаю Жаколио. Профессор Уитни заклеймил его «сапожником» и обманщиком, и, как мы уже указали выше, это является весьма-таки всеобщим приговором. Но когда появилась на свет его «La Bible dans 1'Inde», то Societe Academique de Saint Quentin просило м-ра Текстора де Рависи, ученого индолога, десять лет прослужившего губернатором Карикала в Индии, дать свой отзыв о ней. Он был ярый католик и непримиримый возражатель против тех заключений Жаколио, которые дискредитируют Моисеево и католическое откровения, все же он был вынужден сказать:

---

[42] ««Агручада Парикшай», которая до некоторой степени раскрывает порядок посвящения, не дает формул вызывания»,– говорит Жаколио, и добавляет, что, по словам некоторых брахманов, «эти формулы никогда не были написаны – их передавали и теперь еще передают .шепотом в ухо адепта» *(«приложив уста к уху и произнося слово чуть дыша»,* говорят масоны) [**378**, с. 108].

«Написанный добросовестно, в легком, решительном и страстном стиле, с легко понятной и разносторонней аргументацией, труд м-ра Жаколио читается с неослабным интересом... труд ученый по известным фактам со знакомыми аргументами».

Довольно. Пусть Жаколио будет оправдан за недостаточностью улик, когда такие внушительные авторитеты из кожи вон лезут, чтобы выставить друг друга некомпетентными и проходимцами в литературе. Мы вполне согласны с профессором Уитни, что «трюизм, что [для европейских критиков?] гораздо легче разрушить что-либо вдребезги, чем построить, нигде не звучит с такой справедливостью, как в случаях, касающихся археологии и истории Индии» [425].

Так случилось, что Вавилония оказалась расположенной на пути великого потока самой ранней индусской эмиграции, и вавилоняне стали первым народом, извлекшим из этого пользу. Эти халды были поклонниками Лунного бога, *Deus Lunus;* из этого факта мы можем сделать вывод, что аккадийцы – если таково должно быть их название – принадлежали к роду Лунных Царей, которые, согласно традиции, царствовали в Пруяй – нынешнем Аллахабаде. У них троичность *Deus Lunus* была проявлена в трех лунных фазах, завершая четверку четвертой фазой, и в ее постепенной ущербности и окончательном исчезновении олицетворяя умирание Лунного бога. Эта смерть аллегоризировалась ими и приписывалась восторжествованию гения зла над свет дающим божеством; так же как позднейшие народы аллегоризировали смерть своих Солнечных богов, Озириса и Аполлона, от руки Тифона и великого Дракона Пифона, когда солнце входило в зимнее солнцестояние. Бабел, Арах и Аккад – это имена солнца. «Оракулы Зороастра» полны исчерпывающего материала по теме божественной Триады.

«Триада божества светит по всему миру, возглавляемая Монадой», – признает досточтимый д-р Морис.

«Ибо из этой Триады все управляется в сущности своей», – говорит халдейский оракул.

Фос, Пур и Флокс Санхуниафона [90] суть Свет, Огонь и Пламя, три проявления Солнца, которое *едино.* Бэл-Сатурн, Юпитер-Бэл и Бэл или Ваал-Хом – это халдейская троица [89, 263]. «Вавилонский Бэл рассматривался в Триедином аспекте Бэлитана, Зевса-Бэла (медиатора) и Ваал-Хома, который есть Аполлон-Хомеус. Это был Триединый аспект «Высочайшего Бога», который является, согласно Беросу, или Элом (евреев), Бэлом, Бэлитаном. Митрой или Зерваном, и имеет имя πατηρ, «Отец»» [94, с. 281]. Брахма, Вишну и Шива[43], соответствующие Силе, Мудрости и Справедливости, что в свою очередь соответствует Духу, Материи, Времени и Прошлому, Настоящему и Будущему – могут быть найдены в храме Гхарипури; тысячи догматических брахманов поклоняются этим атрибутам ведического божества, тогда как суровые монахи и монахини буддийского Тибета признают только священную троицу трех главных добродетелей: *Бедности, Целомудрия* и *Послушания,* провозглашенных христианами, но применяемых на практике только буддистами и некоторыми индусами.

Персидское тройное божество состоит из трех лиц – Ормазда, Митры и Ахримана.

«Это тот принцип», – говорит Порфирий [**213**], – «про который автор *«Халдейской Сводки»* говорит: *«Они думают, что существует одно начало всего существующего и провозглашают, что оно едино и добро»».*

Китайский идол Саньбао состоит из трех, одинаковых во всех отношениях [426]; а перуанцы «полагали, что их Танга-танга один в трех и трое в одном», говорит Фабер

[43] Строго говоря, Шива не есть бог Вед. Когда Веды писались, он числился в ранге Маха-Дева или Бэла среди богов аборигенной Индии.

[427]. У египтян были свои Эмефт, Ейктон и Пта; и тройного бога, сидящего на Лотосе, можно увидеть в Санкт-Петербургском музее на медали из Северной Татарии.

Среди церковных догм, которые в последнее время наиболее пострадали от рук востоковедов, догмат троичности занимает выдающееся место. Репутация каждого из этих трех персонажей антропоморфического бога в качестве подлинного откровения христианам по воле Божией сильно скомпрометирована исследованиями ее предшественниц и происхождения. Востоковеды опубликовали больше о сходстве между брахманизмом, буддизмом и христианством, чем хотелось бы Ватикану. Утверждение Дрейпера, что «Язычество было видоизменено христианством, и христианство язычеством»[44], ежедневно получает подтверждение.

> «Олимп был восстановлен, только божества пошли под другими именами», – говорит он, трактуя о периоде Константина. – «Наиболее могущественные провинции настаивали на принятии их освященных временем концепций. Согласно египетским традициям были установлены понятия о троице. Не только было восстановлено обожание Изиды под другим именем, но даже ее изображение, стоящее на полумесяце, снова появилось. Хорошо известное изображение этой богини с младенцем Гором на руках дошло до наших дней в прекрасных художественных творениях Мадонны и младенца».

Но девственной «Божией Матери», Царице Небесной, может быть приписано еще более раннее происхождение, нежели египетское и халдейское. Хотя Изида тоже по праву считается Царицей Небесной и, вообще, изображается держащею в своей руке *crux ansata,* образованный из земного креста и Стауроса гностиков, – она намного моложе небесной девы Неит. В одной из гробниц фараонов – Рамзесов, в долине Бибан-эл-Молук в Фивах, Шампольон-младший обнаружил картину, по его мнению, самую древнюю, какая когда-либо была обнаружена. Она изображает небеса, символизированные женскою фигурою, усеянною звездами. Рождение Солнца символизировано фигурою младенца, появляющегося из лона своей «божественной матери».

В *Книге Гермеса,* «Пэмандре», в ясных и недвусмысленных выражениях сформулирована вся догма троичности, принятая христианами.

> «Свет – это Я», – говорит Пэмандр, БОЖЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ. – Я есмь *ноус* или разум, и Я твой бог, и Я намного древнее человеческого начала, исходящего из тени. Я есмь зародыш мысли, блистающее СЛОВО, СЫН Бога. Думай, что то, что так видит и слышит в тебе, есть *Глагол* Учителя, это – Мысль, которая есть Бог-Отец... Небесный Океан, ЭФИР, который течет с востока на Запад, есть Дыхание Отца, животворящее Начало, СВЯТОЙ ДУХ!» «Ибо они неразделены, и их слияние есть ЖИЗНЬ».

Как бы древним ни было происхождение Гермеса, затерявшееся в неизвестных временах египетской колонизации, существует еще одно значительно более старое пророчество, непосредственно относящееся, по словам брахманов, к индусскому Кришне. Мягко говоря, это очень странно, что христиане претендуют на то, что их религия обоснована на пророчестве Библии, в которой такого пророчества нигде нет. В какой же главе или стихе Иегова, «Господь Бог», обещает Адаму и Еве послать им Искупителя, который спасет человечество?

> «Я положу вражду между тобой и женщиной», – говорит Господь Бог змию, – «и между твоим семенем и ее семенем; и оно поранит твою голову, и ты поранишь его пятку».

---

[44] В египетских священных книгах сказано, что Изида и Озирис появились (т. е. им поклонялись) на земле позднее, чем Тот, *первый* Гермес, названный Трисмегистом, который написал все их священные книги по велению Бога или по «божественному откровению». Товарищем и наставником Изиды и Озириса был Тот или Гермес II, который был воплощением небесного Гермеса.

В этих словах нет ни малейшего намека на Искупителя, и изощреннейший ум не в состоянии извлечь из них, как они стоят в третьей главе «Книги Бытия», ничего похожего на то, что христиане ухитрились там найти. С другой стороны, в традициях и в «Ману» Брахма прямо обещает первой паре людей послать им Спасителя, который будет учить их пути к спасению.

> «Из уст посланца Брахмы, который родится в Курукшетра, Матсья и земли Панчола, также называемой Канья-Кубья (гора Девы), все люди на земле узнают свой долг», – гласит «Ману» [кн. II, шл. 19, 20].

Мексиканцы зовут Отца своей Троицы Изона, Сына – Бакаб, а Святого Духа – Эхвах, и «говорят, что получили это (учение) от своих предков» [428, с. 165]. Среди семитических народов мы можем проследить троицу до доисторических дней баснословного Сезостриса, которого более чем один критик отождествляет с Нимрудом, «могучим охотником». Мането влагает в уста оракула упрек царю, когда последний задал вопрос:

> «Скажи мне, ты, сильный в огне, кто до меня был в состоянии подчинить себе все вещи? И кто сможет после меня?» – И оракул ответил ему: – «Сперва Бог, затем Слово, и затем «Дух»» [**429**, кн. I, гл. IV].

В вышеизложенном заключается основание лютой ненависти христиан к «язычникам» и теургам. Слишком много было *заимствовано;* древние религии и неоплатоники преследовались ими с достаточной яростью, чтобы приводить в недоумение мир в течение нескольких тысячелетий. Если древние религии не были бы с такой быстротой изглажены из памяти людской, то невозможно было бы проповедовать христианскую религию как Новый Завет или непосредственное Откровение от Бога Отца, данное через Бога Сына под влиянием Бога Святого Духа. В качестве острой политической необходимости, отцам церкви приходилось – чтобы удовлетворять желания своих богатых новообращенных – даже учреждать празднества Пана. Они пошли так далеко, что приняли церемонии, которые до тех пор совершал языческий мир в честь *Бога садов,* во всей их примитивной *искренности* [430]. Настала пора пресечь эту связь. Или языческое поклонение и неоплатоническая теургия со всем церемониалом магии должны были быть раздавлены навсегда, или же христианам надо было стать неоплатониками.

Яростная полемика и битвы в одиночку между Иринеем и гностиками достаточно известны и поэтому не нуждаются в повторении. Они велись более двух столетий после того, как неразборчивый в средствах епископ из Лиона произнес свой последний религиозный парадокс. Цельс, неоплатоник и ученик школы Аммония Саккаса, привел христиан в замешательство и даже на время задержал прогресс прозелитизма тем, что весьма успешно доказал, что первоначальные и более чистые формы наиболее важных догм христианства следует искать только в учениях Платона. Цельс обвинил их в принятии от язычества его наихудших суеверий и в использовании отрывков из *Книги Сивилл* без надлежащего понимания их значения. Обвинение было настолько правдоподобно и факты настолько очевидны, что долго ни один христианский писатель не отважился ответить на вызов. Ориген, по горячей просьбе своего друга Амброзия, был первым кто взялся за защиту, так как он раньше принадлежал к той же платонической школе Аммония и считался наиболее компетентным человеком, чтобы отразить хорошо обоснованные обвинения. Но его красноречие не помогло, и единственным средством,

какое только можно было найти, явилось уничтожение самих писаний Цельса[45]. Это могло быть осуществлено только в пятом веке, когда с этого труда были сняты копии, и многие прочли и изучили его. Если ни одна из этих копий не дошла до поколения нынешних ученых, то это не потому, что ни одной больше не существует в нынешнее время, но по той простой причине, что монахи одной Восточной церкви на Афонской горе и не покажут и не признаются, что у них есть один экземпляр.*

[**Прим.* Мы узнали эти факты от достоверного свидетеля, незаинтересованного в том, чтобы изобретать такое повествование. Повредив ногу при падении с парохода в лодку, с которой ему предстояло высадиться на эту Гору, он попал в попечение этих монахов и в течение выздоровления благодаря денежным подаркам и подношениям стал их лучшим другом и, наконец, завоевал их полное доверие. Когда он попросил одолжить ему какие-нибудь книги, глава монастыря повел его в большой погреб, где хранились их священные сосуды и другое имущество. Открыв большой сундук, полный старых заплесневелых рукописей и свитков, глава пригласил своего гостя *позабавиться».* Джентльмен был ученый, хорошо знающий латинские и греческие писания. «Я был поражен», говорит он в своем частном письме, «и дыхание мое захватило, когда среди этих старых пергаментов, с которыми так бесцеремонно обращались, нашел несколько самых ценных реликвий первых веков, которые в настоящее время считались утерянными». Между прочим он нашел наполовину разрушившийся манускрипт, который, он совершенно в этом уверен, должен быть копией с *«Истинного учения»,* Λογος άληθής Цельса, из которого Ориген приводит цитаты целыми страницами. Наш путник делал записи весь день, сколько мог, но когда он пришел к главе монастыря с предложением купить у него несколько пергаментов, то, к великому своему удивлению, увидел, что никакая сумма денег не может соблазнить монахов. Они не знали, что в этих рукописях содержалось, и сказали, что «и не желают знать». Но «куча писанины», они добавили, переходила от одного поколения к другому, и существовала традиция, что эти документы однажды станут средством сокрушения «великого апокалипсического зверя», их наследственного врага – Римской церкви. Они постоянно ссорились и сражались с католическими монахами и *знали,* что среди этой «кучи» находилась «святая» реликвия, которая защищает их. Они не знали, *которая* это именно была, потому и воздержались. Похоже на то, что глава, проницательный грек, догадывался о *bevue* и раскаивался за свою любезность, так как он, прежде всего, взял с путешественника честное слово, а затем заставил его поклясться перед иконой Святой Покровительницы Острова, что тот никогда не выдаст их секрета и, по меньшей мере, не назовет имени их монастыря. А наконец, когда этот исследователь, потративший около двух недель на перечитывание всякой старинной дребедени, лежавшей в сундуке, пока не добрался до ценных рукописей, выразил желание опять получить ключ от сундука, чтобы он мог «позабавиться» с этими писаниями еще раз, то ему с очень *наивным* видом сообщили, что «ключ утерян», и они даже не знают, где его искать. И таким образом у нашего путешественника остались только его записи.]

Возможно, что вследствие их большого невежества они даже сами не знают ценности содержания своих рукописей.

Разрушение эклектической школы стало самой желанной мечтой христиан. Искали к этому пути, над этим задумывались с напряженной озабоченностью. И наконец это было достигнуто. Члены этой школы были рассеяны руками чудовищ Теофила, епископа Александрийского и его племянника Кирила – убийцы юной, ученой и невинной Ипатии![46]

После смерти замученной дочери математика Феона неоплатоникам невозможно было продолжать деятельность своей школы в Александрии. Пока была жива юная

---

[45] Вышеупомянутый Цельс, живший между вторым и третьим веками, не есть Цельс Эпикуреец. Последний написал несколько трудов, направленных против магии, и жил несколько раньше, во время царствования Адриана.

[46] См. исторический роман Кенон Кингели «Ипатия», где весьма живописно описана трагическая судьба этой юной мученицы.

Ипатия, ее дружба и влияние на Ореста, правителя города, обеспечивало философам безопасность и защиту от их идущих на убийства врагов. С ее смертью они потеряли своего самого сильного друга. Насколько ее почитали все, знавшие ее, за ее эрудицию, благородство, добродетели и характер, – можно заключить из писем, адресованных ей Синезием, епископом Птолемеи, отрывки из которых дошли до нас.

> «Мое сердце томится по присутствию вашего божественного духа», – писал он в 413 г. н. э., – «которое более чем что-либо другое могло бы смягчить горечь моей судьбы».

В другом месте он говорит:

> «О, моя мать, моя сестра, мой учитель, мой благодетель! Моя душа очень опечалена. Воспоминания о моих детях, которых я потерял, убивают меня... Когда я слышу вести о вас и узнаю, как я надеялся, что вы более счастливы, чем я сам, тогда я, по меньшей мере, только наполовину несчастен».

Каковы были бы чувства этого наиболее благородного и достойного из христианских епископов, который оставил семью и детей и счастье ради веры, к которой его влекло, если бы пророческое видение раскрыло ему, что его единственный друг, оставшийся у него, его «мать, сестра и благодетель» – вскоре превратится в неузнаваемое месиво мяса и крови, расколоченного, как студень, под ударами дубины Петра Чтеца – что ее юное невинное тело будет разрезано на куски, что «плоть будет соскребываться с костей» устричными раковинами, а остальное будет брошено в костер по приказу того же самого епископа Кирила, которого он так хорошо знал – Кирила, КАНОНИЗИРОВАННОГО Святого!![47]

В летописях мира никогда не было религии, которая вписала туда такие кровавые страницы, как христианство. Все остальные, включая и традиционные яростные сражения «избранного народа» со своими родственными, идоло-поклоняющимися племенами Израиля, бледнеют перед кровожадным фанатизмом самозваных последователей Христа! Даже быстрое распространение магометанства перед побеждающим мечом пророка ислама является прямым следствием кровавого разгула и сражений между христианами. Междоусобная война несториан и кириловцев явилась тем, что зародило исламизм; и в монастыре Бозрах было посеяно то плодовитое семя Бахирою, несторианским монахом. Свободно обводняемое реками крови дерево Мекки разрослось так, что в нынешнем веке под его тенью ютится более двухсот миллионов людей. Недавние зверства в Болгарии ничто иное, как естественные последствия восторжествования Кирила и Марио-поклонников.

Жестокий, коварный политикан, интриган-монах, прославленный церковной историей, окруженный ореолом святого мученика. Ограбленные философы, неоплатоники и гностики, ежедневно предаваемые анафеме церковью по всему миру в течение долгих мрачных веков. Проклятие бесстрастного божества, ежечасно вызываемое церковью на магические церемонии и применение теургии, тогда как христианское духовенство само веками пользуется *колдовством.* Ипатия, чудесная девушка-философ, разорванная на куски беснующейся толпою христиан. И такие, как Катерина Медичи, Лукреция Борджиа, Жанна Неапольская и Испанская Изабелла, преподнесены миру, как верные дочери церкви – некоторые их них даже награждены папою орденом «Беспорочной Розы»,

---

[47] Мы просим читателя не забыть, что это был тот самый Кирил, который был обвинен в продаже золотых и серебряных украшений своей церкви и растрате этих денег, что и было доказано. Он признался в вине, но пытался оправдаться тем, что полученные деньги якобы истратил на помощь бедным, чего, однако, не смог доказать. Его двуличность с Арием и его партией хорошо известна. Таким образом один из первых христианских святых и к тому же учредитель Троицы появляется на страницах истории, как убийца и вор!

высочайшим символом женской чистоты и добродетели, символом посвященным Беспорочной матери Божией! Таковы примеры человеческой справедливости! Насколько менее кощунственным кажется полное отвержение Марии как беспорочной богини, чем идолопоклонное ее обожествление, сопровождаемое такими деяниями.

В следующей главе мы дадим несколько иллюстраций по колдовству, как оно практиковалось под покровительством римской церкви.

ГЛАВА II
ХРИСТИАНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЯЗЫЧЕСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

«Они берутся в милях сосчитать
И нам про ад подробно рассказать;
……
И души грешников в дыму коптятся там,
Подобно ветчине вестфальской иль бычьим языкам;
И, в ожидании прощенья,
Псалмы поют во искупленье».

– Олдхэм, «Сатира на иезуитов».

«ЙОРК – Но вы гирканских тигров даже
Безжалостнее в десять раз».

– Король Генрих VI, часть 3, акт I, сцена IV.

«УОР – Послушайте, о, господа, – раз девушка она,
Не пожалейте дров, пусть будет их довольно;
Смолу из бочек лейте на костер».

– Король Генрих VI, часть I, акт V, сцена IV.

В знаменитом труде Бодина о колдовстве [433] имеется страшный рассказ о Катерине Медичи. Автор этого труда – ученый публицист, в течение двадцати лет своей жизни собиравший подлинные документы из архивов почти всех значительных городов Франции, чтобы создать завершенный труд по колдовству, магии и силам различных «демонов». По выражению Элифаса Леви, эта книга представляет собою весьма замечательное собрание «кровавых и уродливых фактов; актов отвратительных суеверий, арестов и казней со звериной жестокостью». «Сжигай всех!»– Инквизиция как бы говорит – Бог сам легко отсортирует своих! Бедные глупцы, истеричные женщины и идиоты поджаривались живыми безжалостно по обвинению в «магии». Но, «в то же самое время, сколько великих преступников избегало этого несправедливого кровожадного *правосудия!* Вот что Бодин дает нам полностью оценить.

Катерина, эта благочестивая христианка, – за которой в глазах церкви Христа имелась огромная заслуга за устройство зверской, незабываемой массовой резни Варфоломеевской ночи – королева Катерина держала у себя на службе якобинского священника-отступника. Будучи хорошо сведущ в «черном искусстве», нашедшем полную поддержку у семьи Медичи, он заслужил благодарность и покровительство своей набожной хозяйки своим несравнимым умением убивать людей на расстоянии путем калечения с заклинаниями их восковых изображений. Этот процесс так часто описывался, что нам нет надобности его повторять.

Карл лежал, заболевши неизлечимой болезнью. Королева-мать, которой с его смертью пришлось бы все потерять, прибегла к некромантии и советовалась с оракулом «кровоточащей головы». Это адское деяние требовало обезглавливания ребенка, который должен был обладать большою красотой и чистотой. Он был тайно подготовлен для его первого причастия придворным *капелланом,* который был поставлен в известность об

этом заговоре, и в полночь назначенного дня в комнате больного и в присутствии одной только Катерины и нескольких ее союзников «чертова месса» была отслужена. Остальное повествование приводим в таком виде, как оно изложено в одном из трудов Леви:

> «В этой мессе, отслуженной перед изображением демона, имея под ногами перевернутый крест, колдун освятил две облатки, одну черную и одну белую. Белую дали ребенку, которого они принесли одетым как бы для крещения, и которого умертвили тут же на ступенях алтаря сразу же после его причастия. Его голову, отделенную от туловища одним единым ударом, кровоточащую все время, положили на большую черную облатку, которая покрывала дно дискоса, затем поместили на стол, где горели какие-то таинственные лампы. Затем началось вызывание; от демона требовали, чтобы он произнес предсказание и ответил устами этой головы на тайный вопрос, который король не осмеливался произнести громко и который никому другому не был сообщен. Затем из головы маленького бедного мученика послышался слабый голос, странный голос, в котором не было ничего человеческого».

Колдовство ничем не помогло; король умер и – Катерина осталась верной дочерью Рима!

Как странно, что де Мюссе, который так свободно пользовался материалами Бодина, чтоб построить свое грозное обвинение против спиритуалистов и других колдунов – не заметил этого интересного эпизода!

Это достоверно установленный факт, что кардинал Бено публично обвинил папу Сильвестра III, что он колдун и заклинатель. Медная «голова-оракул», изготовленная его святейшеством, была из того же рода, как и изготовленная Альбертом Магнусом. Последнюю разбил на куски Фома Аквинский – разбил не потому, что ее изготовил или в ней обитал «демон», но потому, что закрепленная месмерической силою внутри головы сущность говорила беспрерывно, и ее многословие мешало этому красноречивому святому заниматься своими математическими проблемами. Эти головы и другие говорящие статуи, трофеи магического искусства монахов и епископов, представляли собою факсимиле «оживленных» богов храмов древности. Обвинение против папы в то время было доказано. Также было явлено, что его постоянно сопровождают «демоны» или духи. В предыдущей главе мы упоминали Бенедикта IX, Иоанна XX и VI и VII Григория, которые всем были известны, как чародеи. Последний Папа, кроме того, был знаменитый Гильдебрант, про которого говорили, что он большой мастер по «вытряхиванию молнии из рукава». Это – выражение, которое заставило достопочтимого спиритуалистического писателя м-ра Ховита думать, что «это послужило источником знаменитого ватиканского грома».

Магические достижения епископа Ратисбонского и магические достижения «ангельского доктора», Фомы Аквинского, слишком хорошо известны и не нуждаются в повторном описании; но в дальнейшем можем объяснить, как эти «иллюзии» первого были произведены. Если католический епископ был так искусен, что в холодную зимнюю ночь заставил людей поверить, что они наслаждаются радостями прекрасного летнего дня, и сделал так, что свисающие с ветвей садовых деревьев ледяные сосульки стали им казаться тропическими фруктами, то индусские маги также до нынешнего дня демонстрируют такие биологические силы и не претендуют при этом на помощь ни от бога, ни от дьявола. Такие «чудеса» все производятся той же самой человеческой энергией, которая присуща каждому человеку, лишь бы он знал как ее развивать.

Около времени Реформации изучение алхимии и магии настолько распространилось среди духовенства, что это привело к большому скандалу. Кардинал Уолси был открыто обвинен перед судом и Тайным Советом в сообщничестве с человеком по имени Вуд, колдуном, который сказал, что:

> *«Мой лорд кардинал имел такое кольцо, благодаря которому что бы он ни попросил от его милости Короля – он все получал»,* – при этом он добавил, что: *«Мастер Кромвель, когда*

он... был слугою в доме моего лорда кардинала... читал много книг и, в особенности, книгу Соломона... и изучал металлы и то, какими они обладают свойствами по канону Соломона».

Этот случай вместе с другими такими же любопытными можно найти среди бумаг Кромвеля, и хранящихся в архиве Ролз Хауза.

Священник по имени Уильям Стейплтон был арестован за колдовство во время правления Генриха VIII и отчет о его похождениях все еще хранится в архивах Ролз Хауза. Сицилийский священник, которого Бенвенуто Челлини называет некромантом, прославился своими успешными заклинаниями и никогда не был преследуем. Замечательное преклонение Челлини вместе с ним в Колизее, где священник вызвал целую армию дьяволов, хорошо известно читающей публике. Последующая встреча Челлини со своей возлюбленной в точно предсказанное этим же заклинателем время, конечно, будет опять рассматриваться, как «любопытное совпадение». Во второй половине шестнадцатого века едва ли можно было найти приход, где священники не изучали бы магию и алхимию. Применение заклинаний для изгнания бесов в «подражание Христу», который, между прочим, никогда не пользовался заклинаниями, привело к тому, что духовенство открыто посвятило себя «священной» магия в противовес черному искусству, в каковом, как в преступлении, обвинялись все те, кто не были ни священниками, ни монахами.

Оккультные знания, собранные римской церковью с когда-то богатых полей теургии, ревниво охранялись ею для своего собственного употребления, и она посылала на костер только тех практиков, кто «браконьерствовал» на ее землях *Scientia Scientiarum,* а также тех, чьи грехи не могли быть сокрыты под монашеской сутаной. Доказательства к этому находятся на страницах истории.

> «В течение только пятнадцати лет между 1580 и 1595 гг. и только в одной провинции Лотарингии председатель Ремигиус сжег 900 ведьм», – говорит Томас Райт в своей «Колдовство и магия».

Это были дни, изобилующие убийствами, совершаемыми духовенством и не превзойденной жестокостью и зверствами, когда писал Жан Бодин.

В то время как ортодоксальное духовенство вызывало целые легионы «демонов», пользуясь магическими заклинаниями и оставаясь безнаказанным со стороны властей, лишь бы оно крепко держалось за установленные догмы и не проповедовало ереси, – с другой стороны, акты ни с чем несравнимых зверств совершались над бедными несчастными глупцами. Габриэль Малагрида, восьмидесятилетний старик, был сожжен этими евангельскими палачами в 1761 году. В Амстердамской библиотеке имеется экземпляр отчета об этом знаменитом судопроизводстве в переводе с Лисабонского издания. Он был обвинен в колдовстве и в запрещенных сношениях с Дьяволом, который «открыл ему *будущее»* (?) Пророчество, которое Сатана сообщил бедному визионеру иезуиту, изложено в следующих выражениях:

> «Преступник признался, что демон в виде святой Девы, приказав ему написать жизнеописание Антихриста (?), сказал ему, что он, Малагрида, является вторым Иоанном, но с более ясным умом, чем у Иоанна Евангелиста; что должны появиться три антихриста и что последний из них родиться в Милане от одного монаха и монахини в 1920 году; что он женится на Прозерпине, одной из адских фурий», и т. д.

Пророчество должно быть проверено через сорок три года с настоящего момента. Даже если бы всем детям, родившимся от монахов и монахинь, предстояло стать антихристами, если бы им позволили дожить до зрелых лет, этот факт казался бы менее заслуживающим сожаления, чем те открытия, которые были сделаны во многих монастырях, когда понадобилось по каким-то причинам, удалить фундаменты. Если

утверждениям Лютера не захотят поверить из-за его ненависти к папству, тогда мы можем указать на открытия такого же рода, недавно сделанные в Австрии и в российской Польше. Лютер говорит о рыбоводном пруде в Риме, расположенном близ женского монастыря; когда по приказу папы Григория пруд был спущен, на дне его обнаружили более шести тысяч детских черепов, те же самые показатели целомудрия и чистоты были обнаружены в женском монастыре в Нейнбурге в Австрии, когда разрыли фундамент!

«Ecclesia non novit Sanguinem!» – кротко повторяли облаченные в алое кардиналы. И чтобы избегнуть кровопролития, которое ужасало их, они учредили Святую Инквизицию. Если, как утверждают оккультисты, и как наука наполовину подтверждает, наши, даже самые пустяковые деяния и мысли неизгладимо отпечатываются в вечном зеркале астрального эфира, то где-то в беспредельном царстве невидимой вселенной должен быть отпечаток любопытной картины. На этой картине – гордое знамя, развеваемое небесным ветром у подножия великого «белого трона» Всемогущего. На одной стороне его малиновой узорчатой ткани крест, символ «Сына Божьего, который умер за человечество», по одну его сторону *оливковая ветвь,* а по другую – меч, по рукоять испачканный человеческой кровью. Надпись из «Псалмов» золотыми буквами гласит: *«Exurge, Domine, et judica causam meam».* Ибо таково знамя Инквизиции на имеющейся у нас фотографии, снятое с подлинника, имевшегося в Эскуриале Мадрида.

Под этим христианским знаменем в короткий четырнадцатилетний период Томас де Торквемада, духовник королевы Изабеллы, сжег более десяти тысяч человек и приговорил к пыткам более восьмидесяти тысяч. Оробио, хорошо известный писатель, которого так долго продержали в заключении и который едва спасся от костра Инквизиции, увековечил это учреждение в своих трудах, когда очутился на свободе в Голландии. Он не нашел лучшего аргумента против Святой церкви, как принять еврейскую веру и даже подвергнулся обрезанию.

> «В Сарагосском соборе», – говорит один писатель про Инквизицию, – «находится гробница знаменитого инквизитора. Шесть колонн окружают эту гробницу; *к каждой колонне прикован цепью мавр,* приготавливаемый к сожжению».

По этому поводу Сен Фойкс чистосердечно высказывается:

> «Если бы когда-либо палачи какой-нибудь страны настолько разбогатели, чтобы иметь великолепную гробницу, то эта могла бы послужить прекрасной моделью!»

Однако, чтобы довести ее до полного совершенства, строителям этой гробницы не следовало забыть высечь на ней барельеф той знаменитой лошади, которая была сожжена за колдовство и чародейство. Грейнджер рассказывает нам эту историю, так как она произошла в его время. Бедное животное

> «было обучено узнавать количество знаков на игральных картах, а также сообщать, который час на часах. Лошадь и ее владелец оба были обвинены святой инквизицией в сношениях с Дьяволом и оба с великой церемонией были сожжены на *auto-da-fe,* в Лиссабоне в 1601 г. как колдуны!»

Это бессмертное учреждение христианства не осталось без своего Данте, воспевшего ему хвалу.

> «Мацедо, португальский иезуит», – говорит автор «Демонологии», – «открыл происхождение инквизиции в земном Раю и утверждает, что Бог был первым, который начал выполнять функции инквизитора над Каином и рабочими Вавилона!»

В течение средних веков духовенство нигде столько не занималось магией и колдовством, как в Испании и Португалии. Мавры глубоко проникли в оккультные науки, и в Толедо, Севилье и Саламанке когда-то существовали великие школы магии. Каббалисты Саламанки были очень искусны во всех глубоких науках; они знали свойства драгоценных камней и других минералов и извлекали из алхимии ее глубочайшие секреты.

Подлинные документы по большому судебному процессу Марешал д'Анкре во время регентства Марии де Медичи раскрывают, что эта несчастная женщина погибла по вине священников, которыми она, как истинная итальянка, окружила себя. Она была обвинена жителями Парижа в колдовстве, так как утверждали, что сразу после церемонии изгнания духов она употребила только что зарезанных белых петухов. Считая себя постоянно околдованной и будучи весьма хрупкого здоровья, Марешал публично сама прошла церемонию изгнания духов в церкви августинцев; что же касается птиц, то она пользовалась ими для прикладывания ко лбу, так как испытывала страшные головные боли, и делала это она по совету Монтало, еврея-врача королевы и итальянских священников.

В шестнадцатом веке кюре де Барджота из епархии Каллахора в Испании стал мировым чудом из-за своих магических сил. Как рассказывают, самые необычайные его деяния заключаются в том, что он мог переноситься в любую отдаленную страну, наблюдать там политические и другие события и затем, вернувшись в свою страну, предсказывать эти события. В *«Хронике»* сказано, что у него был знакомый демон, который верно служил ему долгие годы, но кюре стал неблагодарным и обманывал его. Будучи осведомлен этим демоном о готовящемся покушении на жизнь папы римского в связи с его интригой с некой прекрасной дамой, кюре перенесся в Рим (разумеется, – в своем двойнике) и спас там жизнь его святейшества. После этого он раскаялся в своих грехах перед галантным папою и *получил от него прощение грехов.*

> «По возвращении, ради формы, он был отправлен в заточение у инквизиторов Лофано, но был оправдан и очень скоро выпущен на свободу».

Брат Пьетро, доминиканский монах четырнадцатого столетия – маг, который преподнес в подарок знаменитому д-ру Эудженио Торралве, врачу принадлежавшему дому адмирала Кастилье – демона по имени Зекиэль, – приобрел свою славу и известность через последовавший судебный процесс Торралвы. Этот необычайный судебный процесс и сопровождающие его обстоятельства описаны в подлинных документах, сохранившихся в архивах Инквизиции. Кардинал Вольтерры и кардинал Санта-Круса оба видели и сообщались с Зекиэлем, который в течение всей жизни Торралвы оказался чистосердечным, добрым, элементальным духом, совершавшим много благодеяний, и оставшимся верным этому врачу до последнего часа его жизни. Даже Инквизиция оправдала Торралву по этому поводу; и хотя бессмертная известность была ему обеспечена сатирою Сервантеса, ни Торралва, ни монах Пьетро не являются вымышленными героями, но историческими персонажами, занесенными в церковные документы Рима и Куенца, в каковом городе происходил судебный процесс над врачом 29 января 1530 г.

Книга д-ра У. Г. Солдана из Штутгарта стала такой же знаменитой в Германии, какою стала книга «Демономания» Бодина во Франции. Это наиболее полный германский трактат по колдовству шестнадцатого века. Тот, кто интересуется узнать тайные пружины, скрытые за этими тысячами законных убийств, совершенных духовенством, притворяющимся, что оно верит в Дьявола, и преуспевшим заставить других поверить в него, – найдет этот секрет раскрытым в вышеупомянутом труде [434]. Истинное происхождение обвинений и смертных приговоров за колдовство в этой книге тонко прослежено до личной и политической враждебности и, прежде всего, ненависти католиков к протестантам. На каждой странице этих кровавых трагедий видна коварная

работа иезуитов; и наибольшее количество ведьминых процессов приходится на Бамберг и на Вюрцбург, где эти достойные сыны Лойолы в то время были наиболее сильны. На следующей странице мы приводим любопытный список некоторых жертв, среди которых многие являются детьми в возрасте семи-восьми лет, и протестантами.

> «Из множеств людей, погибших за колдовство на кострах Германии в течение первой половины семнадцатого века, было много таких, чье преступление заключалось в их приверженности к религии Лютера», – говорит Т. Райт, – «... и мелкие князья были не против ухватиться за любую возможность пополнить свои сундуки... наиболее преследуемыми являлись лица, обладающие значительными состояниями... В Бамберге так же как и в Вюрцбурге епископ являлся суверенным князем в своих владениях. Князь-епископ, Иоанн Георг II, который правил Бамбергом... после нескольких безуспешных попыток выкорчевать Лютеранство, прославил свое правление серией кровавых ведьминых процессов, которые опозорили летописи этого города... Мы можем получить некоторое представление о деяниях его достойного агента[48] по утверждениям наиболее достоверных источников о том, что между 1625 и 1630 гг. состоялось не менее 900 процессов в двух судах Бамберга и Цейля; и в статье, опубликованной властями в Бамберге в 1659 г., сообщается, что количество лиц, которых епископ Иоанн Георг предал сожжению на костре за колдовство, достигло 600» [**97**, т. II, стр. 185].

Сожалея о том, что недостаток места не позволяет нам опубликовать полностью один из наиболее интересных в мире списков сожжения ведьм, мы тем не менее приведем несколько выдержек из подлинного списка, отпечатанного в Хауберовской *«Bibliotheca Magica».* Одного взгляда на этот ужасающий каталог убийств во имя Христа достаточно, чтобы убедиться, что из 162 сожженных лиц половина обозначена, как *чужие* (т. е. протестанты) в этом гостеприимном городе; а в другой половине мы находим *тридцать четырех детей,* старшему из них было четырнадцать лет, а самый маленький – *младенец* д-ра Шютца. Чтобы этот перечень был короче, мы приведем только наиболее выделяющиеся из каждого из двадцати девяти *сожжений.*[49]

В первом сожжении – четыре человека.
Вдова старого Анкера. Жена Либлера. Жена Гутбродта. Жена Хекера.
Во втором сожжении – четыре человека.
Две чужие женщины (имена неизвестны).
Старая жена Бевтлера.
В третьем сожжении – пять человек.
Тунгерслебер, менестрель.
Четыре жены горожан.
В четвертом сожжении – пять человек.
Чужой мужчина.
В пятом сожжении – девять человек.
Лутц, знаменитый лавочник.
Жена сенатора Баунаха.
В шестом сожжении – шесть человек.
Жена толстого портного.

---

[48] Фредерик Фернер, Епископ Бамбергский, автор трактата против еретиков и колдунов под названием «Panoplia Armaturoe Dei».

[49] Кроме этих сожжений в Германии, которые достигают многих тысяч, мы находим некоторые очень интересные сообщения в книге проф. Дрейпера «История конфликта между религией и наукой» [**48**]. На стр. 146 он говорит: «Семьи осужденных подвергались полному разорению. Ллоренте, историк Инквизиции, подсчитал, что Торквемада и его приспешники в течение восемнадцати лет сожгли на костре 10220 человек; изображений человеческих сожжено 6819; наказано иными способами 97321 человек!.. С невыразимым отвращением и возмущением мы узнаем, что Папское правительство получило большие суммы денег путем продажи богатым разрешений, освобождающих их от посягательств Инквизиции».

Чужой мужчина.
Чужая женщина.

В седьмом сожжении – семь человек.

Двенадцатилетняя чужая девочка.
Чужой мужчина, чужая женщина.
Чужой управляющий (Шултхейсс).
Три чужие женщины.

В восьмом сожжении – семь человек.

Сенатор Баунах, самый толстый горожанин Вюрцбурга.
Чужой мужчина.
Две чужие женщины.

В девятом сожжении – пять человек.

Чужой мужчина.
Мать и дочь.

В десятом сожжении – три человека.

Штейнахер, очень богатый человек.
Чужой мужчина, чужая женщина.

В одиннадцатом сожжении – четыре человека.

Двое мужчин и две женщины.

В двенадцатом сожжении – два человека.

Две чужие женщины.

В тринадцатом сожжении – четыре человека.

Маленькая девочка лет девяти или десяти.
Девочка моложе ее – ее маленькая сестра.

В четырнадцатом сожжении – два человека.

Мать вышеупомянутых двух маленьких девочек.
Девушка двадцати четырех лет.

В пятнадцатом сожжении – два человека.

Мальчик двенадцати лет, в первом классе.
Женщина.

В шестнадцатом сожжении – шесть человек.

Мальчик лет десяти.

В семнадцатом сожжении – четыре человека.

Мальчик лет одиннадцати.
Мать и дочь.

В восемнадцатом сожжении – шесть человек.

Два мальчика в двенадцатилетнем возрасте.
Дочь д-ра Юнге.
Девушка лет пятнадцати.
Чужая женщина.

В девятнадцатом сожжении – шесть человек.

Десятилетний мальчик.
Еще мальчик в двенадцать лет.

В двадцатом сожжении – шесть человек.

Дитя Гебела, самая красивая девушка в Вюрцбурге.
Два мальчика, каждому по двенадцать лет.
Маленькая дочь Степпера.

В двадцать первом сожжении – шесть человек.

Мальчик четырнадцати лет.
Маленький сын сенатора Штолценбергера.
Два питомца школы.

В двадцать втором сожжении – шесть человек.

Штурман, богатый бондарь.
Чужой мальчик.

В двадцать третьем сожжении – девять человек.

Мальчик Давида Кротенса девяти лет.
Два сына княжеского повара, одному четырнадцать,

другому десять лет

В двадцать четвертом сожжении – семь человек.

Два мальчика в больнице.

Богатый бондарь.

В двадцать пятом сожжении – шесть человек.

Чужой мальчик.

В двадцать шестом сожжении – семь человек.

Вейденбуш, сенатор.

Маленькая дочь Валкенбергера.

Маленький сын пристава городского совета.

В двадцать седьмом сожжении – семь человек.

Чужой мальчик.

Чужая женщина.

Еще мальчик.

В двадцать восьмом сожжении – шесть человек.

Младенец, дочь д-ра Шютца.

Слепая девушка.

В двадцать девятом сожжении – семь человек.

Толстая благородная дама (Эдельфрау).

Доктор богословия.

ИТОГО:

«Чужих» мужчин и женщин, т. е. *протестантов*	28
Горожан, по-видимому, *состоятельных* людей	100
Мальчиков, девочек и малых детей	34
В течение девятнадцати месяцев	**162**

«Среди ведьм», – говорит Райт, – «были маленькие девочки от семи до десяти лет, и *двадцать семь* из них были приговорены и сожжены», во время других *brande,* или сожжений. «Количество привлекаемых к суду с этим страшным судопроизводством было настолько велико, что судьи мало вникали в суть дела, и стало обычным явлением, что даже не давали себе труда записывать имена обвиняемых, а обозначали их, как обвиняемый №; 1, 2, 3 и т. д.[50] Иезуиты исповедывали их секретно».

Где место в таком богословии, которое требует таких всесожжений, как эти, чтобы насытить кровожадные аппетиты своих священнослужителей – где место в нем для следующих ласковых слов:

«Дозвольте малым детям приходить ко мне, не запрещайте им, ибо им принадлежит царство Небесное». «Ибо нет на то воли вашего Отца... чтобы кто-либо из этих малых погиб». «Но кто обидит одного из малых сих, кто верят в меня, *тому лучше было бы привязать жернов* на шею и быть брошенному в морские глубины».

Мы искренне надеемся, что вышеприведенные слова не оказались пустой угрозой для этих сжигателей детей.

Разве эта резня во имя своего Молоха-бога удержала этих искателей наживы самих от применения черного искусства? Ничуть; ибо ни в одном классе населения не было такого множества советующихся со «знакомыми» духами, как в духовенстве пятнадцатого, шестнадцатого и семнадцатого веков. Правда, среди жертв инквизиции были и некоторые католические священнослужители, но, хотя они, обычно, были обвинены «в деяниях слишком страшных, чтобы их можно было описывать», в самом деле это было не так. В выше перечисленных двадцати девяти сожжениях мы находим имена *двенадцати* викариев, *четырех* каноников и двух докторов богословия, *сожженных живыми.* Но стоит нам только обратиться к опубликованным в то время трудам, и мы убеждаемся, что каждый из обвиняемых папских священнослужителей был

[50] [97]: «The Burnings at Wurtzburg», с. 186.

обвинен в «проклятой ереси», т. е. в склонности к реформации, к протестантству, что считалось преступлением, намного более ужасным, чем колдовство.

Мы отсылаем тех, кто хотят узнать, как католическое духовенство объединяло исполнение обязанностей с удовольствиями в делах по изгнанию злых духов, мести и наживе в книге У. Ховитта «История сверхъестественного [118, т. II, гл. I]. «В книге «Pneumatologia Occulta et Vera» изложены все формы заклинаний и вызываний», говорит этот заслуженный писатель. Затем он приступает к длинному описанию излюбленных *modus operand!* «Догмы и ритуалы высшей магии» покойного Элифаса Леви, которую так высмеивал и поносил де Мюссе, рассказывает о таинственных церемониях и приемах только то, что практиковалось законно и с молчаливым, если и не с открытым согласием церкви священнослужителями средних веков. В полночь заклинатель-священник вступал в круг; он был одет в новый стихарь, и с шеи его свисала освященная лента с начертанными на ней священными знаками. На голове он носил высокую, остроконечную шапку, на которой спереди по-еврейски было написано святое слово, Тетраграмматон – непроизносимое имя. Оно было написано новым пером, обмакнутым в кровь белого голубя. К чему больше всего заклинатель стремился, так это к освобождению несчастных духов, *которые обитают в местах, где лежат спрятанные сокровища.* Заклинатель обрызгивает круг кровью черной овцы и белого голубя. Священнослужителю приходилось заклинать злых духов ада: Ахеронта, Магота, Асмодея, Вельзевула, Велиала и всех проклятых душ могущественными именами Иеговы, Адоная, Элоха и Саваофа; последний из них был богом Авраама, Исаака и Иакова, обитавшим в Урим и Туммим. Когда проклятые души кидали в лицо заклинателя обвинения, что он сам грешник и не мог получить от них сокровища, священник-колдун должен был ответить, что «все его грехи смыты кровью Христа[51] и он приказывал им удалиться как проклятым духам и обреченным духам». Когда заклинатель, наконец, их выгнал, то бедная душа «получала утешение во имя Спасителя и *поручалась заботам добрых ангелов»,* которые, выходит, были не так сильны, как заклинатели – католические знаменитости, «а высвобожденные клады, конечно, передавались церкви».

> «Определенные дни», – добавляет Ховитт, – «отводились в календаре церкви, как наиболее благоприятные для совершения изгнания; а если прогнать бесов было трудно, то рекомендовалось применить воскуривание серы, асфетиды, медвежьей желчи и руты, что, как думали, должно было выкурить зловонием даже чертей».

Вот эта та церковь и то священство, которые в девятнадцатом веке оплачивают 5000 священников, чтобы они проповедовали народу Соединенных Штатов неверность науки и непогрешимость римского епископа!

Мы уже отметили признание одного выдающегося духовного лица, что исключение Сатаны из богословия было бы роковым для существования церкви. Но это правдиво только отчасти. Князь греха ушел бы, но сам грех выжил бы. Если бы Дьявол был уничтожен, *«Догматы веры»* и Библия остались бы. Короче говоря, было бы так называемое божественное откровение и существовала бы необходимость в притворно вдохновенных толкователях. Поэтому мы должны рассмотреть подлинность самой Библии. Мы должны изучать ее страницы и увидеть, действительно ли они содержат заповеди божества, или же это только компендиум древних преданий и вековых мифов. Мы должны пытаться истолковать их сами – если это возможно. Что же касается ее лицемерных толкователей, то для них мы находим единственную связь с Библией в том, что их можно приравнять к человеку, описанному мудрым царем Соломоном в своей «Книге Притчей» – к человеку, совершающему эти «шесть ... даже *семь»* вещей, что ненавидит Господь, а именно:

---

[51] И снова нанесены с кровью миллионов, умерщвленных во имя Его – с кровью не менее невинной, чем Его собственная – с кровью малых детей-*ведьм.*

«Глаза *гордые,* язык *лживый* и руки, проливающие *кровь невинную,* сердце, *кующее злые замыслы;* ноги, быстро бегущие к злодейству; *лжесвидетель,* наговаривающий ложь и *сеющий раздор между братьями».* [*«Притчи»,* VI, 16-19].

По которому из этих обвинений остался безвинным длинный ряд людей, оставивших отпечатки своих ног в Ватикане?

«Когда демоны», – говорит Августин, – *«проникают* во твари, они начинают приспосабливаться *к хотению каждого...* Для того, чтобы привлечь людей, они начинают совращать их тем, что симулируют повиновение... *Как может человек знать, если сами демоны не научили его,* что им нравится или что им не нравится: *какое имя их привлекает или какое имя принуждает их к повиновению,* всему этому искусству, короче говоря, *магии,* всей этой науке магов?»

К этому впечатляющему рассуждению «святого» мы добавим, что ни один маг никогда не отрицал, что он научился этому *искусству* от «духов», будь это медиум, при котором они действуют независимо от него, или будь он посвященный, которого посвятили в науку «вызываний» его отцы, которые знали ее раньше его самого. Но кто же тогда научил изгонителя духов? Священника, который сам себя облекает властью не только над магами, но даже над всеми теми «духами», которых он называет демонами и *дьяволами,* как только он обнаруживает, что они подчиняются кому-либо другому, кроме его самого? Должен же он был научиться где-то от кого-то овладению тою властью, какою он притворяется обладающим. Ибо,

«... как может человек знать, если сами демоны не научили его, какое имя их привлекает и какое имя принуждает их к повиновению?» – спрашивает Августин.

Бесполезно говорить, что мы знаем заранее, какой будет этот ответ:

«Откровение... *божественный* дар... Сын Божий; да нет! Сам Бог, через непосредственный Свой Дух, который спустился па апостолов как огонь Пятидесятницы, и который теперь, как уверяют, осеняет каждого священника, кто нашел целесообразным совершать изгнание бесов за прославление или за дар».

Должны ли мы тогда поверить, что недавний скандал публичного изгнания бесов, совершенного около 14-го октября 1876 г. старшим священником Церкви Святого Духа в Барселоне, в Испании – тоже произошел под непосредственным руководством Святого Духа?*

[**Прим.* Корреспондент лондонской *«Таймс»* описывает этого каталонского изгонителя бесов следующим образом:

«Около 14-го октября частным образом было объявлено, что старший священник Церкви Святого Духа будет исцелять молодую женщину лет семнадцати или восемнадцати от роду из низшего класса населения, которая продолжительное время страдает «ненавистью к священным предметам». Показ этого должен был состояться в церкви, часто посещаемой лучшей частью общества. Церковь была темная, только слабый свет лился от восковых свечей на темные фигуры приблизительно восьмидесяти или ста человек, сгрудившихся вокруг *presbyterio* или святилища перед алтарем. Внутри небольшого отгороженного пространства или святилища, отделенного от толпы легкими перилами, лежала на простой скамейке с небольшой подушкой для головы бедно одетая девушка, вероятно, из крестьянского или ремесленного сословия; ее брат или муж стоял у ее ног, чтобы держа ее за ноги, не давать ей бешено брыкаться, за что она принималась время от времени. Дверь ризницы открылась; экспонент – я подразумеваю священника – вошел. Бедная девушка, не без обоснованной причины «питала отвращение к священ ным предметам», по крайней мере, 400 бесов в ее судорожном теле

питали такое отвращение, и в мгновенном замешательстве думая, что батюшка тоже «священный предмет», согнула ноги в приподнятых коленях и завизжала судорожно дергающимся ртом, причем все ее тело дергалось и она чуть не упала со скамьи. Мужчина схватил ее за ноги, женщины поддержали ее голову и распустили ее взъерошенные волосы. Священник прошел вперед и, фамильярно вмешавшись в содрогающуюся и пораженную ужасом толпу, сказал, указывая на страдающую девушку, которая в конвульсиях рыдала на скамье: «Обещайте мне, дети мои. что вы будете вести себя благоразумно (prudentes), и, во истину, сыны и дочери мои, вы увидите чудеса». Обещание было дано. Священник пошел доставать епитрахиль и короткий стихарь (estole y roquete), он быстро вернулся и стал с боку «одержимой бесами», повернулся лицом к наблюдающим. На повестке дня имелась обращенная к присутствующим лекция и само действо изгнания бесов. «Вы знаете», сказал священник, «что отвращение этой девушки к священным предметам, включая и меня самого, настолько велико, что у нее начинаются конвульсии, брыкание, визжание и судороги тела, как только она подходит к углу этой улицы, и ее конвульсии достигают кульминации в тот момент, когда она входит в святой дом Всевышнего». Повернувшись затем к распростертому дрожащему телу несчастного предмета своей атаки, священник начал: «Именем Бога, святых, благословенного ангельского Воинства, всеми таинствами нашей церкви я заклинаю тебя, Рузбель, выйди из нее». (NB «Рузбель» – это имя одного из бесов. В Каталонии у бесов 257 имен.) После такого заклинания у девушки начались страшные конвульсии, пока, наконец, ее искаженное лицо, покрытые пеной губы и дергающиеся конечности замерли, вытянувшись на полу, и тут она с полунепристойными и полунеистовыми выражениями вскрикнула:

«Не хочу я выходить, вы, воры, мерзавцы, грабители!» Наконец, из дергающихся перекошенных уст девушки послышались слова: «Я выйду»; но тут же дьявол с традиционным упрямством добавил: «Я выброшу 100, но только через рот девушки!» Но священник возразил. Выход, сказал он, 100 бесов через маленький испанский рот этой женщины «оставит ее задохнувшейся». Тогда обезумевшая девушка сказала, что она должна раздеться, чтобы дать возможность бесам выйти. Святой отец в этой просьбе отказал. «Тогда я выйду через ее правую ногу, но сперва», – на девушке были веревочные сандалии, видно, она была из беднейшего класса, – «вы должны снять с нее сандалию». Сандалию отвязали; нога совершила судорожное движение; дьявол и его мирмидоны (так сказал священник, победно озираясь кругом) ушли на свое место. И уверившись в это, несчастная обманутая девушка лежала спокойно. Епископ не был осведомлен о такой выходке Духовного лица, и как только сведения об этом дошли до гражданских властей, были приняты строжайшие меры, чтобы не допустить повторения такого скандала».]

Будут твердить, что «епископ не знал о такой выходке духовного лица»; но даже если бы он знал об этом, как мог бы он протестовать против обряда, который со дней апостолов считается одной из наиболее священных прерогатив Римской церкви? В такое совсем недавнее время, как в 1852 году, всего двадцать пять лет назад, эти обряды получили публичную и торжественную санкцию Ватикана, и новый *«Ритуал изгнания бесов»* был опубликован в Риме, Париже и в других католических столицах. Де Мюссе, пишущий под непосредственным покровительством Отца Вентуры, генерала римских театинов, – даже оказывает нам любезность пространными выдержками из этого знаменитого ритуала и объясняет причину, *почему* он опять введен в действие. Это было сделано вследствие оживления магии под именем современного спиритуализма. Булла папы Инокентия VIII эксгумирована и переведена ради пользы читателей де Мюссе.

«Мы услышали», – восклицает суеверный понтиф, – «что большое количество людей обоих полов не побоялись войти в сношения с духами ада; и что применением колдовства они... поражают бесплодием супружеское ложе, уничтожают зародыши человеческие в утробе матери, наводят на них чары и ставят препоны размножению животных... и т. д. и т. д.»;

затем следуют проклятия и анафема на это занятие.

Это верование суверенных понтифов просвещенной христианской страны есть прямое наследство от наиболее невежественных масс южноиндусской черни – «язычников». Эти люди твердо верят в дьявольское искусство известных кангалин (ведьм)

и джадугаров (колдунов). Следующее числится среди самых ужасных их сил: возбуждать по желанию любовь или ненависть; послать беса, чтобы он вселился в кого-либо и мучил его; изгнать его; причинить внезапную смерть или неизлечимую болезнь; поразить скот эпидемией, или же предохранить от нее; изготовлять зелья, которые или причиняют бесплодие, или же вызывают безудержные страсти в мужчинах и женщинах, и т. д. и т. д. Один только вид человека, про которого говорят, что он колдун, вызывает в индусе глубокий ужас.

А теперь мы процитируем в этой связи справедливое замечание одного писателя, который провел долгие годы в Индии, исследуя происхождение таких суеверий:

> «Простонародная магия в Индии, как развращенная примесь, идет рука об руку с наиболее благородными верованиями сектантов питри. Это результат работы низшего духовенства, имеющей целью держать население в постоянном страхе. И так было во все века и под всеми широтами, что бок о бок с высочайшими философскими размышлениями идет религия черни» [**378**, с. 162].

В Индии это были результаты работы *низшего духовенства;* в Риме же этой работой занимаются *высочайшие понтифы.* Но тогда, разве в качестве авторитета для них не является их величайший святой, Августин, который заявляет, что «кто не верит в злых духов, тот отказывается верить в Священное Писание» [436].

Поэтому во второй половине девятнадцатого века мы находим, что советник Священной конгрегации ритуалов (также изгнания бесов) отец Вентура де Раулика пишет следующее в опубликованном де Мюссе письме, в 1865 году:

> «Мы полностью погрузились в магию! и под фальшивыми наименованиями; Дух лжи и бесстыдства продолжает совершать свои ужасные злодеяния... Наиболее прискорбная черта в этом явлении та, что среди наиболее серьезных людей не придают того значения странным феноменам, которые его заслуживают, этим манифестациям, которые мы наблюдаем, и которые с каждым днем становятся все более зловещими, поразительными так же, как и весьма фатальными.
>
> С этой точки зрения, я не могу достаточно восхититься и похвалить рвение и мужество, проявляемые вами в вашем труде. Собранные вами факты рассчитаны на то, что они прольют свет и убеждение в самые скептические умы: и после прочтения этого замечательного труда, написанного с такой великой ученостью и сознательностью, более не возможна слепота.
>
> Если что-нибудь могло удивить нас, так это равнодушие, с которым к этим феноменам отнеслась *ложная* наука, старающаяся, как она это делала, обратить такой серьезный предмет в насмешку; эта детская простота, проявленная ею в ее желании объяснить эти факты абсурдными и противоречивыми гипотезами... **[101.** с. II]
>
> [Подписано] *Отец Вентура де Раулика, и т. д.»*

Одобренный таким образом величайшими авторитетами Римской церкви, как древними, так и современными, этот шевалье доказывает необходимость и эффективность совершаемых священниками изгнаний бесов. Он пытается доказать – *на веру,* как обычно – что власть духов ада тесно связана с определенными ритуалами, словами и формальными знаками. «В дьявольском католицизме», – говорит он, – «так же как *божественном* католицизме потенциальная милость *связана (liés)* с определенными знаками». В то время как власть католического священника исходит из Бога, власть языческого жреца исходит из Дьявола. «Дьявол», – говорит он, – «принужден к подчинению» перед святым служителем Бога – *«он не осмеливается ЛГАТЪ»* [103].

Мы просим читателя хорошенько запомнить подчеркнутое выражение, так как мы намереваемся беспристрастно проверить его правдивость. Мы готовы приводить доказательства, неотрицаемые и неотвергнутые даже папской церковью – она была вынуждена их признать – доказательства сотен случаев, относящихся к ее наиболее торжественным догмам, где «духи» лгали от начала до конца. Как насчет некоторых

святых реликвий, удостоверенных видениями святой Девы и множества святых? У нас имеется под рукой трактат, написанный благочестивым католиком Жильбером де Ногеном по поводу реликвий святых. С искренним отчаянием он признает существование «великого количества поддельных реликвий так же, как поддельных легенд» и сурово порицает изобретателей этих лживых чудес. Автор «Демонологии» пишет, что «Ногена заставило взяться за перо по этой теме дело *об одном из зубов нашего Спасителя,* которым монахи *St. Medard de Soissons* якобы творили чудеса; это была претензия, настолько же фантастическая, как претензии некоторых лиц, которые верили, что они являются обладателями пупа и еще других, менее привлекательных частей тела Христа» [137].

> «Один монах Св. Антония»,– говорит Стивенс [**437**, с. 39], – «будучи в Иерусалиме, видел несколько реликвий, в том числе кусок *пальца Святого Духа,* такой же, неповрежденный, целехонький, каким он был всегда; нос серафима, который явился Св. Франциску; один из ногтей херувима: одно ребро из *Verbum caro factum* (Слова, ставшего плотью); несколько лучей звезды, появившейся трем царям Востока; фиал с потом Св. Михаила, выступившим, когда он сражался с Сатаной, и т. д. «Все эти вещи», – сказал монах-казначей, – «я привез домой с великим благоговением».

Если вышеприведенное будет отбрасываться как выдумка врага-протестанта, то не будет ли нам позволено отослать читателя к истории Англии и к подлинным документам, в которых сообщается о существовании реликвии, не менее экстраординарной, чем самая лучшая из остальных? Генрих III получил от великого мастера тамплиеров фиал, содержащий в себе часть священной крови Христа, которую он пролил на кресте. Подлинность ее была засвидетельствована печатями патриарха Иерусалимского и других. Процессия перенесения священного фиала из церкви Св. Павла в Вестминстерское аббатство описана историком:

> «Два монаха приняли фиал и поместили его в Аббатстве... что заставило всю Англию просиять славой, посвящая это Богу и Св. Эдуарду».

Хорошо известна история князя Радзивиля. Неотрицаемый обман окружающих его монахов и монахинь и его собственного духовника заставили этого аристократа стать лютеранином. Сначала он был так возмущен «ересью» реформации, которая начала распространяться по Литве, что отправился в долгий путь в Рим, чтобы поклониться папе и выразить ему свое почитание. Папа преподнес ему ящичек с драгоценными реликвиями. Когда князь вернулся домой, его духовник видел святую Деву, которая спустилась из своей сияющей обители с единственной целью благословения этих реликвий и удостоверения их подлинности. Игумен соседнего монастыря и игуменья женского монастыря оба тоже видели то же самое видение, с подкреплением из нескольких святых и мучеников; они пророчествовали и «ощущали, как Святой Дух» поднимался из ящичка с реликвиями и витал над князем. Духовенство раздобыло человека, одержимого бесом, и совершило над ним полную церемонию изгнания; при этом, как только коснулись его вышеупомянутым ящичком с реликвиями, тот сразу же на том же месте выздоровел и возносил благодарность папе и Святому Духу. Когда церемония изгнания была закончена, хранитель сокровища, в котором находились реликвии, бросился к ногам князя и признался, что на обратном пути из Рима он потерял ящичек с реликвиями. Страшась гнева своего хозяина, он добыл такой же ящичек, «который он заполнил косточками собак и кошек»; но видя, как обманывают князя, он предпочел лучше сознаться, чем допустить такие кощунственные трюки. Князь ничего не сказал, но еще какое-то время продолжал испытывать не реликвии, а своего духовника и имевших видения. Их притворные экстазы заставили его окончательно раскрыть грубые обманы монахов и монахинь настолько, что он присоединился к реформистской церкви.

Это история. Бейл рассказывает, что когда Римсхая церковь более не в состоянии отрицать, что имелись поддельные реликвии, она прибегает к софистике и отвечает, что если фальшивые реликвии совершали чудеса, то это «вследствие добрых намерений верующих, которые таким образом получали награду от Бога за свою хорошую веру!»

Этот самый Бейл показывает, множеством примеров, что каждый раз, когда было доказано, что в разных местах одновременно существует по несколько тел одного и того же святого или три его головы, три его руки (как в случае Августина), и что не могут же они все быть подлинными, – звучал хладнокровный и неизменный ответ церкви, что все они подлинны, ибо «Бог их умножил и чудодейственно воспроизвел для большей славы Своей Святой церкви!» Другими словами, они хотели бы, чтобы верующие поверили, что умерший святой, благодаря божественному чуду, приобретает физиологические своеобразия речного рака!

Мы представляем себе, что было бы трудно с достаточной наглядностью продемонстрировать, что видения католических святых в каком-либо отдельном случае были бы лучше или достовернее, чем средние видения и пророчества наших современных «медиумов». Видения Эндрю Джексона – как бы ни высмеивали его наши критики – намного более философские и более согласующиеся с современной наукой, чем Августиновы спекуляции. Каждый раз, когда видения Сведенборга, величайшего среди современных ясновидцев, отклоняются от философии и научной истины, это бывает тогда, когда они более всего идут по линии, параллельной богословию. Также эти видения ничуть не бесполезнее для науки и человечества, чем видения великих ортодоксальных святых. В жизнеописании Св. Бернарда рассказывается, что однажды в церкви в канун Рождества он молился о том, чтобы ему открыли час рождения Христа; и когда «настал правильный и точный час, он увидел, как божественный младенец появился в своих яслях». Какая жалость, что божественный младенец не ухватился за такой благоприятный случай, чтобы зафиксировать правильные день и год своей смерти и тем примирить противоречия у своих мнимых историков. Тишендорфы, Ларднеры и Колесоны, а также многие католические священнослужители, которые напрасно выжимали все, что могли, из исторических записей и из своих собственных .мозгов в бесполезных поисках, – получили бы хоть что-нибудь, за что благодарить святого.

Фактически, нам безнадежно остается прийти к выводу, что большинство блаженных и божественных видений «Золотой легенды» и видений, встречающихся в более полных жизнеописаниях наиболее значительных «святых» так же, как большинство видений наших преследуемых провидцев и провидиц, – было произведено невежественными и малоразвитыми «духами», страстно стремящимися разыгрывать из себя великих исторических личностей. Мы вполне готовы согласиться с шевалье де Мюссе и с другими неутомимыми преследователями магии и спиритуализма во имя церкви, что современные духи часто бывают «лживыми духами», что они всегда под рукой чтобы приноравливаться к соответственным склонностям тех лиц, кто сообщаются с ними в «кружках»; что они *обманывают* их, и поэтому не *всегда* бывают добрыми «духами».

Но, после того как мы допускали так много, мы теперь хотим задать вопрос любому беспристрастному человеку: возможно ли поверить в то же самое время, что *власть,* данная священнику-экзорсисту, та высшая и *божественная* власть, которой он хвастается, – дана ему Богом с целью обмана людей? Что молитва, произнесенная *во имя Христа,* которая, принуждая *демона* к подчинению, заставляет его открыться, – рассчитана в то же самое время не на то, чтобы заставить беса высказать *истину,* но чтобы то, *что соответствует интересам той церкви, к которой принадлежит священник-экзорсист, сошло за истину?* А это как раз то, что неизбежно происходит. Сравните, для примера, ответы, данные демоном Лютеру, с ответами, полученными от демонов Св. Домиником. Один спорит против тайной мессы и бранит Лютера, что он поместил Деву Марию и

святых выше Христа и тем бесчестит Сына Божьего [438]; тогда как демоны, изгоняемые Св. Домиником, после того как увидели святую Деву, которую святой отец тоже вызвал, чтобы она помогла ему, – заревели:

> «Ох, наш враг! Ох, наш покровитель!.. Почему ты спустился с небес, чтобы нас мучить! Почему ты такая могущественная заступница за грешников! О, *ты еси самый верный путь к небесам...* Ты повелеваешь, и *мы принуждены сознаться,* что никто не будет осужден, лишь бы он усердствовал в поклонении тебе, и т. д. и т. д.».[52]

Лютеровский «Святой Сатана» убеждает его, что в то время, когда он верил в претворение Христова тела и крови, он, просто, поклонялся хлебу и вину; а *бесы у* всех католических святых обещают *вечные муки* каждому, кто не верит или даже только сомневается в этом догмате!

Прежде чем покончить с этой темой, давайте приведем еще один или два примера из «Хроники жития Святых», выбранных из таких повествований, которые полностью признаны церковью. Мы могли бы заполнить многие тома доказательствами о существовании неоспоримого заговора между изгонителями и демонами. Сама их натура выдает их. Вместо того, чтобы быть независимыми, хитрыми сущностями, стремящимися к разрушению человеческих душ и духа, большинство из них являются просто элементалами каббалистов, сущностями, неимеющими собственного разума, но являющимися верными зеркалами той ВОЛИ, которая вызывает их, управляет и руководит ими. Мы не станем тратить время на обращение внимания читателя на сомнительных и малопонятных чудотворцев и изгонителей бесов, но возьмем в качестве примера одного из величайших святых католицизма и соберем букет из той же самой изобильной оранжереи благочестивого вранья – «Золотой легенды» Джеймса де Веражина.[53]

Св. Доминик, основатель знаменитого монашеского ордена того же имени, является одним из мощнейших святых в календаре. Его орден был первым, получившим торжественную папскую конфирмацию[54], а он сам хорошо известен по истории как сообщник и советник бесчестного Симона де Монтфорда, папского генерала, которому он помогал вырезать несчастных альбигойцев в самой Тулузе и вблизи нее. В повествовании говорится, что этот святой, а также церковь после него, заявил, что он получил от Святой Девы, *in proprid persona,* четки, обладающие такой огромной чудодейственной силой, что совершенно затемнили чудеса апостолов и даже самого Иисуса. Один человек, говорит составитель биографии, большой грешник, осмелился сомневаться в свойствах доминиканских четок и за такое ни с чем не сравнимое кощунство тут же на месте был наказан тем, что в него сразу вселилось 15000 бесов. Видя великую муку одержимого бесами. Св. Доминик забыл о нанесенном ему оскорблении и призвал бесов к ответу.

Нижеследующее представляет собою беседу между «благословенным изгонителем» и бесами:

> *Вопрос.* – Как вы овладели этим человеком и сколько вас?
>
> *Ответ бесов.* – Мы вошли в него за то, что он непочтительно говорил о четках. Нас 15000.
>
> *Вопрос.* – 15 000 – почему же так много вошло?
>
> *Ответ.* – Потому что в четках, над которыми он насмехался, пятнадцать десятков и т. д.
>
> *Доминик.* – Разве не все правда, что я говорил о достоинствах этих четок?
>
> *Бесы.* – Да! Да! *(они испускают языки пламени через ноздри одержимого).* Знайте же все вы, христиане, что Доминик никогда не сказал ни одного слова по поводу четок, которое не

---

[52] См. «Жизнь Св. Доминика» рассказ о чудотворных Четках; также и «Золотую легенду».

[53] Джеймс де Варае, известный под латинским именем как *James de Vcragine,* был Главным викарием доминиканцев и епископом Генуи в 1290 г.

[54] В тринадцатом веке.

было бы самой истиной; и знайте еще, что если вы не поверите ему, – великие несчастья выпадут на вашу долю.

Доминик. – Кто тот человек, которого Дьявол во всем мире больше всего ненавидит?

Бесы. – (Хором). Ты есть тот самый человек *(за этим следуют многословные комплименты).*

Доминик. – Из каких сословий христиан те, кто терпят наигоршие муки в аду?

Бесы. – У нас в аду торговцы, ростовщики, жуликоватые банкиры, бакалейщики, евреи, аптекари и т. д.

Доминик. – Имеются ли в аду священники или монахи?

Бесы. – Много священников, но *никаких монахов,* за исключением тех, кто преступили правила своего ордена.

Доминик. – Есть ли у вас доминиканцы?

Бесы. – Увы! Увы! Пока еще ни одного нет, но мы ожидаем большую партию их, когда их набожность немножко поостынет.

Мы не претендуем на буквально точную передачу этих вопросов и ответов, так как они занимают двадцать три страницы, но их суть здесь изложена, как в этом может убедиться каждый, кто пожелает прочесть «Золотую Легенду». Полное описание безобразных блеяний бесов, их вынужденное прославление святого и так далее – слишком длинны для этой главы. Достаточно сказать, что когда мы читаем многочисленные вопросы, предлагаемые Домиником, и ответы бесов, мы вполне убеждаемся, что они подтверждают во всех подробностях необоснованные утверждения церкви и поддерживают ее интересы. Это повествование заставляет о многом задуматься. Легенда красочно описывает битву изгонителя бесов с легионами выходцев из бездонной пропасти. Сернистые языки пламени, которые вырываются из ноздрей, рта, глаз и ушей одержимого; внезапное появление более сотни ангелов в золотой броне; и наконец, спуск с небес самой благословенной Девы, лично, с золотым прутом в руке, которым она задает хорошую трепку одержимому, чтобы заставить бесов делать признания по поводу ее самой, что навряд ли следует нам повторять. Весь перечень богословских истин, произнесенных бесами Доминика, был воплощен в бесчисленные догматы веры его святейшеством, нынешним папою, в 1870 г. на последнем Вселенском Соборе.

Из вышеизложенного легко понять, что единственная существенная разница между нечестивыми «медиумами» и правоверными святыми заключается в относительной полезности *демонов,* если мы должны назвать их демонами. В то время как Дьявол честно поддерживает христианского изгонителя бесов в его *ортодоксальных* (?) воззрениях, современный призрак обычно оставляет своего медиума в беде, подводит его, ибо своим враньем, он действует *против* ее или его интересов, а не иначе, и этим слишком часто наводит грязные подозрения на подлинность медиумизма. Если бы современные «духи» были *дьяволами,* то очевидно, они проявили бы больше проницательности и хитрости, чем они проявляют. Они бы тогда поступили так, как поступают *демоны* святого, которые, будучи понуждаемы магом из духовенства и силою «имени... которое заставляет их подчиняться», – *лгут в прямом соответствии с непосредственными интересами изгонителя и его церкви.* Мораль этой параллели предоставляем догадливости самого читателя.

«Обратите особое внимание», – восклицает де Мюссе, – «что существуют *демоны,* которые иногда скажут правду». «Изгонитель»,– добавляет он, приводя цитату из «Ритуала» [**439**, с. 475-478], – «должен приказать демону сказать ему, задержан ли он в теле одержимого путем магического искусства, или же *знаками,* или какими-либо предметами, которые обычно применяются для этой цели. В случае, если одержимый проглотил последние, он должен их изрыгнуть обратно; а если их в его теле нет, то демон должен указать то место, где их можно найти, а когда они найдены, их надо сжечь».

Таким образом некоторые демоны открывают существование околдования, указывают, кто его автор, и указывают средства, чтобы разрушить *пагубные чары.* Но остерегитесь в таких случаях когда-либо прибегать к помощи магов, колдунов или медиумов. Вы должны обратиться за помощью только к служителю вашей церкви!

> «Церковь верит в магию, как вы видите», – добавляет он, – «так как она это так формально выражает. А те, кто *не верят в магию,* могут ли они еще надеяться разделить веру своей собственной церкви? А кто может их научить лучше? Кому Христос сказал: «Поэтому идите вы и учите все народы... и я всегда буду с вами, даже до конца этого мира»?» [**101,с.** 177]

Должны ли мы поверить, что он сказал это лишь по отношению к тем, кто носят эти черные и красные ливреи Рима? Должны ли мы в таком случае поверить, что эта власть была дана Христом Симеону Пустыннику, святому, который освятился тем, что просидел на столбе высотою шесть футов 36 лет своей жизни, ни разу не спустившись; и делал он это для того, чтобы, в числе прочих чудес, перечисленных в «Золотой Легенде», – вылечить глаз у *дракона?*

> «Поблизости столба Симеона находилось обиталище дракона, такого ядовитого, что зловоние от него распространялось на мили вокруг пещеры».

С этим змеем-отшельником произошел несчастный случай – шип воткнулся в его глаз и, почти ослепший, он приполз к столбу святого и три дня, никого не трогая, прижимал к нему свой раненый глаз. Тогда благословенный святой со своего воздушного седалища, *(«три фута в диаметре»),* приказал положить на глаз дракона землю и воду, из которых вдруг показался шип (или кол) длиною в локоть; когда люди увидели это «чудо», они прославляли Господа. Что же касается благодарного дракона, то он встал и, «преклонившись перед Господом в течение двух часов, возвратился в свою пещеру»[55], – надо полагать, наполовину обращенным в христианство.

А что мы должны думать о другом повествовании, не поверить в которое значит *«рисковать своим спасением»,* как нам об этом сообщил один папский миссионер из ордена францисканцев? Когда Св. Франциск произносил проповедь в пустыне, то птицы слетелись к нему со всех четырех сторон света. Они пели и аплодировали каждой фразе; они спели хором святую обедню; наконец они разлетелись, разнося радостную весть (по всему свету). Кузнечик, воспользовавшийся отсутствием Святой Девы, которая обычно сопутствовала святому, целую неделю просидел, устроившись на голове «благословенного». Будучи атакован свирепым волком, святой, не имеющий никакого другого оружия, кроме крестного знамения, которое он сделал перед собой, вместо того, чтобы бежать, начал убеждать зверя. Втолковав ему, какое благо он извлечет из святой религии, Св. Франциск не переставал говорить до тех пор, пока волк не стал кротким, как ягненок и даже пролил слезы, раскаиваясь в своих прошлых грехах. В конце концов, он «протянул лапы в руки святого и следовал за ним как собака через все города, где тот проповедовал, и стал полухристианином»[56]. Чудеса зоологии! лошадь превратилась в колдуна, а дракон и волк стали христианами!

Эти два анекдота, выбранные наудачу из сотен других, при сопоставлении остаются непревзойденными со стороны самых фантастических повествований языческих чудотворцев, магов и спиритуалистов! И все же, когда про Пифагора говорят, что он укрощал животных, даже диких зверей, одним только мощным гипнотическим влиянием, то половина католиков называет его наглым обманщиком, а остальные – колдуном, который творил чудеса в союзе с Дьяволом! Ни медведице, ни орлу, ни быку, про которых говорят, что Пифагор уговаривал их бросать едение бобов, – не приписывается, что они

---

[55] См. повесть, избранную из «Золотой легенды» Албаном Батлером

[56] См. «Золотую Легенду» **[440];** «Жизнь Св. Франциска»; «Демонологию» [**137**].

отвечали человеческими голосами, тогда как «черный ворон» Св. Бенедикта, которого он называл «братом», – спорит с ним и выкаркивает ответы, точно прирожденный казуист. Когда святой предлагает ему половину буханки отравленного хлеба, ворон приходит в негодование и упрекает его по-латыни, точно он только что окончил высшее учебное заведение по пропаганде!

Если нам станут возражать, что теперь «Золотая легенда» пользуется только половинной поддержкой церкви; и что известно, что она была собрана автором из другого собрания жизнеописаний святых, подлинность, которых большею частью не была установлена, – то мы можем доказать, что – по крайней мере, в одном случае – данная биография не есть компиляция легендарного материала, но история одного человека, написанная другим человеком, который был его современником. Годы тому назад Джортин и Гибонс наглядно доказали, что отцы раннего христианства имели обыкновение отбирать повествования – чтобы ими украшать жизнеописания своих апокрифических святых – у Овидия, Гомера, Ливия и даже из неписаных популярных легенд языческих народов. Но в вышеприведенных примерах дело обстоит иначе. Св. Бернар жил в двенадцатом веке, и Св. Доминик был почти современником автора «Золотой легенды». Де Веражин умер в 1298 г. и Доминик, чьи изгнания бесов и жизнь он так подробно описывает, учредил свой орден в первой четверти тринадцатого века. Кроме того, де Веражин сам был викар-генералом доминиканцев в середине того же века и поэтому описал чудеса, совершенные его героем и патроном всего спустя несколько лет после того, как они якобы происходили. Он писал о них в том же самом монастыре, и повествуя об этих чудесах, он, вероятно, имел под рукой полсотни человек-очевидцев образа жизни святого. И в таком случае, что мы должны думать о жизнеописателе, который серьезно описывает следующее: однажды благословенный святой был занят изучением, когда Дьявол, приняв вид блохи, начал надоедать ему. Он резвился и скакал по страницам его книги до тех пор, пока выведенный из терпения святой, хотя и не хотел быть нелюбезным даже по отношению к дьяволу, все же почувствовал себя вынужденным наказать его, припечатывая надоедливого дьявола к той же строчке, на которой он остановился, захлопывая книгу. В другой раз тот же самый дьявол появился в виде обезьяны. Он корчил такие рожи, что Доминик для того, чтобы избавиться от него, приказал дьяволу-обезьяне взять свечу и держать ее до тех пор, пока он не закончит чтение. Бедный бес так и сделал и держал свечу для Доминика, пока она не сгорела вся до кончика фитиля, и несмотря на жалобные крики и просьбы о милосердии, святой заставил его держать ее, пока его пальцы не догорели до костей!

Довольно! Одобрение, с каким эта книга была принята церковью и приписываемая ей своеобразная святость достаточны, чтобы показать, насколько ее покровители ценили правдивость. В заключение мы можем добавить, что квинтэссенция «Декамерона» Бокаччо покажется самой скромностью по сравнению с грязным реализмом «Золотой легенды».

Мы не можем глядеть без великого удивления на стремление католической церкви обращать индусов и буддистов в христианство. До тех пор, пока «язычник» держится за веру своих отцов, у него имеется, по крайней мере, одно заслуживающее искупления качество – он не стал отступником ради только одного удовольствия обменять один набор идолов на другой. В протестантизме он может найти некоторую новизну; ибо там он, по крайней мере, выигрывает сокращением его религиозных воззрений до их простейшего выражения. Но когда буддист предпочел обменять Сапоги Дагуна на Босоножки Ватикана или восемь волосков с головы Гаутамы и зуб Будды, производящие чудеса, на пряди волос христианского святого и зуб Иисуса, производящий значительно более глупые чудеса, – то у него нет основания, чтобы хвастать своим выбором. Про сэра Т. С. Рафлза рассказывают, что в своей речи, произнесенной в Литературном Обществе Явы, он рассказал следующий характерный эпизод:

«При посещении великого храма на холмах Нангасаки английский уполномоченный был принят с большим почетом со стороны почтенного патриарха северных провинций, человека восьмидесятилетнего возраста, который роскошно его угостил. При обходе дворов храма один из присутствующих английских офицеров необдуманно с удивлением воскликнул – «Иисус Христос»! Патриарх, полуповернувшись к нему, со спокойной улыбкой многозначительно поклонился и выразительно сказал: «Мы знаем вашего Иаса Христа! Но – не навязывайте нам его в наших храмах, и мы останемся друзьями». И так, обменявшись сердечным пожатием рук, эти две противоположности расстались» [**73**].

Навряд ли имеется какое-либо донесение, присланное миссионерами из Индии, Тибета или Китая, в котором не было бы жалоб на дьявольское «неприличие» языческих ритуалов, на их прискорбное бесстыдство, которые все «наводят на мысль о поклонении дьяволу», как де Мюссе нам говорит. Навряд ли нас можно убедить, что нравственность язычников хоть сколько-нибудь улучшилась бы, если им была бы дана возможность свободно ознакомиться с жизнью, скажем, царя-псалмопевца, автора тех благозвучных «Псалмов», которые так восторженно повторяются христианами. Разница между Давидом, исполняющим фаллический танец перед святым ковчегом – эмблемой женского начала – и индусским вишнуистом, носящим ту же эмблему на лбу, – говорит в пользу первого только в глазах тех, кто не изучили ни древней веры, ни своей собственной. Когда религия, которая вынудила Давида отрезать и предъявить двести крайних плотей своих врагов, прежде чем он мог стать царским зятем [«*1 Самуила»,* XVIII, 27], принята за образец христианами, то они поступили бы разумно, не бросая упреков в лицо язычникам, что их вера бесстыдная. Помня многозначительное изречение Иисуса, им следовало бы прежде вытащить бревно из собственного глаза, чем указывать на пылинку в чужом глазу. Сексуальный элемент настолько же заметен в христианстве, насколько он заметен в любой из «языческих религий». Несомненно, нигде в Ведах невозможно найти такой грубости и нескромности в выражениях, какую теперь исследователи обнаруживают по всей Моисеевой Библии.

Мало толку задерживаться на обсуждении вопросов, которые так мастерски были освещены анонимным автором, труд которого в прошлом году наэлектризовал Англию и Германию [259]; что же касается обсуждаемой нами отдельной темы, то самое лучшее будет порекомендовать прочесть ученые труды д-ра Инмана. Хотя труд этот односторонен и во многих местах несправедлив по отношению к древним языческим и еврейской религиям, *факты,* рассмотренные в «Языческом и христианском символизме», безупречны. Также мы не можем согласиться с некоторыми английскими критиками, которые обвиняют его в намерении уничтожить христианство. Если под *христианством* подразумеваются внешние формы религиозного поклонения, то он, несомненно, стремится к их разрушению, ибо в его глазах, так же как в глазах каждого истинно религиозного человека, изучавшего древние экзотерические верования и их символизм, – христианство есть чистое язычество, а католицизм с его идолопоклонством намного хуже и вреднее, чем индуизм в своем наиболее идолопоклонном аспекте. Но в то время, когда он осуждает экзотерические формы и разоблачает символы, автор вовсе не нападает на религию Христа, а на искусственную систему богословия. Мы позволим ему самому проиллюстрировать позицию его собственным языком, приводя цитату из его предисловия:

«Когда, благодаря проницательности какого-либо наблюдателя, обнаруживались вампиры», он говорит, «их, как нам говорят, с позором убивали посредством кола, который забивали в тело; но опыт показал, что они обладали такою цепкостью к жизни, что вставали снова и снова, несмотря на новые применения кола, и не успокаивались окончательно до тех пор, пока их не сожгли целиком. Подобным же образом возрожденное язычество, которое господствует над последователями Иисуса из Назарета, поднималось снова и снова после того, как его прокалывали. По-прежнему лелеемое многими, оно осуждается лишь немногими. Среди других обвинителей я возвышаю свой голос против язычества, которое так сильно

присутствует в церковном христианстве, и сделаю все, что смогу, чтобы разоблачить обман. В одном повествовании о вампире в «Тхалаба», написанном Саути, оживленное существо принимает вид горячо любимой девушки, и герой обязан собственной рукой убить ее. Он это делает; но когда он наносит удар по своей возлюбленной, он чувствует уверенность, что он убивает только демона. Подобно этому, стараясь уничтожить распространенное язычество, облекшееся в одежды христианства, и я не *нападаю на действительную религию*[57]. Мало найдется таких, которые будут обвинять в злых намерениях работника, очищающего грязь с поверхности прекрасной статуи. Могут быть люди слишком щепетильные, чтобы касаться противных тем, но даже они порадуются, когда кто-нибудь другой удалит грязь. Нужен такой мусорщик» [**424**, с. XVI].

Но разве это только идолопоклонники и язычники, кого католики преследуют и о ком они, подобно Августину, вопиют Богу: «О, мой Боже! я *так хочу, чтобы враги Твои были убиты*(?)». О, нет! их стремления больше проникнуты духом Моисея и Каина. Именно против своих ближайших родственников по вере, против своих братьев – раскольников – вот, против кого они теперь интригуют за теми стенами, которые укрывали любителей убивать – Борджиа. Лавры детоубийственных, отцеубийственных и братоубийственных пап оказались подходящими советниками Каинам из Кастелфидардо и Ментаны. Теперь настала очередь славянских христиан, восточных схизматиков – филистимлян греческой церкви.

Его святейшество Папа, после того, как исчерпал, в метафоре самовосхваления, все возможные приравнивания себя к великим библейским пророкам, наконец, действительно уподобился библейскому патриарху Иакову, «боровшемуся со своим Богом». Он теперь увенчивает здание католической набожности открытыми симпатиями к туркам! Наместник Бога на Земле провозглашает свою непогрешимость тем, что в истинно-христианском духе одобряет деяния мусульманского Давида, современного башибузука, и кажется, что ничем невозможно доставить большего удовольствия его святейшеству, как преподнесением ему в подарок последним несколько тысяч болгарских или сербских «крайних плотей». Верная своей политике быть чем угодно и для кого угодно, лишь бы в пользу своих интересов, Римская церковь, пока мы пишем эти строчки (1876 г.), благожелательно взирает на зверства в Болгарии и Сербии и, вероятно, маневрирует с Турцией против России. Лучше ислам и ненавистный до сих пор полумесяц над гробницей христианского бога, чем Греческая церковь, признанная в Константинополе и Иерусалиме государственною религиею. Подобно дряхлому и беззубому бывшему тирану в изгнании, Ватикан рад ухватиться за любой союз, который обещает если и не восстановления его власти, то хоть ослабления своего противника. Топором, которым когда-то размахивали его инквизиторы, он теперь потихоньку играет, ощупывая его лезвие, ожидая и надеясь, хотя и надеяться не на что. В свое время папская церковь ложилась со странными постельными товарищами, но никогда раньше она не падала так низко, чтобы давать свою моральную поддержку тем, кто в течение 1200 лет плевали ей в лицо, называли ее последователей «неверными собаками», отвергали ее учения и не признавали божественности в ее Боге!

Пресса даже католической Франции в значительной степени восстала против такого унижения достоинства и открыто обвиняет ультрамонтистов католической церкви и Ватикан в том, что они в нынешней восточной борьбе стали на сторону магометан против христиан. «Когда министр иностранных дел во Французском Законодательном собрании сказал несколько сочувственных слов в пользу греческих христиан, ему аплодировали

---

[57] Также не нападаем и мы, если мир, наконец, под *истинной религией* поймет поклонение одному высочайшему, незримому и непознаваемому божеству трудами и деяниями, а не проповедованием пустых человеческих догм. Но наше намерение – идти дальше. Мы хотим доказать, что если перестать считать существенной частью религии церемониальную сторону и поклонение фетишам, то истинные Христовы принципы были выявлены на деле и истинное христианство было осуществлено.

только либеральные католики; ультрамонтисты же приняли его холодно», пишет французский корреспондент в нью-йоркской газете.

> «Настолько это было заметно, что М. Лемуан, известный издатель большого либерально-католического журнала *«Debats»,* счел нужным сказать, что Римская церковь почувствовала большие симпатии к мусульманам, чем к схизматикам-христианам точно так же, как она предпочла неверного протестанту. «За всем этим скрывается», говорит этот писатель, «большое сродство между *Syllabus* и Кораном и между двумя главами правоверных. Эти две системы одной и той же природы, и они объединены на общей основе одной и неизменяемой теории». Подобно этому в Италии король и либеральные католики питают горячие симпатии к несчастным христианам, тогда как папа и ультрамонтанисты, как полагают, склонны к магометанам».

Цивилизованный мир все еще может ожидать появления материализовавшейся Девы Марии среди стен Ватикана. Часто повторявшееся в средние века «чудо» явления Беспорочной Посетительницы недавно было инсценировано в Лурде, и почему бы его не повторить еще раз в качестве *coup de grace* по всем еретикам, раскольникам и неверным? Чудотворную восковую свечу все еще можно видеть в Аррасе, главном городе Артуа; и при каждом новом бедствии, угрожающем ее возлюбленной церкви, «Благословенная Госпожа» появляется лично и зажигает ее своею прекрасною рукою на виду целой «биологизированной» конгрегации. Этого рода «чудо», совершаемое римско-католической церковью, говорит Э. Уорсли, «было самым верным, и никогда никто в нем не сомневался» [442, с. 64]. Также частная переписка, которою «Святая Дева» удостаивает своих друзей, не подвергалась сомнениям. В архивах церкви имеются от нее два драгоценных послания. Первое якобы является ответом на письмо, адресованное ей Игнацием. Она подтверждает все, узнанное ее корреспондентом от «ее друга» – подразумевая апостола Иоанна. Она велит ему крепко соблюдать свои обеты и в качестве ободрения добавляет: *«Я и Иоанн вместе придем навестить вас».*[58]

Об этом наглом обмане ничего не было известно до тех пор, пока письма не были опубликованы в Париже в 1495 году. Полюбопытней случайности они появились в то время, когда начались угрожающие исследования по поводу подлинности четвертого Синоптика. Но кто же мог сомневаться после получения такого подтверждения из Главного Штаба! Но кульминация бесстыдства была увенчана в 1534 году, когда было получено второе письмо от «Посредницы», которое больше звучит как донесение агента-лоббиста собрату-политикану. Оно было написано на превосходном латинском языке и найдено в соборе Мессины вместе с изображением, о котором говорится в письме. Содержание его следующее:

> «Дева Мария, Мать Спасителя Мира, шлет Епископу, Духовенству и другим верным Мессины здоровье и благословение от *себя* и сына.[59]
>
> Поскольку вы проявили заботливость, установив почитание меня; то теперь я ставлю вас в известность, что поступив таким образом, вы снискали у меня большую благосклонность. Я долго и с болью раздумывала о вашем городе, подвергнутом многим опасностям из-за его близости к огню Этны и часто заговаривала об этом со своим сыном, так как он был раздосадован на вас из-за того, что вы пренебрегаете почитанием меня, и ему было безразлично мое ходатайство. Однако, теперь, когда вы образумились и, к счастью, начали почитать меня, он даровал мне право стать навечно вашей покровительницей; но в то же самое время я

---

[58] Почему же римские католики после этого возражают против утверждений спиритуалистов? Если без доказательств они верят в «материализацию» Марии и Иоанна для Игнация, то как же могут они логически отрицать материализацию Кэти и Джона (Кинг), когда она засвидетельствована тщательными опытами м-ра Крукса, английского химика, и совокупными свидетельствами большого количества свидетелей?

[59] «Матерь Божья», выходит, превосходит Бога!

предупреждаю вас – позаботьтесь насчет того, что вы собираетесь делать, чтобы у меня впоследствии не было причины раскаиваться в своей любезности к вам. Молитвы и праздники, установленные в честь меня, нравятся мне чрезвычайно *(vehementer),* и если вы с верою будете усердствовать в этом, то, при условии, что вы изо всех сил будете противодействовать еретикам, которые ныне распространяются по всему миру, чем создают угрозу почитанию меня и других святых, как мужских, так и женских, – вы постоянно будете пользоваться моей защитой.

В знак этого соглашения посылаю вам с Небес изображение меня самой, сделанное небесными руками, и если вы будете держать его в почете, на которое оно имеет право, это будет для меня доказательством вашего послушания и вашей веры. До свидания. Датировано в Небесах, сидя у трона моего сына, в декабре 1534 года от его воплощения».

ДЕВА МАРИЯ

Читатель должен понять, что этот документ не есть антикатолическая подделка. Автор, от которого он взят,[60] говорит, что подлинность этого послания «удостоверена самим Епископом, его викар-гекералом, секретарем, шестью канониками Мессинского Собора; все они подписали удостоверение своими именами и подтвердили это присягой.

«Как письмо так и изображение были найдены на высоком алтаре, куда они были положены ангелами с небес».

Церковь, должно быть, достигла последней ступени деградации, когда ее духовенство могло прибегнуть к такому святотатственному трюкачеству, как бы ни принял это народ.

Нет! Подальше от такой религии – она не для человека, чувствующего в себе бессмертный дух! Никогда не было и никогда не будет истинно философского ума ни языческого, ни иудейского, ни христианского, который не пошел бы одним и тем же путем мышления. Гаутама Будда отображен в наставлениях Христа; Павел и Филон Иудей суть верные отголоски Платона; и Аммоний Саккас и Плотин приобрели бессмертную славу объединением учений всех этих великих учителей истинной философии. «Испытывай все, и крепко удерживай то, что хорошо» – должно бы быть девизом всех братьев на земле. Но не так обстоит дело с толкователями Библии. Семя Реформации было посеяно в тот день, когда вторая глава «Соборного Послания Иакова» пришла в столкновение с одиннадцатой главой «Послания Евреям» в том же самом Новом Завете. Тот, кто верит в Павла, не может верить в Иакова, Петра и Иоанна. Последователи Павла, чтобы оставаться христианами вместе со своим апостолом, должны «открыто» выступать против Петра; и если Петр «был виноват» и *был неправ,* тогда, значит, он не был непогрешимым. И как же тогда его наследник (?) может хвалиться непогрешимостью? Каждое царство, разделившееся против себя, приходит к разрушению; каждый дом, разделившийся против себя, должен пасть. Множество хозяев оказалось настолько же губительным в религии, насколько и в политике. То, что проповедовал Павел, проповедовали все мистические философы.

«Поэтому *стойко держитесь за свободу,* которую Христос нам дал, чтобы *не быть опять вовлеченными в рабство!* – восклицает честный апостол-философ; и добавляет как бы в пророческом вдохновении: «Но если вы будете кусать и пожирать один другого, то берегитесь, как бы вы совсем не пожрали один другого».

Что неоплатоников не всегда презирали и обвиняли в поклонении демонам, свидетельствует то, что Римская церковь заимствовала даже самые их обряды и теургию. Идентичные вызывания и заклинания языческих и еврейских каббалистов теперь

---

[60] См. *«New Era», N. У.,* июль, 1875.

повторяются христианскими изгонителями бесов, а теургия Ямвлиха принята слово в слово.

> «Хотя платоники и христиане-последователи Павла в первых веках отличались друг от друга», – пишет профессор А. Уайлдер, – «многие из выдающихся учителей новой веры были глубоко проникнуты философским духом. Синезий, епископ Сирены, был учеником Ипатии. *Св. Антоний повторял теургию Ямвлиха. Логос* или слово «Евангелия от Иоанна» было гностической персонификацией. Климент Александрийский, Ориген и другие отцы много пили из источников философии. Идея аскетизма, увлекшая церковь, была той идеей, которую осуществлял Плотин... в течение всех средних веков выделялись люди, воспринявшие внутренние доктрины, которые провозглашались прославленным учителем Академии».[61]

Чтобы обосновать наше обвинение, что Латинская церковь, прежде чем посылать проклятия на их светлые головы, украла у каббалистов и теургов их магические ритуалы и церемонии, – мы переведем для читателя отрывки видов *заклинаний,* применяемых каббалистами и христианами. Идентичность во фразеологии может, возможно, раскрыть одну из причин, почему Римская церковь всегда желала держать своих верующих в незнании значения латинских молитв и ритуала. Только непосредственно заинтересованные в этом обмане имели возможность сопоставлять ритуалы церкви и ритуалы магов. Лучшим знатоком латыни вплоть до сравнительно недавнего времени являлись или церковники или люди, зависящие от церкви. Простые люди не умели читать латынь, а если и умели, то чтение книг по магии было запрещено под страхом предания анафеме и отлучения от церкви. Коварная выдумка исповедальни делала почти невозможным заглянуть, даже тайно, в то, что священники называли *grimoire* (сатанинскими письменами) или «Ритуал магии». Чтобы застраховаться еще лучше, церковь начала уничтожать или скрывать все подобного рода источники, до каких только могли дотянуться ее руки.

Последующее переведено из «Каббалистического ритуала» и из ритуала, который общеизвестен под названием *«Римского ритуала».* Последний был объявлен в 1851 и 1852 г. под санкцией кардинала Энгельберта, архиепископа Малине и архиепископа Парижа. Говоря о нем, демонолог де Мюссе сказал: «Это ритуал Павла V, пересмотренный наиболее ученым из современных пап, современником Вольтера, Бенедиктом XIV».[62]

КАББАЛИСТИЧЕСКИЙ (еврейский и языческий)	**РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЙ**
ЗАКЛИНАНИЕ СОЛИ	ЗАКЛИНАНИЕ СОЛИ[64]
Жрец-маг благословляет Соль и говорит: “Тварь Соли,63 да пребудет в тебе МУДРОСТЬ (Бога); и пусть она предохранит от всякой испорченности наши умы и тела. Через Хохмаэля ([…], Бог мудрости) и власть Руах Хохмаэля (Дух Святого Духа) пусть Духи материи (плохие духи) перед этим отступят... Аминь”.	Священник благословляет Соль и говорит: “Тварь Соли, я заклинаю тебя именем Бога Живого... стань здоровием души и тела! Куда бы тебя ни бросили, пусть нечистые духи будут обращены в бегство... Аминь”.

[61] «Paul and Plato» [45].

[62] См. [104], с. 168.

[63] Тварь Соли, воздуха, воды или любого материала, который должен быть *заклинаем* или *благословлен* – специальное слово в магии, принятое христианским духовенством.

[64] [**439**], изд. 1851 г., с. 291-296 и т. д.

ЗАКЛИНАНИЕ ВОДЫ
(И ПЕПЛА)

“Тварь Воды, я заклинаю тебя... тремя именами, которые суть Нецах, Ход и Иерод (каббалистическая троица), в начале и в конце, Альфой и Омегой, которые пребывают в духе Азота (Святой Дух или “Мировая Душа”), я заклинаю тебя... Блуждающий орел, да понудит тебя Господь крыльями быка и его пламенным мечом” (Херувим, поставленный у восточных врат Эдема).

ЗАКЛИНАНИЕ ВОДЫ

“Тварь воды, именем Всемогущего Бога, Отца, Сына и Святого Духа... будь заклят... я заклинаю тебя во имя Агнца... (маг говорит – быка или вола – per alas Tauri), Агнца, попирающего василиска и аспида, и сокрушающего под своей пятой льва и дракона”.

ИЗГНАНИЕ
ЭЛЕМЕНТАЛЬНОГО ДУХА

“Змей, во имя Тетраграмматона, Господа; Он приказывает тебе ангелом и львом”.

“Ангел тьмы, повинуйся и уйди с этой святою (заклятою) водою. Орел в цепях, повинуйся этому знаку и отступи перед дыханием. Движущийся змей, ползи у моих ног или примешь мучение от этого священного огня и испаришься перед этим священным воскурением. Пусть вода вернется к воде (элементальный дух воды); пусть огонь горит и воздух циркулирует; пусть земля возвращается к земле силою пентаграммы, которая есть Звезда Утра, и во имя тетраграмматона, которое начертано в центре Креста Света. Аминь”.

ИЗГНАНИЕ ДЬЯВОЛА

…….

“О, Господи, пусть тот, который приносит с собою ужас, убежит, пораженный, в свою очередь, ужасом и разбитый... О, ты, кто есть Древний Змей... трепещи перед рукой того, кто, восторжествовав над муками ада (?) devictis gemitibus inferni, возвратил души к свету... Чем больше ты будешь опускаться, тем ужаснее будет твоя мука... от Него, кто царствует над живыми и мертвыми... и кто будет судить век огнем, saeculum per ignem, и т. д. Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь”.[65]

Нет надобности еще дольше испытывать терпение читателя, хотя мы можем умножить примеры. Не следует забывать, что мы приводили цитаты из самого последнего, пересмотренного издания *«Ритуала»,* издания 1851-2 г. Если бы мы обратились к предыдущему изданию, мы обнаружили бы значительно более поразительное сходство, не только во фразеологии, но и в формах церемоний. Для целей сравнения мы даже не воспользовались ритуалом церемониальной магии *христианских* каббалистов средних веков, в котором язык, переделанный по образцу веры в божественность Христа, за исключением случайных выражений местами, идентичен с «Католическим ритуалом».[66] Последний однако, вносит одно улучшение, за оригинальность которого вся честь принадлежит церкви. Несомненно, ни в одном ритуале магии такой фантастики не найти:

> «Дай место», – говорит он, обращаясь к «Демону», – «дай место Иисусу Христу... ты, *грязная, вонючая и дикая скотина...* что – бунтовать? Слушай и трепещи, Сатана, враг веры, враг человеческого рода, проводник смерти... корень всякого зла, подстрекатель порока, дух зависти, источник жадности, причина раздора, князь человекоубийства, которого проклинает Бог; породитель кровосмешения и святотатства, изобретатель всех непристойностей, *профессор* самых отвратительных деяний и *великий мастер еретиков* (!!) *(Doctor Hoereticorum!)* Что!.. ты все еще стоишь? Ты осмеливаешься сопротивляться, но знаешь ли ты, что Христос, наш Господь, идет сюда?.. Дай место Иисусу Христу, дай место Святому Духу, который через

[65] *Там же*, с. 421-435.
[66] См. [278], ст. *Peter d'Ahano.*

Своего святого апостола Петра посрамил тебя перед публикой в лице Симона Волхва» (*te manifeste stravit in Simone Mago)*[67]

После такого дождя оскорблений никакой хоть сколько-нибудь уважающий себя дьявол не останется в такой компании, если только, конечно, он не итальянский либерал или сам король Виктор Эмануил, так как и тот и другой, благодаря папе Пию IX, стали анафемонепроницаемыми.

Слишком уж нехорошо кажется так сразу отнять у Рима все его символы; но надо проявить справедливость по отношению к ограбленным иерофантам. Задолго до того, как Крест был принят в качестве христианского символа, им пользовались как тайным опознавательным знаком неофиты и адепты. Леви говорит:

> «Знак Креста, принятый христианами, не принадлежит исключительно им. Он также каббалистичен, и представляет собою противодействие и четверичное уравновесие элементов. По оккультному стиху из *«Патера»,* на который мы обратили внимание в другом труде, мы видим, что первоначально было два способа выполнения его или, по крайней мере, две очень различные формулы для выражения его смысла: одна для жрецов и посвященных, другая, дававшаяся неофитам и профанам. Так, например, *посвященный,* поднося руку ко лбу говорит: *Тебе*; затем добавляет – *принадлежит;* и, неся руку к своей груди, добавлял – *царство:* затем к левому плечу – *справедливость;* и к правому плечу – *милосердие.* После чего он соединял обе руки, добавляя – *во всех зарождающихся циклах – «Tibi sunt Malchut, et Geburah et Chassed per Aeonas»,* – это есть *абсолютно* и высоко каббалистический знак креста; смысл которого, вследствие профанации гностицизма, был совершенно утрачен воинствующей и официальной церковью» [**157**, т. II, с. 88].

Как фантастично поэтому утверждение Отца Вентуры, что когда Августин был манихейцем, философом, невежественным и отказывающимся смириться перед величием «великого христианского откровения», то он ничего не знал, не понимал ничего о Боге, человеке и вселенной, «...он оставался бедным, малым, темным, бесплодным и ничего не писал, не совершал ничего действительно великого или полезного». Но как только он стал христианином «...сила его рассуждений и интеллект, просветившись у *светила веры,* возвысили его до самых тончайших высот философии и богословия». И другое его утверждение, что Августинов гений в результате этого «развернулся во всем своем величии и изумительной плодотворности... его ум засиял с такой огромной силой, которая, отразившись в его бессмертных писаниях, никогда не переставала в течение четырнадцати веков освещать церковь и мир!»[68]

Каким был Августин в качестве манихейца – открывать это мы предоставляем Отцу Вентуре; но что его вступление в христианство принесло постоянную вражду между богословием и наукой, это вне всякого сомнения. Будучи вынужденным признаться, что «возможно, что в учениях язычников есть кое-что и *божественное* и истинное», он тем не менее заявил, что за их суеверие, идолопоклонство и гордость следует их «ненавидеть, и если они не исправятся, – наказывать божественным судом». Это дает нам ключ к пониманию всей дальнейшей политики христианской церкви – даже до нашего времени. Если язычники не хотели вступить в церковь, то все, что было божественное в их философии, должно было свестись на нет, и гнев божий должен был разразиться над их головами. К каким последствиям это привело, об этом в сжатых выражениях говорит Дрейпер:

> «Никто не сделал больше, чем этот Отец для того, чтобы создать антагонизм между наукой и религией; главным образом это был он, кто отвел Библию в сторону от ее истинного назначения – быть руководством к чистоте жизни – и поставил ее в опасное положение быть

---

[67] [**439,** с. 429-433]; см. [**104,** с. 171, 172].

[68] «Собеседования» отца Вентуры [**443**], т. II, часть I, Предисловие. с. LVI.

судьею человеческих познаний, наглым тираном над человеческим умом. Раз пример был показан – недостатка в последователях уже не было; труды греческих философов были заклеймлены как профанические; необыкновенно славные достижения Музея Александрии были упрятаны от взоров облаком невежества, мистицизма и неподдающегося пониманию жаргона, из которого очень часто вспыхивали разрушительные молнии церковной мстительности» [**48**, с. 62].

Августин и Киприан [444, кн. VI, гл. XIIV] признают, что Гермес и Хостанес верили в одного истинного бога; первые два точно так же, как и двое язычников, утверждали, что он незрим и непостижим иначе, как только духовно. Кроме того, мы приглашаем любого разумного человека – лишь бы он не был религиозным фанатиком – чтобы он, после прочтения отрывков, на удачу избранных из трудов Гермеса и Августина, касающихся божества, – решил, который из этих двух дает более философское определение «незримого Отца». У нас есть, по крайней мере, один известный писатель, который придерживается нашего мнения. Дрейпер называет письменные произведения Августина «напыщенной беседой» с Богом; «бессвязным сном» [48, с. 37].

Отец Вентура показывает этого святого представляющим изумленному миру «самые тончайшие высоты философии». Но тут опять выступает тот же самый беспристрастный критик, который высказывает по отношению упомянутого колосса философии отцов церкви следующие замечания:

«Неужели ради этой нелепой системы, этого продукта невежества и наглости, надо было отказаться от трудов греческих философов? Не было преждевременности в том, что великие критики, появившиеся во время Реформации, путем сравнения трудов этих писателей поставили их на надлежащее место и научили нас взирать на них с презрением» [48, с. 37].

Обвинять таких людей как Плотин, Порфирий, Ямвлих, Аполлоний и даже Симон Волхв в том, что они заключили договор с Дьяволом, существует ли этот персонаж или нет, – настолько абсурдно, что почти не требует опровержения. Если Симон Волхв – наиболее проблематичный изо всех в историческом смысле – когда-либо существовал иначе, как только в разгоряченной фантазии Петра и других апостолов, то он, очевидно, был ничуть не хуже любого из своих противников. Расхождения в религиозных воззрениях, как бы велики они ни были, недостаточны *per se,* чтобы из-за них одного человека отправить в небеса, а другого – в ад. Такие немилосердные и безапелляционные доктрины можно было преподавать в средние века, но теперь уже слишком поздно, даже для церкви, выдвигать вперед это традиционное пугало. Исследования начинают выявлять такое, что если оно подтвердится, то навлечет вечный позор на церковь апостола Петра, чье самое навязывание себя этому ученику должно рассматриваться как наиболее недоказанное и недоказуемое утверждение католического духовенства.

Анонимный автор «Сверхъестественной религии» упорно старался доказать, что под именем *Симона Волхва* мы должны подразумевать апостола Павла, чьи *Послания* были тайно, также как и открыто, оклеветаны Петром, который осуждал их, как содержащих «слаборазумную ученость». Апостол нееврeев был смелый, откровенный, искренний и очень ученый; апостол Обрезания же был трусливый, осторожный, неискренний и очень невежественный. Что Павел частично, если и не полностью, был посвящен в теургические мистерии, – почти нет сомнений. Его язык, фразеология, настолько своеобразная и присущая греческим философам, некоторые выражения, употребляемые только посвященными – все это является верными отличительными признаками, ведущими к такому заключению. Наше подозрение было подкреплено талантливой статьей в одном из нью-йоркских периодических изданий, озаглавленной «Павел и Платон»,[69] в которой

[69] «Павел и Платон» А. Уайлдера [45], редактора «Элевзинских и вакхических мистерий» Томаса Тейлора [4].

автор выдвигает одно замечательное и для нас весьма ценное наблюдение. Он показывает, как изобилуют «Послания к Коринфянам» Павла выражениями, навеянными сабазийскими и элевсинскими посвящениями, и лекциями (греческих) философов. Он (Павел) характеризует себя как *idiotes,* т. е. как человека, неискусного в Слове, но не в *гнозисе,* или философской учености. «Мудрость же мы проповедуем между совершенными», – пишет он, – «но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую ... *никто из властей века сего не познал».* [*1 Коринф.,* II, 6-8]

Что же другое мог этот апостол подразумевать под этими недвусмысленными словами, как не то, что он сам, как принадлежащий к *мистам* (посвященным), говорил о вещах, показываемых и объясняемых только в мистериях? «Премудрость Божия, которую *никто из властей века сего не познал»,* очевидно, имеет какое-то непосредственное отношение к Базилею элевсинского посвящения, который *знал.* Этот Базилей принадлежал к окружению великого иерофанта и был одним из архонов Афин; в качестве такового он был одним из главных *мистов* и принадлежал ко *внутренним* мистериям, к которым только очень избранное и малое количество получало доступ.[70] Должностные лица, заведовавшие элевсиниями, назывались архонами.

Другим доказательством, что Павел принадлежал к кругу «посвященных», является следующий факт. У апостола голова была острижена в Сенхрее (где был посвящен Луций, *Апулей),* так как «он дал обет». *Назары* – или отделенные – как мы читаем в иудейских Писаниях, должны были остричь свои волосы, которые они носили длинными и, которых «бритва не должна была касаться» во всякое другое время, и приносить их в жертву на алтарь посвящения. А назары представляли собою класс халдейских теургов. Мы в дальнейшем докажем, что Иисус принадлежал к этому классу.

Павел заявляет, что:

> «Я, по данной мне от Бога благодати, ака мудрый *[мастер-строитель],* положил основание» [*1 Коринф.,* III, 10].

Это выражение, мастер-строитель, употребленное только *один раз* во всей Библии и, употребленное Павлом, может рассматриваться, как целое откровение. В мистериях третья часть священных обрядов называлась «эпоптейя», или откровение, допуск к тайнам. В сущности это означает высшую стадию божественного ясновидения, когда все, относящееся к этой земле, исчезает и земное зрение парализовано, и душа, чистая и свободная, соединяется со своим Духом или Богом. Но действительное значение этого слова будет «надсмотр», от οπτομαι – Я *вижу сам.* В санскрите слово *эвапто* имеет то же самое значение, так же и *обретать.*[71] Слово *эпоптейя* есть составное слово от Επι – на, и οπτομαι, – смотреть, или надзиратель, надсмотрщик, – также употребляющееся, как мастер-строитель. Титул мастера-каменщика в франкмасонстве произошел от этого слова в том смысле, как оно употреблялось в мистериях. Поэтому, когда Павел титулует себя «мастером-строителем», то он употребляет слово преимущественно каббалистическое, теургическое и масонское, которое не употреблял ни один другой апостол. Таким образом он объявляет себя *адептом,* имеющим право *посвящать* других.

---

[70] См. [**4**].

[71] В своем наиболее пространном значении это санскритское слово имеет то же самое буквальное значение, что и греческое слово; оба подразумевают «откровение», но не от человека, а путем «приема священного напитка». В Индии посвященный принимал «Сому», священное питье, которое помогало освободить его душу от тела; в элевсинских же мистериях это было священное питье, даваемое при Эпоптейе. Греческие мистерии целиком произошли от брахманистских ведических ритуалов, а последние – от доведических религиозных мистерий – от первоначальной будхистской философии.

Если мы продолжим поиски в этом направлении с такими верными путеводителями как греческие мистерии и *«Каббала»* перед нами, то будет легко раскрыть тайную причину, почему Петр, Иоанн и Иаков так ненавидели и преследовали Павла. Автор «Откровения» был еврейским каббалистом *pur sang,* со всею ненавистью, унаследованною им от своих праотцов, по отношению к мистериям.[72] Его зависть в течение земной жизни Иисуса простиралась даже на Петра; и только после смерти их общего учителя мы видим, как эти два апостола – из которых первый носил митру и Петалун еврейского раввина – яростно стали проповедовать обряд обрезания. В глазах Петра Павел, который унизил его, и который, как он чувствовал, намного превосходил его по части «греческой учености» и философии, естественно должен был показаться магом, человеком, осквернившимся «Гнозисом», «мудростью» греческих мистерий – отсюда, возможно, и «Симон[73] Волхв».

Что касается Петра, критика Библии показала, что, по всей вероятности, он не имел никакого другого отношения к основанию латинской церкви в Риме, как только то, что он дал этой церкви предлог, за который так охотно ухватился коварный Ириней – предлог наделения этой церкви новым именем для этого апостола – Петра или Киффа – именем, которое путем легкой игры словами могло удачно быть связано с «Погрома». Погрома – это была пара каменных скрижалей, упогребляемых иерофантами при посвящениях во время завершающейся мистерии. В этом кроется секрег претендования Ватикана на трон Пегра.

Как профессор Уайлдер удачно выразил:

> «В восточных странах название פתר Петер (на финикийском и халдейском языках – истолкователь), очевидно, было титулом этого персонажа (иерофанта)... В этих фактах что-то напоминает о своеобразных обстоятельствах Моисеева Закона... а также о притязаниях папы быть наследником Петера, иерофантом или истолкователем христианской религии».[74]

Как за таковым, мы должны признать за ним до некоторой степени право быть таким толкователем. Латинская церковь преданно сохранила в своих символах, обрядах, церемониях, архитектуре и даже в самих одеяниях своего духовенства традицию языческого культа – публичных или экзотерических церемоний, мы должны добавить; ибо иначе ее догмы имели бы в себе больше смысла и содержали бы меньше кощунства против величия верховного и незримого Бога.

Надпись, обнаруженная на гробе царицы Ментухепты, одиннадцатой династии (2250 г. до Р. Х.), списанная, как теперь оказалось, с семнадцатой главы «Книги Мертвых» (датированной не позднее 4500 г. до Р. Х.), более чем многозначительна. Этот монументальный текст содержит в себе группу иероглифов, которые в переводе читаются так:

PTR	RF	SU
Peter	ref	su

---

[72] Излишне сказать, что «Евангелие от Иоанна» не было написано Иоанном, а последователем Платона или гностиком неоплатонической школы.

[73] Тот факт, что Петр преследовал «нееврейского апостола» под этим именем, необязательно означает, что не было Симона Волхва как отдельной личности от Павла. Оно могло стать именем нарицательным, оскорбительным. Теодорет и Хризостом, наиболее ранние и плодовитые из комментаторов по гностицизму тех дней, кажется, сделали из Симона соперника Павла, и сообщают, что они оба часто обменивались посланиями. Первый, как усердный пропагандист того, что Павел называл «антитезисом Гнозиса» [/ *Тимофею*], должно быть, был как бельмо на глазу у апостола. Имеется достаточно доказательств, что Симон Волхв действительно существовал.

[74] *Введение* в [4], с. X. Если бы у нас не было достоверной каббалистической традиции, на которую можно положиться, мы еще могли бы сомневаться, следует ли приписать авторство «Откровения» апостолу того имени. Его, кажется, называли Иоанном Богословом.

Барон Бунзен показывает эту священную формулу, перемешанную с целым рядом примечаний и различных толкований, на памятнике сорокавековой давности.

> «Это равносильно высказыванию, что эта запись (правильное толкование) в то время уже перестала быть понятной... Мы просим наших читателей понять», – добавляет он, – «что священный текст, гимн, содержащий слова ушедшего духа, существовал в таком виде около 4000 лет тому назад... и был полностью непонятным для царских писцов» [**74**, т. V, с. 90].

Что он был непонятным для непосвященных, так же доказывается окружающими его путанными и противоречивыми толкованиями, как и тем, что он представлял собою «тайное» слово, известное иерофантам храмов и, кроме того, это было слово, избранное Иисусом для обозначения должности, на которую он назначил одного из своих апостолов. Это слово, ПТР, было частично истолковано, благодаря другому слову, подобным же образом написанному в другой группе иероглифов на стелле; грифом ему служило изображение открытого глаза.[75] Бунзен упоминает другое истолкование ПТР – «показывать».

> «Мне кажется»,– говорит он,– «что наш ПТР есть буквально старый арамейский и еврейский «Патар», который встречается в повествовании Иосифа в качестве специального слова для понятия *истолкование,* откуда и слово *питрум* представляет термин для означения истолкования какого-либо текста, сна» [**74**], т. V, с. 90].

В одной рукописи первого века, комбинации демотического и греческого текстов[76], которая, по всей вероятности, является одною из тех немногих, которым чудом удалось спастись от христианского вандализма второго и третьего веков, когда все такие драгоценные рукописи сжигались, как магические, в нескольких местах мы встречаем фразу, которая, возможно, может пролить некоторый свет на этот вопрос. Одного из главных героев этой рукописи, на которого постоянно ссылаются как на «иудейского просветителя» или посвященного, Τελειωτης, заставляют сообщаться только со своим *Патар;* последнее написано халдейскими буквами. Один раз последнее слово соединено с именем *Шимеон.* Несколько раз этот «Просветитель», который редко нарушает свое созерцательное одиночество, показан обитающим в Κρυπτη (пещере), и учащим множества устремленных ученых, стоящих вне, не устно, но через своего *Патар.* Последний воспринимает слова мудрости, прикладывая свое ухо к круглому отверстию в перегородке, которая скрывает учителя от своих слушателей, и затем передает их вместе с объяснениями и примечаниями толпе. Это был метод преподавания, которым, с небольшим изменением, пользовался Пифагор, который, поскольку нам известно, никогда не позволял своим неофитам видеть его в течение лет испытательного периода, но наставлял их из-за занавеси в своей пещере.

Но, независимо от того, идентичен ли «Просветитель» греко-демотической рукописи с Иисусом или нет, остается факт, что мы находим его выбравшим «таинственное» обозначение для кого-то, которого католическая церковь впоследствии заставляет выступать в качестве привратника Царствия Небесного и истолкователя воли Христовой. Слово Патар или Петер ставит и учителя и ученика в круг посвящения и соединяет их с тайной доктриной. Великий иерофант древних мистерий никогда не позволял кандидатам видеть или слышать его лично. Он был *deus ex machina,* руководящее, но невидимое божество, изрекающее свою волю и наставления через вторых лиц; и спустя 2000 лет, мы открываем, что Далай-ламы Тибета веками придерживались той же традиционной

---

[75] См. де Руже, «Stele» [**445**, с. 44]: ПТР *(videus)* в нем истолковано как «появляться» и за словом поставлен вопросительный знак – обычный знак научного бессилия. В пятом томе Бунзена «Египта» дано другое истолкование – «Просветитель», которое более правильно.

[76] Эта рукопись принадлежит одному мистику, которого мы встретили в Сирии

программы в течение наиболее значительных религиозных мистерий ламаизма. Если Иисус знал тайное значение титула, данного им Симону, то он должен был быть посвященным; иначе он не узнал бы этого; и если он был посвященным пифагорейских ессеев, халдейских магов, или египетских жрецов, то преподаваемое им учение было лишь частью тайной доктрины, преподаваемой языческими иерофантами немногим избранным адептам, допущенным в священное святилище.

Но этот вопрос мы будем обсуждать в дальнейшем. Пока что мы постараемся коротко указать на чрезвычайное сходство – или скорее, идентичность, мы сказали бы – обрядов и церемониальных одеяний христианского духовенства и одеяний священнослужителей древних вавилонян, ассирийцев, финикиян, египтян и других язычников седой древности.

Если бы мы захотели отыскать модель папской тиары, то нам следует искать ее в летописях древнеассирийских табличек. Мы приглашаем читателя обратить внимание на иллюстрированный труд д-ра Инмана «Языческий и христианский символизм». На шестьдесят четвертой странице он легко в головном уборе наследника Св. Петра опознает прическу, носимую богами и ангелами в древней Ассирии,

> «где она появляется увенчанной эмблемой *мужской* троицы» (христианским Крестом). «Мы можем упомянуть мимоходом», – добавляет д-р Инман, – «что как представители Римской церкви взяли себе митру и тиару от «проклятых потомков Хама», также они взяли епископский посох от авгуров Этрурии и художественную форму, в которую они облекают своих ангелов,– от живописцев и делателей урн *Magna Grecia* и Центральной Италии».

Будем ли мы продолжать наши исследования дальше, чтобы отыскать такого же рода подтверждения в отношении нимбов и тонзур католических священников и монахов?[77] Мы найдем неопровержимые доказательства, что они являются солнечными эмблемами. Найт в своем «Old England Pictorially Illustrated» приводит рисунок Св. Августина, изображающий древнего христианского епископа в одеянии, вероятно, носимом самим этим великим «святым». *Pallium* или древняя епитрахиль епископа, является женским знаком, когда его носит жрец во время богослужения. На картине Св. Августина эта епитрахиль украшена буддийскими крестами и всею своею внешностью она представляет египетское Т (тау), слегка принявшее вид буквы Y.

> «Ее нижний конец яадяется знаком мужской триады», – говорит Инман, – «указательный палец правой руки (фигуры) протянут подобно ассирийскому жрецу, воздающему почести *роще...* Когда мужчина носит *pallium* во время богослужения, он становится представителем троичности в единстве, *арба* или мистическими четырьмя»[78].
>
> «Беспорочна наша Владычица Изида», – гласит надпись вокруг выгравированных Сераписа и Изиды, описанная Кингом в книге «Гностики и то, что от них осталось», «Η ΚΥΡΙΑ ΙCIC ΑΓΝΗ»... – те же самые выражения, впоследствии приложенные к тому персонажу (к Деве Марии), которая унаследовала от нее форму, титулы, символы, ритуалы и церемонии... Таким образом ее последователи перенесли в новое духовенство прежние знаки своей профессии, обязательство соблюдения целомудрия, тонзуру, стихарь, упустив при этом к сожалению, частые омовения, предписанные древним верованием». ««Черные Девы», пользующиеся таким почитанием в некоторых французских соборах... оказались, когда их, наконец, критически обследовали, базальтовыми статуями Изиды!» [**410**. с. 71]

Перед местом поклонения Юпитеру Аммону были подвешены звенящие колокольчики, по звуку которых жрецы составляли предсказания; «золотой колокольчик и гранат... кругом по кайме одеяния», – нашло свое выражение у евреев Моисея. Но в буддийской системе, во время религиозных служении, богов из Дэва-Локи всегда

---

[77] Жрецы Изиды носили тонзуры.

[78] См. [**447,** т.II, с.915-918]

вызывают и приглашают спуститься на алтари посредством звона колоколов, подвешенных в пагодах. Колокол священной скрижали Шивы в Кухаме описан в Кайласе, и каждая буддийская вихара и монастырь имеют свои колокола.

Таким образом мы видим, что употребляемые христианами колокола пришли к ним непосредственно от буддистов Тибета и Китая. Бусы и четки имеют то же самое происхождение; буддийские монахи пользуются ими уже больше 2300 лет. В определенные дни *Лингамы* в индусских храмах украшаются большими ягодами с дерева, посвященного Махадеве, которые нанизываются, как четки. Титул «монахиня» [*«пит»*] является египетским словом того же значения; христиане даже не потрудились перевести слово *Nonna.* Ореол святых изображался допотопными художниками Вавилона каждый раз, когда они хотели почтить или обожествить голову смертного. На одной знаменитой картине в «Индусском пантеоне» Мура, под названием «Дэваки нянчит младенца – Кришну», индусская Дева изображена сидящей на диване с младенцем Кришной. Ее волосы зачесаны назад; длинная вуаль и золотистый ореол вокруг головы Девы, также как вокруг головы Индусского Спасителя – поразительны. Никакой католик, как бы он ни был сведущ в тайном символизме иконологии – ни на мгновение не поколебался бы почтить в этой святыне Деву Марию, матерь его Бога![79] В Индур Суба, южном входе пещер Эллоры, до сегодняшнего дня можно видеть фигуру жены Индры, Индрани, сидящую со своим сыном-богом – она указывает пальцем на небо таким же точно жестом, как итальянская Мадонна с младенцем. В книге «Языческий и христианский символизм» автор поместил фигуру средневековой деревянной резьбы – подобную тем, какие мы видели дюжинами в старых псалтырях – в которых Дева Мария со своим младенцем изображена как Царица Небесная, на лунном серпе, эмблеме девственности. «Находясь перед солнцем, она почти затмевает его свет. Ничто более этого не может полнее отождествить христианскую матерь с ребенком с Изидой и Гором, Иштар, Венерой, Юноной и целой армией других языческих богинь, которых называли «царицами небесными», «царицами вселенной», «божьими матерями», «супругами бога», «небесными девами», «небесными миротворцами» и т. д.».[80]

Такие картины не являются чисто астрономическими. Они представляют мужского бога и женскую богиню, как солнце и луну в соединении, «соединение триады с единицей». Рога коровы на голове Изиды имеют то же самое значение.

И так выше, ниже, во вне и внутри христианской церкви, в одеяниях священнослужителей и в религиозных обрядах мы узнаем отпечаток экзотерического язычества. Ни по какому другому предмету, находящемуся в пределах широкого круга человеческих познаний, мир не бывал настолько ослеплен или обманываем упорными лжетолкованиями, как по вопросу древности. Ее седое прошлое и религиозные верования были ложно истолкованы и попраны ее наследниками. Ее иерофанты и пророки, мисты и эпопты[81] когда-то сокровенных святилищ храма, выставлены как одержимые бесами и как поклонники дьявола. Нарядившись в одеяния, взятые у жертвы, христианский священнослужитель теперь предает ее анафеме, пользуясь при этом ритуалами и церемониями, которым он научился от этих самых теургов. Моисеева Библия употребляется в качестве оружия против того народа, который ее дал. Языческого философа проклинают под тою же самою крышею, которая была свидетельницей его посвящения; и «обезьяна Бога» (т. е. дьявол Тертуллиана), «породитель и основатель магической теургии, науки иллюзий и лжи, чей отец и породитель есть демон», изгоняется при помощи освященной воды рукою, которая держит настоящий *lituus*[82] которым древний авгур после торжественной молитвы намечал области неба и именем

---

[79] См. иллюстрацию в книге Инмана «Древнее язычество и современный христианский символизм» [**424**, с. 27].

[80] Там же, с. 76.

[81] Посвященные и провидцы

[82] Жезл авгуров, а теперь епископский жезл.

ВЫСОЧАЙШЕГО бога вызывал меньшего бога (теперь называемого Дьяволом), который раскрывал перед его взором будущее и делал его способным пророчествовать! Со стороны христиан и духовенства это есть ничто другое как позорное невежество, предубеждение и презрительная гордость, так смело разоблачаемая одним из их же уважаемых священнослужителей Т. Гроссом [121], который с бранью выступает против всяких исследований «как бесполезного и преступного труда, когда следует опасаться, что они могут иметь своим результатом подрыв установившихся систем верований». Со стороны ученых действуют те же самые опасения о возможном возникновении необходимости изменить некоторые ошибочно ими установленные научные теории.

> «Ничто, кроме таких прискорбных предубеждений», – говорит Гросс, – «не могло так извратить богословие язычества и исказить – даже превратить в карикатуру – его формы религиозного поклонения. Настало время, когда потомству следует возвысить свой голос для реабилитации попранной истины, и нынешний век должен научиться немного тому здравому смыслу, которым он хвастается с таким самодовольством, точно прерогатива разума по праву рождения принадлежит только нашим современникам».

Все это дает нам верный ключ к действительной причине ненависти, испытываемой ранними и средневековыми христианами по отношению к своим языческим братьям и опасным соперникам. Мы ненавидим то, чего мы боимся. Христианский чудотворец, порвавший все связи с мистериями храмов и с «теми школами, которые так прославились своей магией», описанной Св. Иларионом [448, т. II, с. 283], – не имел почти никакой надежды, чтобы состязаться с языческими чудотворцами. Ни один апостол, может быть, за исключением лечения месмерической силой, – никогда не мог сравняться с Аполлонием Тианским; и скандал, произведенный среди апостолов творящим чудеса Симоном Волхвом, слишком хорошо известен, чтобы повторять его здесь снова.

> «Почему это так», – спрашивает Юстин Мученик е явным унынием, – «почему это так, что талисманы Аполлония (τελεσματα) обладают властью в некоторых частях творения, ибо они предохраняют, *как мы видим,* от ярости волн, от буйства ветров и от нападения диких зверей; и в то время как чудеса нашего Господа сохранились только в преданиях, чудеса Аполлония *весьма многочисленны* и действительно проявляются в нынешних фактах, чем сбивают с пути всех видевших?» [**449**, XXIV]

Этот поставленный в тупик мученик очень правильно разрешает эту проблему, приписав эффективность и могущество применяемых Аполлонием чар его глубокому знанию симпатий и антипатий (или несовместимостей) природы.

Не будучи в состоянии отрицать очевидное превосходство сил своих врагов, отцы прибегли к старому, но всегда успешному способу – к клевете. Они почтили теургов той же самой грязной клеветой, к которой прибегали фарисеи по отношению к Иисусу. «У тебя есть демон», – сказали Иисусу старшие еврейские синагоги. «У тебя есть Дьявол», – повторили коварные отцы, с одинаковой правдивостью обращаясь к языческому чудотворцу; и это широко распространяемое обвинение, впоследствии возведенное в догмат веры, одержало победу.

Но современные наследники этих фальсификаторов из духовенства, которые обвиняют магию, спиритуализм и даже магнетизм в том, что их производит демон, – забыли, или может быть, никогда не читали классиков. Никто из наших фанатиков веры не взирал с большим презрением на *злоупотребления* магией, чем истинный посвященный древности. Никакой современный, ни даже средневековый закон не мог быть более суровым, чем закон иерофанта.

Правда, он был более разборчивым, милосердным и справедливым, нежели христианское духовенство; ибо изгоняя «несознательного» колдуна, человека, осаждаемого демоном, из священных пределов святилища, жрецы, вместо безжалостного

сжигания его, заботились об несчастном «одержимом». Имея по соседству от храма лечебницы, специально с этой целью построенные, жрецы помещали «медиума» древности, если он был одержим, туда и восстанавливали его здоровье. Но с человеком, который путем сознательного *колдовства* приобрел силы, делающие его опасным для остальных людей, жрецы древности были суровы, как сама справедливость.

> «Всякий человек, *непредумышленно* совершивший убийство или любое преступление, или обвиненный в *колдовстве* – исключался из элевсинских мистерий».[83]

И также изо всех других. Этот закон, упоминаемый всеми, кто писал о древних посвящениях, говорит сам за себя. Заявление Августина, что все объяснения, даваемые неоплатониками, придуманы ими самими, является абсурдом. Ибо каждая церемония в ее истинном и последовательном совершении была дана самим Платоном в более или менее прикрытом виде. Мистерии стары как мир, и человек, хорошо разбирающийся в эзотерической мифологии различных народов может проследить их назад до дней доведического периода в Индии. В Индии от *Ватоу* или кандидата, перед тем как он может стать посвященным, требуется соблюдение условия строжайшей добродетели и чистоты, независимо от того, хочет ли он стать простым факиром, *пурохитом* (публичным жрецом) или *санньяси,* святым второй степени посвящения, наиболее святым и наиболее уважаемым из них всех. После того как санньяси прошел все ужасные испытания, предшествующие допущению его во внутренний храм в подземных тайниках его пагоды, – он проводит остаток своей жизни в храме, выполняя восемьдесят четыре правила и десять добродетелей, предписанных йогу.

> "Никто, кто не выполнял в течение целой своей жизни десяти добродетелей, которые божественный Ману вменил в обязанность, – не можст быть посвящен в мистерии света», –

говорят индусские книги посвящения.
Этими добродетелями являются:

> «Смирение; воздаяние добром за зло; умеренность; честность; чистота; целомудрие; обуздыванис физических чувств; знание священных писаний; знание *Высшей* души (духа); поклонение истине; воздержание от гнева».

Только эти добродетели должны направлять жизнь истинного йога.

> «Недостойный адепт не должен осквернять ряды святых посвященных своим присутствием двадцать четыре часа».

Адепт становится виновным после нарушения любого из этих обетов. Несомненно, применение таких добродетелей несовместимо с идеями поклонения *дьяволу* и похотливостью!

А теперь мы попытаемся дать ясное представление об одной из главных целей настоящего труда. Что мы хотим доказать, так это то, что в основании всех древних народных религий находилось одно и то же древнее учение мудрости, единое и тождественное, исповедуемое и применяемое посвященными всех стран, которые одни только были осведомлены о его существовании и значительности. Установить его происхождение и время возникновения и окончательного сформирования – это теперь уже вне человеческих возможностей. Однако, единого взгляда достаточно, чтобы убедиться, что оно не могло достичь чудесного совершенства, в каком мы находим его в остатках различных эзотерических систем, иначе как в течение непрерывного ряда веков. Такая

---

[83] См. Тэйлор [**4**]; Порфирия и других.

глубокая философия, такой возвышенный кодекс нравственности и практические результаты, столь убедительно и единообразно доказуемые, не являются достижением одного поколения или даже отдельной эпохи. Факт должен был укладываться на факт, вывод на вывод, наука порождала науку, и мириады яснейших человеческих умов размышляли над законами природы, прежде чем это древнее учение приняло конкретную форму. Доказательства этой тождественности основного учения в древних религиях можно найти в распространенности системы посвящений, в существовании тайных каст священнослужителей, которые являлись хранителями мистических слов силы, и в публичных демонстрациях феноменальной власти над силами природы, указывающей на общение со сверхчеловеческими существами. Каждый подход к мистериям всех этих народов охранялся с тою же самою ревностною заботою, и во всех смертной казни предавали посвященного любой степени, если он выдал доверенные ему тайны. Мы видели, что так было в элевсинских и вакхических мистериях, среди халдейских магов и у египетских иерофантов; тогда как у индусов, от которых все они произошли, это же самое правило существовало с незапамятных времен. В этом у нас нет никаких сомнений, ибо в *«Агручада Парикшай»* ясно сказано:

> «Каждый посвященный, к какой бы степени он ни принадлежал, если он раскроет великую священную формулу, должен быть предан смерти».

Вполне естественно, что эта самая высшая мера наказания была предписана во всех многочисленных сектах и братствах, которые в различное время возникали из древнего корня. Мы находим ее у ранних ессеев, гностиков, теурго-неоплатоников и средневековых философов; и в наши дни даже масоны увековечивают память о старых обязательствах в наказаниях перерезанием горла, расчленением и выпусканием внутренностей, чем угрожают кандидатам. Как масонское «слово мастера» передается только «чуть дыша», такая же самая предосторожность предписана в халдейской «Книге Чисел» и в еврейской *«Меркабе».* При посвящении *древний* уводил неофита в уединенное место и там шептал *ему в ухо* великую тайну [256]. Масон клянется под угрозой страшных наказаний, что он не сообщит секретов какой-либо степени «брату *низшей степени»,* и *«Агручада Парикшай»* говорит:

> «Любой посвященный третьей степени, который прежде времени раскроет посвященным второй степени истины, должен быть предан смерти».

И опять, масонский подмастерье соглашается, чтобы «его язык был вырван с корнем», если он что-нибудь разгласит профану; и в индусских книгах посвящения, в той же самой *«Агручада Парикшай»* мы находим, что у любого посвященного первой степени (самой низкой), если он выдаст тайны своего посвящения членам других каст, для которых эта наука должна оставаться запечатанною книгою, *«будет вырезан язык»,* и он будет подвергнут другим изуродованиям.

В дальнейшем мы укажем на доказательства этой тождественности обетов, формул, ритуалов и доктрин среди древних вероисповеданий. Мы также докажем, что не только память о них все еще сохранилась в Индии, но также и Тайное Общество все еще живо и так же деятельно, как и всегда. После прочтения всего того, что мы собираемся сказать, можно только прийти к выводу, что главный понтиф и иерофант, *Брахматма* все еще доступен для тех, «кто знают», хотя, возможно, под другим названием: и что разветвления его влияния распространяются по всему миру. Но мы теперь снова вернемся к периоду раннего христианства.

Как будто он не был осведомлен, что в экзотерических символах имеется эзотерическое значение, и что сами мистерии состояли из двух частей – меньшие в Агре, высшие в Элевсине – Климент Александрийский со злобным фанатизмом, какой можно было бы ожидать от неоплатонического отступника, но что поразительно со стороны

этого, в общем, ученого и честного Отца, обозвал мистерии непристойными и дьявольскими. Каковы бы ни были ритуалы, совершаемые среди неофитов до того, как они переходили к высшим формам наставления; как бы неправильно ни были поняты испытания *Katharsis* или очищения, в течение которых кандидаты подвергались различного рода испытаниям; и как бы сильно духовный или физический аспект ни предрасполагал к клеветническим измышлениям, – только злобные предрассудки могли заставить человека сказать, что под этим внешним значением не было значительно более глубокого и духовного значения.

Определенно абсурдно судить древних с нашей нынешней точки зрения на пристойность и достоинство. И вне всякого сомнения, что не та церковь – которая теперь стоит обвиненная всеми современными исследователями символов в присвоении в точности тех же самых эмблем в их грубейшем аспекте и которая чувствует себя бессильной опровергнуть эти обвинения – может бросить камень в тех, которые послужили ей образцами. Когда такие люди как Пифагор, Платон и Ямвлих, прославившиеся своею нравственностью, чистотою, участвовали в мистериях и говорили о них с почтительностью, то не пристало нашим современным критикам судить о них по одному только внешнему виду. Ямвлих дает объяснения самому худшему; и его объяснение должно бы внушить полное доверие умам, свободным от предвзятых мнений.

> «Показы такого рода», – говорит он, – «в мистериях были представлены с целью освобождения нас от безнравственных страстей путем доставления удовольствия зрению и в то же время подавляя все нехорошие мысли *благоговейной святостью,* какая окружала эти обряды» [**214**]. «Мудрейшие и лучшие люди языческого мира», – добавляет д-р Уорбертэн, – «все единодушно сходятся на том. что мистерии были учреждены безупречными и преследовали благороднейшие цели, применяя достойнейшие средства».[84]

В этих знаменитых ритуалах, несмотря на то, что туда допускались лица обоих полов и всех классов общества, и участие в них даже было обязательным, в действительности лишь немногие достигали высшего и окончательного посвящения. Градации мистерий даны Проклом в четвертой книге его «Теологии Платона».

> «Обряд совершенствования τελετη предшествует по порядку посвящению – *Muesis,* и посвящению – *Эпоптейе,* или заключительному апокалипсису (откровению)».

Феон из Смирны в «Математике» также делит мистические обряды на пять частей:

> «Первой из которых является предварительное очищение; ибо *также не все допускаются к мистериям,* кто их желает... имеются некоторые лица, люди. предупреждаемые голосом глашатая (κηρυε) ... так как необходимо, чтобы те, которые не исключены из мистерий, сперва были утончены нскоторыми очищениями, за которыми следует восприятие священных обрядов. Третья часть, носит название *эпоптейа* или принятие. А четвертая, являющаяся завершением и целью откровения, представляет собою *повязывание головы и возложение венцов*...[85] станет ли он (посвященная личность) ... иерофантом или будет выполнять какую-либо другую функцию священного служения. Но пятая часть, которая является результатом всех предыдущих, есть *дружба и внутреннее общение с Богом».*

И это была самая последняя и самая благоговейная изо всех мистерий.

---

[84] *«Divine Legation of Moses»,* [**4**], как цитировано Томасом Тэйлором

[85] Это выражение не следует понимать буквально, так как при посвящении в некоторых братствах оно имело тайное значение, на что намекает Пифагор, описывая свои ощущения после посвящения, и рассказывая, что он был коронован богами, в чьем присутствии он пил «воды жизни» – по-индусски – аб-и-хайат, родник жизни.

Имеются писатели, которые часто задумывались над значением этой выраженной претензии на «дружбу и внутреннее общение с Богом». Христианские авторы отвергали притязания «язычников» на такое «общение», утверждая, что только христианские святые были способны и теперь способны на это; материалистические скептики, вообще, надсмехались над этой идеей обоих. После долгих веков религиозного материализма и духовного застоя весьма определенно стало трудно если и не совсем невозможно обосновать притязания обеих партий. Древних греков, которые когда-то толпились вокруг Агоры Афин с ее алтарем «Неизвестному Богу», – больше нет; и их потомки крепко верят, что они нашли этого «Неизвестного» в еврейском Иегове. Божественные экстазы ранних христиан уступили место видениям более современного характера в полном согласии с прогрессом и цивилизацией. «Сын Человеческий», являющийся восхищенному взору древнего христианина грядущим из седьмых небес в облаке славы и окруженным ангелами и крылатыми серафимами, уступил место более прозаичному, но в то же время и более деловитому Иисусу. Последнего теперь показывают делающим утренние визиты Марии и Марте в Вифании и садящимся «на диван» с младшей сестрой, любительницей «этики», тогда как Марта отправляется на кухню готовить. Недавно разгоряченная фантазия кощунственного бруклинского проповедника и шута, достопочтимого д-ра Толмеджа нарисовала ее бегущей назад «со вспотевшим лбом и с кувшином в одной руке и со щипцами в другой... она подбегает к Христу» и бранит его, что он не обращает внимания, что сестра предоставила «ей одной обслужить их».[86]

Со времени рождения торжественной и величественной концепции о непроявленном божестве адептов древности до таких карикатурных описаний того, кто умер на Кресте за свою филантропическую преданность человечеству, – прошли долгие века, и их тяжелая поступь, кажется, почти полностью изгладила всякое чувство духовной религии в сердцах называющих себя его последователями. Поэтому неудивительно, что выражение Прокла больше непонятно христианам, и отвергается, как «причуда», материалистами, которые в своем отрицании менее кощунственны и атеистичны, чем многие из достопочтенных членов церквей. Но, хотя греческой *эпоптейи* больше нет, у нас есть в нашем нынешнем веке народ, гораздо более древний, нежели самые древние эллины, который пользуется «сверхъестественными» способностями до такой же самой степени, как пользовались их предки в дни гораздо более далекие, чем троянские. Именно на этот народ мы обращаем внимание психолога и философа.

Нет надобности углубляться в труды востоковедов, чтобы прийти к убеждению, что в большинстве случаев они даже не подозревают, что в сокровенной философии Индии имеются глубины, которых они не прощупали и *не могут* прощупать, так как они проходят дальше, не заметив их. В обращении с индусской метафизикой преобладает тон сознания превосходства, оттенок презрительности, как будто только европейский ум достаточно просвещен, чтобы полировать неотшлифованный алмаз древнесанскритских писателей и отделять, что хорошо и что плохо, ради блага своих потомков. Мы видим, как они спорят по поводу внешних форм выражения, без представления о тех великих жизненных истинах, которые те скрывают от взоров профана.

---

[86] Эта оригинальная и очень длинная проповедь была произнесена в Бруклинской церкви штата Нью-Йорк 15 апреля 1877 г. На следующее утро газета *«Сан»* обозвала достопочтимого оратора болтающим шарлатаном; но этот заслуженный эпитет не удержит других досгопочтимых шутов поступать точно также и даже хуже. И это религия Христа! Гораздо лучше не верить в него совсем, чем делать карикатуру из своего Бога в таком виде. Мы от всего сердца аплодируем *«Сану»,* высказавшему следующие взгляды: «И затем, когда Толмедж заставляет Христа в вспышке раздражительности сказать Марте: «Не хлопочи, а садись на диван», – он доводит сцену до кульминационного пункта – тут уж нечего больше сказать. Шутовство Толмеджа заходит слишком далеко. Если бы он был злейшим еретиком в этой стране, вместо того чтобы быть верным правоверным, – он бы не причинил столько вреда религии, сколько он причиняет своими фамильярными кощунствами».

«Как правило, брахманы», – говорит Жаколио, – «редко поднимаются выше класса *грихастха* [жрецы низших каст] и *пурохита* (заклинатели, предсказатели, пророки и вызыватели духов]. И все же, как мы увидим... раз уж мы заговорили об этом вопросе и изучаем проявления и феномены, что эти посвященные *первой* степени (самой низшей) приписывают себе и, по-видимому, в самом деле, обладают способностями. развитыми до такой степени, какая никогда не была достигнута в Европе. Что же касается посвященных второй, а в особенности третьей степени, то они претендуют на власть, позволяющую им игнорировать пространство и время, распоряжаться жизнью и смертью» [**378**, с. 68].

Таких посвященных, как эти, Жаколио *не встречал,* ибо, как он сам сказал, они появляются только в самых торжественных случаях, и когда требуется утвердить веру в широких массах путем феноменов более высокого порядка.

«Их никогда не видно ни по соседству с храмами, ни даже в самих храмах, за исключением неликого пятилетнего праздника огня. По этому случаю они появляются около полуночи на платформе, воздвигнутой в середине священного озера, подобно призракам, и своими заклинаниями освещают пространство. Огненный столб света поднимается около них и стремительно несется от земли к небу. Странные звуки слышатся в воздухе, и пятьсот или шестьсот тысяч индусов, собравшихся со всех концов Индии, чтобы лицезреть этих полубогов, бросаются наземь, погружая лицо в пыль и призывая души своих предков» [**378**. с. 78, 79].

Пусть любой беспристрастный человек прочтет «Spiritisme dans le Monde», и он не поверит, что этот «непримиримый рационалист», как Жаколио любит себя называть, – сказал хоть одним словом больше того, что он в самом деле видел. Его сообщения находят поддержку и подтверждаются сообщениями других скептиков. Как правило, миссионеры, даже прожившие полжизни в стране «поклонения дьяволу», как они называют Индию, или неискренне *отрицают* огульно все то, чего они не могут знать как правду, или же смешно приписывают все феномены этой силе Дьявола, которая превосходит «чудеса» века апостолов. И что же, как мы видим, этот французский писатель, несмотря на весь свой неисправимый рационализм, вынужден признать после повествования величайших чудес? Как бы он ни наблюдал за факирами, он вынужден ясно засвидетельствовать их совершенную честность в отношении их чудесных феноменов.

«Никогда», – говорит он, – «нам не удавалось ни одного из них уличить в обмане».

Один факт следует отметить всем, кто, не побывавши в Индии, все еще воображают, что они достаточно умны, чтобы разоблачить обман *притворных* магов. Этот ловкий и хладнокровный наблюдатель, этот несомненный материалист после своего долгого пребывания в Индии подтверждает:

«Мы, не колеблясь, открыто признаем, что мы не встречали ни в Индии, ни в Цейлоне ни единого европейца, даже среди самых давнишних постоянных жителей, который был бы в состоянии указать средства, какими пользуются эти чудотворцы при производстве своих феноменов!»

А как бы они узнали? Разве этот рьяный востоковед не признается, что даже он, имея под рукой все имеющиеся средства чтобы изучать многие их ритуалы и доктрины из первых рук, – потерпел неудачу в своих попытках уговорить брахманов раскрыть свои секреты.

«Все, что наши наиболее усердные расспросы могли вытянуть у этих пурохитов по поводу деятельности их глав (невидимых посвященных храмов), – почти ничего не дало».

И опять, говоря об одной из книг, он признается, что, претендуя на раскрытие всего, что желательно знать, она «вдруг прибегает к таинственным формулам, к комбинациям из магических и оккультных букв, в секретное значение которых мы проникнуть не могли», и т. д.

Факиры, хотя они никогда не могут подняться выше первой степени посвящения, являются, тем не менее, единственными посредниками между живым миром и «молчаливыми братьями» или теми посвященными, которые никогда не преступают порога своих священных обиталищ. Фукара-йоги принадлежат храмам, и кто знает, не имеют ли эти иноки святилищ значительно больше отношения к психологическим феноменам, которые сопровождают факиров и которые так красочно описаны Жаколио, чем сами *питри?* Кто может сказать, не есть ли флюидический призрак древнего брахмана, которого видел Жаколио, – *Scinlecca,* духовный *двойник* одного из этих таинственных санньяси?

Хотя это повествование было переведено и прокомментировано профессором Перти из Женевы, все же мы отважимся изложить его собственными словами Жаколио:

> «Спустя мгновение после того как исчезли руки, и факир серьезнее чем когда-либо продолжал свои вызывания *(мантры),* облако, похожее на первое, но более опаловое и более светонепроницаемое начало формироваться в воздухе около небольшой жаровни, в которую, по просьбе индуса, я все время подбрасывал горящие угли. Мало-помалу облако приняло совсем человеческую форму, и я различил в этом призраке – ибо иначе я его не могу назвать – старого брахмана – жертвоприносителя, падающего на колени около этой жаровни.
>
> На лбу у него были знаки, посвященные Вишну, а «округ тела – тройной шнур, знак посвященных жреческой касты. Он соединил руки над своей головой, как при жертвованиях, и губы его шевелились как бы произнося молитву. В какой-то миг он взял щепоточку пахучего порошка и бросил ее на уголья; должно быть, это был какой-то сильный состав, ибо мгновенно поднялся густой дым и заполнил обе комнаты.
>
> Когда дым рассеялся, я увидел призрака стоящим в двух шагах от меня – он протягивал мне свою бесплотную руку; я взял ее в свою руку, приветствуя, и был удивлен, найдя ее хотя и костлявой и жесткой, но теплой и живой.
>
> «Действительно ли ты являешься древним обитателем земли?» – сказал я в этот момент громким голосом.
>
> Я еще не закончил вопроса, как слово «да» вспыхнуло огненными буквами и исчезло на груди старого брахмана, оставив впечатление, точно его написали фосфорной палочкой в темноте.
>
> «Не оставите ли вы мне что-нибудь на намять в знак вашего посещения?» – продолжал я.
>
> Дух разорвал свой тройной шнур. скрученный из трех прядей хлопка, которым были опоясаны его бедра, дал его мне и исчез у моих ног» [**380**].
>
> «О, Брахма! что это за тайна, которая совершается каждую ночь?.. Когда лежишь с закрытыми глазами на подстилке, то тело не видишь, и душа улетает, чтобы вступить в беседу с питри... Охрани ее, о, Брахма, когда, покинув покоящееся тело, она уходит, чтобы носиться над водами, бродить по огромным просторам неба и проникать в темные и таинственные уголки долин и великих лесов Химавата!» [«Агручада Парикшай»}.

Факиры, когда они принадлежат к какому-либо отдельному храму никогда не действуют иначе, как только по приказу. Ни один из них, если только он не достиг степени чрезвычайной святости, не освобождается от влияния и руководства своего гуру, учителя, который первый посвятил его и научил тайнам *оккультных* наук. Подобно «субъекту» европейского месмеризатора, обычный средний факир никогда не может целиком избавиться от психологического влияния, оказываемого на него его гуру. Проведя два или три часа в тишине и уединении внутреннего храма в молитве и медитации, факир, когда снова появляется оттуда, месмерически подготовлен и окрепший: он творит гораздо более разнообразные и мощные чудеса, чем до того, как туда вошел. «Учитель» *возложил на него руки,* и факир чувствует себя сильным.

Можно доказать на основании многих брахманистских и буддийских священных книг, что всегда существовала большая разница между адептами высшего порядка и чисто психологическими субъектами – подобно многим из этих факиров, которые являются медиумами в определенном значении этого слова. Правда, факир всегда говорит о *питри,* и это естественно, ибо они являются покровительствующими ему божествами. Но являются ли питри *развоплощенными человеческими существами нашей расы?* Это вопрос, и мы его сейчас же будем обсуждать.

Мы говорим, что факир может рассматриваться в какой-то степени, как медиум, ибо он – что не всем известно – находится под непосредственным месмерическим влиянием живого адепта, своего санньяси или гуру. Когда последний умирает, то сила первого, если он не получил последней передачи духовных сил, угасает и часто даже исчезает. Если бы это было иначе, зачем же тогда факирам не дают права на посвящение второй и третьей степени? Жизни многих из них являют пример такой степени самопожертвования и святости, которые незнакомы и совершенно непостижимы европейцам, содрогающимся при одной мысли о таких самоистязаниях. Но как бы они ни были защищены от власти грубых, привязанных к земле духов, как широка бы ни была бездна между совращающими влияниями и их полными самообладания душами; и как бы хорошо ни защищал их семиузловый магический бамбуковый посох, который он получает от гуру, – все же факир живет во внешнем мире греха и материи, и возможно, что его душа будет запятнана магнетическими эманациями мирских предметов личностей и тем откроет доступ чужим духам и *богам.* Допустить человека в таком положении, человека, за самообладание которого при любых и всяких обстоятельствах нет полной уверенности, к познанию страшных тайн и бесценных секретов посвящения было бы неразумным. Это поставило бы под угрозу не только то, что должно любою ценою охраняться от профанации, но и было бы согласием допустить за занавес существо, чья медиумистическая безответственность могла бы в любой момент причинить ему смерть через невольное неблагоразумие. Тот же самый закон, который существовал в элевсинских мистериях до нашей эры, имеет силу ныне в Индии.

Адепт должен уметь управлять не только самим собою, но и управлять низшими ступенями духовных существ, духами природы и привязанными к земле душами, короче говоря, теми самими, от которых факир способен пострадать.

Если возражатель скажет, что адепты-брахманы и сами факиры признаются, что сами по себе они бессильны и могут действовать только с помощью развоплощенных человеческих духов, то это равносильно утверждению, что эти индусы незнакомы с законами своих священных книг и даже со значением слова *питри.* «Законы Ману», «Атхарваведа» и другие книги доказывают то, что мы теперь говорим.

> «Все. что существует», – говорит «Атхарваведа», – «находится во власти богов. Боги находятся под властью магических заклинаний. Магические заклинания находятся во власти брахманов. Следовательно, боги находятся во власти брахманов».

Это логично, хотя кажется парадоксальным, и это факт. И этот факт объяснит тем, у кого до сих пор не было ключа к разгадке того (среди них должен числиться и Жаколио, что видно при чтении его трудов), почему факиры должны быть ограждены первой, самой низкой степенью того курса посвящений, чьи высочайшие адепты или иерофанты являются санньясинами или членами древнего Верховного Совета Семидесяти.

Кроме того, в Книге I индусской «Книги Бытия», или «Книге творения Ману», питри названы *лунными* предками человеческого племени. Они принадлежат к расе существ, отличающихся от нас и, по существу, не могут быть названы «человеческими духами» в том смысле, в каком спиритуалисты пользуются этим термином. Вот что о них сказано:

«Затем они (боги) сотворили якшей, ракшасов, пишач,[87] гандхарвов,[88] апсар, асуров, нагов, сарп, супарн[89] и питри – *лунных предков человеческой расы»* (См. «Законы Ману», кн. I, шлока 37, где питри названы «прародителями человечества»).

Питри являются отдельным племенем духов, принадлежащих к мифологической иерархии или скорее к каббалистической номенклатуре и должны быть зачислены в добрые гении, в демоны греков или в низшие боги незримого мира; и когда факир приписывает свои феномены питри, он подразумевает только то, что древние философы и теурги подразумевали, когда они утверждали, что все «чудеса» производились через посредничество богов, или добрых и злых демонов, которые управляют силами природы, *элементалов,* которые подчиняются тому, «кто знает». Привидение и человеческого призрака факир назвал бы *палит* или *чутна,* а женского человеческого духа – *пичхалпай,* но не *питри.* Правда, *питара* означает отцы, предки; а питра-и – родственник. Но эти слова применяются совсем в другом смысле, чем питри, призываемые в мантрах.

Утверждать перед благочестивым брахманом или факиром, что любой человек может беседовать с духами умерших людей, значило бы потрясти тем, что показалось бы ему кощунством. Разве заключительный стих «Бхагаваты» не говорит, что это великое счастье отведено на долю только святых санньяси, гуру и йогов?

> «Задолго до того, как они окончательно избавляются от своих смертных оболочек, души тех, кто творили только добро, например, санньяси и ванапраст, приобретают способность беседовать с душами. которые раньше их ушли в сваргу».

В этом случае питри, вместо гениев, являются духами или, скорее, душами умерших. Но они будут свободно сообщаться лишь с теми, чья атмосфера такая же чистая, как их собственная, и на чьи молитвенные *каласа* (вызывания) они могут ответить без риска осквернить свою небесную чистоту. Когда душа вызывателя достигла *Сайадьям* или полной тождественности сущности со Вселенской Душой, когда материя окончательно побеждена, тогда адепт может свободно каждый день и каждый час вступать в сношения с теми, которые, хотя и освобождены от бремени своих телесных форм, все же сами продвигаются через бесконечный ряд преображений, входящих в постепенное приближение к Параматме или великой Вселенской Душе.

Не забывая о том, что христианские отцы для себя и своих святых всегда претендовали на название «друзей Бога», и зная, что этот термин они взяли, вместе со многими другими, из специальной терминологии языческих храмов, – вполне естественно ожидать, что они будут злобствовать каждый раз, когда намекается на эти ритуалы. Так как отцы, как правило, были невежественны и имели жизнеописателей таких же невежественных, как они сами, то мы и не могли ожидать, что найдем в описаниях их блаженных видений ту же изобразительную красоту, какую мы находим у языческих классиков. Независимо от того, следует ли отказать в доверии или же принимать, как факты, видения и объективные феномены как отцов-отшельников так и иерофантов святилищ, – великолепная образность, примененная Проклом и Апулеем в описании малой части конечного посвящения, которую они осмелились раскрыть, совершенно затмевает плагиаторские повествования христианских аскетов, хотя они были предназначены быть верными *копиями.* Повествование об искушении Св. Антония в пустыне женским демоном является пародией на предварительные испытания неофита в течение *Микра* или меньших мистерий в Агре – это те ритуалы, при мысли о которых

---

[87] Пишачи – демоны племени гномов, великаны-вампиры.
[88] Гандхарвы – добрые демоны, небесные серафимы, певцы.
[89] Асуры и наги суть титанические духи и духи с головами драконов, змей.

Климент так возмущался, и в которых была представлена лишившаяся дочери Деметра в поисках ее, и ее добродушная хозяйка Баубо.[90]

Не вдаваясь опять в доказательства, что в христианских, а в особенности в Ирландских римско-католических церквях[91] те же самые явно непристойные обряды, как вышеуказанный, просуществовали до конца прошлого столетия, – мы обратимся к незнающим устали трудам того честного и храброго защитника древней веры, Томаса Тэйлора. Как бы много ни находила догматическая греческая ученость чего возразить против его «ошибочных толкований», – память о нем должна быть дорога каждому истинному почитателю Платона, который больше стремится к постижению внутренней мысли великого философа, чем обращает внимание на чисто внешний механизм его писаний. Более классический переводчик мог бы передать нам в более правильной фразеологии *слова* Платона, но Тэйлор показывает нам *смысл* Платона, и это больше того, что можно сказать о Зеллере, Джовете и их предшественниках. И еще, как пишет профессор А. Уайлдер:

> «Труды Тэйлора получили одобрение со стороны людей, способных к углубленному в трудпонопимаемые темы мышлению; и надо признать, что он был наделен высшим даром – даром интуитивного восприятия внутреннего смысла рассматриваемых им предметов. Другие могли больше знать греческий язык, но он больше знал Платона».[92]

Тэйлор посвятил всю свою полезную жизнь поискам таких старинных рукописей, которые дали бы ему возможность выработать свои собственные взгляды, касающиеся нескольких неясных ритуалов в мистериях, подтвержденных со стороны писателей, которые сами прошли посвящения. С полным доверием к утверждениям различных классических писателей мы говорим, что как бы смешным, и может быть, распущенным ни казался в некоторых случаях древний культ современным критикам, – он не должен казаться таким христианам. В течение средних веков и даже позднее они ввели у себя почти то же самое без понимания тайного смысла этих ритуалов и вполне удовлетворились неясными и скорее фантастическими истолкованиями своего духовенства, которое приняло внешнюю форму и исказило внутреннее значение. Мы готовы вполне справедливо допустить, что прошли века с тех пор, как большинство христианского духовенства, которому *не разрешается ни любопытствовать по поводу Божьих тайн, ни искать объяснений тому,* что церковь однажды приняла и установила – имело самое смутное представление о своем символизме, как в его экзотерическом, так и эзотерическом значении. Но не так обстоит дело с главою церкви и ее высшими сановниками. И если мы полностью согласны с Инманом, что «трудно поверить, что духовенство, которое санкционировало опубликование таких печатных изданий[93] могло быть таким же невежественным, как современные выполнители ритуалов», то мы совсем не собираемся поверить вместе с этим автором, «что последние, если бы они знали действительное значение символов всеобще применяемых римской церковью, они бы *не* приняли их».

---

[90] См. Arnolius, *Op. cit.* [**480**]. с. 249, 250.

[91] См. [424|.

[92] *Введение* к [**4**].

[93] Лики с пояснениями «с древних четок благословенной Девы Марии, напечатанных в Венеции в 1524 году с разрешения инквизиции». В иллюстрациях, приведенных д-ром Инманом, Св. Дева представлена в ассирийской «роще», что есть, *мерзость с глазах Господа,* согласно библейским пророкам. «Рассматриваемая книга», говорит автор, «содержит множество фигур, причем все они имеют большое сходство с месопотамской эмблемой *Иштар.* Присутствие женщины *в ней* позволяет опознать эти два, как символы Изиды или *la nature*; а преклоняющийся перед нею мужчина выражает ту же самую идею. которая изображена в ассирийских скульптурах, где мужчины предлагают богине *символы себя самих».* (См. [**424**. с. 91])

Устранение того, что прямо взято из древнеязыческого поклонения полу и природе, было бы равносильно разрушению всего римско-католического поклонения изображениям – элемента *Мадонны* – и реформации веры до Протестантизма. Навязывание недавнего догмата о Беспорочном Зачатии было продиктовано этой самой секретной причиной. Наука символогии делала слишком быстрые успехи. Слепая вера в папскую непогрешимость и в беспорочную натуру Св. Девы и *ее женской линии происхождения на несколько поколений* одна только могла спасти церковь от нескромных открытий науки. Это был ловкий ход со стороны наместника Бога. Какое имеет значение, если «возлагая на нее такую честь», как дон Паскале де Францискис наивно это выражает, он сделал из Девы Марии богиню, олимпийское божество, которое, в силу самой своей натуры, поставленное вне возможности совершить грех, не может претендовать ни на добродетель, ни на личную заслугу за свою чистоту, то есть не может претендовать как раз на то, за что именно она, как нас учили в дни нашей молодости, была избрана среди всех других женщин. Если его святейшество лишило ее этого, то, с другой стороны, он думает, что наделил ее, по меньшей мере, одним физическим атрибутом, которого не имеет ни одна другая девственница-богиня. По даже этот новый догмат, который, вместе с новой претензией на *непогрешимость,* якобы революционизировал христианский мир, – не появился первоначально в Римской церкви. Это ничто иное как возвращение к едва припоминаемой *ереси* первых веков христианства, ереси коллиридийцев, так названных из-за *жертвенных хлебцев* Деве Марии, которую они считали *родившейся от девственницы.*[94] Новая фраза, «О, Дева, *зачатая беспорочно»,* является просто запоздалым принятием того, что сперва считалось *«кощунственной ересью»* правоверными отцами церкви.

Думать хотя бы одно мгновение, что какой-либо из этих пап, кардиналов и других высоких сановников «не был осведомлен» с начала до конца о внешнем значении своих символов значило бы не воздать должного их большой учености и их духу Макиавелизма. Это значило бы забыть, что эмиссары Рима никогда не остановятся перед каким угодно затруднением, которое можно обойти применением иезуитской хитрости. Политика услужливого приспособления никогда не была проведена в такой степени, как это сделали миссионеры в Цейлоне, которые, по словам аббата Дюбуа – несомненно, ученого и компетентного авторитета, – «возили изображения Девы и Спасителя на триумфальных колесницах, подделанных под оргии Джагарнатха, и ввели в церковный церемониал танцовщиц от брахманистских ритуалов»[95]. Давайте, по крайней мере, поблагодарим политиканов в черных ризах за их последовательность в применении колесницы Джагарнатха, на которой «нечестивые язычники» возят *лингам* Шивы. Использование *этой* колесницы, чтобы, в свою очередь, возить в ней римскую представительницу женского начала в природе, показывает понимание и основательное знание старейших мифологических концепций. Они слили два божества и таким образом в христианской религиозной процессии представили «языческого» Брахму или Нара (отца), Нари (мать) и Вираджа (сына).

Ману говорит:

> «Верховный Владыка, который существует через себя, делит свое тело на две половины, мужскую и женскую, и из союза этих двух начал рождается Вирадж, Сын».[96]

---

[94] См.[**410**, с.91, 92], [**450**].

[95] Принеси цитирует Дюбуа, *«Edinburgh Review»,* апрель. 1851, с. 411

[96] «Many», книга I, шлока 32. Сэр У. Джоунз при переводе из Северного *«Many»* эту *шлоку* передает следующим образом: «Разделивши свою собственную субстанцию, могущественная Сила стала половина мужской, половина женской или стала *природой активной и природой пассивной:* и из женской она сотворила ВИРАДЖ».

Среди христианских Отцов не было таких, которые могли бы не знать этих символов в их физическом значении, так как в этом последнем значении они были предоставлены невежественной черни. Кроме того, у всех них было достаточно причин, чтобы подозревать оккультный символизм, содержащийся в этих изображениях; хотя, так как ни один из них – за исключением Павла, вероятно, – не был посвящен, они не могли что-либо знать о сущности заключительных ритуалов. Любой человек, открывший другим эти тайны, предавался смерти, не взирая ни на пол, ни на национальность, ни на верование. И христианский отец не был бы более защищенным против *несчастного случая,* нежели языческий *Миста* или Μύστης.

Если в течение *Аппорреты* или предварительных испытаний имелись некоторые сцены, которые могли бы шокировать скромность христианского обращенца – хотя мы сомневаемся в искренности таких заявлений – то их мистический символизм был достаточен, чтобы снять с этих представлений всякое обвинение в безнравственности. Даже эпизод с матроной Баубо – чей довольно чудаковатый способ утешения был обессмертен в меньших мистериях – объясняется беспристрастными мистагогами вполне естественно. Церера-Деметра и ее земные скитания в поисках своей дочери являются эвгемеризованными описаниями одной из наиболее метафизико-психологических проблем, какими когда-либо занимался человеческий ум. Это маска для трансцендентального повествования посвященных провидцев; небесное видение свободной души посвященного о последнем часе, описывающее процесс, посредством которого душа, которая еще не была воплощена, впервые спускается в материю;

> «Благословен тот, кто видел *общую суету* подземелья; он знает как конец жизни, так и ее божественное происхождение от Юпитера», – говорит Пиндар. Тэйлор доказывает, основываясь на утверждениях не только одного посвященного, что: «драматические представления меньших мистерий были предназначены их основателями для того, чтобы указать *оккультно* на состояние неочищенной души, снабженной земным телом, окутанной в материальную и физическую природу... и что эта душа, действительно, пока не очищена философией, испытывает смерть через свой союз с телом».

Тело есть гробница, темница души, и многие христианские Отцы считали вместе с Платоном, что душа несет *наказание* через свой союз с телом. Таково основное учение буддлстов и также многих брахманов. Когда Плотин говорит, что

> «когда душа спускается в зарождение (из своего полубожественного состояния), она принимает участие во зле, и се относит далеко в состояние, противоположное ее первичной чистоте и целостности; окончательно погрузиться в это равносильно падению в темную трясину»,[97]

– он только повторяет учения Гаутамы Будды. Если мы вообще верим древним посвященным, то мы должны принять их толкование своих символов. И если, кроме того, мы найдем, что они совершенно совпадают с учениями величайших философов, и те, которые мы знаем, имеют то же самое значение в современных мистериях Востока, то мы должны верить, что они правильны.

Если Деметра рассматривалась, как интеллектуальная душа или, скорее, как *астральная* душа, наполовину эманация от духа и наполовину окрашенная материей вследствие ряда последовательных духовных эволюции, то мы легко можем понять, что подразумевалось под личиной матроны Баубо, Очаровательницы, которая до того, как ей удается примирить душу – Деметру с ее новым положением, считает себя обязанной принять сексуальные формы младенца. Баубо есть *материя,* физическое тело; и интеллектуальную и все еще чистую астральную душу можно заманить в ее новую

---

[97] «Enead». I, кн. VIII – [**321**].

земную темницу только путем показа невинного младенчества. До тех пор, обреченная на свою участь, Деметра или *Magna-Mater,* Душа, скитается, колеблется и страдает; но однажды отведав магического напитка, приготовленного Баубо, она забывает свои печали; на некоторое время она расстается с тем сознанием высшего интеллекта, которым она владела до того, как вошла в тело младенца. Начиная с этого времени она должна стремиться вновь соединиться с ним; и когда для ребенка настанет возраст разума, то борьба – забытая в течение нескольких лет младенчества – начинается опять. Астральная душа помещена между материей (телом) и высшим разумом (ее бессмертным духом или *ноусом).* Который из этих двух победит? Результат этой жизненной битвы решается в этой триаде. Это вопрос нескольких лет физических наслаждений на земле и – если они породили злоупотребления – разложения земного тела, после чего следует смерть астрального тела, которое таким образом лишается возможности соединиться с высшим духом триады, который один только дарует нам индивидуальное бессмертие; или, с другой стороны, человек может стать бессмертным миста, посвященным до смерти тела, в божественные истины потусторонней жизни. Полубоги внизу, и БОГИ вверху.

Такова была главная цель мистерий, которые изображаются теологией, как дьявольские, и высмеиваются .современными символогами. Не верить, что в человеке существуют некие сокровенные силы, которые путем изучения психологии он может развить в себе до высшей степени, стать иерофантом, и затем передавать другим при тех же условиях дисциплины земной жизни, – значит бросить обвинения в обмане и сумасшествии на ряд самых лучших, самых чистых и наиболее ученых людей древности и средних веков. Что было иерофанту позволено увидеть в последний час, на это они едва лишь намекают. И все же Пифагор, Платон, Плотин, Ямвлих, Прокл и многие другие знали и подтверждали их реальность.

Во «внутреннем храме» или через изучение теургии, осуществляемое частным образом, или единым напряжением целой жизни духовного труда, они все получили практические доказательства таких божественных возможностей для человека, ведущего свою битву с жизнью на земле, чтобы завоевать жизнь в вечности. Что представляла собою последняя *эпоптейя,* – на это Платон намекает в «Федре» (64):

> «...будучи посвященными в эти *мистерии,* которые с полным правом можно назвать самыми благословенными изо всех мистерий... мы были освобождены от приставания зол, которые в противном случае подстерегают нас в каком-то будущем периоде времени. Также вследствие этого божественного *посвящения* мы стали *зрителями* цельных, простых, стойких и *благословенных видений,* пребывающих в чистом свете».

Это высказывание показывает, что они видели *видения,* богов, духов. Как правильно заметил Тэйлор, со всех таких отрывков из трудов посвященных можно прийти к выводу, «что наиболее возвышенная часть *эпоптейи...* заключалась в лицезрении самих богов, облеченных в сияющий свет», или высших планетарных духов. Высказывание Прокла по этому поводу недвусмысленно:

> «Во всех посвящениях и мистериях боги проявляют многие свои формы и появляются в *различных видах;* а иногда, действительно, от них видим бесформенный свет: иногда этот свет соответствует *человеческой форме,* а иногда он проявляется в другом виде».[98]

Чтобы ни было *на земле, все есть подобие и* ТЕНЬ *чего-то, пребывающего в сфере,* пока это сияющее явление (прототип души-духа) остается в *неизменном* состоянии, то же самое происходит с его тенью. Но когда этот *сияющий* отдаляется далеко от своей тени, жизнь удаляется от последней на некоторое расстояние. И все же тот же самый свет представляет собою тень чего-то еще более сияющего, чем он сам». Так говорит

---

[98] Тсйлор [**29**, с. 380], комментарии к «Республике» Платона.

«Десатир», персидская *«Книга Шет»* [Стихи, 33-41], тем показывая тождественность своих эзотерических доктрин с доктринами греческих философов.

Второе сообщение Платона подтверждает нашу веру в то, что мистерии древних были тождественны с посвящениями в том виде, как они теперь практикуются среди буддистов и индусских адептов. Высшие видения, наиболее *правдивые,* осуществляются не через *прирожденных* экстатиков или «медиумов», как это иногда ошибочно утверждают, но путем регулярной дисциплины постепенных посвящений и развития психических сил. Мисты приводились в тесное единение с теми, кого Прокл называет «мистическими сущностями», «сияющими богами», потому что, как говорит Платон, «мы сами были чистыми и беспорочными, будучи освобождены от этого *облекающего нас одеяния,* которое мы называем телом и к которому мы теперь прикреплены, как устрица к ее раковине» [31, с. 64].

Таким образом, доктрина о планетарных и земных питри *целиком* раскрывалась в древней Индии, так же как и теперь, только в самый последний момент посвящения, и адептам высших степеней. Много факиров, которые, хотя и чисты, честны и преданы, все же никогда иначе не видели астрального образа чисто *человеческого питара* (предка, или отца), как только в торжественный момент своего первого и последнего посвящения. В присутствии своего наставника, гуру, и как раз перед тем, как ватоу-факир будет отправлен в мир живых людей вместе со своим семиузловым бамбуковым жезлом для всякого рода защиты, – его внезапно ставят лицом к лицу с неизвестным ПРИСУТСТВИЕМ. Он видит его и падает, распростершись у ног быстроисчезающей формы, но ему не доверяют великого секрета, как ее вызвать, ибо это составляет высшую тайну священного слога. АУМ содержит вызывание ведической триады, *Тримурти* – Брахма, Вишну, Шива, – говорят востоковеды;[99] он содержит вызывание *чего-то более реального и объективного, чем эта триединая абстракция,* – говорим мы, почтительно возражая выдающимся ученым. Это троица самого человека, на его пути к бессмертию через торжественное слияние своего внутреннего триединого Я – наружное грубоматериальное тело, шелуха, даже совсем не принимается во внимание в этой человеческой троице. Именно, когда эта троица, в предвидении конечного ликующего воссоединения за вратами телесной смерти, становится на несколько секунд ЕДИНИЦЕЙ, тогда кандидату в момент посвящения позволяется взглянуть на свое будущее я. Так мы читаем в персидском «Десатире» о «Сияющем», у греческих философов-посвященных об Аугоэйде – самосветящемся, «благословенном видении, пребывающем в чистом свете»; у Порфирия – что Плотин в течение своей жизни шесть раз соединялся со своим «богом», и так далее.

«В древней Индии тайна триады, известная только посвященным. под страхом смерти не могла быть открыта непосвященным», – говорит *Врихаспати.*

---

[99] Высочайший Будда вызывается с двумя его помощниками теистической триады – Дхарма и Санга. К этой триаде обращаются в санскрите и следующих выражениях:

Намо Буддхая,
Намо Дхармая,
Намо Сангая,
Аум!

тогда как тибетские буддисты произносят свои вызывания следующим образом:

Нан-уон Фо-тхо-йе,
Нан-уон Тха-ма-йе,
Нан-уон. Сенг-киа-йе,
Лап!

Смотрите также *«Journal Asiatique»,* том VII, с. 286.

Также не могла она быть открыта в древних греческих и самофракийских мистериях. *Также не может она быть открыта и теперь.* Она в руках адептов и должна оставаться тайной для мира до тех пор, пока материалистический ученый будет считать ее недоказанным заблуждением, нездоровой галлюцинацией, а догматические богословы – сатанинской ловушкой.

Субъективное общение с человеческими, богоподобными духами тех, кто прежде нас ушли в молчаливую страну блаженства, в Индии делится на три категории. Под духовным руководством гуру или санньяси ватоу (ученик или неофит) начинает *чувствовать* их. Если бы он не находился под непосредственным руководством адепта, он попал бы во власть невидимых существ и целиком зависел бы от их милости, так как среди этих субъективных влияний он не в состоянии отличить хорошего от плохого. Счастлив тот сенситив, который уверен в чистоте своей духовной атмосферы!

К этой субъективной сознательности, которая представляет *первую* степень, после некоторого времени добавляется яснослышание. Это *вторая* степень или стадия развития. Сенситив, когда он не выработался естественно посредством психологической тренировки – теперь слышит внятно, но все еще не в состоянии распознавать; он не в состоянии проверить свои впечатления, и такого беззащитного хитрые силы воздуха очень часто вводят в заблуждение сходством голосов и речи. Но влияние гуру приходит на помощь; это самый крепкий щит против вторжений *бхутна* в атмосферу ватоу, посвятившего себя чистым, человеческим и небесным питри.

Третьей степенью является та, на которой факир или какой-нибудь другой кандидат и чувствует и слышит и видит, и когда он может по собственному желанию воспроизводить *отражения* питри в зеркале астрального света. Все зависит от его психологических и месмерических сил, которые всегда пропорциональны интенсивности его *воли.* Но факир никогда не будет управлять Акашей, духовным жизнепринципом, всемогущим посредником каждого феномена, в такой же степени, как адепт третьего и высшего посвящения. А феномены, производимые волею последнего, обычно не совершаются на базарах для удовлетворения исследователей с раскрытыми ртами.

Единство Бога, бессмертие духа, вера в спасение только через наши труды, заслуга и наказание, – таковы основные пункты веры религии мудрости, и основы ведантизма, буддизма, парсизма; и мы находим, что таковыми были даже основы древнего Озиризма, когда мы, предоставив популярного солнечного бога материализму черни, сосредоточиваем наше внимание на *Книгах Гермеса* Трижды Великого.

> «МЫСЛЬ сокрыта, мир пока еще в молчании и тьме... Тогда Господь, который существует через Самого Себя и *который не должен быть раскрыт внешним чувствам человека;* рассеял тьму и проявил воспринимаемый мир».
>
> «Он. кто может быть ощутим только духом, который неуловим органами чувств, кто не имеет зримых частей, вечен, душа всех существ, которого никто не может постичь, – проявил Свое собственное великолепие» [«Законы Ману», кн. I, шл. 6-7].

Таково идеальное представление о Высочайшем в уме каждого индусского философа.

> «Изо всех обязанностей самая главная – приобрести познание верховной души (духа); это первая изо всех наук, *ибо только она одни дает человеку бессмертие»* [«Законы Ману», кн. XII, шл. 85].

А наши ученые говорят о нирване Будды и мокше Брахмы как о полном уничтожении! Именно так нижеследующий стих истолковывается некоторыми материалистами:

«Человек, который осознает *Верховную Душу* в своей собственной душе. так же как и в душах всех тварей, и который равно справедлив ко всем (будь то люди или животные), получает самую счастливую изо всех судеб, а именно – быть окончательно *абсорбированным* в лоно Брахмы» [*«Законы Ману»,* кн. XII. шл. 125].

Доктрины о мокше и нирване, в таком виде, как их понимает школа Макса Мюллера, никогда не могут быть сопоставлены с многочисленными текстами, которые можно найти, если потребуется, в качестве окончательного опровержения. Во многих пагодах существуют скульптуры, которые явно противоречат такому обвинению. Попросите брахмана объяснить мокшу, обратитесь к образованному буддисту и попросите его, чтобы он определил вам значение нирваны. Оба ответят вам, что в каждой из этих религий нирвана представляет догмат бессмертия духа. Что достигнуть нирваны означает абсорбцию в великую мировую душу, причем последняя представляет собою *состояние,* а не индивидуальное существо или антропоморфического бога, как некоторые понимают это великое существование. Что дух, достигший этого состояния, становится *частью* цельного *всего,* но несмотря на это, никогда не теряет своей индивидуальности. С этого времени дух живет духовно, не боясь дальнейших изменений формы, ибо форма принадлежит материи, а состояние *нирваны* подразумевает полное очищение или окончательное избавление даже от самой возвышенной частицы материи.

Это слово, *абсорбирован,* после того как доказано, что индусы и буддисты верят в *бессмертие* духа, обязательно должно иметь значение тесного соединения, а не уничтожения. Пусть христиане называют их идолопоклонниками, если они еще осмеливаются это делать перед лицом науки и последних переводов священных санскритских книг; они не имеют никакого права представлять умозрительную философию древних мудрецов, как несостоятельность, и самих философов, как лишенных логики глупцов. С гораздо большим основанием мы можем обвинить древних евреев в крайнем *нигилизме.* В книгах Моисея – а также пророков – нет ни одного слова, если взять его в буквальном значении, которое говорило бы о бессмертии духа. Все же любой набожный еврей также надеется, что он будет «вобран в лоно А-Брахама».

Иерофантов и некоторых брахманов обвиняют в том, что они дают своим эпоптам крепкие напитки и наркотики, чтобы вызвать видения, которые принимаются последними за реальность. Они, действительно, употребляли и употребляют священные напитки, которые, подобно напитку Сома, обладают способностью освобождать астральную форму от пут материи; но в тех видениях столько же мало можно приписать галлюцинациям, сколько в том, что видит ученый с помощью микроскопа в микромире. Человек не может ни ощутить, ни прикасаться, ни беседовать с чистым духом с помощью какого-либо из телесных чувств. Только дух один может разговаривать с духом и видеть духа; и даже наша астральная душа, *Doppelganger,* слишком груба, еще слишком запятнана земной материей, чтобы всецело доверять ее восприятиям и нашептываниям.

Насколько опасным часто может стать *необученный* медиумизм, и как хорошо это понимали древние мудрецы, которые принимали против него меры, – прекрасный пример дает нам случай с Сократом. Старый греческий философ был «медиум», вследствие чего никогда не был посвящен в мистериях, ибо таков был суровый закон. Но у него был свой «знакомый дух», его *daimonion,* как его тогда называли; и этот невидимый советник стал причиною его смерти. Общепринято думать, что если он не был посвящен в мистерии, то это потому, что сам не стремился к этому. Но *«Сокровенные Летописи»* указывают нам, что это было потому, что его не могли допустить к священным ритуалам, и именно, как и мы утверждаем, по причине его медиумизма. Существовал закон, недопускающий к мистериям не только тех, кто были осуждены за умышленное *колдовство,*[100] но даже тех,

[100] Мы действительно думаем, что слово «колдовство» раз и навсегда следует понять в том значении, которое ему в действительности принадлежит. Колдовство может быть сознательным или бессознательным. Некоторые нехорошие и опасные результаты могут быть достигнуты

про кого было известно, что у них есть «знакомый дух». Закон был справедлив и логичен, так как настоящий медиум более или менее безответственен; и этим в некоторой степени объясняются эксцентричности Сократа. Медиум должен быть *пассивен,* и если он крепко верит своему «духу-руководителю», – он позволит управлять собой последнему, но не правилам святилища. *Медиум* древности, подобно современному «медиуму», мог быть *погружен в транс* по воле и желанию той «силы», которая *управляли* им; поэтому ему нельзя было доверить страшные тайны окончательного посвящения, «которые нельзя было раскрывать под угрозой смертной казни». Старый мудрец в беззащитные моменты «духовного вдохновения» раскрыл то, чему он сам никогда не учился, и поэтому был казнен как атеист.

Имея такой пример, как Сократа, как быть в отношении видений и духовных чудес эпоптов Внутреннего Храма – может ли кто-нибудь утверждать, что эти провидцы, теурги и тауматурги все были «духовными медиумами»? Ни Пифагор, ни Платон и никто из позднейших более значительных неоплатоников; ни Ямвлих, ни Лонгин, ни Прокл, ни Аполлоний Тианский не были медиумами; ибо в противном случае их совсем не допустили бы к мистериям. Как доказывает Тэйлор: «Это утверждение о божественных видениях в мистериях ясно подтверждено Плотином. И короче говоря, что магические вызывания составляли часть священнического служения в них и что в это всеобще верила вся древность задолго до времен позднейших платоников», это доказывает, что кроме естественного «медиумизма», с начала времен существовала таинственная наука, обсуждаемая многими, но известная немногим.

Полезное применение ее есть стремление к нашему единственно истинному и родному дому – к послежизни, и желание более тесного сближения с нашим духом-породителем; злоупотребление ею есть колдовство, *черная* магия. Между этими двумя находится природный «медиумизм», это душа, облаченная в несовершенную материю, готовый посредник как для одного, так и для другого и полностью зависящий от своего жизненного окружения, наследственности – физической так же, как и ментальной – и также от природы тех «духов», которых он привлекает в свое окружение. Благословение или проклятие, как решит судьба, если этот медиум не очистится от земного шлака.

Причина, по которой во всех веках так мало было известно о тайнах посвящения – двойная. Первая уже неоднократно была объяснена несколькими авторами и заключалась в ужасном наказании, навлекаемом каждым проговорившимся. Вторая заключалась в сверхчеловеческих трудностях и даже опасностях, с которыми отважный кандидат в старнну должен был встретиться и или их победить или умереть, если, что еще хуже, он не сходил с ума. Для человека, чей ум был полностью одухотворен и поэтому подготовлен для любого страшного зрелища, – никакой реальной опасности не было. Тому, кто полностью осознал силу своего бессмертного духа и ни на мгновение не сомневался в его всемогущей защите, бояться было нечего. Но горе тому кандидату, в котором малейший физический страх – больное дитя материи – затмевал зрение и лишал веры в свою собственную неуязвимость. Тот, кто не был вполне уверен в своей моральной пригодности принять бремя этих потрясающих тайн, – был обречен.

В *«Талмуде»* дано повествование о четырех танаимах, которым позволили, в аллегорических выражениях, войти в *сад наслаждений,* т. е. быть посвященными в оккультную и окончательную науку.

> «Согласно учению наших святых учителей, имена тех четырех, которые вошли в сад наслаждений суть: Бен Асаи, Бен Зома, Ахер и раввин Акиба...
>
> Бен Асаи посмотрел и – ослеп.
>
> Бен Зома посмотрел и – сошел с ума.

посредством месмерических сил так называемого колдуна, который злоупотребляет своим потенциальным флюидом; или же они могут быть достигнуты через легкий доступ злобных, обманывающих «духов» (тем хуже, если они человеческие) в атмосферу, окружающую медиума.

Ахер ограбил наслаждения (все спутал и потерпел неудачу). Но Акиба, который вошел с миром, также с миром и вышел, ибо святой, будь благословенно его имя. сказал: «Этот старик достоин того, чтобы служить нам со славою»».

«Ученые комментаторы *«Талмуда»,* раввины синагоги, объясняют. что *сад наслаждений,* куда эти четыре персонажа вошли, есть не что иное как та таинственная наука, наиболее страшная *для слабых умов, которых она прямо приводит к сумасшествию»,* – говорит А.Франк в своей «Каббале».

Не тот должен бояться, кто сердцем чист и учится лишь с целью самоусовершенствования и более легкого приобретения обещанного бессмертия; но скорее тот, кто делает из этой науки наук грешный предлог для мирских целей. *Последний никогда не выдержит каббалистических вызываний высшего посвящения.*

Безнравственные представления тысячи и одной секты раннего христианства могут также быть раскритикованы пристрастными комментаторами, как и древние элевсинские и другие ритуалы. Но почему они должны навлекать на себя упреки богословов, когда их собственные «мистерии» «божественного воплощения у Иосифа и Марии и ангела» в одной священной *трилогии* инсценировались не только в одной стране и были весьма знамениты в одно время в Испании и Южной Франции? Впоследствии, подобно многим когда-то тайным обрядам они целиком перешли в руки населения. Еще лишь несколько лет тому назад в течение каждой Рождественской недели в Польше и Южной России устраивались представления «вертепов», в которых показывались вышеназванные персонажи, причем младенца Иисуса показывали в яслях. Это называлось «колядовки»; правильное этимологическое происхождение этого слова мы не в состоянии дать, если только оно не произошло от глагола «колядовать», это слово мы охотно предоставляем филологам. В детстве мы видели эти представления. Нам запомнились три царя-волхва, представленные тремя куклами в напудренных париках и цветных трико; и из-за воспоминания глубокого чувства почтительности и уважения на набожных лицах присутствующей публики нам еще легче оценить честное и справедливое замечание, сделанное издателем во введении к «Элевсинским мистериям»; он говорит:

«Невежество – вот что приводит к профанации. Люди высмеивают то, чего они по-настоящему не поняли... Подводное течение этого мира направлено к единой цели; и внутри человеческого легковерия – назовите это человеческой слабостью, если вам это угодно – существует сила, почти бесконечная, святая вера, способная вместить величайшие истины всего существования».

Если бы то абстрактное чувство, называемое *христианским милосердием,* преобладало бы в церкви, мы с удовольствием оставили бы все это невысказанным. Мы не ссоримся с христианами, чья вера искренна и поступки которых совпадают с их верованием. Но с высокомерным, догматическим и бесчестным духовенством нам нечего другого делать, как позаботиться, чтобы древняя философия, на которую так нападает современное богословие в форме ее тщедушного отростка – спиритуализма, была защищена и оправдана настолько, сколько это в наших силах – чтобы ее величие и красота могли быть полностью показаны. Мы боремся не только за одну эзотерическую философию или за какую-либо современную систему нравственной философии, но и за неотъемлемое право иметь собственное суждение, и особенно за благородную идею будущей жизни, деятельности и ответственности.

Мы горячо приветствуем таких комментаторов как Годфри Хиггинс, Инман, Пэйн Найт, Кинг, Данлэп и д-р Ньютон, как бы они ни расходились с нашими собственными мистическими взглядами, так как их усердие постоянно награждается новыми открытиями языческого отцовства христианских символов. Но в других отношениях все их ученые труды бесполезны. Их поиски простираются только до половины. Не имея правильного ключа к толкованию, они видят эти символы только в физическом аспекте. Они не знают

пароля, чтобы заставить врата тайны распахнуться, и древняя духовная философия для них есть книга за семью печатями. Несмотря на то, что их представления о символах диаметрально противоположны мнению духовенства, в отношении их истолкования для ищущей публики они делают лишь немногим больше своих оппонентов. Их труды имеют тенденцию усиливать материализм настолько же, насколько труды духовенства, и в особенности римского духовенства, культивируют верование в дьяволизм.

Если бы изучение герметической философии не давало бы никакой другой надежды на награду, то было бы более чем достаточно знать, что посредством ее мы можем узнать, с какой совершенной справедливостью этот мир управляется. Каждая страница истории по этому поводу произносит нам проповедь. Среди всех их нет более поучительной, с более глубокой моралью, чем дело Римской церкви. Божественный закон воздаяния никогда не был так поразительно выявлен, как в том факте, что своим собственным деянием она лишила себя единственного, доступного ей ключа к ее собственным религиозным тайнам. Предположение Годфри Хиггинса, что Римская церковь владеет двумя учениями: одним – для масс, и другим – эзотерическим – для «совершенных» или посвященных, как в древних мистериях, кажется нам необоснованным и довольно фантастичным. Она утеряла ключ, – мы повторяем; иначе никакая земная власть не могла бы ее опрокинуть; и за исключением поверхностного знания способов творить «чудеса», ее духовенство никоим образом не может сравняться по мудрости с иерофантами старины.

Сжиганием письменных трудов теургов; преследованием тех, кто любили исследования их; заклеймением всей магии клеймом демонолатрии – Рим оставил свое экзотерическое богослужение и Библию беспомощно открытыми для насмешек каждого свободномыслящего, и свои половые эмблемы отождествленными с грубостью; и невольно содействовал тому, что его священнослужители обратились в магов и даже в колдунов в их изгнании бесов, что есть ничто иное, как некромантические вызывания.

Таким образом возмездие, путем изысканного применения божественного закона, настигло это построение жестокости, несправедливости и ханжества через его собственные самоубийственные деяния.

Истинная философия и божественная истина – термины обратимые. Религия, которая боится света, не может быть религией, обоснованной на истине или на философии, следовательно – она должна быть ложной. Древние мистерии были тайными только для профанов, которых иерофант никогда не искал и не принял бы в качестве прозелитов; посвященным же мистерии объяснялись, как только последняя завеса была удалена. Никакой ум, подобный уму Пифагора или Платона, не удовлетворился бы такой необъяснимой и непостижимой тайной, как христианский догмат. Может существовать только одна истина, ибо две малые истины по одному и тому же предмету могут образовать только одну великую ошибку. Среди тысяч экзотерических или популярных, противоречащих религий, которые размножились с тех дней, когда первые люди стали способными к обмену идеями, не было ни одной нации, ни одного народа, ни самого жалкого племени, который не верил бы по-своему в незримого Бога, первопричину неошибающихся и ненарушимых законов, и в бессмертие нашего духа. Никакое вероучение, никакая ложная философия, никакие религиозные преувеличения никогда не могли вытравить этого чувствования. Следовательно, оно должно быть обосновано на абсолютной истине. С другой стороны, каждая из этих бесчисленных религий и религиозных сект рассматривает божество по-своему; и, приписывая этому неизвестному свои собственные домыслы, она навязывает эти чисто человеческие продукты разгоряченного воображения невежественным массам и называет их «откровениями». Так как догматы каждой религии и секты часто в корне расходятся, они не могут быть *истинными.* А если они не истинны, то что они такое?

«Величайшим проклятием для народа», – говорит д-р Инман, – «является не *плохая религия, но* форма верования, которая не допускает мужественного исследования. Я не знаю ни одной, находящейся под властью жрецов нации древности, которая не пала бы под мечами тех, кому не было дела до иерархов... Величайшая опасность, которой следует опасаться, происходит от тех духовных лиц, которые подмигивают на порок и поощряют его в качестве средства, которым они могут приобрести власть над своими почитателями. До тех пор, пока каждый человек будет относиться к другим людям так, как он хотел бы, чтобы другие люди относились к нему, и *никому не позволит вмешиваться между ним и его Творцом,* – все будет хорошо в отом мире» (**424**, предисловие, с. 34].

ГЛАВА III
СЕКТЫ РАННИХ ХРИСТИАН

«КОРОЛЬ. – Давайте разберем все по порядку».

– «Конец – делу венец», акт V, сцена 3.

«Он тот Единый, сам-себя-создавший. Создатель сущего всего.
Во всем Он Сам Себя являет; нет смертного, кто ВИДЕЛ БЫ ЕГО,
Тогда как САМ ОН видит все!»

– «Орфический гимн».

«Владычица Афин, великая богиня!
Внемли, Афина! и на разум мой
Излей пречистый свет без меры твой,
Что излучает вечно лик твой ясный,
О, всемогущая Царица, свет прекрасный,
Что в странствиях земных меня переполняет
Священным жизненным огнем одушевляет!»

– Прокл; Тэйлор, «Минерва».

«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом... Верою Раав блудница, с миром приняв соглядатаев (и проводив их другим путем), не погибла с неверными».

– Евреям, XI, I, 31.

«Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? *Может ли* эта вера *спасти его?..* Подобно и Раав блудница не *делами ли оправдалась,* приняв соглядатаев и отпустив их другим путем?»

– Послание Иакова, II, 14, 25

Климент описывает Василида Гностика как «философа, преданного размышлениям о божественном». Это очень уместное определение приложимо ко многим основателям более значительных сект, которые все впоследствии были поглощены той огромной смесью неясных догматов, насильно введенных Иринеем, Тертуллианом и другими, которую теперь называют христианством. *Если эти секты должны называться ересями, то и раннее христианство само должно быть включено в их число.* Василид и Валентин предшествовали Иринею и Тертуллиану, и у последних двух отцов было меньше фактов, чем у предшествовавших двух гностиков, чтобы доказать, что их *ересь* более правдоподобна. Ни божественное право, ни истина не привели к торжеству их христианства; только судьба была благоприятна. Мы с полной обоснованностью можем утверждать, что нет ни одной из этих сект – каббализма, иудаизма, включая и нынешнее христианство, – которая не возникла бы из двух главных ответвлений того единого материнского ствола, однажды существовавшей всемирной религии, которая предшествовала эпохе Вед, – мы говорим о доисторическом буддхизме, который впоследствии вылился в брахманизм.

Религия, которую первоначальное учение ранних малочисленных апостолов наиболее напоминало – религия, проповедуемая самим Иисусом – была старшей из этих двух, это был буддхизм. Последний в таком виде, в каком он преподавался в своей первичной чистоте, и доведенный до совершенства последним Буддой – Гаутамой, основывал свое этическое учение на трех основных принципах. Он утверждал, что 1) все существующее существует вследствие естественных причин; 2) что добродетель приносит себе свою награду, а порок – свое наказание; и 3) что состояние человека в этом мире есть состояние находящегося на испытании. Мы могли бы добавить, что на этих трех принципах покоилась всеобщая основа каждой религиозной веры; Бог и индивидуальное бессмертие для каждого человека – если только он его завоюет. Как бы ни были головоломны последующие теологические доктрины; как бы ни казались непостижимыми метафизические абстракции, вызывавшие конвульсии в теологии каждой из великих религий человечества, как только она обретала почву под ногами, – вышеприведенное оказывалось сущностью каждой религиозной философии, за исключением позднейшего христианства. Это было так у Зороастра, Пифагора, Платона, Иисуса и даже Моисея, хотя в учения этого еврейского законодателя было внесено так много благочестивых искажений.

Мы хотим посвятить настоящую главу главным образом краткому обзору многочисленных сект, признававших себя христианами; то есть, тех, кто верили в *Christos* или ПОМАЗАННИКА. Мы также постараемся объяснить последний термин с каббалистической точки зрения и показать, что он появляется во всех религиозных системах. В то же самое время было бы полезно разобраться, насколько ранние апостолы – Павел и Петр – согласовались в своем проповедовании Нового Завета. Мы начнем с Петра.

Мы должны еще раз вернуться к этому величайшему из всех мошенничеств отцов церкви, тому, которое неоспоримо привело римско-католическую церковь к ее незаслуженному владычеству, а именно – к бесстыдному утверждению вопреки свидетельству истории, что Петр принял мученическую смерть в Риме. Вполне естественно, что латинское духовенство будет цепляться за это утверждение, так как с разоблачением жульнической сущности этого предлога, догмат апостолической преемственности должен разрушиться.

В опровержение этой абсурдной претензии в последнее время появилось много талантливых трудов. Среди других мы отметим труд Д. Рибера «Христос Павла», который опровергает эту претензию совсем просто. Автор доказывает: 1) что до царствования Антонина Пия никакой церкви в Риме учреждено не было; 2) что так как Евсевий и Ириней оба сходятся на том, что Линий был вторым епископом Рима, в чьи руки «благословенные апостолы» Петр и Павел передали церковь после ее постройки, то это не могло быть ни в какое другое время, как только между 64 и 68 гг. н. э.; 3) что этот промежуток лет приходится на царствование Нерона, так как Евсевий констатирует, что Линий состоял на своей должности двенадцать лет («Ecclesiastic History», кн. Ill, гл. 13), поступив на нее в 69 г. н. э., год спустя после смерти Нерона, и умерев в 81 г. После этого автор утверждает, имея на это твердое основание, что Петр не мог быть в Риме в 64 г. н. э., так как он тогда был в Вавилоне, откуда он написал свое первое Послание, дата которого установлена д-ром Ларднером и другими критиками точно в этом году. Но мы думаем, что самым лучшим аргументом является доказательство, что трусливый Петр не обладал таким характером, который позволил бы ему рискнуть поселиться так близко к Нерону, который в то время «кормил диких зверей в Амфитеатре плотью и костями христиан» [417, с. 123].

Возможно, что Римская церковь проявила, именно, последовательность, выбрав себе в качестве титулованного основателя того апостола, который трижды отказался от своего Учителя в момент опасности; кроме того, это был единственный апостол, за исключением Иуды, который спровоцировал Христа на Обращение «Враг». «Отойди от меня,

САТАНА!» – восклицает Иисус, упрекая насмехающегося апостола [*Евангелие от Марка,* VIII, 33].

В Греческой церкви хранится предание, которое никогда не встречало одобрения Ватикана. Первая прослеживает происхождение этого предания к одному из вождей гностиков – к Василиду, возможно, жившему во время правления Траяна и Адриана в конце первого и в начале второго века. В отношении этого предания можно сказать, что если этим гностиком был Василид, то он должен быть признан достаточным авторитетом, так как Василида считают учеником апостола Матфея, а также учеником Глаука, ученика самого Св. Петра. Если принадлежность этого повествования была бы удостоверена, то Лондонскому Комитету по пересмотру Библии пришлось бы добавить новый стих к евангелиям *Матфея, Марка* и *Иоанна,* в которых рассказывается о троекратном отречении Петра от Христа.

Это предание, о котором мы говорим, подтверждает, что в то время, когда этот апостол, испугавшись обвинения слуги первосвященника, три раза отрекся от своего Учителя, и петух уже пропел, Иисус, который в это время в сопровождении солдат проходил по передней, повернулся и, глядя на Петра, сказал:

> «Истинно, говорю тебе, Петр, ты будешь отрекаться от меня во все грядущие века и не перестанешь до тех пор, пока не состаришься и не протянешь свои руки, и другой подпояшет тебя и понесет тебя туда, куда ты сам не захочешь».

Последняя часть этого предложения, говорят греки, относится к Римской церкви и предсказывает ее постоянное отступничество от Христа, под маской фальшивой религии. Позднее это было внесено в двадцать первую главу «Евангелия от Иоанна», но вся эта глава была объявлена подделкой еще до того, как было обнаружено, что апостол Иоанн никогда этого *«Евангелия»* не писал.

Анонимный автор «Сверхъестественной религии», труда, который в течение двух лет переиздавался несколько раз и, как говорят, был написан выдающимся богословом, – неопровержимо доказывает поддельность четырех евангелий или, по меньшей мере, полную их переделку в руках слишком усердного Иринея и его приспешников.

Четвертое евангелие полностью опровергнуто этим талантливым автором; чрезвычайные подделки отцов церкви первых веков ясно доказаны, и относительная ценность евангелий разобрана с беспрецедентной силой логики. Каждая строчка этого труда убеждает. Из него мы приведем следующее:

> «Мы бесконечно больше выигрываем, чем проигрываем, отбросив веру в реальность божественного откровения. Пока мы сохраняем чистым и ненарушенным сокровище христианской нравственности, мы ничего не теряем, кроме унижающих нас элементов, добавленных к ней человеческим суеверием. Мы больше не обязаны верить богословию, которое оскорбляет разум и нравственное чувство. Мы освободились от грубых антропоморфических представлений о Боге и Его правлении над вселенной, и от еврейской мифологии мы поднимаемся к более высоким концепциям о бесконечно мудром и благодетельном Существе, правда, скрытом от наших конечных умов в непроницаемой славе божественности, но чьи законы чудесной всеобъемлимости и совершенства мы всегда осознаем действующими вокруг нас... Аргумент которым так часто пользуются богословы, что божественное откровение необходимо человеку и что некоторые взгляды, содержащиеся в таком откровении, требуются для нашей нравственной сознательности, – есть только плод воображения и извлечен из того самого откровения, которое он стремится отстоять. Единственное, что абсолютно необходимо человеку, – это ИСТИНА, и только к ней, к ней одной наша нравственная сознательность должна приспосабливаться» [**259**, т. II, с. **489**].

В дальнейшем мы обсудим, в каком свете божественное откровение еврейской Библии рассматривалось гностиками, которые все же верили в Христа по-своему, и притом лучше и менее кощунственно, чем римские католики. Отцы насильственно

навязали верящим в Христа Библию, предписанные в которой законы Христос нарушил первым; учение которой он полностью отвергал, за что, в конечном счете, был распят. Чем бы еще ни гордился христианский мир, он едва ли может претендовать на логику и последовательность в качестве своих главных добродетелей.

Уже один только тот факт, что Петр до конца оставался «апостолом обрезания», говорит сам за себя. *Кто бы ни построил церковь в Риме – это не был Петр.* Если бы это был Петр, то преемникам этого апостола также пришлось бы подчиниться обрезанию – хотя бы ради последовательности, и чтобы показать, что притязания пап не совсем лишены основания. Д-р Инман утверждает, что указано, что «в наши христианские времена папы должны быть персонально совершенны» [424, с. 28], но мы не знаем, простирается ли это совершенство до выполнения еврейского закона, относящегося к левитам. Первые пятнадцать христианских епископов Иерусалима, начиная с Якова и кончая Иудой, все были обрезанные евреи.[101]

В «Сефер Толдос Йешу»,[102] еврейской рукописи далекой древности версия о Петре изложена по-другому. Симон Петр, говорится в этой рукописи, был один из их братии, хотя как-то отклонился от законов; и еврейская ненависть к этому апостолу и преследование его, кажется, существовали только в плодовитом воображении отцов. Автор говорит о нем с большой почтительностью и доброжелательством, называя его «верным слугою Бога живого», который проводил жизнь в аскетизме и медитации, «живя в Вавилоне наверху одной башни», сочиняя гимны и проповедуя милосердие. Он добавляет, что Петр всегда советовал христианам не досаждать евреям, но как только он умер, другой проповедник пошел в Рим и заявил, что Симон Петр переделал учения своего учителя. Он выдумал горящий ад и всем угрожал этим адом; обещал чудеса, но не совершил ни одного.

Сколько правды и сколько выдумки в вышеприведенном – пусть решают другие; но на нем больше отпечатка искренности и факта, чем на баснях, состряпанных отцами так, чтобы они отвечали их целям.

Мы тем более можем верить в эту дружбу между Петром и его единоверцами, так как у Теодорета находим следующее утверждение:

> «Назареи суть евреи, почитающие ПОМАЗАННИКА (Иисуса) как *праведного человека,* и пользующиеся *«Евангелием» от Петра»* [**452**, кн. II. 11].

По *«Талмуду»* Петр был назареем. Он принадлежал к секте позднейших назареев, которые откололись от последователей Иоанна Крестителя и стали соперничающей сектой; и которая, как гласит предание, была основана самим Иисусом.

По истории, первыми христианскими сектами были или назареи, подобно Иоанну Крестителю; или эбиониты, среди которых было много родственников Иисуса; или же ессеи *(lessaens)* – терапевты, целители, ответвлением которых были назареи. Все эти секты, которые только в дни Иринея начали считаться еретическими, были более или менее каббалистическими. Они верили в изгнание демонов посредством магических заклинаний и применяли этот метод на практике; Джервис называет набатеян и другие такие секты «бродячими еврейскими заклинателями» [453, с.324]; арабское слово *Набэ* означает скитаться, а еврейское נבא наба – пророчествовать. *«Талмуд»* всех христиан без

---

[101] См. Евссвий **[451,** кн. IV. гл. V], *Sulpicins Severus,* II, 31.

[102] Кажется, евреи приписывают *«Сефер Толдос Йешу»* очень большую древность. Первый раз о ней упоминает Мартин в начале тринадцатого века, так как талмудисты очень старались скрыть от христиан ее. Леви говорит, что Порхет Салватий опубликовал некоторые ее части. которые были использованы Лютером (см. т. Vlll. *Jena Ed.).* Еврейский текст, недостающий, был наконец найден Мюнстером и Буксторфом, и был опубликован Христофором Вагенсейлем в 1681 г. в Нюрнберге и во Франкфурте в одном сборнике под заглавием *«Teia Ignca Satanae»* или «Огненные стрелы Сатаны» (см. [**158**]).

разбору называет *нозарами*[103]. Все гностические секты одинаково верили в магию. Ириней, описывая последователей Василида, говорит:

> «Они пользуются идолами, вызываниями, заклинаниями и другими вещами, относящимися к магии».

Данлэп, опираясь на авторитет Лайтфута, доказывает, что Иисуса называли *Назарайос,* указывая этим на его скромное и невысокое общественное положение, «так как Назарайос означало отделение, отчуждение от других людей» [142, с.X].

Действительное значение слова назар נזר означает обет или посвящение себя служению Богу. В качестве имени существительного оно означает *диадему* или эмблему такого посвящения – голову освященную[104]. Иосифа величали *назаром.* «На голове Иосифа и на темени *избранного* между братьями» [*Бытие,* XLIX, 26]. Самсон и Самуил (שִׁמְשׁוֹן־אל שִׁמוּ Семесон и Семваэл) также упоминаются как *назары.* Порфирий, говоря о Пифагоре, сообщает, что тот был очищен и посвящен в Вавилоне Зар-адасом, главой священного училища. Разве отсюда нельзя догадаться, что Зоро-Астер был *назаром* Иштар, Зар-адас или На-Зар-Ад[105], оставаясь тем же при изменении идиом? Ездра, или עזדרא, был жрец и писец, иерофант; и первый еврейский колонизатор Иудеи был זרובבל Зеру-Бабел или Зоро или назар Вавилона.

Еврейские Священные Писания указывают на два различных культа и религии среди израильтян: одно – поклонение Вакху под маской Иеговы, другое – религия халдейских посвященных, к которым принадлежали некоторые из *Назаров,* теурги и несколько пророков. Главные центры их всегда были в Вавилоне и в Халдее, где отчетливо различаются две состязающиеся школы магов. Те, кто сомневаются в этом, пусть в таком случае объяснят расхождение между историей и Платоном, который в свое время был, несомненно, одним из лучше всех осведомленных людей? Говоря о магах, он указывает на них, как на преподающих персидским царям о Зороастре, как сыне или жреце Ормазда; и все же Дарий в надписи в Бихистуне хвастает, что он восстановил культ Ормазда и отменил ритуалы магов! Очевидно, существовали две отличающиеся друг от друга и антагонистические школы магов, при этом старейшая и наиболее эзотерическая из этих двух была та, которая, довольствуясь своим неуязвимым знанием и тайною властью, удовлетворилась видимостью отказа от своей экзотерической популярности, и передала свое главенство в руки реформатора Дария. Позднейшие гностики придерживались той же самой благоразумной политики, приспособляясь в каждой стране к преобладающим религиозным формам, и в то же время тайно сохраняя свои собственные главные доктрины.

Еще возможна другая гипотеза, которая заключается в том, что Зеро-Иштар был верховным жрецом халдейского культа, т. е. иерофантом магов. Когда арийцы Персии под предводительством Дария Гистаспа свергли магианских Гоматов и *восстановили* маздеанское поклонение, последовала амальгамация, вследствие которой Зоро-астар магов стал Зара-тушрой «Вендидада». Это не было приемлемо для других арийцев, которые примкнули к ведийской религии, отличающейся от религии «Авесты». Но это только гипотеза.

И кем бы ни считали теперь Моисея, мы хотим доказать. что он был посвященный. Религия Моисея, в лучшем случае, была поклонением солнцу и змею, возможно, слегка разведенная монотеистическими понятиями до того, как Ездра насильно втиснул все это в так называемые «боговдохновенные Писания» в то время, когда ему приписывается

---

[103] «Lighifoot», 501.

[104] [*Иеремия,* VII, 29]: «Остриги свои волосы, о Иерусалим, отбрось их прочь и начни оплакивание на высотах».

[105] Назарет?

переписка заново *Моисеевых Книг.* Во всяком случае, «Книга Чисел» есть книга более поздняя, и в ней ясно можно проследить поклонение солнцу и змею, как в любом языческом изложении. Сказание об огненных змеях является аллегорией более чем в одном значении. Этими «змеями» являлись *левиты* или *офиты,* которые были телохранителями Моисея [*Исход,* XXXII, 26]; и веление «Господа» Моисею повесить головы людей «перед Господом против солнца», которое есть эмблема этого Господа, – недвусмысленно.

Назары или пророки, так же как и назареи, были антивакхической кастой постольку, поскольку совместно со всеми посвященными пророками они придерживались духа символических религий и проявляли яркое сопротивление идолопоклонным и экзотерическим обрядам служения мертвой букве. Отсюда возникали частые забрасывания камнями пророков населением под водительством тех жрецов, которые создавали себе доходную жизнь из народного суеверия. Отфрид Мюллер показывает, насколько орфические мистерии отличались от *популярных* вакхических обрядов [92, с.230-240], хотя известно, что орфики следовали культу Вакха. Система чистейшей нравственности и сурового аскетизма, провозглашенных в учениях Орфея, которых так строго придерживались его приверженцы, несовместима со сладострастием и грубой безнравственностью популярных обрядов. Сказание об Аристее, преследовавшем Евридику и загнавшем ее в лес, где змей причиняет ей смерть, очень простая аллегория, которая частично была объяснена в древнейшие времена. Аристей – это *грубая сила,* преследующая Евридику, эзотерическую доктрину, загоняя ее в лес, где змей (эмблема каждого солнечного бога, которому в его грубейшем аспекте поклонялись даже евреи) убивает ее, т. е. принуждает истину стать еще более эзотерической и искать убежища в Подземном мире, который не есть ад наших богословов. Кроме того, судьба Орфея, разорванного на куски вакханками, есть другая аллегория, показывающая, что грубые и популярные обряды всегда более по душе людям, чем божественная, но простая истина, и доказывающая большое расхождение, которое должно было существовать между эзотерическими и популярными верованиями. Так как гимны и Орфея и *Musaeus* считаются утерянными со времени самых ранних веков, так что ни Платон, ни Аристотель не могли обнаружить ничего достоверного в песнопениях, существующих в их время, то трудно в точности сказать, что входило в их своеобразные обряды. Все же у нас остаются устные предания и возможность делать из них выводы: и эти традиции указывают на Орфея как на принесшего свои доктрины из Индии, как на того, чья религия была той же, что и у древнейших магов, следовательно – той, к которой принадлежали посвященные всех стран, начиная с Моисея, «сыновей пророков», и аскетических *Назаров* (которых не следует смешивать с теми, кого громит Осия и другие пророки), до ессеев. Эта последняя секта была пифагорейской сектой до того, как они в какой-то степени скорее дегенерировали, чем усовершенствовались в своей системе от влияния буддийских миссионеров, которые, по словам Плиния, обосновались на берегах Мертвого моря задолго до его времени, *«per saeculorum millia».* Но если, с одной стороны, эти буддийские монахи были первыми учредителями монастырских общин и прививателями строгого соблюдения монастырского устава, то, с другой стороны, они также были первыми насаждателями и популяризаторами суровых добродетелей, пример которых был подан Шакьямуни и которые до этого обнаруживались только в отдельных случаях известных философов и их последователей, добродетелей, которые два или три столетия спустя проповедовал Иисус и которые осуществлялись несколькими христианскими аскетами, а затем были постепенно оставлены и даже совершенно забыты христианской церковью.

Посвященные назары всегда придерживались этого устава, которому до них следовали адепты всех веков: и ученики Иоанна были только отколовшейся ветвью ессеев. Поэтому мы не должны смешивать их со всеми теми назарами, о которых говорится в Ветхом Завете и которых Осия обвиняет, как отделившихся или предавшихся *Бошет* בֹּשֶׁת (см. еврейский текст), что означало величайшую возможную мерзость. Делать вывод, как это делают некоторые критики и теологи, что это означает посвятить себя *целомудрию* или воздержанию, – значит или умышленно искажать истинное значение, или же быть полным

невежою в еврейском языке. Одиннадцатый стих первой главы Михея наполовину истолковывает это слово в его замаскированном переводе: «Исчезни ты, обитатель Сафира», и т. д., а в оригинале этим словом является *Бошет.* Несомненно, ни Ваал, ни Иахох Кадош со своими кадешимами, не был богом аскетических добродетелей, хотя «Септуагинта» называет их так же, как и галлов – совершенными священнослужителями – τετελεσμένους, *посвященными* и *освященными*[106]. Великий *Сод* кадешимов, что переведено в «Псалтыре» [LXXXVIII, 6], как «собрание святых», был ничто другое, как только мистерия *«освященных»* в том смысле, какой придал этому слову Вебстер.

Назаретская секта существовала задолго до появления Моисеевых законов и зародилась среди людей, наиболее враждебных к «избранным» Израиля, а именно среди людей Галилеи, древней *olla-podrida* идолопоклонствующих народностей, где была построена Назара, нынешний Назарет. Именно в Назаре древние назории или назириаты проводили свои «Мистерии Жизни» или «собрания», как теперь переводят это слово [257, II, 305], которые были ничто иное как тайные мистерии посвящения[107], совсем другие по форме, нежели популярные мистерии, проводимые в Библе в честь Адониса. В то время как истинные *посвященные* из отверженных галилеян поклонялись истинному Богу и имели трансцендентные видения, – чем в это время занимались «избранные»? Иезекиил рассказывает нам об этом (гл. VIII), когда описывая, что он видел, говорит, что *форма* руки взяла его за локон на голове и перенесла его из Халдеи в Иерусалим.

> «И стояли там семьдесят человек сенаторов дома Израилева... «Сын человеческий, видел ли ты, что эти древние... делают в темноте?»– спрашивает «Господь». «У дверей дома Господа... смотри, сидят женщины и оплакивают Таммуза» (Адониса).

В действительности, мы не можем предполагать, что язычники когда-либо превосходили «избранный» народ в неких позорных *мерзостях,* в которых их собственные пророки так щедро их обвиняют. Чтобы поверить этой истине, совсем нет надобности быть еврейским ученым; достаточно почитать Библию на английском языке и поразмыслить над речами «святых» пророков.

Этим объясняется ненависть позднейших назареев к ортодоксальным евреям – последователям *экзотерического* Моисеева Закона – которых они всегда высмеивали как поклоняющихся Иурбо-Адунаю или Господу Вакху. Проходя под маской Адони-Иахох (подлинный текст *«Исаии»,* LXI, 1), Иахох и Господа Саваофа. Ваал-Адонис или Вакх, которому поклонялись в рощах и в *публичных содах,* или мистериях, наконец превратился, в отшлифовывающих руках Ездры, в Адоная Мазоры – в единого и верховного Бога христиан!

> «Ты не должен поклоняться Солнцу, которое называется Адунай», – гласит «Кодекс назареев», – «чье имя есть также *Кадуш*[108] и Эл-Эл. Этот Адунай выберет для себя народ и соберет его в *толпы* (т. с. поклонение ему будет экзотеричсским)... Иерусалим станет убежищем и городом *недоносков,* которые будут совершенствовать себя (обрезать) мечом... и будут обожать Адуная» [**257**, 1, 47].

Старейшие назареи, потомки *Назаров* Священного Писания, чьим последним выдающимся водителем был Иоанн Креститель, хотя и не считались очень правоверными у писцов и фарисеев Иерусалима, все же уважались и никто им не досаждал. Даже Ирод «боялся масс», так как те считали Иоанна пророком [*Матфей,* XIV, 5]. Но последователи Иисуса, очевидно, принадлежали к секте, которая стала еще более причиняющим боль шипом у них в боку. Это выглядело, как одна ересь *внутри* другой, ибо в то время как

---

[106] См. [**88**, с. 683].
[107] См. Лукиан, «De Syria Dea» [**195**].
[108] См. [Псалмы LXXXIX, 18].

назары старины, «Сыны Пророков», были халдейскими каббалистами, адепты новой, держащейся особо секты с самого начала показали себя реформаторами и новаторами. Еольшое сходство, найденное некоторыми критиками между ритуалами и обычаями ранних христиан и ессеев может быть объяснено без малейшего затруднения. Ессеи, как мы только что отметили, были новообращенные буддийских миссионеров, которые со времен царя Ашоки, усердного пропагандиста, исходили Египет, Грецию и даже Иудею в одно время; и хотя очевидно, что ессеям принадлежит честь иметь назаретского реформатора Иисуса в качестве своего ученика, все же последний, как оказалось, разошелся со своими прежними учителями по нескольким вопросам формального ритуала. Его нельзя по-настоящему назвать ессеем по причинам, которые мы укажем в дальнейшем; также он не был назаром или назаритом старшей секты. Кем *был* Иисус, можно узнать в «Кодексе назареев», в несправедливых обвинениях бардезанских гностиков. «Иешу есть *Нэбу,* ложный Мессия, разрушитель старой правоверной религии», – гласит «Кодекс»[109].

Он основатель секты новых Назаров и, по значению самих слов, – последователь буддийской доктрины. В еврейском языке слово *наба* נבא значит говорить по вдохновению; а נבו есть *нэбо,* бог мудрости. Но Нэбо *есть* также *Меркурий,* а Меркурий есть Буддха в индусской монограмме планет. Кроме того, мы узнаем, что талмудисты считают, что Иисус был вдохновляем гением Меркурия [455, II, 2].

Назаретский реформатор, несомненно, принадлежал к одной из этих сект, хотя было бы почти невозможно установить, к которой. Но что само по себе очевидно, так это то, что он проповедовал философию Будды Шакьямуни. Осужденные позднейшими пророками, проклинаемые Синедрионом, назары – их смешали с теми другими назарами, «которые отделились от этого позора» (см. [*Осия,* IX, 10]) – тайно, если не явно, преследовались ортодоксальной синагогой. Становится ясным, почему с Иисусом сначала обращались так пренебрежительно, и неодобрительно называли его «галилеянином». Нафаниил спрашивает: «Из Назарета может ли быть что доброе?» [*Иоанн,* I, 46] в самом начале его карьеры; и это только потому, что он знал, что Иисус – *назар.* Разве здесь нет ясного намека? на то, что даже старшие назары в действительности не были еврейскими единоверцами, но скорее представляли собою класс халдейских теургов? Кроме того, так как Новый Завет выделяется своими неправильными переводами и явными фальсификациями текстов, мы справедливо можем подозревать, что слово *назария* или нозар было подменено словом Назарет. Что в оригинале значилось: «Может ли что-либо хорошее прийти от нозара (или назарея)?», то есть, от последователя Иоанна Крестителя, с которым мы его видим связанным с самого начала его появления на сцене действия после того, как почти на двадцать лет потеряли его из виду. Грубые ошибки Ветхого Завета ничто по сравнению с ошибками «Евангелий». Ничто так хорошо не раскрывает систему благочестивых подделок, на который покоится надстройка мессианства, как эти самоочевидные противоречия. «Он есть *Илия,* которому должно прийти», – говорит Матфей о Иоанне Крестителе, насильно затаскивая древнюю каббалистическую традицию в подстроенное доказательство [XI, 14]. Но при обращении к самому Крестителю, когда его спрашивают [*Иоанн,* I, 21]: «Ты Илия? Он сказал: *нет»*! Кто знал лучше: Иоанн или его жизнеописатель? И что здесь божественное откровение?

Мотив Иисуса, очевидно, был тот же, что и у Гаутамы Будды – облагодетельствовать человечество в целом путем проведения религиозной реформы, которая дала бы ему религию чисто нравственную; истинное познание Бога и природы до тех пор оставалось исключительно в руках эзотерических сект и их адептов. Так как Иисус употреблял *масло,* а ессеи никогда не употребляли ничего другого, кроме чистой

---

[109] [**257,** 1, 47], [**454,** 74].

воды[110], то его нельзя назвать строгим ессеем. С другой стороны, ессеи также были «отделенными»; они были целителями *(ассайя)* и обитали в пустыне, как все аскеты.

Но хотя он не отказался от вина, он все же мог остаться назареем. Так как в шестой главе «Книги Чисел» мы читаем, что после того как священнослужитель завил часть волос назорита для приношения Господу, «после сего назорей может пить вино» [VI, 20]. Самое горькое обвинение людей, которых ничем нельзя удовлетворить, реформатор выразил в следующем восклицании:

> «Иоанн пришел, не ел, не пил, а они говорили: «У него дьявол есть»... Сын Человеческий пришел, ел и пил, и они говорят: «Вот человек – обжора и винолюб»».

И все же он был ессеем и назареем, ибо мы находим его не только посылающим послание Ироду, чтобы сказать, что он один из тех, кто выгоняют демонов и совершают исцеления, но и действительно называющим себя пророком и объявляющим себя равным другим пророкам [*Лука,* XIII, 32].

Автор «Сода» показывает, как Матфей старается связать в одно название «назарей» с пророчеством[111], и спрашивает:

> «Почему же тогда Матфей сообщает, что пророк сказал, чтобы его знали *назарием?»* Просто «потому, что он принадлежал к этой секте, и пророчество подтвердило бы его претензии на Мессианство... Но нигде не видно; чтобы пророки где-либо объявили, что Мессию будут называть *низареем»* [**142**].

Уже один тот факт, что в последнем стихе второй главы Матфей пытается подкрепить свое заявление, что Иисус обитал в Назарете *лишь только для того, чтобы выполнить пророчество,* более чем ослабляет аргумент, он опровергает его совершенно, так как первые две главы, как было достаточно доказано, оказались позднейшими подделками.

Крещение является одним из древнейших ритуалов и практиковалось всеми народами в своих мистериях в виде священных обливаний. Данлэп, кажется, производит название *назары* от назах – брызгание; Бахак-Зиво, говорят назареи, является тем гением, который вызвал мир к бытию [257, т. II, с. 233] из «темных вод»; и Ричардсон в книге «Персидский, арабский и английский лексикон» утверждает, что слово *Бихак* означает «дождь». Но Бахак-Зиво назареев нельзя так легко проследить до Вакха, который «был богом дождя», так как назары были величайшими противниками поклонения Вакху. «Вакх был воспитан хиадами, нимфами дождя», говорит Преллер [456, т. I. с. 415], который в дальнейшем доказывает, что в заключение религиозных мистерий жрецы крестили (обмывали) свои монументы и помазывали их маслом [456, т. I. с. 490]. Все это только весьма косвенные доказательства. Иорданское крещение не нужно выставлять как замену *экттерических* ритуалов Вакха и возлияний в честь Адониса или Адони, к которому назареи питали отвращение, – чтобы доказать, что это была секта, возникшая из «мистерий» *тайной доктрины;* и их ритуалы ни в коем случае нельзя смешивать с ритуалами языческого населения, которое попросту погрузилось в идолопоклонство и в нерассуждающую веру всех плебейских масс. Иоанн был пророком этих назареев, и в Галилее его называли «Спасителем», но он не был основателем этой секты, которая получила свои традиции из отдаленнейшей халдео-аккадийской теургии.

---

[110] «Ессеи считали масло осквернением», – говорит Иосиф [**454**, II. 7].

[111] [*Матфей.* II]. Следует иметь в виду, что «Евангелие от Матфея» в Новом Зачете не является подлинным *Евангелием* апостола с этим именем. Подлинное *Евангелие* веками находилось во владении назареев и эбионитов, по признанию Св. Иеронима, как мы покажем дальше, который признался, что ему пришлось *просить разрешения* у назареев на перевод этого *Евангелия.*

Ранние плебеи-израильтяне – это ханааниты и финикияне с тем же самым поклонением фаллическим богам – Вакху, Ваалу или Адону, Якху – Иао или Иегове; но даже среди них всегда имелся класс *посвященных* адептов. Позднее характер этих плебеев изменился вследствие завоевания ассирийцами; и, наконец, персидские колонизаторы наслоили фарисейские и восточные идеи и обычаи, от которых произошли Ветхий Завет и Моисеевы установления. Асмонеанские жрецы-цари провозгласили канон Ветхого Завета в противопоставление «апокрифам», или *тайным книгам,* александрийских евреев-каббалистов[112]. До Иоанна Гиркана они назывались ассидеанами (хасидим) и фарисеями (парсы), но затем они стали саддукеями или задокитами, блюстителями жреческих уставов в отличие от раввинистических. Фарисеи были снисходительны и рассудительны, саддукеи же – фанатичны и жестоки.

Сказано в «Кодексе»:

> «Иоанн, сын Аба Саба-Захария, зачатый его матерью *Анасабет* в ее сотом году отроду, крестил уже в течение *сорока двух лет*[113], когда Иисус Мессия пришел на Иордан, чтобы быть крещенным крещением Иоанна... Но он *исказит учение Иоанна,* изменив крещение Иордана и исказив изречения справедливости»[114].

Крещение было изменено от крещения *водою* на крещение Святым Духом, несомненно, вследствие всегда преобладавшей у отцов идеи провести реформу, и сделать христиан отличными от назареев Св. Иоанна, набатеян и эбионитов, чтобы очистить место для новых догм. Не только в Синоптиках говорится, что Иисус крестил так же, как и Иоанн, но собственные Иоанновы ученики жаловались на это, хотя, наверно, Иисуса нельзя обвинять, что он придерживался чисто вакхического ритуала. Вводное предложение в стихе 2, гл. IV, *«Иоанна»,* «...хотя Сам Иисус не крестил», настолько неуклюже, что сразу видно, что это позднейшая вставка. Матфей заставляет Иоанна сказать, что тот, кто придет после него, не будет их крестить водой, «но *Святым Духом* и Огнем». Марк, Лука и Иоанн подтверждают эти слова. Вода, огонь и дух или Святой Дух ведут свое начало из Индии, как мы это покажем.

Но в отношении этого изречения имеется одна странность. Оно категорически отрицается в «Деяниях Апостолов», XIX, 2-5. Аполлос, александрийский еврей, принадлежал к секте учеников Св. Иоанна Крестителя; он был крещен и наставлял других по учениям Крестителя. И все же, когда Павел, разумно используя свое отсутствие в Коринфе, встречается с некими учениками Аполлоса в Эфессе и задает им вопрос, восприняли ли они *Святого Духа,* – последовал наивный ответ:

> «Мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый!» «Во что же вы крестились?» – вопрошает он далее. – *«Во Иоанново крещение»,* – отвечают они.

---

[112] Слово «Апокриф» весьма ошибочно стали понимать, как нечто сомнительное и ложное. Значение этого слова – *сокровенный, тайный;* но сокрытое часто может быть более истинным, чем то, что открыто.

[113] Это сообщение, если оно достоверно, означало бы, что Иисус был в возрасте между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами, когда крестился; так как в *Евангелиях* сказано, что он был только на несколько месяцев моложе Иоанна. Каббалисты говорят, что Иисусу было более сорока лет, когда он впервые появился у врат Иерусалима. Нынешний экземпляр «Кодекса назареев» отмечен 1042 г.. но Данлэп обнаружил у Иринея (второй век) цитаты из этой книги и частые ссылки на нее. «Источники материалов, встречающихся у Иринея и в «Кодексе назареев», должны быть отнесены, по меньшей мере, к первому веку», говорит автор в предисловии к «Сод, сын человеческий» [**142**, с.1].

[114] [**257**, т. 1, с. 109]; [**142**. XXIV].

Затем Павла заставляют повторить слова, приписанные Синоптиками Иоанну; и эти люди «крестились во имя Господа Иисуса» и сразу проявили обычный дар говорения на многих языках, которым сопровождается снисхождение Святого Духа.

Что же это такое? Св. Иоанн Креститель, которого называют «предтечей» во «исполнение пророчества», великий пророк и мученик, чьим словам должно придаваться такое огромное значение его учениками, провозглашает «Святого Духа» своим слушателям, вызывает стечение толп людей на берегах Иордана, где при великой церемонии крещения Христа обещанный «Святой Дух» появляется среди раскрывающихся небес, и толпа слышит голос, и тут вдруг находятся ученики Св. Иоанна, которые «даже и не *слыхали,* что существует какой-то Святой Дух!»

Истинно, те ученики, которые написали «Кодекс назареев», были правы. Только это был не сам Иисус, но те, кто пришли после него, и кто состряпали Библию так, чтобы она подошла им, которые *«исказили* учение Иоанна, *изменили* крещение в Иордане и исказили изречения справедливости».

Бесполезно возражать, что нынешний *«Кодекс»* был написан спустя века после того, как проповедовали непосредственные ученики Иоанна. Точно так же были написаны наши *Евангелия.* Когда эта поразительная беседа Павла с «крещенцами» имела место, бардезанцы между ними еще не появились, и эта секта не считалась «ересью». Кроме того, мы в состоянии судить, как мало Иоанново обещание «Святого Духа» и появление самого «Духа» оказало влияния на его учеников, по тому неудовольствию, какое они проявили в отношении учеников Иисуса и чем-то вроде конкуренции, проявленной с самого начала. Мало того, у самого Иоанна настолько мало уверенности в тождественности Иисуса с ожидаемым Мессией, что после знаменитой сцены крещения в Иордане и устного уверения Самого *Святого Духа,* что *«сей есть Сын Мой возлюбленный»* [*Матфей,* III, 17], – мы вдруг находим, что «Предтеча» [*«Матфей»,* XI] посылает из тюрьмы двух учеников, чтобы осведомиться у Христа: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам *другого*»!!

Уже это одно вопиющее противоречие давно уже должно было убедить разумные сознания в мнимости боговдохновенности Нового Завета. Но мы можем задать другой вопрос: если крещение является знаком возрождения и таинством, установленным Христом, то почему теперь христиане не крестят так, как это приписывается Иисусу – «Святым Духом и огнем», вместо следования обычаю назареев? Делая эти осязаемые вставки, какие цели мог преследовать Ириней, за исключением того, чтобы заставить людей поверить, что название назарей, которое Иисус носил, произошло только оттого, что отец его проживал в Назарете, а вовсе не от его связи с сектой *назариа* – целителей?

Эта уловка Иринея была весьма неудачна, так как с незапамятных времен пророки старины выступали против крещения огнем, как оно практиковалось их соседями, которое сообщало «дух пророчества или Святой Дух». Но положение было отчаянное; христиан повсюду называли назареями или иессеями (согласно Епифанию), и Христа считали просто еврейским пророком и целителем – каким он себя называл, каким он был принят своими учениками и каким его рассматривали последователи. При таком положении вещей тут не было места ни для новой иерархии, ни для нового божества; а так как Ириней взялся за это дело, чтобы создать и то и другое, то ему пришлось пользоваться тем материалом, какой был под рукой, и заполнить пробелы своими плодоносными выдумками.

Для того, чтобы убедиться, что Иисус был истинным назареем – хотя и с идеями о новой реформе – мы не должны искать доказательств в переведенных *Евангелиях,* а в таких подлинных версиях, какие доступны. Тишендорф в своем переводе «Евангелия от Луки» с греческого языка в главе IV, 34 переводит «Йешоу назарей»; и на сирийском мы читаем «Йешоуа, ты *назар».* Так что, если мы учтем все то, что запутано и непонятно в четырех *Евангелиях,* пересмотренных и исправленных в таком виде, какой они теперь имеют, то мы сами легко поймем, что истинное, первоначальное христианство, такое, как

проповедовал Иисус, следует искать только в так называемых сирийских ересях. Только из них мы можем извлечь какие-либо ясные понятия о том, чем было первоначальное христианство. Такова была вера Павла, кого Тертулл, оратор, обвинил апостола перед правителем Феликсом. Он жаловался, что они обнаружили «найдя сего человека язвою *общества* ... и представителем Назорейской ереси» [*Деяния,* XXIV, 5]; и в то время, как Павел отрицает все остальные обвинения, он признается, что «по учению, которое они называют ересью, я действительно *служу Богу отцов моих»* [*Деяния,* XXIV, 14]. Это признание является целым откровением. Оно доказывает: 1) что Павел признал свою принадлежность к секте назареев; 2) что он поклонялся *Богу своих отцов,* но не тройственному христианскому Богу, о котором он ничего не знает, и который не был выдуман до его смерти; 3) что это несчастное признание удовлетворительно объясняет, почему трактаты «Деяния Апостолов», вместе с «Откровением Иоанна», которое в одно время совершенно отвергалось, так долго не включались в канон Нового Завета.

В Библосе неофиты, так же как и иерофанты, были обязаны после мистерий поститься и пребывать некоторое время в одиночестве. Были строгие посты и приготовления как до, так и после вакхических, адонийских и элевсинских оргий, и Геродот с боязнью и почтительностью намекает на озеро Вакха, в котором «они (жрецы) по ночам совершали представления о его жизни и страданиях» [356, II, с. 170]. В жертвоприношениях Митре во время посвящения неофитом отображалась предварительная сцена умирания, предшествующая сцене «его нового рождения посредством обряда *крещения».* Часть этой церемонии до сих пор исполняется масонами, когда неофит, подобно великому мастеру Хираму Абифу, лежит мертвый и пробуждается от сильного пожатия львиной лапы.

Жрецы были обрезаны. Неофит не мог быть посвящен без того, чтобы не присутствовать на торжественных мистериях озера. Назареев крестили в Иордане; они не могли креститься в другом месте; их также обрезали и им приходилось поститься как до, так и после очищения крещением. Сказано, что Иисус постился сорок дней в пустыне немедленно после крещения. До нынешнего дня при каждом храме в Индии имеется озеро, проточная вода или резервуар, полный освященной водою, в котором брахманы и набожные индусы купаются ежедневно. Такие хранилища освященной воды необходимы каждому храму. Празднества купания или *крещенские* обряды происходят дважды в году – в октябре и в апреле. Каждое такое празднество длится десять дней, и так же, как в древнем Египте и Греции, статуи их богов, богинь и идолов погружаются жрецами в воду; цель этой церемонии заключается в том, чтобы смыть с них все грехи, принятые ими на себя от им поклоняющихся, которые оскверняют их, пока не смыты святой водой. В течение Аратти, церемонии обмывания, главного бога каждого храма несут с торжественной церемонией, чтобы крестить в море. За брахманами-жрецами, несущими священные образы, обычно следует Махараджа – босой и почти голый. *Три раза* жрецы заходят в море; в третий раз они несут с собой все образы. Держа их поднятыми, с молитвами, повторяемыми всем братством, Главный Жрец *трижды* окунает статуи богов в воду во имя *мистической троицы,* после чего они очищены[115]. Орфический гимн называет *воду* величайшим очистителем людей и богов.

Согласно Плинию и Иосифу Флавию, известно, что наша секта назареев существовала приблизительно за 150 лет до Христа и проживала по берегам Иордана и на восточном берегу Мертвого моря [151, XIII, 9; XV, 10]. Но в «Гностиках» Кинга мы

---

[115] Индусский Верховный Понтиф – глава намбурисов, который живет в стране Кохин, обычно присутствует на этих празднествах погружений в «Святую Воду». Он иногда предпринимает далекие путешествия, чтобы руководить этой церемонией.

находим цитату из другого сообщения Иосифа, из стиха 13-го, в котором говорится, что ессеи поселились на берегах Мертвого моря «за тысячи веков» до времени Плиния.[116]

Согласно Мунку, термин «галилеянин» почти является синонимом «назарея»; в дальнейшем он показывает, что связи первых с неевреями были весьма тесными. Вероятно, население, в результате постоянных взаимосношений, постепенно усвоило некоторые обряды и обычаи культа язычников; и презрение, с которым правоверные евреи взирали на галилеян, приписывается им по этой же причине. Их дружеские отношения, несомненно, привели их, в более поздний период, к принятию «Адонии» или священных обрядов над телом оплакиваемого Адониса, так как мы находим Иеронима справедливо горюющим над этим обстоятельством.

> «Над Вифлеемом», – говорит он, – «роща Таммуза, т. е. Адониса, отбрасывала свою тень! И в этой ПЕЩЕРЕ, где прежде плакал младенец Иисус, оплакивали любовника Венеры».[117]

После восстания Бар Кохба римский император учредил мистерии Адониса в священной пещере Вифлеема, и кто знает, не это ли есть та *петра* или пещерный храм, на котором церковь была построена? Вепрь Адониса был помещен над теми воротами Иерусалима, которые выходили в сторону Вифлеема.

Мунк говорит, что «Назиреат был институтом, учрежденным до появления законов Мусы» [457, с. 169]. Это очевидно, так как мы находим, что эта секта не только упоминается, но и подробно описывается в «Числах» (гл. VI). В заповедях, данных в этой главе Моисею «Господом», легко узнать обряды и законы жрецов Адониса.[118] Воздержание и чистота, строго предписанные в обеих сектах, идентичны. Обе секты предоставляли волосам отрастать *во всю длину* [151, IV, 4], как это и доныне делают отшельники и факиры в Индии, тогда как другие касты бреют головы и в определенные дни воздерживаются от вина. Пророк Илия, один из назареев, описан во «Второй книге Царей», а также Иосифом, как «волосатый человек, опоясанный шкурой».[119] И Иоанн Креститель и Иисус оба представлены, как носящие длинные волосы.[120] Иоанн «одет в верблюжью шерсть» и опоясан шкурой, а Иисус носит длинное одеяние «без единого шва»... «и очень белое, как снег», говорит Марк; и это то же самое одеяние, какое носили жрецы назареев, пифагорейские и буддийские ессеи, как описано Иосифом.

Если мы тщательно проследим термины *назар* и *назарет* по наиболее известным трудам писателей древности, мы встретим их в связи как с «языческими», так и с еврейскими адептами. Так, например, Александр Полигистор говорит о Пифагоре, что он был учеником ассирийского *Назарета,* которого некоторые считают Иезекиилем. Диоген Лаэртский весьма решительно утверждает, что Пифагор после того, как его посвятили во

---

[116] Кинг считает это большим преувеличением и склонен думать, что эти сссеи, которые, безо всякого сомнения, были буддийскими монахами, были «только продолжениями обществ, известных под названием Сынов Пророков» [**410,** с. 22].

[117] Св. Исроним, «Послания» *(ad. Poulmam)* – см. [**94**, с. 218].

[118] Вакх и Церера – или мистическое *вино* и *хлеб,* употреблявшиеся в течение мистерии, стали в «Адонии» Адонисом и Венерой. Муверс доказывает, что *«Иао* есть Вакх», с. 550; и он основывается на «Lydus cle Mens» (38-74); [**94,** с.195]. *Иао* есть солнечный бог и еврейский Исгова; разумное или Центральное Солнце каббалистов. См. *Julian* в *«Prochis».* Но этот «Иао» не есть бог мистерий.

[119] [**151**, IX], [2 Царей, 1, 8]

[120] В связи с хорошо известным фактом, что Иисус носил длинные волосы и всегда изображался с таковыми, становится поразительным узнать, как мало неизвестный редактор «Деяний Апостолов» знал об апостоле Павле, так как он вкладывает в его уста в «1 Посл. к Коринф.», XI, 14 следующие слова: «Не сама ли Природа учит вас, *что если муж растит волосы,* это бесчестно для него?» Несомненно, Павел никак не мог сказать такие слова! Поэтому, если этот отрывок подлинный, то Павел ничего не знал о пророке, чьи учения он воспринял и за которого он умер; а если этот отрывок подделка, то насколько подлинно то, что осталось?

все греческие и варварские мистерии, «отправился в Египет и впоследствии посетил халдеев и магов»; а Апулей утверждает, что Пифагора учил Зороастр.

Если бы мы высказали мысль, что еврейские *назары,* упрекающие пророки «Господни», были посвящены в так называемые языческие мистерии и принадлежали (по крайней мере большинство их) к той же Ложе или тому же кругу адептов, что и те, кого считают идолопоклонниками; что их «круг пророков» был только побочной ветвью тайного общества, которое мы вполне могли бы назвать «интернациональным», – какие взрывы христианского гнева посыпались бы на нас! И все же это дело выглядит весьма подозрительным.

Давайте сперва припомним то, что Аммиан Марцеллин и другие историки рассказывают о Дарий Гистаспе. Последний, проникнув в Верхнюю Индию (Бактриану), научился у брахманов чистым обрядам, звездным и космическим наукам, и передал это магам. Но история также говорит, что Гистасп раздавил магов и ввел – или, вернее, навязал им силою – чистую религию Зороастра – религию Ормазда. Но чем объяснить тогда, что на гробнице Дария была найдена надпись, сообщающая, что он был «учитель и иерофант магии и магианизма»? Очевидно, имеется какая-то ошибка в истории, и история ее признает. В этой путанице имен Зороастр, учитель и наставник Пифагора, не может быть ни Зороастром, на Заратуштрой, которые установили поклонение солнцу среди парсов; не мог он быть и тем. кто появился при дворе Гуштаспа (Гистаспа), признаваемого якобы отцом Дария; и не мог он также быть тем Зороастром, кто поставил своих магов выше самих царей. Старейшее священное писание зороастрийцев, «Авеста», не выдает ни малейших следов, что этот реформатор когда-либо был знаком с какой-либо из тех наций, которые впоследствии приняли его образ поклонения. Он кажется ничего незнающим о соседях Западного Ирана, медийцах, ассирийцах, персах и других. Если бы у нас не было никаких других свидетельств о великой древности зороастрийской религии, как только открытие большой ошибки, совершенной в нашем веке некоторыми учеными, которые отождествили царя Виштаспа (Гуштаспа) с отцом Дария, тогда как персидская традиция прямо указывает на Виштаспа, как на последнего принца по Кайанитской линии, который правил Бактрианой, – это должно бы быть достаточно, так как завоевание Бактрианы ассирийцами произошло за 1200 лет до Р. Х.[121]

Поэтому будет вполне естественно, если мы это обращение Зороастр будем считать не именем отдельного человека, а общим термином класса, разбор смысла которого должен быть оставлен филологам. *Гуру* по-санскритски означает духовный учитель; и так как Зуруастара на том же языке означает того, кто поклоняется солнцу, то почему невозможно, что по ходу естественных изменений языка, вследствие большого количества различных народностей, обращенных к поклонению солнцу, – название *гуру-астара,* духовный учитель поклонения солнцу, столь напоминающее имя основателя этой религии, постепенно изменило свою первоначальную форму и превратилось в Зуруастара или Зороастра? Мнение каббалистов таково, что существовал только один Заратуштра, но было много *гуру-астаров,* или духовных учителей, и что один из таких *гуру* или, скорее, *хуру-астеров,* как его называют в старинных рукописях, был наставником Пифагора. Насколько верно это объяснение – пусть решает филология и читатели сами. Лично мы верим этому, так как по этому предмету мы больше доверяем каббалистической традиции, нежели объяснениям ученых, так как у них по сей день по этому поводу не было двух одинаковых мнений.

Аристотель утверждает, что Зороастр жил за 6000 лет до Христа; Гермипп из Александрии, который, говорят, читал подлинные книги зороастрийцев, хотя Александра Великого обвиняют в их уничтожении, – показывает, что Зороастр был учеником Азонака

---

[121] Макс Мюллер все это достаточно доказал в своей лекции о «Зенд-Анесте». Он называет Гуштаспа «мифическим учеником Зороастра». Может быть, он мифичен лишь потому, что период времени, в котором он жил и учился у Зороастра, слишком далек от нас, чтобы наша современная наука могла спекулировать над этим с уверенностью.

(Азон-ах или Азон-Бог) и жил за 5000 лет до падения Трои. Эр или Эрос, чье видение рассказано Платоном в «Государстве», по мнению Климента, был Зордустх. В то время как маг, свергнувший с трона камбизов, был медянином, и Дарий объявил об отмене ритуалов магов с тем, чтобы установить ритуалы Ормазда, Ксант из Лидии заявляет, что Зороастр был главою магов!

Кто из них не прав? Или же они все правы, и только современные толкователи не могут объяснить разницу между Реформатором и его апостолами и последователями? Эта ошибочность наших комментаторов напоминает нам ошибочность Светония, принявшего христиан за некоего Христоса или *Крестоса,* как он пишет это слово, и уверявшего своих читателей, что Клавдий выслал его из страны за волнения, которые он поднял среди евреев.

Наконец, возвращаясь опять к *назарам,* Заратус упоминается Плинием следующими словами: «Он был Зороастр и *Назарет».* Так как Зороастр называется *princeps* магов, и *назар* означает отделенного или освященного, то не есть ли это – еврейское обозначение *мага?* Волней думает, что это так. Персидское слово *На-заруан* означает миллионы лет и относится к халдейскому «Ветхому Днями». Отсюда произошло название Назаров или назареев, которые были освящены для служения единому высочайшему Богу, каббалистическому Эйн-Софу или Ветхому Днями, «Старейшему из Старейших».

Но слово *назар* также можно встретить в Индии. На индустани *назар* есть зрение, внутреннее или *сверхъестественное* видение: *назар банд-и* означает чарование, месмерические или магические чары; и *назаран* есть слово для осмотра достопримечательностей или видения.

Профессор Уайлдер думает, что так как слова *Зеруана* в «Авесте» нигде нет, и оно встречается только в более поздних парсийских книгах, то оно ведет свое происхождение от магов, которые составляли персидскую касту жрецов в период сасанидов, но по своему происхождению были ассирийцами.

> «Я считаю», – говорит он. – «что Туран поэтов есть Атурия или Ассирия; и что Зохак (Аж-дахака. Дэйокес или Астиагес). Царь-Змий, был Ассирийским, Мединским и Вавилонским, когда эти страны были объединены».

Это мнение, однако, нисколько не нарушает нашего утверждения, что тайные доктрины магов, до-ведийских буддхистов, иерофаптов египетского Тота или Гермеса, и адептов какого-то бы ни было века и национальности, включая и халдейских каббалистов и еврейских *Назаров,* – были *тождественны* с самого начала. Когда мы употребляем слово *буддхисты,* мы не подразумеваем под ним ни экзотерический буддизм, установленный последователями Гаутамы Будды, ни современную буддийскую религию, но подразумеваем сокровенную философию Шакьямуни, которая в своей сущности несомненно была идентична с древней религией мудрости святилищ, с до-ведийским брахманизмом, «Схизма» Зороастра, как ее называют, является прямым доказательством этому. Ибо, строго говоря, это совсем не была *схизма,* а только частичное раскрытие публике строго монотеистических религиозных истин, до тех пор преподаваемых лишь во святилищах, и которые он узнал у брахманов. Зороастр, первичный учредитель почитания солнца не может быть назван основателем дуалистической системы; также он не был первым, кто учил единству Бога, ибо он обучал тому, что сам узнал у брахманов. И что Заратустра и его последователи, зороастрийцы, «селились в Индии до того, как эмигрировали в Персию», также доказано Максом Мюллером.

> «Что зороастрийцы и их предки вышли из Индии», – говорит он. – «в течение ведийского периода, может быть доказано так же ясно, как и то, что обитатели Массалии вышли из Греции... Многие из богов зороастрийцсв оказались... лишь только отражениями и отклонениями первичных подлинных богов Вед» [**458,** 83].

И если мы теперь сможем доказать – а мы можем это сделать, пользуясь свидетельствами *«Каббалы»* и старейших традиций религии мудрости, философии древних святилищ, – что все эти боги, будь то зороастрийские или боги Вед, являются только олицетворениями *оккультных сил* природы, верными слугами адептов сокровенной мудрости – магии, – то мы стоим на незыблемой почве.

Таким образом, скажем ли мы, что каббализм и гностицизм произошел от маздаизма или зороастризма, – это будет одно и то же, если только мы не имели в виду *экзотерического* поклонения, чего мы не имели в виду. Точно так же и в этом же смысле мы можем вторить Кингу, автору «Гностиков», и некоторым другим археологам, и утверждать, что оба первые произошли от *буддхизма,* представляющего наиболее простую и наиболее удовлетворяющую из философий, в результате которой возникла одна из чистейших религий мира. Дело только за хронологией, чтобы определить, которая из этих религий, отличающихся только по внешней форме, является старейшей и, следовательно, менее фальсифицированной. Но даже это очень косвенно, если вообще касается обсуждаемого нами предмета. Уже за какое-то время до нашей эры адепты, за исключением Индии, перестали объединяться в большие общины; но будь то ессеи или неоплатоники, или же какая-нибудь из бесчисленных борющихся сект, родившихся лишь для того, чтобы исчезнуть, – мы у них встречаем те же самые доктрины, идентичные по сущности и духу, если и не всегда по форме. Под *буддхизмом,* поэтому, мы подразумеваем ту религию, которая буквально означает доктрину мудрости и которая появилась на много веков раньше метафизической философии Сиддхартха Шакьямуни.

После девятнадцати веков принудительного удаления из канонических книг каждой фразы, которая могла бы направить исследователя на правильный путь, – стало очень трудно доказать так, чтобы удовлетворить точную науку, что «языческие» почитатели Адониса, их соседи, назареи, и пифагорейские ессеи, целители-терапевты [459], эбиониты и другие секты – все были, лишь с небольшими расхождениями, последователями древних теургических мистерий. И все же, по аналогии и при тщательном изучении *сокровенного* смысла их ритуалов и обычаев, мы можем обнаружить следы их родства.

Современнику Иисуса было суждено стать тем лицом, которое посредством истолкования древнейшей литературы Израиля указало потомству, как глубоко каббалистическая философия согласуется своим эзотеризмом с эзотеризмом величайших греческих мыслителей. Этим современником был устремленный ученик Платона и Аристотеля, Филон Иудея. Объясняя *Книги Моисея* чисто каббалистическими методами, он сделался тем знаменитым еврейским писателем, которого Кингсли называет отцом неоплатонизма.

Очевидно, что терапевты Филона являются ответвлением ессеев. На это указывает их название – Ἐσσαῖοι, *Асайа,* врач. Отсюда эти противоречия, подделки и другие отчаянные уловки, чтобы приладить пророчества еврейского канона к рождению и божественности Галилеянина. Лука, который был врачом, в сирийских текстах назван *Асайа* т. е. ессаин или ессеи. Иосиф Флавий и Филон Иудей достаточно описали эту секту, чтобы не оставить в наших умах никаких сомнений, что назарейский реформатор, после того как получил образование в их обителях в пустыне и был надлежащим образом посвящен в мистерии, предпочел свободную и независимую жизнь кочующего *назария:* и таким образом отделился или *отназарился* от них, становясь путешествующим терапевтом, назариа, целителем. Каждому терапевту, до того как покинуть общину, приходилось проделать то же самое. И Иисус и Св. Иоанн Креститель проповедовали конец Века;[122] что доказывает их знание сокровенных вычислений жрецов и каббалистов.

---

[122] Действительный смысл деления на века эзотеричен и буддхистичеи. Непосвященные христиане так мало понимали его, что они приняли слова Иисуса в их *буквальной значении* и твердо верили, что он подразумевал конец спета. Много было пророчеств о грядущем веке. Виргилий в четвертой эклоге упоминает Метатрона – новый отпрыск, с которым окончится *железный век* и начнется *век золотой.*

которые, так же как и главы общин ессеев, единственные знали тайну длительности циклов. Последние были каббалистами и теургами; по словам Мунка – «у них были свои *мистические* книги, и они предсказывали будущее» [457, с. 525 *и далее*].

Данлэп, чьи личные исследования, кажется, были вполне успешны в этом направлении, – установил, что ессеи, назареи, доситеяне и некоторые другие секты, все существовали до Христа:

> «Они отвергали удовольствия, *презирали богатство, любили один другого* и более чем другие секты пренебрегали браком, считая победу над страстями добродетелью», – говорит он [**142**. II. предисловие, с. XI].

Все эти добродетели проповедовались Иисусом; и если мы должны считать *Евангелия* содержащими истину, то Христос был верующим в метемпсихоз или *перевоплощение* – опять как эти же ессеи, которые, как мы видим, были пифагорейцами по всем своим доктринам и привычкам. Ямвлих утверждает, что Самосский философ провел некоторое время на горе Кармил с ними [75][123] В своих беседах и проповедях Иисус всегда пользовался притчами и метафорами. Это опять-таки была привычка ессеев и назареев; галилеяне, жившие в городах и деревнях, поскольку известно, никогда не прибегали к таким аллегорическим выражениям. Действительно, некоторые из его учеников, будучи галилеянами, как и он сам, даже удивлялись, обнаружив, что он в беседах с людьми прибегает к такой форме выражения.

> «Для чего притчами говоришь им?» – часто спрашивали они [*Матфей,* XIII. 10]. «Для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано», – был ответ, и это был ответ посвященного. – «Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют».

Кроме того, мы находим Иисуса выражающим свои мысли еще яснее – и притом в чисто пифагорейских выражениях – когда произнося Нагорную проповедь, он говорит:

> «Не давайте святыни псам
> И не бросайте жемчуга вашего перед свиньями,
> Чтобы они не попрали его ногами своими
> И, обратившись, не растерзали вас».

Профессор Уайлдер, редактор «Элевсинских мистерий» Тэйлора, отмечает

> «склонность Иисуса и Павла классифицировать свои доктрины на эзотерические и экзотерические, на Тайны Царствия Небесного «для апостолов» и «притчи» для толпы. «Мы говорим мудрость», – говорит Павел, – «среди тех, кто *совершенен»* (или посвящен)» [**4**, с.15].

В элевсинских и в других мистериях участники всегда делились на два класса: на *неофитов* и *совершенных.* Первых иногда допускали к предварительному посвящению: к драматическому представлению цереры или души, спускающейся в Гадес[124]. Но только *«совершенным»* было дано наслаждаться и узнать мистерии божественного *Элизиума,* небесного обиталища благословенных; этот Элизиум, бесспорно, был то же, что и

---

[123] Мунк производит название *иессеанов* или ессеев от сирийского слова Асайа – целители или врачи, доказывая таким образом их идентичность с египетскими терапевтами [**457**, с. 515].

[124] Это сошествие в Гадес означало неизбежную судьбу каждой души стать соединенной на какое-то время с земным телом. Это соединение или темная перспектива души оказаться заключенной в темное обиталище тела, – считалась древними философами, и даже теперь считается современными буддистами, наказанием.

«Царство Небесное». Возражать или отрицать вышесказанное было бы просто закрыванием глаз на истину.

Повествование апостола Павла в его «2 Посл. *к* Коринф.» [XII, 3, 4] поразило нескольких ученых, хорошо ознакомившихся с описаниями мистических обрядов посвящения, данными некоторыми классиками, как несомненно указывающее на конечную *Эпоптейю* [4, с. 49, примечание].

«И знаю о таком человеке (только не знаю – *в теле ли или вне тела:* Бог знает), что он был восхищен в Рай и слышал неизреченные слова αρρητα ρηματα, которые человеку нельзя пересказать».

Поскольку нам известно, только изредка комментаторы усматривали в этих словах намек на полные блаженства видения *«посвященного»* провидца. Но фразеология тут недвусмысленна. На эти слова, *«которые человеку нельзя пересказать»,* намекали теми же словами и объясняли это той же причиной Платон, Прокл, Ямвлих, Геродот и другие классики. «Мы оглашаем мудрость только среди тех, кто совершенен», – говорит Павел: ясный и неотрицаемый перевод этих слов будет: «Более глубокие (или конечные) эзотерические доктрины мистерий (которые обозначены словом *мудрость)* мы излагаем только среди тех, кто *посвящены»*[125]. Также в отношении «человека» который был взят в Рай» – и который, очевидно, был сам Павел,[126] – христианское слово Рай заменило слово Элизиум. Чтобы завершить доказательство, мы можем напомнить слова Платона, сказанные в другом месте, в которых указано, что прежде чем посвященный смог увидеть богов в их чистейшем свете, ему приходилось *освобождаться* от своего тела, т. е. выделить из него свою астральную душу [31, 64]. Подобным же образом Апулей описывает свое посвящение в мистерии:

> «Я приблизился к границам смерти и, перешагнув порог Прозерпины. вернулся, будучи пронесенным через все элементы. В глухую полночь я видел сияющее ярким светом солнце вместе с *подземными и небесными богами,* и приближаясь к этим божествам, я платил свою дань преданного восхищения» [**274**, XI].

Таким образом, подобно Пифагору и другим иерофантам-реформаторам, Иисус делил свои учения на экзотерические и эзотерические. Преданно следуя пифагоро-ессейским установлениям, он никогда не садился за стол без молитвы перед едой. «Жрец молится перед едой», – говорит Иосиф, описывая ессеев. Иисус также делил своих последователей на «неофитов», «братию» и «совершенных», если мы можем судить по тому, как он их различал. Но его карьера, по крайней мере, в качестве общественного раввина, была слишком кратковременной, чтобы позволить ему учредить свою собственную регулярную школу; и за исключением, может быть, только Иоанна, кажется, что он не посвятил ни одного другого апостола. Гностические амулеты и талисманы большею частью представляют собой символы апокалиптических аллегорий. «Семь гласных» имеют тесную связь с «семью печатями»; и мистическое имя Абраксас настолько же участвует в составе *Шем Хамфирош,* «священного слова» или несказуемого имени, насколько и имя, названное Словом Божиим, которое *«никто не знал, кроме Его Самого»* [*Апокалипсис,* XIX, 12], по выражению Иоанна.

---

[125] Глубокие или эзотерические доктрины у древних обозначались словом *мудрость,* а впоследствии, словом *философия,* и также словом *гнозис* или знание. Эти доктрины касались человеческой души, ее божественного происхождения, ее предполагаемой деградации с высшего состояния тем, что она стала связанной с «рождением или с физическим миром», ее дальнейшего прогресса и восхождения к Богу посредством возрождений или перевоплощений». *Там же.,* прим., с. 2.

[126] Кирил из Иерусалима утверждает это. См. VI, 10.

Трудно было бы уйти от хорошо представленных доказательств, что «Апокалипсис» является произведением посвященного каббалиста, когда это *«Откровение»* преподносит нам целые параграфы, взятые из «Книги Еноха» и «Даниила», из которых последняя сама представляет сокращенную имитацию первой; и когда, далее, мы убеждаемся, что офиты-гностики, которые целиком отвергали Ветхий Завет, как «исходящий из ниже стоящего существа (Иеговы)», признавали наиболее древних пророков, таких как Енох, и извлекали из этой книги самую сильную поддержку своим вероучениям, – тогда доказательство становится очевидным. В дальнейшем мы покажем, как тесно связаны все эти доктрины. Кроме того, имеется история преследования Домицианом магов и философов, которая служит таким же доказательством, как и другие, что Иоанна, вообще, считали каббалистом. Так как этот апостол был включен в их число и, кроме того, выделялся среди других, то императорским эдиктом он был изгнан не только из Рима, но даже из континента. Император преследовал не христиан, как хотели бы изобразить это некоторые историки, смешивающие христиан и евреев, – а астрологов и каббалистов.[127]

Против Иисуса было выдвинуто много обвинений в том, что он применяет магию египтян: одно время они были обычны в городах, где его знали. Как сказано в Библии фарисеи были первыми, бросившими ему в лицо это обвинение, хотя раввин Визе считает самого Иисуса фарисеем. *«Талмуд»* определенно указывает на Якова Праведного, как на одного из этой секты.[128] Но последователи этой секты также известны тем, что всегда забрасывали камнями каждого пророка, который обличал их в греховных повадках, и не на этом факте мы обосновываем наше утверждение. Они обвиняли его в колдовстве и в том, что он выгоняет бесов с помощью их же князя Вельзевула, с такой же справедливостью, с какой впоследствии католическая церковь обвиняла в том же не одного только невинного мученика. Но Юстин Мученик, основываясь на более достоверных данных, сообщает, что люди того времени, *которые не были евреями,* утверждали, что чудеса Иисуса были совершены посредством магии – μαγική φαντασία – «это было то же самое выражение, которым пользовались скептики, чтобы обозначить феномены творения чудес, совершаемые в языческих храмах. «Они даже отважились называть его магом и обманщиком людей», жалуется этот мученик [466, с. 69]. В «Евангелии от Никодима» *(Ada Pilate)* евреи выставляют то же обвинение перед Пилатом. «Разве мы не говорили тебе, что он маг»?[129] Цельс говорит о том же обвинении и, как неоплатоник, верит в него [309, 11]. Талмудистская литература полна мельчайшими подробностями, и самым великим их обвинением является то, что «Иисус мог с такой же легкостью летать по воздуху, как другие ходить по земле» [472, 51]. Св. Августин утверждал, что вообще верили, что он был посвящен в Египте и что он написал книги о магии, которые он передал Иоанну [309, 11]. Существовал труд под названием «Magia Jesu Christi», который приписывался самому Иисусу.[130] В «Увещеваниях» Климента против Иисуса выдвинуто обвинение, что он не совершал своих чудес как еврейский пророк, но как маг, т. е. посвященный «языческих» храмов [474, «Recog.», I, 58 cf, с. 40].

---

[127] См. *Suet.* в [465. 7]. История передает, что этот император проводил время, ловя мух и протыкая их золотым шилом. Это не была ни жестокость, ни психическая мания, но религиозное суеверие. Еврейские астрологи предсказали ему, что он вызвал гнев Вельзевула, «Господа мух», и погибнет недоброй смертью вследствие мести темного бога из Экрона – погибнет подобно царю Ахазу, ибо он преследовал евреев.

[128] Мы считаем, что не фарисеи, а саддукеи распяли Иисуса. Они были задокиты, приверженцы дома Задока – семьи священнослужителей. В «Деяниях» сказано, что не фарисеи, но саддукеи преследовали апостолов. В действительности, фарисеи никого не преследовали. В их число входили писцы, раввины и ученые, и они не имели такого пристрастия к своему ордену, как саддукеи.

[129] [**470**, 1, 243]; [**471**, с. 214].

[130] См. [**473,** I, 9], [**470**, 1. с. 305 ft].

В то время было обычным, так же как это и теперь обычно среди нетерпимого духовенства враждующих религий и низших классов общества, а также среди тех патрициев, которые по различным причинам не были допущены в мистерии, – обвинять иногда высших иерофантов и адептов в колдовстве и в черной магии. Так Апулей, посвященный, был подобным же образом обвинен в колдовстве и в том, что он носит при себе фигурку скелета – мощное средство, как уверяли, в деяниях черного искусства. Но одно из лучших и наиболее неоспоримых доказательств нашего утверждения может быть найдено в так называемом «Museo Gregoriano». На саркофаге, покрытом барельефами, изображающими чудеса Христа,[131] видна во весь рост фигура Христа, который, в сцене воскрешения Лазаря, явлен безбородым «и снабжен жезлом, в общепринятом облике *некроманта* (?), тогда как труп Лазаря укутан и забинтован в точности как египетская мумия».

Если бы потомство имело возможность обладать несколькими такими изображениями, выполненными в течение первого века, когда фигура, одеяние и каждодневные привычки Реформатора были еще свежи в памяти его современников, возможно, что тогда христианский мир был бы более христоподобным; дюжины противоречивых, необоснованных и совершенно бессмысленных спекуляций о «Сыне Человеческом» были бы невозможны, и у человечества была бы теперь единая религия и единый Бог. Именно это отсутствие всяких доказательств, недостаток какого-либо положительного следа в отношении того, кого христианство обожествило, – вызвало нынешнее состояние недоумения. Никакие изображения Христа не могли быть созданы раньше, как только после дней Константина, когда еврейский элемент был почти изъят среди последователей новой религии. Евреи, апостолы и ученики, которым зороастрийцы и парсы привили святой ужас перед какими-либо формами человеческих изображений, – посчитали бы святотатственным кощунством всякую попытку изобразить каким бы то ни было образом их Учителя. Единственным разрешенным изображением Иисуса, даже в дни Тертуллиана, было аллегорическое изображение «Пастыря Доброго»[132], которое не было портретом, но представляло собою фигуру человека с головою шакала, как у Анубиса.[133] На этой гемме, как она представлена в коллекции гностических амулетов, Добрый Пастырь несет на плечах потерявшуюся овцу. Кажется, что у него на шее человеческая голова: но как Кинг правильно замечает, «так только *кажется* непосвященному глазу». При более тщательном рассматривании он становится двуголовым Анубисом, имеющим одну человеческую голову, а другую – шакалью, тогда как его опояска принимает форму змея, поднимающего свою украшенную гребнем голову.

> «Эта фигура», – добавляет автор «Гностиков», – «имела два значения – одно, очевидное всем непосвященным; другое – мистическое и понятное *только посвященным.* Возможно, что это была печать какого-то верховного учителя или апостола».[134]

Это дает нам новое доказательство, что гностики и ранние *ортодоксальные* (?) христиане не так уж сильно различались по своей *тайной доктрине.* По одной цитате из Епифания Кинг делает вывод, что даже в 400 г. н. э. считалось отвратительным грехом пытаться изобразить телесную внешность Христа. Епифаний [475, XXVXI] преподносит это, как обвинение в идолопоклонстве против карпократийцев, что

---

[131] [**410,** с. 145] – автор помещает этот саркофаг среди самых ранних произведений того вида искусства, которое позднее наводнило мир мозаиками и резьбою, изображающею события и персонажи Нового Завета.

[132] «De Pudicitia». – См. [**410,** с. 144].

[133] [**410**] – Рис. I на с. 200.

[134] Эта гемма находится в коллекции автора «Гностики и то, что от них осталось» [**410**]. См. с. 201.

«у них были писаные портреты и *даже золотые и серебряные изображения,* а также *из других материалов,* которые они выдавали за портреты Иисуса, якобы сделанные Пилатом по подобию Христа… Они держат их в тайне совместно с изображениями Пифагора, Платона и Аристотеля, и поставив их всех вместе, поклоняются им и приносят им жертвы *по нееврейскому образу».*

Что бы сказал благочестивый Епифаний, если бы он ныне ожил и зашел бы в собор Святого Петра в Риме! Кажется, Амвросий также приходит в отчаяние при мысли, что некоторые люди полностью поверили сообщению Лампридия, что Александр Север имел в своей частной часовне изображение Христа среди других великих философов.

> «Что язычники могли сохранить облик Христа», – восклицает он, – «но его ученики этого не сделали – это вещь, которую ум отказывается принять и еще менее – поверить».

Все это неоспоримо указывает на тот факт, что за исключением горсточки самозваных христиан, которые впоследствии одержали победу, вся цивилизованная часть язычников, которая знала о Иисусе, почитала его как философа, *адепта,* которого они ставили на ту же высоту, что и Пифагора и Аполлония. Откуда это почитание с их стороны к человеку, если бы он был просто, как изображают его Синоптики, бедным, неизвестным еврейским плотником из Назарета? Как о воплощенном Боге, о нем нет на земле ни единой записи, которая могла бы выдержать критическое исследование науки; но в качестве одного из величайших реформаторов, в качестве неумолимого врага всякого теологического догматизма, преследователя слепого фанатизма, учителя одного из наиболее возвышенных кодексов этики, Иисус представляет собою одну из величайших и наиболее ясно очерченных фигур в панораме истории человечества. Его эпоха может с каждым днем все дальше и дальше отступать в мрак и густую мглу прошлого; и его богословие, опирающееся на человеческие выдумки и поддерживаемое нелепыми догмами, может – нет, должно с каждым днем все больше терять свой незаслуженный престиж; и только великая фигура философа и нравственного реформатора, вместо того, чтобы становиться бледнее, с каждым новым веком станет более выпуклой и яснее очерченной. И она будет царствовать, как верховная и всемирная, только в тот день, когда все человечество будет признавать только одного отца – НЕПОЗНАВАЕМОГО вверху – и одного брата – все человечество внизу.

В предполагаемом письме Лентула, сенатора и известного историка, римскому сенату, имеется описание внешности Иисуса. Само письмо, написанное на ужасной латыни, провозглашено явной наглой подделкой; но в нем мы находим одно выражение, которое наводит на многие мысли. Хотя оно – подделка, но видно, что составитель его, кто бы он ни был, тем не менее старался держаться как можно ближе к преданию. Волосы Иисуса описаны, как «волнистые и вьющиеся... спадающие на плечи» и *«разделены пробором посредине, как принято у назареев».* Это последнее предложение показывает: 1. Что существовало такое предание, основанное на библейском описании Иоанна Крестителя, *назария,* и на обычае этой секты. 2. Что если бы Лентул был автором этого письма, то трудно поверить, что Павел никогда бы не слышал о нем; а если бы он знал содержание этого письма, он никогда не стал бы объявлять *позорным* ношение длинных волос для людей [*1 Коринф.,* XI, 14], таким образом позоря своего Господа и Христа-Бога. 3. Если Иисус в самом деле носил длинные волосы, «разделенные посредине пробором, как принято у назареев» (так же, как Иоанн, единственный апостол, который следовал этому), то это дает нам еще одно основание утверждать, что Иисус должен был принадлежать к секте назареев и должен был называться назарием по этой причине, а вовсе не потому, что он обитатель Назарета, ибо те не носили длинных волос. Для назарий, который *отделился* для служения Господу, «бритва не должна касаться головы его». «Свят он: должен растить волосы на голове своей», сказано в «Книге Чисел» [VI, 5].

Самсон был назарит, т. е. давший обет служения Богу, и в его волосах была его сила. «Бритва не коснется головы его, потому что от самого чрева младенец сей будет назорей Божий» [*Судей,* XIII, 5].

Но конечное и наиболее разумное заключение, какое можно из этого вывести, заключается в том, что Иисус, будучи весьма опозиционно настроенным против всех ортодоксальных еврейских обычаев, *не* стал бы отращивать своих волос, если бы не принадлежал к этой секте, которая в дни Иоанна Крестителя уже стала ересью в глазах Синедриона. *«Талмуд»,* говоря о назариях или назареях (которые ушли из мира подобно индусским йогам или отшельникам), называет их сектою врачей, скитающихся заклинателей; так же поступает Джервис. «Они ходили по стране, живя на подаяния и совершая исцеления».[135] Епифаний говорит, что по своей ереси они ближе всего были к коринфянам, «существовали ли они раньше или позднее, но независимо от этого – *одновременно»,* и затем добавляет, что «всех христиан в то время одинаково называли *назареями»* [477, т. I, с. 117]!

В самом первом замечании, сделанном Иисусом по .поводу Иоанна Крестителя, мы находим его утверждающим, что он есть «Илия, который должен был прийти раньше». Это утверждение, если оно не является более поздней вставкой, сделанной для того, чтобы иметь исполнившееся пророчество, – опять означает, что Иисус был каббалист, если, действительно, нам не принять доктрину французских спиритистов и не заподозрить, что он верил в реинкарнацию. За исключением каббалистических сект ессеев, назареев, учеников Симеона Бен Иохаи и Хиллела, ни ортодоксальное еврейство, ни галилеяне не верили и не знали ничего о доктрине *пермутации,* А саддукеи даже не верили в доктрину воскресения из мертвых.

«Но породителем этого *restitutionis* был Моса, наш учитель, да будет мир ему! Который был *revolutio* (трансмиграцией) Сета и Эбеля. чтобы он мог покрыть обнаженность своего Отца Адама – *Primus»;*– говорит *«Каббала»*[136].

Таким образом Иисус, намекающий на то, что Иоанн был *revolutio* или трансмиграцией Илии, тем самым, кажется, несомненно доказывает, к какой школе он принадлежит.

До нынешнего дня непосвященные каббалисты и масоны думают, что пермутация есть синоним трансмиграции и метемпсихоза. Но они настолько же ошибаются в отношении доктрины истинных каббалистов, насколько они ошибаются в отношении доктрины буддистов. Правда, в *«Загаре»* в одном месте сказано:

> «Все души подчинены трансмиграции... Люди не знают путей Святого, да будет Он благословенен; они не знают, что они предстают перед судом, как перед тем, как войти в этот мир, так и после того, как покидают его», – и фарисеи также придерживались этого учения, как показывает Иосиф [**151**, XVIII, 13].

Также доктрина Гилгула придерживалась странной теории «вращения Души», которая учила, что тела евреев, похороненные далеко от Святой Земли, все еще сохраняют частицу души, которая не может ни почить в покое, ни покинуть их до тех пор, пока не достигнет «Обетованной Земли». Считалось, что этот процесс «вращения» осуществлялся душою тем, что она переносилась обратно через непосредственную эволюцию видов, начиная трансмиграцию с мельчайшего насекомого, и кончая крупнейшими животными. Но это была *экзотерическая* доктрина. Мы отсылаем читателя к «Обнаженной Каббале» Генри Кунрата; его язык, хотя и затемненный, может пролить некоторый свет на этот предмет.

---

[135] См. [**478**], т. II, с. 238: «Treatise Nazir.».

[136] [**419,** II, 155]; *«Vallis Regia»,* Парижское изд.

Но эта доктрина пермутации, или *revolutio,* не должна быть понята как вера в реинкарнацию. Что Моисея считали трансмиграцией Авеля и Сета, это еще не значит, что каббалисты – по крайней мере те, кто были *посвящены* – верили, что идентичный дух того или другого сына Адамова снова появился в телесной форме Моисея. Это только показывает, к какого рода форме выражения они прибегали, чтобы намекнуть на одну из глубочайших тайн Восточного гнозиса, на один из наиболее величественных догматов веры тайной мудрости. Этот догмат был умышленно затемнен так, чтобы наполовину скрыть и наполовину раскрыть истину. Это означало, что Моисея считали, подобно некоторым другим богоподобным людям, достигшим высочайшего изо всех состояний на земле: – произошло редчайшее изо всех психологических явлений, полное слияние бессмертного духа с земной *дуадой.* Троица была завершена. *Бог* был воплощен. Но как редки такие воплощения!

Выражение – «Вы есть боги» – которое для наших исследователей Библии является только абстракцией, имеет для каббалистов весьма существенное значение. Каждый бессмертный дух, который излучает свое сияние на человеческое существо, есть бог – Микрокосмос Макрокосмоса, неотъемлемая часть непознаваемого Бога, Первопричины, непосредственной эманацией которой он является. Он обладает всеми свойствами породившего его источника. Среди этих свойств имеются и всезнание и всемогущество. Наделенный ими, но еще не в состоянии их полностью проявлять, находясь в теле, когда они затемнены, прикрыты и ограничены способностями физической природы, человек, ставший таким обиталищем божественности, высоко может возвыситься над другими людьми, может проявлять богоподобную мудрость и выявить божественные силы, потому что в то время как остальные смертные вокруг него только *осеняются* их божественным Я, со всеми возможностями стать бессмертными в будущем, но без какой-либо другой гарантии в этом, как только возможность личными усилиями завоевать царство небесное, – этот избранник стал уже бессмертен, находясь еще на земле. Его награда обеспечена. Отныне он будет жить навсегда в жизни вечной. У него может быть не только «власть» [*Псалтырь,* VIII] над всеми созданиями творения путем применения «превосходства» ИМЕНИ (несказуемого имени), но он может быть в этой жизни выше ангелов, а не «немного ниже их», как заставляют сказать Павла.[137]

Древним никогда не приходило в голову святотатственная мысль, что такие совершенные существа являются воплощениями Единого Верховного и навеки незримого Бога. Не вмещалась в их концепции такая профанация благоговейного Величия. Моисей и подобные ему были для них только совершенными людьми, богами на земле, так как их *боги* (божественные духи) уже вошли в уготовленные святилища, в очищенные физические тела. Древние называли богами развоплощенных духов героев и мудрецов. Отсюда возникло обвинение их во многобожии и в идолопоклонстве со стороны тех. кто сами первыми антропоморфизировали святейшие и чистейшие абстракции своих предков.

Действительное и сокрытое значение этой доктрины было известно всем посвященным. Танаимы сообщали его своим избранным, изаримам, в торжественном уединении криптов и пустынных мест. Значение это было одним из наиболее эзотерических и ревностно охраняемых, так как человеческая натура тогда была та же самая, что и теперь, и жреческая каста была так же уверена в превосходстве своего знания и так же стремилась к верховенству над более слабыми массами, с тою только разницею, возможно, что ее иерофанты могли доказать законность своих притязаний и правдоподобие своих доктрин, тогда как в настоящее время *верующие* должны довольствоваться слепою верою.

---

[137] Это противоречие, приписываемое Павлу в послании к евреям, где он якобы говорит об Иисусе в главе I, 4: «Будучи столько *превосходнее* Ангелов», и затем сразу же во главе II, 9 говорит: «Но видим ... [Иисуса] ... который *немного был унижен* пред Ангелами», – показывает, как бессовестно подделывались писания апостолов, если они вообще что-либо написали.

В то время как каббалисты называли это таинственное и редкое явление соединения духа с его смертным подопечным лицом, доверенным его заботе – «сошествием ангела Гавриила» (последний является чем-то вроде видового имени для обозначения этого), *Вестника Жизни* и ангела Метатрона; и в то время как назареи давали ему же название Абел-Зиво [257, 1, 23], *Delegatus,* посланный Господом *Gelsitude,* – оно было вообще известно, как «Дух Помазанный».

И именно принятие этой доктрины заставило гностиков утверждать, что Иисус был человеком, осеняемым Христом или Вестником Жизни, и что его крик отчаяние на кресте – «Элои, Элои, Лама Сабахтхани» – вырвался у него в то мгновение, когда он почувствовал, что это вдохновляющее Присутствие наконец покинуло его, ибо – как некоторые утверждали – его вера тоже *покинула* его на кресте.

Ранние назареи, которые должны быть причислены к гностическим сектам, считая, что Иисус был пророк, тем не менее поддерживали в его отношении ту же доктрину божественного «осенения» некоторых «людей Бога», посланных на спасение народов, чтобы возвратить их на тропу праведности.

> «Божественный разум вечен», – гласит «Кодекс назареев»,[138] – «и он есть чистый свет, льющийся через великолепное *и необъятное пространство* (плерома). Он – породитель эонов. Но один из них пошел в материю (хаос), возбуждая бурные *(lurhulentos)* движения; и с помощью некоей части *небесного* света придал ей форму, организовал ее надлежаще для использования и появления, однако – она же и начало всякого зла. Демиург (материи) требовал себе божественного почитания.[139] Поэтому Христос («помазанник»), князь эонов (сил) был послан *(expeditus);* он *принял личность* весьма благочестивого еврея Иешу и *должен был победить его;* и который, *оставив его* (тело), вознесся в высоту».

Полное значение имени Христос и его мистическое значение мы объясним в дальнейшем.

А теперь для того, чтобы сделать такие отрывки, как вышеприведенный, более понятными, мы постараемся изложить как можно короче догмы, в которые, с пустяковыми отклонениями, верили почти все секты гностиков. Эфесс был тем местом, где в те дни процветало величайшее училище, в котором трудные для понимания умозрения Востока и платоновская философия преподавались сообща. Это было сосредоточие всемирных «тайных» доктрин, таинственная лаборатория, откуда, наряженная в изящную греческую фразеологию, вышла квинтэссенция буддийской, зороастрийской и халдейской философии. Артемис, гигантский конкретный символ теософически-пантеистических абстракций, великая мать Мультимамма, андрогин и покровительница «Эфесских писаний», была разрушена Павлом; но хотя ревностные новообращенные апостолов претендовали на то, что они сожгли все книги по «любопытным искусствам», τα περιεργα, их осталось достаточно для них, чтобы изучать, когда первый пыл поостыл. Именно из Эфесса распространился почти весь тот *гнозис,* который так яро сопротивлялся догматам Иринея; и это все еще был Эфесс со всеми своими многочисленными родственными ответвлениями большого училища ессеев, который оказался рассадником всех каббалистических умозрений, принесенных танаимами из пленения.

«В Эфессе», – говорит Маттер, – «идеи еврейско-египетской школы и полуперсидские умозрения каббалистов незадолго перед этим усилились обширным слиянием греческих и азиатских доктрин, так что неудивительно, что там должны были

---

[138] [**257**], предисловие, с. V (перевод Норберга).

[139] «Согласно учению назареев и гностиков. Демиург, творец материального мира, не есть высочайший Бог». См. [**142**].

появиться учителя, стремящиеся объединить новую, проповедуемую апостолами религию с давно там установившимися идеями».

Если бы христиане не обременили себя «Откровениями» маленького народа и не приняли бы Иегову Моисея, – гностические идеи никогда не назвали бы *ересями,* будучи избавлен от своих догматических преувеличений, мир имел бы религиозную систему, основанную на чисто платонской философии, и, наверняка, что-то от этого выиграл бы.

А теперь давайте посмотрим, каковы величайшие *ереси* гностиков. Мы изберем Василида в качестве стандартного образца для наших сопоставлений, так как все основатели других гностических сект группируются вокруг него, подобно созвездиям, занимающим свет у солнца.

Василид утверждал, что он получил все свои доктрины от апостола Матфея и от Петра через Глаука, ученика последнего [13, VII, 7, § 106]. Согласно Евсевию [479, IV, 7], он опубликовал двадцать четыре тома «Толкований Евангелий»,[140] которые все были сожжены – факт, который заставляет нас думать, что в них содержалось больше правдивого материала, чем школа Иринея могла бы опротестовать. Он утверждал, что непознаваемый, вечный и несотворенный Отец сперва породил *Nous* или Ум, а последний эманировал из себя *Логоса.* Логос (Слово у Иоанна), в свою очередь, эманировал *Phronesis* или Разумы (Божественно-человеческие духи). Из *Phronesis* возникла *Sophia* или женская мудрость и *Dynamis* – сила. Это были олицетворенные атрибуты таинственной божественности, гностическая пятеричность, олицетворяющая пять духовных, но интеллигибельных субстанций, персональных сил или существ, внешних по отношению к непознаваемой божественности. Это, преимущественно, каббалистическая идея. Еще больше – буддхийская. Самая ранняя система буддхийской философии – существовавшая задолго до появления Гаутамы Будды – основана на несотворенной субстанции «Непознаваемого», на А'ди Будде.*

[* *Прим*. Пять мистически образуют десять. Они – андрогины. «Разделив свое тело на две части, верховная мудрость стала мужской и женской» [*Ману,* кн. I, шл. 32]. Много старейших буддхийских идей можно найти в брахманизме.

Широко распространившееся мнение, что последний из Будд, Гаутама, является девятым воплощением Вишну или *девятым* аватаром, частично отрицается брахманами и полностью отвергается учеными буддийскими теологами. Последние настойчиво указывают на то, что поклонение Будде значительно древнее какого-либо брахманистского божества Вед, которые они называют светской литературой. Они указывают, что брахманы пришли из других стран и установили свою ересь на уже принятых популярных *божествах.* Они завоевали страну мечом и им удалось похоронить истину путем построения своей собственной теологии на развалинах более древней теологии Будды, которая преобладала там веками. Они признают божественность и духовное существование некоторых ведийских богов; но так же как в случае с христианской ангельской иерархией, они верят, что все эти божества в значительной мере являются подчиненными, даже по отношению к воплощенным Буддам. Они даже не признают сотворения физической вселенной. Духовно и *незримо* она существовала извечно и, таким образом, ее только сделали видимой для человеческих чувств. Когда вселенная впервые появилась, она была вызвана из области незримого в зримость импульсом А'ди Будды – *«Essence».* Они насчитывают двадцать два таких видимых появлений вселенной, управляемых Буддами, и столько же разрушений ее огнем и водою в регулярной последовательности. После последнего разрушения наводнением в конце предшествовавшего цикла – (точное вычисление, охватывающее несколько миллионов лет, является секретным циклом), мир, в течение нынешнего века калиюги – Маха Бхадра кальпа – управлялся последовательно четырьмя Буддами, из которых последний был Гаутама, «Святой». Пятый – Майтрейя Будда – еще должен прийти. Последний есть ожидаемый царь-мессия, Посланец Света, и Сосиош,

[140] Евангелия, истолкованные Василидом, не были евангелиями наших дней, которые, как доказано величайшими авторитетами, в то время еще не существовали. См. [**259**], т. II, гл. *Василид.*

персидский Спаситель, который появится на *белом* коне. Это есть также христианское Второе Пришествие. См. «Апокалипсис» Св. Иоанна.]

Эта вечная, бесконечная Монада обладает, как свойственными ее сущности, пятью деяниями мудрости. Из них она, посредством пяти отдельных деяний Дхианы, излучила пять дхиани-будд; эти, подобно А'ди Будде, неподвижны в своей системе (пассивны). Ни А'ди, ни кто-либо из пяти дхиани-будд никогда не были воплощены, но семеро из их эманации стали аватарами, т. е. воплотились на этой земле.

Описывая систему Василида, Ириней, цитируя гностиков, заявляет следующее:

> «Когда несотворенный, *неимеющий имени* Отец увидев нравственное разложение человечества, он послал своего первородного *Nous* в мир в виде Христа для искупления всех, кто верят в него, из власти тех, кто строили мир (Демиурга и его шести сыновей, планетарных гениев). Он появился среди людей как человек Иисус и творил чудеса. Этот Христос лично *не умер,* но вместо его страдал Симон Кирийский, *которому он одолжил свою телесную форму;* так как божественная сила. *Nous* Вечного Отца *не телесен* и *не может умереть.* Поэтому, кто бы ни утверждал, что Христос умер, – тот все еще находится в плену невежества, а кто отрицает это, тот свободен и понял цель Отца»[141].

До сих пор, и рассматривая сказанное в его абстрактном смысле, мы не видим ничего кощунственного в этой системе. Она может быть *ересью* по отношению к богословию Иринея и Тертуллиана,[142] но в ней определенно нет ничего святотатственного против самой религиозной идеи, и она каждому беспристрастному мыслителю покажется намного больше проникнутой уважением к божеству, чем антропоморфизм существующего христианства. Ортодоксальные христиане называли гностиков докетами или иллюзионистами за то, что последние верили, что Христос не подвергался и не мог подвергнуться смерти в действительности – в физическом теле. Позднейшие брахманистские книги точно так же содержат много такого, что противно полному почтительности чувству и идеи божественности; и так же как гностики, брахманы объясняют такие легенды, какие могут шокировать божественное достоинство Духовных существ, называемых богами, приписывая их Майе или иллюзии.

Народ, выросший и воспитанный в течение бесчисленных веков среди всех тех психологических феноменов, о которых цивилизованные (!) народы читают, но которые отвергаются как невероятные и нестоящие, – не может рассчитывать на то, что его религиозная система будет понята, не говоря уже о том, чтобы она была по достоинству оценена. Глубочайшие и наиболее трансцендентальные умозаключения древних метафизиков Индии и других стран все обоснованы на том великом буддхийском и брахманистском принципе, на котором покоится вся их религиозная метафизика – на *иллюзорности* чувств. Все то, что конечно, есть иллюзия; все то, что вечно и бесконечно, есть реальность. Форма, цвет, то, что мы слышим и чувствуем или видим нашими смертными глазами, существует только постольку, поскольку это может передаваться каждому из нас через наши чувства. Для человека, родившегося слепым, вселенная не существует ни в формах, ни в красках, но она существует в *своей privation* (в аристотелевом смысле) и является реальностью для духовных чувств слепого человека. Мы все живем под мощной властью воображения. Только высочайшие и невидимые *оригиналы,* эманированные из мысли Непознаваемого, являются реальными и перманентными существами, формами и идеями; на земле мы видим только их отражения, более или менее правильные и всегда зависящие от физической и ментальной структуры лица, которое их видит.

---

[141] *Ириней,* 1, 23.

[142] Тертуллиан сам перевернул стол, отвергнув впоследствии доктрины, за которые боролся с такою жестокостью, и став монтанистом.

За бессчетные века до нашей эры индусский мистик "Капила, которого многие нынешние ученые считают скептиком, ибо они судят о нем с обычной им поверхностью, – великолепно выразил эту идею в следующих выражениях:

> «Человек (физический человек) так мало имеет значения, что едва ли что-либо может продемонстрировать ему его истинное существование и истинное существование природы. Возможно, что то, что мы рассматриваем как вселенную и как различные существа, которые, как нам кажется, составляют ее, – не имеют в себе ничего реального и являются только продуктами продолжающейся иллюзии – *майи* – наших чувств».

И современный Шопенгауэр, повторяя эту философскую идею 10000-летней давности говорит:

> «Природа несуществующа *per se*... Природа – это бесконечная иллюзия наших чувств».

Кант, Шеллинг и другие метафизики сказали то же самое, и их школы утверждают эту идею. Объекты чувств, всегда будучи обманчивыми и изменчивыми, не могут быть реальностью. Только дух не изменяется, следовательно, он один только не есть иллюзия. Это чистая доктрина буддизма. Религия *гнозиса* (знания), несомненная боковая ветвь буддизма, целиком основана на этом метафизическом учении. Христос страдал за нас *духовно* и притом намного острее, чем страдал иллюзорный Иисус, когда его тело мучили на кресте.

В представлениях христиан Христос – это только второе имя Иисуса. Философия гностиков, посвященных и иерофантов понимала это по-другому. Слово Христос, Χριστος, подобно всем греческим словам, необходимо отыскать в его филологическом источнике – санскрите. В этом языке *Крис* означает «священный»,[143] и от того индусское божество было названо Крисна (чистый или священный). С другой стороны, в греческом языке *Христос* имеет несколько значений, как например, помазанный (чистое масло – *хрисм)* и другие. Во всех языках, хотя синоним этого слова означает чистую и священную сущность, оно означает первую эманацию невидимой божественности, проявляющуюся ощутимо в духе. Греческое Логос, еврейское Мессия, латинское *Verbvm,* индусское Вирадж (сын) – одно и то же; они представляют идею о коллективных существах – пламенах, отделившихся от единого вечного центра света.

> «Человек, совершающий благочестивые, но заинтересованные деяния (с целью только собственного спасения), может достигнуть степени *дэв* (святых);[144] но совершающий те же благочестивые деяния без личной заинтересованности, тот очутится освобожденным навсегда от пяти элементов» (материи). «Осознавая Верховную Душу во всех существах и все существа в Верховной Душе, предлагая свою собственную душу в жертву, он отождествляет себя с Существом, которое сияет в своем собственном великолепии» [«Законы Many», кн. XII, шл. 90, 91].

Таким образом, Христос как единство есть только абстракция: общее представление о коллективной совокупности бесчисленных духовных существ, являющихся

---

[143] В своем споре с Жаколио по поводу правильного чтения индусского Christna м-р Текстор де Рависи, ярый католик, пытается доказать, что имя Christna следовало бы писать Krishna, ибо, так как это слово означает черноту и все статуи этого божества обычно черные, то слово это произошло от цвета. Мы отсылаем читателя к ответу Жаколио в его недавнем труде «Christna et Ie Christ», чтобы получить решительное доказательство, что это имя не является производным от цвета.

[144] У брахманов и буддистов нет жвивалента для христианского слова «чудо» в христианском смысле. Единственным правильным переводом может быть слово *мейпо,* нечто удивительное, замечательное, но не нарушение законов природы. «Святые» творят просто *мейпо.*

непосредственными эманациями бесконечной, незримой, непостижимой ПЕРВОПРИЧИНЫ – это индивидуальные духи людей, которых ошибочно называют душами. Они суть божественные сыновья Бога, из которых некоторые только осеняют смертных людей – но таких большинство, – некоторые навсегда остаются планетарными духами, а еще некоторые – малое и редкое меньшинство – соединяются в течение жизни с некоторыми людьми. Такие богоподобные существа как Гаутама Будда, Иисус, Тиссу, Кришна и некоторые другие соединились со своими духами навсегда – поэтому они стали богами на земле. Другие, например, Моисей, Пифагор, Аполлоний, Плотин, Конфуций, Платон, Ямвлих и некоторые христианские святые объединялись с ними временами, и заняли в истории степени полубогов и вождей человечества. Когда они сбрасывают с себя свои земные обиталища, их освободившиеся души, отныне навсегда соединившиеся со своими духами, снова присоединяются к сияющему сонму, который держится вместе единым духовным единением мыслей и деяний, и «.носит название «помазанные». Отсюда возникла идея гностиков, которые, говоря, что «Христос» духовно страдал за человечество, имели в виду, что главным образом страдал его божественный дух.

Таковы и еще намного возвышеннее были идеи Маркиона, великого «ересиарха» второго века, как называют его противники. Согласно Тертуллиану, Иринею, Клименту и большинству его нынешних комментаторов, а именно Бунзену, Тишендорфу. Уэсткотту и многим другим, он появился в Риме в 139-142 гг. н. э. Креднер и Шлейермахер[145] оба согласны по поводу его благородного и безупречного характера, его чистосердечных религиозных устремлений и возвышенных взглядов. Должно быть, велико было его влияние, так как Епифаний, писавший более чем два века спустя, свидетельствует, что последователей Маркиона можно было найти по всему миру [475, XLII, с. I].

Опасность, должно быть, действительно была велика и требовала срочных мер, если рассуждать, что она должна быть пропорциональной оскорбительным эпитетам и брани, нагроможденным на Маркиона «Великим Африканцем», этим цербером отцов церкви, которого мы всегда находим лающим у двери догматов Иринея [483, II, 5; cf. 9]. Нам следует только открыть его знаменитое опровержение Маркионовых «Антитезисов», чтобы мы могли ознакомиться с *fine-fleur* собачьего лая христианской школы; ругань эта неотступно проводилась через средние века, чтобы снова возобновиться в наши дни – в Ватикане.

> «Так вот, вам, собакам, тявкающим на Бога Истины, вам, кого апостолы выбросили со всеми вашими вопросами. Они – кости раздора, которые вы грызете» [**483**, т. 11, с. 5], и т. д. «Скудность аргументов Великого Африканца идет в ногу с его бранью», – замечает автор «Сверхъестественной религии» [**483**, с. 105]. – «Их (отцов) религиозная полемика изобилует ложными утверждениями и мутна от благочестивых оскорблений. Тертуллиан был мастер в своем роде, и свирепая брань, с которой он начинает и которою часто уснащает свой труд, направленный против «нечестивого и святотатственного Маркиона», дает все что угодно, только не честную и справедливую критику».

Насколько твердо эти два отца, Тертуллиан и Епифаний, стояли на своей богословской почве, – можно заключить из того любопытного факта, что они безудержно яростно упрекают «эту скотину» (Маркиона) за то, что «он выскоблил абзацы из «Евангелия от Луки», которых на самом деле там никогда не было» [483, с. 100].

> «Легкость и неточность», – добавляет критик, – «которые Тертуллиан проявляет, лучше всего иллюстрируется тем фактом, что он не только ложно обвиняет Маркиона. *но еще и определяет мотивы,* по которым тот вычеркнул абзац, *который никогда не существовал;* в той же самой главе он подобным же образом обвиняет Маркиопа в выскоблении (из *Луки)* известных слов, что Христос не пришел, чтобы нарушить законы и пророков, но для того, чтобы выполнить их, и он повторяет это обвинение в двух других случаях [**483**, IV, 9. 36].

[145] [**480**, т. I, с. 40]; [**482**], V1I1; *«Kinl. N. T.»,* с. 64.

Епифаний также совершает ошибку, упрекая Маркиона в том, что тот пропустил в «Евангелии от Луки» то, что можно найти только у Матфея».[146]

Продемонстрировав до сих пор, насколько можно доверять литературе отцов церкви, и поскольку значительное большинство критиков Библии единодушно пришло к заключению, что то, за что сражались отцы церкви, не было *истиной,* но было их собственным толкованием и голословным утверждением,*– мы теперь приступим к изложению, каковы были воззрения Маркиона, которого Тертуллиан желал уничтожить, как наиболее опасного *еретика* его времени.

[**Прим.* Этот автор, т. 11, с. 103, весьма справедливо говорит о «ересиархе» Маркионе, «чей возвышенный персональный характер оказал такое мощное воздействие на его время», что несчастье Маркиона заключалось в том. что он жил в веке, когда христианство уже вышло из стадии чистой нравственности своего младенчества, когда не возникало сложных вопросов о догмах, а простая вера и благочестивый энтузиазм служили единым великим скреплением христианского братства; теперь оно уже вступило в фазу эклезиатического развития, в которой религия быстро дегенерировала в богословие, и сложные доктрины быстро приобрели агрессивный характер, который привел ко многим огорчениям, преследованиям и расколам. В более поздние времена Маркион мог бы заслужить почести как реформатор, но в его время он был объявлен еретиком. Строгий и аскетический в своих убеждениях, он стремился к сверхчеловеческой чистоте, и хотя его противники из духовенства могли надсмехаться над его невыполнимыми доктринами относительно женитьбы и усмирения плоти, у них были аналогии среди тех, кому церковь воздавала величайшие почести и, по меньшей мере, вся его система была значительно проникнута добродетелью». Настоящие сообщения обоснованы на [480, 1, с. 40]; см. также [605, II, с. 792, f.], Шлсйермахер и др.]

Если мы должны поверить Хилгенфельду, одному из величайших германских критиков Библии, то «с критической точки зрения... нужно рассматривать утверждения отцов церкви только как выражение их *субъективных воззрений,* которые нуждаются в доказательствах» [467, с. 446, sup. B.].

Мы не можем сделать ничего лучшего, а также не можем дать более правильного изложения фактов, касающихся Маркиона, как приводить цитаты, насколько место позволяет, из книги «Сверхъестественная религия», автор которой обосновывает свои утверждения на свидетельствах величайших критиков, так же как на своих собственных исследованиях. Он показывает, что в дни Маркиона «в начальной церкви существовали две большие партии» – одна видела в христианстве «только продолжение закона и стремилась свести его в институт израильтян, в узкую секту иудаизма»; другая же рассматривала это откровение «как введение новой системы, применимой для всех, и заменяющей Моисеев завет закона всеобщим заветом Милосердия». «Эти две партии», – добавляет он, – «были открыто представлены в ранней церкви двумя апостолами – Петром и Павлом, и антагонизм между ними слегка раскрыт в «Послании к Галатам».*

[**Прим.* Но, с другой стороны, этот антагонизм очень *сильно* заметен в «Clementine Homilies» [**474**], где Петр недвусмысленно отрицает, что Павел, которого он называет Симоном Волхвом, когда-либо имел *видение* Христа, и называет его «врагом». Кенон Уэсткотт говорит: «Не может быть никакого сомнения, что слово «враг» относится к Павлу» ([**488**, с.252, прим.2], [**259**, т.II, с.35]). Но этот антагонизм, бушующий поныне, мы находим даже в *«Посланиях»* Св. Павла. Можно ли еще энергичнее выразиться, чем в подобных выражениях: «Ибо таковые *лжеапостолы,* лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И не удивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света» [*2 Коринф.,* XI, 13-14]. «Павел Апостол,

[146] [**259**, т. 11, с. 101], [*Матфей,* V, 17].

избранный *не человеками* и ни от человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившем его из мертвых... но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам *не то... да будет анафема...* Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, *ел* вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечен их *лицемерием»,* и т. д. и т. д. [*Галатам,* I и II]. С другой стороны мы находим, что Петр в «Homilies» пускается в различные сетования, которые, хотя якобы адресованы Симону Волхву, явно являются прямыми ответами на вышеприведенные предложения из Посланий Павла, и *не могут* иметь какое-то отношение к Симону. Так, например, Петр сказал: «Ибо некоторые среди неевреев отвергли мою законную проповедь и приняли некое *беззаконное* и *глупое* учение враждебных людей (врага)» – *Посл. Петра Иаков,* § 2. Далее он говорит: «Симон (Павел)... который до меня пришел к неевреям... и я следовал за ним, как свет за тьмою, как знание за невежеством, как здоровье за болезнью» [Homilies, II, 17]. Еще дальше он обзывает его Смертью и обманщиком [Homilies, II, 18]. Он предупреждает неевреев, что «наш Господь и Пророк (?) (*Иисус*) указал, что он пошлет из своих последователей апостолов, чтобы обманывать. «Поэтому, поверх всего, помните избегать каждого апостола или учителя, или пророка, который сперва не сличит тщательно свое учение с учением Иакова, названного братом нашего Господа» (см. различие между Павлом и Иаковом относительно *веры* [*Евреям*, XI, XII] и [*Посл. Иакова*, II]). «Как бы Дьявол не послал ложного проповедника... как он послал к нам Симона (?), учащего лже-истине именем нашего Господа и распространяющего заблуждение» ([Homilies, X1, 35]; см. вышеприведенную цитату из [*Галатам*, 1, 5]). Затем он отрицает утверждение Павла в следующих словах: «Если, поэтому, наш Иисус действительно явился тебе в видении, то это было лишь в качестве сердитого противника... Но как может кто-либо посредством видений стать мудрым в учении? И если ты говоришь, «это возможно», тогда я спрашиваю, почему Учитель оставался на целый год и вел беседы с теми, кто были внимательны? И как можем *мы поверить твоему рассказу, что он явился тебе*? И каким образом он явился тебе, если ты придерживаешься мнений, противных его учению?.. Ибо ты теперь выступаешь против меня, кто есмь *твердая скала, основание церкви.* Если бы ты не был противником, ты бы не клеветничал на меня, ты бы не поносил мое учение... (обрезание?), чтобы мне не верили относительно изложения того, что я услышал от Господа, как будто бы *я был осужден*... Но если ты говоришь, что я осужден, ты обвиняешь Бога, который открыл мне Христа». «Эта последняя фраза», замечает автор «Сверхъестественой религии», ««если ты говоришь, что я осужден», есть очевидная ссылка на [*Галатам*, II, 11], «я лично противостал ему, потому что он одвергался нареканию» [**259**, т.II, с.37]. «Не может быть сомнения», добавляет только что цитированный автор, «что в этом религиозном романе критикуется Апостол Павел, как великий враг настоящей веры, под ненавистным именем Симона Волхва, которого Петр преследует везде, чтобы разоблачить и опровергнуть его» [**259**, т.II, с.34]. А если так, то мы должны верить, что Св. Павел был тем, кто сломал обе ноги в Риме, когда взлетел в воздух.]

Маркион, который не признавал никаких других *Евангелий,* как только несколько *Посланий* Павла, который полностью отвергал антропоморфизм Ветхого Завета и провел отчетливую разграничительную линию между старым иудаизмом и христианством, – рассматривал Иисуса не как Царя, Мессию евреев, и не как сына Давида, имеющего какое-либо отношение к закону или к пророкам, «но как божественное существо, посланное, чтобы открыть людям духовную религию, совершенно новую, и Бога доброты и милосердия, доселе неизвестного». «Господь Бог» евреев в его глазах, Творец (Демиург), был совсем другой и отличался от того божества, которое послало Иисуса раскрыть божественную истину и проповедовать радостную весть, приносить мир и спасение всем. Согласно Маркиону, миссия Иисуса заключалась в том, чтобы аннулировать еврейского «Господа», который «был противопоставлен Богу и Отцу Иисуса Христа, *как материя противостоит духу, нечистое – чистому».*

Так ли был неправ Маркион? Было ли это кощунство или же это была интуиция, божественное вдохновение, заставляющее его выразить то, что каждое честное сердце, стремящееся к истине, более или менее чувствует и признает? Если в своем искреннем желании учредить чисто духовную религию, всеобъемлющую веру, основанную на

неискаженной истине, он счел необходимым сделать из христианства совершенно новую и отдельную от иудаизма систему, то разве Маркион не обосновывался на самих словах Христа?

> «Никто не кладет заплату из новой материи на старое одеяние... ибо прорехи станут еще заметнее... И никто не наливает новое вино в старые сосуды, так как они разрываются, вино вытекает, и сосуды пропадают; *но новое вино наливают в новые сосуды,* и тогда и то и другое сохраняется».

В какой детали ревнивый, гневный, мстительный Бог Израиля напоминает непознаваемое божество, Бога милосердия, проповедуемого Иисусом; – *его* Отца, который в Небесах и является Отцом всего человечества? Только этот Отец есть Бог духа и чистоты, и ошибочно сопоставлять Его с подчиненным и капризным божеством Синая. Разве Иисус когда-либо произносил имя Иеговы? Разве он когда-либо сопоставлял *своего* Отца с этим суровым и жестоким Судьей; своего Бога милосердия, любви и справедливости с еврейским гением возмездия? Никогда! С того памятного дня, когда он произнес Нагорную Проповедь, неизмеримая пропасть раскрылась между его Богом и тем другим божеством, которое выступило со своими заповедями с другой горы – с Синая. Язык Иисуса недвусмысленен; он знаменует не только восстание, но и вызов Моисеевому «Господу Богу».

> «Вы слышали», – говорит он нам, – «что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я *говорю вам,* не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую... Вы слышали, что сказано [тем же «Господом Богом» на Синае]: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я *говорю вам:* любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [*Матфей,* V].

А теперь откройте «Законы Ману» и читайте:

> «Смирение, *воздаяние добром за зло,* умеренность, честность, чистота, обуздание чувств, знание Шастр (священных книг), знание верховной души, правдивость и воздержание от гнева – таковы десять добродетелей, из которых состоит долг... Те, кто усвоят эти десять заповедей долга, и, усвоив их, будут их соблюдать в жизни, достигнут высочайшего состояния» [«Законы Ману», кн. VI, шл. 92].

Если Ману не начертал этих слов за многие тысячелетия до эры христианства, то, по меньшей мере, не найдется во всем свете голоса, который осмелился бы утверждать, что древность их менее нескольких сотен лет до Христа. То же самое относится к заповедям буддизма.

Если мы обратимся к «Пратимокша Сутре» и к другим религиозным трактатам буддистов, мы прочтем там десять следующих заповедей:

1. Ты не должен убивать никакого живого существа.
2. Ты не должен красть.
3. Ты не должен нарушать свой обет целомудрия.
4. Ты не должен лгать.
5. Ты не должен предавать секреты других.
6. Ты не должен желать смерти своих врагов.
7. Ты не должен желать богатства других.
8. Ты не должен произносить оскорбительных и бранных слов.
9. Ты не должен предаваться роскоши (спать на мягких постелях |;или быть ленивым).

10. Ты не должен принимать золото или серебро.[147]

«Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?» – спрашивает один человек Иисуса. – «Соблюди заповеди». – «Какие?» – «Не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй», – гласил ответ [*Матфей,* XIX, 16-18].

«Что должен я делать, чтобы получить обладание Бодхи? (знание вечной истины)», – спрашивает ученик своего буддистского учителя. – «Каков путь, чтобы стать упасака?» – «Соблюдай эти заповеди». – «Каковы они?» – «Ты должен всю жизнь воздерживаться от убийства, воровства, прелюбодеяния и лжи», – отвечает учитель.[148]

Идентичные предписания, не правда ли? Божественные Предписания; живя по ним, человечество очистилось и возвысилось бы. Но становятся ли они более божественными оттого, что их произнесли те или другие уста? Если воздавать добром за зло – богоподобно, то придает ли большую силу этому предписанию провозглашение его назареем, чем провозглашение его индусским или тибетским философом? Мы видим, что это Золотое Правило началось не с Иисуса; что местом его рождения была Индия. Что бы мы ни делали, мы не можем приписать Шакьямуни Будде меньшую древность, как несколько веков до рождения Христа. Отчего же Иисус в поисках модели для своей системы этики направился скорее к подножью Гималаев, а не к подножью Синая, если не по той причине, что доктрины Ману и Гаутамы гармонировали с его собственной философией, тогда как доктрины Иеговы были ему противны и ужасали его? Индусы учили воздавать *добром за зло,* тогда как приказ Иеговы гласил: «Око за око» и «зуб за зуб».

Станут ли христиане все еще утверждать, что «Отец» Иисуса и Иегова одно и то же, если с достаточной ясностью можно доказать, что «Господь Бог» был ничем иным, как языческим Вакхом Дионисом? Но тождественность Иеговы Синайской горы с Вакхом едва ли оспорима. Имя יהוה есть Иава или Иао, согласно Теодорету, что представляет собою *тайное* имя финикийского бога мистерий;[149] и оно в действительности, было взято от халдеев, у которых оно также было тайным именем творца. Где бы ни поклонялись Вакху, фигурировало предание о Ниссе и пещере, где его воспитали. Такое название носил Бет-Сан или Скифополь в Палестине; такое же название носило одно место на горе Парнас. Но Диодор заявляет, что Ниса находилась между Финикией и Египтом; Еврипид сообщает, что Дионис пришел в Грецию из Индии, и Диодор добавляет свое свидетельство: «Озирис воспитывался в Нисе, в Счастливой Аравии; он был сыном Зевса и был назван по отцу (именительный – Зевс, родительный – *Диос)* и по месту воспитания – Дио-Нисос» – Зевс или Иове из Нисы. Эта тождественность имени или титула весьма значительна. В Греции Дионис считался первым после Зевса, и Пиндар говорит: «Так правит Отец Зевс всем, и также он правит Вакхом».

Но за пределами Греции Вакх является всемогущим «Загреем, высочайшим из богов». Кажется, Моисей поклонялся ему лично и с населением у горы Синай, если мы не допустим, что он был *посвященный* жрец, адепт, который знал, как поднять завесу, которая висит за всеми такими экзотерическими культами, но сохранял тайну. *«И построил Моисей алтарь и назвал его именем Иегова-Нисси)* или *Иао-Ниси.* Какое же еще лучшее доказательство требуется, чтобы доказать, что бог Синая был без различия Вакхом, Озирисом и Иеговой? М-р Шарп также добавляет свое свидетельство, что место,

---

[147] «Пратимокша Сутра», пали-бирманская копия; см. также «Lotus de la Bonne Loi», перевод Бюрнуфа [**307**, 444].

[148] «Питтакатьяян», книга III, палийская версия.

[149] См. [*Судей,* XIII, 18]: «И Ангел Господень сказал ему, что ты спрашиваешь об имени моем? оно **тайное** [чудное]».

где родился Озирис, «была гора Синай, которую египтяне называли горой Нисса». Медный Змий был *нис* נִיס, а месяц еврейской Пасхи – *нисан.*

Если Моисеев «Господь Бог» является единственным Богом Живым и Иисус является Его единственным сыном, то как объяснить мятежный язык последнего? Без колебаний и разбора от отметает еврейский *lex talionis* и заменяет его законом милосердия и самоотверженности. Если Ветхий Завет является божественным откровением, то как может им быть Новый Завет? Требуется ли от нас, чтобы мы верили и поклонялись божеству, которое противоречит самому себе через каждые несколько сотен лет? Был ли Моисей боговдохновенным или же Иисус *не* был сыном Бога? Вот эта дилемма, которую богословы обязаны нам разрешить. Именно от этой дилеммы гностики пытались избавить разрастающееся христианство.

В течение девятнадцати веков справедливость ждала умных комментаторов, которые оценили бы это расхождение между Тертуллианом и гностиком Маркионом. Грубое насилие, нечестность и фанатизм «великого Африканца» отталкивают всех, кто принимает его христианство. «Как может Бог», спрашивает Маркион, «нарушать свои собственные заповеди? Как мог он запрещать идолопоклонство и поклонение изображениям и все же заставлять Моисея воздвигнуть Медного Змия? Как можно давать заповедь:

«Не кради», и затем приказывать израильтянам *грабить* у египтян их золото и серебро?» Предвидя результаты современной критики, Маркион отрицает применимость к Иисусу так называемых мессианских пророчеств. Автор «Сверхъестественной религии» пишет [259, т. II, с. 106]:

> «Эммануил Исаии не есть Христос; «Дева», его мать. есть просто «молодая женщина», одна из альм храма; и страдания слуги Божьего [*«Исаия»,* III. 13 – LI1I, 3] не являются предсказанием смерти Иисуса».[150]

---

[150] Эммануил, несомненно, был сын самого пророка, как описано в главе шестой; предсказанное можно объяснить только посредством этой гипотезы. Пророк также объявил Ахаву исчезновение его рода. «Если вы не уверуете, вы, наверное, не будете восстановлены». Затем идет предсказание о восхождении нового принца на трон – Иезекии из Вифлеема, про которого сказано, что он был зятем Исаии, при котором пленники должны вернуться со всех концов земли. Ассирия должна быть уничтожена и мир распространится но стране израильтян; сопоставьте *«Исаия»,* VII, 14-16; V111, 3, 4; IX. 6. 7; X, 12, 20, 21; XI; *«Михей»,* V, 2-7. Народная партия, партия пророков, всегда выступающая против жреческого сословия задокитов, решила устранить Ахава с его приспособленческой политикой, которая привела в Палестину ассирийцев, и посадить на трон Иезекию, своего человека, который должен был поднять восстание против ассирийцев и упразднить культ Ассура и Ваалима [2 *Царей,* XV, II]. Хотя только пророки намекают на это, и из исторических книг это удалено. – стоит обратить внимание, что Ахав предложил свое собственное дитя в жертву Молоху и что он умер в возрасте тридцати шести лет, а Иезекия занял трон в двадцать пять лет, будучи вполне взрослым.

ГЛАВА IV
ВОСТОЧНЫЕ КОСМОГОНИИ И ЗАПИСИ БИБЛИИ

«Нет ничего лучше тех МИСТЕРИЙ, с помощью которых нас от грубой и яростной жизни очищают и приводят к доброте (человечности, кротости) и умягчению».

– Цицерон, «De Legibus», 11, 14.

«Спустись, о Сома, с тем потоком, которым ты зажигаешь Солнце... Сома, Океан Жизни, пронизывающий Все, ты творяще лучами наполняешь Солнце».

– «Ригведа», II, 143.

«...прекрасная Дева восходит, с длинными волосами, и она держит два колоса в руке; она садится на сиденье и кормит **мальчика,** еще дитя; она дает грудь ему и кормит его».

– Авенариус.

Утверждают, что *Пятикнижие* написано Моисеем, и все же оно содержит отчет о его собственной смерти [*Второзаконие,* XXXIV, 6]; и в «Бытии» [XIV, 14] именем Дан назван город, про который в «Судьях» [XVIII, 29] сказано, что он получил это имя только в их время, а раньше был известен под именем Лаиш. Иосия вполне мог бы разорвать на себе одежды, если бы услышал слова «Книги Закона», ибо в ней осталось от Моисея не больше, чем в «Евангелии от Иоанна» осталось от Иисуса.

У нас имеется одна прекрасная альтернатива, которая предлагается нашим богословам, позволяя им выбрать самим, и обещая уважать их решение. Только им придется признать одно из двух: либо Моисей был обманщик, либо его книги являются подделками, написанными в различное время и различными людьми, или же, что они полны жульническими вставками. В любом случае этот труд теряет все права на то, чтобы считаться божественным *Откровением.* Вот проблема, которую мы приводим из Библии – слово Бога Истины:

«Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с именем «Бог Всемогущий», а с именем *Моим* Исгова [«Господь»] не открылся им» *[Исход,* VI, 3], – говорил Бог Моисею.

Это сообщение становится весьма поразительным, когда, еще не дочитавши до «Исхода», читаешь в «Бытии» [XXII, 14], что «Авраам назвал то место» – где патриарх приготовился перерезать горло своему единородному сыну–«Иегова-ире»! (Иегова видит). Который из текстов боговдохновенный? – оба не могут быть – который подделка?

Теперь, если бы Авраам и Моисей не принадлежали к одной и той же святой группе, мы, возможно, помогли бы богословам, подсказав им подходящие меры, как избегнуть этой дилеммы. Им следовало бы призвать на помощь почтенных иезуитских отцов – в особенности тех, кто были миссионерами в Индии. Последние ничуть не смутились бы. Они бы хладнокровно сказали нам, что вне всякого сомнения Авраам слышал имя Иегова и *заимствовал* его от Моисея. Разве они не утверждают, что именно они изобрели *санскрит,* редактировали «Ману» и составили большую часть Вед?

Маркион вместе с другими гностиками указывал на ошибочность идеи воплощенного Бога и поэтому отрицал телесную реальность живого тела Христа. Его сущность была только *иллюзией;* она не была сделана из человеческой плоти и крови, также она не была рождена человеческой матерью, ибо его божественная природа не могла быть осквернена каким-либо контактом с грешной плотью [483, III, 8 *ff*]. Он считал Павла единственным апостолом, проповедовавшим чистое Евангелие истины, и обвинял

других учеников в «искажении чистой формы евангельских учений, переданных им Иисусом, и в смешивании вопросов Закона со словами Спасителя».[151]

Наконец, мы можем добавить, что современная библейская критика, которая, к сожалению, стала действительно активной и серьезной только к концу прошлого века, – теперь, вообще, признает, что Маркионовский текст единственного Евангелия, о котором он что-нибудь знал – «Евангелия от Луки», значительно превосходит нынешние синоптические *Евангелия* и значительно вернее их. В «Сверхъестественной религии» мы находим следующее поразительное (для каждого христианина) выражение:

> «Поэтому мы е долгу перед Маркионом за правильную версию даже «Отче наш»» [**259**, т. II, с. 126].

Если, оставив на время выдающихся основателей христианских сект, мы обратимся к секте офитов, которая приняла определенную форму приблизительно во времена Маркиона и Василида, то мы можем найти в ней причину *ересей* всех других. Подобно всем другим гностикам они отвергали Моисееву Библию целиком. Тем не менее, их философия, за исключением нескольких новых выводов со стороны нескольких наиболее значительных основателей различных ответвлений гностицизма, – не была новой. Пройдя через халдейскую каббалистическую традицию, она черпала свои материалы из *герметических книг,* и прослеживая ее полет еще дальше назад по их метафизическим умозрениям, мы находим ее барахтающейся среди учений *Ману* и раннего индусского до-жреческого генезиса. Многие, из наших выдающихся исследователей прослеживают гностические философии назад прямо к буддизму, что ничуть не приносит вреда ни их, ни нашим аргументам. Мы еще раз повторяем, что *буддхизм есть первоисточник брахманизма.* И не против первичных Вед протестует Гаутама. Он протестует против жреческой и официальной государственной религии своей страны, и против брахманов, которые для того, чтобы дать место кастам и облечь их властью, в более поздний период наполнили древние рукописи вставленными шлоками, имеющими целью доказать, что касты были предопределены Творцом, при помощи того факта, что каждый класс людей был излучен из более или менее благородной конечности Брахмы. Философию Гаутамы Будды преподавали испокон веков в непроницаемой тайне внутренних святилищ пагод. Поэтому нам не следует удивляться, вновь обнаруживая во всех основных догмах гностицизма метафизические учения как брахманизма, так и буддизма. Они считали, что Ветхий Завет является откровением более низкого существа, божества, находящегося в подчинении, и что в нем нет ни единой строчки от их *Софии,* божественной мудрости.

_ Что же касается Нового Завета, то он утерял свою чистоту, когда его собиратели стали виновными в самовольных вставках. Откровение божественной истины было принесено ими в жертву, чтобы осуществлять эгоистические цели и поддерживать ссоры. Это обвинение не кажется так уж маловероятным тому, кто хорошо осведомлен о постоянных раздорах между последователями обрезания и «Закона», и теми апостолами, которые отвернулись от иудаизма.

Гностики офиты учили доктрине Эманации, столь ненавистной защитникам единства в троичности, и наоборот. Непознаваемое божество *не имело имени* у них; но его первую, женскую эманацию называли Битос или Глубь.[152] Она соответствовала Шехине каббалистов, «Завесе», которая скрывает «мудрость», в черепе высочайшей из *трех* голов. В качестве пифагорейской Монады эта *безымянная* мудрость была *Источником* Света, а *Эннойя* или Ум есть сам Свет. Последний также назывался «первичным человеком» подобно Адаму Кадмону или древнему Адаму *«Каббалы».* Действительно, если человек

---

[151] (**259**, т. II, с. 107], (**483**, III, 2. § 2: cf. III, 12, § 12].

[152] Мы приводим здесь эти системы по одной старой диаграмме, сохранившейся у некоторых коптов и друзов Ливанской горы. У Иринея, вероятно, имелись серьезные причины для искажения их доктрин

был создан по образу и подобию Бога, то этот Бог был подобен своему творению по форме и фигуре – следовательно, он и есть «первичный человек». Первый Ману, появившийся из Сваямбхувы, «который существует непроявленный в своей собственной славе», – также в одном смысле является первичным человеком у индусов.

Таким образом «безымянный и непроявленный», Битос – его женское отражение, и Эннойя, проявленный Разум, происшедший от обоих, или их Сын, являются двойниками халдейской первой триады, так же как и триады брахманистской Тримурти. Мы сопоставим: во всех этих трех системах мы видим

ВЕЛИКУЮ ПЕРВОПРИЧИНУ как ЕДИНОГО, изначальный зародыш, непроявленное и великое ВСЕ, самосущее. В

ИНДИЙСКОМ ПАНТЕОНЕ	ХАЛДЕЙСКОМ	ОФИТСКОМ
Брахма-Зьяус.	Илу, каббалистический Эйн-Соф.	Безымянный, или Тайное Имя.

Каждый раз, когда Вечный просыпается от своей дремоты и желает проявить себя, он разделяется на мужское и женское. И тогда он становится в каждой системе

ДВУПОЛЫМ БОЖЕСТВОМ. Вселенским Отцом и Матерью.

В ИНДИИ	В ХАЛДЕЕ	В СИСТЕМЕ ОФИТОВ
Брахма. Нара (мужской), Нари (женский).	Эйкон или Эйн-Соф. Ану (мужской), Аната (женский).	Безымянный дух. Абрасакс (мужской), Битос (женский).

От соединения этих двух эманирует третий, или творящий Принцип – СЫН, или проявленный Логос, продукт божественного разума.

В ИНДИИ	В ХАЛДЕЕ	В СИСТЕМЕ ОФИТОВ
Вирадж, Сын.	Бэл, Сын.	Офит (другое имя для Эннойи). Сын.

Кроме того, каждая из этих систем имеет тройную мужскую троицу, которая каждая изошла сама отдельно из одного женского божества. Так например:

В ИНДИИ	В ХАЛДЕЕ	В СИСТЕМЕ ОФИТОВ
Троица – Брахма, Вишну, Шива слиты в ЕДИНОГО, которым является Брахма (среднего рода), творящий и творимый через Деву Нари (матерь вечной плодородности).	Троица – Ану, Бэл, Хоа (или Син, Самас, Бин) слиты в ЕДИНОГО, которым является Ану (двуполый) через Деву Милитту.	Троица состояла из Тайны, именовавшейся Сиге, Битос, Эннойя. Они становятся ЕДИНЫМ, который есть Абрасакс, от Девы Софии (или Пневма), которая сама есть эманация Битос и сокровенного Бога, и эманирует через них Христоса.

Выражая это еще яснее; вавилонская система признает, первым делом, ЕДИНОГО (Ад, или Ад-ад), который никогда не называется по имени, но только признается в мыслях, как индусский Сваямбхува. Из этого он становится проявленным как Ану или Ана – тот, кто выше всех – Монас. Затем идет Демиург, называемый Бэл или Элу, который является действующей силою божества. Третьим является принцип Мудрости, Хэа или Хоа, который также правит морями и подземным царством. Каждый из них имеет свою

божественную супругу – Аната, Белта и Давкина. Они, однако, только подобны *Шакти,* и особо теологами не отмечаются. Но женское начало обозначено Милиттой, Великой Матерью, также называемой Иштар. Таким образом, три мужских бога составляют Триаду, или Тримурти, и вместе с добавленной Милиттой-*Арба,* или Четыре (Тетрактис Пифагора), которое совершенствует и потенциализирует все. Отсюда возникли вышеприведенные способы выражения. Нижеприведенная халдейская диаграмма может служить иллюстрацией для всех других:

	Бэл		Милитта – Арба-ил
Триада		Ану	или
	Хоа		Четверичный Бог

становится у христиан

	Бог Отец	Мария или матерь этих трех Богов,
Триада	Бог Сын	так как они – одно,
	Бог Святой Дух	или христианский небесный Тетрактис.

Поэтому Хеброн, город кабиров, назывался Кирджат-Арба, город Четырех. Кабирами были Аксиерос – благородный Эрос, Аксиокерсос, достойный рогатый, Аксиокерса, Деметр и Кадмиэль, Хоа.

Пифагорейское десять обозначало Арба-Ил или божественное Четыре, символизированное индусским Лингамом: Ану, 1; Бэл, 2; Хоа, 3, что составляет 6. Триада и Милитта, как 4, составляют десять.

Хотя его называют «первичным человеком», Эннойя, который подобен египетскому Пэмандру, «силе божественной мысли», первому доступному пониманию, проявлению божественного духа в материальной форме, он аналогичен «единородному» Сыну «Непознаваемого Отца» всех других народов. Он есть символ первого появления божественного Присутствия в своих собственных трудах творения, осязаемых и видимых, и поэтому постижимых. Сокровенный Бог, или вечно непроявленное божество, оплодотворяет через Свою волю Битос, неизмеримую и беспредельную глубь, которая пребывает в молчании (*Sige*) и тьме (для нашего разума) и которая представляет абстрактную идею всей природы, вечно производящего Космоса. Так как ни мужское, ни женское начало, слитые в идее двуполого божества в концепциях древних, не могли бы быть поняты заурядным человеческим рассудком, – теологии каждого народа пришлось создавать для своей религии Логоса, или проявленное Слово, в той или иной форме. У офитов и других гностиков, взявших свои модели непосредственно с более древних оригиналов, непроявленная Битос и ее мужской двойник производят Эннойю, а эти три в свою очередь производят Софию[153], завершая этим Тетрактис, который будет эманировать Христоса, самую сущность Духа-Отца. В качестве Непроявленного, или сокровенного Логоса в своем латентном состоянии, он существовал извечно в Арба-Ил, в метафизической абстракции; поэтому он ЕДИН со всеми другими, как единство, последнее (включающее все) без различия называли Эннойя, Сиге (молчание). Битос и т. д. Как проявленный, он Андрогин, Христос и София (божественная мудрость), которые спускаются в человека Иисуса. Как показал Ириней, и Отец и Сын любили красоту (*format*) первичной женщины[154], которая есть Битос – Глубь – так же как София; они объединение произвели Офита и Софию (опять двуполое единство), мужскую и женскую мудрость; причем одна рассматривалась как непроявленный Святой Дух, или старшая София – *Пневма* –

[153] София является высочайшим прототипом женщины – первой *духовной* Евой. В Библии эта система перевернута и промежуточные эманации пропущены, Ева снизведена в простое человечество.

[154] См. [**162,** кн. I, гл. 31-33].

разумная «Мать всего»; другой – как проявленный, или *Офит,* представляющий божественную мудрость, павшую в материю, или Бого-человека – Иисуса, которого гностики-офиты представляли в виде змия (Офита).

Оплодотворенная божественным светом Отца и Сына, высочайшего духа и Эннойи, София производит, в свою очередь, две другие эманации – совершенного Христоса, и вторую – несовершенную Софию Ахамот[155], от חכמות ахамот (простая мудрость), которая становится посредником между интеллектуальным и материальным мирами.

Христос был посредник и водитель между Богом (Высочайшим) и всем, что есть духовного в человеке; Ахамот – младшая София – выполняла ту же самую обязанность между «первичным человеком», Энноей, и материей. То, что тайно подразумевалось под общим наименованием *Христос,* мы только что объяснили.

Мы находим, что достопочтимый д-р Престон из Нью-Йорка во время произносимой им проповеди о «Месяце Марии» выразил христианскую идею о женском начале троицы лучше и яснее, чем могли бы мы, и притом весьма существенно в духе древнего «языческого» философа. Он сказал, что

> «план искупления требовал, чтобы была найдена мать, и Мария предстает в качестве единственного примера, когда для осуществления Божьего замысла было необходимо существо».

Мы попросим разрешения возразить достопочтимому джентльмену. Как было доказано выше, за тысячи лет до нашей эры все «языческие» теогонии нашли необходимым найти женское начало, «матерь» для триединого мужского начала. Поэтому христианство не представляет того «единственного примера» такого завершения Божьего замысла, хотя – как показывает настоящий труд, там было больше философии и меньше материализма или, вернее, антропоморфизма. Но здесь достопочтимый доктор выражает «языческую» мысль в христианских идеях.

> «Он» (Бог), – говорит он, – «подготавливал ее (Марии) девственную и небесную чистоту, так как матерь оскверненная не могла стать матерью Высочайшего. Святая Дева даже в своем детстве была более прелестна, чем все херувимы и серафимы, и с младенчества до зрелого девичества и женственности она становилась все чище и чище. Самой своей святостью она царствовала над сердцем Бога. *Когда настал час, всех придворных царства небесного заставили замолчать, и троица слушала ответ Марии, ибо без ее согласия мир не мог быть спасен».*

Не кажется ли вам, что мы как будто читаем Иринея, объясняющего гностическую *«Ересь,* которая учила, что Отец и Сын любили красоту (*formam*) небесной Девы», или египетскую систему об Изиде, которая была Озирису-Гору и женою, и сестрою, и матерью? По гностической философии было только *два,* но христиане улучшили и усовершенствовали эту систему, сделав ее совершенно «языческой», так как это есть халдейские Ану-Бэл-Хоа, сливающиеся в Милитте.

> «Затем, так как этот месяц (Марии)», – добавляет д-р Престон, – «начинается в пасхальный период – месяц, когда природа украшает себя плодами и цветами, предвестниками прекрасного урожая. – давайте и мы тоже заложим начало золотого урожая. В этом месяце мертвые выходят из земли, символизируя воскресение, поэтому, когда мы будем преклонять колени перед алтарем святой и беспорочной Марии, тогда вспомним, что из нас должен исходить росток обещания, цветок надежды и нерушимый плод святости».

---

[155] В «Гностиках» Кинга мы находим эту систему в несколько неправильном виде. Автор указывает, что он следовал труду Беллермана «Drei Programmen ubcr die Abraxas gemmen».

Это точный субстрат языческой мысли, которая, между прочими значениями, символизировала своими обрядами воскресения Озириса, Адониса, Вакха и других умерщвленных солнечных богов, воскресение всей природы весной, прорастание семян, которые были мертвы и спали в течение зимы, хранясь, выражаясь аллегорически, в подземном царстве (Гадесе). Это выражено тремя днями, проведенными в аду перед воскресением из мертвых Геркулесом, Христом и другими.

Это производное или, скорее, *ересь,* как его называют в христианстве, есть просто брахманистская доктрина во всей своей архаической чистоте. Вишну, второе лицо в индусской троице, является также Логосом, так как впоследствии его заставляют воплотиться в Кришне. И Лакми (или Лакшми), которая, так же как в случаях Озириса и Изиды, Эйн-Софа и Сефиры, Битоса и Эннойи, является и его женой, и сестрой, и дочерью в течение этой бесконечной корреляции мужских и женских творящих сил в малопонятной метафизике древних философий, – есть София Ахамот. Кришна является посредником, обещанным Брахмою человечеству, и выражает ту же самую идею, что и гностический Христос. И Лакми, духовная половина Вишну, есть символ физической природы, всемирная мать всех материальных и проявленных форм, посредница и защитница природы, подобно Софии-Ахамот, которая превращена гностиками в посредницу между Великой Причиной и Материей, как Христос является посредником между нею и духовным человечеством.

Это брахмано-гностическое учение более логично и более соответствует аллегории в «Книге Бытия» и грехопадению человека. Когда Бог проклинает первую пару, Он вынужден также проклинать землю и все, что на ней. Новый Завет дает нам Искупителя за первый грех человечества, которое было наказано за то, что согрешило; но не сказано ни одного слова о Спасителе, который снял бы незаслуженное проклятие с земли и животных, которые совсем не грешили. Поэтому гностическая аллегория выявляет больше чувства как справедливости, так и логики, чем христианская.

В системе офитов София, андрогинная мудрость, является также женским духом или индусской женской Нари (Нараяна), витающей над водами – хаосом или будущей материей. Она оживляет его издали, но не касаясь бездны тьмы. Она не в состоянии это сделать, так как мудрость чисто интеллектуальна и не может непосредственно воздействовать на материю. Поэтому София вынуждена обратиться к своему Высшему Родителю; но хотя жизнь первоначально происходит из Невидимой Причины и ее Эннойи, ни тот, ни другой, не может больше, чем она сама как-либо воздействовать на низший хаос, в котором материя приобретает свою определенную форму. Поэтому Софии приходится использовать для выполнения своей задачи свою *несовершенную* эманацию, Софию-Ахамот, так как последняя смешанной природы: наполовину духовна, наполовину материальна.

Единственная разница между космогонией офитов и назареев Св. Иоанна заключается в изменении имен. Ровно такую же систему мы находим в *«Каббале»,* в «Книге Тайн» (*«Liber Mysterii»*)[156]. Все три системы, в особенности система каббалистов и назареев, которые послужили *образцами* для офитской космогонии, – принадлежат к чистому восточному гностицизму. «Кодекс назареев» начинается так: «Верховный Царь Света, Мано, Великий Первый» [257, ч. 1, с. 9] и т. д., причем последний является эманацией из Ферхо – неизвестной, бесформенной ЖИЗНИ. Он является главою эонов, из которых исходят (или вырастают) пять сверкающих лучей божественного света. Мано есть *Rex Liicis,* Битос-Эннойя офитов.

«Unus est Rex Lucis in suo rcgno. nec iillus qui eo altior, nullus qui ejus siniililtidiiwin rotiiietit, nullus qui sub/atis oculis, vidcnt Coronam quae in ejus capife est».

---

[156] См. *«Idra Magna».*

Он есть Проявленный Свет вокруг высочайшей из трех каббалистических голов, сокровенная мудрость; из него эманируют три *Жизни.* Эбел Зиво есть проявленный Логос, Христос «Апостол Гавриил» и первый Легат или посланец Света. Если Битос и Эннойя являются Мано назареев, то обладающая двумя естествами, полудуховная, полуматериальная Ахамот должна быть Фетахилом, если ее рассматривать в ее духовном аспекте; если же ее рассматривать в ее более грубой натуре, то она является *Spiritus* назареев.

Фетахил[157], который есть отражение своего отца, Владыки Абатура, *третьей* жизни – как старшая София также является третьей эманацией – есть «новейший человек». Чувствуя бесплодность его попыток создать совершенный материальный мир, *Spiritus* взывает к одному из своего потомства, Карабтаносу – Ильда-Баофу – у которого нет ни чувств, ни рассудка («слепая материя»), чтобы он соединился с нею, чтобы создать что-то определенное из этой бурной (*turbulentos*) материи; каковая задача удается ей только после того, как из этого соединения с Карабтаносом возникают семь звездных. Подобно шести сынам или гениям гностического Ильда-Баофа, они строят материальный мир. Тот же рассказ повторяется опять в Софии Ахамот. Посланная своим чисто духовным родителем, старшей Софией, для того чтобы создавать мир *видимых форм,* она спустилась в хаос и, пересиленная эманациями материи, потеряла направление. Все еще стремясь сотворить свой собственный материальный мир, она носилась вперед и назад по пропасти мрака и наделяла жизнью и движением инертные элементы до тех пор, пока столь безнадежно не запуталась в материи, что ее, подобно Фетахилу, представляют сидящей в грязи, неспособной самостоятельно выпутаться оттуда; до тех пор, пока посредством контакта с самой материей, она не производит на свет *Творца* материального мира. Он есть Демиург, называемый офитами Ильда-Баофом, и как мы сейчас покажем, родитель еврейского Бога, по мнению некоторых сект, а по мнению других – Сам «Господь Бог». Вот именно с этой точки каббалистически-гностической космогонии начинается Моисеева Библия. Не удивительно, что, приняв еврейский Ветхий Завет в качестве своего руководящего образца, христиане были вынуждены в силу своего исключительного положения, в какое они попали вследствие собственного невежества, как-то изворачиваться.

Первые группы христиан, численность которых, по данным Ренана, не превышала от семи до двенадцати человек на *каждую церковь,* бесспорно принадлежали к беднейшим и наиболее невежественным классам. У них не было и не могло быть каких-либо понятий о высоко философских доктринах платоников и гностиков и, очевидно, так же мало они знали о своей собственной только что созданной религии. Для них, кто, если евреи, были раздавлены под тиранической властью «закона» в том виде, как он был навязан старейшинами синагог, и, если язычники, то всегда исключались, как до нынешнего времени это происходит с низшими классами в Индии, из религиозных мистерий, – Бог евреев и «Отец», проповедуемый Иисусом, были одним и тем же. Распря, которая воцарилась в первые годы вслед за смертью Иисуса между двумя партиями – Павловой и Петровой – была прискорбна. Что один воздвигал, другой считал священным долгом разрушить. Если *«Homilies»* считаются апокрифическими и не могут быть полностью приняты в качестве непогрешимого мерила, которым можно измерить враждебность, бушевавшую между этими двумя апостолами, то в нашем распоряжении имеется Библия, и доказательств, доставляемых ею – множество.

Ириней кажется настолько безнадежно запутавшимся в своих бесплодных попытках описать, по меньшей мере, хотя бы с внешней стороны истинные учения многих гностических сект, о которых он трактует и преподнести их в то же самое время, как отвратительные «ереси», что, или умышленно, или по невежеству, перепутывает их до того, что мало найдется метафизиков, способных распутать их без помощи *«Каббалы»* и

---

[157] См. [**257**, 1, 181]. Фетахил, посланный строить мир, очутился погруженным в бездну грязи и в унынии сам с собой разговаривал до тех пор, пока *Spiritus* (София-Ахамот) не соединилась окончательно с материей и не создала таким образом материальный мир.

«Кодекса» в качестве истинных ключей. Так, например, он даже не может показать разницу между сетианитами и офитами, и говорит, что «Бога Всего» они называют *«Hominem»,* ЧЕЛОВЕКОМ, а его разум – ВТОРЫМ человеком или *«Сыном человеческим».* То же самое делает Теодорет, который жил более чем за два столетия спустя после Иринея и создал невыразимую путаницу в хронологическом порядке, в котором различные секты сменяли одна другую[158]. Ни сетианиты (ответвление еврейских назареев), ни офиты, чисто греческая секта, никогда ни во что подобное не веровали. Ириней противоречит своим собственным словам, описывая в другом месте доктрины Керинта, непосредственного ученика Симона Волхва. Он говорит, что Керинт учил, что мир не был создан ПЕРВЫМ БОГОМ, но некоей властью (*virtus*), или силой, эоном, столь отдаленным от Первопричины, что даже не знает о ТОМ, кто *выше всего.* Этот зон подчинил себе Иисуса; он зачал его физически через Иосифа от женщины, которая не была девственницей, а была просто женой Иосифа, и Иисус был рожден подобно всем другим людям. С точки зрения этого физического аспекта его природы Иисуса называли «сыном человеческим». И только после его *крещения, Христос,* помазанник, спустился со своей царственной высоты в виде голубя, и тогда провозгласил НЕПОЗНАВАЕМОГО Отца через Иисуса [162, кн I, XXV].

Поэтому, если Иисуса физически считали сыном человека, а духовно Христосом, который осенял его, как же тогда «БОГ ВСЕГО», *«Непознаваемый* Отец» мог называться гностиками *Homo,* ЧЕЛОВЕКОМ, а его разум, Эннойя, ВТОРЫМ человеком или *Сыном человеческим?* Ни в восточной *«Каббале»,* ни в гностицизме «Бог Всего» никогда не был антропоморфизирован. Только первые или, вернее, вторые эманации – так как Шехина, Сефира, Глубь и другие первопроявленные женские силы также являются эманациями – называются «первичными человеками». Таким образом Адам Кадмон, Эннойя (или Сиге), короче говоря – *логосы,* являются «единородными», но не *сыновьями* человеческими, каковое имя, собственно, принадлежит Христосу, сыну Софии (старшей) и первичного человека, который производит его посредством своего собственного оживляющего света, который эманирует из источника или *причины* всего – следовательно, причины его света также – «Непознаваемого Отца». В гностической метафизике существует большая разница между первым, непроявленным Логосом, и «помазанником», который есть Христос. Эннойю можно называть, как понимает это Филон, *Вторым* Богом, но только он является «Первичным и Первым человеком» и ни в коем случае вторым человеком, как излагают Теодорет и Ириней. Именно, вкоренившееся у первого желание во что бы то ни стало увязать Иисуса, даже в *«Ересях»,* с понятием *Высочайшего* Бога, вводит его в столь многие фальсификации.

Такое отождествление с Непознаваемым Богом даже Христоса, помазанника – Эона, осенившего его – не говоря уже о человеке Иисусе, никогда не приходило в голову гностикам и даже непосредственным апостолам и Павлу, какие бы более поздние фальсификации ни добавлялись.

Как смелы и отчаянны были многие такие умышленные фальсификации, выявилось при первых попытках сравнения подлинных рукописей с более поздними. При издании епископом Хорсли трудов сэра Исаака Ньютона несколько рукописей на богословские темы осторожности ради не были опубликованы. Догмат, известный как «Сошествие Христа в Ад», который можно найти в позднейшем апостольском символе веры, невозможно найти в рукописях ни четвертого, ни шестого века. Это была явная вставка, скопированная из сказаний о Вакхе и Геркулесе и навязанная христианству, как догмат веры. В отношении этой вставки автор предисловия к «Каталогу рукописей Королевской библиотеки» (предисловие, с. XXI) говорит:

---

[158] *Ириней,* 37, и Теодорет, цитированный на той же странице.

«Я хотел бы, чтобы введение догмата о «Сошествии Христа в Ад» в апостольский символ веры объяснялось так же, как «*введение упомянутого стиха»*[159].

А упомянутый стих гласит [*1 Послание Иоанна,* V, 7]:

«Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святый Дух; и Сии три суть одно».

Теперь известно, что этот стих, который «указано было читать в церквях» – подделка. Его нет ни в одной греческой рукописи, кроме одной в Берлине, которая была переписана с какой-то вставленной парафразы между строк. В первом и во втором издании Эразма, напечатанных в 1516 и 1519 гг., этот намек на эти три небесных свидетеля *пропущен;* и этого текста нет ни в одной греческой рукописи, написанной раньше пятнадцатого века.[160] Этот стих не упоминается ни греческими духовными писателями, ни ранними латинскими отцами, так яро стремившимися заполучить какое-либо доказательство в пользу своей троицы, и он был пропущен Лютером в его германской версии. Эдуард Гиббон одним из первых указал на его сомнительный характер. Архиепископ Ньюком отверг его, а епископ Линкольнский выразил убеждение, что он – подделка [492, примечание, т. II, с. 90]. Имеется двадцать восемь греческих авторов, в том числе Ириней, Климент и Афанасий, которые ни цитируют, ни упоминают о нем; и семнадцать латинских писателей, в том числе Августин, Иероним, Амвросий, Киприан и папа Евсевий, которые, кажется, ничего не знают о нем.

«Очевидно, что если текст о небесных свидетелях был бы известен с самого начала христианства, то древние авторы с жаром ухватились бы за него, ввели бы в свои символы веры и не раз цитировали бы против еретиков, и избрали бы его в качестве самого яркого украшения для каждой книги, которую они написали по вопросу Троицы» **[493.** 8, с. 402].

Так валится на землю сильнейшая опора тройственности. Другая не менее явная подделка приводится со слов сэра Исаака Ньютона издателем «Апокрифического Нового Завета». Ньютон замечает «что то, что латины сделали с этим текстом [*1 Послание Иоанна,* V], греки сделали с текстом Св. Павла» [*Тимофею,* III, 16]. Ибо путем замены ΟΣ на ΘΣ сокращение от Θεος (Бог), в александрийской рукописи, с которой впоследствии были сделаны их копии, они теперь читают – *«Велика тайна божественного,* БОГ *проявился во плоти»,* тогда как все церкви во время первых четырех или пяти столетий, и авторы всех древних версий, Иероним, так же как и остальные, читали – «Велика тайна божественного, КОТОРОЕ БЫЛО *проявлено во плоти».* Ньютон добавляет, что теперь, когда споры над этой фальсификацией утихли, те, кто читают, что БОГ проявился во плоти, вместо *божественное, которое было* проявлено во плоти, считают этот отрывок «одним из наиболее очевидных и подходящих текстов для этого дела».

А теперь мы снова зададим вопрос: кто были первые христиане? Это были люди, которые легко были обращены красноречивой простотой Павла, который именем Иисуса обещал им *свободу* от тесных пут церковности. Они поняли только одно – что они «дети обетования» [*Галатам,* IV, 28]. «Аллегория» Моисеевой Библии была для них разоблачена; завет «горы Синайской, рождающий в рабство» был Агарью [*там же,* 24], старой еврейской синагогой, и она была «в рабстве вместе со своими детьми» у Иерусалима, нового и свободного, «матери нас всех». С одной сторолы синагога и закон, преследовавший каждого, кто осмеливался переступить узкую тропу фанатизма и догматизма; с другой стороны, язычество* с его величественными философскими истинами, скрытыми от взоров, – раскрывающимися только для немногих, и оставляющими широкие

---

[159] См. *Предисловие* к [**491**].

[160] «Впервые его приводит Виргилий Тапсенсис, незаслуживающий доверия латинский писатель конца пятого века; и подозревают, что он совершил эту подделку».

массы в безнадежных поисках знания, кто же *бог* среди переполненного пантеона божеств и помощников божеств.

(**Прим.* Термин «язычество» [*paganism*] не без основания применяется многими современными писателями с большим колебанием. Профессор А. Уанлдер в изданном им «Символическом языке древнего искусства и мифологии» Пейна Найта говорит: «Оно («язычество») выродилось в слэнг, и, в общем, применяется в более или менее оскорбительном значении. Более правильным выражением было бы «древние этнические культуры», но оно навряд ли было бы правильно понято в его истинном значении, и поэтому мы приняли этот термин в популярном нрименснии, но без непочтительности. Религия, давшая Платона, Эпиктета и Анаксагора, не может быть грубой, поверхностной или совсем недостойной беспристрастного внимания. Кроме того, многие обряды и доктрины. включенные как в христианский, так и в еврейский свод законов, сперва фигурировали в других системах. Зороастризм опередил гораздо больше, чем думают. Крест, облачения жрецов и символы, таинства, суббота, празднества и годовщины – все они старше христианской эры на тысячи лет. Древний культ, после того, как он был изгнан из своих бывших святилищ и главных городов, еще долго держался среди обитателей более скромных местностей. Этому факту он обязан своим позднейшим названием. Вследствие того, что он соблюдался в *паги,* или сельских местностях, его приверженцев называли язычниками [*pagans*], или провинциалами»).

Другим же, апостол обрезания, поддержанный всеми своими последователями, обещал, если они будут соблюдать «закон», жизнь после смерти и воскресение, о котором они не имели ни малейшего представления. В то же самое время он никогда не упускал случая противоречить Павлу, не называя его имени, но указывая на него так ясно, что почти невозможно сомневаться, кого Петр имел в виду. Хотя он может быть и обратил некоторых людей, которые, верили ли они в Моисеево воскресение, обещаемое фарисеями, или увлекались нигилистическими доктринами саддукеев, или принадлежали к многобожному язычеству языческой черни, не имели никакого будущего после смерти, ничего, кроме тусклой пустоты, – мы не думаем, что труд по взаимоопровержениям, так систематично проводившийся обоими апостолами, мог много способствовать их работе по прозелитизму. У образованных мыслящих классов, как ясно показывает история церкви, они имели мало успеха. Где была истина; где было вдохновенное слово Бога? С одной стороны, как мы видели, они слышали апостола Павла, объясняющего, что из двух заветов, «которые являются аллегориями», старый завет с горы Синая, «который порождает рабство», есть *Агарь,* рабыня; и сама гора Синай соответствует «Иерусалиму», который теперь «в рабстве» вместе со своими обрезанными детьми; и что новый завет означает Иисуса Христа – «Иерусалим, который вверху и свободен»; и с другой стороны – Петра, который противоречил ему и даже оскорблял его. Павел с жаром восклицает:

«Изгони рабу и сына ее» (т. е. старый *закон* и синагогу). «Сын рабы не будет наследником вместе с сыном свободной». «Стойте в свободе, которую даровал нам Христос; и не подвергайтесь опять игу рабства. Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа!» [*Галатам.* V. 1-2].

Что же пишет Петр? Кого он подразумевает, говоря:

«Те, кто произносят напыщенные тщеславные слова... В то время как они обещают им свободу, они сами являются слугами разложения, ибо чем человек обуян, тем самым он и порабощен... Ибо *если они избегли* скверны мира через познание Господа и Спасителя, то они опять попали в путы и обуяны... было бы *лучше для них не узнавать пути праведности,* чем после того, как узнали, отвернуться от святых *заповедей, данных им»* (*«2 Послание Петра»*).

Вне сомнения, Петр не мог иметь в виду гностиков, так как те никогда не видели «святых заповедей, данных им»;

Павел же видел. Они никогда никому не обещали «свободы» от пут, но Павел обещал это неоднократно. Кроме того, последний отвергает «старый завет», рабыню Агарь, а Петр крепко за него держится. Павел предостерегает людей против *сил* и *властей* (низших ангелов каббалистов), а Петр, как будет видно из дальнейшего, уважает их и *поносит тех, кто не уважает.* Петр проповедует обрезание, Павел запрещает его.

Позднее, когда все эти чрезвычайно грубые ошибки, противоречия, расхождения и выдумки были насильно втиснуты в систему, тщательно выработанную кастой епископов новой религии, и названы христианством; когда сама эта хаотическая картина была коварно сохранена от слишком близкого с нею знакомства целым строем грозных церковных епитимий и анафем, которыми любопытные удерживались на почтительном расстоянии под фальшивым предлогом недопущения святотатственной профанации божественных тайн; и миллионы людей были умерщвлены во имя Бога милосердия, – тогда пришла Реформация. Она, несомненно, заслуживает свое название в полнейшем парадоксальном значении. Она оставила Петра и утверждала, что выбрала Павла своим единственным вождем. И апостол, который метал громы и молнии против старого закона рабства, который предоставил полную свободу христианам соблюдать субботу или не соблюдать,

который отверг все, что предшествовало Иоанну Крестителю, – является теперь провозглашенным знаменосцем Протестантизма, который придерживается *старого* закона больше, чем евреи, бросает в тюрьму тех, кто рассматривает субботу так, как рассматривали это Иисус и Павел, и превосходит синагогу первого века по догматической веронетерпимости!

Но кто же тогда *были* первые христиане, можно все-таки спросить? Несомненно – эбиониты! и в этом мы следуем утверждениям лучших критиков.

> «Почти нет сомнений, что автор книги «Clementine Homilies» был представителем эбионитского гностицизма, который *когда-то представлял чистейшую форму примитивного христианства...»* [**259**, т. II, с. 5]

Но кто же были эбиониты? Ученики и последователи ранних назареев, каббалистических гностиков. В предисловии к «Кодексу назареев» переводчик говорит:

> «Что также назареи не отвергали эонов – это естественно. Ибо они были наставниками эбионитов, которые признавали их (эонов)».[161]

Кроме того, Епифаний, этот христианский Гомер «Ересей», говорит, что

> «у Эбиона взгляды назареев, форма керинтян (которые воображают, что мир был построен ангелами), и название христиан» [**476**].

Это название, несомненно, с большим правом было применено к ним, нежели к ортодоксальным (так называемым) христианам школы Иринея и позднее – Ватикана. Ренан показывает, что среди секты эбионитов числились все, оставшиеся в живых родственники Иисуса. Иоанн Креститель, его двоюродный брат и *предтеча,* был принятым Спасителем назареев и их пророком. Его ученики обитали по ту сторону Иордана, и автором книги «Сод, сын человеческий» ясно и вне сомнения доказано, что то место, где происходила сцена крещения, было местом поклонения Адонису.[162]

> «По ту сторону Иордана и за озером обитали назареи. секта, про которую говорили, что она существовала уже в то время, когда родился Иисус, и он принадлежал к ней. Они, должно быть, были распространены по восточной части Иордана и на юго-восток среди арабов

---

[161] Норберг, предисловие к [**257**], с. V

[162] См. предисловие, [**142**, с. 1-34].

[*Галатам.* I, 17, 21; II, 11] и сабеян по направлению к Босре; и также они, должно быть, проникли далеко на север через Ливан до Антиохии, и также на северо-восток до поселения назареев в Берое, где их нашел Св. Иероним. В пустыне все еще могли преобладать мистерии Адониса; на горах все еще кричали – Айай Адонай» [**142**, с. 7, *Предисловие*].

Так как они были соединены *(conjunctus) с* назареями, каждый (эбионит) заражал других своей нечестивостью, и *они решили, что Христос был порождением человеческого семени»,* – пишет Епифаний.

Но если они так решили, то мы должны думать, что они знали больше о своем современном пророке, чем знал Епифаний 400 лет спустя. Теодорет, как будет показано в другом месте, описывает назареев как евреев, которые «чтут Помазанника, как праведного человека» и пользуются евангелием, называемым «Евангелие от Петра». Иероним нашел достоверное и подлинное *Евангелие,* написанное по-еврейски Матфеем Мытарем; он нашел его в библиотеке, собранной в Кесарев мучеником Памфилием.

«Я *получил разрешение от назареев,* которые в Берое, в Сирии, пользуются этим (евангелием), на его перевод», – пишет Иероним к концу четвертого века.[163] – «В *евангелии,* которое *назареи* и *эбиониты* употребляют», – говорит он, – «которое недавно я переводил с еврейского на греческий и которое многими людьми называется *подлинным* «Евангелием от Матфея», и т. д.[164]

Что апостолы получали «сокровенное учение» от Иисуса и что он сам преподавал таковое, очевидно из дальнейших слов Иеронима, который признался в этом в момент неосторожности. В письмах к епископам Хроматию и Хелиодору он жалуется, что ему

«достался тяжелый труд с тех пор, как ваши преподобия приказали мне (перевести) то, что *Св. Матфей сам, апостол и евангелист,* **не захотел открыто писать.** Ибо, если бы оно не было *сокровенным,* он (Матфей) добавил бы к этому *евангелию,* что то, что он выдал, было его; но он составил эту книгу запечатанной в еврейские буквы, которые он расположил *даже таким образом,* чтобы этою книгою, написанной еврейскими буквами и *рукою его самого,* могли бы владеть *наиболее религиозные люди,* каковые также, с течением времени, получили ее от тех, кто предшествовали им. Но самую эту книгу они никогда не давали кому-либо переписывать, а *ее текст* оди передавали одни по-одному, другие – по-другому».[165] И далее он на этой же странице добавляет: «И случилось, что эта книга, будучи опубликованной одним последователем Манихея**,** по имени Селевк, который также фальшиво напиеал «*Деяния Апостолов»,* выявила материал не для назидания, но для разрушения; и что эта книга была одобрена на синоде, к которому уши церкви правильно отказались прислушиваться».[166]

---

[163] Иероним, «De Virus», иллюст., гл. 3. «Замечательно, что несмотря на то, что все отцы церкви говорят, что Матфей писал на *еврейском* **языке,** сами же они пользуются *греческим* текстом, как подлинным апостолическим писанием, без упоминания, какое отношение *еврейское Евангелие от Матфея* имеет к нашему греческому! Оно имело много *особого рода добавлений,* которые отсутствуют в нашем Евангелии». ([**497** с 32]; [**142**, с. 44].)

[164] Иероним, «Комментарии к Матфею» [**495**, кн. II, гл. XII, 13]. Иероним добавляет, что оно было написано на халдейском языке, но еврейскими буквами.

[165] [**496**, V, 445]; [**142**, с. 46].

[166] Этим объясняется также отвержение сочинений Юстина Мученика, который признавал только это *«Еврейское Евангелие»,* как по всей вероятности поступал и Тациан, его ученик. В каком позднем периоде *божественность* Христа была полностью установлена, мы можем судить по тому простому факту, что даже в четвертом веке Евсевий не осуждал эту книгу как подложную, но только относил ее к таким, как «Апокалипсис» Иоанна; и Креднер («Zur Gesch. Des Kan»; с. 120) указывает на Никифора, внесшего ее вместе с «Откровением», в свою «Стихометрию» среди антилегомен. Эбиониты, *истинные* первые христиане, отвергая все остальные апостолические писания, признавали только это *Евангелие* [**162**, 1, 26], и они, как сообщает Епифаний, вместе с назареями непоколебимо верили, что Иисус был только человек, «от человеческого семени».

Иероним сам допускает, что книга, подлинность которой он свидетельствует, как написанной *«рукою Матфея»,* тем не менее была книгой, которая, несмотря на тот факт, что он переводил ее дважды, была почти непонятна для него, ибо она была сокровенной или – *тайной.* Тем не менее Иероним хладнокровно относит все комментарии на нее, кроме своих собственных, к *еретическим.* Более того, Иероним знал, что это *подлинное «Евангелие от Матфея»* было излагателем единственного истинного учения Христа, и что это был труд евангелиста, который был другом и товарищем Иисуса. Он знал, что если из этих двух евангелий – еврейского, о котором идет речь и греческого, вошедшего в наше нынешнее священное писание, – одно было поддельным и, следовательно, еретическим, то это было не евангелие назареев; и все же, зная все это, Иероним становится более ярым, чем когда-либо в своем преследовании «еретиков». Почему? Потому что принятие его было равносильно прочтению смертного приговора установленной церкви. Уж слишком хорошо было известно, что *«Евангелие от евреев»* было единственным евангелием, признаваемым в течение четырех веков еврейскими христианами, назареями и эбионитами. И никто из последних *не* признавал *божественности* Христа.

Если комментарии Иеронима к книгам пророков, его знаменитая *«Вулъгата»* и многочисленные полемические трактаты все так же достоверны, как эта версия «Евангелия от Матфея», тогда перед нами, действительно, божественное откровение.

Почему удивляться непостижимым тайнам христианской религии, раз она совершенно *человеческая?* Разве мы не имеем письма, написанного одним из наиболее уважаемых отцов церкви этому самому Иерониму, которое лучше многих томов раскрывает их традиционную политику? Вот, что *святой* Григорий из Назианзена писал своему другу и доверенному лицу *святому* Иерониму:

> «Ничто не производит на людей такого сильного впечатления как *многословие,* чем меньше они понимают, тем больше они восхищаются. Наши отцы и доктора часто говорили не то, что они думали, но то, что обстоятельства и необходимость принуждали их говорить».

Но вернемся к нашей Софии Ахамот и к вере подлинных первоначальных христиан.

После произведения на свет Ильда-Баофа, Ильда от ילד ребенок, и Баоф от ביץ, яйцо, или בחות, *Баоф,* пустошь, опустошение, София Ахамот так сильно страдала от соприкосновения с материей, что после чрезвычайной борьбы она наконец убегает из грязного хаоса. Хотя и неознакомленная с плеромой, областью ее матери, она добралась до среднего пространства и ей удалось состряхнуть материальные частицы, которые прилипли к ее духовной природе; после этого она сразу построила крепкую стену между миром разумов (духов) и миром материи. Ильда-Баоф таким образом является «сыном мрака», творцом нашего грешного мира (его физической части). Он следует примеру Битоса и производит из себя шесть звездных духов (сыновей). Все они созданы по образу его самого и являются отражениями один другого, которые становятся все темнее по мере того, как последовательно отдаляются от своего отца. Вместе с последним они обитают в семи областях, расположенных лестницей, начинающейся под средним пространством, областью их матери, Софии Ахамот, и кончающейся нашей землей – *седьмой* областью. Таким образом, они являются гениями семи планетных сфер, из которых самой низшей является область нашей земли (сфера, окружающая ее, наш эфир). Вот, соответственные имена этих гениев сфер: Иове (Иегова), Саваоф, Адонай, Элои, Оурайос, Астафайос.[167] Первые четыре, как всем известно, являются мистическими именами еврейского «Господа Бога»[168], который, таким образом, по выражению К.У. Кинга, «снизводится офитами до

---

[167] См. [**410**, с. 31].

[168] Этот Иове, Изо или Иегова совсем не тот Бог мистерий, ИАО, которого почитали все народы древности. Мы вскоре объясним различие.

уровня обозначений духов, подчиненных Творца; последние два имени являются именами гениев огня и воды».

Ильда-Баоф, которого некоторые секты рассматривали как Моисеева Бога, не был чистым духом; он был честолюбив и горд и, отвергнув духовный свет среднего пространства, предложенный ему его матерью Софией-Ахамот, он принялся творить свой собственный мир. С помощью своих сыновей, шести планетных гениев, он создал человека, но это творение оказалось неудачным. Это было чудовище, бездушное, невежественное и ползающее на четвереньках по земле, как животное. Ильда-Баоф был вынужден обратиться за помощью к своей духовной матери. Она послала ему луч своего божественного света и таким образом оживотворила человека и наделила его душой. И теперь у Ильда-Баофа возникла враждебность по отношению к своему собственному творению. Следуя импульсу божественного света, человек все выше и выше поднимался в своих устремлениях; очень скоро он начал представлять собою не Подобие своего Творца Ильда-Баофа, но скорее подобие Верховного Существа, «Первичного человека», Эннойи. Тогда Демиург наполнился гневом и завистью; и, устремив свой ревнивый глаз в бездну материи, его взоры, отравленные страстью, вдруг отразились в ней, как в зеркале; это отражение ожило, и поднялся из бездны Сатана, змий, Офиоморфос – «воплощение зависти и коварства. Он есть соединение всего, что только есть самое низкое в материи, с ненавистью, завистью и хитростью духовного разума» [410].

После этого, постоянно назло человеческому совершенствованию Ильда-Баоф создал три царства природы – минеральное, растительное и животное со всеми злыми инстинктами и свойствами. Не будучи в состоянии уничтожить Древо Познания, которое растет в его сфере, как и в каждой планетарной области, но стремясь отделить «человека» от его духовной покровительницы, Ильда-Баоф запретил ему есть его плоды, так как боялся, что плоды эти раскроют человечеству тайны высшего мира. Но София-Ахамот, которая любила и защищала человека, которого она оживотворила, послала своего собственного гения Офита в виде змия, чтобы побудить человека нарушить этот эгоистический и несправедливый запрет. И «человек» вдруг стал способен постигать тайны творения.

Ильда-Баоф отомстил наказанием первой пары, так как человек посредством своего *знания* уже снабдил себя другом из своей духовной и материальной половины. Он заключил мужчину и женщину в тюрьму материи, в тело столь недостойное его природы, в котором он до сих пор находится. Но Ахамот все еще продолжала покровительствовать ему. Она установила между своим небесным царством и «человеком» ток божественного света и постоянно снабжала его этим *духовным* озарением.

Затем следуют аллегории, воплощающие идею дуализма или борьбы между добром и злом, духом и материей, которая находима в каждой космогонии и источник которой опять-таки следует искать в Индии. Типы и антитипы представляют героев гностического пантеона, взятых из наиболее древних, породивших мифы, веков. Но в этих персонажах, в Офите и Офиоморфосе, в Софии и Софии-Ахамот, в Адаме-Кадмоне и Адаме, в планетарных гениях и в божественных зонах мы также очень легко можем узнать прообразы наших библейских копий – евгемеризованных патриархов. Архангелов, ангелов, силы и власти – всех их можно найти под другими именами в Ведах и в буддийской системе. Авестийское Верховное Существо, Зеро-ана, или «Беспредельное Время», является прототипом всех этих гностических и каббалистических «Глубей», «Венцов» и даже халдейского Эйн-Софа. Шесть Амешаспентов, созданных «Словом» Ормазда, «Перворожденного», отражены в Битосе и его эманациях, и антитип Ормазда – Ахриман и его дэвы также соответствуют Ильда-Баофу и его шести *материальным,* хотя и не целиком злым планетарным гениям.

Ахамот, огорченная злом, которое выпало на долю человеческую несмотря на ее покровительство, просит свою небесную мать Софию – свой антитип – чтобы та убедила непознаваемую ГЛУБЬ послать на землю Христоса (сына и эманацию «Небесной Девы»)

в помощь гибнущему человечеству. Ильда-Баоф и его шестеро сыновей от материи не допускают божественный свет к человечеству. Человечество должно быть спасено. Ильда-Баоф уже послал своего собственного агента, Иоанна Крестителя из племени Сета, кому он покровительствует, – в качестве пророка к своему народу; но только малая часть прислушивается к нему – назареи, противники евреев, вследствие их почитания Иурбо-Адуная.[169] Ахамот уверила своего сына, Ильда-Баофа, что царствование Христоса будет только временным, и таким образом побудила его послать предвестника или предтечу. Кроме того, она заставила *его вызвать* рождение *человека* Иисуса от Девы Марии, собственной ее представительницы на земле,

> «так как сотворение материального персонажа могло быть осуществлено только путем работы Демиурга и не входило в круг деяний высшей силы. Как только Иисус родился, Христос, совершенный, соединившись с Софией (мудростью и духовностью), спустился через семь планетных областей, принимая в каждой из них аналогичную форму, скрывая истинную свою сущность от их гениев, и в то же время он привлекал к себе искры божественного света, который они удерживали в своей сущности. Так Христос вошел в *человека* Иисуса в момент его крещения в Иордане. С этого времени Иисус начал творить чудеса; до этого он ничего не знал о своей миссии» [**410**, с. 31].

Ильда-Баоф, обнаружив, что Христос готовит конец его царству материи, возмутил против него евреев, и Иисус был казнен.[170] Когда он находился на Кресте, Христос и София оставили Его тело и вернулись в свою сферу. Материальное тело человека Иисуса было предано земле, но ему дали другое тело, сотканное из *эфира* (астральная душа). «С тех пор он состоял только из *души* и *духа,* что послужило причиной, почему ученики не узнали его сразу после воскресения. В этом духовном состоянии *подобия [simulacrum]* Иисус оставался на земле в течение восемнадцати месяцев после того, как воскрес. В течение этой последней стадии пребывания «он получил от Софии то совершенное знание, тот истинный Гнозис, *который он сообщил той малой части апостолов,* которые были способны воспринять это».

> «Отсюда, поднявшись в среднее пространство, сидит он по правую руку от Ильда-Баофа, но последний его присутствия не осознает, и собирает около себя все души, которые очистились знанием Христа. Когда им будет собран весь духовный свет, какой существует в материи, из царства Ильда-Баофа, тогда спасение будет завершено, и мир будет уничтожен. Таково значение обратного поглощения всего духовного света в плерому или в полноту, откуда он в начале спустился».

Вышеизложенное взято из описания, данного Теодоретом и использованного Кингом в его «Гностиках» вместе с добавлениями от Епифания и Иринея. Но первый дает очень несовершенную версию, составленную частично из описаний Иринея, и частично по своему собственному знанию позднейших офитов, которые к концу третьего века уже

---

[169] Иурбо и Адунай. согласно офитам, являются именами Иао-Иеговы,
одной из эманации Ильда-Баофа. «Недоноски (евреи) называют Адуная Иурбой» [**257**, т. Ill, с.73].

[170] В *«Евангелии Никодима»* набожный и анонимный автор называет Ильда-Баофа *Сатаной;* по-видимому, это один из последних камней, брошенных в уже наполовину разбитого врага. «Что касается меня», говорит Сатана, извиняясь перед князем Ада, «я искушал его (Иисуса) и поднял свой старый народ, евреев, против него», (гл. XV, 9). Изо всех примеров христианской неблагодарности, этот кажется наиболее выдающимся. Сперва у бедных евреев забрали священные книги, а затем в поддельном *Евангелии* их оскорбляют, указывая, что Сатана их называет своим «старым народом». Если бы они были его народом, и в то же время являются «богоизбранным народом», тогда имя этого Бога должно писаться Сатана, а не Иегова. Это логично, но мы сомневаемся, что это можно рассматривать как нечто лестное для «Господа Бога Израиля».

слились с некоторыми другими сектами. Ириней также часто их путает, и действительной теогонии офитов никто из них правильно не изложил. За исключением изменений в именах, вышеприведенная теогония является общей для всех гностиков и также для назареев. Офит есть ни что иное, как преемник египетского *Кнуфиса,* Добрый Змий со львиной лучистой головой, и со дней отдаленнейшей древности считался эмблемой мудрости или, Тота *[Thauth],* наставника и Спасителя человечества, «Сына Бога».

> «О, люди, живите рассудительно... заслуживайте себе бессмертие!» – восклицает Гермес, трижды великий Трисмегист, – «Наставник и водитель человечества, я поведу вас к спасению».

Таким образом, древнейшие сектанты рассматривали Офита, агафодемона, как тождественного Христосу, – змий является эмблемой небесной мудрости и вечности, и в данном случае антитипом египетского Кнуфиса-змия.

Эти гностики, самые ранние в нашей христианской эре, считали;

«Что верховный зон эманировал из себя других эонов; один из них, женского пола, *Прунликос* (похотливость, страстное желание) спустилась в хаос, откуда выбраться уже не могла; она повисла в среднем пространстве, так как была слишком зелеплена материей, чтобы вернуться выше; она также не могла упасть ниже, ибо там не было ничего родственного ее натуре. Тогда она родила своего сына Ильда-Баофа, Бога евреев, который, в свою очередь, произвел семь эонов или ангелов,[171] которые создали семь небес».

В это множество небес христиане верили с самого начала, так как мы находим, что Павел учит о их существовании и говорит о человеке, «восхищенном до *третьего* неба» [*2 Коринф.,* XIII]. «От этих семи ангелов Ильда-Баоф закрыл все, что было выше его, чтобы они не узнали о чем-то выше, чем он сам.[172] Они затем создали человека по образу своего Отца,[173] но лежащего ничком и ползающего по земле, как червь. Но небесная матерь, Прунникос, желая лишить Ильда-Баофа силы, которой она неумышленно наделила его, вдохнула в человека небесную искру – дух. Немедленно человек встал на ноги, вознесся умственно за пределы семи сфер и прославлял Верховного Отца, *Того, который выше Ильда-Баофа.* Вследствие этого последний, полный зависти, обратил свои взоры на самый низший слой материи и зачал силу в форме змеи, которую они (офиты) называют его сыном. Ева, послушавшись его, как сына Бога, была уговорена вкусить от плода Древа Познания.[174]

Это самоочевидный факт, что змий «Книги Бытия», который появляется вдруг и безо всякого предварительного введения, должен быть анти-типом арх-дэва, чья голова есть Аш-Мог, *«двуногий* змий лжи». Если бы *библейский* змий был лишен своих конечностей до того, как он искушал женщину, вводя ее в грех, то зачем было Богу накладывать на него такое наказание, как «ползать на своем брюхе»? Никто же не станет думать, что он до этого ходил на кончике хвоста.

Этот спор о верховенстве Иеговы между пресвитерами и отцами с одной стороны и гностиками, назареями и всеми сектами, объявленными еретическими, как последнее средство, с другой стороны, – длился до дней Константина и еще дальше. Что те своеобразные идеи гностиков о *генеалогии* Иеговы или о надлежащем месте, какое

---

[171] Это система назареев; Спиритус, после соединения с Карабтанос *(материя,* бурная и бессознательная), порождает *семь ко злу расположенных звездных* в Орке, «Семь фигур», которые она родила «безмозглыми» [**257**, 1, с. 118]. Очевидно Юстин Мученик тоже усвоил эту идею, так как он говорит о «святых пророках, которые говорят, что один и тот же *дух* разделен на *семь* духов» *(Pneumata)* («Justin ad Graekos»; [**142**, 11, с.52]). В *Апокалипсисе* Святой Дух разделен на *«семь* духов перед троном», по персидскому, митраическому образу классификации.

[172] Это, действительно, очень похоже на *«ревнивого* Бога» евреев.

[173] Это и есть *элохимы,* которые создали Адама, и которые не хотели. чтобы человек стал, «как один из НАС».

[174] [**452**], [**410**].

следует отвести Богу евреев в христианско-гностическом пантеоне, сначала не считались ни кощунственными, ни еретическими, видно из того расхождения во мнениях, каких придерживались по этому вопросу, например, Климент Александрийский и Тертуллиан. Первый, кто, как кажется, знал о Василиде больше, чем кто-либо другой, не усмотрел ничего еретического или порицаемого в мистических и трансцедентальных взглядах нового Реформатора.

> «В его взглядах», – говорит автор «Гностиков», имея в виду Климента, – «Василид не был еретиком, т. е. новатором в отношении доктрин христианской церкви, а только теософским философом, который стремился *выразить древние истины* в новых формах и, возможно, соединить их с новой верой, истинность которой он мог допустить без нужды отказа от старой, в точности так, как теперь обстоит дело у ученых индусов в наши дни» **[410,** с. 78].

Не так было у Иринея и Тертуллиана.[175] Главные труды последнего *против еретиков* были написаны после его отделения от католической церкви, когда он встал в ряды ярых последователей Монтана, и эти труды кишат нечестивостью и фанатичными предрассудками.[176] Он преувеличивал каждое гностическое мнение, доводя его до чудовищной нелепости, и его аргументы не обоснованы на принудительном рассуждении, а только на слепом упрямстве фанатика-приверженца. Обсуждая Василида, «благочестивого, богоподобного теософского философа», каким его считал Климент Александрийский, Тертуллиан восклицает:

«После этого Василид, этот *еретик,* сорвался с цепи.[177] Он утверждал, что существует Верховный Бог по имени Абраксас, которым был создан Разум, называемый греками Ноус. Из нее эманировало Слово; из Слова – Провидение; из Провидения – Сила и Мудрость; из этих двух опять – Силы, *Господства*[178] и *Власти* произошли; отсюда бесконечные творения и эмиссии ангелов. Среди самых низших ангелов, дейст-вительно, и тех, кто строили этот мир, он помещает *последним из всех* бога евреев, в котором он не признает самого Бога, утверждая, что это только один из ангелов» [484].

Равно бесполезно было бы ссылаться на непосредственных апостолов Христа и указывать, что в своих спорах они утверждали, что Иисус никогда не делал никакого различия между своим «Отцом» и «Господом Богом» Моисея. Ибо «Clementine Homilies», в

---

[175] Некоторые думают, что он был епископом Рима, другие – Карфагена

[176] Его полемический труд, направленный против так называемой ортодоксальной церкви – католической – несмотря на его резкость и обычный бранный стиль, намного справедливее, принимая во внимание, что этот «великий африканец», как сказано, был изгнан из Римской церкви. Если поверить Св. Иерониму, то только зависть и незаслуженная клевета раннего римского духовенства против Тертуллиана заставили его отречься от католической церкви и стать монтанистом. Однако, если бы неограниченное восхищение Св. Киприана, который называет Тертуллиана «Учителем», и его высокая оценка были заслужены, – мы нашли бы в Римской церкви меньше ошибок и язычества. Выражение Винсента из Лери, «что каждое слово Тертуллиана было приговором, а каждый приговор – победой *над заблуждением»,* не кажется нам очень удачным, когда мы думаем о том уважении, какое выказывает Тертуллиану Римская церковь, несмотря на его частичное отступничество и те *заблуждения,* в которых последняя все еще пребывает и даже навязала миру как *непогрешимые* догматы.

[177] Разве взгляды фригийского епископа Монтана также не считались *ересью* Римской церковью? Поразительно видеть, как легко Ватикан подбадривает брань одного *еретика* Тертуллиана против другого *еретика* Василида, когда эта брань ему выгодна.

[178] Разве сам Павел не говорит о *«начальствах* и *властях* в небесах» [*Ефесянам,* III, 10; I, 21], и не признает, что там *богов* много и *Господов* много *(Kurioi)?* И ангелы, власти *(Dunameis),* и *господства?* (См. [*1 Коринф.,* VIII, 5] и [*Римлянам,* VIII, 38])

которых встречаются величайшие аргументы по этому поводу, приведенные в спорах, якобы состоявшихся между апостолом Петром и Симоном Волхвом, – так же, как теперь доказано, ошибочно приписаны Клименту-римлянину. Этот труд, если он написан каким-то эбионитом – как об этом вместе с другими комментаторами[179] заявляет автор «Сверхъестественной религии» – должно быть, написан или значительно позднее Павлова периода, к которому его обычно относят, или же этот спор о тождественности Иеговы с Богом, «Отцом Иисуса», был искажен более поздними вставками. Этот диспут в самой своей сущности антагонистичен ранним доктринам эбионитов. Последние, как показано Епифанием и Теодоретом, были прямыми последователями секты назареев[180] (сабеян), «учениками Иоанна». Он недвусмысленно говорит, что эбиониты верили в *эонов* (эманации), что назареи были *их наставниками,* и «каждый заражал других своей нечестивостью». Поэтому, придерживаясь тех же верований, что и назареи, эбиониты не стали бы предоставлять даже столько шансов доктрине, поддерживаемой Петром в «Homilies». Старые назареи, так же как и более поздние, чьи взгляды отражены в *«Кодексе назареев»,* никогда не называли Иегову иначе, как *Адонай, Иурбо,* бог *недоносков*[181] (ортодоксальных евреев). Они держали свои верования и религиозные учения в такой *тайне,* что даже Епифаний, писавший в столь раннее время, как конец четвертого века,[182] сознается в своем незнании их действительного учения.

> «Отбросив имя Иисуса», – говорит Епископ Саламиса, – «они не называют себя *иессенами,* продолжают не признавать название евреев, не называют себя христианами, но *назареями...* Они признают воскресение из мертвых... но что касается Христа, я *не могу сказать,* считают ли они его *только человеком,* или же, *как по истине,* признают, что он родился от *Святого Пневма* через Деву» [**477**, 1, 122, 123].

В то время как Симон Волхв аргументирует в «Homilies» с точки зрения всех гностиков (включая назареев и эбионитов), Петр, как истинный апостол обрезания, придерживается старого Закона и, само собой разумеется, старается слить свою веру в божественность Христа со своей старой Верой в «Господа Бога», бывшего покровителя «избранного народа». Так как автор «Сверхъестественной религии» показывает, что *Эпитома*[183] «есть смесь двух других частей и, вероятно, предназначена для очистки их от еретических доктрин» [259, т. II, с. 2]; и вместе с преобладающим большинством критиков приписывает «Homilies» дату написания не ранее конца третьего века, – то мы можем заключить, что они должны весьма отличаться от своего оригинала, если таковой когда-либо существовал. Симон Волхв на протяжении всего этого сочинения доказывает, что Демиург, Архитектор этого Мира, не является высочайшим божеством; и он обосновывает свои утверждения на словах самого Иисуса, который неоднократно заявляет, что «ни один человек на знает Отца». В «Homines» Петра заставляют с большим возмущением отвергать утверждение, что патриархи не были сочтены достойными знать Отца, на что Симон опять возражает, приводя слова Иисуса, который благодарит «Владыку Неба и земли за то, что сокрытое от мудрых», он «открывал детям», весьма логично доказывая, что, согласно этим же словам, патриархи не могли знать «Отца». Затем Петр в свою очередь аргументирует, что выражение *«сокрытое* от мудрых» и т. д., относилось к сокровенным *тайнам* творения [474, «Homilies», XVIII, 1-15].

---

[179] Баур, Креднер, Хилгенфельд, Кирххофер. Лехлер, Никола, Ричл. Швеглер, Уэсткотт и Целлер; см. [259, т. II. с. 2].

[180] См.[**476**].

[181] Офиты, например, считали Адоная третьим сыном Ильда-Баофа, злобным гением и, подобно пяти его братьям, постоянным врагом и противником человека, чей божественный и бессмертный дух дал ему возможность стать соперником этих гениев.

[182] Епископ Саламиса умер в 403 г. н. э.

[183] «Clementines» состоит из трех частей, а именно**:** «*Homilies*», «*Recognitions*» и «*Epitome*».

Эта аргументация Петра, поэтому, даже если бы она исходила из самого апостола, а не являлась бы «религиозной выдумкой», как ее называет автор «Сверхъестественной религии», ничего не может доказать в пользу тождественности Бога евреев с «Отцом» Иисуса. В лучшем случае она только продемонстрировала бы, что Петр остался с начала до конца «апостолом обрезания», евреем, верным своему старому закону, и защитником Ветхого Завета. Эта беседа, кроме того, доказывает слабость того положения, которое он защищает, так как в этом апостоле мы видим человека, который, несмотря на то, что находился в наиболее близких отношениях с Иисусом, не может нам дать ничего, что послужило бы прямым доказательством, что он когда-либо думал учить, что этот всемудрый и бесконечно добрый Отец, о котором он проповедовал, является мрачным мстителем-громовержцем горы Синай. Но что эти «Homilies», в самом деле, доказывают, так это опять-таки наше утверждение, что существовала тайная доктрина, которую Иисус давал тем немногим, которые считались достойными стать ее восприемниками и хранителями.

> «И сказал Петр: «Мы помним, как наш Господь и Учитель сказал нам, как бы приказывая, сохранять тайны для меня и сыновей моего дома. Затем он также объяснил своим ученикам, *секретно, тайны царствия небесного»*[184].

Если мы теперь припомним тот факт, что часть мистерий «язычников» состояла из απορρήτα, апорреты, или тайных бесед; что тайные *Logia,* или беседы Иисуса, содержавшиеся в подлинном «Евангелии от Матфея», значение и истолкование которого Св. Иероним признал «тяжелой задачей» для себя, было того же рода; и если далее мы еще припомним, что к некоторым внутренним или конечным мистериям допускалось только очень небольшое число избранных; и что, в конце концов, именно из этого небольшого числа выбирались священнослужители святых «языческих» ритуалов, – то мы ясно поймем приведенное Петром выражение Иисуса: «Сохраните *Тайны для меня и сыновей моего дома»,* т. е. моей доктрины. И, если мы правильно понимаем, мы не можем избегнуть мысли, что эта «Тайная» доктрина Иисуса, даже особая терминология, которая является ничем иным как дубликатом гностической и неоплатонической мистической фразеологии – что эта доктрина, мы говорим, была основана на той же самой трансцендентальной философии Восточного *гнозиса,* как и остальные религии тех и еще более ранних времен. Что ни одна из позднейших христианских сект, несмотря на их хвастовство, не унаследовала этой Тайной доктрины, видно из тех противоречий, грубых ошибок и неуклюжего перелатывания ошибок каждого предшествующего века открытиями последующего. Эти ошибки в ряде рукописей, претендующих на подлинность, иногда настолько смешны, что сразу видно, что они – благочестивые фальсификации. Так, например, полное незнание некоторыми приверженцами отцов церкви тех самых *Евангелий,* защитниками которых они выступают. Мы уже упоминали обвинение, выдвинутое Тертуллианом и Епифанием против Маркиона в том, что тот исказил *Евангелие,* приписываемое Луке, удалением из него того, чего, как теперь доказано, в этом *Евангелии* никогда и не было. Наконец, метод говорить притчами, применяемый Иисусом, в чем он только следовал примеру своей секты, приписан в «Homilies» пророчеству *Исаии!* В уста Петра вложено замечание:

> «Ибо Исаия сказал: «Я раскрою свой рот притчами и скажу то, что держалось в тайне с основания мира»».

Это ошибочное приписывание Исаие высказывания, которое дано в «Псалтыри», [LXXVIII, 2], обнаружено не только в апокрифических «Homilies», но также и в *Синай-*

---

[184] «Clementine Homilies» [474], **[259,** т. II].

ском «Кодексе». Комментируя этот факт в «Сверхъестественной религии», автор констатирует, что

> «Порфирий, в третьем веке, насмехался над христианами по поводу этого ошибочного приписывания их вдохновенным евангелистом Исайе отрывка из «Псалтыря», и поставил отцов в весьма затруднительное положение» [**259,** т. II, с. 11].

Евсевий и Иероним пытались выбраться из этого затруднения, приписывая ошибку «невежественному переписчику»; а Иероним пошел даже дальше, утверждая, что имя Исайи никогда не стояло после вышеприведенного предложения в каком-либо из старых кодексов, но что на его месте находилось имя Асаф, только *«невежественные* люди удалили его».[185] На это автор опять замечает, что

> «фактом является то, что имя «Асаф» нигде в ныне существующих рукописях не стоит вместо «Исаия»: и хотя «Исаия» *исчез* почти со всех, за исключением немногих неясных кодексов, нельзя отрицать, что в более отдаленной древности это имя находилось в тексте. В *Синайском «Кодексе»,* который, вероятно, является древнейшей сохранившейся рукописью... и которая относится к четвертому веку», – добавляет он, – «пророк *Исаия* стоит в тексте, написанном первой рукой, *но выскоблен второю»* [**259**, т. II, с. II].

Весьма многозначителен тот факт, что в так называемых *священных «писаниях»* нет ни одного слова, которое указывало бы на то, что ученики Иисуса действительно рассматривали его как Бога. Ни перед, ни после его смерти они не воздавали ему божественных почестей. Их отношение к нему было просто отношением учеников к «учителю», как они его называли, подобно тому, как до них последователи Пифагора и Платона называли своих учителей. Какие бы слова ни вкладывались в уста Иисуса, Петра, Иоанна, Павла и других, ни разу не отмечено ни одного деяния с их стороны, носящего характер обожествления, и также сам Иисус никогда не заявлял о своей тождественности со *своим Отцом.* Он обвинял фарисеев в *забрасывании камнями* своих пророков, но не богов. Он называл себя сыном Бога, но неоднократно повторял, что все они являются детьми Бога, который является Небесным Отцом всех. Проповедуя это, он только повторял доктрину, века до него преподанную Гермесом, Платоном и другими философами. Странное противоречие! Иисус, которому нас побуждают поклоняться как единому живому Богу, немедленно после своего Воскресения говорит Марии Магдалине:

> «Я еще не восшел *к Отцу Моему,* а иди к братьям Моим и скажи им: я восхожу к Отцу *Моему* и Отцу *вашему,* и к Богу *моему* и Богу *вашему»* [*Иоанн,* XX. 17].

Разве это похоже на отождествление себя со своим Отцом? *«Мой* Отец и *ваш* Отец, *мой* Бог и *ваш* Бог», – подразумевают, с его стороны, желание, чтобы его считали совершенно наравне с его братьями – и ничего больше. Теодорет пишет:

> «Еретики согласны с нами в отношении начала всех вещей... Но они говорят, что нет единого Христа (Бога), но один вверху, и другой внизу. И этот последний *прежде обитал во многих:* но *Иисус,* говорят они один раз, – *от* Бога, а другой раз они называют его ДУХОМ» [**452**, II, VII].

Этот дух есть Христос, *вестник* жизни, которого иногда называют ангелом *Гавриилом* (по-еврейски – мощный от Бога), и который занял у гностиков место Логоса, тогда как Святой Дух считался *Жизнью*[186]. Однако, у секты назареев *Spiritus,* или Святой Дух, был в меньшем почете. В то время как почти все секты гностиков считали его

---

[185] [**498**, VII, с. 270. ff], [**259,** с. II].
[186] См. **[162,** 1, XI. с. 86**].**

Женскою Силою, называлась ли она *Бина,* בינה, *София,* божественный разум, – у секты назареев это был *Женский Spiritus,* астральный свет, породитель всего *материального,* хаос в своем аспекте зла, *завихренный* Демиургом. При сотворении человека

> «это был свет со стороны ОТЦА. и это был свет (материальный свет) со стороны МАТЕРИ. И это есть *«двойственный* человек»» **[499,** с. 12], – говорит «Зогар». – «В тот день (последний) погибнет семеро ко злу расположенных звездных, а также сыны человеческие, которые поклонялись *Spiritus,* Мессиям (ложным), *Deus,* и МАТЕРИ *SPIRITUS,* погибнут» [**257,** т. II, с. 149].

Иисус усиливал и иллюстрировал свои доктрины знаками и чудесами; и если мы отбросим в сторону претензии тех, кто его обожествляют, – он делал лишь то, что делали другие каббалисты, и только *они,* в ту эпоху, когда в течение двух веков источники пророчеств полностью высохли, и от этого застоя публично совершаемых «чудес» возник скептицизм неверующей секты саддукеев. Описывая «ереси» тех дней, Теодорет, который не имел представления о сокровенном значении слова Христос, *помазанник-посланец,* – жалуется, что они (гностики) утверждают, *что этот Посланец, или Delegatus, меняет свое тело время от времени,*

> «и *входит в другие тела, и каждый раз проявляется по-иному.* И эти (осененные пророки) пользуются заклинаниями и вызываниями различных демонов и крещениями при изложении своих принципов... Они применяют астрологию и магию и математические заблуждения», (?) – говорит он [**452**, II, VII].

Эти «математические заблуждения», о которых набожный писатель жалуется, привели впоследствии снова к открытию гелиоцентрической системы, ошибочной, по-видимому, и по сей день, и забытой со времени другого «мага», который ее преподавал – Пифагора. Таким образом, чудеса исцеления и другие тауматургические деяния Иисуса, которые он передавал своим последователям, показывают, что они учились у него теории и практике новой этики день за днем в семейном общении интимной дружбы. Их вера все более росла, как у всех неофитов, одновременно с ростом познаний. Мы не должны забывать, что Иосиф, который, несомненно, должен был быть хорошо осведомленным по этому предмету, называет «наукой» умение изгнать демонов. Это нарастание веры ясно показано в случае с Петром, который из неимевшего достаточной веры, чтобы поддержать себя на поверхности воды, когда он пошел из лодки к своему Учителю, под конец стал таким знатоком в тауматургни, что, как рассказывают, Симон Волхв предлагал ему деньги, чтобы тот научил его тайне исцеления и другим чудесам. Также Филипп представлен, как овладевший искусством поднятия на воздух не хуже Абариса, о котором помнят пифагорейцы, но он был менее искусен, чем Симон Волхв.

Ни в «Homilies», ни в каком-либо другом раннем труде апостолов нет ничего, что указывало бы, что его друзья и последователи считали Иисуса чем-то более пророка. Эта идея ясно выражена в «Clementines». За исключением того, что там слишком много места отведено Петру, старающемуся доказать тождественность Моисеева Бога с Отцом Иисуса, – весь этот труд посвящен монотеизму. Его автор кажется с одинаковой резкостью выступающим как против политеизма, так и против обожествления Христа.[187] Кажется, что он ничего не знает о Логосе, и его размышления ограничиваются Софией, гностической мудростью. В них нет и следа ипостатической троицы, но то же самое осенение гностической «мудростью (Христос и София) приписывается Иисусу, как оно приписывалось Адаму, Еноху, Ною, Аврааму, Исааку, Иакову и Моисею [474, «Homilies», III, 20 ff; II, 16-18, *и далее*]. Эти персонажи все помещены на одном уровне и называются «истинными пророками» и семью столпами мира». Более того, Петр яростно отрицает

[187] [**474**, «Homilies», XVI, 15 ff; III, 57-59; X, 19]; **[500,** p. 134 ff]; **[259,** т. II, с. 349].

грехопадение Адама, и у него доктрина искупления в таком виде, как ее преподает христианское богословие, совершенно отпадает, *ибо он борется против нее, как против кощунства* [474, «Homilies», III, 20 ff]. Теория Петра о грехе, это теория еврейских каббалистов и даже, в некотором смысле, платоническая. Адам не только никогда не согрешил, но, «как истинный пророк, преисполненный Духом Божиим – тем духом, который впоследствии был в Иисусе – *не мог* согрешить».[188] Короче говоря, весь этот труд выявляет веру автора в каббалистическую доктрину пермутации. *«Каббала»* учит доктрине трансмиграции духа.[189]

> «Моса есть *revolutio* Сета и Авеля».[190]
>
> «Скажи мне, кто является тем, кто осуществляет *новое рождение* (revolutio)?» – спрашивают мудрого Гермеса. – «Сын Божий, *единственный человек,* волею Бога», – таков ответ «язычника» [**501**, X, IV, 21-23].

«Сын Божий» – это бессмертный дух, данный каждому человеческому существу. Именно это божественное существо является *«единственным человеком»,* так как оболочка, в которой содержится наша душа, и душа сама – это только полусущества, и без осенения духом тело и астральная душа представляют собою только животную *дуаду.* Требуется тройственность, чтобы образовать завершенного «человека» и дать ему возможность оставаться бессмертным при каждом «новом рождении», или *revolutio,* во всех, следующих одна за другою и восходящих сферах, из которых каждая приближает его к сияющему царству вечного и *абсолютного* света.

> «Божий ПЕРВОРОДНЫЙ, который есть «священная Завеса», «Свет Света» – вот кто посылает *revolutio* Посланца, ибо он есть *Первая Сила»,* – говорит каббалист.[191]
>
> «Пневма (дух) и *dunamis* (сила), которая от Бога – вот что будет правильно считать *Логосом,* который *также* (?) является Первородным для Бога», – спорит христианин [**468**, т. II, с. 74].

«Ангелы и силы находятся в небесах!» – говорит Юстин, выдвигая таким образом чисто каббалистическую доктрину. Христиане взяли это из *«Зогара»* и от еретических сект, и если Иисус упоминает их, то это не потому, что узнал эту теорию в официальных синагогах; он узнал ее непосредственно из каббалистических учений. В *Книгах Моисея* ангелы очень мало упоминаются, и Моисей, который поддерживает непосредственное общение с «Господом Богом», – мало о них беспокоится. Эта доктрина была тайной доктриной, и ортодоксальные синагоги считали ее еретической. Иосиф называет ессеев еретиками, говоря:

> «Те, кого ессеи допускают в свою секту, должны поклясться, что они никому не передадут этих доктрин в другом виде, *как только в том, в каком они сами получили,* и равно сохранить книги, *принадлежащие их секте,* и *имена ангелов»* [**153**, II, гл. VIII, 7].

Саддукеи не верили в ангелов; также не верили непосвященные неевреи, которые ограничивали население своих Олимпов богами и полубогами или «духами». Только каббалисты и теурги верили в эту доктрину с незапамятных времен и, следовательно, также Платон, за ним Филон Иудей, за которым последовали сперва гностики, а затем христиане.

---

[188] **[500,** с. 130-176]; цитировано также в [**259**, т. 11, с. 342].
[189] Об этой доктрине мы будем говорить в дальнейшем.
[190] [**419**, т. II, с. 155]; «Vallis Regra».
[191] «Idra Magna», [**419**].

Итак, если Иосиф никогда не писал знаменитой вставки, подделанной Евсевием, в отношении Иисуса, то, с другой стороны, он описал все главные характерные черты ессеев, которые так заметны в этом назарее. Для молитвы они искали уединения.[192]

> «когда молишься, войди в комнату свою... помолись Отцу твоему, Который в тайне» [*Матфей,* VI, 6]. «Все, сказанное ими (ессеями), крепче клятвы. Они избегают клятв»)*Иосиф,* II, VIII, 6). «А Я говорю вам: не клянитесь вовсе... да будет слово ваше: да, да; нет, нет» [*Матфей,* V, 34-37].

Назареи, также как ессеи и терапевты, больше верили в собственные толкования «сокровенного смысла» более древних священных писаний, чем в более поздние *Моисеевы Законы.* Иисус, как мы уже раньше показали, питал мало уважения к заповедям своего предшественника, с которым Ириней так усердно стремится его связать.

Ессеи «входят в дома *тех, кого они до этого никогда не видели,* как если бы они были их очень близкие друзья» (*Иосиф,* II, VIII, 4). Таков же, бесспорно, был обычай Иисуса и его учеников.

Епифаний, который помещает эбионитскую «ересь» на одном уровне с «ересью» назареев, также указывает, что назареи очень близки керинтянам [477, I, с. 117], на которых с такой бранью обрушился Ириней.[193]

Мунк в своем труде «Палестина» подтверждает, что в пустыне жило 4000 ессеев; что у них были свои мистические книги и что они предсказывали будущее.[194] Набатеяне, с очень небольшим, в действительности, расхождением, придерживались тех же самых верований, что и назареи и сабеяне, и все они больше почитали Иоанна Крестителя, чем его преемника Иисуса. Персидские иезиды говорят, что первоначально они пришли в Сирию из Басры. Они применяют крещение и верят в семь архангелов, хотя и в то же время оказывают почести Сатане. Их пророк Иезед, живший задолго до Магомета [502, с. 229], учил, что Бог пошлет посланца и что последний откроет ему книгу, которая уже написана в небесах с начала веков.[195] Набатеяне обитали в Ливане, где их потомки живут и доныне, и их религия по своему происхождению чисто каббалистическая. Маймонид говорит о них как бы отождествляя их с сабеянами.

> «Я приведу тебе писания... относящиеся к верованию и учреждениям *сабеян»,* – говорит он. – «Самой знаменитой является книга «Земледелие Набатеян», которую перевел Ибн Вахшиджа. Эта книга полна языческих нелепостей... В ней говорится об изготовлении **талисманов,** о привлечении сил **духов, о магии, демонах** и вампирах, обитающих в пустыне».[196]

Имеются предания у племен, живущих рассеянно *за* Иорданом, также как имеется много таковых среди потомков самаритян в Дамаске, Газе и в Наплозе (древней Шехем). Многие из этих племен, несмотря на преследования в течение восемнадцати веков, сохранили веру своих отцов в первоначальной простоте. Именно туда мы должны пойти в поисках преданий, основанных на *исторических* истинах, как бы они ни были искажены преувеличениями и неточностью, и сопоставлять их с религиозными легендами отцов,

---

[192] См. Иосиф, Филон, Мунк (35). Евсевий упоминает их семнейон, где они совершают мистерии уединенной жизни [**364**, II, 17].

[193] Керинт – это тот же самый гностик, современник евангелиста Иоанна, о котором Ириней выдумал следующий анекдот: «Есть люди. слышавшие как он (Поликарп) рассказывал, что Иоанн, ученик Господень, пошел в городе Эфессе в баню и, узнав, что в ней находится Керинт, бросился вон из бани с криком: «Давайте побежим, пока баня не обрушилась, ибо в ней находится Керинт, враг истины» **[162,** кн. III, III, 4].

[194] [**457**, с. 525], **[142].**

[195] «Shahrastâni», [503, II, с. 625].

[196] Маймонид, приведенный у д-ра Д. Хвольсона, [**503**, XI, с. 458].

которые они называют откровением. Евсевий сообщает, что до осады Иерусалима небольшая христианская община – состоящая из членов, из которых многие, если и не все, знали Иисуса и его апостолов лично – нашла убежище в небольшом городке Пелла на противоположном берегу Иордана. Наверняка эти простые люди, веками жившие отдельно от остального мира, должны были сохранить свои предания в более свежем виде, чем какие-либо другие народы! Именно в Палестине нам следует искать *чистейшие* воды христианства, не трогая его источника. Первые христиане после смерти Иисуса все объединились на некоторое время, независимо от того, были ли они эбионитами, назареями, гностиками или еще другими. В те дни у них не было христианских догматов и их христианство состояло из веры в то, что Иисус был пророк, с тем только различием, что некоторые видели в нем просто «праведного человека»,[197] а другие – святого вдохновенного пророка – сосуд, использованный Христосом и Софией, чтобы через него проявиться. Они объединились в оппозицию против синагоги и тиранических обрядов фарисеев – до тех пор, пока первоначальная группа не раздвоилась на две отдельные ветви, которые мы можем правильно назвать:

христианскими каббалистами еврейской танаимской школы и христианскими каббалистами платонического Гнозиса.[198] Первые были представлены партией последователей Петра и Иоанна, автора «Апокалипсиса»; вторые же входили в ряды христианства Павла, которое в конце второго века слилось с платонической философией и поглотило еще позднее гностические секты, чьи символы и неправильно понятый мистицизм наводнили Римскую церковь.

Среди этой кучи противоречий какой христианин может быть уверенным, что он действительно христианин? В старом сирийском «Евангелии от Луки» [III, 22] сказано, что Святой Дух спустился в виде голубя. «Иешуа, полный священного Духа, вернулся с Иордана, и Дух повел его в пустыню» (древнесирийский *Лука,* IV, 1, – *Tremellius).*

> «Затруднение заключалось в том». – говорит Данлэп. – «что *Евангелии* объявили, что Иоанн Креститель видел, что Дух (Сила Божия) спустился на Иисуса после того, как он достиг совершеннолетия, и если Дух этот тогда впервые спустился на него, то, действительно, у эбионитов и назареев имелись некоторые основания отрицать его *предшествующее* существование и не признавать в нем атрибутов ЛОГОСА. Гностики, с другой стороны, возражали против плоти, но признавали Логоса» [**142**].

«Апокалипсис» Иоанна и объяснения искренних христианских епископов, таких как Синезий, который до конца придерживался доктрины Платона, заставляют нас думать, что самый разумный и безопасный путь заключается в том, чтобы придерживаться той чистосердечной первоначальной веры, которая, кажется, стимулировала вышеупомянутого епископа. Этот лучший, чистосердечнейший и наиболее несчастный из христиан, обращаясь к «Непознаваемому», восклицает:

> «О, Отец Миров... Отец эонов... *Создатель Богов* – да будет священно имя Твое!»

Но наставницей Синезия была Ипатия, и вот почему мы находим его признающимся со всею искренностью в своих убеждениях и в своей вере.

> «Толпы ничего другого не желают, как быть обманутыми... Что же касается меня, то я *всегда с самим собою буду философом,* но для людей я *должен быть священнослужителем».*

---

[197] «Вы осудили и убили праведника», говорит Иаков в своем послании к двенадцати племенам.

[198] Порфирий делает различие между тем, что он называет «античной или восточной философией» и собственно греческой системой, философией неоплатоников. Кинг утверждает, что все эти религии и системы суть ветви одной древней и общей религии – азиатской или буддхийской **[410,** с. I].

«Свят Бог-Отец всего бытия; свят Бог, чья мудрость приводится в исполнение Его собственными Силами!.. Свят Ты, чрез Слово сотворивший все! Поэтому я верю в Тебя и свидетельствую и иду в ЖИЗНЬ и СВЕТ» [**501**, с. 86, 87, 90].

Так говорит Гермес Трисмегист, языческий богослов. Какой христианский епископ мог бы сказать лучше!

Очевидные расхождения в четырех *Евангелиях* в целом не исключают того, что все повествования Нового Завета, как бы они ни были искажены, имеют основу истины. К ней хитро приделаны подробности – такие, которые соответствовали более поздним необходимостям церкви. Таким образом, попираемые частично косвенными свидетельствами, но еще более слепой верой, они со временем стали догматами веры. Даже вымышленное массовое избиение младенцев царем Иродом имеет некоторое основание в аллегорическом значении. Помимо теперь раскрытого факта, что все это повествование о таком избиении младенцев целиком взято из индийской «Бхагавадгиты» и брахманистских преданий, – эта легенда, кроме того, аллегорически указывает на исторический факт. Царь Ирод – типичный представитель Кансы, тирана Мадуры, дяди Кришны по материнской линии, которому астрологи предсказали, что сын его племянницы Деваки лишит его трона. Поэтому он отдал приказ убить родившегося у Деваки мальчика; но Кришна избег его гнева благодаря покровительству Махадэвы (великого Бога), который устроил так, что ребенок был унесен в другой город вне досягаемости Кансы. После этого, чтобы быть уверенным в уничтожении нужного мальчика, на которого ему не удалось наложить свои руки убийцы, Канса приказал убить всех новорожденных мальчиков по всему царству. Кришне поклонялись также гопи (овечьи пастухи) страны.

Хотя эта древняя легенда очень подозрительно напоминает более современный библейский эпизод, Гаффариль и другие приписывают происхождение его преследованиям в течение царствования Ирода каббалистов и *мудрецов,* не оставшихся строго правоверными. Последних, а также пророков, вследствие их святой жизни прозвали «невинными» и «младенцами». Как и в случае некоторых степеней современного масонства, адепты обозначали степень своего посвящения *символическим* возрастом. Так, например, Саул, который, когда его избрали царем, «был отборный и крупный мужчина», и «его плечи возвышались над всеми людьми», описан в католических версиях, как *«однолетнее* дитя, когда он начал свое царствование», что в буквальном значении есть явная нелепость. Но в «1 Самуила», X, описано посвящение и помазание Саула Самуилом; и в стихе 6 Самуил пользуется такими многозначительными словами:

«... Дух Господень снизойдет на тебя, и ты будешь пророчествовать им, *и превратишься в другого человека».*

Таким образом, вышеприведенная фраза становится ясной – он получил одну степень посвящения и был символически описан как «однолетнее дитя». Католическая Библия, из которой взята вышеприведенная цитата, с чарующей прямотой в подстрочнике добавляет: «Это чрезвычайно трудно объяснить» (подразумевая, что Саул был однолетним младенцем). Но ничуть не смущаясь трудностью, редактор, все же, берется это объяснить и добавляет: *«Однолетний младенец.* Это значит, что *он был добр* и *напоминал собою невинное дитя».* Истолкование настолько просто, насколько и благочестиво; и если оно бестолково, то, во всяком случае, безвредно.[199]

---

[199] Именно правильное толкование библейских аллегорий заставляет католическое духовенство так гневаться на протестантов, которые занимаются свободным исследованием Библии. Насколько этот гнев усилился, мы можем судить по следующим словам достопочтимого отца Паркера из Хайд-Парка в Нью-Йорке, который в своей лекции в католической церкви Св. Терезы 10 декабря

Если истолкование каббалистов отвергается, то весь этот вопрос окончательно запутывается, еще хуже – ибо это превращается в непосредственный плагиат из индусской легенды. Все комментаторы пришли к соглашению, что буквальное избиение младенцев нигде в истории не упомянуто; и что, кроме того, подобное событие должно было бы стать такой кровавой страницей в летописях Рима, что описание его сохранил бы для нас каждый писатель тех дней. Сам Ирод был подчинен римскому закону, и, несомненно, за такое чудовищное преступление поплатился бы собственной жизнью. Но если, с одной стороны, в истории нет ни малейшего следа этой басни, то, с другой стороны, в официальных жалобах синагоги мы находим обилие доказательств о преследовании посвященных. *«Талмуд»* также это подтверждает.

Еврейская версия рождения Иисуса изложена в «Сефер-Толдос Йешу» в следующих словах:

> «Мария стала матерью Сына по имени Йешуа, и когда сын подрос, она поручила его заботам раввина Эланана, и ребенок делал успехи в познаниях, так как был одарен духом и пониманием.
>
> Раввин Йешуа, сын Парахии, продолжал образование Йешуа (Иисуса) после Эланана, и *посвятил* его в *сокровенное* знание;»

но так как Царь, Ианней, приказал истребить всех посвященных, Йешуа Бен Парахиа бежал в Александрию в Египте, взяв юношу с собой.

Далее в повествовании рассказывается, что в Александрии они были приняты в дом богатой и ученой дамы (олицетворение Египта). Молодой Иисус нашел ее прекрасной, несмотря на *«недостаток в ее глазах»* и объявил об этом своему учителю. Выслушав его, последний настолько рассердился за то, что его ученик нашел что-то хорошее в этой стране рабства, что «проклял и прогнал от себя молодого человека». Затем следует ряд приключений, рассказанных аллегорическим языком, которые показывают, что Иисус дополнил свое посвящение в еврейскую *«Каббалу»* дополнительными познаниями сокровенной мудрости Египта. Когда преследования прекратились, они оба вернулись в Иудею.[200]

Действительные причины недовольства Иисусом изложены ученым автором «Tela Ignea Satanae» (Огненные стрелы Сатаны) в количестве двух: 1-ое – что, будучи посвященным в Египте, он раскрыл великие мистерии их Храма; и 2-ое – что он

1876 г. сказал: “Перед кем протестантская церковь находится в долгу за то, что она обладает Библией, *которую она желает передать в пользование всем невежественным людям и детям?* Она в долгу перед руками монахов, которые тщательно переписывали ее до наступления века печати. Протестантство создало раскол в церкви, восстания и мятежи в государстве, нездоровую общественную жизнь и не удовлетворится ничем, кроме свержения Библии! Протестанты должны признать, что Римская церковь сделала больше для распространения христианства и уничтожения идолопоклонства, чем все их секты. С одной кафедры говорят, что нет никакого ада, а с другой – что есть немедленное и неумолимое проклятие. Один говорит, что Иисус Христос был только человек; другой – что вас нужно телесно погрузить в воду для крещения, но отказывает в этом обряде младенцам. У большинства из них нет предписанных форм богослужения, нет священных одеяний, и их доктрины такие же сопределенные, как бесформенны их богослужения. Основатель Протестантизма, Мартин Лютер, был самый плохой человек в Европе. Появление Реформации послужило сигналом для гражданской войны, и начиная с того времени до сегодняшнего дня мир находится в состоянии беспокойства, вселяющем тревогу правительствам, и с каждым днем становится все более скептическим. Окончательная тенденция Протестантизма ведет не менее как к разрушению всякого уважения к Библии и к разрушению правительства и общества”. Это очень откровенная речь. Протестанты легко могли бы возвратить этот комплимент.

[200] Элифас Леви приписывает это повествование талмудистским авторам “Сота” и “Санхедрина”, с. 19, книга “Иехииля”.

профанировал их тем, что раскрыл их простому народу, который неправильно их понял и исказил. Вот что они говорят:[201]

> «В святилище Бога Живого есть кубический камень, на котором высечены священные начертания, комбинация которых дает объяснение атрибутов и сил несказуемого имени. Это объяснение является ключом ко всем оккультным наукам и силам природы. Это есть то, что евреи называют *Шам хамфораш.* Этот камень охраняется двумя львами из золота, которые ревут, как только кто-нибудь приближается.[202] Ворота храма всегда охранялись и дверь святилища открывалась только один раз в году, чтобы впускать туда только Первосвященника. Но Иисус, узнавший в Египте при посвящении «великие тайны», сковал себе невидимые ключи и таким образом обрел возможность проникнуть в святилище назамеченным... Он скопировал начертания на кубическом камне и спрятал их в своем бедре;[203] после этого, выбравшись из храма, он отправился в чужие страны, где начал удивлять людей своими чудесами. Мертвые по его велению воскресали, прокаженные и одержимые исцелялись. Он заставил камни, веками пролежавшие на дне моря, подниматься на поверхность воды и складываться в гору, с вершины которой он проповедовал».

Далее «Сефер Толдос» сообщает, что *не будучи в состоянии сдвинуть* кубический камень святилища, Иисус изготовил такой же камень из глины, который потом показывал народам, выдавая его за настоящий кубический камень Израиля.[204]

Эта аллегория, как и остальные в таких книгах, написана «изнутри и снаружи», т. е. она имеет сокровенный смысл и должна читаться двояко. Каббалистические книги объясняют ее мистическое значение. Далее тот же талмудист говорит, в основном, следующее: Иисус был брошен в тюрьму, и там его держали сорок дней; затем его пороли как мятежного бунтаря; потом бросали в него камнями, как в кощунствующего, на месте, называемом Луд, и наконец, предоставили ему медленно умирать на кресте.

> «Все это потому», – объясняет Леви, – «что он раскрыл людям истины, которые они (фарисеи) хотели сохранить только для своего собственного пользования. Он овладел оккультной теологией Израиля, сопоставил ее с мудростью Египта и нашел тем причину для всеобщего религиозного синтеза» [**158**, с. 37].

Как бы ни осторожным следует быть в принятии чего-либо об Иисусе из еврейских источников, надо признать, что в некоторых вещах они кажутся более правдивыми в своем изложении (когда это не касается их прямой заинтересованности в освещении фактов), чем наши добрые, но слишком рьяные отцы. Одно несомненно, Яков, «Брат Господень», сохраняет молчание по поводу *воскресения.* Он нигде не называет Иисуса «Сыном Божиим» или даже Христом-Богом. Только один раз, говоря о Иисусе, он называет его «Господом Славы», но так поступают и назареи, когда пишут о своем пророке Иоанане бар Захарии или о Иоанне, сыне Захарии (Св. Иоанне Крестителе). Их излюбленными выражениями в отношении своего пророка являются те же самые, которые употребляет Яков, говоря о Иисусе. Человек «от человеческого семени», «Посланец Жизни и Света», «мой Господь-Апостол», «Царь, возникший из Света» и т. д.

---

[201] Этот фрагмент переведен с еврейского подлинника Элифасом Леви в его “La Science des Esprits” [**158**].

[202] Те, кто хоть сколько-нибудь знакомы с ритуалами евреев, должны узнать в этих львах гигантские фигуры херувимов, символическая чудовищность которых была рассчитана на то, чтобы напугать и обратить в бегство профана.

[203] Арнобий приводит это же повествование об Иисусе и рассказывает, как его обвинили в краже из святилища тайных имен Святейшего, посредством которых, якобы, он совершал все чудеса.

[204] Это перевод Элифаса Леви.

«Разве не вера в нашего *Господа* ИИСУСА Христа, *Господа Славы»,* и т. д., – говорит Яков в своем послании (II, 1), по-видимому, имея в виду Христа как БОГА. «Мир тебе, мой *Господь,* ИОАНН Або Сабо, Господь Славы!» – говорит «Кодекс назареев» [II, 19], обращаясь только к пророку. «Вы осудили и убили *Праведника*», – говорит Яков [V, 6]. «Иоанан (Иоанн) – *праведник,* он идет путем *справедливости*», – говорит *Матфей* (XXI, 32, сирийский текст).

Яков даже не называет Иисуса *Мессией* в том смысле, какой придают этому титулу христиане, а намекает на каббалистического «Царя Мессию», который есть Господь Саваоф [478, т. 3, с. 61], (V, 4) и повторяет несколько раз, что «Господь» придет, но нигде не отождествляет последнего с Иисусом.

«Будьте терпеливы, поэтому, братья, до пришествия Господа... будьте терпеливы, ибо пришествие Господа *приближается»* (V, 7, 8). И добавляет: «Берите, братья, пророка (Иисуса), *который говорил от имени Господа,* в качестве примера страдания, огорчения и терпения».

Хотя в нынешней версии слово «пророк» стоит во множественном числе, все же это умышленная фальсификация оригинала, цель которой слишком очевидна. Яков, немедленно, после того как приводил «пророков» в качестве примера, добавляет: «Внимайте... вы слышали о терпении Иова и *видели конец Господа*», – объединяя примеры этих двух, вызывающих восхищение характеров и ставя их на одном уровне. Но у нас есть еще что-то в поддержку нашего аргумента. Разве Иисус сам не прославляет пророка Иордана?

«Кого пошли вы смотреть? Пророка? Да, я говорю вам, и больше, чем пророка... Истинно говорю вам, среди тех, кто родились от женщины, не было большего, чем Иоанн Креститель».

И от кого родился тот, кто так говорит? Это только римские католики сделали из Марии, матери Иисуса, *богиню.* В глазах всех других христиан она была женщиной, независимо от того, было ли его собственное рождение беспорочным или нет. По строгой логике, Иисус тогда признал, что Иоанн *превосходит* его самого. Заметьте, как этот вопрос полностью разрешается теми словами, какие произносит ангел Гавриил, когда он обращается к Марии: «Благословенна ты среди *женщин».* Эти слова недвусмысленны. Он не преклоняется перед нею как перед Матерью Бога и не называет ее *богиней,* он даже не употребляет при обращении слова «Дева», но называет ее *женщиной* и лишь отличает ее от других женщин тем, что она через свою чистоту удостоилась лучшей судьбы.

Назареи были известны как крещенцы, сабеяне и Иоанновы христиане. Они верили, что Мессия не Сын Божий, но просто пророк, который последует за Иоанном.

«Иоанан, Сын Або Сабо Захарии, скажет сам себе: «Кто бы ни поверил в мою *справедливость* и в мое КРЕЩЕНИЕ, будет приобщен к моей общине; он разделит со мною то место, которое есть обитель жизни, верховного Мано, и живого огня» [**257**, II, с. 115]. Ориген замечает: «Есть некоторые, говорящие о Иоанне (Крестителе), что он был *помазанник* (Христос) [**309**, т. II, с. 150]. Ангел Расиил каббалистов есть ангел *Гавриил* назареев, и последний является тем, кого из всей небесной иерархии христиане выбрали в качестве вестника «благовещения». Гений, посланный «Господом *Celsitude»* есть Эбел Зиво, которого также называют Посланец ГАВРИИЛ» [**257**, т. I, с. 23].

Должно быть Павел имел в виду секту назареев, когда он сказал: «А после всех [Иисус] явился и мне, как некоему извергу [*родившемуся до срока*]» [*1 Коринф*., XV, 8], напоминая, таким образом своим слушателям о высказывании, обычном для назареев,

которые называли евреев «недоносками или родившимися до срока». Павел гордится тем, что принадлежит к ереси.[205]

Когда метафизические концепции гностиков, которые видели в Иисусе Логоса и помазанника, начали получать признание, то ранние христиане отделились от назареев, которые обвиняли Иисуса в извращении доктрин Иоанна и изменении крещения в Иордане [257, т. II. с. 109].

> «Как только», – говорит Милман, – «оно *(Евангелие) перешло* границы Палестины, и имя «Христа» приобрело святость и почитание в восточных городах, он стал чем-то вроде *метафизического олицетворения,* тогда как религия теряла свой чисто нравственный склад и приняла характер *спекулятивной теогонии*» [**422**, с. 200].

Единственным наполовину подлинным документом, дошедшим с первоначальных апостолических дней до наших времен, является *«Logia»* Матфея. Действительная, подлинная доктрина осталась в руках назареев, в этом «Евангелии от Матфея», содержащем тайную доктрину, «Афоризмы Иисуса», упомянутые Папиасом. Эти афоризмы, несомненно, были того же рода, что и небольшие рукописи, выдаваемые на руки неофитам, которые являлись кандидатами на посвящение в мистериях, и в которых содержалась «Апоррета», раскрытие каких-либо важных ритуалов и символов. Ибо зачем было Матфею прибегать к таким предосторожностям, чтобы сделать их *«тайными»,* если было бы иначе?

Первоначальное христианство имело свои особые рукопожатия, пароли и степени посвящения. Бесчисленные гностические геммы и амулеты являются вескими доказательствами этому Это есть целая наука символики. Каббалисты были первыми, украшавшими вселенского Логоса[206] такими названиями как «Свет Света», Посланец ЖИЗНИ и СВЕТА,[207] и мы находим, что христиане *in toto* приняли эти выражения и вдобавок почти все гностические термины, например, плерома (полнота), архоны, эоны и т. д. Что же касается «Первородного», Первого и «Единородного», то они так же стары, как мир. Ориген показывает, что слово «Логос» существовало у брахманов.

> *«Брахманы* говорят, что Бог есть *Свет,* не такой, какой мы видим, так же и не такой, как солнце и огонь, но у них есть *Бог* ЛОГОС, непроизносимый, Логос Гнозиса, через которого мудрые видят высочайшие ТАЙНЫ Гнозиса» [**310**, XXIV].

«Деяния» и четвертое *Евангелие* кишат гностическими выражениями. Каббалистическое: «Первородный Бога эманировал из Высочайшего», вместе с *тем, что есть «Дух помазания»,* и опять «они назвали его помазанником Высочайшего»,[208] – воспроизводится и по духу и но сути автором «Евангелия от Иоанна». «То был *истинный свет»,* и «свет светил во тьме». «И СЛОВО *стало плотью».* «И от *полноты* [плеромы] его все мы приняли», и т. д. [*«Иоанн»,* I, 16 и далее].

Так, «Христос» и «Логос» существовали за века до христианства; Восточный Гнозис изучался задолго до дней Моисея, и начало их нам следует искать в архаических периодах первичной азиатской философии. «Второе Послание Петра» и отрывок «Послания Иуды», сохранившийся в Новом Завете, своей фразеологией показывают, что они принадлежат к каббалистическому восточному Гнозису, так как они употребляют те же самые выражения что и христианские гностики, которые построили часть своей системы по Восточной

---

[205] “По учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу” [*Деяния*, XXIV, 14].

[206] Данлэп в [**142**] говорит: “М-р Холл из Индии сообщил нам, что он видел санскритские философские трактаты, в которых *Логос* постоянно встречается”, примеч., с. 39.

[207] См. [*Иоанн,* I].

[208] [**504**, с. 10, 11], см. “Libri Mysterii”.

«Каббале». «[Они (офиты)] презирают начальство, дерзки, своевольны и не страшатся злословить ВЫСШИХ», – говорит Петр [*2 Посл. Петра*, II, 10], – образец для более поздних ругателей, Тертуллиана и Иринея.[209] «Точно так же (как в Содоме и Гоморре) эти *грязные* мечтатели оскверняют плоть, презирают ЦАРСТВО и дурно говорят о ВЛАСТЯХ», – говорит Иуда, повторяя те же слова Петра, то есть выражения, освященные в *«Каббале». Царство* есть «Империя», *десятый* из каббалистических сефиротов.[210] *Силы* и Власти суть гении, подчиненные архангелам и ангелам «Зогара».[211] Эти эманации являются самой жизнью и душою *«Каббалы»* и Зороастризма; и сам *«Талмуд»* в его нынешнем состоянии весь заимствован из «Зенд-Авесты». Поэтому, вследствие принятия взглядов Петра, Иуды и других еврейских апостолов христиане стали только раскольничьей сектой персов, ибо они даже не расшифровывают смысл всех этих *Сил,* как это делают истинные каббалисты. Предостережение Павла своим последователям против поклонения ангелам показывает, как хорошо он понял уже в то время опасность, заключавшуюся в заимствовании метафизической доктрины, философию которой могли правильно истолковать только ее ученые приверженцы, маги и еврейские танаимы. «Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и *служением Ангелов,* вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским свои умом» [*Колоссянам,* II, 18], – это высказывание, прямо направленное в адрес Петра и его последователей. В *«Талмуде»* Михаил является Князем Воды; он имеет *семь* подчиненных ему низших духов. Он покровитель и ангел-хранитель евреев, как об этом сообщает нам «Даниил» [V, 21], и греческие офиты, которые отождествляли его со своим Офиоморфосом, олицетворенным сотворением зависти и злобы Ильда-Баофа, Демиурга (Творца *материального* мира), и пытались доказать, что он также был Самаэль, еврейский князь злых духов или персидских дэвов, – естественно считались евреями кощунниками. Но разве Иисус когда-либо одобрял эту веру в ангелов, за исключением только намеков, что они являются посланцами и подчиненными Бога? И здесь происхождение позднейших расколов между христианскими верованиями можно непосредственно проследить до этих двух ранних противоположных взглядов.

Павел, верящий во все такие оккультные силы мира «невидимого», но всегда «присутствующего», говорит: «Вы ходили в согласии с ЭОНОМ мира сего, в согласии с *Архоном* (Ильда-Баофом, *Демиургом),* который властвует в воздухе», и «мы не боремся против плоти и крови, но против *властей, сил;* властителей тьмы, вредоносных духов в верхних областях». Эта фраза: «Вы были мертвы в грехе и заблуждении», ибо «вы ходили в согласии в *Архоном»,* или Ильда-Баофом, Богом и творцом материи офитов, – недвусмысленно показывает, что 1-ое, Павел, несмотря на некоторые расхождения по самым важным доктринам гностиков, более или менее разделял их космогонические взгляды на эманации; и 2-ое, что он был полностью осведомлен, что этот Демиург, чье еврейское имя было Иегова, *не* был тем Богом, которого проповедовал Иисус. А теперь, если мы сопоставим доктрину Павла с религиозными воззрениями Петра и Иуды, то найдем, что они не только поклонялись архангелу Михаилу, но что они также *почитали*

---

[209] “Они как природные *скоты”*. “Собака опять возвратилась к своей блевотине, и вымытая *свинья* – к своей луже, где она валялась” (22).

[210] Образы творения или атрибуты Верховного Существа, через эманации Адама Кадмона; они суть: *“Венец, Мудрость, Благоразумие, Великолепие, Строгость, Красота, Победа, Слава, Основание, Империя.* Мудрость называется *Jeh;* Благоразумие – *Jehovah;* Строгость – *Elohim;* Великолепие – *El;* Победа и Слава – САВАОФ; Империя или Царство – АДОНАЙ”. Поэтому, когда назареи и другие гностики, более тяготеющие к учению Платона, – дразнили евреев как “недоносков, поклоняющихся своему богу Иурбо, Адунай”, – нам не следует удивляться гневу тех, кто приняли старую Моисееву систему, но гневу Петра и Иуды, которые выдают себя за последователей Иисуса и отступают от взглядов его, кто сам был назареем.

[211] Согласно *“Каббале”, империя* или *царство* есть “огонь поядающий, и его жена есть Храм или Церковь”.

САТАНУ, так как последний перед своим падением также был ангелом! Это они делают совсем открыто и бранят гностиков[212] за то, что те «дурно» говорят о нем. Никто не может отрицать следующего: Петр, браня тех, кто не боятся дурно говорить о *«высших»,* немедленно добавляет:

> «Тогда как и Ангелы, превосходя их крепостью и силою, *не произносят на них* [на власти] пред Господом *укоризненного суда*» [*2 Посл. Петра*, II, 11].

Кто эти власти? Иуда в своем главном послании делает значение этого слова таким ясным, как день. Эти *власти* – ДЬЯВОЛЫ!! Жалуясь на непочтительность, выказанную гностиками по отношению к *силам* и *властям,* Иуда аргументирует теми же словами Петра:

> «И даже Михаил, архангел, когда состязаясь *с дьяволом,* спросил о теле Моисея, *не смел произнести укоризненного суда ему,* но сказал: да запретит тебе Господь». (1, 9).

Достаточно ли это ясно? Если нет, у нас есть *«Каббала»,* чтобы доказать, кто эти *власти.*

Принимая во внимание, что «Второзаконие» говорит нам, что *«Господь»* сам похоронил Моисея в земле Моавитской [XXXIV, 6], и что «никто не знает места погребения его даже до сего дня», – эта библейская *lapsus linguae* Иуды придает сильную окраску утверждениям некоторых гностиков. Они заявляли только то, чему тайно учили сами еврейские каббалисты, то есть: что высочайший верховный Бог непознаваем и незрим; «Царь Света есть закрытый глаз»; что Ильда-Баоф, еврейский второй Адам, был действительным Демиургом, и что Иао, Адонай, Саваоф и Элои были четвертой эманацией, которая образовала единство Бога евреев – Иегову. Кроме того, последнего они также называли Михаилом и Самаэлем и рассматривали лишь как ангела на несколько этапов ниже Бога. Придерживаясь такого верования, гностики сочувственно относились к учениям величайшего из еврейских докторов, Хиллела, и других вавилонских теологов. Иосиф являет большое уважение официальной Синагоги в Иерусалиме к мудрости школ Центральной Азии. Училища в Соре, Пумбидите и Нахайдее считались главными центрами эзотерической и теологической учености всеми школами Палестины. Халдейская версия *Пятикнижия,* собранная известным вавилонским теологом Онкелосом, считалась наиболее достоверной изо всех; и именно благодаря этому ученому раввину Хиллел и другие танаимы после него верили, что Существо, которое показалось Моисею в неопалимой купине на горе Синай и, под конец, похоронило его, было *ангелом* Господа, Мемро, а не самим Господом; и что тот, кого евреи Ветхого Завета ошибочно приняли за *Иахо,* был только посланец Его, один из Его сыновей или эманаций. Все это приводит к одному логическому заключению, а именно, что гностики намного превосходили учеников в области образования и общей осведомленности, даже в знании религиозных учений самих евреев. В то время как они в совершенстве владели халдейской мудростью, – полные добрых намерений, благочестивые, но фанатичные настолько же, насколько невежественные, ученики не будучи в состоянии полностью понять и охватить религиозный дух своей собственной системы, во время диспутов прибегали к такой убедительной логике, как употребление «скоты», «свиньи», «собаки» и других эпитетов так щедро расточаемых Петром.

С того времени эта эпидемия в иерархии священства достигла кульминации. С того дня, когда основатель христианства произнес предостережение, что тот, кто скажет своему брату – «ты дурак – тому угрожает адское пламя», – все те, кто стали вождями христианства, начиная с одетого в лохмотья галилейского рыбака и кончая усеянными

---

[212] Более вероятно, что они оба бранят Павла, который выступал против этого верования, и гностики были только предлогом. (См. *Второе Послание Петра*.)

драгоценностями понтифами, кажется, только и старались превзойти один другого в изобретении оскорбительных эпитетов для своих противников. Так мы находим Лютера, произносящим окончательный приговор католикам и восклицающим: «Паписты все ослы, в каком бы виде они ни были; вареные ли, жареные ли, со снятой ли кожей, тушеные ли – они всегда останутся теми же ослами». Кальвин обзывал жертв, которых он преследовал и иногда сжигал «злобными лающими собаками, полными скотства и наглости, подлыми исказителями священного писания», и т. д. Д-р Ворбартен называет папскую религию «нечестивым фарсом», а мосье Дюпело утверждает, что протестантская субботняя служба представляет «Дьяволову мессу», а все духовенство – «воры и служители Дьявола».

Тот же самый дух неполного исследования и невежества привел христианскую церковь к тому, что она наделила своих наиболее святых апостолов титулами, перенятыми от их наиболее отчаянных противников, «еретиков» и гностиков. Так, например, Павел назван сосудом избранным *Vas Electionis*; этот титул, избранный Манесом,[213] величайшим еретиком в глазах церкви в те дни; Манес на вавилонском языке значит избранный сосуд или вместилище.[214]

То же самое с Девой Марией. У них было так мало самобытности, что они скопировали с египетской и индусской религий их несколько обращений к своим соответствующим Девам-Матерям. Сопоставление нескольких примеров прояснит это.

ИНДУССКИЕ	ЕГИПЕТСКИЕ	РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЕ
Литания нашей Владычицы Нари: Девы. (Также Деванаки.)	*Литания нашей Владычицы Изиды: Девы.*	*Литания нашей Владычицы Лорентской: Девы.*
1. Святая Нари-Мари-ама. Матерь вечного плодородия.	1. Святая Изида, всемирная Матерь – Мут.	1. Святая Мария, матерь божественного милосердия.
2. Мать воплощенного Бога-Вишну (Деванаки).	2. Матерь богов – Атхир.	2. Богоматерь.
3. Мать Кришны.	3. Мать Гора.	3. Мать Христа.
4. Вечная Девственность – Каньябава.	4. Virgo generatrix – Неит.	4. Девственница из девственниц.
5. Матерь – Чистая Сущность – Акаша.	5. Матерь-душа вселенной – Аноуке.	5. Матерь божественного милосердия.
6. Дева пречистая – Канья.	6. Дева священная земля – Изида.	6. Дева пречистая.
7. Матерь Тауматра пяти добродетелей или элементов.	7. Матерь всех добродетелей – Тхмей, с теми же свойствами.	7. Мать пречистая. Мать неоскверненная. Мать нерушимая. Мать прелюбезная. Мать превосходная.
8. Дева Тригана (трех элементов, силы или	8. Преславная Изида. Всесильная, милосердная,	8. Дева всесильная Дева премилосердная. Дева

[213] Настоящее имя Манеса, по рождению – перса, было Кубрик. (См. [**475**, LXV] – “Жизнь Манеса”.) По требованию магов персидский царь Варанес I велел с него живого содрать кожу. Плутарх говорит, что Манес или Манис означает Массес или ПОМАЗАННИК. Поэтому сосуд или ваза избранная означает сосуд, полный того света от Бога, который он изливает на того, кого он избрал своим истолкователем.

[214] См. [**410**, с. 38].

плодородия, любви и милосердия	справедливая. (“Книга Мертвых”)	пречестная.
9. Зеркало Верховного Сознания – Аханкара.	9. Зеркало Справедливости и Истины – Тхмей.	9. Зеркало Справедливости.
10. Мудрая Мать – Сарасвати.	10. Таинственная Матерь Мира – Буто (сокровенная мудрость).	10. Обиталище Мудрости.
11. Дева белого Лотоса, Падма или Камала.	11. Священный Лотос.	11. Мистическая Роза.
12. Утроба из Золота Хиранья.	12. Систрум из Золота.	12. Золотой дом.
13. Небесный Свет – Лакшми.	13. Астарта (сирийская), Астарот (еврейская).	13. Звезда Утренняя.
14. То же.	14. Лунный серп.	14. Ковчег Завета.
15. Царица Небесная и Царица вселенной – Шакти.	15. Царица Небесная и царица вселенной – Сати.	15. Царица Небесная.
16. Материнская душа всех существ – Параматма.	16. Образец всех матерей – Атхор.	16. Матерь Скорбящая.
17. Деванаки зачата безгрешно и сама беспорочна (по представлениям брахманов).	17. Изида – Девственная Матерь.	17. Мария зачата безгрешно. (В соответствии с последними указаниями.)

Христианское богословие, получившее доктрины об архангелах и ангелах непосредственно из *«Каббалы»* Востока, по отношению к которой Моисеева Библия является только аллегорическим экраном, должно бы, по меньшей мере, запомнить иерархию, изобретенную *«Каббалой»* для этих олицетворенных эманаций. Сонмы херувимов и серафимов, которые мы обычно видим окружающими католических Мадонн на картинках, принадлежат, вместе с элохимами и бени элохимами евреев, к *третьему* каббалистическому миру, *Иецире.* Этот мир только на одну ступень выше *Асии,* четвертого и самого низкого мира, в котором обитают самые грубые и самые материальные существа – клиппоты, которые находят удовольствие во зле и смуте, и чей глава – *Велиал!*

Объясняя, разумеется, по-своему, различные «ереси» первых двух веков, Ириней говорит: «Наши еретики верят... что ПРОПАТОР ведом лишь *единородному* сыну, т. е. *уму»* (ноус). Это были валентианцы, последователи «глубочайшего знатока Гнозиса», Валентина, которые верили, что «был некий совершенный АИОН», существовавший до Битоса или Бутона (Глуби), называвшийся Пропатором. Это опять каббалистика, так как в «Зогаре» Симона Бен Иохай мы читаем следующее:

> «Senior occultatus est et absconditus; Microprosopus manifesfus est et non manifestus» [**505**], IV, I].

В религиозной метафизике евреев Высочайший представляет абстракцию; он «без формы или существа», и «ни на что другое не похож» [256, с. 126]. И даже Филон называет Творца, *Логоса,* который близко к Богу, «ВТОРЫМ Богом». *«Второй* Бог, который есть его МУДРОСТЬ» [460]. Бог есть НИЧТО, он безымянен, и поэтому его

называют *Эйн-Соф* – слово *Эйн* означает *ничто.*[215] Но если, согласно более старым евреям, Богом является Иегова, и Он Сам является несколько раз Моисею и пророкам, и христианская церковь предавала анафеме гностиков, отрицавших этот факт, – то как же мы тогда читаем в четвертом *Евангелии*, что *«Ни один человек* НИКОГДА *не видел Бога,* кроме *единородного* Сына... свидетельствовавшего о нем»? Это те же самые слова гностиков, и по духу и по содержанию. Эта сентенция Св. Иоанна – или, вернее, того, кто написал *Евангелие*, ныне носящее это имя – опрокидывает безапелляционно все аргументы Петра против Симона Волхва. Эти слова повторяются и подчеркиваются в главе VI: Не было того, *«чтобы кто видел Отца,* кроме Того, Кто есть от Бога, Он [Иисус] видел Отца» (46) – то самое возражение, которое выдвинуто в «Homilies» Симоном. Эти слова доказывают, что или автор четвертого *Евангелия* не имел никакого представления о существовании «Homilies», или же он *не* был Иоанн, друг и сотоварищ Петра, которому он противоречит резко и решительно этим категорическим утверждением. Как бы то ни было, эта сентенция, подобно многим другим, которые можно бы с пользой процитировать, совершенно сливает христианство с восточным гнозисом, и следовательно, с КАББАЛОЙ.

В то время как доктрины, этический кодекс и обрядность христианской религии были заимствованы и присвоены из брахманизма и буддизма, его церемониалы, облачения, пышность и великолепие были целиком взяты из ламаизма. Римские мужские и женские монастыри являются почти раболепными копиями подобных же религиозных учреждений в Тибете и Монголии, и заинтересованные исследователи буддийских стран, когда им приходилось упоминать этот нелицеприятный факт, не видели перед собой иного выхода, как только повторять анахронизм, непревзойденный по своей опрометчивости, а именно возведении обвинения в плагиате на ту религиозную систему, которую их собственная родная церковь ограбила. Эта замена не без успеха сослужила свою службу. Наконец настало время, когда эта страница истории должна быть переписана.

---

[215] См. [**256**, с. 153 ff].

ГЛАВА V
ТАЙНЫ КАББАЛЫ

"Познавая все, сам оставайся непознанным".

– Гностический афоризм.

"Есть над богами всеми единый Бог, божественнее смертных,
Чья форма не похожа на человеческую, как не похожа и его природа;
Но смертные напрасно возомнили, что боги *им подобно рождены,*
С человеческими чувствами, и голосом, и членами телесными".

– Ксенофан [Клемент Александрийский, "Строматы", V, 14, § 110].

"ТИХИАД. – Не можешь ли ты, Филокл, указать мне причину, почему большинство людей так любят лгать и не только радуются, когда лгут сами, но и очень прислушиваются ко лжи других?
"ФИЛОКЛ. – Много может быть причин, Тихиад, которые заставляют некоторых лгать, ибо они видят, что это выгодно".

– Диалог Лукиана.

"СПАРТАНЕЦ. – Перед кем мне следует исповедоваться – перед тобою или перед Богом?
"ЖРЕЦ. – Перед Богом.
"СПАРТАНЕЦ. – Тогда, **человек**, отступи!"

– Плутарх, "Замечательные поговорки лакедемонцев".

Теперь мы хотим уделить внимание некоторым из наиболее значительных Тайн *«Каббалы»* и проследить их связь с философскими мифами различных народов.

В старейшей восточной *«Каббале»* божество изображено как три окружности в одной, окутанной каким-то дымом или хаотическим паром. В предисловии к «Зогару», который преобразил три изначальных круга в три головы, над ними начертано испарение или дым, ни черный, ни белый, но бесцветный и обведенный окружностью. Это есть непознаваемая Сущность.[216] Происхождение этого еврейского образа можно проследить до Гермесовского *Пэмандра,* египетского Логоса, который появляется в облаке влаги с поднимающимся от него дымом.[217] В «Зогаре» высочайший Бог является, как мы уже показали в предшествующей главе, и как обстоит дело в индийской и буддийской философиях, – чистой абстракцией, объективное существование которой последними отрицается. Это есть Акама, «ВЕРХОВНАЯ МУДРОСТЬ, которая не может быть постигнута путем размышления», и которая находится внутри и снаружи ЧЕРЕПА ВЕЛИКОГО ЛИКА[218] (Сефиры), самой высшей из трех «Голов». Это есть «беспредельный и бесконечный Эйн-Соф», Ни-Что.

«Три Головы», наложенные одна на другую, очевидно взяты от трех мистических треугольников индусов, которые также накладываются один на другой. Высочайшая «голова» содержит *Тройственность в Хаосе,* из которой возникает проявленная тройственность. Эйн-Соф, непроявленный навсегда, который неограничен и необусловлен, не может творить, и поэтому нам кажется большой ошибкой приписывать ему «творческую мысль», как обычно поступают истолкователи. Во всех космогониях эта верховная Сущность *пассивна;* если она неограничена, бесконечна и необусловлена, она не может иметь ни *мысли,* ни *идеи.* Она действует не в результате желания, но повинуясь своей собственной природе, и *в соответствии с неизбежностью закона, воплощением которого она сама является.* Таким образом, у еврейских каббалистов Эйн-Соф является

---

[216] [**419**]; предисловие к *"Зогару",* II, с. 242.
[217] См. [**392**].
[218] *Idra Rabba*, VI. с. 58.

несуществующим אין, так как он непостижим для нашего конечного разума и поэтому не может существовать для наших умов. Его первой эманацией была Сефира, венец. Когда настало время активного периода, была произведена естественная экспансия этой Божественной сущности изнутри наружу, подчиняясь вечному и нерушимому закону; и из этого вечного и бесконечного света (который для нас – тьма) была излучена духовная субстанция.[219] Это был Первый сефирот, содержащий в себе другие девять ספירות сефиротов, или разумов. В своей совокупности и единстве они представляют Первоначального Человека, Адама Кадмона, πρωτόγονος, который в своей индивидуальности или единстве все же двойственен или двупол, греческий *Didumos*, ибо он есть прототип всего человечества. Таким образом у нас получаются три троицы, каждая содержится в одной «голове». В первой голове или в «лике» (трехликая индусская Тримурти) мы находим *Сефиру, первого* андрогина, в вершине верхнего треугольника, который испускает *Акама*, или мудрость, мужскую и активную силу, также называемую *Jah*, יה – и *Бину,* בינה, или Разум, женскую и пассивную силу, также представляемую под именем *Jehovah,* יהוה. Эти три образуют первую троицу или «лик» Сефиротов. Эта триада эманирует *Хесед,* חסד, или Милосердие, мужскую активную силу, также называемую *Эл,* из которой эманирует *Гебура* или Справедливость, также называемая *Элоа,* женская пассивная сила; от союза этих двух произошла Тиферет, חפארה, Красота, Снисходительность, Духовное Солнце, известное под божественным именем *Элохим;* и таким образом была образована вторая триада, «лик» или «голова». Она в свою очередь, эманирует мужскую силу *Нэцах,* נצה, Устойчивость или Иегову Саваофа, который испускает женскую пассивную силу *Ход,* הוֹד, Великолепие или элохима Саваофа; эти двое производят *Иесод,* יסוֹד, Основание, которое есть могущественый живой *Эл-Хай,* и таким образом сформирована третья троица или «голова». Десятый сефирот скорее дуада и представлен на диаграмме как низшая окружность. Это Малкут или Царство, מלכות и Шехина שכינה, также называемое Адонай, и *Херувим* среди сонм ангелов. Первая «Голова» называется Умственным миром; вторая «Голова» есть Чувственный мир или мир Восприятии; а третья – это Материальный или Физический мир.

> «Прежде чем он придал какую-либо форму вселенной», – говорит *«Каббала»,* – «прежде чем он создал какую-либо форму, он был одинок без какой-либо формы и подобия чему-либо. Кто же тогда может постичь его, каков он был до творения, раз он был бесформенным? Поэтому запрещается изображать его какой-либо формой, подобием или даже его священным именем, единой буквой, единой точкой... Старейший из Старейших, Непознаваемый из Непознанных имеет форму и все же не имеет формы. Он имеет форму, посредством которой вселенная сохраняется, и все же не имеет формы, потому что он не может быть постижим. Когда он впервые принял форму (в Сефире, своей первой эманации), он заставил девять великолепных светов эманировать из нее».[220]

А теперь мы обратимся к индусской эзотерической космогонии и определению «Того, кто есть, и кого все же нет».

> «От того, кто есть,[221] от этого бессмертного Принципа, который существует в наших умах, но не может быть воспринят чувствами, – рождается пуруша, божественный мужчина и женщина, кто стал Нараяной или божественным духом, движущимся над водой».

Сваямбхува, непознаваемая сущность брахманов, идентична с Эйн-Софом, непознаваемой сущностью каббалистов. Так же как у последних, несказуемое имя не

---

[219] *Idra Suta*, “Sohar”, II.
[220] *Idra Suta*, “Sohar”, III, с. 288a.
[221] *“Ego sum qui sum”* (см. Библию).

должно произноситься у индусов под страхом смерти. В древней первоначальной троице Индии, в той, которую можно определенно считать до-ведийской, *зародыш,* оплодотворяющий *материнский принцип,* мировое яйцо или вселенское чрево, – называется *Нара.* Дух или Святой Дух, который эманирует из первичной сущности. Он подобен Сефире, старейшей эманации, называемой *предвечной точкой* и *Белой Головой,* так как это есть точка божественного света, появляющаяся из неизмеримой и беспредельной тьмы. В «Ману» это есть «НАРА или Дух Божий, который движется по Аяна (Хаос, или место движения) и называется НАРАЯНА или движущийся по водам»[222]. У Гермеса, египтянина, мы читаем: «В начале времен в хаосе не было ничего». Но когда *verbum,* исходя из пустоты подобно «бесцветному дыму», появилось, тогда «это verbum двинулось по принципу влаги» [392]. И в «Бытии» мы находим: «И тьма была над ликом бездны (хаос). И Дух Божий носился над ликом вод». В *«Каббале»* эманация первичного пассивного принципа (Сефира) путем разделения на две части, активную и пассивную, испускает Хокма-Мудрость и Бина-Иегову, и в сочетании с этими двумя помощниками, которые завершают троицу, становится Творцом абстрактной вселенной; физический мир есть продукт последней и еще более материальных сил.*

[*Прим. Мы полностью осведомлены, что некоторые христианские каббалисты называют Эйн-Софа «Венцом», отождествляют его с Сефирой; называют Эйн-Софа «эманацией из Бога» и заставляют десять сефиротов образовать «Эйн-Софа» как единство их. Они также весьма ошибочно перевертывают первые две эманации Сефиры – Хокму и Бину. Величайшие каббалисты всегда считали Хокму (мудрость) мужским и активным разумом, *Jah* יה и помещали его под № 2 на правой стороне треугольника, вершиной которого является венец, тогда как Бина (Разум) или בינה, помещается под № 3 на левой стороне. Но последняя, будучи представлена по своему божественному имени, как Иегова יהוה, весьма естественно показала этим, что Бог Израиля есть только третья эманация и притом женский, пассивный принцип. Поэтому, когда для талмудистов настало время преобразовывать свои разнообразные божества в одного живого Бога, они прибегли к мазоретским точкам и создали комбинацию, чтобы превратить Иегову в Адоная, «Господа». Это, при преследовании средневековых каббалистов церковью, заставило некоторых из них заменить свои женские сефироты мужскими и наоборот, чтобы избегнуть обвинения в непочтительности и кощунстве по отношению к Иегове, чье имя, кроме того, по взаимному и тайному соглашению они приняли в качестве *заменителя* для *Jah* или тайного имени ИАО. Только *посвященные* знали об этом, но впоследствии это привело к большой путанице среди *непосвященных.* Если бы не недостаток места, то стоило бы привести цитаты из старейших еврейских авторитетов, например, из писаний раввина Акибы и из «Зогара», которые подтверждают наше утверждение. Хокма-Мудрость везде мужской принцип, а Бина-Иегова – женская сила. Писания Иринея, Теодорета и Епифания, кишащие обвинениями против гностиков и «ересей», неоднократно представляют Симона Волхва и Керинта, как делающих из Бины женского божественного Духа, вдохновляющего Симона. Бина есть София, и София гностиков определенно не является мужской силой, но есть просто женская Мудрость или Разум. (См. любой древний *«Arbor Kabbalistica»*, или Древо сефиротов.) Элифас Леви в «Догмы и ритуалы высшей магии» [**157**, т. I, с. 223 и 231] помещает Хокму как № 2 и как мужской сефирот по правую сторону Древа. В *«Каббале»* три мужских сефирота – Хокма, Хесед, Нэцах – известны под названием Колонна Милосердия, а три женские, помещенные на левой стороне, а именно: Бина, Гебура, Ход, называются Колонна Суждения, тогда как четыре сефирота центра – Кэтер, Тиферет, Иесод и Малкут – называются Средней Колонной. И, как Маккензи показывает в «Royal Masonic Cyclopaedia», у этих трех колонн «имеется аналогия с тремя колоннами Мудрости, Силы и Красоты в Крафт-Ложе масонства, тогда как Эйн-Соф образует таинственную пламенеющую звезду или мистический свет Востока» (с. 407).]

[222] См. “Законы Ману”, перевод сэра Уильяма Джонса [**7**].

В индусской космогонии Сваямбхува испускает Нара и Нари, свою двуполую эманацию, и после разделения ее частей на две половины, мужскую и женскую, те оплодотворяют мировое яйцо, внутри которого развивается Брахма или, скорее Вирадж, Творец. «Исходным пунктом египетской мифологии», – говорит Шампольон, – «является триада... а именно, Кнеф, Неит и Птах; и Аммон, мужского пола, отец; Мут, женского пола и мать; и Хонс – сын». Десять сефиротов являются копиями, снятыми с десяти Праджапати, созданных Вираджем; называемых «Владыками всех существ», и соответствующих библейским Патриархам.

Юстин Мученик объясняет некоторые из «ересей» того времени, но весьма неудовлетворительным образом. *Однако, он показывает тождественность всех мировых религий в их начальных стадиях.* Самое *начало* всегда неизменно открывается с *непознаваемого* и пассивного божества, которое порождает из самого себя некую активную силу или свойство, «Разумного», который иногда называется МУДРОСТЬ, иногда – СЫН, очень часто – Бог, Ангел, Господь, и ЛОГОС [469, с. 284]. Последнее название иногда дается самой первой эманации, но в нескольких системах он происходит от первого андрогина или двойного луча, испускаемого в начале незримым. Филон рисует эту Мудрость как мужскую и женскую. Но хотя его первое проявление имело начало, ибо оно произошло из Улом[223] (Айон, время), высочайшего из эонов, при испускании из Отца, он уже пребывал с ним *прежде всякого творения,* ибо он – часть его.[224] Поэтому Филон Иудей называет Адама Кадмона *«разумом»* (Эннойя от *Битоса* в гностической системе). «Разум, да будет он назван Адам» [461, с. XVII].

Строго говоря, трудно рассматривать еврейскую «Книгу Бытия» иначе, как только сук на стволе мирового древа всемирной космогонии, изложенной в восточных аллегориях. По мере того, как цикл следовал за циклом и народы один за другим появлялись на мировой сцене, чтобы сыграть свою краткую роль в величественной драме жизни человечества, каждый новый народ разрабатывал из традиций предков свою собственную религию, придавая ей местный колорит и отпечатывая на ней свои характерные отличия. В то время как каждая из этих религий имела свои отличительные черты, по которым, если бы не было никаких других архаических признаков, можно оценивать физический и психологический статус ее творцов, – все они сохранили общее подобие единому прототипу. Этот породивший их культ был ничто иное как первобытная «религия мудрости». Священные писания израильтян не являются исключением. Их национальная история – если они вообще могут претендовать на какую-либо автономию до возвращения из Вавилона, и если они были чем-то иным, нежели кочующими кланами индусских париев, – не может быть прослежена назад далее дней Моисея; и если это еврейский экс-жрец по богословской необходимости должен быть превращен в европейского патриарха, то мы должны настаивать на том, что еврейская национальность была возвышена именно этим улыбающимся младенцем из тростников озера Моэрис. Авраам же, выдаваемый за их отца, принадлежит всемирной мифологии. По всей вероятности, он является лишь одним из многочисленных вымышленных имен *Зеруана* (Сатурна), царя золотого века, которого также называют стариком (эмблема времени).[225]

Теперь ассириологи наглядно доказали, что в старинных халдейских книгах Авраам называется Зеру-ан или Зерб-ан, что означает очень богатого золотом и серебром и могущественного князя.[226] Его также называют Зероуан и Зарман – дряхлый старик.[227]

Существует древняя вавилонская легенда, что Ксизутр (Хасисадра табличек, или Ксизутр) приплыл в своем ковчеге в Армению, и его сын Сим стал полновластным царем.

---

[223] Раздел, обозначающий время.

[224] Санхуниафон называет время старейшим эоном, *Протогоносом,* “первородным”.

[225] Азраэль, ангел смерти, есть также Израиль, *Аб-рам* значит отец возвышения, высоко поставленный отец, так как Сатурн является высочайшей или отдаленнейшей планетой.

[226] См. [*Бытие,* XIII, 2]

[227] Сатурна обычно изображают как очень старого человека с серпом в руке.

Плиний говорит, что Сима звали Зеруан, и Сим есть Шем. По-еврейски его имя пишется שמ, Шем – знак. Этнологи считают Ассирию страною Шема, а Египет называют страною Хама. Шем в десятой главе «Бытия» показан как отец всех детей Еверовых, Елама (Улама или Эйлама) и Ашура (Ассур или Ассирия). «Нефелимы» или падшие люди, *геберы,* могучие люди, исполины, о которых говорится в «Бытие» [VI, 4, происходят от *Улам,* «людей *Шема».* Даже Офир, который, очевидно, следует искать в Индии во дни Хирама, показан как потомок Шема. Записи были умышленно запутаны, чтобы приспособить их к структуре Моисеевой Библии. Но «Бытие», начиная с ее первого стиха и до последнего не имеет никакого отношения к «избранному народу»; она принадлежит мировой истории. Ее присвоение еврейскими авторами в дни так называемого «восстановления» уничтоженных книг израильтян Ездрой ничего не доказывает и до сих пор самоопирается на якобы божественное откровение. Это, просто компиляция всемирных легенд всемирного человечества. Бунзен говорит, что

> «в халдейском племени, непосредственно связанном с Авраамом, мы находим отголоски искаженных и неправильно понятых данных, преподносимых в качестве генеалогий единичных людей или указаний на эпохи. Авраамические воспоминания уходят назад в прошлое, по меньшей мере, на три тысячелетия до времени деда Иакова» [**74**, т. V, с. 85].

Александр Полихистор говорит, что Авраам родился в Камарине или *Уриа,* в городе предсказателей, и *изобрел астрономию.* Иосиф заявляет то же самое в отношении Тераха, отца Авраама. Вавилонская башня была построена настолько же непосредственными потомками Шема, насколько и потомками «проклятого» Хама и Ханаана, так как люди в то время были «едины» и «вся земля говорила на одном языке»; и Вавилон был просто астрологической башней, и ее строители были астрологи и адепты первоначальной религии мудрости, или, как мы ее называем, *тайной доктрины*.

Сивилла Бероса говорит: До Башни, Зеру-ан, Титан и Япетосте управляли Землею, Зеру-ан хотел быть верховным, но его два брата воспротивились; тогда их сестра Астлик умиротворила их. И пришли к соглашению, что Зеру-ан должен править, но его мужского пола дети должны быть умерщвлены; и сильные титаны были назначены для исполнения этого соглашения.

Сар (окружность, сарос) есть вавилонский бог неба. Он также Ассарос или Асшур (сын Шема), и Зеро – Зеро-ана, чакра или колесо, беспредельное время. Поэтому, так как первым шагом, предпринятым Зороастром при основании своей новой религии было превращение наиболее священных божеств санскритской Веды в имена злых духов в своих «*Зенд-Писаниях»,* и даже отвергание ряда их, – мы не находим в «Авесте» следов Чакры – символической окружности неба.

Элам, другой из сыновей Шема – это *Улам* עולמ и относится к порядку или циклу событий. В «Екклесиасте» [III, 11] его называют «мир». У «Иезекииля» [XXVI, 20] это «давно бывшему». В «Бытии» [III, 22] это слово фигурирует как «навсегда», а в [IX, 16] – как «вечный». Наконец, этот термин полностью определен в «Бытии» [VI, 4] в следующих словах: «В то время были на земле исполины» (*нефилимы*, великаны, падшие люди или титаны). Это слово синонимично со словом эон, αιων. В «Притчах» [VIII, 23] мы читаем: «Я был излит из *Улам,* из Рас» (мудрости). Этою сентенциею мудрый царь-каббалист намекает на одну из тайн человеческого духа – бессмертный венец человеческой тройственности. В то время как эту сентенцию следовало читать так, как выше приведено, и истолковывать ее каббалистически со значением, что Я (или мое вечное, бессмертное *Эго*), духовная сущность, была излита из беспредельной и безымянной вечности посредством творческой мудрости непознаваемого Бога, – в каноническом переводе она звучит так: «Господь владел мною в начале его пути, до своих трудов в старину!» – что без каббалистического истолкования представляет собою непонятную чепуху. Когда в уста Соломона вложены слова, что Я был «в начале... еще в то время, когда он (верховное

божество) еще не сотворил ни земли, ни высшей части праха этого мира... Я был здесь», и «когда он закладывал основания земли... тогда Я был с ним рядом, *как тот, кто вырос с ним»,* – кого же может каббалист подразумевать под этим «Я», как не собственного божественного духа – каплю, излитую из вечного источника света и мудрости – вселенского духа божества?

Нить сияния, испускаемая Эйн-Софом из высшей из трех каббалистических голов, благодаря которой «все сияет светом», нить, которая совершает свой выход через Адама *Primus*, – есть индивидуальный дух каждого человека. «Я... была радостью всякий день, веселясь пред лицем Его во все время... и радость моя была *с сынами человеческими*», – добавляет Соломон в той же самой главе «Притчей». Бессмертный дух радуется в *сыновьях человеческих,* которые без этого духа были бы только дуадами (физическое тело и астральная душа или тот *жизненный принцип,* который оживляет даже самое ничтожнейшее в животном царстве). Но мы видели, что эта доктрина учит, что этот дух не может соединиться с тем человеком, в котором материя и грубейшие влечения его животной души всегда оттесняют дух. Поэтому Соломон, вдохновляемый его собственным духом, имевшим в то время власть над ним, – произносит следующие мудрые слова:

> «Сын мой (двойственный человек)! храни слова мои и заповеди мои сокрой у себя... «благословенны те, кто идут моими путями... Благословенен тот человек, который прислушивается ко мне, ежедневно ожидая у моих ворот... Ибо кто *находит меня – находит жизнь* и получит благосклонность Господа... Но тот, кто грешит *против меня,* тот причиняет зло своей *собственной душе...* и любит *смерть*» [*Притчи,* VII, 1-27].

Эту главу, в такой интерпретации, некоторые богословы стараются приспособить, как и все другое, к Христу, «Сыну Божиему», который неоднократно утверждает, что тот, кто последует за ним, обретет вечную жизнь и победит смерть. Но даже в ее искаженном переводе можно доказать, что она относится к чему угодно, но только не к так называемому Спасителю. Если бы мы приняли ее в этом смысле, тогда христианскому богословию пришлось бы *nolens volens* возвратиться к аверроизму и буддизму; к доктрине эманаций, короче говоря; ибо Соломон говорит: «Я был излит» из Улам и Расит, которые оба являются частью божества; и таким образом Христос не был бы самим Богом, как учит их доктрина, а только *эманацией* Его, подобно Христосу гностиков. Отсюда вытекает значение олицетворенного гностического эона; это слово означает циклы или определенные периоды в вечности и в то же время подразумевает иерархию небесных существ – духов. Поэтому Христа иногда называют «вечным эоном». Но слово «вечный» ошибочно в отношении эонов. Вечно то, что не имеет ни начала, ни конца, но «эманации» или эоны, хотя и жили как абсорбированные в божественной сущности извечно, но раз они были индивидуально эманированы, то мы должны сказать, что они имели начало. Поэтому они могут быть *бесконечными* в этой духовной жизни, но не вечными.

Эти бесконечные эманации единой Первопричины, которые все были постепенно превращены народной фантазией в отдельных богов, духов, ангелов и демонов, настолько мало считались бессмертными, что всем им было приписано ограниченное существование. И это верование, общее у всех народов древности, у халдейских магов, так же как и у египтян, в которое даже ныне верят брахманы и буддисты, – превосходно свидетельствует о монотеизме древних религиозных систем. Эта доктрина называет жизненный период всех этих низших божеств «одним днем Парабрахмы». Традиция гласит, что по истечении цикла в четырнадцать миллиардов триста двадцать миллионов человеческих лет – сама троица со всеми подчиненными божествами будет уничтожена вместе со вселенной и перестанет существовать. Затем другая вселенная постепенно возникнет из пралайи (растворения), и люди на Земле будут в состоянии постичь СВАЯМБХУВУ как он есть. Только эта первопричина будет существовать всегда во всей своей славе, заполняя бесконечное пространство. Какое еще лучшее доказательство

можно привести о чувстве глубокого благоговейного почитания, с каким «язычники» взирают на единую Верховную вечную причину всего сущего, видимого и невидимого?

Это опять-таки является источником, из которого древние каббалисты извлекли идентичные доктрины. Если христиане поняли «Бытие» по-своему, и если, принимая эти тексты буквально, они навязывали необразованным массам веру в творение нашего мира из ничего, и кроме того приписали ему какое-то *начало*, – то конечно нельзя упрекать в этом танаимов, единственных истолкователей сокровенного значения, заключающегося в Библии. Не более, чем какие-либо другие философы, они верили в спонтанные, ограниченные или *ex nihilo* творения. *«Каббала»* дожила до наших дней, чтобы показать, что их философия является точной философией современных буддистов Непала, свабхавиков. Они верили в *вечность и неуничтожаемость материи,* и, следовательно, во многократные создания и разрушения миров до нашего мира.

> «Существовали древние миры, которые погибали».[228] «Из этого мы видим, что Святый – да будет благословенно имя Его – последовательно слагал и разрушал различные миры до того, как сотворил нынешний мир; и когда он сотворил этот мир, он сказал: «Этот мне нравится; предыдущие мне не нравились»».[229]

Кроме того, они верили, как и свабхавики, которых теперь называют атеистами, – что каждая вещь происходит (творится) в силу своего же естества и что как только Творческой Силой, присущей «Самосотворенной субстанции», или Сефире, дается первый импульс, каждая вещь развивается из самой себя, следуя своему образцу, более духовному прототипу, который предшествует ей по лестнице бесконечного творчества.

> «Неделимая точка, неимеющая предела и непостижимая (ибо она абсолютна), распространилась изнутри и образовала сияние, которое послужило покровом (завесой) неделимым точкам... Оно также распространялось изнутри... Таким образом, *все произошло через* постоянное поднимающее возбуждение, и так, наконец, произошел мир» [*«Зогар»*, I, с. 20a].

В более поздних книгах зороастрийцев, после того, как Дарий восстановил поклонение Ормазду и добавил к нему более чистый магизм первичной *тайной мудрости* – חכמות-נסתדה, иерофантом которой, как говорит нам надпись, он сам был, – мы опять видим появление Зеруана, или беспредельного времени, изображаемого брахманами в виде *чакры* или окружности, которая фигурирует на поднятом пальце главных божеств. Далее мы покажем связь, в какой она находится с пифагорейскими мистическими числами – с первым и последним – которым является *ноль [zero]* (0), и с величайшим из Богов мистерий ИАО. Идентичность одного только этого символа во всех старых религиях уже достаточна, чтобы доказать их общее происхождение из одной первобытной Веры.[230] Этот термин «беспредельное время», который может быть применен только к ЕДИНОМУ, который не имеет ни начала, ни конца, зороастрийцы выражают словами Зеруана-Акарене, так как оно существовало всегда. «Его величие», говорят они, слишком возвышенно, его свет слишком ярок, чтобы человеческий разум или глаз смертного могли охватить и увидеть. Его первичной эманацией является вечный свет, который, прежде будучи сокрытым, был вызван к проявлению, и таким образом образовался Ормазд, «Царь

---

[228] *Идра Сута*, “Зогар”, III, с. 292b.

[229] Bereshith Rabba, “Parsha”, IX.

[230] “Санскритское *s”,* говорит Макс Мюллер, “представлено буквами *z* и *h*. Таким образом географическое название *“hapta hendu”,* встречаемое в *“Авесте”,* становится понятным, если мы переведем *z* и *h* обратно на санскритское *s*. Ибо *“Sapta Sindhu”* или семеро рек, представляет старое ведийское наименование самой Индии” ([**47**, т. I, с. 81]). “Авеста” – это дух Вед – частично раскрытое эзотерическое значение.

Жизни». Он – первородный беспредельного времени, но подобно своему антитипу или предсуществовавшей духовной идее, пребывал в изначальной тьме извечно. Его Логос создал чисто умственный мир. По истечении трех великих циклов[231] он сотворил в течение шести периодов материальный мир. Шестеро Амешаспентов или *первичных* духовных людей, которых Ормазд сотворил по своему образу, являются посредниками между этим миром и им самим. Митра есть эманация Логоса и глава двадцати восьми *изедов,* которые являются опекающими ангелами над духовной частью человечества – душами людей. Феруэры же бесчисленны. Они суть идеи или скорее идеальные концепции объектов, которые сформировались в уме Ормазда или Ахурамазды до того, как он пожелал, чтобы они приняли конкретные формы. Они то, что Аристотель называет *«privations»* форм и субстанций. Религия Заратуштры, как его всегда называют в «Авесте», является той религией, из которой древние евреи заимствовали больше всего. В одной из яшт, Ахурамазда, Верховный, дает провидцу в качестве одного из своих священных имен *Ахми,* «Я есмь»; и в другом месте – *Ахми ят ахми,* «Я есмь то, что я есмь» – слова, которые, как утверждают, Иегова дал Моисею.

Эта космогония, принятая с изменением имен в раввинской *«Каббале»,* проникла впоследствии с некоторыми добавочными умозрениями Манеса, полумага, полуплатоника, – в великое тело гностицизма. Невозможно установить подлинные учения последователей Василида, Валентина и Маркиона по полным предвзятых мнений и клеветническим писаниям отцов церкви; скорее это можно сделать по остаткам трудов бардезанцев, известных как назареи. Теперь, когда все их рукописи и книги уничтожены, почти невозможно отвести какой-либо из этих сект должную роль в расходящихся взглядах. Но еще живы несколько человек, у которых сохранились книги и непосредственные предания об офитах, хотя они мало заинтересованы в осведомлении о них мира. Среди неизвестных сект горы Ливан и Палестины истина была сокрыта в течение более чем тысячи лет. И их *диаграмма* офитской схемы расходится с описанием, данным Оригеном, и, следовательно, с *диаграммой* Маттера [506, рис. X].

Каббалистическая троица – одна из моделей христианской троицы. «ПАТРИАРХ, да будет благословенно имя его, имеет три головы, но которые составляют только одну».[232] «*Tria capita exsculpa sunt, unum intra alterum, et alterum supra alterum.* Три головы входят одна в другую и одна над другой. Первая голова – это сокровенная мудрость *(Sapientia Abscondita).* Под этой головой находится ПАТРИАРХ (пифагорейская *Монада),* наиболее сокровенная из тайн; голова, которая не есть голова *(caput quod non est caput);* никто не может знать что в этой голове. Никакой ум не в состоянии постичь эту мудрость.[233] Этот *Senior Sanctissimus* окружен тремя головами. Он есть вечный СВЕТ мудрости; а мудрость есть источник, из которого начались все проявления. Эти три головы заключены в ОДНУ ГОЛОВУ (которая не есть голова); и эти три наклонены над (осеняют) МАЛЫЙ ЛИК (сына), и через них все сияет светом».[234] «Эйн-Соф испускает нить из Эл или Ал (высочайшего Бога Троицы), и свет следует за этой нитью и входит и, проходя, выходит через Адама *Primus* (Кадмона), который *сокрыт* до тех пор, пока не будет готов план расположения *(statum dispositionis);* он проходит по нити через него с головы до ног; и в нем (в сокрытом Адаме) заключена фигура ЧЕЛОВЕКА».[235]

---

[231] То, что в системе “Авесты” обычно понимают как тысячу лет, – в эзотерической доктрине означает цикл, длительность которого известна только посвященным и который имеет аллегорическое значение.

[232] *Идра Сута*, “Зогар”, III, с. 288.

[233] *Там же*, разд. II.

[234] *Идра Сута*, “Зогар”, VII.

[235] Jam vero quoniam hoc in loco recondita est illa plane non utuntur, et tantum de parte lucis ejus participant quae demittitur et ingreditur intra filum Ain Soph protensum e Persona *(Al-God)* deorsum: intratque et perrumpit et transit per Adam primum occultum usque in statum dispositionis transitque per eum a capite usque ad pedes ejus: et in eo est figura hominis [**419**, II, c. 246].

«Кто хочет прозреть в это священное единство, пусть рассматривает пламя, поднимающееся с горящих угольев или с горящей лампы. Он сперва увидит двойной свет – свет белый и черный или синий свет; белый свет *выше* и поднимается в непосредственный свет, тогда как синий или темный свет находится *внизу* и кажется как бы сидением для первого; все же они оба так тесно соединены, что образуют только одно пламя. Однако, сиденье, образованное синим или темным светом, опять-таки соединено с горящей материей, которая находится *под* ним. Белый свет никогда не меняет своего цвета, он всегда остается белым; но различные оттенки наблюдаются в ниженаходящемся свете, тогда как свет, расположенный в самом низу, кроме того, имеет два направления – *кверху* он соединен с белым светом, а *книзу* с горящей материей. Последняя постоянно пожирается и постоянно восходит к высшему свету, и таким образом все сливается в единое единство» [*«Зогар»*, I, с. 51а].

Таковы были идеи древних о троице в единице, как абстракции. Человек, который есть микрокосмос макрокосма или прообразного небесного человека, Адама Кадмона – также представляет троицу, ибо он есть *тело, душа* и *дух.*

«Все, что создано «Патриархом Патриархов» может жить и существовать только как мужское и женское», – гласит «Зогар» [*«Зогар»*, III, с. 290]. Только он один, которому никто не может сказать «Ты», так как он есть дух БЕЛОЙ ГОЛОВЫ, в которой «ТРИ ГОЛОВЫ» объединены, – только он один несотворен. Из тонкого огня по одну сторону Белой Головы, и из «тонкого воздуха» по другую сторону, эманирует Шехина, его покрывало (женственный Святой Дух).

«Этот воздух», – говорит *Идра Рабба*, – «является наиболее сокровенным *(occultissimos)* атрибутом Ветхого Днями.[236] Древнейший из Древнейших есть *Сокровеннейший* из Сокровенных.[237] Все есть Он Сам, и Он Сам всячески сокрыт.[238] *Череп* БЕЛОЙ ГОЛОВЫ не имеет начала, но конец его обладает сияющим отражением и *округлостью,* которая есть наша вселенная»

«Они рассматривают», – говорит Кленкер, – «первородного как мужа и жену постольку, поскольку его свет заключает в себе все другие света, и постольку, поскольку его дух жизни или жизненное дыхание включает в себя всех других духов жизни» [507, с. II]. Каббалистическая Шехина соответствует Софии офитов. Строго говоря, Адам Кадмон есть Битос, но в этой системе эманирования, где все рассчитано на то, чтобы смутить и воспрепятствовать исследованию, он является *Источником* Света, первым «первичным человеком» и в то же самое время *Эннойей,* Мыслью Битоса, *Глуби,* ибо он – Пэмандр.

Гностики, а также назареи, аллегоризируя олицетворениями, говорили, что *Первый* и *Второй* человек любили красоту Софии (Сефиры), первой женщины, и таким образом Отец и Сын оплодотворили небесную «Женщину» и из первоначальной тьмы произвели видимый свет (Сефира есть Невидимый или Духовный Свет), «который они назвали ПОМАЗАННЫМ ХРИСТОМ или Царем Мессией» [162, с. 637]. Этот Христос есть *Адам из Праха* до его падения, с духом Адоная, его Отца, и Шехины Адонай, его матери, над ним; ибо Адам Primus есть Адон, Адонай или Адонис. Первичное существование проявляется своею мудростью и производит *Постигаемого* ЛОГОСА (все зримое творение). Эта мудрость почиталась офитами в форме змея. Пока что мы видим, что первая и вторая жизни представлены двумя Адамами, или первым и вторым человеком. В первом сокрыта *Eva* или еще не родившаяся духовная Ева, и она находится внутри Адама *Primus,* ибо она составляет часть его самого, являющегося андрогином. Ева из праха – та, которую в «Бытии» назовут «матерью всего живого», находится *внутри* Адама Второго. И теперь, с момента своей первой манифестации ВЛАДЫКА МАНО, непостижимая

---

[236] *Идра Рабба,* §§ 541, 542.
[237] *Там же*, III. с. 36.
[238] *Там же*, с. 171.

мудрость, исчезает со сцены действия; он проявит себя только в качестве Шехины, МИЛОСТИ; ибо КОРОНА есть «сокровеннейший Свет изо всех Светов», и, следовательно, субстанция самой тьмы.[239]

В «*Каббале»* Шехина является девятой эманацией Сефиры, которая содержит все десять сефиротов внутри себя. Она принадлежит к третьей триаде и произведена вместе с *Малкут* или «Царством», для которого она является женской половиной. В других отношениях она считается выше любого из них, ибо она есть «божественная слава», «завеса», или «одеяние» Эйн-Софа. Евреи, где бы она ни упоминалась в «*Таргуме»,* говорят, что она есть слава Иеговы, обитавшая в святилище, проявляясь в виде зримого облака; «Слава» витала над Седалищем Милосердия в *святая святых.*

В системе назареев или бардезан, которую можно назвать Каббалой внутри *Каббалы*, Ветхого Днями – *Antiquus Altus,* который является Отцом Демиурга вселенной – называют *Третьей* Жизнью или *Абатуром,* и он является Отцом Фетахила, являющегося архитектором видимой вселенной, которую он вызвал к существованию посредством сил своих гениев по велению «Величайшего»; Абатур отвечает «Отцу» Иисуса в более позднем христианском богословии. Эти две верховные *Жизни* суть тот венец, внутри которого обитает величайший *Ферхо.* «Прежде чем какая-либо тварь начала существовать. Владыка Ферхо существовал» [257, I, с. 145]. Он есть Первая Жизнь, бесформенная и невидимая, в которой живой Дух ЖИЗНИ существует, Высочайшая МИЛОСТЬ. Эти двое – ОДНО извечно, ибо они Свет и ПРИЧИНА Света. Поэтому они соответствуют каббалистической сокрытой *мудрости* и сокрытой Шехине – Святому Духу. «Этот Свет, который проявлен, есть одеяние Небесного Сокрытого», – говорит *Идра Сута*. И «небесный человек» есть высочайший Адам. «Никто не знает его путей, кроме «*Макропросопуса»* (Великий Лик) – Верховного *активного* бога.[240]» «Меня будут читать не так, как я *написан,* в этом мире мое имя будет писаться Иегова и будет читаться Адонай» [499, с. 11], очень правильно говорят раввины. Адонай есть Адам Кадмон; он есть и ОТЕЦ и МАТЬ. Путем этого двойного посредничества Дух «Старца Старцев» спускается на Микропросопуса (Малый Лик) или Адама из Эдема. И «Господь Бог вдыхает ему в ноздри дыхание жизни».

Когда женщина отделяется от своего андрогина и становится отдельной индивидуальностью, снова повторяется первое повествование. И Отец и Сын, оба Адама, любят ее красоту; затем следует аллегория искушения и падения. Как в «*Каббале»,* так и в системе офитов Офит и Офиоморфос являются эманациями, символизированными в виде змия, причем первый представляет собою Вечность, Мудрость и Дух (как в халдейском магизме змеепоклонения и доктрины Мудрости старины), а последний – Коварство, Зависть и Материю. И дух и материя – Змии, и Адам Кадмон становится Офитом, который искушает сам себя – мужчину и женщину – вкусить от «Древа Добра и Зла», чтобы научить их тайнам духовной мудрости. Свет искушает Тьму, и Тьма привлекает Свет, ибо Тьма есть *материя,* и «*Высочайший* Свет не светит в своем *Tenebrae».* Со знанием приходит искушение Офиоморфоса, и он побеждает. Дуализм каждой существующей религии выявлен падением. «У меня муж от *Господа»*, – восклицает Ева, когда Дуализм, Каин и Авель – зло и добро – рожден.

> «И Адам познал Хуа, свою женщину *(асту),* и она стала беременной и родила *Кина* и сказала: **קיניתי איש אתיהוה** *Кинити аис Ява* – я получила или приобрела мужа, даже *Ява* – есть, Аис – мужчина». «*Cum arbore peccati Deus creavit seculum».*

А теперь мы сравним эту систему с системой еврейских гностиков – назареев, а также с другими философиями.

---

[239] *Идра Сута,* IX; [**419**]; см. Пифагор, “Монада”.
[240] *Идра Рабба,* VIII, с. 107-109.

ИШ АМОН, плерома или беспредельный круг, внутри которого находятся “все формы”, есть МЫСЛЬ силы божественной: она работает в ТИШИНЕ, и внезапно свет порождается тьмою; его называют ВТОРОЙ жизнью, и эта вторая производит или порождает ТРЕТЬЮ. Этот третий свет есть «ОТЕЦ всего, что живет», как EUA есть «матерь всего, что живет». Он является тем Творцом, который вызывает инертную материю к жизни посредством своего животворного духа, и поэтому его называют старцем этого мира. Абатур есть тот Отец, который создает первого Адама, который, в свою очередь, создает второго. Абатур открывает врата и идет к темной воде (хаосу) и вглядывается в нее; тьма отражает его образ и – вот! – образовался СЫН – Логос или Демиург; Фетахил, который является строителем *материального* мира, взывая к существованию. Согласно гностической догме, это был Метатрон, архангел Гавриил или вестник жизни; или, по библейской аллегории, андрогинный Адам Кадмон, СЫН, который, сообща со своим Отцовским духом, производит ПОМАЗАННИКА, или Адама до грехопадения.

Когда Сваямбхува, «Владыка, существующий через самого себя», чувствует потребность в проявлении, то он так описывается в индусских священных книгах.

Испытывая желание производить различные существа из своей собственной божественной субстанции, он сперва проявил воды, которые развили в себе плодотворное семя.

Семя стало зародышем, блестящим как золото, сияющим как светило с тысячью лучами; и в этом яйце он родился в форме БРАХМЫ, великого начала всех существ (“Ману”, кн. I, шл. 8, 9).

Египетский Кнеф или Кнуфис, божественная мудрость, изображаемый в виде Змия, достает из своего рта яйцо, из которого выходит Птах. В этом случае Птах представляет собою всемирный зародыш, так же как и Брахма, который – среднего рода, когда конечное «а» имеет двоеточие наверху;[241] в противном случае он становится просто одним из имен божества. Первый послужил прообразом ТРЕХ ЖИЗНЕЙ назареев, так же как и каббалистических «Ликов», PHARAZUPHA, который, в свою очередь, послужил прообразом для христианской Троицы Иринея и его последователей. Яйцо изображало первоначальную материю, которая послужила материалом для построения видимой вселенной; оно содержало, так же как и гностическая Плерома и каббалистическая Шехина, мужа и жену, дух и жизнь, «чей свет включает в себя все другие света» или духов жизни. Это первое проявление было символизировано змием, который сперва представляет *божественную* мудрость, но, *пав в зарождение,* становится оскверненным. Птах есть небесный человек, египетский Адам Кадмон или Христос, который, соединившись с женским Святым Духом, ZOE, производит пять элементов: воздух, воду, огонь, землю и эфир; последний является точной копией с буддийского *A'd* и его пяти дхиани-будд, как мы показали в предыдущей главе. Индусский Сваямбхува-Нара развивает из себя *материнский принцип,* заключенный в его собственной божественной сущности – Нари, бессмертную Деву, которая, будучи оплодотворена его духом, становится Тауматрой, матерью пяти элементов – воздуха, воды, огня, земли и эфира. Таким образом, может быть показано, как из индусской космогонии произошли все другие.

Кнорр фон Розенрот, занимаясь истолкованием «*Каббалы»,* аргументирует, что

> «В этом первом состоянии (сокрытой мудрости) бесконечный Бог Сам может быть понят, как «Отец» *(Нового Завета)*. Но к *Свету,* испускаемому Беспредельным через какой-то канал в «первичного Адама» или *Мессию* и соединенному с ним, может быть применено название СЫН. А к току, испускаемому им (Сыном) на низшие части (вселенной) могут быть приложимы характеристики Святого Духа» [**508**, с. 6].

---

[241] Он – всемирный и духовный зародыш *всего*.

София Ахамот, полудуховная, полуматериальная ЖИЗНЬ, которая оживляет инертную материю в глубинах хаоса, есть Святой Дух гностиков и *Spiritus* (женский) назареев. Она, запомните это, *сестра Христоса,* совершенная эманация, и оба они дети или эманации Софии, чисто духовной и умственной дочери Битоса, Глуби. Ибо старшая София есть Шехина, Лик Божий, «Божия Шехина, которая есть его образ».[242]

«Сын Зевс-Бэл или Сол-Митра есть образ Отца, эманация из *Высочайшего Света»,* – говорит Муверс. – «Его считают Творцом» [88, с. 265].

«Философы говорят, что первый воздух есть *Anima Mundi.* Но облачение (Шехина) выше, чем первый воздух, так как оно ближе прилегает к Эйн-Софу, Беспредельному» [419, т. II, с. 236].

Таким образом, *София* есть Шехина, а София-Ахамот есть Анима Мунди, астральный свет каббалистов, содержащий в себе духовные и материальные зародыши всего, *что существует.* Ибо София-Ахамот, подобно *Еве,* прототипом которой она является, есть «матерь всего, что живет».

В системе назареев, так же как и в индусской философии до-ведийского и раннего ведийского периода, имеются три троицы. В то время как мы видим, как немногие переводчики «*Каббалы»* и «*Кодекса»* назареев и других затемненных книг безнадежно барахтаются среди бесконечного пантеона имен, не будучи в состоянии прийти к соглашению по поводу системы их классифицирования, так как одна гипотеза противоречит и опрокидывает другую, – мы можем только удивляться этому затруднению, которое так легко преодолимо. Но даже теперь, когда переводы и даже чтение древнего санскрита стали так доступны для сопоставлений, – они никогда не признают возможным, что ключ ко всем философиям, будь то философии семитические, хамитические или туранские, как они их называют, – имеется в индусских священных писаниях. Все же факты об этом налицо, и факты трудно уничтожить. Так, в то время как индусская троица трижды проявляется как

Нара (или Пара-Пуруша),	Агни,	Брахма,	Отец,
Нари (Мариама),	Вайю,	Вишну,	Мать,
Вирадж (Брахма),	Сурья,	Шива,	Сын,

и египетская троица как:

Кнеф (или Амон),	Озирис,	Ра (Гор),	Отец,
Маут (или Мут),	Изида,	Изида,	Мать,
Хонс,	Гор,	Малули,	Сын;[243]

в Системе назареев мы имеем:

Ферхо (Иш-Амон),	Мано,	Абатур,	Отец,
Хаос (темные воды),	Спиритас (жен.),	Нетубто,	Мать,
Фетахил,	Ледхайо,	Владыка Иордан,	Сын.

Первая – это сокрытая или непроявленная троица – чистая абстракция. Вторая – эта активная троица или та, которая проявлена в результатах творения, вышедшая из предыдущей – ее духовного прототипа. Третья представляет собою искаженный образ двух других – образ, выкристаллизовавшийся в форме человеческих догм, которые меняются в соответствии с богатством национальной материалистической фантазии.

---

[242] “Зогар”, с. 93.

[243] [**509**].

Верховный Владыка великолепия и света, блестящий, сияющий, раньше которого никакой другой владыка не существовал, называется Корона (венец); Владыка Ферхо, непроявленная жизнь, существовавшая в первом извечно, и Владыка Иордан – дух, живая вода Милосердия [257, т. II, с. 47-57]. Он тот единственный, через которого мы можем быть спасены; и таким образом он соответствует Шехине, духовному одеянию Эйн-Софа или Святому Духу. Эти трое составляют троицу *in abscondito.* Вторая троица составлена из трех жизней. Первая есть подобие Владыки Ферхо, через которую он проявляется, и этим вторым Ферхо является Царь Света – МАНО *(Rex Lucis).* Он есть небесная жизнь и свет, и он старше, чем Архитектор неба и земли [257, т. I, с. 145]. Вторая жизнь есть *Иш Амон* (Плерома), чаша избрания, содержащая зримую мысль *Iordanus Maximus – mina* (или его доступное пониманию отражение), прообраза живой воды, который есть «духовный Иордан» [257, т. II, с. 211]. Третья жизнь, которая произведена двумя другими, есть АБАТУР (*Аб* – Родитель или Отец). Это и есть таинственный и ветхий «Старейший из Старейших», «Древний *Senem sui obtegentem et grandaevum mundi».* Эта последняя третья Жизнь является Отцом Демиурга Фетахила, Творца мира, которого офиты называют Ильда-Баофом [257, т. I, с. 308], хотя Фетахил является *единородным,* отражением Отца, Абатура, который производит его, вглядываясь в «темные воды»;[244] но Владыка Мано, «Владыка возвышенности, Господь всех гениев», выше, чем Отец, в этом каббалистическом «*Кодексе»* – один чисто духовный, другой материальный. Так, например, в то время как «единородным» Абатура является гений Фетахил, Творец физического мира, Владыка Мано, *«Lord of Celsitude»,* который является сыном Того, кто является «Отцом всех, кто проповедуют *Евангелие»*, – также производит «единородного», Владыку Лехдайо, «справедливого Владыку». Он является Христосом, помазанником, который изливает «милосердие» Незримого Иордана, *Духа Высочайшего Венца.*

«В Тайне, «в собрании блеска, освещаемом МАНО, которому искры блеска обязаны своим происхождением», гении, живущие в свете, «поднялись; они пошли на видимый Иордан и к текучим водам... Они собрались на совещание... и вызвали Единородного Сына нетленного образа, которого невозможно постичь размышлением. Лехдайо, справедливого Владыку, и произошел от Лехдайо, справедливого Владыки, кого жизнь сотворила по его слову».[245]

Мано является главою семи эонов, которые суть Мано *(Rex Lucis),* Айар Зиво, Игнис Вив, Лукс, Вита, Аква Вива (живая вода крещения, гений Иордана) и Ипса Вита, глава шести гениев, которые вместе с ним образуют мистическое *семь.* Мано назареев – это просто копия индусского первого Ману – эманации Ману Сваямбхувы – из которого один за другим исходят шесть других Ману – прототипы последующих людских рас. Всех их мы находим представленными апостолом-каббалистом Иоанном в «семи светильниках огненных, горящих перед престолом, которые суть семь духов Божиих» [*Откровение*, IV, 5], а также в семи ангелах с семью сосудами. И снова в Фетахиле мы узнаем первоисточник христианской доктрины.

В Откровении Иоанна Богослова сказано:

> «Я обратился... и увидел... посреди семи светильников подобного Сыну Человеческому... глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненный; и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи» (I, 13, 134, 15).

Как это хорошо известно, Иоанн повторяет здесь слова Даниила и Иезекииля: «Ветхий Днями... волосы главы Его как чистая волна...» и т. д.. И «появление человека...

---

[244] София Ахамот также рождает своего сына Ильда-Баофа, Демиурга, вглядываясь в хаос или материю и приходя в соприкосновение с ней.

[245] [**257**, т. II, с. 109]. См. [**142**], где приведен перевод.

над троном... и появление огня, и вокруг было сияние» [*Иезекииль*]. Причем огонь представляет «славу Господню». Фетахил есть сын человека, Третья Жизнь, и его верхнюю часть представляют белою как снег; стоя у трона живого огня, он принимает облик пламени.

Все эти «апокалиптические» видения базируются на описании «белой головы» в «Зогаре», в которой объединена каббалистическая троица. Это белая голова, «скрывающая в своем черепе дух», и окруженная тонким огнем. «Появление человека» есть появление Адама Кадмона, через которого проходит нить света, представленного огнем. Фетахил есть *Vir novissimis* (новейший человек), сын Абатура [257, т. II, с. 127], причем последний является «человеком» или *третьей* жизнью,[246] теперь третьим лицом троицы. *Иоанн* видит «некоего, подобного сыну человеческому», держащего в правой руке семь звезд, и стоящего между «семью золотыми светильниками» [*Откровение,* I]. Фетахил занимает свое «высокое место» по воле своего отца, «высочайшего эона с семью скипетрами» и семью гениями, которые астрономически представляют семь планет или звезд. Он стоит, «сияя в одеянии Господа, блистательный посредством гениев» [257, т. III, с. 59]. Он – Сын своего Отца, Жизни, и своей матери, Духа или Света [257, т. I, с. 285]. Логос представлен в «Евангелии от Иоанна» как некто, в котором была «*Жизнь,* и эта жизнь была *свет* людей» (I, 4). Фетахил есть Демиург, и его отец сотворил видимую вселенную из материи через него [257, т. I, с. 309]. В «Послании Павла к Ефесянам» [III, 9] сказано, что Бог «*создал все* через Иисуса». В «*Кодексе»* ЖИЗНЕДАТЕЛЬ говорит: «Встань, иди, наш сын первородный, облеченный властью на все твари».[247] «Как послал меня живой отец», – говорит Христос, – «послал Бог Сына своего в мир ... чтобы мир спасен был чрез Него» [*Иоанн*, III, 17]. Наконец, завершив свою работу на земле, Фетахил снова поднимается к своему отцу Абатуру. «*Et qui, relicto quem procreavit mundo, ad Adatur suum patrem contendi»* [257, т. II, с. 123]. «Мой отец послал меня... Я иду к Отцу» – повторяет Иисус.

Не касаясь богословских споров христианства, которое пытается слить воедино еврейского творца из первой главы «Бытия» с «Отцом» из Нового Завета, укажем, что Иисус неоднократно повторяет о своем Отце, что «Он пребывает в тайне». Наверняка, он не говорил бы так о всегда присутствующем «Господе Боге» *Книг Моисея*, который показался Моисею и патриархам и, наконец, позволил смотреть на Себя всем старейшинам Израиля.[248] Когда Иисус говорит о храме в Иерусалиме как о «доме своего Отца», он не подразумевает физическое здание, которое он берется разрушить и затем снова построить в три дня, а имеет в виду храм Соломона, мудрого каббалиста, который в своих «Притчах» указывает, что каждый человек есть храм Бога или собственного божественного духа. Это выражение – «Отец, который пребывает в тайне» – мы встречаем как в «*Каббале»,* так и в «Кодексе назареев», и в других местах. Никто никогда не видел мудрости, сокрытой в «Черепе», и никто не видел «Глуби» (Битоса). Симон *Волхв* проповедовал «Отца, неизвестного никому».[249]

Мы можем проследить это название «тайный» Бог еще дальше назад. В «*Каббале»* «Сын» *сокрытого* Отца, обитающего в свете и славе, есть «Помазанник», Сеир-Анпин, объединяющий в себе всех сефиротов; он есть Христос или Небесный человек. Именно посредством Христа Пневма или Святой Дух «создает все» [*Ефесянам*, III, 9], и производит четыре элемента – воздух, воду, огонь и землю. Это утверждение бесспорное, ибо мы находим, что Ириней обосновывает на этом факте свой лучший аргумент о

---

[246] Первая андрогинная дуада считалась *единицей* во всех сокровенных вычислениях, и поэтому она – Святой Дух.

[247] [**257**, т. I, с. 287]. См. [**142**, с. 101].

[248] «Затем взошли Моисей и Аарон, Надаб и Абиху и семьдесят старейшин Израиля. *И они увидели Бога Израиля», Исход*, XXIV, 9, 10.

[249] Ириней; “Clementine Homilies” [**474**, I, XXII, с. 118].

необходимости иметь четыре *Евангелия*. Их может быть ни больше, ни меньше, как четыре, – он аргументирует.

> «Ибо, так как существуют четыре страны света и четыре главных ветра (καθολικά πνεύματα) ... правильно, что она (церковь) должна иметь четыре колонны. Из чего явствует, что Слово, *творец всего,* тот *кто восседает на херувимах...* как Давид говорит, прося о его приходе: «Ты, который сидишь между херувимов, яви свое сияние!» Ибо херувимы также *четверолики,* и лики их суть символы трудов Сына Божия» [**162**, кн. III, II, 18].

Мы не будем останавливаться, чтобы во всех подробностях обсуждать особую святость четвероликих херувимов, хотя мы могли бы, быть может, показать их первоистоки во всех древних пагодах Индии, в ваханах (или носителях) своих возглавляющих богов; также мы легко могли бы приписать оказываемое им почитание каббалистической мудрости, которую, несмотря на это, церковь с великим ужасом отвергает. Но мы не можем устоять против соблазна напомнить читателю, что путем чтения «*Каббалы»* он может легко удостовериться в нескольких значениях, приписываемых этим херувимам.

> «Когда душам надо покидать их обитель», – говорит «Зогар», придерживаясь доктрины предсуществования душ в мире эманаций, – «каждая душа отдельно является перед Святым Царем, облеченная в тонкую форму, обладающую теми чертами, с какими ей предстоит явиться в этот мир. Именно из этой тонкой формы происходит образ [«Зогар», III, с. 104ab].

Затем в нем говорится, что типов или форм этих лиц всего числом четыре, а именно – ангела или человека, льва, быка и орла». Кроме того, мы могли бы выразить наше удивление, почему Ириней не подкреплял своего аргумента в пользу четырех *Евангелий* ссылками на весь пантеон четвероруких индусских богов?

Иезекиилю, при описании своих четверых животных, теперь называемых херувимами, как типов четырех символических существ, которые в его видениях поддерживают трон Иеговы, – не пришлось далеко ходить за образцами. Халдейско-вавилонские гении покровители были ему знакомы; Сед, Алап или *Кируб* (херувим), бык с человеческим лицом; Ниргал, лев с человечьей головой; Устур, сфинкс-человек, и Натхга с головой орла. Религия хозяев – идолопоклонников вавилонян и ассирийцев – почти целиком была перенесена в данное как откровение Священное Писание Пленников, а оттуда перешла в христианство.

Уже у *Иезекииля* мы находим, что подобие славы Господней обращается к нему, как к «Сыну человеческому». Этот своеобразный титул неоднократно повторяется по всей книге этого пророка, которая настолько же каббалистична, насколько каббалистичен тот “свиток книги”, который «Слава» заставляет его съесть. Она написана и *изнутри* и *снаружи,* и ее действительное значение идентично со знанием «Апокалипсиса». Кажется странным, что так сильно подчеркивается это своеобразное обозначение, которое Иисус якобы применял к себе, когда в символическом каббалистическом языке так обращаются к пророку. Точно так же необычно видеть, как Ириней вдается в такие живописные описания Иисуса, чтобы показать, что он является «творцом всего, восседающим на херувиме», если только он не отождествляет его с Шехиной, чье обычное место было среди харубов Седалища Милосердия. Мы также знаем, что Херувим и Серафим являются титулами «Древнего Змия» (ортодоксального Дьявола), причем серафы в каббалистическом символизме означают горящих или огненных змиев. Десять эманаций Адама Кадмона, называемых сефиротами, все имеют свои соответственные эмблемы и титулы. Так, например, последние два суть Победа или Иегова-Саваоф, чей символ –

правая колонна Соломона, Столп Яхин, тогда как СЛАВА – это левый Столп или Боаз, и имя его – «Древний Змий», а также «Серафим и Херувим».[250]

«Сын человеческий» – название, которое не могло быть присвоено никем, кроме как каббалистом. За исключением, указанным выше, в Ветхом Завете он использован только одним пророком – Иезекиилем, каббалистом. В своих таинственных и взаимных отношениях эоны или сефироты представлены в *«Каббале»* большим количеством кругов, а иногда фигурою ЧЕЛОВЕКА, который символически образован из таких кругов. Этот человек – Сеир-Анпин, и 243 числа, из которых его фигура состоит, относятся к различным степеням небесной иерархии. Как высказывается Кинг в своих "Гностиках", первоначальная идея этой фигуры или, вернее, этого прообраза, могла быть заимствована от индусского Брахмы и различных каст, символизированных несколькими частями его тела. В одном из величайших и наиболее красивых пещерных храмов в Эллоре, Насаке, посвященном Вишвакарме, сыну Брахмы, есть изображение этого Бога и его атрибутов. Тому, кто знаком с Иезекиилевым описанием «подобий четырех живых тварей», из которых каждое имело четыре лица и человеческие руки под крыльями и т. д. [*Иезекииль*, I-II], – эти эллорские фигуры должны несомненно казаться абсолютно *библейскими.* Брахму называют отцом «человека», так же как и Юпитера и других высочайших богов.

Именно в буддийских изображениях горы Меру, называемой бирманцами *Мие-нмо,* а сиамцами – *Синеру*, – мы находим одного из прообразов Адама Кадмона. Сеир-Анпина, «небесного человека» и всех эонов, сефиротов, Властей, Сил, Тронов, Добродетелей и Господств *«Каббалы».* Между двумя колоннами, которые соединены аркой, ключевой камень последней представлен *полумесяцем.* Это сфера, в которой пребывает верховная мудрость А'ди-Будды, верховного и незримого божества. Ниже этой высочайшей центральной точки находится круг непосредственной эманации Непознаваемого – круг Брахмы у некоторых индусов, круг первого *аватара* Будды – у других. Это соответствует Адаму Кадмону и десяти сефиротам. Девять их этих эманаций окружены десятою и иногда бывают представлены пагодами, причем каждая из них носит имя, выражающее один из главных атрибутов проявленного Божества. Затем ниже идут семь стадий или небесных сфер, причем каждая сфера окружена морем. Они – небесные поместья дэватов или богов; каждое из них сколько-нибудь теряет в святости и чистоте по мере того, как приближается к земле. Затем идет сама Меру, образованная из бесчисленных кругов внутри трех больших, означающих тройственность человека; и для человека, ознакомленного с числовыми величинами букв в библейских именах, подобных именам «Великий Зверь» или Митра μειθρας αβραζας и другим, – очень легко установить тождественность богов Меру с эманациями или сефиротами каббалистов. Также гениев назареев с их особыми миссиями всех можно найти в этом наиболее древнем мифе, превосходнейшем представителе символизма тайной доктрины, как ее преподавали в архаические века.

Кинг дает несколько намеков – хотя и, несомненно, слишком недостаточных, чтобы привести к чему-либо значительному, так как они обоснованы на вычислениях епископа Ньютона [410] – намеков, касающихся способа раскрывания тайн в числовых величинах букв. Однако, мы находим, что этот великий археолог, посвятивший так много времени и труда исследованию гностических гемм, подтверждает наше утверждение. Он показывает, что эта теория целиком индусская, и указывает, что дурга или женский двойник каждого азиатского бога является тем, кого каббалисты называют активной *Силой*[251] в небесной

---

[250] См. [**410**].

[251] "Хотя эту науку обычно считают принадлежащей еврейским талмудистам, нет никакого сомнения, что они позаимствовали эту идею из чужого источника – от халдеев, *основателей искусства магии",* говорит Кинг в "Гностиках". Имена *Иаб* и *Абраксас* и т. д., вместо того, чтобы быть гностическими выдумками недавнего прошлого, были в действительности святыми именами, заимствованными из самых древних формул Востока. Плиний, должно быть, намекает на них, когда упоминает о силах, приписываемых магами аметистам с вырезанными на них именами

иерархии – термин, который христианские отцы приняли и повторили без полного понимания, и значение которого было окончательно искажено позднейшим богословием. Но вернемся к Меру.

Все окружено Маха Самут или великим морем – астральным светом и эфиром каббалистов и ученых; и внутри центральных кругов появляется «образ человеческий». Он есть Ахадот назареев, двойное единство или андрогинный человек, небесная инкарнация и совершенный образ Сеир-Анпина (Малого Лика), сына *Арих-Анпина* (Великого Лика).[252] Ныне этот образ представлен во многих ламаистских монастырях Гаутамой Буддой, последним из воплощенных аватаров. Еще ниже, под Меру, находится обитель великого Нага, которого называют *Раджа Нага,* царь-змий – змий «Бытия», гностический Офит, – и богини Земли, Бхумай Нари, или Ямы, которая сопутствует великому дракону, ибо она есть Ева, «мать всего живущего». Еще ниже находится восьмая сфера – область ада. Самые высшие области Брахмы окружены солнцем, луною и планетами, семью светилами назареев, в точности, как они описаны в *«Кодексе».*

«Семеро лживых Демонов, которые обманывают сыновей Адама. Одного из них зовут *Сол;* другого – *Spiritus Venereus,* Астро; имя третьего – *Нэбу,* Меркурий, *ложный Мессия...* имя четвертого – Син, *Луна;* пятый – *Киун,* Сатурн; шестой – Бэл-Зевс; седьмой – Нериг-Марс» [257, т. III, с. 57]. Затем следуют «*Семеро Жизней* порожденных», семь добрых Звездных, «которые из Кабар-Зиво, и являются теми светочами, которые сияют в своей собственной форме и великолепии, проливая сверху свой свет... У ворот ДОМА ЖИЗНИ уместно поставлен трон для Владыки Великолепия, и там имеются ТРИ обители» [257, т. III, с. 61]. Обители *Тримурти,* индусской троицы, помещены ниже ключевого камня – золотого полумесяца, в изображении Меру. «И под ногами Его [Бога Израиля] нечто подобное работе из чистого сапфира» [*Исход,* XXIV, 10]. Под полумесяцем находится небо Брахмы, все вымощенное сапфирами. Рай Индры сияет тысячью солнцами; рай Шивы (Сатурна) расположен к северо-востоку, его трон образован из лазурита, и пол небес устлан ярким золотом. «Когда он сидит на троне, он пламенеет огнем до *поясницы».* В Хардваре во время ярмарки, на которой он больше чем когда-либо является Махадевой, высочайшим богом, атрибуты и эмблемы, посвященные еврейскому «Господу Богу», могут быть опознаны один за другим в атрибутах и эмблемах Шивы. Камень Бинланг,[253] посвященный этому индусскому божеству, представляет собою необтесанный камень, подобный Бет-элу, освященному патриархом Иаковом и воздвигнутому им «в качестве колонны»; притом, как и последний, Бинланг *помазан.* Навряд ли нам нужно напоминать изучающему, что *лингам,* эмблема, посвященная Шиве, чьим храмам придается эта форма, – тождественен по форме, значению и назначению с «колоннами», воздвигнутыми несколькими патриархами, чтобы запечатлеть свою преданность Господу Богу. Фактически один из этих *lithoi* патриархов даже теперь можно нести в шиваитских процессиях в Калькутте, и никто бы не заподозрил его еврейского происхождения. Четыре руки Шивы часто бывают представлены с крыловидными добавлениями; у него *три* глаза, а *четвертый* находится в полумесяце, полученном им при пахтании океана, так как Панча Мукти Шива имеет четыре головы.

В этом боге мы узнаем описание, данное Иезекиилем в первой главе его книги, в его видении, в котором он увидел «подобие человека» в четырех живых тварях, у которых было «четыре лица, четыре крыла», у которых была одна пара ног – «прямые, ... и

солнца и луны – именами, выраженными ни по-гречески, ни по-латински. В “Вечном Солнце”, “Абраксасе”, “Адонае” этих гемм мы узнаем те самые амулеты, которые высмеивал философический Плиний [**410**, с. 79, 80], и *Virtutes* (чудеса) в применении Иринея.

[252] Назван так, чтобы отличить Малый Лик, который *есть внешность* “от почтенного священного старца” [*“Идра Рабба”,* III, 36; V, 54]. Сеир-Анпин есть “образ Отца”. “Видевший Меня видел Отца” [*Иоанн,* XIV, 9].

[253] Этот камень с поверхностью как у губки находят в Нармаде; его редко можно увидеть в других местах.

сверкали, как блестящая медь... вид колес и устроение их – как вид топаза, и подобие у всех четырех одно». Как раз трон и небеса Шивы описывает пророк, говоря «...было там подобие престола по виду как бы из камня сапфира... и видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри него вокруг; от вида чресел его и выше и от вида чресел его и ниже я видел как бы некий огонь» [*Иезекииль,* I, 27]. «И ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи» [*Откровение,* I, 15]. «Подобие лиц их – лице человека и лице льва с правой стороны у всех четырех, а с левой стороны лице тельца у всех четырех и лице орла» [*Иезекииль,* I, 10; X, 14]. Эту *четверную* наружность мы находим у двух *херувимов* из золота на обоих концах ковчега; эти символические четыре *лица,* кроме того, позднее по одному были присвоены каждому из четырех евангелистов, в чем можно легко удостовериться по изображениям Матфея, Марка, Луки и Иоанна,[254] предпосылающим их соответственные евангелия в римской *Вульгате* и в греческой Библии».

> «Тааут, великий бог финикийцев», – говорит Санхуниафон, – «чтобы выразить характер Сатурна или Кроноса, изобразил его с четырьмя глазами... два спереди, два позади, открытые и закрытые, и с четырьмя крылами – два распростертые и два сложенные. Глаза означают, что этот бог видит во сне и спит, когда бодрствует; положение крыльев указывает, что он летает, будучи в покое, и отдыхает, когда летает».

Тождественность Сатурна с Шивой еще более подтверждается, когда мы рассматриваем эмблему последнего, дамару, которая представляет собой часомерный стакан, указывая на течение времени, представляемого этим богом в качестве разрушителя. Бык Нарди, вахан Шивы и наиболее священная эмблема этого бога, воспроизведен в египетском Аписе и в быке, созданном Ормаздом и убитом Ахриманом. Найдено, что религии Зороастра, целиком основанной на тайной доктрине, придерживалось население Эритены; она была религией персов, когда они победили ассирийцев. Отсюда легко проследить, как эта эмблема ЖИЗНИ, представляемая Быком, проникла во все религиозные системы. Училище магов приняло эту эмблему при смене династии;[255] Даниил описан как раввин, глава вавилонских астрологов и магов (см. [Даниил, IV, V]); поэтому мы видим, как маленькие ассирийские быки и атрибуты Шивы снова появляются, слегка изменив форму, в херувимах талмудистских евреев, точно так же, как мы проследили быка Аписа в сфинксах или херувимах Моисеевого Ковчега, и как мы находим его несколько тысячелетий спустя в компании христианского евангелиста Луки.

Кто бы ни жил в Индии достаточно долгое время, чтобы ознакомиться хотя бы поверхностно с местными божествами, должен усмотреть сходство между Иеговой и другими богами, кроме Шивы. В качестве Сатурна последний всегда пользовался большим уважением у талмудистов. Александрийские каббалисты чтили его как непосредственного вдохновителя закона и пророков; одно из имен Сатурна было Израиль, и мы со временем докажем его тождественность некоторым образом с Авраамом, на что Мувер и другие давно уже намекали. Таким образом, не следует удивляться, что Валентин, Василид и офиты-гностики помещали обитель своего Ильда-Баофа, как разрушителя, так и творца, в планете Сатурн; ибо именно он был тем, кто дал закон в пустыне и говорил через пророков. Если доказательств потребуется больше, мы докажем это по свидетельству самой канонической Библии. В «Амосе» «Господь» изливает сосуды гнева на народ Израиля. Он отвергает сжигаемые ими приношения, не хочет слушать их молений, но спрашивает Амоса: «Приносили ли вы мне жертвы и хлебные дары в пустыне в течение сорока лет, дом Израилев? Вы носили скинию Молохову и звезду бога вашего [Куина] Ремфана» [Амос V, 25, 26]. Кто же этот Молох и *Киун* как не Ваал-Сатурн-Шива,

---

[254] При Иоанне – орел; при Луке – бык; при Марке – лев; при Матфее – ангел – каббалистическая четверка египетского Таро.

[255] См. Маттера [**506**] по этому вопросу.

и *Киун*, Киван, тот же самый Сатурн, чью звезду израильтяне присвоили? Кажется, в данном случае от этого не уйти, все эти божества тождественны.

То же самое в случае с многочисленными Логосами. Тогда как Сосиош зороастрийцев создан по образу десятого брахманистского аватара и пятого Будды последователей Гаутамы; и мы находим первого, после того как он целиком перешел в каббалистическую систему царя Мессии, – отраженным в апостоле Гавриеле назареев, в Эбел-Зиво, Посланце, посланном на землю Владыкой *Celsitude* и Света; все они – индусские и персидские, буддийские и еврейские, Христос гностиков и Логос Филона – обнаруживаются объединенными в «Слове, ставшем плотью» из четвертого Евангелия. Христианство включило в себя все эти системы, залатавши и приспособивши себе по надобности. Возьмем, например, «Авесту» – мы находим там систему дуализма, так сильно преобладающую в христианской схеме. Борьба между Ахриманом,[256] Тьмою, и Ормаздом, Светом, шла в мире непрерывно с начала времен. Когда произойдет худшее и будет казаться, что Ахриман завоюет мир и развратит все человечество, тогда появится Спаситель человечества, Сосиош. Он придет верхом на белом коне, сопровождаемый армией добрых гениев, также восседающих на снежно-белых конях.[257] И мы обнаруживаем это с точностью скопированным в «Откровении»: «И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный... И воинства небесные следовали за ним на конях белых» [*Откровение,* XIX, 11, 14]. Сам Сосиош есть ничто другое, как более позднее персидское видоизменение индусского Вишну. Фигуру этого бога можно найти и ныне, изображающей его как Спасителя, «Сохранителя» (сохраняющего духа Божия), в храме Рамы. На картине он показан в своем десятом воплощении – как *Калки-Аватар,* который еще должен прийти – как вооруженный воин верхом на белом коне. Размахивая над головой мечом разрушения, он держит в другой руке диск, состоящий из многих колец, входящих один в другой – эмблему вращающихся циклов или великих веков,[258] ибо Вишну так должен появиться только в конце калиюги, что соответствует концу мира, ожидаемому нашими адвентистами. «Очи у него как пламень огненный, и на голове Его много диадим» [*Откровение,* XIX, 12]. Вишну часто изображается с несколькими коронами, наложенными на голове одна на другую. «И увидел я одного Ангела, стоящего на солнце». (17) *Белый конь есть конь Солнца.*[259] Сосиош, персидский Спаситель, также родился от девы,[260] и под конец дней он придет как Искупитель для обновления мира, но ему будут предшествовать два пророка, которые придут провозгласить его приход.[261] Вот почему евреи, у которых были Моисей и Илия, ожидают теперь Мессию. «Затем наступает всеобщее *воскресение,* когда добрые сразу же войдут в эту счастливую обитель – в обновленную землю; а Ахриман и его ангелы (дьяволы),[262] и грешники будут очищены путем погружения их в озеро из расплавленного металла... С тех пор все будут наслаждаться неизменным счастьем, и, будучи возглавляемы Сосиошем, постоянно будут петь хвалу Извечному».[263] Вышеприведенные строки являются полным повторением приписываемого Вишну в его десятом аватаре, так как он тогда бросит

---

[256] Ахриман, создание Зороастра, назван так в силу ненависти к ариям, или арьям, брахманам, против власти которых зороастрийцы восстали. Хотя Зороастр сам был арьян (благородный, мудрец), он точно так же как в случае с Дэвами, которых он низвел от богов до положения *дьяволов,* не поколебался обозначить этот тип духов зла именами своих врагов – брахманов-арьев. Вся эта борьба Ахура-Мазды и Ахримана есть просто аллегория большой религиозной и политической войны между брахманизмом и зороастризмом.

[257] *“Nork”*, II, 146.

[258] Достопочтимый м-р Морис также придает им значение циклов.

[259] *“Duncker”*, II, 363; [**510**, I, 32, 34].

[260] См. *“Книга Дехеш”*, 47.

[261] См. “Зенд Авеста”, перевод Кинга в его “Гностиках” [**410**, с. 9].

[262] Дэвы или дьяволы иранцев противоположны дэвам, или божествам, Индии.

[263] *“Nork”*, II, 146.

грешников в адовы обиталища, в которых они, когда очистятся, будут прощены – даже дьяволы, восставшие против Брахмы и брошенные в бездонную пропасть Шивою,[264] так же как «благословенные» пойдут обитать с богами над горой Меру.

Проследив таким образом аналогичность взглядов в отношении Логоса, Метатрона и Медиатора в таком виде, как они изложены в *«Каббале»* и в *«Кодексе»* христиан-назареев и гностиков, читатель подготовлен к тому, чтобы должным образом оценить наглость замысла отцов церкви превратить чисто метафизическую фигуру в конкретную форму и повернуть все так, точно палец пророчества с незапамятных времен указывал в веках на Иисуса как на грядущего Мессию. Теомиф, созданный для символизирования грядущего времени, близком к завершению великого цикла, дня, когда «радостная весть» с небес провозгласит всемирное братство и всеобщую веру человечества, дня возрождения – был насильно искажен превращением его в уже совершившийся факт.

«Почему ты называешь меня благим? Никто не благ, кроме *одного, то есть Бога*», – говорит Иисус. Разве это речь Бога, второго лица Троицы, которое тождественно с Первым? И если этот Мессия или Святой Дух гностической и языческой Троиц пришел собственной персоной, то что он подразумевал, делая различие между собой, «сыном человеческим», и Святым Духом? «И кто бы ни сказал слово против Сына человеческого – тому простится, но кто будет кощунствовать против Святого Духа, – тому не простится», он говорит [*Лука*, XII, 10]. И как объяснить эту поразительную тождественность сказанного им со сказанным за века до него каббалистами и «языческими» посвященными? Нижеследующее представляет только несколько примеров из множества.

> «Ни один из богов, ни человек, ни Владыка, не может быть благим, а *только один* бог», – говорит Гермес [**501**, VI,
>
> «Быть благим человеком невозможно, только Бог один обладает этой привилегией», – повторяет Платон с небольшой разницей.[265]
>
> За шесть веков до Христа китайский философ Конфуций сказал, что его учение просто и легко доступно пониманию [«Лунь-ю», гл. 5, § 15]. К этому один из его учеников добавил: «Учение нашего Учителя состоит в том, что нужно иметь постоянную сердечную чистоту и делать другим то, чего желаем, чтобы другие делали нам».[266]
>
> «Иисуса Назарея – Мужа, засвидетельствованный вами от Бога силами и чудесами» [*Деяния*, II, 22], – восклицает Петр, спустя значительное время после Распятия. «Был *человек*, просланный от Бога; имя ему Иоанн» [*Иоанн*, I, 6], – говорит четвертое *Евангелие,* приравнивая, таким образом, Иоанна Крестителя к Иисусу. Иоанн Креститель в одном из наиболее торжественных моментов своей жизни, а именно в момент крещения Христа, не думает, что он собирается крестить *Бога,* но пользуется словом *мужчина*: «Сей есть, о котором я сказал: за мной идет муж» [*Иоанн*, I, 30]. Говоря о себе Иисус сказал: «А теперь ищете убить *меня, человека,* сказавшего вам истину, *которую слышал от Бога*» [*Иоанн*, VIII, 40]. Даже слепой в Иерусалиме, будучи исцелен великим чудотворцем, полный благодарности и восхищения своим благодетелем, рассказывая об этом чуде, не называет Иисуса Богом, но просто говорит – *«человек,* называемый Иисус, сделал брение» [*Иоанн*, IX, 11].

Мы кончаем этот список примеров не из-за недостатка других примеров и доказательств, но просто потому, что то, что мы теперь говорим, было уже сказано и доказано другими много раз до нас. Но нет более неисцелимого порока, как слепой и нерассуждающий фанатизм. Мало людей, которые, подобно д-ру Пристли, осмелятся писать:

---

[264] Епископ Эфесса, 218 г. н. э.; [**479**, III, 31]. Ориген непоколебимо утверждал, что доктрина вечного мучения ошибочна. Он верил, что при втором пришествии Христа даже дьяволы среди осужденных будут прощены. Вечное мучение есть более поздняя *христианская* мысль.

[265] “Протагор” Платона, перевод Кори, [**268**, с. 274].

[266] [**511**, II, 375], [**142**, с. 97].

«Мы не находим ничего похожего на божественность, приписываемую Христу, до времени Юстина Мученика (141 г. н. э.), который из философа превратился в христианина» [512, с. 2, раз. 2].

Магомет появился почти за 600 лет спустя после предполагаемого богоубийства.[267] Греко-римский мир все еще находился в конвульсиях религиозных расхождений, несмотря на все объявленные в прошлом имперские эдикты и насильственную христианизацию. В то время как Собор в Тренте вел диспуты о *«Вульгате»,* единство Бога спокойно вытеснило Троицу, и вскоре магометане превзошли численностью христиан. Почему? Потому что их пророк никогда не стремился отождествлять себя с Аллахом. Иначе, можно с уверенностью сказать, он не увидел бы расцвета своей религии. До нынешнего дня магометанство приобретало и приобретает больше последователей, чем христианство. Будда-Сиддхартха пришел как простой смертный, за века до Христа. Ныне находят, что религиозная этика этой веры по своей нравственной красоте намного превосходит все, что когда-либо снилось Тертуллианам и Августинам.

Истинный дух христианства может быть полностью найден только в буддизме; частично он проявляется и в других «языческих» религиях. Будда никогда не делал из себя Бога, также он не был обожествлен своими последователями. Известно, что в настоящее время буддисты по численности намного превосходят христиан – их число доходит до 500.000.000. В то время как случаи обращения в христианство буддистов, брахманов, магометан и евреев стали настолько редки, что показывают бесплодность усилий наших миссионеров, – атеизм и материализм гангренозными язвами все глубже вгрызается в самое сердце христианства. Среди языческого населения нет атеистов, и те немногие среди буддистов и брахманов, которые заразились материализмом, обычно попадаются лишь в больших городах, набитых европейцами, и то только среди образованных классов. Правильно сказал епископ Кидер:

> «Если бы умному человеку пришлось выбирать для себя религию по тем людям, кто ее исповедуют, то, вероятно, христианство было бы последним, что он бы выбрал!»

В талантливо написанной небольшой брошюре, принадлежащей перу популярного лектора Дж. М. Пибла, доктора медицины, автор цитирует статью из лондонского *«Athenaeum»,* в которой описано благосостояние и цивилизация обитателей Яркенда и Кашгара, «которые кажутся добродетельными и счастливыми». «Милосердные небеса!» – восклицает с жаром честный автор, который сам когда-то был священником универсалистом, – *«не допустите* миссионеров в «счастливую» и языческую Татарию!» [513]

С самых ранних дней христианства, когда Павел укорял Коринфскую *церковь* за преступление, «какого не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего»; и за то, что они превращают «Святую Вечерю» в предлог для *разврата* и пьянства [*1 Коринф.*, V, 1], – вероисповедание имени Христа всегда было более предлогом, чем свидетельством возвышенных чувств. Однако, правильное изложение этого абзаца следующее: «Везде среди вас слышно о непристойных деяниях, таких непристойных, как нигде среди языческих народов – даже об овладении или женитьбе на жене отца». Кажется, что в этих речах налицо персидское влияние. Такие деяния «нигде среди народов» не происходили, за исключением Персии, где они рассматривались особо похвальными. Отсюда и возникновение еврейских повествований об Аврааме, женившемся на своей сестре, о Нахоре – на племяннице, об Амраме – на сестре своего отца, и о Иуде, женившемся на вдове своего сына, чьи дети, кажется, были законными. Арийские племена ценили эндогамные браки, тогда как татарские и все варварские народы требовали, чтобы все брачные союзы были эксогамными.

Был только один апостол Иисуса, достойный этого имени, и этим апостолом был Павел. Как бы руки догматиков ни исказили его *«Послания»,* прежде чем допустить их в

---

[267] Магомет родился в 571-ом г. н. э.

Канон, – его концепцию о великой и божественной личности философа, умершего за свою идею, все еще можно проследить по его обращениям к различным языческим народам. Только тот, кто захотел бы лучше его понять, должен сначала изучить *Логос* Филона, порой отражающий индусского *Шабду* (логоса) школы Миманса.

Что же касается других апостолов – тех, чьи имена прикреплены к *Евангелиям,* то мы не можем по-настоящему поверить в их достоверность, когда обнаруживаем, что они приписывают своему Учителю чудеса, окруженные обстоятельствами, записанными если и не в старейших книгах Индии, то, по крайней мере, в таких, которые намного опережают христианство, и притом в точности соблюдая фразеологию этих преданий. Кто в дни своей простой и слепой доверчивости не восхищался трогательным повествованием в *Евангелиях Марка* и *Луки* о воскрешении из мертвых дочери Иаира? Кто когда-либо сомневался в его достоверности? И все же это повествование скопировано целиком из *«Хари-Пураны»,* где оно числится среди чудес, приписываемых Кришне. Мы переводим это с французской версии:

> «Царь Ангашуна назначил обручение своей дочери, прекрасной Калавати, с молодым сыном Вамадэвы, могущественного царя Антарведи, по имени Говинда; обручение должно было совершиться с большой пышностью.
>
> Но когда Калавати забавлялась в роще со своими подругами, ее укусила змея, и она умерла. Ангашуна разорвал на себе одежды, посыпал себя пеплом и проклял день, когда он родился.
>
> Вдруг говор пронесся по всему дворцу, послышались крики, тысячу раз повторяющиеся: «Пация питарам; пация гурум!» «Отец! Учитель!» Затем подошел Кришна, улыбающийся, упираясь на руку Арджуны... «Учитель!» – закричала Ангашуна, бросаясь к его ногам и омывая их слезами: «Посмотри на мою бедную дочь!» – и он указал ему на тело Калавати, распростертое на циновке...
>
> «Почему ты плачешь?» – ответил Кришна ласковым голосом. – *«Разве ты не видишь, что она спит?* Прислушайся к звуку ее дыхания, подобного вздоху ночного ветра, шелестящего листьями на деревьях. Смотри, как на щеках ее возобновляется краска; веки трепещут на ее глазах, точно собираются раскрыться; губы ее дрогнули, как будто она хочет что-то сказать; она спит – я вам говорю; вот посмотрите! она двигается, *Калавати! Встань и иди!»*
>
> Едва Кришна это произнес, как дыхание, тепло, движение и жизнь мало-помалу вернулись в труп, и юная девушка, повинуясь велению полубога, встала со своего ложа и присоединилась к подругам. Но толпа восхищалась и кричала: «Это бог, раз смерть для него не более чем сон»».[268]

Все такие притчи навязаны христианам с добавлением догм, которые по своему чрезвычайному характеру превосходят самые дикие концепции язычества. Христиане, чтобы поверить в божество, нашли необходимым убить своего Бога, чтобы сами могли жить!

И теперь Верховным, непознаваемым, Отцом благоволения и милосердия и его небесной иерархией церковь распоряжается точно они являются театральными звездами и статистами, получающими жалование! За шесть веков до христианской эры Ксенофан разделался с таким антропоморфизмом бессмертной сатирой, записанной и сохраненной Климентом Александрийским:

> «Есть над богами всеми единый Бог, божественнее смертных,
> Чья форма не похожа на человеческую, как не похожа и его природа;
> Но смертные напрасно возомнили, что боги им подобно рождены,
> С человеческими чувствами, и голосом, и членами телесными;
> Так львы или волы, когда б имели руки и уменье, подобно человеку,
> Ваять резцом иль кистью отразить их представление о Боге,
> То львы богам придали б сходство с львами, волы – с волами,

[268] Переведено из “Хари-Пураны” в книге Жаколио “Христос и Кришна” [**374**].

Каждый наделил бы божественное формой и натурой, присущей им самим»

И послушайте Вьясу – индийского поэта пантеиста, который, судя по тому, что доказывают ученые и как считает Жаколио, жил приблизительно 15 тысяч лет тому назад – как он рассуждает о Майе, иллюзии чувств:

> «Все религиозные догмы служат только затемнению человеческого разума... Поклонение божествам, под аллегориями которых скрыто почитание законов природы, отгоняет истину в пользу самых низких суеверий» *(«Вьяса Майа»).*

Так христианству дано было изобразить для нас Всемогущего Бога по образцу каббалистической абстракции «Ветхого Днями». От старых фресок на потолках соборов: католических молитвенников и других икон и изображений, мы теперь находим Его в изображении поэтической кисти Густава Дорэ. Внушающее Благоговейный страх, непознаваемое величие Того, кого ни один «язычник» не осмелился воспроизвести в конкретной форме, в нашем веке фигурирует в «Иллюстрированной Библии» Дорэ. Попирая облака, плывущие в высоте, оставив тьму и хаос за собою, а землю под ногами, стоит величественный старик; его левая рука придерживает развевающиеся вокруг него одежды, а правая приподнята в повелительном жесте. Он произнес Слово, и из его возвышающейся персоны струится сверкание Света – Шехина. Как поэтический замысел, эта композиция делает честь художнику, но делает ли она честь Богу? Лучше хаос за Ним, чем сама фигура, ибо там, по крайней мере, мы имеем торжественную тайну. Что же касается нас, то мы предпочитаем молчание язычников древности. При наличии таких грубых, антропоморфических и, по нашему мнению, кощунственных изображений Первопричины, кто может удивиться иконографической экстравагантности в изображениях христианского Христа, апостолов и мнимых Святых? У католиков Св. Петр вполне становится привратником Небес и сидит у дверей царствия небесного – в качестве билетера к Троице!

В религиозном столкновении, которое недавно произошло в одной из испано-американских провинций, на телах некоторых убитых были обнаружены паспорта, подписанные епископом епархии и адресованные Св. Петру, приказывающие ему *«пропустить предъявителя сего, как истинного сына церкви».* Впоследствии было установлено, что эти уникальные документы были выданы католическим прелатом как раз перед тем, как его введенные в заблуждение прихожане пошли в бой по наущению своих священников.

В своем безмерном желании найти доказательства подлинности Нового Завета лучшие люди, наиболее эрудированные ученые, даже среди протестантского духовенства, слишком часто попадают в вызывающие сожаления ловушки. Мы не можем поверить, что такой ученый комментатор как Кэнон Уэсткотт мог остаться в неведении в отношении талмудистских и чисто каббалистических писаний. Как же тогда получается, что мы находим его с такой спокойной уверенностью цитирующим, в качестве «поразительных аналогий к «Евангелию от Иоанна»», отрывки из труда «Священник Гермия», которые представляют собою целые сентенции из каббалистической литературы?

> «Воззрение, которое Гермий выражает по поводу сущности Христа и его труда, полностью гармонирует с апостолической доктриной, и оно представляет поразительные аналогии «Евангелия от Иоанна»... Он (Иисус) есть утес, более высокий, чем горы, способный удержать весь мир, древний и все же имеющий новые врата!.. Он старше, чем творение, так что он советовался с Отцом о творении, им совершенном... Никто не придет к нему иначе, как только через его Сына».[269]

---

[269] Этот труд, “Священник Гермия”, не сохранился и упоминается только в *“Стихометрии”* Никифора; теперь он считается апокрифическим. Но в дни Иринея отцы его цитировали, как Священное Писание (см. [**259**, т. I, с. 257]); они считали его боговдохновенным и читали публично

Теперь, помимо того – как это автор «Сверхъестественной религии» вполне доказывает – что в этом нет ничего, что выглядело бы похожим на подтверждение доктрины четвертого *Евангелия*, – он пропустил констатацию того факта, что почти все, выраженное псевдо-Гермием в связи с его иносказательной беседой с «Господом» – есть очевидное цитирование с повторными вариациями «Зогара» и других каббалистических книг. Мы также можем сопоставить, чтобы читателю нетрудно было судить самому.

«Бог», – говорит Гермий, – «посадил виноградник, то есть, Он сотворил людей и отдал их Своему Сыну; и Сын... сам очистил их от грехов, и т. д.», то есть, Сын отмыл их в своей крови, в память чего христиане пьют вино во время причащения. В *«Каббале»* показано, что Старец Старцев или «Великий Лик» сажает виноградник, причем последний олицетворяет человечество, а виноградная лоза – Жизнь. Дух *«Царя* Мессии», поэтому, показан как моющий свои одежды *в вине* сверху, от сотворения мира [*«Зогар»*, XI, с. 10]. Адам или А-Дам есть «кровь». Жизнь плоти находится в крови (нэфеш – душа) [*Левит,* XVII]. И Адам Кадмон есть Единородный. Ной тоже сажает виноградник, аллегорически – рассадник будущего человечества. В результате адаптации той же самой аллегории мы находим ее воспроизведенной в «Кодексе назареев». Порождены семь виноградных лоз, которые происходят от Иукабар Зива, и Ферхо (или Парха) Раба поливает их водою [257, т. III, с. 60-61]. Когда благословенные вознесутся и станут среди сотворении Света, они увидят Иавар-Зиво, *Владыку* ЖИЗНИ и *Первую* ВИНОГРАДНУЮ ЛОЗУ! [257, т. II. с. 281; т. III, с. 59] Таким образом эти каббалистические метафоры вполне естественно повторены в «Евангелии от Иоанна» [XV, I]: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец мой – виноградарь». В «Бытии» [XLIX] в уста умирающего Иакова вложены слова: «Не отойдет скипетр от Иуды [львенка] и законодатель от чресел его, пока не приидет Шилох (Силох) [Примиритель]... Он привязывает к *виноградной лозе* осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей, моет *в вине* одежду свою и в *крови гроздов* одеяние свое». Шилох есть «Царь Мессия», так же как Шилох в Эфраиме, который должен был стать столицею и местом святилища. В *«Таргуме Онкилоса»* вавилонянина слова Иакова звучат так: «Пока не придет *Царь Мессия».* Это пророчество не оправдалось ни в христианском, ни в каббалистически-еврейском значении. Скипетр ушел от Иуды независимо от того пришел ли уже Мессия или придет, если только мы не поверим вместе с каббалистами, что Моисей был первым Мессией, перенесшим свою душу в Иошуа – Иисуса.[270]

Гермий говорит:

> «И в середине долины он показал мне великий *белый* утес, который высился над долиной; и утес этот был выше гор, прямоугольный – такой, что мог удержать целый мир; но утес этот был стар; в нем были высечены ворота, и казалось мне, что высечены они были недавно».

В «Зогаре» мы находим:

> «На 40 000 высших миров *белизна* черепа Его Головы (наиболее священного Патриарха *in absconditus)* простирается...[271] Когда Сеир (первое отражение и подобие своего Отца, Древнего из Древних), тайною семидесяти имен Метатрона спустится в Иециру (третий мир), он откроет новые врата... *Spiritus Decisorius* разрежет и разделит одеяние (Шехину) на две части...[272] Во время пришествия Царя Мессии *белый свет* из священного кубического камня

в церквях [**162**, IV, 20]. Когда Тертуллиан стал монтанистом, он отверг его, хотя перед этим *засвидетельствовал* его божественность [**485**, с. 12].

[270] В этой связи нам следует напомнить читателю, что Иошуа и Иисус – одно и то же имя. В славянских библиях Иошуа читается Иисус Навин.

[271] *“Идра Рабба”,* т. III, § 41; “Зогар”.

[272] [**419**, т. II, с. 230], *“Book of the Babylonian Companions”,* с. 35.

Храма будет исходить в течение сорока дней. Он будет распространяться, пока *не объемлет весь мир...* В это время Царь Мессия откроется, и его увидят выходящим из врат сада Одана (Эдема). «Он откроется в земле Галил»... [**515**, с. 11]. Когда «он воздаст за грехи Израиля, он поведет их через *новые врата* к седалищу правосудия».[273] У *Врат Дома Жизни* трон приготовлен для Царя Славы» [**257**, т. III, с. 60].

Далее комментатор приводит следующую цитату:

«Этот *утес* и эти *врата* суть Сын Божий. «Почему, Господи», – сказал я, – «этот утес старый, а эти врата – новые?» «Слушай», – сказал Он, – «и пойми ты, невежественный человек. *Сын Божий старше, чем все его творение,* так как он был Советник Отца в Его трудах сотворения; и поэтому он стар»» [**488**, с. 178 ff].

Теперь, эти два утверждения не только чисто каббалистичны, совпадая даже по выражению, но также и брахманистские и языческие *«Vidi virum excellentem coeli terroeque conditore natu majorem...* Я видел наиболее превосходного (высшего) ЧЕЛОВЕКА, который старше по рождению, чем создатель неба и земли», – говорит каббалистический *«Кодекс»*.[274] Элевсинский Дионис, чье особое имя было *Якх* (Якхо, Яхо),[275] – Бог, от которого ожидали освобождение душ, – считался старше, чем Демиург. В мистериях Анфестерий у озер *(Limnae)* после обычного крещения посредством очищения водой, мистов заставляли проходить через другую дверь (врата), специально для этой цели сооруженную, которую называли «вратами Диониса» и вратами *«очищенных».*

В «Зогаре» каббалисты узнают, что создатель Демиург сказал Владыке: «Давайте сделаем человека по нашему образу».[276] В подлинном тексте первой главы «Бытия» написано: «И *элохимы* (переведено как Высочайший Бог), которые являются высочайшими богами или властями, сказали: Давайте сделаем человека по *нашему* (?) образу, по *нашему* подобию». В Ведах Брахма советуется с Парабрахмой, как наилучшим образом приступить к сотворению мира.

Кэнон Уэсткотт, цитируя Гермия, показывает его спрашивающим:

«И почему эти ворота *новые,* Господи? – спросил я. «Потому», – ответил он, – «что он был проявлен в последний из дней завета; по этой причине ворота были воздвигнуты заново, чтобы те, которые будут спасены, могли через них войти в Царство Бога»».[277]

В этом абзаце имеются две особенности, заслуживающие внимания. Во-первых, он приписывает «Господу» ложное заявление – такого же рода, как заявление, так сильно подчеркнутое апостолом Иоанном, и которое в более поздний период ставило всех ортодоксальных христиан, воспринявших апостолические аллегории в их буквальном смысле, в такие неудобные положения. Иисус, в качестве Мессии, *не* был проявлен в последний из дней – ибо им еще предстоит наступить, несмотря на множество боговдохновенных пророчеств, за которыми следовало разочарование в надеждах, свидетельствовавших о его немедленном приходе. Вера, что настали «последние времена», была вполне естественной, раз уж было признано, что Царь Мессия уже пришел. Вторая особенность заключается в том факте, что это *пророчество* вообще могло быть принято, если даже приблизительное его определение является прямым противоречием апостолу Марку, который вкладывает в уста Иисуса ясные слова, что ни ангелы, ни сам Сын не знают ни дня, ни часа этого [*Марк*, XIII, 32]. Мы могли бы добавить, что так как верование это, бесспорно, возникло вместе с «Апокалипсисом», то

---

[273] “Midrash Hashirim”; “Rabbi Akaba”; “Midrash Koheleth”, т. II, с. 45.
[274] Т. II, с. 57; [**454**], [**142**, с. 103].
[275] [**456**, т. I, с. 484]; [**92**, с. 238]; [**88**, с. 553].
[276] “Зогар”, т. I, fol. 25.
[277] [**490**, IX, с. 12], [**259**, т. I, с. 257].

это должно послужить очевидным доказательством, что оно относится к вычислениям, свойственным каббалистам и языческим святилищам. Это было сокровенное вычисление цикла, который, по их расчетам, заканчивался во второй половине первого века. Это также можно считать подтверждающим доказательством того, что «Евангелие от Марка» так же, как *Евангелие*, приписываемое *Иоанну,* и «Апокалипсис» были написаны людьми, из которых ни один не был достаточно знаком с другим. Логоса сперва определенно называли *петра* (скала) по Филону; кроме того, это слово, как это мы уже доказали в другом месте, на халдейском и финикийском языках означало «истолкователь». Юстин Мученик во всех своих писаниях называет его «ангелом» и делает ясное различие между Логосом и Богом-Творцом.

> «Слово Божие есть Его Сын... и его также называют ангелом и апостолом, ибо он провозглашает все, что нам следовало бы знать (истолковывает), и послан объявлять все, что раскрыто» [**468**, т. I, с. 63].

«Адан Низший распределен по своим собственным путям на тридцать две стороны путей, все же он никому неизвестен, кроме *Сеира.* Но никто не знает ни ВЫСОЧАЙШЕГО АДАНА, ни Его путей, за исключением Великого Лика» – Верховного Бога.[278] Сеир есть «гений» назареев, которого называли Эбел-Зиво; и Гавриил Посланец – также «апостол Гавриил» [257, т. I, с. 23]. Назареи вместе с каббалистами верили, что даже грядущий Мессия не знал *«Высочайшего* Адана», сокрытого божества; никто, кроме *Верховного* Бога, показывая таким образом, что выше верховного постигаемого божества есть один еще более сокровенный и непроявленный. Сеир-Анпин является третьим богом, тогда как «Логос» согласно Филону Иудею, является вторым.[279] Это ясно изложено в *«Кодексе».*

> «Ложный Мессия скажет: Я Дэус, сын Дэуса; мой Отец послал меня сюда... Я – первый *Посланец,* я – Эбел Зиво, я пришел с выси! Но не верьте ему: ибо он не будет Эбел Зиво. Эбел Зиво не позволит увидеть себя в этом веке».[280]

Отсюда верование некоторых гностиков, что тот, кто *«осенил»* Марию, не был Эбел-Зиво (архангел Гавриил), а Ильда-Баоф, сформировавший *материальное тело* Иисуса; тогда как *Христос* соединился с ним только в момент крещения в Иордане.

Можем ли мы подвергать сомнению утверждение Норка, что *«Берешит Рабба*, самая старая часть из *Мидраш Раббот, была известна отцам церкви в греческом переводе?»*[281]

Но если, с одной стороны, они были достаточно ознакомлены с различными религиозными системами своих соседей, чтобы быть способными построить новую религию, якобы отличающуюся от всех других, то их невежество по части самого Ветхого Завета, уже не говоря о более сложных вопросах греческой Метафизики, как теперь найдено, было прискорбным. «Так, например, в «Евангелии от Матфея», XXVII, 9, отрывок из «Захария», XI, 12-13, приписан Иеремии», – говорит автор «Сверхъестественной религии». «У *Марка,* I, 2, цитата из «Малахии», III, 1, приписана Исайе. В *1 Коринф.*, II, 9, приводится абзац, якобы взятый из Священного писания,

---

[278] *"Идра Рабба",* X, с. 177.

[279] Филон говорит, *то Логос* есть *истолкователь* высочайшего Бога и утверждает, "что он должен быть Богом для нас, несовершенных существ" [**462**, III, § 73]. По его мнению человек не был создан по образу *Высочайшего* Бога, Отца всего, но по образу *второго* Бога, который является его словом – Логосом" [**517**, VII, 13].

[280] [**257**, с. 57], [**142**, с. 59].

[281] [**518**, с. XVII]; Dunlap, [**142**, с. 87]; этот автор, цитирующий Норка, говорит, что части "Мидрашима" и "Таргума" *Онкелоса* старше Нового Завета.

которого вовсе не имеется в Ветхом Завете, но который взят, как установили Ориген и Иеремия, из апокрифического сочинения «Откровение Илии» (Ориген, *Tract*, XXXV), и этот абзац подобным же образом приводится в так называемом «Послании Климента Коринфянам», XXXIV.

Насколько можно положиться на набожных отцов в их объяснениях различных ересей – это видно из случая с Епифанием, который ошибочно принял пифагорейскую священную Тетраду, названную в *«Гнозисе»* Валентина Кол-Арбас, – за *вождя еретиков.*[282] Что же касается невольных ошибок и умышленных фальсификаций учений, не совпадающих с их взглядами, – канонизации мифологической *Aura Placida* в пару христианских мучениц – Св. Ауру и Св. Плациду;[283] обожествления *копья* и *покрова* под именами святых Лонгима и Амфибола [424, с. 84] и приводимых отцами цитат из пророков, которых в самом деле у этих пророков никогда не было, – то в немом изумлении можно задать вопрос, была ли когда-нибудь так называемая религия Христа после смерти этого Великого Учителя чем-либо иным, как не бессвязным сном?

Настолько злобными мы находим святых отцов в своем безжалостном преследовании мнимых *«ересей»,*[284] что видим, как они, не колеблясь, рассказывают наиболее нелепые выдумки и изобретают целые повествования, чтобы лучше запечатлевать свои собственные, иначе необоснованные, аргументы на невежестве. Если ошибка в отношении тетрады сначала возникла как простое следствие невольного заблуждения Ипполита, то объяснения Епифания и других, впавших в ту же самую абсурдную ошибку,[285] выглядят менее безвинными. Когда Ипполит серьезно разоблачает великую ересь Тетрады, Кол-Арбас, и сообщает, что воображаемым вождем гностиков является «Колорбас, который пытается объяснить религию при помощи мер и чисел» [520, IV, § 13], – тогда мы можем просто улыбнуться. Но когда Епифаний с большим негодованием разглагольствует по этой теме, «которая является Ересью XV», и, притворяясь тщательно ознакомившимся с этим предметом, добавляет: «Некий Гераклеон является последователем Колорбаса, что представляет собою Ересь XVI»,[286] – то здесь он не может уйти от обвинения в умышленной фальсификации.

Если этот ревностный *христианин* может так, не краснея, хвастать тем, что он *«своими доносами* послужил причиной ссылки семидесяти женщин, даже знатных – *путем соблазнения некоторых,* в число которых он сам был включен при вступлении в их секту», – то этим он нам оставил хороший пример, по которому судить о нем. К. У. Кинг весьма подходяще сказал по этому поводу, что «имеются все основания подозревать, что этот достойный ренегат в этом случае спасал себя от участи своих единоверцев тем, что в начале преследования свидетельствовал против них» [410, с. 182 f., прим. 3].

И таким образом один за другим погибали гностики, единственные наследники, на чью долю выпало несколько случайных крох от неизвращенной истины первоначального

---

[282] Описывая Птолемея и Гераклеона, автор “Сверхъестественной религии” [**259**, т. II, с. 217] говорит, что “неточность отцов идет в ногу с отсутствием у них критического суждения”, и затем приводит пример этого особенно смешного промаха, совершенного Епифанием совместно с Ипполитом, Тертуллианом и Филострием. “Ошибочно понимая один абзац Иринеевого “Против ересей” [**162**, I, с. 14], относящийся к Священной Тетраде (Кол-Арбас), Ипполит думает, что Ириней имеет в виду другого вождя гностиков”. Он сразу же обращается с Тетрадой, как с таким вождем по имени “Коларбас”, и, рассмотрев (VI, 4) доктрины Секунда, Птолемея и Гераклеона, предлагает (§ 5) показать “каких мнений придерживались Марк и *Коларбас”;* эти двое, согласно его мнению, являлись продолжателями школы Валентина (См. [**519**, с. 54 f], [**520**, IV, § 13]).

[283] См. [**52**].

[284] Означающих – придерживаться *других мнений.*

[285] “Эта нелепая ошибка”, – замечает автор “Сверхъественственной религии” [**259**, т. II, с. 218], – “показывает, как мало эти писатели знали о гностиках, о которых они писали, и как один невежественно следовал за другим”.

[286] [**475**, XXXVI, § 1, с. 262] (цитировано в [**259**]). См. Volkmar, *“Die Colorabasus-gnosis”* в [**521**].

христианства. Все было в смятении и бурлении в течение этих первых веков до того момента, когда все эти противоречивые догмы были наконец силой навязаны христианскому миру, и их обсуждение – запрещено. В течение долгих веков стремление к пониманию того, что церковь с таким удобством возвысила в степень *божественной* тайны, считалось святотатством, сурово наказуемым, очень часто смертной казнью. Но с тех пор как критики Библии взялись «приводить дом в порядок», дела приняли другой оборот. Языческие кредиторы теперь являются со всех уголков планеты, чтобы потребовать обратно свое, и христианское богословие начинают подозревать в полном банкротстве. Таков грустный результат фанатизма «правоверных» сект, которые, по выражению автора «Заката и падения Римской империи», никогда не были подобны гностикам – «самым любезным, самым ученым и наиболее заслуживающим имя христианина». И если не от всех их «несло чесноком», по выражению Ренана, то, с другой стороны, ни один из этих христианских святых никогда не стеснялся пролить кровь соседа, если взгляды его не совпадали с его собственными.

Таким образом все наши философы были сметены невежественными и суеверными массами. Филалетяне, любители истины, и их эклектическая школа – погибли; и там, где юная Ипатия преподавала высочайшие философские доктрины, и где Аммоний Саккас пояснял, что *«все, что Христос имел в виду* – это по-новому изложить и восстановить в первичной целостности мудрость древних – сузить границы везде преобладающего царства суеверия... и удалить различные ошибки, прокравшиеся в различные народные религии» [364], – там, мы говорим, свободно неистовствовала οι πολλοι христианства. Не исходили более поучения из уст «Богом наученного философа», но другие заповеди проповедовались воплощением самого жестокого зверского суеверия.

> «Если твой отец», – писал Св. Иероним, – «ляжет на твоем пороге, если твоя мать обнажит перед тобою ту грудь, которая вскормила тебя, – растопчи безжизненное тело своего отца и грудь твоей матери и с глазами неувлажненными и сухими мчись к Господу, который тебя призывает!!»

Эта сентенция равноценна, если не превзойдена, другой сентенции, произнесенной в подобном же духе. Она исходит из другого отца ранней церкви – красноречивого Тертуллиана, который надеется увидеть всех «философов» в огненной геенне Ада.

> «Какое это будет величественное зрелище!.. Как я буду хохотать! Как я возрадуюсь! Как я восторжествую, когда увижу такое множество прославленных царей, про которых говорили, что они вознеслись на небо, – стонущими во тьме в Аду вместе со своим богом Юпитером! Затем солдаты, преследовавшие Христово имя, будут гореть в более жарком пламени, чем то, которое они возжигали для святых» [**486**, гл. XXX].

Эти кровожадные выражения иллюстрируют дух христианства до нашего времени. Но являются ли они иллюстрациями к учению Христа? Никоим образом. Как говорит Элифас Леви:

> «Бога, во имя которого не следует растаптывать грудь нашей матери, мы должны увидеть в грядущем с широко зияющим у его ног Адом и с мечом истребляющим в руке... Молох сжигал детей всего в несколько секунд; ученики же Бога, про которого говорят, что он умер на кресте для того, чтобы искупить человечество, – приберегли пример этого Молоха, чтобы создать нового Молоха, чья сжигающая геенна вечна?» [**364**, с. v., § 5]

Что этот дух истинно христианской любви сохранился и целым перешел в девятнадцатый век, где он теперь свирепствует в Америке, – видно из примера неистового Муди, возрожденца, который восклицает:

«У меня есть сын, и только Бог знает, как я его люблю; но я лучше хотел бы увидеть, как у него сегодня вечером вырывают его прекрасные глаза, чем увидеть его выросшим и дошедшим до могилы без Христа и надежды!!»

На это американская газета в Чикаго вполне справедливо ответила:

«Это тот дух инквизиции, про которого нам сказали, что он умер. Если Муди в своем рвении «вырвал бы глаза» у своего любимого сына, то как бы он поступил с сыновьями другими, которых он любит меньше? Это дух Лойлы, бормочущий в девятнадцатом веке: и только рука закона удерживает его от зажигания костров казни и раскаливания докрасна инструментов пыток».

ГЛАВА VI
ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ БУДДИЗМА, ПАРОДИРОВАННЫЕ В ХРИСТИАНСТВЕ

«Занавес Вчерашнего дня падает, занавес Завтрашнего дня поднимается: но Вчерашний и Завтрашний дни оба *существуют».*
– Sartor Resartus, Natural Supernaturalism.

«Не разрешат ли нам исследовать подлинность Библии? которая, начиная со второго века, была поставлена критерием научной истины? Чтобы удержаться на таком высоком положении, она должна бросить вызов человеческой критике».
– Дж. Дрейпер. "История конфликта между религией и наукой".

«Один поцелуй Нара в уста Нари – и вся Природа просыпается».
– Вина Снати (индусский поэт).

Мы не должны забывать, что христианская церковь своими каноническими *Евангелиями*, а, следовательно, и всей религиозной догматикой, обязана *«Sortes Sanctorum».* Не будучи в состоянии прийти к соглашению, которое из тогда существовавших многих Евангелий являлось наиболее боговдохновенным, таинственный Никейский Собор решил предоставить решение по этому запутанному вопросу чудодейственному вмешательству. Этот Никейский Собор вполне может быть назван таинственным. Тайна заключалась уже в самом мистическом числе 318 епископов, что так сильно подчеркивает Варнава (VIII, 11, 12, 13); в добавление к этому у писателей древности нет единого мнения по поводу времени и места, где этот собор состоялся, и даже по поводу того, какой епископ председательствовал. Несмотря на высокопарные восхваления Константина,[287] Сабин, епископ Гераклеи, утверждает, что «за исключением Константина, императора, и Евсевия Памфила, епископы представляли собой сборище *неграмотных простых* тварей, которые ничего не понимали», что значит сказать, что они представляли собой сборище глупцов. По-видимому, таково было о них и мнение Паппа, который рассказывает нам о той магии, к которой они прибегали, чтобы решить, которые Евангелия являются *истинными.* В своем «Синодиконе» относительно этого Собора Папп говорит:

«Беспорядочно смешав все книги – которые были представлены Собору для выбора – под алтарем в церкви, они (епископы) обратились к Господу с молитвой, чтобы *вдохновенные* писания могли выбраться на алтарь, тогда как сомнительные оказались бы под алтарем, и *так оно произошло».*

---

[287] Сократ – [**522**, кн. I, гл. IX].

Только никто нам не рассказывает, у кого были ключи от собора в течение ночи!

Поэтому на основании показаний очевидцев из духовенства мы вправе сказать, что христианский мир обязан своим «Словом Божиим» тому методу гадания, за пользование которым церковь впоследствии приговаривала к казни несчастных жертв, как колдунов, чарователей, магов, ведьм и предсказателей, и сжигала их тысячами! Рассматривая этот поистине божественный феномен самосортирующихся рукописей, отцы церкви говорят, что сам Бог руководит этими *«Sortes»*. Как мы уже показали в другом месте, Августин признается, что он сам пользовался этим видом гадания. Но мнения, как и религии, базирующиеся на откровениях, подвержены изменениям. То, что почти тысячу пятьсот лет обманно навязывалось христианскому миру как книга, каждое слово которой было написано под непосредственным руководством Святого Духа, в которой ни один слог, ни одна запятая не могли быть изменены без святотатства, – теперь переводится, пересматривается, исправляется, и из нее изымаются целые стихи, а в некоторых случаях целые главы. И все же, как только новое издание выходит, его врачеватели хотят, чтобы мы приняли его, как новое «Откровение» девятнадцатого века, в противном случае нас будут считать нечестивцами. Таким образом, мы видим, что непогрешимой церкви нельзя доверять ни *внутри,* ни *вне* ее владений больше, чем благоразумие допускает. Предки наших современных духовных лиц нашли авторитетное утверждение для *«Sortes»* в стихе, где сказано: «Жребий брошен, но располагается он по воле Господней»;[288] а в наше время их прямые наследники придерживаются мнения, что «располагается он по воле Дьявола». Возможно, что они бессознательно начинают подтверждать учение сирийца Бардезана, что деяния Бога, так же как и деяния человека, *подчинены необходимости?*

Нет сомнения также, что христианская чернь так быстро разделалась с неоплатониками по острой «необходимости». В те дни доктрины индусских натуралистов и допотопных пиронистов были забыты, если они вообще когда-либо были известны кому-либо, за исключением нескольких философов; и м-р Дарвин со своими современными *открытиями* даже и не упоминался в пророчествах. В данном случае закон, что выживает наиболее приспособленный, был перевернут; *неоплатоники были обречены на истребление в тот день, когда они открыто стали на сторону Аристотеля.*

В начале четвертого века толпы начали собираться у дверей академии, где ученая и несчастная Ипатия излагала доктрины божественного Платона и Плотина и тем препятствовала прогрессу христианского прозелитизма. Она слишком успешно рассеивала туман, нависший над религиозными «тайнами», выдуманными отцами, чтобы не посчитать ее опасной. Уже этого одного было бы достаточно, чтобы подвергнуть опасности ее и ее последователей. Именно учения этого языческого философа были так свободно заимствованы христианами, чтобы дать завершающий мазок своей иначе непонятной схеме, что соблазнило многих на присоединение к этой новой религии; и теперь свет Платона начал так неудобно светло сиять над набожным штопанием, что каждому стало видно, откуда произошли доктрины «откровения». Но существовала еще большая опасность. Ипатия училась у Плутарха, главы Афинской школы, и научилась там всем тайнам теургии. Пока она была жива и учила множество людей, нельзя было творить никаких *божественных* чудес в присутствии того, кто мог бы раскрыть их естественные причины. Ее судьбу решил Кирил, красноречие которого она затмевала и чей авторитет, построенный на вырождающихся суевериях, должен был уступить ее авторитету, воздвигнутому на скале нерушимого закона природы. Более чем любопытно, что Кейв, автор «Жизни отцов», находит невероятным, что Кирил санкционировал ее убийство –

---

[288] [*Притчи*, XVI, 33]. В древнем Египте и Греции, а также среди израильтян, для этого рода гадания в храмах употреблялись маленькие палочки и шарики, которые назывались “священными жребиями”. По фигурам, которые образовались их расположением при падении, жрец истолковывал волю богов.

вследствие его «общего характера». Святого, кто продает золотые и серебряные сосуды своей церкви и затем, когда деньги растрачены, лжет на суде, как поступил он, – можно подозревать в чем угодно. Кроме того, в этом случае церкви пришлось сражаться за свою жизнь, уже не говоря о своем главенстве в будущем. Только ненавистные и эрудированные языческие ученые и не менее ученые гностики держали в своих доктринах до сих пор скрытые нити от всех этих богословских марионеток. Как только завеса будет поднята, связь между древней языческой и новой христианской религиями обнажится, и что тогда станет с Тайнами, проникать в которые считается грехом и кощунством? При таком совпадении астрономических аллегорий различных языческих мифов с датами, принятыми христианством для рождения, распятия и воскресения, и при такой тождественности обрядов и церемоний, какова будет судьба новой религии, если церковь, под предлогом служения Христу, не избавится от чересчур хорошо осведомленных философов? Догадаться, какова могла бы быть главенствующая религия в нашем веке, если бы этот *coup d'etat* не удался, – поистине трудная задача. Но, по всей вероятности, последующее состояние дел, которое превратило средние века в период интеллектуального мрака, деградировавшего народы Запада и снизившего европейцев тех дней почти до уровня папуасских дикарей – не состоялось бы.

Опасения христиан были уже слишком обоснованными, и их набожное рвение и пророческая проницательность в самом начале были вознаграждены. При разрушении Серапеума, после того как кровавая схватка между христианской чернью и приверженцами язычества закончилась вмешательством императора, на одной гранитной плите стены внутреннего святилища был обнаружен «латинский крест» совершенно христианской формы. Это, действительно, было удачное открытие, и монахи не преминули заявить, что этот крест был высечен язычниками «в духе пророчества». По крайней мере, Созомен с торжествующим видом отмечает этот факт.[289] Но археология и символика, эти неутомимые и непримиримые враги лживых претензий церковников, нашли в иероглифах надписи, обрамляющей этот знак, по меньшей мере частичное объяснение его значения.

Согласно Кингу и другим нумизматам и археологам, этот крест был помещен там в качестве символа вечной жизни. Такой «тау», или египетский крест, употреблялся в вакхических и элевсинских мистериях. В качестве символа двойственной порождающей мощи он возлагался на грудь посвященного после того, как «новое рождение» было завершено и мисты вернулись с крещения в море. Это был мистический знак, что его духовное рождение возродило и объединило его астральную душу с его божественным духом, и что он готов вознестись в духе в благословенные обители света и славы – в Элевзинию. Тау был магическим талисманом и в то же время религиозной эмблемой. Он был принят христианами через гностиков и каббалистов, которые широко его применяли, как свидетельствуют их многочисленные геммы, и которые, в свою очередь, получили тау (или крест с рукояткой) от египтян, а латинский крест от буддийских миссионеров, которые принесли его из Индии (где он встречается и теперь) за два или три столетия до Р. Х. Ассирийцы, египтяне, древние американцы, индусы и римляне имели его в различных, но очень незначительных видоизменениях формы. До самого последнего времени в средних веках он считался могущественным чудодейственным средством против эпилепсии и демонической одержимости; и «печать Бога Живаго», принесенная в видении Св. Иоанна ангелом, поднявшимся с Востока, чтобы наложить «печати на чела рабов Бога нашего» – была тем же самым мистическим тау – египетским крестом. На витражах Св. Дионисия (Франция) этот ангел изображен отпечатывающим этот знак на

---

[289] Это еще один незаслуживающий доверия, лживый и невежественный писатель и историк духовенства пятого века. Его так называемая история о раздоре между язычниками, неоплатониками и христианами Александрии и Константинополя, охватывающая период с 324 по 439 г., посвященная им Феодосию младшему, – полна умышленных фальсификаций. – *Edition of "Reading", Cantab, 1720, fol. Перевод Plon freres, Paris*.

лоб избранников; надпись гласит: *SIGNUM TAY*. В книге Кинга «Гностики» автор напоминает нам, что «этот знак обычно носит Св. Антоний, *египетский* отшельник».[290] Каково было действительное значение Тау, это поясняют христианский Св. Иоанн, египетский Гермес и индусские брахманы. Слишком уж очевидно, что, по крайней мере, у апостола тау означал «несказуемое Имя», так как про эту «печать Бога Живаго» несколькими главами дальше [*Откровение*, XIV, 1] он говорит: *«имя Отца Его написано на челах»*.

У Брахматмы, главы индусских посвященных, имелись на головном уборе два ключа, помещенные крестообразно – символ раскрытой тайны жизни и смерти; и в некоторых буддийских пагодах Татарии и Монголии вход в помещение внутри храма, обычно содержащий лестницу, ведущую во внутреннюю дагобу,[291] и портики некоторых прачид[292] украшены крестом, образованным двумя рыбами, каковые также находимы на некоторых буддийских зодиаках. Нам совсем не следует удивляться, узнав, что священная эмблема в гробницах и катакомбах Рима *«Vesica piscis»* произошла от упомянутого буддийского зодиакального знака. Насколько всеобща должна быть эта геометрическая фигура в мировых символах, можно заключить из того факта, что существует масонское предание о том, что Соломонов Храм был построен на трех фундаментах, образуя «тройное тау», или три креста.

В своем мистическом значении египетский крест обязан своим происхождением, как эмблема, пониманию самой ранней философией *андрогинного дуализма каждого проявления в природе*, который происходит от абстрактного идеала подобного же андрогинного божества, тогда как христианская эмблема обязана просто случайности. Если бы восторжествовал закон Моисея, Иисус был бы побит камнями.[293] Распятие было приспособлением пытки, настолько же обычным у римлян, насколько оно было неизвестным среди семитских народов. Оно называлось «Древом Позора». Только позднее оно было принято как христианский символ, но в течение первых двух десятилетий апостолы взирали на него с ужасом.[294] Несомненно, Иоанн, говоря о «печати Бога Живаго» имел в виду не христианский крест, но *мистический* тау – тетраграмматон, или мощное имя, которое на самых древних каббалистических талисманах было представлено четырьмя еврейскими буквами, составлявшими Святое Слово.

Знаменитая леди Элленбороу, известная среди арабов Дамаска и в пустыне после ее последнего брака как *Hanoum Medijouye,* стала обладательницей талисмана, преподнесенного ей неким друзом с Ливанской горы. По определенному знаку на левом углу он был опознан как принадлежащий к тому классу гемм, которые известны в Палестине как *«мессианские»* амулеты второго или третьего века до Р. Х. Это зеленый

---

[290] *"Gams of the Orthodox Christians"* – [**410**, т. I, с. 135].

[291] Дагоба – маленький храм шарообразной формы, в котором хранятся реликвии Гаутамы.

[292] Прачиды – строения всяких размеров и форм, подобно нашим мавзолеям, предназначенные для приносимых по обету приношений мертвым.

[293] Талмудистские записи утверждают, что после того как он был повешен, он был побит камнями и похоронен под водой на месте слияния двух потоков. *"Mishna Sanhedrin"*, v.VI, p.4; *"Талмуд"* Вавилона, тот же параграф, 43а, 67а.

[294] *"Коптские легенды о распятии"*, рукопись, XI.

камень пятиугольной формы; внизу выгравирована рыба; выше – печать Соломона;[295] еще выше – четыре халдейских буквы – *Jod, He, Vau, He,* JHVH, которые образуют имя божества. Они расположены совершенно необычно, располагаясь снизу кверху, в обратном порядке, и образуя египетский тау. Вокруг них имеется надпись, которую, поскольку гемма не наша, мы приводить не вправе. Тау в своем мистическом значении, так же, как и *crux ansata,* есть *Древо Жизни.*

Хорошо известно, что самыми ранними христианскими эмблемами – прежде чем были совершены попытки изобразить телесный вид Иисуса – были Агнец, Добрый Пастырь и *Рыба.* Происхождение последней эмблемы которая так смущала археологов, становится таким образом понятным. Весь секрет заключается в том легко улавливаемом факте, что, несмотря на то, что в *«Каббале»* царь-мессия называется «Толкователем», или Раскрывателем тайны, и указан, как *пятая* эманация, в *«Талмуде»* – по причинам, которые мы сейчас объясним – мессия очень часто обозначается как «Даг», или рыба. Это – наследие от халдеев, и относится – как показывает само имя – к вавилонскому Дагону, человеку-рыбе, который был наставником и толкователем для людей, которым он показывался. Абарбанель объясняет это имя, утверждая, что знаком времени прихода его (мессии) «является соединение Сатурна и Юпитера в знаке *[зодиака]* Рыб».[296] Поэтому, так как христиане намеревались отождествить своего Христоса с мессией Ветхого Завета, – они приняли его столь охотно, что забыли, что его истинное происхождение можно проследить еще дальше назад, чем вавилонский Дагон. С каким пылом и подробностями ранние христиане объединяли идеал Иисуса с каким только можно каббалистическим и языческим учением, можно заключить из слов Климента Александрийского, обращенных к своим единоверцам.

Когда они обсуждали выбор наиболее подходящего символа, который напоминал бы им об Иисусе, Климент посоветовал им следующими словами: «Пусть резьба на гемме вашего кольца изобразит или *голубя* или *лодку, гонимую ветром* (аргха), или *рыбу».* Находился ли этот добрый отец, когда писал это, под впечатлением воспоминания об Иошуа, сыне Навина (называемом *Иисусом* в греческой и славянской версиях), или же он забыл действительное толкование этих языческих символов? Иешуа, сын Нана или Нави *(Navis)* мог с полным правом присвоить изображение *корабля* или даже рыбы, так как Иешуа означает Иисус, сын бога-рыбы; но, поистине, было слишком рискованно связывать эмблемы Венеры, Астарты и всех индусских богинь – *аргху, голубя* и *рыбу* – с «непорочным» рождением своего бога! Это выглядит так, как будто в дни раннего христианства делали очень малое различие между Христом, Вакхом, Аполлоном и индусским Кришной, воплощением Вишну, с первым аватаром которого родился символ рыбы.

В «Хари-Пуране», в «Бхагавадгите», так же как и в нескольких других книгах, бог Вишну показан как принявший форму рыбы с человеческой головой для того, чтобы восстановить Веды, утерянные во время потопа. Дав возможность Вишвамитре спастись в ковчеге вместе со всем своим племенем, Вишну, жалея слабое и невежественное человечество, остался с ними некоторое время. Именно этот бог научил их строить дома, обрабатывать землю и возносить благодарность непознаваемому божеству, которого он представлял, путем построения храмов и учреждения постоянного поклонения: и так как он все время оставался полу-рыбой, полу-человеком, то при каждом закате солнца он возвращался в океан, где проводил ночи.

---

[295] На приведенной гравюре талисман изображен в двойном размере. Мы недоумеваем, почему Кинг в “Геммах гностиков” изобразил Соломонову печать в виде пятиконечной звезды, тогда как она шестиконечна и является знаком Вишну в Индии.

[296] Кинг [**410**] приводит фигуру христианского символа, весьма обычную в Средние века, состоящую из трех рыб, образующих треугольник, на котором выгравированы ПЯТЬ букв (очень священное пифагорейское число) I, X, Θ,Y, Σ. Число пять относится к тому же каббалистическому вычислению.

«Он есть тот», – говорит священная книга, – «кто учил людей после потопа всему тому, что было необходимо для их счастья.

Однажды он погрузился в море и больше не возвратился, так как земля опять покрылась растительностью, фруктами и скотом.

Но он научил Брахм тайнам всех вещей» *(«Хари-Пурана»).*

До сих пор мы видим в этом повествовании *двойник* повествования, данного вавилонским Беросом об Оанне, рыбе-человеке, который является никем иным, как Вишну – если только мы не поверим, что Халдея цивилизовала Индию!

Мы опять повторяем, что мы ничего не хотим давать на основании нашего собственного авторитета. Поэтому мы цитируем Жаколио, который, как бы его ни критиковали и ни опровергали по другим пунктам и как бы свободно он ни обращался с хронологией (хотя даже в этом он ближе к истине, чем те ученые, которым хотелось бы, чтобы все индусские книги были написаны после Никейского Собора), – по крайней мере не может быть лишен репутации хорошего санскритолога. И он, анализируя слово *Оан* или Оанн, говорит, что *О* в санскрите является междометием, выражающим призыв, как о, Сваямбхува! О, Бог! и т. п.; а *Ан* есть корень слова, означающий в санскрите дух, существо; и, как мы полагаем, то, что греки подразумевали под словом *Daemon,* полубог.

«Какую чрезвычайную древность», – добавляет он, – «это сказание о Вишну под видом рыбы придает священным писаниям индусов; особенно при наличии того факта, что Веды и «Ману» насчитывают более *чем двадцать пять тысяч лет существования,* как доказано как наиболее серьезными, так и наиболее достоверными документами. Мало народов, говорит ученый Холхед, обладающих более достоверными или серьезными летописями, чем индусы» [375, с. 9].

Может быть, мы можем пролить добавочный свет на смущающий вопрос по поводу символа рыбы, если напомним читателю, что согласно «Бытию» первое из сотворенных живых существ, первым типом животной жизни была рыба.

«И сказал элохим: «Пусть воды порождают изобильно движущихся тварей, *обладающих жизнью»*... И Бог сотворил великих китов... и было утро и вечер *пятого дня».*

Иона проглатывает большая рыба и опять извергает из себя, спустя три дня. Это христиане рассматривают, как предзнаменование трех дней Иисуса в гробу, которые предшествовали его воскресению – хотя это сообщение о трех днях столь же фантастично как и многое из остального, и оно принято, чтобы соответствовать известной угрозе разрушить и снова построить храм в *три* дня. Между его захоронением и утверждаемым его воскресением прошел только *один день* – еврейская суббота – так как он был похоронен в пятницу вечером и возвратился к жизни на заре воскресенья. Однако, какое бы другое обстоятельство ни рассматривалось как пророчество, повествование о Ионе никак не может быть приспособлено к этой цели.

«Большая Рыба» – это *Cetus*, латинизированная форма от Кето – κητω, а кето есть Дагон, Посейдон, женским родом которого является Кетон Атар-гатис – сирийская богиня и Венера из Аскалона. Фигуру или бюст Дер-Кето или Астарты обычно ставили на носу корабля. Иона (греческий Иона или *голубь,* посвященный Венере) бежал в Яффу, где поклонялись богу Дагону, человеку-рыбе, и не смел отправиться в Ниневию, *где почитали голубя.* Поэтому некоторые комментаторы думают, что когда Иона был брошен за борт и был проглочен рыбой, то мы это должны понимать, что он был подобран одним из тех суден, у которых на носу находилась фигура *Кето.* Но у каббалистов по этому поводу существует другая легенда: они говорят, что Иона был жрецом, бежавшим из храма богини, в котором поклонялись голубю; он стремился к упразднению идолопоклонства и

установлению монотеистического поклонения. Что, будучи пойман вблизи Яффы, он был посажен почитателями Дагона в тюремную камеру при храме, и что странная форма этой камеры послужила возникновению этой аллегории. В коллекции Мосе де Гарсии, португальского каббалиста, имеется рисунок, на котором изображен внутренний вид храма Дагона. В середине помещается огромный идол, чья верхняя часть человеческая, а нижняя – рыбоподобна. Между брюхом и хвостом имеется щель, которая может запираться, подобно двери стенного шкафа. В нем запирали до дальнейших распоряжений людей, совершивших какие-либо проступки против местного божества. Этот рисунок был скопирован с одной древней таблички, покрытой любопытными изображениями и надписями древнефиникийскими буквами, описывающими этот венецианский *oubliette* библейских дней. Сама эта табличка была обнаружена при раскопках в нескольких милях от Яффы. Принимая во внимание чрезвычайную склонность восточных народов к игре словами и к аллегориям, не является ли это вполне возможным, что «большая рыба», проглотившая Иону, была просто камерой в брюхе Дагона?

Следует отметить то, что это двойное обозначение «Мессия» и «Даг» (рыба) талмудистов вполне можно применить к индусскому Вишне, «Сохранящему» Духу, второму лицу брахманистской троицы. Это божество, уже проявившееся, все еще рассматривается, как будущий Спаситель человечества, и является избранным Искупителем, который появится в своем десятом воплощении или *аватаре,* наподобие Мессии евреев, чтобы повести вперед благословенных и вернуть им первичные Веды. В своем первом аватаре Вишну якобы явился человечеству в виде рыбы. В храме Рамы имеется изображение этого бога, которое полностью отвечает описанию Дагона, данному Беросом. У него тело человека, высунувшегося изо рта рыбы, и в своих руках он держит утерянную Веду. Кроме того, Вишну является в одном значении богом воды, Логосом Парабрахмы; так как эти три личности проявленного божества постоянно обмениваются своими атрибутами, то мы видим его в том же самом храме представленным возлежащим на семиглавом змие, Ананте (вечность), и движущимся, подобно *Духу* Божию, над первичными водами.

Вишну, очевидно, является Адамом Кадмоном каббалистов, ибо Адам есть Логос или первый Помазанник, так же как Адам Второй является Царем Мессией.

Лакми или Лакшми, пассивного или женского двойника Вишну, творца и сохранителя, также называют Ада Майа. Она – «Матерь Мира», Деметра, Венера-Афродита греков; также Изида и Ева. Тогда как Венера рождается из морской пены, Лакми выскакивает из вод при пахтании моря; родившись она так красива, что все боги влюбляются в нее. Евреи, заимствовавшие свои образы, где только могли, создали свою первую женщину по образу Лакми. Любопытно, что Виракоча, Верховное Существо в Перу в буквальном переводе означает «морская пена».

Эйжен Бюрнуф, великий авторитет французской школы, высказывает свое мнение в таком же духе:

> «Настанет день, когда мы узнаем, что все древние предания, искаженные переселением и легендами, принадлежат истории Индии».

Таково же мнение у Колбрука, Инмана, Кинга, Жаколио и у многих других востоковедов.

Мы упомянули выше, что по секретным вычислениям изучающих тайные науки, Мессия является пятой эманацией или мощью. В еврейской *«Каббале»,* где десять сефиротов эманируют из Адама Кадмона (помещенного под венцом), он приходится пятым. Также в гностической системе; и в буддийской, где пятый Будда – Майтрейя – появится во время своего последнего прихода, чтобы спасти человечество перед окончательным разрушением мира. Если Вишну представлен в своем грядущем и последнем появлении как *десятый* аватар или воплощение, то это только потому, что

каждая единица, как андрогин, проявляется вдвое. Буддисты, которые отвергают это двуполое воплощение, насчитывают только пять. Таким образом, в то время как Вишну последний раз приходит в своем десятом воплощении, Будда, как сказано, сделает то же самое в своем пятом воплощении.[297]

Чтобы лучше иллюстрировать эту идею и показать, как совсем неправильно истинное значение аватаров, известное только изучающим тайную доктрину, было понято невежественными массами, мы далее, в другом месте, приводим диаграммы индусских и халдео-каббалистических аватаров и эманаций.[298] Этот основной и краеугольный камень тайных циклов всем своим видом доказывает, что, будучи далеки от принятия своих, данных как откровение, Вед и Библии в буквальном смысле, брахманы-пандиты и танаимы – ученые и философы дохристианских эпох – рассуждали о творении и развитии мира совершенно по дарвиновскому методу, опередив его школу, что касается до естественного отбора и постепенного развития и трансформации видов.

Мы советуем каждому, кто захочет протестовать с негодованием против этого утверждения, более внимательно прочесть «Законы Ману», даже в неполном переводе сэра Уильяма Джоунса и в более или менее небрежном переводе Жаколио. Если мы сопоставим финикийскую космогонию Санхуниафона и записи Бероса с «Бхагаваттой» и «Ману», то мы найдем там приведенными в точности те же самые принципы, которые теперь преподносятся как самые последние достижения современной науки. В нашем первом томе мы приводили цитаты из халдейских и финикийских записей; теперь мы заглянем в индусские книги.

> «Когда этот мир вышел из мрака, тонкие элементарные принципы произвели растительное семя, которое сперва дало жизнь растениям; из растений жизнь перешла в фантастические тела, порожденные в *иле вод;* затем через ряд форм и различных животных оно достигло **человека**» [**523**].
>
> «Он (человек, прежде чем стать таковым) пройдет последовательно через растения, червей, насекомых, рыб, змей, черепах, скот и диких животных; такова низшая ступень».
>
> «Таковы, от Брахмы до растений, объявлены трансмиграции, имеющие место в этом мире» [**7**, кн. I и XII].

В космогонии Санхуниафона люди также выявлены из ила хаоса[299] и указано на ту же самую эволюцию и трансформацию видов. А теперь мы предоставим кафедру м-ру Дарвину:

> «Я полагаю, что животные произошли от, самое большое, только четырех или пяти прародителей».[300]

Еще:

> «Я прихожу к выводу, по аналогии, что, возможно, все органические существа, какие когда-либо жили на этой земле, все произошли от какой-то одной изначальной формы... [**164**, с. 484] Я рассматриваю все существа не как специальные создания, но как происходящих по прямой линии потомков от каких-то нескольких существ, которые жили *задолго до того, как были сложены первые отложения силурийской системы*» [**164**, с. 488, 489].

Короче говоря, они жили в хаосе Санхуниафона и в *иле* Ману. Вьяса и Капила идут еще дальше, чем Дарвин.

---

[297] Каббалистических сефиротов также всего десять числом, или пять пар.

[298] Аватаром называется сошествие из высших миров на землю божества в каком-либо проявленном виде.

[299] См. Кори [**90**].

[300] Дарвин, “Происхождение видов”, первое издание, с. 484 – [**164**].

«Они видят в Брахме только название всемирного зародыша; *они отрицают существование какой-либо Первопричины;* и полагают, что в природе все развивается лишь вследствие материальных и непреоборимых сил», – говорит Жаколио [**375**, с. 339].

Как бы ни была правильна эта цитата из Капилы, она требует несколько слов объяснения. Жаколио неоднократно сравнивает Капилу и ведиста Вьясу с Пирро и Литтре. Мы ничего не имеем против такого сравнения с греческим философом, но решительно возражаем против какого-либо сравнения в этим французским контистом; мы считаем, что это является незаслуженным камнем, брошенным в память великого арийского мудреца. Нигде этот плодовитый писатель не излагает отрицания брахманами – как древними, так и современными – Бога – «непознаваемого», вселенского Духа; также ни один другой востоковед не обвиняет в этом индусов, как бы ни были извращены общие выводы наших ученых о буддийском атеизме. Наоборот, Жаколио неоднократно констатирует, что ученые пандиты и образованные брахманы никогда не разделяли суеверий широких масс, и подтверждает их непоколебимую веру в единство Бога и в бессмертие души, хотя, вне всякого сомнения, ни Капила, ни посвященные брахманы, ни последователи школы веданты никогда не признали бы существования антропоморфического творца, «Первопричины» в христианском смысле. Жаколио в своем труде «Индоевропейские и африканские традиции» является первым, выступившим против профессора Мюллера за то, что последний выразился, что индусские боги «только маски без актеров... имена без существ, а не существа без имен» [381, с. 291]. Приводя в поддержку своих аргументов многочисленные цитаты из индусских священных книг, он добавляет:

«Возможно ли отказать автору этих страниц в наличии определенной и ясной концепции о божественной силе, Единственном Существе, хозяине и Суверене вселенной?.. Разве алтари воздвигались метафоре?» [**381**, с. 294, 295]

Последний аргумент совершенно справедлив, поскольку он касается отрицания Макса Мюллера. Но мы сомневаемся, понимает ли этот французский рационалист философию Капилы и Вьясы лучше, чем германский филолог понимает «теологическую дребедень», как он назвал «Атхарваведу». Профессор Мюллер и Жаколио могут иметь величайшее право называться эрудированными и быть весьма осведомленными по санскриту и другим древним восточным языкам, но у них обоих не хватает ключей к тысяча и одной тайне древней тайной доктрины и ее философии. Только в то время, когда германский филолог даже не потрудился заглянуть в эту магическую и «теологическую дребедень», в отношении французского индолога мы находим, что он никогда не упустит возможности исследовать. Кроме того, он честно признает недостаточность своей компетенции, чтобы когда-нибудь измерить этот океан мистического учения. В его существование он не только крепко верит, но и во всех своих трудах беспрестанно обращает внимание науки на его несомненные следы на каждом шагу в Индии. Все же, хотя ученые пандиты и брахманы – его «почитаемые учителя» из пагод Вилленура и Челамбрума в Карнатике [383, с. 32], как это кажется, решительно отказались открыть ему тайны магической части *«Агручада Нарикшай»* [378, с. 78] и треугольника Брахматмы,[301] – он остается при честном заявлении, что все возможно в индусской метафизике, даже и то, что системы Капилы и Вьясы до сих пор не были правильно поняты. Немедленно вслед за этим Жаколио ослабляет свое утверждение следующим противоречием:

---

[301] [**383**, с. 272]. Совсем не будучи удивлены отказом брахманов удовлетворить любопытство Жаколио, мы должны добавить, что значение этого знака известно главам каждого буддийского монастыря, а не только брахманам.

«Однажды мы осведомлялись у одного брахмана из пагоды Челамбрум, который принадлежал к *скептической школе натуралистов Вьясы,* верит ли он в существование Бога. Он, улыбаясь, ответил нам *«Ахам эва парам Брахма»* – Я сам – бог.

– Что вы род этим подразумеваете?

– Я подразумеваю, что каждое существо на земле, как бы оно ни было скромно, является бессмертной частью бессмертной материи» [**375**, с. 339].

Этот ответ таков, что его мог бы высказать каждый философ древности, каббалист или гностик ранних веков. Он содержит в себе самый дух дельфийской и каббалистической заповеди, так как эзотерическая философия уже многие века тому назад разрешила проблему, что такое человек, кем он был и кем будет. Если люди, верящие в библейский стих, который учит, что «Господь Бог создал человека из праха земного и вдохнул в его ноздри дыхание жизни», отвергнут в то же самое время идею, что каждый атом этого праха, так же как каждая частица этой «живой души», содержит «Бога» внутри себя, тогда мы с жалостью будем взирать на логику такого христианина. Он забывает стихи, которые предшествовали тому, о котором идет речь. Бог равно благословляет каждого зверя в поле и каждую живую тварь как в воде, так и в воздухе, и Он наделяет их всех *жизнью,* которая есть дыхание Его собственного Духа и *душа* животного. Человечество есть Адам Кадмон «Непознаваемого», Его микрокосм и Его единственный представитель на земле, и каждый человек есть бог на земле.

Мы хотели бы спросить этого французского ученого, который кажется таким осведомленным по каждой шлоке *Книг Ману* и по другим ведическим писателям – о значении следующей, хорошо ему знакомой сентенции:

«Растения и растительность проявляются во множестве форм вследствие их предшествующей деятельности; они окружены мраком, но тем не менее наделены внутренней душой и равно ощущают удовольствие и боль» («Ману», кн. I).

Если индусская философия учит присутствию в какой-то степени *души* в низших формах растительной жизни и даже в каждом атоме в пространстве, – как же тогда возможно, что она могла бы отрицать присутствие этого самого бессмертного принципа в человеке? И раз она признает бессмертный дух в человеке, то как она логически может отрицать существование породившего его источника – я не хочу сказать первой, но – вечной Причины? Ни рационалисты, ни сенсуалисты, которые далеки от постижения индусской метафизики, не должны своим собственным невежеством мерить невежество индусских метафизиков.

Великий цикл, как мы уже раньше указывали, включает продвижение человечества от его зародыша в первоначальном человеке духовной формы до наиглубочайшей глубины деградации, какой только он может достичь, причем каждый последовательный шаг спуска сопровождается большей силой и грубостью физической формы, чем предшествующий – и заканчивается Потопом. Но пока великий цикл или век совершает свой путь, проходят семь меньших циклов, каждый из которых обозначает эволюцию новой расы из предшествующей, на новом мире. И каждая из этих рас или великих типов человечества распадается, на подразделения семейств, а те опять – на народы и племена, как мы теперь видим обитателей земли разделившимися на монголов, кавказцев, индийцев и т. д.

Прежде чем приступить к показу посредством диаграмм тесного сходства между эзотерическими философиями всех древних народов, как бы они ни были географически далеки друг от другая – будет полезно вкратце объяснить действительные идеи, которые скрыты за всеми этими символами и аллегорическими представлениями и до сих пор так смущали непосвященных комментаторов. Лучше чем что-либо другое это может показать, что религия и наука в старину были теснее соединены, чем близнецы; что они были одно в двух и двое в одном с самого момента их зарождения. Со взаимно обратными атрибутами, наука была духовна, и религия была научна. Подобно андрогинному человеку первой

главы «Бытия» – «мужскому и женскому», пассивному и активному, созданному по образу элохима. Всезнание породило всемогущество; последнее требовало применения первого, и таким образом великану была дана власть над всеми четырьмя царствами мира. Но, подобно второму Адаму, эти андрогины были обречены «пасть и утерять свои силы», как только две половины этой дуальности разъединились. Плоды Древа Познания без плодов Древа Жизни – смертельны. Человек должен познать *самого себя* прежде, чем он сможет надеяться узнать первичное происхождение даже существ и сил, менее развитых по своей внутренней природе, чем он сам. Так и с религией и наукой; объединенные двое в одном, они были непогрешимы, ибо присутствовала духовная интуиция, чтобы заполнить то, чего не хватало ограниченным физическим чувствам. Будучи разъединенными, точная наука отвергает помощь внутреннего голоса, тогда как религия превращается в простое догматическое богословие, – каждая в отдельности – только труп без души.

Эзотерическая доктрина, подобно буддизму и брахманизму и даже *Каббале* учит, что Единая, Бесконечная и Непознаваемая Сущность существует от Вечности, являясь пассивной, либо активной в регулярной и гармонической последовательности. В поэтической фразеологии *Ману* эти состояния называются Днями и Ночами Брахмы. Последний «бодрствует», либо «спит». Свабхавики или же философы древнейшей школы буддизма (еще существующей в Непале) допускают умозрение лишь деятельного состояния этого «Естества», которое они называют Свабхавата, и считают безрассудным обсуждать отвлеченную и «непознаваемую» Мощь в ее пассивном состоянии. Отсюда и прозвище атеисты, данное им христианскими богословами и современными учеными, ибо никто из них не может понять глубины логики их философии. Первые не допускают иного Бога, кроме олицетворения *второстепенных* сил, выработавших видимую вселенную, и которое в их глазах становится антропоморфическим Богом христиан – Иеговою, мужского начала, угрожающего среди молний и грома. В свою очередь, рациональная наука приветствует буддистов и свабхавиков как «позитивистов» архаических времен. Если мы придержимся одностороннего взгляда на философию последних, то наши материалисты могут оказаться правыми, со своей точки зрения. Буддисты утверждают, что нет Творца, но лишь бесконечность *творческих сил,* образующих в совокупности своей единую вечную *Сущность,* естество которой неисповедимо, потому не может быть предметом умозрительных спекуляций для истинного философа. Сократ неизменно отказывался обсуждать тайну Мировой Сущности, тем не менее, никто никогда не подумал обвинить его в атеизме, за исключением тех, кто жаждали его гибели. При начале периода деятельности, говорит тайная доктрина, в силу повиновения вечному и непреложному закону, совершается распространение этой божественной сущности *изнутри наружу;* и феноменальный или видимый мир является конечным результатом длинной цепи космических сил, последовательно приведенных в движение. Также, когда наступает возвращение к пассивному состоянию, происходит сокращение божественной сущности, и предыдущее созидание постепенно и последовательно растворяется. Видимый Мир разлагается, его материалы рассеиваются; и единая «тьма», еще раз одинокая, лежит над ликом «Бездны». Приводим метафору из сокровенных книг, еще яснее передающую эту мысль:

> «Выдыхание «Непознаваемой Сущности» рождает мир, а вдыхание заставляет его исчезать. Этот процесс продолжается извечно, и наша Вселенная есть лишь одна из бесконечных серий, не имеющих ни начала ни конца».

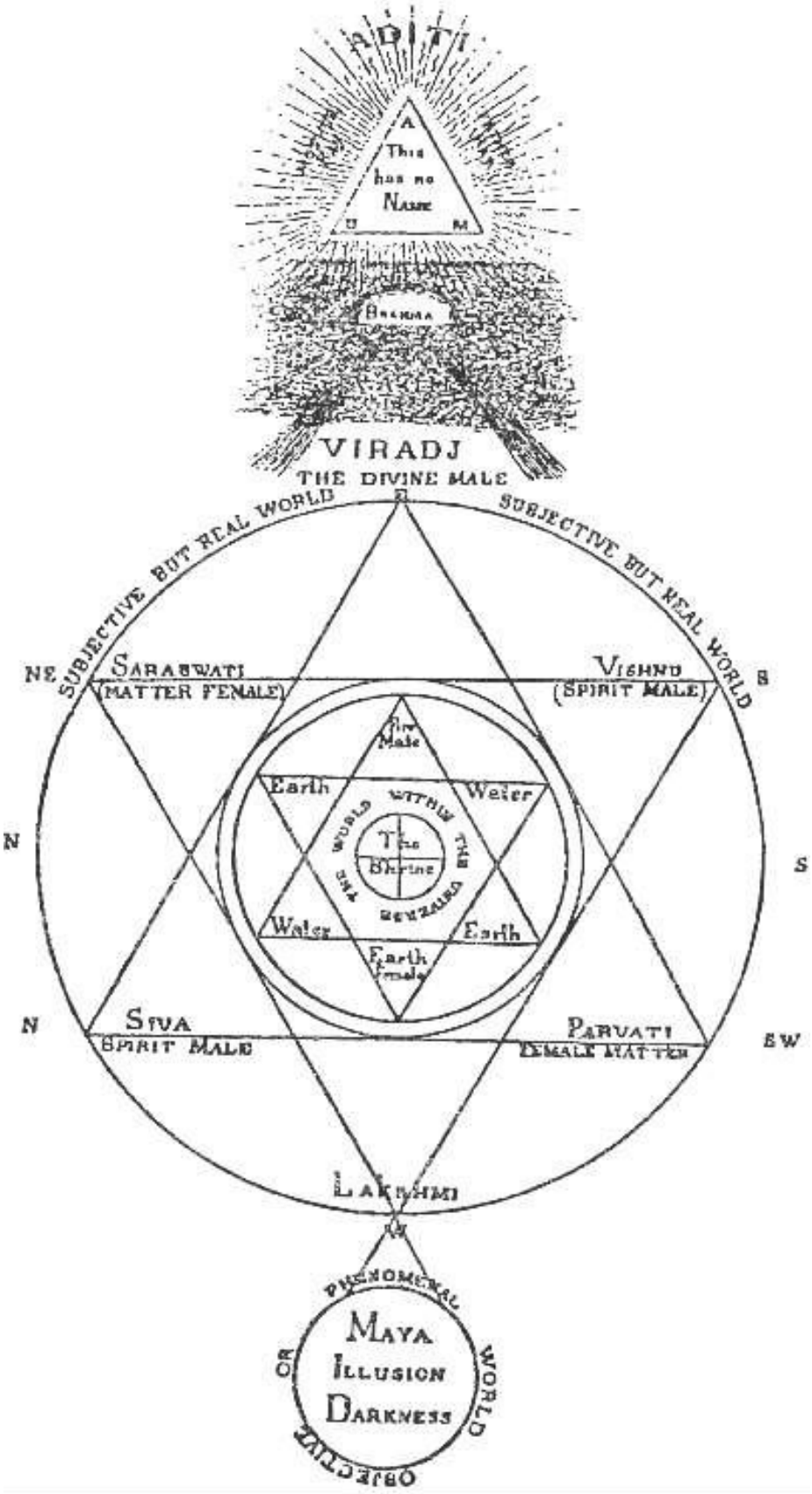
Таким образом мы в состоянии строить свои теории только на видимых проявлениях божественности, на ее объективных естественных феноменах. Применять к этим творческим принципам термин «Бог» будет ребячеством и нелепостью. Это было бы то же самое, как если бы мы назвали именем Бенвенуто Челлини огонь, который плавит металл, или воздух, который охлаждает металл во время отливки. Если внутренняя и всегда

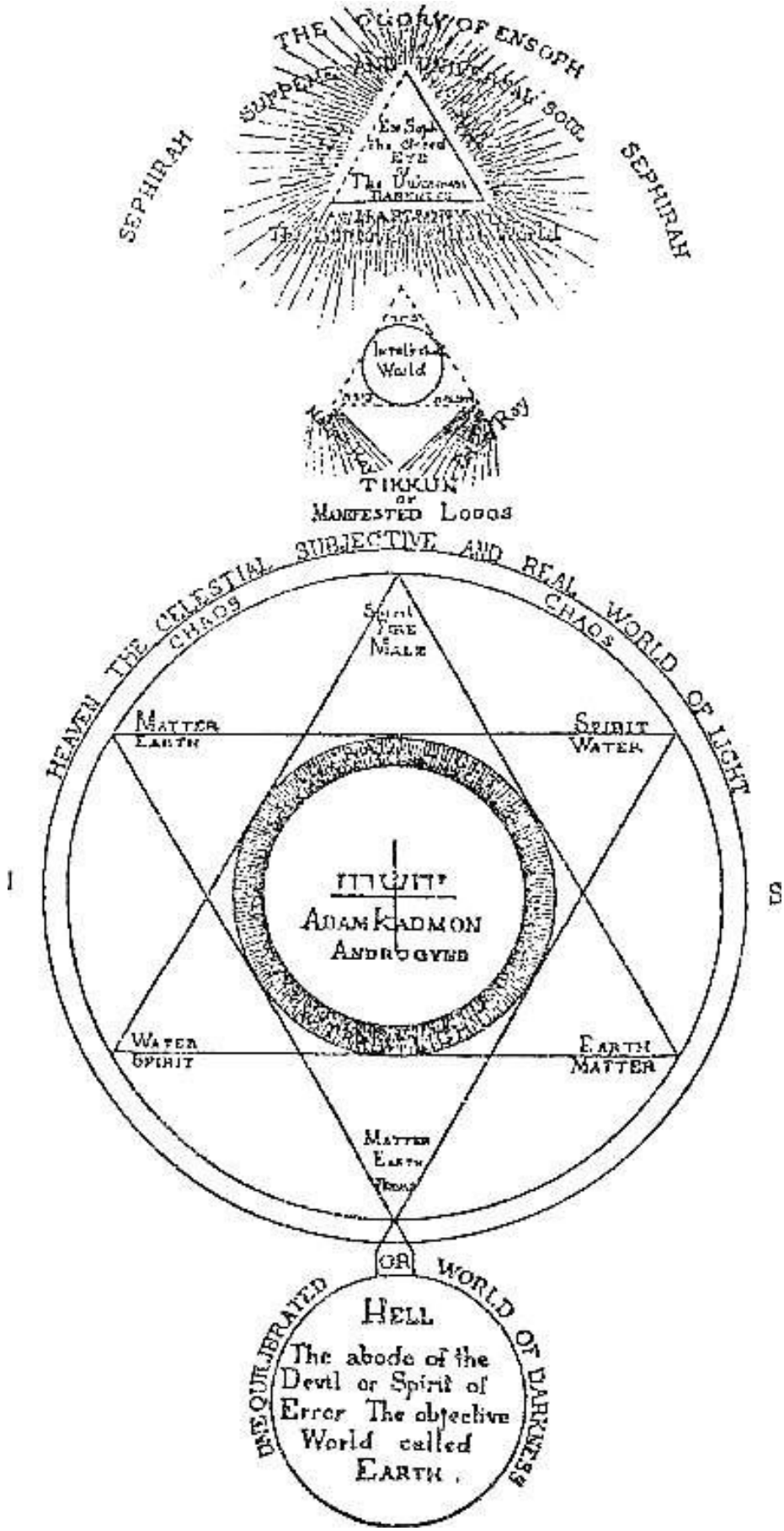
сокрытая духовная, и для наших умов абстрактная, Сущность внутри этих сил может когда-либо быть связана с сотворением физической вселенной, то только в том смысле, какой придавал этому Платон. Ее можно назвать, в лучшем случае, создателем абстрактной вселенной, которая постепенно развивалась в божественной мысли, в которой она до того пребывала в спящем состоянии.

В главе VIII мы попытаемся показать эзотерическое значение «Книги Бытия» и ее полное согласие с идеями других народов. Обнаружится, что шесть дней творения имеют смысл, который мало кто подозревал из множества комментаторов, приложивших свои способности в полной мере к попыткам примирить их поочередно с христианским богословием и с нехристианской геологией. Как бы ни был искажен Ветхий Завет, все же в своем символизме он сохранил достаточно от оригинала в своих основных чертах, чтобы выявить семейное сходство с космогониями более древних народов, чем евреи.

Мы здесь приводим диаграммы индусской и халдео-еврейской космогонии. О древности индусской диаграммы можно судить по тому факту, что многие брахманистские пагоды спроектированы и построены по этой фигуре, называемой «Шри-Янтарой».[302] И все же мы находим, что еврейские и средневековые каббалисты, которые называют это «Соломоновой печатью», оказывают ей высочайшее почитание. Будет совсем легко проследить ее до происхождения, если мы вспомним историю о царе-каббалисте и его деловых связях с царем Хирама и Офира – страны павлинов, золота и слоновой кости – каковую страну нам следует искать в древней Индии.

[302] См. *“Journal of the Royal Asiatic Society”,* т. XIII, с. 79.


ADITI
A
This has no Name
U
M
Brahma
VIRADJ
THE DIVINE MALE
SUBJECTIVE BUT REAL WORLD
SUBJECTIVE BUT REAL WORLD
NE
SARASWATI
(MATTER FEMALE)
VISHNU
(SPIRIT MALE)
S
Fire Male
Earth
Water
WITHIN THE SUBJECTIVE WORLD
THE OBJECTIVE WORLD
The Shrine
Water
Earth
Earth Female
N
S
N
SIVA
SPIRIT MALE
PARVATI
FEMALE MATTER
EW
LAKSHMI
PHENOMENAL
MAYA
ILLUSION
DARKNESS
OR
WORLD
OBJECTIVE


SEPHIRAH
SEPHIRAH
Intellectual World
TIKKUN
OR
MANIFESTED LOGOS
HEAVEN THE CELESTIAL SUBJECTIVE AND REAL WORLD OF LIGHT
CHAOS
CHAOS
Spirit
Fire
Male
Matter
Earth
Spirit
Water
I
S
יהוה
ADAM KADMON
ANDROGYNE
Water
Spirit
Earth
Matter
Matter
Earth
OR
HELL
The abode of the Devil or Spirit of Error The objective World called EARTH.
DISEQUILIBRATED WORLD OF DARKNESS

ОБЪЯСНЕНИЕ ДВУХ ДИАГРАММ

ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ

ХАОТИЧЕСКИЙ И СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОДЫ ДО И ПОСЛЕ ТОГО КАК НАША ВСЕЛЕННАЯ НАЧАЛА РАЗВИВАТЬСЯ

С ТОЧЕК ЗРЕНИЯ ЭЗОТЕРИЧЕСКОГО БРАХМАНИЗМА, БУДДИЗМА И ХАЛДЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ, КОТОРЫЕ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ СОГЛАСУЮТСЯ С ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИЕЙ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Верхний треугольник

ИНДУССКАЯ ДОКТРИНА	ХАЛДЕЙСКАЯ ДОКТРИНА
Содержит Несказуемое Имя. Это АУМ, который следует произносить только мысленно, под угрозой смертной казни. Непроявленный Пара-Брахма, Пассивный Принцип, абсолютный и необусловленный “мукта”, который не может вступить в состояние Творца, так как последний, чтобы думать, хотеть и планировать, должен быть ограниченным и обусловленным (баддха), следовательно в одном смысле, должен быть конечным существом. “ЭТОТ (Пара-Брахма) был поглощен в не-бытии, неподдающийся восприятию, без каких-либо различимых атрибутов, не существующий для наших чувств. Он был поглощен в свой (для нас) вечный (для него) периодический сон”, ибо это была одна из “Ночей Брахмы”. Поэтому Он не есть Первая, но есть Вечная Причина. Он есть Душа Душ, которого никакое существо не может постичь в этом состоянии. Но, “тот, кто изучает тайные Мантры и постигает Вак” (Дух или сокровенный голос Мантр, активное проявление латентной Силы), тот научится понять его в его “проявленном аспекте”.	Содержит Несказуемое Имя. Это Эйн-Соф, Беспредельный, Бесконечный, чье имя никому неизвестно, за исключением посвященного; это имя не может быть произнесено громко под угрозой смертной казни. Эйн-Соф может творить не больше, чем Парабрахма, ибо он находится в том же состоянии небытия, как и первый, он есть несуществующий, пока он находится в латентном или пассивном состоянии в недрах Улом (беспредельного и безымянного времени); как таковой он не является ни Творцом видимой вселенной, ни Ауром (Светом). Он станет последним, когда период творчества принудит его расширять имеющуюся в нем Силу, в соответствии с Законом, носителем и сущностью которого он сам является. “Кто бы ни ознакомился с Меркаба и лагаш (тайная речь или заклинание),[303] тот узнает тайну тайн”.

И “ЭТО” и Эйн-Соф в их первом проявлении Света, появляющегося из Тьмы, могут быть суммированы в Свабхавате, Вечной и несотворенной Самосущей Субстанции, которая производит все, тогда как все, что произошло от его естества, производит себя в силу своей собственной природы.

Пространство вокруг Верхнего треугольника

---

[303] Лагаш почти тождественен по значению с Вак, сокровенной силой мантр.

Когда «Ночь Брахмы» закончилась и Самосущему пришло время проявиться путем раскрытия, он заставил свою славу стать зримой тем, что выделил из своей Сущности активную Силу, которая, женская вначале, постепенно становится андрогином. Это есть Адити, «Бесконечная»,[304] Беспредельная или, скорее, «Неограниченная». Адити есть «Мать» всех богов, и Адити есть Отец и Сын.[305] «Кто вернет нас обратно к великой Адити, чтобы я мог увидеть отца и мать?»[306] Именно от соединения с последней, женской Силой, божественная, но латентная Мысль производит великую «Глубь» – воду. «Вода родилась от преображения света... и от видоизменения воды родилась земля», – говорит Ману (кн. I).

«Вы порождение Адити от воды, вы, кто родились от земли, слушайте все мой зов».[307]

В этой воде (или первичном хаосе) «Бесконечный» андрогин, который вместе с вечной причиной образует первую абстрактную Триаду, представляемую АУМом, – отложил зародыш вселенской жизни. Это Мировое Яйцо, в котором совершилось созревание Пуруши или проявленного Брахмы. Зародыш, оплодотворивший Материнский принцип (воду), называется Нара. Божественый дух или Святой Дух,[308] и сами воды являются эманацией первого, Нари, тогда как Дух, витавший над ними, называется Нараяна.[309] «В этом яйце великая Сила находилась в бездействии в течение целого года Творца, в конце которого только посредством своей мысли он заставил это яйцо разделиться».[310]

Когда настал период активности, Эйн-Соф выделил из себя свою собственную вечную сущность, Сефиру, активную Силу, называемую Предвечной Точкой, Венцом – Кэтер. И только через нее «неограниченная мудрость» могла придать конкретную форму своей абстрактной Мысли. Две стороны верхнего треугольника, правая сторона и основание, образованы непрерывными линиями; третья, левая сторона, пунктирная. Именно через последнюю появляется Сефира. Распространяясь по всем направлениям, она, наконец, окружает весь треугольник. В этом эманировании женского активного принципа из левой стороны мистического треугольника предзнаменовано сотворение Евы из левого ребра Адама. Адам есть Микрокосм Макрокосма и создан по образу элохимов. В Древе Жизни **עצחירם** тройная триада расположена таким образом, что три мужские сефирота находятся на правой стороне, три женские на левой стороне, а четыре соединительных принципа в центре. Из Незримой Росы, падающей с Высшей «Главы», Сефира творит первичную воду, или принимающий форму хаос. Это первый шаг в сторону уплотнения Духа, который, через различные видоизменения произведет землю.[318] «Необходимы земля и вода, чтобы создать живую душу», – говорит Моисей.

Когда Сефира появляется в качестве активной силы из недр латентного божества, она – женская, когда она принимает на себя обязанность творца, она становится мужской, следовательно, она –

---

[304] В “Ригведа Санхита” Макс Мюллер дает ее значение как “Абсолют”, “так как оно произведено от “дити” узы, и отрицательной частицы А”.

[305] [**524**, I, 89, 10]

[306] [**524**, I, 24, 1].

[307] [**524**, X, 63, 2]

[308] Вот почему мы находим во всех философских теогониях Святой Дух женского пола. Многочисленные секты гностиков имели Софию, еврейские каббалисты и талмудисты – Шехину (покров Высочайшего), которая спустилась между двумя херувимами на Трон Милосердия, и в старом тексте мы находим, что даже Иисус говорит: “Моя *Мать,* Святой Дух, взяла меня”.

“Воды называются нара, так как они продукт Нара, Духа Божьего” (“Законы Ману”, I, 10).

[309] Нараяна, или тот, кто движется над водами.

[310] “Ману”, шлока 12.

[311] См. Хауг, “Айтарея-брахмана” из *Ригведы* [**19**].

Верхняя половина стала небом, нижняя – землей (обе все еще в своей идеальной, но не в своей проявленной форме).

Таким образом эта вторая триада, только андрогин. Она есть «Отец и Матерь Адити» индусской космогонии. После витания над «Глубью» «Дух Божий» производит свое собственное изображение в воде.

---

[312] Ту же трансформацию встречаем в космогониях всех значительных народов. Так, например, в Египетской мифологии Изида и Озирис являются сестрою и братом, мужем и женой; а Гор, Сын обоих, становится мужем своей матери, Изиды, и от них рождается сын Малули.

[313] *Мандала* I, сукта 166, Макс Мюллер

[314] *"Asiatic Researches",* т. VIII, с. 402, 403; пер. Кобрука.

[315] Так же как в пифагорейской системе чисел, каждое число на земле или в мире следствий соответствует своему невидимому прототипу в мире причин.

[316] См. Вступительную главу в томе I, слово *Яджна*.

[317] "Когда этот мир появился из мрака, тонкие элементарные принципы произвели растительный зародыш, который сперва оживлял растения; из растений жизнь прошла через фантастические организмы, порожденные в иле (boue) вод, затем через ряд форм и различных животных, она наконец достигла человека" ("Ману", кн. I; и "Бхагаватта").

[318] Георг Смит приводит первые стихи *аккадийской "Книги Бытия",* обнаруженной в клинообразных письменах на *"Lateres Coctiles"*. Там мы также находим Ану, пассивное божество или Эйн-Софа, Бэла, Творца, Духа Божия (Сефиру), носящегося над ликом вод, следовательно, будучи этой самой водой, и Хэа, Вселенскую Душу или Премудрость всех соединенных Троих. Первые восемь стихов гласят:

1. Когда вверху небеса не были созданы;
2. И внизу ни одно растение на Земле не росло;
3. Бездна своих пределов не раскрыла.
4. Хаос (или Вода) Тьямат (Море) был Матерью, порождающей всех их. (Это космическая Адити и Сефира.)
5. Изначала заповедованы были те Воды, но
6. не произросло еще древо и цветок еще не раскрылся.
7. Когда Боги еще не явились, ни один из них;
8. не росло растение и порядок не существовал.

Это был хаотический или до-генетический период.

[319] Когда женская сила, она есть Сефира; когда мужская сила, он – Адам Кадмон, ибо, как первая содержит в себе остальные девять сефиротов, так в своей сумме последние, включая Сефиру, входят в Первоначальный Кадмон, τρωτογονος.

[320] Ева есть тройственность природы, и Адам есть единство духа; первая есть сотворенный материальный принцип, последний есть идеальный орган творческого принципа или, другими словами, этот андрогин является и принципом и Логосом, так как **א** представляет мужское, а **נ** – женское, и, как выразился Леви, эта первая буква священного языка, Алеф, представляет человека одной рукой указывающего на небо, а другой на землю Это макрокосм и микрокосм одновременно, и он объясняет двойной треугольник масонов и пятиконечную звезду В то время как мужской принцип активен, женский принцип пассивен, ибо это – ДУХ и МАТЕРИЯ, последнее слово почти на всех языках означает *матерь*. Колонны Соломонова храма, Яхин и Боаз, являются эмблемами андрогина, они также, соответственно, представляют мужское и женское, белое и черное, квадратное и круглое, мужское представляет единство, женское – двучленность. В позднейших каббалистических трактатах активный принцип изображается саблею **זכר**, а пассивный – ножнами **נקבה**. См [**157**, т. I].

[321] Вертикальная линия есть мужской принцип, горизонтальная – женский; из соединения этих двух в точке пересечения образуется КРЕСТ, древнейший символ в египетской истории богов. Это ключ от Небес в розовых пальцах Неит, небесной девы, которая на заре открывает ворота, чтобы выпустить своего единородного сына – лучистое солнце. Это Ставрос гностиков и философский крест масонов высоких степеней. Мы обнаруживаем, что этот символ образует Т зонтикообразных старейших пагод в Тибете. Китае и в Индии и находим его в руках Изиды в виде "креста с рукояткой". В одной из пещер Чайтья в Аджанте он увенчивает три зонтика, высеченных в камне, и образует центр свода.

[322] [**90**].

другое имя для первой триады (никогда громко непроизносимой), и которая является настоящей доведической и Изначальной тайной Тримурти, состояла из

Нара, Отец-Небо,
Нари, Мать-Земля,
Вирадж, Сын или Вселенная.

Тримурти, заключающая в себе Брахму, Творца, Вишну, Сохранителя и Шиву, Разрушителя и Возродителя, – принадлежит более позднему периоду. Это антропоморфическое представление, изобретенное позднее для более понятного усвоения непосвященными массами. Дикшиты, посвященные, знали лучше. Таким образом, также и глубокая аллегория, под видом смешной притчи, данная в «Айтарея-брахмане»,[311] которая нашла свое выражение в некоторых храмах в изображениях Брахм-Нары в виде быка, а его дочери, Адити-Нари, в виде телки, – содержит ту же метафизическую идею что и «грехопадение человека» или падение Духа в зарождение – в материю. Вездесущий божественный дух, воплощенный в символах Неба, Солнца, Тепла (огня) – корреляция космических сил – оплодотворяет Материю или Природу, дочь Духа. И Пара-Брахме самому приходится подчиняться и понести епитимью проклятий других богов (элохимов) за такое кровосмешение. (См. соответствующий столбец.) Согласно нерушимому и поэтому неизбежному закону, и Нара и Нари взаимно являются Отцом и Матерью, также как Отцом и Дочерью.[312] такой корреляции; и если природа есть продукт или следствие этой Причины, то в свою очередь, она должна быть оплодотворена тем же самым божественным Лучом, который сотворил саму природу. Наиболее нелепые космогонические аллегории, если их анализировать непредубежденно, окажутся построенными на строгой и логической необходимости.

«Существо родилось от несущества», гласит один стих в «Ригведе».[313] Первое существо должно было стать андрогинным и конечным в силу самого факта его сотворения, как существа. И таким образом даже священная Тримурти, состоящая из Брахмы, Вишну и Шивы, будет иметь свой конец, когда «ночь» Пара-Брахмы придет на Вселенской Утробе, символизированной в «Ману» Золотым Яйцом. В каббалистической космогонии Небо и Земля олицетворены Адамом Кадмоном и вторым Адамом.

Первая Несказуемая Триада, содержащаяся в абстрактной идее «Трех Голов», была «тайным именем». Она состояла из Эйн-Софа, Сефиры и Адама Кадмона, Протогоноса, причем последний был тождественен с первым, когда был двуполым.[319] В каждой триаде имеется мужское, женское и андрогин. Адам-Сефира есть Венец (Кэтер). Он принимается за работу творения, производя первым делом Хокму, мужскую мудрость, мужскую действенную силу, представляемую посредством יה, jah, или Колес Творения, אפנים, из которых исходит Бина, Разум, женская и пассивная сила, которая есть Иегова, יהוה, которого мы находим фигурирующим в Библии в качестве Верховного. Но этот Иегова не есть каббалистический Иод-хева. Двучленность является камнем основания «Гнозиса». Так как двучленность является Единством, самоумножающимся и самосозидающимся, то каббалисты показывают «Непознаваемого» пассивного Эйн-Софа эманирующим из себя Сефиру, которая, ставши видимым светом, якобы производит Адама Кадмона. Но в сокровенном значении Сефира и Адам представляют собою один и тот же свет, только латентный и активный, невидимый и видимый. Второй Адам в качестве человеческой тетраграммы, в свою очередь, производит Еву из своего бока.

Вот это та вторая триада, с которой каббалисты до сих пор имели дело, только едва намекая на Верховную Несказуемую Триаду и никогда ничто не излагая в письменной форме. Всякое знание, касающееся последней, передавалось только устно. Поэтому Второй Адам является тем, кто есть единство, изображенное знаком Иод, эмблемой каббалистического мужского принципа, и в то же время он есть Хокма, мудрость, тогда как Бина, или Иегова, есть Ева; первая Хокма исходит из Кэтер или андрогина, Адама Кадмона, а вторая, Бина, из Хокмы.

смену ныне существующему «дню», или периоду вселенской активности.

Вторая или, вернее, первая триада – так как высочайшая является чистой абстракцией – есть интеллектуальный мир. Вак, окружающая его – более определенная трансформация Адити. Кроме своего оккультного значения в секретной Мантре, Вак олицетворена как действенная сила Брахмы, исходящая из него. В Ведах ее заставляют говорить о себе, как о верховной и вселенской душе. «Я носила Отца на голове вселенского разума, и происхождение мое в середине океана; и Материя, через трансформацию, есть постепенный продукт Духа. Унификация одной единой Вечной Верховной Причины требовала поэтому я наполняю все существа... Порождая все существа, Я проношусь, как дуновение (Святой Дух). Я выше этих небес и за пределами этой земли; и то, чем является Великий Единый, то есмь Я».[314] Буквально, Вак есть речь, сила, которая через метрическое расположение, содержащееся в количестве и слогах мантр,[315] пробуждает соответствующие силы в мире невидимом. В жертвенных мистериях Вак возбуждает Брахму (Brahma jinvati) или силу, в латентном состоянии присутствующую в каждой магической операции. Она существовала извечно как Яджна (ее латентная форма), покоящаяся в спящем состоянии в Брахме с «неначала» и изошла из него, как Вак (активная сила) Она – ключ к «Трайвидье», трижды священной науке, которая учит Яджус (жертвенным мистериям).[316]

Покончив с непроявленной триадой и с первой триадой сефиротов, называемой «интеллектуальным миром», мало что остается сказать. В великой геометрической фигуре, которая заключает в себе двойной треугольник, центральный круг представляет мир среди вселенной. Двойной треугольник принадлежат к наиболее значительным из мистических фигур Индии, если только он не есть самая значительная. Это эмблема Тримурти, три в одном. Треугольник с острием кверху указывает на мужской принцип, с острием вниз – женский, эти два в то же самое время означают дух и материю. Этот мир внутри Если мы соединим с Иод три буквы, образующие имя Евы, мы получим божественную тетраграмму, произносимую как IEVO-HEVAH, Адам и Ева, **יהוה** Иегова, мужское и женское, или идеализацию человечества, воплощенную в первом человеке. Таким образом выходит, что мы можем доказать, что в то время, как еврейские каббалисты сообща со своими посвященными учителями, халдеями и индусами, поклонялись Верховному и Непознаваемому Богу в священной тишине своих святилищ, невежественным массам всех народов было предоставлено поклоняться чему-то определенно меньшему, чем Вечная Субстанция буддистов, так называемых атеистов. Как Брахма, божество проявленное в мифическом Ману или первом человеке (родившемся от Сваямбхувы или Самосущего), – конечен, так и Иегова, воплощенный в Адаме и Еве; есть только человеческий бог. Он является символом человечества, смесью добра с порцией неизбежного зла, духа, впавшего в материю. При поклонении Иеговемы просто поклоняемся природе, как Она воплощена в человеке, полудуховной, лолуматериальиой в лучшем случае; мы пантеисты, когда не бываем идолопоклонниками, подобно евреям, которые приносили жертвы на высотах и в рощах олицетворенным мужским и женским принципам, ничего не зная об ИАО, высшем «Тайном Имени» мистерий.

Шехина есть индусская Вак и восхваляется такими же терминами, как и последняя Хотя она показана в каббалистическом Древе Жизни исходящей из девятого сефирота, все же Шехина является «завесою» Эйн-Софа и «одеянием» Иеговы. Эта «завеса» – ибо в течение долгих веков ей удавалось сокрыть действительного верховного Бога, вселенского Духа, и замаскировать Иегову, экзотерическое божество – заставила христиан принять его в качестве «отца» посвященного Иисуса. Все же каббалисты, также как и индусские дикшиты, знают силу Шехины или Вак и называют ее «сокровенной мудростью», **חכמה-נסתרה**.

беспредельной вселенной есть микрокосм внутри макрокосма, как и в еврейской «Каббале». Он – символ чрева вселенной, земное яйцо, чьим прообразом является золотое мировое яйцо. Именно, из этого духовного чрева матери-природы исходят все великие спасители вселенной – аватары невидимого божества.

«От Него, кто существует и, тем не менее, не существует, от Не-Сущего, от Вечной Причины, рождается Сущий, Пуруша», говорит Ману, законодатель. Пуруша есть «божественное мужское», второй бог и аватар или Логос Пара-Брахмы и его божественный сын, который, в свою очередь, производит Вирадж, сына, или идеальный тип вселенной «Вирадж приступает к труду творения тем, что производит десять Праджапати, «владык над всеми существами»».

Согласно доктрине Ману, вселенная подчинена периодической и никогда не оканчивающейся последовательности творений и растворений, и эти периоды творений называются манвантарами. «Зародыш (которого божественный дух произвел из своей собственной субстанции) является тем, что никогда не погибает в существе, ибо он становится душою Существа и в период пралайи (растворения) возвращается, чтобы снова влиться обратно в божественный дух, который сам покоится извечно внутри Сваямбхувы, «Самосущего»» («Законы Ману», кн. I).

Как мы уже доказали, ни свабхавики, буддийские философы, ни брахманы не верят в сотворение вселенной ex nihilo, но и те и другие верят в Пракрити, в неуничтожаемость материи.

Эволюции видов и последовательное появление различных новых типов очень ясно указаны в «Ману».

«Из земли, тепла и воды рождены все твари, одушевленные или неодушевленные, произведенные тем зародышем, который божественный дух извлек из своей собственной субстанции. Таким образом Брахма установил ряд трансформаций от растения вверх до человека, и от человека вверх до предвечной сущности... Среди них каждое последующее существо (или элемент), приобретает качества

Треугольник играл выдающуюся роль в религиозном символизме всех великих народов, так как везде он представлял три великих принципа – дух, силу и материю: или же активный (мужской), пассивный (женский) и двоякий или коррелятивный принцип, который участвует в обоих и связывает их вместе. Это было Арба или мистическое «четыре»,[320] боги мистерий, кабиры, сведенные в единство одного верховного божества. Это обнаруживается в египетских пирамидах, чьи равные стороны поднимаются кверху, пока не исчезнут в одной, все увенчивающей точке. В каббалистической диаграмме центральный круг брахманистской фигуры заменен крестом, это – небесная вертикаль и земная горизонтальная основная линия.[321] Но идея та же самая: Адам Кадмон есть символ человечества в коллективной совокупности внутри единства творческого Бога и вселенского духа.

«От него, неимеющего формы, несуществующего (также вечного, но не Первопричины), рождается небесный человек». Но, после того, как он создал форму небесного человека **אדמעלאה**, он «пользовался им, как носителем, чтоб в нем спускаться», говорит «Каббала». Таким образом, Адам Кадмон является аватаром сокрытой силы. После этого Небесный Адам творит или зарождает посредством объединенной силы сефиротов земного Адама Труд творения также начат Сефирой и выражается в создании десяти сефиротов (которые являются Праджапатами «Каббалы», так как они подобным же образом являются Владыками всех существ).

«Зогар» утверждает то же самое. Согласно каббалистической доктрине, существовали старые миры (см. Идра Сута: «Зогар», III, с. 292b). Все когда-то вернется к тому, откуда оно впервые появилось. «Все то, из чего состоит мир, дух так же, как и тело, вернется к своему началу и корням, откуда они вышли» («Зогар», II, 218b). Каббалисты также утверждают неуничтожаемость материи, хотя их доктрина завуалирована еще более тщательно, чем индусская. Творение вечно, и вселенная есть «одеяние» или «завеса

предшествовавшего; и насколько ступеней каждое из них продвигается, столькими же новыми свойствами, как сказано, оно наделяется» («Ману», кн. I, шл. 20).317

Это, как мы считаем есть подлинная теория современных эволюционистов.

Бога» – Шехина; и последняя бессмертна и вечна как Тот, внутри которого она всегда существовала. Каждый мир создается по образу его предшественника, и каждый создается более грубым и материальным, чем предшествующий. В «Каббале» все они названы искрами. В конце концов был сформирован наш нынешний грубо материальный мир.

В халдейском изложении периода, предшествовавшего происхождению нашего мира, Берос говорит о времени, когда ничего не существовало, кроме мрака и бездны вод, наполненной уродливыми чудовищами, «произведенными двойным принципом... Это были твари, сложенные сочетанием конечностей всех видов животных. В добавление к этим рыбам, пресмыкающимся и змеям, имелись другие чудовищные животные, которые принимали форму и вид друг друга».[322]

В первой книге *«Ману»* мы читаем:

> «Знай, что сумма 1000 божественных веков составляет один день Брахмы, и что одна ночь равна этому дню».

Одна тысяча божественных веков равняется 4 320 000 000 человеческим годам по вычислениям брахманов.

> «По истечении каждой ночи Брахма, который до этого спал, просыпается и посредством единственно энергии движения эманирует из себя дух, который в своей сущности *есть*, но которого все же нет.
>
> Побуждаемый желанием творить, Дух (первая из эманаций) приступает к творению и порождает эфир, который мудрецы считают обладающим способностью передавать звук.
>
> Эфир порождает воздух, чьи свойства ощутимы и который необходим для жизни.
>
> Через преображение воздуха производится свет.
>
> От воздуха и света, которые порождают тепло, образуется вода, и вода есть *чрево* зародышей всего живого».

В течение всего этого огромного периода прогрессирующего творчества, охватывающего 4.320.000.000 лет, эфир, воздух, вода и огонь (тепло) непрерывно формируют материю, подчиняясь никогда не прекращающемуся импульсу Духа или *непроявленного* Бога, наполняющего все творение, ибо он во всем и все в нем. Это вычисление, бывшее секретным и которое даже теперь встречается только в намеках, ввело Хиггинса в заблуждение, и он делил каждые десять веков на 6000 лет. Если бы он добавил еще несколько нулей к своим итогам, он мог бы ближе подойти к правильному объяснению *неросов* или секретных циклов.[323]

В «Сефер Иецире», каббалистической Книге Творения, автор, по-видимому, повторяет слова *Ману*. В ней божественная субстанция представлена как одиноко существовавшая от вечности, беспредельная и абсолютная, и излучившая из себя Дух.

---

[323] См. т. I, гл. I настоящего труда.

«Един Дух Бога Живого – да благословенно будет Имя Его, живущего во веки! Голос, Дух и Слово, это есть Дух Святой» [*«Сефер Иецира»*, гл. I, мишна IX]; такова каббалистическая абстрактная Троица, так бесцеремонно антропоморфизированная отцами христианской церкви. От этого тройственного ЕДИНОГО эманировал весь космос. Сначала от ОДНОГО произошло число ДВА или Воздух, творческий элемент; и затем число ТРИ, *Вода,* происшедшая от Воздуха; *Эфир* или *Огонь* завершает собой мистическое Четыре – Арба-ил [*«Сефер Иецира»*, гл. I, м. IX].

> «Когда Сокровенный Сокровенного пожелал проявить Себя, Он сначала сотворил Точку (Первичная Точка, или первая Сефира, Воздух или Святой Дух), придал ей священную форму (десять сефиротов или Небесный человек) и покрыл ее роскошным и великолепным одеянием, *это и есть Вселенная*» [*«Зогар»*, I, 2а].

«Он сделал Ветер Своим вестником, пламенный Огонь – своим слугой», – говорит «Иецира», обнаруживая космический характер позднейших евгемеризованных ангелов [*«Сефер Иецира»*, м. IX, 10], а также, что Дух наполняет каждый малейший атом в космосе.[324]

Когда цикл творчества подходит к концу, энергия проявленного мира слабеет. Только Он, Непостижимый, остается неизменным (всегда латентным), но Творческая Сила, хотя тоже вечная, так как она пребывает в первом с «не-начала», все же должна быть подчинена периодическим циклам деятельности и покоя; так как она имела *начало* в одном из своих аспектов, когда она впервые эманировала, то она поэтому должна иметь и конец. Таким образом, вечер следует за днем, и ночь божества приближается. Брахма постепенно засыпает. В одной из книг «Зогара» мы читаем следующее:

> «Когда Моисей бодрствовал на Горе Синай в общении с божеством, скрытым от глаз его облаком, внезапно великий страх обуял его и он вдруг вопросил: «Господи, где Ты... почил ли ты, Господи?» И *Дух* отвечал ему: «Я никогда не сплю; если бы я почил хотя на миг, *ранее Моего времени,* все Творение обрушилось бы в прах в единое мгновение»». И Вамадэва Моделиар описывает «Ночь Брахмы» или второй период непознаваемого божественного существования такими словами:
>
> Странные шумы несутся со всех сторон... Это предвестники Ночи Брахмы; *сумерки поднимаются на горизонте,* и Солнце заходит за тринадцатый градус Макара (десятый знак Зодиака), и уже более не достигнет знака Мина (знак Рыб в Зодиаке). Гуру в пагодах, назначенные следить за Рашичакрамом (Зодиаком), могут теперь разбить свой астрономический круг и инструменты, ибо отныне они бесполезны.
>
> Постепенно свет угасает, тепло уменьшается, необитаемые места умножаются на Земле, воздух становится все более и более разреженным, источники вод иссякают, мощные реки видят иссыхание вод своих, океан обнажает свое песчаное дно, и растения умирают. Люди и животные уменьшаются в росте ежедневно. Жизнь и движение теряют свою силу; планеты едва движутся в пространстве; они угасают одна за другой, подобно лампе, которую рука Чокры (слуги) забыла наполнить. Сурья (Солнце) мерцает и потухает; материя идет к растворению (пралайа), и Брахма вновь погружается в *Dyaus*, непроявленного Бога, и, исполнив свою задачу – засыпает. Прошел еще один День, наступила Ночь – и она будет длиться до будущей Зари.
>
> И вот снова входят в Золотое Яйцо Его Мысль, семена всего, что существует, как говорит нам божественный Ману. Во время Его мирного покоя одушевленные существа, одаренные началами действия прекращают свои функции, и всякое чувство (Манас) засыпает. Когда все

---

[324] Интересно припомнить в связи с этим абзацем [*Послание Евреям,* I, 7]: “Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями своими пламенеющий огонь”. Сходство слишком поразительное, чтобы уклониться от заключения, что автор “Послания” был знаком с *“Каббалой”,* что обычно для адептов.

они поглощены высшею душою, эта душа всех существ спит в полном покое до дня, когда она вновь принимает свою форму и снова пробуждается из своей начальной тьмы».[325]

Если мы теперь рассмотрим десять легендарных аватаров Вишну, мы найдем, что они расположены в следующей последовательности:

1. Матсья-Аватар: как рыба. Это также будет его десятым и последним аватаром в конце калиюги.

2. Курм-Аватар: как черепаха.

3. Вараха: как кабан.

4. Нара-Синг: как *человек-лев,* последняя животная стадия.

5. Вамуна: как карлик; первый шаг к человеческой форме.

6. Парасу-Рама: как герой, но все еще несовершенный человек.

7. Рама-Чандра: как герой Рамаяны. Физически совершенный человек; его ближайший родственник, друг и союзник Хануман, обезьяний бог. *Обезьяна, наделенная способностью речи.*[326]

8. Кришна-Аватар: сын Девы Дэванаги (или Дэваки), созданный Богом или, вернее, проявленным божеством Вишну, который тождественен с Адамом Кадмоном.[327] Кришну также называют Канья, Сын Девы.

9. Гаутама Будда, Сиддхартха или Шакьямуни. (Буддисты отрицают доктрину, что их Будда является воплощением Вишну.)

10. Этот аватар еще не появился. Его ожидают в будущем, подобно христианскому Второму Пришествию, идея которого, несомненно, была взята от индусов. Когда Вишну появится в последний раз, он придет как «Спаситель». По мнению некоторых брахманов, он сам появится в виде коня Калки. Другие утверждают, что он появится верхом на нем. Этот конь – оболочка духа зла, и Вишну будет ездить на нем, оставаясь невидимым для всех, до тех пор, пока не одолеет его в последний раз. «Калки-Аватар» или последнее воплощение привело к разделению брахманизма на две секты. Секта Вайшнава отказывается признавать воплощение своего бога Вишну в буквальном смысле в животной форме. Они заявляют, что эти воплощения следует понимать аллегорически.

В приведенной схеме аватаров мы видим прослеженной постепенную эволюцию и преображение всех видов из досилурийской тины Дарвина и *ила* Санхуниафона и Бероса. Начиная с Азойского периода, что соответствует тому *илу,* в который Брахма сажает свой творческий зародыш, – мы проходим через палеозойский и мезозойский периоды, которым соответствует первое и второе воплощение в качестве рыбы и черепахи; кайнозойский период охвачен воплощениями в животной и в получеловеческой форме кабана и человека-льва: и мы приходим к пятому, увенчивающему геологическому периоду, обозначенному как «эра ума или век человека», чьим символом в индусской мифологии является карлик – первая попытка природы создать человека. В этой схеме нам следует придерживаться главной идеи и не судить о степени познаний древних философов посредством принятия в буквальном смысле популярной формы, в которой они предстают перед нами в великой эпической поэме «Махабхарата» и ее части «Бхагавадгите».

Даже четыре века индусской хронологии содержат в себе значительно более философскую идею, чем кажется, судя по поверхности. Эта идея определяет их и по

---

[325] См. Жаколио [**383**] и [**525**, с. 230].

[326] Не может ли быть, что Хануман является представителем того звена существ, полулюдей, полуобезьян, эволюция которых, по теориям Ховелака и Шлейхера, была приостановлена, и они, так сказать, впали в регрессирующую эволюцию?

[327] Первичная или Основная Сущность в Индии *не имеет имени.* Иногда на нее указывают словами “то” или “это”. “Это (вселенная) вначале не было ничем. Не было ни неба, ни земли, ни атмосферы. То, будучи несуществующим, решило: “Да буду Я””. (Подлинный санскритский текст), Д-р Майер, т. V, с. 366.

психологическому или ментальному и по физическому состояниям человека в течение их периода. Крита-юга – золотой век, «век радости» или духовной невинности человека. Третаюга, серебряный век или век огня – период верховенства человека, великанов и сынов Божиих: двапараюга, бронзовый век – уже смесь чистоты и нечистоты (духа и материи), век сомнений: и, наконец, наш собственный. Калиюга или железный век, век мрака, страдания и печали. В этом веке Вишну пришлось воплотиться в Кришне, чтобы спасти человечество от богини Кали, супруги Шивы, всеуничтожающего – богини смерти, разрушения и человеческих страданий. Кали – наилучшая эмблема для представления «падения человека»: падения духа в деградацию материи со всеми ужасающими результатами этого. Прежде, чем когда-либо достигнуть «мокши» или нирваны, обители благословенного Мира и Духа, – мы должны избавиться от Кали.

У буддистов последним воплощением считается пятое. Когда придет Майтрейя-Будда, тогда наш нынешний мир будет разрушен, и новый, лучший мир заменит его. Четыре руки каждого индусского божества являются эмблемами четырех предшествовавших проявлений нашей земли из ее невидимого состояния, тогда как голова обозначает пятого и последнего, *Калки*-Аватара, когда этот мир будет разрушен и сила Будх – Мудрости (у индусов – Брахмы) будет опять призвана проявить себя в качестве *Логоса* – чтобы сотворить будущий мир.

В приведенной диаграмме мужские боги обозначают Дух в его божественных атрибутах, тогда как их женские двойники – Шакти – представляют активные энергии этих атрибутов. Дурга (активная сила) есть тонкая, невидимая сила, которая соответствует Шехине – одеянию Эйн-Софа. Она есть та Шакти, посредством которой пассивный «Извечный» вызывает к существованию видимую вселенную из ее первоначального идеального представления. Каждый из трех персонажей экзотерической Тримурти показан пользующимся своею Шакти как Ваханом (носителем). Каждый из них пока что является той формой, которая восседает на таинственной колеснице Иезекииля.

Также не менее ясно мы видим в этой последовательности аватаров осуществление истинно философской идеи об одновременной духовной и физической эволюции тварей и человека. От рыбы ход этого двойного преображения проносит физическую форму через образ черепахи, кабана и человека-льва; а затем, появляясь в карлике человечества, он являет Парасу-Раму физически совершенным, но духовно неразвитым существом; пока он не приводит человечество, олицетворенное одним богоподобным человеком, к кульминации физического и духовного совершенства – к богу на земле. В Кришне и в других Спасителях мира мы видим философскую идею поступательного двойного развития понятой и так же ясно выраженной, как в «Зогаре». «Небесный человек», который есть Протогонос, Тиккун, первородный Бога, или вселенская Форма и Идея, – порождает Адама. Поэтому последний есть порождение Бога в человечестве и наделен атрибутами всех десяти сефиротов. Они суть: Мудрость, Разум, Справедливость, Любовь, Красота, Великолепие, Твердость и т. д. Они делают его Основанием или базисом, *«могучим живым»,* אלהי, и венцом творения, поместив его, таким образом, как Альфу и Омегу, царствовать над «царством» – Малкут.

> «Человек является и смыслом и высочайшей точкой творения», – гласит «Зогар», – «Как только человек был сотворен, все было завершено, включая и верхний и низший миры, ибо все заключено в человеке. Он соединяет в себе все формы». (III, с. 48а.)

Но это не относится к нашему выродившемуся человечеству; лишь время от времени рождаются люди, являющиеся образцами того, каким человек должен быть, но еще не стал. Первые расы людей были духовны, и их первоначальные тела не состояли из грубых материальных субстанций, из которых они состоят теперь. Первые люди были сотворены со всеми способностями божества и силами, далеко превосходящими силы воинства ангелов, ибо они являлись непосредственными эманациями Адама Кадмона, первичного

человека, Макрокосма; тогда как нынешнее человечество отдалено на несколько степеней ниже даже земного Адама, который был Микрокосм или «малый мир». Сеир Анпин, мистическая фигура Человека, состоит из 243 чисел, и мы видим в кругах, следующих один за другим, что именно ангелы эманировали из «первичного человека», не сефироты из ангелов. Следовательно, человеку с самого начала назначалось быть существом и прогрессирующим и регрессирующим по натуре. Начав в высочайшей точке божественного цикла, он постепенно начал отступать от центра Света, приобретая на каждой новой и более низкой сфере бытия (в мирах, населенных каждый отличающейся от других расой человеческих существ) более плотную физическую форму и теряя при этом часть своих *божественных* способностей.

В «падении Адама» мы не должны усматривать персональный грех человека, а просто – закон двойной эволюции. Адам или «Человек» начинает свою карьеру существований обитанием в саду Эдема, «облаченный в небесное одеяние, которое есть *одеяние из небесного* Света» [*Зогар*, II, 29b]; но будучи изгнан, он «одет» Богом или вечным законом Эволюции или необходимости – одет одеждою из кожи. Но даже на этой земле материальной деградации – на которой божественная искра (Душа, сверкание Духа) должна была начать свое физическое продвижение в серии заточений от камня вверх до человеческого тела, – если человек пускает в дело свою ВОЛЮ и призывает своего бога на помощь, он может превзойти в силах ангела. «Разве не знаете, что мы будем судить ангелов?» – спрашивает Павел [*1 Коринфянам,* VI, 3]. Действительным человеком является Душа (Дух), учит «Зогар».

> «Тайна земного человека соответствует тайне небесного человека... Мудрые могут читать тайны на человеческом лице» (II, 76a).

Это еще одно из многих высказываний, по которым в Павле можно узнать посвященного. По причинам, уже полностью объясненным, мы гораздо больше доверяем подлинности некоторых посланий апостолов, ныне изъятых, как апокрифических, чем многим подозрительным частям «Деяний Апостолов». И подтверждение такому воззрению мы находим в *«Письме Павла Сенеке».* В этом послании Павел титулует Сенеку «мой почитаемый Учитель», тогда как Сенека называет апостола просто «брат».

Так же, как мы не можем судить об истинной иудейской философии по нелепостям экзотерической Библии; также у нас нет никакого права строить наше мнение о брахманизме и буддизме по их бессмысленным и иногда отвратительным популярным формам. Если только мы поищем истинной сущности философии как *«Ману»,* так и *«Каббалы»,* то мы найдем что Вишну, так же как и Адам Кадмон, есть выражение самой вселенной, и что его инкарнации являются только конкретными и различными воплощениями проявлений этого «Огромного Целого».

> «Я – Душа, о, Арджуна. Я та Душа, которая существует в сердцах всех существ; и Я есмь начало и середина, и также конец всего сущего», – говорит Вишну своему ученику в «Бхагавадгите» [гл. X, с. 71].

> «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец... Я есмь первый и последний», – говорит Иисус Иоанну [*Откровение,* I, 8, 17].

Брахма, Вишну и Шива суть троицы в единстве и, подобно христианской троице, взаимообратимы. В эзотерической доктрине они – одно и то же проявление того, «чье имя слишком свято, чтобы его произносить, и чья власть слишком величественна и беспредельна, чтобы ее вообразить». Таким образом, путем описывания аватароводного, аватары всех других уже тоже включены в эту аллегорию, с изменением формы, но не существа. Именно из этих проявлений эманировали те многие миры, которые были, и будет эманировать тот мир, который грядет.

Колман, и вслед за ним и другие востоковеды, преподносит седьмой аватар Вишну в самом карикатурном виде [73]. Кроме того факта, что «Рамаяна» является одним из величайших эпосов мира – источник вдохновения Гомера – в этом аватаре сокрыта одна из наиболее научных проблем наших дней. Ученые брахманы Индии никогда не рассматривали аллегорию о знаменитой войне между людьми, великанами и обезьянами иначе, как только в свете преображения видов. Мы твердо верим, что если бы европейские академики обратились за информацией к некоторым ученым туземным брахманам, вместо того, чтобы единодушно сразу же отрицать их авторитет, и подобно Жаколио – против которого они почти все ополчились – искали бы света в старейших документах, разбросанных по всей стране в пагодах, – они получили бы странные, но не бесполезные уроки. Пусть кто-нибудь осведомится у *образованного* брахмана о причине почета, оказываемого обезьянам – происхождение которое обрисовано в повествовании о героических подвигах Ханумана, генералиссимуса и верного союзника героя «Рамаяны»,[328] – и он вскоре освободится от своего заблуждения, что индусы воздают божественные почести обезьяньему *богу*. Он, может быть, узнал бы – если бы брахманы нашли его достойным получить объяснение – что индус видит в обезьяне только то, что Ману желал бы, чтобы он видел: а именно, трансформация вида, особо тесно связанного с семейством человека – незаконорожденная ветвь, привитая на его собственном роде до окончательного усовершенствования последнего.[329] Далее он мог бы узнать, что в глазах образованных «язычников», духовный или *внутренний* человек есть одно, а его земной физический футляр другое. Что *физическая* природа, эта великая комбинация соотношений физических сил, постоянно устремленных к совершенствованию, вынуждена пользоваться материалом, находимым под рукой; она формирует и преобразовывает по мере своего продвижения, и, увенчав свой труд человеком, она предоставляет лишь ему одному быть достойным святилищем для осенения божественным духом. Но последнее обстоятельство не дает человеку права распоряжаться жизнью и смертью животных, которые ниже его самого по шкале *природы, или* права мучить их. Как раз наоборот. Кроме того, что человек имеет душу – каковою, в большей или меньшей степени, обладает каждое животное и даже растение – человек имеет свою бессмертную *разумную* душу или *ноус,* которая должна бы сделать его по великодушию равным, по меньшей мере, слону, который так осторожно ступает, чтобы не раздавить тварей, которые слабее его самого. Именно это чувство заставляет брахмана и буддиста строить больницы для заболевших животных и даже насекомых и готовить убежища, где они могли бы закончить свои дни. Это опять-таки то же самое чувство, которое заставляет сектанта джайна пожертвовать половину своего века на то, чтобы сметать со своего пути

---

[328] Осада и последующая затем сдача Ланки (острова Цейлон) Раме отнесена индусской хронологией – обоснованной на Зодиаке – к 7500-8000 гг. до Р. Х., и следующее затем или восьмое воплощение Вишну – к 4800 г. до Р. Х. (из книги об исторических Зодиаках брахманов).

[329] Ученый из Ганновера недавно опубликовал труд, озаглавленный “Ueber die Auflosung der Arten dinck Natsrliche Juht Wahl”, в котором он доказывает с большим остроумием, что Дарвин выказал полное заблуждение, произведя человека от обезьяны. Наоборот, утверждает он, именно обезьяна произошла от человека. Он доказывает, что вначале человечество было, морально и физически, типами и прототипами нашей настоящей расы и человеческого достоинства, красотою своих форм, правильностью черт, развитием черепа, благородством чувств, героическими импульсами и величием мысленных представлений. Это является чисто брахманской, буддийской и каббалистической доктриной. Его книга богато иллюстрирована диаграммами, таблицами и т. д. Она утверждает, что постепенно падение и вырождение человека, как моральное, так и физическое, легко может быть прослежено через все этнологические преображения, вплоть до наших дней. И, подобно тому, как одна часть уже выродилась в обезьян, цивилизованный человек наших дней, в силу действия неизбежного закона необходимости, будет, наконец, замещен подобным же поколением. Если судить о будущем по настоящему, то, конечно, весьма вероятно, что такая не духовная и материалистическая корпорация как наши ученые по физическим наукам, должны закончить свою эволюцию скорее как *обезьяны,* а не как серафы.

беспомощных ползучих насекомых, а не безрассудно лишать хоть самого малейшего жизни; и опять, из этого чувства высшего благожелательства и милосердия по отношению к более слабому, как бы жалка ни была эта тварь, – возникло почитание одной из естественных модификаций их собственной двойной натуры, отсюда поздней возникло также популярное верование в метемпсихоз. Никаких его следов не обнаружено в Ведах; и истинное толкование этой доктрины, обсужденной подробно в *«Ману»* и в буддийских священных книгах, с самого начала стало достоянием только ученых жреческих каст, поэтому неправильные и глупые идеи масс об этой доктрине не должны вызывать удивления.

Тех, кто в остатках древности усматривают доказательства, что у современности мало прав претендовать на оригинальность, – тех обычно обвиняют в склонности преувеличивать и искажать факты. Но откровенный читатель едва ли станет утверждать, что вышеизложенное служит этому примером. Эволюционисты существовали уже до того дня, когда, по словам Библии, мифический Ной плавал в своем ковчеге; и древние ученые были лучше осведомлены, и их теории были более логично построены, чем у эволюционистов современности.

Платон, Анаксагор, Пифагор, эллинские школы Греции, так же как и старинные халдейские училища жрецов – все преподавали доктрину двойной эволюции, доктрину о переселении душ, касающуюся только перехода человека из мира в мир после смерти здесь. Каждая философия, достойная этого имени, учила, что *дух* человека, если и не *душа,* предсуществовал.

> «Ессеи», – говорит Иосиф, – «верили, что души бессмертны, и что они спускаются с эфирных сфер, чтобы быть прикованными к телам» [**153**, кн. II, с. 12].

В свою очередь Филон Иудей говорит, что

> «воздух полон ими (душами); и что те, кто ближе всего к земле, спускаясь, чтобы быть привязанными к смертным телам, παλινθρομουαι αυθις, возвращаются к другим телам, преисполненные жаждой жить в них» [**464**, с. 455d].

В «Зогаре» душа заставлена выпрашивать свою свободу перед Богом:

> «Владыка вселенной! Я счастлива в этом мире и не желаю отправиться в другой мир, где я буду служанкой, подверженной всякой скверне».[330]

Доктрина роковой необходимости, вечного нерушимого Закона утверждена в ответе божества:

> «Против твоей воли ты становишься зародышем и против твоей воли ты рождена».[331]

Свет был бы непонятен без тьмы, проявляющей его путем контраста; добро не было бы добром без зла, выявляющего бесценную природу блага; итак, личная добродетель не может претендовать на заслугу, если она не прошла горнило соблазна. Нет ничего вечного и неизменного, за исключением сокрытого божества. Ничто предельное – или потому, что оно имело начало или должно иметь конец – не может оставаться неподвижным. Оно должно идти или вперед или назад; и душа, жаждущая снова воссоединиться со своим духом, который единственный может даровать ей бессмертие, должна очиститься посредством циклических переселений, стремясь вперед к единственной Стране Блаженства и Вечного Покоя, называемой в «Зогаре» «Дворцом Любви», היבל אהבת; в

---

[330] “Зогар”, т. II, с. 96.

[331] *“Mishna”; “Aboth”,* т. IV, с. 29; [**526**, с. 413].

индусской религии – «Мокша»; среди гностиков – «Плеромой вечного Света», а у буддистов – «нирваной». Христианин называет ее «Царством Небесным» и претендует на то, что он единственный нашел эту истину, тогда как он только изобрел новое имя для доктрины, которая является ровесницей человека.

Доказательство, что переселение души не относится к состоянию человека на этой земле *после* смерти, можно найти в «Зогаре», несмотря на многие неправильные изложения его переводчиков.

> «Все души, отдалившиеся в небесах от Священного – да будет благословенно Имя Его – бросились в бездну в своем существовании, и ожидали времени, когда им предстояло спуститься на землю...[332] Приди и посмотри, когда душа достигнет обители Любви... Душа не выдержала бы этого света, если бы не было светящегося плаща, который она надевает. Ибо, точно так же, как душа, посланная на эту землю, надевает земное одеяние, чтобы сохранить себя здесь, точно также она получает наверху сияющее одеяние, чтобы быть в состоянии смотреть без вреда в зеркало, чей свет исходит из Владыки Света».[333]

Кроме того, «Зогар» учит, что душа не может достигнуть обители блаженства, если она не получила «святого поцелуя» или воссоединения души с *субстанцией, из которой она была эманирована* – с духом. Все души – двойные, и в то время как последняя представляет собою женский принцип, дух является мужским. Пока заключен в теле, человек представляет собою троицу, если только его скверна не настолько велика, что вызывает его разрыв с духом.

> «Горе той душе, которая вместо своего небесного мужа (духа) предпочитает земной брак со своим земным телом», – гласит один текст в *«Книге Ключей»*.[334]

Этих идей о переселениях и тройственности человека придерживались многие из ранних христианских отцов. Только путаница, созданная переводчиками Нового Завета и древних философских трактатов по поводу души и духа вызвала многие недоразумения. Это также одна из многих причин, почему Будду, Плотина и многих других посвященных теперь обвиняют в том, что они стремились к полному уничтожению своих душ – к «поглощению божеством» или к «воссоединению со вселенской душой», что, по мнению наших современников, означает уничтожение. Животная душа, конечно, должна дезинтегрировать свои частицы, прежде чем она будет в состоянии соединить свою более чистую сущность навсегда с бессмертным духом. Но переводчики как *«Деяний»,* так и *«Посланий»,* заложившие основание *Царствия Небесного,* и современные комментаторы буддийской *«Сутры Основания Царства Праведности»* исказили смысл слов великого апостола христианства так же, как и великого реформатора Индии. Первые настолько затемнили слово ψυχικος, что никакой читатель не догадается, что оно имеет какое-либо отношение к *душе,* и при таком смешивании понятий *душа* и *дух* читатели Библии получают лишь искаженные представления обо всем, что касается этого предмета; а переводчики второй не поняли смысла и назначения буддийских четырех степеней Дхианы.

В писаниях Павла сущность человека разделена на три части – плоть, психическое существо или *душа,* и осеняющая и в то же время внутренняя сущность или ДУХ. Его фразеология очень определенна, когда он учит *анастасису,* или продолжению жизни после смерти. Он утверждает, что существует *психическое* тело, которое сеется в тленное, и духовное тело которое возвышается в нетленную субстанцию. «Первый человек из земли и земной, второй человек с неба». Даже *Иаков* [III, 15] признает душу говоря, что

---

[332] “Зогар”, т. III, с. 61b.
[333] *Там же*, т. I, с. 65b.
[334] Герметическое сочинение.

«это не есть мудрость, нисходящая свыше, но – земная, *душевная,* бесовская». Платон, говоря о душе *(psuché),* замечает, что «когда она вступает в союз с *nous* (божественная субстанция, бог – как psuché есть богиня), она все делает правильно и удачно, но дело обстоит иначе, когда она привязывается к *Annoia».* То, что Платон называет *ноус,* Павел называет *Духом,* то что Павел говорит о *плоти,* Иисус относит к *сердцу.* Природное состояние человечества называлось по-гречески αποστασια; новое состояние – αναστασις. С Адамом пришло первое (смерть), с Христом – последнее (воскресение), так как он был первым, кто открыто учил человечество «Благородному Пути» к Вечной жизни, как Гаутама указывал тот же самый Путь к нирване. Для осуществления той и другой цели был, по обоим учениям, только один путь.

> «Бедность, нравственная чистота, созерцание или внутренняя молитва; презрение к богатству и к иллюзорным радостям этого мира».
>
> «Вступайте на этот путь и положите конец печали; истинно. Путь провозглашен мною, кто нашел как уничтожить стрелы печали. Вы сами должны приложить усилия; *Будды – только проповедники.* Мыслящий, который вступает на Путь, освобождается от пут Обманщика (Мары)».[335]
>
> «Входите тесными вратами, ибо широки врата и пространен путь, ведущие в погибель... Всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному» [*Матфей*, VII]. *«Я ничего не могу творить Сам от Себя»* [*Иоанн*, V, 30]. «Заботы века сего и обольщение богатства заглушает слово» [*Матфей,* XIII, 22], – говорят христиане; и только путем освобождения от всех заблуждений буддист вступает на «Путь», который ведет его «прочь от неугомонных мечущихся волн океана жизни» и приведет его «в спокойный Град Мира, к действительной радости и покою нирваны».

Подобным же образом и греческие философы благодаря стараниям слишком ученых переводчиков превратились из мистиков в мистификаторов. Египтяне почитали божественный дух, один единственный, как *Ноут*. Совершенно ясно, что именно с этого слова Анаксагор взял свой термин *ноус* или, как он называет его, Νοῦς αυτοκρατης – Разум или Дух само-сильный, αρχητης κινησεως.

> «Все было хаос», – говорит он, – «затем пришел Νοῦς и установил порядок».

Он также обозначает этот Νοῦς как Единого, который правит многими. По его идее Νοῦς был бог, а *Логос* был человек, эманация первого. Внешние силы воспринимали *феномены;* только *ноус* один различал *нумены* или субъективные явления. Это чисто в буддийском и эзотерическом духе.

Здесь Сократ подхватил его нить и следовал к ней, а после него Платон с целым миром внутреннего знания. Если старый ионийско-итальянский мир кульминировал в Анаксагоре, то новый начался с Сократа и Платона. У Пифагора *Душа* была самопроизвольно движущейся единицей с тремя элементами: *nous, phren* и *thumos,* последними двумя обладали и животные, и только первый элемент представлял его истинное я. Таким образом, обвинение, что он преподавал трансмиграцию, отвергнуто; он учил о ней не более, чем когда-либо учил Гаутама Будда, в какие бы суеверия индусская чернь ни превратила это после его смерти. Заимствовал ли Пифагор от Будды или Будда заимствовал еще от кого-либо – это не имеет значения; эзотерическая доктрина одна и та же.

Платоническая школа даже еще более отчетлива в провозглашении всего этого.

Реальная индивидуальность находилась в основе всего. Поэтому Сократ учил, что у него имеется δαιμόνιον *(dæmonium),* духовное что-то, которое направило его на путь мудрости. Он сам ничего не знал, но это что-то повело его к познанию всего.

---

[335] “Дхаммапада” [**527**], шлоки 276 и далее.

Платон пошел за ним следом и полностью исследовал принципы бытия. Существовал *Агафон,* Верховный Бог, создавший в своем уме *paradeigma* всего.

Он учил, что в человеке имеется «бессмертный принцип души», смертное тело и «отдельная смертного рода душа», которая помещалась в отдельном от тела вместилище; бессмертная часть находилась в голове («Тимей», XIX, XX), другая – в туловище (XLIV).

Ничего нет яснее того, что Платон рассматривал внутреннего человека, как состоящего из двух частей – одна всегда одна и та же, образованная из той же сущности, что и божество, и другая смертная и тленная.

> «Платон и Пифагор», – говорит Плутарх, – «делили душу на две части – разумную (поэтическую) и неразумную *(agnoia);* и та часть души человека, которая разумна – вечна; ибо, хотя она и не есть Бог, все же она есть произведение вечного божества, но та часть души, которая лишена разума *(agnoia)* – умирает».
>
> «Человек», – говорит Плутарх, – «есть сложный состав; и ошибаются те, кто думают, что он состоит только из двух частей. Ибо они воображают, что понимание является частью души, но они ошибаются в этом не менее тех, которые считают душу частью тела, ибо понимание *(ноус)* настолько же превосходит душу, насколько душа лучше и божественнее тела. Соединение этой души (**ψυχη**) с пониманием (**νους**) образует разум, а соединение с телом образует страсть; из этих двух одно является началом или принципом удовольствия и боли, а другое – началом или принципом добродетели и порока. Из этих трех частей, сложенных и слитых вместе, земля дала тело, луна – душу, а солнце – понимание человеческому роду.
>
> «Теперь о смертях, какими мы умираем; *одна смерть делает человека двумя из трех,* а другая превращает его из двух в одного. Первая находится в области и под юрисдикцией Деметры, откуда название, данное мистериям **τελειν**, напоминало название данное смерти – τελευταν. Афиняне прежде называли покойников также посвященными Деметре. Что же касается *другой смерти,* то она происходит на Луне или в области Персефоны. Как и в случае смерти земной, так и в случае другой, небесной, Гермес задерживается. Это внезапно и насильственно отрывает душу от тела; но Прозерпина нежно и в течение долгого времени отъединяет понимание от души. По этой причине ее называют *Monogenes, единородной* или скорее – *порождающей одиночек,* ибо лучшая часть человека становится одинокой, когда она ею разъединена. Итак, и та и другая происходят в соответствии с законами природы. Верой предписано, что каждая душа, с пониманием или без понимания (νους), когда она покинула тело, должна странствовать некоторое время, хотя не все одинаковое, в области, находящейся между землей и луной. Так как те, кто были несправедливы и вели беспутную жизнь, несут здесь соответствующее своим злодеяниям наказание; но добрые и добродетельные задерживаются до тех пор, пока они не очистятся и путем искупления не освободятся от всех тех зараз, которыми они могли заразиться под влиянием тела, как бы от скверной болезни, живя в самой умеренной части этого пространства, называемой Лугами Гадеса, где они должны оставаться определенное, заранее назначенное время. И затем, словно при возвращении на родину после долгих скитаний или длительного изгнания они испытывают радость такого рода, которую, главным образом, испытывают посвящаемые в священные мистерии; эта радость перемешана с тревогой, восхищением и с особыми, каждому по отдельности присущими надеждами».

Dæmonium Сократа был этим νοῦς, умом, духом или пониманием в нем божественного.

> «Νοῦς Сократа», – говорит Плутарх, – «был чист и смешался с телом не более, чем требовала необходимость... Каждая душа обладает какою-то частью νοῦς, разума – без этого человек не может быть человеком; но столько из каждой души, сколько смешалось с плотью и инстинктивными потребностями, изменяется и через испытывание боли или удовольствия становится неразумной. Не все души в одинаковой степени смешиваются; некоторые целиком погружаются в тело и таким образом в, этой жизни все их строение портится инстинктивными потребностями и страстями; некоторые смешиваются только частью, но более чистая часть [ноус] все же остается *вне тела.* Эта часть не втягивается в тело, но плавает над ним и прикасается (осеняет) к наиболее возвышающейся части головы; она подобна веревке, чтобы

ею поддерживать и направлять опускающуюся часть души до тех пор, пока она оказывается послушной и не поддается инстинктивным влечениям плоти. Та часть, которая погрузилась в тело, называется *душой.* Но нетленная часть называется *ноус,* и *простонародье думает, что она находится внутри их*, точно так же как они думают, что изображение, отраженное зеркалом, находится в этом зеркале. Но более умные, которые знают, что она находится вовне, называют ее *Dœmon* (бог, дух).

Душа, как сон, быстро улетает, что она, однако, делает не сразу, как только отделилась от тела, но потом, когда она остается одна и отделяется от понимания *(ноус)...* Душа, будучи ваяема и формируема пониманием *(ноус),* и сама ваяя и формируя тело путем охватывания его со всех сторон, получает от него отпечаток и форму; таким образом, хотя она отделилась и от понимания и от тела, она, тем не менее, на долгое время все еще удерживает его фигуру и сходство так, что с полным правом ее можно называть его изображением.

И элементом этих душ является луна, так как души распадаются в нее так же, как тела покойников в землю. Действительно, те, которые были добродетельными и честными, ведущими спокойную и философскую жизнь, не впутываясь в хлопотливые дела, – те быстро распадаются, так как их покинул ноус, понимание, и они больше не пользуются телесными страстями – они тотчас же исчезают».

Мы находим, что даже Ириней, этот неутомимый и смертельный враг каждой греческой и «языческой» ереси, разъясняет свою веру в тройственность человека. Совершенный человек, согласно его воззрениям, состоит из *плоти, души и духа:*

*«... carne, anima, spiritu, altero quidem figurante, spiritu, altero quod formatur, carne. Id vero quod inter haec esl duo, est anima, quae aliquando subsequens spiritum elevatur ab eo, aliquando autem consentient carni in terrenas concupiscentias» [**162**, кн. I, V, 1].*

И Ориген в своем «Шестом Послании Римлянам» говорит:

«Существует тройное деление человека; тело или плоть, самая низкая часть нашего естества, на которой древний змей путем первородного греха написал закон греха, через который мы бываем соблазняемы на подлые поступки, и как только мы поддаемся этим соблазнам, мы крепко привязываем себя к Дьяволу; дух, в котором или посредством которого мы выражаем подобие божественной природы, в котором Лучший Творец; с прообраза своего собственного ума, выгравировал своим собственным пальцем (т. е. своим духом) вечный закон честности – этим мы присоединены (приклеены) к Богу и сделаны едиными с Богом, в-третьих, душа посредничает между этими двумя, которая, как в республике, где партии раскололись, – должна присоединиться к той или другой стороне; она вольна выбирать, к которой стороне примкнуть. Если, отказавшись от плоти, она примкнет к партии духа, она сама станет духовной; если же она опустится к жадностям плоти, то она сама выродится в тело».

Платон (в «Законах», X) определяет *душу* как

«движение, которое способно самопроизвольно двигаться». «Душа – наиболее древняя изо всего и начало движения». «Душа была порождена раньше тела; тело более позднее и вторичное, так как, согласно природе, над ним правит властвующая душа». «Душа, правящая всем, что движимо каким бы то ни было образом, правит точно так же небесами».

«Поэтому душа руководствует всем в небесах, на земле и в море посредством своих движений, названия которых – хотеть, обдумывать, заботиться, советоваться, строить мнения истинные и ложные, находиться в состоянии радости, печали, уверенности, боязни, ненависти, любви, вместе со всеми такими первичными движениями, которые сопряжены с этими... будучи богинею сама, она всегда берет себе в союзники НОУС, бога, и дисциплинирует все правильно и удачно; но если она вместе с *Annoia,* а не *nous* – она во всем поступает наоборот».

В этом изложении, как и в буддийских текстах, отрицательное рассматривается как сущностное существование. *Уничтожение* входит в эту же категорию. Положительное состояние есть сущностное бытие, но не проявление как таковое. Когда дух, по

буддийской терминологии, вступает в *нирвану,* он теряет объективное существование, но сохраняет субъективное. Для объективного ума это есть превращение в абсолютное ничто; для субъективного – НИ-что, ничто, что можно было бы развернуть перед чувствами.

Эти довольно подробные цитаты были необходимы для нашей цели. Лучше, чем что-либо другое, они демонстрируют согласие между старейшими «языческими» философиями – которым «не помогал свет божественного откровения», если применить любопытное высказывание Лебулэ в адрес Будды – и ранним христианством некоторых отцов. Как языческая философия, так и христианство, однако, обязаны своими возвышенными идеями о душе и духе человека и непознаваемом Боге буддизму и индусскому Ману. Нет ничего удивительного в том, что манихейцы утверждали, что Иисус был пермутацией Гаутамы; что Будда, Христос и Ману были одним и тем же лицом [528, т. I, с. 817], так как учения первых двух были тождественны. Это была доктрина старой Индии, которой придерживался Иисус, когда проповедовал полный отказ от мира и его тщеты, чтобы достичь Царствия Небесного, нирваны, где «люди не женятся и не выходят замуж, но живут подобно ангелам».

Опять-таки, это была философия Сиддхартхи-Будды, которую проповедовал Пифагор, утверждая, что *эго* (νοῦς) было вечно с Богом, и что только душа проходила через различные стадии (индусские *Рупа локи),* чтобы достичь божественного превосходства; между тем как *thumos* возвращался на землю, и даже *phren* уничтожался. Таким образом, метемпсихоз был только последовательностью наказаний через небеса-прибежища (называемые буддистами – *Зион)*[336] чтобы освободиться от внешнего ума, освободить *ноус* от *phren* или души, буддийской «Виньянаскандая», *того принципа, который живет,* завися от кармы и сканд (групп). Именно последние, метафизические олицетворения «деяний» человека, добрых или плохих, после смерти его тела воплощаются, так сказать, и образуют свои многие невидимые, но неумирающие соединения, входящие в новое тело или, вернее, в эфирное существо, в *двойник* того, кем человек был *морально.* Именно астральное тело каббалиста и «воплотившиеся деяния» образуют новое чувствующее «я», так как его *Аханкара* (эго, самосознание), данное ему верховным Владыкою (дыханием Бога), никогда не может погибнуть, ибо оно бессмертно *per se* как дух; отсюда страдания новорожденного «я», которые длятся до тех пор, пока он не избавится от всех земных мыслей, желаний и страстей.

Теперь мы видим, что «четыре тайны» буддийской доктрины были так же мало поняты и оценены, как и «мудрость», на которую намекал Павел и которая говорилась «между *совершенными»* (посвящеными), «мудрость мистерий», которой «никто из архонов века сего не познал» [*1 Коринф*., II, 6, 7, 8]. Четвертая степень буддийской Дхианы, плод самадхи, ведущий к высочайшему совершенству, к Виконддхам – термин, правильно переведенный Бюрнуфом глаголом *«совершенствовать»* [307, с. 806] совсем неправильно понята другими, равно как и самим Бюрнуфом. Определяя состояние Дхианы, Сент-Илер аргументирует так:

> «Наконец, достигнув четвертой степени, аскет больше не обладает этим чувством блаженства, как бы затемнено оно ни было... он также утерял всю память... он достиг бесчувственности, такой близкой к нирване, как только можно... Однако, эта абсолютная бесчувственность отнюдь не является препятствием аскету в приобретении в этот самый момент *всезнания и магических сил; это явное противоречие, о котором буддисты* беспокоятся не более, чем о многих других» [**529**, 95].

А зачем им беспокоиться, когда эти противоречия, по сути дела, совсем не являются противоречиями? Не пристало нам говорить о противоречиях в религиях других народов,

---

[336] Высший *Зион* есть то место, откуда должен спуститься на землю Майтрейя-Будда, грядущий Спаситель. Также и христианский Избавитель ожидается из Сиона [*Римлянам,* XI, 26].

когда противоречия в нашей собственной религии породили, кроме трех великих взаимоборствующих церквей – римской, протестантской и восточной, – еще тысяча и одну весьма любопытных меньших сект. Как бы то ни было, у нас имеется термин, применяемый к одному и тому же понятию буддийскими святыми «нищенствующими» и Павлом, апостолом. Когда последний говорит: «Чтобы достигнуть воскресения мертвых... не то, чтоб я уже достиг, или *усовершился*» (стал посвященным) [*Филиппийцам,* III, 11-14] – то он пользуется выражением, обычным среди посвященных буддистов. Когда буддийский аскет достиг «четвертой степени», – его считают архатом. Он производит всякого рода феномены исключительно силою своего освобожденного духа. *Архат* тот, говорят буддисты, кто приобрел силу летать по воздуху, стать невидимым, повелевать стихиями, творить всякого рода удивительные явления, обычно и притом ошибочно называемые *мейпо* (чудесами). Он – *совершенный* человек, полубог. Он станет богом, когда достигнет нирваны, ибо так же, как посвященные обоих заветов, почитатели Будды знают, что они – «боги».

> «Истинный буддизм, перескакивая стену между предельным и беспредельным сознанием, побуждает последователей стремиться *собственными усилиями* к тому божественному совершенству, на которое, по его учению, человек способен, и по достижении которого человек становится *богом*», – говорит Брайан Хогтон Ходжсон.[337]

Мрачны и печальны были пути, кровью залиты и извилисты тропы, по которым христианский мир был вынужден пройти, чтобы принять христианство Иринея и Евсевия. И все же, если мы не примем воззрений древних язычников, – может ли наше поколение претендовать на то, что оно разрешило какую-нибудь из тайн «Царствия Небесного»? Что больше знает наиболее набожный и ученый из христиан о будущей судьбе и продвижении нашего бессмертного духа, чем языческий философ древности и современный «язычник» по ту сторону Гималаев? Может ли он даже похвастать, что он знает столько же, несмотря на то, что на полный ход пользуется «божественным» откровением? Мы видели буддиста, как он придерживается веры своих отцов и в теории и на практике; и как бы ни была слепа его вера и как бы абсурдны ни были его понятия по некоторым особым пунктам доктрины, позднейшим поправкам, внесенным честолюбивым духовенством, – все же в практической жизни его буддизм намного больше христоподобен на деле и по духу, чем, в среднем, жизнь наших христианских священнослужителей. Уже достаточно одного того факта, что его религия повелевает ему «почитать свою собственную веру, но никогда не поносить веру других».[338] Это ставит буддийского ламу неизмеримо выше любого священника, который считает своим священным долгом проклинать открыто «язычника» и приговаривать его и его религию «на вечные муки». Христианство с каждым днем все более становится религией чистого эмоционализма. Доктрина Будды всецело обоснована на практике деятельности. Ее ядром является любовь ко всем живым существам, человеческим и животным. Человек, который знает, что если он не будет трудиться для себя, – ему придется голодать, и понимает, что у него нет козла отпущения, который понес бы за него его прегрешения, – по всей вероятности, имеет шансы в десять раз стать лучшим человеком, чем тот, кого научили, что убийство, кража, распутство могут быть в мгновение ока смыты с него, и он станет белый как снег, если он только верит в Бога, который, по выражению Волнея, «когда-то принимал пищу на земле, а теперь сам стал пищею своих людей».

---

[337] “Mahāvansa”, том I, введение.

[338] Пять заповедей.

ГЛАВА VII
ЕРЕСИ РАННИХ ХРИСТИАН И ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА

«О доктринах друзов никогда ничего подлинного не было известно; среди их соседей распространено мнение, что они поклоняются какому-то идолу в виде тельца».

– Кинг, «Гностики и то, что от них осталось».

«О, вы, Владыки Истины, безгрешные, цикл за циклом совершающие в вечности... спасите меня от уничтожения в этой сфере *Двух Истин».*

– «Египетский ритуал мертвых».

«Пифагор правильно рассматривал «Несказуемое Имя» Бога... как Ключ к Тайнам вселенной».

– Панкост, «Голубой и красный свет».

В последующих двух главах мы уделим внимание наиболее значительным из христианских тайных сект, так называемым «ересям», которые возникли между первым и четвертым веком нашей эры.

Быстро взглянув на офитов и назареев, мы перейдем к их отпрыскам, которые все еще существуют в Сирии и Палестине под названием друзов Ливанской горы, а около Басры или Бассоры в Персии под названием мендеян или учеников Св. Иоанна. Все эти секты непосредственно связаны с нашей темой, так как они каббалистического происхождения и когда-то придерживались тайной «религии мудрости», признавая единым верховным Богом Бога мистерий – *Несказуемого* Имени. Отметив эти многочисленные тайные общества прошлого, мы сопоставим их для непосредственного сравнения с некоторыми современными. Мы закончим кратким обзором иезуитов и почтенным кошмаром римско-католической церкви – современным франкмасонством. Все эти современные, так же как и древние братства – за исключением современного франкмасонства – были и есть более или менее связаны с магией, практически так же, как теоретически; и все они – *не* исключая франкмасонства – обвинялись и по-прежнему обвиняются в демонопоклонстве, кощунстве и безнравственности.

Нашей целью не является изложение истории какой-либо из них, но только сравнение этих тяжко оскорбленных общин с христианскими сектами прошлого и настоящего и затем, руководствуясь историческими фактами, защитить тайную науку, так же как и людей, которые являются их исследователями и защитниками против любых несправедливых обвинений.

Одну за другой поток времени поглощал секты первых веков, пока изо всех их только одна выжила в своей первобытной целостности. Эта одна все еще существует, все еще проповедует учение своего основателя и все еще подтверждает свою веру проявлениями силы. Зыбучий песок, поглотивший все другие побеги религиозных волнений времен Иисуса вместе со всеми записями, реликвиями и преданиями, – для этого оказался твердым основанием. Изгнанные из своей родины, его члены нашли убежище в Персии, и сегодня интересующийся путешественник может беседовать с прямыми потомками «учеников Иоанна», которые слушали на берегу Иордана «Богом посланного человека», и были крещены и верили. Этот любопытный народ, численностью около 30000 человек или больше, неправильно называют «христианами Св. Иоанна»; по сути дела их следовало бы называть их старым именем – назареи, или новым – мендеяне.

Называть их христианами нет никакого основания. Они не верят в Иисуса как в Христа, не признают его искупления, не являются последователями его церкви и не почитают ее Священных Писаний. Также они не поклоняются Богу-Иегове евреев и

христиан; это обстоятельство, несомненно, является доказательством, что их основатель Иоанн Креститель также не поклонялся ему. А если так, то какое право он имеет на место в Библии или в портретной галерее христианских святых? Далее, если Ферхо был его богом, и он был «человеком, посланным Богом», то он, должно быть, был послан Владыкой Ферхо, и проповедовал и крестил его именем? Итак, если Иисус был крещен Иоанном, то вывод таков, что он был крещен по его вере, и поэтому Иисус также был верующим в Ферхо или Фахо, как они его называют; этот вывод, который кажется еще более оправданным его молчанием в отношении имени своего «Отца». И почему должна гипотеза, что *Фахо* есть только одно их многих искажений Фхо или Фо, как тибетцы и китайцы называют Будду, – казаться смешной? На севере Непала Будду чаще называют Фо, чем *Буддой.* Книга *«Махаванса»* показывает, как рано работа по буддийскому прозелитизму началась в Непале; а история учит, что буддийские монахи наводнили Сирию[339] и Вавилон в веке, предшествовавшем нашей эре, и что Буддхасп (бодхисаттва), якобы халдеец, был основателем сабизма, или *крещения.*[340]

Во что, в действительности, крещенцы, *эл-Могтасила* или назареи, верили, это полностью изложено в других местах, ибо это были те же самые назареи, о которых мы так много уже говорили и из *«Кодекса»* которых мы приводили цитаты. Будучи преследуемы и под угрозой уничтожения, они нашли убежище у несториан и таким образом позволили рассматривать себя, как христиан, но как только появилась возможность, они отделились, и теперь уже прошло несколько веков, как они даже номинально не заслуживают этого названия. Что их тем не менее так называют церковные писатели, возможно, не так-то трудно понять. Они знают о раннем христианстве слишком много, чтобы можно было оставить их вне пределов христианства, где они могли бы свидетельствовать против него своими преданиями без клейма ереси и отступничества, прикрепленного к их имени, чтобы ослабить доверие к тому, что они могли бы сказать.

Но где еще наука может найти такое прекрасное поле для библейских исследований, как не среди этого столь пренебрегаемого народа? Нет никаких сомнений в их наследовании доктрины Крестителя; их предания – без перерывов. То, чему они учат теперь, их предки учили во все исторические эпохи, когда они появлялись на исторической сцене. Они – ученики того Иоанна, который, как сказано, предсказал

---

[339] Буддийские миссионеры не только дошли до Месопотамии, но даже забрались настолько далеко на запад, как Ирландия. Достопочтимый д-р Ланди в своем труде “Monumental Christianity” в отношении одной ирландской Круглой Башни говорит: “Генри О'Брайен объясняет, что Распятие Круглой Башни является распятием Будды; что животные – это слон и бык, посвященные Будде, в которые его душа вошла после смерти; что две фигуры, стоящие по бокам креста, представляют собою девственную мать Будды и Каму, его любимого ученика. Вся эта картина имеет близкое сходство с Распятием в гробнице папы Юлия, за исключением животных, которые являются твердым доказательством, что это Распятие не может быть христианским. Оно, в конечном счете, пришло из дальнего Востока в Ирландию с финикийскими колонистами, которые построили Круглые Башни в качестве символов жизнь дающей и сохраняющей силы человека и природы и того, как вселенская жизнь производится через страдания и смерть”.

Если протестантское духовное лицо вынуждено таким образом признать дохристианское существование распятия в Ирландии, его буддийский характер и проникновение миссионеров этой веры даже в такую отдаленную часть земли, то нам нечего удивляться, что в умах назарейских современников Иисуса и их потомков он не должен был ассоциироваться с этой общеизвестной эмблемой в качестве Искупителя.

Отмечая это признание д-ра Ланди, м-р Чарльз Сотеран сказал в одной лекции, прочитанной в Американском филологическом обществе, что и легенды и археологические находки объединяются в бесспорном доказательстве, что “Ирландия однажды, как и все другие страны, слушала пропагандистов Сиддхартха Будды”.

[340] “Религия многократных крещений, потомок все еще существующей секты “христиан Св. Иоанна” или мендеян, которых арабы называют эл-Могтасила и крещенцами. Арамейский глагол *себа,* откуда название сабеяне, есть синоним βαπτιζω”. [**530**].

пришествие Иисуса, крестил его и заявил, что он сам (Иоанн) недостоин развязать обувь пришедшего. Когда они оба – Посланец и Мессия – стояли в Иордане, и старший освящал младшего – и своего родственника, человечески говоря – небо раскрылось и Сам Бог в виде голубя спустился в сиянии на своего «Возлюбленного Сына»! Как же тогда, если это повествование правдиво, можно объяснить странное неверие, которые мы обнаруживаем у доживших до наших дней назареев? Настолько далекие от веры в Иисуса как Единородного Сына Бога, они в действительности сказали персидским миссионерам, которые в семнадцатом веке впервые открыли их европейцам, что Христос Нового Завета был «лжеучителем», и что еврейская религиозная система, а также система Иисуса (?) пришли из царства тьмы! Кто знает лучше их? Где можно найти живых, более компетентных свидетелей? Христианское духовенство хотело бы навязать нам помазанника Спасителя, провозглашенного Иоанном, а ученики этого же самого Крестителя с самых первых веков заклеймили этот идеальный персонаж, как обманщика, и его предполагаемого Отца, Иегову – как «подложного Бога», Ильда-Баофа офитов! Несчастным для христианства будет тот день, когда какой-либо бесстрашный и честный ученый убедит их старейшин разрешить ему перевести содержание их сокровенных книг и собрать их седые от времени предания! Странное заблуждение заставляет некоторых писателей думать, что у назареев нет другой священной литературы, нет других письменных реликвий, как только четыре книги учения и тот любопытный том, полный астрологии и магии, который они обязаны читать в час солнечного заката в каждый посвященный солнцу день (воскресенье).

Эти поиски истины ведут нас, действительно, окольными путями. Много таких препятствий, которые коварство духовенства поставило на нашем пути к нахождению первичного источника религиозных идей. Христианство предстоит перед судом и предстало перед ним с тех пор, как наука почувствовала себя достаточно сильной, чтобы выступить в качестве общественного обвинителя. Часть этого судебного разбирательства мы набрасываем в этой книге. Что от истины есть в этом богословии? Через какие секты эта истина передавалась? *Откуда она первоначально была извлечена?* Чтобы ответить на это, мы должны проследить историю мировой религии как через тайные христианские секты, так и через секты других великих религиозных подразделений этой расы, ибо *тайная доктрина есть та Истина*, – и та религия наиболее близка к божественной, в которой она содержится в наименее искаженной форме.

Наши поиски ведут нас туда-сюда, но не бесцельно мы приводим примеры сект, весьма разъединенных хронологически, для критического сопоставления. Наш труд имеет одну цель, которую все время надо иметь в виду – анализ религиозных верований и определение их следования от прошлого до настоящего времени. Что больше всего препятствует в этом, так это римский католицизм; и не раньше как тайные принципы этой религии будут раскрыты, мы сможем понять тот железный посох, на который она опирается, чтобы придать устойчивость своей теперь шатающейся походке.

Мы начнем с офитов, назареев и современных друзов. Личные взгляды автора этих строк, как они будут представлены в диаграммах, будут в самом решительном противоречии с предвзятыми мнениями Иринея, Теодорета и Епифания (возведенного в ранг святых ренегата, продавшего своих братьев), поскольку они будут отражать идеи некоторых каббалистов, находящихся в тесной связи с таинственными друзами Ливанской горы. Сирийские *охалы* или спиритуалисты, как их иногда называют, обладают большим количеством древних рукописей и гемм, имеющих отношение к данной теме.

Первая, *схема,* схема офитов, с самого начала, как мы уже показали, отличается от описания, данного отцами церкви, поскольку она представляет Битос или глубь, как женскую эманацию, и отводит ей место, соответствующее месту Плеромы, но только в значительно более высокой области; тогда как отцы уверяют нас, что имя Битос гностики дали первопричине. Как и в каббалистической системе, она представляет беспредельную и бесконечную пустоту, внутри которой скрыт во мраке Непознаваемый Первичный

двигатель всего. Она окутывает ЕГО подобно завесе; короче говоря, мы опять узнаем «Шехину» Эйн-Софа. Одно только имя ΙΑΩ, Иао, отмечает верхний центр или, скорее, предполагаемую точку, где может быть предположено обиталище Непознаваемого. Вокруг Иао располагается надпись ΣΕΜΕΣ ΕΙΛΑΜ ΑΒΡΑΣΑΘ. «Вечное Солнце-Абрасакс» (Центральное Духовное Солнце всех каббалистов, изображенное в некоторых их диаграммах кругом Тиферет).

Из этой области бездонной Глуби (Битос, Адити, Аекина, покров непознаваемого) исходит круг, составленный из спиралей. Это и есть Тиферет, что на языке символизма означает великий круг, κυκλος, состоящий из меньших кругов. Свернутый внутри так, чтобы следовать по спиралям, лежит змий – эмблема мудрости и вечности – двуеродная андрогина; круг изображает Эннойа, или же божественный разум (мощь не создающая, но которая должна воспринимать), а змий есть агафодемон, Офит, «тень света» (не вечный, но, тем не менее, величайший свет на нашем плане). Как тот, так и другой были Логосами у офитов; или же Единством, ибо Логос проявляет себя как двойственный принцип добра и зла, ибо, на их взгляд, эти два принципа нерушимы и существовали извечно, как они и будут вечно продолжать существовать.

Этот символ объясняет почитание этой сектой Змия, как Спасителя, безразлично, будет ли он свернут вокруг жертвенного хлеба или же вокруг Тау. В своем единстве Эннойа и Офит представляют Логоса. Когда же они разъединены, один изображает Древо (Духовной) Жизни, другой Древо Познания Добра и Зла, потому мы видим, что Офит устремляет первую человеческую чету – являющуюся материальным произведением Ильда-Баофа, но обладающую духовным принципом от Софии-Ахамот – вкусить запрещенный плод, несмотря на то, что Офит представляет собою божественную мудрость.

Змий, Древо Познания Добра и Зла, и Древо Жизни, все они символы, пересаженные из почвы Индии. Араса-Марам, баньяновое дерево, столь священное среди индусов – ибо Вишну в одном из своих воплощений отдыхал под мощною сенью его и учил под ним человеческой философии и наукам – называется Древом Познания и Древом Жизни. Под охраняющей листвой этого царя лесов гуру преподают своим ученикам первые уроки о бессмертии и посвящают их в тайны жизни и смерти. Джава-алейм священнической школы, по халдейским традициям, учили сыновей человеческих стать подобными им. До настоящего времени Фо-чжу,[341] пребывающий в своем Фо-Мяо или же в храме Будды на вершине Гуинь-Лун-Сан,[342] великой горы, совершает свои величайшие религиозные чудеса под деревом, называемым по китайски Сун-Мин-Шу или же Деревом Познания и Деревом Жизни, ибо невежество есть смерть, и лишь знание дает бессмертие. Это замечательное выявление происходит каждые три года, когда огромное сборище китайских буддийских пилигримов стекается к этому священному месту.

Ильда-Баофу, «Сыну Тьмы» и творцу материального мира приписывалось обитание на планете Сатурн, что еще больше отождествляет его с еврейским Иеговой, который сам был Сатурн, согласно офитам, которые отрицают его синайское имя. От Ильда-Баофа эманируют шесть духов, которые соответственно пребывают со своим отцом в семи планетах. Они – Саба или Марс; Адонай – Сол или Солнце;[343] Иево – Луна; Элой – Юпитер; Астафей – Меркурий (дух воды); Урайос – Венера, дух огня.[344]

---

[341] Фо-чжу на китайском языке означает буквально Владыка Будда или учитель доктрины Будды – Фо.

[342] Эта гора находится к юго-западу от Китая, почти что между Китаем и Тибетом.

[343] СОЛ расположено на диаграмме в точности в центре солнечной системы (о чем, как видно, офиты были осведомлены) – оттуда, под непосредственным вертикальным лучом Высшего Духовного Солнца – изливает свое сияние на все другие планеты.

[344] Говоря о Венере, Плакид, астролог, всегда утверждал, что “ее голубоватое сияние указывает на жар”. Что касается Меркурия, то по странной фантазии офитов он представлен, как дух воды, тогда как астрологически он считается “холодной, сухой, земной и меланхолической звездой”.

По своим функциям и приведенным описаниям эти семь планет тождественны с индусской *Сапта Лока,* семь мест или сфер, или высшие и низшие миры, так как они представляют каббалистические семь сфер. У офитов они принадлежат к низшим сферам. Монограммы этих гностических планет также буддийские, причем последние только слегка отличаются от монограмм обычных астрологических «домов». В объяснительных заметках, которыми сопровождена диаграмма, часто упоминаются имена Кирентия (ученика Симона Волхва), Менандра и некоторых других гностиков, чьи имена не встречаются в писаниях отцов церкви; например Парха (Ферхо).[345]

Кроме того, автор диаграммы претендует на величайшую древность для своей секты, выдвигая в качестве доказательства утверждение, что их «предки» были строителями всех храмов «Драконтий», даже тех, что находятся «по ту сторону великих вод». Он утверждает, что «Справедливый», который был глашатаем Вечного эона (Христоса), сам послал своих учеников в мир, поместив их под удвоенным покровительством Сиге (Молчание, Логос) и Офита, агафодэмона. Автор, несомненно, намекает на любимое выражение Иисуса – «будьте мудры, как змеи, и безвредны, как голуби». На диаграмме Офит изображен в виде египетского Кнуфиса или Кнефа, называемого *Dracontiae*. Он появляется в виде змея, стоящего на своем хвосте, со львиной головой, увенчанной и лучистой, и имеет на кончике каждого луча по одной из семи греческих гласных – символ семи небесных сфер. Эта фигура хорошо известна тем, кто знакомы с гностическими геммами,[346] и позаимствована из египетских *герметических книг.* В «Откровении» данное описание того, «кто подобен Сыну Человеческому» с его семью звездами, и который есть Логос, – представляет собой еще одну форму Офита.

Диаграмма назареев, за исключением изменений в именах, тождественна с диаграммой гностиков, которые, очевидно, заимствовали свои идеи из нее, добавив несколько имен из систем Василида и Валентина. Чтобы избегнуть повторений, мы просто приведем их обе параллельно.

Итак, мы находим, что в космогонии назареев имена их сил и гениев находятся в следующих соотношениях с именами гностиков:

НАЗАРЕИ	ГНОСТИКИ ОФИТЫ
Первая Троица	**Первое Единство в Троичности**
Владыка ФЕРХО – Жизнь, которая не есть Жизнь – Высочайший Бог. Причина, производящая Свет, или Логос in abscondito. Вода Jordanus Maximus – вода Жизни или Аджар, женский принцип. Единство в Троичности, заключенное в ИШ-АМОН.	ИАО – несказуемое Имя непознаваемого божества – Абраксаса и “Вечное Духовное Солнце”. Единство, заключающееся внутри Глуби, Битоса, женского принципа – беспредельного круга, внутри которого покоятся все идеальные формы. Из этого Единства эманирует

[345] Имя, которое Норберг в своем Ономастиконе к “Кодексу назареев” переводит как Ферхо, в подлиннике написано как *Parcha Rabba.* В *“Жизни Манеса”,* изложенной Епифанием в его [**475**, LXVI], упоминается некий жрец Митры, друг великого ересиарха Манеса, по имени Парх.

[346] Описание этой фигуры можно найти в одной из магических книг египетского царя Нехепсоса; ею предписано пользоваться на зеленых яшмах в качестве могучего амулета. Гален упоминает ее в своем труде “De Simp. Med.”, гл. IX.

Вторая Троица (Проявление первой)	**Вторая Троица (Idem)**
1. Владыка МАНО – Царь Жизни и Света – *Rex Lucis*. Первая ЖИЗНЬ или первичный человек.	1. Эннойа – разум.
2. Владыка Иордан – проявление или эманация Иордана *Maximus* – вод милости. Вторая ЖИЗНЬ.	2. Офит, агафодемон.
3. Верховный Отец – Абатур. Третья жизнь.	3. София Андрогина – мудрость, которая, в свою очередь – будучи оплодотворена божественным Светом – порождает
Эта Троица порождает также дуаду – Владыку Ледхойо и Фетахила, гения (первый – совершенная эманация; второй – несовершенная).	Христоса и Софию Ахамот (первый – совершенный; вторая – несовершенная), как эманацию.
Владыка Иордан – "Владыка всех Иорданов" проявляет НЕТУБТО (Веру *без* Дел).[347]	София Ахамот эманирует Ильда-Баофа, Демиурга, который производит материальное и бездушное творение. "Дела *без* Веры" (или милости).[348]

Кроме того, семь планетарных гениев офитов, которые эманировали один из другого, снова можно найти в религии назареев под именем «семи демонов-обманщиков» или звездных, которые «будут обманывать всех сыновей Адама». Они суть *Сол; Spiritus Venereus* (Святой Дух в ее материальном аспекте);[349] матерь «семи ко злу расположенных звездных», соответствующая гностической Ахамот; Нэбу или Меркурий, «лжемессия, который извратит древнее поклонение Богу»;[350] СИН (или Луна, или Шурил); КИУН (Киван или Сатурн); Бэл-Юпитер, и седьмой – *Нериг,* Марс [257, с. 57].

Христос гностиков является главою семи эонов, семи духов Господних у Св. Иоанна; назареи также имеют своих семь гениев или добрых эонов, главою которых является *Rex Lucis,* МАНО, или Христос. Сапта-риши, семь мудрецов Индии, обитают в Сапта-Пура или семи небесных городах.

Что, более или менее, мы находим во Всемирной церкви до дней Реформации и у римско-папской церкви после разделения? Мы сравнили относительную ценность индусской космогонии; халдейской, зороастрийской, еврейской *«Каббалы»;* и космогонии так называемых еретиков. Правильная диаграмма иудейско-христианской религии, на навязывание которой язычникам – которые сами ею снабдили – каждый год тратятся такие громадные суммы, еще лучше могли бы доказать тождественность этих двух, но у нас мало места, и нет также надобности доказывать то, что уже тщательно было продемонстрировано.

---

[347] Подумайте об этих двух диаметрально противоположных доктринах – католической и протестантской; одну проповедовал Павел, полуплатоник, другую – Яков, ортодоксальный талмудист.

[348] Подумайте об этих двух диаметрально противоположных доктринах – католической и протестантской; одну проповедовал Павел, полуплатоник, другую – Яков, ортодоксальный талмудист.

[349] Материальная, плохая сторона Софии Ахамот, которая эманирует из себя Ильда-Баофа и его шесть сыновей.

[350] См. предисловие к "Кодексу назареев" в переводе Норберга [**257**]. Это еще раз доказывает отождествление Иисуса с Гаутамой Буддой в умах назарейских гностиков, так как Нэбу или Меркурий является планетой, посвященной буддам.

У Кинга [410] мы встречаем на геммах офитов имя *IAO*, повторенное и часто смешанное или замененное именем *Ievo*, тогда как последнее просто обозначает одного из Гениев, враждебного Абраксасу. Для того, чтобы эти имена не принимались за идентичные с именем еврейского Иеговы, мы сейчас же объясним это слово. Нам кажется чрезвычайно странным, что такое множество ученых археологов так мало настояли на том, что имелось больше чем один Иегова, и не признавали, что это имя ведет свое происхождение от Моисея. Имя *IAO* несомненно является названием Верховного Существа и относится *частично* к Несказуемому Имени; но оно не только не возникло среди евреев, но оно и не было достоянием одних лишь евреев. Даже если Моисей соблаговолил наградить этим именем «Духа», предположенного покровителя и национального божества «избранного народа израильского», все же нет разумной причины, почему другие народы должны принимать Его как Высшего и Единосущего Бога. И мы совершенно отрицаем это притязание. Кроме того, факт налицо, что *Yaho* или *Iao* было «тайным именем» с самого начала, ибо יהוה и וה не употреблялось до дней царя Давида. До его времени мало личных имен, если вообще такое было, соединялись с *iah* или *jah*. Скорее, похоже, что Давид заимствовал имя *Jehovah* от жителей Тира и филистимлян [*2 Царств*], среди которых он проживал. Он поставил первосвященником Садока, от которого произошли садокиты или саддукеи. Он жил и царствовал сначала в Хевроне חברון, Хабир-оне или Кабеир-граде, где праздновались ритуалы четырех (тайных богов). Ни Давид, ни Соломон не признавали ни Моисея, ни Законов Моисея. Они стремились построить храм יהוה, подобно строениям, воздвигнутым Хирамом Геркулесу, Венере, Адону и Астарте.

Фюрст говорит:

> «Древнейшее имя Бога *Yвho*, которое пишется по-гречески Ιαω, не принимая во внимание его *производных* имен, по-видимому, было древним мистическим именем превышнего божества семитов. Следовательно, оно было сообщено Моисею, когда он был посвящен в Хор-еб – *пещере* – под руководством Иофора, кенита (или каинита), мидиамского священнослужителя. В древней религии халдеев, остатки которой встречаются среди неоплатоников, высочайшее божество, восседающее превыше семи Небес, представляемое как духовный принцип света *(ноус)*[351] и также рассматриваемое как Демиург,[352] называлось Ιαω **יהד**, которое подобно еврейскому *Yвho* было сокровенно и несказуемо, и имя Его сообщалось посвященному. Финикийцы имели Превышнего Бога, имя которого обозначалось тремя буквами и было *тайно,* и оно было Ιαω».[353]

Но в то время, как Фюрст настаивает на том, что это имя имеет семитическое происхождение, имеются другие ученые, которые прослеживают его дальше назад, чем он, и заглядывают назад в прошлое за пределы классификации кавказцев.

В санскрите мы имеем *Jah* и *Jaya*, или Джаа и Джа-га, и это проливает свет на происхождение знаменитого празднества колесницы Джага-натх, обычно называемого Джаггернаут. *Jahve* означает «существующий», и д-р Шпигель прослеживает даже персидское имя Бога, «Ахура», до корня *ax* [531], который в санскрите произносится *ac* – дышать, и поэтому *acy* со временем стало синонимом слова «Дух».[354] Раулинсон горячо поддерживает мнение об арийском или ведийском влиянии на раннюю вавилонскую мифологию. Мы уже дали, несколько страниц назад, наисильнейшие возможные

---

[351] Ноус, обозначение, данное Анаксагором верховному божеству, было заимствовано из Египта, где его величали *Hoym*.

[352] Хотя и весьма не многими, ибо созидатели вселенной всегда рассматривались как божества, подвластные всевышнему божеству.

[353] *Lydus*, I, c., *Ledrenus*, I, c.

[354] *Acu*, кроме того, на санскрите означает “ты еси” и также “меч”, *“Acu”,* без ударения на первую гласную.

доказательства о тождественности Вишну с Даг-оном. То же самое приложимо к имени Ιαω и к его санскритскому корню, который можно проследить во всех странах. *Ю* или *Иовис* – старейшее латинское имя Бога.

> «Как мужское он есть *Ю-питер* или *Ю*, отец, причем «питар» – санскритское слово, означающее «отец»; как женское он есть *Ю-но* или Ю, утешитель, – **דוה** является финикийским словом, означающим покой и удобство».[355] Профессор Макс Мюллер доказывает, что хотя и «Диас», небо, не встречается в мужском роде в обычном санскрите, все же встречается в Веде, «и таким образом свидетельствует о раннеарийском поклонении Диасу, греческому Зевсу» («Веда»).

Чтобы понять настоящее и первичное значение термина ΙΑΩ θ причину, почему он стал обозначением наиболее таинственного из всех божеств мы должны искать его происхождение в образной фразеологии всех первобытных народов. Мы должны, прежде всего, обратиться за информацией к наиболее древним источникам. В одной из *Книг Гермеса,* например, мы находим, что он говорит, что число ДЕСЯТЬ является матерью души, и что *жизнь* и *свет* объединены в нем. Так как «число 1 (один) родилось от духа, а число 10 (десять) – от материи»;[356] единство образовало ДЕСЯТЬ, ДЕСЯТЬ образовало единство».[357]

Каббалистическая *гемантрия*, – один из методов извлечения сокрытого смысла из букв, слов и предложений, – арифметична. Она заключается в применении к буквам одного слова того значения, какое они имеют как числа по *внешней* форме, так же как и по их индивидуальному значению. Кроме того, посредством *темуры* (другой метод, применяемый каббалистами) можно заставить любое слово выдать свою тайну из его анаграммы. Таким образом, мы находим, что автор «Сефер Иециры», один или два столетия до нашей эры, говорит:[358] «ОДИН, дух *Алахимов* жизней».[359] Также и на старейших каббалистических диаграммах *десять* сефиротов изображены в виде колес или кругов, и Адам Кадмон, первичный человек, в виде *прямой вертикальной* колонны. «Колеса и серафимы и священные твари» *(chioth),* – говорит раввин Акиба.[360] В другой системе той же самой отрасли символической *«Каббалы»,* называемой Атхбах – которая располагает буквы алфавита парами в три ряда – все пары в первом ряду имеют числовую величину *десять,* а в системе Симеона Бен Шеты[361] самой верхней паре – наиболее священной из всех, предшествует пифагорейский шифр, единица и нуль – 10.

Раз мы оценим тот факт, что среди всех древнейших народов наиболее естественной концепцией Первопричины, проявляющейся в своих творениях, которой они не могли не приписать творения всего, была концепция андрогинного божества: что мужское начало считалось животворным невидимым духом, а женское начало – матерью природой, – то мы будем в состоянии понять, как эту таинственную причину стали сначала изображать (вероятно – пиктографически) как комбинацию Альфы и Омеги чисел, десятичную дробь, затем как *ΙΑΟ*, трехстороннее имя, содержащее в себе глубокую аллегорию.

---

[355] Профессор А. Уайлдер.

[356] Эти священные анаграммы назывались *“Zeruph”*.

[357] “Книга Чисел, или Книга Ключей”.

[358] *“Иецира”*, или Книга Сотворения, была написана раввином Акибой, учителем и наставником Симеона Бен Иохаи, который был прозван князем каббалистов и написал “Зогар”. Франк утверждает, что *“Иецира”* была написана за одно столетие до Р. Х. [**256**, 65], но другие и столь же компетентные судьи приписывают ей значительно большую давность. Во всяком случае, теперь доказано, что Симеон Бен Иохаи жил до второго разрушения храма.

[359] “Иецира”, с. 8.

[360] Там же. Обратите внимание, с каким постоянством Иезекииль указывает в своем видении на *“колеса”* “живых тварей” (гл. I, *passim).*

[361] Александрийский неоплатоник при первом из Птолемеев.

IAO в таком случае – рассмотренное этимологически – означало бы «Дыхание Жизни», порожденное или возникшее между вертикально стоящим мужским и яйцеобразным женским принципами природы, ибо в санскрите *ас* означает «быть», «жить или существовать»; а первоначально оно означало «дышать». «Из него», говорит Макс Мюллер, «из его первоначального значения дыхания, индусы образовали «асу», дыхание, и «асура», имя Бога, независимо от того, означало ли это дышащего или же дыхание дающего» [47, т. I]. Оно, несомненно, означало последнее. В еврейском языке «Ах» и «Иах» означает жизнь. Корнелий Агриппа в своем трактате о «Превосходстве женщины» доказывает, что «слово Ева подсказывает сопоставление с мистическими символами каббалистов, так как имя этой женщины родственно непроизносимому Тетраграмматону, наиболее священному имени божества». Древние имена всегда гармонировали с теми предметами, которые они представляли. В отношении таинственного имени божества, о котором идет речь, до сих пор необъяснимый намек каббалистов относительно действенности буквы *«h»,* которую Авраам *[Abram]* отнял у своей жены Сары *[Sarah]* и «поставил *в середине собственного имени»,*[362] – становится ясным.

Возможно, что в качестве возражения будет выдвинут аргумент, что пока что еще не установлено, в каком периоде древности в индийских рукописях и надписях *нуль* встречается впервые. Как бы то ни было, это представляет обстоятельное доказательство слишком выразительного характера, что не может не принести с собою убежденности в возможности. Согласно Максу Мюллеру «двух слов *«cipher»* и *«zero»*,[363] которые в сущности, одно... достаточно, чтобы доказать, что наши цифры заимствованы у арабов».[364] *Cipher* есть арабское *«cifron»* и означает *пустой,* перевод санскритского названия ничто, *«synya»,* он говорит. Арабы получили свои цифры из Индустана и никогда не претендовали на то, что они сами их изобрели [532]. Что же касается пифагорейцев, то нам следует только обратиться к древним рукописям *«Геометрии»* Боэция, написанным в шестом веке, чтобы найти в пифагорейских числах[365] 1 и *нуль* в качестве первой и последней цифры. И Порфирий, который приводит цитаты из пифагорейского *«Moderatus»* [75], говорит, что числа Пифагора были «иероглифическими символами, посредством которых он объяснял идеи, касающиеся природы вещей».

Теперь, если наиболее древние индийские рукописи пока еще не выявляют следов десятеричной нотации, – Макс Мюллер совсем ясно констатирует, что до нынешнего дня он обнаружил только девять букв (инициалов санскритских цифр) в них, – то, с другой стороны, у нас имеются столь же древние записи, могущие дать нехватающее доказательство. Мы говорим о скульптурах и священных изображениях в наиболее древних храмах Дальнего Востока. Пифагор получил свои знания из Индии, и мы находим, что профессор Макс Мюллер подтверждает это утверждение, по меньшей мере, настолько, что допускает, что *неопифагорейцы* были первыми преподавателями «цифровых вычислений» среди греков и римлян; что «они в Александрии или в Сирии ознакомились с индийскими цифрами и приспособили их к пифагорейской номограмме» (наши цифры). Это осторожное допущение подразумевает, что сам Пифагор знал только *девять* цифр. Поэтому мы могли бы с полным основанием ответить, что хотя у нас нет определенных доказательств, что десятеричная нотация была известна Пифагору, который жил в самом конце архаических веков,[366] у нас все же имеется достаточно доказательств, чтобы доказать, что цифры полностью, как они приведены Боэцием, были известны пифагорейцам даже до *того,* как была построена Александрия.[367] Это доказательство мы находим у Аристотеля, который говорит, что «некоторые философы считают, что идеи и

---

[362] По-английски Авраам – Abraham. *(Прим. переводчика)*
[363] *Cipher* и *zero* (англ.) – ноль. *(Прим. переводчика)*
[364] См. Макс Мюллер [**532**].
[365] См. [**410**, рис. XIII].
[366] 608 год до Р. Х.
[367] Этот город был построен в 332 г. до Р. Х.

числа одной природы и доходят всего до ДЕСЯТИ» [11, VII, f]. Мы полагаем, что этого достаточно, чтобы доказать, что десятиричная нотация была среди них известна уже по меньшей мере за четыре века до Р. Х., так как Аристотель вовсе не обращается с этим вопросом так, как будто это какое-то нововведение «неопифагорейцев».

Кроме того, как мы уже ранее упоминали, изображения архаических божеств на стенах храмов сами по себе говорят о многом. Так, например, Вишну изображен в Курмаватаре (его втором аватаре) как черепаха, поддерживающая круглую колонну, на которой восседает подобие его самого (Майа или иллюзия) со всеми атрибутами. Одна рука держит цветок, другая дубинку, третья раковину, четвертая, обычно верхняя или на правой стороне, держит на своем указательном пальце, вытянутом как цифра 1, *чакру* или диск, который напоминает кольцо или колесо, и которое можно принять за нуль. В своем первом аватаре, Матсьяватам, когда он появляется из рта рыбы, он изображен в таком же самом положении.[368] Десятирукая Дурга Бенгалии, десятиглавый Равана, великан; Парвати – как и Дурга, Индра и Индрани – все обнаружены с этим атрибутом, который является совершенным отображением майского дерева[369] [76, с. 252].

Среди индийских храмов самыми священными считаются храмы Джаггернаута. Это божество равно почитается всеми сектами Индии, и Джаггернаута зовут «Владыкою Мира». Он – бог мистерий, и его храмы, наибольшее количество которых находится в Бенгалии, все имеют пирамидальную форму.

Ни одно божество не являет такого этимологического разнообразия, как *IAHO*, также нет иного имени, которое могло бы производиться столь различно. Лишь соединяя его с мазоретическими точками, позднейшим раввинам удалось сделать так, чтобы Иегова читался как «Адонай» – или Господь. Филон Библский пишет его греческими буквами ΙΕΥΩΙΕΟΥ. Теодорет говорит, что самаритяне произносили его *Iabu (Yahva)*, а евреи – *Yaho;* что дало бы, как мы уже показали, *I-Ah-O.* Диодор утверждает, что «евреи рассказывают, что Моисей называл Бога Ιαω». Мы утверждаем на основании авторитета самой Библии, что Моисей, до своего посвящения тестем своим Иофором, не знал слова *Iaho*. Будущее божество сынов Израиля взывает из горящей купины и в качестве Своего имени дает – «Я есмь то, что я есмь», и тщательно указывает, что Он есть «Господь, Бог евреев» [*«Исход»*, III, 18], а не других народов. Судя о нем по его собственным деяниям в еврейских писаниях, мы сомневаемся, что сам Христос, если бы он появился в дни «Исхода», – нашел бы ласковый прием со стороны раздражительного синайского божества. Однако, этот «Господь-Бог», который по его собственному признанию, становится Иеговой только в 6-ой главе «Исхода» (стих 3), – подвергается потрясающему испытанию своей подлинности в «Книге Бытия» [XXII, 14], где, согласно этому, данному *откровением,* стиху, Авраам строит алтарь для *Иегова-ире.*

Поэтому казалось бы лишь естественным установить различие между таинственным богом Ιαω, принятым от отдаленнейшей древности всеми, кто разделяли эзотерическое знание жрецов, и его фонетическими двойниками, которым офиты и другие гностики, как мы видим, оказывали столь малое почитание. Раз обременившись, подобно Азазелю пустыни, грехами и беззакониями еврейского народа, христианам теперь тяжело признать, что те, кого они считали «Богом избранным народом» – их единственными предшественниками по монотеизму – были до весьма-таки позднего периода такими же идолопоклонниками и многобожниками, как их соседи. В течение долгих веков хитрые талмудисты избегали этого обвинения, прячась за мазоретской выдумкой. Но, как и во всем другом, истина наконец обнаружилась. Мы теперь знаем, что Ихох יהוה ддолжен читаться Иахо и Иах, но не Иегова. Еврейское Иах есть просто Иакх (Вакх) мистерий; это

---

[368] См. рисунки из храма Рамы в книге Колмана [**73**].

[369] Украшенный цветами и лентами столб, вокруг которого танцуют 1-го мая в Англии. *(Прим. переводчика.)*

Бог, «от которого ожидалось спасение души – Дионис, Иакх, Иахо, Иах».[370] Аристотель был прав, когда он сказал:

> «Ион יהוה был Ормазд и Ахриман Плутон, ибо Бог неба, Ахура-мазда, разъезжает на колеснице, за которой следует Конь Солнца».[371]

А Данлэп цитирует [*Псалтырь*, LXVII, 5], гласящее:

> «Славь его, по имени Иакх (יהוה).
> Кто едет по небу, как на коне»,

и затем показывает, что «арабы изображают Иак (Иакх) в виде коня. Это Конь Солнца (Дионис)» [94, с. 64, 67, 78]. «Он объясняет», что Иах есть смягчение от Иакх ח *кх* и ‚ *х* обмениваются; так *с* смягчается в *х*. Евреи выражают идею ЖИЗНИ как посредством *кх,* так и *х*, и кхиакх – быть, и хиах – быть, Иакх, Бог Жизни, Иах, «Я *есмь»* [141, с. 21]. Тут мы очень кстати можем повторить следующие строки Авсония:

> «Древние называли меня Вакхом; в Египте считали меня Озирисом;
> Мусиане именовали меня Пх'анаксом; в Индии почитали меня Дионисом;
> Римские мистерии называли меня Либером; арабское племя – Адонисом!»

А «избранный народ» – Адони и Иеговой, – можем мы добавить.

Как мало философия древней тайной доктрины была понята, иллюстрируется зверскими преследованиями тамплиеров Церковью, и обвинениями их в дьяволопоклонстве под видом козла-Бафомета! Не углубляясь в старинные масонские мистерии, – нет такого масона (мы подразумеваем тех, кто *что-нибудь знают),* который не имел бы понятия об истинном отношении, которое Бафомет имеет к Азазелю, козлу отпущения в пустыне,[372] чей характер и значение совершенно извращены в христианских переводах.

> «Это страшное и почитаемое имя Бога», – говорит Ланци,[373] библиотекарь Ватикана, – «посредством пера составителей библейских глоссариев превращено в *дьявола,* в гору, в *пустыню* и в козла».

В «Королевской масонской энциклопедии» Маккензи [526] автор весьма правильно замечает, что «это слово следовало бы разделить на Азаз и Эл», ибо

> «оно означает Бога Победы, но здесь оно употреблено в смысле *породителя Смерти* в противоположение Иегове, *породителю* Жизни; последний получал в качестве приношения мертвого козла».[374]

Индусская Троица составлена из трех персонажей, которые обратимы в одно. Тримурти – едина и в своей абстрактности неделима; и все же мы с самого начала видим, как имеет место метафизическое разделение, и в то время как Брахма, хотя и коллективно представляющий трех, остается за кулисами, Вишну является Жизнедателем, Творцом и Сохранителем, а Шива – *Разрушителем* и *порождающим Смерть* божеством.

---

[370] [**92**, с. 283]; [**88**, с. 547-553]; [**141**, с. 21].
[371] См. “Всеобщую историю” [**533**, т. V, с. 301].
[372] См. [*Левит,* XVI, 8, 10] и другие параграфы, относящиеся к библейскому козлу в подлинных текстах.
[373] *“Sagra Scrittura”* и *“Paralipomeni”*.
[374] Статья *“Goat”,* с. 257.

«Смерть *Жизнедателю,* жизнь *Смерть дающему.* Эта символическая антитеза велика и прекрасна», – говорит Глиддон.[375]

«Deus est Daemon inversus» каббалистов теперь становится ясным. Именно, лишь сильное и жестокое желание вытравить последние остатки старых философий путем извращения их смысла, из-за боязни, что собственные догмы по праву будут приписаны их отцовству, толкает католическую церковь на продолжение такого систематического преследования гностиков, каббалистов и даже сравнительно невинных масонов.

Увы! увы! Как мало божественного семени, широко разбросанного рукою кроткого иудейского философа, выросло и принесло плоды! Он, кто сам так остерегался лицемерия, предостерегал от публичных молитв, выказывая такое презрение к каждому показному выявлению этого, если бы он мог бросить печальный взор на землю из областей вечного блаженства, – он увидел бы, что это семя не упало ни на бесплодный камень, ни на обочину дороги. Нет, оно пустило глубокий корень в наиболее плодоносную почву – в почву, удобренную изобильно ложью и запекшейся человеческой кровью!

«Ибо, если верность Божия возвышается *моей неверностью* к славе Божией, за что еще меня же судить как грешника?» – наивно спрашивает Павел, лучший и искреннейший изо всех апостолов. И затем он добавляет: *«И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро?»* [*Римлянам,* III, 7-8].

И этому признанию нас просят верить, как непосредственно Боговдохновенному! Этим объясняется, если и не оправдывается изречение, принятое впоследствии церковью, что «обман и ложь являются актами добродетели, когда применением этих средств можно способствовать интересам *церкви».*[376] Это правило поведения в полнейшем его значении было применено завершенным профессором подделок армянином Евсевием, или же этим на вид таким невинным библейским жонглером – Иринеем. И за этими людьми следовала целая армия благочестивых убийц, которые тем временем улучшили систему обмана провозглашением, что даже убивать – законно, когда убийством можно утвердить новую религию. Теофил, «этот постоянный враг мира и добродетели», как назвали этого знаменитого епископа; Кирил, Афанасий, убийца Ария и еще целое воинство других канонизированных «Святых» были едва ли не слишком достойными наследниками *святого* Константина, который утопил свою жену в кипятке, зарезал своего маленького племянника; убил своей собственной благочестивой рукой двух зятьев; убил собственного сына Криспа, обескровил до смерти несколько мужчин и женщин и задушил в колодце старого монаха. Однако, Евсевий рассказывает нам, что этот христианский император был награжден *видением* самого Христа, несущего свой крест, который наставлял его устремиться к другим победам, поскольку он всегда будет ему покровительствовать!

Вот – под сенью этого имперского знамени с его знаменитой надписью – *«In hoc signo uinces», «склонное к видениям»* христианство, которое ползло вперед со дней Иринея, – высокомерно провозгласило свои права при полном дневном свете. По всей вероятности Лабарум послужил моделью *истинного* креста, который был «чудеснейшим образом» и в соответствии с императорской волей найден несколько лет спустя. Ничто другое, кроме такого замечательного видения, нечестиво подвергнутого сомнению некоторыми суровыми критиками – например д-ром Ларднером – и нового чуда ему под пару, не могло окончиться нахождением креста там, где никогда раньше креста не было. Все же нам приходится или поверить в этот феномен или оспаривать его, рискуя, что с нами будут обращаться как с нечестивцами; и это – несмотря на то, что путем тщательных вычислений мы обнаружили бы, что обломки этого «истинного Креста» сами умножились

---

[375] [**526**]: *"Types of Mankind",* с. 600.

[376] [**364**, т. I, с. 381, 382]. Прочтите все цитаты, чтобы полностью оценить эту доктрину.

даже более чудесным образом, чем пять хлебов в невидимой пекарне и две рыбы. Во всех случаях, подобных этому, где так удобно можно привлечь чудеса, – нет места сухим фактам. История должна отступить, чтобы могла вступить выдумка. Хотя и предполагаемого основателя христианской религии теперь, по истечении девятнадцати столетий, проповедуют – более или менее успешно – во всех уголках планеты, однако, мы вправе думать, что приписываемые ему доктрины удивили бы и ужаснули бы его больше, чем кого-либо другого. Система умышленных фальсификаций была принята с самого начала. Насколько решителен был Ириней в своем намерении сокрушить истину и построить свою собственную церковь на искромсанных остатках семи первичных церквей, упомянутых в «Откровении», – можно судить по его ссоре с Птоломеем. И это опять является свидетельством, против которого никакая слепая вера не может устоять. Церковная история уверяет нас, что служение Христа длилось всего три года. По этому пункту существует решительное расхождение между первыми тремя синоптиками и четвертым *Евангелием;* но на долю Иринея выпало показать христианским потомкам, что уже около 180 г. н. э. – предполагаемое время, когда этот отец писал свои труды против ересей – даже такие столпы церкви, как он сам, или не знали об этом ничего определенного, или же умышленно лгали и фальсифицировали даты в поддержку своих собственных взглядов. Настолько этот достойный отец стремился опровергнуть какое бы то ни было возражение против его планов, что не останавливался ни перед какой ложью и софистикой. Как мы должны понимать нижеследующее, и кто в данном случае является фальсификатором? Птоломей аргументировал тем, что Иисус был слишком молод, чтобы научить чему-либо большой значительности, добавляя, что «Христос проповедовал *только один год* и затем страдал в двенадцатом месяце». В этом Птоломей очень мало расходится с *Евангелиями*. Но Ириней, далеко перешагнув границы благоразумия, в преследовании своей цели, с небольшого расхождения между одним и тремя годами доводит его до *десяти* и даже двадцати лет!

> «Разрушение всего его (Христова) труда и *лишение его того возраста,* который *и необходим* и более почетен, чем какой-либо другой; под этим я подразумеваю более пожилой возраст, в течение которого так же, как учитель, он превосходил всех других».

А затем, не будучи в состоянии подтвердить сказанное определенными датами, он обращается к *преданию* и заявляет, что Христос проповедовал свое учение БОЛЕЕ ДЕСЯТИ ЛЕТ! (книга II, гл. 22, с. 4, 5). В другом месте он делает Иисуса пятидесятилетним.

Но мы должны возобновить наш труд по выявлению различных источников христианства, а также тех источников, откуда Иисус извлек свои идеи о Боге и человечестве.

Койноби жили в Египте, где Иисус провел раннее детство. Их обычно смешивают с терапевтами, являющимися ответвлением этого широко распространившегося общества. Таково мнение Годфри Хиггинса и Де Реболда. После падения главных святилищ, которое началось уже в дни Платона, много различных сект, таких как гимнософы и маги – из которых Клеарх весьма ошибочно выводит первых – пифагорейцы, суфии и риши Кашмира учредили нечто вроде международного всеобщего франкмасонства среди своих эзотерических обществ.

> «Этими риши были ессеи, кармелиты или назариты храма» [**52**], – говорит Хиггинс. А отец Реболд говорит: «Та оккультная наука, которую знали древние жрецы под названием *возрождающего огня...* наука, которая более 3000 лет находилась во владении индусского и египетского жреческого сословия, в знание которой Моисей был посвящен в Гелиополе, где он получил образование, а Иисус – среди ессейских жрецов Египта или Иудеи; и посредством

которой оба эти великих реформатора, *в особенности последний,* совершали многие чудеса, упоминаемые в Священном Писании.[377]

Платон утверждает, что мистическая магианская религия, известная под именем *махагистия,* является наиболее неиспорченной формой поклонения божественному. Позднее один из Зороастров и Дарий Гистасп добавили к ней мистерии халдейских святилищ. Последний дополнил ее и усовершенствовал еще больше с помощью знаний, приобретенных им от ученых аскетов Индии, чьи обряды были тождественны с обрядами посвященных магов.[378] Аммиан в своей истории о персидской экспедиции Юлиана рассказывает, что однажды Гистасп, смело проникая в неизвестные области Верхней Индии, набрел на некую лесистую глушь, укромные уголки которой были «заняты возвышенными мудрецами, брахманами (или шаманами). Будучи обучен ими науке о *движениях* мира и небесных тел, а также *чистым религиозным обрядам...* он внес их в вероисповедание магов. Последние, соединив эти доктрины со *своей собственной своеобразной наукой предсказания будущего,* передали все это через своих потомков последующим векам» [XXIII, 6]. Именно от этих потомков суфии, состоящие, главным образом, из персов и сирийцев, получили свои глубокие познания по астрологии, медицине и древнему эзотерическому учению.

> «Доктрина суфиев», – говорит Кинг, – «заключала в себе величественную идею единой всемирной религии, которой можно было тайно придерживаться, прикрываясь снаружи любым вероисповеданием; и в сущности, они придерживались таких же взглядов на религиозные системы, как и древние философы» [**410**, с. 185].

Таинственные друзы Ливанской горы являются потомками всех этих. Иногда можно встретить, хотя и редко, единичных коптов, серьезных исследователей, которые разбросаны то здесь, то там по песчаным уединенным местам Египта, Аравии, Палестины и по непроницаемым лесам Абиссинии. Много различных национальностей, к которым принадлежат ученики этой таинственной школы, и много ответвлений от этого первоначального ствола. Секретность, соблюдаемая этими отделениями, так же как и единой и верховной великой ложей, всегда была пропорциональна активности религиозных преследований; а теперь, перед лицом нарастающего материализма само их существование становится тайной.[379]

---

[377] Цитировано в [**345**].

[378] Мы придерживаемся идеи, – которая становится самоочевидной при рассматривании зороастрийской путаницы, – что даже в дни Дария существовали две друг от друга отличающиеся жреческие касты магов: посвященные, и те, которым позволялось совершать только популярные обряды. То же самое мы видим в элевсинских мистериях. К каждому храму были прикреплены “иерофанты” *внутреннего* святилища и светское духовенство, которое даже не было наставлено в мистериях. Именно против нелепостей и суеверий последних восставал Дарий и “сокрушал их”, так как надпись на его гробнице доказывает, что он сам был “иерофант” и маг. До потомства дошли только экзотерические обряды этого класса магов, так как великая тайна, в какой содержались “мистерии” истинных халдейских магов, никогда не была нарушена, сколько бы домыслов о ней не писали.

[379] Это истины, которые не могут не запечатлеваться в сознании серьезных мыслителей. В то время как эбиониты, назариты, хемеробаптисты, лампсеяне, сабеане и многие другие из ранних сект колебались впоследствии между расходящимися догматизмами, внушаемыми им *эзотерическими* и неправильно понятыми притчами назаретского Учителя, которого они справедливо считали пророком, – имелись люди, имена которых мы напрасно искали бы в истории и которые сохранили тайные доктрины Иисуса в таком же чистом и не искаженном виде, в каком они были даны. И все же все эти вышеупомянутые и спорящие между собой секты были намного правовернее в своем христианстве или, вернее, христизме, чем церкви Константина и Рима. “Странная судьба выпала на долю этого несчастного народа” (эбионитов), говорит лорд Эмберли, “когда, подавленных потоком язычества, хлынувшим в церковь, их осудили, как еретиков. Все же

Но отсюда не следует делать вывода, что такое таинственное братство есть только выдумка, и даже не *имя,* хотя оно остается неизвестным до сего дня. Не имеет значения, называются ли его филиалы египетскими, индусскими или персидскими именами. Лиц, принадлежащих к одному из этих филиалов, встречали заслуживающие доверия и небезызвестные люди, кроме пишущей эти строки, которая преподносит читателям несколько касающихся их фактов с особого разрешения *того, кто имеет право его давать.* В недавнем и очень ценном труде о тайных обществах, К. Р. Х. Маккензи «Королевская масонская энциклопедия», мы находим, что ученый автор, сам будучи членом *Canongate Kilwinning Lodge, No.* 2 (Шотландия) и масоном, которого трудно обмануть, сообщает в статье «Герметические братья Египта» следующее:

> «Оккультное братство, просуществовавшее со времен очень отдаленной древности имеющее свою иерархию, должностных лиц, тайные знаки и пароли, и своеобразный метод наставления по науке, религии и философии... Если мы можем верить тем, кто в настоящее время признается в своей принадлежности к этому братству, то *философский камень, эликсир жизни, искусство стать невидимым* и власть непосредственного сообщения с надземной жизнью являются частью того наследия, которым они обладают. Автор знаком лишь с тремя лицами, которые подтверждали действительное существование этого общества религиозных философов, и которые намекали, что сами являются действительными членами. Не было причины сомневаться в честности этих лиц – по-видимому, незнающих друг друга, людей среднего достатка, безупречной жизни, простых манер и почти аскетов по своим привычкам. Все они казались людьми лет сорока или сорока пяти по возрасту и, по-видимому, обладающими обширной эрудицией... о их знании языков не приходится сомневаться... Они никогда не оставались подолгу в одной стране, но незаметно исчезали».[380]

Другой из таких под-братств является секта питров в Индии. Известное теперь по имени, так как Жаколио обратил на него внимание публики, оно, пожалуй, еще больше засекречено, чем то, которое Маккензи называет «Герметическими братьями». То, что Жаколио о нем узнал, было взято из отрывочных рукописей, доставленных ему брахманами, которые, надо полагать, имели свои причины, чтобы так поступить. *«Агручада Парикшай»* дает некоторые подробности об этом обществе, каким оно было в старину, и когда объясняет мистические обряды и магические заклинания, то совсем ничего не объясняет, так что все эти мистические Л'ом, Л'Рхум, Ш'хрум и Шо-рим Рамайа-Намаха остаются для введенного в заблуждение писателя такой же загадкой, как всегда. Хотя, надо отдать ему должное, – он полностью признает этот факт и не пускается в бесполезные рассуждения.

Кто бы ни пожелал убедиться, что и ныне существует религия, которая веками ставила в тупик наглое любопытство миссионеров и настойчивые поиски науки, – пусть попытается вторгнуться в уединение сирийских друзов, если он может. Он найдет, что они в количестве 80000 воинов рассеяны от равнины к востоку от Дамаска до западного

нет никаких доказательств, что они когда-либо отклонились от доктрин Иисуса или учеников, знавших его при жизни... Иисус сам был обрезанным... чтил храм в Иерусалиме как “дом молитвы всех народов”... Но поток прогресса пронесся мимо эбионитов и оставил их выброшенными на берег” [**534**, т. I, с. 446].

[380] Что, возможно, еще больше удивит американских читателей, так это факт, что в настоящее время в Соединенных Штатах существует мистическое братство, которое претендует на тесную связь с одним из старейших и наиболее могущественных братств Востока. Оно известно как “братство Луксора”, и в хранении его верных членов находятся очень важные тайны науки. Его ответвления широко распространены по великой Республике Запада. Хотя это братство долго и много трудилось, тайна его существования ревниво охраняется. Маккензи описывает его, как основанное “на розенкрейцеровском базисе и насчитывающее много членов” (“Королевская масонская энциклопедия”, с. 461). Но в этом автор ошибается – оно не на розенкрейцеровском базисе. Имя Луксор в основе взято от древнего Белуджистанского города Луксур, который находился между Белой и Кеджи, и который также дал имя египетскому городу.

побережья. Они не ищут прозелитов, избегают известности и дружески относятся, поскольку это возможно, и к христианам и к магометанам, уважают религию любой другой секты или народа, но никогда не откроют своих собственных секретов. Напрасно миссионеры называют их нечестивцами, идолопоклонниками, разбойниками и ворами. Ни угроза, ни взятка, ни какие-либо другие соображения не заставят друза обратиться к догматическому христианству. Мы слыхали о двух обращениях на протяжении пятидесяти лет, и в обоих случаях обращенные кончили свою карьеру в заключении за пьянство и кражу. Они оказались «настоящими *друзами»*,[381] сказал один из их вождей при обсуждении этого предмета. Никогда не было случая, чтобы *посвященный* друз стал христианином. Что же касается непосвященных, то им даже не позволяют взглянуть на священные писания, и никто из них не имеет ни малейшего представления о том, где они хранятся. В Сирии имеются миссионеры, которые хвастают, что в их распоряжении имеются несколько копий. Те тома, которые якобы являются правильными изложениями этих тайных книг (например, перевод, сделанный *Petis de la Croix* в 1701 г. с трудов, преподнесенных французскому королю Наср-Аллахом), являются ничем иным как компиляцией «секретов», более или менее известных каждому обитателю южных хребтов Ливана и Анти-Ливана. Это был труд одного дервиша-отступника, который был изгнан из секты Ханафи за нехорошее поведение – растрату денег сирот и вдов. «Expose de la Religion des Druzes» в двух томах, написанное Сильвестром де Сакю (1828 г.), является другим трудом, представляющим сплетение гипотез. Один экземпляр этого труда можно было найти в 1870 году на подоконнике одного из главных *Holowey* или места религиозных собраний. На настойчивые вопросы одного английского путешественника по поводу их обрядов, *Окхал*[382] почтенный старец, одинаково хорошо говорящий как по-английски, так и по-французски, открыл том де Сакю и, предлагая его своему собеседнику, сказал с благосклонной улыбкой:

> «Читайте эту поучительную и правдивую книгу; я не мог бы вам объяснить ни лучше, ни правильнее тайны Бога и нашего благословенного Хамсы, чем она».

Путешественник понял намек.

Маккензи говорит, что они поселились в Ливане около десятого века и

> «кажутся смесью курдов, марди-арабов и других полуцивилизованных племен. Их религия состоит из иудаизма, христианства и магометанства. Они имеют постоянное сословие жрецов и *что-то вроде иерархии...* установлена постоянная система паролей и знаков... Двенадцатимесячный срок испытания, к которому допущены оба пола, предшествует посвящению».

Мы цитируем вышеприведенное лишь для того, чтобы показать, как мало даже такие заслуживающие доверия люди, как Маккензи, знают в самом деле об этих мистиках.

Мошеим, который знает столько же, или, вернее, столь же мало, как любой другой, вправе приписать себе в заслугу откровенное признание, что

> «их религия загадочна даже для них самих и окутана какой-то тайной».

---

[381] Эти люди не принимают названия “друзы” и рассматривают это обозначение как оскорбление. Сами себя они называют “учениками Хамсы”, их Мессии, который пришел к ним в десятом веке из “Страны Слова Божьего” и вместе со своим учеником Мохтана Боха-эдин записал это *Слово* и доверил на хранение нескольким посвященным с наставлением держать его в величайшей тайне. Их обычно называют унитариями.

[382] Окхал (от арабского акл – разум или мудрость) – это посвященные или мудрецы этой секты. В своих мистериях они занимают такое же положение, как иерофанты древности в элевсинских и других мистериях.

Еще бы, – мы бы сказали!

Что их религия проявляет следы магизма и гностицизма – это естественно, так как в основе ее находится вся эзотерическая философия офитов. Но характерной догмой друзов

является абсолютное единство Бога. *Он* есть сущность жизни, и хотя непостижим и невидим, его можно познавать через *редкие проявления в человеческой форме.*[383] Подобно индусам, они верят, что он неоднократно воплощался на земле. Хамса был *предтечей* последнего проявления, которое еще предстоит (десятый *аватар),*[384] не наследником Хакема, который еще должен прийти. Хамса был олицетворением «вселенской мудрости». Боха-эдин в своих писаниях называет его Мессией. Полная численность всех его учеников или тех, кто в различные века мира наделял человечество мудростью, которую последнее неизменно забывало и отвергало с течением времени, составляет сто шестьдесят четыре (164, каббалистическое *s d k*). Поэтому у них пять степеней повышения после посвящения; и первые три степени символизированы «тремя ножками подсвечника внутреннего святилища, который содержит свет *пяти* элементов»; последние две степени, наиболее значительные и вселяющие ужас своим торжественным величием, относятся к высочайшим рангам; и все пять степеней символично представляют уже упомянутые пять мистических Элементов. «Тремя ножками являются святое *Устремление, Открытие* и *Призрак*», – говорит одна из их книг; о человеческой внутренней и внешней душе, и его теле, призраке или тени переходящей. Тело или материя также называется «Соперником», ибо «оно есть служитель греха, Дьявол, постоянно сеющий раздор между Небесным Разумом (духом) и душою, которую оно соблазняет беспрестанно». Их идеи о трансмиграции пифагорейские и каббалистические. Дух или Темеами (божественная душа) был в Илии и в Иоанне Крестителе; и душа Иисуса была душою Х'амса – так сказать, была той же степени чистоты и святости. До воскресения из мертвых, под каковым они понимают день, когда духовные тела людей будут поглощены сущностью и бытием самого Бога (нирвана индусов), души людей сохранят свои астральные формы, за исключением нескольких избранных, которые с момента их отделения от тел начинают существовать, как чистые духи. Жизнь человека они разделяют на душу, тело и разум, или ум. Именно последний наделяет и сообщает душе божественную искру от ее Х'амсы (Христоса).

Они имеют семь великих заповедей, которые передаются равно всем непосвященным; и все же, даже эти известные основы вероисповедания так запутаны в изложениях посторонних писателей, что в одной из лучших энциклопедий Америки (Эплтона), они искажены до такой степени, как можно видеть в нижеприведенной сравнительной таблице, где рядом помещены поддельные и настоящие:

ПРАВИЛЬНАЯ ВЕРСИЯ ЗАПОВЕДЕЙ, КАК ОНИ БЫЛИ УСТНО СООБЩЕНЫ УЧИТЕЛЯМИ.[385]	ИСКАЖЕННАЯ ВЕРСИЯ, СООБЩЕННАЯ ХРИСТИАНСКИМИ МИССИОНЕРАМИ, И ДАННАЯ В ЛОЖНОМ ТОЛКОВАНИИ.[386]
1. Единство Бога или бесконечная единичность божества.	1. (2) ««Правда в словах», на практике означая правда только в отношении религии и посвященных: позволяется обманывать и

[383] Это – учение гностиков, которые верили, что Христос есть личный бессмертный Дух человека.

[384] Десять Мессий или аватаров опять напоминают о пяти буддийских и десяти брахманистских аватарах Будды и Кришны.

[385] См. дальше, письмо от “посвященного”.

[386] В этой колонке первыми стоят номера, приведенные в статье о “Друзах” в “Новой Американской Энциклопедии” (Эплтона) [**536**, т. VI, с. 631]. Номера в скобках показывают последовательность, в которой должны бы стоять заповеди, если бы они были даны правильно.

	говорить ложь людям другой веры».[387]
2. Существенное превосходство Истины.	2. (7) «Взаимная помощь, бдительность и защита».
3. Терпимость; всем мужчинам и женщинам дано право свободно высказывать свое мнение по религиозным вопросам и подчинять их разуму.	3. (?) «Отвергать все другие религии».[388]
4. Уважение ко всем мужчинам и женщинам в соответствии с их характером и поведением.	4. (?) «Отделяться от неверных всякого рода, не внешне, а только в сердце».
5. Полное подчинение указам Бога.	5. (1) «Признают вечное единство Бога».
6. Чистота тела, ума и души.	6. (5) «Довольны Божьими делами».
7. Взаимопомощь при всех обстоятельствах.	7. (5) «Покоряются воле Божией».

Как мы увидим, единственным *exposé* в вышеприведенном является проявление глубокого невежества и, вероятно, злонамеренности писателей, которые, подобно Сильвестру де Сакю берутся просветить мир по делам, о которых сами ничего не знают.

«Чистота, честность, кротость и милосердие», таким образом, являются четырьмя теологическими добродетелями всех друзов, помимо нескольких других, требуемых от посвященных; «убийство, кража, жестокость, зависть, клевета» являются пятью грехами, к которым на священных скрижалях добавлено еще несколько других грехов, но мы должны воздержаться от их перечисления. Нравственность друзов строга и бескомпромиссна. Ничто не соблазнит этих ливанских унитариев на отклонение от того, что они научены считать своим долгом. *Так как их обряды неизвестны чужим,* то их мнимые историки до сих пор отрицали, что они имеют таковые. Их «собрания по вторникам» открыты для всех, но ни один посторонний любопытствующий никогда не принимал участие в обрядах посвящения, которые время от времени совершаются по пятницам с соблюдением величайшей секретности. Женщины допускаются к ним так же, как и мужчины, и они играют очень важную роль при посвящении мужчин. Испытание, если не сделано какого-либо чрезвычайного исключения, бывает длительным и суровым. По истечении определенного периода времени происходит торжественная церемония, во время которой все старейшины и посвященные высших двух степеней отправляются в паломничество на несколько дней в некое место в горах. Они собираются в обеспечивающих безопасность пределах монастыря, который, как говорят, был построен в самом начале христианской эры. Снаружи видны только старые развалины когда-то величественного здания, служившего, как гласит легенда, некоторым сектам гностиков в качестве места поклонения во время религиозных гонений. Однако, эти развалины на поверхности земли служат лишь удобной маскировкой; подземная часовня, залы и кельи занимают площадь значительно большую, чем верхняя постройка, причем богатство украшений, красота древних скульптур и золотые и серебряные сосуды в этом священном убежище, по выражению одного посвященного, «кажутся дивным сном». Так же, как монастыри Монголии и Тибета в особых случаях посещаются святой тенью «Владыки Будды», так и здесь в течение церемонии появляется сияющая эфирная форма Хамса, Благословенного, который наставляет верных. Самые необычайнейшие проявления того, что назвали бы магией, совершаются там в течение нескольких ночей, пока длятся собрания; и одна из величайших мистерий – точное воспроизведение прошлого –

---

[387] Эта вредная доктрина принадлежит старой тактике католической церкви, но определенно является ложной в отношении друзов. Они утверждают, что правильно и законно *не рассказывать правды* о своих верованиях; никто, стоящий вне их секты не имеет права совать нос в их религию. *Охалы* никогда не поощряют умышленной лжи ни под какой формой, хотя миряне много раз избавлялись от шпионов, подсылаемых христианами, чтобы узнать их секреты, тем, что устраивали для них фальшивые посвящения. (См. письмо проф. Раусона автору, ниже.)

[388] Этой заповеди в Ливанском учении нет.

осуществляется в молчаливых недрах нашей матери-земли; никакой отзвук, ни малейший шум, ни одно мерцание света не выдают величественной тайны посвященных.

Хамса, как и Иисус, был смертным человеком, и все же «Хамса» и «Христос» являются синонимическими терминами по своему внутреннему и сокровенному значению. Оба они суть синонимы *Ноуса,* божественной высшей души человека – его духа. Учение друзов по этому определенному вопросу о двойственности духовного человека, состоящего из одной смертной и из другой бессмертной души, тождественно с учением гностиков, старейших греческих философов и других посвященных.

За пределами Востока мы встретили одного посвященного (и только одного), который по некоторым причинам, лучше всех известным ему самому, не делает тайны из своего посвящения в Ливанское братство. Это – ученый путешественник и художник, профессор А. Л. Раусон из Нью-Йорка. Он провел много лет на Востоке, четыре раза посетил Палестину и путешествовал в Мекку. Можно уверенно сказать, что он обладает бесценным собранием фактов о начале существования христианской церкви, которые мог собрать только имеющий свободный доступ к хранилищам, закрытым для обычного путешественника. Профессор Раусон с истинным усердием ученого записывал каждое значительное открытие, какое он делал в палестинских библиотеках, и каждый ценный факт, устно сообщенный ему встречавшимися мистиками, и когда-нибудь эти факты увидят свет. Он любезно прислал нам нижеследующее сообщение, которое, как читатель увидит, полностью подтверждает то, что написано выше по нашему личному опыту об этом странном братстве, неправильно именуемым друзами:

«34, БОНД СТРИТ, НЬЮ-ЙОРК, 6 июня 1877 г.

...

Ваша записка с просьбой дать вам описание моего посвящения в тайный орден людей, известных широкой публике как друзы Ливанской горы, – была получена сегодня утром. Как вам уже известно, я взял на себя обязательство в то время скрыть в моей памяти большую часть «мистерий» с наиболее интересными частями «наставлений», так что то, что осталось, может быть и не очень пригодится публике. Такую информацию, какую я вправе давать, я с удовольствием предоставляю в ваше распоряжение.

Срок испытания для меня по *особому разрешению* был сокращен до одного месяца, в течение которого я находился под наблюдением приставленного ко мне жреца, который в то же время служил мне в качестве повара, руководителя, переводчика и вообще, слуги, чтобы он мог засвидетельствовать факт, что я строго соблюдал правила диеты, омовений и прочего. Он также был моим наставником по тексту ритуала, который мы ради практики время от времени повторяли, пением и в диалоге, смотря по надобности. Каждый раз, когда нам случалось в четверг быть поблизости селения друзов, мы посещали «открытые» собрания, где собирались мужчины и женщины, чтобы слушать наставления, поклоняться и показать миру свои религиозные обычаи. До своего посвящения я никогда не присутствовал на «закрытых» собраниях по пятницам и не думаю, что кто-нибудь другой, мужчина или женщина, когда-либо попадали туда, за исключением случая тайного сговора с каким-нибудь жрецом, что мало вероятно, так как неверный жрец рискует своей жизнью. Любители пошутить между ними иногда «дурачат» слишком любопытных «франков» бутафорским посвящением, особенно, если имеется подозрение, что тот связан с миссионерами в Бейруте или в другом месте.

В число посвященных входят и мужчины и женщины, и церемонии носят такой своеобразный характер, что необходимо присутствие обоих полов для участия в ритуале и «работе». «Меблировка» «молитвенного дома» и «комнаты видений» проста; и если отбросить вопрос удобства, она может состоять единственно из полоски ковра. В «Сером Зале» (это место никогда не упоминается; оно под землею, *недалеко* от Бейт-эд-дина) имеются богатые украшения и ценные предметы древней меблировки, изделия арабских сереброковачей, сделанные пять или шесть веков тому назад, с надписями и датами. День посвящения должен быть днем продолжительного поста с утренней зари до захода солнца зимою или до шести часов вечера летом, и сама церемония с начала до конца представляет собою серию испытаний и соблазнов, рассчитанных на испытание выносливости кандидата под физическим и ментальным давлением. Редко бывает, что кто-нибудь, кроме молодых мужчин и женщин

«выигрывает» все «призы», так как *природа иногда дает себя знать* несмотря на самую упрямую волю, и неофиту не удается пройти некоторые испытания. В таких случаях испытательный стаж удлиняют еще на один год, после которого происходит новое испытание.

Среди всяких испытаний самообладания неофита имеются и следующие: отборные куски вкусно приготовленного мяса, ароматный суп, пилав и другие аппетитные блюда, щербет, кофе, вино и вода оставляются как бы случайно около него, и он на какое-то время оставляется наедине с этими соблазнительными вещами. Для голодной и слабеющей души это является суровым испытанием. Но еще более трудным испытанием является то, когда семеро жриц все уходят, кроме одной, самой юной и прекрасной, и дверь закрывается и запирается снаружи, причем кандидата предупреждают, что ему дается полчаса на «размышление». Утомленный долго продолжающимся церемониалом, ослабевший от голода, изнуряемый жаждой, при наступлении сладостного отлива после громадного напряжения сдержать свою животную природу в подчинении – этот момент уединенности и соблазна полон опасности. Юная прекрасная весталка, робко приближаясь со взорами, придающими двойной магнетизм ее словам, шепотом просит «благословить ее». Горе тому, кто согласится. Сотня глаз подсматривает за ним в тайные щели наблюдения, и только невежественному неофиту кажется, что он укрыт от всех и ему представился удобный случай.

В этой системе нет никакой нечестивости, идолопоклонства или какой-либо другой действительно отрицательной черты. У них сохранились остатки того, что когда-то было величественной формой поклонения природе; под пятой деспотизма эта форма превратилась в тайный орден, спрятавшийся от дневного света и проявляющийся только при дымном мерцании нескольких горящих ламп в какой-либо сырой пещере или в подземной часовне. Основные догмы их религиозного учения изложены на семи «скрижалях»; вот они в общих чертах:

1. Единство Бога или бесконечная единичность божества.
2. Существенное превосходство истины.
3. Закон терпимости к мнениям всех мужчин и женщин.
4. Уважение ко всем мужчинам и женщинам в отношении их характеров и поведения.
5. Полное подчинение велениям Бога относительно судьбы.
6. Чистота тела, ума и души.
7. Взаимная помощь при любых обстоятельствах.

Эти основы не пишутся и не печатаются. Имеется и другой набор основ; они и пишутся и печатаются с целью ввести в заблуждение неосторожных, но они нас не интересуют. Кажется, что главным результатом посвящения было что-то похожее на ментальную иллюзию или состояние сна-бодрствования, в котором неофит видел или думал, что видит, образы людей, отсутствующих, как он знал, и в некоторых случаях даже отдаленных на тысячи миль. Я думал (а, может быть, это создавал мой ум), что я вижу друзей и родственников, хотя знал, что они находятся в штате Нью-Йорк, тогда как я находился в Ливане. Каким образом создавались такие результаты – этого я не знаю. Они появлялись в темной комнате, когда «руководитель» говорил, а в смежном «покое» раздавалось многоголосое пение; это происходило к концу дня, когда я устал от поста, хождения, говорения, пения, одевании и раздевании; устал от видения множества людей в различных состояниях одевания и раздевания; устал от огромного ментального напряжения и сопротивления определенным физическим проявлениям, которые возникают от инстинктивных потребностей, когда они начинают преодолевать волю; устал от напряженного внимания к происходящим сценам, надеясь их запомнить, – так что, по всей вероятности, я не годился для того, чтобы судить о каких-либо новых поразительных феноменах, а в особенности о тех очевидно, магических явлениях, которые всегда возбуждали во мне подозрение и недоверие. Мне известны различные применения волшебного фонаря и других аппаратов, и я взял на себя труд исследовать комнату, где эти «видения» мне появились; я исследовал ее в тот же вечер, на следующий день и еще несколько раз впоследствии, и убедился, что в моем случае никакая машинерия и никакие другие средства не использовались, кроме голоса «руководителя и наставника». Впоследствии несколько раз на большом расстоянии от «покоя», например, в отеле Хорнстейна в Иерусалиме вызывались такие же самые или схожие видения. Жена сына известного в Иерусалиме еврейского коммерсанта, является посвященной «сестрой» и может вызвать эти видения по желанию почти для каждого, кто будет жить строго по правилам ордена в течение нескольких недель, более или менее, сообразуясь со своей натурой, грубой или утонченной.

Я могу с полной уверенностью сказать, что это посвящение настолько своеобразно, что его невозможно изложить в печати так, чтобы было понятно человеку, который не прошел «обработки» в «покое». Таким образом, дать изложение этих посвящений было бы еще более невозможным, нежели франкмасонских. Настоящие секреты разыгрываются, а не сообщаются речью и требуют помощи нескольких посвященных.

Мне нет надобности говорить о том, что некоторые понятия этого народа, как кажется, произошли от определенных верований древних греков, например, идея, что у человека две души, и многие другие, – так как вы, вероятно, были ознакомлены с ними, когда вы проходили «верхний» и «нижний покои». Если я ошибаюсь в своем предположении, что вы одна из «посвященных», то извините меня. Мне известно, что самые близкие друзья часто скрывают этот «священный секрет» друг от друга; и даже муж и жена могут жить, – как мне рассказывали, в Дар-эл-Камар это имело место в одной семье – в течение двадцати лет вместе и оба ничего не знали о посвящении другого. У вас, несомненно, имеется достаточно оснований держать это в секрете.

Преданный вам Л. Л. Раусон».

Прежде чем покончить с этой темой, мы можем добавить, что если какой-либо посторонний человек попросит разрешения присутствовать на «четверговых» собраниях – ему никогда не откажут. Только, если он христианин, *охал* возьмет Библию и будет читать из нее: если он магометанин – он услышит несколько глав из Корана, и церемония на этом закончится. Они подождут, когда он уйдет, и затем, крепко заперев двери дома собраний, приступят к своим собственным обрядам и книгам, перейдя с этой целью в свои подземные святилища.

«Друзы, даже больше чем евреи, остаются своеобразным народом», – говорит полковник Черчиль [**537**, т. 3], один из немногих честных и строго беспристрастных писателей. – «Они женятся только на соплеменницах; их редко, если вообще, обращают в другую веру; они цепко держатся за свои традиции и сводят на нет все попытки проникнуть в их тщательно охраняемые тайны... Плохая слава того калифа, которого они выставляют как своего основателя, достаточно компенсируется чистой жизнью многих, кого они почитают как святых, а также героизмом их феодальных вождей».

И все же можно сказать, что друзы принадлежат к одной из наименее эзотерических тайных обществ. Существуют другие, гораздо более могущественные и ученые, о существовании которых в Европе даже не подозревают. Существует много ответвлений, принадлежащих к великой «Материнской Ложе», которые, смешавшись с некими общинами, могут быть названы тайными сектами внутри других сект. Одною из них является секта, обычно называемая Лагхана-Шастра. Она насчитывает несколько тысяч адептов, которые рассеяны малыми группами на юге Деккана в Индии. По распространенному суеверию, этой секты боятся благодаря приписываемому ей великому умению пользоваться магией и колдовством. Брахманы обвиняют их членов в атеизме и святотатстве, ибо никто из них не соглашается признать авторитет ни Вед, ни *«Ману»,* за исключением текстов, совпадающих с теми вариантами, которые находятся в их владении и которые они считают единственными подлинными текстами; у Лагхана-Шастра нет ни храмов, ни священнослужителей, но дважды в месяц каждый член общины должен отлучиться из дому на три дня. Народная молва, возникшая среди их женщин, приписывает эти отсутствия паломничеству, совершаемому к их местам собраний через каждые две недели. В каких-то уединенных гористых местностях, неизвестных и недоступных другим сектам, спрятавшись от взоров среди роскошной растительности Индии, они имеют свои бунгало, которые похожи на маленькие крепости, обнесенные высокими и толстыми стенами. Те, в свою очередь, окружены священными деревьями, называемыми ассоната, а по-тамильски – аррасса марам. Это – «священные рощи»,

первоисточники священных рощ Египта и Греции, посвященные которых также строили свои храмы внутри таких рощ, недоступных профанам.[389]

Не без интереса будет узнать, что м-р Джон Яркер Младший говорит по поводу некоторых современных тайных обществ на Востоке.

> «Наибольшее сходство с брахманистскими мистериями, вероятно, можно найти в очень древних «Тропах» дервишей, которые обычно управляются двенадцатью должностными лицами, причем старейший «Двор» главенствует над другими по праву старшинства. Здесь главу этого «двора» называют *«шейхом»,* и он имеет заместителей, *«калифов»* или наследователей, которых может быть много (так же, например, как в степени, предшествующей масонскому мастеру). Орден делится, по меньшей мере, на четыре колонны, столбы или степени. Первая ступень – ступень «человечества», которая подразумевает сосредоточение на писаном законе и «уничтожение в шейхе». Вторая – ступень «Тропы», в которой «Мурид» или ученик достигает духовных сил и «самоуничтожения» в «Пэре» или основателе «Тропы». Третья стадия называется «Знание» и предполагает, что «Мурид» становится вдохновленным; ее называют «уничтожение в Пророке». Четвертая приводит его даже к Богу, когда он становится частью божества и видит Его во всем. Первая и вторая стадии получили современные подразделения, как «Целостность», «Добродетель», «Трезвенность», «Благожелательность». После этого шейх возводит его в ранг «калифа» или почетного мастера, так как в их мистическом языке «человек должен умереть, прежде чем родится святой». Будет видно, что этого рода мистицизм приложим к Христу как основателю «Тропы»».

К этому сообщению автор добавляет следующее, касающееся бекташ дервишей, которые

> «часто посвящали янычар. Они носят *маленький мраморный кубик, запятнанный кровью.* Их церемония следующая: перед приемом требуется пройти годовое испытание, в течение которого кандидату сообщаются ложные секреты; у него два крестных отца, *и у него отнимают все металлы и даже лишают одежды:* из овечьей шерсти делают веревку для его шеи и опояску для чресел; его вводят в центр квадратной комнаты, представляют как раба и сажают на большой камень с двенадцатью зубцами; его руки складывают на груди, тело наклоняют вперед, пальцы его правой ноги закладываются на левую ногу; после различных молитв его сажают в особенной позе, с рукой особенным образом вложенной в руку шейха, который повторяет стих из Корана: «Те кто давал тебе руку дают тебе клятву, дают клятву Богу, рука Бога вложена в их руку; кто бы ни нарушил эту клятву, причинит себе зло; кто останется верен Богу, получит чудесную награду». Подкладывание руки под подбородок – их знак, возможно – в память их обета. Все пользуются двойными треугольниками. Брахманы вписывают в углах свою троицу и также обладают масонским знаком бедствия, каким пользуются во Франции» [**538**].

С того самого дня, когда первый мистик нашел средства сообщения между этим миром и мирами невидимого сонма, между сферой материи и сферой чистого духа, он пришел к заключению, что бросить эту таинственную науку на опошление толпе значит потерять ее. Злоупотребление ею могло привести человечество к быстрому уничтожению; это было бы подобно обкладыванию группы детей взрывчатыми веществами со вручением им спичек. Первый адепт – самоучка посвятил только несколько избранных и хранил молчание перед множествами. Он осознавал своего Бога и чувствовал это великое Существо внутри самого себя. «Атман», Я,* могущественный Владыка и Защитник, если только человек познал Его, как *«Я есмь», «Ego Sum»,* «Ахми», – являл свою полную силу тому, кто был в состоянии узнавать *«все еще тихий голос».*

---

[389] Каждый храм в Индии окружен таким поясом священных деревьев. И подобно Кумбуму Кансу (Монголия) никто, кроме посвященных не имеет права приближаться к ним.

[*Прим. Этот “Я”, которого греческие философы называли Аугоэйд, “Сияющий”, впечатляюще красиво описан в “Веде” Макса Мюллера. Доказывая, что “Веда” является первой книгой арийских народов, профессор добавляет, что “в ней мы имеем период интеллектуальной жизни человека, которому нет аналогии в какой-либо другой части мира. В гимнах этой Веды мы видим человека предоставленного самому себе, чтобы решить загадку этого мира... Он вызывает богов вокруг себя, он возносит хвалу, он поклоняется им. Но несмотря на всех этих богов... которые и под ним, и над ним, этому поэту седой древности, кажется, как-то не по себе. У себя в груди он тоже открыл силу, которая никогда не бывает безмолвной, когда он молится, никогда не отсутствует, когда он боится и трепещет. Кажется, что она одухотворяет его молитвы и сама же их выслушивает: кажется, что она живет в нем, и в то же время поддерживает его и все, что окружает его. Единственное имя, которое он находит подходящим для этой таинственной силы – это “Брахман”; ибо *брахман* первоначально обозначал силу, волю, желание и движущую силу творчества. Но этот безличный брахман тоже, как только ему дано имя, превращается в нечто странное и божественное. Он кончает тем, что становится одним из многих богов, одним из великой триады, которой поклоняются доныне. И все же мысль внутри его не имеет настоящего имени; та сила, которая есть ничто, кроме самой себя, которая поддерживает богов, небеса и всех живых существ, плывет перед его мысленным взором, постигнутая, но не выраженная. Наконец, он называет ее “Атман”, ибо атман, первоначально – дыхание или дух, в дальнейшем приобретает значение Я, и только Я, божественное или человеческое; Я – будь оно творящее или подвергающееся страданию; Я – Единое или Все; но всегда Я, самостоятельное и свободное. “Кто же видел первородного?” – говорит поэт, когда тот, у кого не было костей (т. е. формы), породил того, у кого были кости? Где была жизнь, кровь, Я этого мира? Кто пошел спрашивать об этом кого-либо, кто знал это?” (“Ригведа”, I, 164, 4). Эта идея о божественном Я, раз она выражена, должна быть признана верховной всеми другими; “Я – это Господь всего; это Царь всего; как все спицы одного колеса содержатся в ступице и окружности колеса, так все содержится в этом Я; все я содержатся в этом Я”. Брахман сам есть только Я” (Там же, с. 478; “Чандогья Упанишада”, VIII, 3, 3, 4; [**47**, т. I, с. 69]).]

Со дней первобытного человека, описанного первым ведическим поэтом, вплоть до нашего современного века не было философа, достойного этого названия, который не носил бы в молчаливом святилище своего сердца этой великой и сокровенной истины. Если он был посвященным, то узнавал это как священную науку; если нет, то подобно Сократу, твердя себе так же, как и своим ближним, благородный приказ – «О, человек, познай самого себя» – он преуспевал в узнавании своего Бога внутри самого себя. «Вы есть боги», говорит нам царь-псалмопевец, и мы находим, что Иисус напоминает писцам, что изречение «Вы есть боги» было адресовано другим смертным людям, требуя себе той же самой привилегии безо всякого кощунства [*Иоанн,* X, 34, 35]. И как верное эхо, Павел, утверждая, что все мы являемся «храмами Бога живаго» [*2 Коринфянам*, VI, 16], осторожно добавляет, что, в конце концов, эти вещи только для «мудрых» и что говорить о них – «незаконно».

Поэтому мы должны принять это напоминание и просто отметить, что даже в вымученной и варварской фразеологии «Кодекса назареев» мы повсюду различаем ту же самую идею. Подобно подводному течению, быстрому и чистому, она проходит, не смешивая своей кристальной чистоты с мутными и тяжелыми волнами догматизма. Мы находим ее в «Кодексе» так же, как в Ведах, в «Авесте», как и в «Абхидхарме», и в «Санкья-Сутрах» Капилы не менее, чем в четвертом *Евангелии.* Мы не можем достичь «Царствия Небесного», если мы не соединимся неразрывно с нашим *Rex Lucis,* Владыкой Великолепия и Света, нашим Бессмертным Богом. Сперва мы должны завоевать бессмертие и «взять Царство Небесное силой», данной нашим материальным «я».

«Первый человек – из земли, перстный; *второй* человек – Господь *с неба...* говорю вам тайну», – раскрывает Павел [*1 Коринфянам,* XV, 47].

В религии Шакьямуни, которую ученые комментаторы с восторгом в последнее время сочли чисто *нигилистической,* доктрина бессмертия обрисована очень ясно, вопреки европейским или, скорее, христианским идеям о нирване. В священных книгах джайнов, Патуни, к умирающему Гаутаме обращаются так:

> «Поднимись в *Нирви* (нирвану) из этого дряхлого тела, в которое ты был послан. Поднимись в твою *прежнюю обитель,* о, благословенный аватар!»

Это нам кажется прямой противоположностью нигилизму. Если Гаутаму приглашают снова подняться в свою «прежнюю обитель», и эта обитель есть нирвана, тогда неоспоримо, что буддийская философия *не* проповедует конечного уничтожения. Так же как утверждают, что Иисус являлся своим ученикам после смерти, так же до нынешнего дня верят, что Гаутама снисходил из нирваны. И если он существует там, то его состояние не может быть синонимом *уничтожения,*

Гаутама не менее, чем все другие великие реформаторы, имел одно учение для своих «избранных» и другое для внешних масс, хотя главная цель его реформы заключалась в посвящении всех постольку, поскольку это было допустимо и разумно, не делая никакого различия по кастам и богатству, – в великих истинах, до сих пор державшихся в тайне себялюбивым классом брахманов. В Гаутаме Будде впервые в мировой истории мы видим человека, движимого тем великим благородным чувством, которое охватывает все человечество в одном объятии, призывая и «бедного», и «хромого», и «слепого» на царский пир, из которого он исключал тех, кто до сих пор сидели в одиночку в высокомерном отчуждении. Это был он, кто смелой рукой первым открыл дверь святилища парию, падшему и всем тем, «кого обидели люди», одетые в золото и пурпур, часто намного недостойнее тех отверженных, на которых презрительно указывал их палец. Все это сделал Сиддхарта за шесть веков до появления другого реформатора, такого же благородного и такого же любящего, хотя и менее удачливого, в другой стране. И если они оба, зная о великой опасности, какую таит в себе передача некультурному населению обоюдоострого оружия *знания, которое дает власть*, – оставили наиболее углубленный угол святилища в глубочайшем мраке, то кто, знающий человеческую натуру, может упрекнуть их за это? Но в то время как один был движим благоразумием, другой был вынужден так поступать. Гаутама оставил эзотерическую и наиболее опасную часть «тайного знания» нетронутой и дожил до почтенного возраста восьмидесяти лет с уверенностью, что он преподал основные истины и обратил к ним одну треть населения всего мира; Иисус обещал своим ученикам знание, которое дает человеку власть *совершать гораздо большие чудеса, чем он сам когда-либо совершал,* и он умер, оставив только нескольких верных людей лишь на полпути к знанию, чтобы они боролись с миром, которому они могли дать лишь то, что *наполовину* знали сами. Впоследствии их последователи исказили истину еще больше, чем они сами.

Неправда, что Гаутама никогда не учил чему-либо относящемуся к будущей жизни, или что он отрицал бессмертие души. Спросите любого интеллигентного буддиста о его идеях по поводу нирваны, и он, несомненно, выразится, как недавно выразился известный Ван-Чин-Фу, китайский оратор, в настоящее время путешествующий по этой стране, когда мы разговаривали с ним о нипанге (нирвана).

> «Это состояние», – сказал он, – «мы все понимаем как окончательное воссоединение с Богом, совпадающее с усовершенствованием человеческого духа путем его окончательного освобождения от материи. Это сама противоположность личного уничтожения».

Нирвана значит несомненность личного бессмертия в *Духе,* но не в *Душе,* которая, как предельная эманация, непременно должна дезинтегрировать свои частицы, – сложный состав из человеческих чувствований, страстей и стремления к какому-либо объективного рода существованию, – прежде чем бессмертный дух этого *Эго* полностью освободится и,

следовательно, будет застрахован от дальнейших перевоплощений в какой бы то ни было форме. А как может человек когда-либо достигнуть этого состояния, пока *Упадана,* состояние желания *жизни,* больше жизни, не исчезнет у чувствующего существа, у *Аханкара,* в какое бы возвышенное тело оно ни было облечено? Именно «Упадана» или это интенсивное желание производит ВОЛЮ, и именно *воля* развивает *силу,* и последняя порождает *материю* или объект, имеющий форму. Таким образом развоплощенное *Эго,* этим одним только неумирающим в нем желанием бессознательно создает условия своего последовательного воспроизведения в различных формах, которые зависят от его ментального состояния и *кармы,* добрых или злых деяний в его предшествующем существовании, обычно называемых «заслугой и недостатком. Вот почему Учитель рекомендовал своим нищенствующим ученикам развивать четыре степени *дхианы,* благородного «пути четырех истин», той постепенной выработки в себе стоического равнодушия к жизни и смерти, того состояния духовного самосозерцания, в течение которого человек совершенно теряет из виду свою физическую и двойную индивидуальность, состоящую из души и тела, и, соединившись со своим третьим и высшим бессмертным я, *реальным и небесным человеком,* вливается, так сказать, в божественную Сущность, откуда когда-то изошел его собственный дух, подобно искре из очага. Поэтому архат, святой нищенствующий, может достичь нирваны, находясь еще на земле; и его дух, будучи совершенно свободным от пут «психической земной, *дьявольской* мудрости», как Иаков называет ее, и будучи по собственной натуре всезнающим и всемогущим, может на земле одною только силою *мысли* творить величайшие чудеса.

> «Именно миссионеры в Китае и в Индии были первыми, кто начали распространять эту ложь о нипанге или ниепане (нирване)», – говорит Ван-Чин-Фу.

Кто может отрицать правдивость этого обвинения после прочтения, например, трудов аббата Дюбуа? Миссионер, который сорок лет своей жизни проводит в Индии, и затем пишет, что «Буддисты не признают никакого другого Бога, кроме человеческого тела, и не преследуют никаких других целей, кроме удовлетворения своих чувств», – произносит неправду, которая может быть доказана свидетельством законов талапоинов Сиама и Бирмы – законов, оставшихся в силе до нынешнего дня, и которые приговаривают сахана или пунгхи (ученого – от санскритского «пандит»), так же как и рядового талапоина, к смертной казни через обезглавливание за нарушение целомудрия. Никакой иностранец не может быть допущен в их Кьюмы или вихары (монастыри); и все же нашлись французские писатели, в других отношениях беспристрастные и честные, которые, говоря о великой строгости правил, которым подчиняются буддийские монахи этих общин, и не обладая при этом ни одним фактом, подтверждающим их скептицизм, тупо заявляют, что «несмотря на великое восхваление в их адрес (талапоинов) со стороны некоторых путешественников – восхвалений лишь *в силу внешнего поведения*, – я совсем не верю в их целомудрие» [382].

К счастью для буддийских талапоинов, лам, саханов, упасампадов[390] и даже саменаиров,[391] у них имеются летописи и факты, которые более веские, чем необоснованное личное мнение француза, родившегося в католических странах, которого едва ли можно упрекать за то, что он потерял всякую веру в добродетель духовенства. Когда буддийский монах становится (что, возможно, не раз происходит в столетие) виновным в прелюбодеянии, у него нет ни сборища мягкосердечных членов, которых он может тронуть до слез красноречивым признанием своей вины, ни Иисуса, на чью перегруженную, многострадальную грудь бросаются, словно в какой-то

---

[390] Буддийские верховные жрецы в Цейлоне.

[391] Саменаира – это тот, кто учится для получения высокой должности Оэпасампала. Он – ученик, и на него смотрят как на сына верховного жреца. Мы полагаем, что католик-семинарист должен обратиться к буддистам за происхождением своего звания.

общехристианский мусорный ящик, все нечистоты расы. Никакой буддийский грешник не может утешать себя мечтою о Ватикане, внутри тонущих в грехах стен которого черное превращается в белое, убийцы – в безгрешных святых, и золотые и серебряные обмывания могут быть куплены у исповедника, чтобы очистить запоздалого кающегося от больших или меньших прегрешений против Бога и человека.

За исключением нескольких беспристрастных археологов, которые находят непосредственные буддийские элементы в гностицизме, как и во всех этих ранних, просуществовавших лишь краткое время, христианских сектах, – мы знаем очень мало исследователей, которые, говоря о первоначальном христианстве, придавали бы этому вопросу должное значение. Разве у нас недостаточно фактов, чтобы, по крайней мере, возбудить некоторый интерес в этом направлении? Разве мы не знаем, что уже в дни Платона были «брахманы» – читайте: буддисты, саманеяне, шаманы или шаманские миссионеры – в Греции, и что они в одно время наводнили всю страну? Разве Плиний не показывает их основавшимися на берегах Мертвого моря на протяжении «тысячелетий»? После того как мы сделаем необходимые скидки на преувеличение, у нас все еще останется в запасе несколько столетий до Р. Х. И возможно ли, чтобы их влияние не оставило более глубоких следов во всех этих сектах, чем обычно думают? Мы знаем, что секта джайнов претендует на то, что буддизм произошел из ее доктрин – что буддизм существовал раньше Сиддхарты, более известного под именем Гаутамы Будды. Индусские брахманы, которым европейские востоковеды отказывают в праве что-нибудь знать о своей собственной стране, или понимать свой собственный язык и летописи лучше тех, кто никогда не был в Индии, по тому же принципу, по какому христианские богословы запрещают евреям толковать собственные Священные Писания, – эти брахманы, говорим мы, обладают достоверными летописями. И эти летописи сообщают, что воплощение через деву Авани первого Будды – *божественного света* – произошло на острове Цейлон за несколько тысячелетий до Р. Х. Брахманы отвергают утверждение, что это был аватар Вишну, но признают появление реформатора брахманизма в то время. Повествование о Деве Авани и ее божественном сыне Шакьямуни записано в одной из священных книг сингалезских буддистов – *«Нирдхаса»;* а брахманская хронология зафиксировала великую буддийскую революцию и религиозную войну, и последующее затем распространение учения Шакьямуни в Тибете, Китае, Японии и других местах в 4620 году до Р. Х.[392]

Ясно, что Гаутама Будда, сын царя Капилавасту и потомок первых Шакья через своего отца, который был касты кшатрия или воинов, – не изобрел своей философии. Он был филантропом по натуре, и его идеи развивались и созревали в то время, когда он находился на обучении у Тиртханкара, знаменитого гуру секты джайна. Последняя теперь рассматривает нынешний буддизм как отделившееся ответвление их собственной философии, а себя считают единственными последователями первого Будды, которым было позволено остаться в Индии после изгнания всех других буддистов вероятно потому, что они пошли на компромисс и приняли некоторые брахманистские концепции. Любопытно, если не сказать больше, что три разделившиеся и враждующие между собой религии, как брахманизм, буддизм и джайнизм так совершенно согласуются по преданиям и хронологии относительно буддизма, а наши ученые прислушиваются только к своим собственным необоснованным спекуляциям и гипотезам. Если рождение Гаутамы с каким-то обоснованием может быть отнесено к 600 г. до Р. Х., то предшествующим ему Буддам также следовало бы отвести какое-то место в хронологии. Будды не боги, а просто люди, осененные духом Будды – божественным лучом. Или же потому, что не будучи в состоянии выпутаться из затруднения сами с помощью одних только собственных исследований, наши востоковеды предпочитают лучше отрицать и предать все забвению,

---

[392] Жаколио заявляет в своей “Fils de Dieu” [**383**], что он взял эти даты из *“Книги исторических зодиаков”,* сохранившейся в пагоде Виленур.

нежели признать за индусами право что-нибудь знать в собственной религии и истории? Это странный способ раскрывания истин!

Обычный аргумент, выдвигаемый против утверждения джайнов, что они послужили источником восстановления древнего буддизма, – что основное учение последней религии противоречит верованию джайнов, не является убедительным. Наши востоковеды говорят, что буддисты отрицают существование Верховного Существа; джайны допускают это, но протестуют против предположения, что «Он» может вмешиваться в управление вселенной. Мы уже в предыдущей главе доказали, что буддисты ничего такого не отрицают. Но если бы беспристрастный ученый мог тщательно исследовать литературу джайнов, сохранившуюся в тысячах книг – или, лучше скажем, спрятанную – в Раджпутане, Джуселмере, в Патуне и в других местах,[393] а в особенности, если бы он мог получить доступ к древнейшим из их священных томов, то он обнаружил бы совершенную тождественность философской мысли, если и не популярных обрядов, между джайнами и буддистами. Ади-буддха и Адинатха (или Адишвара) тождественны и по сущности и по цели. А если мы проследим джайнов назад, с их претензиями на владение старейшими пещерными храмами (этими изумительными памятниками индийской архитектуры и скульптуры) и их записями почти невероятной древности, то мы едва ли сможем отказаться рассматривать их в том свете, на какой они претендуют. Мы должны допустить, что, по всей вероятности, они являются единственными настоящими потомками первобытных владельцев Древней Индии, побежденных таинственными ордами белокожих брахманов, которых в сумерках истории мы видим появляющимися сперва как кочевников в долинах Джамны и Ганга. Книги шраваков – единственных потомков архатов или самых ранних джайнов, обнаженных лесных отшельников древности, вероятно, могли бы пролить свет на многие смущающие вопросы. Но получат ли наши европейские ученые доступ к *подлинным* книгам до тех пор, пока они будут вести себя, как теперь? У нас по этому поводу имеются сомнения. Спросите любого заслуживающего доверия индуса, как поступали миссионеры с теми рукописями, которые, к несчастью, попадали в их руки, и тогда подумайте, можем ли мы упрекать туземцев за то, что они стараются уберечь от осквернения «богов своих отцов».

Чтобы удержать свои позиции, Иринею и его школе пришлось упорно бороться с гностиками. Такова же была судьба Евсевия, который очутился в тяжелом положении, не зная, как разделаться с ессеями. Образ поведения и обычаи Иисуса и его апостолов доказывали слишком близкое сходство с этой сектой, чтобы обойти этот факт без объяснений. Евсевий старался убедить людей, что ессеи были первыми христианами. Его усилиям мешал Филон Иудей, который написал свой исторический обзор ессеев и описал их с мельчайшими подробностями задолго до того, как появился в Палестине первый христианин. Но если в то время не было ни одного *христианина,* то, задолго до эры христианства там были хрестиане, и к ним принадлежали ессеи, так же как и ко всем другим посвященным братствам, даже не упоминая кришнаитов Индии. Лепсий доказывает, что слово *Нофре* означает Хрестос, «добрый», и что один из титулов Озириса, «Оннофре», должен переводиться как «проявленная доброта Бога».[394]

> «Поклонение Христу не было всеобщим в то раннее время», – объясняет Маккензи, – «этим я хочу сказать, что христолатрия еще не была введена, но поклонение *Хрестосу* – Принципу Добра – предшествовало ей на многие века и даже пережило общее принятие христианства, как это видно на все еще существующих памятниках... Опять-таки у нас имеется надпись, являющаяся дохристианской, на надгробной плите (Spor. «Misc. Erud.», Ant., X, XVIII, 2) Υαχινθε Λαρισαιων Δημοσιε Ηρως Χρηστε Χαιρε и де Росси («Roma Sotterana», т. I, *tav.* XXI) даст нам другой пример из катакомб – *«Aelia Chreste, in Pace»»* [**526**, с. 207].

---

[393] Нам сказали, что имеется около 20 000 таких книг.

[394] Lepsius, “Kцnigsbuch” [**539**], кн. 11, *tal. i. dyn. S, h. p.* В [*1 Послании Петра*, II, 3] Иисус назван “Господь Хрестос”.

А *Крис,* как доказывает Жаколио, по-санскритски означает «священный».

Таким образом, неплохие уловки «правдивого» Евсевия пропали даром. Он был победно разоблачен Баснаджем, который, по словам Гиббона, «исследовал с величайшей критической точностью любопытный трактат Филона, где описываются терапевты», и обнаружил, что «доказав, что это было написано еще во время Августа, он доказал, вопреки Евсевию и целой толпе современных католиков, что терапевты не были ни христианами, ни монахами».

В качестве последнего слова, добавим, что *христианские* гностики начали свое существование к началу второго века, и как раз в то время, когда ессеи весьма таинственно исчезли, что указывает, что они были те же самые ессеи, и кроме того, были чистыми *христианами,* т. е. они верили и были теми, кто лучше всего понимали то, что один из их же братьев проповедовал. В настойчивом утверждении, что буква йота, упоминаемая Иисусом в «Евангелии от Матфея» [V, 18], указывала на тайную доктрину в связи с десятью зонами, уже достаточно доказательств для каббалиста, что Иисус принадлежал к франкмасонству тех дней, ибо буква I, которая становится йотой на греческом языке, имеет другие названия на других языках, и она служит, как это было у гностиков в те дни, паролем со значением СКИПЕТР ОТЦА в восточных братствах, которые существуют по сей день.

Но в первые века эти факты, если были известны, то умышленно игнорировались и не только скрывались насколько возможно от внимания публики, но и яростно отрицались каждый раз, когда этот вопрос подымался на обсуждение. Чем больше истины заключалось в том, что отцы церкви старались опровергнуть, тем яростнее становились их нападки.

> «Доходит до того», – пишет Ириней, жалуясь на гностиков, – «что они не соглашаются ни со Священным Писанием, ни с традициями» [**162**, кн. III, II, 2].

А почему нам этому удивляться, когда даже комментаторы девятнадцатого века, имея в своем распоряжении лишь отрывки гностических рукописей, чтобы сопоставлять с многотомными писаниями их клеветников, были в состоянии обнаруживать подделки почти на каждой странице? Насколько же больше должны были изысканные и ученые гностики, обладая всеми преимуществами личных наблюдений и знания фактов, – отдавать себе отчет о том огромном замысле обмана, который проводился в жизнь перед самыми их глазами! Зачем им обвинять Цельса за утверждение, что их религия целиком обоснована на умозрениях Платона, с тою лишь разницей, что его доктрины намного чище и логичнее, чем их, когда мы видим, что Шпренгель семнадцатью столетиями позднее написал следующее:

> «Они (христиане) не только думали открыть догмы Платона в *Книгах Моисея*, но, кроме того, думали, что введением платонизма в христианство они *поднимут достоинство этой религии и сделают ее более популярной среди народов*» [**294**].

Они ввели его настолько, что платоническая философия не только была избрана в качестве основы для троицы, но даже легенды и мифические сказания, бывшие в ходу среди почитателей великого философа – так как освященный временем обычай требовал в глазах его потомства подобное аллегорическое поклонение каждому герою, достойному обожествления – были переделаны и использованы христианами. Не отправляясь так далеко, как Индия – разве у них не было готовой модели для «чудесного зачатия» в легенде о Периктионе, матери Платона? Популярная традиция утверждала, что это было «беспорочное зачатие» и что его отцом был бог Аполлон. Даже благовещение ангела Иосифу «во сне» христиане скопировали от сообщения Аполлона Аристону, мужу

Периктионы, что ребенок, который родится от нее – отпрыск этого бога. Точно также про Ромула говорили, что он сын Марса от девы Реи Сильвии.

Обычно все писатели-символисты полагают, что офиты были признаны виновными в практиковании самых безнравственных обрядов в течение своих религиозных собраний. То же самое обвинение было выдвинуто против манихейцев, карпократийцев, Павловцев и альбигойцев, короче говоря, против каждой гностической секты, имевшей дерзость претендовать на право думать самой за себя. В наше время 160 сект Америки и 125 сект Англии не подвергаются так часто подобным обвинениям; времена изменились, и даже когда-то всемогущему духовенству приходится или придерживать свой язык или доказывать свои клеветнические обвинения.

Мы тщательно просмотрели труды таких авторов как Пейн Найт, К. У. Кинг и Олохаузен, которые пишут по затронутой нами теме; мы пересмотрели объемистые тома Иринея, Тертуллиана, Созомена, Теодорета и ни в одном из них, за исключением Епифания, мы не нашли каких-либо обвинений, обоснованных на свидетельствах непосредственного очевидца. «Говорят», *«некоторые* говорят», «мы слышали» – вот обычные и неопределенные выражения, какими пользуются церковные обвинители. Один только Епифаний, на чьи труды во всех таких случаях ссылаются, кажется, хихикает от восторга, когда берет пику наперевес. Мы вовсе не намереваемся брать под защиту секты, которые наводнили Европу в одиннадцатом веке и породили самые удивительные вероисповедания; мы ограничиваемся защитой только тех христианских сект, теории которых обычно группируются под общим родовым названием *гностицизма.* Это те, которые появились немедленно после утверждаемого распятия и существовали до тех пор, пока почти все не были истреблены под суровым гнетом законов Константина. Величайшею их виною были их синкретические взгляды, ибо не было другого такого периода в мировой истории, когда у истины было бы еще меньше шансов на победу, чем в тем дни подделок, лжи и умышленной фальсификации фактов.

Но прежде, чем нас принудят поверить этим обвинениям, не будет ли нам позволено осведомиться, что представляют исторические личности их обвинителей? Начнем с вопроса, на каком основании Римская церковь претендует на превосходство своих доктрин над доктринами гностиков? Несомненно – на апостолической преемственности. Эта преемственность *по традиции* установлена непосредственным апостолом Петром. А что, если это окажется выдумкой? Ясно, что тогда вся надстройка, державшаяся на этой единственной воображаемой опоре, упадет с громадным грохотом. А когда мы проводим тщательное исследование, мы обнаруживаем, что тут от нас требуется поверить *единственно* слову Иринея – Иринея, который не привел ни одного веского доказательства в подтверждение своему заявлению, которое он так нагло выдвинул, и который для этого прибег к бесконечным подделкам. Ни своих данных, ни своих утверждений он не подтверждает никакими доказательствами. У этой смирнской знаменитости даже не было грубой, но искренней веры Тертуллиана, ибо он противоречит сам себе на каждом шагу и поддерживает свои утверждения только острой софистикой. Хотя он, несомненно, был человеком проницательнейшего ума и большой учености, он не боится даже, в некоторых из своих утверждений и аргументов, показаться идиотом в глазах потомства, лишь бы ему «совладать с ситуацией». Высмеиваемый и припираемый к стене на каждом шагу своими проницательными и не менее учеными противниками, гностиками, он смело прикрывается щитом слепой веры и в ответ на их безжалостную логику прибегает к мнимому преданию, которое сам же выдумал. Рибер остроумно замечает:

> «Когда мы читаем его несоответствующее использование слов и предложений, мы могли бы прийти к заключению, что он – сумасшедший, если бы не знали, что он нечто другое» [**417**, с. 188].

Этот «святой отец» во многих примерах оказался настолько нагло лживым, что ему противоречит даже Евсевий, более осторожный, если и не более правдивый, чем он сам. Он вынужден к этому перед лицом неопровержимого свидетельства. Так, например, Ириней утверждает, что Папий, епископ Иерополиса, был непосредственным слушателем Св. Иоанна [162, кн. V, XXXIII, 4], и Евсевий вынужден показать, что Папий никогда не претендовал на это, а просто заявил, что он получил свое *учение от тех, кто знали Иоанна* [479, III, с. 39].

По одному пункту гностики взяли верх над Иринеем. Они вынудили его одною только боязнью несообразности к признанию их каббалистической доктрины искупления; не будучи в состоянии ухватить ее в ее аллегорическом значении, Ириней представил ее, совместно с христианским богословием, как мы находим ее теперь в нынешнем состоянии «первородный грех *против* Адама», – учение, которое привело бы Петра в набожный ужас, если бы он еще был жив.

Следующим поборником распространения апостолической Преемственности является Евсевий сам. Лучше ли слово этого армянского отца, чем слово Иринея? Давайте посмотрим, что говорят о нем наиболее компетентные критики. И прежде чем мы полностью перейдем к современным критикам, мы могли бы напомнить читателю о тех оскорбительных выражениях, с какими нападает на Евсевия Георгий Синцелл, вице-патриарх Константинопольский (восьмого века), за его наглую фальсификацию египетской Хронологии. Мнение Сократа, историка пятого века, не более лестно. Он безбоязненно обвиняет Евсевия в извращении исторических дат, чтобы угодить императору Константину. В своем хронографическом труде, прежде чем приступить к фальсификации синхронистических таблиц *самому,* с целью придать хронологии Священных Писаний более достоверный вид, – Синцелл кроет Евсевия изысканнейшей площадной руганью. *Барон Бунзен проверил справедливость, если и не оправдал пристойности, этих оскорбительных упреков.* Его тщательные исследования по исправлению *«Египетского хронологического перечня»* Мането привели его к признанию, что епископ Кесареи по всему своему труду «в духе *произвола* и бессовестности принялся искажать историю».

> «Евсевий», – говорит он, – «является начинателем той систематической теории синхронизмов, которая так часто впоследствии калечила историю на своем прокрустовом ложе» [**74**, т. I, с. 200].

К этому автор труда «Интеллектуальное развитие Европы» [49] добавляет:

> «Среди тех, кто наиболее виновен в этом преступлении, должно быть отмечено имя знаменитого Евсевия, епископа Кесареи!» (с. 147).

Не будет ошибкой напомнить читателю, что это тот же самый Евсевий, который обвиняется в том, что он вставил в текст знаменитый параграф, касающийся Иисуса [151, XVIII, 3], который был таким чудесным образом найден в его время в писаниях Иосифа Флавия; до этого времени эта вставка оставалась совершенно неизвестной. Ренан в своей «Жизни Иисуса» придерживается противоположного мнения.

> «Я полагаю, говорит он, «что абзац, относящийся к Иисусу, подлинный. *Он совершенно подходит по стилю Иосифу;* и *если* этот историк упомянул Иисуса, то именно *так* он должен был говорить о нем».

Прося прощения у этого выдающегося ученого, мы опять должны ему возразить. Оставляя в стороне его осторожное *«если»,* мы только покажем, что хотя этот короткий абзац может, возможно, быть подлинным и «совершенно подходить по стилю Иосифу», несколько его вводных слов являются более поздними ощутимыми подделками; и что

«если» Иосиф, вообще, упомянул Христа, то *не* так «он должен был говорить о нем». Весь этот абзац состоит из нескольких строк и гласит:

> «В то время был *Иасус,* «**мудрый человек**»,[395] если, в конце концов, *правильно называть его человеком!* (ἀνδρα), ибо он совершал поразительные деяния и был учителем таких людей, которые внимают *«истине»* с удовольствием... *Это был* **Помазанник** (!!). И когда по обвинению первых людей среди нас он был осужден Пилатом на крест, те, кто любили его, не переставали любить его. Ибо *он показался им на третий день живым,* и боговдохновленные пророки рассказывали это и многие другие чудеса о нем».

Этот абзац (из шестнадцати строк в оригинале) заключает в себе два недвусмысленных утверждения и одну оговорку. Последняя выражена следующим предложением: «Если, в конце концов, правильно называть его человеком». Недвусмысленные утверждения заключаются в «Это был ПОМАЗАННИК» и в том, что Иисус «показался им *на третий день живым*». История представляет нам Иосифа как цельного, бескомпромиссного, упрямого, ортодоксального еврея, хотя и он писал для «язычников». Будет правильно обратить внимание, в какое ложное положение эти выражения поставили бы истинного правоверного еврея, если бы они действительно исходили от него. Их «Мессию» ждали тогда и ждут до сих пор. Мессия есть *Помазанник,* и наоборот. И Иосифу вкладывают в уста слова, которыми он признает, что «первые люди» среди них обвинили и распяли на кресте *своего* Мессию и Помазанника!! Нет надобности далее комментировать такую несообразную нелепость[396] даже тогда, когда ее поддерживает такой зрелый ученый как Ренан.

Что же касается принадлежащего к отцам церкви смутьяна Тертуллиана, которого де Мюссе прославляет в компании с другими полубогами, – он рассматривается Реусом, Бауром и Швейглером в совсем другом свете. Недостоверность сообщаемого и неточность Тертуллиана часто очевидны, говорит автор «Сверхъестественной религии». Рей характеризует его христианство как *«вре, оскорбительное, грубое, жестокое».* Оно без набожности, без милосердия, иногда даже *без верности,* когда он оказывается перед оппозицией.

> «Если», – замечает этот автор, – «во втором веке все партии, за исключением некоторых гностиков, были нетерпимы, то Тертуллиан был самый нетерпимый изо всех!»

Труд, начатый первыми отцами, был завершен софоморфическим Августином. Его сверхтрансцендентальные размышления о Троице; его воображаемые диалоги с Отцом, Сыном и Святым Духом, и *разоблачения* и завуалированные намеки на своих бывших собратьев манихейцев привели мир к тому, что на гностицизм стали смотреть как на нечто позорное и черная тень была наброшена на оскорбленное величие единого Бога, которому в почтительном молчании поклонялись все «язычники».

И таким образом получается, что вся пирамида римско-католических догм покоится не на доказательствах, но на вымыслах. Гностики слишком искусно загнали отцов церкви в тупик, и единственным спасением последних стало прибегание к подделкам. В течение почти четырех веков великие историки, почти современники Иисуса не обратили ни малейшего внимания ни на его жизнь, ни на смерть. Христиане удивлялись такому необъяснимому упущению в отношении того, что церковь рассматривала как величайшие события в мировой истории. Евсевий спас положение. Таковы были те люди, которые оклеветали гностиков.

---

[395] Мудрый человек у древних всегда означало каббалист. Это значило астролог и маг [**478**, т. III, с. 206]. Хаким – это врач.

[396] Д-р Ларднер отвергает ее как фальшивку и приводит *девять* причин для отвергания ее.

Первой и наиболее незначительной сектой, о которой мы слышали, является секта *николаитов,* о которой Иоанн в «Апокалипсисе» велит голосу, в своем видении сказать, что их доктрина ему ненавистна [*Откровение,* I и II]. Однако, эти николаиты были последователями Николая Антиохийского, одного из «семи», избранных «двенадцатью», чтобы они распределяли помощь из общего фонда прозелитам в Иерусалиме [*Деяния*, II, 44, 45, IV, 1-5], едва ли более как несколько недель или, может быть, месяцев после Распятия;[397] кроме того, он был человеком, «славящимся честностью, *полным Святого Духа и мудрости»* (стих 3). Таким образом получается, что «Святой Дух и мудрость» свыше более не защищали от обвинений в «ереси», как будто они никогда не осеняли «избранных» из апостолов.

Было бы очень легко раскрыть, какого рода ересь здесь подразумевалась, если бы даже у нас не было других, более достоверных источников информации в каббалистических писаниях. Обвинение и точная природа «мерзости» изложены во второй главе «Откровения», в стихах 14 и 15. Этим грехом была только – *женитьба.* Иоанн был «девственник»; несколько отцов утверждают этот факт, ссылаясь на предание. Даже Павел, самый свободомыслящий и великодушный из них всех, находит трудным примирить положение женатого человека с положением верного слуги Господа. Также имеется «разница между замужнею и девицей» [*1 Коринфянам,* VII, 33]. Последняя радеет «о делах Господа», а первая только думает, «как ей угодить своему мужу».

> «Если какой-нибудь муж думает, что ведет себя немило по отношению к своей девственности... пусть они женятся. Тем не менее тот, кто стоек в своем сердце и имеет власть над своим хотением и решился... сохранить *свою девственность,* поступает хорошо.

Так что, кто женится – «поступает хорошо... но кто не женится – *поступает лучше*». «Остался ли без жены?» – спрашивает он, – «не ищи жены» (27). И сказав, что по его суждению оба будут счастливее, если они не женятся, добавляет как веское заключение: «Я думаю, и я имею Духа Божия» (40). Далеки от этого духа терпимости слова Иоанна. Согласно его видению, имеются лишь сто сорок четыре тысячи, которые были *искуплены* из Земли, и «это те, которые не осквернились с женами, ибо *они девственники*» [*Откровение,* XIV, 3, 4]. Это кажется окончательным выводом; так как за исключением Павла, нет ни одного из этих первоначальных *назаров,* «отделившихся» и давших обет Богу, кто приводил бы большую разницу между «грехом», совершаемым в пределах законного брака и «мерзостью» прелюбодеяния.

С такими взглядами и с такими предрассудками было вполне естественно, что эти фанатики должны были начать бросать этот *порок,* как пятно, в лицо своих собратьев, а затем постепенно «наращивать» свои обвинения. Как мы уже говорили, только Епифания мы находим сообщающим такие мелкие подробности как, например, масонские «рукопожатия» и другие знаки опознавания между гностиками. Он когда-то сам принадлежал к их числу, и поэтому ему легко было доставлять подробности. Только насколько можно полагаться на этого достойного епископа – это очень серьезный вопрос. Достаточно лишь очень поверхностно ознакомиться с человеческой натурой, чтобы обнаружить, что редко существовал такой предатель, ренегат, который, в момент собственной опасности превратившись в предателя товарищей и свидетеля против них, не будет после лгать так же бессовестно, как предавая. Люди никогда не прощают и не смягчаются по отношению к тем, кому они вредят. Мы ненавидим наших жертв пропорционально тому вреду, который им причиняем. Это истина, старая как мир. С другой стороны, абсурдно думать, что такие люди, как гностики, которые по словам Гиббона, были самыми состоятельными, гордыми, наиболее любезными, так же как и наиболее учеными изо всех, «называвшихся христианами», – были виновны в отвратительных, похотливо-чувственных деяниях, в каких Епифаний любит их обвинять.

---

[397] Филип, первый мученик, был одним из тех семи, и он был побит камнями около 34 г. н. э.

Даже если бы они были подобны тому «сборищу оборванцев, почти голых и свирепого вида», которое Лукиан описывает как последователей Павла,[398] мы бы заколебались поверить такому пакостному повествованию. Насколько же тогда менее вероятно то, что люди, которые были платониками, так же как и христианами, могли когда-либо быть виновными в таких нелепых обрядах.

Пейн Найт, кажется, никогда не подвергал подозрению свидетельство Епифания. Он аргументирует, что

> «если мы сделаем скидку на охотные преувеличения вследствие религиозной вражды и вытекающие отсюда популярные предрассудки, то общая убежденность в том, что у этих сектантов имелись обряды и практики безнравственного характера, кажется слишком сильной, чтобы возможно было совсем не принимать ее во внимание».

Если он честно проведет демаркационную линию между гностиками первых трех веков и теми средневековыми сектами, чьи доктрины «довольно близко напоминали современный коммунизм», то нам нечего сказать. Только, мы просили бы каждого критика запомнить, что если тамплиеры обвинялись в том наиболее «мерзостном преступлении», – что они прилагали «священный поцелуй» к основанию хвоста Бафомета [410], то Св. Августин также подозревается, и по довольно веским причинам, что он позволил своей общине несколько сбиться с первоначального способа запечатлевания «священного поцелуя» на вечере Причастия. Святой епископ, кажется, был слишком озабочен в отношении определенных подробностей женского туалета, чтобы этот «поцелуй» мог быть строго правоверным по своей натуре.[399] Где бы ни теплилось истинное и искреннее религиозное чувство, там нет места мирским подробностям.

Принимая во внимание чрезвычайную нелюбовь, проявленную сначала христианами ко всякой опрятности, мы не можем не удивляться такой странной заботливости со стороны святого епископа о своих женщинах-прихожанках, если только не считать это простительным на том основании, что это – все еще держащееся в его памяти воспоминание об обрядах манихейцев!

Действительно, едва ли можно упрекать какого-либо писателя за его подозрения в безнравственности, как вышеприведенные, когда под рукой имеются записи множества историков, чтобы помочь нам произвести беспристрастное исследование. «Еретиков» обвиняют в преступлениях, которым церковь сама более или менее открыто потворствовала вплоть до начала нашего века. В 1233 году папа Григорий IX выпустил две буллы против стедингеров «за различные *языческие* и магические деяния» [542, т. XXI, с. 89], и последние, разумеется, были истреблены во имя Христа и его Святой Матери. В 1282 году один приходской священник из Инверкейтинга, по имени Иоанн, совершал на Пасху обряды куда хуже, чем «магические». Собрав толпу молодых девушек, он принудил их войти в «божественный экстаз» и вакхическое исступление, танцуя старый круговой танец амазонок вокруг фигуры языческого «бога садов». Несмотря на то, что по жалобе нескольких его прихожан он был вызван на суд к епископу, он удержал свой приход, так как доказал, *что таков был общепринятый обычай страны* [543, с. 109]. Валдеисов, этих «самых ранних протестантов» обвиняли в наиболее противоестественных ужасах; их жгли, резали и истребили из-за клеветы» нагроможденной на них обвинителями. А между тем последние, открыто торжествуя, организовали свои языческие процессии *«Corpus Christi»* с эмблемами, созданными по образцу эмблем Ваала-Пеора и «Озириса»: и в каждом городе Южной Франции в ежегодных процессиях в пасхальные дни носили хлебные буханки и печения, которым были приданы формы так часто осуждаемых эмблем индусских шиваитов и вишнуитов, – еще в 1825 г.![400]

---

[398] *Philopatris*, в [**541**, с. 376].
[399] Augustine, *Sermonies",* CLII – см. [**431**, с. 107].
[400] [**544**, т. II, с. 285], [**545**, с. 78].

Лишившись своих старых средств для клеветничества на христианские секты, чьи взгляды отличаются от их собственных, теперь настала очередь «языческих» индусов, китайцев и японцев, чтобы разделить вместе с древними религиями честь получить брошенное в лицо обвинение за их «развратные религии».

Не отправляясь далеко за доказательствами равной, если не превосходящей безнравственности, мы напомним римско-католическим писателям о неких барельефах на дверях Собора Св. Петра. Они настолько же бесстыдны, как сама дверь; но все же они менее бесстыдны, чем любой писатель, который, прекрасно зная об этом, притворяется, что он не знает исторических фактов. В течение многих веков долгий ряд пап взирали своими пастырскими очами на эти бесстыдные картины гнуснейшей непристойности, и ни одному из них не пришла в голову мысль о необходимости их удаления. Совсем наоборот, так как мы могли бы назвать определенных пап и кардиналов, которые всю жизнь учились следовать этим языческим подсказам «богов природы» как на практике, так и в теории.

В Польской Подолии несколько лет тому назад в римско-католической церкви была статуя Христа из черного мрамора. Говорили, что она творит чудеса в определенные дни, например, на глазах у публики у нее выросли волосы и борода, и творились другие *менее* невинные чудеса. Этот спектакль, наконец, был запрещен Российским правительством. Когда в 1585 г. протестанты взяли Эмбрун (Департамент Верхних Альп), они обнаружили в церквях этого города реликвии такого рода, что, по выражению Летописи, «старые солдаты войска гугенотов краснели при одном только упоминании этого открытия еще несколько недель спустя». В углу церкви Св. Фиакра близ Монсо во Франции было – и теперь еще существует, если мы не ошибаемся – седалище, именуемое «креслом Св. Фиакра», которое имело репутацию, что оно одаряет бездетных женщин способностью оплодотвориться. Про одну скалу в окрестностях Афин недалеко от так называемой «Могилы Сократа», говорят, что она обладает тем же свойством. Когда, лет двадцать тому назад королева Амелия, вероятно, в минуту веселия проделала этот опыт, то не было конца оскорблениям, какие нагромождал на нее католический падре, проезжавший через Сиру по какому-то поручению. Он объявил, что королева является и «суеверной еретичкой!», и «отвратительной ведьмой!», и «Иезавелью, пользующейся колдовством». Несомненно, что ярый миссионер к этому добавил бы еще многое, если бы в самом разгаре брани не очутился выброшенным в лужу грязи за окном. Добродетельный оратор был принужден к этому необычному перемещению сильною рукою греческого офицера, которому случилось войти в комнату как раз в нужный момент.

Не было никогда такой великой религиозной реформы, которая не была бы чиста в начале. Первые последователи Будды, так же как ученики Иисуса, все были людьми высочайшей нравственности. Отвращение, испытываемое реформаторами всех веков к пороку под каким бы то ни было видом, доказано жизнями Шакьямуни, Пифагора, Платона, Иисуса, Св. Павла, Аммония Саккаса. Великие вожди гностиков – хотя и менее успешные – не были менее добродетельными на деле или менее нравственно чистыми. Маркион, Василид,[401] Валентин славились своею аскетической жизнью. Николаиты, которые, если они не принадлежали к великой общине офитов, числились среди малых сект, которые были поглощены ими в начале второго века, – обязаны своим происхождением, как мы показали, Николаю Антиохийскому, «человеку прославленной честности, полному Святого Духа и мудрости». Как абсурдна идея, что такие люди могли учредить «похотливые обряды». Это то же самое, что обвинять Иисуса, что он содействовал распространению подобных обрядов, которые, как мы находим, так широко практиковались средневековыми *правоверными* христианами за прочными стенами монастырей.

Однако, если от нас требуют, чтобы мы верили таким обвинениям против гностиков, обвинениям, перенесенным с удесятеренной желчностью веками позднее на несчастные

---

[401] Тертуллиан называет Василида платоником.

головы тамплиеров, – то почему нам не поверить в то же самое по отношению к правоверным христианам? Минуций Феликс сообщает, что

> «мир обвинял первых христиан в том, что они во время церемонии «Агнца совершенного» заставляли каждого неофита при приеме в общину погрузить нож в ребенка, скрытого под кучей муки; этим телом потом угощали все собрание. Но после того, как христиане стали правящей партией, они перенесли это обвинение на своих противников» [**410**, с. 197, примеч.].

Настоящая виновность в ереси ясно изложена Иоанном в его *Посланиях* и в *Евангелии.*

> «Не исповедующие Христа, пришедшего во плоти: такой человек есть обольститель и *антихрист*» [*2 Послание Иоанна,* 7].

В своем предыдущем *Послании* он учит свое стадо, что существует *две* троицы (7-8) – короче говоря, систему назареев.

Из всего этого можно сделать вывод, что сконструированное и догматическое христианство Константиновского периода есть просто отпрыск многочисленных враждующих друг с другом сект, которые сами были полукровками, родившимися от языческих родителей. Каждая из них могла претендовать на представителей, примкнувших к так называемой *ортодоксальной* части христиан. И так как каждая новорожденная догма должна была быть принята большинством голосов, то каждая секта окрашивала главное содержание своим собственным оттенком, и это продолжалось до того момента, когда император навязал эту *боговдохновленную olla-podrida*, в которой он сам, очевидно, не понимал ни одного слова, в *качестве религии Христа,* не расположенному к ней миру. Утомившись в напрасных попытках прощупать неизмеримую трясину международных спекуляций, не будучи в состоянии по достоинству оценить религию, основанную на чистой духовности идеальной концепции, – христианский мир предался поклонению грубой силе, какую представляла собою церковь, поддерживаемая Константином. С тех пор среди тысяч обрядов, догм и церемоний, скопированных с язычества, церковь может претендовать только на одно изобретение, как целиком собственное, а именно – на доктрину вечного проклятия; и на один обычай – анафему. Язычники с ужасом отвергали и то и другое.

> «Проклятие – страшная и прискорбная вещь», – говорит Плутарх, – «По этой причине жрицу в Афинах хвалили за то, что она отказалась проклясть Алкивиада (за осквернение мистерий»), когда люди от нее этого требовали; *ибо,* она сказала, *что она жрица молитв, а не проклятий*» [**546**, с. 44].

> «Глубокие исследования показали бы», – говорит Ренан, – «что почти все в христианстве есть только багаж, принесенный из языческих мистерий. Первоначальный христианский культ есть ничто другое как мистерия. Вся внутренняя линия поведения церкви, степени посвящения, приказ молчания, множество фраз на языке духовенства не имеют другого происхождения... Революция, которая свергла Язычество, *кажется* на первый взгляд... абсолютным разрывом с прошлым... но *народная вера спасла большинство его привычных символов от крушения.* Христианство сначала внесло так мало перемен в личную и общественную жизнь, что про большие количества людей в течение четвертого и пятого веков трудно было сказать, кто они – христиане или язычники; многие, кажется, придерживались неопределенной позиции между этими двумя культами». Далее, говоря об *искусстве,* которое составляло существенную часть древней религии, он говорит, что *«искусству едва ли пришлось нарушить какую-либо из своих традиций.* Первоначальное христианское искусство в самом деле есть ни что иное, как языческое искусство в своем упадке или в своих низших разделах. Добрый Пастырь римских катакомб представляет собою копию с Аристея или с Аполлона Норния, который фигурирует в

той же самой позе на языческом саркофаге и все еще носит флейту Пана среди четырех полуобнаженных олицетворении времен года. На христианских гробницах Кладбища Св. Калликста Орфей очаровывает животных. В другом месте Христос, как Юпитер-Плутон, и Мария, как Прозерпина, принимают души, которые Меркурий, носящий широкополую шляпу и держащий в руке жезл водителя духов *(психопомпос)*, – приводит к ним в присутствии трех парк. Пегас – символ апофеоза; Психея – символ бессмертной души; Небеса, олицетворяемые стариком, – река Иордан; и Победа, – фигурируют на целом сонме христианских памятников».

Как мы уже сказали в другом месте, первоначальное христианское общество состояло из малых групп, разбросанных по разным местам и организованных в тайные общества с паролями, условными рукопожатиями и знаками. Чтобы избежать беспрестанного преследования со стороны своих врагов, они были вынуждены искать укрытия и устраивать собрания в покинутых катакомбах, в горной глуши и в других безопасных укрытиях. При своем зарождении каждая религиозная реформа, естественно, встречается с такою неправоспособностью. С самого первого появления Иисуса и его двенадцати учеников мы видим их собирающимися где-то в стороне, имея надежные убежища в пустыне, среди друзей в Вифании и в других местах. Если бы христианство не состояло с самого начала из *«тайных обществ»*, – история имела бы в своем распоряжении больше *фактов,* касающихся его основателя и учеников.

Как мало запечатлелась личность Иисуса в его собственной стране, – может поразить исследователя. Ренан показывает, что Филон, который умер, приблизительно к 50 году н. э., а родился на много лет раньше Иисуса, проживая все время в Палестине, когда, по словам *Евангелий,* радостная весть проповедовалась по всей стране, – никогда о нем не слыхал! Иосиф Флавий, историк, который родился три-четыре года спустя после смерти Иисуса, упоминает его казнь в короткой фразе, и даже эти несколько слов были переделаны *«рукою христианина»,* говорит автор «Жизни Иисуса». Записывая события в конце первого века, когда Павел, ученый пропагандист, якобы основал столько церквей, и Петр якобы установил апостолическую преемственность, по которой Иринео-Евсевианская хронология насчитала уже трех римских епископов,[402] – Иосиф, этот тщательный перечислитель и внимательный историк даже самых ничтожных сект, – совершенно игнорирует существование христианской секты. Светоний, секретарь Адриана, писавший в первой четверти второго века, так мало знает о Иисусе или о его жизни, что говорит, что император Клавдий «выслал всех евреев, которые постоянно создавали волнения, будучи подстрекаемы неким *Крестусом»,* должно быть подразумевая Христа [547, 25(4)]. Сам император Адриан, писавший еще позднее, так мало ощутил учение или значительность новой секты, что в одном письме к Сервиану он показывает, что считает христиан поклонниками Сераписа.[403]

«Во втором веке», – говорит Кинг, – «синкретические секты, возникшие в Александрии, в самом рассаднике гностицизма, обнаружили в Сераписе пророческий образец Христа как Господа и Творца всего и Судьи живых и мертвых» [**410**, с. 68].

Таким образом, в то время как «языческие» философы никогда не рассматривали Сераписа или, вернее, ту абстрактную идею, которая была в нем воплощена, – иначе как представление об Anima Mundi, – христиане антропоморфизировали «Сына Божьего» и его «Отца», не найдя для этого лучшего образца, как идола языческого мифа!

---

[402] Лина, Анаклета и Климента.
[403] *“Vita Saturnini Vopiscus”.*

«Не может быть никакого сомнения», – говорит тот же самый автор, – «что голова Сераписа, его лицо, отмеченное серьезным и печальным величием, послужили источником первой идеи для общепринятых изображении Спасителя».[404]

В записках путешественника – чей эпизод у монахов горы Афон мы рассказали в другом месте – мы находим, что в начальном периоде своей жизни Иисус имел частые сношения с ессеями, принадлежащими к пифагорейской школе и известными под названием койноби. Мы полагаем, что со стороны Ренана довольно рискованно утверждать так догматично, как он это делает, что Иисус «игнорировал сами имена Будды, Зороастра, Платона»; что он никогда не читал ни греческих, ни буддийских книг, «хотя в нем был не один только элемент, который, неожиданно для него самого, исходил из буддизма, парсизма и греческой мудрости» [530, с. 405]. Это – признание наполовину чуда, наполовину приписывание этого случайности или совпадению. Это – злоупотребление привилегией, когда автор, претендующий на описание исторических фактов, выводит удобные заключения из предполагаемых предпосылок и затем называет это биографией – *Жизнью* Иисуса. Не более, чем какой-либо другой компилятор легенд, касающихся проблематичной истории Пророка назареев, Ренан обладает хотя бы дюймом верной точки опоры, на которой он мог бы укрепиться; также и никто другой не может утвердить обратное, за исключением только доказательств, покоящихся на выводах. И все же, в то время как у Ренана нет ни одного факта, чтобы доказать, что Иисус никогда не изучал метафизических учений буддизма и парсизма, или ничего не слыхал о философии Платона, – у его оппонентов имеются самые веские причины в мире, чтобы предполагать противоположное. Когда они находят, что – 1) все его поговорки в пифагорейском духе, если не являются повторениями слово в слово; 2) его этический кодекс чисто буддийский; 3) его образ действия и поведение в жизни – ессейские; 4) его мистический образ выражений, его притчи, его образы действия являются образами действия посвященного – греческого ли, халдейского или магианского (ибо «Совершенные», которые говорили *сокровенную* мудрость – все были одной и той же школы архаической учености по всему миру), так что трудно увернуться от логического заключения, что он принадлежал к тому же обществу посвященных. Будет плохим комплиментом Всевышнему это насильственное приписывание Ему четырех *Евангелий*, в которых, хотя они часто противоречивы, нет ни единого повествования, сентенции или своеобразного выражения, чьей параллели нельзя было бы найти в какой-либо более старой доктрине или философии. Несомненно, Всемогущий – хотя бы для того, чтобы избавить будущие поколения от их нынешних недоумений – мог бы принести с Собою, в Своем *первом и единственном* воплощении на земле, нечто оригинальное – что-нибудь такое, что могло бы провести четкую разграничительную линию между Им Самим и дюжиной или около того воплощавшихся языческих богов, которые родились от дев, все были спасителями и либо были убиты, либо как-то по-другому принесли себя в жертву человечеству.

Слишком много уже сделано было уступок эмоциональной стороне этой истории. В чем мир нуждается, так это в менее экзальтированном, поболее правильное воззрении на персонаж, в пользу которого почти половина христианского мира свела с трона Всемогущего. Мы не ставим под сомнение эрудированного, знаменитого на весь мир ученого за то, что мы находим в его «Vie de Jesus», также не ставим под сомнение какую-либо из его *исторических* констатаций. Мы просто подвергаем сомнению несколько необоснованных и нелепых утверждений, вкравшихся незаметно для эмоционального повествователя в прекрасные, в других отношениях, страницы его труда – изображения жизни, построенного целиком на одних только вероятностях, и все же жизни человека, который, если он принят как историческое лицо, имеет намного больше права на нашу

---

[404] В труде Пейна Найта [**548**] Серапис изображен носящим длинные волосы, “спереди откинутые назад и ниспадающие завитками на грудь и плечи, как у женщины. Также его тело всегда закутано в одеяние до пят” (§ CXLV). Это общепринятое изображение Христа.

любовь и почитание, хотя и он подвержен ошибкам несмотря на все свое величие, чем если бы мы представили его как всемогущего Бога. И только в последней роли Иисус должен рассматриваться каждым почитающим, как неудача.

Несмотря на малочисленность ныне существующих старых философских трудов, мы не можем найти конец количеству примеров совершенной тождественности между пифагорейскими, индусскими и «ново-заветными» изречениями. По этому пункту нет недостатка в доказательствах. В чем нужда, так это в христианской публике, которая занялась бы исследованием того, что будет предложено, и проявила бы простую честность при вынесении приговора. Слепая приверженность уже поработала в свое время и навредила сколько могла. «Нам не следует пугаться», говорит профессор Мюллер, «если мы обнаружим следы истины, даже следы христианской истины у мудрецов и законодателей других народов».

Кто же поверит после прочтения следующих философских афоризмов, что Иисус и Павел никогда не читали греческих и индийских философов?

ИЗРЕЧЕНИЯ ПИФАГОРЕЙЦА СЕКСТА И ДРУГИХ ЯЗЫЧНИКОВ	ИЗРЕЧЕНИЯ ИЗ «НОВОГО ЗАВЕТА»[406]
1. «Не имейте сокровищ, кроме тех, которых никто не может отнять».	1. «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» [*Матфей*, VI, 19].
2. «Часть тела, которая содержит гной и угрожает заражением всему организму, лучше сжечь, чем продолжать носить в другом состоянии (жизни)».	2. «И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну», и т. д., [Марк, IX, 43].
3. «Вы имеете в себе нечто подобное Богу и поэтому будьте как храм Божий».	3. «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» [1 Коринф., III, 16].
4. Самое великое почитание, какое может быть оказано Богу, заключается в том, чтобы знать и подражать его совершенству».	4. «Да будьте сынами Отца вашего Небесного... будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» [Матфей, V, 45, 48].
5. «Чего я не хочу, чтобы люди делали мне, того я также не хочу делать людям»[405].	5. «Не делайте другим того, чего вы не хотели бы, чтобы другие делали вам».
6. «Месяц светит даже в доме злодея» («Ману»).	6. «Он повелевает Солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» [Матфей, V, 45].
7. «Те, кто дают, тем дают; те, кто удерживают, от тех берут» (*Там же*).	7. «Кто имеет, тому дано будет:... но кто не имеет, у того отнимется» [Матфей, XIII, 12].
8. «Только чистота ума видит Бога» (там же) – все еще популярная поговорка в Индии.	8. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» [Матфей, V, 8].

Платон не скрывал того факта, что он получил свои лучшие философские доктрины от Пифагора и что он сам был только первым, кто привел их в систематический порядок, время от времени вплетая в них свои собственные метафизические размышления. Но Пифагор сам получил свои сложные доктрины сперва от потомков Моха, а затем от брахманов Индии. Он также был посвящен в мистерии у иерофантов Фив и у персидских и халдейских магов. Таким образом, шаг за шагом мы прослеживаем происхождение большинства наших христианских доктрин до Средней Азии. Изымите из христианства личность Иисуса, такую возвышенную вследствие своей несравненной простоты – и что останется? История и сравнительная теология, как эхо, принесут грустный ответ: «Разрушающийся скелет из старейших языческих мифов»!

---

[405] “Отрывки из Конфуция”, с. 76; см. “Труды Конфуция” в переводе Макса Мюллера.

[406] См. “Pirke Aboth” – собрание пословиц и изречений старых еврейских учителей, в котором можно найти много изречений Нового Завета.

В то время как мифическое рождение и жизнь Иисуса являются верными копиями рождения и жизни брахманистского Кришны, его исторический характер, как религиозного реформатора Палестины, представляет точный образ Будды в Индии. В более чем в одном отношении их огромное сходство по филантропическим и духовным устремлениям, так же как и по внешним обстоятельствам, в самом деле, поразительное. Хотя и сын царя, тогда как Иисус был только плотник, Будда по рождению не принадлежал к высокой касте брахманов. Подобно Иисусу он чувствовал неудовлетворенность догматическим духом религии своей страны, нетерпимостью и лицемерием духовенства, их показною внешностью поклонения и их бесполезными церемониалами и молитвами. Как Будда силою прорвался через традиционные законы и правила брахманов, так же и Иисус объявил войну против фарисеев и гордых саддукеев. То, что назареянин делал вследствие скромного происхождения и общественного положения, – то Будда делал как добровольно наложенное на себя покаяние. Он совершал путешествия, как нищий; и – опять подобно Иисусу – позднее в жизни предпочитал находиться в обществе мытарей и грешников. Каждый имел своею целью как социальную, так и религиозную реформу; и, нанося смертельный удар старой религии своей страны, каждый стал основателем новой религии.

> «Реформа Будды», – говорит Макс Мюллер, – «первоначально больше имела социальный, нежели религиозный характер. Наиболее значительным элементом буддийской реформы всегда был ее общественный и моральный кодекс, а не ее метафизические теории. *Этот моральный кодекс является одним из самых совершенных, какие мир когда-либо знавал...* и тот, чьи размышления всегда были о том, как освободить душу человека от страданий и страха смерти, – освободил народ Индии от унизительного рабства и от жреческой тирании». Далее лектор добавляет, что если бы было по-другому, то «Будда мог бы учить какую угодно философию, и мы едва ли услышали бы его имя. Народу и дела до него не было бы, и его система стала бы только каплей в океане философских умозрений, которыми Индия была наводнена во все времена» [**109**, с. 217].

То же самое было с Иисусом. В то время как Филон, которого Ренан называет старшим братом Иисуса, Хиллел, Шаммай и Гамалиил едва упоминаются, – Иисус стал Богом! И все же как бы ни чист и божественен ни был моральный кодекс, проповедуемый Христом, он никогда не выдержал бы сравнения с моральным кодексом Будды, если бы не трагедия Распятия. То, что помогло обожествлению Иисуса, была его драматическая смерть, добровольное пожертвование своею жизнью, якобы совершенное ради человечества, и более поздняя удобная догма искупления, изобретенная христианами. В Индии, где жизнь ни во что не ценится, распятие навряд ли произвело какое-либо впечатление. В стране, где – как хорошо известно всем индологам – религиозные фанатики предают себя смерти дюйм за дюймом, растягивая мучение на годы; где факиры сами себя подвергают наиболее страшным изнурениям; где молодые и нежные вдовы, понуждаемые духом бравады против правительства и столько же религиозным фанатизмом, восходят на погребальный костер с улыбкою на лице; где, говоря словами великого лектора, «люди во цвете лет бросаются под колесницу Джаггернаута чтобы быть раздавленными насмерть идолом, в которого они верят; где истец, который не мог добиться справедливости, замаривает себя голодом у дверей судьи; где философ, который думает, что он узнал все, чему этот мир может его научить, и который томится желанием быть поглощенным божеством, спокойно вступает в воды Ганга, чтобы достичь другого берега существования»,[407] – в такой стране даже добровольное распятие на кресте прошло бы незамеченным. В Иудее, и даже среди более храбрых народов, чем евреи – римлян и греков – где каждый цепляется более или менее за жизнь и где большинство стали бы отчаянно бороться за нее, – было рассчитано, что трагический конец великого

[407] Макс Мюллер, *“Христос и другие учителя”* – [**47**, т. I].

Реформатора произведет глубокое впечатление. Имена даже таких меньших героев как Муций Сцевола, Гораций Коклес, матерь Гракхов и другие дошли до потомства; и в наши школьные дни, а также позднее в жизни повествование о них всегда будило нашу симпатию и вызывало почтительное восхищение. Не можем ли мы когда-либо забыть презрительную улыбку неких индусов в Бенаресе, когда одна английская леди, жена священника, пыталась произвести на них впечатление величием жертвы Иисуса, отдавшего *свою* жизнь за нас? Тогда в первый раз нам в голову пришла мысль, насколько пафос великой драмы Распятия имеет отношение к последующим событиям по основанию христианства. Даже обладающий большим даром воображения Ренан был понуждаем этим чувством написать в последней главе своей «Жизни Иисуса» несколько страниц исключительной красоты.[408]

Аполлоний, современник Иисуса из Назарета, был подобно ему полным энтузиазма основателем новой духовной школы. Может быть, менее метафизический и более практичный, чем Иисус, менее мягкий и совершенный по своей натуре, он, тем не менее прививал ту же самую квинтэссенцию духовности и те же высокие истины нравственности. Его великой ошибкой было то, что он слишком ограничил свою деятельность высшими классами общества. В то время как бедным и униженным Иисус проповедовал «Мир на земле и благоволение к людям», – Аполлоний был другом королей и вращался среди аристократии. Он родился в их среде и сам был богатый человек, тогда как «Сын человеческий», представляющий народ, «не имел где голову положить». Тем не менее оба эти «чудотворца» поражают преследованием одной и той же цели. Еще раньше Аполлония появился Симон Волхв, прозванный «великою Силою Бога». Его «чудеса» и более чудесны и более разнообразны и лучше засвидетельствованы, чем чудеса любого из апостолов или самого галилейского философа. Материализм отрицает этот факт в обоих случаях, но история подтверждает. Аполлоний следовал за ними; и насколько велики и прославлены были творимые им чудеса по сравнению с теми, которые приписывают мнимому основателю христианства, как утверждают каббалисты, – об этом снова свидетельствует история и Юстин Мученик.[409]

Подобно Будде и Иисусу Аполлоний был непреклонным врагом всякому внешнему представлению набожности, всякой демонстрации бесполезных религиозных церемоний и лицемерия. Если, подобно христианскому Спасителю, Тианский мудрец предпочел бы товарищество бедных и униженных; и если вместо удобной естественной смерти приблизительно ста лет отроду он стал бы добровольным мучеником, провозгласившим

---

[408] *“Жизнь Иисуса”* Штрауса, которую Ренан называет *“un livre, commode, exact, spirituel et consciencieux”* (удобная, точная, остроумная и добросовестная книга), как бы она ни была примитивна и иконографична, все же во многих отношениях предпочтительнее “Жизни Иисуса” французского автора. Оставляя в стороне внутреннюю и историческую ценность этих двух трудов, к которой мы не имеем никакого отношения, мы просто указываем на искаженный контур ренановского наброска Иисуса. Мы не можем придумать, что привело Ренана к такой ошибочной обрисовке характера. Мало будет таких из тех, кто, отрицая божественность назаретского пророка, все же верят, что он не миф, – смогут читать этот труд, не испытывая при этом неудобного и даже гневного чувства за такое психологическое увечье. Он делает из Иисуса какого-то сентиментального простофилю, театрализованного простака, влюбленного в свои собственные поэтические рассуждения и речи, хотящего, чтобы все его обожали и, наконец, пойманного в сети своих врагов. Не таков был Иисус, еврейский филантроп, адепт и мистик школы, забытой теперь христианами и церковью – если последняя когда-либо знала о ней; герой, который скорее предпочел пойти на смертельный риск, чем удерживать некоторые истины, которые, по его мнению, могли облагодетельствовать человечество. Мы предпочитаем Штрауса, который открыто называет его самозванцем и притворщиком, временами даже ставя под сомнение само его существование, но который, по крайней мере, не облекает его в этот смешной налет сентиментализма, каким его изображает Ренан.

[409] См. главу III.

божественную Истину с креста,* – его кровь могла бы оказаться столь же действенной для последующего распространения духовных доктрин, как кровь христианского Мессии.

[*Прим. В недавно появившемся труде под заглавием «Шестнадцать распятых спасителей мира» (м-ра Керси Грейвза), который привлек наше внимание своим заглавием, мы действительно, были поражены, как и ожидали по титульной странице, «историческими» свидетельствами, каких нет ни в истории, ни в преданиях. Аполлоний, который представлен в этом труде как один из шестнадцати «спасителей», показан автором в конечном счете *«распятым*... воскресшим из мертвых... явившимся своим ученикам после воскресения и» – опять-таки подобно Христу – «убеждающим *Томми* (?) Дидима» приглашением вкладывать персты в раны от гвоздей на руках и ногах (см. примечание на 107 с.). Прежде всего, ни Филострат, жизнеописатель Аполлония, ни история не говорят таких вещей. Хотя точное время его смерти неизвестно, ни один из учеников Аполлония никогда не говорил, что он был распят и являлся ученикам. Это все, что касается одного «Спасителя». После этого нам говорят, что Гаутама Будда, чья жизнь и смерть так кропотливо описаны несколькими авторитетами, в том числе Бартоломео Сент-Илером, – был также *«распят* своими врагами у подножия Непальских гор» (см. с. 213); тогда как буддийские книги, история и научные исследования говорят нам устами Макса Мюллера и целого сонма востоковедов, что «Гаутама Будда (Шакьямуни) умер близ Ганга... Он почти дошел до города Кушинагара, когда жизненные силы начали его покидать. Он остановился в лесу и, сидя под деревом *сал,* испустил дух» [**47**, т. I, с. 213]. Ссылки м-ра Грейвза на Хиггинса и сэра У. Джоунса в некоторых из его рискованных спекуляций ничего не доказывают. Макс Мюллер показывает несколько устарелых авторитетов, которые написали тщательно разработанные книги «... чтобы доказать, что Будда в действительности был Тот египтянин; что он был Меркурий или Вотан или Зороастр, или Пифагор... Даже сэр У. Джонс отождествлял Будду сначала с Одином, а потом с Шишаком». Мы находимся в девятнадцатом веке, а не в восемнадцатом; и хотя в одном отношении писание книг, основываясь на авторитете ранних востоковедов, можно рассматривать как знак уважения ушедшему веку, не всегда безопасно пробовать этот эксперимент в наше время. Поэтому у этого весьма поучительного тома не хватает одной важной детали, которая сделала бы его еще более интересным. Автору следует добавить после Прометея, «римского», и Алкида, *египетского бога* (с. 266) еще семнадцатого «распятого Спасителя» к этому перечню, а именно, «Венеру, бога войны», которого выводит и представляет восхищенному миру м-р Артемус Ворд, «хозяин цирка»!]

Клеветнические сплетни, распущенные против Аполлония, были настолько многочисленны, насколько они были лживы. Еще спустя такое долгое время, как восемнадцать веков после его смерти, он был оклеветан епископом Дугласом в его труде против чудес. В этом труде достопочтимый епископ разбился об исторические факты. Если мы будем изучать этот вопрос беспристрастно, мы вскоре поймем, что этика, проповедуемая Гаутамой Буддой, Платоном, Аполлонием, Иисусом, Аммонием Саккасом и их учениками, была обоснована на одной и той же мистической философии. Что все они поклонялись одному Богу независимо от того, считали они его «Отцом» человечества, который живет в человеке, как человек живет в Нем, или же Непостижимым Творческим Принципом; все они вели Богоподобные жизни. Аммоний, говоря о своей философии, учил, что их школа ведет свое начало со дней Гермеса, который принес свою мудрость из Индии. Это было полностью то же самое мистическое созерцание, как у йогов: общение брахмана со своим собственным сияющим Я – «Атманом». И этот индусский термин опять-таки каббалистический, *par excellence.* Кто этот «Я»? – спрашивается в «Ригведе». «Я – это Владыка всего... все содержится в этом Я; все я содержатся в этом Я. Сам Брахман есть только Я,[410] – дан ответ. *«Идра Рабба»* говорит: «Все есть Он Сам, и Он Сам *сокрыт* со всех сторон».[411] «Адам Кадмон каббалистов содержит в себе все души

[410] *"Чандогья Упанишада",* VIII, 3, 4; Макс Мюллер, Веда.
[411] *"Идра Рабба",* X, 117.

израильтян, и он сам находится в каждой душе», – говорит «Зогар».[412] Таким образом, основа эклектической школы была идентична с доктринами йогов, индусских мистиков, и раннего буддизма учеников Гаутамы. И когда Иисус уверяет своих учеников, что «дух истины, которого мир не может принять, потому что *не видит Его* и не знает Его», обитает *с* ними и *в* них, которые «в Нем и Он в которых» [*Иоанн*, XIV], то он излагает то же самое учение, которое мы находим в каждой философии, заслуживающей этого названия.

Лабуле, скептический французский ученый, не верит ни одному слову чудесной книги жизни Будды; тем не менее ему хватило духу сказать о Гаутаме, что он был *только вторым* по сравнению с Христом по великой чистоте его этики и личной нравственности. За оба эти мнения де Мюссе дает ему почтительный выговор. Раздосадованный за это научное противоречие его обвинениям в демонопоклонстве, выдвигаемым против Гаутамы Будды, он уверяет своих читателей, что *«ce savant distingue n'a point etudie cette question*» [100, с. 74].

> «Я, не колеблясь, говорю», – в свою очередь замечает Бартоломео Сент-Илер, «что за единственным исключением Христа, нет среди основателей религий фигуры ни более чистой, ни более трогательной, чем фигура Будды. Его жизнь безупречна. Его постоянный героизм равен его убежденности... Он сам совершенный образец всех тех добродетелей, которые он проповедует; его самоотречение, его милосердие, его неизменное благодушие не изменяют ему ни на мгновение. В двадцатидевятилетнем возрасте он покинул царский двор своего отца, чтобы стать монахом и нищим... и когда он умирает на руках своих учеников, он умирает с безмятежностью мудреца, который применял добродетель во всей своей жизни и кто умирает убежденным, что он нашел истину» [**407**].

Этот заслуженный панегирик не сильнее того, который Лабуле сам произнес, и который вызвал гнев де Мюссе.

> «Более чем трудно», – добавляет первый, – «понять, как люди, которым не помогало божественное откровение, могли вознестись на такую высоту и так близко приблизиться к истине».[413]

Да, любопытно, отчего тут так много возвышенных душ, которым «не помогает откровение»!

А почему кто-либо должен удивляться тому, что Будда умер с философской безмятежностью? Как правило, говорят каббалисты:

> «Смерти нет, и человек никогда не выступает за пределы вселенской жизни. Те, кого мы считаем мертвыми, все еще живут в нас, как мы живем в них... Чем больше человек живет для своего ближнего, тем меньше он должен бояться смерти» [**157**].

А мы могли бы добавить к этому, что тот, кто *живет* для человечества, тот делает даже больше, чем тот, кто умирает за него.

Несказуемое имя, в поисках которого так много каббалистов – незнакомых ни с одним из восточных или даже европейских адептов – напрасно тратят свои знания и жизни, обитает латентным в сердце каждого человека. Это волшебное имя, которое, согласно самым древним оракулам «устремляется в бесконечные миры αχοιμητω σροφαλιγγι», может быть обретено двояко: путем регулярных посвящений и – через «слабый голос», который Илия услышал в пещере Хореба, горы Бога. И «когда Илия

---

[412] *Введение* в “Зогар”, с. 305-312.
[413] *“Journal des Dŭbats”,* Avril, 1853.

услышал его, он закутал *лицо в плащ* и встал у входа в пещеру. И вот раздался *этот* голос».

Когда Аполлоний Тианский желал услышать «слабый голос», он обычно закутывался весь целиком в плащ из тонкой шерсти, на который он ставил обе свои ступни, после совершения неких магнетических пассов, и произносил не «имя», а призыв, хорошо известный каждому адепту. Затем он натягивал плащ поверх головы и лица, и его полупрозрачный или астральный дух был свободен. В обычной жизни он носил шерстяную одежду не больше, чем жрецы храмов. Обладание сокровенной комбинацией «имени» давало иерофанту верховную власть над каждым существом, человеческим или другим, стоящим ниже его самого по силе души. Поэтому, когда Макс Мюллер говорит нам о «Сокровенном величии» *Quichu*, «которое никогда не должно быть раскрыто человеческими руками», – то каббалисты прекрасно понимают, что подразумевалось под этим выражением и совсем не удивляются, когда даже этот наиболее эрудированный филолог восклицает: «Что это было, мы не знаем!»

Мы не можем слишком часто повторять, что религию, проповедуемую Иисусом, можно понять только с помощью доктрин наиболее древних философий. Именно, через Пифагора, Конфуция и Платона мы можем постигнуть идею, которая лежит в основе термина «Отец» в Новом Завете. Идеал божества Платона, кого он называет Единым Вечносуществующим, Незримым Богом, Образователем и Отцом всего,[414] – скорее всего является «Отцом» Иисуса. Это то божественное существо, о котором греческий мудрец говорит, что Оно не может быть ни завистливым, ни породителем зла, так как Оно не может производить ничего другого, кроме доброго и справедливого;[415] Оно определенно не является Иеговой Моисея, *«ревнивым* Богом», но скорее Богом Иисуса, который «один только благ». Он превозносит Его всеобъемлющую божественную власть[416] и Его всемогущество, но в то же самое время указывает, что так как Оно неизменно, Оно никогда не может пожелать изменить свои законы, т. е. искоренить из мира зло путем чуда.[417] Оно всезнающе, и ничто не ускользает от Его зоркого ока [44, X, 901d]. Его справедливость, которую мы находим воплощенной в законе вознаграждения и воздаяния, не оставит ни одного преступления ненаказанным, ни одного доброго деяния невознагражденным;[418] и поэтому Платон заявляет, что единственный путь почитания Бога заключается в развитии нравственной чистоты. Он совершенно отвергает не только антропоморфическую идею, что Бог мог иметь материальное тело [31, 246c], но и «с отвращением отвергает те басни, которые приписывают страсти» ссоры и всякого рода преступления меньшим богам» [16]. Он с негодованием отвергает, что Бог позволяет умилостивлять Себя или, вернее, подкупить себя молитвами и жертвоприношениями [44, X, 905d].

«Федр» Платона раскрывает, кем человек когда-то был и кем он опять может стать.

> «До того как дух человека погрузился в чувственность и был воплощен с нею через утерю своих крыльев, он жил среди богов в воздушном (духовном) мире, где все истинно и чисто».

В «Тимее» он говорит:

> «Было время, когда человечество не размножалось, но жило в виде чистых духов».
>
> В будущем мире, говорит Иисус, «не будут ни жениться, ни выдаваться замуж», но будут «жить, как ангелы Божии в Небесах».

---

[414] “Тимей”; “Политика”, 269e.
[415] “Тимей”, 29; “Федр”, 182, 247; [**33**, II, 379b].
[416] [**44**, IV, 715e]; X, 901c.
[417] [**33**, II, 381]; “Теэтет”, 176a.
[418] [**44**, IV, 716a]; [**33**, X, 613a].

Исследования Лабуле, Анкетила Дюперона, Колбрука, Бартоломео Сент-Илера, Макса Мюллера, Шпигеля, Бюрнуфа, Уильсона и многих других лингвистов, вынесли некоторую часть истины на свет. И теперь, когда трудности санскрита, тибетского, сингалезского, зенда, пехлеви, китайского и даже бирманского языков частично преодолены, и Веды, «Зенд-Авеста», буддийские тексты и даже «Сутры» Капилы переведены, широко раскрыты двери, которые, будучи пройденными, должны навсегда оставить за порогом любых спекулятивных или невежественных клеветников на старые религии. Даже до настоящего времени духовенство, выражаясь словами Макса Мюллера,

> «обычно указывало на дьявольщину и оргии языческого культа... но они редко, если вообще когда-то, приложили усилия, чтобы раскрыть истинный и первоначальный характер странных форм вероисповедания и культа, которые они называют делом Сатаны».[419]

Когда мы читаем правдивую историю Будды и буддизма Макса Мюллера и восторженные мнения, высказанные Бартоломео Сент-Илером и Лабуле; и когда, наконец, папский миссионер и очевидец, человек, которого менее всего можно заподозрить в пристрастных симпатиях к буддизму – мы подразумеваем аббата Хака – не находит возможным сказать что-либо другое, кроме восхищения высоко индивидуальному характеру этих «поклонников дьявола», – мы должны считать философию Шакьямуни как нечто большее, чем религию фетишизма и атеизма, – как хотелось бы католикам, чтобы мы этому поверили. Хак был миссионер, и первой его обязанностью было смотреть на буддизм как на отросток поклонения Сатане. Бедного аббата вычеркнули из списка миссионеров в Риме,[420] как только его книга путешествий была опубликована. Это служит иллюстрацией тому, как мало мы можем надеяться узнать истину о религиях других народов через миссионеров, когда их отчеты сперва просматриваются высшими церковными властями, и сами они сурово наказываются за то, что говорили правду.

Когда этих людей, которых часто называли и теперь еще продолжают называть «грязными аскетами», короче говоря, последователей различных сект Индии, обычно называемых «йогами», Марко Поло спросил, «как это так получается, что им не стыдно ходить совершенно голыми, как они поступают?», – они ответили спросившему в тринадцатом веке так же, как в девятнадцатом веке ответили миссионеру.

> «Мы ходим голыми», – ответили они, – «потому что голыми мы пришли в этот мир, и не хотим иметь вокруг нас ничего, что принадлежит этому миру, кроме того, у нас нет плотских грехов, которые мы сознавали бы, и поэтому мы не стыдимся нашей обнаженности, как вы не стыдитесь показывать вашу руку или ваше лицо. Но вы, кто сознаете грехи плоти, правильно поступаете, что стыдитесь и прикрываете вашу обнаженность» [**549**, с. 182].

Можно составить любопытный список оправданий и объяснений духовенства по поводу сходств, существующих между римским католичеством и языческими религиями.

---

[419] Макс Мюллер, *“Буддизм”,* апрель, 1862.

[420] Об аббате Хаке Макс Мюллер писал так в своих “Осколках германского цеха” [**47**, т. I, с. 187]: “Покойный аббат Хак указал на сходство между буддийскими и католическими церемониями с такой *наивностью,* что, к своему удивлению, обнаружил, что его прекрасная книга “Путешествия по Тибету” помещена в *“Указателе”.* “Нельзя не поразиться”, – пишет он, – “их великим сходством с католицизмом. Посох епископа, митра, далматик, круглая шляпа, которую великие ламы носят во время путешествий... мессы, двойной хор, пение псалмов, изгнание духов, кадильница с пятью цепями к ней, открывание и закрывание по желанию, благословления лам, которые простирают свою правую руку над верующими, четки, девственность духовенства, епитимьи, уединения, культ Святых, пост, процессии, литании, освященная вода – таковы сходства буддистов с нами”. Он еще мог бы добавить к этому тонзуры, реликвии и исповедальни.

Все же эта сводка непременно привела бы к одному поразительному заключению: язычники по

всему миру присваивали себе доктрины христианства! Платон и его старая Академия воровали идеи из христианского откровения, – заявили александрийские отцы!! Брахманы и Ману позаимствовали от иезуитских миссионеров, а «Бхагавадгита» – создание отца Калмета, который преобразил Христа и Иоанна в Кришну и Арджуну, чтобы угодить умам индусов!! Тот пустяковый факт, что буддизм и платонизм предшествовали христианству и что Веды еще до дней Моисея успели выродиться в брахманизм – ничего не значит. То же самое в отношении Аполлония Тианского. Хотя его тауматургические силы невозможно отрицать перед лицом свидетельств императоров, их придворных и населения нескольких городов; и хотя мало кто из них когда-нибудь слыхал о назаретском пророке, свидетелями «чудес» которого были всего несколько апостолов, сами индивидуальности которых до сегодняшнего дня ставятся под вопросом в истории – все же мы должны считать Аполлония «подражателем Христа».

Если из действительно благочестивых, хороших и честных людей все еще найдется много среди католического, православного и протестантского духовенства таких, у кого вера берет верх над способностью рассуждать и кто, никогда не побывав среди языческих народов, судят несправедливо только вследствие своего незнания, то с миссионерами дело обстоит не так. Неизменной уверткой последних является приписывание демонопоклонству поистине христоподобные жизни индусских и буддийских аскетов и многих лам. Годы пребывания среди «языческих» народов в Китае, Татарии, Тибете и в Индустане снабдили их обильными свидетельствами, как несправедливо были оклеветаны так называемые идолопоклонники. Перед миром, который они вводят в заблуждение, миссионеры не могут оправдаться даже искренностью собственной веры, и, за немногими исключениями, можно смело перефразировать замечание Гарибальди и сказать, что:

> *«Священнослужитель сам сознает, что он обманщик, если только он не глупец или если его не учили лгать с самого детства».*

ГЛАВА VIII
ИЕЗУИТСТВО И МАСОНСТВО

«Сыновья христиан и католиков могут обвинять своих отцов в преступлении, характеризующемся в принадлежности к ереси... хотя они могут знать, что за это их родители будут заживо сожжены на костре и преданы смерти... И они не только могут отказать им в пище, если те попытаются совратить их с католического вероисповедания, НО И МОГУТ ЗАКОННО ИХ УБИТЬ».

– *Наставление иезуитов*
– *(F. Stephen Fagundez, «Praecepta Decalogi», Lugduni, 1640).*

«Наимудрейший. – Который час?
«Преп. К. С. Уорден. – Первый час дня, время, когда завеса в храме была сорвана, когда тьма и ужас распространились по земле – когда свет померк – когда орудия масонства были поломаны – когда исчезла пламенеющая звезда – когда кубический камень был разбит – когда «СЛОВО» было утеряно».

– *Magna est Veritas et Praevalebit.*

Величайший из еврейских каббалистических трудов – *«Зогар»* זהר – был составлен раввином Симеоном Бен Иохаи. По мнению некоторых критиков, это было сделано за годы до христианской эры; по мнению других – лишь после разрушения храма. Однако, он был завершен только сыном Симеона, раввином Елеазаром и его секретарем, раввином Аббой, так как этот труд настолько громадный и предметы, в нем затронутые, настолько глубоки, что даже всей жизни этого раввина, прозванного Князем каббалистов, не хватило для выполнения этой задачи. Вследствие того, что людям стало известно, что он владеет этим знанием, а также знанием *«Меркабы»,* которое обеспечивало получение «Слова», – над жизнью его нависла смертельная угроза, и ему пришлось бежать в пустыню, где он прожил двенадцать лет в пещере, окруженный верными учениками и, наконец, умер там посреди знаков и чудес.[421] Но как бы объемист ни был труд и как бы много основных вопросов тайных и устных традиций он не содержал он все же не охватывает их всех. Хорошо известно, что этот почитаемый каббалист никогда не передавал наиболее значительные детали своей доктрины иначе, как только устно, и то только очень ограниченному числу друзей и учеников, включая и своего единственного сына. Поэтому без окончательного посвящения в *«Меркабу»* изучение *«Каббалы»* всегда будет неполным, а *«Меркаба»* может быть преподана только «в темноте, в пустынном месте и после многих и страшных испытаний». Со времени смерти Симеона Бен Иохаи эта тайная доктрина осталась нерушимой тайной для внешнего мира. Передаваемая *только в качестве тайны,* она сообщается кандидату устно, *«лицом к лицу и устами к уху».*

Эта масонская заповедь, «устами к уху и слово тихим шепотом», является наследием от танаимов и старых языческих мистерий. Ее современное применение несомненно должно быть обязано своим происхождением неблагоразумию какого-то ренегата-каббалиста, хотя само «слово» представляет собою только «заменитель» «утерянного

---

[421] Многочисленны чудеса, которые отмечены при его смерти или, вернее, его переходе, ибо он не умирал, как умирают другие, но его тело внезапно исчезло, когда ослепительный свет залил всю пещеру сиянием; когда тот стал терять яркость, его тело стало снова зрительным. Когда этот небесный свет совсем уступил место обычной полутьме мрачной пещеры – тогда только, говорит Гинзбург, “ученики Израиля увидели, что лампа Израиля погасла”. Его жизнеописатели говорят нам, что во время приготовлений к его похоронам и во время самих похорон голоса были слышны с Небес. Когда стали спускать гроб в глубокую пещеру, для этого выкопанную, пламя вырвалось из него и в воздухе мощный и величественный голос произнес следующие слова: “Это тот, кто заставлял землю дрожать и потрясал царства!”

слова» и является сравнительно недавним изобретением, как мы далее покажем. Действительное изречение осталось навсегда в исключительном владении адептов разных стран Восточного и Западного полушарий. Только ограниченное число среди глав тамплиеров и некоторые розенкрейцеры семнадцатого века, всегда находящиеся в близких отношениях с арабскими алхимиками и посвященными, могли, в самом деле, похвастаться, что владеют им. От седьмого до пятнадцатого века в Европе не было никого, кто мог бы претендовать на него; и хотя алхимики были и до дней Парацельса, – он был первым, кто прошел истинное посвящение, ту последнюю церемонию, которая дает адепту власть путешествовать по направлению «горящей купины» по святой земле, и «сжечь золотого тельца в огне, превратить его в порошок и рассеять по поверхности воды». Истинно, эта магическая *вода* и «утерянное слово» оживили более, чем одного из до-Моисеевых Адонирамов, Гедалиахов и Хирамов Абифов. Настоящее слово, теперь замененное *Мак Бенак* и Мах, употреблялось за века до того, как его псевдомагический эффект был испытан на «сынах вдовы» последних двух веков. Кто был, фактически, первым действительным влиятельным масоном? Элиас Эшмол, *последний из розенкрейцеров и алхимиков.* Принятый в Действительное масонское Общество в Лондоне в 1646 г. он умер в 1692 г. В то время масонство не было таким, каким оно стало позднее; оно не было ни политическим, ни христианским учреждением, но было настоящей тайной организацией, которая принимала в узы товарищества всех людей, стремящихся получить бесценное благо свободы совести и избегнуть преследования со стороны духовенства [550]. Не раньше тридцати лет после его смерти то, что теперь называют современным франкмасонством увидело свет. Оно родилось 24 июня 1717 г. в таверне Эппл-три на Чарлз стрит, Ковент Гарден, в Лондоне. Именно тогда, как сказано в «Уложениях» Андерсона, единственные четыре ложи юга Англии избрали Энтони Сэйера первым великим мастером масонов. Несмотря на свою чрезвычайную молодость, эта великая ложа всегда требовала признания ее верховенства со стороны всего братства по всему миру, как об этом рассказала бы латинская надпись на плите, заложенной под камнем основания франкмасонского здания в Лондоне в 1775 г., если бы кто увидел ее. Но об этом мы вскоре расскажем больше.

В «Каббале» Франка [256] автор, следуя ее «эзотерическому бреду», как он выражается, дает нам в добавление к переводам также свои комментарии. Повествуя о своих предшественниках, он говорит, что Симеон Бен Иохаи неоднократно упоминает то, что «товарищи» учили в более старых трудах. И автор цитирует какого-то «Иеба *старого* и Хамнуна *старого».*[422] Но что означают эти два «старые» и кто они были в самом деле, он нам не говорит, так как сам не знает.

Среди почитаемой секты танаимов или, вернее, тананимов, мудрецов, находились те, кто обучали тайнам на практике и посвящали некоторых учеников в великую и окончательную мистерию. Но во втором разделе *«Мишна Агига»* говорится, что скрижаль содержания *«Меркабы»* «должна вручаться только мудрым старцам» [256, 47]. *«Гемара»* еще более догматична. «Наиболее важные тайны мистерий открывались даже не всем жрецам. Они передавались только посвященным». И таким образом мы находим, что та же самая великая секретность преобладала в каждой древней религии.

Но, как мы видим, ни «Зогар», ни какой-нибудь другой каббалистический том не содержит в себе одну только еврейскую мудрость. Сама доктрина, будучи результатом мышления целых тысячелетий, является поэтому общим достоянием адептов всех народов под солнцем. Тем не менее, «Зогар» преподает больше практического оккультизма, чем какой-либо другой труд по этому предмету, не в том виде, однако, как он переведен и комментируется различными критиками, а с тайными знаками на полях. Эти знаки содержат в себе сокрытые наставления, независимо от метафизических истолкований и

[422] [**256**, 75], [**142**, т. II].

явных нелепостей, которым полностью доверял Иосиф, который никогда не был посвящен и поэтому выдавал *мертвую букву* в том же виде, как он ее получил.[423]

Действительная практическая магия, содержащаяся в «Зогаре» и в других каббалистических трудах, доступна только тем, кто читает *изнутри,* христианские апостолы – по крайней мере те, о которых сказано, что они творили «чудеса» *по желанию*[424] – должно быть, были ознакомлены с этой наукой. Непристойно для христианина с ужасом или усмешкой взирать на «магические» геммы, амулеты и другие талисманы против «злого глаза», которые служат чарам, чтобы оказывать таинственное влияние на владельца или на лицо, которым маг хочет управлять. Еще до сих пор существует значительное количество таких зачарованных амулетов в публичных и частных коллекциях древностей. Изображения на выпуклых геммах с таинственными надписями – значения которых ставит в тупик всех ученых исследователей – приводятся многими коллекционерами. Кинг показывает несколько таких в «Гностиках» [410], где он описывает некий белый карнелиан (халцедон), с обеих сторон покрытый нескончаемыми надписями, истолковать которые никогда не удастся; да, никогда, разве только если чтец является изучающим герметизм или адептом. Но мы отсылаем читателя к этому интересному труду и к талисманам, изображенным на его гравюрах, чтобы доказать, что даже «Провидец Патмоса» сам был знатоком этой каббалистической науки о талисманах и геммах. Св. Иоанн ясно намекает на мощный «белый карнелиан» – это гемма, хорошо известная среди адептов как *«alba petra»,* или камень посвящения, на котором обычно вырезано слово *«награда»,* так как он давался кандидату, успешно прошедшему через все испытания неофита. Дело в том, что, как и «Книга Иова», все «Откровение» является просто аллегорическим повествованием о мистериях и посвящении в них кандидата, которым является сам Иоанн. Ни один высокий масон, хорошо осведомленный о различных степенях, не может этого не заметить. Числа *семь, двенадцать,* и другие, являются светочами, проливающими свет на затемненность этого труда. Парацельс несколько веков тому назад утверждал то же самое. И когда мы читаем, что «некто подобный Сыну человеческому» говорит (гл. II, 17): «Тому, кто одолеет, я дам отведать *манну сокровенную* и дам ему БЕЛЫЙ КАМЕНЬ, и новое имя, написанное на камне», – слово – *которое никто не знает,* за исключением того, *кто его получает,* какой мастер-масон усомнится, что оно относится к последней строчке заголовка настоящей главы?

В дохристианских мистериях Митры кандидат, бесстрашно одолевший *«двенадцать* Испытаний», предшествующих окончательному посвящению, получал небольшую круглую булочку или вафлю из бездрожжевого хлеба, символизирующую, в одном из своих значений, солнечный диск и известную под названием небесного хлеба или «манны», и на ней были изображены фигуры. Резали *ягненка* или *быка,* и кандидат опрыскивался кровью, как это было в случае посвящения императора Юлиана. *Семь* правил, или тайн, затем вручались «новорожденному», которые представлены в «Откровении» как семь печатей, которые открываются «по порядку» (см. гл. V и VI). Тут не может быть сомнения, что Патмосский Провидец имел в виду эту церемонию.

Происхождение римско-католических амулетов и «реликвий», благословенных папою, такое же самое, как и «Эфессийских Чар», или магических письмен, вырезанных на камне или начертанных на куске пергамента; еврейских амулетов со стихами Закона,

---

[423] Он повествует, как раввин Елеазар в присутствии Веспасиана и его сановников изгнал демонов из нескольких человек простым прикладыванием к носам одержимых одного из ряда корней, рекомендованных царем Соломоном! Этот известный историк уверяет нас, что раввин выгнал дьяволов через ноздри пациентов именем Соломона и силою заклинаний, составленных царем-каббалистом [**151**, VIII, II, 5].

[424] Существуют иногда *бессознательно* сотворенные чудеса, которые, подобно феноменам, ныне называемым “спиритуальными”, вызываются естественными космическими силами, месмеризмом, электричеством и невидимыми существами, которые всегда действуют вокруг нас, независимо от того, являются ли они человеческими или элементарными духами.

называемых филактериями, φυλακτηρια, и магометанских чар со стихами из Корана. Все они применялись в качестве защитных магических чар и носились верующими на себе. Епифаний, этот достойный экс-маркузианец, который говорит об этих чарах, когда они носились манихейцами, как об амулетах, то есть предметах, носимых подвешенными на шее *(Periapta),* и «заклинаниях и *тому подобных надувательствах*», – не вправе бросать грязью на *«надувательства»* язычников и гностиков, не включив туда же римско-католические и папские амулеты.

Но последовательность является добродетелью, которая, как мы боимся, теряет под иезуитским влиянием даже ту небольшую силу, какую она когда-либо имела в церкви. Хитрый, эрудированный, бессовестный, ужасный дух иезуитства внутри тела римского католичества медленно, но верно поглощает весь престиж и духовную силу, которая у нее осталась. Для лучшего освещения нашей темы необходимо сопоставлять нравственные принципы древних танаимов и теургов с принципами, исповедуемыми современными иезуитами, которые ныне практически правят в римско-католической церкви и являются теми скрытыми врагами, которых должен встретить и преодолеть каждый будущий реформатор. По всему древнему миру, где, в какой стране можем мы найти что-либо подобное этому ордену или даже что-нибудь хотя бы приблизительно похожее на него? Мы обязаны отвести место иезуитам в этой главе о тайных обществах, ибо более чем кто-либо другой они являются тайным обществом и имеют гораздо более тесную связь с действующим масонством, – по меньшей мере во Франции и Германии, чем обычно людям это известно. Крик возмущенного чувства общественной нравственности против этого ордена поднялся с самого времени его рождения.[425] Едва прошло 15 лет после обнародования папской буллы, одобряющей учреждение этого ордена, как его членов начали изгонять из одного места в другое. Португалия и Нидерланды избавились от них в 1578 г.; Франция – в 1594 г.; Венеция – в 1606 г.; Неаполь – в 1622 г.; из Петербурга их изгнали в 1815 году а изо всей России – в 1820 году.

Этот орден был многообещающим дитятею с самых ранних лет. Что из него выросло – все хорошо знают. Иезуиты причинили больше нравственного вреда в этом мире, чем все полчища бесов мифического Сатаны. Каким бы экстравагантным ни казалось это замечание, оно перестает казаться таким, когда наши читатели в Америке, которые теперь очень мало знают о них, ознакомятся с их принципами *(principio)* и правилами в таком виде, в каком они изложены в различных трудах, написанных самими иезуитами. Мы просим разрешения напомнить читателям, что каждая из нижеследующих формулировок в кавычках извлечена из подлинных рукописей или фолиантов, напечатанных этой выдающейся организацией. Многое скопировано с больших *Quarto*[426] опубликованных по поручению членов комиссии французского Парламента, проверенных и сверенных ими же. Формулировки, собранные в этом труде, были представлены королю, чтобы – как выразилась *«Arrest du Parlement du 5 Mars, 1762»* – «старший сын церкви мог узнать о порочности этой доктрины... Доктрины, узаконивающей Кражу, Ложь, Лжесвидетельство, Нечистоплотность, все Страсти и Преступления, наставляющей на Человекоубийство, на Отцеубийство и Цареубийство, на свержение религии и замену ее суеверием путем потворствования *Колдовству,* Кощунству, Неверию, Идолопоклонству...

---

[425] Возникновение ордена – 1540 г. И уже в 1555 году поднялось всеобщее возмущение против них в некоторых местностях Португалии, Испании и в других странах.

[426] Извлечения из этого *"Arrêt"* были собраны в один труд из четырех томов, который появился в Париже в 1762 г. и был известен как *"Extraits des Assertions,* и т. д.". В книге под заглавием *"Réponse aux Assertions",* иезуитами была сделана попытка подвергнуть сомнению факты, собранные членами комиссии французского Парламента в 1762 г., якобы большей частью злонамеренно измышленные. "Чтобы установить обоснованность этого обвинения", – говорит автор "Основ иезуитства", – "были обысканы библиотеки двух университетов, Британского Музея и Сионского Колледжа: и во всех случаях, когда находили искомую книгу, правильность взятых цитат была установлена".

и т. д.». Давайте рассмотрим представления иезуитов о *магии*. Высказываясь письменно по поводу этого предмета в своих секретных инструкциях, Антоний Эскобар [551, т. IV] говорит:

> «Законно... пользоваться наукой, приобретенной *с помощью Дьявола,* лишь бы сохранение и использование этого знания не зависело от Дьявола, ибо *знание само по себе добро, а грех, посредством которого оно приобреталось, уже в прошлом*».[427] Следовательно, почему бы иезуиту не надувать Дьявола так же, как он надувает каждого мирянина?
>
> *Астрологи и предсказатели обязаны, или не обязаны возвращать вознаграждение за предсказание будущего, если предсказанные ими события не совершаются».* «Я признаюсь», – говорит *добрый* отец Эскобар, – «что первое мнение мне не совсем нравится, потому что когда астролог или предсказатель приложил все усердие *в этом дьявольском искусстве,* которое существенное для достижения его цели, то он свершил свой долг, каков бы ни был результат. Как врач... не обязан возвращать плату за лечение... если его больной умирает; так и астролог не обязан возвращать свой гонорар... за исключением случая, когда он не приложил усилий или был несведущ в своем дьявольском искусстве, так как когда он прикладывал свои усилия, он не обманывал».[428]

Далее мы находим следующее по поводу астрологии:

> «Если кто-либо утверждает посредством догадок, обоснованных на влиянии звезд и характере и наклонностях человека, что он будет солдатом, духовным лицом или епископом, то *в этом гадании не заключается никакого греха,* так как звезды и наклонности человека могут иметь власть направлять человеческую волю к определенному поприщу или положению, но не имеют власти его принуждать».[429]

Бузенбаум и Лакруа в «Theologia Moralis» [552] говорят:

> «Хиромантия может считаться законной, если по линиям и разделам рук она может выяснить расположенность к чему-либо тела и догадаться с вероятностью о склонностях и влечениях души».[430]

Многие проповедники в последнее время яростно отрицали тот факт, что это благородное братство когда-либо было *тайным* обществом, но теперь это с достаточной убедительностью доказано. Их основные законы были переведены на латинский язык иезуитом Поланкусом и напечатаны в колледже Общества в Риме в 1558 г.

> «Их ревностно хранили в тайне; большая часть самих иезуитов знали только извлечения из них [**554**]. *Их никогда не извлекали на свет до 1761 г., когда они были опубликованы по приказу французского Парламента* в 1761-1762 гг. во время нашумевшего процесса отца Лавалета».

Степени ордена следующие: 1. Послушники; 2. Мирские Братья или временные Коадъюторы; 3. Схоластики; 4. Духовные Коадъюторы; 5. Принявшие Три Обета; 6. Принявшие Пять Обетов.

---

[427] [**551**, т. IV, XXVIII, sect. I, de Praecept I, c. 20, n. 184].

[428] [**551**, т. IV, XXVIII, sect. 2, de Praecept I, Probl. 113, n. 586].

[429] [**553**, т. II, pars. II, tr. 5, c. 1, § 2, n.4].

[430] [**552**, т. II, III, pars. I, fr. I, c. 1, dub. 2, resol. VIII]. Как жаль, что защитник на недавнем религиозно-научном судоразбирательстве медиума Слэйда в Лондоне не посоветовал им процитировать это ортодоксальное узаконивание “обмана хиромантией и другими способами”!

«Еще существует тайный класс, про который знает только Генерал и несколько верных иезуитов, который, возможно, больше чем какой-либо другой, вносил свой оклад в страшную тайную власть ордена», – говорит Никколини.

Одним из величайших достижений своего ордена иезуиты считают то, что Лойола поддержал – специальным меморандумом к Папе – петицию о реорганизации этого отвратительного и мерзкого инструмента оптового человекоубийства – позорного трибунала Инквизиции.

Теперь этот орден иезуитов всемогущ в Риме. Их восстановили в Конгрегации чрезвычайных дел духовенства, в Департаменте государственного секретаря и в Министерстве иностранных дел. Ватиканское правительство годами, до оккупации Рима Виктором Эмануилом, находилось целиком в их руках. В настоящее время их Общество насчитывает 8584 члена. Но мы должны посмотреть, каковы их главные правила. По вышеприведенным примерам ознакомившись с их образом действия, мы теперь можем судить, какова должна быть вся эта католическая община. Маккензи говорит:

«Этот орден имеет секретные знаки и пароли, соответствующие той степени, к которой члены принадлежат, и так как они не носят особой одежды, то очень трудно опознать их, если только они сами не представят себя, как членов ордена, так как они могут казаться протестантами или католиками, демократами или аристократами, неверующими или набожными, в зависимости от той миссии, какая на них возложена. Их шпионы находятся везде, во всех слоях общества, и они могут казаться учеными и мудрыми, простаками и глупцами – как повелевают их инструкции. Имеются иезуиты обоих полов и всяких возрастов, и хорошо известен тот факт, что члены ордена, происходящие из занимающих высокое положение семей и получившие нежное воспитание, служат раболепными слугами в протестантских семьях и совершают различные другие деяния подобного рода, чтобы способствовать целям Общества. Для нас никакая предосторожность не будет лишней, так как все это Общество, будучи обоснованным на законе беспрекословного повиновения, может проявить свою силу в любом месте с безошибочной и фатальной точностью» [**526**, с. 369].

Иезуиты утверждают, что «Общество Иисуса не есть человеческое изобретение, а оно *произошло от того, чье имя оно носит.* Ибо Иисус сам описал то правило жизни, которому Общество следует, *сперва своим примером,* а потом своими словами» [555, I, 3, с. 64].

Пусть тогда все благочестивые христиане послушают и ознакомятся с этим якобы «правилом жизни» и наставлениями их Бога на примерах иезуитов. Петр Алагона *(St. Thomae Aquinatis Summae Theologiae Compendium)* говорит:

«По велению Бога является законным убивать невинного человека, украсть или совершить... *(Ex mandato Dei licet occidere innocentem, furari, fornicari);* ибо он есть Господь жизни и смерти и всего сущего, *и поэтому веление его должно быть выполнено*». (Ex prima secundae, Quaest., 94).

«Человек, принадлежащий к религиозному ордену, который на краткое время отбрасывает свой обычный режим *для греховной цели*, – свободен от отвратительного греха и не подлежит наказанию отлучением от церкви» (III, 2, probl. 44, n. 212).[431]

Иоанн Баптист Таберна *(«Synopsis Theologiae Practi-cae»),* ставит следующий вопрос:

---

[431] [**551**, т. I]: “Idem sentio, e breve illud tempus ad inius horae spatium traho. Religiosus itaque habitum demittens assignato hoc temporis interstitio, non incurrit excommunicationem, etiamsi dimittat поп solum ex causa, turpi, scilicet fornicandi aut clam aliquid abripiendi, set etiam ut incognitus ineat lupanar”, Probl. 44, n. 213.

«Обязан ли судья возвратить взятку, которую он получил за вынесение приговора? Ответ: «Если он получил взятку за вынесение несправедливого приговора, то, вероятно, он может ее не возвращать... Это мнение поддержали и защитили пятьдесят восемь докторов» (иезуитов) [**557**, pars. II, tra. 2, c. 31].

Нам следует воздержаться в данное время от приведения дальнейших примеров. Настолько отвратительны, безнравственны, лицемерны и развращающи почти все эти наставления, что многие из них были найдены недопустимыми для появления в печати, за исключением на латинском языке.[432] Мы вернемся к некоторым из более приличных по мере нашего продвижения – ради сравнения. Но что мы должны думать о будущем католического мира, если и на деле и на словах он будет управляться этим злодейским обществом? А что дело идет к этому – мы едва ли можем сомневаться, так как мы находим, что кардинал архиепископ Кембрийский во всеуслышание заявил то же самое всем верующим? Его пастырская речь наделала некоторый шум во Франции, и все же, так как уже прошло два столетия со времени *expose* этих безнравственных принципов, у иезуитов было достаточно времени, чтобы лгать, отрицая справедливые обвинения, настолько успешно, что большая часть католиков никогда не поверит таким вещам. *Непогрешимый папа* Климент XIV (Джанганелли) запретил их 23-го июля 1773 г., и все же они воскресли опять; и другой равно непогрешимый папа Пий VII восстановил их 7 августа 1814 г.

Но мы послушаем, что монсеньер Кембрийский рад заявить в 1876 году. Мы приводим цитату из светской газеты:

«Между прочим, он утверждает, что *клерикализм, ультрамонтанизм и иезуитизм – одно и то же – так сказать, католицизм*, – и что различия между ними были созданы врагами религии. Было время, он говорит, когда во Франции у всех было определенное богословское мнение в отношении папской власти. Оно ограничивалось нашей нацией и было недавнего происхождения. Гражданская власть в течение полутора веков навязывала свое официальное руководство. Тех, кто придерживался этого мнения, прозвали галлийцами, а тех, кто протестовали – ультрамонтанами, так как они имели свой идеологический центр по ту сторону Альп, в Риме. Ныне такое различие между двумя школами больше недопустимо. Богословский галлизм не может больше существовать, так как их мнения стали нетерпимыми для церкви. *Они были торжественно осуждены безвозвратно Вселенским Собором Ватикана. Теперь нельзя быть католиком, не будучи ультрамонтаном – и иезуитом»*.[433]

Этим вопрос решен. Пока что мы оставим выводы и приступим к сравнению некоторых поступков и наставлений иезуитов и отдельных мистиков и организованных каст и обществ древних времен. Таким образом честно рассуждающий читатель может занять пост судьи между ними и установить – к чему ведут их доктрины – ко благу или к деградации человечества.

Раввин Джошуа Бен Хананеа, который умер около 72 года н. э., открыто заявил, что он совершал «чудеса» с помощью *«Книги Сефер Иецира»* и бросал вызов каждому скептику.[434] Франк, приводя цитаты из вавилонского *«Талмуда»,* называет имена двух других чудотворцев – раввинов Ханина и Ошой [256, с. 55, 56].

Симон Волхв, несомненно, был учеником танаимов Шумерии; оставшаяся после него репутация вместе с данным ему прозвищем «Великой Силы Божией» сильно свидетельствуют в пользу способностей его учителей. Клеветнические наговоры, так яростно распространяемые против него неизвестными авторами и составителями «Деяний апостолов» и других писаний, не могли исказить истины до такой степени, чтобы скрыть тот факт, что никакой христианин не мог состязаться с ним в тауматургических деяниях.

---

[432] См. [**558**].
[433] Взято из Пастырского обращения архиепископа Кембрийского.
[434] См. [**559**], гл. 7 и т. д.

Повествование о его падении во время воздушного полета, и о том, что он сломал обе ноги и затем совершил самоубийство – смешно. Вместо мысленной молитвы, чтобы это произошло, почему апостолы не молились, чтобы им была дана власть превзойти Симона в сотворении чудес, так как в таком случае они доказали бы превосходство своей веры более легко и таким образом могли бы обратить в христианство тысячи людей. Потомство услышало повествование только с одной стороны. Если бы случай повествования представился ученикам Симона, то мы, может быть, обнаружили бы, что именно Петр сломал обе ноги, но мы знаем, что этот апостол был слишком предусмотрительным, чтобы когда-либо отважиться на появление в Риме. По признанию нескольких писателей из духовенства, ни один апостол никогда не совершал таких «сверхъестественных чудес». Разумеется, набожные люди скажут, что это только еще более доказывает, что именно «Дьявол» помогал Симону.

Симона обвиняли в кощунстве против Святого Духа, потому что он называл его «Святое придыхание, *Mens* (Разум), или матерь всего». Но мы находим то же самое выражение в «Книге Еноха», в которой, в отличие от «Сына Человеческого», он говорит – «Сын Женщины». В «Кодексе назареев», в «Зогаре», так же как и в *Книгах Гермеса,* это выражение является обычным; и даже в апокрифическом *«Евангелии евреев»* мы читаем, что Иисус сам признал пол Святого Духа, сказав – *«Моя Мать, Святая Пневма».*

Но что такое ересь Симона или кощунство всех еретиков по сравнению с ересями тех же иезуитов, которые ныне полностью подчинили себе папу, Рим духовенства и весь католический мир? Послушайте снова их вероисповедание.

> «Делай то, что твоя совесть считает хорошим и приказывает делать; если вследствие непреодолимой ошибки ты считаешь, что Бог велит тебе лгать или кощунствовать, *кощунствуй*» [**560**, кн. I, VI, 2, § 1, № 59].
>
> «Не делай того, о чем твоя совесть говорит, что это запрещено; не поклоняйся Богу, если ты непоколебимо веришь, что это запрещено Богом» [**560**, кн. I, VI, 2, § 1, № 59].
>
> «Существует подразумеваемый закон... повинуйся непобедимым неправильным велениям совести. Как только ты уверился непоколебимо, что тебе ведено лгать, – *лги*» [**560**, кн. I, VI, 2, § 2, № 78].
>
> «Предположим, что некий католик непоколебимо верит, что поклонение изображениям запрещено; в таком случае наш Господь Иисус Христос должен будет сказать ему: *«Отойди от меня, ты, проклятый... так как ты поклонялся моему изображению».* Поэтому также нет никакой нелепости в предположении, что Христос может сказать: *«Подойди, ты, благословенный... так как ты солгал, веря непоколебимо, что в таком случае я велел тебе солгать*» [**560**, кн. I, VI, 5, § 1, № 165].

Нет слов, чтобы воздать должное тем чувствам, которые эти изумительные наставления должны разбудить в груди каждого честного человека! Пусть молчание, как результат *непреодолимого* отвращения, будет единственной нашей данью такому неимеющему равных нравственному падению.

С огромной силой выразились чувства народа в Венеции (1606 г.), когда иезуитов выгоняли из города. Большие толпы сопровождали изгнанников до берега моря, и по волнам вслед за ними прозвучал прощальный крик: *«Ande in malora!»* (Убирайтесь! Горе вам!).

> «Эхо этого крика отдавалось в двух последующих веках», – говорит Мишле, дающий это сообщение, – «в Богемии в 1618 году... в Индии в 1623 г. и по всему христианскому миру – в 1773 году».

В чем же тогда заключается кощунство Симона Волхва, если он просто делал то, о чем его совесть непреодолимо уверяла его, что это правильно? И чем же «еретики» и даже *неверные* самого худшего сорта заслуживали большего порицания, чем иезуиты – например, из Каена [561], которые говорят следующее:

«Христианская религия... *явно* заслуживает доверия, но она не есть *явно истинная.* Она явно заслуживает доверия, так как очевидно, что кто бы ни воспринял ее, тот благоразумен. Она *не есть явно истинная,* ибо она или учит неясно, или же то, чему она учит, неясно. И те, кто утверждают, что христианская религия – явно истинна, те также обязаны признать, что она явно ложна».

«Отсюда делай вывод –

1. Что *не* очевидно, что в мире существует какая-либо истинная религия.

2. Что *не* очевидно, что изо всех существующих на земле религий христианская религия является наиболее истинной, ибо разве ты путешествовал по всем странам мира и знаешь, что у других есть?..

.....

4. Что *не* очевидно, что предсказания пророков были даны путем вдохновения от Бога; ибо какое опровержение ты выдвинешь против меня, если я буду отрицать, что это были действительные пророчества, или буду утверждать, что это были только догадки?

5. Что *не* очевидно, что чудеса, приписываемые Христу, были настоящие, хотя и никто не может толково их отрицать (Положение 6).

Также не нужны христианам признанная вера в Иисуса Христа, в Троицу, во все догматы Веры и десять заповедей. Единственная искренняя вера, которая была необходима первым (евреям) и необходима последним (христианам), это 1) вера в Бога; 2) вера в награждающего Бога» (Положение 8).

Отсюда также более чем «очевидно», что в жизни величайшего лжеца бывают моменты, когда он высказывает некоторые истины. «Добрые отцы» в данном случае снабдили нас прекрасными примерами, чтобы мы могли яснее чем когда-либо понять, из какого источника произошли те торжественные осуждения во Вселенском Соборе 1870 г. неких «ересей» и навязывание других догматов веры, в которые никто не верил меньше, чем те, кто вдохновили папу на их введение. Вероятно истории еще предстоит узнать, что восьмидесятилетний папа, опьяненный испарениями его нововведенной непогрешимости, был только верным отголоском иезуитов.

> «Трясущийся старик поднят на *pavois* Ватикана», – говорит Мишле, – «все поглощается им, и все ограничивается им... Пятнадцать веков христианский мир находился в духовном ярме у церкви... Но этого ярма им показалось мало; им захотелось, чтобы весь мир склонился под рукою одного хозяина. Мои собственные слова здесь будут слишком слабы; я займу их у других. Они (иезуиты) хотели (это то обвинение, которое им бросил в лицо Епископ Парижский при полном Соборе в Тренте) *faire de l'ŭpouse de Jesus Christ une prostituŭe aux volontŭs d'un homme*» [**562**].

Им это удалось. Отныне церковь – инертное орудие, а папа – бедный слабый инструмент в руках этого ордена. Но надолго ли? Прежде чем настанет конец, искренним христианам следовало бы припомнить пророческое горестное оплакивание трижды великим Трисмегистом своей собственной страны:

> «Увы, увы, мой сын, настанет день, когда священные иероглифы станут только идолами. *Мир примет эмблемы науки за богов и* будет обвинять великий Египет в поклонении адовым чудовищам. Но те, кто таким образом будут клеветать на нас, сами будут поклоняться Смерти вместо Жизни, глупости вместо мудрости; они будут осуждать любовь и плодородность, наполнят свои храмы костями мертвецов в качестве реликвий и растратят понапрасну свою молодость в одиночестве и слезах. Их *девственницы станут вдовами (монахинями) до того как выйдут замуж* и будут увядать в печали, потому что люди презреют и профанируют священные мистерии Изиды» [**563**, XXVII].

Насколько правильным это пророчество оказалось, мы находим в следующем иезуитском наставлении, которое мы опять извлекаем из доклада членов Парламентской Комиссии в Париже:

«Более правильным мнением будет, что *можно законно поклоняться всем неодушевленным и не одаренным разумом предметами*, – говорит отец Габриэль Васкес, трактуя об идолопоклонстве. – «Если доктрина, которую мы установили, понята правильно, то не только можно законно поклоняться нарисованным изображениям и всякому священному предмету, выставленному общественной властью для поклонения Богу, как ему Самому, но также и любому другому предмету в этом мире, будь он неодушевленный, неодаренный разумом или разумный по своей натуре» [**564**, III, disp. I, 2].

«Почему нам нельзя поклоняться как Богу, вне опасности, так и чему угодно в этом мире, ибо Бог в нем по Своей сущности... [Это как раз то, что утверждает пантеистическая и индуистская философия] и сохраняет его беспрерывно Своею силою; и когда мы склоняемся перед ним и запечатлеваем на нем поцелуй, мы предстаем перед Богом, автором его, со всею душою, как перед прототипом этого образа [следует перечисление реликвий и т. д.]... К этому мы можем добавить, что так как все в этом мире есть труд Бога, и Бог всегда пребывает и действует в нем, то нам намного легче постигать Его в нем, чем, скажем, какого-либо святого по тому одеянию, которое ему принадлежало. И поэтому, *ничуть не вдаваясь в оценку достоинства сотворенного предмета, направлять наши мысли к Богу в то время как мы воздаем этому творению знаки почитания и подчинения поцелуем и коленопреклонением перед ним – не будет ни напрасным, ни суеверным деянием, а будет чистейшим религиозным актом*» [**564**, III, disp. I, 2].

Это такое наставление, которое, делает ли оно честь христианской церкви или нет, может быть выгодно процитировано любым индусом, японцем или другим язычником, когда его упрекают в идолопоклонстве. Мы нарочно приводим здесь эту цитату ради пользы наших уважаемых «языческих» друзей, которые увидят эти строки.

Пророчество Гермеса менее двусмысленно, чем любое из пророчеств, якобы произнесенных Исаией, которые послужили поводом для утверждения, что боги всех народов были демонами. Но только факты иногда сильнее, чем самая сильная вера. Все, чему евреи научились, они получили от народов, которые были старше их самих. Халдейские маги были их учителями по тайной доктрине, и именно во время вавилонского плена они получили как метафизические, так и практические познания. Плиний упоминает три школы магов: одну, на которую он указывает как на основную в незапамятной древности; другую, основанную Осфанесом и Зороастром; и третью, основанную Моисеем и Иамбресом. И все это знание, которым обладали эти различные школы – магов, египетская и еврейская – было получено из Индии или, вернее, с обеих сторон Гималаев. Много утерянных секретов лежат похороненными под песками в пустыне Гоби Восточного Туркестана, и мудрецы Хотана сохранили странные предания и знания алхимии.

Барон Бунзен показывает, что происхождение древних молитв и гимнов египетской «Книги Мертвых» *предшествует* Менесу и относится, вероятно, к до-Менитской Династии Абидоса между 3100 и 4500 гг. до Р. Х. Этот ученый египтолог считает, что эра Менеса или Национальной Империи наступила не позднее 3059 года до Р. Х. и наглядно доказывает, что «система поклонения Озирису и мифология уже были сформированы» [74, т. V, с. 94] до этой эры Менеса.

В гимнах этой научно установленной до-Эдемовской эпохи (ибо Бунзен уводит нас назад на несколько веков от года сотворения мира, т. е. 4004 г. до Р. Х., как указано в библейской хронологии) мы находим четко выраженные уроки нравственности, идентичные по духу и почти идентичные по форме выражения с теми, которые Иисус проповедовал в своей Нагорной Проповеди. Это наше утверждение мы подкрепляем авторитетом наиболее выдающихся египтологов и знатоков иероглифических письмен.

«Надписи двенадцатой Династии полны ритуалистических формул», – говорит Бунзен. Выдержки из *Книг Гермеса*, находимые на памятниках самых ранних династий, и «на памятниках двенадцатой (династии), выдержки из *более раннего* ритуала отнюдь не являются

редкими... *Накормить* голодного, напоить жаждущего, одеть обнаженного, похоронить *мертвого... составляло первую обязанность благочестивого человека...* Учение о бессмертии души так же старо, как этот период». (Глинобитная табличка, Брит. Муз., 562) [**74**, т. V, с. 129].

И, наверное, еще намного старше. Оно ведет свое происхождение с того времени, когда душа была *объективным* существом; следовательно, едва ли могла *сама себя* отрицать; когда человечество представляло собою духовную расу, и смерти не существовало. К закату жизненного цикла эфирный *человек-дух* впал в сладкую дремоту временной бессознательности в одной сфере только для того, чтобы очнуться в еще более ярком свете более высокой сферы. Но в то время как духовный человек постоянно стремится подняться все выше и выше к источнику своего существования, проходя через циклы и сферы индивидуальной жизни, – физическому человеку пришлось нисходить вместе с великим циклом вселенского творения до тех пор, пока он не очутился одевшимся в земное одеяние. С тех пор душа была слишком глубоко захоронена под физическим одеянием, чтобы снова заявлять о своем существовании, за исключением случаев тех более духовных натур, которые с каждым циклом становились все более редкими. И все же, ни один из доисторических народов никогда и не подумал отрицать существование или бессмертие внутреннего человека, настоящего «я». Только мы не должны забыть учений древних философий: один лишь дух бессмертен – душа, сама по себе, ни вечна, ни божественна. При слишком тесном соединении с физическим мозгом своего земного футляра она постепенно становится *предельным* умом, простым животным и чувствующим жизненным принципом, *нэфеш* еврейской Библии.[435]

Доктрина о триединой натуре человека столь же ясно определена в герметических книгах, как и в системе Платона, или опять-таки в буддийской и брахманистской философиях. И она является одною из наиболее важных, так же как и наименее понятых доктрин герметической науки. Египетские мистерии, так несовершенно известные миру, и то только через краткие намеки о них в «Метаморфозах» Апулея, обучали величайшим добродетелям. Они раскрывали стремящемуся к «высшим» тайнам посвящения то, что многие наши современные исследователи герметизма напрасно ищут в каббалистических книгах и что никакие неясные учения церкви, руководимой орденом иезуитов, никогда не будут в состоянии раскрыть. Потому, сравнивать древние тайные общества иерофантов с искусственно созданными галлюцинациями тех нескольких последователей Лойолы, которые, может быть, были искренни в начале своей карьеры, – является оскорблением первых. И все же, во имя справедливости к ним мы вынуждены это делать.

---

[435] “И сотворил Бог... всякую *нэфеш* [душу животных]” [*Бытие,* I, 21], подразумевая жизнь; и [*Бытие,* II, 7] сказано: “И стал человек *нэфеш* [душею живою]”, что показывает, что слово *нефэш* было, не делая различия, применено к *бессмертному* человеку и *смертному* животному. “Я взыщу и вашу кровь, в которой *нэфешим* [ваша жизнь]; выщу ее от всякого зверя, и от человека” [*Бытие,* IX, 5]. “Беги ради спасения *нэфеш*” (переведено – беги ради спасения твоей души) [*Бытие,* XIX, 17]. “Не будем его убивать”, – гласит английский перевод [*Бытие* XXXVII, 21]; “Не будем убивать *его нэфеш*”, гласит еврейский текст. *“Нэфеш* за *нэфеш*”, – говорит “Левит” [XVII, 8]. “Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти”. “Кто убьет *нэфеш* человека” [*Левит,* XXIV, 17]; и от 18-го стиха далее читаем: “Кто убьет скотину [нэфеш животного] должен... скотину за скотину”, тогда как в подлинном тексте написано “нэфеш за нэфеш”.

В “1 Книге Царей”, I, 12; II, 23; III, 11; XIX, 2, 3, везде вместо жизнь и душа стоит *нэфеш.* “Тогда твой *нэфеш* будет за его *нэфеш*”, – объясняет пророк в [*1 Царей,* XX, 39].

Поистине, если мы не будем читать Ветхий Завет каббалистически и не будем понимать сокровенного его значения, то мы очень мало сможем узнать из него относительно бессмертия души. Простой народ среди евреев не имеет ни малейшего представления о душе и духе и не делал разницы между *жизнь, кровь* и *душа,* называя последнюю “дыханием жизни”. А переводчики царя Якова наделали из этого такую путаницу, что теперь *никто, кроме каббалиста, не может восстановить Библию в ее первоначальном виде.*

Одним из наиболее неодолимых препятствий к посвящению как у египтян, так и у греков была любая степень убийства. Одною из величайших заслуг, дающих право быть принятым в орден иезуитов, является убийство в защиту иезуитизма. *«Дети могут убивать своих родителей, если те принуждают их оставить католическую веру».*

> «Христиане и сыновья католиков», – говорит Стефан Фагундес, – «могут обвинять своих отцов в преступной ереси, если те хотят отвернуть их от веры, хотя они могут знать, что их родителей за это будут жечь огнем и предадут смертной казни, как учит Толет... И они не только могут отказать им в пище... *но также могут законно убить их*» [**565**, т. I, IV, 2, п. 7, 8].

Хорошо известно, что Нерон, император, *никогда не осмелился* просить о посвящении в мистерии по причине убийства Агриппины!

В разделе XIV *«Принципов иезуитов»,* по поводу *человекоубийства* мы находим, что отец Хенри Хенрикес в «Summa Theologiae Moralis» [566] включает нижеследующие христианские принципы:

> «Если прелюбодей, даже если бы он был духовным лицом... будучи атакован мужем, убьет нападающего... *он не считается нарушившим правила: non riditur irregularis* (кн. XIV, *de Irregularitae*, с. 10, § 3).
>
> «Если какой-либо отец был бы нежелателен для Государства (будучи в изгнании) и вообще для общества, и не существовало бы никаких других мер для устранения такого вреда, тогда я одобрил бы это» (чтобы сын убил отца), – говорится в разделе XV, *«Об отцеубийстве и человекоубийстве».*[436]
>
> «Правило, выдвинутое иезуитом Фрэнсисом Амиком, гласит; «Духовному лицу или человеку, принадлежащему к религиозному ордену позволительно *убить клеветника,* который угрожает распространить гнусные обвинения против данного лица или его религии» [**567**, т. V, disp. 36. sect. 5, n. 118].

Хватит. Высочайшие авторитеты осведомили нас, что человек в католической общине может совершать то, что закон и общественная нравственность клеймят преступлением, и все еще продолжать носить ореол иезуитской святости. Теперь вообразите, что мы снова поворачиваем медаль и смотрим, какие принципы насаждались языческими египетскими моралистами до того, как мир был облагодетельствован этими улучшениями в этике.

В Египте каждый значительный город отделялся от места захоронения священным озером. Та же самая церемония вынесения приговора, описанная в «Книге Мертвых», как происходящая в мире Духа, имела место на земле во время похорон мумии. Сорок два судьи или советника собирались на берегу и судили «душу» умершего по ее деяниям, пока она пребывала в теле, и только после единодушного одобрения этого посмертного суда, мог лодочник, олицетворявший Духа Смерти, перевести тело оправданного покойника на его последнее место отдыха. После этого жрецы возвращались в священные пределы храма и наставляли неофитов по поводу вероятной торжественной драмы, которая происходила в невидимой сфере, куда отлетела душа. Бессмертие духа крепко прививалось Ал-ом-яхом.[437] В «Крата Непоа» [568] нижеизложенное описано как *семь* степеней посвящения.

После предварительного испытания в Фивах, где неофиту приходилось проходить через многие испытания, называемые «Двенадцатью Мучениями», ему велели управлять своими страстями и никогда ни на миг не терять мысли о своем Боге. Затем, в качестве символа скитаний неочищенной души, он должен был подниматься по нескольким лестницам и скитаться в темноте в пещере со многими дверьми, которые все были заперты. Когда он прошел страшные испытания, он получал степень *Пастофора;* вторая и

---

[436] Мнение Джона де Дикастля, разд. XV, *"De Justitia et Jure",* и т. д., с. 319, 320.

[437] Ал-ом-ях – название высочайшего из египетских иерофантов.

третья степень назывались *Неокор* и *Меланефор.* Его вводили в обширный подземный зал, густо заполненный лежащими мумиями, и ставили рядом с гробом, в котором содержалось изуродованное, кровью покрытое тело Озириса. Это был зал, который называли «Вратами Смерти» и, весьма несомненно, что выдержки из «Книги Иова» [XXXVIII, 17] и другие части Библии имеют в виду эту мистерию, когда говорят об этих вратах.[438] В X главе мы даем эзотерическое истолкование «Книги Иова», которая является поэмой посвящения *par exellence.*

> «Отворялись ли для тебя врата смерти?
> Видел ли ты врата тени смерти?»

спрашивает «Господь» – т. е. Ал-ом-ях, посвящающий – Иова, намекая на третью степень посвящения.

Когда неофит преодолел ужасы этого испытания, его приводили в «Зал Духов», чтобы те судили его. Среди правил, которые ему давались, ему приказывалось

«никогда не желать и не искать мщения; быть всегда готовым помочь брату в опасности, даже рискуя собственной жизнью; хоронить каждое мертвое тело; уважать своих родителей больше всего; уважать старость, защищать тех, кто слабее тебя; и наконец, всегда помнить о смертном часе и о воскресении в новом и непреходящем теле» [569, с. 105].

Весьма рекомендовались чистота телесная и нравственная, и *прелюбодеяние угрожало смертью.*

После этого египетский неофит делался *Кристофором.* На этой ступени ему сообщалось тайное имя ИАО. Пятой была степень *Балахала,* и Гор наставлял его по алхимии, причем «словом» была *хемия.* На шестой ступени его обучали круговому танцу жрецов, в котором его наставляли по астрономии, ибо это изображало ход планет. На седьмой его посвящали в заключительные мистерии. После последнего испытания в здании, специально для этого построенном, *астроном,* как теперь его называли, – появлялся из этих тайных залов, называемых *маннерас,* и получал крест – *тау,* который при его смерти должны были положить ему на грудь. Теперь он был иерофант.

Мы уже читали правила святых посвященных *христианского* Общества Иисуса. Сравните их с правилами, налагаемыми на языческого кандидата на посвящение, и христианскую (!) нравственность с нравственностью, насаждаемою в тех мистериях язычников, на которых церковь призывает все громы и молнии некоего отмщающего божества. Имела ли церковь свои собственные мистерии? И были ли они в каком-либо отношении чище, возвышенней и более вдохновляющими на святую, добродетельную жизнь? Давайте послушаем, что Никколини в своей талантливо написанной «Истории иезуитов» рассказывает о *современных* мистериях христианского монастыря.[439]

> «В большинстве монастырей, а в особенности в монастырях капуцинов и реформатов *(reformati)* на Рождество начинается серия пиршеств, которые продолжаются до Великого поста. Играют во все игры, устраивают роскошнейшие банкеты, и в малых городах трапезная монастыря для большинства обитателей является самым лучшим местом для развлечений. На масленице бывают два, три великолепнейших представления; стол так обильно накрыт, что можно вообразить, что сама богиня изобилия опорожнила над ним весь свой рог. Не забудем при этом, что эти два ордена живут на подаваемую им милостыню.[440] Угрюмая тишина

---

[438] См. [*Матфей,* XVI, 18], где это неправильно переведено как “врата Ада”.

[439] С. 43, 44 записок Никколини из Рима, автора *“Истории папы Пия IX”; “Жизни епископа Гаваззи”,* и т. д.

[440] И просили милостыню именем *Того,* кто не имел, куда свою голову приклонить!

монастыря заменяется смешанными звуками веселия, и в его мрачных монастырских сводах отдается эхо совсем других песен нежели царя псалмопевца. Пиршество оживляется и заканчивается балом; и для того, чтобы сделать его еще более оживленным и, возможно, также и для того, чтобы показать, *насколько основательно их обет целомудрия искоренил в них плотские вожделения,* несколько молодых монахов появляются кокетливо одетые в одеяния прекрасного пола и начинают танцевать вместе с другими, одетыми, как веселые кавалеры. *Описать скандальную сцену, которая затем следует, значило бы вызвать отвращение моих читателей.* Я только скажу, что я сам часто был свидетелем таких сатурналий».

Цикл идет вниз, и по мере того, как он опускается, физическая и животная природа человека все больше и больше развивается за счет его Духовного Я.*

[*Прим. В «Месте Египта во Всемирной истории» [**74**] Бунзен приводит цикл в 21000 лет, который он применяет, чтобы облегчить хронологические вычисления по реконструкции всеобщей истории человечества. Он показывает, что «из-за наклонения эклиптики» этот цикл достиг своей кульминации в 1240 году нашей эры. Он говорит:

«Цикл делится на две половины по 10500 лет в каждой (или дважды по 5250 лет).

«Начало первой половины:

Высочайшей точкой будет..... 19,760 г. до Р. Х.

Нижайшей..... 9,260

Следовательно, серединой спускающейся

линии (началом второй четверти) будет..... 14,510

Серединой восходящей линии

(начало четвертой четверти)..... 4,010

Новый цикл, который начался в 1240 г. нашей эры, подойдет к концу своей первой четверти в 4010 г. нашей эры».

Барон объясняет, что «в круглых числах, наиболее благоприятными эпохами для нашего полушария со времени великой катастрофы в Средней Азии (Потоп 10000 лет до Р. Х.) являются: 4000 лет до и 4000 лет после Христа; и начало первой эпохи, о *которой только мы можем судить,* так как только она одна полностью перед нами – совпадает точно с началом национальной истории или (что тождественно) с началом *нашего осознания* беспрерывного существования» [**74**, *Ключ*, с. 102].

«Наше осознание» должно означать, мы полагаем, осознание *учеными,* которые ничего не принимают *на веру,* но многое принимают по непроверенным гипотезам. Мы не говорим этого в отношении вышеприведенного автора, серьезного ученого и благородного поборника свободы в христианской церкви, но вообще. Барон Бунзен на собственном опыте хорошо познал, что человек не может остаться честным ученым и угодить клерикальной партии. Даже те малые уступки, которые он сделал в пользу древности человечества, навлекли на него в 1859 г. наиболее оскорбительные поношения, как например, «Мы теряем всякую веру в суждения этого автора... ему еще надо научиться самым первым принципам исторической критики... чрезмерные и *ненаучные* преувеличения» и т. д. – набожный ругатель заканчивает свой научный пасквиль уверением публики, что барон Бунзен *«не умеет даже составить греческой фразы».* / *«Квартальное обозрение»,* 1859; см. также [**74**], главы о работах по египтологии в английских обозрениях. Но мы весьма сожалеем, что у барона Бунзена не было лучшей возможности изучить *«Каббалу»* и книги брахманов о Зодиаке.]

С каким же отвращением мы можем отвернуться от этого религиозного фарса, называемого современным христианством, и обратиться к возвышенным верованиям древности!

В египетском *«Погребальном ритуале»,* обнаруженном среди гимнов «Книги мертвых», которую Бунзен называет «драгоценной и таинственной книгой», мы читаем обращение умершего в лице Гора, детализирующего все, что он сделал для своего отца Озириса. Между прочим, это божество говорит:

«30. Я дал тебе твой *Дух.*

31. Я дал тебе твою *Душу.*

32. Я дал тебе твою силу (тело)», и т. д.

В другом месте сущность, к которой развоплощенная душа обращается как к «Отцу», показана означающей «дух» человека, так как в этом стихе говорится: «Я заставил свою душу прийти и говорить с *ее Отцом»,* ее *Духом.*[441]

Египтяне смотрели на свой *«Ритуал»* как на божественное вдохновение; короче говоря, как индусы ныне смотрят на Веды и современные евреи на свои *Книги Моисея*. Бунзен и Лепсий доказывают, что термин *герметический* означает вдохновенный; ибо Тот, само божество, говорит и открывает своим избранникам среди людей волю Бога и тайны божественного. Некоторые части, как выразительно сказано, «были написаны перстом самого Тота»; они – труд и сочинение великого Бога [74, т. V, с. 133].

> «В более позднем периоде их герметический характер признавался еще более четко, и на одном гробу 26-й династии Гор объявляет усопшему, что сам Тот дал ему книги своих божественных слов, или герметические писания».[442]

Так как мы осведомлены о том, что Моисей был египетский жрец или, по меньшей мере, был обучен всей их *премудрости,* то нам не следует удивляться, что он написал во «Второзаконии» [IX, 10]: «Дал мне *Господь* две скрижали каменные, написанные перстом Божиим»; или когда мы обнаруживаем в «Исходе» [XXXI, 18]: «И когда (Бог) перестал говорить с Моисеем... дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом Божиим».

В представлениях Египта, так же, как и во всех других верованиях, основанных на философии, человек был не просто только, как у христиан, сочетанием души и тела; он был троичен, когда дух был присоединен к нему. Кроме того, эта доктрина учила, что он имел *кха* – тело; *кхаба* – астральную форму или тень; *ка* – животную душу или жизненный принцип; *ба* – высшую душу и *акх* – земной рассудок. У них также имелся шестой принцип, называемый *Сах* или мумия; но функции последней начинались только после смерти тела. После очищения, в течение которого душа, отделившаяся от своего тела, продолжала навещать последнее в его мумифицированном состоянии, эта астральная душа «становилась Богом», так как она, в конечном счете, поглощалась «мировою Душою». Она преображалась в одного из творящих божеств, «в бога Птах»,[443] Демиурга, что есть родовое имя для творцов мира, которые даны в Библии под именем Элохим. В *«Ритуале»* добрая или очищенная *душа* «в соединении со своим высшим или *несотворенным* духом, является в большей или меньшей степени жертвой темного влияния дракона Апофиса. Если она достигла окончательного познания небесных и адских тайн – *гнозиса,* т. е. полного воссоединения с духом, она восторжествует над своими врагами; если нет, то душе не избегнуть ее *второй смерти.* Это и есть «озеро, которое горит огнем и серой» (элементы), в котором те, кто туда брошены, подвергаются «второй смерти»»[444] *(«Апокалипсис»).* Эта смерть представляет собою постепенное растворение астральной формы на ее первичные элементы, на что мы уже намекали несколько раз в этой книге. Но эта ужасная судьба может быть избегнута познанием «Таинственного Имени» – «Слова»,[445] – говорят каббалисты.

---

[441] *"Погребальный ритуал служителей Гора".*

[442] [**570**, III, Bl. 276]; Бунзен, 134.

[443] В восемьдесят первой главе "Ритуала" душа называется "зародышем светов", а в семьдесят девятой главе – Демиургом или одним из творцов.

[444] [**569**, VI, 44], [**572**], [**571**], [**74**].

[445] Мы не можем не процитировать одно замечание барона Бунзена в отношении того, что это "Слово" идентично с "Непроизносимым Именем" масонов и каббалистов. При объяснении *"Ритуала",* некоторые подробности которого "скорее напоминают *заклинания магов, нежели торжественный обряд,* хотя сокровенное и мистическое значение должно в них заключаться"

Какое же тогда наказание влекло за собою пренебрежение им? Если человек ведет естественно чистую, добродетельную жизнь, то нет никакого наказания, за исключением задержки в мире духов, пока он не найдет себя достаточно очищенным, чтобы получить его от своего Духовного «Владыки», одного из могучего Сонма. Но если по-другому, то «душа», как полуживотный принцип, становится парализованной и теряет осознание своей субъективной половины – Владыки, – пропорционально чувственному развитию мозга и нервов раньше или позже она окончательно теряет из виду свою божественную миссию на земле. Подобно вурдалаку или вампиру сербских сказаний, мозг кормится, живет и набирает силу и власть за счет своего духовного родителя. Затем уже наполовину бессознательная душа, став полностью опьяненной испарениями земной жизни, становится бесчувственной, без надежды на искупление. Она не в состоянии разглядеть красоту своего высшего духа и услышать предостерегающий голос своего «ангела-хранителя» и своего «Бога». Она устремляется только к развитию и к более полному пониманию натуральной, земной жизни; и таким образом может раскрывать только тайны физической природы. Ее печали и страхи, надежды и радости тесно слиты с ее земным существованием. Она игнорирует все, что не может быть продемонстрировано ее органами действия или чувств. Она начинает с того, что становится фактически мертвой: наконец она совсем умирает. Она *уничтожается.* Такая катастрофа часто может произойти за долгие годы до окончательного отделения *жизненного* принципа от тела. Когда приходит смерть, ее железная и холодная рука находит себе работу с *жизнью,* как обычно, но там больше нет души, которую можно бы освободить. Вся сущность последней уже была поглощена жизненной системой физического человека. Неумолимая смерть освобождает лишь духовный труп, в лучшем случае – идиота. Не будучи в состоянии ни подняться выше, ни проснуться от летаргии, она вскоре растворяется в элементах земной атмосферы.

Провидцы, праведные люди, которые овладели высочайшей наукой внутреннего человека и знанием истины, подобно Марку Антонию получали наставления «от богов» во сне и другими путями. Получая помощь от более чистых духов, обитающих «в областях вечного блаженства», они наблюдали этот процесс и неоднократно предостерегали человечество. Скептицизм может насмешливо улыбаться; *вера* же, основанная на *знании* и духовной науке, верит и подтверждает.

Наш нынешний цикл является преимущественно таким циклом душевных смертей. Мы сталкиваемся с утерявшими душу мужчинами и женщинами на каждом шагу. Также мы не удивляемся, при нынешнем состоянии вещей, огромной неудаче последних усилий Гегеля и Шеллинга построить какую-то метафизическую систему. Когда факты, ощутимые и осязаемые факты феноменологического спиритуализма происходят ежедневно и ежечасно и все же отрицаются большинством «цивилизованных» народов, то мало шансов на то, что все время возрастающие толпы материалистов примут чисто абстрактную метафизику.

В книге, названной Шампольоном *«Проявление на Свет»*, имеется глава о «Ритуале», которая полна таинственных диалогов с обращениями души к различным «Силам». Среди этих диалогов имеется один, который более чем выразителен по поводу

(честное признание этого, по крайней мере, чего-то стоит), автор замечает: “Тайна имен, значение которых представляло высшую силу и которое в позднейший период выродилось в *отъявленную ересь* (?) гностиков и в магию чарователей, – кажется *существовала не только в Египте, но и в других местах.* Следы ее находимы в *“Каббале”...* она преобладала в греческой и азиатской мифологии” [**74**, с. 147].

Так, мы видим, что представители науки, по крайней мере, по этому пункту соглашаются. Посвященные всех стран обладали тем же самым “тайным именем”. А теперь ученым остается только доказать, что каждый адепт, иерофант, маг или волшебник (включая Моисея и Аарона), так же как и каждый каббалист со времени учреждения мистерий вплоть до нынешнего века, был или жулик или глупец, потому что он верил в силу этого имени.

потенциальности «Слова». Сцена происходит в «Зале Двух Истин». «Дверь», «Зал Истины» и даже различные части ворот обращаются с речами к душе, просящей разрешить ей войти. Все они запрещают ей входить, если она не скажет им их тайных, или мистических, имен. Какой ученик тайной доктрины не узнает в этих именах тождественности значения и цели с именами, встречающимися в Ведах, в позднейших трудах брахманов и в *«Каббале»?*

Маги, каббалисты, мистики, неоплатоники и теурги Александрии, которые так превосходили христиан своими достижениями в тайной науке; брахманы или саманеане (шаманы) старины; современные брахманы, буддисты и ламаисты, – все заявляли, что определенная сила связана с этими различными именами, связанными с одним непроизносимым Именем. Мы показали из своего личного опыта, как глубоко вкоренилось в ум народа по всей России[446] верование, что это Слово творит чудеса и находится в основе каждого магического деяния. Каббалисты таинственно связывают *Веру* с этим словом. То же делали апостолы, обосновывая свои утверждения на приписываемых Иисусу словах: «Если бы вы имели веру величиною с горчичное зерно... для вас не было бы ничего невозможного», и Павел, повторяя слова Моисея, говорит, что «Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоем; то есть *слово веры*» [*Римлянам,* X, 8]. Но кто, кроме посвященных, может похвастать постижением его полного значения?

В наши дни, так же как это было в старину, чтобы поверить библейским «чудесам», требуется *вера;* но для того, чтобы быть в состоянии самому производить их, требуется знание эзотерического значения «слова».

> «Если Христос», – говорит д-р Фаррар и Кэнон Уэсткотт, – «не сотворил никаких чудес, то евангелия не заслуживают доверия».

Но даже допуская, что он действительно творил их – разве от этого евангелия, написанные другими, а не им самим – становятся сколько-нибудь более достоверными? А если не становятся, то какую цель преследует этот аргумент? Кроме того, рассуждения по такой линии оправдывали бы аналогию, что чудеса, сотворенные представителями других религий, должны делать *их* евангелия достоверными. Не означает ли это, по меньшей мере, равенства между христианскими Священными Писаниями и священными книгами буддистов? Ведь они равным образом изобилуют феноменами наиболее поразительного характера. Кроме того, христиане больше не имеют *подлинных* чудес, совершаемых их священнослужителями, ибо они *утеряли Слово.* Но многие буддийские ламы и сиамские талапоины – если только все путешественники не сговорились между собой лгать – были, и по-прежнему в состоянии повторить любой феномен, описанный в Новом Завете, и совершить даже большее и притом без всяких претензий на приостановление естественных законов или на божественное вмешательство. В сущности, христианство показывает, что оно настолько же мертво в вере, насколько на деле, тогда как буддизм полон жизнеспособности и подтверждается реальными доказательствами.

Лучшим аргументом в пользу подлинности буддийских «чудес» является тот факт, что католические миссионеры, вместо того, чтобы отрицать или рассматривать их как простое фокусничество – как поступают некоторые протестантские миссионеры – часто оказываются в таком затруднении, что вынуждены прибегать к безнадежной альтернативе – приписывать все это Дьяволу. И настолько приниженными чувствуют себя иезуиты в присутствии этих истинных слуг Божиих, что с неимеющим сравнения лукавством решили поступать в этом случае с талапоинами и буддистами так, как сказано про Магомета и гору. «И видя, что она не двинется к нему. Пророк сам двинулся к горе». Обнаружив, что им не поймать сиамцев на приманку своих пагубных учений в христианском одеянии, они замаскировались и в течение веков появлялись среди бедного, невежественного народа под видом талапоинов, пока их не разоблачили. Они даже

---

[446] См. гл. I данного тома.

голосовали и приняли немедленно постановление, которое и теперь имеет полную силу древнего догмата веры. «Нааман сириец», – говорят иезуиты Каены, – «не лицемерил в отношении своей веры, когда он преклонил колени вместе с царем в доме Римона; *также отцы Общества Иисуса не лицемерят, когда они принимают облачения и обычаи талапоинов Сиама*» (nec dissimulant Patres S. J. Talapoinorum Siamensium institutum vestemque affectantes». – Position, 9, 30 Jan., 1693).

В силу, заключающуюся в *мантрах* и в *Вак* брахманов, ныне верят так же сильно, как и в ранний ведический период. «Несказуемое Имя» каждой страны и религии связано с тем, что, по утверждению масонов, является таинственными письменами – эмблемами девяти имен или атрибутов, по которым божество было известно посвященным. Всетворящее Слово, начертанное Енохом на двух треугольниках из чистейшего золота, на которых он вырезал два таинственных знака, вероятно, лучше известно бедным, необразованным «язычникам», чем в высшей степени завершенным Великим Первосвященникам и Великим Z. Верховных Собраний Европы и Америки. Только почему члены Королевской ложи так горько и постоянно оплакивают его утерю – этого мы никак не можем понять. Это слово из М. М., как они сами скажут, целиком состоит из согласных букв. Поэтому мы сомневаемся, владел ли кто-нибудь из них когда-либо его правильным произношением, если даже оно когда-либо было «извлечено из потайного свода», вместо нескольких его искажений. Однако, именно в старину мизраимов, как считают, внук Хама унес священный треугольник патриарха Еноха. Поэтому он находится в Египте, и только на Востоке следует искать это таинственное «Слово».

Но теперь, когда так много секретов масонства было разглашено друзьями и врагами, разве мы не вправе сказать, без подозрений в недобрых чувствах, что со времени грустной катастрофы тамплиеров ни у одной «ложи» в Европе и еще менее в Америке не было ничего, что стоило бы скрывать. Не желая быть неправильно понятым, мы говорим *ни у одной* ложи, совершенно исключая при этом несколько *избранных* братьев. Бешеные обвинения масонского братства католическими и протестантскими писателями кажутся просто смешными, так же как утверждения аббата Баруэля, что все «выдает, что наши франкмасоны являются потомками тех рыцарей», тамплиеров, которые были осуждены в 1314 году. «Мемуары якобинства», написанные этим аббатом, очевидцем ужасов первой революции, посвящены в значительной степени розенкрейцерам и другим масонским братствам. Один только тот факт, что он прослеживает происхождение современных масонов до тамплиеров и указывает на них, как на тайных убийц, обученных для политических убийств, доказывает, как мало он о них знает, и как сильно ему хочется в то же время найти в лице этих обществ удобных козлов отпущения за преступления и грехи другого тайного общества, которое со дня своего существования приютило у себя не одного только опасного политического убийцу – Общество Иисуса.

Обвинения против масонов большею частью наполовину были домыслами, наполовину плодами ненасытной злобы и заранее запланированного клеветничества. Ничего убедительного и ничего определенно преступного характера прямо доказано не было. Даже похищение ими Моргана так и осталось делом догадок. В то время это дело было использовано как удобный случай торгующимися политиканами. Когда в реке Ниагара был обнаружен неопознаваемый труп, один из глав этого ничем не брезгающего класса, будучи осведомлен о том, что тождественность трупа чрезвычайно сомнительна, неосторожно выдал весь этот заговор, сказав:

> «Ничего, не имеет значения, он достаточно хороший Морган, пока не окончились выборы!»

С другой стороны, мы находим, что орден иезуитов не только разрешает в некоторых случаях, но в действительности *учит и побуждает «к государственной измене и цареубийству».* *

[*Прим. См. [**558**], XVII, *«High Treason and Regicide»,* содержащее тридцать четыре выдержки из такого же количества авторитетов (Общества Иисуса) по этому вопросу, между прочими мнение по этому вопросу знаменитого *Роберта Беллармина.* Так говорит Эмануил Са: *«Восстание духовного лица против короля не является государственной изменой, потому что он не подданный короля»* [**573**]. *«Людям не только разрешается»,* говорит Джон Бриджвотер, *«но от них требуется и долг их обязывает,* чтобы они, по уполномочию священника Христа, *который является полновластным пастырем над всеми народами земли,* не держали присяги верности, данной до этого таким князьям» [**574**].

В [**575**] Джон Мариана идет даже еще дальше: «Если обстоятельства позволят», – говорит он, – «будет законно уничтожить мечем князя, который объявлен врагом народа... *Я никогда не буду считать, что неправильно поступил человек, который во исполнение желаний общественности предпримет попытку его убить»,* и *«предавать их смерти не только законно, но и является похвальным и славным деянием*». Est tamen salutaris cogitatio, ut sit principibus persuasum si rempublicam oppresserint, si vitiis et faeditate intolerandi erunt, ев *conditione vivere, ut non jure tantum, sea cum laude et glorів perimi possint*».(Lib. I, VI, 61).

Но наиболее изысканный кусочек христианского учения можно найти в наставлении этого иезуита, когда он рассуждает о наилучших и наивернейших способах убийства королей и государственных деятелей. «По моему собственному мнению», – говорит он, – «не следует давать врагу ни вредных лекарств, ни примешивать смертельных ядов к его пище и питью... Все же *будет действительно законно использовать этот метод* в случае, о котором идет речь (когда *тот, кто должен умертвить тирана, высоко ценится, пользуется и почетом и хвалою»,* ибо *«преславно дело искоренять это вредное и непослушное племя из людского общества),* не принуждая лицо, которое должно быть умерщвлено, принимать самому яд, который, будучи принят вовнутрь, лишит его жизни, но *сделать так, чтобы яд был применен внешне другим* без его вмешательства; это в таком случае, когда яд настолько силен, что будучи намазанным на сиденье или одежду, он достаточно мощен, чтобы причинить смерть» (*Там же*, lib. I, V, 67). «Именно таким путем Сквайер покушался на жизнь королевы Елизаветы, по научению иезуита Уолпола». – [**576**, с. 350 *и далее*] и [**577**, т. II, XVII, 148].]

Ряд «Лекций» о франкмасонстве и его опасностях, прочитанных в 1862 г. Джеймсом Бартоном Робертсоном, профессором истории новейшего периода Дублинского университета, лежит перед нами. В них лектор обильно цитирует, в качестве своих авторитетов, упомянутого аббата (Баруэля, естественного врага масонов, *которых нельзя поймать в исповедальне)* и Робисона, хорошо известного масона-отступника 1798 г. Как это обычно бывает у всех партий, будь она промасонская или антимасонская, перебежчик из противного лагеря всегда приветствуется похвалами и ободрениями и проявляется большая заботливость, чтобы обелить его. Каким бы удобным по некоторым политическим причинам знаменитый Комитет Антимасонского Съезда 1830 года (США) ни счел бы следующее весьма иезуитическое предложение Пуфендорфа, что «клятвы не обязывают, если они абсурдны и неуместны», и еще другое, которое учит, что «клятва не обязывает, если Бог не принимает ее» [578, кн. IV, гл. 1], – все же ни один по-настоящему честный человек не принял бы такой софистики. Мы искренне верим, что лучшая часть человечества всегда помнит, что существует моральный кодекс чести, гораздо больше обязывающий, чем клятва на Библии, Коране или Ведах. Ессеи вообще никогда не клялись ни на чем, но их «да» и «нет» были настолько же крепки и гораздо лучше, чем клятва. Кроме того, кажется чрезвычайно странным, что находятся народы, называющие себя христианскими и в то же время устанавливающие обычаи в гражданских и церковных судах, диаметрально противоположные велению своего Бога,[447] который ясно запрещает всякое произнесение клятвы – «не клянитесь ни небом... ни землею... ни головою». Нам кажется, что утверждение: «клятва не обязывает, если Бог ее не

[447] “Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы... А Я говорю вам: не клянитесь вовсе... Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого” [*Матфей,* V, 33, 34, 37].

принимает», – помимо того, что это является абсурдом – так как никакой человек, подверженный ошибкам или безошибочный, ничего не может знать о тайных мыслях Бога, – является еще и *антихристианским* утверждением в полном значении этого слова.[448] Этот аргумент выдвинут только потому, что он удобен и соответствует цели. Клятва никогда не будет связывающей до тех пор, пока каждый человек полностью не поймет, что человечество есть высочайшее проявление на земле незримого верховного божества, и каждый человек есть воплощение своего Бога, и пока чувство *личной* ответственности не разовьется в нем до такой степени, что он будет считать нарушение клятвы величайшим оскорблением как для себя, так и для человечества. Ныне никакая клятва не связывает, если она не дана человеком, который и так безо всякой клятвы держал бы свое простое честное слово. Поэтому выдвигать в качестве авторитетов таких людей, как Баруэль и Робисон, значит просто пытаться нечестными средствами склонить общественное мнение в свою пользу. Именно, это не «дух *масонской злобы,* чье сердце измышляет клевету кучами», но гораздо больше дух злобы католического духовенства и их приспешников; и человеку, который хочет примирить две идеи, чести и клятвопреступления, нельзя доверять самому.

Криклива претензия девятнадцатого века на преимущество по цивилизации над древними, и еще более шумна претензия церквей на то, что христианство освободило мир от варварства и идолопоклонства. Как мало оснований для обеих – мы постарались доказать в этих двух томах. Свет христианства послужил только для того, чтобы показать, насколько больше лицемерия и порока его учения породили в мире со времени его прихода и насколько неизмеримо выше были древние по сравнению с нами по всему, что касается чести.[449] Духовенство путем учения о беспомощности человека, о его полной зависимости от Провидения, а также учения об искуплении сокрушило в своих верных последователях каждый атом уверенности в своих силах и собственного достоинства. Настолько это правдиво, что теперь становится аксиомой, что наиболее благородных людей следует искать среди атеистов и так называемых «неверных». От Гиппарха мы слышим, что в дни *язычества*

> «стыд и позор, которые справедливо обрушивались за нарушение своей клятвы, приводили бедного нарушителя в такие припадки сумасшествия и отчаяния, что он резал себе горло и погибал от своих собственных рук, и память о нем после смерти была столь ненавистна что тело его лежало непогребенным на берегу острова Самос и не получало другого захоронения, как только от песков морских».[450]

Но в нашем веке у нас нашлось девяносто шесть делегатов Антимасонского съезда США, каждый, несомненно, от какой-либо протестантской церкви, и требующих к себе должного уважения и почтения, подобающего джентльменам, и в то же время, выдвигающих наиболее иезуитские аргументы против вескости масонской клятвы. Комитет, претендующий на то, что он ссылается на «наиболее выдающихся руководителей по философии, морали, и ссылающийся на полнейшую поддержку *вдохновенных,*[451]... которые писали до того, как появилось франкмасонство», решил, что так как клятва была сделкой между человеком с одной стороны и Всемогущим Судьею с

---

[448] Барбейрак в своих записках о Пуфендорфе показывает, что перуанцы не прибегали к клятве и довольствовались простым утверждением перед Инкой и никогда не были уличены в лжесвидетельстве.

[449] Мы напоминаем читателю, что под названием христианство мы не подразумеваем *учений Христа,* а подразумеваем учения называющих себя его слугами – духовенства.

[450] Д-р Андерсон, “Defence”, процитировано Джоном Яркером в его [**579**].

[451] Включая Епифания, должно быть, после того как, преступив свою клятву, он отправил в изгнание более семидесяти человек, принадлежавших к тайному обществу, которое он предал.

другой стороны», а масоны все были неверные и «недостойны гражданского доверия», то их клятвы должны считаться незаконными и несвязывающими.[452]

Но мы вернемся к этим «Лекциям» Робертсона и к его обвинениям против масонства. Величайшим обвинением, выдвинутым против последнего, является отвергание масонами существования *личного* Бога (это – по утверждению Баруэля и Робисона) и претензия на то, что они обладают «секретом сделать человека лучше и счастливее, чем сделал его Христос, его апостолы и его церковь». Если бы последнее обвинение хотя бы наполовину было правдиво, оно могло бы дать утешительную надежду, что они действительно нашли этот секрет путем полного отрыва от мифического Христа церкви и от официального Иеговы. Но оба обвинения просто настолько же злостны, насколько абсурдны и неправдивы, как мы сейчас увидим.

Пусть никто не воображает, что в каких-либо наших рассуждениях по поводу масонства мы руководствуемся личными чувствами. Будучи далеки от этого, мы не колеблясь провозглашаем наше глубочайшее уважение основным целям этого ордена, и некоторые из наших наиболее ценимых друзей числятся среди их членов. Мы ничего не говорим против масонства, каким оно должно бы быть, но обличаем его-таки, каким оно, благодаря интригам духовенства, как католического, так и протестантского, начинает становиться. Якобы представляющее собою наиболее абсолютную из демократий, оно практически стало уделом аристократии, богачей и личного честолюбия. Якобы представляющее собой учителя истинной этики, оно унизилось до пропаганды антропоморфического богословия. Полуобнаженному подмастерью, поставленному перед мастером во время посвящения в первую ступень, внушают, что у дверей ложи всякие различия общественного положения сбрасываются и что самый бедный брат равен всякому другому, даже королю или принцу. В самом же деле масонское братство превращается в подхалима в каждой монархической стране для любого королевского потомка, который может соблаговолить надеть на себя когда-то символическую овчину ради того, чтобы использовать его в качестве политического орудия.

Насколько далеко масонское братство зашло в этом направлении мы можем судить по словам одного из его высочайших авторитетов. Джон Яркер Младший из Англии; бывший великий хранитель великой ложи Греции; великий мастер обряда Сведенборга; также великий мастер древнего и первичного церемониала масонства и Бог знает чего еще [579], сказал, что масонство ничего не могло потерять

«принятием более высокого (не денежного) стандарта членства и нравственности при исключении из «пурпурных» всех, кто *насаждает обманы, притворство, исторические степени и другие безнравственные повадки»* (с. 158).

И, опять, на странице 157:

> «При таком управлении масонским братством, как теперь, оно быстро превращается в рай для *bon vivant,* «благотворительного» лицемера, который забывает текст Св. Павла и украшает свою грудь «сокровищем благотворительности» (получив путем рассудительно произведенных пожертвований «пурпур», он выносит суждения и назначения другим братьям, более способным и нравственным, но не обладающим такими средствами); для изготовителя пустяковой масонской мишуры; для мошенника-коммерсанта, который мошенничает на сотни и даже на тысячи путем обращения к неопытным сознаниям тех немногих, кто действительно считаются с их *О. В.;* и для масонских «императоров» и других шарлатанов, которые добывают себе власть или деньги из аристократической претенциозности, которую они навязали нашему институту – *ad captandum vulgus».*

У нас нет никакого желания претендовать на разоблачение секретов, уже давно распродаваемых по всему миру клятвопреступными масонами. Все жизненно важное, в

---

[452] Съезд антимасонов Соединенных Штатов, “Обязательство масонских клятв”, речь, произнесенная мистером Хопкинсом в Нью-Йорке.

символических ли изображениях, в обрядах или в паролях, какие применяются в современном франкмасонствеизвестно Восточным братствам; хотя кажется, что между ними нет никаких сношений, ни связей. Если Медея описана Овидием как «имеющая обнаженные руки, грудь и колено, левая ступня в стоптанном башмаке»; и Виргилий, говоря о Дидоне, рисует эту «королеву... непоколебимую смертью, имеющую одну ногу обнаженной, и т. д.» [579, с. 151], почему же тогда сомневаться, что на Востоке имеются *настоящие* «Патриархи священных Вед», объясняющие эзотеризм чисто индусской теологии и брахманизма так же основательно, как европейские «Патриархи»?

Но если существуют несколько масонов, которые изучив каббалистические и другие редкие труды и вступив в личные связи с «Братьями» из далекого Востока, чему-то научились из *эзотерического* масонства, то не так обстоит дело с сотнями американских лож. Во время писания настоящей главы мы совершенно неожиданно получили, благодаря любезности друга, один экземпляр книги м-ра Яркера, откуда были взяты вышеприведенные цитаты. Она до краев полна учености и, что еще важней, *знания,* как нам кажется. Это особенно ценно в данный момент, так как она подтверждает во многих подробностях то, о чем мы говорили в этом труде. Так, например, мы читаем следующее:

> «Мы полагаем, что мы с достаточной убедительностью установили факт связи франкмасонства с другими умозрительными ритуалами древности, так же как древность и чистоту старого английского ритуала тамплиеров *семи степеней* и поддельную деривацию многих других обрядов оттуда» [**579**, с. 150]

Нет надобности говорить таким высоким масонам, хотя рядовым членам надо сказать, что настала пора преобразовать масонство и восстановить те древние вехи, заимствованные у ранних общин, которые в восемнадцатом веке основатели умозрительного франкмасонства посчитали заложенными в этом братстве. Больше не осталось неопубликованных секретов; орден деградирует в средство карьеры для эгоистов, и в средство разложения – для худых людей.

Совсем недавно большинство членов Верховных Советов Древнего и Принятого Обряда, собравшихся в Лозанне, справедливо протестуя против такого кощунственного верования, как верование в личного Бога, наделенного всеми человеческими свойствами, высказали следующие слова:

> «Франкмасонство провозглашает, как оно делало со времени своего возникновения, – существование *творческого принципа* под названием великого Архитектора вселенной».

Небольшое меньшинство протестовало против этого, говоря, что «вера в *творящий принцип* не есть *та вера в Бога, которую франкмасонство требует от каждого кандидата,* прежде чем он может перешагнуть ее порог».

Это признание не похоже на отрицание личного Бога. Если бы у нас осталось хотя бы малейшее сомнение по этому поводу, оно было бы полностью рассеяно словами генерала Альберта Пайка [580, с. 54, 55], возможно, величайшего авторитета нынешних дней среди американских масонов, который наиболее буйно восстает против такого нововведения. Ничто не будет лучше, как процитировать его слова:

> «Этот *Principe Createur* – термин не новый, – это только обновленный старый термин. *Наши противники, многочисленные и грозные,* скажут и имеют право сказать, что наш *Principe Createur* тождественен с *Principe Generaleur* индийцев и египтян и может соответственно *быть* символизирован *лингамом,* как его символизировали древние... Принять это вместо личного Бога значит **отказаться от христианства** и *поклонения Иегове* и вернуться к погрязанию в свинарниках язычества».

Так свинарники *иезуитства,* выходит, намного чище? «Наши противники, многочисленные и грозные». Этой фразой все сказано. Кто является этими грозными врагами, бесполезно спрашивать. Это – римские католики и некоторые из реформированных пресвитериан. Читая, что эти две клики соответственно пишут, мы вполне можем задать вопрос, который из противников больше боится другого? Но что толку кому-либо выступать против братства, которое даже не осмеливается иметь свою собственную веру из боязни вызвать нарекания? И, пожалуйста, объясните, каким образом, если масонская клятва что-нибудь значит и масонские наказания считаются чем-то большим, чем фарс – как могут противники, многочисленные или малочисленные, слабые или сильные, узнать, что делается внутри ложи и проникнуть мимо «брата, сеющего ужас или стража, который с мечом наголо охраняет врата ложи?» Или же этот «брат, сеющий ужас», не более грозен, чем Офенбаховский *генерал Бум* с дымящимся пистолетом, звенящими шпорами и высоким плюмажем? Какая польза от миллионов людей, образующих это великое братство, распространенное по всему миру, если их нельзя сцементировать вместе так, чтобы оказать сопротивление всем врагам? Может ли это быть, что «мистическая связь» не более, чем веревка из песка, и масонство – только игрушка, чтобы питать тщеславие нескольких лидеров, которые блаженствуют в лентах и регалиях? Является ли его власть такою же фальшивою, как и его древность? Кажется так, действительно; и все же, как «даже у мух есть меньшие мухи, кусающие их», – так же имеются католические паникеры, которые притворяются, что они боятся масонства!

И все же, эти же самые католики со всем спокойствием их традиционной наглости публично угрожают Америке с ее 500.000 масонов и 34.000.000 протестантов объединением церкви и государства под руководством Рима! Опасность, угрожающая свободным институтам этой республики, как нам говорят, происходит от «логически разработанных принципов протестантизма». Нынешний военно-морской министр, уважаемый Р. У. Томпсон из Индианы, осмелившийся в своей собственной свободной протестантской стране недавно опубликовать книгу о *«Папстве и гражданской власти»* (причем книга выдержана настолько же в умеренных тонах, насколько в джентльменских), подвергся бешеным нападкам со стороны римско-католического священника – и это в Вашингтоне, в самом месте пребывания правительства. Что еще лучше, типичный представитель членов Общества Иисуса, отец Ф. Х. Уэнингер, доктор богословия, изливает на его смиренную голову сосуд гнева, явно взятый непосредственно из Ватиканского погреба.

> «Утверждения», – говорит он, – которые выдвигает м-р Томпсон по поводу неизбежного антагонизма между католической церковью и свободными институтами, характерны своей, вызывающей жалость, невежественностью и своей слепою наглостью. Он пренебрегает правилами логики, истории, здравым смыслом, благотворительностью и появляется перед верным американским народом в качестве узколобого изувера. Никакой ученый не отважился бы повторить те избитые клеветы, которые так часто были опровергнуты... В ответ на его обвинения, выдвинутые против церкви как противника свободы, я скажу ему, что если эта страна когда-либо станет католической страной, то есть, если католики когда-либо будут в большинстве и *будут обладать контролем над политической властью,* тогда он увидит, как принципы нашей Конституции осуществляются в полной мере; он увидит, что эти Штаты будут в каждом деле *Объединены.* Он увидит народ, живущий в мире и в гармонии, объединенный узами единой веры, с сердцами, бьющимися в унисон любовью к своему отечеству, с благожелательностью и терпимостью относительно всего, и уважающими права и совесть даже своих клеветников».

Для пользы этого «Общества Иисуса» он советует м-ру Томпсону послать свою книгу царю Александру II и Фридриху Вильгельму, императору Германии. Он может ожидать от них, в знак их симпатий, ордена Св. Андрея и Черного Орла.

> «От яснопонимающих, самомыслящих, патриотических американцев он не может ожидать ничего, кроме *знака отличия* их презрения. До тех пор, пока американские сердца

будут биться в американской груди, и кровь их отцов *будет* течь в их жилах, такие усилия, как Томпсоновские, *не будут* иметь успеха. Истинные, настоящие американцы защитят католическую церковь в этой стране и о *конечном счете присоединятся к ней».*

После этого, оставив, как, по-видимому, он думает, труп своего нечестивого противника на поле боя, он марширует прочь, выливая остатки своей опроверженной бутыли следующим образом:

«Мы оставляем эту книгу, аргументы который мы убили, на пожрание канюкам Техаса, тем вонючим птицам, под которыми мы подразумеваем людей такого сорта, которые любят кормиться гниением, клеветою и ложью, и которых привлекает их смрад».

Эта последняя сентенция достойна того, чтобы ее добавили в качестве дополнения к *«Discorsi del Somma Pontifice Pio IX»* дона Паскаля де Франциска, обессмертившегося в презрении м-ра Глэдстона – *Tel maotre tel Valet!*

Мораль: Это послужит уроком для трезвомыслящих и разумных писателей-джентльменов, что даже такой благовоспитанный противник, каким показал себя в своей книге м-р Томпсон, не может надеяться избегнуть единственного, имеющегося в католическом арсенале оружия – площадной брани. Вся аргументация автора показывает, что, стремясь к убедительности, он желал остаться справедливым; но с таким же успехом он мог нападать и с Тертуллиановской яростью, ибо обращение с ним вряд ли могло быть хуже. Это несомненно доставит ему некоторое утешение – быть помещенным в одну категорию с еретическими и неверными императорами и царями.

Теперь, когда американцы, включая масонов, предупреждены, чтобы они приготовились к присоединению ко Святой апостолической и римско-католической церкви, мы рады знать, что имеются верные и уважаемые масоны, которые поддерживают наши взгляды. Среди них выделяется наш уважаемый друг м-р Леон Хайнеман, Р. М., и член Великой ложи Пенсильвании. В течение восьми или девяти лет он был редактором *«Масонского зеркала и ключевого камня»* и является известным автором. Он лично уверяет нас, что в течение тридцати лет боролся против замысла внести в масонскую догму верование в *личного* Бога. В своем труде «Древний Йорк и великие ложи Лондона» [583, с. 169] он говорит:

«Масонство, вместо развертывания профессионально вместе с интеллектуальным прогрессом научных познаний и всеобщим развитием, свернуло в сторону от первоначально установленных целей братства и, по-видимому, имеет склонность к превращению в сектантское общество. Это ясно видно... из упорного решения не препятствовать сектантским нововведениям, вносимым в ритуал... Похоже на то, что масонское братство этой страны настолько же безразлично относится к древне установленным вехам и обычаям масонства, как относились масоны прошлого века под руководством великой лондонской ложи».

Именно это убеждение заставило его, когда в 1856 году Жак Этьен Марконис де Негре, великий иерофант мемфисского обряда, приехал в Америку и предложил ему пост великого мастера этого обряда в Соединенных Штатах, а Древний, Принятый Обряд предложил ему Почетную 33-ю ступень, – отказаться от обоих.

Храм был последней европейской тайной организацией, которая, как объединенное целое, обладала некоторыми из тайн Востока. Правда, были в прошлом веке (и возможно – еще теперь) отдельные «братья», преданно и секретно работавшие под руководством восточных братств. Но они, в тех случаях, когда вступали в европейские общества, неизменно делали это с целями, неизвестными этому Обществу, хотя и в то же самое время ради блага последнего. Именно благодаря им, современные масоны получили стоящие знания; и сходство, которое теперь обнаружено между Умозрительными Обрядами древности, мистериями ессеев, гностиков, индусов и высшими и старейшими

масонскими степенями, хорошо доказывает этот факт. Если эти таинственные братья делались обладателями секретов обществ, они никогда не могли отвечать на это доверие, хотя в их руках эти секреты были в большей безопасности, чем в хранении европейских масонов. Когда некоторые из последних оказывались достойными стать членами Востока, их тайно наставляли и посвящали, но другие от этого не становились умнее.

Никто никогда не смог наложить руки на розенкрейцеров, и несмотря на якобы открытые «тайные комнаты», *пергаменты,* называемые *«Т»,* и окаменевших рыцарей с вечногорящими лампами, – это древнее общество и его истинные цели являются тайной до сегодняшнего дня. Мнимые тамплиеры и поддельные *Rose-Croix* вместе с несколькими подлинными каббалистами время от времени сжигались, и несколько несчастных теософов и алхимиков были подвергнуты пыткам; даже ложные признания временами были исторгнуты у них наиболее зверскими способами, но все же истинное, настоящее Общество как было, так и осталось неизвестным для всех, а в особенности для его жесточайшего врага – церкви.

Что же касается современных рыцарей-тамплиеров и тех масонских лож, которые теперь претендуют на непосредственное происхождение от древних тамплиеров, то их преследование церковью было фарсом с самого начала. У них нет и никогда не было никаких секретов, представляющих опасность для церкви. Совсем наоборот, ибо мы находим, что Дж. Дж. Финдель говорит, что шотландские степени или система Тамплиеров ведет начало только от 1735-1740 гг. и, *«следуя своей католической тенденции, избрала себе местом главной резиденции Иезуитский Колледж Клермон в Париже* и поэтому была названа Клермонской системой». Нынешняя шведская система тоже имеет в себе какой-то элемент тамплиеров, но свободный от иезуитов и от вмешательства в политику; однако, представители этой системы утверждают, что у них имеется подлинный Завет Молэя в оригинале, так как граф Боже, племянник Молэя, о *котором в других местах ничего не знают* – говорит Финдель – перенес учения тамплиеров во франкмасонство и таким образом создал для праха своего дяди таинственную гробницу. Для того, чтобы доказать, что эта масонская басня, достаточно того, что на этом предполагаемом памятнике день погребения Молэя обозначен – 11 марта 1313 г., тогда как днем его смерти было 19 марта 1313 г. Эта сомнительная продукция, не представляющая собою ни подлинного учения тамплиеров, ни подлинного франкмасонства, никогда не пускала крепких корней в Германии. Но во Франции дело обстоит по-другому.

Работая над этой темой, мы должны выслушать, что Вилке говорит по поводу этих претензий:

«Нынешним рыцарям-тамплиерам Парижа хотелось бы оказаться непосредственными потомками древних рыцарей, и они пытаются доказать это документами, внутренним распорядком и тайными учениями. Форес говорит, что братство франкмасонов было основано в Египте; Моисей передал тайное учение израильтянам, Иисус – апостолам, и отсюда оно перешло к рыцарям-тамплиерам. Такие выдумки необходимы... для утверждений, что парижские тамплиеры являются отпрысками древнего ордена. Все эти торжественные заявления, неподдержанные историей, были сфабрикованы *Высшим советом Клермона* (иезуитов) и хранятся парижскими тамплиерами, как наследство, оставленное им этими политическими революционерами, Стюартами и иезуитами». Вот почему мы находим, что епископы Грегуар [581, т. II, с. 392-428] и Мюнтер [582] поддерживают их.

Поэтому, связывая современных тамплиеров с древними, в лучшем случае мы можем допустить принятие ими определенных обрядов и церемоний чисто *церковного* характера, после того как они были коварно привиты этому великому и древнему ордену духовенством. После этого осквернения орден постепенно терял свой первоначальный и простой характер и быстро пришел к окончательному разрушению. Основанный в 1118 году рыцарями Хьюго де Пейенсом и Жофреем де Сент-Омером, номинально для

защиты пилигримов, он ставил своей истинной целью возрождение первоначального тайного поклонения. Истинная версия истории Иисуса и раннего христианства была сообщена Хьюго де Пейенсу великим понтифом ордена храма (назарейской или иоаннитской секты), неким Теоклетом; после этого эта версия была усвоена некоторыми рыцарями в Палестине от более высоких и интеллигентных членов секты Св. Иоанна, которые прошли посвящение в ее мистерии.[453] Их тайной целью была свобода мысли и восстановление единой и всеобщей религии. Давши клятвенный обет повиновения, бедности и нравственной чистоты, они были сперва истинными рыцарями Иоанна Крестителя, вопиющие в пустыне и живущие только диким медом и саранчею. Таково предание и истинная каббалистическая версия.

Ошибочно будет утверждать, что этот орден только впоследствии стал антикатолическим. Он был таковым с начала, и красный крест на белом плаще, орденском одеянии, имел то же самое значение, как у каждого посвященного любой страны. Он указывал на четыре страны света и являлся эмблемой вселенной.[454] Когда впоследствии братство было преобразовано в ложу, тамплиерам пришлось во избежание преследования совершать свои собственные церемонии в величайшей секретности, обычно в орденском зале, чаще в глухих пещерах или хуторах, построенных в лесах, тогда как церковная форма поклонения осуществлялась публично в принадлежащих ордену часовнях.

Хотя из обвинений, выдвинутых против них по приказу Филипа IV, многие были позорно ложными, главные обвинения, несомненно, были правильны с точки зрения того, что церковь считает *ересью.* Тамплиеры сегодняшнего дня, строго придерживающиеся Библии, едва ли могут претендовать на происхождение от тех, кто не верил в Христа, как в Богочеловека или как в Спасителя мира, кто отвергал чудо его рождения, а также чудеса, совершенные им самим; кто не верил в пресуществление, в святых, в святые реликвии, чистилище и т. д. По их мнению, Иисус Христос был ложным пророком, но человек Иисус был «братом». Они рассматривали Иоанна Крестителя, как своего покровителя, но никогда не рассматривали его в том свете, в каком он представлен в Библии. Они читали учения по алхимии, астрологии, магии, каббалистическим талисманам и придерживались тайных учений своих глав на Востоке.

> «В прошлом веке», – говорит Финдель, – «когда франкмасонство ошибочно считало себя дочерью тамплиеризма, большие усилия были приложены, чтобы рассматривать орден рыцарей Тамплиеров, как ни в чем невиновный... С этой целью не только фабриковались легенды и неотмеченные историей события, но также прилагались усилия, чтобы заглушить истину. Масонские обожатели рыцарей тамплиеров скупили все документы судопроизводства, опубликованные Молденвахером, так как те доказывали виновность этого ордена» [**585**, *Приложение*].

Эта виновность заключалась в их «ереси» против римско-католической церкви. В то время как настоящие «братья» умирали унизительной смертью, поддельный орден, который пытался вступить на его место, стал исключительно ответвлением иезуитов, под непосредственным руководством последних. Честные масоны с правдивым сердцем должны в ужасе отвергать всякую связь с ними, не говоря уже о происхождении от них.

---

[453] Вот причина, почему до нынешнего дня у фанатических и каббалистических членов назареев Басры (Персия) бытует предание о славе, богатстве и власти их “Братьев”, агентов или *вестников,* как они их называют на Мальте и в Европе. Они говорят, что некоторые из них еще остались, и они рано или поздно восстановят учение их Пророка Иоханана (Св. Иоанна), сына Владыки Иордана, и искоренят из людских сердец все другие ложные учения.

[454] Две великие пагоды в Мадуре и Бенаресе построены в форме креста, причем каждое крыло равно по длине. См. [**584**, т. III, с. 360-376].

«Рыцари Св. Иоанна Иерусалимского», – пишет командор Гурдин,[455] – «иногда называемые рыцарями госпитальерами и рыцарями Мальты, не были франкмасонами. Наоборот, кажется, что они даже были враждебны к франкмасонству, так как в 1740 году великий мастер ордена Мальты отозвал опубликование на этом острове буллы Папы Климента XII и запретил собрания франкмасонов. По этому случаю несколько рыцарей и многие граждане покинули остров, а в 1741 г. на Мальте инквизиция преследовала франкмасонов. Великий мастер запретил их собрания под угрозой суровой кары, и шесть рыцарей были высланы с острова навсегда за присутствие на собрании. Фактически, в отличие от тамплиеров, у них даже не была выработана секретная форма приема. Ригелини говорит, что он не мог достать экземпляра тайного ритуала мальтийских рыцарей. Причина очевидна – его не существовало».

И все же у американских тамплиеров три степени: 1) Рыцарь Красного Креста; 2) Рыцарь Тамплиер; 3) Рыцарь Мальты. Это было введено из Франции в Соединенные Штаты в 1808 г. и первый «Великий Всеобщий Лагерь» был организован 20 июня 1816 г., с де Уит Клинтоном из Нью-Йорка в качестве великого мастера.

Едва ли следует хвастаться этим иезуитским наследием. Если рыцари тамплиеры желают закрепиться в своих притязаниях, – им надо сделать выбор между происхождением от «еретических», антихристианских, каббалистических, первичных тамплиеров, или же связать себя с иезуитами и пригвоздить свои мозаичные ковры прямо к платформе ультракатолицизма! Иначе их претензии становятся простым притворством.

Для создателей *церковного* псевдоордена Тамплиеров, созданного, по мнению Дюпи, во Франции приверженцами Стюартов, – становится настолько невозможным отрицать свою принадлежность к ордену иезуитов, что мы совсем не удивляемся, видя анонимного автора, с полным правом подозреваемого в принадлежности к иезуитскому филиалу в Клермоне, – издавая в 1751 г. в Брюсселе книгу о суде над рыцарями-тамплиерами. В этом томе, путем разнообразных искаженных заметок, добавлений и комментариев он описывает *невиновность* тамплиеров в ереси и таким образом лишает их величайшего права на уважение и восхищение, какое эти ранние свободомыслящие люди и мученики по праву заслужили!

Этот последний псевдоорден был учрежден в Париже 4 ноября 1804 г. на основе *поддельной Конституции* и все время с тех пор «заражал подлинное франкмасонство», как высшие масоны сами нам говорят. *«La Charte de transmission» (tabula aurea Larmenii)* по внешности выглядит обладающей такой чрезвычайной древностью, «что Григорий признается, что если бы все другие реликвии Парижской сокровищницы ордена не потушили бы его сомнений по поводу их древнего происхождения, то одного взгляда на эту хартию было достаточно, чтобы его убедить» [585, *Приложение*]. Первым великим мастером этого поддельного ордена был парижский врач д-р Фаре-Палапрат, который принял имя Бернарда Раймонда.

Граф Рамсей, иезуит, первым выдвинул идею объединения тамплиеров с рыцарями Мальты. Поэтому мы читаем следующее, написанное его пером:

«Наши предки (!!!), крестоносцы, собрались на Святой Земле со всех христианских стран и хотели объединиться в единое братство, охватывающее все народы, чтобы, объединившись вместе сердцами и душой для взаимного улучшения, они могли с течением времени образовать единый интеллектуальный народ».

Вот почему тамплиеров объединили с рыцарями Св. Иоанна, а последних втиснули в масонское братство известное как масоны Св. Иоанна.

Вследствие этого в *«Sceau Rompu»,* 1745 г., мы обнаруживаем следующую наиболее наглую ложь, достойную сыновей Лойолы:

---

[455] “Краткий обзор рыцарей тамплиеров и рыцарей Св. Иоанна Иерусалимского”, Ричарда Вулфа, командора Ордена масонских рыцарей тамплиеров [**586**].

«Ложи были посвящены Св. Иоанну, так как *рыцари*-масоны во время священной войны в Палестине присоединились к рыцарям Св. Иоанна».

В 1743 г. в Лионе была придумана степень Кадош (так, по крайней мере, пишет Тори), и «она представляет *собою реванш тамплиеров».* И тут мы находим, что Финдель говорит, что

«Орден рыцарей тамплиеров был упразднен в 1311 г., и именно к этой эпохе им пришлось прибегнуть, когда, после изгнания нескольких рыцарей из Мальты в 1740 г. за то, что они были франкмасоны, не было больше возможности поддерживать связи с орденом Св. Иоанна или рыцарями Мальты, находящимися тогда в расцвете сил *под суверенитетом Папы».*

Обратившись к Клавелу, к одному из лучших авторитетов по масонству, мы читаем:

«Ясно, что учреждение Французского ордена рыцарей тамплиеров не более древнее, чем 1804 год, и что оно не может выдвигать никаких законных претензий на то, что является продолжением так называемого общества *«La petite Resurrection des Templiers»,* а это последнее также нельзя считать продолжением древнего Ордена рыцарей тамплиеров».

Поэтому мы видим, что эти ложные тамплиеры под руководством достопочтенных отцов иезуитов, подделывают в Париже в 1806 г. знаменитую хартию Ларменія. Двадцать лет спустя эта бесчестная подпольная корпорация, водя руку убийцы, направила ее на одного из лучших и величайших принцев Европы, чья таинственная смерть, к несчастью для интересов истины и справедливости, по политическим причинам никогда не была исследована и объявлена миру, как это должно было быть. Именно этот принц, сам франкмасон, был последним хранителем секретов истинных Рыцарей Тамплиеров. В течение долгих веков они оставались неизвестными и вне подозрений. Они устраивали свои собрания раз в *тринадцать* лет на Мальте; их великий мастер оповещал европейских братьев о месте собрания всего за несколько часов до встречи; эти представители когда-то могущественнейшей и наиболее прославленной общины рыцарей, собирались в назначенный день с различных мест земли. *Тринадцать* числом, в память года смерти Жака Молэ (1313), теперь Восточные братья, среди которых были коронованные головы, планировали вместе религиозные и политические судьбы народов; тогда как папские рыцари, их кровавые и незаконнорожденные преемники, крепко спали в своих кроватях без единого сна, который потревожил бы их преступные совести.

«И все же», – говорит Риболд, – «несмотря на вызванную ими путаницу (1736-72 гг.), иезуиты завершили только один из своих замыслов, а именно: *денатурализовали и обесславили масонство.* Когда им удалось, как они думали, разрушить его в одной форме, они решили использовать его в другой. Приняв это решение, они создали систематизированные труды под заглавием «Секреты тамплиеров» – смешение различных повествований, событий, характеристик крестовых походов, перемешанных с мечтами алхимиков. *В этой мешанине католицизм правил всем, и вся эта фальшивая постройка катилась как по маслу, представляя ту великую цель, для которой Общество Иисуса было организовано*» [**587**, с. 218].

Поэтому обряды и символы масонства, которые хотя и являются «языческими» по своему происхождению, – все применимы к христианству и все пахнут христианством. Масон должен заявить о своей вере в *личного* Бога, Иегову, а в лагерных степенях – также о вере в Христа, прежде чем он может быть принят в ложу, тогда как Иоановские тамплиеры верили в непознаваемый и неизмеримый Принцип, от которого произошли Творческие Силы, неверно названные *богами,* и придерживались назарейской версии о том, что Бен-Пантер был грешным отцом Иисуса, который поэтому провозгласил себя «сыном бога и человечества».*

[*Прим. См. версию Гаффареля; [**158**], [**526**], «Sepher Toldos Jeshu» и другие каббалистические и раввинистические труды. Приводимое повествование таково. Дева по имени Мариам, обрученная с молодым человеком по имени Иоханан, была изнасилована другим человеком по имени Бен-Пантер, или Иосиф Пантер, говорит «Sepher Toldos Jeshu». «Ее жених, узнав о постигшем ее несчастии, покинул ее, в то же самое время простив ее. Родившийся ребенок был Иисус, названный Иошуа. Будучи усыновлен его дядей раввином Иеосуа, он был посвящен в тайную доктрину раввином Элхананом, каббалистом, а затем египетскими жрецами, которые посвятили его в сан первосвященника всеобщей тайной доктрины вследствие его великих мистических качеств. После его возвращения в Иудею его ученость и силы возбудили зависть раввинов, и они публично упрекнули его в его происхождении и оскорбили его мать. Отсюда слова, приписываемые Иисусу в Кане: «Женщина, что мне до тебя?» (См. [*Иоанн*, II, 4]). Когда ученики упрекнули его за нелюбезное отношение к матери, Иисус раскаялся за свои слова и, узнав от них подробности печальной истории, заявил что «Моя мать не согрешила, она не утеряла своей невинности; она непорочна, и все же она – мать... Что касается меня самого, то у меня нет отца в этом мире; я Сын Бога и человечества!» Возвышенные слова уверенности и веры в незримую Силу; но какими роковыми они стали для миллионов и миллионов людей, умерщвленных из-за того, что эти же самые слова так ужасно неправильно понимались!]

Этим также объясняются страшные клятвы масонов, даваемые *на* Библии, и их лекции, раболепно согласованные с патриархо-библейской хронологией. В Американском ордене розенкрейцеров, например, когда неофит приближается к алтарю, «Господа Рыцари призываются к порядку, и капитан стражи произносит свое провозглашение». «Во славу великого архитектора вселенной (Иеговы-Бины?), под покровительством верховного святилища *древнего* и *первобытного* масонства» и т. д. и т. д. Затем Рыцарь-оратор ударяет 1 и говорит неофиту, что древние легенды масонства уходят в прошлое на СОРОК веков, присваивая самой старой из них древность не позднее 622 г. после Сотворения Мира, когда, как он говорит, родился Ной. При таких обстоятельствах это будет рассматриваться, как вольное обращение с хронологией. После этого масонам[456] сообщают, что около 2188 г. до Р. Х. Мизраим вел колонии в Египет и заложил основание Египетскому царству, которое просуществовало 1663 года (!!!). Странная хронология, которая, если и набожно согласуется с хронологией Библии, совсем расходится с хронологией истории. Мифические девять имен Бога, занесенные в Египет, по масонским данным, только в двадцать втором веке до Р. Х. обнаружены на памятниках, которые лучшими египтологами считаются вдвое старше. Тем не менее, мы также должны учитывать и то, что сами масоны не осведомлены об этих именах.

Простая истина заключается в том, что современное масонство, к сожалению, представляет собою совсем другое, нежели то, чем всемирное тайное братство было в те дни, когда брахманисты, поклоняющиеся АУМу, обменивались рукопожатиями и паролями с поклоняющимися ТУМу, и адепты всех стран под солнцем были «братьями».

Но что тогда представляло то таинственное имя, то могущественное «слово», силою которого как индусские, так и халдейские и египетские посвященные творили свои чудеса? В главе CXV египетского *«Погребального ритуала»,* озаглавленного *«Глава о выходе к Небесам... и об узнавании Духов Ан»* (Гелиополиса), Гор говорит:

«Я знал Духов Ан. Преславный не проходит это... если боги не дадут мне СЛОВО».

В другом гимне душа, преобразовавшись, восклицает:

«Дайте мне дорогу в Руста. Я – Великий, одетый как Великий. Я пришел! Я пришел! Приветливы ко мне цари Озириса. Я творю воду (силою Слова)... Разве я не видел сокрытых

[456] Мы говорим об Американском Капитуле розенкрейцеров.

тайн... Я дал истину Солнцу. Я ясен. Меня обожают за мою чистоту» (CXVII-CXIX. Главы о вхождении и выхождении Руста).

В другом месте свиток мумии высказывает следующее:

«Я – Великий Бог (дух) самосущий, создатель *Его Имени...* Я знаю имя этого Великого Бога, который здесь».

Иисуса его враги обвиняли, что он творил чудеса, и его собственные апостолы показывали, что он изгонял демонов силою НЕСКАЗУЕМОГО ИМЕНИ. Первые твердо верили, что он украл это имя в святилище.

«Он изгнал духов *словом...* и исцелил всех больных» [*Матфей,* VIII, 16].

Когда еврейские правители спрашивают Петра: «Какою силою или каким *именем* вы сделали это?» – Петр отвечает: – «Именем Иисуса Христа Назарея» [*Деяния,* IV, 7, 10]. Но означает ли это имя Христа, как хотят толкователи, чтобы им поверили, или же это означает – «ИМЕНЕМ, которым обладал Иисус из Назарета», посвященный, обвиняемый евреями, что он украл его, но, в самом деле, получивший его через посвящение? Кроме того, Иисус неоднократно говорит, что все, что он делает, он делает *«во Имя Своего Отца»,* а не во имя свое.

Но кто из современных масонов когда-либо слышал, как его произносят? В своем собственном «Ритуале» они признаются, что никогда не слышали. «Сэр Оратор» говорит «сэру Рыцарю», что пароли, которые тот получил в предыдущих степенях, все были «просто искажениями» истинного имени Бога, вырезанного на треугольнике, и что поэтому они пользуются «заменителем» его. То же самое в Голубой ложе, где мастер, представляющий царя Соломона, соглашается с царем Хирамом, что Слово * * * «будет использовано в качестве *заменителя* вместо слова мастера до тех пор, пока более мудрые века не раскроют истинного слова. Какой Старший Диакон изо всех тех тысяч, которые помогали выводить кандидатов из тьмы к свету; или какой мастер, который шептал это мистическое «слово» в уши мнимых Хирамов Абифов, подозревал настоящее значение даже этого заменителя, который они сообщают «чуть дыша»? Как мало новоиспеченных масонских мастеров, уходя, задумываются, что оно имеет некоторую оккультную связь «с мозгом костей». Что они знают о той мистической личности, известной некоторым адептам как «достопочтенный МАХ», или о таинственных «восточных братьях», которые повинуются тому, чье имя сокращено в первый слог из тех трех, которые составляют масонский заменитель – тот МАХ, который живет до нынешнего дня в месте,

неизвестном никому, кроме посвященных, и подходы к которому пролегли по бездорожным пустыням, неисхоженным ногами иезуитов или миссионеров, ибо она полна опасностями, способными устрашить наиболее храбрых исследователей? И все же, из поколения в поколение это бессмысленное созвучие гласных и согласных повторялось в уши кандидатам, как будто оно обладало хотя бы мощью отклонить в сторону плывущую по воздуху пушинку! Подобно христианству, франкмасонство представляет собою труп, у которого дух уже давно отлетел.

В этой связи хорошо будет предоставить место письму м-ра Чарлза Созерэна, секретаря-корреспондента Нью-йоркского клуба либералов, которое мы получили на следующий день после того, которым оно датировано. М-р Созерэн известен как писатель и лектор по античным, мистическим и другим темам. В масонстве он получил столько степеней, чтобы быть вполне компетентным авторитетом, что касается этого общества. Он является 32 . ° . А. и П. Р., 94. ° . Мемфиса, К. Р. ✠, К. Кадош, М. М. 104, Инг., и т. д. Он также является посвященным современного английского братства розенкрейцеров и других тайных обществ, и редактором по части масонства журнала *«Нью-йоркский*

адвокат». Далее следует письмо, которое мы предъявляем масонам, так как желаем, чтобы они взглянули, что говорит один из их членов.

«Нью-йоркский Пресс-клуб, 11 января 1877 г.

В ответ на ваше письмо я охотно снабжаю вас желаемой информацией относительно древности и современного состояния франкмасонства. Это я делаю тем более охотно, что мы принадлежим к одним и тем же тайным обществам и поэтому вы будете в состоянии лучше оценить необходимость сдержанности, которую я иногда обязан буду проявить. Вы правильно ссылаетесь на тот факт, что франкмасонство не менее, чем истощенные богословия нынешнего дня, обладает своей легендарной историей, которую можно рассказать. При такой засоренности ордена хламом и наносами абсурдных библейских легенд нет ничего удивительного, что его полезности причинен вред и его труд в качестве просветителя задержан. К счастью, большое антимасонское движение, бушевавшее в Соединенных Штатах в течение части нынешнего века, заставило значительную часть работников докапываться до истинного происхождения братства и приводить дела в более здоровое состояние. Американское возбуждение также распространилось на Европу, и литературные труды масонских авторов по обе стороны Атлантического океана, таких как, Риболда, Финделя, Хайнемана, Митчела, Маккензи, Хьюгана, Яркера и других хорошо известных братству авторов теперь уже принадлежат истории. Одним следствием их трудов в значительной мере было то, что история масонства была вынесена на дневной свет, где даже его учения, юриспруденция, и ритуалы более не представляют секрета для тех «профанов», у которых достаточно понятливости, чтобы их читать, как они написаны.

Вы правы, говоря, что Библия является «великим светом» масонства как в Европе, так и в Америке. Вследствие этого теистическая концепция Бога и библейская космогония всегда рассматривались, как два из его великих краеугольных камней. Его хронология также кажется обоснованной на том же самом псевдооткровении. Так, д-р Далхо в одном из своих трактатов утверждает, что принципы масонского ордена были явлены при сотворении и являются его ровесниками. Поэтому неудивительно, если такой пандит продолжал бы излагать в таком духе, что Бог был первым гроссмейстером, Адам вторым, и последний посвятил Еву в великую мистерию, как, я полагаю, многие жрецы Кибелы и «Госпожи» Кадош были посвящены впоследствии. Достопочтенный д-р Оливер, другой масонский авторитет, совершенно серьезно приводит то, что можно назвать протоколом ложи, где Моисей председательствовал в качестве Гроссмейстера, Иисус Навин в качестве Заместителя Гроссмейстера, а Ахопиав и Безелил в качестве Великих Попечителей! Иерусалимский храм, который как недавно показали археологи, оказался строением, неимеющим ничего общего с той древностью, какая приписывалась его постройке, и неправильно названным по имени монарха, чье имя доказывает его мистический характер – Соп-ом-он (название солнца на трех языках), играет, как вы правильно заметили, значительную роль в масонской мистерии. Такие басни, как эти, и легендарная масонская колонизация древнего Египта послужили тому, что масонству приписали блестящее происхождение, на которое оно не имеет никакого права, и перед сороковековой давностью его легендарной истории бледнеет мифология Греции и Рима. Египетская, халдейская и другие теории, понадобившиеся всякому выдумщику «высоких степеней», каждая имела свое время процветания. Последнее «оттачивание топора» последовательно было плодоносной матерью непроизводительности.

Мы оба согласны в том, что все древние жречества имели свои эзотерические доктрины и тайные церемонии. От братства ессеев, отпрыска индусских гимнософоров, несомненно, произошли Общины Греции и Рима, как они описаны так называемыми «языческими» писателями. Обосновываясь на них и подражая им по части ритуалов, знаков, рукопожатий, паролей и т. д., развивались средневековые гильдии. Подобно нынешним ливрейным обществам Лондона, остаткам английских ремесленных гильдий, действующие масоны были только гильдией работников с более высокими претензиями. От французского названия «Macon», производного от «Mas», старого нормандского имени существительного, означающего «дом», произошло наше английское «масон», домостроитель. Как Лондонские общества стремились время от времени напоминать посторонним о свободе «ливрейных», так же поступали и ремесленные гильдии масонов. Так основатель Ашмоловского музея был освобожден от масонства в Уоррингтоне, в Ланкашире, Англии 16-го октября 1646 г..

Вступление таких людей как Элиас Ашмол в действующее братство мостило путь великой «Масонской революции 1717 г.», когда УМОЗРИТЕЛЬНОЕ масонство начало свое существование. Конституции 1723 г. и 1738 г., составленные масонским обманщиком Андерсоном, были написаны для заново оперившейся и первой Великой ложи «Свободных и признанных масонов» Англии, из которой сегодня исходят все другие по всему миру.

Эти поддельные конституции, написанные Андерсоном, были составлены около того времени, и чтобы всучить свою жалкую чепуху выдуманной истории масонства, он имел наглость заявить, что почти все документы, относящиеся к масонству в Англии, были уничтожены реформаторами в 1717 году. К счастью, в Британском музее, в библиотеке Бодлея и в других общественных учреждениях Риболд, Хьюган и другие нашли достаточно доказательств в виде обязанностей старого Действующего масонства, чтобы опровергнуть это заявление. Эти самые писатели, я полагаю, окончательно разрушили прочность двух других документов, навязанных масонству, а именно, подложной Кельнской Хартии 1535 г. и поддельных вопросов, якобы выписанных Лейландом, антикваром, из рукописи короля Англии Генриха VI. В ней ссылаются на Пифагора, что он – «основал великую ложу в Кротоне и сделал многих масонами, их которых некоторые уехали во Францию и там сделали многих масонами, откуда с течением времени эта наука пришла в Англию». Сэр Кристофер Рен, архитектор собора Св. Павла в Лондоне, часто называемый «Гроссмейстером франкмасонов», был просто мастером или председателем Лондонского Общества действующих масонов. Если такое сплетение басен могло вплестись в историю Великих лож, в ведении которых теперь находятся первые три символические степени, то едва ли следует удивляться, что та же самая судьба выпала на долю почти всех высоких масонских степеней, которые очень метко были названы «бессвязной мешаниной противоречивых принципов».

Также любопытно отметить, что большинство обществ, которые применяют эти, например, «Древний и признанный шотландский ритуал», «Ритуал Авиньона, ордена Храма», Феслеровский ритуал, «Верховный совет императоров Востока и Запада – суверенных принцев масонов» и т. д. и т. д. – почти все являются отпрысками сыновей Игнация Лойолы. Барон Хандт, шевалье Рамсей, Чуди, Циннендорф и многие другие, кто основали степени в этих ритуалах, работали по инструкциям генерала иезуитов. Гнездом, где эти высокие степени вылупились из яиц, причем ни один масонский ритуал не свободен более или менее от их губительного влияния, – был иезуитский Колледж Клермон в Париже.

Этот внебрачный подкидыш франкмасонства, «Древний и признанный шотландский ритуал», который не признается «голубыми ложами», был созданием, преимущественно, мозгового аппарата иезуита шевалье Рамсея. Он был перенесен в Англию в 1736-38 гг. в помощь делу католических Стюартов. Ритуал в его нынешнем виде из тридцати трех степеней был переделан в конце восемнадцатого века какой-то полдюжиной масонских авантюристов в Чарльзстоне, Южная Каролина. Двое из них, портной Пирле и преподаватель танцев, по имени Лакорн, были подходящими предшественниками для оживления дела впоследствии неким джентльменом, по имени Гургас, занимавшимся аристократическим занятием судового клерка на судне, курсирующим между Нью-Йорком и Ливерпулем. Доктор Крусификс, он же Госс, изобретатель каких-то патентованных лекарств сомнительного характера, управлял этим заведением в Англии. Полномочиями, по которым эти достойные люди действовали, является документ, якобы подписанный Фридрихом Великим 1 мая 1786 г. в Берлине; этим документом была пересмотрена Масонская Конституция и статус высших степеней Древнего и признанного ритуала. Этот документ представлял собою наглую подделку; в противодействие этому обману «великие ложи трех глобусов» в Берлине выпустили протокол, в котором решительно доказывалось, что вся эта затея фальшива во всех деталях. Заявлениями, подкрепляемыми этим поддельным документом, ложа «древнего и признанного ритуала» выманила у своих доверчивых братьев в Америке и Европе тысячи долларов к стыду и позору человечества.

Современные тамплиеры, на которых вы ссылаетесь в вашем письме, это только сороки в павлиньих перьях. Целью масонских тамплиеров является сектарианизация или, вернее, христианизация масонства, братства, которое, как думают, допускает в свои ряды евреев, парсов, магометан, буддистов, в сущности, представителей любой религии, которые принимают доктрину о личном боге и бессмертии духа. По мнению одной части, если не всех израильтян, принадлежащих к братству в Америке – тамплиеризм это иезуитизм.

Кажется странным, что теперь, когда вера в личного Бога гаснет и когда даже богословы преобразили свое божество в нечто неописуемое и неопределенное, – находятся люди,

мешающие принятию возвышенного пантеизма первичных восточников, Якова Бёме, Спинозы. Часто в Великой ложе и в подчиненных ложах той или другой юрисдикции поют старое славословие с его «Слава Отцу, Сыну и Святому Духу», к возмущению израильтян и свободомыслящих братьев, которые таким образом излишне оскорбляются. Это никогда не могло бы произойти в Индии, где великим светом в ложе могут быть Коран, «Зенд-Авеста» или одна из Вед. Сектантский христианский дух должен быть удален из масонства. Ныне имеются германские Великие ложи, которые не допускают к посвящению евреев и не принимают израильтян из других стран в ряды своих братьев в пределах своей юрисдикции. Однако французские масоны восстали против этой тирании, и Великий Восток Франции теперь допускает в члены атеистов-материалистов. Вопиющим упреком к провозглашенной всеобъемлемости масонства является тот факт, что французских братьев теперь не признают.

Несмотря на свои многочисленные недостатки – а умозрительное масонство только человеческое и поэтому способно ошибаться – нет другого такого учреждения, которое сделало бы так много и еще теперь способно на великие дела в будущем для человеческого, религиозного и политического усовершенствования. В прошлом веке иллюминаты по всей Европе учили: «Мир хижинам, война дворцам». В прошлом веке Соединенные Штаты Америки были освобождены от тирании Англии в большей мере действиями Тайных Обществ, чем обычно думают. Вашингтон, Лафайет, Франклин, Джеферсон, Гамильтон были масонами. А в девятнадцатом веке именно Гроссмейстер Гарибальди, 33, объединил Италию, поступая в соответствии с духом верного братства, масонских или, скорее, карбонарских принципов «свободы, равенства, гуманности, независимости, единения», которые годами преподавались братом Иосифом Мазини.

Умозрительному масонству предстоит большая работа в своих собственных рядах. Одна из них – признание женщины, как сотрудницы мужчины, в жизненной борьбе, как это уже сделали венгерские масоны недавно, посвятив графиню Хайдек. Другое важное делопризнание практически братства всего человечества, никому не отказывая по причине цвета кожи, расы, общественного положения или веры. Темнокожий не должен только теоретически считаться братом света. Цветные масоны, которые были должным образом регулярно повышены, стоят в Америке у дверей всех лож, ожидая допущения, но им отказывают. И еще существует Южная Америка, которую нужно привлечь к участию в выполнении долга человеческого.

Если масонство будет провозглашено носителем прогрессивной науки и школой чистой религии, то оно всегда будет находиться в авангарде цивилизации, а не в тылу. Если же оно будет только эмпирической попыткой, грубым усилием человечества разрешить некоторые из глубочайших проблем расы и ничего больше, тогда оно должно уступить место более подходящим преемникам, быть может одному из тех, о которых вы и я знаем – тому, кто, быть может, действовал, как подсказчик, стоя рядом с главами ордена в дни его величайших торжеств, шепотом говоря им, как дэмон шептал в ухо Сократа».

Искренне Ваш Чарльз Созерэн».

Итак, рассыпается в развалины великий эпос масонов, пропетый таким множеством таинственных рыцарей, как другое евангелие-откровение. Как мы видим, Храм Соломона подрывается и разрушается его собственными главными «мастерами масонами» нашего века. Но если, придерживаясь искусного экзотерического описания Библии, существуют еще масоны, рассматривающие его как действительно когда-то существовавшее здание, то кто из изучающих эзотерическую доктрину будет считать этот мифический храм чем-то другим, как не аллегорией, означающей тайную науку? Существовал ли когда-либо в действительности храм с таким именем – это мы можем предоставить решить археологам; но что подробное описание его в «1 Книге Царств» чисто аллегорическое – в этом не может сомневаться ни один серьезный ученый, имеющий опыт в древнем, а также в средневековом жаргоне каббалистов и алхимиков. Строение Храма Соломона есть символическое изображение постепенного овладения *тайной* мудростью или магией; сооружения и развития духовного из земного; проявления силы и великолепия духа в физическом мире через мудрость и гений строителя. Последний, когда он стал адептом, является более могущественным царем, чем сам Соломон, символ солнца или самого *Света,* света реального субъективного мира, сияющего во тьме объективной вселенной.

Вот это тот «Храм», который можно воздвигать *без стука молотка и без того, чтобы любой другой инструмент был бы слышен в том доме, пока он «строится».*

На Востоке в некоторых местах эту науку называют «семиэтажным», а в других – «девятиэтажным» Храмом; каждый этаж аллегорически отвечает одной степени приобретенного знания. По всем странам Востока, где бы ни изучали магию и религию мудрости, практикующие и изучающие это, в своей среде называются строителями – ибо они строят храм познания тайной науки. Те из адептов, которые активны, титулуются практическими или *действующими* строителями, тогда как изучающие или неофиты причисляются к классу *созерцательных* или теоретических. Первые проявляют на деле свою власть как над неживой, так и над живой природой; последние же только совершенствуются на простейших элементах священной науки. Эти термины, по-видимому, были заимствованы в начале неизвестными основателями первых масонских гильдий.

В популярном теперь жаргоне «действующие масоны» понимаются как укладчики кирпичей и ремесленники, которые составляли масонство до времени сэра Кристофера Рена; а под «умозрительными масонами», как теперь понимается, подразумевают всех членов ордена. Изречение, приписываемое Иисусу: «Ты есть Петр... на этом камне я построю мою церковь, и врата ада не устоят перед ней», – как бы ни было оно искажено неправильными переводами и толкованиями, – ясно указывает на свое действительное значение. Мы уже показывали значение *Патер* и *Петра* у иерофантов – это истолкование, начертанное на каменных таблицах конечного посвящения, вручалось посвятителем избранному будущему истолкователю. Ознакомившись с его таинственным содержанием, которое открывало ему тайны творения, посвященный сам становился *строителем,* ибо он был ознакомлен с *додекаедром* или с геометрической фигурой, по которой построена вселенная. К тому, чему он научился в предыдущих посвящениях о пользовании мерилом и о строительных принципах, добавлялся крест, перпендикулярная и горизонтальная линии которого считались образующими основание духовного храма, скрещением их на точке пересечения или центральной изначальной точке, элементе всякого существования,[457] представляя первую конкретную идею божества. С этого времени он мог, как мастер-строитель (см. [*1 Коринфянам,* III, 10] воздвигать храм мудрости на том камне *Петра* для себя самого; и заложив незыблемое основание, предоставить «другим строить на нем».

Египетскому иерофанту давали квадратный головной убор, который он должен был носить постоянно, и также наугольник (см. знаки масонов), без которого он не мог покидать страну. Совершенный *Тау,* образованный из перпендикуляра (спускающийся мужской луч или дух), горизонтальной линии (или материя, женский луч) и мирового круга, был атрибутом Изиды, и только при его смерти клался на грудь его мумии. Эти квадратные головные уборы по сей день носятся армянскими священниками. Претендование на то, что крест является чисто христианским символом, введенным в нашей эре, действительно странно, когда мы читаем, что уже Иезекииль отпечатывал на лбах людей Иудеи, которые боялись Господа, [*Иезекииль,* IX, 4] *знак Тау,* как гласит перевод *Вульгаты*. В древнееврейских писаниях этот знак изображен так †, но в оригиналах египетских иероглифов – как совершенный христианский крест †. В «Откровении» также «Альфа и Омега» A P Ω (дух и материя), первый и последний, отпечатывает имя своего Отца на лбах *избранных.*

И если сообщенное нами неправильно, если Иисус не был посвященным, мастером-строителем или мастером-масоном, как это теперь называют, то почему получилось так, что на наиболее древних соборах мы находим его изображения с масонскими знаками около него? На соборе Санта Крос во Флоренции над главным порталом видна фигура Христа с правильным наугольником в руках.

---

[457] Пифагор.

Выжившие «мастера-строители» *действующей* организации истинного Храма могут буквально ходить *полуобнаженными* и скитаться *неряшливо* одетыми всегда – не ради пустой церемонии, но потому, что подобно «Сыну Человеческому», им негде голову преклонить – и все же быть единственными, оставшимися в живых обладателями «Слова». Их «канат» есть священный тройной шнур определенных брахманов-санньяси, или нить, на которую некоторые ламы навешивают свои *ю-камни;* но с этими, кажущимися ничего не стоящими талисманами, ни один из них не расстался бы за все богатство Соломона и царицы Савской. Семиузловая бамбуковая палка факира может стать такой же могущественной как посох Моисея, «который был сотворен в промежутках вечеров и на котором было вырезано и изложено великое и славное ИМЯ, с помощью которого ему предстояло творить чудеса в Мизраиме».

Но эти «действующие работники» не боятся, что их секреты будут раскрыты предательствующими бывшими верховными жрецами их капитулов, хотя их поколение быть может получило их через других, а не через «Моисея, Соломона и Зерубабела». Если бы Моисей Михаил Хейз, брат израильтянин, который ввел масонство Королевской Арки в этой стране (в декабре 1778 г.)[458] обладал бы в какой-то мере пророческим предчувствием предательств в будущем, он мог бы установить более эффективные обязательства, чем те, которые установил.

Поистине, великое всеобъемлющее слово Королевской Арки, «давно утерянное, но теперь найденное», выполнило свое пророческое обещание. «Я ЕСМЬ ТО, ЧТО Я ЕСМЬ» перестало быть паролем той степени. Теперь им стало просто: «Я был, но меня больше нет»!

Чтобы нас не обвинили в пустом хвастовстве, мы дадим ключи к нескольким из тайных шифров среди наиболее недоступных и значительных, относящихся к так называемым высшим масонским степеням. Если мы не ошибаемся, они никогда раньше не открывались внешнему миру (за исключением выдачи их масонам Королевской Арки в 1830 г.) и самым ревностным образом охранялись в различных орденах. Мы не связаны ни обещанием хранить тайну, ни обязательством, ни клятвой, и поэтому не нарушаем доверия кого-либо. Мы не преследуем цели удовлетворить чье-то праздное любопытство; мы хотим только показать масонам и филиалам всех других обществ Запада – включая и иезуитов – что они не в состоянии сохранить какой-либо секрет, если он стоит того, чтобы восточное братство его раскрыло. В качестве заключения это также может показать им, что если последнее может приподнимать маски европейских обществ, то оно тем не менее успешно сохраняет свое собственное забрало неприподнятым; ибо одна вещь признана везде и повсюду, а именно, что нет ни одного настоящего секрета какого-либо дожившего до наших дней древнего братства, который находился бы в руках профанов.

Некоторые из этих шифров употреблялись иезуитами в их тайной переписке во время заговора якобинцев и когда масонство (якобы преемник Храма) было использовано церковью для политических целей.

Финдел говорит (см. его [585, с. 253]), что в восемнадцатом веке,

> «кроме современных рыцарей тамплиеров, мы видим, как иезуиты... уродуют прекрасное лицо франкмасонства. Многие масонские авторы, которые были полностью осведомлены об этом периоде и точно знали все происшедшие инциденты, решительно утверждают, что в то время, а также позднее, иезуиты оказывали пагубное влияние или, по меньшей мере, старались таковое оказать на братство».

Ссылаясь на авторитетное утверждение профессора Вуга, он замечает по поводу ордена розенкрейцеров, что его

---

[458] Первый *Великий Капитул* был учрежден в Филадельфии, 1797 г.

«целью вначале... было ничто другое как поддержка и способствование католицизму. *Когда эта религия проявила решимость полностью подавить свободу мысли...* розенкрейцеры также соответственно расширили свои замыслы по воспрепятствованию, при возможности прогрессу этого широко распространяющегося просвещения».

Из *«Sincerus Renatus»* (истинно обращенный) С. Рихтера в Берлине (1714 г.) мы узнаем, что законы выдвигались по управлению «Золотых розенкрейцеров», «носившие на себе несомненные доказательства иезуитского вмешательства».

Мы начнем с тайнописи «Державных князей Розового креста», называемых также рыцарями Св. Андрея, рыцарями Орла и Пеликана, *Heredom, Rosae Crucis*, Розового креста, Тройного креста, Совершенного брата, Князя Масона, и т. д. *«Heredom Rosy Cross»* также претендует на происхождение от тамплиеров в 1314 г.[459]

ШИФР

S. ˚ .P. ˚ .R. ˚ .C. ˚ .

ШИФР РЫЦАРЕЙ ROSE CROIX OF HEREDOM

(Килавитга)

0	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10		10	11	12	13	14	15	16	17
a	b	c	d	e	f	g	h	i	j	ba	(или)	k	kb	kc	kd	ke	kf	kg	kh

18	19	20	30	40	50	60	70	80	90	100	200	300	400	500
ki	kj	ck	dk	ek	fk	gk	hk	ik	jk	l	cl	dl	el	fl

600	700	800	900	1000
gl	hl	il	jl	m

ШИФР РЫЦАРЕЙ КАДОШ

(Также Белого и Черного Орла и Великого Избранного Рыцаря Тамплиера)

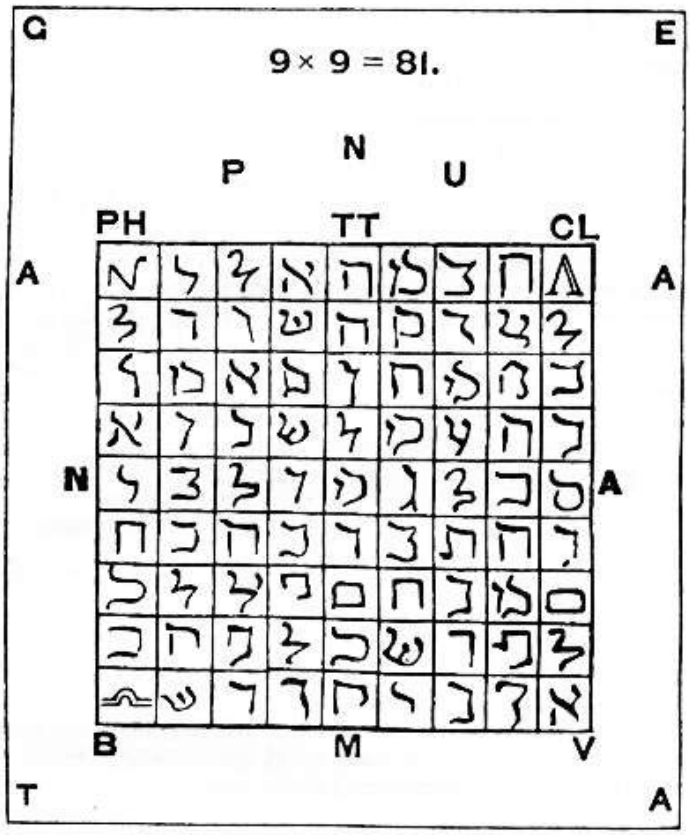
70	2	3	12	15	20	30	33	38	9	10	40
a	b	c	d	e	f	g	h	i	k	l	m

60	80	81	82	83	84	85	86	90	91	94	95
n	o	p	q	r	s	t	u	v	x	y	z

[459] См. [**579**, с. 153].

Рыцари Кадош имеют еще один шифр или, скорее, иероглифическую систему, которая в данном случае взята от евреев, возможно, для того, чтобы больше походить на библейских кадешимов Храма.[460]

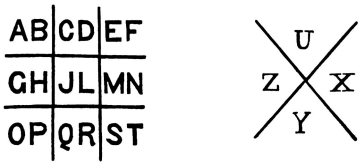
ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА К.˚.KAD.˚.



Что касается шифра Королевской Арки, он уже приводился до этого, но мы можем его представить в слегка расширенном виде.

Этот шифр состоит из определенных комбинаций прямых углов с точками или без них. Следующее является основою его

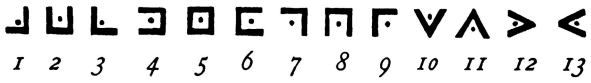
Образования.



Теперь, алфавит состоит из двадцати шести букв, и эти две фигуры, будучи расчленены, образуют тринадцать определенных знаков:

[460] См. [*2 Царей*, XXIII, 7], еврейский текст и английский, в особенности первый. В степени Кадош прочитывается лекция о происхождении масонства через Моисея, Соломона, ессеев и тамплиеров. Христианские рыцари Кадош могут получить некоторое представление о том, к какого рода “Храму” их предки могли бы быть прикреплены по такой генеалогии, если они прочтут стих 13-й вышеупомянутой главы.

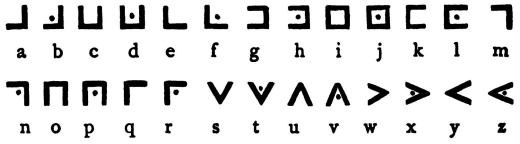
Точка, помещенная внутри каждого из них, дает еще тринадцать знаков:



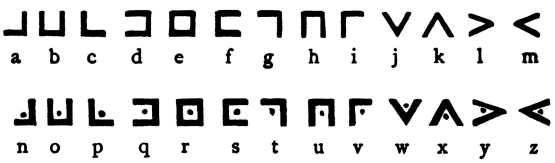
Вместе это дает двадцать шесть, равное количеству букв в английском алфавите.

Существуют, по меньшей мере, два способа сочетания и употребления этих знаков в целях тайной корреспонденции. Один способ заключается в том, чтобы назвать первый знак a; тот же знак с точкою b; и т. д. Другой способ – применить их, в обычном порядке, к первой половине алфавита a, b и т. д., до m, после чего повторить их с точкою, начиная с буквы n, o, и т. д. до z.

По первому методу алфавит выглядит так:



По второму методу это выглядит так:



Кроме этих знаков, французские масоны, по-видимому, под руководством своих достигших совершенства учителей – иезуитов, усовершенствовали этот шифр во всех подробностях. Так, например, у них есть знаки даже для запятых, дифтонгов, ударений, точек и т. д. Вот они:

Хватит этого. Мы могли бы, если бы решили, дать шифровые алфавиты, с их ключами, к еще одному методу масонов Королевской Арки, сильно напоминающему некоторые индусские письмена; к G . ˚ . El . ˚ Мистического Града; к хорошо известной форме деванагарского письма (французских) мудрецов пирамид; и верховного мастера Великого Труда, и других. Но мы воздерживаемся; по той причине, что только некоторые боковые ответвления первоначальной Голубой ложи франкмасонства содержат еще обещание быть полезными в будущем. Что касается остальных, то они могут и скоро уйдут в кучу праха, накапливаемого временем. Высшие масоны поймут, что мы подразумеваем.

Теперь мы должны привести несколько доказательств к тому, что мы изложили и продемонстрировать, что слово Иегова, если масонство будет держаться за него, навсегда останется заменителем и никогда не отождествится с утерянным чудодейственным именем. Это настолько известно каббалистам, что в своей осторожной этимологии слова יהוה они вне всякого сомнения показывают, что оно только одно из многих заменителей действительного имени и составлено из двойного имени первого андрогина – Адама и Евы, Иод (или Иодх), Вау и Хе-Ва – женского змея, как символа божественного Разума,

исходящего из ЕДИНОГО-Порождающего или *Творящего* Духа.[461] Поэтому Иегова совсем не является священным именем. Если бы Моисей назвал фараону *истинное* «имя», последний не ответил бы так, как он ответил, ибо египетские цари-посвященные знали это имя так же, как и Моисей, который узнал его от них. *То* «имя» в то время было общим достоянием адептов всех народов мира, и фараон, несомненно, знал «имя» Высочайшего Бога, упомянутого в «Книге Мертвых». Но вместо этого Моисей (если мы примем аллегорию в «Исходе» в буквальном смысле) дает фараону имя *Иева,* выражение или форму божественного имени, употребляемую всеми «Таргумами». Поэтому фараон отвечает: «А кто такой тот Иева,[462] что я должен повиноваться его голосу?»

Происхождение «Иеговы» начинается только с Мазоретского нововведения. Когда раввины, из боязни, что они потеряют ключи к своим собственным доктринам, которые в то время были написаны одними только согласными, начали вводить точки – гласные в свои рукописи, – они совершенно не знали истинного происхождения ИМЕНИ. Поэтому они придали ему звучание *Адонах,* и заставили читать это как *Иа-хо-вах.* Таким образом последний является просто выдумкой, извращением священного имени. И как они могли его знать? Из всей их нации одни только первосвященники обладали им и соответственно передавали его своим преемникам, как это делает индусский Брахматма перед своей смертью. Только раз в год, в день искупления, первосвященнику позволялось шепотом произносить его. Пройдя за занавес во внутреннюю комнату святилища, в святая святых, трепещущими устами и со взорами, опущенными вниз, он произносил страшное ИМЯ. Грозные преследования каббалистов, которые получали эти драгоценные слоги, заслужив эту честь святостью целой жизни, – обязаны подозрениям в злоупотреблении им. В начале этой главы мы рассказали о жизни Симеона Бен Иохай, одной жертвы этого бесценного знания, и видели, как мало он заслуживал такого жестокого обращения.

«Книга Яшер», труд – как нам рассказал очень ученый еврейский богослов из Нью-Йорка – составленный в Испании в двенадцатом веке, как «народное сказание», не получивший «санкции Раввинской Коллегии в Венеции», полон каббалистических, алхимических и магических аллегорий. Признавая это, однако, следует сказать, что там мало народных сказаний, которые не были бы основаны на исторической правде. «Северяне в Исландии» д-ра Дж. У. Дасента также представляет собою народные сказания, но они содержат в себе ключ к примитивной религии того народа. То же самое с «Книгой Яшер». Она содержит в себе весь Ветхий Завет в сжатой форме и в таком виде, как у самаритян, т. е. пять *Книг Моисея* без книг пророков. Хотя этот труд отвергнут ортодоксальными раввинами, мы не можем не думать, что так же, как это было с апокрифическими *Евангелиями,* которые были написаны раньше канонических *Евангелий,* так и «Книга Яшер» представляет собою тот истинный подлинник, из которого впоследствии частью возникла Библия. И апокрифические *Евангелия* и «Яшер» представляют собою серию религиозных сказаний, в которых чудеса громоздятся одно на другое и где народные повествования изложены так, как они вначале возникли, безо всякой связи с хронологией или догмой. Все же и *Евангелия* и «Яшер» являются краеугольными камнями Моисеевой и христианской религий. Что такая «Книга Яшер» существовала раньше Моисеевого *Пятикнижия,* – это ясно, ибо она упоминается в «Иисусе Навине», «Исайе», и «2 Самуила».

Нигде расхождение между элохистами и иеговистами не выявлено так ясно, как в «Яшере». О Иегове здесь сказано так, как его считали офиты – Сыном Ильда-Баофа или Сатурном. В этой книге египетские маги, когда фараон их спрашивает: «Кто это такой, о котором Моисей говорит как о *Я есмь?»,* – отвечают, что Богом Моисея, «как мы узнали, является Сын Мудреца, Сын древних царей» [IXXIX, 45].[463] Теперь тем, кто утверждают,

---

[461] См. [**157**, т. I].

[462] Иева есть *Ева,* женский двойник Иеговы-Бины.

[463] В связи с этим именем Иеговы, “Сын древних Царей”, мы находим очень наводящий на размышления намек у секты Джайнов в Индустане, называемой Саурьяс. Они признают, что

что «Яшер» есть подделка двенадцатого века – и мы охотно верим этому – придется, тем не менее, объяснить тот любопытный факт, что в то время как вышеприведенного текста мы в Библии *не* находим, ответ на него в Библии *есть* и, кроме того, выражен недвусмысленно. В «Исайе» [XIX, 11] «Господь Бог» по этому поводу гневно выражает свое неудовольствие пророку и говорит: «*Обезумели* князья Цоанские, совет мудрых советников фараоновых стал бессмысленным. Как скажете вы фараону: «я сын мудрецов, сын царей древних?», что, очевидно, является ответом на вышесказанное. В «Иисусе Навине» [X, 13] ссылаются на «Яшер» для подтверждения того возмутительного утверждения, что солнце и луна остановились в своем движении, пока народ не отомстил за себя. «Не это ли написано в книге Яшер»?» – спрашивается в тексте. И во «2 Книге Самуила» [I, 19] опять цитируют эту же самую книгу. «Как написано в книге Яшер», – сказано там. Ясно, что «Яшер» должна была существовать; что ее должны были рассматривать, как авторитетный источник; что она должна быть старше, чем «Иисус Навин»; и так как стих в «Исайе» безошибочно указывает на вышеприведенный отрывок, то у нас, по меньшей мере, имеется настолько же оснований, принять нынешнее издание «Яшер» как копию, извлечение или компиляцию с подлинного труда, насколько почитать *семикнижное «Пятикнижие»* в качестве первоначальных еврейских Священных Писаний.

Во всяком случае, Иегова не есть тот древний из древних или «старец старцев» из «Зогара», ибо в этой книге мы находим его советующимся с Богом-Отцом по поводу сотворения мира. «Творец сказал Господу. Давайте сотворим человека по нашему подобию» [*Зогар,* I, 25]. Иегова есть только Метатрон и, возможно, даже не самый высший, а только один из эонов, ибо тот, кого Онкелос называет *Мемро,* «Слово» не есть *экзотерический* Иегова Библии, и также не Яхве, יהוה, Сущий.

Именно, скрытность древних каббалистов, которые были озабочены тем, чтобы обезопасить настоящее Тайное имя «Вечного» от профанации, и позднее – благоразумие, которое средневековые алхимики и оккультисты вынуждены были применить, чтобы спасти свои жизни, – вызвали эту нераспутываемую путаницу божественных имен. Это привело людей к принятию Иеговы Библии в качестве имени «Единого Бога Живого». Каждый еврейский старшина, пророк или другой значительный человек знал это расхождение; но так как это расхождение заключалось в вокализации этого «имени», и его правильное произношение приводило к смерти, то простой народ не знал его, ибо ни один посвященный не хотел рисковать своей жизнью, преподавая его народу. Таким образом Синайское божество постепенно стало рассматриваться идентичным с тем, «чье имя известно только мудрым». Когда Капелл переводит: «Кто бы ни произносил имя Иеговы *[Jehovah],* будет предан смерти», он совершает две ошибки. Первая заключается в прибавлении последней буквы *h* к имени, если он хочет, чтобы это божество считали мужским или андрогинным, так как эта буква превращает имя в женское, как это и следует, считая его одним из имен Бины, третьей эманации; вторая ошибка, что слово *нокеб* означает только *ясно слышимое* произношение. Оно означает *правильное* произношение. Поэтому библейское имя Иегова может считаться просто *заменителем,* которое, как принадлежащее одной из «Сил», стали постепенно считать именем «Вечного». Имеется очевидная ошибка (одна из очень многих) в одном из текстов в «Книге Левит», которая была исправлена Кахеном и которая доказывает, что запрещение произносить вовсе не касается имени экзотерического Иеговы, чьи многочисленные другие имена также могут произноситься, не навлекая никаких наказаний.[464] В неправильной английской версии перевод гласит так: «Того, кто кощунствует над именем Господа, непременно должно предать смерти», [*Левит,* XXIV, 16]. Кахен передает это

Брахма есть Девата, но отрицают его творческую силу и зовут его “Сыном Царя”. См. *“Asiatic Researches”,* т. IX, с. 279.

[464] Как, например, Шаддай, Элохим, Саваоф и т. д.

более правильно так: «Тот, кто кощунствует над именем *Вечного,* должен умереть», и т. д. «Вечный» выше, чем экзотерический и личный «Господь» [588, III, с. 117].

Как и в случае с нееврейскими народами, символы израильтян всегда имели косвенное или прямое отношение к солнцепоклонству. Экзотерический Иегова Библии есть *двойственный* бог, как и все другие боги; и тот факт, что Давид – который ничего не знает о Моисее – восхваляет своего «Господа» и уверяет его, что «Господь *есть* великий Бог и великий Царь над всеми богами», – может иметь весьма большое значение в глазах потомков Иакова и Давида, но их национальный Бог не имеет к нам никакого отношения. Мы вполне готовы оказать «Господу Богу» Израиля то же самое почтение, какое мы оказываем Брахме, Зевсу или любому другому второстепенному божеству. Но мы самым категоричным образом отказываемся признавать в нем Бога Моисея или «Отца» Иисуса, или же «Непроизносимое Имя» каббалистов. Иегова, возможно, является одним из *элохимов,* который имел отношение к *формированию* (которое не есть творение) вселенной; одним из архитекторов, которые строили из предсуществующей материи, но он никогда не был «Непознаваемой» Причиной, которая создала *«бара»* в ночи Вечности. Эти элохимы сперва формируют и благословляют; затем они *проклинают* и *разрушают;* и будучи одной из этих Сил, Иегова поочередно является благодетельным и злобным; в один момент он наказывает, а затем раскаивается. Он – прототип нескольких патриархов – Исава и Иакова, аллегорических близнецов, символа всегда проявляющейся в природе двойственности. Поэтому Иаков, который есть Израиль, является левой колонной – женским началом Исава, который является правой колонной и мужским началом. Когда он борется с Малах-Ихо, Господом, то последний становится *правой* колонной, и Иаков-Израиль называет его Богом; хотя толкователи Библии пытаются его преобразить в простого «ангела Господня» (*«Бытие»*, XXXII); Иаков побеждает его – так как слишком часто материя побеждает дух – но его *бедро* вывихнуто в борьбе.

Имя Израиль произошло от Изарал или Азар, Солнечный Бог, который известен как Сурьял, Сурья и Сур. Изра-иль означает «борющийся против Бога». «Солнце, восходящее над Иаковом-Израилем» есть *Солнечный* Бог Изарал, оплодотворяющий *материю* или землю, представляемую *женским* Иаковом. Как обычно, эта аллегория имеет не одно только значение в *«Каббале».* Исав, Аэсав, Асу – также солнце. Подобно «Господу», Исав сражается с Иаковом, но не побеждает. *Бог-Солнце* сперва борется против, но затем восходит над ним в соглашении.

«И когда он проходил через Пенуэль, *солнце встало над ним,* и хромал он (Иаков) *на бедро свое*» [*Бытие,* XXXII, 31]. *Израиль-Иаков* в противопоставление своему брату Исаву становится *Самаэлем,* и «именами Самаэля являются Азазель и Сатан» (противник).

Если бы возразили, что Моисей не был знаком с индусской философией и поэтому не мог выбрать Шиву, возрождателя и разрушителя, в качестве образца для Иеговы, тогда мы должны допустить, что имелась какая-то чудодейственная международная интуиция, которая подсказала каждому народу выбрать в качестве экзотерического национального бога тот двойственный тип, который мы находим в «Господе Боге» Израиля. Все эти мифы говорят сами за себя. Шива, Иегова, Озирис – все являются символами активного начала в природе *par excellence.* Они суть те силы, которые руководят при формировании или *возрождении* материи и при ее разрушении. Они – представители Жизни и Смерти, все время оплодотворяющие и разлагающие под никогда непрекращающимся приливом *Anima Mundi,* Вселенской разумной Души, незримого, но всегда присутствующего духа, который стоит за корреляцией слепых сил. Один только этот дух – неизменен, и поэтому силы вселенной, причина и следствие, всегда находятся в полной гармонии с этим единым великим Неизменным Законом. Духовная Жизнь является единым изначальным принципом *наверху;* Физическая Жизнь является изначальным принципом *внизу,* но они суть одно в их дуальном аспекте. Когда Дух совсем освобожден от оков корреляций, и его сущность настолько очистилась, чтобы быть воссоединенной со своей ПРИЧИНОЙ, он

может – и все же, кто может сказать, что он действительно получит – получить проблеск Вечной Истины. До тех пор не будем воздвигать себе идолов по нашему собственному подобию и принимать тени за Вечный Свет.

Величайшей ошибкой века была попытка сопоставления относительных достоинств всех древних религий и насмехаться над доктринами *«Каббалы»* и другими суевериями.

Но истина сильнее выдумки, и эта старая как мир пословица находит себе применение в данном случае. «Мудрость» архаических веков или тайная доктрина, воплощенная в *Восточной Каббале,* от которой, как мы уже сказали, раввинистическая является только сокращением, – не угасла вместе с филалетеянами последней эклектической школы. “Царствие Небесное силою берется”. Много кандидатов стоят у дверей тех, которые, как думают, знают путь, приводящий к тайным братствам. Большинству из них отказывают в допуске, и они уходят, истолковав отказ как доказательство, что никакого тайного общества не существует. Из допущенного меньшинства больше чем две трети не выдерживают испытаний. Седьмое правило древних розенкрейцерских братств, которое общепринято во всех истинно тайных обществах: “Розенкрейцером становится, его не *делают*”, – представляют собою нечто большее, чем большинство людей могут выдержать, когда оно к ним применено. Но пусть никто не думает, что из тех кандидатов, которые терпят неудачу, кто-нибудь разболтает миру даже ту малость, которую они могли узнать, как делают некоторые масоны. Никто не знает лучше их самих, насколько маловероятно, чтобы неофит когда-либо рассказывал то, что ему было вверено. Таким образом, эти общества будут продолжать свое существование, будут слушать, не возражая, как их отрицают, до тех пор, пока не настанет день, когда они смогут отбросить свою скрытность и показать, насколько полно они являются хозяевами положения. *Гнозис* все еще живет на земле и его последователей много, хотя их не знают. Такие тайные братства упоминались до времени Маккензи не одним только великим автором. Если их рассматривали только как выдумку романистов, то этот факт только помогал «братьям-адептам» еще лучше сохранять свое инкогнито. Мы лично знали нескольких из них; к их великому веселью, историю их лож и общин, в которых они жили, и чудодейственные силы, которые они проявляли в течение многих лет, – отрицали и высмеивали ничего не подозревающие скептики прямо им в лицо. Некоторые из этих братьев принадлежат к малой группе «путешественников». До конца счастливого правления Луи Филиппа парижские гарсоны и торговцы их пышно именовали *благородными приезжими* и наивно считали их «боярами», валахскими «господарами», индийскими «набобами» и венгерскими «маркграфами», которые собрались в столице цивилизованного мира, чтобы поглазеть на ее памятники и принять участие в его развлечениях. Имеются, однако, некоторые настолько *безумные* люди, что связывают присутствие некоторых из этих таинственных гостей в Париже с большими политическими событиями, которые впоследствии происходили. В качестве, по меньшей мере, весьма замечательных совпадений они припоминают разразившуюся революцию 93-го года и более раннее раздутие «мыльного пузыря южных морей» вскоре после появления «благородных иностранцев», которые приводили в судорожное движение весь Париж на более или менее длинные периоды или своими мистическими доктринами, или «сверхъестественными способностями». Сен-Жермены и Калиостро нынешнего века, наученные горьким опытом поношений и преследований в прошлом, теперь придерживаются других тактик.

Но существует большое количество таких мистических братств, которые не имеют никакого отношения к «цивилизованным» странам, и именно в их неизвестных общинах скрыты останки прошлого. Эти «адепты» могли бы, если бы они захотели, претендовать на странные родословные и предъявить проверяемые документы, которые внесли бы ясность во многие таинственные страницы как священной, так и светской истории. Если бы ключи к иератическому письму и тайне египетского и индусского символизма были бы известны христианским отцам, они бы не оставили неискалеченным ни одного памятника

древности. И все же, если нас правильно информировали – и мы полагаем, что это так – не было во всем Египте таких сокровенных иероглифических записей, которые не были бы тщательно зарегистрированы жреческой кастой. Эти записи до сих пор существуют, хотя и «не сохранились» для широкой публики, хотя, возможно, памятники эти навсегда исчезли с поля людского зрения.

Из сорока семи гробниц царей близ Горнора, отмеченных египетскими жрецами в их священных записях, только семнадцать были известны публике, согласно Диодору Сикулу, который посетил те места приблизительно в шестидесятых годах до Р. Х. Несмотря на это *историческое* свидетельство, мы утверждаем, что все это количество существует и поныне, и что царская гробница, открытая Белцони среди песчаных гор в Бибан-эл-Мелуке (Мелах?) – только слабый образчик того, что там осталось. Далее мы хотим добавить, что арабские христиане, рассеянные по своим бедным, пустынным монастырям на приграничной полосе Ливийской пустыни, знают о существовании таких невыданных реликвий. Но они – копты, единственные остатки истинной египетской расы, и так как в них копт преобладает над христианином, они молчат; по какой причине – не нам это рассказывать. Некоторые думают, что их монашеское одеяние только маскировка и что они избрали эти пустынные дома среди засушливых пустынь в окружении магометанских племен, руководствуясь какими-то своими собственными скрытыми целями. Как бы то ни было, их очень уважают греческие монахи Палестины; а среди христианских паломников в Иерусалиме, толпящихся у святой гробницы на каждую Пасху, ходит слух, что священный огонь с небес никогда не сходит так *чудодейственно,* как тогда, когда присутствуют эти монахи пустыни, чтобы снизвести его своими молитвами.[465]

«Царствие Небесное силою берется». Много кандидатов стоят у дверей тех, которые, как думают, знают путь, приводящий к тайным братствам. Большинству из них отказывают в допуске, и они уходят, истолковав отказ как доказательство, что никакого тайного общества не существует. Из допущенного меньшинства больше чем две трети не выдерживают испытаний. Седьмое правило древних розенкрейцерских братств, которое общепринято во всех истинно тайных обществах: «Розенкрейцером становится, его не *делают*», – представляют собою нечто большее, чем большинство людей могут выдержать, когда оно к ним применено. Но пусть никто не думает, что из тех кандидатов, которые терпят неудачу, кто-нибудь разболтает миру даже ту малость, которую они могли узнать, как делают некоторые масоны. Никто не знает лучше их самих, насколько маловероятно, чтобы неофит когда-либо рассказывал то, что ему было вверено. Таким образом, эти общества будут продолжать свое существование, будут слушать, не возражая, как их отрицают, до тех пор, пока не настанет день, когда они смогут отбросить свою скрытность и показать, насколько полно они являются хозяевами положения.

---

[465] Греческие монахи совершают это “чудо” для “верующих” каждый год в пасхальную ночь. Тысячи паломников ожидают со свечами, чтобы зажечь их от этого священного огня, который, в назначенный час и когда он нужен, снисходит со свода часовни и витает около гробницы языками пламени, пока каждый из тысяч паломников не зажжет от него свою восковую свечу.

ГЛАВА IX
ВЕДЫ И БИБЛИЯ

“Все управляется в недрах этой триады”.

– Лидий, “Мensиб”.

“Трижды пусть небо обернется на своей вечной оси”.

– Овидий, “Фасты”, IV.

“И Валаам сказал Валаку: построй мне здесь *семь*жер
твенников и приготовь мне *семь* тельцов и *семь* овнов”.

– “Книга Чисел”, XXIII, 1, 2.

“Через *семь* дней все творения, которые оскорбили меня,
должны быть уничтожены потопом, но ты будешь спасен на
судне, чудодейственно созданном; возьми поэтому... и со
семью святыми человеками, вашими женами и парами всех
животных вступай в ковчег без боязни; затем ты познаешь
Бога лицом к лицу и получишь ответы на все твои вопросы”.

– “Бхагавадгита”.

“И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков,
которых Я сотворил... Но с тобою Я поставил завет Мой...
Войди ты и все семейство твое в ковчег... ибо через *семь* дней
Я буду изливать дождь на землю”.

– “Книга Бытия”, VI, VII.

“Тетрактис почитался, главным образом, не только
потому что было обнаружено, что все созвучия
пребывают в нем, но также и потому, что в нем,
как явствует, содержится природа всех вещей”.

– Феон из Смирны, “Математика”, 147

Наша задача была бы плохо выполнена, если бы предшествующие главы не продемонстрировали, что иудаизм, ранний и поздний гностицизм, христианство и даже христианское масонство – все были построены на идентичных космических мифах, символах и аллегориях, полное понимание которых доступно только тем, кто унаследовал ключ к ним от их изобретателей.

На последующих страницах мы постараемся показать, насколько они были неправильно истолкованы широко расходящимися и все же тесно связанными вышеперечисленными системами, которые приспосабливали их к своим индивидуальным нуждам. Таким образом, не только получится польза изучающему, но будет совершен долго задержанный и в настоящее время весьма нужный акт справедливости по отношению к тем давним поколениям, гению которых человечество так много обязано. Сравним еще раз мифы Библии с мифами священных книг других народов, чтобы разобраться, какие являются оригиналом, а какие – копией.

Существует только два метода, которые, будучи правильно истолкованы, могут помочь нам в этом. Это – Веды, брахманистская литература и еврейская *«Каббала».* Первые, в наиболее философском духе, зачали эти грандиозные мифы; последняя, заимствовав их от халдеев и персов, придала им форму истории еврейского народа, в которой их философский дух был затемнен до полной неузнаваемости для всех, кроме избранных, притом в гораздо более абсурдной форме, чем данная им арийцами. Библия христианской церкви является самым последним вместилищем этой системы искаженных аллегорий, из которых было воздвигнуто здание суеверия – такого, какое никогда не входило в концепции тех, от кого церковь приобрела свои знания. Отвлеченные вымыслы древности, которые веками заполняли народную фантазию лишь трепещущими тенями и

смутными образами, приняли в христианстве вид реальных персонажей и стали совершившимися фактами. Метаморфозированная аллегория становится священной историей, и языческий миф преподается народу как откровение, повествующее о сношениях Бога с Его избранным народом.

> «Мифы», – говорит Гораций в своей «Поэтике», – «были изобретены мудрецами, чтобы укреплять законы и преподавать нравственные истины».

В то время как Гораций стремился выяснить самый дух и сущность древних мифов, Евгемер, наоборот, претендовал на то, что «мифы были легендарными историями царей и героев, преображенных в богов восхищением народов». Именно этого последнего метода придерживались христиане, когда они согласились на принятие евгемеризованных патриархов и ошибочно приняли их за людей, действительно существовавших.

Но в противовес этой губительной теории, которая принесла такие горькие плоды, мы имеем длинный ряд величайших философов, каких только производил мир: Платона, Эпихарма, Сократа, Эмпедокла, Плотина и Порфирия, Прокла, Дамасцена, Оригена и даже Аристотеля. Последний ясно излагал эту истину, говоря, что традиция самой седой древности, переданная потомству в виде различных мифов, учит нас, что первые принципы природы могут рассматриваться как «боги», так как *божественное* пронизывает всю природу. Все остальное, детали и персонажи, добавлялись позднее для более ясного усвоения простым народом, и слишком уж часто – для укрепления законов, установленных для общего блага.

Сказки не являются исключительной принадлежностью детской комнаты, все человечество – за исключением тех немногих, которые во все века понимали их скрытое значение и пытались открыть глаза суеверным – слушало такие сказки в том или другом виде и, преобразовав их в священные символы, назвало этот продукт РЕЛИГИЕЙ!

Мы постараемся систематизировать наш предмет, поскольку это позволит все время повторяющаяся необходимость проводить параллели между противоречивыми мнениями, обоснованными на одних и тех же мифах. Мы начнем с «Книги Бытия» и будем искать ее скрытого значения в брахманистских преданиях и в халдео-еврейской *«Каббале».*

Первым уроком, которому нас в детстве учило Священное Писание, было, что Бог создал мир в шесть дней, а на *седьмой* день отдыхал. Отсюда, как полагают, седьмому дню присуща особая торжественность, и христиане, принявшие строгие обязанности еврейской субботы, навязали ее нам, заменив седьмой день первым днем недели.

Все системы религиозного мистицизма основаны на числах. У Пифагора Монас или единица, эманирующая дуаду, образуя таким образом троицу и четверку или Арба-ил (мистическое *четыре),* образует число семь. Святость чисел начинается с великого Первого – ЕДИНИЦЫ и кончается только нулем – символом бесконечного и беспредельного круга, представляющего вселенную. Все промежуточные цифры, в каких бы они ни были комбинациях или как бы ни умножались, представляют философские идеи от слабо намеченных очертаний до определенно установленных научных аксиом, относящихся к духовному или к физическому факту в природе. Они являются ключами к древним воззрениям на космогонию в ее широком значении, включая человека и другие существа, и эволюцию человеческой расы как духовно, так и физически.

Число *семь* – наиболее священное изо всех и, несомненно, индусского происхождения. Все значительное исчислялось и приспосабливалось к этому числу арийскими философами – идеи так же, как и местности. Поэтому у них были:

Сапта-риши, или семеро мудрецов, олицетворявших семь дилювиальных первобытных рас (послепотопных, как некоторые говорят).

Сапта-лока, семь низших и высших миров, откуда каждый из этих риши вышел, и куда он возвратился во славе перед тем, как достичь окончательного блаженства Мокша.[466]

Сапта-кула, или семь каст – брахманы считают, что они представляют собою непосредственных потомков самой высшей из них.[467]

Затем также Сапта-Пура (семь святых городов); Сапта-Двипа (семь святых островов); Сапта-Самудра (семь святых морей); Сапта-Парвата (семь святых гор); Сапта-Аранья (семь пустынь); Сапта-Врукша (семь священных деревьев) и т. д.

В халдейско-вавилонском заклинании это число снова появляется столь же значительно, как у индусов. Это число *двойственно* по своим свойствам, т. е. будучи святым в одном из своих аспектов, оно становится отрицательным при других условиях. Поэтому мы обнаруживаем следующее заклинание, начертанное на ассирийских табличках, теперь столь правильно истолкованных.

> «Вечер дурных предзнаменований, та область неба, которая приносит несчастье...
> Весть о бедствии.
> Осудители Нин-Ки-гал.
> Семь богов обширных небес.
> Семь богов обширной земли.
> Семь богов пламенеющих сфер.
> Семь богов небесного легиона.
> Семь богов пагубных.
> Семь призраков-дурных.
> Семь призраков злобных огней.
> Злой демон, злой *алал,* злой *гигим,* злой *телал...* злой бог, злой *маским.*
> Дух семи небес помни... Дух семи земель помни... и т. д.».

Это число снова и снова появляется почти на каждой странице «Бытия» и по всем *Моисеевым Книгам*, и оно также бросается в глаза (см. следующую главу) в «Книге Иова» и в Восточной *«Каббале».* Если еврейские семиты так охотно приняли его, то мы должны сделать вывод, что это было не вслепую, но с полным знанием его сокровенного значения, а отсюда вытекает, что они, наверняка, восприняли также доктрины своих «языческих» соседей. Поэтому будет только естественно, что мы будем искать в *языческой* философии объяснения этого числа, которое затем снова появилось в христианстве с его *семью* таинствами, *семью* церквями в Малой Азии, *семью* смертными грехами, *семью* добродетелями (четыре главных и три богословских) и т. д.

Нет ли у *семи* призматических цветов радуги, увиденных Ноем, какого-либо другого значения, кроме значения завета между Богом и человеком, чтобы освежить память первого? Для каббалиста, по крайней мере, они имеют значение, неотделимое от семи трудов магии, семи верхних сфер, семи нот музыкальной гаммы, семи чисел Пифагора,

---

[466] *Риши* тождественны с *Ману.* Десять Праджапати, сыновья Вирадж, называемые Маричи, Атри, Ангира, Поластья, Поулаха, Крату, Прачета, Васишта, Бригху и Нарада, являются евгемеризованными *силами,* индусскими сефиротами. Они эманируют семерых риши, или Ману, главный из которых сам излучается из “несотворенного”. Он есть Адам земли и представляет человека. Его “сыновья”, последующие шесть Ману, каждый представляет новую расу людей, а все вместе они представляют *человечество,* постепенно проходящее первичные семь стадий эволюции.

[467] В старину, когда брахманы больше, чем теперь, изучали скрытый смысл своей философии, они объясняли, что каждая из шести отдельных рас, предшествовавших нашей, уже исчезла. Но теперь они заявляют, что один образец не был уничтожен вместе с остальными и достиг нынешней *седьмой* стадии. Поэтому они, брахманы, являются образцами небесного Ману и вышли изо рта Брахмы, тогда как шудры были сотворены из его ног.

семи чудес света, семи возрастов и даже семи ступеней масонов, ведущих в святая святых после прохождения пролетов *трех* и *пяти.*

Откуда эта тождественность этих загадочных, все время повторяющихся чисел, которые встречаются на каждой странице еврейских Священных Писаний, так же как и в каждой оле и шлоке буддийских и брахманистских книг? Откуда эти числа, которые составляют душу пифагорейской и платонической мысли, и глубины которых ни один неозаренный востоковед или изучающий Библию измерить не мог? И все же у них в руках имеется готовый ключ, если бы они только знали, как его применить. Нигде мистическая ценность человеческого языка и его влияние на человеческие действия не поняты так совершенно, как в Индии; никем они не были лучше объяснены, как авторами старейших *«Брахман».* Будучи очень древними, как теперь установлено по их эпохе, они просто старались выразить в более конкретной форме абстрактные метафизические умозрения своих предков.

Настолько велико уважение брахманов к жертвенным тайнам, что они верят, что само создание мира произошло вследствие «жертвенного слова», произнесенного Первопричиной. Это слово есть «Непроизносимое имя» каббалистов, полностью рассмотренное в предыдущей главе.

Секрет Вед, хотя они и являются «священным знанием», недоступен без помощи *«Брахман».* Строго говоря, Веды (которые написаны в стихах и объединены в четырех книгах) составляют ту часть, которую называют *Мантрой* или магической молитвой, а *«Брахманы»* (которые изложены в прозе) содержат ключ к ним. В то время как священной считается только часть Мантры, часть *«Брахман»* содержит все теологические толкования, умозрения и объяснения жрецов. Наши востоковеды, мы повторяем, не продвинутся вперед сколько-нибудь значительно в понимании ведической литературы, пока не оценят надлежащим образом ныне презираемые ими труды, как, например, *«Айтарейя»* и *«Каушитака-брахмана»,* относящиеся к *«Ригведе».*

Зороастра называли *Мантран* или произноситель мантр, и, по данным Хауга, одно из самых древних названий священных писаний парсов было *«Мантра-Спента».* Сила и значительность брахмана, выступающего в качестве Хотри-жреца во время приношения Жертвы Сома, состоит в его обладании полным знанием применения священного слова и речи – *Вак.* Последняя олицетворена в Сара-исвати, жене Брахмы, которая является богиней священного или «Тайного Знания». Ее обычно изображают едущей верхом на павлине с полностью распущенным хвостом. Глаза на перьях птичьего хвоста символизируют незнающие сна глаза, которые видят все. Человеку, стремящемуся стать адептом «Тайных доктрин», они напоминают, что он должен иметь сотню глаз Аргуса, чтобы видеть и понимать все.

Вот почему мы говорим, что невозможно разрешить полностью глубокие проблемы, лежащие в основе брахманистских и буддийских священных книг, не обладая совершенным пониманием эзотерического значения пифагорейских чисел. Величайшая сила этой вак, или священной речи, развивается согласно той форме, которую придает мантре действующий хотри, и эта форма заключается целиком в числах и слогах священного метра стихосложения. Если произносить медленно и в определенном ритме – будет один результат; если быстро и в другом ритме – будет другой результат.

> «Каждый метр», – говорит Хауг, – «является невидимым хозяином чего-то видимого в этом мире; как бы, так сказать, его представителем и идеалом. Это великое значение метрической речи происходит от числа слогов, из которых она состоит, ибо каждая вещь имеет определенное числовое соотношение (в точности как в пифагорейской системе). Все эти вещи, метры (чханды), стомы и приштхи должны быть настолько же вечны и божественны, насколько вечны и божественны сами слова, которые они содержат. Древнейшие индусские теологи не только верили в первичное откровение слов священных текстов, но даже в откровение различных форм. Эти формы вместе с их содержанием, вечными словами Вед, являются

символами, выражающими явления невидимого мира, и в нескольких отношениях могут быть приравниваемы к «идеям» Платона».

Это свидетельство со стороны нерасположенного свидетеля снова показывает идентичность между древними религиями в отношении их тайной доктрины. Метр Гаятри, например, состоит из трижды восемь слогов и считается наиболее священным из метров. Это метр Агни, бога огня, становящийся временами эмблемой самого Брахмы, главного творца и «создателя человека» по своему собственному образу. И Пифагор говорит, что

> «число восемь или Октада есть первый куб, то есть, сквадрированный во всех отношениях, как игральная кость, исходящая из своего основания два или четного числа; *таков же и человек – четырежды квадратный или совершенный».*

Разумеется, мало кто, за исключением пифагорейцев и каббалистов, может понять эту мысль полностью, но эта иллюстрация поможет указать на тесное сродство чисел с ведическими *Мантрами.* Главные проблемы каждой теологии лежат скрытыми под этим образом огня и разновидным ритмом его пламен. Неопалимая купина Библии, священные огни зороастрийцев и других; платоновская Мировая Душа; доктрины розенкрейцеров, что и душа и тело человека развились из огня, мыслящего и бессмертного элемента, который пропитывает все и, по мнению Гераклита, Гиппократа и Парменида, является Богом, – все имеют одно и то же значение.

Каждый метр в *«Брахманах»* соответствует числу и, как показал Хауг, в зависимости от того, как он стоит в священных текстах, является прототипом какой-либо видимой формы на земле, и его влияние может быть добрым или злым. «Священная речь» может спасать, но также и убивать; ее многие значения и свойства хорошо известны только дикшите (адепту), который был посвящен во многие тайны и чье «духовное рождение» полностью завершено; Вак *мантры* есть устная сила, которая пробуждает другую соответствующую и еще более оккультную силу, которые каждая аллегорически олицетворена каким-либо богом в мире духов и, в зависимости от того, как ими пользуются, соответствуют либо богам, либо *ракшасам* (злым духам). По брахманистским и буддийским представлениям, проклятие, благословение, обет, желание, праздная мысль – все может принять видимую форму и таким образом проявиться *объективно* перед глазами своего создателя или перед тем, кого это касается. Каждый грех становится, так сказать, воплощенным, и, подобно мстительному демону, преследует своего породителя.

Существуют слова, самые слоги которых таят в себе разрушительное качество, точно они объективные предметы; ибо каждый звук пробуждает соответствующий звук в невидимом мире духов, и этот отзвук производит благое или плохое следствие. Гармонический ритм, мелодия, нежно вибрирующая в атмосфере, творит вокруг благотворное приятное влияние и весьма мощно действует на психологическую, так же как и на физическую природу каждого живого существа на земле; она вызывает реакцию даже в неодушевленных предметах, ибо материя все же есть дух в своей сущности, хотя он и кажется невидимым для наших грубых чувств.

То же самое с числами. Куда бы мы ни обратились, от пророков вплоть до «Апокалипсиса», всюду библейские писатели употребляют числа *три, четыре, семь* и *двенадцать.*

И все же мы знавали нескольких приверженцев Библии, которые утверждали, что Веды скопированы с *Книг Моисея!*[468] Веды, написанные на санскрите, языке, чьи

---

[468] Во избежание дискуссий мы придерживаемся палеографических заключений, к которым пришел Мартин Хауг и некоторые другие осторожные ученые. Лично мы верим утверждениям брахманов и Холхеда, переводчика *“Шастр”.*

грамматические правила и формы, как признают Макс Мюллер и другие ученые, были *полностью выработаны* задолго до тех дней, когда великая волна эмиграции пронесла его из Азии по всему Западу, – эти Веды перед нами, чтобы провозгласить свое отцовство каждой философии, каждого религиозного учреждения, появившегося позднее среди семитических народов. И какие же числа наиболее часто встречаются в санскритских напевах, в этих возвышенных гимнах творению, единству Бога и бесчисленным проявлениям Его силы? ОДИН, ТРИ и СЕМЬ. Прочитайте гимн *Диргхатамаса*.

> «ТОМУ, КТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ ВСЕХ БОГОВ».
>
> *«Бог,* здесь присутствующий, наш благосклонный покровитель, наш жертвователь, имеет брата, который простирается в среднем воздухе. Существует и *третий* Брат, которого мы обрызгиваем нашими возлияниями... Это он, кого я видел, владыка людей, вооруженный *семью* лучами».[469]

И опять:

> *«Семь* Уздечек помогают править телегой, у которой только ОДНО колесо и которую тянет одна единственная лошадь, сияющая *семью* лучами. Колесо имеет *три* конечности, бессмертное колесо, неизносимое, на котором висят все миры».
>
> «Иногда *семеро* лошадей тащат телегу на *семи* колесах, и сидят в ней *семеро* персонажей в сопровождении *семи* плодовитых нимф».

Добавим следующее, в честь бога огня – *Агни,* который ясно явлен как дух, подчиненный ЕДИНОМУ Богу.

> «Всегда ЕДИН, хотя и имеет *три* формы двойной природы (андрогин) – он встает! и жрецы приносят *Богу* в жертвоприношении свои молитвы, которые доходят до небес, возносимые Агни».

Совпадение ли это, или же, скорее – как нам подсказывает разум – результат заимствования многих национальных культов от единой, первичной, всеобщей религии? *Тайна* для непосвященного; *поднятие завесы* над наиболее возвышенными (ибо правильными и истинными) психологическими и физиологическими проблемами для посвященного. Откровения личного духа человеческого, который божественен не только потому, что этот дух есть эманация ЕДИНОГО верховного Бога, но есть единственный Бог, которого человек в своей слабости и беспомощности в состоянии постичь – ощутить *в* себе. Эту истину ясно признает ведический поэт, когда говорит:

> «Господь, Владыка вселенной, полный мудрости, сошел в меня – слабого и невежественного – и сформировал меня по *себе самом* в том месте,[470] где духи с помощью *науки* обретают мирную радость *плода,* сладкого, как амброзия».

Назовем ли мы этот плод «яблоком» с Древа Познания или *пиппалой* индусского поэта – это не имеет значения. Он – плод эзотерической мудрости. Нашей целью является доказать существование в Индии религиозной системы за многие тысячелетия до того, как были изобретены экзотерические басни о Саде Эдема и Потопе. Отсюда и тождественность доктрин. Ознакомленный с этими доктринами, каждый посвященный других стран становился, в свою очередь, основателем какой-либо великой философской школы на Западе.

Кто из наших ученых санскритологов когда-либо заинтересовался раскрытием действительного значения следующих гимнов, хотя оно весьма ощутимо:

---

[469] Бог Хептактис.

[470] Святилище посвящения.

«Пиппала, сладкий плод того дерева, на который слетаются *духи.* любящие *науку* (?), и где *боги творят все чудеса.* Это тайна для того, *кто не знает Отца* мира».

Или вот этого:

«На всех стансах заголовок, который гласит, что посвящены они *Висвадэвам* (то есть всем богам). Тот, кто не знает того Существа, кого я воспеваю *во всех его проявлениях,* – ничего не поймет в моих стихах; те же, кто знают ЕГО, не чужие в этом воссоединении».

Это относится к воссоединению и расставанию бессмертной и смертной частей человека.

«Бессмертное Существо», говорится в предыдущем стансе, «находится в колыбели смертного Существа. Эти два вечных духа идут повсюду; только некоторые люди знают одного, не зная другого» *(«Диргхатамас»).*

Кто может дать правильную идею о Том, о ком «Ригведа» говорит: «То, которое Едино, мудрые называют по-разному». Тот Единый воспет поэтами Вед во всех его проявлениях в природе; и книги, считающиеся «ребяческими и глупыми», учат, как по желанию вызывать существа мудрости для нашего наставления. Они учат, как говорит Порфирий,

«освобождению от всех земных тревог... полету *одинокого* к ОДИНОКОМУ».

Профессор Макс Мюллер, чье каждое слово принимается его школой как филологическое евангелие, несомненно прав в одном отношении, когда, определяя природу индусских богов, называет их «масками без актеров... именами без существ, не существами без имен» [304]. Ибо он только доказывает этим монотеизм древней ведической религии. Но нам кажется более чем сомнительным, может ли он сам или кто-либо из его школы питать какую-либо надежду измерить глубину древнеарийской мысли[471] без тщательного изучения этих самых «масок». Для материалиста, так же как для ученого, который по различным причинам старается справиться с трудной задачей заставить факты согласоваться или с его собственными взглядами или с Библией, они могут казаться пустыми оболочками призраков. Однако такие авторитеты всегда будут, как были в прошлом, самыми ненадежными руководителями, за исключением вопросов точной науки. «Библейские» патриархи настолько же являются «масками без актеров», насколько праджапати, и все же, хотя живой персонаж за этими масками представляет собою только абстрактную тень, в каждом из них воплощена идея, которая принадлежит философским и научным теориям древней мудрости.[472] И кто может оказать лучшую помощь в этом труде, как не сами брахманы, или же каббалисты?

---

[471] Не имея никакого намерения пускаться сейчас в дискуссию по поводу кочевых племен “Рематического периода”, мы оставляем за собою право поставить под сомнение полную обоснованность наречения той части этого первобытного народа, из преданий которого возникли Веды, арийцами. Некоторые ученые находят, что существование таких арийцев не только научно недоказано, но и что традиции Индустана противоречат такому предположению.

[472] Без эзотерического объяснения Ветхий Завет превращается в нелепую мешанину бессмысленных сказаний – даже хуже того – он должен быть причислен к *безнравственным* книгам. Любопытно, что профессор Макс Мюллер, такой глубокомысленный ученый по сравнительной мифологии, мог высказаться про праджапати и индусских богов, что они маски *без актеров,* а об Аврааме и других мифических патриархах, что они были живыми реальными людьми; особенно об Аврааме нам говорят (см. *“Семитический монотеизм”),* что он “стоит перед нами, как фигура, уступающая только одному во всей мировой истории”.

Отрицать категорически наличие какой-либо разумной философии в позднейших брахманистских размышлениях по «Ригведе» равносильно полному отказу от правильного понимания самой религии-матери, которая вызвала их возникновение, и которые являются выражением внутренней мысли непосредственных предков этих более поздних авторов *«Брахман».* Если лучшие европейцы так легко доказывают, что все ведические боги только пустые маски, то они также должны быть готовы продемонстрировать, что авторы *«Брахман»* были столь же неспособны, как они сами, в нахождении где-нибудь этих «актеров». Когда это будет сделано, не только три другие священные книги, которые, по словам Макса Мюллера, «не заслуживают названия Вед, но и сама «Ригведа» станет бессмысленной мешаниной слов; так как то, что не удалось понять прославленным и утонченным умам древних индусских мудрецов, современным ученым, как бы они ни были учены, нечего надеяться понять. Бедняга Томас Тэйлор был прав, говоря: «филология не философия».

По меньшей мере, будет нелогично признавать, что имеется скрытая мысль в литературном труде расы, возможно, этнологически отличающейся от нашей, и затем – поскольку этот труд совершенно непонятен для нас, чье духовное развитие в течение нескольких тысяч промежуточных лет уклонилось в совсем ином направлении, – отрицать присутствие в нем вообще какого-либо смысла. Но это как раз то, что несмотря на заслуженное уважение за эрудицию, профессор Макс Мюллер и его школа делают – по крайней мере, в данном случае. Прежде всего нам говорят, что хотя и с осторожностью и с некоторым усилием, но мы все же можем ходить по стопам этих авторов Вед.

> «Мы будем чувствовать, что мы поставлены лицом к лицу и разум к разуму с людьми, все же понятными для нас *после того, как освободимся от нашего современного самомнения.* Мы будем успешны не всегда; слова, стихи, иногда даже целые гимны в *Ригведе* останутся и должны оставаться для нас мертвой буквой... Ибо, за немногими исключениями... весь мир ведических идей целиком лежит вне пределов нашего интеллектуального горизонта, так что вместо перевода мы можем только строить догадки и комбинировать».[473]

И все же, чтобы не оставить у нас никаких сомнений по поводу истинной ценности его слов, этот эрудированный ученый в другом месте выражает свое мнение по поводу тех же самых Вед (с одним исключением) следующим образом:

> «Единственной значительной, единственной настоящей Ведой является «Ригведа»; другие так называемые Веды заслуживают название Вед не более, чем *«Талмуд»* заслуживает название Библии».

Профессор Мюллер отвергает их как недостойных чьего-либо внимания и, как мы понимаем, на том основании, что они содержат, главным образом, «формулы жертвоприношения, чары и заклинания» [47, т. I, с. 8].

А теперь – вполне естественный вопрос: готов ли кто-нибудь из наших ученых продемонстрировать, что он точно ознакомлен со скрытым смыслом, этих совершенно абсурдных «формул жертвоприношений, чар и заклинаний» и магической чепухой «Атхарваведы»? Мы считаем, что нет, и наши сомнения обоснованы на признании самого профессора Мюллера, которое мы только что процитировали. Если «весь мир ведических идей [мы полагаем, что в этот *мир* не может быть включена одна лишь «Ригведа»] целиком лежит вне пределов нашего интеллектуального горизонта [ученых], так что вместо перевода мы можем строить только догадки и комбинировать»; а «Яджурведа», «Самаведа» и «Атхарваведа» – «ребяческие и глупые»;[474] а *«Брахманы», «Сутра-Яска»* и

---

[473] Курсив наш. *“Веды”,* лекция Макса Мюллера, с. 75 [**47**].

[474] Мы полагаем, что мы уже приводили противоположное мнение по этому вопросу, выраженное профессором Уитни из Иельского Колледжа.

«Сайяна», «хотя и *ближайшие по времени* к гимнам «Ригведы», пускаются в самые фривольные и плохо обоснованные толкования», то как может он сам или какой-либо другой ученый составить по любой из них соответствующее мнение? И еще, если авторы *«Брахман»,* ближайшие по времени к ведическим гимнам, уже не были в состоянии предложить ничего лучшего, как «плохо обоснованные толкования», тогда – в какой период истории, где и кем были написаны эти величественные поэмы, мистический смысл которых умер вместе с их поколениями? Так уж ли мы неправы, утверждая, что, если обнаружено, что священные тексты в Египте уже 4000 лет тому назад стали совсем непонятными даже для жреческих писцов [74, т. V], а *«Брахманы»* дают только «ребяческие и глупые» толкования «Ригведы», созданные, по меньшей мере, столько же лет тому назад, – то 1) египетская и индусская религиозные философии обладают неизмеримою древностью, далеко превосходящею века, осторожно им приписываемые нашими исследователями сравнительной мифологии; и 2) что заявления жрецов древнего Египта и современных брахманов об их давности являются, в конечном счете, правильными.

Мы никогда не признаем, что три другие Веды менее достойны своего имени, чем Риг-гимны, или что *«Талмуд»* и *«Каббала»* ниже по достоинству, чем Библия. Само название «Веды» (буквальное значение которого – *знание* или *мудрость)* показывает, что они

принадлежат к писаниям тех людей, о которых в каждой стране, на каждом языке и во все века говорили как о «тех, кто знает». На санскрите третье лицо единственного числа будет *веда* (он знает), а множественное *вида* (они знают). Это слово является синонимом греческому θεοσέβεια, которым пользуется Платон, когда говорит о *мудрых* – магах; и еврейскому Хакамим, חכמים, (мудрецы). Отвергните *«Талмуд»* и его старого предшественника *«Каббалу»,* и тогда просто никогда не будет возможности правильно истолковать хотя бы единое слово из этой Библии, столь превозносимой за их счет. Но тогда, может быть, это будет как раз то, к чему ее приверженцы стремятся. Избавиться от *«Брахман»* значит забросить ключ, который открывает двери «Ригведы». *Буквальное* толкование Библии уже принесло свои плоды; с Ведами и с санскритскими священными книгами вообще будет в точности то же самое, с тою только разницею, что абсурдное толкование Библии уже получило освященное временем право на выдающееся место в области смешного, и найдет себе поборников вопреки свету и доказательствам. Что же касается «языческой» литературы, то по истечении еще нескольких лет безуспешных попыток толкования, ее религиозное значение будет передано в область разоблаченных суеверий, и больше люди не услышат о них.

Мы хотим быть правильно понятыми, прежде чем нас начнут упрекать и критиковать за вышеприведенные замечания. Обширные знания знаменитого Оксфордского профессора едва ли могут быть поставлены под сомнение даже его врагами, но мы все же имеем право сожалеть о его опрометчивости в осуждении того, что он сам признает «целиком находящимся за пределами нашего интеллектуального горизонта». Даже в том, что он считает смешной ошибкой, допущенной авторами *«Брахман»,* – другие, более по-духовному настроенные люди могут увидеть совсем противоположное. *«Кто* величайший из богов? Кто первый должен быть прославлен нашими песнями?» – говорит древний риши из «Ригведы», ошибочно (как проф. М. думает) приняв вопросительное местоимение «Кто» за какое-то божественное имя. Профессор говорит:

> «В жертвенных вызываниях отведено место богу «Кто», и гимны, адресованные ему, называются «Ктоистскими гимнами»».

А разве бог «Кто» является менее естественным термином, чем бог «Я есмь»? Разве «Ктоистские» гимны менее уважительны, нежели «Я-есмические» псалмы? И кто может

доказать, что это в самом деле ошибка, а не преднамеренное выражение? Разве так уж невозможно поверить, что этот странный термин именно обязан своим происхождением почтительному благоговению, которое заставило поэта заколебаться, прежде чем дать имя, как форму тому, кто справедливо считается высочайшей абстракцией метафизических идеалов – Богу? Или, что то же самое чувство заставило пришедшего затем комментатора приостановиться и таким образом предоставить труд антропоморфизации «Непознаваемого», «КТО», будущей человеческой концепции?

> «Эти поэты древности больше думали для себя, чем для других», – замечает сам Макс Мюллер. – «Они, скорее, искали в своем языке возможности точнее выразить свою мысль, чем угодить воображению своих слушателей».[475]

К несчастью это как раз та самая мысль, которая не пробуждает никакого ответного эхо в умах наших филологов.

Далее мы читаем толковые советы изучающим гимны «Ригведы», чтобы они собирали, сопоставляли, отсеивали и отбрасывали.

> «Пусть он изучает комментарии, *«Сутры», «Брахманы»,* и даже позднейшие труды, чтобы исчерпать все источники, из которых может быть извлечена информация. Он [ученик] *не должен презирать преданий,* даже если их неправильные представления... осязаемы... Ни один уголок в *«Брахманах», «Сутрах», «Яске»* и *«Сайяне»* не должен быть оставлен неисследованным, *прежде чем мы предложим наше собственное толкование...* Когда ученик закончит свою работу, тогда поэт и философ должны подхватить и окончательно завершить ее».[476]

Плохие шансы у «философа» заступить на место ученого филолога и попытаться исправить *его* ошибки! Нам хотелось бы увидеть, какого рода прием был бы оказан наиболее эрудированному индусскому ученому из Индии со стороны образованной публики в Европе и Америке, если бы он взялся поправлять одного ученого после того, как последний отсеивал, принимал, отбрасывал, объяснял и объявлял, что хорошо и что «абсурдно и ребячески» в священных книгах его предков. То, что в конечном счете было бы объявлено «брахманистскими неправильными представлениями» конклавом европейских и в особенности германских ученых, имело бы настолько же мало шансов на пересмотр по просьбе наиболее эрудированного пандита Бенареса или Цейлона, насколько толкование еврейских священных писаний Маймонидом и Филоном Иудеем со стороны христиан, после того как церковные соборы приняли неправильные переводы и толкования Иринея и Евсевия. Какой пандит или туземный философ может знать язык своих предков, религию или философию столь же хорошо, как англичанин или немец? Или, почему более терпеть индуса в роли излагателя брахманизма, чем раввинистического ученого в роли истолкователя иудаизма или пророчеств Исайи? Более безопасных и заслуживающих доверия переводчиков можно найти поближе к дому. Тем не менее, все же будем надеяться, что найдется наконец, даже хотя бы в туманном будущем, европейский философ, который будет просеивать священные книги религии мудрости, и не будет опровергаем любым другим из его класса.

А пока что, не обращая внимания на какие-либо признанные авторитеты, постараемся сами просеять некоторые из этих мифов старины. Мы будем искать их объяснения среди народных истолкований и нащупывать путь себе с помощью магической лампы Трисмегиста – таинственного числа *семь.* Должна же существовать какая-либо причина, почему эта цифра была везде принята в качестве мистического

---

[475] [**47**, т. I]; “Веды”.

[476] Макс Мюллер, *“Лекция о Ведах”* [**47**].

исчисления. У каждого древнего народа Творец, или Демиург, помещен над седьмым небом.

> «И если бы я коснулся посвящения в наши священные мистерии», – говорит император Юлиан, каббалист, – «вакхизированные халдеями в отношении *семилучевого Бога, возвышающего души через Себя,* я мог бы сказать вещи неизвестные, *очень неизвестные толпе,* но хорошо известные благословенным теургам».[477]

В *«Лидии»* сказано, что

> «халдеи зовут Бога ИАО и часто называют его САВАОФ, *как Того,* кто находится над семью орбитами (небесами или сферами), т. е. Демиурга».[478]

Чтобы узнать потенциальность этого числа, нужно обратиться к пифагорейцам и каббалистам. Экзотерически семь лучей солнечного спектра конкретно представлены в семилучевом боге Хептактисе. Эти семь лучей, сведенные в ТРИ первичные луча, а именно, в красный, синий и желтый, образуют солнечную триаду и представляют собою соответственно дух-материю и дух-сущность, В последнее время наука также свела семь лучей к трем первичным, подтвердив таким образом научную концепцию древних насчет, по крайней мере, одного видимого проявления невидимого божества, и семь разделено на четверку и троицу.

Пифагорейцы называли число семь колесницей жизни, так как оно содержало тело и душу. Они это объясняли, говоря, что человеческое тело состоит из четырех главных элементов и что душа тройственна, так как содержит рассудок, страсть и желание. Считалось, что непроизносимое СЛОВО является *Седьмым* и высочайшим изо всех, так как существует шесть низших его заменителей, принадлежащих каждый к одной степени посвящения. Это евреи заимствовали свою субботу от древних, которые называли ее днем *Сатурна* и считали несчастливым днем, а не последние от израильтян при переходе в христианство. Народы Индии, Аравии, Сирии и Египта соблюдали недели из семи дней; и римляне восприняли этот семиричный метод от этих стран, когда последние были подчинены Империи. Все же не ранее четвертого века римские календы, ноны и иды были упразднены, и недели заняли их место; и астрономические названия дней недели, а именно, *dies Solis* (день Солнца), *dies Lunae* (день Луны), *dies Martis* (день Марса), *dies Mercurii* (день Меркурия), *dies Jovis* (день Юпитера), *dies Veneris* (день Венеры), и *dies Saturni* (день Сатурна) доказывают, что не от евреев была взята семидневная неделя. Прежде чем исследовать это число каббалистически, мы предлагаем проанализировать его с точки зрения иудейско-христианской Саббат.

Когда Моисей установил *йом шаба* или Шебанг (Шаббат), аллегория отдыха Господа Бога от трудов творения на седьмой день была только *покровом* или, как это выражает «Зогар» – завесой для скрытия истинного значения.

Евреи считали дни тогда, как и теперь, по порядку, как день *первый,* день второй и т. д.; *йом ахад, йом шени, йом шелишо, йом ребис, йом шамиши, йом шишехи,* йом ШАБА.

«Еврейское *семь,* שֹׁבע, состоящее из трех букв С. Б. О., имеет более чем одно значение. Прежде всего оно означает *век* или цикл, Шаб-анг; Саббат, שֹׁבת, может быть переведено как *старость,* также *отдых,* а в старом коптском языке *Сабе* означает *мудрость,* ученость. Современные археологи нашли, что еврейское *Саб,* שֹׁב, также означает *седоголовый* и что поэтому день *Саба* был тем днем, в который ««седоголовые люди» или «старейшины» племени имели привычку собираться вместе для совещаний или жертвоприношений».[479]

---

[477] [**589**, с. 173]; [**590**, V, 172].
[478] “Лидия”, *“Менсиб”*, IV, 38-74; “Движущие силы”, с. 550; [**144**, с. 3].
[479] *“Westminster Review”*, Septenary Institutions; “Stone Him to Death”.

Таким образом, шестидневная неделя с седьмым, *Саба* или *Сапта*-днем, пришла к нам с глубочайшей древности. Соблюдение лунных празднеств в Индии доказывает, что этот народ также соблюдал еженедельные собрания. С каждой новой четвертью луна приносит в атмосферу изменения, следовательно, определенные изменения также производятся по всей нашей вселенной, из которых метеорологические являются наиболее незначительными. В этот, *седьмой* и наиболее сильнодействующий из призматических дней, адепты «тайной науки» сходятся, как они сходились тысячи лет тому назад, чтобы стать проводниками оккультных сил природы (эманаций трудящегося Бога) и общаться с невидимыми мирами. Именно в этом соблюдении седьмого дня мудрецами древности – не как дня отдыха божества, а потому что они проникли в его оккультную силу – кроется глубокое преклонение всех языческих философов перед числом *семь,* которое они называли «почитаемым», священным числом. Пифагорейский *Тетрактис,* почитаемый платониками, представлял собою *квадрат,* помещенный под *треугольником,* последний, или Троица представлял собою невидимую *Монаду* – единство, и считался слишком священным, чтобы его произносить, за исключением внутри стен святилища.

Аскетическое соблюдение христианской субботы протестантами является чисто религиозной тиранией и, мы боимся, оно приносит больше вреда, чем пользы. В действительности оно началось только с введения Карлом II 29-го закона (в 1678 г.), который запрещал всякому «ремесленнику, рабочему, торговцу и другим заниматься каким-либо мирским трудом и т. д. и т. д., в день Господа». Пуритане довели это до крайности, по-видимому, чтобы подчеркнуть свою ненависть к католицизму, как римскому, так и англиканскому. Что в планы Иисуса не входило, чтобы такой день был выделен, – видно не только по его словам, но также по его делам. Ранние христиане не соблюдали его.

Когда Трифо, *иудей,* упрекал христиан, *что у них нет субботы,* что мученик ответил ему?

> «По новому закону у вас должна быть постоянная суббота. *Когда вы провели день в праздности, вы думаете, что вы религиозны.* Господу не нравятся такие дела. Если кто-нибудь виновен в *лжесвидетельстве и обмане,* пусть он исправляется; *если кто совершил прелюбодеяние,* пусть он раскаивается; и *этим он будет соблюдать такую субботу, которая истинно угодна Богу...* Стихии никогда не праздны и не соблюдают никакой субботы. Не было надобности соблюдать субботу до Моисея, и нет надобности соблюдать теперь, после Иисуса Христа».
>
> *Хептактис* не есть Верховная Причина, а просто эманация из *Него* – первое видимое проявление Непроявленной Силы.
>
> Его божественное *дыхание,* которое, силою прорвавшись, сгустилось, испуская сияние, превращающееся в Свет, и таким образом стало познаваемым для внешних чувств», – говорит Джон Рейхлин [**591**].

Это – эманация Высочайшего, Демиург, множество в *единстве, элохимы,* которых мы видим *творящими* наш мир или, вернее, формирующими его в шесть дней и отдыхающими на *седьмой.* И кто эти *элохимы,* как не евгемеризованные силы природы, верные проявленные слуги, законы Того, Кто Сам есть нерушимый закон и гармония?

Они остаются над Седьмым небом (или духовным миром), ибо именно они, согласно каббалистам, образовали шесть материальных миров в их последовательности, или, скорее, попытки миров, предшествовавших нашему, который, говорят они, есть *седьмой.* Если, отложив метафизико-духовную концепцию, мы уделим наше внимание только религиозно-научной проблеме творения в «шесть дней», над которой до сих пор наши лучшие ученые по части Библии так долго безуспешно раздумывали, то мы, быть может, окажемся на пути, ведущем к скрытой под этой аллегорией истинной идее. Древние были философами, последовательными во всем. Поэтому они учили, что каждый из этих былых

миров, совершив свою физическую эволюцию и достигнув – через рождение, рост, возмужалость, старость и смерть – конца своего цикла, возвратился к своей первичной субъективной форме *духовной* земли. С этого времени ему предстоит служить в вечности местом пребывания для тех, кто жили на нем в качестве людей и даже животных, но теперь стали духами. Эта идея, если настолько же недоказуемая, как Рай наших богословов, по крайней мере, немного более философична.

Так же, как человек и все другие живые существа, живущие на ней, наша планета имела свою духовную и физическую эволюцию. Из неосязаемой идеальной *мысли* под творческою Волею Того, о ком мы ничего не знаем и кого только смутно представляем в воображении, этот шар стал флюидическим и полудуховным, затем сгущался все больше и больше, до тех пор пока его физическое развитие – материя, демон-соблазнитель – заставило его испытать свою собственную творческую способность. *Материя* бросила вызов ДУХУ, и земля также имела свое «Падение». Аллегорическое проклятие, под которым она находится, заключается в том, что она только *порождает,* но не творит. Наша физическая планета есть только служанка или, вернее, прислуга на все дела у духа, своего хозяина. «Будь проклята земля... она будет порождать терн и чертополох», – такие слова вложены в уста элохимов. «В муках будешь ты рожать детей», – элохимы говорят это и земле и женщине. И это проклятие будет длиться до тех пор, пока малейшая частица материи не переживет все свои дни; до тех пор, пока каждая пылинка путем постепенных преображений через эволюцию не станет составной частью «живой души», и до тех пор, пока последняя снова не поднимется по спирали и не станет наконец – как свой собственный *Метатрон* или Дух-Искупитель – у подножья верхней ступени духовных миров, как в первый час своего эманирования. За этим лежит великая «Бездна» – ТАЙНА!

Следует запомнить, что каждая космогония имеет во главе *троицу* исполнителей – Отец, дух; Мать, природа или материя; и проявленная вселенная, Сын или результат первых двух. Как вселенная, так и каждая планета, входящая в ее состав, проходит через *четыре* возраста, подобно самому человеку. Все имеют свое детство, молодость, зрелый период и старость, и эти четыре, добавленные к другим трем, опять образуют священное семь.

Начальные главы «Бытия» никогда не имели в виду дать хотя бы отдаленную аллегорию творения *нашей* земли. Они охватывают (глава I) метафизическую концепцию о каком-то неопределенном периоде в вечности, когда законом эволюции производится ряд последовательных попыток формирования вселенных. Эта идея ясно высказана в «Зогаре»:

> «Были старые Миры, которые погибали, как только они нарождались; они не имели форм и назывались *Искрами.* Так, кузнец, ударяя молотом по железу, брызжет искрами по всем направлениям. Искры – первоначальные Миры, которые не могли существовать, ибо *Священный Старец* (Сефира) не принял еще своей формы (Андрогины или противоположных полов) Царя и Царицы (Сефира и Кадмон), и Мастер еще не начал своей работы».[480]

Шесть периодов или «дней» «Бытия» относятся к тому же самому метафизическому верованию. Пять таких неудачных попыток было сделано *элохимами,* но шестая имела своим результатом миры, подобные нашему (т. е. все планеты и большинство звезд являются мирами, и населенными, хотя и не так, как наша земля). Наконец, образовав этот мир в шестом периоде, элохимы отдыхали в *седьмом.* Таким образом «Святой», когда сотворил нынешний мир, сказал: «Этот мне нравится: предыдущие мне не нравились».[481]

---

[480] *Идра Сута*, “Зогар”, кн. III, с. 292b. Верховный советуется с Архитектором Мира – своим Логосом – о творении.

[481] *Идра Сута*, “Зогар”, III, 135b. Если главы “Бытия” и других *Моисеевых Книг*, а также тематика, перепутаны, то в этом виноваты составители, а не устная традиция. Хилкию и Иосию пришлось общаться с Хулдой, пророчицей, следовательно, прибегать к *магии,* чтобы понять слово

И элохимы «видели все, что они сотворили, и нашли, что *это было* очень хорошо. И был вечер и утро шестого *дня*» – [«Бытие», I].

Читатель вспомнит, что в главе IV было дано объяснение «дня» и «ночи» Брахмы. Первый представляет собою определенный период космической активности, а последний – равный период космического покоя. В первом миры выявляются и проходят через отведенные им четыре стадии существования; в последнем «вдох» Брахмы дает обратный ход течению сил природы; все видимое постепенно рассеивается; наступает хаос, и долгая ночь отдыха наполняет космос силами для его следующего периода эволюции. В утро одного из этих «дней» созидательные процессы постепенно достигают своего кульминационного пункта активности; вечером незаметно уменьшаются, пока не настает *пралайа* и с нею *«ночь».* Одно такое утро и вечер, в сущности, составляют космический день; и именно «день Брахмы» имел в виду каббалист – автор «Бытия» каждый раз, когда он говорил: «И был вечер и утро первого (или пятого или шестого, или любого другого) *дня».* Шесть дней постепенной эволюции, один отдыха, и затем – вечер! Со времени появления первого человека на *нашей* земле наступила вечная Суббота или отдых для Демиурга.

Космологические спекуляции первых шести глав «Книги Бытия» показаны в расах «сынов Божиих», «исполинов» и т. д., в главе VI. Строго говоря, повествование о формировании нашей земли или «сотворении», как его весьма неправильно называют, начинается со спасения Ноя от потопа. Халдео-вавилонские таблички, недавно переведенные Георгом Смитом, не оставляют об этом никаких сомнений в умах тех, кто читает эти надписи эзотерически. Иштар, великая богиня, говорит в колонке III об уничтожении *шестого* мира и о появлении седьмого такими словами:

> «ШЕСТЬ *дней* и *ночей* ветер, потоп и шторм ошеломляли.
> На *седьмой* день, в течение его успокоился шторм, и весь потоп,
> который разрушал как землетрясение,[482]
> утих. Море он высушил, и ветер и потоп кончились...
> Я заметил берег на границе моря...
> к стране Низир шел корабль (аргха, или луна).
> гора Низир остановила корабль...
> *первый* день и *второй* день, гора Низир та же самая.
> *пятый* и *шестой,* гора Низир та же самая.
> на *седьмой* день, в течение его
> я выпустил голубя, и он улетел.
> Голубь улетел и возвратился, и... ворон улетел... и не возвратился.
> я построил алтарь на вершине горы.
> по *семи* трав я резал, на дне их я поместил камыши, сосны и симгар...
> боги как мухи собрались над жертвой.
> изстари *также великий Бог* по своему ходу.
> великое сияние (солнце) Ану сотворил.[483]

"Господа Бога Израиля", что было найдено весьма удобным Хилкием [*2 Царств*, XXIII]; и что это прошло через неоднократные пересмотры более позднего времени, хорошо доказывается частыми нелепостями, повторениями и противоречиями.

[482] Это уподобление потопа землетрясению на ассирийских табличках может послужить доказательством, что допотопные народы были хорошо знакомы с другими геологическими катаклизмами, помимо потопа, который представлен в Библии как *первое* бедствие, обрушившееся на человечество, и наказание.

[483] Георг Смит отмечает в "Табличках" сначала создание Луны, затем создание Солнца: "Красота и совершенство его воспеваются так же, как и правильность его орбиты, что повело к тому, что его стали считать прообразом судьи и правителя мира". Если бы это повествование относилось просто к космогоническому катаклизму – даже если бы последний был всемирным – то почему бы богиня Иштар, или Астарта, Луна, стала говорить о *создании Солнца* после потопа? Воды могли достичь высоты горы Низир в изложении халдеев, или Джебель Джуди, гор потопа в

Когда славу этих богов амулет на моей шее не отражал», и т. д.

Все это имеет чисто астрономическое, магическое и эзотерическое значение. Читающий эти таблички сразу узнает библейское повествование; и будет судить в то же время о том, как искажена великая вавилонская поэма евгемеризованными персонажами – низведенными с их возвышенного положения богов в простые патриархи. Недостаток места не позволяет нам полностью углубиться в эту библейскую пародию на халдейские аллегории. Поэтому мы только напомним читателю, что по признанию наиболее нерасположенного свидетеля – такого как Ленорман, сперва изобретателя, и затем поборника аккадийцев – халдео-вавилонская Троица, помещенная под Илоном, *непроявленным* божеством, состоит из Ану, Нуах и Бэла. Ану есть изначальный хаос, божественное время и мир одновременно, χρόνος и κόσμος, несотворенная материя, исходящая из единого и основного начала всего. Что же касается *Нуах,* то, согласно тому же востоковеду, он есть:

> «... разум, мы охотно скажем – *слово,* которое оживляет и оплодотворяет материю, которое пропитывает вселенную, направляет и заставляет ее жить; и в то же время Нуах есть повелитель *принципа влаги; Дух движущийся по водам».*

Не самоочевидно ли все это? Нуах (Nuah) есть Ной (Noah), *носящийся по водам* в своем ковчеге, причем последний – эмблема Аргха или Луны, женского начала. Ной есть «дух», падающий в материю. Мы находим его, как только он спускается на землю, сажающим виноградник, пьющим вино и опьяняющимся им, то есть, чистый дух становится опьяненным, как только он окончательно погружается в материю. Седьмая глава «Бытия» есть лишь иное изложение первой. Таким образом, тогда как последняя читается: «... и тьма была над бездной. И Дух Божий носился над водою», в седьмой сказано: «... и умножилась вода... и ковчег плавал [с Ноем-духом] по поверхности вод». Таким образом, Ной, если он тождественен халдейскому Нуаху, есть дух, оживотворяющий *материю,* которая позднее является хаосом, представленным как бездна или же как воды потопа. В вавилонской легенде именно Иштар (Астарта или Венера, богиня Луны) заперта в ковчеге и высылает голубя (эмблема Венеры и других лунных богинь) на поиски суши. Тогда как в семитских табличках это Ксизутр или Хасисадра, «который за свое благочестие был приобщен к богам», – в Библии это Енох, который ходил перед Господом и – будучи взят Богом к себе – «исчез».

В последовательное существование неисчислимого количества миров до последовавшей за ними эволюции нашего нынешнего мира верили все древние народы и этому учили. Наказание христиан за присвоение древних записей евреев и отказ от истинного ключа к этим записям началось в самых ранних веках. И таким образом мы находим, что святые отцы церкви трудились и путались в невозможной хронологии и в нелепостях буквального толкования, тогда как ученые раввины были прекрасно осведомлены о действительном значении своих аллегорий. Так, не только в «Зогаре», но также и в других каббалистических трудах, признаваемых талмудистами, как, например, *«Мидраш Берашет»* или универсальная «Книга Бытия», которые вместе с *«Меркаба»* (колесница Иезекииля) составляют *«Каббалу»,* – можно найти доктрину о целой серии миров, образующихся из хаоса и последовательно подвергающихся разрушению.

Индусские доктрины учат о двух *пралайах* или растворениях: одна всеобщая, маха-пралайа, другая частичная или меньшая пралайа. Последняя не имеет отношения ко

арабских легендах, или же горы Арарат в библейском повествовании, или даже Гималаев по индусской традиции, и все же они не достигли бы Солнца; даже сама Библия остановилась перед таким чудом! Очевидно, что потоп для народа, который первый отметил его, имел совершенно иное значение, менее проблематичное и гораздо более философское, нежели значение потопа *всемирного,* от которого не осталось никаких геологических следов.

всеобщему растворению, которое наступает в конце каждого «Дня Брахмы», но относится к геологическим катаклизмам в конце каждого малого цикла нашей планеты. Этот исторический и чисто местный потоп Центральной Азии, предания о котором могут быть найдены в каждой стране и который, по мнению Бунзена, произошел около 10000 лет до Р. Х., – не имеет никакого отношения к мифическому Ною, или Нуаху. Они гласят, что частичные катаклизмы происходят в конце каждого «века» мира, которые не разрушают его, но только изменяют общую его внешность. Новые расы людей и виды животных и новая растительность развиваются из растворения предыдущих.

Аллегории «грехопадения человека» и «потопа» являются двумя наиболее важными чертами *Пятикнижия.* Они, так сказать, представляют Альфу и Омегу, высочайший и нижайший ключи гармонической гаммы, по которой звучат величественные гимны сотворения человечества; ибо они раскрывают тому, кто ставит вопросы *Зуре* (фигуративной Гемантрии), процесс человеческой эволюции от высочайшего духовного существа до нижайшего физического – послепотопного человека; как в египетской иероглифической системе, где каждый знак пиктографического письма, который не соответствует внутренности обведенной определенной геометрической фигуры, может быть отвергнут как нарочная маскировка, умышленно введенная священным иерограмматистом, – также многие подробности в Библии требуют такого же обращения, и следует принимать во внимание только те части, которые отвечают числовым методам, преподанным в *«Каббале».*

В индусских книгах потоп появляется только в виде предания. Оно не претендует на священность, и мы находим его только в «Махабхарате», в *«Пуранах»,* и в еще более ранней *«Шатапатха»,* одной из позднейших *«Брахман».* Более чем вероятно, что Моисей или кто-то другой, писавший вместо него, пользовался этими повествованиями как основою для своей собственной умышленно искаженной аллегории, добавив к ней еще халдео-беросские повествования. В «Махабхарате» мы узнаем Нимрода под именем *царя Дайтха.* Происхождение греческого мифа о титанах, взбирающихся на Олимп, и другого мифа о строителях Вавилонской башни, стремившихся достичь небес, явлено в нечестивом Дайтха, который посылает навстречу небесным громам проклятия и грозится завоевать со своими могучими воинами само небо, чем навлекает на человечество гнев Брахмы.

> «Тогда Господь решил», – говорится в тексте, – «поразить свои творения страшным наказанием, которое должно было послужить предостережением для тех, кто выживут, а также для их потомков».

Вайвасвата (который в Библии становится Ноем) спасает маленькую рыбку, которая оказывается аватаром Вишну. Рыбка предупреждает праведного человека, что вся земля скоро будет затоплена, что все живущие на ней должны погибнуть, и приказывает ему построить судно, в которое он должен перейти со всею своею семьею. Когда судно готово, и Вайвасвата запер в нем вместе со всею своею семьею *семена растений и пары от всех животных,* и начинает лить дождь, гигантская рыба, вооруженная рогом, становится перед носом ковчега. Праведник, следуя ее указаниям, привязывает к рогу канат и рыба проводит ковчег целым через бушующие стихии. В индусском предании число дней, в течение которых продолжается потоп, *в точности совпадает с числом в Моисеевом повествовании.* Когда стихии успокоились, рыба привела ковчег на вершину Гималаев.

Многие ортодоксальные комментаторы считают это повествование заимствованным из *Моисеевых «Писаний».*[484] Но, несомненно, если бы такой *всеобщий* катаклизм когда-

---

[484] “Мертвая буква, которая убивает” во всем блеске показана в случае иезуита дэ Кариера, цитированного в “Bible dans l'Inde” [**373**]. Нижеприведенное рассуждение представляет собою дух всего католического мира: “Так что сотворение мира”, – пишет этот верный сын Лойолы, объясняя

либо имел место в пределах человеческой памяти, то некоторые из памятников египтян, из которых многие относятся к такой невероятной древности, отметили бы это происшествие, заодно с рассказом о позоре Хама, Ханаана и Мизраима, их предполагаемых предков. Но до сих пор не найдено ни малейшего намека на такое бедствие, хотя Мизраим определенно относится к первому поколению после потопа, если в самом деле не является допотопным. С другой стороны, халдеи сохранили это предание, как об этом свидетельствует Берос, и древние индусы также имеют вышеизложенную легенду. Таким образом остается только одно объяснение тому чрезвычайному факту, что из двух одновременных и цивилизованных наций, как Египет и Халдея, одна не сохранила никакого предания, хотя имела самое прямое отношение к этому событию, – если верить Библии, – а другая сохранила. Потоп, отмеченный в Библии, в одной из *«Брахман»* и во *«Фрагменте»* Бероса, относится к локальному новоднению, которое 10000 лет до Р. Х., по мнению Бунзена, а также по брахманским зодиакальным вычислениям, изменило всю поверхность Центральной Азии.[485] Поэтому, вавилоняне и халдеи могли узнать об этом от своих таинственных гостей, окрещенных некоторыми ассирологами аккадийцами, или, что еще более вероятно, они сами, возможно, являлись потомками тех, кто обитал в затопленных местностях. Евреи заимствовали от последних это повествование, как и все другое; брахманы могли записать предания стран, в которые они сперва вторглись и где, вероятно, обитали до того, как основались в Пенджабе. Но у египтян, первые поселенцы которых, очевидно, пришли из Южной Индии, было меньше причин отмечать этот катаклизм, так как их он, возможно, никогда не задел иначе, как только косвенно, поскольку наводнение ограничилось Центральной Азией.

Бюрнуф, заметив тот факт, что повествование о потопе имеется только в одной из самых новых *«Брахман»,* также думает, что оно могло быть заимствовано индусами от семитских народов. Против такого предположения восстают все традиции и обычаи индусов. Арийцы, а в особенности брахманы, никогда ничего не заимствовали от семитов, и в этом нас подкрепляет один из тех «нерасположенных свидетелей», каковыми Хиггинс называет приверженцев Иеговы и Библии.

> «Я никогда и ничего не находил в истории египтян и евреев», – пишет аббат Дюбуа, проживший сорок лет в Индии, – «что побудило бы меня поверить, что любой из этих народов или какой-либо другой народ на земле образовался раньше индусов, а в особенности брахманов; поэтому ничто не заставит меня поверить, что последние заимствовали свои обряды от других народов. Наоборот, я прихожу к выводу, что они получили их из своего собственного первоисточника. Каждый, кто хоть немного знает дух и характер брахманов, их гордость, чрезвычайное тщеславие, их отчужденность, высокомерное презрение ко всему иностранному и к тому, о чем они не могут похвастать, что они изобрели его, – тот согласится со мною, что такой народ не мог согласиться воспринять свои обычаи и правила поведения от чужой страны» [**592**, т. I, с. 186].

Это повествование, в котором упоминается самый ранний аватар Матсья – относится к другой юге, не нашей, к юге первого появления животной жизни; может быть, кто знает, к Девонскому периоду наших геологов? Оно, безусловно, лучше отвечает последнему, нежели 2348 году до Р. Х.! Кроме того, само отсутствие всякого упоминания об этом потопе в старейших книгах индусов выдвигает мощный аргумент, когда мы предоставлены одним только выводам, как в данном случае.

библейскую хронологию Моисея, – “и все то, что написано в “Бытии”, могло стать известным Моисею путем *повествований, лично переданных ему его отцами.* Возможно даже, что среди израильтян живы еще были воспоминания, и из этих воспоминаний он мог записать даты рождений и смертей патриархов, перечисление их детей и имена различных стран, где они обосновались под водительством *Святого Духа, которого мы всегда должны рассматривать как главного автора священных книг”!!*

[485] См. главу XV и последнюю первой части.

«Веды и «Ману»», – говорит Жаколио, – «это памятники древнеазиатской мысли, существовали намного раньше дилювиального периода; *это неопровержимый факт, обладающий всею ценностью исторической правды,* так как за исключением предания, в котором показано, как Вишну сам спасает Веды от потопа, – предания, которое, несмотря на свою легендарную форму, несомненно должно покоиться на реальном факте, – отмечено, что ни одна из этих священных книг не упоминает катаклизма, тогда как *«Пураны»* и «Махабхарата» и большое количество других, более недавних трудов, описывают его с мельчайшими подробностями, *что является доказательством первенства первых*. Веды, несомненно, отметили хотя бы несколькими гимнами ужасное бедствие, поразившее воображение людей, его наблюдавших».

«Также и *Ману*, который дает нам законченное повествование о творении с хронологией от божественных и героических веков до появления на земле человека, – не обошел бы молчанием такое значительное событие».

«Ману» (кн. I, шлока 35) дает имена десяти выдающихся святых, которых он называет прадьяпати (правильнее – *праджапати),* в которых брахманистские теологи видят пророков, предков человеческой расы, а пандиты считают их просто десятью могущественными царями, которые жили в Крита-юге или в веке добра (в золотом веке греков).

Последний из этих праджапати – Бригху.

«Перечисляя последовательность этих выдающихся существ, которые, согласно *Ману*, правили миром, древний брахманистский законодатель называет следующих потомков Бригху: Сварочика, Оттами, Тамаса, Райвата, прославленный Чакчуча, и сын Вивасвата, причем каждый из этих шести сделался достойным титула Ману (божественного законодателя), титула равно принадлежавшего Праджапати и каждому великому персонажу первобытной Индии. Генеалогия на этом имени обрывается.

Согласно *«Пуранам»* и «Махабхарате», при царствовании одного из потомков этого сына Вивасвата по имени Вайвасвата, произошел великий катаклизм, память о котором, как будет видно из дальнейшего, перешла в предание и была разнесена эмиграцией по всем странам Востока и Запада, которые Индия с тех пор колонизировала...

Так как генеалогия, данная *Ману*, как мы видели, обрывается на Вивасвате, то из этого следует, что этот труд («Ману») ничего не знает ни о Вайвасвате, ни о потопе» [**593**, с. 170, 171].

Аргумент этот неопровержимый, и мы его рекомендуем тем официальным ученым, которые, чтобы угодить духовенству, оспаривают каждый факт, доказывающий чрезвычайную древность Вед и «Ману». Полковник Вэнс Кеннеди уже давно заявил, что Вавилония с самого ее происхождения была оплотом санскритской литературы и брахманистской учености. А как или почему брахманы проникли туда, как не в результате междоусобных войн и эмиграции из Индии? Полнейшее описание потопа Ведавьясой мы находим в «Махабхарате», поэме в честь астрологических аллегорий о войнах между Солнечными и Лунными расами. Одна из этих версий сообщает, что Вивасвата стал отцом всех народов на земле через свое потомство, и эта форма была приспособлена для повествования о Ное; другая версия сообщает, что – подобно Девкалиону и Пирре – ему нужно было просто бросать камешки в тину, оставшуюся после отступления волн потопа, чтобы производить людей когда угодно. Эти две версии – одна еврейская, другая греческая – не оставляют нам выбора. Мы должны или поверить, что индусы заимствовали от языческих греков, также и от монотеистических евреев, или же – что значительно более вероятно – считать, что версии обоих этих народов суть производные от ведической литературы через вавилонян.

История говорит нам о потоке иммиграции через Инд, и о том, как она впоследствии наводнила Запад, и как народы индусского происхождения вышли из Малой Азии, чтобы

колонизировать Грецию. Но история не говорит ни единого слова об «избранном народе» или о том, что греческие колонии проникли в Индию до 5-го и 4-го века до Р. Х., когда мы впервые находим смутные предания, в которых говорится о каких-то загадочных *утерянных* племенах Израиля, направившихся из Вавилонии в Индию. Но даже если бы повествование о десяти племенах заслуживало доверие, и сами эти племена оказались бы существующими как в светской, так и в священной истории, то это вовсе не помогло бы разрешению. Колбрук, Уильсон и другие выдающиеся индологи показывают, что «Махабхарата», если не *«Шатапатха-брахмана»,* в которой также приводится это повествование, намного предшествовала веку Кира, следовательно – возможному времени появления каких-либо израильских племен в Индии.[486]

Востоковеды приписывают «Махабхарате» древность от двенадцати до пятнадцати веков до Р. Х.; что касается греческой версии, то у нее так же мало доказательств как у другой, и попытки эллинистов в этом направлении явно провалились. Само повествование о победоносной армии Александра, проникнувшей в Северную Индию, с каждым днем становится все более сомнительным. Никакая индусская национальная летопись, даже самые незначительные исторические воспоминания по всей длине и ширине Индии не дают ни малейшего следа о таком вторжении.

Если даже такие *исторические факты,* как теперь оказалось, все время были выдумками, что же мы тогда должны думать о повествованиях, которые на самом лице своем носят клеймо выдумки? Мы не можем не сочувствовать в сердце профессору Мюллеру, когда он замечает, что кажется «кощунством рассматривать эти выдумки языческого мира как искаженные и неправильно истолкованные фрагменты *божественного* Откровения, когда-то данного всему роду человеческому». Только может ли этот ученый считаться совершенно беспристрастным и справедливым к обеим сторонам, если он не включит в число этих выдумок также и выдумки Библии? Да и *чище ли, нравственнее ли* язык Ветхого Завета, чем книги брахманов? Кощунственнее и смешнее ли какие-либо выдумки *языческого* мира, чем беседа Иеговы с Моисеем [*Исход,* XXXIII, 23]? Показаны ли языческие боги более жестокими, чем тот же самый Иегова во многих местах? Если чувства благочестивого христианина шокированы нелепостями о поедании Отцом Кроносом своих детей и изувечении Урана; или о сбрасывании Юпитером с небес Вулкана, поломав при этом ему ногу, – то с другой стороны, он не должен обижаться, если *не*христианин смеется при мысли о Иакове, боксирующим со своим Творцом, который, «видя, что *он не может одолеть его»,* вывихнул Иакову бедро, причем этот патриарх по-прежнему крепко держал Бога и не отпускал Его, несмотря на Его просьбы.

Почему сказание о Девкалионе и Пирре, бросающих камни позади себя и творящих таким образом людскую расу, должно считаться более смешным, чем сказание о жене Лота, превратившейся в соляной столб, или о Всемогущем, сотворившем людей *из глины,* и затем вдохнувшем в них дыхание жизни? Расхождение между последним способом творения и способом египетского барано-рогого бога, создающего человека на гончарном колесе, едва ощутимо. Сказание о Минерве, богине мудрости, начавшей свое существование после некоторого периода роста в мозгу своего отца, по крайней мере наводит на размышления и поэтично в качестве аллегории. Ни один древний грек никогда не был сожжен за то, что не принимал это в буквальном смысле; и, во всяком случае, «языческие» выдумки в общем намного менее нелепы и кощунственны, нежели выдумки, навязанные христианам с тех пор, как церковь признала Ветхий Завет, и римско-католическая церковь открыла свой счет тауматургических святых.

---

[486] Против последнего предположения, выведенного только из повествования Библии, у нас имеются все исторические факты. 1. Не существует доказательств, что эти 12 племен когда-либо существовали; левиты были кастой священнослужителей, а все другие – выдумкой; 2. Геродот, наиболее точный из историков, который был в Ассирии, когда преуспевал Ездра, никогда ни словом не обмолвился об израильтянах. Геродот родился в 484 г. до Р. Х.

«Многие из туземцев Индии», – продолжает профессор Мюллер, – «признаются, что их чувства восстают против нечистот, приписываемых богам теми писаниями, которые они называют священными; все же имеются честные брахманы, которые будут утверждать, что *эти сказания имеют более глубокое значение;* что, поскольку безнравственность несовместима с божественным существом, то надо полагать, что *какая-то тайна* скрыта в этих временем освященных сказаниях – тайна, которую может надеяться раскрыть почтительный и любознательный ум».

Это как раз то, что утверждает христианское духовенство в своих попытках объяснить непристойности и нелепости Ветхого Завета. Только вместо того, чтобы предоставить истолкование тем, кто обладают ключами к этим кажущимся нелепостям, они приняли на себя обязанность и право, по *божественному* уполномочию, толковать их по-своему. Они сделали не только это, но постепенно лишили еврейское духовенство средств, чтобы истолковать свои Священные Писания так, как это делали их отцы, так что в нынешнем веке найти среди раввинов сведущего каббалиста – почти невозможно. Евреи сами забыли ключ! А как они могли избегнуть этого? Где подлинные рукописи? Самой древней из ныне существующих еврейских рукописей, говорят, является «Бодлейский Кодекс», который не старше восьмисот-девятисот лет.[487] Разрыв между Ездрой и этим *«Кодексом»»* таким образом, составляет пятнадцать веков. В 1490 году *Инквизиция заставила сжечь все еврейские библии,* один только Торквемада уничтожил 6000 томов в Саламанке. За исключением нескольких рукописных *«Тора Кетубим»* и *«Небиим»,* употреблявшихся в синагогах, и происхождение которых весьма недавнее, – мы не думаем, что еще осталась хоть одна рукопись, которая не была бы пунктирована, следовательно – совершенно неправильно истолкована и переделана мазоретами. Если бы не своевременное изобретение *«Мазоры»,* ни одного экземпляра Ветхого Завета не потерпели бы в нашем веке. Хорошо известно, что мазореты во время переписывания старейших рукописей поставили себе задачу удалить, за исключением некоторых мест, которые они, вероятно, проглядели, – все *неприличные* слова, заменяя их своими собственными, часто совсем изменяя смысл стиха.

«Ясно», – говорит Дональдсон, – «что Мазоретская школа в Тиверии была занята налаживанием или разлаживанием еврейского текста до окончательного опубликования самой *«Мазоры».*

Поэтому, если бы мы обладали подлинными текстами, то – судя по теперешним копиям Библии, имеющимся у нас – было бы действительно очень поучительно сопоставить Ветхий Завет с Ведами и даже с брахманистскими книгами. Мы поистине верим, что никакая вера, как бы слепа она ни была, не могла бы устоять перед такой лавиной грубых нечистот и выдумок. И если последние не только приняты, но навязаны силой миллионам цивилизованных людей, которые находят их заслуживающими почитания и поучительными настолько, что верят в них как в *божественное откровение,* то почему нам удивляться, что брахманы верят, что их книги равно являются *Шрути,* откровением?

---

[487] Д-р Кенникот сам и Бранз под его руководством около 1780 г. детально сличали 692 рукописи еврейской Библии. Из всех только две были достоверно установлены как относящиеся к десятому веку и три как относящиеся к одиннадцатому и двенадцатому векам. Другие колебались от тринадцатого до шестнадцатого века.

В своем “Introduzione alla Sacra Scrittura”, с. 34-47, де Росси из Пармы упоминает обследование 1418 рукописей и 374 изданий. Он утверждает, что старейшая рукопись *“Кодекса”,* именно, Венская, написана в 1019 г. н. э., следующей является Рейхлинская рукопись из Карлсруе, 1038 г. Он заявляет, что “в этих рукописях еврейского Ветхого Завета нет ничего сохранившегося из более ранних времен, чем одиннадцатый век после Р. Х.”.

Конечно, поблагодарим мазоретов, но в то же время будем изучать обе стороны медали.

Легенды, мифы, аллегории, символы – если только они принадлежат к индусской, халдейской или египетской традициям – все бросаются в одну и ту же кучу выдумок. Они едва заслуживают чести поверхностного обследования их возможной связи с астрономией или с половыми символами. Те же самые мифы – когда (и потому что) они искажены – принимаются как священные писания, даже больше – как Слово Божие! Разве это беспристрастная история? Справедливо ли это по отношению к прошлому, настоящему и будущему? «Вы не можете служить Богу и Мамоне», – сказал Реформатор девятнадцать веков тому назад. «Вы не можете служить истине и общественным предрассудкам», – было бы более применимо к нашему веку. Однако, наши авторитеты претендуют на то, что они служат первой.

Действительно, во всех религиозных системах почти нет мифов, достойных этого термина, которые не имели бы исторической и научной основы. Мифы, как Покок талантливо выразился,

> «принимаются сейчас за вымыслы как раз пропорционально тому, насколько мы их *не понимаем;* и за истины пропорционально тому, как они были когда-то *понимаемы.* Именно, наше невежество из истории сделало миф; и наше невежество есть эллинское наследие, во многом – результат эллинского тщеславия» [**418**, *Предисловие*, с. IX].

Бунзен и Шампольон уже доказали, что священные книги Египта намного старше самых старейших частей «Книги Бытия». А теперь более тщательные исследования, кажется, подтверждают подозрение, – которое у нас равняется с уверенностью – что законы Моисея являются копиями кодекса брахманистского *Ману*. Таким образом, по всей вероятности, Египет обязан своей цивилизацией, своими гражданскими институтами и своими искусствами – Индии. Но против этого предположения выстроилась целая армия «авторитетов», и какое это имеет значение, если последние в настоящее время этот факт отрицают? Рано или поздно, но им придется признать его, принадлежат ли они к германской или к французской школе. Среди ученых – но не тех, кто легко идут на компромисс между интересом и совестью – имеется несколько бесстрашных душ, которые могут вынести на свет неопровержимые факты. Примерно двадцать лет тому назад Макс Мюллер в одном письме редактору лондонской *«Times»,* в апреле 1857 г., весьма яростно утверждал, что нирвана означает *уничтожение* – в полном смысле этого слова. (См. [47, т. I, с. 287], о значении нирваны.) Но в 1869 году в лекции перед общим собранием Общества германских филологов в Киле «он отчетливо заявляет о своем убеждении, что нигилизм, приписанный учению Будды, в самом деле, не входит в его доктрину и что совсем неправильно полагать, что нирвана означает уничтожение». (Трюбнер, *«Американские и восточные литературные записки»,* окт. 16, 1869; также Инман [424, с. 128].) Однако, если мы не ошибаемся, профессор Мюллер был настолько же авторитетен в 1857 году, как в 1869 году.

> «Будет трудно установить», – говорит (теперь) этот великий ученый, – «являются ли Веды самыми древними книгами, или же некоторые части Ветхого Завета могут быть прослежены назад к той же самой или даже еще более древней дате, нежели старейшие гимны Вед [**47**, т. I].

Но его отказ от предыдущего мнения о нирване позволяет нам надеяться, что он еще может изменить свое мнение подобным же образом по вопросу о «Книге Бытия», так что публика сможет одновременно получить пользу от истины и санкцию одного из величайших авторитетов Европы.

Хорошо известно, как мало востоковеды приблизились к чему-либо похожему на согласие по поводу времени Зороастра, и пока с этим вопросом не покончено, может быть,

разумнее будет безоговорочно положиться на брахманистские вычисления Зодиака, чем на мнения ученых. Оставляя в стороне светскую орду непризнанных ученых, которые еще только ждут своей очереди быть избранными для общественного поклонения в качестве идолов, олицетворяющих водительство наукой, – где мы найдем среди признанных авторитетов сегодняшнего дня двух, мнения которых по поводу этой даты совпали бы? Вот Бунзен, который помещает Зороастра в Бактрии, и относит эмиграцию бактрийцев к Инду к 3784 г. до Р. Х. [74, т. V, с. 77], а рождение Моисея к 1392 г. [74, т. V, с. 78]. Надо сказать, что довольно трудно поместить Зороастра раньше времени создания Вед, принимая во внимание, что вся его доктрина представляет собою доктрину ранних Вед. Правда, в течение какого-то более или менее неясного периода он пребывал в Афганистане, прежде чем переселиться в Пенджаб, но Веды были начаты в последней стране. Они указывают на прогресс индусов так же, как «Авеста» указывает на прогресс иранцев. А вот другой ученый – Хауг, который приписывает *«Айтарейя-брахмане»* (брахманистскому комментарию к «Ригведе», гораздо более позднего происхождения, чем сама Веда) давность между 1400 и 1200 гг. до Р. Х., тогда как Веды помещаются им между 2000 и 2400 гг. до Р. Х. Макс Мюллер осторожно указывает на некоторые затруднения в этом хронологическом вычислении, но все же не совсем отрицает его.[488] Однако, как бы то ни было, и предположив, что *Пятикнижие* было написано самим Моисеем, – несмотря на то, что этим он будет заставлен дважды записать свою собственную смерть, – все же и тогда, если Моисей родился, как пишет Бунзен, в 1392 году до Р. Х., «Пятикнижие» не могло быть написано *раньше* Вед. Особенно, если Зороастр родился в 3784 г. до Р. Х. Если, как говорит нам Хауг,[489] некоторые гимны «Ригведы» были написаны до того, как Зороастр завершил свою схизму, что-то около тридцати семи веков до Р. Х., и Макс Мюллер сам говорит, что «зороастрийцы и их предки вышли из Индии в течение ведического периода», то как могут быть некоторые части Ветхого Завета прослежены назад к той же самой или даже еще «более древней дате, чем старейшие гимны Вед?

Среди востоковедов установилось общее мнение, что арийцы за 3000 лет до Р. Х. все еще находились в степях к востоку от Каспия и были объединены. Раулинсон *предполагает,* что они «хлынули к востоку» из Армении как из общего центра, тогда как два родственных потока потекли – один на север через Кавказ, другой – на запад через Малую Азию и Европу. Он находит, что арийцы в периоде, предшествовавшем пятнадцатому веку до нашей эры, «поселились на территории, орошаемой Верхним Индом». Отсюда ведические арийцы переселились в Пенджаб, а зендские арийцы двинулись на запад, основывая исторические страны. Но все это, как и остальное – только гипотеза, и приведена как таковая.

Опять, Раулинсон, очевидно, следуя за Максом Мюллером, говорит: «Ранняя история арийцев за многие века – абсолютный пробел». Но многие ученые брахманы, однако, заявили, что они обнаружили след существования Вед еще в 2100 году до Р. Х. И сэр Уильям Джоунс, руководствуясь астрономическими данными, отнес «Яджурведу» к 1580 г. до Р. Х. Это все еще «раньше Моисея».

Основываясь, именно, на том предположении, что до 1500 г. до Р. Х. арийцы еще не ушли из Афганистана в Пенджаб, Макс Мюллер и другие оксфордские ученые предположили, что части Ветхого Завета могут быть прослежены назад к той же самой или даже еще более древней дате, нежели старейшие гимны Вед. Поэтому, до тех пор, пока востоковеды не будут в состоянии указать нам правильное время жизни Зороастра, ни один авторитет по вопросу древности Вед не может считаться выше самих брахманов.

Так как признанным фактом является то, что большинство своих законов евреи заимствовали у египтян, то давайте рассмотрим, кто такие были египтяне. По нашему мнению – которое обладает, разумеется, малым авторитетом – они были древние

---

[488] [**47**]; “Айтарейя-брахмана”.

[489] Д-р М. Хауг, заведующий санскритской кафедрой в Пуна Колледже, Бомбей.

индийцы, и в нашем первом томе мы приводили цитаты из трудов историка Колука-Батта, которые подтверждают такую теорию. Что мы подразумеваем под древней Индией, так это следующее:

Ни одна область на карте – за исключением древней Скифии – не установлена так неопределенно, как та, которая носила название Индии. Эфиопия представляет, быть может, единственную параллель. Это была колыбель кушитов или хамитских рас и находилась к востоку от Вавилонии. Это было когда-то названием Индустана, когда темнокожие расы, поклонявшиеся Бала-Махадеве и Бхавани-Махидеви, главенствовали в этой стране. Индия ранних мудрецов представляется как область у истоков Окса и Джаксарта. Аполлоний Тианский пересек Кавказ, или Гиндукуш, где он встретился с царем, который направил его к обители мудрецов – возможно, к потомкам тех, кого Аммиан называет «брахманами Верхней Индии» и которых Гистасп, отец Дария (или, более вероятно, Дарий Гистасп сам) посетил, и, получив от них наставления, внедрил их обряды и идеи в магианские ритуалы. Это повествование об Аполлоний, кажется, указывает на Кашмир как на ту страну, которую он посетил, и на *нагов* – после их обращения в буддизм – как на его учителей. В то время арийская Индия не простиралась за Пенджаб.

По нашему мнению, наиболее смущающим препятствием на пути развития этнологии всегда было тройное потомство Ноя. В попытке согласовать послепотопные расы с генеалогическим происхождением от Сима, Хама и Иафета, придерживающиеся христианства востоковеды поставили себе задачу, которую невозможно выполнить. Библейский Ноев ковчег стал ложем Прокруста, к которому им приходилось все приспосабливать. Поэтому внимание было отвлечено от достоверных источников информации относительно происхождения человека, и чисто местная аллегория была ложно принята за исторический факт, исходящий из вдохновенного источника. Странный и неудачный выбор! Изо всех священных писаний народов, ответвившихся от первоначального человеческого рода, христианство должно было избрать себе для руководства национальные летописи и священные писания народа, возможно, наименее духовного из человеческой семьи – семитического. Это та ветвь, которая никогда не была в состоянии развить из своих многочисленных языков язык, способный воплощать идеи нравственного и интеллектуального мира; чьи формы выражения и направление мысли никогда не могли подняться выше чисто чувственных и земных образов речи; чья литература не оставила ничего оригинального, ничего, что бы не было заимствовано от арийской мысли, и чьей науке и философии совсем не хватает благородных черт высоко духовных и метафизических систем индоевропейских (Иафетских) рас.

Бунзен показывает хемизм (язык Египта) как весьма древний вклад от Западной Азии, содержащий *зародыши* семитического языка, и носящий в себе, таким образом, «свидетельство первобытного родственного единства семитической и арийской рас». Мы должны помнить в этой связи, что народы Юго-Западной и Западной Азии, включая мидийцев, все были арийцы. Далеко еще не доказано, кто были первоначальные хозяева Индии. То обстоятельство, что этот период лежит вне документально устанавливаемой истории, еще не исключает вероятной правильности нашей теории, что ими была могущественная раса строителей, назовем ли мы их восточными эфиопами или темнокожими арийцами (это слово означает просто «благородный воин», «храбрец»). Одно время они правили безраздельно над всей древней Индией, обозначенной впоследствии *Ману* как владение тех, кого наши ученые называют санскритоязычными народами.

Полагают, что эти индусы вошли в страну с северо-запада; некоторые *высказывают догадку,* что они принесли с собою брахманизм, и что языком завоевателей, *вероятно,* был санскрит. Над этими тремя скудными данными наши филологи работали непрестанно с тех пор как Индустан и его огромная санскритская литература были насильно вынесены на обозрение сэром Уильямом Джоунсом, – все время с висящими на их шее тремя

сыновьями Ноя. И это – *точная* наука, свободная от религиозных предрассудков! Воистину, много выиграла бы этнология, если бы это Ноево трио было смыто за борт и утоплено до того, как ковчег добрался до земли?

Эфиопов в целом причисляют к семитической группе, но мы должны разобраться, насколько они могут претендовать на такое причисление. Мы также рассмотрим, насколько они имели отношение к египетской цивилизации, которая, как один писатель выразился, кажется, была такою же совершенною уже в самые древние времена, не имея подъема и развития, как в случае других народов. По причинам, которые мы теперь приведем, мы готовы утверждать, что своею цивилизацией, общим благосостоянием, искусствами – и в особенности искусством строительства, Египет обязан доведической Индии, и что именно колония темнокожих арийцев или тех, кого Гомер и Геродот называют восточными эфиопами, т. е. обитателями Южной Индии, – принесла египтянам свою уже готовую цивилизацию в дохронологических веках, которые Бунзен называет до-Менитской, но тем не менее эпохальной историей.

В труде Покока «Индия в Греции» [418] мы находим следующий многозначительный абзац:

> «Незамысловатый отчет о войнах, какие велись между солнечными вождями, Усрас (Озирис), князем Гуклас, и «ТУ-ФУ», есть простой исторический факт войн апийцев, Солнечных племен из Уде, с народом «ТУ-ФУ» или ТИБЕТА, которые, в сущности, были лунной расой и большею частью буддистами,[490] им противостояли Рама и «АИТЬО-ПИАС» или народ из Уде, следовательно, АИТ-ИО-ПИАНС Африки» [**418**, с. 200].

В этой связи мы хотели бы напомнить читателям, что Раван, гигант, который в «Рамаяне» ведет войну против Рама Чандра, представлен как царь Ланки, что было древним названием Цейлона; и что Цейлон в те дни, возможно, составлял часть материка Южной Индии и был населен «восточными эфиопами». Побежденные Рамой, сыном Дасараты, Солнечным Царем древнего Уде, часть их эмигрировала в Северную Африку. Если, как многие предполагают, гомеровская «Илиада» и многое из его повествования о Троянской войне заимствовано из «Рамаяны», тогда предания, послужившие основой для последней, должны обладать огромной древностью. Таким образом много времени остается в запасе у дохронологической истории для того периода, в течение которого «восточные эфиопы» могли основать гипотетическую Мизраическую колонию с ее высокой индийской цивилизацией и искусствами.

Наука все еще остается в неведении насчет клинописных надписей. До тех пор, пока они не будут окончательно расшифрованы. В особенности высеченные на скалах, так обильно встречающиеся в пределах старого Ирана, – кто может сказать, какие тайны они еще могут раскрыть? Нет санскритских надписей на памятниках старше Чандрагупты (315 г. до Р. Х.), и Персеполитанские надписи оказались на 220 лет старше. Даже теперь еще имеются рукописи с письменами, совершенно неизвестными филологам и палеографам; одна из них имеется или недавно имелась в Кембриджской библиотеке в Англии. Писатели-лингвисты классифицируют семитические языки как относящиеся к индоевропейскому, обычно включая сюда также эфиопский и древнеегипетский. Но если некоторые из диалектов современной Северной Африки и даже современный гхиз или эфиопский настолько дегенерировали и выродились, что позволяют делать ложные выводы по поводу генетических связей между ними и другими семитическими языками, то мы вовсе не уверены, что последние имеют право на такую классификацию, за исключением старого коптского и древнего гхиз.

---

[490] Покок принадлежит к тому классу востоковедов, которые считают, что буддизм предшествовал брахманизму и был религией самых ранних Вед; Гаутама был только его восстановителем в его чистейшем виде, который потом опять выродился в догматизм.

Что имеется больше кровного родства между эфиопами и арийскими темнокожими расами, и между последними и египтянами, это нечто такое, что еще может быть доказано. Недавно было обнаружено, что древние египтяне были людьми кавказского типа, и форма их черепов – чисто азиатская.[491] Если они были менее медного цвета, чем эфиопы современности, то сами эфиопы в старину могли обладать более светлым цветом лица. Тот факт, что у эфиопских царей корону наследует племянник царя, *сын его сестры,* а не его собственный, – чрезвычайно многозначителен. Это старинный обычай, до сих пор преобладающий в Южной Индии. Наследниками раджи являются не его собственные сыновья, а *сыновья его сестры.*[492]

Изо всех диалектов и языков, считающихся семитическими, только эфиопской пишется слева направо подобно санскриту и письму индоарийских народов.[493]

Таким образом, против того, чтобы приписать происхождение египтян древней колонии индийцев не имеется никакого более серьезного препятствия, как только непочтительный сын Ноя – Хам – сам являясь мифом. Но самая ранняя форма египетского богослужения и правления, теократического и жреческого, и их привычки и обычаи – все говорит об индийском происхождении.

Самые древние легенды из истории Индии упоминают две династии, теперь потерявшиеся во тьме времен; первая была династия царей «солнечной расы», царствовавшая в Айодхье (теперь Уде); вторая, династия «лунной расы», в Праяге (ныне Аллахабад). Пусть тот, кто желает осведомиться о религиозном культе тех ранних царей, читает «Книгу Мертвых» египтян и все своеобразия, присущие солнце-поклонству и солнечным богам. Ни Озирис, ни Гор никогда не упоминаются без того, чтобы не связывать их с солнцем. Они суть «Сыны *Солнца»;* «Господь и Обожатель Солнца» – его имя. «Солнце есть создатель тела, порождатель богов, *которые являются наследниками Солнца».* Покок в своем весьма проникновенном труде сильно ратует за эту же самую идею и старается еще более убедительно доказать тождественность египетской, греческой и индийской мифологии. Он показывает главу Солнечной расы раджпутов – фактически великого Кукло-поса (циклоп или строитель) – называемого «Великим Солнцем», в древнейшей индусской традиции. Этот Гок-ла, князь, патриарх многочисленных

---

[491] “Азиатское происхождение первых обитателей Нильской долины ясно доказано совпадающими и независимыми свидетельствами. Кювье и Блуменбах подтверждают, что все черепа мумий, которые им удалось исследовать, были кавказского типа. Покойный американский физиолог (д-р Мортон) выступил с такими же аргументами [**594**].

[492] Наследником покойного раджи Траванкора стал старший сын его сестры, ныне царствующий махараджа Рама Вурмах. Следующими наследниками будут сыновья его умершей сестры. В случае если женская линия обрывается смертью, царствующая семья обязана удочерить дочь какого-либо другого раджи, а если у нее не родится дочь, то другая девушка удочеряется и т. д.

[493] Имеются некоторые востоковеды, которые думают, что этот обычай был введен только после первых поселений христиан в Эфиопии; но так как под римским владычеством население этой страны почти все переменилось, становясь почти целиком арабским, мы можем без сомнений поверить, что это было, главным образом, арабское влияние, что изменило самый ранний способ письма. Их нынешний метод даже более аналогичен Деванагари и другим более древним индийским алфавитам, которые читаются слева направо; и их буквы не носят на себе никакого подобия финикийским письменам. Кроме того, все древние авторы еще более подкрепляют наше утверждение. Филострат влагает в уста брахмана Иарха слова (Жизнь Аполлония Тианского, III, 6), что эфиопы были первоначально *индийской расой,* вынужденной эмигрировать из родины вследствие осквернения святынь и цареубийства (см. [**418**, II, с. 206]). Один египтянин говорит, что он слышал от своего отца, что индийцы были мудрейшими из людей, и что эфиопы, индийские колонисты, сохранили мудрость и обычаи своих отцов и признавали свое древнее происхождение. Юлий Африканец (у Евсевия и Синцелла) делает подобное же заявление. А Евсевий пишет: “Эфиопы, эмигрировавшие с реки Инд, поселились поблизости от Египта” (*Lemp*., под ред. Баркера, *“Meroë”*).

объединений инахиенсов, говорит, «это *Великое Солнце* было обожествлено при смерти; и, согласно индусской доктрине метемпсихоза, считалось, что его Душа перешла в быка «Апис», Сера-пис греков, и СУРА-ПАС, или «Солнечный Глава» египтян... *Озирис,* правильнее Усрас, означает и «бык» и «луч света». *Сурапас* (Серапис) – солнечный глава», так как Солнце по-сакскритски – Сурья. Шампольон в *«Manifestation to the Light»* в каждой главе напоминает о двух Династиях Царей Солнца и Луны. Позднее все эти цари были обожествлены и превращены после смерти в солнечные и лунные божества. Поклонение им явилось самым ранним извращением великой первоначальной веры, которая справедливо считала Солнце и его огненные жизнь-дающие лучи наиболее подходящим символом, чтобы напомнить нам о всеобъемлющем невидимом присутствии Того, кто является владыкою Жизни и Смерти. А теперь это можно проследить по всему земному шару. Это была религия самых ранних ведических брахманов, которые в старейших гимнах «Ригведы» называют Сурья (Солнце) и Агни (огонь) «правителем вселенной», «владыкой людей» и «мудрым царем». Это было поклонение магов, зороастрийцев, египтян и греков, независимо от того, называли ли они его Митрой или Ахура-Маздой, Озирисом или Зевсом, почитая, как его ближайшего родственника Весту – чистый небесный огонь. И эта религия опять обнаруживается в перуанском поклонении солнцу; в сабеизме и гелиолатрии халдеев; в Моисеевой «неопалимой купине»; в наклонении голов старейшин народа по направлению Господа, «Солнца», и даже в Авраамовых построениях алтарей огня и в жертвоприношениях монотеистических евреев Астарте, Царице Небесной.

Доныне, несмотря на все противоречия и все исследования, история и наука остаются в том же неведении относительно происхождения евреев. Они могут с таким же успехом быть признаны племенем Чандала, изгнанным из древней Индии; «каменщиками», которых упоминают Вина-Свати, Веда-Вьяса и Ману, как и финикийцами Геродота или же гиксосами Иосифа, или потомками палийских пастухов, или же смешением всех этих народностей. Библия называет тирян народом родственным и претендует на владычество над ними. Они также могли быть, как думает Покок, просто племенем из «Окса» – название, происшедшее от «Укшас», т. е. люди, богатство которых заключается в «быках», так как он доказывает, что «Укшан» есть грубая форма от «Укша», бык (в санскрите «окс» имеет такое же значение как в английском языке). Он думает, что именно они, «повелители Окса», дали свое имя морю, вокруг которого они правили во многих странах – Евксин или Укш-ин. «Пали» значит пастух, а «с'тан» – земля. «Воинственные племена из Окса проникли в Египет и двинулись вперед на Палестину (ПАЛИ-СТАН), на землю пали или пастухов и создали там более долговечные поселения» *(«Индия в Греции»).* Но даже если и так, то это еще более подтверждает наше мнение, что евреи представляют гибридное племя, ибо Библия указывает на легкость, с какою они вступили в матримониальные связи не только с ханаанетянами, но и с любой народностью или расой, с которой они приходили в соприкосновение.

В Библии имеется не одна только значительная фигура, чья биография доказывает, что он – мифический герой. Самуил явлен как персонаж еврейского государства. Он – двойник Самсона из «Книги Судей», как будет видно, являясь сыном Анны и ЭЛЬ-КАИНА, как Самсон был сыном Мануа или Маноах. Оба – как они теперь представлены в «Откровении» – выдуманные герои; один был еврейский Геркулес, а другой – Ганеша. Самуилу приписывают учреждение республики, упразднение поклонения ханаанетян Ваалу и Астарте, или Адонису и Венере, и установление культа Иеговы. Затем народ потребовал царя, и он помазал Саула, а после него – Давида из Вифлеема.

Давид – это израильский король Артур. Он совершал великие подвиги и установил правление по всей Сирии и Идумее. Его владения простирались от Армении и Ассирии на севере и северо-востоке; Сирийской пустыни и Персидского залива на востоке; Аравии на юге и Египта и Леванта на западе. Только Финикия была исключением.

Его дружба с Хирамом, кажется, указывает, что он совершил свою первую экспедицию из этой страны в Иудею; его долгое пребывание в Хеброне, городе кабиров *(Арба* или четыре), кажется, также дает понять, что он установил новую религию в своей стране.

После Давида пришел Соломон, могущественный и окруженный роскошью, стремившийся укрепить царство, которое Давид завоевал. Так как Давид поклонялся Иегове, то храм Иеговы (Тукт Сулейма) был построен в Иерусалиме, тогда как святилище Молоха-Геркулеса, Хемоша и Астарты были воздвигнуты на горе Оливет. Эти святилища оставались там до Иосии.

Возникли заговоры. Восстания произошли в Идумее и Дамаске, и Ахия, пророк, возглавил народное движение, закончившееся свержением дома Давида и воцарением Иеровоама. Впредь пророки главенствовали в Израиле, где преобладало поклонение тельцу; жрецы управляли слабой династией Давида, и сладострастный местный культ существовал по всей стране. После свержения дома Ахава и неудачи Иеху и его потомков в объединении всей страны под одним главою, была сделана попытка в Иуде. Исайа оборвал линию прямого наследования в лице Ахаза [*Исайя,* VII, 9] и посадил на трон принца из Вифлеема [*Михей,* V, 2, 5]. Это был Езекия. По восшествии на трон он призвал глав Израиля объединиться в союзе с ним против Ассирии [*2 Паралипоменон,* XXX, 1, 21: XXXI, 1, 5; *2 Царей,* XVIII, 7]. Кажется, что он учредил духовное училище [*Притчи,* XXV, 1] и совсем изменил культ. Даже до того, что разбил на куски медного змия, которого возвел Моисей.

Это делает повествование о Самуиле, Давиде и Соломоне мифическим. Большинство пророков, которые были грамотны, кажется, начали около этого времени писать.

Эта страна была наконец завоевана ассирийцами, которые нашли тот же народ и учреждения, что и в Финикии и в других странах.

Езекия не был наследственным сыном Ахаза, а только получившим титул. Пророк Исайя принадлежал к королевской семье, а про Езекию говорили, что он его зять. Ахаз отказался войти в союз с пророком и его партией, говоря: «Не буду *искушать* (зависеть от) Господа» [*Исайя,* VII, 12]. Пророк перед этим заявил: «Если ты не будешь верить, не будешь ты прочен», – предвещая свержение его рода. «Ты истощаешь терпение моего Бога», – ответил пророк, и предсказал рождение ребенка от одной *алма,* или женщины храма, и прежде чем тот достигнет возмужания [*Евреям,* V, 14; *Исайя,* VII, 16; VIII, 4], царь ассирийский победит Сирию и Израиль. Это то пророчество, которое Ириней так силился увязать с Марией и Иисусом, и которое послужило причиной, по которой мать назаретского пророка представлена принадлежащей храму и с детских лет посвященной Богу.

Во второй песне Исайя прославлял нового главу, занявшего трон Давида [IX, 6, 7; XI, 1], который должен возвратить домой евреев, уведенных конфедерацией в плен [*Исайя,* VIII, 2-12; *Иоиль,* III, 1-7; *Авдий,* 7, 11, 14]. Михей – его современник – возвещал то же событие [IV, 7-13; V, 1-7]. Спаситель должен был появиться из Вифлеема; другими словами, – из дома Давида; и должен был сопротивляться Ассирии, которой Ахаз присягнул на верность, и должен был также совершить реформу религии [*2 Царей,* XVIII, 4-8]. Езекия это сделал. Он был внук Захарии, провидца [*2 Паралипоменон,* XXIX, 1; XXVI, 5], советника Узии; и как только он взошел на трон, он восстановил религию Давида и уничтожил последние остатки религии Моисея, т. е. *эзотерическую* доктрину, объявив – «отцы наши поступали беззаконно» [*2 Паралипоменон,* XXIX, 6-9]. Затем он совершил попытку воссоединения с северной монархией, так как в Израиле было междуцарствие [*2 Паралипоменон,* XXX, 1, 2, 6; XXXI, 1, 6, 7]. Попытка была успешна, но имела результатом вторжение ассирийского царя. Но это был новый режим; и все это показывает течение двух параллельных потоков в религиозном культе израильтян; один принадлежал государственной религии и был принят ввиду политической необходимости; другой представлял собою чистое идолопоклонство, являющееся результатом незнания

истинной эзотерической доктрины, проповедуемой Моисеем. Первый раз с тех пор, как Соломон их построил, «высокие места были убраны».

Именно Езекия был тем ожидаемым Мессией экзотерической государственной религии. Он был тем побегом от ствола Иессеева, который должен был вызволить евреев из прискорбного пленения, о котором еврейские историки, кажется, очень молчали, тщательно избегая любого упоминания этого особенного факта, но который вспыльчивые пророки необдуманно раскрывают. Если Езекия и сокрушил экзотерическое поклонение Ваалу, то он также насильно оторвал народ Израильский от религии их отцов и тайных ритуалов, учрежденных Моисеем.

Дарий Гистасп был первым, кто основал персидскую колонию в Иудее, и, возможно, Зоро-бабель был вождем.

> «Имя *Зоро-бабель* означает «семя или сын Вавилона», так же как Зоро-астер, **צרו־אשתר**, есть семя, сын или принц Иштар» [**45**].

Новые колонисты, несомненно, были *иудеи.* Это название с Востока. Даже Сиам называют Иудия, и в Индии была некая Айодия. Храмы *Солом,* или Мира, были многочисленны. По всей Персии и Афганистану имена Саул и Давид весьма обычны. «Закон» приписывается по очереди Езекии, Ездре, Симону Справедливому, и периоду Асмонеян. Нет ничего определенного; везде противоречия. Когда начался Асмонеанский период, главных держателей Закона называли ассидеянами или хасидим (халдеями), а впоследствии фарисеями или фарсами (парсами). Это указывает на то, что в Иудее были основаны персидские колонии, и они правили страною, тогда как народы, упоминаемые в Книгах *Бытия* и *Иисуса Навина,* жили там в виде третьего сословия (см. [*Ездра,* IX, 1]).

В Ветхом Завете нет подлинной истории, и та небольшая историческая информация, которую там можно собрать, – находима только в неосмотрительных откровениях пророков. Эта книга, в целом, должно быть писалась в различные времена или, скорее, выдумывалась в качестве авторитетного обоснования какого-либо более позднего культа, происхождение которого может быть легко прослежено частично до орфических мистерий, и частично до древнеегипетских ритуалов, с которыми Моисей был знаком с детства.

С прошлого века церковь была вынуждена постепенно оставлять захваченную библейскую территорию тем, кому она принадлежит по праву. Уступая пядь за пядью, и один персонаж за другим оказывался мифическим и языческим. Но теперь, после недавнего открытия Георга Смита, весьма оплакиваемого ассириолога, разрушена одна из надежнейших подпорок Библии. Доказано, что Саргон и его таблички старше Моисея. Как повествование «Исхода», так и рождение и жизнь законодателя были «заимствованы» у ассирийцев, подобно как «золотые и серебряные драгоценности» – у египтян.

На стр. 224 «Ассирийских открытий» Георг Смит говорит:

> «В дворце Сеннахериба, в Куюнджике, я нашел другой любопытный отрывок истории Саргона, переведенный мною и опубликованный в «Трудах библейского археологического общества», т. I, ч. I, с. 46. В тексте говорится, что Саргон, один ранний вавилонский монарх, родился от родителей-царей, но был спрятан своею матерью, которая унесла его на Евфрат и поместила в ковчеге из камышей, изнутри покрытом горной смолой, вроде того, в котором мать Моисея спрятала свое дитя (см. [*Исход,* II]). Саргона обнаружил человек по имени Акки, водонос, который усыновил его, и впоследствии он стал царем Вавилонии. Столицею Саргона был большой город Агади – называвшийся семитами Аккад и упомянутый в «Бытии» как статна Нимрода [*Бытие,* X, 10], и там он царствовал *сорок пять* лет.[494] Аккад лежал вблизи города Сиппара,[495] на Евфрате, к северу от Вавилона. Время Саргона, которого можно назвать вавилонским Моисеем, соответствует шестнадцатому веку, и возможно еще более раннему».

---

[494] Моисей царствовал над народом Израиля в пустыне более *сорока* лет.

[495] Имя жены Моисея было Сепфора [*Исход,* II].

Г. Смит в своем «Халдейском отчете» добавляет, что Саргон I был вавилонский монарх, царствовавший в городе Аккад около 1600 г. до Р. Х. Имя Саргон означает правильный, истинный или законный царь. Эта любопытная история изложена на фрагментах табличек из Куюнджика и гласит следующее:

1. Я царь Саргон, Царь могущественный, Царь Аккада.
2. Моя мать была царского рода, отца своего я не знал, брат моего отца правил страною.
3. В городе Азупирану, лежащем на берегу Евфрата.
4. Моя мать, царевна, зачала меня; в трудах она родила меня.
5. Она положила меня в ковчег из камыша и горной смолою запечатала выход мой.
6. Она пустила меня на реку, не поглотившую меня.
7. Река понесла меня; к водоносу Акки принесла она меня.
8. Акки, водонос, в сострадании принял меня, и т. д. и т. д.

А теперь из *«Исхода»* [II]:

> «Но не могши долее скрывать его (мать Моисея), взяла корзину из тростника и осмолила ее асфальтом и смолою и, положивши в нее младенца, поставила в тростнике у берега реки».
>
> «Событие это, как предполагают, произошло около 1600 лет до Р. Х.», – говорит Георг Смит, – «немного ранее эпохи, приписываемой Моисею;[496] и так как мы знаем, что слава Саргона достигла и Египта, то вполне правдоподобно, что рассказ этот имел связь с событиями, изложенными в «Исходе», II, ибо каждое, совершенное однажды действие, стремится повториться».

«Века» индусов мало отличаются от «веков» греков, римлян и даже евреев. Мы включаем Моисеевы вычисления умышленно, с намерением доказать правильность нашей позиции. Хронология, которая отделяет Моисея от сотворения мира *только четырьмя поколениями*, кажется смешной уже только потому, что христианское духовенство навязывает это миру в буквальном значении.[497] Каббалисты знают, что эти поколения означают периоды мира. Те аллегории, которые в индусском вычислении охватывают огромное протяжение четырех веков, в книгах Моисея коварно заставлены, благодаря услужливой помощи *Мазоры*, уместиться в маленький период в две с половиною тысячи лет (2513)!

Экзотерический план Библии был составлен так, чтобы и он соответствовал четырем векам. Таким образом, они исчисляют Золотой Век от Адама до Авраама, серебряный – от Авраама до Давида; медный – от Давида до Пленения; а от пленения – железный век. Но сокровенные вычисления совсем другие и ничуть не отличаются от зодиакальных вычислений брахманов. Мы находимся в Железном Веке или калиюге, но он начался с Ноя, мифического предка нашей расы.

---

[496] Около 1040 г. еврейские доктора перенесли свои школы из Вавилонии в Испанию; труды четырех великих раввинов, которые прославились в течение последующих четырех веков, читаются по-разному и изобилуют ошибками в рукописях. *“Мазора”* еще больше их ухудшила. Многого, что тогда существовало в рукописях, больше там не найти, и их труды кишат вставками, так же как и пропусками. Самая старейшая еврейская рукопись относится к этому периоду. Таково божественное откровение, которому мы должны доверять.

[497] До двенадцатого века раввины не принимали ни одной хронологии за достоверную. Числа 40 и 1000 не являются точными, но были стиснуты, чтобы соответствовать монотеизму и религиозным необходимостям, рассчитанные на то, чтобы казаться отличающимися от вычислений язычников (*“Chron. Orth.”,* с. 338). В *“Пятикнижии”* можно найти только события, происшедшие около двух лет до времени баснословного “Исхода” и последнего года. Остальных хронологических данных нет нигде и их можно найти только путем каббалистических вычислений, имея к ним ключ в руке.

Ной или Нуах, подобно всем евгемеризованным проявлениям Непроявленного – Сваямбхува (или Сваямбху) – был андрогином. Таким образом, в некоторых случаях он

принадлежал к чисто женской триаде халдеев, известной как «Нуах, вселенская Матерь». Мы уже показали в другой главе, что каждая мужская триада имела свою женскую копию, одно в трех, как и первая. Это было пассивное дополнение активного принципа, его *отражение.* В Индии мужская троица воспроизводится в Шакти-Тримурти, женской; а в Халдее Ана, Белита и Давкина соответствовали Ану, Бэлу и Нуах. Первые три, сведенные в одну – Белиту, назывались:

> «Самодержавная богиня, царица нижней бездны, Матерь богов, царица Земли, царица плодовитости».

В качестве изначальной влажности, откуда произошло *все,* Белита есть Тамти или море, матерь *города Эрех* (великого халдейского некрополя) и поэтому – богиня подземного царства. В мире звезд и планет она известна как Истар или Асторет. Следовательно, она тождественна с Венерой и всеми другими царицами небесными, которым в жертву приносились печенье и булочки,[498] и, как знают все археологи, тождественна с *Евой,* матерью всего живущего, и с Марией.

Ковчег, в котором хранятся зародыши всех живущих тварей, необходимых для населения Земли, изображает сохраняемость жизни и превосходство духа над материей при столкновении противоположных сил в природе. В астротеософической диаграмме «западного ритуала» Ковчег соответствует пупу и помещается с левой стороны, на стороне женщины (Луны), одним из символов которой служит левый столб в Храме Соломона – Боаз. Пуповина связана (через плаценту) с вместилищем, в котором оплодотворяются эмбрионы расы [76]. Ковчег есть священный *Аргха* индусов и, таким образом, легко понять ту связь, которую он имел с Ноевым Ковчегом, когда мы знаем, что Аргха был продолговатым сосудом, употребляемым иерофантами в качестве жертвенной чаши в культе Изиды, Астарты и Венеры-Афродиты, которые были богинями зарождающих сил природы или материи – следовательно, представляющими символически Ковчег, содержащий зародыши всего живущего.

Мы признаем, что у язычников были и теперь есть – как, например, в Индии – странные символы, которые лицемеру и пуританину покажутся скандально безнравственными. Но разве древние евреи не скопировали большинство этих символов? Мы уже описали в другом месте тождественность лингама с колонной Иакова, и мы могли бы привести ряд примеров из нынешних христианских церковных обрядов, имеющих то же самое происхождение, если бы размеры книги это позволяли и если бы это не было уже полностью отмечено Инманом и другими (см. Инман, *«Древние верования, воплощенные в древних названиях»*).

Описывая религию египтян, Лидия Мария Чайлд говорит:

> «Это почтение перед сотворением жизни ввело в поклонение Озирису половые эмблемы, такие обычные в Индустане. Колоссальное изображение такого рода было преподнесено его храму в Александрии царем Птолемеем Филадельфом... Благоговение перед тайной органической жизни привело к признанию мужского и женского начал во всем, духовном или материальном... Половые эмблемы, везде бросающиеся в глаза в скульптурах их храмов,

---

[498] Гностики, прозванные коллиридианами, перенесли свое поклонение от Асторет на Марию, также Царицу Небесную. Ортодоксальные христиане преследовали их и предавали казни, как еретиков. Но если эти гностики установили свое поклонение ей путем жертвования ей печений, шкварок или тонких вафель, то это было потому, что они представляли ее рожденной от непорочной девы, так же, как такое рождение приписывается Христу. А теперь, когда признана и принята *непогрешимость папы,* ее первое проявление на практике выразилось в восстановлении Коллиридианского верования в качестве догмата веры. (См. [**491**]: Хоун, *“Евангелие от Марии, приписываемое Матфею”.)*

покажутся нечистыми в описании, но *ни один чистый и вдумчивый ум* не будет рассматривать их таковыми, видя ту простоту и торжественность, с какими подходят к этому предмету» [**372**].

Так говорит эта уважаемая женщина и прекрасный писатель, и ни один истинно чистый мужчина или женщина никогда не подумает упрекнуть ее за это. Но такое искажение древней мысли вполне естественно в таком веке ханжества и жеманства, как наш.

Воды потопа, когда они фигурируют в аллегории в качестве символического «моря», Тамти, символизируют бурный хаос, или материю, называемую «Великим Драконом». Согласно гностической и средневековой розенкрейцерской доктрине, сотворение женщины вначале задумано не было. Она есть отпрыск мужской собственной нечистой фантазии и, как говорят герметисты – «вторжение». Созданная нечистой мыслью, она возникла в *недобрый* «седьмой час», когда «сверхъестественные» действительные миры уже прошли, и «натуральные» или *иллюзорные* миры начали развиваться вдоль «нисходящего Микрокосмоса» или дуги великого цикла – выражаясь более ясно. Сперва *«Virgo»,* Небесная Дева Зодиака, она становилась *«Virgo-Scorpio».* Но, создавая себе подругу, мужчина непредумышленно наделил ее своей собственной долей Духовности; и теперь это новое существо, которое его воображение вызвало к жизни, стало его «Спасителем» из ловушек Евы-Лилит, первой Евы, которая в своем составе имела большую долю материи, чем первоначальный «духовный» мужчина.[499]

Таким образом, женщина в этой космогонии стоит в отношении «материи» или великой бездны как «Дева Моря», которая ногою раздавливает «Дракона». «Потоп» также очень часто появляется в символической фразеологии как «Великий Дракон». Для человека, знакомого с этими доктринами, будет более чем многозначительно узнать, что у католиков Дева Мария является не только признанной покровительницей христианских моряков, но также и «Девой Моря». Так и Дидона была покровительницей финикийских мореходов;[500] и вместе с Венерой и другими лунными богинями – так как Луна имела такое сильное влияние на морские отливы и приливы – являлась «Девою Моря». *Мар,* море, является корнем имени Мария. Голубой цвет, который у древних символизировал «Великую Бездну» или материальный мир, следовательно – зло, сделан посвященным нашей «Благословенной Госпоже». Это цвет *«Notre Dame de Paris».* Вследствие его связи с символическим змием этот цвет считается отвратительным у экс-назареев, учеников Иоанна Крестителя, теперь мендеян Басры.

Среди прекрасных гравюр Мориса есть одна, представляющая Кришну раздавливающим главу Змея. У него на голове митра с тремя зубцами (символизирующая троичность), а тело и хвост побежденного змея обвивают фигуру индусского бога. Эта гравюра показывает, откуда пришло вдохновение при «составлении» более позднего сказания, извлеченного якобы из пророчества.

«Я положу вражду между тобой и женщиной, и между твоим семенем и ее семенем; оно раздавит твою голову, и ты ужалишь его в *пятку».*

Египетский Орант также показан с распростертыми руками, как бы на кресте, и наступающими на «Змея»; а Гор (Логос) изображен пронзающим голову Дракона, Тифона или Апофиса. Все это дает нам ключ к библейской аллегории о Каине и Авеле. Каина считали предком хивитов, змеев, и близнецы Адама, очевидно, представляют копию

---

[499] Лилит была *первая* жена Адама *“до женитьбы* на Еве”, от которой “он ничего другого не зачал, кроме бесов”; что поражает нас как новый, если и не благочестивый, способ объяснения очень философской аллегории [**596**].

[500] Именно в ознаменование Ковчега Потопа финикийцы, эти отважные исследователи “бездны”, устанавливали на носах своих кораблей изображение богини Астарты, которая есть Элисса, Венера Эрицина Сицилии, и Дидона, чье имя есть женский род имени Давид.

сказания об Озирисе и Тифоне. Коме этой внешней формы аллегории, она, однако, воплощала в себе философскую концепцию о вечной борьбе добра и зла.

Но как странно эластичной, какой легко приспосабливаемой к чему угодно оказалась эта мистическая философия после христианской эры! Когда факты неопровержимые, неоспоримые и неотрицаемые были менее бессильны восстанавливать истину, как не в нашем веке казуистики и христианского коварства? Раз доказано, что Кришна был известен как «Пастырь Добрый» за века до первого года нашей эры, что он раздавил Змия Калинагу и был распят, – то все это – лишь пророческое предзнаменование будущего! И раз скандинавский Тор, разбивший голову Змия своей крестообразной булавой, и Аполлон, убивший Пифона, подобным же образом представлены как являющие собою поразительные сходства с героями христианских выдумок, – они становятся только первоначальными концепциями «языческих» умов, «следующих старым патриархальным пророчествам относительно Христа, содержащимся в едином всеобщем и первоначальном Откровении» [597]!

Поэтому, потоп есть «Древний Змий» или великая глубь материи; «дракон в море» [*Исаия,* XXVII, 1], которое ковчег сохранно пересекает на своем пути к горе Спасения. Но если мы знаем о ковчеге и Ное, и Библии вообще, то это лишь потому, что мифология египтян уже готовая лежала под рукой Моисея (если только Моисей когда-либо писал какую-либо Библию), и он уже был знаком со сказанием о Горе, стоящем в змееобразной лодке и поражающем Змия своим копьем; и с сокровенным значением этих притч и их действительным происхождением. Вот почему в «Левите» и в других частях его книг мы находим целые страницы с законами, тождественными *«Законам Ману».*

Животные, заключенные в ковчеге суть человеческие страсти. Они олицетворяют некоторые тяжелые испытания посвящения и мистерий, которые были учреждены среди многих народов в ознаменование этой аллегории. Ноев ковчег остановился семнадцатого числа *седьмого* месяца. Здесь мы опять встречаем это число; так же как в «чистых животных», которых он забирал в ковчег по *семи.* Говоря о водных мистериях Библоса, Лукиан рассказывает:

> «На верхушке одной из двух колонн, воздвигнутых Вакхом, человек остается *семь* дней».[501]

Он полагает, что это делалось в честь Девкалиона. Илия, молясь на вершине горы Кармил, посылает своего слугу искать облако по направлению к морю и повторяет

> «продолжай это до *семи* раз. В седьмой раз тот сказал: вот, небольшое облако поднимается от моря, величиной в ладонь человеческую».[502]

«Ной есть *воплощение* Адама так же, как Моисей есть *воплощение* Авеля и Сета», – говорит *«Каббала»,* т. е. повторение или другая версия того же самого повествования. Величайшим доказательством этого является распределение действующих лиц в Библии. Например, начиная с Каина, первого убийцы, каждый *пятый* человек по линии его потомков – убийца. Вот так они идут: Енох, Ирад, Мехиаель, Мафусаил и *пятый – Ламех,* второй убийца, и он – отец Ноя. Если начертать пятиконечную звезду Люцифера (вершиной вниз) и написать имя Каина под нижайшей точкой, а имена его потомков последовательно по другим точкам – обнаружится, что каждое пятое имя – которое окажется написанным под именем Каина – будет именем убийцы. В *«Талмуде»* эта генеалогия дана полностью, и тринадцать убийц располагаются под именем Каина. Это *не* совпадение. Шива есть Разрушитель, но он же и *Возродитель,* Каин – убийца, но он же

---

[501] Лукиан, IV, 276.

[502] [*1 Царей,* XVIII]. Все это является аллегоричным, более того, чисто магическим. Так как Илия предается заклинаниям.

создатель народов и изобретатель. Эта звезда Люцифера есть та самая, которую Иоанн видит падающей на землю в своем «Апокалипсисе».

В Фивах [*Thebes* или *Theba*, что означает арка], – ТН-АВА есть синоним Карфа или Тир, Асту или Афины, и Урбс или Рим, а также означает город, – найдена та же самая листва, какая, по описанию, была на колоннах Соломонова храма. Двуцветный лист маслины, трехдольный фиговый лист и ланцетообразный лавровый лист имели у древних как эзотерическое, так и популярное или народное значение.

Исследования египтологов дают другое подтверждение тождественности библейских аллегорий с аллегориями страны фараонов и халдеев. Династическая хронология египтян, записанная Геродотом, Мането, Эратосфеном, Диодором Сикулом и принятая нашими исследователями древности, делила египетскую историю на четыре основные эпохи: царствование богов, полубогов, героев и простых смертных. Путем объединения полубогов и героев в один класс Бунзен сводит количество периодов до трех: правление богов, полубогов или героев – сыновей богов, но родившихся от смертных матерей – и Манесом, которые были прародителями отдельных племен. Эти подразделения, как любой почувствует, полностью соответствуют библейским элохимам, сыновьям Бога, великанам и смертным Ноевым людям.

Диодор Сицилийский и Берос приводят нам имена двенадцати великих богов, которые правили двенадцатью месяцами года и двенадцатью знаками Зодиака. Эти имена, в которые включен Нуах,[503] слишком хорошо известны, чтобы их повторять. Двуликий Янус также находился во главе двенадцати богов, и в своих изображениях он показан держащим ключи от небесных владений. Все они послужили образцами для библейских патриархов, а потом оказали еще другую услугу – в особенности Янус – послужив прототипом для Св. Петра и его двенадцати апостолов: Петр также двуличен в своем отрицании, и его также изображают держащим ключи от Рая.

Это утверждение – что сказание о Ное есть только другое изложение в его сокровенном значении сказания об Адаме и его трех сыновьях – получает доказательства на каждой странице «Бытия». Адам есть прототип Ноя. Адам *падает,* потому что он вкушает от запретного плода *небесного* знания; Ной падает потому, что он вкушает от *земного* плода – сок винограда символизирует злоупотребление знанием при неуравновешенном уме. Адам лишается своей духовной оболочки; Ной – своих земных одежд; и *нагота* обоих заставляет их стыдиться. Злобность Каина повторяется в Хаме. Но потомки обоих показаны как мудрейшие расы на Земле; и по этому поводу их называют «змеями» и «сыновьями змеев», что значит *сыновья мудрости,* а не Сатаны, как некоторые священники хотели бы заставить мир понимать этот термин. Вражда была положена между «змеем» и «женщиной» только в этом смертном феноменальном «мире человека» как «рожденного от женщины». До плотского падения «змей» был *Офит,* божественная мудрость, которая не нуждалась в материи, чтобы производить людей, так как человечество было полностью духовным. Отсюда война между змеем и женщиной, или между духом и материей. Если в своем материальном аспекте «древний змий» есть материя и представляет Офиоморфоса, то в своем духовном значении он становится Офитом-Христом. В магии древних сиро-халдеев, оба объединены в зодиакальном знаке андрогинного *Virgo-Scorpio* и могут быть *разделены* или разобщены каждый раз, когда это необходимо. Таким образом, в качестве источника «добра и зла» значения *S. S.* и *Z. Z.* всегда были взаимозаменяемы; и если в некоторых случаях *S. S.* на печатях и талисманах наводят на мысль о змеином злом влиянии и означают рисунок черной магии на других, то, с другой стороны, двойные *S. S.* встречаются на чашах причащения церкви и означают присутствие Св. Духа или чистой мудрости.

---

[503] Талмудистские книги указывают, что сам Ной был *голубь* (дух), таким образом еще больше отождествляя его с халдейским Нуахом. Ваал изображается с крыльями голубя; и самаритяне поклонялись на горе Геризим изображению голубя [**498**, fol. 6, col. 1].

Мидианитяне были известны как *мудрецы* или сыновья змеев, также и ханааниты и хамиты; и такова была слава мидианитян, что мы находим Моисея, пророка, *водимого и вдохновляемого «Господом»,* унижающимся перед Хобабом, сыном Рагуиля, мидианитянином, умоляющим его остаться с народом Израиля:

> «Не оставляй нас, потому что ты знаешь, как располагаемся мы станом **в пустыне**, и будешь для нас глазом» [Числа, X, 29, 31].

Далее, когда Моисей посылает лазутчиков на поиски земли Ханаанской, они приносят, в виде доказательства мудрости (каббалистически говоря) и добротности этой земли, ветвь с *одной* гроздью *винограда,* которую они вынуждены нести вдвоем на палке. Кроме того они добавляют:

> «Там видели мы и исполинов, детей **Енаковых**, *от исполинского рода*;[504] и мы были глазах наших пред ними как саранча, такими же были мы и в глазах их» [*Числа,* XIII, 34].

Анак есть Енох, патриарх, который *не умирает* и который является первым хранителем «непроизносимого имени», согласно *«Каббале»* и ритуалу франкмасонства.

Сравнивая библейских патриархов с потомками Вайвасвата, индусского Ноя, и древними санскритскими преданиями о потопе в брахманистской «Махабхарате», мы находим их отраженными в ведийских патриархах, которые являются первоначальными образами, по которым были сформированы все остальные. Но прежде чем сравнение становится возможным, индусские мифы должны быть поняты в их истинном значении. Каждый из этих мифических персонажей обладает, кроме астрономического значения, еще и духовным или нравственным и антропологическим или физическим значением. Патриархи являются не только евгемеризованными богами, – допотопные соответствуют *двенадцати* великим богам Бероса и *десяти* Праджапати, а послепотопные – семи богам знаменитой таблички в библиотеке Ниневии, – но также и символами греческих эонов, каббалистических сефиротов, и знаков Зодиака, в качестве прообразов ряда человеческих рас.*

> [*Прим. Мы не понимаем, почему бы духовенству – в особенности католическому – возражать против нашего утверждения, что библейские патриархи все представляют собою знаки Зодиака, так же как и старых “языческих” богов. Было время, и менее двух веков тому назад, когда они сами проявили самое горячее желание снова впасть в поклонение солнцу и звездам. Эта набожная и любопытная попытка только всего несколько месяцев назад была разоблачена Камиллом Фламмарионом, французским астрономом. Он приводит двух аугсбургских иезуитов, Шиллера и Байера, которые очень стремились произвести замену имен всего сабеянского сонма звездных небес и поклоняться им под христианскими именами! После предавания анафеме в течение тысячи пятьсот лет людей за идолопоклонство Солнцу, церковь теперь серьезно вознамерилась продолжить гелиолатрию – на сей раз *буквально* – так как их идея заключалась в том, чтобы языческие мифические личности заменить библейскими и (по их мнению) реальными персонажами. Они хотели солнце назвать Христом; месяц – Девой Марией; Сатурн – Адамом; Юпитер – Моисеем (!); Марс – Иисусом Навином; Венеру – Иоанном Крестителем; Меркурий – Илией. И надо сказать, что это также очень подходящие замены, обнаруживающие большое знакомство католической церкви с древним языческим и каббалистическим учением и, может быть, ее готовность наконец-то признать источник, откуда взялись ее собственные мифы. Ибо – не является ли царь Мессия солнцем, Демиургом солнцепоклонников под различными именами? Не является ли он египетским Озирисом и греческим Аполлоном? И где же найти более подходящее имя, чем Дева Мария, для языческой Дианы-Астарты, “Царицы Небесной”, против которой пророк Иеремия опорожнил весь свой запас проклятий? Такая адаптация была бы правильна как исторически, так и религиозно. Две

---

[504] Библия сама себе противоречит, также как и халдейское повествование, ибо в главе VII “Бытия” сказано, что “все они” погибли во время потопа.

большие гравюры были приготовлены, говорит Фламмарион в недавнем номере *“La Nature”,* и на них были изображены небеса с христианскими созвездиями, вместо языческих. Апостолы, папы, святые, мученики и персонажи Старого и Нового Заветов завершили этот христианский Сабеизм. “Ученики Лойолы приложили все усилия, чтобы осуществить этот план”. Любопытно обнаружить в Индии у мусульман имя Теры, отца Авраама, Азар или Азарх, и Азур, которое также означает огонь и в то же самое время является названием индусского третьего солнечного месяца (с июня по июль), в течение которого солнце находится в созвездии Близнецов, а полный месяц – вблизи созвездия Стрельца.]

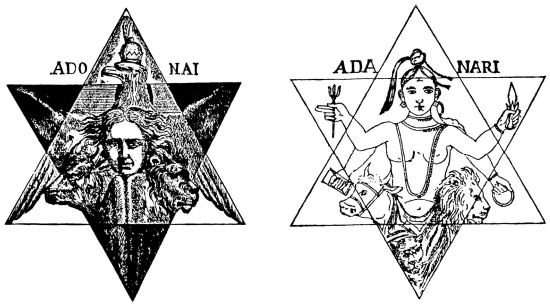
Это отклонение от *десяти* к *двенадцати* будет вскоре объяснено и доказано на авторитете самой Библии. Только – они не первые боги, описанные Цицероном [198, I, 13], которые относятся к Иерархии высших властей, элохимам, но принадлежат скорее ко второму классу из «двенадцати богов», *Dii minores,* которые являются земными отражениями первых, среди которых Геродот помещает Геркулеса [356, II, 145]. Из группы двенадцати, только один Ной, по причине его положения на переходной точке, принадлежит к высочайшей вавилонской троице, Нуах, дух вод. Остальные тождественны с низшими богами Ассирии и Вавилонии, которые представляли собой низший ранг эманаций, введенных вокруг Бэла, Демиурга, и помогали ему в его работе – так же как патриархи показаны помогающими Иегове – «Господу Богу».

Кроме этих, из которых многие были *местными* богами, покровительствующими божествами рек и городов, еще были четыре класса гениев; мы видим, как Иезекииль в своем видении заставляет их поддерживать трон Иеговы. Это факт, который, отождествляя еврейского «Господа Бога» с одним лицом троицы вавилонян, связывает, в то же самое время, нынешнего христианского Бога с той же самой триадой, поскольку это есть те же самые четыре херувима, если читатель помнит, на которых Ириней заставляет ездить Иисуса, и которые представлены как спутники евангелистов.

Происхождение книг «Иезекииля» и «Откровения» от индусской каббалистики ни в чем так явно не выявлено, как в этом описании четырех зверей, которые олицетворяют четыре элементарных царства – земли, воздуха, огня и воды. Как хорошо известно, они – ассирийские сфинксы, но эти фигуры также высечены на стенах почти каждой индусской пагоды.

Автор «Откровения» точно копирует в своем тексте (см. гл. IV, стих 17) пифагорейский пентакль, от которого прекрасный набросок Леви приведен на странице 522.

Индусская богиня Аданари (или, что было бы более правильно, Адонари, поскольку второе *а* произносится почти как английское *(о)* изображается окруженной теми же фигурами. Это в точности отвечает Иезекиилевому «Колесу Адоная», известному, как «Херувим Джехескииля», и вне всякого сомнения указывает на источник, откуда еврейский провидец черпал свои аллегории. Для удобства сравнения мы поместили эту фигуру в пентакль.



Выше этих зверей были ангелы или духи, разделенные на две группы: Игили или небесные существа, и Ам-анаки или земные духи, великаны, дети Анака, на которых лазутчики жаловались Моисею.

«Обнаженная Каббала» дает для каббалиста очень ясный, для профана – очень спутанный отчет о пермутациях или заменах одного лица другим. Так, например, она говорит, что «сцинтилла» (духовная искра или душа) Авраама была взята от Михаила, главы эонов, высочайшей эманации божества, настолько высокой, что, в сущности, в глазах гностиков Михаил отождествлялся с Христом. И все же, Михаил и Енох – одна и та же личность. Оба занимают точку скрещения креста Зодиака как «человек». Сцинтилла Исаака была от Гавриила, главы сонма ангелов, а сцинтилла Иакова была взята от Уриэля, прозванного «огнем Бога», самым зорким духом во всех Небесах. Адам не есть Кадмон, но Адам *Primus, Микропросопус.* В одном из своих аспектов последний есть Енох, земной патриарх и отец Мафусаила. Тот, который «ходил перед Богом» и «не умирал», есть духовный Енох, олицетворявший собою человечество, вечное в духе, и также вечное во плоти, хотя последняя *умирает.* Смерть – это только новое рождение, а дух бессмертен; таким образом, человечество никогда не умирает, ибо *Разрушитель* стал *Творцом,* Енох – это образ двойственного человечества, духовного и земного. Вот, почему его место в центре астрономического креста.

Но родилась ли эта идея у евреев? Мы думаем, что нет. Каждый народ, у которого имелась астрономическая система, и особенно Индия, глубоко почитал крест, так как он являлся геометрической основой религиозного символизма их аватаров, проявлений божества или Творца в своем творении – ЧЕЛОВЕКЕ; Бога в человечестве и человечества в Боге, как духов. Старейшие памятники Халдеи, Персии и Индии открывают перед нами двойной или восьмиконечный крест. Этот символ, который весьма естественно можно обнаружить, как и другие геометрические фигуры в природе, в растениях, так же как и в снежинках, – привел д-ра Ланди, в его сверххристианском мистицизме, к тому, что такие крестообразные цветы, образующие восьмиконечную звезду соединением двух крестов, он назвал «Пророческой Звездой Воплощения, которая соединила небо и землю, Бога и человека» [597, с. 3]. Последняя сентенция совершенна в своей выразительности; только старая каббалистическая аксиома – «как наверху, так и внизу» – отвечает этому еще лучше, так как она открывает нам того же самого Бога для всего человечества, а не только для горсточки христиан. Именно, *Земной* крест Небес повторяется на земле растениями и двойственным человеком: физический человек вытесняет «духовного», на точке скрещения которого стоит мифический Либра-Гермес-Енох. Жест одной рукой, указывающий на Небо, уравновешивается другою; указывающей вниз на Землю; беспредельное зарождение внизу, беспредельное перерождение вверху; видимое – только проявление невидимого; человек из праха предоставляется праху, человек из духа возрождается в духе; таким образом, именно предельное человечество и является Сыном Беспредельного Бога. Абба – Отец; Амона – Матерь; Сын – Вселенная. Эта первичная троица повторяется во всех теогониях. Адам Кадмон, Гермес, Енох, Озирис, Кришна, Ормазд или Христос – все они одно. Они стоят как *Метатроны* между телом и душой – вечные духи, спасающие плоть перерождением плоти *внизу,* и душу – перерождением *вверху,* где человечество еще раз ходит перед Богом.

Мы уже показали в другом месте, что символ креста или египетский Тау, Т, существовал на многие века раньше периода, приписываемого Аврааму, выдаваемому за праотца израильтян, так как иначе Моисей не мог бы узнать о нем от жрецов. И что Тау считался столь же священным в глазах евреев, как и других «языческих» народов, доказывается одним фактом, который теперь признают как христианское духовенство, так и неверующие археологи. Моисей в своем «Исходе» [XII, 22] приказывает своему народу пометить их дверные косяки и перемычки кровью, чтобы «Господь Бог» не ошибся и не убил кого-нибудь из избранного народа вместо обреченных египтян.[505] И этой пометкой

---

[505] Кто же, кроме авторов *Пятикнижия,* мог бы еще выдумать такого верховного бога или его ангела, настолько человекоподобного, что ему понадобилось обмазывание дверных косяков кровью, чтобы он вместо одного человека не убил другого! По своему грубому материализму это превосходит все теистические концепции, какие мы когда-либо встречали в языческой литературе.

был Тау! Идентичный египетский крест с рукояткой, с помощью половины которого Гор воскрешал мертвых, как показано на скульптуре в развалинах Фил [599, II, рис. 40, № 8, с. 54]. Как необоснована идея, что все такие кресты и символы являются бесчисленными бессознательными пророчествами о Христе, явствует из примера евреев, по обвинениям которых Иисус был предан смерти. Например, тот же самый ученый автор говорит в «Монументальном христианстве» [597], что «сами евреи признавали этот знак спасения до того, как они отвергли Христа»; и в другом месте он утверждает, что жезлом Моисея, которым он пользовался, творя чудеса перед фараоном, «без сомнения, был этот *crux ansata,* или что-либо подобное ему, *употребляемое также египетскими жрецами.*[506] Таким образом, логическим выводом будет, что 1) если евреи поклонялись тем же символам, что и язычники, то они были не лучше их; 2) если, будучи так хорошо осведомленными, как они были, о сокровенном символизме креста, и несмотря на то, что они веками ждали своего Мессию, – они все же отвергли как христианского Мессию, так и христианский Крест, то, должно быть, тут было что-то неладно в отношении обоих.

Те, кто «отвергали» Иисуса в качестве «Сына Божия», не были ни людьми, незнающими религиозных символов, ни горстью атеистических саддукеев, предавших его смерти; они были именно людьми, которые были научены сокровенной мудрости; которые знали как происхождение, так и значение этого крестообразного символа, и которые отстранили как эту христианскую эмблему, так и свисающего с нее Спасителя, так как не могли стать сторонниками такого кощунственного обмана простого народа.

Почти все пророчества о Христе приписываются патриархам и пророкам. Если некоторые из последних могли и существовать как реальные персонажи, то первые все суть мифы. Мы постараемся доказать это посредством сокровенного истолкования Зодиака и связи его знаков с этими допотопными людьми.

Если читатель помнит идеи индусов о космогонии, в таком виде как они приведены в главе VI, он лучше поймет связь между библейскими допотопными патриархами и этой загадкой комментаторов – «колесом Иезекииля». Поэтому запомним, 1) что вселенная не есть спонтанное творение, а эволюция из предсуществовавшей материи; 2) что она является только одной из бесконечного ряда вселенных; 3) что вечность делится на великие циклы, во время каждого из которых с нашим миром происходит двенадцать преображений, следующих за его частичным разрушением огнем и водою поочередно. Так что, когда начинается новый меньший период, земля оказывается настолько изменившейся, даже геологически, что она практически представляет собою новый мир; 4) что в этих двенадцати преображениях земля после каждого преображения из первых шести становится грубее, и все что на ней – включая и человека – становится более материальным, чем после предыдущего, тогда как после каждого из оставшихся шести происходит обратное – земля и человек становятся все больше и больше утонченными и духовными с каждым земным изменением; 5) что когда достигнут конец цикла, наступает постепенное растворение, и каждая живая и объективная форма разрушается. Но когда эта точка достигнута, человечество уже способно жить как субъективно, так и объективно. И не только человечество, но также и животные, растения и каждый атом. По истечении времени отдыха, говорят буддисты, когда новый мир становится самообразовавшимся, астральные души животных и всех существ, за исключением тех, кто достигли высочайшей нирваны, возвратятся снова на землю, чтобы закончить свои циклы трансформацией и стать в свою очередь людьми.

Эту изумительную концепцию древние, с целью наставления простого народа, синтезировали в единое живописное изображение – в Зодиак или небесный пояс. Вместо ныне применяемых двенадцати знаков, вначале были только десять, известных массам, а именно: Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева-Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей и

---

[506] Страницы 13 и 402.

Рыбы.[507] Это были экзотерические знаки. Но вдобавок к этим еще были введены два мистических знака, которых никто, кроме посвященных, не понимал; а именно, в середине или в точке соединения, где теперь стоят Весы, и у знака, ныне называемого Скорпионом, который следует за Девой. Когда оказалось необходимым сделать их экзотерическими, эти два тайные знака были добавлены под их нынешними названиями в качестве маскировки, чтобы скрыть истинные имена, которые давали ключ ко всей тайне творения и раскрывали происхождение «добра и зла».

Истинная сабеянская астрологическая доктрина тайно учила, что внутри этого двойного знака было сокрыто объяснение постепенной трансформации этого мира из его духовного и субъективного в «двуполое» подлунное состояние. Двенадцать знаков поэтому были разделены на две группы. Первые шесть назывались восходящими или линией Макрокосма (великий духовный мир); последние шесть назывались нисходящей линией или Микрокосмом (малый второстепенный мир), так сказать, только отражение первого. Это деление называлось колесом Иезекииля и слагалось следующим образом. Сперва шли восходящие пять знаков (евгемеризованные в патриархов), Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, и группа заканчивалась Девой-Скорпионом. Затем наступал поворотный пункт – *Весы.* После этого первая половина знака Дева-Скорпион была дублирована и перенесена, чтобы вести низшую или нисходящую группу Микрокосма, которая доходит до *Рыб* или Ноя (потопа). Поясним, знак Дева-Скорпион, который первоначально изображался как ♍, стал просто Девой, а дубликат, ♏, или Скорпион, был помещен между Весами, *седьмым* знаком (который есть Енох, или ангел Метатрон, или *Посредник* между духом и материей, или Богом и человеком). Теперь он стал Скорпионом (или Каином), каковой знак или патриарх вел *человечество к разрушению,* по экзотерической теогонии; но, согласно истинной доктрине религии мудрости, он указывал на *деградацию всей вселенной по ходу ее эволюции вниз от субъективного к объективному.*

Считают, что знак Весов является более поздним изобретением греков, но не доведено до всеобщего сведения, что те среди них, которые были посвящены, переменили только имена, раскрывая ту же самую идею, которую тайное имя раскрывало тем, «кто знал», оставляя массы такими же незнающими, как всегда. Все же это была прекрасная идея; эти Весы, или равновесие, раскрывавшие столько, сколько было возможно раскрыть без разглашения всей окончательной истины. В их намерение входило дать понять, что когда течение эволюции привело миры к самой низкой точке уплотнения, где земля и ее произведения были наиболее грубыми, и обитатели ее наиболее животно-чувственными, – тогда был достигнут поворотный пункт, силы были в равновесии. На нижайшей точке все еще сохранившаяся божественная искра духа внутри начала передавать импульс к движению наверх. Чаши весов символизировали то вечное равновесие, которое есть необходимость вселенской гармонии, точной справедливости, равновесия центростремительных и центробежных сил, тьмы и света, духа и материи.

Эти добавочные знаки Зодиака дают нам право утверждать, что «Книга Бытия», в таком виде как она дошла до нас, должна относиться к более позднему времени, нежели изобретение знака Весов греками; ибо мы находим главы о генеалогиях перестроенными, чтобы они соответствовали новому Зодиаку, вместо того, чтобы заставить последний соответствовать списку патриархов. Именно это добавление и необходимость скрыть истинный ключ заставили раввинистических составителей повторить имена Еноха и Ламеха дважды, как мы это теперь видим в каинитской таблице. Изо всех книг Библии только «Бытие» относится к очень отдаленной древности. Все другие являются более

---

[507] В “Падении империй” Волнея [**600**] на стр. 360 сказано, что поскольку Овен был в своем пятнадцатом градусе в 1447 г. до Р. Х., то из этого следует, что первый градус “Весов” не мог совпасть с весенним равноденствием позднее 15194 года до Р. Х., так что, если добавить 1790 лет со времени Христа, получится, что прошло 16984 года со времени создания Зодиака.

поздними добавлениями, самое раннее из которых появилось при Хилкии, который, очевидно, состряпал ее с помощью Хулды, пророчицы.

Так как повествование о творении мира и потопе имеют не только одно значение, мы говорим, что библейское изложение не может быть понято отдельно от вавилонского повествования о том же самом; и в то же время ни одно из них не будет полностью понято без брахманистского эзотерического истолкования потопа, как он представлен в «Махабхарате» и в *«Шатапатха-брахмане».* То были вавилоняне, кого загадочные аккадийцы обучали «тайнам», жреческому языку, и своей религии (по мнению Раулинсона, эти аккадийцы пришли из Армении), – а не первые, которые эмигрировали в Индию. Здесь доказательство становится ясным. Муверс показывает, что вавилонский Ксизутр представлял «солнце» в Зодиаке, в знаке Водолея, а *Оанн,* человек-рыба и полудемон, есть Вишну в своем первом аватаре; таким образом, дается ключ к двойному источнику библейского откровения.

Оанн – это эмблема жреческой эзотерической мудрости; он выходит из моря, потому что «великая глубь», вода, символизирует, как мы уже видели, тайную доктрину. По этой же причине египтяне обожествляли Нил, помимо того, что он считался, вследствие своих разливов, «Спасителем» страны. Они даже крокодилов считали священными, так как те обитали в «глуби». Так называемые «хамиты» всегда предпочитали селиться по близости рек и океанов. Вода, согласно некоторым старым космогониям, была первым сотворенным элементом. В халдейских записях имя Оанна окружено большим почитанием. Халдейские жрецы носили головной убор, напоминающий голову рыбы, и верхнее одеяние, представляющее тело рыбы.[508]

> «Фалес», – говорит Цицерон, – «уверяет, что *вода* является началом всего, а Богом является тот Ум, который образовался и сотворил все сущее из воды» [**198**, I, 10].
>
> «В Начале, в себе ДУХ укрепляет Небеса и Землю,
> Просторы вод, и яркий диск Луны, затем –
> Громады звезд; и душу через край излив,
> В движенье все приводит, растворившись в МАТЕРИИ ВЕЛИКОЙ» [**168**, VI, 724].

Таким образом, вода представляет двойственность и Макрокосмоса и Микрокосмоса, в сочетании с оживляющим ДУХОМ, и эволюцию малого мира из вселенского космоса. Поэтому потоп в этом значении указывает на конечную борьбу между столкнувшимися элементами, которая привела первый великий цикл нашей планеты к завершению. Эти периоды постепенно сливались один с другим; порядок возникал из хаоса или беспорядка, и последовательные типы организмов эволюционировали только постольку, поскольку физические условия природы были подготовлены для их появления; ибо наша нынешняя раса не смогла бы дышать на земле в течение того промежуточного периода, все еще не имея аллегорического одеяния их кожи.[509]

В главах IV и V «Книги Бытия» мы находим так называемые поколения Каина и Сифа. Давайте взглянем на них в том порядке, как они стоят:

---

[508] См. гравюры в книге Инмана “Древние верования” [**447**].

[509] Термин “одеяния из кожи” становится тем более многозначительным, когда мы узнаем, что еврейское слово “кожа”, употребленное в оригинале, означает *человеческую* кожу. Текст гласит: “И *Джава-алейм* сделал для Адама и его жены כתכנת עור, *Хитонус ур*”. Первое еврейское слово есть то же самое, что греческое χιτον – хитон – одеяние. Пархерст определяет его как *кожа людей* или животных עור, רע и ערה, УР, ОР, или ОРА. То же самое слово употребляется в *“Исходе”,* XXXIV, 30, 35, когда *кожа* Моисея “сияла” (А. Уайлдер).

ЛИНИИ ПОКОЛЕНИЙ

Сифиты			Каиниты
1. Адам			1. Адам
2. Сиф			2. Каин
3. Енос			3. Енох
4. Каинан			4. Ирад
5. Махалалеил	Доброе начало	Злое начало	5. Мехуджаил
6. Иаред			6. Мафусаил
7. Енох			7. Ламех
8. Мафусал			8. Иубал
9. Ламех			9. Иабал
10. Ной			10. Тувал Каин

Вышеприведенные суть десять библейских патриархов, идентичных с индусскими Праджапати и сефиротами *«Каббалы»*. Мы говорим *десять* патриархов, а не *двадцать,* потому что линия каинитов была придумана единственно для того, 1) чтобы осуществить идею дуализма, на которой обоснована философия каждой религии; ибо эти две генеалогические таблицы представляют просто друг другу противодействующие силы или начала добра и зла; и 2) в качестве маскировки для непосвященных масс. Предположим, что мы восстановим их в их первоначальной форме путем удаления этих преднамеренно введенных маскировок. Они настолько прозрачны, что требуют только небольшой проницательности, чтобы совершить отбор, даже в том случае, если пользоваться одним только собственным суждением и не иметь возможности применить испытание тайной доктриной, как делаем мы.

Поэтому, избавившись от имен каинитов, которые являются только удвоениями сифитов, или один другого, мы избавляемся от Адама; от Еноха, который в одной генеалогии явлен как отец Ирада, а в другой – как сын Иареда; от Ламеха, сына Мафусаила, принимая во внимание, что он, Ламех, есть сын Мафусала по линии сифитов; от Ирада (Иареда),[510] Иубала и Иабала, которые вместе с Тувал Каином образуют троицу в одном, а этот один есть двойник Каина; от Мехуджаиля (который есть лишь Махалалеил при другом чтении) и Мафусаила (Мафусала). Это оставляет нам в генеалогии каинитов главы IV одного только Каина, который – первый убийца и братоубийца – поставлен в своей линии в качестве отца Еноха, наиболее добродетельного из людей, который не умирает, но заживо переходит в тот свет. Обратимся теперь к таблице сифитов, и мы обнаружим, что Енос или Енох приходится *вторым* от Адама и является отцом Каин(ан)а. Это не случайность. Очевидно, имелась причина для этой инверсии отцовства; виден явный умысел – умысел создать путаницу и завести в тупик исследование.

---

[510] Здесь опять *“Мазора”,* путем превращения одного имени в другое, помогла фальсифицировать ту малость, которая осталась в первоначальном виде в первичных священных писаниях.

Де Росси, из Пармы, говорит о мазоретах в своем “Компендиуме”, т. IV, с. 7: “Известно с какой тщательностью Ездра, наиболее совершенный критик, какого они когда-либо имели, *переделывал* [текст], *исправлял* и восстанавливал его в его первоначальном великолепии. Из многих пересмотров, предпринятых после него, ни один так не прославился, как пересмотр мазоретов, который появился после шестого века... и все наиболее ярые ценители и защитники *“Мазоры”,* христиане и евреи... чистосердечно соглашаются и признают, что он, в его нынешнем виде – *недостаточен, несовершенен, полон вставок, полон ошибок* и является *весьма ненадежным руководством”*. Прямоугольная буква была изобретена только после третьего века.

В таком случае мы скажем, что патриархи – это просто знаки Зодиака, эмблемы, в своих многогранных аспектах, духовной и физической эволюции человеческих рас, веков и разделов времени. В астрологии первые четыре из «Домов» в диаграммах «Двенадцати Домов Небес», а именно, первый, десятый, седьмой и четвертый или второй внутренний квадрат, помещенный углами кверху и книзу, называются *угловыми,* как обладающие наибольшей силой и властью. Они соответствуют Адаму, Ною, Каин-ану, и Еноху, Альфа Омега, злу и добру, возглавляющим целое. Далее, при делении (включая и два тайных имени) на четыре тригона или триады, а именно: огненную, воздушную, земную и водную, мы обнаружим, что последняя соответствует Ною.

Енох и Ламех были удвоены в таблице каинитов, чтобы дополнить требующееся число десять по обоим «поколениям» в Библии, вместо использования «Тайного Имени»; а также для того, чтобы патриархи соответствовали десяти каббалистическим сефиротам и подошли бы в то же самое время к десяти и, следовательно, *двенадцати* знакам Зодиака, но в таком виде, который был бы понятен только каббалистам.

А теперь, так как Авель исчез их этой линии потомков, то он заменен Сифом, который несомненно является позднейшим измышлением, подсказанным необходимостью показать, что человеческая раса не произошла целиком от убийцы. Так как эта дилемма, по-видимому, впервые была замечена после того, как таблица каинитов уже была завершена, то Адаму приписывается (после того, как все поколения уже появились), порождение этого сына, Сифа. Многозначительным фактом является то, что тогда как двуполый Адам пятой главы создан по подобию элохимов (см. [*Бытие,* I, 27], и [V, 1] о том же), Сиф [V, 3] порожден по «собственному подобию» Адама, что означает, что существовали люди различных рас. Также бросается в глаза, что в таблице каинитов не даны ни возраст, ни другие какие-либо подробности касательно патриархов этого ряда, тогда как дело обстоит совсем по-другому в случае ряда патриархов сифитов.

Конечно, невозможно ожидать, что в каком-то труде, доступном широким массам, будут раскрыты окончательные тайны того, что бесчисленные века хранилось, как величайший секрет святилища. Но, если не выдать ключ профанам и избежать обвинений в чрезмерном неблагоразумии, – нам может быть позволено приподнять уголок завесы, скрывающей величественные доктрины древности. Поэтому мы напишем патриархов так, как они должны стоять согласно их связи с Зодиаком, и посмотрим, как они соответствуют этим знакам. Нижеследующая диаграмма изображает колесо Иезекииля таким, каким оно представлено во многих трудах, в том числе в труде Харгрейва Дженнингса «Розенкрейцеры» [76]:

КОЛЕСО ИЕЗЕКИИЛЯ (экзотерическое)

Эти знаки суть (следите по числам):

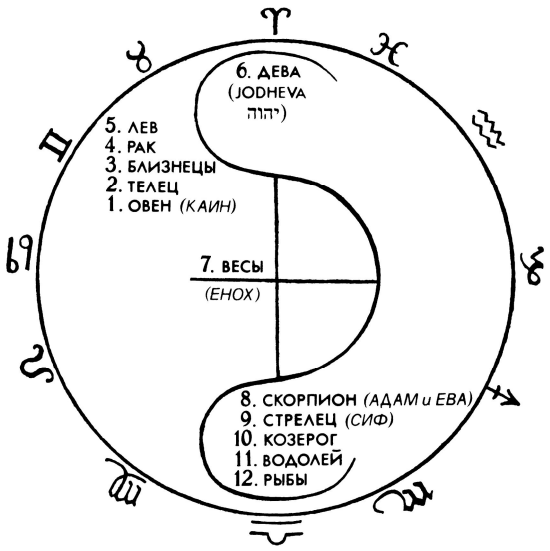
1) Овен; 2) Телец; 3) Близнецы; 4) Рак; 5) Лев; 6) Дева, или *восходящая* линия великого цикла творения. Затем 7) *Весы* – «человек», которые, хотя и находятся прямо в середине, или в точке пересечения, – ведут вниз числа: 8) Скорпион; 9) Стрелец; 10) Козерог; 11) Водолей; 12) Рыбы.

При обсуждении двойного знака Девы-Скорпиона и Весов, Харгрейв Дженнингс замечает (на стр. 65):

> «Все это непостижимо, кроме как в странном мистицизме гностиков и каббалистов; вся эта теория нуждается в объяснительном ключе, чтобы сделать ее понятной, каковой ключ эти необычные люди лишь смутно упоминают, как возможный, но категорически отказывают в нем, как неподлежащем раскрытию».

Упомянутый ключ должен быть повернут семь раз, прежде чем вся система раскроется. Мы сделаем лишь один поворот, позволяя глазу непосвященного заглянуть в тайну. Счастлив тот, кто понимает ее всю!

КОЛЕСО ИЕЗЕКИИЛЯ (эзотерическое)



Чтобы объяснить присутствие *Jodheva* (или *Yodheva*) или того, что обычно называют тетраграммой יהוה и присутствие Адама и Евы, будет достаточно напомнить читателю следующие стихи из «Бытия» с указанием в скобках их правильного значения.

> 1. «И сотворил Бог [элохимы] человека по образу Своему [их]... мужчину и женщину сотворил их [его]» – [I, 27].
>
> 2. «... мужчину и женщину сотворил их [его]... и нарек *им* [ему] имя: человек [АДАМ]» – [V, 2].

Когда Треугольник взят в начале Тетраграммы, он выражает божественное Творение – *духовно,* то есть, без плотского греха; взятый со своего противоположного конца, он выражает последний и являет женское начало. Имя Евы состоит из трех букв, имя же первоначального или небесного Адама пишется одной буквой, *йод* или *йуд:* поэтому оно не должно читаться Иегова, но *Иева,* или Ева. Адам в первой главе – духовный, потому чисто андрогинный, Адам Кадмон. Когда женщина выходит из левого ребра второго Адама (из праха), чистая Дева отделена, и падая «в зарождение», или же в нисходящий цикл, становится Скорпионом,[511] символом греха и материи. Тогда как

[511] Скорпион является астрологическим знаком органов воспроизводства.

восходящий цикл указывает на чисто духовные Расы, или же на десять допотопных патриархов (праджапати и сефиротов),[512] руководимых самим творящим божеством, которое есть Адам Кадмон или, духовно, *Yodcheva* (Йудхева), низший (*Jehovah*, Иегова) есть цикл земных рас, возглавляемых Енохом или Весами, *седьмым;* который, в силу того, что он был полубожественным-полуземным, как сказано, был взят Богом на небо живым. Енох или Гермес, или Весы едины. Все они – весы вселенской гармонии; справедливость и равновесие помещены в центральной точке Зодиака. Великий круг небес, про который так много говорит Платон в «Тимее», символизирует непознаваемое как единство; а меньшие круги, которые образуют крест своим разделением круга Зодиака на плоскости, символизируют в точке своего пересечения жизнь. Центростремительные и центробежные силы, как символы Добра и Зла, Духа и Материи, Жизни и Смерти, также являются символами Творца и Разрушителя – Адама и Евы, или Бога и Дьявола, как говорят в просторечии. Как в субъективном, так и в объективном мирах, они являются теми двумя силами, которые своим вечным противоборством поддерживают вселенную духа и материи в гармонии. Они заставляют планеты следовать по своим путям и держат их в их эллиптических орбитах, прочерчивая таким образом астрономический крест в их вращении через Зодиак. В их противоборстве, если бы взяла верх центростремительная сила, она загнала бы планеты и все живущее в солнце, образ невидимого Духовного Солнца, Параатму или великую вселенскую Душу, их родитель; тогда как центробежная сила угнала бы планеты и души в мрачное пространство далеко от этого светила объективной вселенной, прочь от духовной области спасения и вечной жизни в хаос окончательного космического разрушения и индивидуального уничтожения. Но *равновесие* всегда здесь, всегда чувствительное в точке пересечения. Оно регулирует действия этих двух бойцов, и их соединенное усилие заставляет планеты и «живые души» следовать по двойной диагональной линии в их вращении через Зодиак и Жизнь; и, таким образом, сохраняя строгую гармонию в видимых и в невидимых небесах и земле, вынужденное единение этих двух примиряет дух и материю, и Енох, как сказано, стоит как «Метатрон» перед Богом. Считая от него вниз до Ноя и его трех сыновей, каждый из них представляет один новый «мир», т. е. наша Земля, которая является *седьмой*[513] после каждого периода геологического преображения дает рождение другой, отличающейся расе людей и существ.

Каин ведет восходящую линию или Макрокосм, ибо он есть сын «Господа», а не Адама [*Бытие,* IV, 1]. «Господь» – это Адам Кадмон; Каин – сын греховной мысли, но не порождения плоти и крови; Сиф, с другой стороны, есть глава и породитель рас Земли, ибо он есть сын Адама и порожден им «по подобию своему и образу своему» [*Бытие,* V, 3]. Каин есть ассирийский Кену и означает старший, тогда как еврейское слово קין значит кузнец, ремесленник.

---

[512] Все эти патриархи взаимообратимы в их числах, также и взаимозаменяемы. В соответствии с тем, к чему они относятся, они становятся десятью, пятью, семью, двенадцатью и даже четырнадцатью. Вся эта система настолько сложна, что совершенно невозможно в таком труде как этот дать нечто большее, как только намеки на некоторые проблемы.

[513] См. т. I настоящего труда, с. 104. Только индусские вычисления по Зодиаку могут дать ключ к еврейским хронологиям и возрастам патриархов. Если мы не забудем, что согласно этим астрономическим и хронологическим вычислениям из четырнадцати манвантар (или божественных веков), – из которых каждая, включая в себя *двенадцать* тысяч дэва лет, умноженных на 71, образует *один период* творения, – ныне еще и *семь* полностью не истекли, – то еврейские вычисления станут яснее. Чтобы помочь по мере возможности тем, кто несомненно собьется с толку при этих вычислениях, мы напомним читателю, что Зодиак разделен на 360 градусов, и каждый знак на 30 градусов; что в Самаритянской Библии *возраст Еноха указан как 360 лет;* что в *"Ману"* деления времени даны так: "День и ночь состоят из тридцати *Мохорта.* В одной мохорте 30 *калас.* Месяц смертных состоит из 30 дней, но он представляет только один день питри... Один год смертных равняется одному дню дэвов".

Наша наука показывает, что наша планета прошла пять четко различимых геологических фаз, причем каждая характеризуется отличающимся напластованием – вот они в обратном порядке начиная с последнего: 1. Четвертичный период, во время которого, несомненно, появился человек; 2. Третичный период, во время которого он *мог* появиться; 3. Вторичный период, период гигантских завров, мегалозавров, ихтиозавров и плезиозавров – *никаких остатков человека;* 4. Палеозойский период, период гигантских ракообразных; 5 (или первый). Азойский период, во время которого, как утверждает наука, органическая жизнь еще не появилась.

А разве нет такой возможности, что был период, и несколько периодов, когда человек *существовал,* и все же не был органическим существом, и поэтому не оставил никаких остатков от себя для точной науки? *Дух* не оставляет за собой ни скелетов, ни окаменелостей, и уже мало на земле людей, которые сомневаются, что человек может жить как объективно, так и субъективно. Во всяком случае теология брахманов, идущая из седой древности и разделяющая периоды формирования земли на четыре века, и отделяющая их один от другого промежутком в 1.728.000 лет, – намного более согласуется с официальной наукой и современными открытиями, нежели абсурдные хронологические понятия, провозглашенные Соборами Никеи и Трента.

Имена патриархов не были еврейскими, хотя их могли евреизировать позднее; они, очевидно, ассирийского или арийского происхождения. Так, например, *Адам* фигурирует в истолкованной *«Каббале»* как термин для замены, и приложим почти к каждому другому патриарху, как каждый сефирот к каждой сефире, и наоборот. Адам, Каин и Авель образуют первую триаду из двенадцати. В древе сефиротов они соответствуют Венцу, Мудрости и Разуму; в астрологии – трем треугольникам: огненному, земному и воздушному; каковой факт, если бы мы могли уделить ему больше места для объяснения, доказал бы, может быть, что астрология заслуживает названия науки так же, как другие. Адам (Кадмон) или Овен тождественен с египетским овеноголовым богом Амуном, изготовляющим человека на гончарном круге. Поэтому его двойник – или Адам из праха – также является Овеном, Амоном, когда возглавляет свои поколения, ибо он также создает смертных по «своему подобию». В астрологии планета Юпитер связана с «первым домом» (Овном). Цвет Юпитера, как видно по «стадиям семи «сфер» на башне Борсиппы или Бирс-Нимруда, – был *красный;*[514] и по-еврейски Адам означает אדם, «красный», также и «человек». Индусский бог Агни, руководящий знаком Рыб, следующим за Овеном в их соотношении с двенадцатью месяцами (февраль и март)[515] расписывается в темнокрасный цвет, с *двумя* лицами (мужским и женским), с *тремя* ногами и с *семью* руками – все вместе составляет число двенадцать. Так же и Ной (Рыбы), который появляется в поколениях как двенадцатый патриарх, считая Каина и Авеля, есть Адам опять под другим именем, ибо он предок новой расы человечества; вместе со своими «тремя сыновьями», одним плохим, одним хорошим и одним обладающим свойствами того и другого, он является земным отражением надземного Адама и его трех сыновей. Агни изображается верхом на баране с тиарой, над которой возвышается крест [595, с. 295-302].

Каин, руководящий Тельцом (Бык) Зодиака, тоже очень многозначителен. Телец принадлежит к земному треугольнику, и в связи с этим знаком неплохо будет напомнить читателю об одной аллегории из персидской «Авесты». Там повествуется, что Ормазд создал существо – источник и образ всех существ вселенной – названное ЖИЗНЬЮ, или Быком в *«Зенд».* Ариман (Каин) убивает это существо (Авеля), из семени которого (Сиф)

---

[514] См. Раулинсон, “Диаграммы”.

[515] В Зодиаке брахманов знаки подчинены или посвящены каждый одному из двенадцати великих богов. Так: 1. Меха (Овен) посвящен Варуне; 2. Вриха (Телец) – Яме; 3. Митхуна (Близнецы) – Паване; 4. Каркатака (Рак) – Сурье; 5. Синха (Лев) – Соме; 6. Канья (Дева) – Картикее; 7. Тулха (Весы) – Кувере; 8. Врисчика (Скорпион) – Каме; 9. Дханус (Стрелец) – Ганеше; 10. Макара (Козерог) – Пулхару; 11. Кумбха (Водолей) – Индре; и 12. Минас (Рыбы) – Агни.

происходят новые существа. Авель по-ассирийски означает *сын,* но в еврейском языке אבל означает нечто эфемерное, недолговечное, *бесценное,* и также «языческий идол»,[516] как Каин означает *гермаическая статуя* (колонна, символ порождения). Таким же образом Авель есть женский двойник Каина (мужского), ибо они близнецы и, вероятно, андрогины; последний соответствует Мудрости, первый – Разуму.

То же самое со всеми другими патриархами. Енос, אנוש, есть опять *Homo* – человек, или тот же самый Адам и, в придачу, также Енох; а קינן Каин-ан, тождественен с Каином. Сиф, שת, есть Тет, или Тот, или Гермес; и это, несомненно, та причина, по которой Иосиф в своей первой книге (гл. 3) описывает Сифа таким знатоком по астрологии, геометрии и другим оккультным наукам. Предвидя потоп, говорит он, он высек основные принципы своего искусства на двух колоннах из кирпича и из камня, последнюю из которых «он сам [Иосиф] видел *в Сирии в его время».* Таким образом, Сиф тождественен также с Енохом, которому каббалисты и масоны приписывают то же самое деяние; и в то же самое время – с Гермесом, или опять с Кадмоном, ибо Енох тождественен с первым: הנוך, ХЕ-НОХ означает учитель, посвятитель, или посвященный; в греческой мифологии – Инах. Мы видели роль, какая ему отведена в Зодиаке.

Махалалеил, если мы разделим это слово и напишем מחלה, *ма-хала,* означает нежный, милосердный; поэтому он сделан соответствующим четвертой сефире – *Любви* или *Милосердию,* эманировавшей из первой триады.[517] *Ирад,* ירד, или *Иаред* есть (минус гласные) в точности то же. Если взят от глагола ירך, он означает *происхождение;* если от ארד, *арад,* значение будет отросток, и таким образом это совершенно соответствует каббалистическим эманациям.

Ламех, למך, не есть еврейское слово, а греческое. Лам-ах означает Лам – отец, и У-Лом-Ах есть отец века; или отец того (Ноя), кто провозглашает новую эру или период творчества после *пралайи,* потопа; Ной есть символ нового мира, Царство (Малкут) сефиротов; следовательно, его отец, соответствующий девятому сефироту, есть Основание.[518] Кроме того, и отец и сын соответствуют Водолею и Рыбам в Зодиаке; и, таким образом, принадлежа первый к воздушному, а второй – к *водному* треугольнику, они заканчивают список библейских мифов.

Но если, как мы видим, каждый патриарх в одном значении, подобно каждому Праджапати, представляет собою новую расу допотопных человеческих существ; и если, что легко можно доказать, они являются копиями вавилонских *Сарос,* или веков, а последние являются копиями индусских десяти династий «Владык над существами»,[519] то все же, как бы мы их ни рассматривали, их место среди глубочайших аллегорий, какие когда-либо создавались умами философов.

В «Нуктамероне»[520] эволюция вселенной и ее последовательные периоды формирования, вместе с постепенным развитием человеческих рас, освещены как только можно полно в двенадцати «часах», на которые эта аллегория разделена. Каждый «час» символизирует эволюцию нового человека и в свою очередь делится на четыре четверти

---

[516] Аполлон был также *Абелий,* или Бэл.

[517] Халал – это имя Аполлона. Поэтому имя Махалал-Элиил должно бы быть осенним солнцем июля, и этот патриарх властвует над знаком Зодиака “Лев” (июль).

[518] См. описание сефиротов в главе IV.

[519] Насколько рабской была эта халдейская *копия,* видно при сопоставлении индусской хронологии с хронологией вавилонян. Согласно *Ману*, допотопные династии Праджапати царствовали 4.320.000 человеческих лет, короче говоря – один целый божественный век дэвов, или ту длительность времени, какая неизменно бывает между жизнью на Земле и растворением этой жизни, или пралайей. Халдеи, в свою очередь, дают в точности те же цифры, минус одну цифру, а именно: они делают из своих 120 саросов общую сумму в 432000 лет.

[520] Элифас Леви приводит и греческую и еврейскую ее версии, но настолько сжато и произвольно, что человеку, знающему меньше его самого, невозможно понять его.

или века. Этот труд показывает, насколько древняя философия была пропитана доктринами ранних арийцев, которые первые разделили жизнь на нашей планете на четыре века. Если бы кто-нибудь захотел проследить эту доктрину от ее источника во тьме периода преданий до Патмосского Провидца, – ему не пришлось бы блуждать среди религиозных систем всех народов. Он нашел бы, что вавилоняне учили, что в четырех различных периодах появились четыре Оанна (или солнца); что индусы утверждали свои четыре юги; что греки, римляне и другие твердо верили в золотой, серебряный, медный и железный века, причем каждая из этих эпох возвещалась появлением спасителя. Четверо Будд индусов и три пророка зороастрийцев – Ошедар-Ками, Ошедар-мах и Сосиош – предшествуемые Заратустрой, являются символами этих веков.

Библия уже в самом начале говорит, что *до того как сыны Божии увидели дочерей человеческих,* последние жили от 365 до 969 лет. Но когда «Господь Бог» увидел беззакония рода человеческого, Он решил позволить им жить самое большее 120 лет [*Бытие,* VI, 3]. Объяснить такое сильное колебание по шкале человеческой смертности можно только проследив решение «Господа Бога» до его происхождения. Такие нелепости, какие мы встречаем в Библии на каждом шагу, могут быть приписаны только тому факту, что «Бытие» и другие *Книги Моисея* подделывались и переделывались более чем одним автором, и что в своем первоначальном виде, за исключением внешней формы аллегорий, они были верными копиями индусских священных книг. В «Ману», книга I, мы находим следующее:

> «В первом веке ни болезни, ни страдания не были известны. Люди жили четыре столетия».

Это было в крита или сатья-юге.

> «Крита-юга – это образец справедливости. *Бык,* крепко стоящий на своих четырех ногах, является его образом; человек придерживается истины, и зло еще не направляет его действий».[521]

Но в каждом из последующих веков жизнь первобытного человека теряет одну четвертую своей длительности, т. е. в третаюге человек живет 300, в двапараюге 200, и в калиюге, или в нашем собственном веке, в целом, 100 лет – в лучшем случае. Ной, сын Ламеха – Улом-*Ах*, или отца века – есть искаженная копия Ману, сына Сваямбху; и шесть Ману или риши, исшедшие из индусского «первого человека», являются оригиналами Теры, Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа и Моисея, еврейских мудрецов, которые все, начиная с Теры, якобы были астрологами, алхимиками, вдохновенными пророками и предсказателями; или – профанируя, но проще говоря – магами.

Если мы заглянем в *«Мишну»* талмудистов, мы найдем в ней, что первая эманированная божественная пара, андрогинный Демиург Хокма (или Хахма Ахамот) и Бина строят себе дом с *семью* колоннами. Они являются архитекторами Бога – Мудростью и Разумом – и Его «циркулем и наугольником». Эти семь колонн суть будущие *семь* миров, или типичные *семь* изначальных «дней» творения.

> «Хокма приносит в жертву свои жертвы».

Ее жертвами являются бесчисленные силы природы, которые должны «умереть» (израсходоваться) *для того, чтобы они жили;* когда одна сила угасает, то только для того, чтобы породить другую силу, ее потомство. Она умирает, но живет в своих детях, и воскресает в каждом *седьмом* поколении. Слугами Хокмы или мудрости являются души Х-Адама, ибо в нем находятся все души Израиля.

---

[521] См. трактат раввина Симеона на тему первоначального Человека-Быка и рогов, “Зогар”.

В одном дне – *двенадцать* часов, говорит *«Мишна»,* и в течение этих часов завершается творение человека. Было бы это понятно, если бы мы не имели Ману, который учит нас, что этот «день» охватывает четыре века мира и длится *двенадцать* тысяч божественных лет дэвов?

> «Творцы (элохимы) очерчивают во втором «часу» образ более телесной формы человека. Они разделяют его надвое, создавая противоположный пол, чтобы части отличались одна от другой. Таков путь, по которому следовали элохимы в отношении всего сотворенного».[522] «Все рыбы, птицы, растения, животные и человек были андрогинами в первом часу».

Комментатор, великий раввин Симеон, говорит:

> «О, спутники, спутники, человек, как эманация, был одновременно мужем и женою; как со стороны ОТЦА, так и со стороны МАТЕРИ. И таков смысл тех слов, и сказали элохимы – Да будет Свет, и был Свет!.. И это и есть «двойной человек»! [**499**, с. 13, 15]

Духовная женщина была необходима как контраст для духовного мужчины. Гармония есть вселенский закон. В переводе Тэйлора диалог Платона о творении преподнесен так, что он представлен говорящим о вселенной, что

> «Он заставил ее двигаться круговым движением... Поэтому, когда тот Бог, который является непрестанно размышляющим божеством, задумался о том Боге (человеке), *которому суждено было существовать в какой-то определенный период времени,* – Он создал его тело гладким и ровным, по всем направлениям от центра равным и целым, и сделал его совершенным. Этот совершенный круг этого сотворенного Бога *Он пересек в виде буквы* X».

Курсив в обоих этих предложениях из «Тимея» принадлежит д-ру Ланди, автору уже упомянутого нами замечательного труда «Монументальное христианство»; внимание привлечено к словам греческого философа с очевидной целью придания им пророческого характера, как их использовал и Юстиниан Мученик, когда обвинил Платона, что он заимствовал свое «физиологическое рассуждение в «Тимее... о Сыне Бога, помещенном крестообразно во вселенной» от Моисея и его медного змия. Этот ученый автор, кажется, полностью придает этим словам значение непредумышленного пророчества, хотя он нам не говорит, верит ли он, что Иисус, подобно платоновскому сотворенному Богу, первоначально был сферой, «гладкой и ровной, по всем направлениям равной и целой от центра». Даже если бы Юстиниану Мученику можно было простить его искажение Платона, то д-ру Ланди следовало бы знать, что время для такого рода казуистики давно прошло. То, что философ имел в виду, был *человек,* у которого до облачения в материю не было надобности в конечностях, но который был чисто духовным существом. Следовательно: если божество, и его Вселенная, и тела небесных светил должны мыслиться как сфероидальные, то эту форму имел также архетипный человек. По мере того, как окружающая его оболочка становилась тяжелее, явилась необходимость в конечностях, и конечности стали расти. Если мы вообразим человека с руками и ногами, естественно распростертыми под тем же углом, поставленным спиною к окружности, символизирующей прежнюю форму его как духа, – мы получим ту же самую фигуру, которую описывает Платон – X крест внутри окружности.

Все легенды о творении, о грехопадении человека, и получившегося в результате потопе, принадлежат всемирной истории и являются собственностью израильтян не более, чем любого другого народа. Что действительно принадлежит им (исключая каббалистов), так это искаженные подробности всех традиций. *Книга Бытия* Еноха намного старше

---

[522] *“Нуктамерон древних евреев”;* см. Элифас Леви, т. II [**157**].

Книг Моисея,[523] и Гийом Постел преподнес ее миру, объясняя аллегории постольку, поскольку он осмелился; но основа до сих пор не разоблачена. Для евреев «Книга Еноха» настолько же канонична, как *Книги Моисея;* и если христиане приняли последние в качестве авторитета, то мы не понимаем, почему им отвергать первую как апокриф. Древность ни той, ни другой не может быть определена ни с чем похожим на уверенность. Во время отделения самаритяне признавали только *Книги Моисея* и «Книгу Иисуса Навина», говорит д-р Джост. [601, т. I, с. 51]. В 168 г. до Р. Х. Иерусалимский храм был разграблен, и все священные книги были уничтожены [602, т. II, с. 331-335]; поэтому те несколько рукописей, которые остались, могли находиться только у «учителей традиции». Каббалисты танаимы и их посвященные и пророки всегда практиковали свои учения совместно с ханаанитами, хамитами, мидианитянами, халдеями и другими народами. Повествование о Даниеле является доказательством этому.

Пока человечество помнит, существовало своего рода братство или франкмасонство среди рассеянных по всему миру каббалистов; и подобно некоторым обществам средневекового масонства Европы, они называли себя *Товарищами*[524] и *Младенцами* [603]. Среди каббалистов существует убеждение (основанное на знании), что подлинные священные книги семидесяти двух старейшин – книги, содержавшие *«Древнее Слово»* – утеряны не более, чем герметические свитки, и что с отдаленнейшей древности они хранятся в тайных общинах. Эмануил Сведенборг говорит то же самое и ссылается на свидетельство некоторых *духов,* которые уверяли его, что

> «они совершали свое поклонение согласно этому Древнему Слову». «Ищите его в Китае», – добавляет великий провидец, – «возможно, что вы найдете его в Великой Татарии!»

Другие ученики оккультных наук имели нечто большее, чем слово «духов», на чем основываться в этом отдельном случае – они видели эти книги.

Поэтому, волей-неволей, мы должны сделать выбор между двумя методами – или принять Библию экзотерически или эзотерически. Против первого мы имеем следующие факты: что после того, как первый экземпляр «Книги Божьей» был отредактирован и выпущен на свет Хилкией, этот экземпляр исчез, и Ездре пришлось составлять *новую Библию,* которую закончил Иуда Маккавей; что в то время, когда ее переписывали с рогатых букв на прямоугольные, она была искажена до неузнаваемости; что работу разрушения довершила *«Мазора»;* и что, в конечном счете, мы имеем текст, которому нет и 900 лет, полный пропусков, вставок и умышленных искажений; и что, следовательно, так как этот Мазоретский текст превратил ее неправильности в окаменелости, и ключ к «Слову Божию» утерян, то никто не имеет права навязывать так называемым «христианам» рассуждения ряда галлюцинирующих и, возможно, поддельных пророков, под тем неоправдываемым и нелепым предлогом, что автором его был «Святой Дух» в *propria personae.*

Вот почему мы отвергаем это мнимое монотеистическое Священное Писание, состряпанное как раз тогда, когда иерусалимские священнослужители обнаружили, что их политическая выгода заключается в насильственном разрыве всех связей с неевреями. Именно только в этот момент мы видим, что они преследуют каббалистов и ставят под запрет «древнюю мудрость» как язычников, так и евреев. *Действительная еврейская Библия была сокровенной книгой, неизвестной массам,* и даже самаритянское *Пятикнижие* намного древнее, чем «Септуагинта». Что касается первого, то отцы церкви о нем даже никогда не слыхали. Мы решительно предпочитаем слова Сведенборга, что

---

[523] Таково мнение эрудированных докторов Джоста и Доналдсона. “Книги Ветхого Завета, кажется, были завершены примерно за 150 лет до Р. Х. ... Евреи теперь искали другие книги, рассеянные в течение войн, и собрали их в одно собрание” (Ghillany, “Menshenopfer der Hebraër”, p. 1) – [**142**], *Appendix*.

[524] *“Каббала”,* с. 95.

«Древнее Слово» *находится где-то в Китае или Великой Татарии.* Тем более, что по крайней мере, один священник, а именно достопочтимый д-р Р. Л. Тэйфел из Лондона, объявил, что шведский провидец находился в состоянии «божественного вдохновления», когда писал свои теологические труды. Ему даже оказано преимущество над писателями Библии, ибо в то время как последним слова передавались в уши, Сведенборгу было дано понимать эти слова разумом, и поэтому он был озарен *изнутри,* а не извне.

> «Когда», – говорит достопочтимый автор, – «сознательный член Новой церкви слышит какие-либо обвинения, высказываемые против божественности и непогрешимости души и тела доктрин Нового Иерусалима, он сразу должен довериться недвусмысленному заявлению, сделанному в этих доктринах, что Господь осуществил свое второе пришествие посредством тех писаний, которые были опубликованы Эмануилом Сведенборгом, в качестве Его слуги, и что поэтому эти обвинения не являются и не могут являться правдивыми».

А если это действительно «Господь», который говорил через Сведенборга, то у нас есть надежда, что, по крайней мере, один богослов поддержит наши утверждения, что древнего «слова Божия» нет нигде, кроме языческих стран, в особенности *буддийских Татарии, Тибета и Китая!*

> «Первоначальная история Греции есть первоначальная история Индии», – восклицает Покок в своей книге «Индия в Греции».

Ввиду последовавших плодов критических исследований мы можем перефразировать это предложение и сказать: «Первоначальная история Иудеи есть искажение индийского повествования, привитого к египетскому». Многие ученые, встретившись с упрямыми фактами и не имея желания сопоставить повествования «божественного» откровения с повествованиями брахманистских книг, просто преподносят их читающей публике. Пока что они ограничиваются в своих заключениях критикой и возражениями друг другу. Так Макс Мюллер оспаривает теории Шпигеля и еще кого-то; профессор Уитни – теории этого оксфордского востоковеда, а д-р Хауг нападает на Шпигеля, тогда как Шпигель выбирает себе другую жертву; и теперь прошли дни славы даже освященных временем аккадийцев и туранцев. *Протоказдийцы, каздео-скифы, шумеры* и тому подобные, должны очистить место для других выдумок. Увы! горе аккадийцам, ибо Халеви, ассиролог, атакует аккадо-шумерский язык старого Вавилона, и Шаба, египтолог, не удовлетворившись свержением с трона туранской речи, которая оказывала такие выдающиеся услуги востоковедам в минуту растерянности, – называет почтенного отца аккадийцев – самого Франсуа Ленормана – шарлатаном. Воспользовавшись этой ученой суматохой, христианское духовенство набирается смелости в отношении своей фантастической теологии на том основании, что когда присяжные расходятся во мнениях, то это, по крайней мере, выигрыш времени для обвиняемой стороны. И таким образом не обращено внимания на жизненно важный вопрос – не лучше ли было бы для христианского мира принять христизм вместо христианства с его Библией, с его искуплением чужой вины и с его Дьяволом. Но такому важному персонажу, как последний, мы не можем посвятить меньше, чем особую главу.

ГЛАВА X
МИФ О ДЬЯВОЛЕ

“Отойди от меня, САТАНА!” (Иисус Петру).

– “Матфей”, XVI, 23.

“И столько мелет всякой чепухи,
Что голова закружится. Послушай,
Вчера не меньше девяти часов
Перечислял мне имена чертей”.[525]

– Король Генрих IV, ч. I, акт III.

“La force terrible et juste qui tue eternellement les avortons a
йтй nommйе par les Egyptiens Typhon, par les Нйbreux Samaël;
par les orientaux Satan; et par les Latins Lucifer. Le Lucifer de la
Cabale n'est pas un ange maudit et foudroyй; c'est l'ange qui
éclaire et qui rйgйnиre en tombant”.

– Йliphas Lйvi, “Dogme et Rituel de la Haute Magie”.

“Каким плохим бы ни был Дьявол, быть может зря его ругают,
Напраслину возводят ложно, и беспричинно обвиняют,
Тогда как человек, один в ответе не желая быть,
Свою вину он на него пытается свалить”.

– Дефо, 1726.

Несколько лет тому назад один выдающийся писатель и преследуемый каббалист подсказал символ веры протестантским и римско-католическим общинам, который может быть сформулирован так:

Протоевангелие

«Я верю в Дьявола, Всемогущего Отца Зла, Разрушителя всего, Смутителя Неба и Земли;
И в Антихриста, его единственного Сына, нашего Преследователя,
Который был зачат от Злого Духа и
Рожден от святотатственной, глупой Девы;
Был прославлен человечеством и царствовал над ним,
И поднялся к трону Всемогущего Бога,
Где оттеснил его в сторону и откуда он оскорбляет живых и мертвых;
Я верю в Духа Зла;
В Синагогу Сатаны;
В союз безнравственных;
В гибель тела;
И в смерть и в вечный Ад. *Аминь».*

Это вызывает отвращение? Это кажется экстравагантным, грубым, кощунственным? Так слушайте. В Нью-Йорке 9 апреля 1877 года – так сказать, в последней четверти того, что гордо называют столетием открытий и веком просвещения – были оглашены следующие скандальные идеи. Мы приводим цитату из сообщения газеты *«Сан»* на следующее утро:

«Баптистские проповедники вчера проводили собрание в церкви Маринеров, на улице Оливер. Присутствовало несколько иностранных миссионеров. Достопочтимый Джон У. Сарлз из Бруклина прочел очерк, в котором он отстаивал утверждение, что *все взрослые язычники, умирающие без познания Евангелия, обречены на вечное мучение.* Иначе, доказывал

[525] Перевод с англ. Е. Бируковой.

достопочтимый очеркист, *Евангелие* не благословение, а проклятие; люди, которые распяли Христа, воздали ему по заслугам, и все строение данной в качестве откровения религии разваливается.

Брат Стоддард, миссионер из Индии, одобрял взгляды бруклинского пастора. Индусы были великие грешники. Однажды, после его проповеди на базарной площади, один брахман встал и сказал: «По части лганья мы, индусы, побиваем весь мир, но этот человек побивает нас. Как может он сказать, что Бог любит нас? Посмотрите на ядовитых змей, тигров, львов и различных опасных животных вокруг нас. Если Бог нас любит, то почему он не убирает их прочь?»

Достопочтимый м-р Пиксли, из Гамильтона, штат Нью-Йорк, всем сердцем подписался под доктриной брата Сарлза, выраженной в его очерке, и потребовал 5000 долларов для подготовки молодых людей к служению Богу».

И такие люди – мы не хотим сказать «проповедуют» учение Иисуса так как это было бы оскорблением его памяти, но – получают *плату* за проповедование его учения! Можем ли мы удивляться, что разумные люди предпочитают уничтожение вере, обремененной такой чудовищной доктриной? Мы сомневаемся, что какой-либо порядочный брахман признался бы в пороке лживости – это искусство культивируется только в тех частях Британской Индии, где проживает большинство христиан.[526] Но мы призываем любого честного человека на этом белом свете сказать, считает ли он, что брахман был далек от истины, говоря о миссионере Стоддарде – «этот человек побивает всех нас» по части лжи. А что другое он мог сказать, если последний проповедовал им доктрину о *вечном мучении* только потому, что они прожили свою жизнь, не читав какой-то еврейской книги, о которой они никогда не слыхали, или не просили спасения у какого-то Христа, о существовании которого они никогда и не подозревали! Но баптистским священникам, если им нужны несколько тысяч долларов, приходится прибегать к ужасающим образам, чтобы подогреть сердце конгрегации.

Как правило, мы воздерживаемся от высказывания нашего собственного опыта, когда мы можем призвать приемлемых свидетелей, и поэтому, прочитав бесчеловечные замечания миссионера Стоддарда, мы попросили нашего знакомого, м-ра Уильяма Л. Д.

---

[526] Репутация брахманов и буддистов как людей высочайшей нравственности кажется настолько прочно установившейся, и притом с незапамятных времен, что мы находим полковника Генри Гула в его прекрасном издании “Книги” Марко Поло дающим следующее свидетельство: “Высочайшие добродетели, приписываемые брахманам и индийским торговцам были, возможно, частично результатом традиции... но это восхваление настолько постоянно среди средневековых путешественников, *что оно должно иметь солидное обоснование.* Фактически, не трудно было бы проследить цепь подобных свидетельств с древнейших времен до нынешних. Арриан говорит, что ни один индиец никогда не был обвинен во лжи. Сюань-цзан приписывает жителям Индии выдающуюся честность и беспристрастность. Монах Иордан (около 1330) говорит, что люди Меньшей Индии (Синдх и Западная Индия) были правдивы в речи и очень справедливы; и мы также можем сослаться на высокую оценку индусов, данную Абул Фазлом. Но *после 150-летней европейской торговли, действительно, мы находим печальное ухудшение...* И все же Паллас в прошлом веке упоминает Бамианскую колонию в Астрахани и говорит, что ее члены отличались честностью в ведении дел, в каковом отношении они были намного предпочтительней армян. А этот мудрый и прекрасный слуга общества, покойный сэр Уильям Слиман, в наше же время говорил, что он во всем мире не знает другого такого честного класса людей, как торговые классы Индии” (“Книга сэра Марко Поло, венецианца”, в переводе полковника Генри Гула [**324**, т. II, с. 354]).

Печальные примеры быстрой деморализации *диких* американских индейцев, как только им приходится жить в близком соседстве с *христианскими* чиновниками и миссионерами, – хорошо известны в наши дни.

О'Грейди[527] высказать свое подлинное мнение о миссионерах. Отец и дед этого джентльмена были британскими офицерами, и он сам родился в Индии; в течение своей долгой жизни он имел возможность узнать, какое общее мнение сложилось среди англичан об этих пропагандистах религии. Нижеследующее является его сообщением в ответ на наше письмо:

> «Вы спрашиваете каково мое мнение о христианских миссионерах в Индии. В течение всех тех лет, которые я там провел, я никогда ни с одним из них не разговаривал. Они не были в обществе и, судя по тому, что я слышал об их деяниях и также сам мог видеть – нечего этому удивляться. *Их влияние на туземцев плохое.* Их новообращенные – недостойные люди и, как правило, из низшего класса; *притом они не становятся лучше от этого обращения.* Ни одна респектабельная семья не наймет слуг-христиан. Они лгут, они воруют, они грязны – а неопрятность, определенно, не является индусским пороком; они пьют – а никакой приличный туземец какой-либо другой веры никогда не прикасается к опьяняющим напиткам; они являются отверженными собственного народа и презираемы всеми. Их новые учителя подают им плохие примеры. Разглагольствуя перед париями о том, что Бог не делает различий между людьми, они невыносимо хвастают, когда какой-либо сбившийся с пути брахман, очень часто с небезупречной репутацией, через какие-то длительные промежутки времени попадает в лапы этих лицемеров.
>
> Миссионеры получают очень маленькое жалованье – как публично засвидетельствовано в протоколах обществ, которые их посылают; но каким-то необъяснимым образом они ухитряются жить так же широко, как чиновники, получающие в десять раз больше их. Когда они возвращаются на родину восстанавливать свое здоровье, расшатанное, как они заверяют, их непосильными трудами, – что они могут позволить себе, по-видимому, довольно часто, в то время как это не по карману даже людям, считающимся богаче их, – они рассказывают ребяческие басни с трибун, выставляют напоказ идолов, якобы добытых с огромными трудностями, что совершенно абсурдно, и рассказывают о своих псевдо-лишениях, которые потрясающи, но не соответствуют действительности с начала до конца. Я сам жил в Индии несколько лет, и почти все мои кровные родственники провели и будут проводить там лучшие годы своей жизни. Мне знакомы сотни британских чиновников, и я никогда не слышал от них ни одного похвального слова о миссионерах. Туземцы любого общественного положения смотрят на них с величайшим презрением, хотя страдают от хронического раздражения вследствие их высокомерной агрессивности; и британское правительство, которое продолжает вносить вклады в пагоды, гарантированные Восточно-Индийской Компанией, и которое поддерживает стоящее вне сект образование, – не оказывает им никакой моральной поддержки. Будучи защищены от личного насилия, они воют и лают как на туземцев, так и на европейцев наподобие плохо выдержанных дворняжек. Часто будучи набираемы из худших представителей богословского фанатизма, они считаются вредоносными всеми сторонами. Их яростная, безрассудная, вульгарная и оскорбительная пропаганда вызвала великий мятеж 1857 года. Они – отвратительные обманщики.
>
> *Л. Д. О'Грейди.*
> НЬЮ-ЙОРК, 12 июня, 1877».

Поэтому новый символ веры, с которого мы начали эту главу, каким бы грубым он ни казался, воплощает в себе самую суть церковного верования, как его прививают ее миссионеры. Считается менее нечестивым, менее неверным сомневаться в личном существовании Святого Духа или в равной божественности Иисуса и Бога, чем ставить под вопрос личность Дьявола. Но заключение Кохелета почти забыто.[528] Кто когда-либо цитирует золотые слова пророка Михея[529] или заботится о толковании закона, как он был

---

[527] В данное время м-р О'Грейди является редактором *"Американ Билдер"* в Нью-Йорке и хорошо известен как автор интересных писем *"Индийские сюжеты – жизнь на Востоке",* которые он печатает под псевдонимом *Хаджи Ника Бокер Хан* в бостонском *"Коммерческом бюллетене".*

[528] [*Екклесиаст*, XII, 13]; см. метрический перевод Тэйлора Льюиса: "Таков великий вывод; бойся Бога и заповеди строго соблюдай, для блага это человека".

[529] См. [*Михей*, VI, 6-8], перевод Нойеса.

дан самим Иисусом [*Матфей*, XVII, 37-40]? «Яблоко» мишени современного христианства заключается в простой фразе – «бойся Дьявола».

Католическое духовенство и некоторые из мирских сторонников римско-католической церкви все больше борются за существование Сатаны и его бесов. Если де Мюссе с таким неослабным рвением утверждает объективную реальность спиритических феноменов, то это потому, что по его мнению, последние являются наиболее убедительным доказательством работы Дьявола. Этот шевалье более католик, чем сам Папа; его логика и выводы из никогда не существовавших и не установленных предпосылок уникальны, и еще раз доказывают, что предлагаемый нами символ веры как раз является тем, который наиболее красноречиво выражает католическую веру.

> «Если магия и спиритизм», – говорит от, – «были бы только химерами, нам пришлось бы навеки распрощаться со всеми восставшими ангелами, тревожащими сейчас мир; ведь тогда у нас *больше не было бы здесь демонов... А если мы утеряем наших демонов, мы также* УТЕРЯЕМ НАШЕГО СПАСИТЕЛЯ. Ибо – от кого нас спасать пришел тот Спаситель? И тогда – не было бы больше Искупителя, ибо от кого или от чего мог бы тот Искупитель искупать нас? Следовательно, *не было бы больше христианства*!!» [**100**, с. 12, *Предисловие*].

О, Святой Отец Зла, Святой Сатана! Мы умоляем тебя – не покидай таких благочестивых христиан как шевалье де Мюссе и некоторые баптистские духовники!!

С нашей стороны мы хотели бы напомнить мудрые слова Дж. К. Колкухуна [604], который говорит, что

> «те люди, которые в наше время принимают доктрину о Дьяволе в строго буквальном и персональном приложении, кажется, не отдают себе отчета, что они, в действительности, являются многобожниками, язычниками и идолопоклонниками».

Стремясь к превосходству во всем над древними религиями, христиане претендуют на открытие Дьявола, официально признанного церковью. Иисус был первым, кто употребил слово «легион», говоря о них, и это есть то основание, на котором де Мюссе защищает свою позицию в одном из своих демонологических трудов.

> «Позднее», – говорит он, – «когда Синагога *угасла,* передав свое наследство в руки Христа, родились на свет и *просияли* отцы церкви, которых некоторые люди, вследствие редкого и поразительного невежества, обвинили в том, что свои идеи о духах тьмы они заимствовали от теургов».

Три умышленные, осязаемые и легко опровергаемые ошибки – чтоб не сказать более крепкого слова – появляются в этих нескольких вышеприведенных строчках. Во-первых, Синагога – далеко от того, чтобы *угаснуть* – и ныне процветает почти в каждом городе Европы, Америки и Азии; и изо всех церквей в христианских городах она лучше всех обеспечена и лучше посещается. Далее – в то время как никто не станет отрицать, что много христианских отцов родилось на свет (исключая, разумеется, тех двенадцати выдуманных римских епископов, которые вообще никогда не рождались), каждый человек, кто потрудится прочесть труды платоников старой Академии, которые были теургами до Ямвлиха, – узнает в них источник христианской демонологии, так же как и ангелологии, аллегорическое значение которой было полностью искажено этими отцами. Затем, вряд ли можно согласиться, что вышеупомянутые отцы когда-либо *сияли,* за исключением, может быть, в блеске их чрезвычайного невежества. Достопочтимый д-р Шакфорд, потративший лучшую часть своей жизни на попытки примирить их противоречия и нелепости, в конечном счете был вынужден в отчаянии отказаться от всей этой затеи. Невежество последователей Платона должно, действительно, показаться редким и поразительным по сравнению с неизмеримой глубиной Августина, «гиганта

мысли и эрудиции», отвергавшего шарообразность Земли – ибо, если это так, то это не позволило бы жителям противоположного полушария увидеть Господа Христа, когда тот спускался бы с небес во время второго пришествия; или с глубиною Лактанция, который с благочестивым ужасом отвергает такую же теорию Плиния на том замечательном основании, что тогда деревьям по ту сторону Земли пришлось бы расти верхушками вниз, и людям пришлось бы ходить головами вниз; или с глубиною Козьмы Индикоплюста, чья ортодоксальная система географии забальзамирована в его «Христианской топографии»; или, наконец, с глубиною Беды, уверявшего мир, что небеса «охлаждаются ледяной водой, чтобы не загореться» [48], – это, должно быть, особая милость Провидения, чтобы предотвратить воспламенение небес от сияния их учености!

Как бы то ни было, эти сияющие отцы несомненно заимствовали свои понятия о «духах тьмы» от еврейских каббалистов и языческих теургов с тою, однако, разницей, что они исказили и превзошли по нелепости все, что когда-либо создала самая дикая фантазия индусской, греческой и римской черни. Нет ни одной концепции дэва в персидском пандемониуме даже наполовину столь несообразной, как *инкуб* де Мюссе, переделанный с Августина. Тифон, символически изображаемый как *осел* покажется философом по сравнению с дьяволом, которого нормандский крестьянин поймал в замочной скважине; и это определенно не Ахриман и не индусский Вритра, которые стали бы убегать в ярости и панике, когда к ним обратился бы местный Лютер со словами «Святой Сатана»!

Дьявол есть гений-покровитель богословского христианства. Настолько «святым и почитаемым является его имя» по современным понятиям, что считается неблаговоспитанностью его произнесение – разве только иногда с церковной кафедры. Точно так же в древние времена было незаконно произносить священные имена или пользоваться языком мистерий, за исключением священных монастырей. Мы едва ли знаем имена самофракийских богов, и не можем назвать точное число кабиров. Египтяне считали кощунством произнесение титулов богов своих тайных обрядов. Даже теперь брахман произносит слог *Ом* только в негласной мысли, и также раввин – Непроизносимое Имя, יהוה. Вот почему мы, непроявляющие подобного почитания, были заведены в заблуждение, ошибочно называя имена ХИСИРИС и ИАВА, вследствие неправильного произношения, Озирисом и Иеговой. И можно будет ощутить, что подобный ореол обаяния как бы начинает образовываться вокруг имени того темного персонажа, о котором мы здесь говорим, и наше фамильярное обращение с этим именем, весьма возможно, шокирует своеобразную чувствительность многих, которые почтут свободное упоминание имени Дьявола кощунством – грехом из грехов, который «никогда не простится».[530]

Несколько лет тому назад один знакомый автора поместил в газете статью, доказывая, что *diabolos* или Сатана Нового Завета означает олицетворение абстрактной идеи, а не личность. Ему ответил священник, который закончил свой ответ осуждающим выражением: «Боюсь, что он отрицает своего Спасителя». В своем возражении тот защищался: «О, нет! Я только отрицал Дьявола». Но священник не видел в этом разницы. Согласно его взгляду на эту проблему, отрицание личного объективного существования Дьявола само по себе уже было «прегрешением против Святого Духа».

Это необходимое Зло, удостоенное эпитета «Отца Лжи», по уверениям духовенства было основателем всех мировых религий древних времен и всех ересей или, вернее, неортодоксальностей более поздних периодов, так же как и *Deus ex Machina* современного спиритуализма. В возражениях, которые мы выдвигаем против такого мнения, мы отрицаем наличие нападения на истинную религию или искреннее благочестие. Мы только ведем полемику с человеческими догмами. Возможно, что занимаясь этим, мы напоминаем собою Дон Кихота, так как они – только ветряные мельницы. Тем не менее не

---

[530] [*Евангелие от Марка*, III, 29]: “Кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению” (αμαρτηματος, блуждание).

забудем, что они послужили предлогом к убиению более пятидесяти миллионов человеческих существ с тех пор, как были провозглашены слова: «ЛЮБИТЕ ВРАГОВ ВАШИХ» [*Матфей*, V, 44].

Теперь уже нам поздно ожидать, что христианское духовенство сведет на нет и исправит сделанное ею. Ставка их слишком высока. Если бы христианская церковь отказалась, или даже только внесла изменения в догму антропоморфического дьявола, это было бы подобно вырыванию основной карты из-под карточного домика. Вся постройка рухнула бы. Священники, которым мы намекали на это, отдавали себе отчет, что после того, как они откажутся от Сатаны, как личного дьявола, догма об Иисусе Христе, как о втором божестве их троицы, потерпит ту же самую катастрофу. Каким бы невероятным или даже ужасающим это ни показалось. Римская церковь обосновывает свою доктрину о божественности Христа целиком на сатанизме падшего архангела. У нас есть свидетельство Отца Вентуры, который провозглашает жизненную важность этой догмы для католиков.

Достопочтимый Отец Вентура, блестящий экс-генерал театинов, удостоверяет, что шевалье де Мюссе своим трактатом «Moeurs et Pratiques des Demons» [101] заслужил признание человечества, а еще больше Святейшей католической и равноапостольной церкви. С таким поручителем благородный шевалье, это будет ощутимо, «говорит как человек, обладающий авторитетом». Он ясно утверждает, что *за своего Спасителя мы всецело в долгу перед Дьяволом и его ангелами; и что если бы не они – у нас не было бы ни Искупителя, ни христианства.*

Много устремленных и серьезных душ возмущались по поводу чудовищной догмы Жана Кальвина, родича Папы из Женевы, что *грех является необходимой причиной величайшего блага.* Тем не менее, ее поддерживали посредством такой же логики, как у де Мюссе и иллюстрировали теми же самыми догмами. Предание Иисуса, богочеловека, смерти на кресте было наиболее чудовищным преступлением на свете, но все же оно было необходимо, чтобы человечество – те, кому была предопределена вечная жизнь – было спасено. Д'Обинье приводит цитату Мартина Лютера из канона и описывает его восклицающим в экстатическом восторге: *«O beata culpa, qui talem meruisti redemptorem!»* О, благословенный грех, который заслужил такого Искупителя! Теперь нам становится ясно, что та догма, которая показалась нам такой чудовищной, в конце концов одинаково является доктриной папы римского, Кальвина и Лютера – что эти три суть одно.

Магомет и его ученики, высоко чтившие Иисуса, как пророка, замечает Элифас Леви, бывало произносили, говоря о христианах, следующие замечательные слова:

> «Иисус из Назарета действительно был истинным пророком Аллаха и великим человеком; но увы! однажды его ученики сошли с ума и сделали из него бога».

Макс Мюллер любезно добавляет:

> «Это было ошибкой отцов раннего христианства – рассматривать языческих богов как демонов и злых духов, и мы должны позаботиться, чтобы не повторить той же самой ошибки в отношении индусских богов».[531]

Но нам представляют Сатану как поддержку и главную опору духовенства – наподобие Атласа, держащего на своих плечах христианские небеса и космос. Если он падет, тогда, по их мнению, все потеряно, и снова должен наступить хаос.

Эта догма о Дьяволе и искуплении, кажется, обоснована на двух отрывках из Нового Завета:

---

[531] *“Сравнительная мифология”,* апрель, 1856.

«Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола» [*1 Послание Иоанна*, III, 8]. «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона; и дракон и ангелы его воевали *против них*, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную» [*Откровение*, XII, 7].

Давайте тогда исследуем древние теогонии, чтобы удостовериться, что подразумевалось под этими замечательными выражениями.

Первый вопрос – действительно ли термин *Дьявол,* как он здесь применяется, представляет злобное божество христиан, или же он представляет антагонистическую слепую силу – темную сторону природы. Под последней мы не должны понимать проявление какого-либо злого принципа, который является *malum in se,* но только тень Света, так сказать. Теории каббалистов объясняют ее, как силу, которая антагонистична, но в то же самое время существенна для жизненности, выявления и энергичности принципа добра. Растения погибли бы в их первой стадии существования, если бы их держали выставленными под постоянным светом солнца; ночь, чередующаяся с днем, существенна для их здорового роста и развития. Доброта, подобным же образом, быстро перестала бы быть таковой, если бы не сменялась ее противоположностью. В человеческой натуре зло обозначает антагонизм материи к духовному, и каждый соответственно тем очищается. В космосе должно сохраниться равновесие, действие двух противоположностей создает гармонию, подобно центростремительной и центробежной силам, и они необходимы одна другой. Если одну из них приостановить, действие другой сейчас же станет разрушительным.

Это олицетворение, обозначенное именем *Сатана,* должно рассматриваться с трех различных точек зрения: Ветхого Завета, христианских отцов и древнего нееврейского язычества. Полагают, что он представлен в образе Змия в саду Эдема; тем не менее эпитет Сатана нигде в еврейских Священных Писаниях не применяется ни к той, ни к другой разновидности змей. Медному Змию Моисея израильтяне поклонялись, как богу,[532] так как он был символом Эсмуна-Асклепия, финикийского Иао. Действительно, характер самого Сатаны представлен в «Первой книге Летописи» в действии подстрекательства царя Давида к счислению израильского народа; но это есть поступок, в другом месте особо приписанный самому Иегове.[533] Вывод неизбежен, что эти два, Сатана и Иегова, рассматривались как идентичные.

Другое упоминание Сатаны можно найти в *«Пророчествах Захарии».* Эта книга была написана в период, последовавший за еврейской колонизацией Палестины и, следовательно, вполне можно предположить, что асидеане принесли это олицетворение туда с Востока. Хорошо известно, что эта община сектантов была глубоко пропитана маздеанскими идеями, и что они представляли Архимана или Анра-Манью под божественными именами Сирии. Сиф или Сат-ан, бог хититов и гиксосов, и Веель-Зевув бог-оракул, пост-греческий Аполлон. Пророк начал свой труд в Иудее во втором году царствования Дария Гистаспа, восстановителя маздеянского культа. Свою встречу с Сатаной он описывает так:

---

[532] [*2 Царей,* XVIII, 4]. Возможно, что огненные змии, или *серафимы,* упоминаемые в двадцать первой главе “Книги Чисел”, были то же самое, что и левиты, или племя офитов [по-английски *ophidian* означает – змеевидный, змееподобный]. Сопоставьте [*Исход,* XXXII, 26-29] с [*Числа,* XXI, 5-9]. Имена Хева, Хиви или Хивит, и Леви, – все означают змей; и любопытно то, что хивиты или змеиное племя Палестины, подобно левитам или офитам Израиля, были священнослужителями храмов. Гибеониты, которым Иисус Навин отвел обязанность служения в святилище, были хивиты.

[533] [*1 Летопись,* XXI, 1]: “И восстал Сатана на Израиля, и возбудил Давида сделать счисление Израильтян”. [*2 Самуила,* XXIV, 1]: “Гнев Господень опять возгорелся на Израилтян, и возбудил он в них Давида сказать: Пойди, исчисли Израиль и Иуду.

«Он показал мне Иисуса Навина, великого иерея, стоящего перед ангелом Господним, и Сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему. И сказал Господь Сатане: «Господь да запретит тебе, о, Сатана; даже Господь, избравший Иерусалим, да запретит тебе; не головня ли это, исторгнутая из огня?»[534]

Мы полагаем, что абзац, который мы сейчас процитировали, символичен. В Новом Завете имеются два намека на то, что это действительно так. «Соборное послание Иуды» ссылается на него на следующем своеобразном языке:

«Михаил Архангел, когда говорил с диаволом, споря о Моисеевом теле, не смел произнесть укоризненного суда (χρῖσιν ἐπεγκεῖν βλασφημίας), но сказал: «Да запретит тебе Господь».» [*Иуда,* 9].

Таким образом, архангел Михаил упоминается как тождественный с יהוה, Господом или ангелом Господа из предшествующей цитаты, и этим показано, что еврейский Иегова обладал двойным характером, секретным и проявленным в качестве ангела Господа или Михаила-архангела. Сопоставление этих двух отрывков делает ясным, что «тело Моисея», над которым они соперничали, была Палестина, которая, как «страна хеттов»,[535] была особым владением Сифа, их местного божества[536] Михаил, в качестве поборника культа Иеговы, соперничал с Дьяволом или Противником, но оставлял вынесение приговора своему главе.

Велиал не признан имеющим право ни на звание бога, ни дьявола. Термин בליעל, ВЕЛИАЛ, определен в еврейском лексиконе как означающий разрушение, расточительство, бесполезность; и фраза אשׁ-בליעל, АИС-ВЕЛИАЛ, или Велиал-человек означает расточительного, никуда негодного человека. Если Велиал должен быть персонифицирован, чтобы угодить нашим религиозным друзьям, мы были бы обязаны сделать его совершенно отличающимся от Сатаны и считать его своего рода спиритуалистическим «Диакка». Однако, демонографы, насчитывающие девять отдельных степеней демонов, делают из него главу третьего класса – группы чертенят, озорников и бездельников.

Асмодей совсем не еврейский дух, его происхождение чисто персидское. Бриэл, автор «Hercule et Cacus», доказывает, что он есть парсийский Эшем-Дэв, или Аэшма-Дэв, злой дух похотливости, который, по словам Макса Мюллера, «упоминается несколько раз в «Авесте» как один из Дэвов,[537] первоначально богов, потом ставших злыми духами».

Самаэль есть Сатана; но Брайан и многие другие авторитеты доказывают, что это есть имя «Симоуна» – ветра пустыни [606], и Симоуна называют Атабул-ос или Диаболос.

---

[534] [*Захария,* III, 1, 2]. Заметна игра слов; “противник” связан с “Сатаной”, как бы от שטן, противопоставлять.

[535] На *“Ассирийских табличках”* Палестина названа “страной хеттов”; и египетские папирусы, заявляя о том же самом, признают Сифа, “столбового бога”, их местным божеством.

[536] *Сиф, Сатех* или Сат-ан был богом туземных народов Сирии. Плутарх отождествляет его с Тифоном. Вот почему он был богом Гошен и Палестины, стран, занятых израильтянами.

[537] *“Вендидад”,* фаргард X, 23: “Я сражаюсь с дэвом Аэшма, с самим злом”. В *“Ясне”,* X, 18, говорится подобным же образом об Аэшма-дэве или Хасме: “все другие науки зависят от Аэшма коварного”. *“Serv.”,* LVI, 12: “Разбить злого Аураманья (Ахримана, силу зла), разбить Аэшму страшным оружием, разбить Мазанийских дэвов, разбить всех дэвов”.

В том же самом фаргарде *“Вендидада”* божества брахманистов подвергаются такому же поношению как Аэшма-дэва: “Я сражаюсь с Индией, я сражаюсь с Сауру, я сражаюсь с Дэвой Наонхайти”. Комментатор объясняет, что это ведийские боги, Инд, Гауреа или Шива и два Ашвина. Однако, тут, должно быть, какая-то ошибка, так как Шива во время завершения Вед был туземным или эфиопским богом, Бала или Бэлом Западной Азии. Он не был арийским или ведийским богом. Вероятно, имелось ввиду божество Сурья.

Плутарх говорит, что под Тифоном подразумевалось все яростное, буйное, беспорядочное. Разлив Нила египтяне называли Тифоном. Нижний Египет очень плоский, и любая возвышенность, воздвигнутая вдоль реки, чтобы оберечься от частых наводнений, называлась Тифонием или *Тафосом;* отсюда происхождение Тифона. Плутарх, который был суровым, ортодоксальным греком, и никогда не отличался чрезмерной лестью к египтянам, свидетельствует в своей книге «Изида и Озирис» о том факте, что египтяне не только были далеки от поклонения Дьяволу (в чем христиане их обвиняли), но больше презирали Тифона, чем страшились его. В качестве символа противодействующей, упрямой силы природы, они считали его бедным, борющимся, полумертвым божеством. Таким образом мы видим, что даже в те отдаленные времена люди уже были *слишком просвещены, чтобы поверить в личного дьявола.* Так как Тифон был изображен в одном из своих символов в виде осла на празднике жертв солнцу, то египетские жрецы увещевали верных поклонников не носить на своих телах золотых украшений из страха давать корм *ослу!* [14, XXX, XXXI]

За три с половиной века до Христа, Платон выразил свое мнение о зле, говоря, что «в материи существует слепая, упрямая сила, которая противится воле Великого Строителя». Эта слепая сила под христианским влиянием была превращена в видящую и несущую ответственность; он была превращена в Сатану!

Едва ли можно сомневаться в его тождественности с Тифоном после прочтения повествования в «Книге Иова» о его появлении вместе с сынами Божьими перед Господом. Он обвиняет Иова в готовности проклясть Господа в лицо после достаточного раздражения. Так и Тифон в египетской «Книге Мертвых» фигурирует в качестве обвинителя. Подобие простирается даже до имен, так как одно из имен Тифона было *Сет* или *Сиф,* а Сатан на еврейском языке значит противник. На арабском языке это слово есть *Шатана* – быть против, преследовать, и Манефо говорит, что он предательски умертвил Озириса и вступил в союз с семитами (израэлитами). Может быть, отсюда произошел миф, рассказанный Плутархом, что из сражения между Гором и Тифоном, Тифон, охваченный страхом по поводу беды, им наделанной, «бежал семь дней на осле и, убегая, зачал мальчиков Иеросолумоса и Иудайоса (Иерусалим и Иудея)».

Ссылаясь на одно заклинание Тифона-Сифа, профессор Рьювенс говорит, что египтяне поклонялись Тифону в образе осла, и, по его мнению, «Сиф постепенно появляется среди семитов в качестве заднего плана их религиозного сознания» [370, с. 434]. Имя этого осла на коптском языке, АО, есть фонетическое ИАО, и, следовательно, это животное становится символом, построенным на игре слов. Таким образом, Сатан является более поздним созданием – он возник из чересчур перегретой фантазии отцов церкви. По какой-то превратности судьбы, которой боги подвергаются наравне со смертными, Тифон-Сиф слетел с высокого положения обожествляемого сына Адама Кадмона в унизительное положение подчиненного духа, мифического демона – осла. Религиозные расколы столь же несвободны от болезненной мелочности и мстительных чувств человечества, как партийные ссоры мирян. Яркий пример вышесказанного мы находим в случае зороастрийской реформы, когда магианизм отделялся от старой веры брахманов. Светлые дэвы Вед в результате религиозной реформы Зороастра превратились в даэвов, или злых духов «Авесты». Даже сияющий бог Индра был далеко отброшен в темную тень[538] для того, чтобы явить в более ярком свете Ахура-Мазду, мудрое верховное божество.

Странный почет, каковой офиты оказывали змию, который представлял Христа, может стать менее непонятным, если только исследователи будут помнить, что во всех веках змий был символом божественной мудрости, которая убивает для того, чтобы снова воскресить, разрушает, чтобы построить лучшее. Моисей представлен как потомок Леви, змииного племени. Гаутама Будда происходит от змииной династии через род царей

---

[538]См. *“Вендидад”,* фаргард X.

Нагов (змиев), которые царствовали в Магадхе. Гермес, или бог Таавт (Тот), в своем змиином символе есть Тет; и, согласно легендам офитов, Иисус или Христос родился от змея (божественной мудрости, или Святого Духа), т. е. стал Сыном Божиим через свое посвящение в «науку змей». Вишну, тождественный с египетским Нефом, покоится на небесном *семиглавом* змие.

Красный или огненный дракон древних времен служил военным знаменем ассирийцев. Кир заимствовал его от них, когда Персия начала свое господство. Затем римляне и византийцы приняли его, и таким образом «великий красный дракон», послужив в качестве символа Вавилону и Ниневии, стал символом Рима.[539]

Искушение или испытание[540] Иисуса, однако, является наиболее драматическим событием, в котором появляется Сатана. Как бы для того, чтобы доказать обозначение Аполлона, Эскулапа и Вакха, *Diobolos,* или сына Зевса, его также титулуют *Diabolos,* или обвинитель. Сцена испытания происходит в пустыне. В пустыне около Иордана и Мертвого моря находились обители «сыновей пророков» и ессеев.[541] Эти аскеты обычно подвергали своих неофитов испытаниям, аналогичным мукам обрядов Митры, и искушение Иисуса, очевидно, было сценой этого рода. Вот почему в «Евангелии от Луки» сказано, что *«Diabolos*, завершив испытание, оставил его на определенное время, αχρι καιροῦ; и Иисус возвратился в силе Духа в Галилею». Но этот διαβολος, или Дьявол, в этом случае, очевидно, не есть какой-либо принцип зла, но есть некто проводящий обучение. В этом смысле термины Дьявол и Сатана применяются неоднократно.[542] Так, например, когда Павел пришел в чрезмерный восторг по поводу изобилия откровений или эпоптических раскрытий, он получил «терновый шип в плоть, ангела Сатаны», чтобы остановить его.[543]

Повествование о Сатане в «Книге Иова» подобного же рода. Он введен среди «Сынов Божиих», явившихся перед Господом, как при посвящении мистов. Пророк Михей описывает схожую сцену, где он «видел Господа сидящим на престоле Своем, и все воинство небесное стояло при Нем»; с которым Он советовался, что имело результатом вложение «лживого духа в уста пророков» Ахава [*1 Царей,* XXII, 19-23]. Господь советуется с Сатаной и дает ему *carte blanche* на испытание верности Иова. Его лишают состояния и семьи, и он поражен отвратительной болезнью. В его отчаянном положении жена его сомневается в его честности и увещевает его молиться Богу, так как он при смерти. Все его друзья осыпают его обвинениями, и наконец Господь, сам главный иерофант, обвиняет его в произнесении слов, в которых нет никакой мудрости, и в сопротивлении Всемогущему. С этим упреком Иов согласился, апеллируя при этом следующим образом: «Я у тебя спрошу и ты ответь мне, по какой причине я теперь противен сам себе и скорблю в пепле и прахе?» Он был немедленно оправдан. «Господь сказал Елифазу... вы говорили о мне не так верно, как раб мой Иов». Его честность была доказана и его предсказание подтверждено: «Я знаю, что мой Заступник жив и что он встанет на мою защиту позднее на земле; и хотя после кожи и само мое тело рассыплется в прах, все же даже тогда без плоти я увижу Бога». Предсказание было исполнено: «Я слышал тебя слухом уха, теперь же мои глаза видят тебя... И Господь прекратил пленение Иова».

Во всех этих сценах не проявляется такого злобного сатанизма, какой предполагается характерным для «врага души».

---

[539] [**123**] приложение, примечание А.

[540] Термин πειρασμος означает испытание.

[541] [*2 Самуила*, II, 5, 15; VI, 1-4] и [**56**].

[542] См. [*1 Коринфянам,* XI, 14], [*2 Коринфянам,* XI, 14]; [*1 Тимофею,* I, 20].

[543] [*2 Коринфянам",* XII]. В [*Числа,* XXII, 22] ангел Господа описан как играющий *роль* Сатаны в отношении Валаама.

Некоторые известные ученые и писатели придерживаются мнения, что Сатана «Книги Иова» является еврейским мифом, заключающим в себе маздеанскую доктрину о Злом Начале. Д-р Хауг говорит, что

> «религия Зороастра проявляет близкое родство или, скорее, тождественность с религией Моисея и с христианством в таких доктринах, как личность и атрибуты Дьявола и воскресение из мертвых» [**607**].

Войну в «Апокалипсисе» между Михаилом и Драконом можно с такой же легкостью проследить до одного из старейших арийцев. В «Авесте» мы читаем о войне между Траэтаоной и Ажи-Дахака, разрушительным змием. Бюрнуф пытается доказать, что ведийский миф об Ахи или змие, сражающемся против богов, был постепенно евгемеризован в «битву благочестивого человека с силой зла», в маздеанской религии. По этим толкованиям Сатана был бы отождествлен с Зохаком или Ажи-Дахака, который представляет собою трехглавого змия, причем одна из этих голов – человеческая.[544]

Как правило, проводится параллель между Веель-Зевувом и Сатаной. В «Апокрифическом Новом Завете» [491], кажется, его считают властелином подземного царства. Это имя обычно толкуется, как «Мушиный Ваал», что может быть обозначением скарабеев или священных жуков.[545] Правильнее было бы читать его так, как это имя всегда пишется в греческом тексте *Евангелий* – Веельзевул, или властитель домашнего хозяйства, на что, в сущности, намекается в [*Матфей,* X, 25]: «Если хозяина дома назвали Веельзевулом, не тем ли более домашних его?» Его также называли князем или архоном демонов.

Тифон фигуририрует в «Книге Мертвых» в качестве Обвинителя душ, когда они являются на суд точно так же, как Сатана выступал в роли обвинителя Иисуса Навина, первосвященника, перед ангелом, и как Дьявол приходил к Иисусу, чтобы искушать или испытывать его во время его продолжительного поста в пустыне. Он также был божеством, названным Ваал-Цефоном, или богом склепа в книге «Исход», и *Сифом,* или столпом. В течение этого периода древнее или архаическое поклонение в большей или меньшей степени находилось под запретом правительства; образно говоря, Озирис был предательски убит и изрезан на четырнадцать (дважды *семь)* кусков, и погребен своим братом Тифоном, а Изида отправилась в Библос разыскивать его тело.

В этой связи мы не должны забывать, что Саба или Сабазий Фригии и Греции был разорван титанами на *семь* кусков, и что он был, подобно Хептактису халдеев *семи-лучевым* богом. Индусский Шива изображается увенчанным семью змеями, и он является богом войны и разрушения. Еврейский Иегова Саваоф также называется Господом воинств, Себа или Саба, Вакх или Дионис Сабазий; так что легко можно доказать тождественность их всех.

---

[544] “Авеста” описывает змия Дахака происходящим из района Баури или Вавилонии. В Мидийской истории фигурируют два царя по имени Диокес или Дахака, и Астиагес или Аз-дахака. Дети Зохака занимали различные Восточные троны после Феридуна. Поэтому видно, что под Зохаком подразумевалась Ассирийская династия, чьим символом был *purpureum signum draconis* – пурпуровый знак дракона. Со времен очень отдаленной древности [*Бытие,* XIV] эта династия правила Азией, Арменией, Сирией, Аравией, Вавилонией, Мидией, Персией, Бактрией и Афганистаном. Наконец, она была свергнута Киром и Дарием Гистаспом после “1000-летнего” правления. Йима и Траэтаона, или Джемшид и Феридун, – несомненно персонификации. Зохак, вероятно, навязал персам ассирийское или магианское поклонение огню. Дарий был наместник Ахура-Мазды.

[545] В *Евангелиях* это имя пишется βεελζεβουλ, или Ваал Жилища. Вполне очевидно, что Аполлон, дельфийский бог, был первоначально не эллинским, а финикийским. Он был Паиан или врач, а также бог оракулов. Не требуется большого воображения, чтобы опознать в нем Ваал-Зевула, бога Экрона или Ахерона, несомненно измененного евреями в “Зевув”, или мухи, в насмешку.

Наконец, князья более старого строя, боги, после нападения на них гигантов, принявшие вид животных и скрывшиеся в Эфиопии, вернулись и выгнали пастухов.

Согласно Иосифу, гиксосы были предками израильтян.[546] Это, несомненно, сущая правда. Еврейские Священные Писания, утверждающие нечто иное, были написаны в более позднем периоде и подверглись нескольким переделкам, прежде чем они были обнародованы с какой-либо степенью гласности. Тифон стал ненавистным в Египте, а пастухи – «отвратительными».

> «Во время двенадцатой династии его вдруг стали считать злым демоном, при том настолько, что его изображения и имя были удалены со всех памятников и надписей, где только это было возможно».[547]

Во все века боги подвергались участи быть очеловеченными. Существуют гробницы Зевса, Аполлона, Геркулеса и Вакха, которые часто упоминаются, чтобы доказать, что первоначально они были только смертными. Шем, Хам и Иафет опознаны в божествах: ассирийском Шамасе, египетском Кхаме и титане Иапета. Сиф был богом гиксосов, Енох или Инах – богом аргивян; а Авраама, Исаака и Иуду сравнивали с Брахмой, Икшваку и Яду индусского пантеона. Тифон скатился от положения бога до положения дьявола, в своем характере брата Озириса, и как Сиф, или Сатана Азии. Аполлон, бог дня, стал, в своем более старом финикийском одеянии, больше не Ваал-Зевулом, богом-оракулом, а князем демонов и, наконец, владыкою подземного царства. Отделение маздеизма от ведизма преобразовало *дзвов,* или богов, в злые силы. Также и Индра в «Вендидаде» явлен как подчиненный Ахримана,[548] созданный им из веществ тьмы,[549] вместе с Шивой (Сурья) и двумя Ашвинами. Даже Джахи является демоном Похоти – вероятно, тождественным с Индрой.

Различные племена и народы имели своих собственных местных богов и поносили богов враждебных народов. Преображение Тифона, Сатаны и Веельзевува носит такой характер. Ведь, действительно, Тертуллиан говорит о Митре, боге мистерий, как о дьяволе.

В двенадцатой главе «Апокалипсиса» Михаил и его ангелы одолели Дракона и его ангелов: «И низвержен был Великий Дракон, Древний Змий, называемый Диаволом и Сатаною, обольщающий всю вселенную». И еще: «Они победили его кровию Агнца». Согласно мифу, Агнцу, или Христу пришлось спуститься в Ад, в мир мертвых, и оставаться там три дня, прежде чем он покорил врага.

Михаил был назван каббалистами и гностиками «Спасителем», ангелом Солнца и ангелом Света. (מיאל, вероятно, от יכה – проявлять, и אל – Бог). Он был первым из эонов и хорошо известен исследователям древности в качестве «неизвестного ангела», изображенного на гностических амулетах.

Если автор «Апокалипсиса» не был каббалистом, то он должен был быть гностиком. Михаил не был для него персонажем, впервые показанным ему в видении (эпоптейе), но был Спасителем и победителем Дракона. Археологические исследования показали, что он тождественен с Анубисом, изображение которого недавно было открыто на египетском

---

[546] [**152**, I, 25]: “У египтян было много причин ненавидеть и завидовать нам: во-первых, наши предки (гиксосы, или пастухи) когда-то овладели их страной, и когда они освободились от них, они ушли на свою собственную землю, и жили там богато”.

[547] Бунзен от имени Сиф [Сет], вместе со слогом *ан,* и от халдейского *ана*, или Небеса, образует термин *Сатан.* Каламбуристы, как теперь кажется, ухватились за него, по своей привычке, и таким образом произвели этого Сатана от глагола שטן, *Ситан,* противостоять.

[548] *“Вендидад”,* фаргард X. Имя *Vendidad* является сокращением от *Vidaeva-data,* указы против дэвов.

[549] *Bundahest,* “Ахриман создал из веществ тьмы Акумана и Андера, затем Сауру и Накита.

памятнике: он в кирасе и держит копье, как Св. Михаил и Св. Георгий. Он также изображен убивающим Дракона, у которого змеиная голова и хвост.[550]

Изучающий труды Лепсия, Шампольона и других египтологов быстро опознает Изиду в качестве «жены с ребенком», «одетую в Солнце и с Луною под ногами», которую «великий огненный Дракон» преследовал, и которой «были даны два крыла Великого Орла, чтобы она могла улететь в пустыню». Тифон был краснокожий [333].

Два Брата, представляющие Доброе и Злое Начала, появляются в мифах Библии, так же как и мифах неевреев – Каин и Авель, Тифон и Озирис, Исав и Иаков, Аполлон и Пифон и т. д. Исав или Осу описан, после рождения, как «весь красный как меховое одеяние». Он есть Тифон или Сатана, противоположение своему брату.

Со времен отдаленнейшей древности все народы относились к змию с глубочайшим почтением, как к воплощению божественной мудрости и символу духа, и мы узнаем от Санхуниафона, что именно Гермес или Тот был первым, кто рассматривал змия, как «наиболее духоподобного изо всех пресмыкающихся»; и гностический змий с семью гласными над головою есть только копия Ананты, семиглавого змия, на котором покоится бог Вишну.

Мы испытали немалое удивление, обнаружив после прочтения новейших европейских трактатов о культе змия, что их авторы признают, что публика «все еще находится в почти полном неведении о происхождении суеверия, о котором идет речь». Стейнлэнд Уэйк, цитату из которого мы приводим, говорит:

> «Изучающий мифологию знает, что некоторые идеи у народов древности связывались со змием, и что он является их излюбленным символом для определенных божеств; но почему именно это животное, а не какое-либо другое было избрано для этой цели, – это пока-что неизвестно» [**608**].

Джеймс Фергюссон, член Королевского Общества, который собрал такой обильный материал по этому древнему культу, кажется, не обладает большим прозрением истины, чем остальные [609].

Наше объяснение этого мифа может быть малоценным для изучающих символогию, но все же мы верим, что истолкование первоначального культа змия, в таком виде, как оно дано посвященными, правильно. В томе I мы приводили цитату из *Змеиной Мантры* в *«Айтарейя-брахмане»,* отрывок, где говорится о земле, как о «Сарпа Раджни», Царице Змей и «матери всего, что двигается». Эти выражения относятся к тому факту, что прежде чем наша планета стала яйцеобразной или круглой, она представляла собою длинный след из космической пыли или огненного тумана, двигающегося и извивающегося подобно змею. Это, сказано в объяснениях, был Дух Божий, двигавшийся по хаосу до тех пор, пока его дыхание не высидело космическую материю и не заставило ее принять кольцеобразную форму змея с хвостом во рту – эмблемы вечности в ее духовном, и нашего мира – в ее физическом смысле. По понятиям древнейших философов, как мы показали в предыдущей главе, земля, подобно змею, сбрасывает свою кожу и является после каждой из малых пралай обновленной, а после великой пралайи воскресает или снова выявляется из своего субъективного состояния в объективное. Подобно змею, она не только «сбрасывает свою старость», – говорит Санхуниафон, – «но увеличивается в размере и силе». Вот почему не только Серапис, а позднее и Иисус изображались в виде большого змея, но даже в нашем нынешнем веке большие змеи со священной заботой содержатся в мусульманских мечетях; например, в мечети Каира. Говорят, что в Верхнем Египте один знаменитый святой появлялся в виде большого змея, а в Индии в некоторых детских колыбелях вместе с ребенком воспитывают по паре змей, самца и самочку, и также часто держат змей в домах, так как считают, что они приносят (магнетическую

---

[550] См. Леноир, *“Du Dragon de Metz”,* в “Memoires de l'Acadйmie Celtique”, I, 11, 12.

ауру) мудрости, здоровья и удачи. Они – потомство Сарпа Раджни, земли, и наделены всеми ее свойствами.

В индусской мифологии Васаки, Великий Дракон изверг на Дургу из своего рта ядовитую жидкость, которая растекалась по земле, но ее супруг Шива заставил землю раскрыть свой рот и проглотить ее.

Таким образом, мистическая драма небесной девы, преследуемой драконом, стремящимся пожрать ее дитя, была не только изображена созвездиями неба, как об этом упоминалось, но была также представлена в секретном культе храмов. Это была мистерия бога Сол, и вырезана на одном черном изображении Изиды.[551] Божественного Мальчика преследовал жестокий Тифон.[552] В одной египетской легенде говорится о Драконе, преследующем Сизиду (Изиду), когда та силится защитить своего сына [333]. Овидий описывает Диону (супругу первоначального пелазгийского Зевса и мать Венеры) как убегающую от Тифона на Евфрат [349, II, 451], таким образом устанавливая, что этот миф принадлежит всем тем странам, где праздновались мистерии. Виргилий воспевает победу:

> «Привет, возлюбленное дитя богов, благородный сын Юпитера!
> Прими великие почести; настало время;
> Змий умрет!» [**613**, IV]

Альберт Магнус, сам будучи алхимиком и исследователем оккультных наук, так же как и епископом римско-католической церкви, в своем энтузиазме к астрологии заявил, что зодиакальный знак Небесной Девы поднимается на горизонте двадцать пятого декабря, в момент, которому церковь приписывает рождение Спасителя [614].

Этот знак и миф о матери и ребенке были известны за тысячелетия до христианской эры. Драма мистерий Деметры представляет Персефону, ее дочь, унесенной Плутоном или Гадесом в мир мертвых; и когда мать наконец находит ее там, она оказывается королевой царства Тьмы. Этот миф церковь превратила в легенду о Св. Анне,[553] разыскивающей свою дочь Марию, которая была увезена Иосифом в Египет. Персефона изображается в двумя колосьями пшеницы в руке; точно так же и Мария на старинных картинах; таковою же была Небесная Дева Созвездия. Альбумазар Аравийский указывает на тождественность этих нескольких мифов следующими словами:

«В первом декане Девы встает девица, по-арабски называемая Адереноса [Адха-нари?], то есть чистая беспорочная дева,[554] прекрасная собою, с очаровательным лицом, скромными привычками, с распущенными волосами, держащая в руках два пшеничных колоса, сидящая на разукрашенном троне, нянчащая мальчика и прямо кормящая его в месте, называемом Иудея; мальчика, я говорю, некоторыми народами называемого Иисусом, что значит Исса, кого они также называют Христом по-гречески» [615, III, 5].

В то время греческие, азиатские и египетские идеи подверглись значительному преобразованию. Мистерии Диониса-Сабезия были заменены обрядами Митры, чьи «пещеры» вытеснили святилища прежнего бога от Вавилонии до Британии. Серапис или Сри-Апа из Понта узурпировал место Озириса. Царь Восточного Индустана, Ашока, принял религию Сиддхаратхи и посылал миссионеров в Грецию, Азию, Сирию и Египет

---

[551] [**52**], [**610**, III, 51].

[552] [**611**, I, II]; [**612**, 266].

[553] Анна – это восточное обозначение, от халдейского *ана*, или небеса, откуда Анаитис и Анаитрес. Дургу, супругу Шивы, также называют Анна пурна, и это несомненно послужило прообразом Св. Анны. Мать пророка Самуила также называлась Анна; отец его противоположения – Самсона – был *Ману*.

[554] Девами в древние времена назывались, как вы увидите, не девушки, а просто *альма,* или женщины, достигшие брачного возраста.

провозглашать евангелие мудрости. Ессеи Иудеи и Аравии, терапевты[555] Египта, пифагорейцы[556] Греции и *Magna Graecia* были, очевидно, приверженцами новой веры. Легенды о Гаутаме вытеснили мифы о Горе, Анубисе, Адонисе, Атисе и Вакхе. Те снова были вплетены в мистерии и в *Евангелия*, и им мы обязаны той литературой, которая известна как литература евангелистов и «Апокрифический Новый Завет». Они хранились эбионитами, назареями и другими сектами, как священные книги, которые они могли «показывать только мудрым», и так они просуществовали до тех пор, пока растущее влияние римской церковной власти не стало способным вырвать их у тех, кто их хранил.

В то время, когда верховный жрец Хилкия якобы нашел «Книгу Закона», индусские *«Пураны»* (священные писания) уже были известны ассирийцам. Последние в течение многих веков властвовали от Геллеспонта до Инда и, вероятно, вытеснили арийцев из Бактрии в Пенджаб.

> «Книга Закона», похоже, была одной из «пуран». «Ученые брахманы», – говорит сэр Уильям Джонс, – «утверждают, что пять условии необходимы, чтобы создать действительную «пурану»:
>
> 1. Анализ сотворения материи в целом.
> 2. Анализ *сотворения или производства второстепенных материальных и духовных существ.*
> 3. Краткое хронологическое изложение великих периодов времени.
> 4. Краткое генеалогическое изложение главных семейств, царствовавших над страной.
> 5. Наконец, жизнеописание какого-либо великого человека в отдельности».

Достаточно очевидно то, что кто бы ни написал *Пятикнижие,* он имел перед собой этот план, также и писавшие Новый Завет были очень хорошо знакомы с буддийским ритуальным культом, легендами и доктринами через буддийских миссионеров, которых в те дни много было в Палестине и в Греции.

Но «нет Дьявола, нет и Христа». Это основная догма церкви. Мы должны пристально изучить их обоих нераздельно. Существует таинственная связь между этими двумя, более тесная, чем, возможно, об этом подозревают, доходящая до тождественности. Если мы соберем вместе мифических сынов Божиих, которые все рассматривались как «первородные», то обнаружится, что все они совпадают и сливаются воедино в этом двойственном характере. Адам Кадмон раздваивается, превращаясь из духовной идейной мудрости в творящую, которая выявляет *материю.* Адам из праха является и сыном Бога и Сатаной, а последний, согласно «Иову», также является сыном Бога.[557]

Геркулес также был «Первородным». Он также является Бэлом, Ваалом и Балом, и поэтому Шивой Разрушителем. Еврипид величает Вакха «Вакхом, сыном Божиим». Как ребенка, Вакха, подобно Иисусу *«Апокрифических Евангелий»,* очень боялись. Он описан как благожелательный к человечеству; однако он был безжалостен в наказывании каждого, кто не отдавал должного уважения его культу. Пентей, сын Кадма и Гермионы. Он казнен за отсутствие благочестия, подобно сыну раввина Ханнона.

Аллегория о Иове, которую мы уже приводили, если ее правильно понять, даст ключ ко всему этому вопросу о Дьяволе, его природе, назначении, а также подтвердит наши утверждения. Пусть ни один набожный человек не возражает на это обозначение –

---

[555] От Θεραπευω, служить, поклоняться, исцелять.

[556] Е. Покок производит имя *Пифагор* от *Будда* и *гуру,* духовный учитель. Хиггинс считает его кельтским, и говорит, что оно означает звездочета. См. *"Кельтские друиды"*. Однако, если мы будем переводить слово *Пифо* от פתה, *петах,* то это имя будет означать толкователя оракулов, а Будда-гуру – учителя доктрин Будды.

[557] В Неапольском Музее тайн имеется мраморный барельеф, изображающий "грехопадение Человека", на котором *Бог-Отец играет роль Змия Соблазнителя.*

аллегория. Миф является излюбленным и всемирным методом наставления во времена глубокой древности. Павел, обращаясь к коринфянам, заявил, что все повествование о Моисее и израильтянах было символическим,[558] в своем «Послании к Галатам» утверждал, что все повествование о Аврааме, его двух женах и их сыновьях – аллегория.[559] В самом деле, это есть теория, переходящая в несомненность, что исторические книги Ветхого Завета того же характера. Мы не совершаем какой-либо недопустимой вольности с «Книгой Иова», когда даем ей то же самое название, какое Павел дал повествованиям об Аврааме и Моисее.

Но нам, может быть, следует объяснить древнее пользование аллегорией и символизмом. Истина, заключающаяся в первой, должна была достигаться путем выводов; символ выражал какое-то абстрактное качество божества, которое миряне легко могли понять. Его высшему значению здесь ставился предел, и с этих пор впредь массы пользовались им как образом в идолопоклоннических обрядах. Но аллегорию приберегали для внутреннего святилища, когда допускались только избранные. Отсюда и ответ Иисуса, когда ученики спросили его, почему он говорит толпе притчами.

> «Вам», – сказал он, – «дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано. Ибо, кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то что он имеет».

В малых мистериях обмывали свинью, символизируя этим очищение неофита; а ее возвращение в грязную лужу указывало на поверхностный характер проделанной работы.

> «Миф есть нераскрытая мысль души. Характерной чертой мифа является превращение размышления в историю (в историческую форму). Как в эпосе, так и в мифе исторический элемент преобладает. Основу мифа часто составляют факты (внешние события), и с ними переплетаются религиозные идеи».

Вся аллегория об Иове является открытой книгой тому, кто понимает пиктографический язык Египта, как он запечатлен в «Книге Мертвых». В сцене Суда Озирис изображен сидящим на своем троне и держащим в одной руке символ жизни, «крюк влечений», а в другой – мистический вакхический веер. Перед ним находятся сыны Бога – сорок два судьи мертвого. Алтарь находится непосредственно перед троном, уставленный приношениями и увенчанный священным цветком лотоса, на котором стоят четыре духа. У входа стоит душа, которую будут судить и которую Тмей, гений Истины, приглашает на этот заключительный акт испытания. Тот, держа в руке камышовую палочку, заносит происходящее в Книгу Жизни. Гор и Анубис, стоящие у весов, проверяют вес, кот1орый определяет, уравновешивает ли сердце умершего символ истины, или же последний перетягивает. На пьедестале сидит волчица – символ Обвинителя.

Посвящение в мистерии, как известно всем интеллигентным людям, было театральным представлением сцен в подземном мире. Такова была и аллегория о Иове.

Несколько критиков приписали авторство этой книги Моисею. Но она старше, чем *Пятикнижие.* В самой этой поэме Иегова не упоминается, и если это имя встречается в прологе, то этот факт следует приписать или ошибке переводчиков, или преднамеренному умыслу, вызванному более поздней необходимостью преобразить политеизм в монотеистическую религию. Применяемый для этого план был очень простой: многие имена элохимов (богов) нужно было приписать единому богу. Так в одном из старейших еврейских текстов «Книги Иова» [XII, 9] стоит имя Иегова, тогда как во всех других рукописях стоит «Адонай». Но в первоначальной поэме Иегова отсутствует. Вместо этого

---

[558] [*1 Коринфянам,* X, 11]: “Все это происходило с ними, как образы”.

[559] [*Галатам,* IV, 22, 24]: “Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной... В этом есть иносказание”.

имени мы находим *Ал, Алейм, Але, Шаддай, Адонай* и т. д. Поэтому мы должны придти к выводу, что или пролог и эпилог были добавлены в более поздний период, что недопустимо по многим причинам, или же что они были переделаны как и остальные рукописи. Затем, мы находим, что в этой архаической поэме нигде не упоминается субботнее установление, но много ссылок на священное число семь, о чем мы будем говорить в дальнейшем, и непосредственная дискуссия по Сабеизму, поклонению небесным телам, которое в те дни преобладало в Аравии. Сатана в этой книге назван «сыном Божиим»; он один из советников, явившийся перед Богом, и он побуждает Бога на испытание верности Иова. В этой поэме яснее и проще чем где-либо еще, мы обнаруживаем значение слова «Сатана». Это термин для обязанности или роли *общественного обвинителя.* Сатана – это тот же Тифон египтян, дающий свои обвинения в Аменти; эта должность настолько же уважаемая, как должность государственного прокурора в нашем веке; и если через невежество первых христиан его впоследствии отождествляли с Дьяволом, то сам он тут ни при чем.

«Книга Иова» – это полное описание древнего посвящения и испытаний, которые обычно предшествуют этой величайшей изо всех церемоний. Неофит находит себя лишенным всего, что ему было дорого, и заболевшим скверной болезнью. Его жена уговаривает его помолиться Богу и умереть – нет никакой надежды для него. Три друга по взаимному соглашению появляются на сцене: Элифаз, ученый феманитянин, полный знаний, «которые мудрецы унаследовали от своих отцов, которым единственным была отдана земля»; Билдад, консерватор, принимающий все, как есть, и осуждающий Иова, что у него имеются недобрые поступки, раз он заболел; и Софар, умный и искусный по «общеизвестным истинам», но не обладающий внутренней мудростью. Иов смело отвечает:

> «Если я совершил ошибки – это дело мое. Вы возвеличиваете себя и выступаете против меня с упреками; но то был Бог, кто поразил меня. Почему вы преследуете меня и не удовлетворитесь тем, что моя плоть разрушается? Но я знаю, что жив мой Заступник, и в один из грядущих дней он станет на земле на защиту меня; и хотя вместе с моей кожей уничтожится и то, что под нею, все же, даже без плоти я увижу Бога... Вы скажете: «Почему мы досаждаем ему?» Ибо корень всего этого во мне!»

Этот отрывок, подобно всем другим, в которых имелся хотя бы малейший намек на «Заступника», «Избавителя» или «Оправдателя», был истолкован, как имеющий непосредственное отношение к Мессии; это кроме того факта, что в «Септуагинте» этот стих был переведен следующим образом:

> «Ибо я знаю, что Он вечен,
> Кто постоянно возвращает меня на землю,
> Восстанавливая мою бренную оболочку,
> Которая безропотно выносит такое», и т. д.

В варианте царя Иакова его перевод не имеет никакого сходства с оригиналом.[560] Хитрые переводчики изложили это место так: «Я знаю, что *мой Избавитель жив»,* и т. д. И все же «Септуагинта», «Вульгата» и еврейский оригинал – все должны считаться вдохновенным Словом Божьим. Иов же обращается к своему собственному *бессмертному* духу, который вечен и который, когда придет смерть, освободит его от гнилого земного тела и облечет в новую духовную оболочку. В «Элевзинских мистериях», в египетской «Книге мертвых» и во всех других трудах на тему посвящения, это «вечное существо» имеет название. У неоплатоников это был *Ноус, Аугоэйд,* у буддистов – *Аггра;* у персов – *Феруэр.* Все они называются «Избавителями», «Заступниками», «Метатронами», и т. п. На

---

[560] См. “Книгу Иова” в различных переводах, и сравните различные тексты.

Митраических скульптурах Персии *феруэр* представлен в виде крылатой фигуры, реющей в воздухе над своим «объектом» или телом.[561] Это есть сияющее Я – Атман индусов, наш бессмертный дух, кто единственный может спасти нашу душу и спасет ее, если мы последуем за ним, вместо того, чтобы позволить нашему телу увлекать нас вниз. Поэтому в халдейских текстах вышеупомянутое читается так: «Мой *избавитель,* мой *возобновитель»,* т. е. Дух, который возобновит сгнившее тело человека и преобразует его в одеяние из эфира. И именно этого *Ноуса, Аугоэйда, Феруэра, Аггра,* Духа его самого, и увидит восторжествовавший Иов, утеряв свою плоть, т. е. когда он освободится от своего телесного плена, Духа, которого переводчики именуют «Богом».

В поэме о Иове не только нет ни малейших намеков на Христа, но и в настоящее время вполне доказано, что все те варианты различных переводчиков, которые совпадают с переводом царя Иакова, были написаны, основываясь на авторитете Иеронима, который позволил себе странные вольности в своей *«Вульгате».* Он был первым, втиснувшим в этот текст нижеследующий стих своего собственного сочинения:

> «Я знаю, что мой избавитель жив,
> И в день последний я восстану из земли,
> И снова буду окружен телесной оболочкой,
> И во плоти предстану перед Богом моим».

Все это могло бы послужить хорошей причиной для него самого поверить в это, ибо он *знал это,* но для других, кто *не* знали и кто, более того, нашли в этом тексте совершенно другую идею, это только доказывает, что Иероним решил посредством еще одной вставки навязать догму о воскресении «в день последний», и притом в той же коже и плоти, какими мы пользовались на земле. Это, действительно, прекрасная перспектива «восстановления». Почему бы еще не восстановить и то белье, в котором телу пришлось умереть?

И как мог автор «Книги Иова» что-нибудь знать о Новом Завете, когда очевидно, что он даже о Ветхом Завете ничего не знал? В ней мы видим полное отсутствие намеков на какого-либо патриарха, и настолько очевидно, что она труд *посвященного,* что одна из трех дочерей Иова даже названа несомненно «языческим» мифологическим именем. Имя *Каренхапух* разнообразно переводится многими переводчиками. В *«Вульгате»* – «рог сурьмы», в *Септуагинте* – «рог Амалфеи», няни Юпитера, и одного созвездия, символ «рога изобилия». Присутствие в Септуагинте этой героини языческого сказания доказывает, что переписчики не ведали его значения, так же как и эзотерический источник «Книги Иова».

Вместо того, чтобы утешать, три друга страдающего Иова стараются убедить его, что его несчастье нашло на него в наказание за какие-то великие прегрешения с его стороны. Швырнув обратно им их обвинения, Иов клянется, что до тех пор пока он дышит, он будет защищать свое дело. Он оглядывается на период своего преуспеяния, «когда тайна Бога пребывала над его святилищем», и он был судьею, «восседавшим высоко и пребывавшим, как царь в армии, или тем, кто утешал оплакивающих», и сравнивает с этим нынешнее время – когда кочующие бедуины надсмехались над ним, люди «грязнее земли», когда он был повержен несчастьем и отвратительной болезнью. Затем он заявляет о своем сострадании к несчастным, своей чистоте, честности, неподкупности, своем строгом правосудии, своей благотворительности, скромности, непричастности к распространенному поклонению солнцу, своей кротости по отношению к врагам, гостеприимстве к странникам, своем открытом сердце, своей смелой защите правого, хотя он наталкивался на толпы и осуждение семейств; и он взывает к Всемогущему, чтобы тот ответил ему, и требует от противников, чтобы те написали, в чем он виноват.

---

[561] См. [**616**], т. I, илл. 17, 41.

На это не было и не могло быть какого-либо ответа. Те трое стремились сокрушить Иова мольбой и обычными аргументами, но он потребовал, чтобы каждый его поступок рассматривался в отдельности. Затем появился четвертый: Элиху, сын Барахиля Бузита, из кровных родственников Рама.[562]

Элиху – иерофант; он начинает с выговора, и софизмы притворных друзей Иова сметаются подобно вольному песку под дуновением западного ветра.

> «И Элиху, сын Барахиля, заговорил и сказал: «Великие люди не всегда бывают мудрыми... в человеке *есть* дух; *дух во мне* вынуждает меня... Бог говорит раз, даже два, *все же человек,* его не слышит. Во сне, в ночном видении, когда сон находит на человека во время дремоты на ложе; тогда он открывает ухо человека и запечатлевает в нем свои наставления. О, Иов, слушай меня, храни свое спокойствие, и я научу тебя МУДРОСТИ».»

И Иов, который на догматические нелепости своих трех друзей в горечи своего сердца перед тем восклицал:

> «Несомненно, только *вы* люди, и с вами умрет мудрость... Плохие утешители вы все... Верно, я хотел бы говорить со Всемогущим, я хочу спорить с Богом... Но *вы* – кователи лжи, *вы* врачи никуда негодные!»

Отягощенный бедствиями, страдающий Иов, который перед лицом официального духовенства вместо надежды предлагает неизбежность проклятия, – в отчаянии чуть было не заколебался в своей все переносящей вере, ответил:

> «То, что *вы* знаете, я *тоже* знаю; я не ниже вас... Человек появляется, как цветок, и его срывают; он так же проносится, как тень и *нет его больше...* Человек умирает и распадается, да, он испускает дух, и *где он?..* когда человек умрет, будет ли он опять *жить?..* Когда пройдет несколько лет, тогда я уйду туда, *откуда* не вернусь... О, если бы человек мог просить за человека у Бога, как человек просит за своего соседа!»

Иов находит человека, который отвечает на крик его муки. Он слушает МУДРОСТЬ Элиху, иерофанта, совершенного учителя и вдохновенного философа. Из его суровых уст исходит справедливый упрек за его непочтительность, выразившуюся в том, что он за человеческое зло обвинил ВЕРХОВНОЕ Существо.

> «Бог», – говорит Элиху, – «велик силою, справедливостью и полнотою правосудия; ОН *не причиняет страданий».*

До тех пор, пока неофит был удовлетворен своею собственной мирской мудростью и непочтительной оценкой Бога и Его целей, до тех пор, пока он прислушивался к пагубной софистике своих советчиков, – до тех пор иерофант молчал. Но когда этот любознательный ум был готов к совету и наставлению – его голос слышен, и он говорит с авторитетностью Духа Божия, который «вынуждает» его.

> «Несомненно, Бог не услышит *тщеславие,* также Всемогущий не будет внимать ему... Он не обращает внимание ни на кого, кто мудр в сердце».

Где найти лучший комментарий, чем этот, на модного проповедника, который *«умножает* слова без знания»! Эта замечательная *пророческая* сатира могла быть

---

[562] Выражение “из кровных родственников Рама” означает, что он был арамеец или сириец из Месопотамии. Баз был сын Нахора. “Элиху, сын Барахиля” поддается двоякому переводу. Эли-Ху – Бог есть, или Хоа есть Бог; и Барах-Ал – поклоняющийся Богу, или Бар-Рахиль, сын Рахили, или сын овцы.

написана в предвидении того духа, который теперь преобладает во всех христианских вероисповеданиях.

Иов внимает словам мудрости, и затем «Господь» отвечает Иову «из бури» природы, Божьего первого зримого проявления:

> «Стой молча, о Иов, стой молча! и размышляй о чудесных трудах Бога, ибо *только по ним* можешь ты познать Бога. «Вот, Бог велик, *и мы не можем познать его»;* Его, кто «собирает капли воды; *но они* во множестве изливаются дождем» [*Иов*XXXVI, 24-27]; не по божественной прихоти, но по навсегда установленным нерушимым законам. Каковой закон «передвигает горы, и не узнают их; Он превращает их в гневе своем; сдвигает землю с места ее, и столбы ее дрожат; скажет солнцу, – и *не взойдет;* и на звезды налагает печать... делает великое, *неисследимое* и чудное без числа! Вот, он пройдет предо мною, и *не увижу Его;* пронесется и *не замечу Его!*» [*Иов*, IX, 5-11]

Затем,

> «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?» [*Иов*, XXXVIII, 2, *и далее*] – говорит глас Божий через своего выразителя – природу. – «Где был ты, когда Я полагал основания земли? скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, *если знаешь?..* При общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости?.. Присутствовал ли ты, когда я приказал морям: доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим?.. Знаешь ли ты, кто заставил дождь лить на землю *безлюдную,* на пустыню, *где нет человека...* Можешь ли ты связать узел Ориона и разрешить узы Плеяд?.. Можешь ли *посылать молнии.* и пойдут ли они и скажут ли тебе: вот мы?»[*Иов*, XXXVIII, 35]

«Затем Иов ответил Господу». Он понял Его пути, и его глаза впервые открылись. Высшая мудрость снизошла на него; и если читатель остается в недоумении перед этой окончательной ПЕТРОМОЙ посвящения, то по крайней мере Иов, или человек «пораженный» в своей слепоте, после этого понял невозможность поймать «Левиафана посредством засаживания крюка ему в нос». Левиафан – это ОККУЛЬТНАЯ НАУКА, на которую можно положить свои руки, но *«не более»* [*Иов*, XLI, 8] чью силу и «славную пропорцию» Бог не желает скрывать.

> «Кто может открыть верх одежды его, кто подойдет к *двойным челюстям* его? Кто может отворить двери лица его?.. крепкие *щиты* его – великолепие: они скреплены как бы *твердою печатью...* От его чихания показывается свет; глаза у него как ресницы зари... Он оставляет за собой *святящуюся* стезю» для тех, кто не страшится к нему приблизиться. И затем они, подобно ему, узрят «все *высокое»,* ибо «он царь над всеми сынами гордости»[*Иов*, XLI, 5-26].

Иов же со смиренной верой отвечает:

> «Я знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено. Кто сей, помрачающий Провидение, ничего не разумея? – Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудесных для меня, которых я не знал. Выслушай, *взывал* я, и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» [*Иов*, XLII, 2-6].

Он узнал своего «заступника» и был уверен, что настало время его оправдания. Немедленно Господь («священники и судьи», [*Второзаконие,* XIX, 17]) говорит его друзьям:

> «Горит гнев Мой на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов». «И возвратил Господь потерю Иова... И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние».

Затем, по суждению умерший вызывает четырех духов, которые господствуют над Озером Огня, и они его очищают. Затем его приводят в его небесное обиталище, где его принимают Атхар и Изида, и он предстает перед *Атумом*[563] сущностью Бога. Он теперь *Туру,* сущность человека, чистый дух, и впредь – *Он-ати,* глаз огня и сотоварищ богов.

Грандиозная поэма о Иове была хорошо понята каббалистами. В то время, как многие средневековые герметисты были глубоко религиозными людьми, в глубине своего сердца – подобно каббалистам всех веков – они были смертельными врагами духовенства. Как правдивы слова Парацельса, когда он, тревожимый, свирепым преследованием и клеветой, не будучи понят ни друзьями, ни врагами, оскорбляемый духовенством и мирянами, воскликнул:

> «О вы, из Парижа, Падуи, Монпелье, Салерно, Вены и Лейпцига! Вы не учителя истины, а исповедователи лжи. Ваша философия – ложь. Если хотите знать, *что такое* **магия** *на самом деле.* тогда ищите в «Откровении» Св. Иоанна... Так как вы сами не можете доказать ваших учений по Библии и «Откровению», то кончайте ваш фарс.
>
> *Библия – истинный ключ и толкователь.* Иоанн, не менее, чем Моисей, Илия, Енох, Давид, Соломон, Даниил, Иеремия и остальные пророки был *магом,* каббалистом и предсказателем. И если бы теперь все, или даже любой из тех, кого я назвал, были бы еще живы, я не сомневаюсь, что в назидание другим вы бы умертвили их в ваших жалких бойнях и уничтожили бы их на месте, и, *если бы* это было возможно – творца всего сущего тоже!»

Что Парацельс узнал некоторые тайные и полезные вещи из «Откровения» и других библейских книг, также как из *«Каббалы»,* – было доказано им на практике, и даже настолько, что многие называют его «отцом магии и основоположником оккультной физики *Каббалы* и магнетизма».[564]

Настолько крепким было распространенное верование в сверхъестественные силы Парацельса, что до нашего времени в умах простых эльзасцев живет легенда, что он не умер, а «спит в своей могиле» в Страсбурге [617, с. 32]. И они часто шепчут между собой, что зеленый дерн поднимается и опускается при каждом дыхании этой усталой груди, и что слышны глубокие стоны, когда великий философ огня воскрешает в памяти те жестокие обиды, которые он потерпел от своих жестоких клеветников во имя великой истины!

Из этих пространных иллюстраций станет понятным, что Сатана Ветхого Завета, Диаболос или Дьявол *Евангелий* и *Посланий Апостолов* были только антагонистическим принципом в материи, неизбежно ей присущим, а не злобным в нравственном смысле этого слова. Евреи, приходя из страны персов, принесли с собою учение о *двух принципах.* Они не могли принести *«Авесту»,* так как она не была написана. Но они – мы подразумеваем *ассидийцев* и *парсов* – дали Ормазду тайное имя, а Ахриману – имя богов этой страны, Сатана хеттов и *Диаболос* или, вернее, Диоболос греков. Ранняя церковь, по меньшей мере, последователи Павла, гностики и их преемники усовершенствовали их идеи; а католическая церковь приняла и приспособила их, в то же время предавая казни их провозгласителей.

Протестантство – это реакция на римско-католическую церковь. Он, естественно, не согласован в своих частях, но представляет собою удивительное сборище обломков, пробивающих себе дорогу вокруг общего центра, притягивающих и отталкивающих один другого. Некоторые части центростремительно тяготеют к старому Риму или к той системе, которая давала возможность старому Риму существовать; другая часть все еще отскакивает под центробежным импульсом и стремится прорваться в обширную эфирную область за пределы римского или даже христианского влияния.

---

[563] Атум или Атма есть Сокрытый Бог, одновременно и Пта и Амон, Отец и Сын, Творец и сотворенное, Мысль и Явление, Отец и Мать.

[564] Молитор, Эннемозер, Хенман, Пфаф и др.

Современный Дьявол является их главным наследием от римской Кибелы, «Вавилона, Великой Матери идолопоклонствующих и отвратительных религий на земле».

Но могут возразить, быть может, что индусская теология, как брахманская, так и буддийская, так же сильно пропитана верой в объективных дьяволов, как и само христианство. Тут имеется небольшое различие. Уже сама *тонкость* индусского ума служит достаточной гарантией, что образованные люди, по крайней мере, ученая часть брахманского и буддийского духовенства рассматривают Дьявола по-другому. У них Дьявол – метафизическая абстракция, аллегория необходимого *зла;* тогда как *у христиан этот миф стал историческим существом, камнем основания, на котором христианство, со своей догмой искупления, построено.* Он настолько же необходим церкви – как показал де Мюссе – как Зверь из семнадцатой главы «Апокалипсиса» был необходим его всаднику. Англоязычные протестанты, не находя исчерпывающих сведений в Библии, переняли «дьявологию» знаменитой поэмы Мильтона «Потерянный Рай», разукрасив ее кое-чем из знаменитой драмы Гёте «Фауст». Джон Мильтон, сперва пуританин, а под конец квиетист и унитариец, никогда не выставлял свое великое произведение иначе, как в качестве выдумки, но он тщательно согласовывал различные части Священного Писания. Ильда-Баоф офитов был переделан в ангела света и в утреннюю звезду, и превращен в Дьявола в первом действии «Дьявольской Драмы». Для второго действия использовано содержание двенадцатой главы «Апокалипсиса». Великий красный Дракон был приспособлен в качестве блестящего персонажа Люцифера, и последней сценой является его падение, подобное падению Вулкана-Гефеста с Неба на остров Лемнос; беглые сонмы и их вождь «падают на жесткое дно» в Пандемониуме. Третье действие разыгрывается в саду Эдема. Сатана совещается в зале, воздвигнутом им для его новой империи и решает отправиться на исследование доставшегося ему нового мира. В следующем действии рассказывается о падении человека, о его жизни на земле, о приходе Логоса или Сына Божия, и о его искуплении человечества или его избранной части, смотря по обстоятельствам.

Эта драма «Потерянный Рай» вмещает в себя несформулированное верование англоязычных «евангельских протестантских христиан». Не верить в главные ее черты равносильно, по их мнению, «отверганию Христа» и «кощунству против Святого Духа». Если бы Джон Мильтон мог предполагать, что его поэма, вместо того, чтобы быть рассматриваемой в качестве пары Дантовской «Божественной комедии», будет принята как другой «Апокалипсис», дополняющий Библию и завершающий ее демонологию, то более чем вероятно, что он решительнее переносил бы свою бедность и воздержался бы от ее печатания. Более поздний поэт Роберт Поллок, беря пример с его труда, написал в таком же духе «Течение Времени», которое, как казалось некоторое время, должно было возвыситься до ранга нового Священного Писания; но к счастью, девятнадцатый век получил иное вдохновение, и шотландский поэт уходит в забвение.

Нам, пожалуй, следует вкратце описать европейского Дьявола. Он тот гений, который имеет дело с колдовством, чародейством и другими неладными делами. Христианские отцы, взяв эту идею от еврейских фарисеев, делали дьяволов из языческих богов: Митры, Сераписа и других. Римско-католическая церковь продолжила это дело, объявив поклонение этим богам сделкою с силами тьмы. Таким образом, колдуньи и ведьмы средних веков были просто приверженцами запрещенного культа. Во все древние времена магия считалась божественной наукой, мудростью и знанием Бога. Целительное искусство в храмах Эскулапа и святилищах Египта и Востока всегда было магическим. Даже Дарий Гистасп, истребивший мидийских магов и даже прогнавший халдейских теургов из Вавилона в Малую Азию, – сам слушал наставления брахманов Верхней Азии и в конце концов, после установления культа Ормазда, сам назвался учредителем магизма. Теперь же все переменилось. Невежество воцарилось как мать благочестия. Ученость подверглась поношениям, и ученые занимались науками в угрозу своим жизням. Они

были вынуждены применять жаргон, чтобы скрыть свои идеи от всех, кроме своих адептов, и переносить посрамление, клевету и нищету.

Приверженцы древних культов преследовались и предавались казни по обвинению в чародействе. Альбигойцы, потомки гностиков, вальденцы, предтечи протестантов, преследовались и подвергались резне под тем же предлогом. Мартина Лютера самого обвинили в товариществе с самим Сатаной. Над всем протестантским миром до сих пор тяготеет то же самое обвинение. Церковь в своих суждениях не различает между расколом, ересью и чародейством. За исключением тех мест, где гражданские законы защищают человека, все они считаются уголовными преступлениями. Свободу вероисповеданий церковь считает нетерпимой.

Но реформаторы были выкормлены на молоке своей матери. Лютер был такой же кровожадный, как папа римский; Кальвин – еще более веронетерпим, чем Лев или Урбан. Тридцать лет войны обезлюдили целые округа Германии: протестанты и католики были одинаково жестоки. Новая вера также повернула свои пушки против чародейства. Книги законов стали красными от кровавого законодательства в Швеции, Дании, Германии, Голландии, Великобритании и Северо-Американских Штатов. Кто бы ни был либеральнее, умнее, откровеннее чем другие, – мог быть арестован и предан смерти. Костры, погасшие в Смитфилде, – снова были зажжены для магов; безопаснее было восставать против трона, чем стремиться постичь глубокую науку, находящуюся за пределами ортодоксальной запретной черты.

В семнадцатом веке Сатана совершил набег на Новую Англию, Нью-Джерси, Нью-Йорк и несколько южных колоний Северной Америки, и мать Коттон предоставляет нам перечень основных его деяний. Спустя несколько лет он посетил приход Мора в Швеции, и *жизнь в Далекарлии* получила разнообразие от сожжения живьем малых детей, и от плача других у церковных дверей по субботам. Однако, скептицизм современности сильно потеснил веру в чародейства в Германии; а Дьявол в персональной антропоморфической форме с вакховыми козлиными копытами, и козлиными рогами наподобие бога Пана удерживает свое место только в папских «Энциклических письмах» и в других изданиях римско-католической церкви. Протестантская респектабельность не допускает даже, чтобы его имя произносилось иначе, как с затаенным дыханием у амвона.

Изложив биографию Дьявола с первого его прихода в Индии и Персии, его продвижение через еврейскую, а впоследствии как через раннюю, так и позднейшую христианскую *теологию,* вплоть до самых последних фаз ее проявлений, – мы теперь вернемся назад к некоторым мнениям, присущим ранним векам христианства.

Аватары или инкарнации были общераспространенным верованием в древних религиях. Индия привела их в систему. Персы ожидали Сошиоша, и еврейские писатели искали Спасителя, Тацит и Светоний рассказывают, что во времена Октавия Восток был полон ожиданий прихода Великой Личности.

«Доктрины, доставшиеся христианам, были высочайшей тайной язычества».[565]

Манерос Плутарха был детищем Палестины [333, с. 17], его посредник Митра, Спаситель; Озирис есть Мессия. В наших нынешних «канонических писаниях» можно проследить остатки этого древнего поклонения; и в обрядах и церемониях римско-католической церкви мы находим формы буддийского богослужения, его церемонии и иерархию. Первое *Евангелие,* когда-то такое же каноническое, как любое из нынешних четырех, содержит страницы, почти целиком взятые из буддийских сказаний, что мы готовы доказать. После свидетельств, предоставленных Бюрнофом, Асомой, Короси, Бэйлом, Харди, Шмидтом, и переводов из *«Трипитаки»,* невозможно сомневаться, что вся христианская схема эманировала из другой схемы. Чудеса «Беспорочного Зачатия» и

[565] [**618**], [**94**].

другие события мы находим полностью в книге Харди «Руководство по буддизму». Мы легко можем понять, почему римско-католическая церковь так заинтересована в том, чтобы удерживать простой народ в полном неведении о еврейской Библии и греческой литературе. Филология и сравнительная теология являются ее смертельнейшими врагами. Умышленные фальсификации Иринея, Епифания, Евсевия и Тертуллиана стали для нее необходимостью.

«Сивиллины книги», кажется, в то время пользовались чрезмерной популярностью. Легко представить, что они были вдохновлены тем же самым источником, что и книги нееврейских народов.

Перед нами листок Галлея:

> «**Новый Свет возник**:
> Приходя с Небес, он принял форму смертного...
> Дева, прими Бога в твое чистое чрево –
> И Слово влетело в ее чрево:
> Став воплощенным во Времени, и оживленным ее телом,
> Оно было найдено в образе смертного, и сотворен был Мальчик
> Девою... И поклонились волхвы новой Богопосланной Звезде,
> И запеленатый ребенок был показан на сене...
> И назвали Вифлеем «Богом посещенной страной Слова»*.

На первый взгляд это кажется пророчеством об Иисусе. Но не могло ли это также означать какого-либо другого творящего Бога? Мы обладаем такими же высказываниями по поводу Вакха и Митры.

> «Я, сын Бога, пришел в страну фивийцев – Вакх, которого вначале Семела (дева), дочь Кадма (человека с Востока) рождает – принесенный молниеносным пламенем; и принявший форму смертного вместо формы Бога, Я пришел» [**620**].

«Дионисики», написанные в пятом веке, помогают внести ясность в это дело и даже указывают на его тесную связь с христианской легендой о рождении Иисуса:

> «Кора-Персефона[566]... тебя взяли в жены, как супругу Дракона,
> Когда Зевс, весь свернувшись, форму и лицо изменил,
> Дракон-Жених, свернувшись в любовь-внушающее кольцо...
> Взошел на девичье ложе темной Коры...
> Так, союзом с Драконом Эфира,
> Чрево Персефоны оплодотворилось,
> Забеременев Загреем,[567] Рогатым Дитятей» [**621**].

Здесь перед нами тайна офитского культа, и происхождение христианского, впоследствии *пересмотренного,* мифа о беспорочном зачатии. Гностики были самыми ранними христианами со всеми признаками регулярной теологической системы, и слишком уж очевидно, что именно Иисуса подогнала к их теологии в качестве Христа, а

---

* [**619**, 760-788]

[566] Мы сомневаемся в правильности перевода χορη как дева. Деметра и Персефона, в сущности, были одним и тем же божеством, так же как и Аполлон и Эскулап. Местом этого приключения является Крит или Курития, где Зевс является главным богом. Несомненно, имелась ввиду Церера или Деметра. Ее также называли χουρα, что есть то же самое, что и χωρη. Так как она была богиней мистерий, то она наиболее подходила в качестве супруги Бога-Змия и матери Загрея.

[567] Покок считает Зевса великим ламою или главным джайном, а Кор-Персефону – Куру-Парасу-Пани. Загрей есть *чакра,* колесо, или окружность, земля, правитель мира. Он был убит титанами или тейт-анами (дайтьями). Рога или полумесяц служили знаком ламаистской верховной власти.

не теологию разработали на основе его высказываний и деяний. Их предки до христианской эры утверждали, что Великий Змий – Юпитер, Дракон Жизни, отец и «доброе божество», сошел на ложе Семелы, а теперь гностики послехристианской эры с очень пустяковым изменением применили тот же самый миф к человеку Иисусу и утверждали, что то же самое «доброе божество», Сатурн (Ильда-Баоф), в виде Дракона Жизни пронесся над колыбелью маленькой Марии.[568] В их глазах Змий был Логосом-Христосом, воплощением божественной мудрости через своего Отца Эннойю и Мать Софию.

> «И моя Мать, Дух Святой, взяла меня», – вложено в уста Иисуса в *«Евангелии евреев»* [**623**, т. I, с. 341], вводя его таким образом в его роль Христа – сына Софии, Святого Духа.[569]
>
> «*Дух Святый найдет на тебя,* и **сила** Всевышнего осенит тебя; посему и рождаемое *Святое* наречется Сыном Божиим», – говорит ангел [*Лука,* I, 35].
>
> «Бог... в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, через Которого и эоны [веки] сотворил» [*Евреям,* I].[570]

Все такие выражения являются многочисленными христианскими цитатами из стихов Нонна «... через эфирного драконобога», так как эфир есть Святой Дух или третье лицо Троицы – Змий с ястребиной головой, египетский Кнеф, эмблема божественного разума,[571] и «мировая душа» Платона.

> «Я, Мудрость, вышедшая из уст Всевышнего и *покрывшая землю, как облако*».

Пэмандр, Логос, исходит из Бесконечной Тьмы и покрывает землю облаками, которые змееподобно распространяются по всей земле (см. [392]). Логос является *старейшим* образом Бога, и он есть *активный* Логос, говорит Филон.[572] Отец есть *Латентная Мысль.*

Так как эта идея является всемирной, то для выражения ее мы находим одинаковую фразеологию среди язычников, евреев и ранних христиан. Халдео-персидский *Логос* является Единородным Отца в вавилонской космогонии Евдема. «Восславим же ЭЛИ теперь, дитя Бога», – начинается гомеровский гимн Солнцу.[573] Сол-Митра есть «образ Отца», так же как каббалистический Сеир-Анпин.

Едва ли можно поверить, что изо всех различных народов древности никогда не было другого, верившего в личного Дьявола больше, чем свободомыслящие христиане девятнадцатого века, – и все же таков печальный факт. Ни египтяне, которых Порфирий называет «наиболее ученой нацией в мире» [211], ни греки, их верные подражатели, никогда не были виноваты в такой дикой нелепости. Мы можем сразу добавить, что ни один из них, даже древние евреи, не верил в ад или в вечное мучение больше, чем в Дьявола, хотя наши христианские церкви так щедро отводят это место для язычников. Где бы ни попадалось в переводах еврейских священных писаний слово «ад», это промах переводчика. Евреи не знали такого понятия; все же *Евангелии* содержат частые примеры этого же недоразумения. Так, когда в уста Иисуса вкладываются слова [*Матфей,* XVI, 18]: «... и врата Гадеса не одолеют ее», – то в подлиннике там стоит – «врата смерти». Слово «ад» – в смысле состояния мучения, вечного или временного – никогда не

---

[568] См. [**622**, с. 89, 90].

[569] Дракон есть *Солнце,* порождающее начало – Юпитер-Зевс; а Юпитера египтяне называют “Святым Духом”, – говорит Плутарх, “Изида и Озирис” [**333**].

[570] В оригинале – *эоны* (эманации). В переводе – “мифы”. Нельзя было ожидать, что после анафемы доктрины эманации церковь воздержится от удаления подлинного слова, которое диаметрально расходилось с нововведенной догмой Троицы.

[571] См. [**622**, с. 145].

[572] См. [**94**], глава *“Логос, Единородный и Царь”.*

[573] В переводе на англ. Бакли.

употреблялось в текстах Ветхого Завета, наперекор всем *ад*истам. «Тофет», или «Долина Хинном» [*Исаия*, LXVI, 24] не имеет такого толкования. Греческий термин «Геенна» также имеет совсем другое значение, так как более чем одним компетентным писателем было исчерпывающе доказано, что «Геенна» тождественна с гомеровским Тартаром.

В сущности этом мы имеем самого Петра в качестве авторитета. В его втором *«Послании»* [II, 2], в первоначальном тексте, Апостол говорит о согрешивших ангелах, что Бог «низвергнул их в Тартар». Это выражение слишком неудобно напоминающее войну Юпитера с Титаном, было переделано, и теперь, в варианте короля Иакова, там стоит: «низвергнул их в ад».

В Ветхом Завете выражения «врата смерти» и «покои смерти» просто указывают на «врата могильные», которые особо упомянуты в «Псалмах» и в «Притчах». Ад и его владыка оба являются изобретениями христианства, современными его приходу к власти и обращению к тирании. Они были галлюцинациями, порожденными кошмарами святых Антониев в пустыне. До нашей эры древние мудрецы знали «Отца Зла» и относились к нему не лучше, чем к ослу, избранному символом Тифона, «Дьявола».[574] Печальное вырождение человеческих мозгов!

Как Тифон был темной тенью своего брата Озириса, так Пифон есть злая сторона Аполлона, светлого бога видений, провидца и предсказателя. Пифон убивает его, но он, в свою очередь, убивает Пифона, избавляя таким образом человечество от греха. Именно, в память об этом подвиге жрецы солнечного бога закутывались в змеиную кожу, характерную для этого мифического чудовища. Под ее возбуждающим влиянием – змеиная кожа считалась магической – жрецы впадали в магнетический транс и, «получая свой голос от Аполлона», становились пророчицами и произносили пророчества.

Опять-таки, Аполлон и Пифон суть одно и в нравственном отношении андрогинны. Представления о солнечном боге всегда двойственны, без исключения. Благодетельное тепло солнца пробуждает семя к жизни, но чрезмерная жара убивает растение. Играя на своей семиструнной планетной лире, Аполлон создает гармонию, но подобно другим солнечным богам, в своем темном аспекте он становится разрушителем, Пифоном.

Известно, что Св. Иоанн путешествовал по Азии, стране, управляемой магами, и насыщенной зороастрийскими идеями, и в те дни полной буддийскими миссионерами. Если бы он никогда не посетил тех мест и не соприкоснулся бы с буддистами, то сомнительно, было бы «Откровение» когда-либо написано. Кроме его идей о Драконе, он дает пророческие повествования, совершенно неизвестные другим апостолам, которые, рассказывая о втором пришествии, делают из Христа верную копию Вишну.

Таким образом, Офитс и Офиоморфос, Аполлон и Пифон, Озирис и Тифон, Христос и Змий – все являются обратимыми терминами. Они все – Логосы, и ни один из них немыслим без другого, как не знали бы дня, если бы не было ночи. Все они возродители и спасители, один в духовном, другой в физическом значении. Один обеспечивает бессмертие божественного духа, другой дает его через возрождение семени. Спаситель человечества должен умереть, потому что он раскрывает человечеству великую тайну бессмертного эго; змий «Книги Бытия» проклят, потому что он сказал *материи:* «Ты не умрешь». В мире язычества двойником «змия» является второй Гермес, воплощение Гермеса Трисмегиста.

Гермес – постоянный товарищ и наставник Озириса и Изиды. Он – олицетворенная мудрость; то же и Каин, сын «Господа». Оба строят города, цивилизуют и обучают человечество искусствам.

Христианские миссионеры в Цейлоне и в Индии неоднократно уверяли, что эти люди погрязли в демонолатрии, что они поклонники Дьявола в полном смысле этого слова. Безо всякого преувеличения мы заявляем, что они не более являются такими, чем массы необразованных христиан. Но даже если бы они были поклонниками (что больше,

---

[574] Плутарх и Санхуниафон называют Тифона “Тифоном красно-кожим” [**333**, XXI-XXVI].

чем быть верящими в) Дьявола, то все же существует огромная разница между учениями их духовенства о личном Дьяволе и догмами католических проповедников, а также многих протестантских священников. Христианские священники обязаны проповедовать и запечатлевать в умах своей паствы существование Дьявола, и первые страницы настоящей главы показывают причину, почему это так. Но не только сингалезский оэпэсампала, который принадлежит к высшему классу жрецов, не верит в какого-либо личного демона, но даже саменаира, кандидаты и послушники, будут хохотать над этой идеей. Все во внешнем культе буддистов – аллегорично, и образованные «пунги» (пандиты) этого никогда иначе не воспринимают и иначе не учат. Обвинение, что они позволяют и молчаливо соглашаются оставлять бедный народ погрязшим в наиболее пагубных суевериях, – не без некоторого основания; но что они насаждают эти суеверия, это мы наиболее решительно отрицаем. И в этом их преимущество перед нашим христианским духовенством, которое (по крайней мере те из них, кому фанатизм не замутил мозги), сами не веря ни одному слову из этого, все же проповедуют существование Дьявола, как личного врага личного Бога, и злого гения человечества.

Дракон святого Георгия, который так заметно фигурирует в величайших соборах христиан, ничуть не привлекательнее Царя Змей, буддийского Наммаданам-нарайа, великого Дракона. Если в распространенном суеверном веровании сингалезцев планетный демон Раухо пытается уничтожить Луну проглатыванием; и если в Китае и в Татарии во время лунных затмений черни позволено, без упреков, бить в гонги и производить страшные шумы, чтобы отогнать чудовище от его добычи, то почему католическое духовенство придирается к этому или называет это суеверием? Разве провинциальное духовенство Южной Франции не делает того же, время от времени, при появлении комет, затмений и других небесных феноменов? В 1456 г., когда появилась комета Галлея,

> «столь ужасающе было это явление», – пишет Дрейпер, – «что понадобилось вмешательство самого Папы. Он заклинал и прогнал ее с неба. Охваченная ужасом от проклятии Калликста III, она поползла обратно в бездны космоса и не рискнула снова появляться в течение целых семидесяти пяти лет!» [**48**, с. 269]

Мы никогда не слыхали, чтобы какое-либо христианское духовное лицо или Папа пытались бы вывести невежественные умы из заблуждения, что Дьявол не имеет никакого отношения к затмениям и кометам; но мы действительно находим буддийского высшего жреца, сказавшего сановнику, упрекавшему его этим суеверием:

> «Наши сингалезские религиозные книги учат, что солнечные и лунные затмения означают падение Раху[575] (одна из девяти планет), *но не дьявола*».[576]

Происхождение мифа о «Драконе», играющего такую выдающуюся роль в «Апокалипсисе» и в *«Золотой Легенде»,* а также в повествовании о Симоне Пустыннике, обращающем Дракона в христианскую веру, – несомненно буддийское или даже добуддийское. Именно, чистые доктрины Гаутамы привели к буддизму кашмирцев, первоначальным культом которых был культ Офита, или Змия. Ладан и цветы заменили человеческие жертвоприношения и веру в личных демонов. Настала очередь христианства унаследовать пагубное суеверие о дьяволах, наделенных тлетворными и смертоносными силами. В «Махавансе», старейшей из Цейлонских книг, изложено повествование о царе Коверкапале *(cobra-de-capello),* змеином боге, который был обращен в буддизм святым

---

[575] Раху и Кехетти – две неподвижные звезды, образующие голову и хвост созвездия Дракона.

[576] [**624**, с. 54], – ответ, данный высшим жрецом Мальгирса Галли Вихарай, по имени Суи Бандари Метанкири Саманири Самаваханси, одному датскому губернатору в 1766 году.

Рахатом;[577] и оно более раннее, несомненно, нежели *«Золотая Легенда»,* которая рассказывает то же самое о Симеоне Пустыннике и его Драконе.

Логос еще раз торжествует над великим Драконом; Михаил, блестящий архангел, глава эонов, побеждает Сатану.[578]

Этот факт, заслуживающий упоминания, что до тех пор, пока посвященный молчал о том, «что он знал», он был в совершенной безопасности. Так было в старину, и так это теперь. Как только христианский Бог, эманирующий из *Безмолвия,* проявляется как *Слово* или Логос, последнее становится причиной его смерти. Змий есть символ мудрости и красноречия, но он также является символом разрушения. «Дерзать, знать, хотеть и *молчать*» – являются основными аксиомами каббалиста. Подобно Аполлону и другим богам, Иисуса убивает его Логос;[579] он встает опять, в свою очередь убивает его и становится его господином. Может ли быть, что этот древний символ, подобно остальным философским концепциям древности, имеет более, чем одно аллегорическое и никогда неподозреваемое значение? Эти совпадения слишком странны, чтобы быть результатом чистой случайности.

И теперь, когда мы доказали эту тождественность между Михаилом и Сатаной, Спасителями и Драконами других народов, что может быть более ясным, нежели то, что все эти философские мифы родились в Индии, в этом всемирном рассаднике метафизического мистицизма?

> «Мир», – говорит Раматсариар в своих комментариях к Ведам, – «начался с соперничества между Духом Добра и Духом Зла, и так же должен кончиться. После уничтожения материи зло не сможет больше существовать, оно должно возвратиться в ничто».[580]

В «Апологии» Тертуллиан явно ощутимо фальсифицирует каждую доктрину и верование язычников, касающиеся пророчеств и богов. Он называет их, без различия демонами и дьяволами, обвиняя последних, что они подвергают одержанию даже птиц небесных! Какой христианин теперь осмелится сомневаться в таком авторитете? Разве Псалмопевец не воскликнул: «Все боги народов – *идолы»;* и разве ангел школы, Фома Аквинский, пользуясь своим каббалистическим авторитетом, не разъясняет слово *идолы* как *дьяволы?*

> «Они приходят к людям», – говорит он, – «и заставляют людей поклоняться им, совершая перед ними определенные деяния, которые кажутся чудом» [**625**, II, § 94].

Отцы были предусмотрительны, так же как и мудры в своих выдумках. Чтобы сохранить беспристрастность, они, после создания Дьявола, взялись за создание апокрифических святых. Мы уже назвали нескольких из них в предыдущих главах, но мы не должны забыть Барония, который, прочтя в одном труде Хризостома о священной *Ксенорис,* это слово означает *пара* – принял это за имя святого и тотчас приступил к созданию из него *мученика* из Антиохии, причем дал подробную и подлинную биографию «благословенного мученика». Другие теологи сделали из Аполлиона или, вернее, из *Apoloufn* – анти-Христа. *Apolouôn* есть платоновский «мойщик», бог, *который очищает,*

---

[577] Мы предоставляем ученым археологам и филологам решить, как культ Нага или Змия мог пропутешествовать из Кашмира в Мексику и стать Наргал-культом, который также есть культ Змия и учение о ликантропии.

[578] Михаил, глава эонов, есть также “Гавриил, посланец Жизни” назареев и индусский Индра, глава добрых духов, победивших Васуки, демона, восставшего против Брахмы.

[579] Взгляните на амулет гностиков, называемый “Хнуфис-Змий”, на котором последний представлен поднимающим голову, увенчанную *семью гласными,* что является каббалистическим символом, означающим “дар речи человеку”, или *Логос.*

[580] *“Tamas, the Vedas”.*

кто отмывает и *освобождает* нас от греха, но он был таким образом переделан в того, «чье имя на еврейском языке – Абаддон, а на греческом языке его имя Аполлион» – Дьявол!

Макс Мюллер говорит, что Змий в Раю представляет собою концепцию, которая могла возникнуть среди евреев, и «кажется едва ли предлагающей сравнение с гораздо более величественными концепциями страшной власти Вритра и Ахримана в Веде и в «Авесте»». У каббалистов Дьявол всегда был мифом – обратной стороной Бога или добра. Современный маг Элифас Леви называет Дьявола *l'ivresse astrale.* Это слепая сила, подобная электричеству, – он говорит; и, говоря аллегорически, как он всегда это делал, Иисус сказал, что он «видел, как Сатана подобно молнии падал с неба».

Духовенство упорствует, что Бог послал Дьявола искушать человечество, – что было бы довольно странным способом проявления его беспредельной любви к человечеству! Если Всевышний в самом деле виновен в таком чуждом отцовству предательстве, то он, действительно, достоин поклонения только со стороны церкви, способной петь *«Te Deum»* над резней Варфоломеевской ночи и благословляющей сабли мусульман, обнаженные для убиения греческих христиан!

Это и здоровая логика и хороший разумный закон, ибо не является ли это девизом юриспруденции: *«Qui facit per alium, facit per se»?*

Огромное расхождение существующее между различными концепциями о Дьяволе, часто и в самом деле кажется смешным. В то время как фанатики неизменно наделяют его рогами, хвостом и всевозможными отталкивающими чертами, включая туда даже отвратительное человеческое зловоние,[581] Мильтон, Байрон, Гете, Лермонтов и целый сонм французских романистов воспели ему хвалу в плавных стихах и в волнующей прозе. Мильтоновский Сатана и даже Гетевский Мефистофель определенно являются гораздо более впечатляющими фигурами, чем некоторые ангелы, изображенные в прозе восторженных фанатиков. Нам нужно лишь сопоставить два описания. Давайте сперва предоставим слово несравненно сенсационному де Мюссе. Он дает нам сногсшибательное описание одного инкуба словами самой кающейся грешницы:

> «Однажды», – рассказывает она, – «в течение целых полчаса она видела *ясно* около себя личность с черным, страшным, безобразным телом: на огромных по величине руках выделялись *когтистые* пальцы странной крючкообразной формы. Чувства зрения, осязания и *обоняния* были подтверждены чувством слуха!!» [**100**, с. 379]

И все же, в течение нескольких лет эта девица терпела, что такой герой сбивал ее с пути! Насколько же выше этого пахучего кавалера представляется нам величественная фигура Мильтоновского Сатаны!

Пусть тогда читатель попытается представить себе, если он может, эту превосходную химеру, этот идеальный образ восставшего ангела, воплощения Гордости – вползающим в кожу наиболее отвратительного из всех животных. Тем не менее, христианский катехизис учит нас, что Сатана в *propria persona* соблазнял нашу праматерь Еву в реальном Раю, и притом именно в виде змия, который был наиболее вкрадчивым и обворожительным изо всех животных! В наказание Бог приказывает ему вечно ползать на

---

[581] См. де Мюссе; см. различных других демонографов; разные *“Суды ведьм”* и показания последних, исторгнутые пыткой, и т. п. По нашему смиренному суждению. Дьявол, должно быть, заразился этим неприятным запахом и своими привычками неопрятности в компании средневековых монахов. Многие из этих святых хвастались тем, что они никогда не мылись! “Обнажать себя ради *суетной* чистоты значит согрешить в глазах Бога”, говорит Шпренгер в “Молоте ведьм” [**395**]. Отшельники и монахи “страшились всякого очищения, как скверны. Там тысячу лет не мылись”! – восклицает Мишле. Почему же такие нападки на индусских факиров в таком случае? Последние, если держатся грязными, намазываются только после мытья, так как их религия предписывает им умываться каждое утро, а иногда и несколько раз в день.

животе и пресмыкаться в прахе. «Это приговор», – замечает Леви, – «который ничем не напоминал о традиционном пламени ада». Тем более, что действительный зоологический змей, который был создан до Адама и Евы, уже ползал на своем животе и пресмыкался точно также в прахе, когда еще не было никакого первоначального греха.

Не говоря уже об этом, разве Офиона Даймона или Дьявола подобно Богу не называли *Dominus?* [88, с. 109] Слово *Бог* (божество) произведено от санскритского *Дэва,* а Дьявол – от персидского *даэва,* каковые слова, по существу, одинаковы. Геркулес, сын Юпитера и Алкмены, один из высочайших солнечных богов и также проявленный Логос, тем не менее представлен как обладающий двойственной натурой, как и все другие.[582]

Агафодемон, благодетельный демон,[583] тот же самый, которого мы позднее находим у офитов под названием Логоса, или божественной мудрости, изображался в виде змия, вертикально стоящего на *столбе* в вакхических мистериях. Змий с ястребиной головой числится среди старейших египетских эмблем и представляет собою божественный разум, говорит Дин [622, с. 145].

Азазель есть Молох и Самаэль, говорит Моверс,[584] и мы обнаруживаем, что Аарон, брат великого законодателя Моисея, делал равные жертвоприношения и Иегове и Азазелю.

И Аарон должен бросить жребий на *двух козлов:* один жребий для Господа (в подлиннике – *Ихох)* и один жребий для козла отпущения» (Азазеля).

В Ветхом Завете Иегова проявляет все атрибуты старого Сатурна,[585] несмотря на всю метаморфозу из Адони в Элои и Бога Богов, Господа Господ.[586]

Иисуса искушает на горе Дьявол, который сулит ему царства и славу, если он только падет и будет поклоняться ему [*Матфей,* IV, 8, 9]. Будду искушает Демон Васавартхи Мара, который говорит ему, когда тот уходит из отцовского дворца: «Умоляю тебя остаться, чтобы ты мог получить все почести, достижимые для тебя; не уходи, не уходи!» После отказа Гаутамы принять его предложения он скрипит зубами от ярости и грозит ему местью. Подобно Христу, Будда торжествует над Дьяволом [276, с. 60].

В вакхических мистериях *освященная чаша* передавалась вокруг после ужина – называемая чашей агафодемона [626, т. I, с. 404]. Офический обряд такого же описания, очевидно, заимствован из этих мистерий. Причастие хлебом и вином фигурировало в культах почти всех сколько-нибудь значительных божеств.[587]

В связи с полумитраическим таинством, воспринятым маркузианами, другой гностической сектой, совершенно каббалистической и *теургической,* существует странное повествование, приводимое Епифанием в качестве иллюстрации искусности Дьявола. При совершении их обряда причастия, в братство приносили три вазы из тончайшего и прозрачнейшего хрусталя, которые наполняли белым вином. Пока церемония продолжалась, на виду у всех присутствующих это вино мгновенно превращалось в кроваво-красное, пурпурное, и затем в небесно-голубое.

> «Затем маг», – говорит Епифаний, – передает одну из ваз женщине из братства и просит ее благословить ее. Когда это сделано, маг переливает содержимое этой вазы в другую вазу

---

[582] Геркулес – индусского происхождения.

[583] То же самое что и египетский Кнеф и Офит гностиков.

[584] [**88**, с. 397]. Азазель и Самаэль – идентичны.

[585] Сатурн есть Бэл-Молох, и даже Геркулес и Шива. Оба последние суть *Харакала,* или боги войны, или “Господа воинств”. Иегову называют “мужем брани” в [*Исход,* XV, 3]. “Господь воинств [Саваоф] – имя его” [*Исайя,* LI, 15], и Давид благословляет его за то, что он научает “руки мои битве и персты мои брани” [*Псалмы,* CXLIII, 1]. Сатурн также есть Солнце, и Моверс говорит, что “Кроноса-Сатурна финикийцы называли *Израилем”* (130). Филон говорит то же самое (у Евсевия, с. 44).

[586] “Будьте благословенны Иахох, Алахим, Алахи и Израиль” [*Псалмы*].

[587] Моверс, Данкер, Хиггинс и другие.

гораздо большего объема с молитвою: «Пусть милость Бога, который выше всего, непостижим и необъясним, наполнит твоего внутреннего человека и возрастит познание Его внутри тебя, посеяв горчичное семя в добрую землю».[588] После этого жидкость в большей вазе поднимается, пока не начинает переливаться через край».[589]

В связи с некоторыми языческими божествами, которые представлены после смерти и перед их воскресением сходящими в Ад, полезно будет сопоставить дохристианские повествования с послехристианскими. Орфей проделал это путешествие;[590] и Христос был последним из этих подземных путешественников. В *«Символе веры»* Апостолов, которое разделено на 12 параграфов или *догматов*, – по данным Св. Августина, каждый апостол вписывал свой особый догмат [627, 8, с. 26], – слова: «Он сошел в Ад и на третий день воскрес из мертвых», – приписаны Фоме; возможно – в искупление его неверия. Как бы то ни было, этот параграф объявлен подделкой, и не существует никаких доказательств, «что этот символ веры был сформулирован апостолами, или даже, что он существовал в качестве такового в их время» [628, с. 9].

Это – наиболее значительное добавление в Апостольском Символе веры, и ведет свое начало от 600 года христианской эры.[591] Оно не было известно в дни Евсевия. Епископ Парсонс говорит, что его не было в древних символах или правилах веры [629, с. 225]. Ириней, Ориген и Тертуллиан являют полное неведение в отношении этого предложения.[592] Оно не упоминается ни одним Собором до седьмого века. Теодорет, Епифаний и Сократ молчат о нем. Оно расходится с «символом веры» у Св. Августина [630]. Руффин подтверждает, что в его время его не было ни в римском, ни в восточном символах веры (Изложено в *Апостольском Символе веры*, § 10). Но проблема разрешается, когда мы узнаем, что века тому назад Гермес Прометею, прикованному к сухим скалам Кавказской горы, сказал следующее:

> «Таким страданиям не ищи конца ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НЕКИЙ БОГ НЕ ПОЯВИТСЯ В КАЧЕСТВЕ ЗАМЕСТИТЕЛЯ В ТВОИХ МУКАХ И НЕ ЗАХОЧЕТ ПОЙТИ И ВО МРАЧНЫЙ ГАДЕС, И В ТЕМНЫЕ ГЛУБИНЫ ВОКРУГ ТАРТАРА»! (Эсхил, «Прометей», [**631**, строфа 1027]).

Этим богом был Геракл, «Единородный» и Спаситель. Именно его изобретательные отцы избрали в качестве модели. Геркулес, прозванный Алексикакос, так как он переубеждал безнравственных и обращал их на путь добродетели; *Сотер,* или Спаситель, его также называли *Neulos Eumelos – пастырь добрый,* Астрохитон, облаченный в звезды, и Господь Огня.

> «Он не стремился подчинять народы силою, но *божественной мудростью* и убеждением», – говорит Лукиан. – «Геракл распространял земледелие и кроткую религию: и

---

[588] [**475**, XXXIV] – [**410**, с. 53].

[589] Вино впервые было сделано *священным* в мистериях Вакха. Пейн Найт считает – мы полагаем, ошибочно – что вино применялось с целью вызвать ложный экстаз через опьянение. Однако, его считали священным, и христианское причастие, несомненно, является подражанием языческому обряду. Прав Найт или неправ, мы с сожалением отмечаем, что протестантское духовное лицо, достопочтимый Джозеф Бланчард из Нью-Йорка был обнаружен пьяным в одном из публичных скверов в воскресную ночь 5 августа 1877 г., и был помещен в тюрьму. В сообщении об этом говорится: “Заключенный сказал, что он был в церкви и немного перепил вина причастия”!

[590] Обряд посвящения олицетворял сошествие в подземный мир Вакх, Геракл, Орфей, Асклепий – все сходили в ад и восходили оттуда на третий день.

[591] “Апостольский Символ веры”; “Апокрифический Новый Завет”.

[592] Кн. 1, ч. 2; *“Lib. de Princ”*. в *“Prooem. Advers. Praxeam”,* гл. II.

разрушил доктрину *вечного мучения* путем изгнания Цербера (языческого Дьявола) из преисподней».

И, как мы видим, это был опять Геракл, кто освободил Прометея (Адама язычников), положив конец страданиям, навлеченным на него его нарушениями закона, спустившись в Гадес и обойдя Тартар. Подобно Христу, он явился, как *заместитель в муках человечества,* принося себя в жертву на погребальном костре.

> «Его добровольное самопожертвование», – говорит Барт, – «означало эфирное новое рождение людей... Через освобождение Прометея и воздвижение алтарей мы видим в нем посредника между старым и новым вероисповеданиями... Он упразднял человеческие жертвоприношения, где бы только он их ни находил. Он сошел в мрачное царство Плутона, как тень... *он поднялся как дух к своему отцу Зевсу на Олимп».*

Настолько древние находились под впечатлением легенды о Геракле, что даже *монотеистические* (?) евреи того времени, чтобы не отставать от своих современников, использовали ее при создании своих первоначальных сказаний. Геракла в его мифобиографии обвиняют в попытке похищения Дельфийского оракула. В «Сефер Толдос Иешу» раввины обвиняют Иисуса в похищении из их Храма Несказуемого Имени!

Поэтому вполне естественно найти его многочисленные похождения, светские и религиозные, так верно отображенными в «Сошествии в Ад». По своей непревзойденной лживости и некраснеющему от стыда плагиатизму *«Евангелие от Никодима»,* только *теперь* объявленное апокрифическим, превосходит все, что мы читали. Пусть читатель судит сам.

В начале главы XVI Сатана и «Князь Ада» описываются, как мирно собеседующие. Вдруг оба испуганы «голосом как бы грома» и завыванием ветров, требующим от них, чтобы они открыли свои врата, так как *«Царь Славы* войдет». После этого Князь Ада, услышав такое, «начинает ссориться с Сатаной, что тот исполняет свои обязанности настолько плохо, что не принял необходимых предосторожностей против такого посещения». Ссора кончается тем, что Князь выбрасывает Сатану «из своего ада», в то же самое время приказывая своим нечестивым офицерам «запереть медные врата жестокости, укрепить их железными брусьями и храбро сражаться, чтобы нас не взяли в плен».

Но «когда все сборище святых... (в Аду?) услышало это, они громким и сердитым голосом закричали Князю Тьмы: «Открой свои ворота, чтоб Царь Славы мог войти», тем доказывая, что Князь нуждался в делегатах.

«И *божественный* (?) пророк Давид воскликнул, говоря: «Разве я не правильно пророчествовал, когда был на земле?»» После этого другой пророк, а именно, святой Исаия, заговорил подобным же образом: «Разве я неправильно пророчествовал?» и т. д. Затем компания святых и пророков, после того как на протяжении целой главы хвастались и сравнивали знаки своих пророчеств, – начинает буйствовать, что заставляет Князя Тьмы обронить замечание, что «никогда еще мертвые не осмеливались так нагло вести себя по отношению к нам» (чертям, XVIII, 6); в то же время притворяясь, что он не знает, *кто* требует войти. Затем он с невинным видом опять спрашивает: «А кто это такой Царь Славы?» Тогда Давид говорит ему, что он хорошо знает этот голос и вполне понимает его слова, «потому», он добавляет, «что я произносил их его Духом». Наконец, догадываясь, что Князь Тьмы так и не откроет свои «медные врата беззакония», несмотря на ручательство за посетителя, даваемое царем-псалмопевцем, Давид приходит к решению обращаться с врагом, «как с филистимлянином, и начинает кричать: «Ах ты, грязный и вонючий князь ада, открой свои ворота... Я тебе говорю, что Царь Славы идет... впусти его!»»

Пока он еще перебранивается, «всемогущий Господь появляется в виде *человека»* (?), после чего «Нечестивая Смерть и ее жестокие офицеры охвачены страхом». Затем они, трепеща, начинают обращаться к Христу с различной лестью и комплиментами в виде

вопросов, причем каждый из них *представляет собою догмат веры*. Например: «И кто ты такой, настолько могучий и великий, что освобождаешь пленников, которые были в *цепях первородного греха*?» – спрашивает один дьявол. «Вероятно, ты тот Иисус», – покорно говорит другой, – «про которого только что говорил Сатана, что *своей смертью на Кресте ты получишь власть над смертью?»* и т. д. Вместо ответа Царь Славы «растаптывает Смерть, схватывает Князя Ада и лишает его власти».

Затем в аду начинается суматоха, которая была изобразительно описана Гомером, Гесиодом и их переводчиком Преллером в его изложении Астрономического Геркулеса *Invictus*, и его празднеств в Тире, Тарсусе и Сардисе. После посвящения в аттических Элевзиниях, языческий бог спускается в Гадес и – «войдя в преисподнюю, он посеял такой ужас среди мертвых, что все они разбежались!» Те же самые слова повторены в *«Никодиме».* Следует сцена суматохи, ужаса и сожалений. Чувствуя, что битва проиграна. Князь Ада бежит и благоразумно присоединяется к сильнейшей стороне. Тот, против кого, согласно Иуде и Петру, даже архангел Михаил «не осмелился выставлять бранных обвинений перед Господом», подвергается теперь позорному обращению со стороны своего бывшего союзника и друга «Князя Ада». Бедного Сатану оскорбляют и поносят за все его преступления и черти и святые, тогда как *Князь* открыто получает награду за свое предательство. Обращаясь к нему Царь Славы говорит так: «Вельзевул, Князь Ада! теперь Сатана, князь, отдается в твое подчинение *навсегда вместо Адама* и его праведных сынов, которые мои... Придите ко мне вы, все мои святые, которые были *созданы по моему образу,* которые *были осуждены древом запретного плода,* и *Дьяволом и смертью.* Живите теперь *древом моего креста;* Дьявол, князь мира сего, повержен (?), и Смерть побеждена». Затем Господь берет Адама за правую руку, Давида за левую, и *«поднимается* из Ада в сопровождении всех святых», Еноха и Илии, и *«святого* разбойника».[593]

Благочестивый автор, вероятно, по недоглядению забыл дополнить эту кавалькаду, завершив ее хвост раскаявшимся драконом Симона Пустынника и новообращенным волком Св. Франциска, виляющими своими хвостами и проливающими слезы радости!

В «Кодексе назареев» *Тобо* является *«освободителем души Адама»;* он выносит ее из Оркуса (Гадеса) к месту ЖИЗНИ. Тобо – это Тоб-Адониях, один из двенадцати учеников (левитов), посланных Иехосафатом проповедовать в городах Иудеи «Книгу Закона» [*2 Летопись*, XVII]. В каббалистических книгах они названы «мудрецами», магами. Они привлекли с неба лучи солнца, чтобы осветить шеол (Гадес) Оркус, и таким образом показать выход из *Тенебры,* тьмы невежества, душе Адама, представляющей коллективно «все души человечества». Адам (Атхамас) есть Тамуз или Адонис, и Адонис есть солнце Гелиос. В «Книге Мертвых» [VI, 231] Озирис представлен говорящим:

> «Я сияю как солнце в звездном доме в праздник солнца».

Христа называют «Солнцем Праведности», «Гелиосом Справедливости» [633, V, 29], просто поправляя древние языческие аллегории; и все же, заставить его служить для такой роли не менее кощунственно со стороны людей, которые претендуют на описания подлинного эпизода земного странствия своего Бога!

> «Геракл, который ушел из палат земли,
> Оставив нижний дом Плутона!» [**634**, 807]
> «Пред ТОБОЮ Стигийские озера трепетали; тебя пес Орка
> Боялся... Ты не боялся даже Тифона...
> Привет тебе, *истинный* СЫН ЮПИТЕРА, СЛАВА богов умножилась!» [**168**, VIII, строфа 274]

---

[593] Никодим, “Апокрифическое Евангелие”, перевод с *Евангелия*, опубликованного Гринеусом – [**632**, т. I, кн. II, с. 643].

Более чем за четверть века до рождения Иисуса Аристофан уже написал свою бессмертную пародию на «Сошествие в Ад» Геракла.[594] Хор «благословенных посвященных, Елисейские поля, прибытие Вакха (который есть Иакхос – Иахо – и *Саваоф)* с Гераклом, прием их с зажженными факелами, эмблемами *новой жизни* и ВОСКРЕСЕНИЯ из тьмы, вечную ЖИЗНЬ – ничто из того, что мы находим в *«Евангелии от Никодима»* не отсутствует в этой поэме:

> «Смотри, горящие факелы... ибо ты приходишь,
> Потрясая ими в твоей руке, Иакхе,
> Светящаяся звезда ночного обряда!»

Но христиане принимают эти посмертные приключения своего бога, состряпанные по приключениям его языческих предшественников и высмеянные Аристофаном за четыре века до нашей эры, – *буквально!* Нелепости Никодима читались в церквях, так же как и нелепости «Пастыря Гермия». Ириней цитирует последнее, именуя его «Священным Писанием» и боговдохновенным «откровением»; Иероним и Евсевий оба настаивают, чтобы он читался публично в церквях, а Афанасий говорит, что отцы «постановили читать его *для утверждения веры и набожности».* Но затем появляется обратная сторона блестящей медали, чтобы еще раз доказать, сколь устойчивы и достоверны суждения прочнейших столпов *непогрешимой* церкви. Иероним, одобряющий эту книгу в своем каталоге церковных писателей, в своих более поздних комментариях называет ее «апокрифической и глупой»! Тертуллиан, не находя достаточной похвалы для «Пастыря Гермия» пока был католиком, – «стал поносить его, когда стал монтанистом».[595]

Глава XIII начинается с повествования, рассказываемого двумя воскресшими из мертвых духами Харином и Лентием, сыновьями того Симеона, который в «Евангелии от Луки» [II, 25-32] берет младенца Иисуса на руки и славит Бога, говоря:

> «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое».[596]

Эти два духа поднялись со своих холодных могил с целью оповестить «тайны», увиденные ими после смерти в аду. Они получили возможность совершить это только в силу

---

[594] *"Лягушки",* см. фрагменты, приведенные в [**141**].

[595] См. Предисловие к *"Гермию"* в [**491**].

[596] В "Жизни Будды" Бкаха Гиура (тибетский текст) мы находим первоисточник эпизода, изложенного в *Евангелии от Луки*. Старый и святой аскет, риши Асита, приходит издалека, чтобы увидеть младенца Будду, оповещенный о его рождении и миссии в сверхъестественных видениях. Преклонившись перед маленьким Гаутамой, старый святой расплакался и на вопрос о причине его горя, ответил: "После того, как он станет Буддой, он поможет сотням тысяч миллионов тварей перейти на другой берег океана жизни и приведет их навсегда к бессмертию. А я – я не увижу этой жемчужины Будд! Исцелившись от своей болезни, я не буду освобожден им от человеческих страстей! Великий Царь! Я слишком стар – вот почему я плачу и почему в своей печали испускаю долгие вздохи!"

Это, однако, не помешало святому человеку произносить пророчества о молодом Будде, которые с незначительной разницей имеют тот же самый смысл, что и пророчества Симеона об Иисусе. В то время как последний называет молодого Иисуса "светом для просвещения язычников и славой народа Израиля", буддийский пророк обещает, что юный принц найдет себя облаченным в совершенное и полное *озарение* или "свет" Будды", и повернет колесо *закона* так, как никто еще *до него не повернул. "Rgya Tcher Rol Pa";* переведено с тибетского и пересмотрено по санскритскому оригиналу [**637**, т. II, с. 106, 107].

настойчивой молитвы Анна и Каиафы, Никодима (автора), Иосифа (Аримафейского) и Гамалиила, которые умоляли их раскрыть им эти великие тайны. Однако, Анна и Каиафа, которые приводят *этих духов* в синагогу в Иерусалиме, прибегают к предосторожности и заставляют этих двух воскрешенных мужей, которые были мертвы и похоронены годами, поклясться на *«Книге Закона»* «Богом Адонаем и Богом Израиля», что они будут говорить только правду. Поэтому, совершив *крестное знамение* над своими языками,[597] они требуют бумаги, чтобы записать свои показания [XII, 21-25]. Они свидетельствуют, как «находясь в глубине ада, в черноте тьмы», они вдруг увидели «сильный пурпуровый свет, освещающий это место». После этого Адам вместе с патриархами и пророками начали радоваться, а Исаия немедленно хвастанул, что он *все это предсказал.* Пока все это происходило, пришел Симеон, их отец, и объявил, что «ребенок, которого он держал на руках в храме, теперь идет сюда, чтобы освободить их».

После того как Симеон передал свое сообщение этой отборной компании в аду, «появился некто наподобие маленького отшельника (?), оказавшийся Иоанном Крестителем». Идея поучительная и показывает, что даже «Предтеча» и «Пророк Всевышнего» не избежал просушки в аду до очень маленьких размеров, что, конечно, не могло не отразиться на его мозгах и памяти. Забывая, что [*Матфей,* XI] он проявил самые явные сомнения по поводу мессианства Иисуса, Иоанн Креститель тоже претендует на право быть признанным в качестве пророка.

«И я, Иоанн», – говорит он, – «когда увидел идущего ко мне Иисуса, движимый Святым Духом, я сказал: «Узри Агнца Божьего, который уносит грехи мира»... И я крестил его... и видел, как Святой Дух спустился на него и сказал: «Се Сын мой возлюбленный», и т. д.»

И подумать только, что его потомки и последователи подобно мандеянам Басры, совершенно отвергают эти слова!

Затем Адам, действуя как будто бы его правдивость в этой «нечестивой компании» может быть подвергнута сомнению, зовет своего сына Сифа и хочет, чтобы тот объявил его сыновьям, патриархам и пророкам то, что архангел Михаил сказал ему у ворот Рая, когда он, Адам, послал Сифа «упросить Бога, чтобы он помазал» его голову, когда Адам был болен [XIV, 2]. И Сиф, рассказывает им, что когда он молился у ворот Рая, Михаил не советовал ему просить у Бога

> «масла древа милосердия, чем мазать отца Адама от его *головной боли.* так как ты никак не можешь его достать до ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ и времен, а именно, до тех пор, *пока не пройдет 5500 лет».*

Этот небольшой отрывок частной болтовни между Михаилом и Сетом, очевидно, был вставлен в интересах патриотической хронологии; и с целью еще теснее увязать мессианство с Иисусом, опираясь на авторитет признанного и боговдохновенного *Евангелия.* Отцы первых веков совершили непоправимую ошибку, уничтожая хрупкие изображения и смертных язычников в предпочтение памятникам египетской древности. Они тем более стали дороги для археологии и современной науки, поскольку обнаружилось, что они доказывают, что царь Менес и его зодчие процветали между четырьмя и пятью тысячами лет до того, как «Отец Адам» и вселенная, согласно библейской хронологии, были созданы «из ничего».[598]

---

[597] Крестное знамение – всего только несколько дней спустя после воскресения и до того, как крест когда-либо был представлен как символ!

[598] Пейн Найт показывает, что со времени первого царя Менеса, при царствовании которого вся страна ниже озера Мерис представляла собою болото [**356**, II, 4], до времени вторжения персов, когда она была садом мира, – должно было пройти от 11000 до 12000 лет”. (См. [**548**, с. 108]).

«В то время как все святые возрадовались, Сатана, князь и руководитель смерти», говорит Князю Ада: «Приготовься к приему самого Иисуса из Назарета, который хвастался, что он Сын Бога, и все же был человеком, испугавшимся смерти и сказавшим: «Душа моя полна печали, даже до смерти»» [XV, 1, 2].

Среди писателей греческого духовенства существует предание, что «еретики» (возможно Цельс) едко насмехались над христианами по поводу этого щекотливого пункта. Они утверждали, что если Иисус не был бы простым смертным, которого часто покидал Дух Христоса, то он не жаловался бы в таких выражениях, какие ему приписываются; также он не воскликнул бы громким голосом: «Мой *бог,* Мой *бог!* Почему ты покинул меня?» На это возражение в *«Евангелии от Никодима»* дан очень искусный ответ, и именно «Князь Ада» улаживает это затруднение.

Он начинает спорить с Сатаной как истинный метафизик.

«Кто тот могущественный князь», – насмешливо осведомляется он, – «кто такой могущественный и все же человек, боящийся смерти?.. Я подтверждаю тебе, что когда он сказал, что он боится смерти, *он замыслил обмануть тебя,* и это было бы твоим несчастьем на веки вечные».

Ободрительно увидеть, как тесно автор этого *Евангелия* примыкает к тексту своего Нового Завета и в особенности к четвертому евангелисту. Как ловко он подготавливает путь для на вид «невинных» вопросов и отвечает, подкрепляя наиболее сомнительные места четырех *Евангелий* – места, подвергавшиеся сомнению и перекрестным допросам в те дни тонкой софистики ученых гностиков больше, чем теперь; это веская причина, почему церковным отцам следовало бы гораздо больше позаботиться о сожжении документов своих противников, чем уничтожении самой их ереси. Последующее дает хороший пример. Диалог между Сатаной и *полуобращенным* Князем-метафизиком подземного мира продолжается.

«Кто же тогда этот Иисус из Назарета», – наивно спрашивает князь, – «если своим словом, без молитвы Богу, отнял у меня умершего?» (XV, 16).

«Возможно», – отвечает Сатана с невинностью иезуита, – «что *это тот же самый, который отнял у меня* ЛАЗАРЯ, *после того как он уже четыре дня был мертв,* и вонял и гнил?.. Это та же самая личность – Иисус из Назарета... Я заклинаю тебя, силами, которые принадлежат тебе и мне, не приводи его ко мне!» – восклицает князь. – «Ибо когда я услышал о силе его слова, я задрожал от страха, и вся моя *нечестивая* компания встревожилась. И мы не были в состоянии удержать Лазаря, а он *встряхнулся* и *со всеми признаками злобы* ушел от нас; и сама земля, где мертвое тело Лазаря было заключено, сразу же вернула ему жизнь». «Да», – задумчиво добавляет Князь Ада, – «я знаю теперь, *что он есть Всемогущий Бог,* который могущественен в своем царстве и могущественен *в своей человеческой природе,* и который есть Спаситель человечества. Не приводи эту личность сюда, так как он освободит всех тех, кого я держу в плену неверия и... *поведет их к вечной жизни»* [XV, 20].

На этом заканчивается посмертное показание этих двух духов. Харин (дух № 1) отдает то, что написал, Анна, Каиафе и Гамалиилу, а Лентий (дух № 2) свое – Иосифу и Никодиму; покончив с этим делом, оба превращаются в «фигуры чрезвычайной белизны и больше их не было видно».

Чтобы показать в дальнейшем, что эти «духи» все время находились в строжайших «условиях проверки», как сказали бы современные спиритуалисты, – автор этого *Евангелия* добавляет:

«Но что они написали, было *найдено совершенно совпадающим;* у одного не было ни буквы больше или меньше, чем у другого».

Эта новость распространилась по всем синагогам – *Евангелие* продолжает свое повествование – и по совету Никодима Пилат пошел в храм и собрал евреев вместе. На этой исторической встрече, Каиафа и Анна представлены объявляющими, что их Священные Писания свидетельствуют, *«что Он (Иисус) есть Сын Бога и Господь и Царь Израиля»* (!), и заканчивающими это признание следующими памятными словами:

> «И таким образом явствует, что Иисус, которого мы распяли, есть Иисус Христос, Сын Бога, и истинный и Всемогущий Бог. Аминь». (!)

Несмотря на такое сокрушительное для них самих признание, и признание Иисуса самим Всемогущим Богом «Господом Богом Израиля», ни верховный первосвященник, ни его тесть, ни кто-либо из старейшин, ни Пилат, который записывал эти заявления, ни один сколько-нибудь выдающийся еврей Иерусалима не стали христианами.

Комментарии излишни. Это *Евангелие* заканчивается словами:

> «Во имя Святой Троицы [о которой Никодим в то время еще ничего не мог знать] так заканчиваются Деяния нашего Спасителя Иисуса Христа, которые император Феодосий Великий нашел в Иерусалиме в приемной Понтия Пилата среди материалов государственного архива»; каковую историю якобы написал по-еврейски Никодим, «и события эти произошли в девятнадцатом году царствования Тиберия Цезаря, римского императора, и в семнадцатом году правления Ирода, сына Ирода, царя Галилейского, восьмого числа до календ апреля, и т. д. и т. д.».

Это является наиболее неприкрытым мошенничеством, какое было совершено после эры набожных подделок, начатой первым епископом Рима, кто бы он ни был. Кажется, что этот неуклюжий подделыватель не знал и не слыхал, что догмат о Троице был провозглашен не раньше чем 325 лет спустя после этой предполагаемой даты. Ни Ветхий, ни Новый Завет не содержат в себе слова «троица», так же как ни малейшего намека на эту доктрину (см. ранее в этом томе, «Сошествие Христа в ад»). Никакое объяснение не может оправдать пускания в ход подложного *Евангелия* в качестве божественного откровения, ибо с самого начала оно было известно как преднамеренное мошенничество. Если теперь само это *Евангелие* и объявлено апокрифическим, то тем не менее каждая содержащаяся в нем догма как навязывалась, так по-прежнему и навязывается христианскому миру. И даже тот факт, что оно теперь отвергнуто, не заслуга, *ибо церковь была пристыжена и вынуждена к этому.*

Итак, мы вполне вправе повторить исправленный «Символ веры» Роберта Тэйлора, который, по существу, является христианским *«Символом веры».*

Я верю в Зевса, в Отца Всемогущего,
И в его сына Иасиоса Христа, нашего Господа,
Который был зачат Святым Духом,
Рожден от Девы Электры,
Убит молнией,
Умер и был похоронен,
Он сошел в Ад,
Снова поднялся и вознесся высоко,
И вернется судить живых и мертвых,
Я верю в Святой Ноус,
В святой круг великих богов,
В общину божеств,
В искупление грехов,
В бессмертие Души
И в Жизнь Вечную.

Доказано, что израильтяне поклонялись Ваалу, сирийскому Вакху, воскуривали фимиам сабазианскому или эскулапскому Змию, и совершали Дионисийские мистерии. И как это могло быть иначе, если Тифона называли Тифоном Сетом,[599] а Сиф, сын Адама, тождественен с Сатаной Сатаном; и Сифу поклонялись хетты? Менее чем за два века до Р. Х., мы находим, что евреи или почитали, или, просто, поклонялись «золотой голове осла» в своем храме; согласно Апиону, Антиохий Епифан увез ее с собой. И Захария был ошеломлен появлением в храме божества в виде осла!*

[*Прим. Об этом факте соизволил сообщить Епифаний. См. Хоун, "Апокрифический Новый Завет"; *"Евангелие от Марии"*.

В своей талантливой статье *"Вакх – бог-прорицатель"* проф. А. Уайлдер замечает, что "Тацит был введен в заблуждение, думая, что евреи поклоняются ослу, символу Тифона или Сифа, бога гиксосов. Египетское имя этого осла было *его,* фонетическое от Иао"; и поэтому вероятно, он добавляет, – "символ от этого чистая случайность". Мы вряд ли можем согласиться с этим ученым археологом, так как идея, что евреи поклонялись, по каким-то таинственным причинам, Тифону под его символическим изображением, основывается более чем на одном доказательстве. Например, в *"Евангелии от Марии"* мы находим отрывок, взятый у Епифания, который подтверждает этот факт. Он относится к смерти "Захарии, отца Иоанна Крестителя, казненного Иродом", – говорит *Протоевангелион*. Епифаний пишет, что причиною смерти Захарии было то, что, увидев в храме видение, он, пораженный увиденным, хотел об этом рассказать, но уста его были остановлены. То, что он увидел, было во время приношения в жертву фимиама – и это был человек, СТОЯЩИЙ В ОБРАЗЕ ОСЛА. Когда он вышел из храма и принял решение обратиться к народу со словами: *Горе вам, кому вы поклоняетесь?* – то тот, кто показался ему в храме, отнял у него речь. Потом, когда он снова овладел речью и мог говорить, он объявил об этом евреям, и те казнили его. Они (гностики) добавляют в этой книге, что именно по этому случаю законодатель (Моисей) приказал верховному первосвященнику носить маленькие колокольчики, чтобы каждый раз, когда он войдет в храм для жертвоприношений, тот, *кому они поклонялись,* услышав звук колокольчиков, мог иметь достаточно времени, чтобы скрыться, и чтобы его не застали в этом безобразном виде" (*Епиф*.).]

Эл, Солнечный Бог сирийцев, египтян и семитов, по заявлению Плейта, был никто другой как Сет или Сиф, а Эл – это первоначальный Сатурн-Израиль [638, с. 74]. Шива – эфиопский бог, то же самое, что и халдейский Ваал – Бэл, таким образом он также Сатурн. Сатурн, Эл, Сиф и Киюн или библейский Чиун Амоса – все представляют одно и то же божество, и все они в своем худшем аспекте могут быть рассматриваемы как Тифон Разрушитель. Когда религиозный пантеон принял более четкий облик, Тифон был отделен от своего андрогина – *доброго* божества, и деградировал в грубую *неразумную* силу.

Такие реакции в религиозных чувствах народа были нередки. Евреи поклонялись Ваалу или Молоху, Солнечному Богу Геркулесу[600] в дни своего раннего существования – если они, вообще, существовали ранее персов или маккавеев – а затем заставили своих пророков осудить их. С другой стороны, характерные черты Моисеевого Иеговы являют больше от нравственного облика Шивы, чем от облика благосклонного «долготерпеливого» Бога. Кроме того, отождествление с Шивой является немалым комплиментом, так как последний – Бог мудрости. Уилкинсон рисует его, как наиболее разумного из индусских богов. Он *трехглазый* и подобно Иегове ужасен в своей беспрестанной мести и гневе. И хотя он Разрушитель – «все же он воссоздатель всего в совершенной мудрости» [638, с. 75]. Он прообраз Бога Св. Августина, который «готовит *ад* для тех, кто стремятся проникнуть в его тайны», и настаивает на испытании человеческого разума, так же как и здравого рассудка, принуждая человечество с одинаковой почтительностью взирать на его добрые и злые деяния.

---

[599] Сиф или Сатех, – см. "История" Геродота Раулинсона, кн. II, приложение VIII, 23.

[600] Геркулес так же богоборец, как и Иаков-Израиль.

Несмотря на многочисленные доказательства, что израильтяне поклонялись различным богам и даже приносили человеческие жертвы в более поздний период, чем их языческие соседи, они ухитрились ослепить потомство в отношении истины. Еще в 169 г. до Р. Х. они приносили человеческие жертвы,[601] и Библия содержит ряд таких записей. В то время, когда язычники давно уже отказались от этого отвратительного обычая и заменили человеческие жертвы животными,[602] Иефтах представлен приносящим в жертву «Господу» на сжигание собственную дочь.

Обличения со стороны их собственных пророков – лучшие доказательства против них. Их поклонение в высоких местах то же самое, что и поклонение «идололатров». Их пророчицы – копии пифий и вакханок. Павсаний говорит о женских училищах, которые заведовали поклонением Вакху, и о шестнадцати матронах Элисы (Павсаний, 5, 16). В Библии говорится, что «В то время была судьею Израиля Девора пророчица» [*Судей*, IV, 4]; и повествуется о Хулде, другой пророчице, которая обитала в Иерусалиме, *в училище* [*2 Царей*, XXII, 14]; в [*2 Самуила*, XIV, 2; XX, 16, 17] несколько раз упоминаются «*умные* женщины», несмотря на приказ Моисея не пользоваться ни гаданием, ни предсказыванием. Что касается окончательного и решительного отождествления «Господа Бога» Израиля с Молохом, то по этому делу мы находим очень подозрительное доказательство в последней главе «Левита», где говорится о *вещах принесенных в заклятие, не подлежащих выкупу...*

> «Отдает человек Господу из своей собственности, – *человека ли,* скотину ли... все заклятое... не выкупается: оно *должно быть предано смерти...* это *святыня Господня*» [XXVII, 28, 29].

Двойственность, если не множественность богов Израиля может быть выведена из самого факта таких горьких обличений. Их пророки *никогда не одобряли поклонения с жертвоприношениями.* Самуил отрицал, что Господу доставляют радость какие-либо сжигания и жертвы [*1 Самуила,* XV, 22]. Иеремия утверждает, недвусмысленно, что Господь, Иавва Саваоф Элохе Израиль, никогда не приказывал делать что-либо подобное, и был против этого [VII, 21-24].

Но те пророки, которые восставали против человеческих жертвоприношений, всегда были *назарами* и *посвященными.* Эти пророки возглавляли партию в народе против священнослужителей, как впоследствии гностики боролись против христианских отцов. Вследствие этого, когда монархия была разделена, священнослужители очутились в Иерусалиме, а пророки в стране Израиля. Даже Ахав и его сыновья, которые ввели в Израиль тирийское поклонение Ваалу-Геркулесу и сирийской богине, – получали помощь и поддержку от Илии и Элиша. До Исайи мало пророков появлялись в Иудее, после того, как северная монархия была свержена. Элиша помазал Иеху с той целью, чтобы тот уничтожил царские семьи обеих стран и объединил народ в единое гражданское государство. К Храму Соломона, оскверненному священнослужителями, ни один еврейский пророк или посвященный не проявлял ни малейшего интереса. Илия никогда туда не ходил, а также Элиша, Иона, Наум, Амос или какой-нибудь другой израильтянин. В то время как посвященные придерживались «тайной доктрины» Моисея, народ, водимый своими священнослужителями, погряз в идолопоклонстве точно так же, как язычники. И именно эти народные воззрения и толкования Иеговы восприняли христиане.

Можно поставить такой вопрос: «При наличии стольких доказательств, показывающих, что христианская теология есть только *pot-pourri* языческих мифологий, – как может она быть увязана с религией Моисея»? Первые христиане, Павел и его ученики, гностики и их последователи в целом, рассматривали христианство и иудаизм, как

---

[601] Антиох Епифаний обнаружил в 169 г. до Р. Х. в еврейском храме мужчину, которого держали там для жертвоприношения. Апион [**152**, II, 8].

[602] Бык Диониса приносился в жертву на вакхических мистериях. См. *“Антон”,* с. 365

существенно различные вещи. На их взгляд, последний представлял собою антагонистическую систему, и более низкого происхождения. «Вы получили закон», – говорил Стефан, – «через посредство ангелов или эонов», а не от Самого Всевышнего. Гностики, как мы видели, учили, что Иегова, божество евреев, был Ильда-Баоф, сын древнего Боху, или Хаоса, противника божественной мудрости.

На поставленный вопрос можно ответить более чем легко. *Моисеев закон и так называемый монотеизм евреев едва ли можно считать старше христианства на два или три века.* Мы в состоянии доказать, что само *Пятикнижие* было написано и переработано после этой «новой исходной точки» в период, последовавший за колонизацией Иудеи под властью царей Персии. Христианские отцы в своем рвении всячески увязать свою новую систему с иудаизмом, и таким образом избегнуть язычества, сами того не сознавая, уклонились от Сциллы только для того, чтобы быть затянутыми в водоворот Харибды. Под монотеистической наружной штукатуркой иудаизма была раскопана та же самая знакомая мифология язычества. Но мы не должны смотреть на израильтян с меньшей благосклонностью за то, что у них был Молох и что они вели себя как туземцы. Также нам не следует заставлять евреев каяться за деяния их отцов. Они имели своих пророков и свой закон, и были довольны ими. С какой верностью и благородством они отстаивали веру своих предков при самых дьявольских преследованиях, об этом свидетельствуют нынешние остатки когда-то покрытого славой народа. Христианский мир был в конвульсиях от первого до нынешнего века; он раскололся на тысячу сект; но евреи остаются основательно объединенными. Даже их расхождения во мнениях не нарушают их единения.

Христианские добродетели, к которым призывал Иисус в Нагорной Проповеди, нигде не проявились в христианском мире. Буддийские аскеты и индийские факиры, кажется, являются почти единственными, кто внедряют и применяют их. Между тем пороки, которые грубые клеветники приписывали Язычеству, везде общераспространены среди христианских отцов и христианских церквей.

Расхваленное широкое расхождение между христианством и иудаизмом, о котором заявляют, основываясь на авторитете Павла, существует только в воображении набожных. Мы ничто другое, как наследники нетерпимых израильтян древности; не евреев времен Ирода и римского владычества, которые, со всеми своими недостатками, крепко держались за ортодоксальность и монотеизм; но тех жидов, которые под именем Иеговы-Ниссы поклонялись Вакху-Озирису, Дио-Нисосу, многообразному Юпитеру из Ниссы, Синая Моисея. Каббалистические демоны – аллегории глубочайшего значения – были приняты как объективные сущности, и ортодоксальные демонологи тщательно разработали Сатаническую иерархию.

Мотто розенкрейцеров *«Igne natura renovatur Integra»,* которое алхимики истолковывают, как природа обновляется огнем, или материя духом, – до сегодняшнего дня заставляют принимать за *Iesus Nazarenus rex ludaeorum.* Издевательская сатира Пилата принимается буквально, и евреи заставлены невольно признать этим царственность Христа; тогда как, если это не есть подделка Константиновского периода, это все же деяние Пилата, против которого евреи первыми бурно протестовали. *I. H. S.* истолковывается как *Iesus Hominum Salvator* и *In hoc signo,* тогда как *IHS* является одним из наиболее древних имен Вакха. И более чем когда-либо мы начинаем понимать, при помощи ясного света сравнительной теологии, что великой целью Иисуса, посвященного внутреннего святилища, было открыть глаза фанатическим массам на различие между высшим божеством – таинственным и никогда неупоминаемым ИАО древних халдейских и позднее неоплатонических посвященных – и еврейским Иахух или Иахо (Иеговой). Современные розенкрейцеры, столь яростно поносимые католиками, теперь обнаруживают, что против них выдвигают, в качестве наиболее важного обвинения, факт, что они обвиняют Христа в уничтожении поклонения Иегове. О, если бы Небо предоставило ему время для совершения этого, ибо тогда мир не обнаружил бы себя по-

прежнему в смятении, после девятнадцати веков взаимной резни, среди 300 ссорящихся между собой сект, и с личным Дьяволом, царствующим над запуганным христианским миром.

Как бы во исполнение восклицания Давида, перефразированного в версии короля Иакова как «все боги народов – идолы», т. е. дьяволы. Вакх или «перворожденный» орфической теогонии, моногенный, или «единородный» отца Зевса и Кор, был преображен, вместе с остальными древними мифами, в дьявола. Посредством такой деградации отцы, чье религиозное рвение могло быть превзойдено только их невежеством, невольно доставили нам свидетельство против самих себя. Они своими собственными руками вымостили путь ко многим решениям в будущем, и очень помогли современным исследователям науки о религиях.

Именно в мифе о Вакхе в течение долгих и мрачных веков пролежали сокрытыми как будущая реабилитация поруганных «богов народов», так и последний ключ к загадке Иеговы. Странная дуальность божественных и смертных свойств, столь бросающаяся в глаза в синайском Боге, начинает раскрывать свою тайну перед неутомимыми исследователями этого века. Один из последних вкладов в эти исследования мы находим в короткой, но очень важной статье, напечатанной в *«Эволюции»,* периодическом нью-йоркском издании, заключительная часть которой проливает поток света на Вакха, Юпитера из Ниссы, которому израильтяне поклонялись как Иегове Синая.

> «Таков был Юпитер из Ниссы для своих поклонников», – заключает автор. – «Он для них одинаково представлял мир природы и мир мысли. Он был «Солнцем праведности с исцелением на своих крыльях», и он не только приносил смертным радость, но и открывал для них надежду на бессмертную жизнь за гробом. Рожденный от человеческой матери, он возвысил ее из мира смерти в божественную сферу, чтобы ее почитали и поклонялись ей. Одновременно будучи господом всех миров, он был во всех них одинаково Спасителем.
>
> Таков был Вакх, бог пророков. Перемена культа по декрету императорского убийцы, императора Феодосия, по требованию его духовника отца Амвросия из Милана, изменила его титул на Отца Лжи. Поклонение ему, бывшее до того общим, было названо языческим и *местным,* а его обряды заклеймлены как колдовство. Его оргии получили название «шабаша ведьм»; его излюбленная символическая форма с бычьими ногами превратилась в современное изображение Дьявола с рассеченным копытом. Так как хозяина дома звали Вельзевулом, то всех его домочадцев обвинили в общении с темными силами. Предпринимались крестовые походы; вырезывались целые народы. Знание и высшая ученость были объявлены магией и колдовством. Невежество стало матерью набожности – такой, какую тогда культивировали. Галилей долгие годы томился в тюрьме за учение, что Солнце находится в центре Солнечной вселенной. Бруно живым сожгли в Риме в 1600 году за то, что он оживил древнюю философию: все же, довольно-таки странно, либералии стали празднеством церкви;[603] Вакх – это святой, имя которого четыре раза повторяется в календаре, и кого во многих местах поклонения можно увидеть покоящимся на руках своей обожествленной матери. Имена переменились; идеи остались прежними».[604]

А теперь, доказав, что нам действительно следует «навсегда распрощаться со всеми восставшими ангелами», мы, естественно, перейдем к рассмотрению Бога Иисуса, произведенного от человека Иисуса, чтобы спасти нас от этих же самых мифических дьяволов, как нас уверяет отец Вентура. Этот труд, разумеется, создает необходимость еще раз прибегнуть к сравнительным исследованиям истории Гаутамы Будды, его учений и его «чудес», а также чудес Иисуса и предшественника их обоих – Кришны.

---

[603] Празднество, называвшееся Либералиями, приходилось на 17 марта; теперь это день Св. Патрика. Таким образом Вакх стал также святым покровителем ирландцев.

[604] Проф. А. Уайлдер, *“Вакх – бог-прорицатель”,* в июньском номере (1877 г.) *“Эволюция; обзор политики, религии, науки, литературы и искусства”.*

ГЛАВА XI
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПО БУДДИЗМУ И ХРИСТИАНСТВУ

"Несовершение никаких грехов, делание добра и очищение своего ума – это и есть учение Пробудившегося...
"Лучше чем верховная власть над землею, лучше чем идти в небеса, лучше чем господство над всеми мирами – награда за первый шаг к святости".

– "Дхаммапада", стихи 178-183.

Творец, где эти трибуналы, где эти суды происходят, где эти судьи собираются, где эти судьи встречаются, перед которыми человек из мира воплощенных отчитывается за свою душу?

– Персидский "Вендидад", XIX, 89.

Привет тебе, о, человек, который пришел из преходящего места к нетленному!

– "Вендидад", VII, 136.

Для истинного верующего истина, откуда бы она ни пришла, желанна; также ни одно учение не становится менее истинным или драгоценным от того, что оно было усмотрено не только Моисеем или Христом, но также Буддой или Лао-цзы.

– Макс Мюллер.

К несчастью для тех, кто был бы рад воздать справедливость древним и современным религиозным философиям Востока, такая возможность едва ли когда-либо им предоставлялась. В последнее время имело место трогательное единение между занимающими высокие официальные посты филологами и миссионерами из языческих стран. Благоразумие выше истины, когда последняя ставит под угрозу наши синекуры! Кроме того, как легко вступить в компромисс с совестью. Государственная религия – подпорка правительства; все государственные религии – «взорвавшиеся обманы»; поэтому, раз уж одна так же хороша или, вернее, так же плоха, как другая – то нашу государственную религию вполне можно поддержать. Такова дипломатия официальной науки.

Гроут в своей «Истории Греции» уподобляет пифагорейцев иезуитам, и видит в их братстве только ловко замаскированную цель приобретения политической власти. По небрежному свидетельству Гераклита и некоторых других писателей, которые обвиняли Пифагора в хитрости и описывали его как человека, ведущего «обширные исследования... но искусного на интриги и лишенного здравого рассуждения», – некоторые исторические биографы поспешили преподнести его потомству именно в таком образе.

Но если они должны принять Пифагора, сатирически изображенного Тимоном, как «фокусника торжественных речей, занятого ловлей людей», – то как они могут избежать того, чтобы судить об Иисусе по отрывку, который Цельс уберег от забвения в своей сатире? Исторической беспристрастности нет никакого дела до вероисповеданий и личных верований, она одинаково взыскивает с потомства как за одно, так и за другое. Жизнь и деяния Иисуса намного меньше засвидетельствованы, чем жизнь и деяния Пифагора, если, действительно, мы можем сказать, что они вообще засвидетельствованы каким-либо *историческим* доказательством. Ибо, конечно, никто не станет отрицать, что в качестве реальной личности Цельс обладает преимуществом в отношении достоверности его свидетельств перед Матфеем, или Марком, или Лукою, или Иоанном, которые никогда не написали ни одной строчки в соответственно приписываемых им *Евангелиях.* К тому

же, Цельс в качестве свидетеля по крайней мере столь же хорош, как Гераклит. Он был известен как неоплатоник и ученый некоторым отцам, тогда как само существование этих четырех апостолов должно приниматься на слепую веру. Если Тимон рассматривал великого Самосского Провидца как «фокусника», то Цельс делал то же самое в отношении Иисуса или, вернее, в отношении тех, кто возлагали на него свои претензии. В своем знаменитом труде, обращенном к назареянину, он говорит:

> «Допустим, что чудеса были совершены тобою... но разве они не такие же, как и те, которые преподаются египтянам для совершения посреди форума за несколько оболов».

И мы знаем, по утверждению «Евангелия от Матфея», что Галилейский Пророк также был человеком торжественных речей и что он называл себя и предлагал сделать своих учеников «ловцами людей». Пусть никто не подумает, что мы направляем этот упрек против кого-либо, кто почитает Иисуса, как Бога. Независимо от веры, если поклоняющийся искренен, ее следует уважать в его присутствии. Если мы не принимаем Иисуса за Бога, то мы чтим его *как человека.* Такое чувство делает ему больше чести, чем если бы мы приписали ему силы и личность Всевышнего, и в то же время считали бы, что он сыграл с человечеством бесполезную комедию, так как, в конце концов, его миссия оказывается едва ли не полной неудачей; 2000 лет прошло, а христиан не насчитывается даже одной пятой части населения земного шара; также непохоже, что христианство лучше преуспеет в будущем. Нет, мы стремимся лишь к строгой справедливости, отметая всякие личные пристрастия. Мы вопрошаем тех, кто, не почитая ни Иисуса, ни Пифагора, ни Аполлония, все же повторяют праздную болтовню их современников; тех, кто в своих книгах или хранят благоразумное молчание, или же разглагольствуют о «нашем Спасителе» и «нашем Господе», как будто они верят сколько-нибудь больше в выдуманного теологического Христа, чем в баснословного китайского Фо.

В те дни древности не было атеистов; не было неверующих или материалистов в современном значении этого слова, так же как не было набожных клеветников. Тот, кто судит о древних философиях по их внешней фразеологии и приводит цитаты из древних писаний, кажущиеся атеистическими, – тот не заслуживает доверия, как критик, так как он не способен проникнуть во внутренний смысл их метафизики. Воззрения Пиррона, чей рационализм вошел в пословицу, могут быть истолкованы только при свете древнейшей индусской философии. От Ману вплоть до позднейших свабхавиков ее ведущей характерной чертой всегда было провозглашение реальности и верховенства духа со страстностью, пропорциональной отрицанию объективного существования нашего материального мира – преходящего призрака временных форм и существ. Многочисленные школы, порожденные Капилой, отражают его философию не яснее, чем доктрины, оставленные в наследство мыслителям Тимоном, Пирроновским «Пророком», как называет его Секст Эмпирик. Его взгляды на божественный покой души, его гордое равнодушие к мнениям окружающих его людей, его презрение к софистике в равной степени отражают случайные лучи самосозерцания гимнософов и буддийских вайбхашика. Несмотря на то, что его и его последователей прозвали, вследствие их состояния постоянной неопределенности, «скептиками», «сомневающимися» и нерешительными только потому, что они всегда откладывали свое окончательное решение по дилеммам, с которыми наши современные философы предпочитают справляться, наподобие Александру, разрубая Гордиев узел и затем объявляя эту дилемму суеверием, – таких людей, как Пиррон, нельзя называть атеистами. Не более можно назвать этим именем Капилу или Джордано Бруно, или Спинозу, которых также считали атеистами; ни также великого индусского поэта, философа и диалектика Веда-Вьясу, чей принцип, что все есть иллюзия – кроме Великого Непознаваемого и Его непосредственной сущности – Пиррон усвоил полностью.

Эти философские верования были распространены, подобно сети, по всему дохристианскому миру и, пережив преследования и неправильные истолкования,

образуют краеугольный камень каждой ныне существующей религии, кроме христианства.

Сравнительная теология – это обоюдоострое оружие, и такой она показывает себя. Но защитники христианства, не смущаясь доказательствами, навязывают сравнение самым серьезным образом; христианские легенды и догматы, говорят они, и в самом деле как-то напоминают языческие, это правда; но, видите ли, тогда как одна преподает нам существование, силы и атрибуты всемудрого, всеблагого Бога-Отца, брахманизм преподносит нам множество меньших богов, а буддизм – ни одного; одна религия представляет собою фетишизм и политеизм, другая же – голый атеизм. Иегова – единственный истинный Бог, и папа римский и Мартин Лютер – Его пророки! Эта одна сторона меча, а вот другая: несмотря на миссии, несмотря на армии, несмотря на насильно навязанные торговые связи, «язычники» ничего не находят в учениях Иисуса – как бы возвышенны некоторые из них ни были – чему Кришна или Будда уже не учили их раньше. И поэтому, чтобы переманить на свою сторону новообращенных и удержать тех немногих, которые уже были переманены веками коварства, христиане дают «язычникам» догмы, более абсурдные, нежели их собственные, и обманывают их, присваивая обычаи их туземных жрецов и практикуя тот же самый «фетишизм и идолопоклонство», которые они так осуждают у «язычников». Сравнительная теология действует на обе стороны.

В Сиаме и Бирме католические миссионеры стали совершенными талапоинами по всему внешнему виду, т. е. минус их добродетели; и по всей Индии, в особенности на юге, они были обличены их же коллегой аббатом Дюбуа.[605] Это впоследствии с негодованием отрицалось. Но теперь у нас есть живые свидетели относительно правильности этого обвинения. Среди других, капитан О'Грейди, уже цитированный, уроженец Мадраса, пишет следующее об этом систематическом методе обмана:[606]

> «Чтобы снискать к себе доверие перебежчиков из Индуизма, эти лицемерные попрошайки заявляют, что они абсолютные трезвенники, совершенно непотребляющие мяса... Я одного из этих отцов напоил, вернее, он сам зверски напивался в моем доме время от времени, и это было загляденье, как он набросился на жареную телятину».

Далее автор преподносит хорошенькие истории о «черноликих Христах», «Святых девах на колесах», и о католических процессиях вообще. Мы видели такие торжественные церемонии, сопровождаемые самой адской какофонией сингалезского оркестра, включая там-тамы и гонги; за ними следовала похожая брахманская процессия, которая по своим живописным краскам и *mise en scene,* выглядела намного более торжественной и впечатляющей, чем христианские сатурналии. Говоря об одной из таких процессий тот же автор замечает:

«В ней было больше дьявольского, чем религиозного... Епископы увозили в Рим[607] большую кучу «лепты Св. Петра», собранную в мельчайших монетах, золотые украшения, носовые кольца, ножные браслеты, локотные подвески и т. п., в изобилии безрассудно кучами брошенные к ногам гротескного медноцветного изображения Спасителя с его ореолом, сделанным из сплава меди с цинком, с яркополосатым кушаком и – что-то от Рафаэля! – голубым тюрбаном».[608]

---

[605] *“Эдинбургское обозрение”,* апрель 1851 г., с. 411.

[606] *“Индийские зарисовки; или Жизнь на Востоке”,* написано для Бостонского *“Коммерческого бюллетеня”.*

[607] См. главу II этого тома.

[608] Какому-нибудь художнику, путешествующему по всему миру, стоило бы собрать коллекцию великого множества разнообразных Мадонн, Христов, святых и мучеников, как они в различных костюмах появляются в разных странах. Они могли бы послужить моделями для благотворительных балов-маскарадов, устраиваемых в поддержку церкви.

Как каждый может понять, такие добровольные даяния делают подражание местным брахманам и бонзам весьма прибыльным делом. Между поклоняющимися Кришне и Христу, или Авани и Деве Марии, в самом деле, меньше существенных расхождений, чем между двумя туземными сектами, вишнуитами и шиваитами. Для *обращенных* индусов Христос есть немного видоизмененный Кришна, и это все. Миссионеры увозят богатые денежные пожертвования, и Рим доволен. Затем наступает год голода; но носовые кольца и локотные подвески уплыли, и народ голодает тысячами. Ну и что? Они умирают во Христе, и Рим рассыпает свои благословения над их трупами, из которых тысячи ежегодно плывут по священным рекам в океан.[609] Настолько раболепны католики в своем подражании и так заботятся, чтобы не оскорбить своих прихожан, что если им случится заполучить в свою церковь нескольких перебежчиков из высших каст, – они не допустят в ту же самую церковь ни одного пария или человека из низшей касты, каким бы хорошим христианином он ни был. И все же они осмеливаются называть себя слугами Того, кто предпочитал общество мытарей и грешников; и чье воззвание: «Приходите ко мне вы все отягощенные, и я успокою вас», – раскрыло перед ним сердца миллионов страждущих и угнетаемых!

Мало таких смелых и откровенных писателей, как недавно оплакиваемый д-р Томас Инман из Ливерпуля. Но сколь бы малым ни было их количество, все эти люди единогласно соглашаются, что философия как буддизма, так и брахманизма намного превосходит теологию христианства, и не учит ни атеизму, ни фетишизму.

> «По моему мнению», – говорит Инман, – «утверждение, что Шакья не верил в Бога, совершенно не обоснованно. Более того, вся его схема построена на веровании, что существуют высшие силы, которые способны наказывать человечество за их прегрешения. Правда, эти боги не называются ни Иах, ни Иегова, ни Яхве, ни Адонай, ни Эхиэх, ни Ваалим, ни Ашторет – все же для сына Шуддходаны существовало Верховное Существо» [**424**, с. 24].

Существуют четыре школы буддийской теологии на Цейлоне, в Тибете и Индии. Одна – скорее пантеистическая, чем атеистическая, но другие три – чисто *теистические.*

Спекуляции наших филологов обоснованы на первой из них. Что же касается второй, третьей и четвертой, то их учения различаются только по внешнему виду выражения. Мы полностью объяснили дух этого учения в другом месте.

Что касается практических, а не теоретических взглядов на нирвану, то вот что говорит один рационалист и скептик:

> «Я опрашивал сотни буддистов у самых дверей их храмов, и не нашел ни одного, кто не боролся, не постился и не вел бы строго нравственную жизнь, в целях самоусовершенствования и завоевания бессмертия; а не достижения окончательного уничтожения.
>
> Имеется более 300 000 000 буддистов, которые постятся, молятся и трудятся... Почему считать эти 300.000.000 человек идиотами и глупцами, изнуряющими свое тело и подвергающими себя наиболее страшным лишениям всякого рода для того, чтобы достичь фатального уничтожения, которое так или иначе само должно их настичь?» [**593**]

Подобно этому автору, мы опрашивали буддистов и брахманистов, и изучали их философию. *Апаварга* имеет совсем другое значение, а не уничтожение. Она значит все более и более становится подобным Тому, от которого человек является только одной из

---

[609] Даже в то время, когда мы это пишем, поступило сообщение от Графа Солсбери, государственного секретаря Индии, что вслед за голодом в Мадрасе ожидается еще более грозный голод в Южной Индии, как раз в том районе, откуда католические миссионеры вымогают наибольшую дань на расходы римской церкви. Последняя, не будучи в состоянии отплачивать иначе, обирает британских подданных, и когда вследствие этого наступает голод, заставляет еретическое Британское правительство платить за это.

сверкающих искр; что есть стремление каждого индусского философа, а надеждой наиболее невежественного человека является *никогда не утерять своей четкой индивидуальности.*

> «Иначе», – как однажды сказал один уважаемый корреспондент автора этих строк, – «земное и отдельное существование выглядело бы комедией для Бога и трагедией для нас; забавой для Него, что мы работаем и страдаем, и смертью для нас выносить все это».

То же самое с доктриной метемпсихоза, настолько искаженной европейскими учениями. Но по мере продвижения труда над переводами и анализом, свежие красоты религии будут открыты в старинных верованиях.

У профессора Уитни в его переводе Вед имеются отрывки, в которых, он говорит, предполагаемое значение тела для его прежнего обитателя выявлено в наиболее сильном свете. Это части гимнов, которые во время похоронных служб читались над телом покойника. Мы приводим их здесь из научного труда м-ра Уитни:

«Пора! возьми с собой все члены;
не растеряй конечности и тело сохрани;
Твой дух уже в пути, теперь за ним последуй;
иди за ним туда, где счастлив будешь ты.
.....
Собери из отдельных частей свое тело;
свершу над ним обряд и сформирую вновь.
.....
Но если член какой забудет Агни,
тебя препровождая в мир богов,
Его тебе немедля я восполню;
возрадуйтесь на небесах, о, боги!»[610]

«Тело», о котором здесь говорилось, не есть физическое, но *астральное* тело – в чем очень большая разница, как можно заметить.

Опять, вера в индивидуальное существование бессмертного духа человека показана в следующих стихах индусского церемониала сожигания и похорон.

«Внутри земной сферы обитают они,
или в царстве наслаждения пребывают они,
Богам принадлежит околоземная оболочка, –
небеса для седалища их,
«Преддверием неба» третье небо называется,
и где восседают боги».
– *Ригведа, X.*

При наличии таких возвышенных взглядов, какие имелись у этого народа по отношению к Богу и бессмертию человеческого духа, не удивительно, что сравнение ведийских гимнов и узких, лишенных духовности *Моисеевых книг* должно иметь своим результатом признание преимущества за первыми в уме каждого непредубежденного ученого. Даже этический кодекс *«Ману»* несравнимо выше кодекса *Пятикнижия* Моисея, в буквальном значении которого все непосвященные ученые двух миров не могут найти ни единого доказательства о том, что древние евреи верили либо в будущую жизнь, либо в бессмертный дух в человеке; или, что Моисей сам когда-либо учил этому. Все же имеются выдающиеся востоковеды, которые начинают подозревать, что «мертвая буква» скрывает

---

[610] “Восточные и лингвистические студии”, “Ведическая доктрина и современная жизнь”, У. Дуайта Уитни, проф. санскрита и сравнительной филологии в Йельском колледже [**639**].

что-то такое, чего не видно с первого взгляда. Так, например, проф. Уитни утверждает, что

> «по мере заглядывания еще глубже в форму современного индусского церемониала, мы обнаруживаем немало того же самого расхождения между вероучением и обрядной стороной; одно не объясняется другим», – затем этот великий американский ученый добавляет: «Мы вынуждены прийти к заключению, что – или Индия заимствовала свою систему обрядов из какого-то чужого источника и практиковала их слепо, не интересуясь их истинным смыслом, или же *эти обряды являются продуктом другой доктрины более древнего происхождения,* и сохранились в народном обращении после угасания вероучения, первоначальным выражением которой они были» [**639**, с. 48].

Это вероучение не угасло, и его сокровенная философия, как ее теперь понимают посвященные индусы, такова же, как была 10000 лет тому назад. Но могут ли наши ученые серьезно надеяться, что оно по первому их требованию будет им преподнесено? Или они все еще надеются проникнуть в глубины тайн мировой религии по ее общеизвестным экзотерическим обрядам?

Ни один ортодоксальный брахман и буддист не станет отрицать христианское Воплощение; только они понимают его согласно своей собственной философии, и как могут они отрицать его? Ключевым камнем их собственной религиозной системы являются периодические воплощения божества. Каждый раз, когда человечество готово впасть в материализм и нравственную деградацию, Верховный Дух воплощается в своем создании, избранном для этой цели. «Посланец Высочайшего» соединяется с дуальностью материи и души, и когда триада таким образом становится завершенной путем присоединения Венца, – рождается спаситель, который помогает снова поставить человечество на путь истины и добродетели. Ранняя христианская церковь, вся пропитанная азиатской философией, очевидно, разделяла то же самое верование – иначе *она не обратила бы второе пришествие в догмат веры и не прибегла бы к коварному измышлению басни об Антихристе в качестве предостережения против возможных будущих воплощений.* Также они не могли бы представить себе, что Мелхиседек был аватаром Христа. Им нужно было только обратиться к «Бхагавадгите», чтобы найти Кришну, или Бхагавада, говорящим Арджуне:

> «Тот, кто следует за мною, спасается мудростью и даже трудами... Как только добродетель в мире идет на убыль – я проявляюсь, чтобы спасти его».

Действительно, более чем трудно избежать признания этой доктрины о периодических воплощениях. Разве мир не был свидетелем прихода, с большими промежутками, таких великих личностей как Кришна, Шакьямуни и Иисус? Как и два последних персонажа, Кришна, кажется, был реальной сущностью, обожествленной его школой в какое-то время в сумерках истории, и приспособленной к системе освященной временем религиозной программы. Сопоставьте этих двух Спасителей, индусского и христианского, причем один предшествует другому на несколько тысячелетий; поместите между ними Сиддхартху-Будду, отражавшего Кришну и отбрасывающего свою светозарную тень в ночь будущего, из чьих собранных лучей были сложены очертания мифического Иисуса, и из учений которого были извлечены поучения исторического Христа; и мы найдем, что под одним одинаковым одеянием поэтической легенды жили и дышали три реальные человеческие существа. Индивидуальные заслуги каждого из них выведены, пожалуй, более сильными линиями, а не наоборот, благодаря этой самой мифической окраске, ибо народный инстинкт, такой безошибочный и справедливый, если ему не мешают, не мог бы избрать для обожествления недостойное лицо. *Vox populi, vox Dei* когда-то было истиной, хотя и ошибочной в приложении к нынешней, управляемой священнослужителями толпе.

Капила, Орфей, Пифагор, Платон, Василид, Маркиан, Аммоний и Плотин основывали школы и сеяли зародыши многих благородных мыслей и, исчезнув, оставили за собой сияние полубогов. Но три личности – Кришны, Гаутамы и Иисуса, появились как истинные боги, каждый в свою эпоху, и передали человечеству три религии, построенные на нерушимой скале веков. Что все три, а в особенности христианская вера, стали со временем фальсифицированными, и последняя – почти неузнаваемой, – в этом никто из этих благородных Реформаторов не виноват. Самозваные священнические виноградари «вина Господнего» – вот кто должны быть призваны к ответу будущими поколениями. При очищении этих трех систем от ржавчины человеческих догм, оставшаяся чистая сущность будет найдена идентичной. Даже Павел, великий честный апостол, в горении своего энтузиазма или неумышленно исказил доктрины Иисуса, или же его писания были искалечены другими до неузнаваемости. *«Талмуд»,* записи народа, который, несмотря на отступничество Павла от иудаизма, все же чувствует себя вынужденным признать величие Павла как философа и религиозного человека, – говорит об Ахере (Павле)[611] в «Yerushalmi», что «он испортил труд того человека», – подразумевая Иисуса.[612]

Пока что, до того как эта плавка будет завершена честной наукой и будущими поколениями, давайте взглянем на нынешний аспект легендарных трех религий.

ЛЕГЕНДЫ О ТРЕХ СПАСИТЕЛЯХ

Кришна	*Гаутама Будда*	*Иисус из Назарета*
Эпоха: Точно неизвестна. Европейская наука боится скомпрометироваться. Но вычисления брахманов устанавливают ее примерно 6877 лет тому назад.	*Эпоха:* По европейской науке и цейлонским вычислениям – 2540 лет тому назад.	*Эпоха:* Предполагают, что 1877 лет* тому назад. Его рождение и царственное происхождение были скрыты от тирана Ирода.
Кришна происходит из царской семьи, но воспитан пастухами: его называют *Богом Пастухов.* Его рождение и божественное происхождение держа-тся в тайне от Кансы.	Гаутама сын царя. Его первые ученики – пастухи и нищие.	Иисус происходит из царского рода Давида. При рождении ему поклоняются пастухи, и он зовется «пастырь добрый» (см. «Евангелие от Иоанна»).
Воплощение Вишну, второго лица Тримурти (Троицы). Кришне поклонялись в Матхуре на реке Джамне (см. Страбона, Арриана и «Лекции» Бамптона, с. 98-100).	По некоторым источникам – воплощение Вишну; по другим – воплощение одного из Будд и даже Ад'Будды, высочайшей мудрости.	Воплощение Святого Духа, тогда – второго лица Троицы, теперь – третьего. Но Троица была изобретена только 325 лет спустя после его рождения. Отправился в Матхуру или Матарею, Египет, и там сотворил первые свои чудеса (см. *«Евангелие о Детстве»*).

[611] В своей статье *“Павел, основатель христианства”* профессор Уайлдер, чья интуиция всегда на высоте, говорит: “В личности *Ахера* мы опознаем апостола Павла. Кажется, что он был известен под разными именами. Его называли *Саулом,* очевидно, вследствие его видения о Рае, так как Саул или *шеол* есть еврейское название потустороннего мира. *Павел,* что просто означает “малыш”, было чем-то вроде прозвища. *Ахер,* или *другой,* был эпитет в Библии для людей, стоящих вне иудейского государства; и был присвоен ему за то, что он распространил свою деятельность на неевреев. Настоящее его имя было Элиша бен Абуйях”.

[612] “В *Талмуде* Иисус назван *тот человек*”. – *А. Уайлдер.*

* Написано в 1877 году. (*Прим. переводчика*)

Кришну преследует Канса, тиран Мадуры, но он чудесным образом спасается. Надеясь уничтожить ребенка, царь приказал казнить тысячи младенцев мужского пола.	Буддийские легенды свободны от этого плагиата, но католическая легенда, сделавшая из него Св. Иосафата, представляет его отца, царя Капилавасту, казнящим невинных юных *христиан* (!!) (см. «Золотая Легенда»).	Иисуса преследует Ирод, царь Иудеи, но он под водительством ангела убегает в Египет. Чтобы быть уверенным в его гибели, Ирод приказывает убивать младенцев и их было убито 40000.
Матерью Кришны была Деваки или Деванагуи, беспорочная дева (но родившая восьмерых сыновей до рождения Кришны).	Матерью Будды была Майя или Майя-дэва; замужняя женщина (и все же беспорочная дева).	Матерью Иисуса была Мариам или Мириам; замужняя женщина и все же беспорочная дева, но имела нескольких детей, кроме Иисуса (см. [*Матфей,* XIII, 55, 56]).
Кришна с рождения наделен красотой, всезнанием и всемогуществом. Творит чудеса, исцеляет хромых и слепых и изгоняет бесов. Моет ноги брахманам; спустившись в нижние области (ад), освобождает мертвых и возвращается в *Вайконтха* – рай Вишну. Кришна был сам бог Вишну в человеческой форме.	Будда наделен теми же силами и качествами и творит подобные чудеса. Проводит жизнь с нищими. Как утверждают, Гаутама отличался от всех других аватаров тем, что в нем заключался целый дух Будды, тогда как все другие обладали лишь частью (анса) божественности.	Иисус наделен подобным же образом (см. *Евангелие* и *Апокрифический Завет).* Проводит жизнь с грешниками и мытарями. Также изгоняет бесов. Единственной заметной разницей между этими тремя является то, что Иисус обвинен в изгнании бесов властью Вельзевула, чего у других нет. Иисус моет ноги своих учеников, умирает, спускается в ад и поднимается на небо после освобождения мертвых.
Кришна творит мальчиков из телят и обратно [**640**, т. II, с. 332]. Он раздавливает голову Змия. (*Там же*).	Гаутама раздавливает голову Змия, т. е. отменяет поклонение нагам, как фетишизм; но подобно Иисусу делает из Змия эмблему божественной мудрости.	В соответствии с первоначальным откровением в «Бытии», Иисус раздавил голову Змия. Он так же превращает мальчиков в козлят и козлят в мальчиков. *(«Евангелие о Детстве».)*
Кришна – унитарист. Он преследует духовенство, обвиняет их в честолюбии и лицемерии прямо в лицо; разглашает ве-ликие тайны святилища – единство Бога и бессмертие нашего духа. Традиция гласит, что он пал жертвою их мести. Его любимый ученик Арджуна, не покидает его до последнего. Имеются достоверные предания, что он умер на кресте (дереве), пригвожденный к нему стрелой. Лучшие ученые согласны, что Ирландский крест в Туаме, воздвигнутый задолго до	Будда отменяет идолопоклонство, раз-глашает Тайны Единства Бога и нирваны, истинное значение ко-торой до этого было известно лишь жрецам. Преследуемый и выгоняемый из страны, он избегает смерти тем, что собирает вокруг себя сотни тысяч верующих в то, что он – Будда. Наконец умирает, окруженный сонмом учеников, во главе с Анандой, своим любимым учеником и двоюродным братом. О'Брайен считает, что «ирландский крест» в Туаме подразумевал крест	Иисус восстает против старого еврейского закона; разоблачает в лицемерии и догматической нетерпимости книжников и фарисеев, и синагогу. Нарушает Субботу и бросает вызов Закону. Обвиняется евреями в разглашении тайн святилища. Предан смерти на кресте (дереве). Из небольшой горсточки учеников, которых он обратил, один предает его, один отрекается от него, а другие в конце концов покидают его, за исключением Иоанна – ученика, которого он *любил.* Иисус, Кришна и Будда, все

христианской эры, есть азиатский крест.*	Будды; но Будда никогда не был распят. Он изображен во многих храмах сидящим под крестообразным деревом, которое есть «Древо Жизни». В другом изображении он сидит на Наге, Радже Змиев, с крестом на груди.[613]	три Спасителя умирают или на, или под *деревом,* и связаны с крестами, которые символизируют тройственные силы творения.
Кришна возносится в Сваргу и становится Ниргуна.	Будда возносится в нирвану.	Иисус возносится в Рай.

ИТОГ

Около середины нынешнего века количество последователей этих трех религий было следующее:[614]

Кришны	Будды	Иисуса
Брахманов 60.000.000	Буддистов 450.000.000	Христиан 260.000.000

Таково нынешнее соотношение этих трех великих религий, каждая из которых в свою очередь отражена в последующей. Если бы христианские догматики остановились на том отражении, то результаты не были бы столь плачевны, потому что трудно было бы, в самом деле, сделать плохую веру из возвышенных учений Гаутамы или Кришны, как *Бхагавада*. Но они пошли дальше и добавили к чистому первоначальному христианству басни о Геркулесе, Орфее и Вакхе. Так же как мусульмане не хотят признать, что их Коран построен на субстрате еврейской Библии, так же христиане не хотят сознаться, что они почти всем обязаны индусским религиям. Но у индусов есть хронология, чтобы им доказать это. Мы видим, что самые лучшие и наиболее ученые из наших писателей безуспешно стремятся доказать, что чрезвычайные сходства – доходящие до идентичности – между Кришной и Христом обязаны тому, что поддельные *«Евангелия о детстве»* и *«Св. Фомы»,* «вероятно, были распространены на Малабарском побережье и придали колорит повествованиям о Кришне» [597, с. 153]. Почему бы не принять истину со всей искренностью и, переменив политику, не признать, что Св. Фома, верный той политике прозелитизма, которую проводили ранние христиане, обнаружив в Малабаре оригинал мифического Христа в Кришне, попытался слить вместе этих двух; и, присвоив своему *Евангелию* (с которого все другие были скопированы) наиболее значительные детали истории индусского аватара, привил христианскую ересь на первоначальной религии Кришны. Для любого человека, знакомого с духом брахманизма, идея, что брахманы примут что-либо от чужого, в особенности от иностранца, – просто смешна. Что они, наиболее фанатические люди в религиозных делах, которых в течение веков не могли принудить принять наиболее простые европейские обычаи, могли дойти до того, чтобы внести в свои священные книги непроверенные легенды об иностранном Боге, – это нечто настолько нелогическое, что будет поистине напрасной тратой времени возражать против такой идеи!

Мы не будем останавливаться, чтобы рассмотреть хорошо известное сходство между внешней формой буддийского поклонения – в особенности ламаизма – и римским католицизмом, за указание на которое бедняга Хак дорого заплатил – но продолжим сопоставление наиболее важных пунктов. Изо всех оригинальных рукописей, которые

---

* (См. [**641**, с. 296], также [**642**], [**623**, т. I, с. 208] и гравюры в [**597**, с. 160])

[613] См. репродукции Мура, 75, № 3.

[614] Подсчет Макса Мюллера.

были переведены с различных языков, на которых излагается буддизм, наиболее необычными и интересными являются «Дхаммапада» Будды, или «Тропа Добродетели», переведенная с пали полковником Роджерсом [643], и «Колесо Закона», содержащее воззрения Сиамского государственного министра на свою собственную и другие религии, переведенные Генри Алабастером.[615] Чтение этих двух книг и обнаруживание в них подобий мыслей и доктрин, часто доходящих до идентичности, заставило д-ра Инмана написать много глубоко правдивых строк, вошедших в один из его последних трудов «Древнее язычество и современность».

«Я говорю с трезвой серьезностью», – пишет этот добросердечный искренний ученый, – «когда утверждаю, что после сорокалетнего опыта среди тех, кто исповедует христианство, и тех, кто более или менее спокойно заявляют... о своем несогласии с ним, – я обнаружил больше достойной добродетели и нравственности среди последних, чем среди первых... Я лично знаю многих набожных, добрых христиан, которых я уважаю, которыми восхищаюсь и, может быть, был бы рад подражать им или сравняться, но они заслуживают такую похвалу вследствие своего здравого ума, игнорируя в значительной степени свое вероучение, и культивируя практику добрых дел... По моему суждению наиболее достойные похвалы христиане, которых я знаю, *суть видоизмененные буддисты,* хотя, вероятно, ни один из них никогда не слышал о Сиддхарте» [424, с. 162].

Между ламаистско-буддийскими и римско-католическими догматами веры и церемониями имеется пятьдесят один пункт, представляющий совершенное и поразительное сходство, и четыре – диаметрально противоположные.

Так как бесполезно будет перечислять эти «сходства», ибо читатель найдет их тщательно отмеченными в труде Инмана «Древнее язычество и современность» [424, с. 237-240], то мы процитируем только четыре расхождения и предоставить каждому самому делать выводы из них:

1. «Буддисты считают, что ничто, что противоречит здравому рассудку, не может быть истинным учением Будды».
2. «Буддисты не обожествляют матери Шакья», хотя они уважают ее как святую, подобную подвижникам женщину, избранную быть его матерью вследствие своих великих добродетелей.
3. «У буддистов нет святых таинств».
4. Буддисты не верят в какое-либо прощение грехов, за исключением только после соответствующего наказания за каждое злое деяние и пропорционального вознаграждения пострадавшим сторонам.

1. «Христиане примут любой вздор, если он будет провозглашен церковью, как дело веры».[616]
2. «Католики обожествляют мать Иисуса, ей посылаются молитвы о помощи и заступничестве». Поклонение Св. Деве ослабило поклонение Христу и совсем отбросило в тень поклонение Всевышнему.
3. «У последователей папы семеро таинств».
4. Христианам обещано, что если только они верят в «драгоценную кровь Христа», эта кровь, пролитая Им для искупления грехов всего человечества (читай христиан), искупит каждый смертный грех.

Которая из этих теологий более привлекательна для искреннего исследователя, это вопрос, который смело может быть предоставлен здравому суждению читателя. Одна предлагает свет, другая – тьму.

В «Колесе Закона» сказано следующее:

«Буддисты верят, что каждое деяние, слово или мысль имеет свое следствие, которое раньше или позже проявится в настоящем или в будущем состояниях. Злые деяния создадут

---

[615] Переводчик Генерального Консульства в Сиаме.

[616] Слова, заключенные в кавычки, принадлежат Инману.

плохие последствия;[617] добрые деяния создадут добрые последствия; преуспевание в этом мире или рождение в небесах... в каком-то будущем состоянии».

Это строгая и беспристрастная справедливость. Это идея о Верховной Власти, которая безошибочна, и поэтому не может иметь ни гнева, ни пощады, но предоставляет каждой причине, большой или малой вырабатывать свои неизбежные следствия. «Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» [*Матфей,* VII, 2], – ни по выражению, ни по подтексту не указывает на какую-либо надежду на будущее помилование или спасение по доверенности. Жестокость и милосердие являются чувствами конечными. Верховное божество бесконечно, следовательно, оно может быть только СПРАВЕДЛИВЫМ, и справедливость должна быть слепой. Древние язычники придерживались по этому вопросу гораздо более философских взглядов, чем современные христиане, ибо изображали свою Фемиду с завязанными глазами. И сиамский автор труда, о котором идет речь, опять-таки обладает более почтительной концепцией о божестве, чем христиане, когда выражает следующую мысль:

«Буддист мог бы поверить в существование Бога, возвышающегося над всеми человеческими качествами и атрибутами – совершенного Бога, выше любви и ненависти, и зависти, спокойно пребывающего в мирном счастии, которое ничто не может нарушить; и о таком Боге он говорил бы без пренебрежения, и не потому, что он хотел бы угодить Ему, или боялся бы оскорбить Его, но в силу естественного почитания. Но он не в состоянии понять Бога с атрибутами и качествами людей – Бога, который любит и ненавидит и выказывает гнев; Бога, который описан ли ему он христианскими миссионерами, или магометанами, или брахманами, или евреями – не выдерживает его стандарта даже обычного хорошего человека».

Мы часто удивлялись этим необычайным идеям о Боге и его справедливости, которых, как кажется, честно придерживаются те христиане, которые в делах своей религии слепо полагаются на свое духовенство, и никогда на свой собственный разум. Как странно нелогично это учение об отпущении грехов. Мы предлагаем обсудить его с христианами с буддийской точки зрения и за одно показать, посредством какого ряда софистических изощренностей, направленных к единой цели закрепления ярма духовенства на народной шее, его принятие в качестве божественной заповеди было наконец осуществлено; и также что оно оказалось одною из наиболее вредных и деморализующих доктрин.

Духовенство говорит: не имеет значения, как велики наши преступления против законов Божьих и человеческих; мы должны лишь верить в самопожертвование Иисуса ради спасения человечества, и Его кровь смоет с нас каждое пятно. Божье милосердие беспредельно и неизмеримо. Невозможно представить себе такой ужасный человеческий грех, что цена, заранее заплаченная за искупление грешника, не смогла бы стереть его, будь он даже еще в тысячу раз хуже. И к тому же – никогда не поздно раскаиваться. Хотя бы преступник ждал до последней минуты последнего часа последнего дня своей смертной жизни, прежде чем его побледневшие губы произнесут исповедь, – он может пойти в Рай; так поступил умирающий разбойник, и так могут поступить все другие, такие же порочные. Таковы утверждения церкви.

Но если мы выйдем за пределы малого круга вероисповедания и будем рассматривать вселенную, как целое, уравновешенное совершенным приспособлением частей, – как вся здравая логика, как самое малое, чуть мерцающее чувство Справедливости восстает против такого искупления чужой вины! Если бы преступник согрешил только против самого себя и не причинил бы зла никому другому, как только себе; если бы он посредством искреннего раскаяния мог вызвать удаление прошлых деяний, не только из памяти людей, но и из тех неразрушимых записей, которые ни одно божество – даже

Высочайшее из Высочайших – не может заставить исчезнуть, тогда эту догму можно было бы понять. Но утверждать, что можно причинять зло своему собрату, убивать,

---

[617] См. том I настоящего труда.

нарушать равновесие общества и естественный порядок вещей, и затем – вследствие трусости, надежды или принуждения, не имеет значения – получить прощение через веру, что пролитие одной крови смывает другую пролитую кровь, – это нелепость! Могут ли *результаты* преступления быть удалены, если бы даже само преступление было прощено? Следствия причины никогда не бывают ограничены границами этой причины; также результаты преступления не могут считаться касающимися только преступника и его жертвы. Каждое доброе, как и каждое злое деяние имеет свои последствия, столь же осязаемые, как при падении камня в спокойную воду. Это уподобление избито, но оно самое лучшее, какое только можно придумать, поэтому будем им пользоваться. Расходящиеся по воде круги бывают больше или меньше, в зависимости от размеров камня, но даже мельчайший камешек, даже малейшая пылинка, вызывает в ней рябь. И нарушение это – не только видимое и на поверхности. Внизу, невидимо, по всем направлениям – вовне и вниз – капля толкает каплю, пока эта сила не коснется краев и дна. Более того, воздух над водой приводится в движение, и это нарушение переходит, как говорят нам физики, от слоя к слою в пространство на веки вечные; материи был дан импульс, и он никогда не теряется, никогда не может быть отозван!..

То же самое с преступлением, то же самое с его противоположением. Действие может быть мгновенным, последствия же его вечны. Когда, после того как камень был брошен в воду, мы сможем вернуть его в руку, откатить обратно круги, уничтожить потраченную силу, привести эфирные волны обратно в их прежнее состояние небытия и настолько смести всякий след бросания этого предмета, что даже отпечаток Времени не покажет, что это когда-либо совершалось, – тогда, *тогда* мы терпеливо можем выслушивать доводы христиан об эффективности их Искупления.

В чикагской *«Таймс»* недавно был напечатан отчет о казнях за первую половину нынешнего (1877) года – длинная и ужасная запись об убийствах и казнях. Почти каждый из этих убийц получил религиозное утешение, и многие заявили, что они получили от Бога прощение через кровь Иисуса и отправятся в день казни на небеса! *Их обращение было осуществлено в тюрьме.* Смотрите, в каком равновесии находятся чаши христианской Справедливости (!): эти убийцы с руками в крови, подталкиваемые демонами похоти, мести, жадности, фанатизма или просто звериною жаждою крови, зарезали своих жертв, в большинстве случаев не дав им времени покаяться или воззвать к Иисусу, чтобы он омыл их своей кровью. Они, вероятно, умерли, отягощенные грехами и, разумеется – согласно богословской логике – получили воздаяние за свои более или менее великие грехи. Но убийца, будучи настигнут человеческим правосудием, брошен в тюрьму, оплакан сентиментальными людьми, молящимися с ним и за него, произносит волшебные слова обращения, и идет на эшафот, как искупленное дитя Иисуса! Если бы не убийство, он не удостоился бы молитв, искупления, прощения. Не ясно ли, что этот человек поступил хорошо, что убил, ибо таким образом он обрел вечное счастье? А как обстоит дело с его жертвой, с его или ее семьей, родственниками, иждивенцами, общественными связями – разве у Справедливости для них нет никакого вознаграждения? Должны ли они страдать в этом мире и в следующем, в то время, как тот, кто причинил им зло, будет сидеть рядом со «святым разбойником» с Голгофы, получив благословение навеки? По этому вопросу духовенство сохраняет благоразумное молчание.

Стив Андерсон был одним из таких американских преступников – признанный виновным в двойном убийстве, поджоге и грабеже. Перед смертью он был «обращен», но в официальных документах сказано, что

> «обслуживавшие его духовные лица возражали против отсрочки его смертной казни на том основании, что они были уверены в его спасении, если он умрет тотчас, но не отвечали за него, если казнь будет отложена».

Мы обращаемся к этим духовникам и требуем, чтобы они сказали нам, на каком основании они были уверены в такой чудовищности. Как могли они быть *уверены* о темном будущем перед ними, и бесконечными результатами этого двойного убийства, пожара и грабежа? Они не могли быть уверены ни в чем, кроме того, что их

отвратительная доктрина является причиной трех четвертей преступлений, совершаемых так называемыми христианами; что эти ужасные причины должны произвести такие же ужасные последствия, которые в свою очередь породят другие последствия и так будут катиться в вечности к завершению, которое ни один человек не может вычислить.

Или же возьмем другое преступление, одно из наиболее эгоистических, жестоких и бессердечных и все же одно из наиболее частых – соблазнение молодой девушки. Общество, вследствие инстинкта самосохранения, безжалостно осуждает жертву и изгоняет ее из своей среды. Она может быть доведена до детоубийства или до самоубийства, или же, если слишком боится смерти – может стать на путь порока и преступления. Она может стать матерью преступников, которые, подобно теперь знаменитому Джуксу, ужасающие деяния которого недавно в подробностях опубликовал м-р Дагдэйл, выращивают еще одно поколение уголовных преступников, численность которых доходит до сотен в течение 50-60 лет. И все это общественное бедствие произошло из-за эгоистической страсти одного мужчины; должна ли божественная справедливость прощать ему, пока его преступление не искуплено; и должно ли наказание пасть только на гнусных человеческих скорпионов, порожденных его похотью?

Только что в Англии поднялся протест по поводу открытия, что англиканские священники в широких масштабах практикуют устное исповедание грехов и дают отпущение таковых после наложения епитимьи. По наведенным справкам, то же самое в большей или меньшей мере делается в Соединенных Штатах. Будучи по этому поводу подвергнуты перекрестному допросу, духовники с победным видом предъявляли те статьи из английской «Книги публичных молитв», которые ясно дают им полномочие отпускать грехи властью «Бога, Св. Духа», каковое полномочие было передано им епископом путем возложения рук при возведении в священнический сан. Когда спросили об этом епископа, тот указал на [*Матфея,* XVI, 19], как на источник его власти связывать и развязывать на земле тех, кто должны получить благословение или осуждение на небесах; на апостолическую преемственность в качестве доказательства ее передачи от Симона Барджона ему самому. Настоящие тома не достигли своей цели, если они не доказали, 1) что Иисус Христос-Бог есть миф, выдуманный два столетия спустя после того, как умер действительно еврейский Иисус; 2) что поэтому он никогда не имел ни малейшего права наделять Петра или кого-либо другого неограниченными полномочиями; 3) что даже если бы он наделил его такими полномочиями, то слово Петра (скала) относилось к раскрытым истинам Петромы, а не к тому, кто трижды отрекся от него; и что кроме того, апостолическая преемственность есть только грубый и явный обман; 4) что «Евангелие от Матфея» есть подделка, обоснованная на совсем иной рукописи. Поэтому все это есть обман – как священника, так и кающегося в грехах. Но отложив все эти пункты на время в сторону, достаточно будет спросить этих самозваных служителей трех богов Троицы, как они примиряют это с самым простым понятием о справедливости – что если им дана власть отпускать грешникам грехи, почему же *они не получили также способности посредством чуда удалять зло, содеянное против человека или имущества.* Пусть они возвратят жизнь убитому; честь – обесчещенному; имущество тем, у кого оно было взято; и заставят чаши человеческой и божественной справедливости снова обрести равновесие. Тогда только мы сможем разговаривать об их божественном поручении связывать и развязывать. Пусть они скажут – могут ли они сделать это. До сих пор мир не получал ничего, кроме софистики – верил по *слепой* вере; мы требуем ощутимого, осязаемого доказательства справедливости и милости их Бога. Но все молчат; ни ответа, ни отклика, и все же неумолимый неошибающийся Закон Воздаяния продолжает свой неуклонный путь. И если мы будем наблюдать его продвижение; мы обнаружим, что он игнорирует все вероисповедания, никому не оказывает предпочтения, но его солнечный свет и громовые стрелы одинаково падают на язычника и на христианина. Никакое отпущение грехов не укроет последнего, если тот виновен, и никакая анафема не причинит вреда первому, если он невиновен.

Прочь от нас такая оскорбляющая концепция божественной справедливости, как проповедуемая священнослужителями на основании их собственного авторитета! Она хороша только трусам и преступникам. Если за ними стоит вся армия отцов и церковников, то нас поддерживает величайший из всех авторитетов – инстинктивное и почтительное ощущение вечного и вездесущего Закона гармонии и справедливости.

Но, кроме рассудка, у нас есть и другое доказательство, являющее полную необоснованность такой концепции. Так как *Евангелия* считаются «божественным откровением», то, несомненно, христиане будут их свидетельство считать решающим. Разве они подтверждают, что Иисус принес себя в жертву добровольно? Наоборот, там нет ни одного слова, которое подтверждало бы эту идею. Из них ясно видно, что он предпочел бы жить и продолжать то, что он считал своей миссией, и что *он умер потому, что иначе не мог, и только тогда, когда его предали.* Прежде, когда ему угрожало насилие, *он сделался невидимым,* применив месмерическую силу над окружающими, которой обладает каждый адепт Востока, и спасся бегством. Когда, наконец, он увидел, что время его настало, он уступил неизбежному. Но взгляните на него в саду на Елеонской горе, корчась в агонии, пока «его пот не стал большими каплями крови», горячо умоляющего, чтобы миновала его чаша сия; изнуренного этой борьбой до такой степени, что ангелу с небес пришлось спуститься и подкрепить его; и скажите, похоже ли это на картину приносящего себя в жертву мученика. В увенчание всего, и чтобы в наших умах не оставить никаких сомнений, мы имеем его собственные, полные отчаяния слова: «Не Моя воля, *но Твоя,* да будет» [*Лука,* XXII, 42-43].

Опять, в *«Пуранах»* можно найти, что Кришна был пригвожден к дереву стрелою охотника, который, умоляя умирающего бога простить его, получает следующий ответ:

> «Иди, охотник, по милости моей на Небеса, обитель богов... Затем блистательный Кришна, соединившись со своим собственным чистым, духовным, неисчерпаемым, непостижимым, нерожденным, неуничтожаемым, нетленным и вселенским Духом, который и Васудэва – одно, – покинул свое смертное тело и... он стал Ниргуна». (Уильсон, «Вишну Пурана», [**644**, с. 612].

Не есть ли это первоисточник повествования о Христе, прощающего разбойника на кресте и обещающего ему место на Небе? Такие примеры «требуют исследования, в отношении их происхождения и значения, *настолько предшествовавших христианству*», – говорит д-р Ланди в «Монументальном христианстве», и все же ко всему этому добавляет: «Я считаю, что идея о Кришне, как пастухе, старше чем любое из них *(«Евангелие о Детстве»* и *«Евангелие от Иоанна») и является пророчеством о Христе»* (с. 156).

Факты, подобные этим, очевидно, послужили впоследствии благовидным предлогом, чтобы объявить апокрифическими все такие труды, как, например, *«Наставления»,* которые уж слишком ясно являли полное отсутствие какого-либо раннего авторитета для доктрины искупления. *«Наставления* почти не расходятся с *«Евангелиями»;* но совершенно расходятся с догматами церкви. Петр ничего не знал об искуплении, и его почтение к мифическому отцу Адама никогда бы не позволило ему допустить, что этот патриарх согрешил и был проклят. По-видимому, также александрийские теологические школы не знали этой доктрины, не знал и Тертуллиан; также ее не обсуждает ни один из наиболее ранних отцов церкви. Филон рассматривает только историю *Грехопадения,* как символическую; Ориген смотрел на нее точно так же, как Павел как на аллегорию [48, с. 224].

Хотят они того или нет христианам приходится верить в повествование об искушении Евы змием. Кроме того, Августин оптимально высказался по этому предмету:

> «Бог по Своей вольной воле», – говорит он, – «заранее отобрал определенных людей, независимо от предвиденной веры или добрых деяний, и непоправимо предопределил одарить

их вечным счастьем, тогда как других Он таким же образом обрек на вечное осуждение!!» (De dono perseverantioe).[618]

Такие же отвратительные воззрения на пристрастность и кровожадность Бога обнародовал Кальвин.

«Человеческое племя, испорченное в корне грехопадением Адама, несет на себе вину и слабость первородного греха; искупление его может быть достигнуто только через воплощение и искупительную жертву; в этом искуплении только милость, оказываемая избранникам, может сделать душу участницей; и такая милость, раз она дана, никогда не теряется; это избрание может исходить только от Бога, и оно включает только часть человеческого племени: остальные же предоставляются погибели; избранничество и погибель (horribile decretum) оба предопределены в божественном плане: этот план-закон, и этот закон вечен и неизменим... оправдание достижимо только верою, и вера есть дар Божий».

О, божественная справедливость, как кощунственно обращались с твоим именем! К несчастью для подобных спекуляций, веру в умилостивляющее действие крови можно проследить до самых древних обрядов. Едва ли найдется народ, который не знал бы этого. Все народы приносили животные и даже человеческие жертвы богам в надежде предотвратить этим общественное бедствие, путем умиротворения гнева какого-то мстительного божества. Имеются примеры греческих и римских генералов, приносивших свои жизни просто ради успеха своих армий. Цезарь на это жалуется и называет это галльским суеверием.

«Они предают себя смерти... веря, что если жизнь не будет отдана за жизнь, то бессмертные боги не могут быть ублажены», – пишет он.

«Если какое-либо зло готово обрушиться или на тех, кто теперь приносят эту жертву, или на Египет, – пусть будет оно отвращено на эту голову», – возглашали египетские жрецы, принося в жертву одного из своих священных животных.

Проклятия произносились над головою искупительной жертвы, на рога которой был намотан кусок библоса [333, с. 380]. Животное обычно уводили в пустынную область, посвященную Тифону, в те первобытные века, когда египтяне еще держали это роковое божество в некотором почете. Именно этот обычай дал происхождение «козлу отпущения» евреев, которые, когда рыжий бог-осел был отвергнут египтянами, начали приносить в жертву другому богу «красного теленка».

---

[618] Это доктрина супралапсариан, которые утверждали, что “Он [Бог] *предопределил грехопадение Адама,* со всеми его пагубными последствиями, с начала веков, и наши первородители не были свободны с самого начала”.

Также именно этой высоконравственной доктрине католический мир стал обязан утверждению в одиннадцатом веке монашеского ордена, известного под названием Картезианского. Его основатель Бруно был доведен до учреждения этого чудовищного ордена обстоятельствами, о которых стоит здесь рассказать, так как они ярко иллюстрируют это *божественное* предопределение. Друг Бруно, некий французский врач, широко прославившийся за свою чрезвычайную *набожность, нравственную чистоту* и *благотворительность,* умер, и сам Бруно охранял его тело. Спустя три года после его смерти, когда собирались его хоронить, набожный врач вдруг приподнялся в гробу и объявил громким торжественным голосом, что по справедливому суду Божьему он осужден на вечные муки”. После такого утешительного сообщения с того берега “темной реки” он упал назад и снова стал мертвым.

В свою очередь парсийские теологи говорят следующее: “Если кто-либо из вас совершит грех, веря, что *кто-то* его спасет, то, как обманщик, так и обманутый, оба будут прокляты до дня Раста Хез... Нет никакого Спасителя. В другом мире вы получите заслуженное согласно вашим деяниям... *Ваш Спаситель – это ваши деяния* и Сам Бог!” *(“The Modern Parsis”,* лекция Макса Мюллера, 1862 г.).

«Пусть все грехи, которые были совершены в этом мире, падут на меня, чтобы мир мог быть освобожден», – воскликнул Гаутама, индусский Спаситель, за века до нашей эры.

Никто не будет в нашем нынешнем веке утверждать, что именно египтяне что-либо заимствовали у израильтян, в чем они теперь обвиняют индусов. Бунзен, Лепсий, Шампольон уже давно установили первенство Египта перед израильтянами относительно древности, так же как и всех религиозных обрядов, которые мы теперь опознаем у «избранного народа». Даже Новый Завет кишит цитатами и повторениями из «Книги Мертвых», и Иисус, – если все, приписываемое ему его четырьмя биографами, верно, – должен был быть знаком с египетскими Погребальными Гимнами.[619] В «Евангелии от Матфея» мы находим целые фразы из древнего и священного «Ритуала», который предшествовал нашей эре более чем на 4000 лет. Мы опять будем сравнивать.[620]

Находящаяся под судом «душа» приводится перед Озирисом, «Господом Истины», который сидит украшенный египетским крестом, эмблемой вечной жизни, и держит в своей правой руке ваннус или бич правосудия.[621] В «Зале Двух Истин» дух предпринимает горячее обращение и перечисляет свои добрые деяния, которые подтверждаются ответами сорока двух судебных заседателей – его воплощенных деяний и обвинителей. В случае оправдания, к нему обращаются как к Озирису, присваивая ему имя божества, откуда произошла его божественная сущность; при этом произносятся следующие, полные величия и справедливости слова!

«Отпустите Озириса; вы видите – в нем нет вины... Он жил по истине, он вскормлен истиной... Бог принял его, как он хотел этого. Он дал пищу моим голодным, питье моим жаждущим, и одежду моим нагим... Священную пищу богов он сделал пищей духов».

В притче о «Царствии Небесном» [Матфей, XXV] Сын Человеческий (Озириса также называют Сыном) восседает на троне своей славы, держа суд над народами, и говорит праведным:

«Идите вы, благословенные моего Отца (Бога) и унаследуйте царство... Ибо, я был голоден, вы дали мне пищу; я жаждал – вы напоили меня... нагим и вы одели меня».[622]

---

[619] Все традиции говорят о том, что Иисус получил образование в Египте и провел свое детство и молодость в братствах ессеев и других мистических общинах.

[620] Бунзен нашел несколько записей, из которых видно, что язык и религиозные культы египтян, например, не только существовали в начале Древнего Царства Египта, но уже были настолько полно разработаны и закреплены, “что в течение Древнего, Среднего и нового Царств они *только слегка изменились”,* и в то время как он отодвигает начало Древнего Царства за период Менеса, по меньшей мере за 4000 лет до Р. Х., происхождение древних герметических молитв и гимнов “Книги Мертвых” Бунзен приписывает до-Менитской династии Абидоса (между 4000 и 4500 г. до Р. Х.), тем самым доказывая, что “система поклонения Озирису и его мифологии сформировалась уже за 3000 лет до дней Моисея”.

[621] Его также называли “крюком привлечения”. Виргилий называет его *“Mystica Vannus lacchi”* – [**167**, I, 166].

[622] В речи, обращенной к делегатам Евангелического Союза в Нью-Йорке, в 1874 г., м-р Питер Купер, унитарист и один из благороднейших христиан *на практике* нашего века, заключает свое выступление следующими памятными словами: “В том *последнем и окончательном отчете* будет счастьем для нас, если мы обнаружим, что наши действия в жизни всегда имели тенденцию накормить голодных, одеть нагих и смягчить печали тех, кто больны или находятся в заключении”. Такие слова от человека, который отдал два миллиона долларов на благотворительность; обучил четыре тысячи молодых девушек полезным ремеслам, посредством которых они создали себе благоустроенную жизнь: содержал бесплатную публичную библиотеку, музей и читальный зал; образовательные классы для трудящихся; публичные лекции, читаемые знаменитыми учеными, открытые для всех; и был первым во всех добрых начинаниях в течение

В завершение этого сходства [Матфей, III, 12]: в уста Иоанна вложены слова, описывающие Христа как Озириса, и «веер (веятель, или ваннус) находится в его руке», которым он «очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу».

То же самое в отношении буддийских легенд. В [Матфей, IV, 19] Иисус говорит такие слова: «Идите за Мною, и я сделаю вас ловцами человеков»; сказано это в ходе беседы между ним и Симоном Петром, и Андреем, его братом.

В «Der Weise und der Thor» Шмидта [647], труде полном эпизодов из жизни Будды и его учеников, которые все взяты из оригинальных текстов, сказано об одном новообращенном в веру Будды, что «он был пойман на крючок учения, в точности как рыба, пойманная на приманку, и удочка тщательно вытаскивалась из воды». В храмах Сиама изображение ожидаемого Будды, Мессии Майтрейи, представлено с рыбацкой сетью в руках, тогда как в Тибете он держит какую-то ловушку. В объяснении к этому сказано:

> «Он (Будда) разбрасывает по океану рождений и увяданий цветок лотоса превосходного закона в качестве приманки; петлею приверженности, никогда не выбрасываемой понапрасну он вытаскивает живые существа, как рыбы, и переносит их на ту сторону реки, где истинное понимание» [**648**, с. 213].

Если бы эрудированный архиепископ Кейв, Грабе и д-р Паркер, которые так горячо боролись в свое время за включение «Посланий Иисуса Христа и Абгара, царя Едесса» в канон Священного Писания, жили бы в наши дни Макса Мюллера и санскритологии, – мы сомневаемся, что они действовали бы так, как в свое время. Первое упоминание этих Посланий связано со знаменитым Евсевием. Этот набожный епископ, кажется, нашел свое призвание в том, чтобы снабдить христианство наиболее неожиданными доказательствами для подтверждения самых диких его фантазий. Должны ли мы в число многих свершений епископа Кесареи включить и знание им сингалезского, пехлевийского, тибетского и других языков – этого мы не знаем; но он, несомненно, переписал письма Иисуса и Абгара, а также повествование о чудотворном портрете Христа, получившемся на куске материи простым вытиранием его лица, – из буддийского *Канона*. Для верности, епископ объявил, что он сам нашел это послание, написанное на сирийском языке, сохранившееся среди архивных материалов в городе Едессе, где царствовал Абгар,[623] Мы напоминаем слова Бабриаса:

> «Миф, о сын царя Александра, есть древнее человеческое изображение сирийцев, которые жили в старину при Нине и Бэле».

Едесса была одним из древних «святых городов». Арабы почитают его доныне; и там говорят на чистейшем арабском языке. Они по-прежнему называют город его древним именем Орфа; он когда-то был городом *Арфа-Касда* (Арфаксад), местонахождением Училища халдеев и магов; чей миссионер, по имени Орфей, принес оттуда вакхические мистерии во Фракию. Вполне естественно, что Евсевий нашел там повествование, которое он переделал в повествование об Абгаре и священном портрете на куске материи, точно так же, как царь Бибсбисара[624] получил такое изображение благословенного Татхагаты

долгой и безупречной жизни, – такие слова звучат особою благородною силою, которою отмечены высказывания всех благодетелей такого рода. Деяния Питера Купера заставят потомство хранить в сердце, как драгоценность, его золотые слова.

[623] “История церкви”, I, с. 13.

[624] Мы имеем идентичную легенду о Св. Веронике.

(Будды).[625] Когда царь принес материю, Бхагават отбросил на нее свою тень [397, с. 341]. Эта «чудесная материя» с тенью на ней все еще сохраняется, говорят буддисты; «только сама тень на ней видима редко».

Подобным же образом гностический автор «Евангелия от Иоанна» перенял и передал легенду об Ананде, который попросил напиться у женщины Матангха – прототипа женщины, которую Иисус встретил у колодца* – и которая напомнила ему, что она принадлежит к низкой касте и не может иметь какого-либо касательства к святому монаху.

[*Прим. Моисей был наиболее выдающимся применителем герметической науки. Помня, что Моисею (Асарсифу) приходится бежать в страну Мадиамскую, и что он «сел у колодезя» [*Исход*, II)] мы находим следующее:

«Колодец играл выдающуюся роль в мистериях вакхических празднеств. В жреческом языке всех стран он имел одно и то же значение. Колодец – это «родник спасения», упоминаемый в *«Исайе»* [XII, 3]. В своем духовном значении вода есть *мужское начало.* В своем физическом значении в аллегории сотворения, вода есть хаос, и хаос есть женское начало, оплодотворенное Духом Божиим – мужским началом. В *«Каббале» Захар* означает «мужской», и Иордан называли Захар («Всемирная история», т. II, с. 429). Любопытно, что отца Св. Иоанна Крестителя, пророка *Иордана* – Захара – звали *Захар-иас.* Одно из имен Вакха было *Загрей.* Церемония выливания воды на алтарь была священным актом в обрядах Озириса, так же как и в Моисеевых установлениях. В *«Мишне»* сказано: «Ты должен обитать в Сукка и *выливать воду* семь и сосуды шесть дней» (*«Мишна Сукках»,* с. 1). «Бери *девственную землю*... и обрабатывай *прах живой* ВОДОЙ», предписывает «Зогар» (*Введение* в «Зогар»; [**419**, II, с. 220, 221]). Только «земля и вода, согласно Моисею, могут породить *живую душу»,* цитирует Корнелий Агриппа. Считалось, что вода Вакха наделяет посвящаемого Святой *Пневмой;* и у христиан она смывает все грехи при крещении силою Святого *Духа.* В каббалистическом значении «колодец» есть таинственный символ тайной доктрины. «Кто жаждет, иди *ко мне и пей»,* говорит Иисус [*Иоанн,* VII].

Поэтому Моисей, адепт, вполне естественно изображен сидящим у колодца. К нему приближаются *семеро* дочерей кенитского жреца мадиамского, пришедших, чтобы наполнить водою корыта для *напоения отцовского стада.* Здесь мы опять встречаем семь – мистическое число. В нынешней библейской аллегории эти семеро дочерей представляют собою *семь оккультных сил.* «Пришли пастухи и прогоняли их (семь дочерей), но Моисей встал и помог им, и напоил их стадо». По объяснению некоторых каббалистов, семеро пастухов суть семь «ко злу склоненных Звездных» назареев, ибо в древних самаритянских текстах число этих Пастухов также указано как семь (см. каббалистические книги).

Затем Моисей, который победил семь *злых* Сил и завоевал дружбу семи *оккультных* и благотворных Сил, живет у Руэля, жреца Мадиамского, который приглашает «египтянина» есть хлеб, т. е. разделить с ним его мудрость. В Библии старейшины мадиамские представлены как великие предсказатели и гадатели. Наконец, Руэль или Иофор, посвятитель и наставник Моисея, выдает за него замуж свою дочь. Эта дочь есть Зиппора, т. е. эзотерическая мудрость, сияющий свет познания, ибо Сипра значит «сияющий» или «блистательный», от слова «Сапар», светить. Сиппара в Халдее был городом «Солнца». Таким образом, Моисей получил посвящение от мадиамитянина или, вернее, кенита, и отсюда произошла библейская аллегория.]

«Я не спрашиваю тебя, моя сестра», – отвечает Ананда женщине, – «ни о твоей касте, ни о твоей семье; я прошу только воды; если ты можешь мне ее дать». Женщина Матангха, очарованная и тронутая до слез, раскаивается, вступает в монашеский орден Гаутамы, и становится святой, будучи избавлена с помощью Шакьямуни от нечистой жизни. Многие из ее последующих деяний были использованы христианскими

[625] Татхагата есть Будда – “тот, кто идет по стопам своих предшественников”; как *Бхагават* – он есть *Владыка.*

фальсификаторами, чтобы приписать их Марии Магдалине и другим женщинам-святым и мученицам.

> «И кто напоит одного малых сих чашею холодной воды, единственно во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей», – говорится в *Евангелии* [*Матфей,* X, 42]. «Кто с чистым верующим сердцем предложит хотя бы пригоршню воды, или преподнесет столько же духовному собранию, или напоит бедного и нуждающегося, или дикого зверя в поле, – такое похвальное деяние не будет исчерпано во многих веках», – говорится в буддийском *«Каноне».*[626]

В час рождения Гаутамы Будды свершилось 32000 чудес. Облака недвижно замерли на небе; вода в реках перестала течь; цветы прекратили раскрытие бутонов; птицы замолчали полные изумления; вся природа приостановила свой ход и была полна ожидания. «Сверхъестественный свет разлился над всем миром; животные прервали еду; слепые видели; хромые и немые исцелялись», и т. д.[627]

Теперь мы приводим цитату из *«Протоевангелия»:*

> «В час Рождения Иисуса, когда Иосиф взглянул на небо, «Я видел», – говорит он, – «*облака изумленные* и птиц небесных остановившихся во время полета... Я увидел разбегающихся овец... и *все же они замерли,* я посмотрел на реку и увидел, что ягнята *нагнули головы к воде, и рты их уже касались воды, но они не пили.*
>
> *Затем светлое облако осенило пещеру.* Но вдруг облако превратилось в *великий свет* в пещере, так что глаза не могли вынести его... Рука Саломеи, которая была засохшая, сразу исцелилась... Слепые видели, и хромые и немые исцелялись».[628]

Будучи отправлен в школу, молодой Гаутама, хотя и никогда не учился, опередил всех своих соперников; не только по письму, но и по арифметике, математике, метафизике, борьбе, стрельбе из лука, астрономии, геометрии, и наконец, одержал верх над своими профессорами, дав определения шестидесяти четырем видам письмен, которые самим учителям не были известны.[629]

А вот то, что было сказано в *«Евангелии о Детстве»:*

> «И когда ему (Иисусу) исполнилось двенадцать лет... один из старших раввинов спросил его: «Читал ли ты книги?» – и один астроном спросил Господа Иисуса, изучал ли он астрономию. И Господь Иисус объяснил ему о сферах... о физике и метафизике. Также такие вещи, какие человеческий разум никогда не раскрывал... Устройство тела, как душа управляет телом... и т. д. При этом учитель был настолько удивлен, что сказал: «Я думаю, что этот мальчик родился раньше Ноя... он более учен, чем какой-либо учитель».[630]

Заповеди Иллела, который умер за сорок лет до Р. Х., кажутся скорее цитатами, нежели оригинальными изречениями в Нагорной Проповеди. Иисус не учил мир ничему такому, что уже не было бы преподано с такой же серьезностью другими учителями до него. Он начинает свою проповедь с определенных чисто буддийских заповедей, которые нашли себе признание среди ессеев и, вообще, применялись в жизни орфиками и неоплатониками. Существовали проэллины, которые, подобно Аполлонию, посвятили свои жизни нравственной и физической чистоте и практиковали аскетизм. Он старается

---

[626] Шмидт, “Der Weise und der Thor”, с. 37.

[627] *“Rgya Tcher Rol Pa*”, “История Будды Шакьямуни” (санскрит) – [**637**, т. II, с. 90, 91].

[628] “Протоевангелие” (приписывается Иакову), гл. XIII и XIV.

[629] [**650**, III, с. 28], [**276**, 142].

[630] *“Евангелие о Детстве”,* гл. XX, XXI; признанное Евсевием, Афанасием, Епифанием, Хризостомом, Иеронимом и др. То же самое повествование с удалением признаков индусского оригинала, во избежание опознания, можно найти в *Евангелии от Луки*, II, 46, 47.

вселить в сердца своих слушателей презрение к мирскому богатству, факироподобную незаботливость о завтрашнем дне; любовь к человечеству, бедности и чистоте. Он благословляет нищих духом, кротких, голодных и жаждущих справедливости, милосердных и миротворцев и, подобно Будде, оставляет мало шансов гордым кастам войти в Царство Небесное. Каждое слово его проповеди есть эхо существеннейших принципов монашеского буддизма. Десять заповедей Будды, как они изложены в приложении к *«Пратимокша Сутре»* (пали-бирманский текст), полностью разработаны в «Матфее». Если мы хотим познакомиться с историческим Иисусом, то нам нужно целиком оставить в стороне мифического Христа и узнавать все, что можно об этом человеке из первого *Евангелия*. Его доктрины, религиозные воззрения и величайшие устремления будут найдены сосредоточенными в его проповеди.

Это есть главная причина неудачи миссионеров при попытках обратить брахмистов и буддистов. Они видят, что та малость действительно хорошего, что им предлагают в новой религии, выставляется напоказ только в теории, тогда как их собственная вера требует, чтобы такие тождественные правила применялись на практике. Уже не говоря о невозможности для христианских миссионеров ясно понять дух религии, целиком обоснованной на том учении об эманировании, которое так враждебно их собственному богословию, – умственные способности некоторых простых буддийских проповедников настолько высоки, что они затыкают рты и ставят в большие трудности ученых, вроде Гуцлава [649, с. 29, 34, 35 и 38]. Джадсон, прославленный баптистский миссионер в Бирме, признает в своем *«Journal»,* затруднения, в которые они часто загоняют его. Говоря о неком Уяне, он замечает, что его сильный ум был способен справиться с наиболее трудными вопросами.

> «Его слова», – говорит он, – «гладки, как масло, сладки, как мед, и остры, как бритва; образ его рассуждений мягкий, вкрадчивый и проницательный; и так искусно он играет свою роль, что я, *с силой истины на моей стороне,* едва мог с ним справиться».

Хотя кажется, что в более поздний период своей миссии Джадсон обнаружил, что он совсем неправильно понял их учение.

> «Я начинаю понимать», – говорит он, – «что тот полуатеизм, о котором я иногда упоминал, есть ничто другое как очищенный буддизм, имеющий свое основание в буддийских священных писаниях».

Таким образом, он открыл, наконец, что в то время как буддизм есть «общий термин для обозначения наиболее возвышенного совершенствования, фактически применяемый ко многочисленным индивидуальностям, притом любой Будда превыше целого сонма подчиненных божеств», – в этой системе таятся также «проблески своего рода *Anima Mundi,* предшествующих Будде и даже превосходящей его».[631]

Вот это, воистину, счастливое открытие!

Даже столь оклеветанные китайцы верят в *Единого,* Высочайшего Бога, «Верховного Правителя Небес». Имя Ю-хуан-шан-ди написано только на золотой табличке перед алтарем неба в великом храме в Пекине Д'Иантан.

> «Это поклонение», – говорит полковник Гул, – «упоминается мусульманским повествователем посольства Шаха Руха (1421 г. н. э.): «в каждом году имеется несколько дней,

---

[631] [**654**, с. 135]. Д-р Джадсон впал в эту большую ошибку по причине своего фанатизма. В своем рвении “спасать души” он отказался прочесть бирманских классиков, чтобы этим не отвлекать свое внимание.

когда император не ест животной пищи... Он проводит свое время в помещении, в котором нет ни одного идола, и говорит, что он поклоняется Богу Неба».[632]

Говоря о Шахрастани, великом аравийском ученом, Хвольсон говорит, что для него сабеизм не был астролатрией, как склонны думать многие. Он считал, что

> «Бог слишком возвышен и слишком велик, чтобы Самому заниматься непосредственным управлением этого мира; и что поэтому Он передал управление им богам, оставив для Себя лишь наиболее важные дела; далее, что человек слишком слаб, чтобы мочь обратиться непосредственно к Всевышнему; что поэтому он должен направлять свои молитвы и жертвы богам-посредникам, которым Всевышний доверил управление миром».

Хвольсон доказывает, что идея эта так же стара, как мир, и что «в языческом мире этот взгляд повсеместно разделялся образованными людьми» [651, т. I, с. 725].

Отец Бари, португальский Миссионер, посланный обращать «бедных язычников» Кохинхина, еще в шестнадцатом веке,

> «в своем повествовании отчаянно восклицает, что нет таких облачений, служб или церемоний в церкви Рима, которым Дьявол здесь не создал бы каких-либо копий. Даже тогда, когда отец Бари начал яростно выступать против идолов, ему ответили, что это суть образы великих умерших людей, которым они поклоняются в точности по такому же принципу и в такой же форме, как католики – образам апостолов и мучеников» [**652**].

Кроме того, эти идолы имеют значение только в глазах невежественных масс. *Философия* буддизма игнорирует образы и фетиши. Его величайшая жизненность заключается в его психологических концепциях о внутреннем «я» человека. Путь к высшему состоянию блаженства, называемый стезей нирваны, извивается незримыми тропами по духовной, а не по физической жизни человека, пока он на этой земле. Священная буддийская литература указывает путь, побуждая человека *практически* следовать примеру Гаутамы. Поэтому буддийские писания делают особый упор на духовные привилегии человека, советуя ему развивать свои силы для совершения мейпо (феноменов) в течение жизни, и для достижения нирваны в жизни загробной.

Но обращаясь опять от исторических повествований к мифическим, выдуманным одинаково о Кришне, Будде и Христе, мы находим следующее: Создавая модель для христианского аватара и архангела Гавриила, светоносный Сан-тушита (Бодхисат) явился перед Маха-майей «подобно облаку в лунном свете, идущему с севера, держащему в своей руке белый лотос». Он объявил ей, что она родит сына, и, обойдя трижды вокруг ложа царицы... ушел из дэва-лока и был зачат в *мире людей* [276, с. 142]. Сходство будет найдено еще более совершенным после изучения иллюстраций в средневековых псалтырях[633] и панельной живописи шестнадцатого века (в церкви *Jouy* например, где Св. Дева изображена коленопреклоненной, с руками, протянутыми вверх к Святому Духу, и нерожденное дитя чудом видно через ее тело), и затем после обнаружения того же предмета, разработанного подобным же образом в скульптурах некоторых монастырей в Тибете. В пали-буддийских летописях и в других религиозных записях сказано, что Маха-дэви и все ее прислужницы постоянно радовались зрелищу младенца Бодхисаттвы, спокойно развивающегося в чреве своей матери, и уже излучающего из места своего созревания на человечество «блистательный лунный свет своего будущего благожелательства».[634]

Ананда, двоюродный брат и будущий ученик Шакьямуни, изображается родившимся в то же время. По-видимому он послужил оригиналом для старинных легенд

---

[632] [**653**, т. II, с. 81]; [**324**, т. I, с. 441].
[633] См. [**424**, с. 92].
[634] *“Rgya Tcher Rol Pa”, Бках Гиур* (Тибетская версия).

о Иоанне Крестителе. Например, палийское повествование сообщает, что Маха-майя, будучи беременной мудрецом, посетила его мать, как Мария посетила мать Иоанна Крестителя. Как только она вошла в комнату, нерожденный еще Ананда приветствовал нерожденного еще Будду-Сиддхартху, который также ответил на приветствие; и подобным же образом младенец, ставший впоследствии Иоанном Крестителем, подскочил в чреве Елизаветы, когда вошла Мария [*Лука*, I, 39-45]. Даже более того, ибо Дидро описывает сцену этого приветствования, как она изображена на ставнях в Лионе, между Елизаветой и Марией, в которой два неродившихся младенца, оба изображены вне своих матерей, также приветствуют друг друга [656].

Если мы теперь обратимся к Кришне и внимательно сравним относящиеся к нему пророчества, как они были собраны в рамачарианских традициях «Атхарваведы», «Веданги» и «Веданты»,[635] с параграфами из Библии и апокрифических *Евангелий*, на которые ссылаются как на предзнаменования о грядущем Христе, – то мы обнаружим очень любопытные факты. Следующие являются примерами:

ИЗ ИНДУССКИХ КНИГ	ИЗ ХРИСТИАНСКИХ КНИГ
1. «Он (Спаситель) придет, *увенчанный светом,* чистым флюидом, исходящим из его великой души... рассеивающим темноту» *(«Атхарваведа»).*	1. «Галилея языческая, народ, сидящий во тьме, увидел свет великий», ([*Матфей,* IV], переписано из [*Исаия,* IX, 1, 2]).
2. «В *начальной части* калиюги Дева родит сына» *(«Веданта»).*	2. «се, Дева во чреве приимет и родит сына», ([*Исаия,* VII], пересказано в [*Матфей»,* I, 23]).
3. «Придет Спаситель и проклятые ракхасы побегут искать убежища в глубочайшем аду» *(«Атхарваведа»).*	3. «Воззри, вот Иисус из Назарета в своем сиянии божественной славы, обративший в бегство все страшные силы тьмы» *(«Никодим»).*
4. «Он придет, и жизнь бросит вызов смерти... и он снова оживит кровь всех существ, возродит все тела и очистит все души».	4. «И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек» [*Иоанн,* X, 28].
5. «Он придет, и все ожившие существа, все цветы, растения, мужчины, женщины, младенцы, рабы... все вместе воспоют песню радости, ибо он есть Господь всех тварей... он бесконечен, ибо он есть сила, ибо он есть мудрость, ибо он есть красота, ибо он есть все и во всем».	5. «Ликуй от радости, дщерь Сиона, торжествуй, дщерь Иерусалима: се царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий... О, как велика благость его и красота его! Хлеб одушевит язык у юношей и вино – у отроковиц» [*Захария,* IX].
6. «Он придет слаще меда и амброзии, чище *ягненка* без пятен» (*там же*).	6. «Вот Агнец Божий» [*Иоанн,* I, 36]. «Веден он был на заклание, как агнец» [*Исаия,* LIII, 7].
7. «Счастливо благословенное чрево, которое понесет его» (*там же*).	7. «Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего» [*Лука,* I, 42]; «Блаженно чрево, носившее Тебя» [XI, 27].
8. «И Бог проявит Свою славу, и сила Его прогремит, и примирится Он со Своими тварями» (*там же*).	8. «Бог проявит Свою славу» [*1 Посл. Иоанна*]. «Бог был в Христе, примиряя мир с собою» [*2 Коринф.,* V].
9. «Именно, в лоне женщины луч божественного сияния примет человеческую форму, и она родит, будучи девой, ибо никакое нечистое соприкосновение не должно ее осквернять» *(«Веданга»).*	9. «Являя несравнимый пример, без загрязнения или осквернения, дева понесет сына и родит Господа» (*«Евангелие Марии»,* III).

[635] Существуют многочисленные труды, выведенные непосредственно из Вед, называемые “Упаведой”. Четыре труда объединены под этим названием, а именно: *“Аюс”, “Гандхарва”, “Дханус”* и *“Стхапатья”*. Третья “Упаведа” была составлена Вишвамитрой для кшатриев, касты воинов.

Будь в том преувеличение или нет, приписывая «Атхарваведе» и другим книгам такую великую древность, но остается фактом, *что эти пророчества и их исполнение предшествовали христианству,* и Кришна предшествовал Христу. Это все, что мы хотели установить.

Труд д-ра Ланди «Монументальное христианство» приводит читателя в потрясающее изумление. Трудно сказать, чего тут больше, восхищения ли перед эрудицией автора, или удивления перед его ясной и беспримерной софистикой. Он собрал огромное количество фактов, доказывающих, что религии, намного более древние, чем христианство, – религии Кришны, Будды и Озириса предвосхитили даже его мельчайшие символы. Его материалы взяты не с поддельных папирусов, не с переделанных евангелий, но со скульптур на стенах древних храмов, с памятников, надписей и других архаических остатков, только искалеченных молотами иконоборцев, пушками фанатиков и воздействием времени. Он показывает нам Кришну и Аполлона как добрых пастырей; Кришну – держащим крестообразный *чанк* и *чакру,* и Кришну – «распятым в пространстве», как он его назвал (*«Монументальное христианство»,* рис. 72). Об этой фигуре – заимствованной д-ром Ланди из «Индусского пантеона» Мура – истинно можно сказать, что она рассчитана на то, чтобы заставить христианина окаменеть от удивления, ибо это есть распятый Христос римского искусства, до последней степени сходства. Нет ни одной характерной черты, которой не хватало бы; и автор сам о ней говорит:

> «Я полагаю, что это изображение предшествует христианству... Оно напоминает христианское распятие во многих отношениях... Рисунок, поза, знаки гвоздей на руках и ногах указывают на христианское происхождение, в то время как парфянская семиконечная диадема, отсутствие дерева и обычной надписи, а также лучей славы над головой, как бы указывают на другое, нехристианское происхождение. Быть может это человек-жертва, или жрец и жертва, оба в одном, индусской мифологии, который принес себя в жертву до того, как появились миры? Быть может это платоновский Второй Бог, который запечатлелся на вселенной в форме креста? Или это его богочеловек, который подвергнется бичеванию, мукам, оковам; которому выжгут глаза и наконец... распнут?» («Государство», кн. II, с. 52).

Это все то и гораздо больше; *архаическая религиозная философия* была всемирной.

Д-р Ланди возражает Муру и утверждает, что эта фигура есть фигура *Виттобы,* одного из аватаров Вишну, следовательно, Кришны, *предшествовавшего христианству,* от какого факта нелегко отделаться. И все же, хотя он находит это пророческим в отношении христианства, он считает, что она не имеет никакой связи с Христом! Единственным его доводом является то, что

> «в христианском распятии лучи славы всегда исходят из священной головы; здесь же они идут свыше и со стороны... Поэтому пандитский Виттоба, данный Муру, очевидно, должен быть распятым *Кришной,* пастушьим богом Матхуры... *Спасителем – Господом Завета, так же как и Господом Неба и земли – чистым и нечистым, светлым и темным, добрым и злым, миролюбивым и воинственным, любезным и гневным, нежным и бурным, прощающим и мстительным, Богом и странной смесью с человеком,* но не Христом евангелий».

Теперь, все эти качества должны принадлежать Иисусу так же, как и Кришне. Тот самый факт, что со стороны матери Иисус был человеком – даже если бы он был *Богом* – подразумевает то же самое. Его поведение по отношению к смоковнице и его внутренние противоречия в «Матфее», где в одно время он обещает мир на земле, а в другое время – меч и т. д., являются доказательствами в этом направлении. Несомненно, эта гравюра никогда не предназначалась для изображения Иисуса из Назарета. Это был Виттоба, как было сказано Муру, и, как кроме того гласят индусские священные писания – Брахма, жертвоприноситель, «который в одно и то же время является и жертвователем и жертвой»: это есть «Брахма, жертва в своем Сыне Кришне, который пришел, чтобы

умереть на земле для нашего спасения, который Сам совершает торжественное жертвоприношение *(Сарвамеды)».* И все же, это есть человек Иисус, также как и человек Кришна, ибо оба они были соединены со своим *Хрестосом.*

Таким образом нам приходится или признать периодические «воплощения», или предоставить христианству быть величайшим обманом и плагиатом в веках!

Что касается еврейских *Писаний,* то только такие люди, как иезуит де Карьер, покладистый представитель большинства католического духовенства, могут все еще приказывать своим последователям признавать только ту хронологию, которая дана Святым Духом. Именно из авторитетного утверждения последнего мы узнаем, что Иаков отправился, вместе с семьей в семьдесят человек, на поселение в Египет в 2298 году со сотворения мира и что в 2513 году – всего спустя 215 лет – эти семьдесят человек настолько размножились, что ушли из Египта, имея силу в 600.000 воинов, «не считая женщин и детей», что, согласно научной статистике, должно составить общее народонаселение между двумя и тремя миллионами!! Естественная история не знает примеров такой плодовитости, за исключением только у селедок. После этого пусть христианские миссионеры хохочут, если они могут, над индусской хронологией и вычислениями.

> «Счастливы те люди, хотя не стоит завидовать им», – восклицает Бунзен, – «которые не имеют ни малейших сомнении, приписывая Моисею выход с более чем двухмиллионным народом вслед за народным заговором и восстанием, в солнечные дни восемнадцатой династии; которые приписывают израильтянам завоевание Ханаана под водительством Иисуса Навина в течение и до наиболее грозных нашествий победоносных фараонов на ту же страну. Египетские и ассирийские летописи в сочетании с исторической критикой Библии доказывают, что исход мог иметь место только при царствовании Менефата, так что Иисус Навин не мог перейти Иордан раньше Пасхи 1280 г.. так как последний поход Рамзеса III на Палестину был в 1281 году» [**74**, т. V, с. 93].

Но мы должны возобновить нить нашего повествования с Будды. Ни он, ни Иисус не записали ни одного слова из своих учений. Нам приходится брать учения этих учителей по свидетельству их учеников и поэтому будет только справедливо, чтобы нам разрешили судить оба учения по их внутренней ценности. На которой стороне логическое превосходство, это можно увидеть по результатам частых схваток между христианскими миссионерами и буддийскими теологами *(pungui).* Последние обычно, если не неизменно, берут верх над своими соперниками. С другой стороны, «лама Иеговы» только в редких случаях не теряет самообладание, к великому восторгу ламы Будды, и на практике демонстрирует свою религию терпения, милосердия и благодетельности, оскорбляя своего противника наиболее неканонической бранью. Этому мы были свидетелями неоднократно.

Несмотря на бросающееся в глаза сходство непосредственных учений Гаутамы и Иисуса, мы все же находим, что их соответственные последователи придерживаются двух диаметрально противоположных отправных точек. Буддийский теолог, следуя буквально этической доктрине своего Учителя, остается, таким образом, верным наследству Гаутамы; тогда как христианский священник, искажая до неузнаваемости заветы, написанные в четырех *Евангелиях,* учит не тому, чему учил Иисус, но нелепым, слишком часто пагубным толкованиям подверженных ошибкам людей – включая труды пап, лютеров и кальвинов. Мы приводим два примера, отобранные из обеих религий и сопоставленные. Пусть читатель судит сам:

> «Не верь ни во что лишь потому, что об этом идут слухи и многие говорят», – говорит Будда; – «не думай, что это служит доказательством истинности.
>
> Не верь лишь потому, что предъявлено письменное утверждение какого-либо древнего мудреца; не будь уверен, что написанное было пересмотрено этим мудрецом, или что на него можно положиться. Не верь в то, что ты себя представил, полагая что, *поскольку идея*

чрезвычайно необычайна, она, должно быть, послана каким-либо Дэвой или другим удивительным существом.

Не верь в догадки, то есть, предположив что-нибудь наудачу в качестве отправной точки, не делай затем выводы из нее – не вычисляй свои два и три и четыре *прежде, чем ты установил свое число один.*

Не верь только на основании авторитета твоих учителей и наставников, не верь и не применяй на практике *лишь потому, что они верят и применяют на практике.*

Я [Будда] говорю вам всем, вы сами должны познать, что это плохо, это наказуемо, что порицается мудрыми; одна только вера в это не принесет пользы никому, но причинит горе; и когда вы познаете это – тогда воздержитесь от этого» [**649**, с. 43-47].

Просто невозможно не сопоставить эти благожелательные и человечные изречения с громоносными угрозами Католического Вселенского Собора и папы, направленными против применения разума и занятия наукой, когда та расходится с откровением. Ужасное благословение папою мусульманского оружия и проклинание русских и болгарских христиан вызвали возмущение в некоторых из наиболее преданных католических общин. Католические чехи Праги в день недавнего полувекового юбилея Пия IX, а также 6-го июля, день, посвященный памяти Яна Гуса, сожженного мученика, чтобы отметить свое негодование ультрамонтанистской политикой в этом отношении, собрались тысячами на соседней горе Жишко и с большой церемонией и обличениями сожгли портрет папы, его Послание и его последнюю речь, направленную против русского царя, говоря, что они добрые католики, но еще лучше славяне. Очевидно, память Яна Гуса для них более священна, чем ватиканские папы.

«Поклонение словам более пагубно, чем поклонение изображениям», – говорит Роберт Дэйл Оуен. – «Грамматолатрия – худший вид идолопоклонства. Мы достигли эпохи, в которой буквализм разрушает веру... Буква убивает» [**657**, с. 145].

Нет ни одного догмата в церкви, к которому эти слова могли быть лучше применены, чем к доктрине о претворении.[636]

«Кто ест мою плоть и пьет мою кровь имеет жизнь вечную», – эти слова приписаны Христу. «Какие странные слова!» – повторяют его напуганные слушатели. Ответом *был ответ посвященного.* «Это ли соблазняет вас? Именно Дух животворит; плоть не пользует ни мало. Слова *рената,* или выражения, содержащие сокровенное значение, которые я говорю вам, они суть Дух, и они суть Жизнь».

Во время мистерий вино представляло собою Вакха, а хлеб – Цереру.*

[*Прим. Пейн Найт считает, что Церера не была олицетворением грубой материи, из которой состоит земля, но женского *порождающего начала,* насыщающего ее, которое, в соединении с активным принципом, считалось причиной организации и оживления ее субстанции... Она упомянута, как жена всемогущего Отца-Эфира или Юпитера [**548**, XXXVI]. Отсюда и слова Христа: «Именно Дух животворит: *плоть не пользует ни мало»;* примененные в своем двойственном значении и к духовным и к земным вещам, к духу и материи.

---

[636] “Мы распыляем наше усердие”, говорит д-р Генри Мор, “против такого множества предметов, которые мы считаем папскими, что у нас едва ли остается *справедливая доля негодования* для того, что действительно таково. Этим является грубая, отвратительная и скандальная несостоятельность *претворения,* различные виды грубого идолопоклонства и лживые обманы, неуверенность в их верности своим законным правителям вследствие их суеверной приверженности к духовной тирании папы, и *та варварская и дикая жестокость по отношению к тем,* кто или не являются такими дураками, чтобы их можно было заставить поверить в такие вещи, какие они желали бы навязать людям, или не настолько лживы по отношению к Богу и своей совести, чтобы, зная лучше, все же исповедовать их” (прим. к *“Гланвилу”*).

Вакх, как Дионис – индусского происхождения. Цицерон упоминает его, как сына Фионы и Ниса. Διόνυος значит бог Дис с горы Нис в Индии. Вакх, увенчанный плющом, или «киссос», есть Кришна, одно из имен которого было «Киссен». Дионис, главным образом, является тем божеством, на котором сосредоточены все надежды о будущей жизни; короче говоря, он был тем богом, который, как ожидали, *освободит человеческие души* от плена плоти. Про Орфея, поэта-аргонавта, тоже сказано, что он пришел на землю; чтобы очистить религии от их грубого и земного антропоморфизма; он упразднил человеческие жертвоприношения и установил мистическую теологию, обоснованную на чистой духовности. Цицерон называет Орфея сыном Вакха. Странно, что оба они оказываются происшедшими из Индии. По крайней мере, как Дионис Загрей, Вакх, несомненно, индусского происхождения. Некоторые писатели, проводя любопытную аналогию между именем Орфей и древнегреческим термином ὀρφος, *темный или рыжевато-коричневый,* связывают этот термин с его смуглым индусским цветом кожи. См. Восс, Хейне и Шнейдер об аргонавтах.]

Иерофант-посвятитель преподносил символически перед окончательным *откровением* вино и хлеб кандидату, который должен был есть и пить их в знак того, что дух должен оживить материю, т. е. божественная мудрость должна войти в его тело при помощи того, что ему будет открываться. Иисус, в своей восточной фразеологии, постоянно приравнивал себя истинному вину [*Иоанн,* XV, 1]. Кроме того, иерофант, раскрыватель Петромы, назывался «Отцом». Когда Иисус сказал: «Пейте... это моя кровь», то что бы еще не подразумевалось, это было просто метафорическим уподоблением себя виноградной лозе, приносящей виноград, чей сок является ее кровью – вином. Это был намек на то, что как он сам был посвящен «Отцом», так и желал посвятить других. Его «Отец» был виноградарь, он сам был виноградной лозой, а его ученики – ветвями. Его последователи, не будучи знакомыми с терминологией мистерий, удивлялись; они это даже приняли как оскорбление, что совсем неудивительно, принимая во внимание заветы Моисея, касающиеся крови.

В четырех *Евангелиях* вполне достаточно материала, чтобы показать, в чем заключалась сокровенная и наиболее пламенная надежда Иисуса – надежда, с которою он начал учить и с которою он умер. В своей огромной и самоотверженной любви к человечеству, он считает несправедливым лишение масс результатов знания, приобретенного немногими. Этот результат он и проповедует – единство духовного Бога, чей храм находится внутри каждого из нас, и в ком мы живем, как Он живет в нас – в духе. Это знание находилось в руках еврейских адептов школы Хиллела и каббалистов. Но «книжники» или законники, постепенно впавшие в догматизм мертвой буквы, уже давно отделились от танаимов, истинных духовных учителей; и практикующие каббалисты более или менее преследовались Синагогой. Вот почему мы находим Иисуса восклицающим:

«Горе вам, законникам, что *вы взяли ключ разумения* [гнозиса]: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали» [*Лука,* XI, 52].

Значение здесь ясно. Они забрали ключи, и даже сами не смогли ими воспользоваться, так как Мазора (традиция) стала для них самих запечатанной книгой, как и для других.

Кажется, что ни Ренан, ни Штраус, ни более современный виконт Эмберли не имели даже отдаленнейшего подозрения о действительном значении многих притч Иисуса, или даже о характере великого Галилейского философа. Как мы уже видели, Ренан представляет его нам, как раввина на галльский лад, *«le plus charmant de tous»,* но все же раввина; и, кроме того, такого, который даже не вышел из школы Хиллела или из какой-либо другой школы, хотя неоднократно называет его «очаровательным доктором» [530, с. 219]. Он обрисовывает его, как сентиментального молодого энтузиаста, происшедшего из плебейских классов Галилеи, который представляет себе идеальных царей своих притч,

как существ, облаченных в пурпур и драгоценности, о которых можно почитать в детских сказках [530, с. 221].

С другой стороны, Иисус лорда Эмберли является «иконоборцем идеалистом», намного ниже по тонкости и логике своих критиков. Ренан смотрит на Иисуса с односторонностью семитоманиака; виконт Эмберли смотрит на него сверху, с точки зрения английского лорда. Кстати, в отношении притчи о свадебном пире, которую он считает воплощением «любопытной теории общественных отношений», виконт говорит:

> «Никто не может возразить, если отдельные милосердные лица приглашают на приемы в своих домах бедных или немощных людей, *не имеющих общественного положения*... Но мы не можем допустить, чтобы такого рода деятельность вменялась в обязанность... очень желательно, чтобы мы совершали как раз то, что Христос запретил бы нам делать, а именно – приглашали бы наших соседей и в свою очередь получали бы приглашения от них, смотря по обстоятельствам... Страх перед тем, что нам могут отплатить тем же за обеды, даваемые нами, несомненно несостоятелен... В сущности, Иисус совершенно упускает из виду более интеллектуальную часть общества» [**655**, т. I, с. 467].

Все это бесспорно показывает, что «Сын Божий» не был знатоком общественного этикета и не годился «для общества»; но это также является прекрасным примером господствующего неправильного понимания даже самых его многозначительных притч.

Теория Анкетиля ди Перона, что «Бхагавадгита» является самостоятельным произведением, поскольку ее нет в некоторых рукописях «Махабхараты», может настолько же послужить основанием претензии на еще большую древность, насколько наоборот. Это произведение чисто метафизическое и этическое; и в некотором смысле оно даже является *анти-ведийским,* по крайней мере настолько, что оно противоречит многим позднейшим толкованиям Вед брахманами. Как же тогда случилось, что вместо уничтожения этого произведения или, по меньшей мере, объявления его неканоническим – прием, к которому христианская церковь не преминула бы прибегнуть, – брахманы оказывают ему величайшее почитание? Будучи совершенно *унитаристским* по своим целям, оно противоречит популярному идолопоклонству. Все же, единственной предосторожностью, примененной брахманами для того, чтобы доктрины этого произведения не стали слишком широко известными, является то, что они сохраняют его в большей тайне, чем какую-либо другую религиозную книгу, от любой касты, за исключением жреческой, и налагают даже на эту касту, во многих случаях, определенные ограничения. Величайшие тайны брахманистской религии заключены в этой величественной поэме; и даже буддисты признают ее, объясняя по-своему некоторые догматические трудности.

> «Будь бескорыстен, обуздай свои чувства и страсти, которые омрачают рассудок и ведут к заблуждению», – говорит Кришна своему ученику Арджуне, провозглашая таким образом чисто буддийский принцип. – «Низкие люди следуют примерам, великие люди дают их... Душе следует освободиться от оков действия, и действовать в абсолютной согласованности со своим божественным источником. *Есть только один* Бог; все другие дэваты ниже и представляют собою только формы (энергии) Брахмы или меня. *Поклонение делами выше, чем поклонение созерцанием».*[637]

Это учение совершенно совпадает с учением самого Иисуса [*Матфей*, VII, 21]. Только одна вера, несопровожденная «делами», приравнивается в «Бхагавадгите» нулю. Что касается «Атхарваведы», то она сохранялась и сохраняется брахманами в такой тайне, что сомнительно, обладают ли востоковеды *полным* ее экземпляром. Тот, кому приходилось читать, что говорит аббат Дюбуа, может по праву сомневаться в этом факте.

---

[637] См. *“Гиту”* в переводе Чарлза Уилкинса, 1785 г.; и *“Бхагавад-Пурану”,* содержащую историю Кришны, переведенную на французский Эженом Бюрнуфом, 1840.

«От последней книги – *Атхарвы* – осталось очень мало экземпляров», – говорит он, описывая Веды, – «и многие полагают, что их больше нет. Но правда в том, что они, в самом деле, существуют, хотя они охраняют их с гораздо большей предосторожностью, чем другие, по причине боязни, что их заподозрят, что они посвящены в тайны магии и в другие страшные тайны, которым, как полагают, это произведение обучает» [**592**, т. I, с. 84].

Даже среди величайших *эпоптов* великих *мистерий* были такие, которые ничего не знали об их последнем и страшном обряде – добровольном переносе жизни от иерофанта в кандидата. В *«Стране теней»* [660] это мистическое действо переноса духовной сущности адепта после его телесной смерти в юношу, которого он любит всею своею горячею любовью духовного отца, – превосходно описано. Так же, как в случаях перевоплощений тибетских лам, адепт высшей ступени может жить неограниченно. Его смертная оболочка изнашивается, несмотря на известные алхимические секреты для продления юношеской жизнеспособности далеко за обычные пределы, все же редко удается поддержать жизнь тела более двухсот или двухсот сорока лет. После этого старое одеяние становится изношенным, и духовное Эго, вынужденное покинуть его, избирает для своего обитания новое тело, свежее и полное здоровой жизненной силой. В случае, если читатель склонен к высмеиванию этого утверждения о возможном продлении человеческой жизни, мы можем отослать его к статистическим данным некоторых стран. Автор талантливой статьи в *«Вестминстерском обозрении»* от октября 1850 года несет ответственность за утверждение, что в Англии имеются подлинные примеры: некоего Томаса Дженкинса, умершего в возрасте 169 лет, и «Старого Парра» – в 152 г., и что в России несколько крестьян «говорят, достигли возраста 242 лет».[638] Имеются также случаи столетних стариков среди перуанских индейцев. Мы знаем, что в последнее время многие талантливые писатели подвергли сомнению подобные претензии на чрезвычайное долголетие, но мы тем не менее подтверждаем нашу веру в правдивость этих сообщений.

Правдивые или ложные, но имеются «суеверия» среди восточных народов, какие никогда даже не снились Эдгару По или Гофману. И эти верования текут в самой крови тех народов, откуда они берут свое начало. Будучи тщательно очищены от преувеличений, они окажутся заключающими в себе всемирную веру в тех беспокойных, скитающихся астральных душ, которых называют упырями и вампирами. Армянский епископ пятого века, по имени Езник, приводит ряд таких повествований в своем рукописном труде (книга I, §§ 20, 30), хранившемся лет 30 тому назад в библиотеке Эчмиадзинского монастыря.[639] Среди других там имеется предание, дошедшее с времен язычества, о том, что каждый раз, когда на поле битвы падает герой, чья жизнь все еще нужна на земле, Аралез, популярный бог древней Армении, обладающий властью возвращать жизнь падшим в бою, облизывает кровоточащие раны жертвы и дышит на них до тех пор, пока они не обретают новую и крепкую жизнь. После этого воин встает, смывает с себя все следы ранений и снова занимает место на поле брани. Но его бессмертный дух улетел, и весь остаток жизни он – покинутый храм.

После того, как адепт был посвящен в последнюю и наиболее торжественную тайну переноса жизни, в страшный *седьмой* обряд великого священного действа, являющегося актом высшей теургии, – он больше не принадлежит этому миру. После этого его душа свободна, и *семь* смертных грехов, поджидающих, чтобы пожрать его сердце, когда душа, освобожденная смертью, будет проходить через *семь* залов и по *семи* лестницам, – уже не

---

[638] Капитан Джеймс Рэйли в своей *“Повести”* о своей жизни в неволе в Африке, приводит подобные примеры о большом долголетии в Сахарской пустыне.

[639] Один из древнейших христианских монастырей в Российской Армении.

в состоянии повредить ему, живому или мертвому; он уже прошел «дважды семь испытаний» – *двенадцать* трудов завершающего часа.[640]

Только верховный иерофант знал, как совершить это торжественное действо путем вселения своей собственной жизни и астральной души в адепта, избранного им в качестве наследника, который таким образом становился наделенным двойной жизнью.*

[*Прим. Жестокий обычай приношения человеческих жертв, впоследствии введенный в употребление среди народов, является извращенной копией этой теургической мистерии. Языческие жрецы, не принадлежавшие к классу иерофантов, в течение некоторого времени придерживались этого отвратительного обряда, и он служил для прикрытия истинной цели. Но греческий Геракл изображен как противник человеческих жертвоприношений, казнивший людей и чудовищ, приносивших их. Бунзен доказывает, используя полное отсутствие каких-либо изображений человеческих жертвоприношений на самых старых памятниках, что этот обычай был упразднен в Древнем царстве в конце седьмого века после Менеса; по этой причине за 3000 лет до Р. Х. Ифискрат совершенно прекратил человеческие жертвоприношения среди карфагенян. Дифил приказал заменить человеческие жертвы быками. Амосис принудил жрецоз заменить последних восковыми фигурами. С другой стороны, за каждого чужака, принесенного в жертву на алтарь Дианы обитателями Тавридского Херсонеса, инквизиция и христианское духовенство может похвастать дюжиною еретиков, принесенных в жертву на алтарь «Богоматери» к ее «Сына». И подумали ли когда-либо христиане о замене восковыми фигурами или животными живых еретиков, евреев и ведьм? Они сжигали их изображения только в тех случаях, когда благодаря провидческому вмешательству, обреченные жертвы ускользали от их хватки.]

«Истинно, истинно, говорю тебе: если кто не *родится свыше,* не может увидеть Царствия Божия» [*«Иоанн»,* III, 3].

Иисус говорит Никодиму:

«Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от духа есть дух».

Этот намек, сам по себе такой непонятный, объяснен в *«Сатапа-брахмане».* Она учит, что человек, стремящийся к духовному совершенству, должен иметь *три* рождения: 1) физическое от своих смертных родителей; 2) духовное, через религиозную жертву (посвящение); 3) его конечное рождение в мир духа – при смерти. Хотя может показаться странным, что нам приходится отправиться в древнюю страну Пенджаба и на берега священного Ганга за толкованием слов, произнесенных в Иерусалиме и повторяемых на берегах Иордана, но факт этот очевиден. Второе рождение, или возрождение духа, после естественного рождения того, что рождено от плоти, могло удивить еврейского правителя. Тем не менее, оно преподавалось за 3000 лет до появления великого Галилейского Пророка не только в древней Индии, но всем эпоптам языческого посвящения, которым были раскрыты великие тайны ЖИЗНИ и СМЕРТИ. Этот секрет из секретов, что душа не привязана к плоти, на практике демонстрировался примерами йогов, последователей Капилы. Освободив свои души от пут Пракрити, или Махата (физическое восприятие чувств и ума – в одном значении, творение), они до того развили свою силу души и *силу воли,* что в самом деле стали свободными, еще на земле, сообщаться с божественными мирами и творить то, что ошибочно названо «чудесами».[641] Люди, чьи астральные души

---

[640] Египетская “Книга Мертвых”. У индусов имеется семь высших и семь низших небес. Семь смертных грехов христиан заимствованы из египетских *Книг Гермеса*, с которыми Климент Александрийский был основательно знаком.

[641] Вот почему Иисус рекомендует молитву в уединении своей комнаты. Эта тайная молитва есть ни что иное, как паравидья философа веданты: “Тот кто знает свою душу (внутреннее я), тот каждый день удаляется в область сварги (небесное царство) в своем сердце”, – говорит *“Брихад-Араньяка”*. Философ веданты признает Атмана, духовное “я”, единственным и Верховным Богом.

достигли на земле «нехрейяса» или «мукти», являются полубогами; как развоплощенные духи, они достигают мокши или *нирваны,* и это есть их *второе,* духовное рождение.

Будда излагает доктрину о новом рождении так же ясно, как это делает Иисус. Желая порвать с древними мистериями, куда невозможно было допускать невежественные массы, индусский реформатор, хотя в общем умалчивающий о не одной только сокровенной догме, ясно излагает свою мысль в нескольких отрывках. Так, например, он говорит:

> *«Некоторые люди рождаются снова;* злодеи идут в Ад; праведные люди идут на Небеса; те кто освободились от всех мирских желаний, вступают в нирвану» (*«Наставления из Дхаммапады»,* V, 126).

В другом месте Будда говорит, что

> «лучше верить в будущую жизнь, в которой можно испытать счастье или тяготы; ибо сердце уверовавшее в это, прекратит грешить и будет поступать добродетельно; и даже, если бы не было никакого воскресения, такая жизнь создает доброе имя и уважение людей. *Но те, кто верят в уничтожение при смерти, совершат любой грех,* какой выберут – вследствие своего неверия в будущую жизнь» [**649**, с. 54].

«Послание евреям» трактует о жертвоприношении крови.

> «Где есть завещание», – говорит пишущий, – «там непременно должна быть и смерть завещателя... Без пролития крови нет и отпущения грехов».

Затем опять:

> «Так и Христос не Сам Себе присвоил славу *быть первосвященником,* но Тот, кто сказал ему: Ты сын мой; **Я ныне родил Тебя**» [*Евреям,* V, 5].

Отсюда следует очень ясный вывод, что 1) Иисус рассматривался только как первосвященник, подобно Мельхиседеку – другому *аватару* или воплощению Христа, согласно отцам церкви; 2) что автор считал, что Иисус стал «Сыном Божиим» только в момент его посвящения водою; отсюда следует, что он не родился богом, и также не был физически зачат Им. Каждый посвященный «последнего часа» становился, посредством самого факта посвящения, сыном Божиим. Когда Максим Ефесский посвящал императора Юлиана в мистерии Митры, он произнес в качестве обычной формулы этого обряда следующие слова:

> «Этой кровью я смываю твои грехи. Слово Всевышнего вошло в тебя, и отныне Его Дух будет почивать на НОВОРОЖДЕННОМ, *ныне*-зачатом Высочайшим Богом... Ты еси сын Митры».

«Ты еси *Сын Божий*», – повторяли ученики после крещения Христа. Когда Павел стряхнул с себя гадюку в огонь, безо всякого вреда себе, жители Мелиты «говорили, что он *бог»* [*Деяния,* XXVIII]. «Он – сын Бога Прекрасного!» – было термином, употребляемым учениками Симона Волхва, так как они думали, что в нем проявляется «великая сила Бога».

Человек не может иметь бога, который не был бы ограничен его собственными человеческими представлениями. Чем шире охват его духовного зрения, тем могущественней будет его божество. Но где мы можем найти лучшее проявление Его, как не в самом человеке; в духовных и божественных силах, покоящихся спящими в каждом человеческом существе?

«Способность вообразить возможность существования тауматургических сил уже сама по себе является доказательством, что они существуют», – говорит автор *«Пророчеств».* – «Критик, так же как и скептик, обычно всегда ниже того лица или явления, которое он обозревает, и поэтому едва ли может быть компетентным свидетелем. *Если имеются подделки, то где-нибудь должен быть и настоящий подлинник*» [**172**].

Кровь порождает призраков, и ее эманации снабжают некоторых духов материалом, необходимым им, чтобы создавать себе временные проявления.

«Кровь», – говорит Леви, – «является первым воплощением универсального флюида; это материализованный *жизненный свет.* Ее рождение есть чудо изо всех природных чудес; она живет только постоянным преображением, ибо она – вселенский Протей. Кровь возникает из принципов, где никакой крови до этого не было, и становится плотью, костями, волосами, ногтями... слезами и потом. Она не может участвовать ни в разложении, ни в смерти; когда жизнь ушла, она начинает разлагаться; если вы знаете, как снова оживить ее, как вдохнуть в нее жизнь посредством новой магнетизации ее шариков, жизнь снова вернется к ней. Универсальная субстанция с ее двойным движением является великой тайной бытия; кровь – великой тайной жизни».

«Кровь», – говорит индусский Раматсариар, – «содержит в себе все сокровенные тайны существования; никакое живое существо не может без нее существовать. Вкушать кровь – это профанация великого создания Творца».

В свою очередь Моисей, следуя всемирному и традиционному закону, запрещает вкушение крови.

Парацельс пишет, что с помощью испарений крови можно вызвать любого духа, какого мы пожелаем увидеть; ибо из ее эманаций он построит себе видимую внешность, *видимое* тело – только это есть колдовство. Иерофанты Ваала делали глубокие надрезы по всему своему телу и создавали с помощью собственной крови объективных и осязаемых призраков. Последователи некой секты в Персии, из которых много можно найти вокруг русских поселений в Темирхан-Шура и в Дербенте, имеют свои религиозные мистерии, в которых они становятся в большой круг и крутятся в исступленном танце. Их храмы разрушены, и они совершают свой культ в больших временных строениях, надежно огражденных, и с земляным полом, густо покрытым песком. Все они одеты в длинные белые одежды, их головы обнажены и побриты. Вооруженные ножами, они скоро доходят до исступленной экзальтации и наносят раны себе и другим до тех пор, пока их одежды и песок на полу не напитаются кровью. Перед завершением этой «мистерии» у *каждого танцующего появляется товарищ,* который кружит вместе с ним. Иногда у этих танцоров-призраков бывают на головах волосы, чем они вполне отличаются от своих бессознательных творцов. Так как мы дали торжественное обещание не раскрывать главных деталей этой ужасной церемонии (которую наблюдать нам было разрешено только один раз), – мы должны прекратить повествование о ней.[642]

В древние времена Фессалийские колдуньи к крови черного агнца прибавляли иногда кровь новорожденного младенца и с помощью этого вызывали тени умерших. Жрецов обучали искусству вызывания духов умерших людей, а также стихий, но их приемы вызывания, конечно, были не такие, как у Фессалийских колдуний.

Среди якутов Сибири есть одно племя, обитающее в пределах Забайкалья близ реки Витим (Восточная Сибирь), которое практикует колдовство в таком виде, как оно

---

[642] Во время пребывания в Петровске (Дагестан, на Кавказе) нам представилась возможность наблюдать другую такую “мистерию”. Благодаря любезности князя Мелихова, генерал-губернатора Дагестана, проживающего в Темирхан-Шуре, и в особенности – князя Гамсуддина, бывшего правящего шамхала Тархова, туземного татарина, мы летом 1865 года наблюдали этот церемониал с безопасного расстояния из чего-то похожего на абонементную ложу, сооруженную под потолком этого временного дома.

применялось в дни Фессалийских колдуний. Их религиозные верования представляют любопытную смесь философии и суеверия. Они имеют главного или верховного бога Айы-Тойона, который не сотворил, они говорят, а только *властвует* над творением всех миров. Он пребывает в *девятых* небесах, и только начиная с *седьмого* неба другие меньшие боги – его слуги – способны проявляться перед своими творениями. В этом девятом небе, согласно откровению меньших божеств (мы полагаем – духов), имеются три солнца и три луны, а землю этой обители образуют четыре озера (четыре страны света) из «тонкого воздуха» (эфира) вместо воды. В то время как они не делают никаких жертвоприношений верховному божеству, ибо он не нуждается в них, – они стараются умилостивить как добрых, так и злых божеств, которых они соответственно называют «белыми» и «черными» богами. Они это делают потому, что ни один из этих двух классов богов не является добрым или злым вследствие личных заслуг или прегрешений. Так как все они подчинены Верховному Айы-Тойону, и каждый должен выполнять обязанность, отведенную ему извечно, они не несут ответственности ни за добро, ни за зло, творимые ими в этом мире. Объяснение, даваемое якутами по поводу таких жертвоприношений, весьма любопытно. Они говорят, что жертвоприношения помогают обоим классам богов лучше выполнять свои обязанности, и таким образом угождать Верховному; и каждый смертный, кто помогает любому из них в выполнении его долга, этим также угождает Верховному, ибо он помог совершиться справедливости. Так как назначение «черных» богов заключается в причинении болезней, вреда и всякого рода бед человечеству, каждое из которых является наказанием за определенное прегрешение, то якуты приносят им «кровавые» животные жертвы; тогда как «белым» они приносят чистые жертвы, состоящие обычно из одного животного, посвященного какому-либо особому богу, жертвуемого с большой церемонией, как ставшего священным. По их представлениям, души умерших становятся «тенями» и обречены скитаться по земле до тех пор, пока не совершится некая перемена к лучшему или худшему, на объяснение которой якуты не претендуют. *Светлые* тени, т. е. тени добрых людей, становятся хранителями и защитниками тех, кого они любили на земле; «темные» тени (злых людей), наоборот, всегда стремятся причинить вред тем, кого они знали, подстрекая их к преступлениям, злодеяниям, а также по другому нанося вред смертным. Кроме этих, подобно древним халдеям, они насчитывают семь божественных *шайтанов* (демонов), или меньших богов. Именно во время жертвоприношений крови, совершаемых ночью, якуты вызывают злобные или темные тени, чтобы осведомиться у них, что можно сделать, чтобы приостановить их злодеяния; следовательно, *кровь необходима,* ибо без ее испарении духи не смогут стать ясно видимыми и, по представлениям якутов, станут еще опаснее, так как начнут сосать ее из людей, пользуясь их потением.[643] Что же касается благих *светлых* теней, то нет надобности их вызывать; кроме того, такое вызывание беспокоит их; они могут дать почувствовать свое присутствие, когда это необходимо, без всяких приготовлений и церемоний.

Вызывания с помощью крови применяются, хотя и с другими целями, в некоторых местах Болгарии и Молдавии, особенно в районах, прилегающих к мусульманам. Страшное угнетение и рабство, которым эти несчастные христиане подвергалась веками, сделали их в тысячу раз впечатлительнее и в то же самое время суевернее жителей цивилизованных стран. Каждого седьмого мая обитатели всех городов и селений Молдаво-Валахии и Болгарии справляют то, что они называют «пиром мертвых». После захода солнца огромные толпы женщин и мужчин, все с зажженными восковыми свечами в руках, идут на кладбища и молятся у могил своих усопших друзей. Эта древняя и торжественная церемония, называемая «Тризна» везде является отзвуком первоначальных христианских обрядов, но она стала намного торжественнее за время их пребывания в

[643] Разве это не дает нам возможности для сравнения с так называемыми “материализующимися медиумами”?

мусульманской неволе. Каждая могила снабжена чем-то вроде шкафа высотою с полметра, составленного из четырех камней с двойными дверями на петлях. Эти шкафчики содержат в себе то, что называется хозяйством покойника, а именно: несколько восковых свечей, немного масла и глиняную лампу, которая в тот день зажигается и горит двадцать четыре часа. Богатые люди имеют серебряные лампы, богато инкрустированные, и образы, украшенные драгоценными камнями, которых воры не трогают, хотя в кладбищах эти хранилища даже оставляются открытыми. Настолько велик страх населения (христианского и мусульманского) перед местью умерших, что бандит, готовый совершить любое убийство, ни за что не осмелится тронуть имущество мертвеца. У болгар существует поверье, что каждую субботу, а в особенности в канун пасхального воскресенья, и до Троицына дня (около семи недель) души умерших сходят на землю, некоторые, чтобы просить прощения у тех, кого обидели при жизни, другие же – помогать и общаться с теми, кого любили. Крепко придерживаясь традиционных обрядов своих прадедов, местные жители каждую субботу в течение этих семи недель держат лампы или восковые свечи зажженными. В добавление к этому *седьмого* мая они обливают могилы виноградным вином и жгут ароматные курения у могил с солнечного заката до восхода. У обитателей городов церемонии этим и ограничиваются. У деревенских же жителей в некоторых местах этот обряд принимает характер теургического вызывания. В канун праздника Вознесения болгарские женщины зажигают множество ламп и свечей; котлы ставятся на треножники, и воскуривания наполняют воздух ароматом на мили кругом; и облака дыма окутывают каждую могилу и как бы вуалью отделяют от других. В течение вечера и почти до полночи в память покойного его знакомые и определенное количество нищих угощаются вином и ракией (виноградная водка); и в соответствии с имущественным положением живых родственников умершего деньги распределяются среди бедных. Когда пир закончен, гости подходят к могиле и, обращаясь к умершему по имени, благодарят его или ее за полученные дары. Когда все, кроме самых близких родных, ушли, женщина, обычно самая старая, остается одна с умершим, и, как рассказывают некоторые, приступает к церемонии вызывания.

После горячих молитв, повторяемых наклонив лицо над могильным холмиком, большее или меньшее количество капель крови извлекается из тела около левой груди, и им позволяют падать на могилу. Это дает силу невидимому духу, витающему вокруг, принять на несколько мгновений видимую форму и прошептать свои указания (если у него таковые имеются) христианской теургине или просто «благословить оплакивающую» и затем опять исчезнуть до следующего года. Это верование настолько крепко укоренилось, что нам рассказали случай, как во время семейной беды одна молдованка посоветовала своей сестре отложить какое бы то ни было решение до ночи Вознесения, когда их умерший отец *сможет лично сказать им свою волю и пожелание,* на что сестра согласилась так просто, как если бы отец находился в соседней комнате.

Что существуют страшные секреты в природе, этому вполне можно поверить, если, как мы уже видели в случае с русским знахарем, колдун *не может* умереть до тех пор, пока он не передал «слово» другому, и иерофанты белой магии редко так умирают. Кажется, что страшная сила «Слова» может быть доверена только одному человеку в определенном районе или в определенном объединении людей в одно время. Когда Брахматма собирался сбросить с себя бремя физического существования, он передал свой секрет преемнику или устно или посредством письма, помещенного в крепко запечатанном ящичке, который передавался преемнику из рук в руки. Моисей «возлагает руки» на своего неофита, Иисуса Навина, в уединенном месте горы Нэбо и исчезает навсегда. Аарон посвящает Елеазара на горе Хор и умирает. Сиддхартха-Будда обещает своим нищенствующим монахам перед смертью, что он будет жить в том, кто этого заслужит, обнимает своего любимого ученика, шепчет ему в ухо и умирает; и когда голова Иоанна покоится на груди Иисуса, он ему говорит, что он (Иоанн) «пребудет», пока он (Иисус) придет. Подобно сигнальным огням древних времен, которые зажигаемые

и гасимые по очереди друг за другом на вершинах холмов, передавали весть по всей стране, так и мы видим длинный ряд «мудрецов» с начала истории до нашего времени, передающих слово мудрости своим непосредственным преемникам. Переходя от провидца к провидцу «Слово» вспыхивает, как молния, и, навсегда унося посвятителя с человеческого поля зрения, выносит в свет нового посвященного. А тем временем целые народы истребляют друг друга во имя другого «Слова», пустой замены, буквально принятой каждым и неправильно истолкованной всеми!

Мы встречались с несколькими сектами, которые в самом деле практикуют колдовство. Одною из таких являются езиды, которых некоторые считают ответвлением курдов, хотя мы считаем это ошибкой. Они обитают главным образом в гористых и пустынных областях Азиатской Турции около Мосула, Армении и встречаются даже в Сирии[644] и Месопотамии. Они везде известны под названием поклонников дьявола; и несомненно, что не вследствие невежества или умственного помрачения они установили это поклонение и регулярные сношения с самыми низкими и наиболее злобными элементами и элементариями. Они признают нынешнюю злобность главы «темных сил», но в то же самое время они страшатся его могущества, и поэтому стараются снискать его благосклонность. Он находится в состоянии постоянной ссоры с Аллахом, они говорят, но примирение между ними может состояться в любой день; и тогда те, кто теперь выказывают неуважение к их «черному», могут пострадать за это когда-нибудь в будущем, и таким образом заполучить и Бога и Дьявола против себя. Это просто хитрая политика, направленная к тому, чтобы умилостивить его Сатанинское величество, которое есть ничто другое, как великий *Чернобог* Варяжской Руси, древних русских идолопоклонников до-Владимировских дней.

Подобно Верасу, демонологу шестнадцатого века (который в своей «Pseudomonarchia Daemonum» описывает и перечисляет состав постоянного Адского двора, имеющего своих сановников, князей, герцогов, дворян и чиновников), – у езидов имеется целый пантеон дьяволов, и они пользуются якшами, воздушными духами, чтобы пересылать свои молитвы и приветы Сатане, своему хозяину, а также афритам пустыни. Во время своих молитвенных собраний они берутся за руки и образуют громадные круги со своим шейхом, или действующим жрецом, посередине, который хлопает в ладоши и запевает каждое песнопение в честь Шайтана (Сатаны). Затем они вертятся и подпрыгивают в воздух. Когда исступление достигает своей кульминационной точки, они часто наносят себе раны кинжалами, временами оказывая ту же самую услугу ближайшим соседям. Но их раны не исцеляются и не заживают так легко, как это бывает у лам и святых людей; ибо весьма часто они умирают жертвами этих самонанесенных ранений. В то время как они танцуют и высоко размахивают своими кинжалами, не разжимая рук, – что считалось бы святотатством и моментально разрушило бы чары, – они славословят Шайтана и умоляют его проявить себя в своих трудах посредством «чудес». Так как их обряды, главным образом, совершаются в течение ночи, им, конечно, удается заполучить различного рода проявления, наименьшими из которых являются огромные огненные шары, принимающие вид самых странных животных.

Леди Эстер Стенхоп, чье имя многие годы имело вес в масонских братствах Востока, говорят, лично была свидетельницей нескольких из подобных церемоний езидов. Один *окхал* из секты друзов рассказал нам, что однажды после того, как она присутствовала на

---

[644] Езидов должно насчитываться всего более 200000 человек. Племена, обитающие в Багдадском Пашалыке и рассеянные по горам Синджар, являются самыми опасными и наиболее ненавидимыми за свои злодеяния. Их главный шейх имеет постоянное жительство вблизи границы их пророка и реформатора Ади, но каждое племя избирает своего собственного шейха среди наиболее искусных в “черном искусстве”. Этот Ади или Ад есть их мифический прародитель, и просто является Ади – Богом мудрости или Аб-адом парсов, первым прародителем человеческой расы, или же Адх-Буддой индусов – антропоморфизированным и дегенерировавшим.

одной из «сатанинских месс» езидов, как их называют, эта необычная леди, столь прославленная за свое личное мужество и отвагу, упала в обморок, и несмотря на ее обычное мужское одеяние эмира, лишь с большим трудом была опять приведена в чувство и в здоровое состояние. Лично мы, к сожалению, должны признаться, что все наши усилия стать свидетелями одной из таких церемоний – потерпели неудачу.

В недавней статье в одном католическом журнале по поводу нагуализма и вудуизма, Гаити обвиняется в качестве центра тайных обществ с ужасными формами посвящения и кровавыми ритуалами, *где младенцы приносятся в жертву и пожираются адептами* (!!) В статье приводятся подробные цитаты из описания наиболее страшных сцен, какие наблюдал французский путешественник Пирон на Кубе, в доме одной леди, которую он ни за что не стал бы подозревать в каких-либо связях со столь чудовищной сектой.

> «Обнаженная белая девушка выступала в качестве жрицы вуду; она была доведена до исступления танцами и заклинаниями, последовавшими за жертвоприношением белой и черной куриц. Обученная для своей роли змея под воздействием музыки обвилась вокруг конечностей девушки – танцующие вокруг и стоящие приверженцы всматривались в ее извивания. Наблюдатель наконец убежал, объятый ужасом, когда девушка упала, корчась в эпилептическом припадке».

Оплакивая такое состояние вещей в христианских странах, католическая статья, о которой идет речь, объясняет это цепляние за религиозные обряды предков, как доказательство *природной испорченности человеческого сердца,* и громко взывает к большей усердности со стороны католиков. Кроме повторения нелепой выдумки о пожирании младенцев, автор статьи, по-видимому, совсем не отдает себе отчета в том факте, что приверженность к своей вере, которую веками не могли затушить самые жестокие и кровавые преследования, творит из людей героев и мучеников, тогда как их обращение в какую-либо другую веру превратило бы их просто в ренегатов. Принудительная религия не может породить ничего другого, как обман. Ответ, полученный миссионером Маргилом от нескольких индийцев, подтверждает вышеприведенный трюизм. Вопрос такой:

> «Как же так получается, что в вас так много языческого, несмотря на то, что вы так долго уже числитесь христианами?»

Ответ был таков:

> «Что бы вы сделали, отец, если бы в вашу страну вторглись враги вашей веры? Разве вы не забрали бы все свои книги и облачения и знаки религии и не удалились бы в самые потаенные пещеры и горные глуши? Это как раз то, что наши жрецы, пророки, предсказатели и нагуалисты делали до сих пор и по прежнему делают».

Такой ответ от римского католика, допрашиваемого миссионером православной или протестантской церкви, заработал бы для него венец святого в папской мученико-логии. Лучше такая «языческая» религия, которая может выманить из Франсиса Ксавье хвалу, возданную им японцам, говоря, что «по добродетелям и честности они превзошли все народы, какие ему когда-либо пришлось видеть», – чем такое христианство, продвижение которого по лицу земли сметает с нее туземные народы подобно огненному урагану.[645] Болезни, пьянство и деморализация – вот непосредственные результаты отступления от веры своих отцов и обращения в религию пустых форм.

---

[645] Менее чем за четыре месяца мы собрали из газет сорок семь случаев преступлений, колеблющихся от опьянения до убийства, совершенных представителями духовенства в одних только Соединенных Штатах. К концу года наши корреспонденты на Востоке будут обладать ценными фактами для опровержения миссионерских заявлений о плохом поведении “язычников”.

Для того, чтобы узнать, что христианство сделало для Британской Индии, нет надобности обращаться к враждебным источникам. Капитан О'Трейди, бывший британский офицер, говорит:

> «Британское правительство совершает позорное дело, превращая туземцев Индии из расы трезвенников в нацию пьяниц. И из-за чистой *жадности.* Пьянство запрещено религиями как индусов, так и мусульман. Но... пьянство с каждым днем все больше и больше усиливается... То, чем проклятая торговля опиумом, силою навязанная Китаю британской алчностью, стала для этой несчастной страны, тем теперь становится для Индии правительственная торговля напитками. Ибо это правительственная монополия, построенная точно по той же самой модели, как правительственная монополия на табак в Испании... Дворовые слуги европейских семейств обычно становятся страшными пьяницами... Комнатные слуги обычно не любят выпивок и в этом отношении гораздо более респектабельны, чем их хозяева и хозяйки... все пьют... епископы, капелланы, выпускницы интернатов, и все».

Да, это вот те «блага», которые современная христианская религия вместе с ее Библиями и «Катехизисами» приносит «бедным язычникам». Ром и внебрачные дети – Индустану; опиум – Китаю; ром и безобразные беспорядки – Таити; а хуже всего – пример лицемерия в религии, и практический скептицизм и атеизм, который, поскольку он кажется достаточно хорошим для *цивилизованных* людей, со временем может оказаться вполне пригодным для тех, кого теология слишком часто держит под тяжелым гнетом. С другой стороны, все благородное, духовное и возвышающее в древних религиях – отрицается и даже умышленно фальсифицируется.

Возьмите Павла, прочтите то малое подлинное, что осталось от него в писаниях, приписываемых этому смелому, честному и искреннему человеку, и вы увидите, может ли кто-либо обнаружить в них хотя бы одно слово, которое означало бы, что Павел подразумевал под словом Христос что-либо большее, нежели абстрактный идеал личной божественности, обитающей в человеке. Для Павла Христос не есть личность, но воплощенная идея. «Если кто-нибудь пребывает в Христе, он есть новое творение», он *возродился,* как после посвящения, ибо Господь есть дух – дух человека. Павел был единственным из апостолов, кто понял сокровенные идеи, лежащие в основе учений Иисуса, хотя он никогда не встречался с ним. Но Павел сам был посвященным; и в своем стремлении к осуществлению новой и широкой реформы, охватывающей все человечество, он искренне ставил свои собственные доктрины значительно выше мудрости веков, выше древних мистерий и заключительных откровений эпоптам. Как профессор Уайлдер отлично доказывает в ряде талантливых статей, *то был не Иисус, но Павел, кто являлся настоящим основателем христианства.* «Ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами», – говорится в «Деяниях Апостолов». [XI, 26]

> «Такие люди как Ириней, Епифаний и Евсевий оставили потомству репутацию о такой бесчестной и полной лжи деятельности, что тошнит при повествованиях о преступлениях того периода», – пишет этот автор в недавно появившейся статье.[646] – «Не следует забывать», – добавляет он, – «что когда мусульмане в первый раз покорили Сирию и Малую Азию, то христиане тех областей их приветствовали как избавителей от невыносимого угнетения со стороны правящих властей церкви».

Магомета никогда не считали, и теперь не считают, богом; все же, побуждаемые его именем, миллионы мусульман служили своему Богу с пылом, равного которому не найдешь в христианском

сектантстве. Что они печально дегенерировали со дней своего пророка, это не меняет сути дела, но только тем более доказывает преобладание материи над духом по всему миру. Кроме того, они никогда не отходили от первоначальной веры больше, чем

---

[646] *“Эволюция”*, статья *Павел – основатель христианства*.

сами христиане. Почему же тогда Иисуса из Назарета, который в тысячу раз выше, благороднее и нравственно величественнее Магомета, христиане не чтут также и не следуют ему на практике, вместо того, чтобы слепо его обожать в бесплодной вере, как бога, и в то же время поклоняться ему в манере некоторых буддистов, которые вертят свои молитвенные колеса. Что эта вера стала бесплодной и не более достойна названия христианства, чем фетишизм калмыков – названия философии, проповедовавшейся Буддой, – в этом никто не сомневается.

«Не следует предполагать, что мы допускаем мнение», – говорит д-р Уайлдер, – «что современное христианство в какой-либо степени идентично с религией, проповедовавшейся Павлом. В нем не хватает его широты взгляда, его искренности, его острого духовного восприятия. Нося на себе отпечатки тех народов, которые его исповедуют, оно являет столько же форм, сколько рас его исповедуют. В Италии и Испании оно одно; но значительно отличается во Франции, Германии, Голландии, Швеции, Великобритании, России, Армении, Курдистане и в Абиссинии. По сравнению с предшествовавшими культами, изменение, кажется, коснулось больше названия, чем духа. Люди легли спать язычниками и проснулись христианами. Что же касается «Нагорной Проповеди», ее выдающиеся доктрины более или менее отвергаются каждой христианской общиной сколько-нибудь значительных размеров. Варварство, угнетение, жестокие наказания теперь так же обычны, как в дни язычества.

Христианства Петра больше не существует; христианство Павла вытеснило его, и в свою очередь слилось с другими мировыми религиями. Когда человечество станет просвещенным или когда варварские расы и семейства будут вытеснены расами более благородной натуры и инстинктов, – эти идеальные совершенства могут стать реальностями.

«Христос Павла» явил загадку, которая вызвала напряженнейшие усилия к ее разрешению. Он был чем-то большим, чем Иисус *Евангелий.* Павел совершенно отбросил их «бесконечные генеалогии». Автор четвертого *Евангелия,* будучи сам александрийским гностиком, описывает Иисуса как то, что теперь назвали бы «материализованным» божественным духом. Он был Логос или Первая Эманация – Метатрон... «Мать Иисуса», подобно принцессе Майе, Данае или, возможно, Периктионес, дала жизнь не ребенку от любовного союза, но божественному отпрыску. Никакой еврей, какой бы то ни было секты, никакой апостол, никто из первоначальных верующих не провозглашал такой идеи. Павел трактует о Христе скорее как о персонаже, чем личности. На священных уроках тайных собраний божественная доброта и божественная истина часто персонифицировались в человеческой форме, осаждаемой страстями и человеческими вожделениями, но стоящей выше их; и эта доктрина, появившись на свет из подземных святилищ, была воспринята церковниками и глубокомыслящими людьми, как доктрина о беспорочном зачатии и божественном воплощении».

В одной старой книге, изданной в 1693 г. и написанной Сьером де ла Лоубэ, французским послом при Сиамском короле, сообщаются многие интересные факты о сиамской религии. Замечания сатирического француза настолько заострены, что мы дословно приведем его слова о Сиамском Спасителе – Соммона-Кадом.

«Каким бы чудесным они не представляли рождение своего Спасителя, они не перестают наделять его *отцом и матерью.*[647] Его мать, чье имя можно найти в некоторых из их *Бали* (Пали?) книг, называлась, как они говорят. *Маха* МАРИЯ, что, по-видимому, означает великая Мария, так как Маха значит великий. Как бы то ни было, это постоянно привлекает внимание миссионеров, и вероятно, дало повод сиамцам верить, что Иисус, будучи сыном *Марии,* был братом Соммона-Кадом, и поскольку был распят на кресте, то явился тем *испорченным* братом, которым они наделили Соммона-Кадом, под именем Тхеветат, и о котором они говорят, что он подвергался наказанию в Аду, причем наказание это было сопряжено с чем-то похожим на крест... Сиамцы ожидают другого Соммона-Кадом, я хочу сказать, другого чудотворца ему подобного, по имени *Пронарот,* приход которого, по их словам, был предсказан Соммоном. Он

[647] В “Послании Галатам” [IV, 4] мы находим следующее: “Но когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего, *Который родился от жены, подчинился закону”.*

совершал различные чудеса... У него было два ученика, которые стоят по обе стороны его идола; один по правую сторону, другой по левую... первого зовут – Пра-Магла; второго – Пра-Скарибут... По данным этих же *Бали* книг, отцом Соммона-Кадом был царь Теве-Ланка, т. е. царь Цейлона. Но *так как в Бали книгах отсутствует дата и имя автора, то они не более достоверны, нежели все такие предания, происхождение которых неизвестно».*[648]

Этот последний аргумент и необдуман и наивно выражен. В целом мире мы не знаем другой такой книги, которая была бы менее удостоверена датой, именами авторов или традицией, чем наша христианская Библия. В силу этих обстоятельств у сиамцев столько же оснований верить в своего чудотворного Соммона-Кадом, сколько у христиан – в своего чудотворно родившегося Спасителя. Кроме того, они имеют не больше права силою навязывать свою религию сиамцам, или какому-либо другому народу, против их воли и в их собственной стране, куда они пришли непрошеные, чем так называемые язычники – «огнем и мечом принуждать Францию или Англию принять буддизм». Буддийский миссионер, даже в свободомыслящей Америке, каждый день подвергался бы риску нападений толпы, но это вовсе не мешает христианским миссионерам публично поносить религии брахманов, лам и бонз прямо им в лицо, притом последние не всегда вправе ответить им. И это называют проливанием благотворного света христианства и цивилизации на темноту язычества!

И все же мы узнаем, что эти претензии, – которые могли бы показаться смешными, если бы не стали роковыми для миллионов наших собратьев, которые просят только, чтобы их оставили в покое, – получили полную поддержку еще в семнадцатом веке. Мы находим, что этот же самый остроумный мосье Лоубэ под видом набожного сочувствия дает несколько поистине любопытных наставлений представителям церковных властей во Франции,[649] которые воплощают саму суть иезуитизма.

«Из того, что я сказал о мнениях восточников», – замечает он, – «легко понять, какой трудной задачей является обращение их в христианскую веру; а также, как важно, чтобы миссионеры, проповедующие *Евангелие* на Востоке, знали в совершенстве поведение и веру тех народов. Ибо так же как апостолы и первые христиане, когда Бог подкреплял их проповедь столь многими чудесами, не сразу же раскрывали язычникам все таинства, перед которыми мы преклоняемся, но долгое время скрывали от них и от самих новообращенных те знания, которые могли бы вызвать в них возмущение, – так и тут мне кажется целесообразным, чтобы миссионеры, которые не обладают даром творить чудеса, не раскрывали бы сразу перед восточниками все таинства и обряды христианства.

Было бы удобнее, например, если я не ошибаюсь, не проповедовать им *без великой предосторожности* о поклонении святым; что же касается осведомленности о Иисусе Христе, то я думаю, что следовало бы дать им это, но *не говорить им о таинстве Воплощения* до тех пор, пока они не будут убеждены в существовании Бога-Творца. Ибо, во-первых, какова возможность убедить сиамцев удалить со своих алтарей Соммона-Кадом, Пра-Магла, и Пра-Скарибута и вместо их посадить Иисуса Христа, Св. Петра и Св. Павла? Было бы, пожалуй, более разумно не проповедовать им распятого Иисуса Христа до тех пор, пока они не поймут,

---

[648] Дата этих палийских книг полностью установлена в нашем веке; по крайней мере настолько, чтобы доказать, что они существовали на Цейлоне в 316 году до Р. Х., когда там был Махинда, сын Ашоки (см. [**47**], т. I, о буддизме).

[649] [**205**], гл. XXV, “Различные замечания по поводу проповедования евангелий восточникам”.

Доклад Лоубэ королю был написан, как мы видим, в 1687-88 гг. Насколько основательно и одобрительно его предложение иезуитам о сдержанности и притворстве при проповедовании христианства сиамцам было встречено с их стороны, видно из другого отрывка, взятого из диссертации, выдвинутой на утверждение иезуитами Каены *(“Thesis propugnata in regio Soc. Jes. Collegio, celeberrimae Academiae Cadoniensis, die Veneris”,* 30 *Jan*., 1693), имеющего следующий смысл: “...Также отцы ордена Иисуса не совершают притворства, *когда они присваивают обычаи и правила* талапоинов Сиама”. За пять лет маленький кусочек дрожжей посла заставил перебродить все тесто.

что можно быть *несчастливым* и *невинным;* и что потому закону, который принят даже среди них, а именно, что невинный может нагрузить на себя преступления виновных, – было необходимо, *чтобы бог стал человеком,* для того, чтобы этот человек-бог путем трудной жизни и позорной, но добровольней смерти мог искупить все грехи людей, но прежде всего необходимо дать им истинное представление о Боге-Творце, справедливо рассердившемся на людей. Евхаристия после этого не вызовет возмущения у сиамцев, как оно прежде вызывало возмущение у язычников Европы, ввиду того, что сиамцы не поверят, что Соммона-Кадом мог отдать свою жену и детей на съедение талапоинам.

Наоборот, так как китайцы очень уважают своих родителей, даже до щепетильности, то я не сомневаюсь, что если сразу дать им в руки Евангелие, то они будут возмущены тем местом в Евангелии, где некоторые сказали Иисусу Христу, что его мать и братья справлялись о нем, и он ответил в таком духе, что казалось, что он так мало их уважает, что делает вид, точно не знает их. *Они не менее возмутились бы* при тех таинственных словах нашего божественного Спасителя, сказанных молодому человеку, которому нужно было время, чтобы пойти похоронить своих родителей: «Пусть мертвые хоронят мертвых». Все знают о встревоженности японцев, которую они выразили Сен Франсису Ксавье по поводу *вечности адских мучений;* не будучи в состоянии поверить, что их умершие родители должны подвергнуться такой ужасной участи за то, что *не восприняли христианства, о котором они никогда ничего не слыхали...* Поэтому кажется необходимым предупредить и смягчить эту мысль, прибегая к способу, которым пользовался этот великий апостол стран Востока, который сперва насаждал идею о всемогущем, всезнающем и наиболее справедливом Боге, источнике всякого добра, кому мы все должны, и волею которого мы обязаны оказывать царям, епископам, должностным лицам и своим родителям то почтение, которое им причитается.

Этих примеров будет достаточно, чтобы показать, с какими предосторожностями нужно подготавливать умы восточников, чтобы они мыслили подобно нам и *не возмущались большей частью* догматов христианской веры».[650]

Но что тогда, мы спросим, осталось для проповеди? Без Спасителя, без искупления, без распинания на кресте за грехи людские, без *Евангелия*, без осуждения на вечное мучение, о чем им рассказывать, и без чудес, что им показывать, – что же осталось у иезуитов для распространения среди сиамцев, кроме пыли языческих святилищ, которою ослеплять их глаза? Сарказм тут, действительно, едкий. Основы морали, привитые этим бедным язычникам верою их прадедов, настолько чисты, что с христианства приходится срывать все его отличительные знаки, прежде чем его жрецы смогут отважиться предложить его на их рассмотрение. Религии, которую нельзя доверить тщательному рассмотрению бесхитростного народа, являющегося образцом сыновней почтительности, честного делопроизводства, глубокого уважения к Богу и инстинктивного ужаса перед профанацией Его величия, – такая религия, действительно, должна быть основана на заблуждениях. Что это так – наш век мало-помалу раскрывает.

Во всестороннем ограблении буддизма с целью создания новой христианской религии нельзя было ожидать, что такая безупречная личность, как Гаутама Будда, останется неприсвоенной. Это только естественно, что после заимствования его легендарной истории с целью заполнения ею пустых мест в выдуманном повествовании

---

[650] В одной беседе Гермеса с Тотом первый говорит: “Невозможно мысленно правильно представить себе Бога... Нельзя описать с помощью материальных органов то, что нематериально и вечно... Одно есть восприятие духа, другое – реальность. То, что может быть воспринято нашими чувствами, может быть описано словами; но то, что нетелесно, незримо, нематериально он не имеет формы, то не может быть осознано с помощью наших обычных чувств. Я понимаю так, о Тот, я понимаю, что Бог невыразим”.

В *“Катехизисе парсов”,* о переводе М. Дадабхай Наороджи, мы читаем следующее:

“В. – Какова форма вашего Бога?

“О. – У нашего Бога нет ни лица, ни формы, ни цвета, ни образа, ни определенного места. Нет ничего другого, подобного ему. Он есть Он Сам, единственный в такой славе, что мы не можем ни хвалить, ни описать Его; Он нашему уму непостижим”.

об Иисусе, уже использовав все возможное из повествования о Кришне, – подделыватели взяли за человека Шакьямуни и поместили его в своем календаре под *вымышленным именем.* Это они действительно сделали, и индусский Спаситель в должное время появился в списке святых как Иосафат, чтобы составить компанию таким мученикам религии, как святые Аура и Плацида, Лонгин и Амфибол.

В Палермо даже имеется церковь, посвященная *Divo Josaphat.* Среди напрасных попыток последующих церковных писателей установить генеалогию этого таинственного святого, наиболее оригинальной была та, которая делала из него Исуса, сына Навина. Но так как эти пустяковые трудности, наконец, были преодолены, то мы обнаруживаем историю Гаутамы списанной *слово в слово* из буддийских священных книг в *«Золотой Легенде».* Имена людей заменены; место действия, Индия, осталось то же самое – как в христианской, так и в буддийской легенде. Ее также можно найти в «Speculum Historiale» Винцента Бове, которая была написана в тринадцатом веке. Первым это обнаружил историк де Куто, хотя профессор Мюллер приписывает первое опознание этих двух повествований Лабулэ в 1859 г. Полковник Гул говорит нам,[651] что эти повествования о Варлааме и Иосафате признаны Баронием и что их можно найти на с. 348 *«Римской мартирологии»,* составленной по велению папы Григория XIII и пересмотренной при папе Урбане VIII; переведенной с латинского на английский язык Дж. К. из ордена иезуитов [324, т. II, с. 304, 306].

Повторить даже малую часть этой церковной чепухи было бы утомительно и бессмысленно. Пусть те, кто сомневаются и кто хотели бы узнать эту историю, прочтут ее так, как она изложена полковником Гулом. Некоторые из христианских и церковных спекуляций, кажется, озадачили даже пастора Валентина.

> «Есть такие, которые считают этого Будхум беглым сирийским евреем», – пишет он; – «другие же считают его учеником апостола Фомы, но как он в таком случае мог родиться за 622 года до Христа, это пусть они сами объясняют. Диего де Куто отстаивает мнение что он был несомненно *Иисус,* что еще более абсурдно!».
>
> «Религиозная выдумка под названием *«История Варлаама и Иосафата»* в течение нескольких веков являлась одним из наиболее популярных трудов в христианском мире», – говорит полковник Гул. – «Она была переведена на все главные европейские языки включая скандинавские и славянские... Впервые это повествование появляется в трудах Св. Иоанна Дамасского, богослова первой половины восьмого века» [**324**, т. II, с. 304, 306].

Вот тут-то и лежит тайна происхождения этого повествования, так как этот Св. Иоанн, прежде чем стать богословом, занимал высокий пост при дворе калифа Абу Джафар Алмансура, где, вероятно, услышал это повествование, и впоследствии приспособил его для нужд новой ортодоксальной веры, превратив Будду в христианского святого.

Повторив это плагиатизированное повествование, Диего де Куто, которому, кажется, жаль расставаться со своим любопытным мнением, что Будда есть Иисус, говорит:

> «Этому имени *(Budbo)* язычники по всей Индии посвятили великие и прекрасные пагоды что касается этого повествования, мы усердно наводили справки, имеются ли какие-либо сведения в древних рукописях язычников тех краев, касающиеся Св. Иосафата который был обращен Варлаамом. и который в легенде представлен как сын одного из великих царей Индии, и который имел такое же детство, с теми же подробностями, какие мы излагали по поводу жизни Будао. И когда я путешествовал по острову Селсет и пошел осматривать ту редкую и восхитительную пагоду, которую мы называем Канара пагодой (пещеры Канхари), выстроенную в горе, со многими залами, высеченными в монолитной скале, и спросил одного старика, кто, по его мнению, создал это, он ответил, что без сомнения она была создана по приказу отца Св. Иосафата, чтобы воспитать его в уединении, как об этом сказано в

---

[651] *"Contemporary Review",* июль, 1870, с. 588.

повествовании. И так как это информирует нас о том, что он был сын великого царя в Индии, то вполне возможно, как мы только что сказали, что *он* был тот Будао, о котором они рассказывают такие чудеса».[652]

Кроме того, в большинстве своих подробностей христианская легенда взята из цейлонской традиции. Именно на этом острове возникло повествование о молодом Гаутаме, отказавшемся от трона своего отца, и о воздвижении царем для него великолепного дворца, в котором он содержал его на положении полузаключенного, окруженного всеми соблазнами жизни и богатства. Марко Поло рассказал это повествование в таком виде, как он слышал его от цейлонцев, и его версия теперь оказалась точным повторением того, что изложено в различных буддийских книгах. Как Марко наивно выразился, Будда вел такую трудную и полную святости жизнь и соблюдал такое великое воздержание,

> *«точно он был христианином.* Действительно», – добавляет он, – «если бы только он был христианином, он стал бы великим святым нашего Господа Иисуса Христа, настолько хороша и чиста была жизнь, которую он вел».

К этому благочестивому краткому изречению его издатель очень уместно добавляет, что «Марко не является единственным из выдающихся людей, выразивших такой взгляд на жизнь Шакьямуни в таких словах». В свою очередь проф. Макс Мюллер говорит:

> «И что бы мы не думали о святости святых, пусть те, кто сомневаются в праве Будды на место среди них, прочтут историю его жизни, как она изложена в буддийском *Каноне*. Если он вел такую жизнь, какая там описана, то мало святых имеют большее право на этот титул, чем Будда; и никто ни в греческой, ни в римской церкви не должен стыдиться воздавать его памяти те почести, которые предназначались Св. Иосафату, принцу, отшельнику и святому».

У римско-католической церкви никогда не представилось такого хорошего шанса христианизировать весь Китай, Тибет и Татарию, как в тринадцатом веке, во время царствования Кублай-хана. Странно, что она не ухватилась за эту возможность, когда Кублай одно время колебался между четырьмя религиями мира и, возможно, благодаря красноречию Марко Поло, отдавал предпочтение христианству перед исламом, иудаизмом или буддизмом. Марко Поло и Рамузио, один из его толкователей, объясняет нам причину. Оказывается, что к несчастью для Рима, посольство отца и дяди Марко потерпело неудачу, так как папе Клименту IV случилось умереть как раз в это время.

Из чистого буддизма религия этих областей выродилась в ламаизм; но последний, со всеми своими недостатками – чисто формальными и лишь незначительно задевающими саму доктрину – все же намного выше католицизма. Бедный аббат Хак очень скоро обнаружил это сам. Продвигаясь вперед со своим караваном, он писал –

> «все повторяли нам, по мере того, как мы продвигались на запад, что мы будем обнаруживать, что доктрины становятся все более светлыми и возвышенными. Лхаса была великим сосредоточием света, лучи которого ослабевали по мере своего рассеивания». Однажды он дал тибетскому ламе «краткое изложение христианского вероучения, которое вовсе не оказалось незнакомым ему [мы этому не удивляемся], и он даже утверждал, что это [католицизм] не намного отличается от веры великих лам Тибета... Эти слова тибетского ламы нас не мало удивили», – пишет этот миссионер; – «единство Бога, таинство Воплощения, догмат реального присутствия предстали перед нами в его веровании... Новый свет, пролитый на религию Будды, заставил нас действительно поверить, что мы обнаружим среди лам Тибета более очищенную систему» [**661**, с. 121, 122].

---

[652] *“Dec.”*. V, lib. VI, cap. 2.

Вот именно эти слова похвалы ламаизму, которыми изобилует книга Хака, послужили причиной тому, что его труд был помещен в указатель запретных книг в Риме и он сам был лишен сана.

На вопрос, почему, если он считал христианскую веру лучшей из религий, взятых им под свою защиту, он сам не присоединился к ней, ответ, данный Кублай-ханом, был столь же поучительный, сколь и любопытный:

«Как можете желать вы сделать меня христианином? Всего имеются четыре пророка, почитаемые во всем мире. Христиане говорят, что их Бог – Иисус Христос; сарацины – Магомет; евреи – Моисей; идолопоклонники – Согомон Боркан (Шакьямуни Бурхан, или Будда), который был первым богом среди идолов; и я уважаю и поклоняюсь всем четырем, и молюсь, чтобы тот среди них, кто в самом деле величайший в небе, оказал мне помощь».

Мы можем посмеяться над благоразумием хана; мы не можем ставить ему в вину, что он так доверчиво предоставил решение трудной дилеммы Провидению самому. Одно из своих наиболее непреодолимых возражений против принятия христианства он излагает Марко Поло в следующих словах:

> «Вы видите, что христиане здешних мест настолько невежественны, что ничего не достигают и не могут достичь, тогда как вы видите, что идолопоклонники могут сделать все, что им угодно, даже настолько, что когда я сижу за столом, чаши из середины зала, полные вина или других напитков, сами без прикосновения чьих-либо рук приходят ко мне, и я пью из них. Они управляют бурями, заставляя их проходить в любом направлении, и совершают многие другие чудеса; и, как вы знаете, их идолы говорят и дают им предсказания, какие бы темы они ни выбирали. Но если бы я обратился к вере Христа и стал бы христианином, то мои бароны и другие, не обращенные в христианство, сказали бы: «Что заставило тебя креститься!.. Каким проявлениям силы или чудес со стороны Христа был ты свидетелем? Вы знаете, что идолопоклонники здесь говорят, что их чудеса совершаются благодаря святости и силою их идолов. Ну и я бы не знал, что им ответить, так что они только утвердились бы в своих заблуждениях, и их идолопоклонники, которые являются мастерами в таких удивительных искусствах, легко причинили бы мне смерть. Но теперь мы должны отправиться к своему Папе и просить его от моего имени прислать сюда сотню людей, искусных в вашем законе; и если эти люди будут в состоянии упрекнуть прямо в лицо идолопоклонников за их деяния и докажут им, что *они тоже знают, как совершать такое, но не хотят этого делать,* так как это делается с помощью Дьявола и других злых духов; и если они так подчинят себе идолопоклонников, что те в их присутствии не будут обладать силою творить подобное, и *когда мы сами будем свидетелями этого*, – мы сейчас же осудим идолопоклонников и их религию, и после этого я приму крещение, а также будут крещены все мои бароны и начальники, и таким образом, в конце концов, христиан здесь будет больше, чем в вашей части мира» [**324**, т. II, с. 340].

Предложение было прекрасное. Почему христиане не воспользовались им? Сказано ведь, что Моисей предстал перед таким же испытанием у Фараона и вышел из него победителем.

По нашему мнению, логика этого необразованного монгола была неопровержима и его интуиция безупречна. Он видел добрые плоды во всех религиях и чувствовал, что независимо от того, является ли человек буддистом, христианином, мусульманином или евреем, его духовные силы равно могут развиваться, его вера равно повести его к высшей истине. Все, что он требовал перед тем, как выбрать веру для своего народа, были доказательства, на которых основывать веру.

Судя только по одним фокусникам, Индия, несомненно, намного лучше ознакомлена с алхимией, химией и физикой, чем любая европейская академия. Психологические чудеса, творимые некоторыми факирами Южного Индустана, и шаберонами и

хубилханами Тибета и Монголии также доказывают наше утверждение. Наука психологии достигла там степени совершенства, равной которому не сыскать в летописях чудесного. Что такие силы обязаны не только одному изучению, но естественны для каждого человеческого существа, – доказывается теперь в Европе и Америке феноменами месмеризма и того, что теперь называют «спиритуализмом». Если большинство иностранных путешественников и поселенцев Британской Индии склонны рассматривать все это как ловкое мошенничество, то не так обстоит дело с теми немногими европейцами, которые имели редкую удачу быть допущенными *по ту сторону завесы* в пагодах. Конечно, последние не будут высмеивать обряды или недооценивать феномены, творимые в тайных ложах Индии. «Махадтхэвасстханам» пагод (обычно называемые «гопарам», по священным пирамидальным воротам, по которым входят в эти здания) были известны европейцам и раньше, хотя и всего только малой горсточке.

Мы не знаем, был ли плодовитый Жаколио[653] когда-либо допущен в одну из этих лож. Это чрезвычайно сомнительно, мы сказали бы, если судить по множеству его фантастических повествований о безнравственности мистических обрядов среди брахманов, факиров пагод и даже буддистов (!!), в которых он появляется под именем Иосифа. Как бы то ни было, очевидно то, что брахманы не научили его каким-либо секретам, так как, говоря о факирах и их чудесах, он замечает:

> «Под руководством посвященных брахманов в потаенных помещениях пагод они практикуют *оккультные науки...* И пусть никто не удивляется этому слову, которое кажется открывающим дверь в сверхъестественное; в то время как в этих науках, называемых брахманами оккультными, встречаются феномены настолько необычайные, что приводят в тупик всякое исследование, там нет ни одного, которого нельзя бы было объяснить и которое не подчинялось бы естественным законам».

Бесспорно, любой посвященный брахман мог бы, если бы захотел, объяснить каждый феномен. Но *он не захочет.* И пока что нам приходится дожидаться от наших лучших физиков объяснения даже самого пустякового оккультного феномена, показанного факиром-учеником пагоды.

Жаколио говорит, что дать объяснение тем чудесным фактам, которым он сам был свидетелем – совершенно невыполнимая задача. Но добавляет со всей правдивостью:

> «Будет достаточно сказать, что в отношении магнетизма и спиритизма Европе все еще приходится запинаться на первых же буквах алфавита, и что брахманы по этим двум отделам знания достигли таких результатов в области феноменов, которые поистине потрясающи. Когда видишь эти странные явления, чью мощь невозможно отрицать, не зная тех законов, *которые брахманы хранят столь тщательно сокрытыми,* ум ошеломлен удивлением, и человек чувствует, что он должен бежать и разрушать чары, держащие его».
>
> «Единственное объяснение, какое мы смогли получить по этому поводу от ученого брахмана, с которым нас связывала теснейшая дружба было следующее: «Вы изучили физическую природу и вы добились посредством законов природы чудесных результатов – пар,

---

[653] Его двадцать или больше томов на темы Востока представляют собою действительно любопытный конгломерат правды и выдумки. Они содержат большое количество фактов об индусских традициях, философии и хронологии с большим количеством справедливых, смело высказанных суждений. Но кажется, что в нем романтик всегда брал верх над философом. Как бы два человека объединились в его авторстве – один осторожный, серьезный, эрудированный, с мышлением ученого; другой же – сенсационный, чувственный французский романист, который судит о фактах не каковы они на самом деле, но как он воображает их. Его, переводы из *"Ману"* восхитительны; его дискуссионная способность замечательна; его взгляды на нравственность жрецов несправедливы, и в случае буддистов – без сомнения клеветнические. Но во всей серии этих томов нет ни одной скучной строчки; у него глаз художника и перо прирожденного поэта.

электричество и т. д.; *в течение двадцати тысяч лет или более мы изучали умственные силы; мы открыли их законы и достигли, заставляя их действовать в одиночку или в соединении с материей, феноменов еще более удивительных, чем ваши»».*

Должно быть Жаколио действительно был ошеломлен чудесами, ибо он говорит:

> «Мы видели такое, чего человек не описывает из боязни, что читатели начнут сомневаться в его здравом уме... но все же мы их видели И в присутствии таких фактов действительно становится понятным, почему древний мир верил... в одержание Дьяволом и в изгнание бесов».[654]

Но все же этот бескомпромиссный враг интриг и козней жрецов, монашеских орденов и духовенства всех религий и стран – включая и брахманов, лам и факиров – настолько поражен и контрастом между фактами, предъявленными культами Индии, и пустым притворством католицизма, что после описания ужасных самоистязаний факиров, в порыве искреннего возмущения, он дает выход своим чувствам следующим образом:

> «Тем не менее, что-то великое ощущается в этих факирах и нищенствующих брахманах, когда они бичуют себя, когда в течение добровольно принятого мученичества кусок за куском вырывается плоть, и кровь льется на землю. Но вы (католические нищенствующие монахи), что вы сегодня делаете? Вы, серые монахи, капуцины, францисканцы, играющие в факиров с вашими узловатыми веревками, вашими кремнями, власяницами и вашим припахивающим розовой водой самобичеванием, вашими босыми ногами и вашим комическим умерщвлением плоти – фанатики без веры, мученики без мук? Разве не имеет человек права задать вам вопрос, в том ли заключается подчинение закону Божьему, что вы запираетесь за толстыми стенами и таким образом уклоняетесь от закона труда, который с такою тяжестью ложится на всех других людей?.. Прочь, вы только попрошайки!»

Хватит о них – мы уже и так уделили слишком много места им и их конгломератному богословию. Мы взвесили и то и другое на весах истории, логики, истины, и нашли их несостоятельными. Их система порождает атеизм, нигилизм, отчаяние и преступление; их священнослужители и проповедники не в состоянии доказать делами, что они восприняли божественную силу. Если бы только и церковь и священник могли исчезнуть из поля зрения мира с такой же легкостью, с какой их имена сейчас исчезают с глаз нашего читатели, это был бы счастливый день для человечества. Нью-Йорк и Лондон тогда могли бы стать такими же нравственными, как незанятый христианами языческий город; Париж стал бы чище древнего Содома. Когда и католик и протестант убедятся, настолько же полно как буддист или брахман, что каждое их преступление будет наказано и каждое доброе деяние вознаграждено, – они, быть может, начнут тратить на своего собственного *язычника* то, что теперь уходит, чтобы обеспечить миссионеров длительными пикниками и сделать название христианин ненавистными и презираемым со стороны каждого народа вне пределов христианского мира.

По мере надобности мы подкрепляем наши аргументы описаниями нескольких из бесчисленных феноменов, увиденных нами в различных уголках света. Оставшееся в нашем распоряжении место будет посвящено подобным же темам. Заложив основание освещением философии оккультных феноменов, нам кажется удобным проиллюстрировать эту тему фактами, которые возникали перед нашими глазами и которые могут быть проверены любым путешественником. Первобытные народы исчезли, но первобытная мудрость живет и становится доступной тем, кто «жаждет», «дерзает» и «умеет молчать».

---

[654] [**383**], “L'Inde Brahmanique”, p. 296.

ГЛАВА XII
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

"Моя прекрасная Дайту, обширная и величавая столица;
И ты, Шангту-Кейбун, прелестный и прохладный летний дом.
.....
Увы, мое прославленное имя Владыки Мира!
Увы, пресветлую Дайту, бессмертного Кублая славный труд!
Все, все утратил я!"

– Марко Поло, "Книга".

«Что касается того, что ты слышал от других, которые убеждают массы, что душа, раз освобождена от тела, не страдает... от зла и бессознательна, я знаю, что ты слишком хорошо сведущ в учениях, полученных нами от наших предков, и в священных таинствах Диониса, тобы поверить им, *ибо мистические символы хорошо знакомы нам, принадлежащим к «братству»».*

– Плутарх.

«Проблема жизни – человек. МАГИЯ или, вернее, мудрость есть развитое знание сил внутреннего существа человека, эти силы являются божественными эманациями, – так как интуиция есть восприятие их начала, и посвящение – наше введение в это знание... Мы начинаем с инстинкта, кончаем – ВСЕЗНАНИЕМ».

– А. Уайлдер.

«Власть принадлежит тому, КТО ЗНАЕТ».

– "Брахманистская книга вызываний".

Было бы доказательством плохого предвидения с нашей стороны, если бы мы предполагали, что до сих пор по всей этой книге за нами следовал еще кто-нибудь, за исключением метафизиков или мистиков определенного рода. В противном случае, мы определенно посоветовали бы таковым не утруждать себя чтением этой главы, ибо, хотя в ней и не сказано ничего, что не соответствовало бы строгой истине, они не преминут посчитать даже наименее чудесное из повествований абсолютно ложным, какими бы доказательствами оно ни подкреплялось.

Чтобы понять принципы естественных законов, причастных к некоторым нижеописанным феноменам, читатель должен держать в уме основные положения восточной философии, которые мы последовательно раскрывали. Давайте очень кратко повторим:

1. Чудес нет. Все, что происходит, есть результат закона – вечного, нерушимого, всегда действующего. Кажущееся чудом есть только действие сил, что д-р У. Б. Карпентер, член Королевского общества – человек большой учености, но малых познаний – называет «хорошо известными законами природы». Подобно многим из его класса, д-р Карпентер игнорирует тот факт, что могут быть законы, когда-то «известные», теперь неизвестные науке.

2. Природа триедина: существует видимая, объективная природа; невидимая, заключенная внутри, сообщающая энергию природа, точная модель первой и ее жизненный принцип; и над этими двумя – *дух,* источник всех сил, один только вечный и неразрушимый. Двое низших постоянно изменяются; третий, высший, не изменяется.

3. Человек также триедин: он имеет объективное, физическое тело; оживляющее астральное тело (или душу), действительный человек; и над этими двумя витает и озаряет их третий – повелитель, бессмертный дух. Когда действительному человеку удается слиться с последним, – он становится бессмертной сущностью.

4. Магия, как наука, представляет собою знание этих принципов и способа, посредством которого всезнание и всемогущество духа, и его власть над силами природы могут быть приобретены человеком, пока он все еще находится в теле. Магия, как искусство, есть применение этого знания на практике.

5. Злоупотребление сокровенным знанием есть колдовство; применение во благо – истинная магия или МУДРОСТЬ.

6. Медиумизм есть противоположность адептства; медиум есть пассивный инструмент чужих воздействий; адепт активно управляет самим собою и всеми ниже его стоящими силами. 7. Поскольку все, что когда-либо было, есть или будет, оставляет запись о себе на астральном свете, или скрижали невидимой вселенной, то посвященный адепт, пользуясь зрением своего духа, может узнать все, что когда-либо было известно или может стать известным.

8. Человеческие расы различаются по духовной одаренности так же, как по цвету кожи, росту или по каким-либо иным внешним качествам; среди некоторых народов от природы преобладает дар провидчества, среди других – медиумизм. Некоторые увлекаются колдовством и передают его тайные правила практического применения от поколения к поколению, вместе с большим или меньшим диапазоном психических феноменов в качестве результата.

9. Одною из фаз магического искусства является добровольное и сознательное выделение внутреннего человека (астральной формы) из внешнего человека (физического тела). В случае некоторых медиумов это выделение происходит, но оно бессознательно и непроизвольно. В таких случаях тело более или менее каталептично; но у адепта отсутствие его астральной формы будет незаметным, ибо физические чувства бодрствуют и личность его будет казаться только как бы отвлекшейся – «погруженной в размышления», как некоторые называют это.

Ни время, ни пространство не являются препятствиями странствующей астральной форме. Тауматург, полностью сведущий в оккультной науке, может заставить себя (то есть, свое физическое тело) *казаться* исчезнувшим, или на вид принять любую форму, какую он захочет. Он может сделать свою астральную форму видимой или придать ей многообразную внешность. В обоих случаях эти результаты будут достигнуты путем месмерической галлюцинации, вызванной одновременно в чувствах всех свидетелей. Эта галлюцинация настолько совершенна, что увидевший ее будет биться об заклад на свою жизнь, что он видел действительность, тогда как это лишь картина в его собственном уме, отпечатанная на его сознании неодолимой волей месмеризатора.

Но в то время как астральная форма может идти куда угодно, проникать через любое препятствие и быть увидена на любом расстоянии от своего физического тела, – последнее зависит от обычных методов передвижения. Его можно поднять в воздух при наличии предписанных магнетических условий, но оно не может быть перенесено из одной местности в другую иначе, как только обычным путем. Вот почему мы не придаем веры всем рассказам о воздушных полетах медиумов в физическом теле, так как это было бы чудом, а чудес мы не признаем. Инертная материя, в некоторых случаях и при некоторых условиях может быть дезинтегрирована, послана через стены, и снова восстановлена, но с живыми животными организмами это невозможно.

Последователи Сведенборга верят, и сокровенная наука учит, что оставление живого тела душою происходит часто, и что мы наталкиваемся каждый день, во всех жизненных обстоятельствах, на такие живые трупы. Это может быть вызвано различными причинами, среди них такими, как неодолимый страх, печаль, отчаяние, очень сильный приступ болезни, чрезвычайное сладострастие. В покинутую оболочку могут войти и поселиться там или астральная форма искусного колдуна, или элементарий (привязанная к земле развоплощенная человеческая душа), или, очень редко, элементал. Разумеется, адепт белой магии обладает такою же властью, но если только этого не потребует какая-либо чрезвычайно исключительная и великая цель, он никогда не согласится осквернить себя

вселением в тело нечистого человека. При умопомешательстве астральная сущность пациента либо полупарализована, сбита с толку и подчинена влиянию каждого проходящего духа любого сорта, либо она навсегда покинула тело и им завладело какое-нибудь вампирическое существо, близкое к своему собственному разложению и отчаянно цепляющееся за землю, чувственными удовольствиями которой она, благодаря этой уловке, может еще наслаждаться на короткое время.

10. Краеугольным камнем МАГИИ является подробное практическое знание магнетизма и электричества, их качеств, соотношений и потенций. Особенно необходимо знакомство с их следствиями *в* и *на* животное царство и человека. Во многих других минералах существуют оккультные свойства, не менее странные, чем свойства магнита, о которых все практикующие магию *обязаны* знать и о которых так называемая точная наука ничего не знает. Растения также в весьма удивительной степени обладают подобными же свойствами, и тайны трав, сновидений и очарований утеряны только для европейской науки и, не стоит это говорить, также неизвестны ей, кроме как в нескольких явных случаях, таких как опиум и гашиш. Все же психические эффекты даже этих немногих на систему человеческого организма рассматриваются, как доказательство временного ментального расстройства. Женщины Фессалии и Эпира, женщины-иерофанты ритуалов Сабазия, не унесли с собою их тайны вместе с падением их святилищ. Они до сих пор сохраняются, и те, кто осведомлены о природе Сомы, также знают свойства и других растений.

Суммируя все в нескольких словах – МАГИЯ есть духовная МУДРОСТЬ; природа – материальный союзник, ученик и слуга мага. Один общий жизненный принцип насыщает все, и он управляем усовершенствованной человеческой волей. Адепт может стимулировать движения природных сил в растениях и животных до сверхъестественной степени. Такие эксперименты не являются противодействиями природе, но лишь ускорениями; создаются условия для более интенсивной жизнедеятельности.

Адепт может управлять чувствованиями и изменять состояние физических и астральных тел других личностей, не являющихся адептами; он может также управлять и пользоваться по своему усмотрению духами стихий. Но он не может повелевать бессмертным духом какого-либо человеческого существа, живого или мертвого, ибо все такие духи являются одинаковыми искрами божественной сущности и никакой внешней власти не подчинены.

Существуют два вида провидения: провидение души и провидение духа. Провидение древних пифий, или современных месмеризованных субъектов различается только по своим искусственным способам, принятым для вызывания состояния ясновидения. Но так как видения их обоих зависят от большей или меньшей остроты чувств астрального тела, то они в огромной степени отличаются от совершенного всезнающего духовного состояния; так как в лучшем случае субъект может получить только проблески истины через ту завесу, которую выставляет физическая природа. Астральный принцип или ум, называемый индийскими йогами *фав-атма,* есть чувственная душа, неотделимая от нашего физического мозга, который она держит в подчинении и который, в свою очередь, равно мешает ей. Это есть *эго,* рассудочный жизненный принцип человека, его сознательная сущность. Пока она все еще находится *внутри* материального тела, ясность и правильность ее духовных видений зависит от ее более или менее тесной связи с ее высшим Принципом. Когда эта связь такова, что позволяет более эфирным частицам душевной сущности действовать независимо от ее более грубых частиц и мозга, – она безошибочно понимает то, что она видит; и только тогда она является чистой, разумной, СВЕРХчувственной душой. Это состояние известно в Индии под названием *Самадхи;* это есть высочайшее состояние духовности, доступное человеку на земле. Факиры стараются достичь такого состояния задерживанием дыхания часами в течение своих религиозных упражнений и называют это занятие *дамсадхна.* Индусские термины *Пранаяма, Прагьяхара* и *Дхарана*, – все относятся к различным психологическим

состояниям и показывают, насколько более санскрит и даже современный индусский язык приспособлены к ясному определению феноменов, с которыми встречаются изучающие эту отрасль психологической науки, чем языки современных народов, чей опыт еще не потребовал изобретения таких описательных терминов.

Когда тело находится в состоянии *дхарана* – полной каталепсии физической оболочки, – душа ясновидящего может освободиться и воспринимать явления субъективного. И все же, так как чувственный принцип мозга жив и активен, эти картины прошлого, настоящего и будущего будут окрашены земными восприятиями объективного мира; физическая *память* и *фантазия* будут мешать ясному видению. Но провидец-адепт знает, как приостановить механическое действие мозга. Его видения будут так же чисты, как сама истина, неокрашены и неискажены, тогда как ясновидящий, неспособный управлять вибрациями астральных волн, воспримет только более или менее искаженные изображения через посредство мозга. Провидец никогда не примет мелькающие тени за реальности, и так как его память столь же полно подчинена его воле, как и остальное тело, – он воспринимает впечатления непосредственно от своего духа. Между его субъективным и объективным «я» нет препятствующих посредников. Это есть настоящее духовное провидение, в котором, по выражению Платона, душа поднимается над всем меньшим благом. Когда мы достигаем «того, что выше всего, что *просто, чисто и неизменно, без формы, цвета или человеческих свойств:* Бога – *нашего Ноус».*

Это есть то состояние, которое такие провидцы, как Плотин и Аполлоний, называли «Единением с божеством»; которое древние йоги называли *Ишвара,*[655] а современные называют «Самадхи»; но это состояние настолько же выше современного ясновидения, насколько звезды выше червей-светляков. Как известно. Плотин был ясновидящим-провидцем на протяжении всей своей каждодневной жизни, и все же он *соединился со своим Богом* только шесть раз в течение шестидесяти шести лет своего существования, как он сам признался Порфирию.

Аммоний Саккас, «Богом обученный», утверждает, что единственной силой, непосредственно противодействующей предсказыванию и заглядыванию в будущее, является *память;* а Олимпиодор называет ее *фантазией»*

> «Фантазия», – говорит он (в «Федре» Платона), – «является препятствием нашим интеллектуальным концепциям; а поэтому, когда мы взволнованы вдохновляющим влиянием божества, если фантазия вмешается, энергия энтузиазма перестает действовать, ибо энтузиазм и экстаз противоположны друг другу. Если бы спросили, способна ли душа проявлять энергию без фантазии, мы ответим, что восприятие ею универсалий доказывает, что она способна. Она обладает восприятиями и поэтому независима от фантазии; в то же самое время, однако, фантазия сопутствует ей в ее энергиях, точно так же как шторм преследует того, кто пустился в морское плавание».

Кроме того, медиум нуждается или в чужом уме – будь-то дух или живой месмеризатор – чтобы осилить свои физические и ментальные органы, или же в каких-либо искусственных средствах, чтобы вызвать транс. Адепту и даже простому факиру требуется всего несколько минут «самосозерцания». Медные колонны Соломонова храма; золотые колокольчики и гранаты Аарона; Юпитер Громовержец на Капитолии Августа, увешанный гармоничными колокольчиками [662, 91(2)]; медные чаши мистерий при

---

[655] В обычном значении Ишвара значит “Господь”; но Ишвара мистиков-философов Индии понимается именно как единение и общение людей с божеством греческих мистиков. По-санскритски *Ишвара Парасада* буквально означает “милосердие”. Обе *“Мимансы”,* трактуя о наиболее глубоких вопросах, объясняют карму как заслугу или *действенность трудов;* Ишвара-Парасада – как милосердие; Шрадха – как веру. *“Мимансы”* – это труд двух наиболее прославленных теологов Индии. *“Пурва Миманса”* была написана философом Джемини, а *“Уттара-Миманса”* (или *веданта)* – риши Двипайна Вьяса, который собрал вместе четыре Веды. (См. сэр Уильям Джоунс, Кольбрук и другие).

вызываниях Коры [Плутарх] – все это предназначалось в качестве таких вспомогательных средств [56, III, 2, 14]. Такими же были медные чаши Соломона, кругом обвешанные двойным рядом из 200 гранатов, которые служили в качестве колокольных языков внутри пустых колонн. Жрицы Северной Германии, под руководством иерофантов, не могли пророчествовать иначе, как только среди рева бурных вод. Вглядываясь пристально в малые водовороты, образующиеся в быстром течении реки, они *самогипнотизировались.* Также мы читаем о Иосифе, сыне Иакова, который искал божественное вдохновеннее помощью своей серебряной гадательной чаши, которая, должно быть, имела весьма блестящее дно. Жрицы Додоны располагались под древним дубом Зевса (Пелазгийского, а не Олимпийского бога), и сосредоточенно прислушивались к шелесту священных листьев, тогда как другие сосредотачивали свое внимание на нежном журчании холодного родника, бьющего из-под его корней [663, с. 71]. Но адепт не нуждается ни в какой подобной посторонней помощи – вполне достаточно простого применения его силы *воли.*

«Атхарваведа» учит, что проявление такой силы воли является высшей формой молитвы и ее мгновенной реакцией. Желать значит реализовать пропорционально интенсивности устремления; и это, в свою очередь, измеряется внутренней чистотой.

Некоторые из этих замечательных Ведантийских указаний, касающихся души и мистических сил человека, недавно одним индусским ученым были предоставлены английскому журналу.

> *«Санкхья»*, – пишет он, – «утверждает, что душа (т. е. астральное тело) обладает следующими способностями: сжатие до такого ничтожного размера, для которого все проницаемо; увеличение до размеров гигантского тела; приобретение легкости (поднятие по солнечному лучу до самого светила); обладание неограниченной досягаемостью органов, например, касание луны кончиком пальца; неотразимая воля (например, погружение в землю так же легко, как в воду); властвование над всем одушевленным и неодушевленным; способность изменять ход природы; способность выполнять каждое желание».

Далее он приводит их различные наименования:

> «Эти способности названы: 1) Анима; 2) Махима; 3) Лагхима; 4) Гарима; 5) Прапти; 6) Пракамья, 7) Вашитва; 8) Ишитва, или божественная сила. Пятая – это предсказание будущих событий, понимание чужих языков, исцеление больных, угадывание невысказанных мыслей, понимание языка сердца. Шестая – это способность старость превратить в молодость. Седьмая – это способность месмеризировать людей и зверей, и делать их послушными; это способность сдерживать страсти и эмоции. Восьмая способность есть духовное состояние, и подразумевает отсутствие вышеприведенных семи способностей, так как в этом состоянии йог полон Богом».
>
> «Никаким письменным трудам», – добавляет он, – «светским или священным, не позволялось быть столь авторитетными и законченными, *как учению души.* Кажется, что некоторые риши делали величайший упор на этот сверхчувственный источник знания».[656]

С времен отдаленнейшей древности *человечество,* как целое, *всегда было убеждено в существовании личной духовной сущности внутри личного физического человека.* Эта внутренняя сущность была более или менее божественна в зависимости от ее близости к *венцу* – Хрестосу. Чем теснее это единение, тем безмятежнее человеческая судьба, тем менее опасны внешние обстоятельства. Это верование не есть ни набожность, ни суеверие, а только всегда присутствующее инстинктивное ощущение близости другого, духовного и невидимого мира, который, хотя и является субъективным для чувств внешнего человека, совершенно объективен для внутреннего эго. Кроме того, они верили, что *существуют внешние и внутренние условия, влияющие на решения нашей воли в отношении наших поступков.* Они отвергали фатализм, ибо фатализм подразумевает

---

[656] Пери Чанд Миттра, *“Психология ариев”; “Человеческая натура”,* март, 1877.

слепое течение какой-то еще более слепой силы. Но они верили в *судьбу,* которую каждый человек с рождения до смерти ткет нить за нитью сам вокруг себя, как паук ткет свою паутину; и что эта судьба направляется или тем присутствием, которое некоторые называют ангелом-хранителем, или же нашим, более личным, астральным внутренним человеком, который уж слишком часто становится злым гением плотского человека. Оба они ведут вперед внешнего человека, но один из них должен преобладать; и с самого начала этой невидимой борьбы суровый и неумолимый закон возмездия вступает в силу и неуклонно следует за всеми отклонениями. Когда соткана последняя прядь, и человек как бы закутался в сеть своих собственных деяний, тогда он оказывается всецело под властью этой *самим созданной* судьбы. Она тогда или закрепляет его, подобно инертной раковине, на неподвижной скале, или подобно перышку уносит его в вихре, поднятом его собственными действиями.

Величайшие философы древности не находили это ни неразумным, ни странным, что «души приходили к душам и сообщали им данные о будущем, иногда письменно или одним только прикосновением или взглядом открывали им прошлые события и возвещали будущее», – как говорит нам Аммоний. Кроме того, Ламприас и другие верили, что если *развоплощенные* духи или души могли спускаться на землю и становиться хранителями смертных людей,

> «то нам не следует думать, что и *те души, которые пока еще пребывают в телах,* лишены этой силы, посредством которой первые узнают будущие события и способны провозглашать их. Невероятно», – добавляет Ламприас, – «чтобы душа приобрела новую силу пророчествования, после отделения от тела, которой она до этого не обладала. Скорее мы можем прийти к выводу, *что она обладала всеми этими силами в течение ее единения с телом, хотя и в менее совершенном виде...* Ибо точно так же, как солнце не только тогда светит, когда выходит из-за облаков, но всегда сияло и только казалось затянутым и затемненным испарениями, – так и душа не только тогда получает силу
>
> заглядывать в будущее, когда она выходит из тела, как из-за облака, но *обладала ее всегда,* хотя и затемненной связью с земным».

Известным примером одного из аспектов проявления этой силы души или астрального тела является феномен так называемой духовной руки. В присутствии определенных медиумов эти как бы отделенные конечности постепенно проявляются из испускающей свет туманности, подбирают карандаш, пишут сообщения и затем растворяются перед глазами свидетелей. Много таких случаев отмечено вполне компетентными и достойными доверия лицами. Эти феномены – настоящие, и требуют серьезного рассмотрения. Но иногда фальшивые «призрачные руки» принимаются за настоящие. В Дрездене мы однажды видели такую руку, сделанную для обмана, с хитрым устройством из пружин, благодаря которому машина в совершенстве имитировала движения человеческой руки; тогда как усмотреть ее искусственность снаружи потребовало бы тщательного осмотра. При пользовании этим устройством бесчестный медиум вытаскивает свою настоящую руку из рукава и заменяет ее механическою; так обе его руки кажутся покоящимися на столе, тогда как на самом деле одна прикасается к присутствующим, показывается, стучит по мебели и производит другие феномены.

Медиумы, производящие настоящие манифестации, как правило, менее всех способны понять или объяснить их. Среди тех, кто написали наиболее разумные труды по поводу этих светящихся рук, следует отметить д-ра Френсиса Джери Файрфилда, автора статьи *«Десять лет среди медиумов»,* появившейся в *«Library Table»* от 19 июля 1877 г. Сам будучи медиумом, он все же является убежденным противником спиритуалистической теории. Рассуждая на тему «призрачной руки», он свидетельствует, что

«автор этих строк лично был свидетелем этому, при соблюдении условии контроля, обеспеченного им самим, в его собственной комнате, средь бела дня, с медиумом, посаженным на диване на расстоянии шести или восьми футов от стола, – над ним, витая в воздухе, показался призрак (рука). Прикладывание полюсов подковообразного магнита к этой руке заставило ее заметно колебаться и привело медиума в сильные конвульсии – достаточно положительное доказательство, что *сила, участвовавшая в феномене, была порождена в его собственной нервной системе».*

Вывод д-ра Файрфилда, что витающая призрачная рука есть эманация медиума, логичен, и он правилен. Испытание подковообразным магнитом научно доказывает то, что каждый каббалист подтвердит на основании опыта, не менее, чем на основании философии. «Сила, участвовавшая в феномене», есть воля медиума, бессознательно примененная к внешнему человеку, который на время полупарализован и каталептичен; призрачная рука есть выделение внутренней или астральной конечности человека. Это есть то настоящее «я», чьи конечности хирург не в состоянии ампутировать, которые остаются и после того, как их внешняя оболочка отрезана, и (наперекор всем противоположным теориям об обнаженных или сжатых кончиках нервов) обладают всеми ощущениями, какие до этого испытывали прежние физические части. Это есть то духовное (астральное) тело, которое «воскресает нетленным». Абсурдно утверждать, что это – «руки *духов»,* ибо, даже допуская, что на каждом спиритическом сеансе к медиуму привлекаются человеческие духи разных видов и что они действительно руководят и производят некоторые феномены, – все же для того, чтобы сделать руки или лица объективными, они вынуждены пользоваться либо астральными конечностями медиума, либо материалами, доставляемыми им элементалами, или же комбинированными аурическими эманациями всех присутствующих. *Чистые* духи не будут и *не могут* показываться объективно. Те, которые показываются, не чистые духи, но элементарии и нечистые. Горе тому медиуму, который сделается добычею такового!

Тот же самый принцип, участвующий в бессознательном выделении призрачной конечности каталептическим медиумом, применим к выделению целого его «двойника» или астрального тела. Оно может быть выделено волею внутреннего «я» самого медиума, без сохранения в его физическом мозгу какого-либо воспоминания о подобном намерении – это одна фаза человеческой способности раздвоения. Это также может быть осуществлено элементариями и элементалами, по отношению к которым он может находиться в положении месмеризуемого субъекта. Д-р Файрфилд прав в одном утверждении в своей книге, а именно, что медиумы обычно болезненны, и во многих, если не в большинстве случаев, являются детьми или близкими медиумов. Но он целиком не прав, приписывая все психические феномены болезненным физиологическим состояниям. Адепты восточной магии все как один имеют совершенное ментальное и телесное здоровье, а для других, в сущности, произвольное и независимое производство феноменов невозможно. Мы знали многих, и никогда среди них не видели больного. Адепт удерживает полное сознание; не являет ни изменения температуры тела, ни других признаков болезненности; не нуждается ни в каких «условиях», но совершает свои подвиги где угодно и всюду; и вместо того, чтобы быть пассивным и подчиняться чужим влияниям, управляет силами железною волею. Но мы уже в другом месте показали, что медиум и адепт противостоят друг другу, как два полюса. Здесь мы лишь добавим, что тело, душа и дух адепта всецело сознательны и работают гармонично, а тело медиума представляет инертную глыбу, и даже его душа может отсутствовать и быть во сне, пока ее обиталище занято другим.

Адепт может выделить и сделать видимой не только руку, ногу или любую часть своего тела, но и все тело. Мы видели, как один это сделал средь бела дня, пока его руки и

ноги держал скептический друг, которому он хотел сделать сюрприз.[657] Мало-помалу все его астральное тело просочилось наружу наподобие облака пара, пока перед нами не встали две человеческие формы, из которых вторая была точной копией первой, только чуть-чуть более призрачной.

Медиуму нет надобности применять какую-либо *силу воли.* Достаточно, чтобы он или она знали, что ожидают от него исследователи. «Духовное» существо медиума, когда оно не одержимо другими духами, будет действовать вне воли или сознания своего физического существа так же верно, как оно действует, находясь в теле во время припадка сомнамбулизма. Его восприятия, внешние и внутренние, будут острее и гораздо более развиты, в точности каковы они у лунатиков. Вот почему «материализованная форма иногда знает больше, чем медиум»,[658] ибо интеллектуальное восприятие астрального существа пропорционально настолько же выше телесной разумности медиума в его нормальном состоянии, насколько духовное существо тоньше его самого. Обычно находят, что тело медиума холодное, пульс заметно изменился, и состояние нервной прострации следует за феноменами, ошибочно и без разбору приписываемыми развоплощенным духам, тогда как только одна треть из них может быть приписана последним, другая треть – элементалам, а остальное – астральному двойнику самого медиума.

Но в то время как мы твердо уверены, что большинство физических манифестаций, т. е. тех, которые не требуют и не проявляют ни разумности, ни большого распознавания, производятся механически с помощью сцинлекка (двойника) медиума, подобно тому, как человек в глубоком сне, кажущийся бодрствующим, совершает деяния, о которых не удерживают в памяти ничего, – чисто субъективные феномены лишь в очень редких случаях обязаны своим происхождением действию личного астрального тела. Большею частью они, и в зависимости от нравственной, интеллектуальной и физической чистоты медиума, являются делом или элементариев, или же, иногда, очень чистых человеческих духов. Элементалы не имеют никакого отношения к субъективным проявлениям. В редких случаях это *божественный* дух медиума, кто руководит и производит их.

Как бабу Пери Чанд Миттра говорит в письме[659] президенту Национального Общества спиритуалистов Александру Калдеру,[660]

> «дух есть сущность или сила и не имеет никакой формы... Сама идея формы подразумевает «материализм». Духи [мы бы сказали астральные души]... могут принимать формы на время, но форма не есть их постоянное состояние. Чем материальнее наши души, тем материальнее наши представления о духах».

Орфик Епименид славился своим «святым и чудодейственным характером», а также тем, что его душа обладала способностью покидать свое тело *«столь долго и часто, сколь ей хотелось».* Древних философов, за которыми засвидетельствована эта способность, можно перечислять дюжинами. Аполлоний оставлял свое тело в мгновение ока, но не

---

[657] Болонский (Франция) корреспондент одного английского журнала говорит, что он знает одного джентльмена, у которого ампутирована рука по самое плечо, “который уверен что у него имеется духовная рука, которую он видит и может действительно ощущать другой рукой. Он может прикасаться к чему угодно и даже поднимать вещи этой духовной или призрачной рукой”. Он ничего не знает о спиритуализме. Мы приводим этот случай так, как нам его сообщили, без проверки; но он только подтверждает то, что мы видели в случае с восточным адептом. Этот выдающийся ученый и практикующий каббалист может по желанию выделить свою астральную руку, и этою рукою брать, передвигать и переносить предметы даже на значительные расстояния, от того места, где он сидит или стоит. Мы часто видели, как он таким образом оказывает услуги своему любимому слону.

[658] Ответ на вопрос в *“Национальной Ассоциации спиритуалистов”,* от 14 мая, 1877.

[659] *“Взгляды буддиста на спиритуалистические положения”.*

[660] См. *“Лондонский спиритуалист”,* 25 мая 1877 г., с. 246.

следует забывать, что Аполлоний был адепт – «маг». Если бы он был просто медиумом, он не мог бы совершать это *по желанию.* Эмпедоклу из Акраганта, пифагорейскому тауматургу, не требовалось никаких *условий,* чтобы остановить водяной смерч, разразившийся над городом. Также ему не требовалось условий, чтобы возвратить к жизни женщину, что он и сделал. Аполлоний не пользовался никакими *затемненными* комнатами для совершения своих деяний по аэробатике. Внезапно исчезнув в воздухе перед глазами императора Домициана и целой толпы зрителей (многих тысяч), час спустя он появился в гроте Путеоли. Но исследование показало бы, что сделав свое физическое тело невидимым посредством концентрации акаши вокруг него, он мог незамеченный удалиться в какое-либо безопасное убежище по соседству, и час спустя явиться в астральном теле в Путеоли к своим друзьям и казаться им самим физическим человеком.

Также Симон Волхв не более нуждался в погружении в транс перед тем, как подняться в воздух перед апостолами и толпами зрителей.

> «Не нужны заклинания и церемонии; образование круга и воскуривания просто чепуха и фокусничество», – говорит Парацельс. Человеческий дух «настолько великая вещь, что никакой человек не может выразить это; как Сам Бог вечен и неизменен, так и ум человека. Если бы мы правильно поняли его силы, не было бы невозможного для нас на земле. Воображение усиливается и развивается *через веру в нашу волю.* Вера должна подкреплять воображение, ибо вера создает волю».

Исключительный отчет о личной беседе английского посла в 1783 году с перевоплощенным Буддой – вскользь упомянутом в первом томе – восемнадцатимесячным младенцем в то время, дан в *«Asiatic Journal»* на основании повествования самого очевидца, м-ра Тэрнера, автора *«Миссия в Тибете».* Осторожная фразеология скептика, боящегося насмешек публики, плохо прикрывает удивление очевидца, который, в то же самое время, старается сообщить факты как можно вернее. Младенец-лама принял посла и его свиту с достоинством и поведением настолько непринужденным и естественным, что они от удивления пришли в полное замешательство. Поведение этого младенца, говорит автор, было поведением старого философа, серьезного, невозмутимого и чрезвычайно вежливого. Он старался дать понять молодому понтифу, в какое неутешительное горе был повергнут генерал-губернатор Галагаты (Калькутты), Города Дворцов, а также весь народ Индии, когда он умер; и всеобщее ликование, когда они узнали, что он опять возродился в свежем и молодом теле; при каковом комплименте молодой лама окинул его и его свиту благодушным взором и любезно угостил их из золотой чаши сластями.

> «Посол продолжал выражать надежду генерал-губернатора, что лама теперь сможет долго освещать мир своим присутствием и что дружеские отношения, дотоле поддерживаемые между ними будут еще более укреплены для блага и преуспеяния просвещенных почитателей ламы... это все заставило маленькое создание пристально вглядеться в говорящего, грациозно наклониться и кивнуть головой – наклониться и кивнуть – *как будто он* понимал и одобрял каждое произносимое слово».[661]

Как будто он понимал! *Если* этот младенец вел себя вполне естественно и с достоинством во время приема и, «когда их чашки, чаю были выпиты, стал беспокоен и, откинув голову и нахмурив лоб, продолжал издавать звуки до тех пор, пока чаши снова не были наполнены», – почему бы он не мог понимать также и, что ему было сказано?

Много лет тому назад, небольшая партия путешественников с большим трудом совершила путешествие из Кашмира в Лех, город в Ладаке (Центральный Тибет). Среди наших проводников был татарский шаман, весьма таинственная личность, который

---

[661] См. [**73**].

немного говорил по-русски, а английского языка совсем не знал, и все же умудрялся беседовать с нами и оказался очень полезным. Узнав, что некоторые из нашей группы русские, он вообразил, что наша протекция всемогуща и могла бы помочь ему безопасно вернуться домой в Сибирь, откуда он лет двадцать тому назад по неизвестным причинам бежал, как он нам рассказывал, через Кяхту и великую Пустыню Гоби в страну Чагаров.[662] Зная его заинтересованность в этой цели, мы чувствовали себя в безопасности под его охраной. Объясним вкратце ситуацию: наши товарищи составили немудрый план проникнуть в Тибет разнообразно переодевшись, причем ни один из них не говорил на этом языке, хотя один из них, м-р К., где-то подобрал какого-то казанского татарина и думал, что он умеет. Упоминая об этом только мимоходом, мы также можем сообщить, что сразу же двое из них, братья Н., были очень вежливо возвращены назад на границу, не прошагав и шестнадцати милей по вещей стране Восточного Бод; а м-р К., бывший лютеранский священник даже не смог покинуть свою жалкую деревушку близ Леха, так как с первого дня заболел лихорадкой и ему пришлось возвратиться в Лахор через Кашмир. Но одно зрелище, увиденное им, было равносильно тому, как если бы он увидел перевоплощение самого Будды. Услышав об этом «чуде» от какого-то старого русского миссионера, которому, по его мысли, он мог доверять больше, чем аббату Хаку, он годами лелеял желание разоблачить этот «великий языческий» обман, как он выразился. К. был позитивист и весьма гордился этим антифилософским неологизмом. Но его позитивизм был обречен на получение смертельного удара.

Приблизительно после четырехдневного путешествия из Исламабада мы остановились, чтобы отдохнуть на несколько дней в грязном поселке, единственной утешительной чертой которого было великолепное озеро. Наши товарищи временно отделились от нас, и этот поселок должен был послужить нам местом встречи. Именно там наш шаман оповестил нас, что большая партия ламаистских «святых», совершавших паломничество к различным святым местам, поселилась в старом пещерном храме и учредила там временную вихару. Он добавил, что поскольку «Трое Достопочтенных»,[663] согласно молве, путешествовали с ними, то святые бикшу (монахи могли творить величайшие чудеса). К., загоревшись желанием разоблачить этот вековой обман, сразу же отправился нанести им визит, и с этого момента между обоими лагерями установились самые дружеские отношения.

Вихара находилась в уединенном и наиболее романтическом месте, защищенном от всяких вторжений. Несмотря на усиленные ухаживания, подарки и протесты м-ра К., Глава, который был Пасе-Будху (аскет великой святости), отказывался продемонстрировать феномен «воплощения» до тех пор, пока пишущая эти строки не показала ему некий талисман, которым она обладала.[664] Увидев его, однако, сразу же

---

[662] Русским подданным запрещено пересекать территорию Татарии, так же как подданным императора Китая запрещено посещать русские фактории.

[663] Это представители буддийской Троицы: Будда, Дхарма и Сангкха или Фо, Фа и Сенгх, как их называют в Тибете.

[664] Бикшу не разрешено что-либо непосредственно принять даже от мирян своего народа, менее всего от иностранца. Избегается малейший контакт с телом и даже одеянием лица, не принадлежащего к их особой общине. Поэтому даже те подарки, которые мы приносили и которые состояли из кусков красной и желтой *пу-пу* (шерстяная ткань, обычно носимая ламами) должны были подвергаться странным церемониям. Им запрещено: 1) требовать или выпрашивать что-либо – даже если бы они голодали – они должны ждать, когда им это добровольно предложат; 2) прикасаться руками к золоту или серебру; 3) есть хотя бы кусочек даже принесенной в подарок пищи до тех пор, пока даритель ясно не говорит ученику: “Это для вашего учителя в *пищу”*. После этого ученик, повернувшись к *пазену,* в свою очередь должен предложить ему пищу, и только тогда, когда он произнес: “Учитель, это разрешено. Берите и кушайте”, – лама может брать пищу правой рукой и кушать. Все наши приношения должны были пройти такие очищения. Когда серебряные монеты и несколько горстей анн (анна равна четырем центам) при различных случаях преподносились общине, один из учеников сперва обвертывал руку желтым платком, и принимая

приступили к приготовлениям; и ребенок в возрасте трех или четырех месяцев был взят у одной матери, бедной женщины, живущей по соседству. Первым делом от м-ра К. была взята клятва, что в течение семи лет он никому не раскроет того, что он увидит или услышит. Талисман представляет собою простой агат или сердолик, известный среди тибетцев и других под названием *А-ю*, и по природе обладал или был наделен очень таинственными свойствами. На нем высечены треугольник, в котором содержится несколько мистических слов.[665]

Прошло несколько дней прежде чем все было готово; за это время ничего носящего таинственный характер не произошло, за исключением, когда по велению одного бикшу мертвенно-бледные лица глядели на нас из зеркального дна озера, в то время как мы сидели у дверей вихары на его берегу. Одним из них было лицо сестры м-ра К., которую он, уезжая, оставил дома здоровой и счастливой, но которая, как мы узнали впоследствии, умерла за какое-то время до того, как он отправился в это путешествие. Это зрелище сперва на него подействовало, но он призвал на помощь свой скептицизм и успокоил себя теориями о тенях облаков, отражениях ветвей деревьев и т. п., на что обычно опираются такого рода люди.

В назначенный день, во второй половине дня младенец был принесен в вихару и оставлен в вестибюле или в приемной комнате, так как К. не полагалось заходить дальше во временное святилище. Затем младенца поместили на лоскуте ковра в середине комнаты; всем посторонним велели выйти; двух «монахов» поставили у входа, чтобы не допускать вторжения кого-либо. Затем все ламы уселись на полу спинами к гранитным стенам так, что каждый был отделен от младенца пространством по меньшей мере в десять футов. Глава уселся в самом дальнем углу, где «викарий» постелил для него квадратный кусок кожи. Один только м-р К. поместился около самого младенца и следил за каждым движением с пристальным вниманием. Единственным условием, требуемым от нас, было соблюдение строгого молчания и терпеливое ожидание развертывания событий. Ясный солнечный свет лился в открытую дверь. Постепенно «Глава» впал в состояние, которое казалось глубокой медитацией, тогда как другие, после краткого заклинания, внезапно замолкли и выглядели так, как будто они все совершенно окаменели. Было угнетающе тихо, и гуканье младенца было единственным слышимым звуком. После того как мы так просидели немного времени, движения конечностей младенца внезапно прекратились, и его тело, казалось, стало неподвижным. К. напряженно следил за каждый движением, и оба мы, обменявшись быстрым взглядом, остались довольны тем, что все присутствующие сидели неподвижно. Глава, устремив свой взгляд на землю, даже не глядел на ребенка; бледный и бездвижный, он скорее был похож на статую талапоина, погруженного в медитацию, чем на живое существо. Вдруг, к нашему великому замешательству, мы увидели ребенка, не то чтобы встающего, но как бы резко поднятого в сидячее положение. Еще несколько рывков и затем, точно автомат, приведенный в движение скрытыми проволоками, этот четырехмесячный младенец встал на ноги!

сумму на ладонь, немедленно препровождал ее в *бадир,* еще где-то называемый *сабаит,* священную чашу, обычно из дерева, предназначенную для приношений.

[665] Эти камни пользуются большим почетом среди ламаистов и буддистов; ими украшены трон и скипетр Будды, и далай-лама носит такой камень на четвертом пальце правой руки. Их находят в горах Алтая и близ реки Яркух. Наш талисман был дар от уважаемого верховного жреца, *Гелонга,* одного калмыцкого племени. Хотя их считают отступниками от первичного ламаизма, эти кочевники поддерживают дружеские сношения со своими братьями калмыками, чохотами Восточного Тибета и Кукунора, и даже ламаистами Лхассы. Духовные власти, однако, не желают иметь сношения с ними. Мы имели большие возможности хорошо ознакомиться с этим интересным народом Астраханских степей, в юности живя в их *кибитках* и пользуясь сердечным гостеприимством их князя Тюмени, их покойного главы, и его княгини. В своих религиозных церемониях калмыки пользуются трубами, сделанными из бедренных и локтевых костей покойных правителей и верховных жрецов.

Вообразите наше замешательство, а для м-ра К. – ужас. Ни одна рука не была протянута к нему, ни одно движение не совершено, ни слова вымолвлено; и все же грудной ребенок стоял прямо и твердо, как мужчина!

Остальную часть описания мы приведем из копии записок, написанных по этому поводу самим м-ром К., в тот же вечер, и данных нам на тот случай, если они не дойдут до места назначения, или писателю не удастся увидеть что-либо больше.

> «После минуты или двух колебания», – пишет К., – «младенец повернул голову и взглянул на меня с выражением такой разумности, что это было просто страшно! У меня мороз пробежал по коже. Я щипал свои руки и кусал губы чуть ли не до крови, чтобы убедиться, что я не сплю. Но это было только начало. Это чудотворное создание, *как мне казалось,* сделало два шага по направлению ко мне, снова приняло сидящую позу, и, не спуская с меня глаз, повторяло, фразу за фразой, на языке, который, как я полагал, был тибетским, те самые слова, какие, как мне до этого объяснили, обычно произносятся при воплощениях Будды, начиная с: «Я – Будда; я старый Лама; я его дух в новом теле», и т. д. Я ощутил действительный ужас; волосы встали дыбом и кровь застыла. Хоть убей меня – я не мог выговорить ни слова.
>
> Тут не было ни трюкачества, ни чревовещания. Губы младенца двигались, и глаза, казалось, заглядывали мне в самую душу с выражением, которое *заставило меня думать, что то было лицо самого Главы,* его глаза, его взгляд, на что я уставился. Как будто *его дух вошел в это маленькое тело и теперь смотрел на меня через прозрачную маску детского лица.* Я почувствовал головокружение. Младенец потянулся ко мне и положил свою маленькую ручку на мою. Я вздрогнул, точно ко мне прикоснулись горячим углем, и, не будучи в состоянии больше выносить эту сцену, закрыл лицо ладонями. Это было только на одно мгновение; но когда я отнял руки, маленький актер уже превратился в хныкающего младенца, лежащего на спине, и немного спустя пустился в истошный плач. Глава же вернулся в свое нормальное состояние, и последовала беседа.
>
> Только после ряда подобных экспериментов, длившихся более десяти дней, я осознал тот факт, что я видел невероятный, поразительный феномен, описанный некоторыми путешественниками, но всегда объявляемый мною обманом. Среди множества вопросов, оставшихся без ответа, несмотря на мой перекрестный допрос, Глава обронил каплю информации, которую нужно рассматривать, как очень значительную. «Что случилось бы», – спрашивал я через шамана, – «если в то время, когда младенец заговорил, я, в момент безумного страха, при мысли, что дитя это – «Дьявол», убил бы его?». Он ответил, что «если бы этот удар не был мгновенно смертельным, то был бы убит *только* ребенок». «Но», – продолжал я, – «предположим, что он был бы молниеносен?» «В таком случае», – ответил он, – *«вы убили бы меня тоже»».*

В Японии и Сиаме существуют два разряда жрецов, из которых один публичный, и имеет дело с людьми, а другой – строго секретный. Последних никогда не видят; об их существовании известно лишь очень немногим туземцам; иностранцам же – никогда. Их силы никогда не демонстрируются ни перед публикой, ни вообще когда-либо, за исключением редких случаев чрезвычайной важности, когда церемонии совершаются в подземных или в других отношениях недоступных храмах, и в присутствии нескольких избранных, которые головою отвечают за сохранение тайны. Среди таких случаев – смерть в царственной семье или в среде высоких сановников, связанных с этим орденом. Одним из самых вещих и впечатляющих проявлений силы этих магов является вывод астральной души из подвергшихся кремации остатков человеческих существ; эта церемония, которую практикуют также в некоторых из наиболее значительных ламасериев Тибета и Монголии.

В Сиаме, Японии и Великой Татарии существует обычай делать медальоны, статуэтки идолов из пепла сожженных лиц;[666] пепел смешивают с водой, чтобы

---

[666] У калмыков-буддистов астраханских степей существует обычай делать своих идолов из пепла их сожженных князей и жрецов. Родственница пишущей эти строки имеет в своей

получилась паста; и когда ей придана желаемая форма, обжигают и покрывают золотом. Ламасерий У-тай в провинции Чань-си, Монголии, наиболее славится этими изделиями, и богатые люди посылают туда кости своих покойных родственников, чтобы их перемололи и обработали. Когда адепт магии предлагает помочь в выводе астральной души из умершего, которая иначе, как они думают, может остаться оглушенной на неопределенное время *внутри* пепла, прибегают к следующему действию: священная пыль насыпается на металлический лист, сильно намагнетизированный и имеющий размеры человеческого тела. Затем адепт медленно и нежно обмахивает его *талапат-наном*[667] веером своеобразной формы с написанными на нем определенными знаками, бормоча, в то же время, какую-то формулу вызывания. Пепел вскоре становится как бы насыщенным жизнью и тихо распределяется тонким слоем, который принимает очертания тела, каким он был до сожжения. Затем постепенно поднимается что-то похожее на беловатый пар, который спустя какое-то время образует вертикальный столб, и, уплотняясь, наконец превращается в «двойника», или эфирную астральную копию умершего, которая в свою очередь растворяется в воздухе и исчезает с поля зрения смертных.[668]

«Маги» Кашмира, Тибета, Монголии и Великой Татарии слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в комментариях. Если их назовут *фокусниками,* то мы приглашаем самых лучших фокусников Европы и Америки сравняться с ними, если они смогут.

Если наши ученые не в состоянии воспроизводить бальзамирование египетских мумий, насколько больше они были бы удивлены, если бы увидели, как видели мы, мертвые тела, сохраненные с помощью алхимического искусства до такой степени, что по истечении многих веков кажется, что эти люди просто спят. Цвет их лица такой свежий, кожа так эластична, глаза настолько натуральны и искрящиеся, как будто они в полном расцвете сил, и колеса жизни остановились лишь мгновение назад. Тела некоторых очень выдающихся личностей уложены на катафалки, в роскошных мавзолеях, иногда покрытых позолотою, или даже листами настоящего золота; около них собрано их любимое оружие, украшения и вещи ежедневного употребления; и свита прислуживающих, цветущих молодых юношей и девушек, но все же трупов, сохранившихся так же хорошо, как их хозяева, стоят, выстроившись, как бы готовые служить по первому зову. Говорят, что в монастыре Великий Курен и в другом, расположенном на Священной горе (Бохте-Ула), имеется несколько таких гробниц, которые почитались всеми ордами завоевателей, пронесшимися через эти страны. Аббат Хак слыхал об их существовании, но не видел ни одной, так как чужеземцы любого рода туда не допускаются, а миссионеры и европейские путешественники, не пользующиеся требуемой протекцией, являются последними, кто могли бы быть допущены к этим священным местам. Сообщение Хака, что гробницы татарских суверенов окружены детьми, «которых заставляли глотать ртуть до тех пор, пока они не задохнулись», вследствие чего «цвет и свежесть этих жертв сохранилась настолько, что они выглядят живыми», – является одною из тех миссионерских выдумок, которые действуют только на самых невежественных людей, воспринимающих все, что услышат. Буддисты никогда не приносили жертв, ни человеческих, ни животных. Это совершенно противоречит принципам их религии, и ни один ламаист никогда в этом не был обвинен. Когда богатый человек желал, чтобы его похоронили в *сообществе,* то посылали вестников по всей стране вместе с ламами-бальзамировщиками и дети, только что умершие естественной смертью отбирались для этой цели. Бедные родители были только рады сохранить своих умерших детей таким поэтическим образом, вместо того, чтобы оставлять их на разложение и пожирание дикими зверьми.

В то время как аббат Хак после возвращения из Тибета жил в Париже, он, между прочими неопубликованными чудесами, рассказал м-ру Арсеньеву, русскому

коллекции несколько маленьких пирамид, сделанных из пепла выдающихся калмыков, которых подарил ей сам князь Тюменэ в 1836 году.

[667] Священный веер, употребляемый верховными жрецами вместо зонтика.

[668] См. т. I.

джентльмену, следующий любопытный факт, которому он был свидетелем во время своего продолжительного пребывания в ламасерии Кунбум. Однажды во время беседы с одним из лам, последний вдруг прервал свою речь и принял вид человека, внимательно слушающего какую-то весть, сообщаемую ему, хотя он (Хак) не слышал ни одного слова. «Тогда я должен идти», – прервал молчание лама, как бы в ответ на сообщение.

«Куда идти?» – спросил удивленный «лама Иеговы» (Хак). – «И с кем это вы разговариваете?».

«В монастырь ***», – спокойно ответил лама. – «Я нужен Шаберону. Это он позвал меня».

Монастырь этот находился на расстоянии многих дней пути от Кунбума, в котором происходила беседа. Но что казалось наиболее удивительным Хаку, было то, что вместо отправки в путешествие лама просто удалился в куполообразное помещение на крыше дома, в котором он жил, и другой лама, обменявшись несколькими словами, последовал за ним на террасу по лестнице и, пройдя между ними, запер там своего товарища. Затем, повернувшись к Хаку после нескольких секунд медитации, он улыбнулся и сообщил гостю, что «он уже ушел».

«Но как он мог уйти? Вы же заперли его, и у этого помещения нет другого выхода?» – настаивал миссионер.

«А на что ему дверь?» – ответил лама. – «Он сам ушел; его тело не нужно и поэтому он оставил его на моем попечении».

Несмотря на чудеса, которым Хак был свидетелем в течение своего опасного путешествия, у него создалось мнение, что оба ламы ввели его в заблуждение. Но тремя днями позднее, не видя своего обычного друга и собеседника, Хак осведомился о нем, и ему сказали, что он вернется к вечеру. На заходе солнца как раз в то время, когда «другие ламы» готовились лечь спать, Хак услышал голос своего отсутствовавшего друга, призывавший, как бы из облаков, своего товарища открыть ему дверь. Взглянув кверху, он увидел очертания «путешественника» за решеткой помещения, в котором он был заперт. Когда он спустился, он отправился прямо к Великому Ламе Кунбума и передал ему некие послания и «приказы» из того места, которое он только что «притворился» покинувшим. Хак не мог добыть у него больше сведений, касающихся его «воздушного» путешествия. Но он сказал, что он всегда думал, что этот «фарс» имел какое-то отношение к немедленным и необычным приготовлениям к вежливому выдворению обоих миссионеров, его самого и отца Габе, в Чогортан, место, принадлежащее Кунбуму. Подозрения этого отважного миссионера могли быть правильными ввиду его наглого любопытства и нескромности.

Если бы этот аббат был сведущ в Восточной философии, он не встретил бы никакой трудности в понимании как полета астрального тела ламы в отдаленный монастырь, пока его физическое тело оставалось дома, так и ведения беседы с Шабероном, неслышной для него самого. Недавние эксперименты с телефоном в Америке, на которые был сделан намек в пятой главе нашего первого тома, но которые значительно прогрессировали за то время, пока те страницы попали в печать, доказывают, что человеческий голос, также звуки инструментальной музыки могут быть посланы на далекие расстояния. Философы герметизма учили, как мы видели, что исчезновение пламени с поля зрения вовсе не означает его фактического угасания. Оно только перешло из видимого мира в невидимый и может быть зримо внутренним чувством зрения, которое приспособлено к явлениям той другой и более реальной вселенной. То же правило относится к звуку. Как физическое ухо различает вибрации атмосферы до некоторой точки, не установленной определенно, но меняющейся в зависимости от индивидуума, также и адепт с развитым внутренним слухом может подхватить звук на этой точке исчезновения и слышать его вибрации в астральном свете бесконечно. Ему не нужна проволока, винтовые линии и резонаторы; ему достаточно его силы воли. Духовному слуху время и расстояние не являют никаких

препятствий, и поэтому он может беседовать с другим адептом на противоположном полушарии, с такою же легкостью, как будто они оба находились в одной комнате.

К счастью, мы можем представить многочисленных свидетелей для подтверждения нашего заявления, которые, вовсе не будучи адептами, тем не менее слышали звуки воздушной музыки и человеческого голоса, когда ни инструмента, ни говорящего человека не было на расстоянии тысячи миль от того места, где мы сидели. В их случае они действительно слышали внутренне, хотя думали, что пользуются только лишь своими физическими органами слуха. Адепт, простым усилием силы воли, на короткое время раскрыл в них то же самое восприятие духа звука, которым он сам постоянно пользуется.

Если бы только наших ученых можно было побудить вместо высмеивания проверить древнюю философию о триединстве всех сил природы, – они двинулись бы вперед скачками по направлению ослепительной истины, вместо ползания подобно улитке, как теперь. Эксперименты проф. Тиндаля в Дувре в 1875 году в достаточной степени опрокинули все предыдущие теории о звукопередаче, а те опыты, которые он проделал чувствительным пламенем,[669] приводят его к самому порогу сокровенной науки. Еще один шаг дальше и он понял бы, каким образом адепты могут разговаривать на больших расстояниях. Но этот шаг *не* будет сделан. О своем чувствительном – по правде говоря, магическом – пламени, он говорит:

> «Малейший стук по далекой наковальне заставляет его упасть на семь дюймов. Когда встряхивают связку ключей, пламя приходит в сильное волнение и испускает громкий рев. Падение шестипенсовой монеты на руку, в которой уже находится монета, – сбивает пламя. Скрип сапог приводит его в буйное смятение. Комкание или разрывание лоскута бумаги или шелест шелкового платья имеют тот же результат. Реагируя на каждое тиканье часов около него, оно падает и взрывается. Заведение часовой пружины производит колыхание. С расстояния тридцати ярдов мы можем шептать этому пламени, заставляя его падать и реветь. При повторении отрывка из *«Королевы фей»* пламя просеивает и отбирает из моего голоса различные звуки, отмечая некоторые легким наклонением, другие – более глубоким поклоном, тогда как на другие реагирует буйным волнением».

Таковы чудеса современной физической науки; но какою ценою аппаратуры, углекислоты и каменноугольного газа, американских и канадских свистков, труб, гонгов и колоколов!

У бедных язычников нет такого «войскового обоза», но – поверит ли европейская наука этому – тем не менее они производят те же самые феномены. В одном случае, когда по делу чрезвычайной важности потребовался «оракул», мы увидели возможность того, что мы прежде яростно отрицали – а именно, простой нищенствующий монах заставил чувствительное пламя давать ответные вспышки без участия какой бы то ни было аппаратуры. Был зажжен костер из ветвей дерева *Beal,* и несколько жертвенных трав было брошено в него. Монах сел около костра, бездвижный, погрузившийся в созерцание. В промежутках между задаваемыми вопросами пламя едва теплилось и, казалось, было готово погаснуть, но как только вопрос был предложен, пламя выскакивало с ревом к небесам, трепыхалось, наклонялось и высылало огненные языки к востоку, западу, северу или югу, причем каждое движение имело свое четко определенное значение в коде сигналов, хорошо понимаемых. В промежутках оно снижалось до земли, и языки пламени лизали землю по всем направлениям и вдруг исчезали, оставляя только кучку горячих угольев. Когда беседа с духами пламени подошла к концу, бикшу (монах) повернулся к джунглям, где он обитал, не прекращая монотонный с причитаниями напев, по ритму которого чувствительное пламя держало такт, не просто так, как пламя проф. Тиндаля, когда он читал *«Королеву фей»,* простыми движениями, а чудесными модуляциями

---

[669] См. его *“Лекции о звуке”*.

шипения и рева до тех пор, пока монах не исчез из виду. Затем оно, точно сама его жизнь покинула его, погасло, и оставило перед пораженными зрителями кучку золы.

Как в Западном, так и в Восточном Тибете, и в любом другом месте, где преобладает буддизм, существуют две отдельные религии, что имеет место и в брахманизме, – сокровенная философия и народная религия. Первая – это философия последователей доктрины секты Сутрантика.[670] Они тесно придерживаются духа первоначальных учений Будды, которые являют необходимость *интуитивного* восприятия, со всеми выводами из этого. Они не провозглашают своих взглядов и также не позволяют их сделать публичными.

«Все *соединения* – тленны», – было последними словами умирающего Гаутамы, когда под деревом Sal он готовился войти в нирвану. «Дух есть единственное элементарное, изначальное единство, и каждый из его лучей бессмертен, бесконечен и неразрушим. Остерегайтесь иллюзий материи». Дхарм-Ашока распространил буддизм далеко и широко по Азии и еще дальше. Он был внук чудотворца Чандрагупты, прославленного царя, который освободил Пенджаб от македонцев – если они, вообще, когда-либо были в Пенджабе – и принял Мегасфена при своем дворе в Паталипутре. Дхарм-Ашока был величайшим из Царей династии Маурья. Из безрассудного распутника и атеиста он стал Приядаси, «возлюбленным богов», и по чистоте своих филантропических взглядов никогда не был превзойден каким-либо земным правителем. Память о нем просуществовала века в сердцах буддистов и увековечена в гуманных указах, высеченных на нескольких распространенных диалектах на колоннах и скалах Аллахабада, Дели, Гуджерата, Пешавара, Ориссы и в других местах.[671] Его знаменитый дед объединил всю Индию под свой могучий скипетр. Когда наги или змеепоклонники Кашмира были обращены усилиями апостолов, посланных Стхавирами Третьего Собора, религия Гаутамы распространилась подобно лесному пожару. Гандхара, Кабул и даже многие сатрапии Александра Великого приняли новую философию. Так как буддизм Непала, можно сказать, менее, чем какой-либо другой, отклонился от первоначальной древней веры, то ламаизм Татарии, Монголии и Тибета, являющийся непосредственным отпрыском этой страны, может считаться чистейшим буддизмом, ибо, повторяем еще раз, ламаизм, собственно, есть только одна из внешних форм обрядов.

Упасака и Упасаки, или мужские и женские полумонахи и полумиряне, должны наравне с самими монахами-ламами строго воздерживаться от нарушения какого-либо из правил Будды, и должны изучать мейпо и всякие психологические феномены в такой же степени.

Те, кто провинились по какому-либо из «пяти грехов», теряют все права на посещение собраний благочестивой общины. Наиболее важным из них является *ни в каком случае не проклинать, ибо проклятие возвращается на того, кто его произносит, и часто на его невинных родственников, которые дышат одним и тем же с ним воздухом.* Любить друг друга, даже наших злейших врагов; жертвовать своею жизнью даже для животных, до такой степени, что не применять оборонного оружия; одержать величайшую победу, победив собственное «я»; избегать всех пороков; применять на практике все добродетели, в особенности скромность и кротость; слушаться старших; заботиться и уважать родителей, престарелых, ученость, и добродетельных святых людей; обеспечивать пищей, приютом и удобствами людей и животных; сажать деревья вдоль дорог и рыть колодцы для нужд путников, – таковы нравственные обязанности буддистов. Каждая ани или бикшуни (монахиня) подчинена этим законам.

---

[670] От составного слова “сутра”, изречение или заповедь, и “антика” – близко, рядом.

[671] Это звучит как несправедливость по отношению к Ашоке – сравнивать его с Константином, как делают некоторые востоковеды. Если в религиозном и политическом значениях Ашока для Индии сделал то же, что Константин якобы для Западного Мира, то на этом всякое сходство кончается.

Многочисленны буддийские и ламаистские святые, которые прославились непревзойденной святостью своих жизней и своими «чудесами». Так Тиссу, духовный учитель императора, посвятивший Кублай-хана, Надир Шаха, был известен далеко и широко как чрезвычайной святостью своей жизни, так и многими, сотворенными им чудесами. Но он не остановился на одних лишь бесплодных чудесах, но совершил нечто большее, чем это. Тиссу полностью очистил свою религию; сказано, что только из одной провинции Южной Монголии он заставил Кублая изгнать из монастырей 500 000 лжемонахов, которые воспользовались своим вероисповеданием, чтобы проводить жизнь в пороках и лени. Затем, ламаисты имели своего великого реформатора Шаберона Цонг-к'а-па, который, как утверждают, был беспорочно зачат своею матерью, девственницей из Куку-нора (четырнадцатый век), – он другой чудотворец. Священное дерево в Кунбуме, дерево 10000 образов, которое, вследствие вырождения и падения истинной веры, перестало давать почки уже несколько веков, тогда пустило новые ростки и расцвело краше, чем когда-либо, от волоса этого аватара Будды – гласит легенда. Это же предание приписывает ему (Цонг-к'а-па) вознесение на небо в 1419 году. В противоположность господствующей идее, немногие из этих святых являются *Хубилганами,* или Шаберонами – перевоплощениями.

Во многих ламасериях имеются школы магии, но наиболее знаменитым является университетский монастырь Шу-тукт, в котором числится более 30000 монахов, и сам монастырь почти образует небольшой город. Некоторые женщины-монахини обладают чудесными психологическими силами. Мы встретились с некоторыми из этих женщин на их пути из Лхассы в Канди, этот Рим буддизма, с его чудотворными святилищами и реликвиями Гаутамы. Чтобы избегнуть столкновений с мусульманами и другими сектами, они путешествуют только ночью, безоружные, и ничуть не боясь диких зверей, *ибо те их не тронут.* При первых лучах зари они укрываются в пещерах и вихарах, уготовленных для них на рассчитанных расстояниях их собратьями-буддистами; ибо, несмотря на тот факт, что буддизм получил главное убежище в Цейлоне, и номинально в Британской Индии мало представителей этого вероисповедания, все же тайны Бьяуды (братства) и буддийские вихары многочисленны, и каждый джайн чувствует себя обязанным помогать, без различия, буддисту и ламаисту.

Будучи всегда в поисках оккультных явлений, жадно стремясь их увидеть, одно из самых интересных, увиденных нами, было произведено одной из этих бедных путешествующих бикшу. Это было многие годы тому назад, когда все такие проявления были новостью для пишущей эти строки. Нас взял с собою, чтобы посетить этих странниц, один друг буддист, таинственный джентльмен, родившийся в Кашмире от Качи родителей, обращенный в буддо-ламаизм и постоянно проживающий в Лхассе.

«Почему ты носишь при себе эту связку мертвых растений?» – спросила одна из бикшуни, худая, высокая и пожилая женщина, указывая на большой букет прекрасных свеженарезанных и благоухающих цветов в моих руках.

«Мертвых?» – спросила я удивленно. – «Но я же только что нарвала их в саду»!

«И все же они мертвы», – печальным голосом сказала она. – «Разве рождение в этом мире не есть смерть? Посмотри, как выглядят эти травы, когда они живые цветут в мире Вечного Света, в садах нашего благословенного Фо»!

Не сходя с того места, где она сидела на земле, ани взяла цветок из моего букета, положила его себе на колени и начала большими горстями как бы собирать к нему невидимый материал из окружающей атмосферы. Вскоре было видно очень смутное очертание парообразного узелка, он медленно принимал форму и цвет пока, застыв высоко в воздухе, не появилась копия того цветка, который мы дали ей. Она была точной до последнего оттенка и последнего лепестка, и лежала на боку, подобно оригиналу, но являлась в тысячу раз прекраснее по оттенкам красок и изысканности красоты, так же как вознесшийся человеческий дух несравнимо прекраснее своей физической оболочки. Цветок за цветком до малейшей травинки таким образом воспроизводился и исчезал,

вновь появляясь по нашему желанию, даже при одной мысли. Выбрав полностью цветущую розу, мы держали ее на вытянутую руку от себя, в течение считанных минут наша кисть, рука и цветок, совершенные в каждой детали появились отраженными в свободном пространстве каких-нибудь два ярда от того места, где мы сидели. Но в то время как цветок, казалось, стал неизмеримо краше, и таким же эфирным, как другие духовные цветы, – кисть и рука казались только простым отражением в зеркале, даже вплоть до большого пятна на предплечье, оставленного комком сырой земли, прилипшей к одному корню. Впоследствии мы узнали причину этого.

Великую истину высказал лет пятьдесят тому назад д-р Френсис Виктор Бруссэ, когда сказал:

> «Если бы магнетизм был истиной, то медицина была бы абсурдом».

Магнетизм есть истина, так что мы не будем возражать ученому французу также насчет остального. Магнетизм, как мы это уже показали есть алфавит магии. Напрасной будет всякая попытка понять или теорию или практику последней до тех пор, пока не будет признан основной принцип магнетических притяжений и отталкиваний по всей природе.

Многие так называемые народные суеверия являются только показателями инстинктивного восприятия этого закона. Неученые люди усвоили путем опыта многих поколений, что определенные феномены происходят при известных условиях; они создают эти условия и получают ожидаемые результаты. Не зная эти законы, они объясняют сам факт сверхъестественностью, так как опыт был их единственным учителем.

В Индии, так же как в России и в некоторых других странах, существует инстинктивное нежелание переходить через тень другого человека, в особенности рыжего; и в Индии туземцы чрезвычайно избегают обмена рукопожатиями с человеком другой расы. Это не пустые фантазии. Каждый человек испускает магнетическое излучение или ауру; сам человек может быть совершенно здоровым физически, но в то же самое время его излучение может иметь болезненный характер для других, чувствительных к таким тонким влияниям. Д-р Эсдэйл и другие месмеристы давно учили нас, что восточные народы, и в особенности индусы, гораздо более чувствительны, чем белокожие расы. Опыты барона Рейхенбаха – и, в сущности, опыт всего мира – доказывают, что эти магнетические излучения наиболее интенсивны из конечностей. Это доказано терапевтическими манипуляциями; поэтому обмен рукопожатиями считается наиболее передающим антипатичные магнетические условия, и индусы поступают мудро, держа свое древнее «суеверие», – полученное от Ману – всегда в памяти.

Мы обнаружили, что магнетизма рыжего человека боятся почти во всех народах. Мы могли бы приводить пословицы из русского, персидского, грузинского, хинди, французского, турецкого и даже немецкого языков, в которых указывается, что предательство и другие пороки, по народному поверью, сопровождаются рыжеволосостью. Когда человек стоит освещенный солнцем, то магнетизм светила отбрасывает эманации человека в сторону его тени, и увеличившаяся молекулярная деятельность создает больше электричества. Поэтому индивидуум, которому он антипатичен – хотя оба могут не осознавать этот факт – поступит разумно, не переступая его тени. Осторожный врач моет руки после каждого пациента. Почему же тогда не обвинить его в суеверии так же, как индусов? Микробы болезней невидимы, но тем не менее реальны, как доказывает опыт Европы. А *опыт Востока, накопленный сотнями веков, доказал, что зародыши духовной заразы задерживаются около местностей, и нечистый магнетизм может передаваться прикосновением.*

Другим, преобладающим поверьем в некоторых местностях России, в особенности Грузии (Кавказ), и в Индии, является поверье, что если тело утопленника невозможно найти другими способами, то если его одежду бросают в воду, она поплывет пока не будет как раз над нужным местом, и затем затонет. Мы даже видели такой эксперимент, успешно проведенный с помощью священного шнура брахмана. Шнур плавал по воде туда-сюда, описывая круги как бы в поисках чего-то, как вдруг, устремившись по прямой линии приблизительно на протяжении 50 ярдов, затонул, и точно на этом месте ныряльщики вынесли наверх тело. Мы обнаруживаем это «суеверие» даже в Америке. Питсбургская газета, совсем недавнего выпуска, описывает нахождение тела юного мальчика, по имени Рид, в Моноггахеле, при помощи подобного метода. Когда все другие способы не дали результата, говорится в газете,

> «прибегли к любопытному суеверию. Одну из рубашек мальчика бросили в реку там, где он потонул; как рассказывают, эта рубашка некоторое время плавала на поверхности и наконец пустилась ко дну в одном месте, оказавшемся местом, где лежало тело, которое потом извлекли. Верование, что рубашка утонувшего, будучи брошенной в воду, последует за телом, – широко распространено, каким бы абсурдным оно ни казалось».

Этот феномен объясняется законом мощного притяжения, существующего между человеческим телом и вещами, которые долго носились на нем. Старейшая одежда наиболее эффективна для такого эксперимента; новая – бесполезна.

С незапамятных времен, в России, в месяце мае, на Троицын день, городские и сельские девушки имеют обычай бросать в воду венки из зеленых листьев – которые каждая девушка сама должна сплести для себя – и смотреть на их предсказания. Если венок утонет – это знак, что девушка умрет, не выйдя замуж, в скором времени; если он поплывет, то она выйдет замуж, причем время зависит от числа стихов, сколько она успеет повторить во время этого эксперимента. Мы определенно подтверждаем, что нам лично известны несколько случаев – два из них с нашими близкими друзьями – когда это предречение смерти оказалось правдивым, и девушки *умерли* в течение 12 месяцев. В другой день, не только на Троицу, результат, несомненно, был бы тот же самый. Погружение венка в воду можно приписать к тому, что он насыщен нездоровым магнетизмом организма, таящего в себе зачатки ранней смерти, такой магнетизм обладает притяжением к земле на дне потока. Что же касается остального, то мы согласны оставить это для друзей совпадений.

То же самое общее замечание по поводу того, что суеверия имеют научную основу, приложимо к феноменам, производимым факирами и фокусниками, которые скептиками сваливаются в одну кучу под общим названием трюкачества. И все же более внимательному наблюдателю, даже непосвященному, раскрывается громадная разница между *кимия* (феноменами) факира и *батте-бази* (фокусничеством) трюкача, и некромантией *джадугара* или *сахира,* которого так боятся и презирают местные жители. Эта разница неуловимая – вернее, непостижимая – для скептического европейца, инстинктивно ощущается каждым индусом, будь он из высокой или низкой касты, образован или неуч. *Кангалин* или ведьма, которая пользуется своими страшными *абхи-чар* (месмерическими силами) с целью причинить вред, может ожидать смерти в любой момент, так как каждый индус считает законным убить ее; *букка-баз* или фокусник служит для забавы. Меньше боятся заклинателя змей с его *ба-ини,* полным ядовитых змей, так как сила его чар простирается только на животных и пресмыкающихся; он не в состоянии зачаровать человеческие существа, не может совершить то, что туземцы называют *мантар-пхункна,* т. е. навести чары на людей с помощью магии. Но с йогами, санньяси, святыми людьми, которые приобретают огромные психологические силы путем ментальной и физической тренировки – дело обстоит совсем по-другому. Некоторых из них индусы почитают, как полубогов. Европейцы не могут судить об этих силах, за исключением редких и исключительных случаев.

Британский подданный, наталкивающийся на майданах и в публичных местах на тех, кого он считает ужасными и отвратительными человеческими существами, которые сидят без движения в добровольно принятом истязании *урддва-баху* с воздетыми над головою руками в течение месяцев и даже лет, – не должен думать, что это факиры-чудотворцы. Феномены последних можно увидеть только через дружескую протекцию брахмана или же при особых, случайных обстоятельствах. Такие люди так же мало доступны, как настоящие храмовые танцовщицы, о которых каждый путешественник рассказывает, но редко кто в самом деле видел, так как они принадлежат исключительно пагодам.

Чрезвычайно странно, что несмотря на тысячи путешественников и миллионы европейских поселенцев, которые были в Индии и пересекали ее по всем направлениям, так мало еще известно об этой стране и о землях ее окружающих. Возможно, что некоторое читатели будут склонны не только подвергнуть сомнению правильность, но даже открыто возразить нашему утверждению? Несомненно, нам ответят, что все, что желательно знать об Индии, уже известно? Фактически, так нам лично однажды и ответили. Что постоянно живущие в стране англо-индийцы не должны заниматься ознакомлением – в этом нет ничего странного, ибо, как британский чиновник однажды нам сказал:

> «Общество не считает признаком хорошего воспитания, если человек интересуется индусами или их делами; или даже выказывает удивление или желает получить информацию насчет чего-либо, что может показаться из ряда вон выходящим в этой стране».

Но нас действительно удивляет, что по крайней мере, путешественники не исследовали подробнее этот интересный мир. Каких-нибудь 50 лет тому назад, проникнув в джунгли Голубых или Нильгирийских холмов Южного Индустана во время охоты на тигров, два отважных британских офицера открыли странное племя, совершенно отличное и по внешности и по языку от любого другого индусского народа. Было высказано много догадок, более или менее нелепых, и миссионеры, всегда настороже, чтобы всякую вещь увязать со своей Библией, даже зашли так далеко, что высказали мысль, что этот народ ничто иное, как одно из утерянных колен Израилевых, подкрепляя свою смешную гипотезу их очень светлым цветом лица и «сильно заметными еврейскими чертами». Последнее – полнейшее заблуждение, так как тодды, как их называют, не имеют ни малейшего сходства с еврейским типом ни в чертах, телосложении, поведении, ни в языке. Они очень похожи друг на друга и. как один наш друг выразился – самые красивые из тоддов напоминают собою по величию и красоте фигуры статую греческого Зевса более, чем кто-либо другой, кого ему приходилось видеть среди людей.

Со времени этого открытия прошло пятьдесят лет, но, хотя с тех пор города были построены на тех холмах, и страна была наводнена европейцами, о тоддах узнали не больше того, что было известно в самом начале. Среди глупых слухов, распущенных по поводу этого племени, наиболее ошибочны слухи, касающиеся их численности и практикования полиандрии. О них сложилось общее мнение, что вследствие последней их количество уменьшилось до нескольких сот семейств, и что это племя быстро вымирает. Мы получили отличную возможность многое узнать о них, и поэтому решительнейшим образом утверждаем, что тодды не практикуют полиандрию, и не являются столь малочисленными, как предполагают. Мы готовы доказать, что никто никогда не видел детей, принадлежащих им. Те дети, которых могли увидеть в их сообществе, принадлежали бадагам, индусскому племени, совершенно отличному от тоддов и по племени, и по цвету, и по языку, которое заключает в себе наиболее преданных «поклонников» этого необычного народа. Мы говорим *поклонников,* ибо бадаги одевают, кормят, обслуживают и взаправду смотрят на каждого тодда как на божество. Они гигантского роста, белы, как европейцы, с чрезвычайно длинными и обычно коричневыми волнистыми волосами и бородами, которых с детства никогда не касалась бритва.

Прекрасные как статуи Фидия или Праксителя, тодды целыми днями сидят бездеятельно, как утверждают некоторые путешественники, которым удалось взглянуть на них. Из многих противоречивых мнений и сообщений, которые мы услышали от самих жителей Утакамунда и других небольших новых очагов цивилизации, разбросанных вокруг Нильгирийских холмов, мы отобрали следующее:

> «Они никогда не пользуются водой; они удивительно красивы и благородны по внешности, но чрезвычайно грязны; в отличие от всех других туземцев они презирают драгоценные украшения и никогда не носят ничего другого, кроме большого куска черной ткани или одеяла из какой-нибудь шерстяной материи с цветной полосой по краю; они, кроме чистого молока, ничего другого не пьют; они держат стада скота, но не едят их мяса и не превращают их в рабочую скотину для пахоты или другой работы; они не продают и не покупают; бадаги кормят и одевают их; они никогда не пользуются оружием, не носят его – даже простой палки; они не умеют читать и не желают учиться. Они приводят в отчаяние миссионеров и по-видимому не имеют никакой религии, кроме поклонения самим себе, как Господам Творения».[672]

Мы попытаемся исправить некоторые из этих мнений тем, что мы узнали от очень святой личности, брахмана-гуру, которого мы очень уважаем.

Никто не видел их в количестве больше пяти-шести человек за один раз; они не будут разговаривать с иностранцами, и ни один путешественник никогда не был внутри их своеобразных длинных и плоских хижин, которые по-видимому, не имеют ни окон, ни дымовых труб, а только одну дверь; никто никогда не видал похорон тодда, так же как и старого человека среди них; также они не заболевают холерой, когда тысячи людей вокруг них умирают в течение таких периодических эпидемий; наконец, хотя страна кругом их кишит тиграми и другими дикими зверями, никто никогда не слыхал, чтобы тигр, змея или какие-нибудь другие животные, столь свирепые в тех краях, тронули тодда или его скот, хотя, как мы уже упомянули, они не пользуются даже палкой.

Кроме того, тодды совсем не женятся. Кажется, что они малочисленны, ибо никто никогда не имел возможности их сосчитать; как только их уединенность была осквернена лавиной цивилизации, – что, возможно, произошло по их собственной беззаботности, – тодды начали перебираться в другие места, такие же неизвестные и еще более недоступные, чем до этого Нильгирийские холмы; они не рождаются от тодда матерей или от тодда родителей; они – дети некой очень избранной секты, и отобраны с детства для особенных религиозных целей. Опознаваемое по своеобразному цвету кожи и по другим определенным признакам, такое дитя с рождения известно как то, что в народе называют тоддом. Каждый третий год любой из них должен удалиться в определенное место на определенное время, где все они должны встретиться. Их «грязь» – только маска, такая же, какую публично налагает санньяси во исполнение своего обета; их скот большей частью предназначен для священного использования; и хотя в местах их поклонения никогда не ступала чужая нога, – эти места, тем не менее, существуют и, возможно, соперничают с самыми величественными пагодами – гопарами – известными европейцам. Бадаги – это их специальные вассалы и, как правильно уже было сказано, поклоняются им, как полубогам, ибо их рождение и их таинственные силы дают им право на такое отличие.

Читатель может быть уверен, что любые заявления, касающиеся их, которые противоречат тому малому, что дано выше, – являются ложными. Ни один миссионер не поймает тодда на свою приманку, и ни один бадаг не предаст его, хотя бы его резали на куски. Это народ, выполняющий определенное высокое задание, и секреты их нерушимы.

---

[672] См. *“Индийские зарисовки”; “Новая энциклопедия”* Эпплтона [**536**], и т. д.

Кроме того, тодды не единственное таинственное племя в Индии. Мы назвали несколько таких в одной из предыдущих глав, но сколько их имеется помимо этих, которые останутся неназванными, непризнанными, но все же присутствующими!

Сегодня о Шаманизме известно очень немного; и это искажено, как и остальное, касающееся нехристианских религий. Его называют «язычеством» Монголии и совсем необоснованно, ибо это одна из древнейших религий Индии. Это – поклонение духам или вера в бессмертие душ и в то, что последние все еще остаются теми же людьми, какими они были на земле, несмотря на то, что их тела утеряли свою объективную форму, и человек сменил свою физическую природу на духовную. В своем нынешнем виде он представляет собою боковую ветвь первоначальной теургии и слияние на практике видимого с невидимым миром. Каждый раз, когда обитатель земли желает вступить в общение со своими невидимыми братьями, он должен приспособиться к их природе, т. е. он встречает эти существа на полпути и, получая от них долю духовной сущности, в свою очередь наделяет их частью своей физической природы, таким образом делая их способными иногда появляться в полуобъективной форме. Это временный обмен естествами, называемой теургией. Шаманов называют колдунами, потому что они, как поговаривают, вызывают духов умерших в целях некромантии. Об истинном Шаманизме – поразительные черты которого преобладали в Индии в дни Мегасфена (300 лет до Р. Х.) – можно судить по его выродившимся потомкам среди шаманов Сибири не более, чем о религии Гаутамы Будды по фетишизму некоторых из его последователей в Сиаме и Бирме. Именно в главных ламасериях Монголии и Тибета он нашел себе прибежище; и там Шаманизм, если так мы должны называть его, практикуется до самых крайних пределов общения, дозволенного между человеком и «духом». Религия лам верно сохранила первоначальную науку *магии* и производит теперь такие же великие явления, как в дни Кублай-хана и его баронов. Древняя мистическая формула царя Сронч-Цзанс-Гампо, «Аум мани падме хум»[673] называет свои чудеса ныне так же, как и в седьмом веке. Авалокитешвара, высочайший из трех Бодхисаттв и святой покровитель Тибета, полностью отбрасывает свою тень, перед взором верных, в монастыре Дга-Г'Дан, им основанном; и сияющая форма Цонг-к'а-па в виде огненного облачка, который отделяется от переливающихся солнечных лучей, ведет беседу с большим собранием лам в несколько тысяч; голос спускается сверху подобно шопоту ветерка, проходящего по листьям. Вскоре, говорят тибетцы, прекрасное явление исчезает среди теней священных деревьев в парке ламасерия.

Говорят, что в Гарма-Хиан (матерь-монастырь) в определенные дни плохих и отсталых духов *заставляют* явиться и отчитываться за свои злые деяния; ламаистские адепты принуждают их исправлять зло, причиненное ими смертным. Это есть то, что Хак наивно называет «исполнением роли злых духов», т. е. чертей. Если бы скептикам различных стран Европы было позволено заглядывать в отчеты, ежедневно печатаемые[674] в Мору и «в Городе Духов», по поводу деловых сношений лам с невидимым миром, они несомненно, ощутили бы больше интереса к триумфально описываемым феноменам в спиритуалистических журналах. В Будда-ла или, вернее, в Фохт-ла (гора Будды), в наиболее значительном из многих тысяч ламасериев этой страны, можно увидеть скипетр Бодхисгата, плавающим без опоры в воздухе, и его движения регулируют деяния общины. Каждый раз, когда какого-либо ламу призывают к ответу в присутствии Главы монастыря,

---

[673] *Аум* (мистический санскритский термин Троицы), *мани* (священная драгоценность), *падме (в* лотосе, так как падма – название лотоса), *хум* (да будет так). Шесть слогов в этой фразе соответствуют шести главным силам природы, эманирующим из Будды (абстрактное божество), не Гаутама, который является *седьмым.* Альфой и Омегой бытия.

[674] Мору (чистый) один из наиболее знаменитых ламасериев Лхассы, находящийся в центре города. Там Шаберон Далай-Лама пребывает большую часть зимних месяцев. В течение двух или трех месяцев теплого времени ему обителью служит Фохт-ла. В Мору находится величайшая типография страны.

он уже заранее знает, что бесполезно говорить неправду; ибо «восстановитель справедливости (скипетр) находится там и своим машущим движением, одобряющим или порицающим, решает мгновенно и безошибочно вопрос его виновности. Мы не заявляем, что были свидетелями всему этому лично – мы не желаем делать никаких претензий. Но достаточно, по отношению к любому из этих феноменов, что то, что мы не видели собственными глазами, было настолько основательно доказано нам, что мы полностью признаем их подлинность.

Ряд лам в Сиккиме посредством магических сил творят *мейпо* – «чудеса». Покойный патриарх Монголии Геген Хутухту, пребывающий в Урге, истинном раю, был шестнадцатым воплощением Гаутамы, следовательно – Бодхисаттвой. Он, как поговаривали, обладал силами, которые были феноменальны даже среди тауматургов страны чудес *par excellence.* Пусть никто не думает, что эти силы развиваются даром. Жизни большинства этих святых людей, неправильно названных праздношатающимися бродягами, нищими-обманщиками, которых считают проводящими свои жизни, эксплуатируя легковерие своих жертв, – сами по себе являются чудом. Чудом, ибо они показывают, что могут совершить полная решимости воля и совершенная чистота жизни и цели, и какой степени сверхъестественного аскетизма человеческое тело может быть подвергнуто, и все-таки жить и достигать почтенной старости. Никакому христианскому отшельнику никогда даже не снилось такое совершенство монашеской дисциплины; и воздушная обитель Симона Пустынника показалась бы детской игрой перед изобретениями факиров и буддистов для испытания воли. Но теоретическое изучение магии – это одно; а возможность применять ее на практике – это совсем другое. В *Брас-сс-Пунгс,* монгольском училище, где более трехсот магов *(колдунов,* как французские миссионеры их называют) обучают примерно вдвое больше учеников в возрасте от двенадцати до двадцати лет, последним приходится многие годы ждать своего окончательного посвящения. Даже не один из сотни достигает высшей цели; и из многих тысяч лам, занимающих почти целый город из отдельных домов, ютящихся около него, не более двух процентов становятся чудотворцами. Можно выучить наизусть каждую строчку 108 томов *Каджура*[675] и все же быть плохим магом на практике. Существует только один путь, несомненно ведущий к этому, и на это особое изучение намекает более чем один герметический писатель. Один из них, аравийский алхимик Абипилы говорит так:

> «Я советую тебе, кто бы ты ни был, желающий нырнуть в самые сокровенные части природы; если того, что ты ищешь, ты не найдешь *внутри себя,* то ты *никогда не найдешь его вне себя.* Если ты не знаешь превосходства твоего собственного дома, зачем ты ищешь превосходства других вещей?.. О ЧЕЛОВЕК, ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ! В ТЕБЕ САМОМ СКРЫТО СОКРОВИЩЕ СОКРОВИЩ».

В другом алхимическом трактате, *«De manna Benedicto»,* автор выражает свои идеи о философском камне в следующих словах:

> «По некоторым причинам в мои намерения не входит слишком много болтать о предмете, который представляет всего только одну вещь, уже слишком ясно описанную, ибо она выявляет и обнаруживает такие магические и натуральные применения его [камня], что многие, кто имел его, никогда не знали и не слыхали; и таковые, что когда я видел их, *они заставили задрожать мои колени, и затрепетать сердце, и стоял я пораженный при виде их*».

Каждый неофит в большей или меньшей степени испытывал такое ощущение; но раз оно преодолено, человек уже – АДЕПТ.

---

[675] Буддийский большой канон, содержащий 1083 труда в нескольких сотнях томов, из которых многие трактуют о магии.

В монастырях Таши-Лумпо и Си-Дзан эти силы, присущие каждому человеку, но вызванные к действию столь немногими, культивируются до полного совершенства. Кто в Индии не слыхал о Банда-Чан Рамбучи, Хутухту столицы Верхнего Тибета? Его братство Хе-лан прославилось на всю страну, и одним из наиболее знаменитых «братьев» был пелинг (англичанин), который однажды в первой половине этого века прибыл из Запада; он был убежденный буддист и после месячной подготовки был принят в хеланы. Он говорил на всех языках, включая тибетский, знал все искусства и науки, гласит традиция. Его святость и творимые им феномены послужили причиной тому, что он был провозглашен шабероном по истечении лишь нескольких лет. Память о нем живет среди тибетцев и по сей день, но настоящее его имя известно лишь только шаберонам.

Величайшим мейпо – являющимся, как говорят, целью устремлений каждого преданного буддиста – было и все еще есть способность хождения по воздуху. Знаменитый царь Сиама Пиа Метак, китаец, отличался своей преданностью религии и ученостью. Но он достиг этого «сверхъестественного дара» только после того, как подчинился непосредственному обучению священнослужетелем Гаутамы Будды. Крауфорд и Финлейсон в течение своего пребывания в Сиаме с огромным интересом следили за усилиями некоторых сиамских высокопоставленных лиц приобрести эту способность [549, с. 182].

Многочисленны и различны секты в Китае, Сиаме, Татарии, Тибете. Кашмире и Британской Индии, которые посвящают свои жизни культивированию так называемых «сверхъестественных сил». Обсуждая одну из таких сект; *Taossé,* «Семедо» говорит:

> «Они заявляют, что посредством определенных упражнений и медитаций человек снова обретет молодость; другие достигают состояния Шьен-сьен, т. е. «Земного Благословенного», в каковом состоянии все желания получают удовлетворение, тогда как они обладают способностью переноситься с одного места на другое быстро и легко *как бы далеко то ни было*» [**664**, т. III, с. 114].

Эта способность относится только к проекции астральной сущности, в более или менее уплотненном состоянии, и, конечно же, не к телесному перемещению. Этот феномен является чудом не более, чем чье-либо отражение в зеркале. Никто не может отыскать в таком отражении ни одной частицы материи, и все же там стоит наш двойник, в точности представляющий нас до последнего волоска на голове. Если по этому простому закону отражения наш двойник становится видимым в зеркале, то насколько более поразительным доказательством снабжает нас фотографирование! *Если наши физики еще не нашли способов фотографировать иначе, как только с небольшого расстояния, то это не значит, что это достижение недоступно тем, кто обнаружили эти способы в силе самой человеческой воли, освободившейся от земных интересов.*[676]

---

[676] Между 1838 и 1840 годами среди друзей Дагера был популярен один анекдот. На одном званном вечере, приблизительно месяца за два до того, как знаменитый способ Дагера был представлен Академии наук (что сделал Араго в январе 1839 г.), жена Дагера серьезно советовалась со знаменитыми врачами того времени по поводу ментального состояния своего мужа. Рассказав врачу многочисленные симптомы того, что она считала, признаками помешательства своего мужа, она со слезами на глазах добавила, что наибольшим доказательством сумасшествия Дагера для нее было его твердое убеждение, что ему удастся пригвоздить к стене свою собственную тень или закрепить ее на *магических* металлических пластинках. Врач внимательно выслушал сообщение и сказал, что он сам тоже недавно заметил в Дагере сильно выраженные признаки того, что, по его мнению, было несомненным доказательством сумасшествия. Он закончил беседу твердым советом ей потихоньку и немедля отправить мужа в Бисетре, в известную клинику для сумасшедших. Спустя два месяца показ ряда картин, снятых посредством нового способа, вызвал в мире науки и искусства глубочайший интерес. *Тени,* в конце концов, были закреплены на металлических пластинках и “сумасшедший” был провозглашен отцом фотографии.

Наши мысли – *это материя,* говорит наука; каждая энергия в большей или меньшей степени создает нарушение в атмосферных волнах. Поэтому, так как каждый человек – как и каждый другой живой и даже инертный предмет – имеет *ауру* из своих собственных эманаций, окружающих его, и кроме того, способен, пустяковым усилием, перенестись в *воображении* куда ему угодно, то почему же будет научно невозможным, что его мысль, управляемая, усиленная и направляемая тем могущественным магом, его образованной ВОЛЕЙ, может уплотниться на какое-то время и явиться к кому хочет, в виде копии своего оригинала? Является ли данное утверждение при нынешнем состоянии наук более немыслимым, чем были фотография и телеграф менее чем сорок лет тому назад или телефон – менее четырнадцати месяцев тому назад?

Если чувствительная пластинка может с такою точностью запечатлеть *тень* наших лиц, тогда эта тень или отражение, хотя мы не в состоянии воспринять ее, должна представлять собою нечто вещественное. И если мы можем с помощью оптических инструментов проецировать наши *подобия* на белую стену с расстояния нескольких сотен футов, то нет причины, почему адепты, алхимики, ученые сокровенного знания, не могли уже обнаружить то, что ученые отрицают сегодня, но могут открыть завтра, а именно – как электрически проецировать свои астральные тела, в мгновение ока, через тысячемильное пространство, оставляя свои материальные оболочки с некоторой долей животного жизненного принципа для поддержания в нем физической жизни и действуя в своих духовных, эфирных телах так же безопасно и разумно, как они действовали, когда были покрыты плотью? Существует более высокая форма электричества, чем физическое электричество, известное экспериментаторам; тысячи коррелятов последнего пока еще скрыты от глаза современного физика, и никто не может сказать, где кончаются его возможности.

Шотт объясняет, что под терминами *Сянь* или *Шин-сянь* в старых китайских понятиях, а в особенности в понятиях секты Тао-Киао (Taossé) подразумеваются «люди, удалившиеся в горы, чтобы вести жизнь отшельников, и достигшие путем аскетической жизни, или посредством мощи чар и эликсиров, обладания чудесными способностями и земным *бессмертием*» [665, с. 71]. (?) Это преувеличено, если и не совсем неправильно. На что они претендуют, так это только на способность продлить человеческую жизнь, и это они в состоянии сделать, если верить человеческим свидетельствам. То, о чем свидетельствовал Марко Поло в тринадцатом веке, подтверждается в наши дни.

> «Есть другой класс людей, называемый чугхи» (йоги), – говорит он, – «которых в самом деле называют «абрайамами» (брахманы?), которые чрезвычайно долго живут: каждый из них доживает до 150 или 200 лет. Они очень мало едят, главным образом, рис и молоко. И эти люди пользуются очень странным напитком, лекарством из серы и ртути, смешанными вместе, и это они пьют два раза каждый месяц... Это, они говорят, дает им долгую жизнь; и они привыкли принимать это лекарство с детства» [**324**, т. II, с. 352].

Бюрнье показывает, говорит полковник Гул, что йоги очень искусны в приготовлении ртути, «так замечательно, что один или два грана, принимаемые каждое утро, возвращали телу полное здоровье»; и добавляет, что *mercurius vitae* Парацельса представлял собою состав, куда входили сурьма и ртуть.[677] Мягко говоря, это – очень легкомысленное заявление, и мы поясним, что мы знаем об этом.

Долголетие некоторых лам и талапоинов вошло в пословицу; и общеизвестно, что они потребляют какой-то состав, который «обновляет старую кровь», как они говорят. Также признанным фактом у алхимиков считалось, что рассудительное обращение с «*аурой серебра* действительно восстанавливает здоровье и удлиняет саму жизнь в поразительной степени». Но мы вполне готовы возразить против утверждений как Бюрнье, так и полковника Гула, который цитирует его, что йоги и алхимики употребляли

[677] [**324**, т. II, с. 130], цитировано полк. Гулом в [**324**, т. II, с. 353].

именно *ртуть.* Йоги, в дни Марко Поло, так же как и в наши дни, действительно, *принимают нечто, кажущееся ртутью, но это не ртуть.* Парацельс, алхимики и другие мистики подразумевали под *mercurius vitae* живой дух серебра, *ауру* серебра, а не *argent vive:* и эта *аура,* несомненно, не есть ртуть, известная нашим физикам и аптекарям. Не может быть никакого сомнения, что обвинение Парацельса в введении ртути в медицинскую практику в высшей мере неправильно. Никакая ртуть, будь она приготовлена средневековым философом огня или современным самозванцем-физиком, не может и никогда не возвращала телу полное здоровье. Только самый отъявленный шарлатан может когда-либо применить такое лекарство. И многие считают, что именно в злобном намерении выставить Парацельса в глазах потомства в качестве *шарлатана,* его враги выдумали такую отвратительную ложь.

Йоги древности, так же как современные ламы и талапоины, потребляют некий ингредиент с минимальным количеством серы и молочным соком, который они извлекают из одного лекарственного растения. Они, несомненно, должны обладать какими-то чудесными секретами, так как мы видели, как они в несколько дней исцеляли наиболее неподдающиеся лечению раны, сращивали сломанные кости до состояния полного отправления своих функций за такое количество часов, сколько дней понадобилось бы для этого методами обычной хирургии. Страшная лихорадка, схваченная автором этих строк близ Рангуна после разлива реки Ирравади, была вылечена в несколько часов соком растения, называемого, если не ошибаюсь, *кукушан,* несмотря на то, что там могут быть тысячи туземцев, незнающих его свойства, которые предоставлены смерти от этой лихорадки. И это было сделано в благодарность за пустяковую услугу, которую мы оказали *простому* странствующему монаху; услуга, которая мало может интересовать читателя.

Мы также слышали о некой воде, называемой *аб-и-хайат,* которую народное суеверие считает скрытою от глаз всех смертных, за исключением святых санньяси; сам источник ее известен под названием аб-и-хайван-и. Но более чем вероятно, что талапоины откажутся выдать свои секреты даже алхимикам и миссионерам, так как эти лекарства должны быть использованы ради блага человечества, но никогда ради денег.[678]

На больших празднествах индусских пагод, на свадебных пиршествах богатых высших каст – везде, где собираются большие толпы, европейцы видят гуни – или заклинателей змей, факиров-месмеризаторов, санньяси-чудотворцев и так называемых «фокусников». Высмеивать легко, объяснить – гораздо труднее, а для науки – невозможно. Британское население Индии и большинство путешественников предпочитают первый прием. Но пусть кто-нибудь спросит этих Фом неверящих, каким образом создаются следующие результаты – которых они не могут отрицать и не отрицают? Когда появляются толпы факиров и заклинателей змей, с телами, обвитыми кобрами *de-capello*, руками, украшенными браслетами из *corallilos* – маленьких змеек, приносящих верную смерть в несколько секунд; плечами в ожерельях из тригоноцефалов, наиболее страшных врагов босых ног индусов, чей укус убивает молниеносно, тогда

---

[678] Ни одна страна в мире не может похвастаться большим количеством лекарственных трав, чем Южная Индия, Кохин, Бирма, Сиам и Цейлон. Европейские врачи – в соответствии с давно установившимся обычаем – решают это дело профессионального соперничества, называя туземных докторов знахарями и шарлатанами; но это не препятствует последним успешно исцелять в случаях, в которых выдающиеся врачи, обладающие дипломами британских и французских медицинских институтов, терпели полные неудачи. Местные труды по фармакологии, конечно, не содержат секретных лекарств, испокон веков известных и успешно применяемых туземными докторами (Атибба); и все же, наилучшие жаропонижающие средства были получены британскими врачами от индусов, и там, где оглохшие и опухшие от злоупотребления хинином пациенты медленно умирали от лихорадки под наблюдением просвещенных врачей, там кора маргоса и трава чирета излечивали их полностью и теперь занимают почетное место среди европейских лекарств.

свидетель-скептик улыбается и с серьезным лицом начинает объяснять, как у всех этих пресмыкающихся после того, как они были приведены в каталептическое оцепенение, гуни удалили ядовитые зубы. «Они безвредны, и смешно их бояться». «Не угодно ли сахибу погладить одного из моих нагов?» – спросил однажды один гуни, приближаясь к нашему собеседнику, который до этого целых полчаса поражал своих слушателей своими герпетологическими познаниями. Быстро отскочив назад, ноги храброго воина доказали, что они не менее гибки, чем его язык, но едва ли мы можем обессмертить в печати сердитый ответ капитана Б., и только страшный телохранитель гуни спас его от бесцеремонного побития. Кроме того, скажите только слово, и за полрупию любой профессиональный заклинатель змей начнет ползать вокруг и в несколько мгновений созовет множество неприрученных змей наиболее ядовитых видов, возьмет их в руки и обовьет ими свое тело. В двух случаях поблизости Тринкемала змея чуть-чуть не укусила автора этих строк, которая однажды почти села ей на хвост, но в обоих случаях змея, быстрым свистом гуни, которого мы наняли, чтобы он сопровождал нас, была остановлена – едва ли в нескольких дюймах от нашего тела, как бы пораженная молнией и, медленно опуская свою угрожающую голову на землю, застыла без движения, подобно мертвому суку, под заклинанием *килна.*[679]

Рискнет ли европейский фокусник, укротитель или даже месмеризатор повторить хотя бы только один раз эксперимент, который вы можете ежедневно наблюдать в Индии, если знаете, куда пойти, чтобы увидеть его? Нет в мире ничего более свирепого, чем королевский Бенгальский тигр. Однажды все население небольшой деревушки недалеко от Дакка, расположенной в пределах джунглей, было приведено в панику появлением громадной тигрицы на рассвете дня. Эти дикие звери никогда не покидают своих логовов в другое время, как только ночью, когда они выходят на поиски добычи и на водопой. Но это необычное появление было вызвано тем фактом, что тигрица была матерью, потерявшей двух тигрят, которых унес какой-то отважный охотник, и она вышла на их поиски. Двое мужчин и один ребенок уже стали ее жертвами, когда старый факир, собираясь в свой дневной поход, выходя из ворот пагоды увидел ситуацию и с первого взгляда оценил ее. Напевая мантрам, он пошел прямо к зверю, который с горящими глазами и пенящейся пастью припал к земле вблизи дерева, готовый прыгнуть на новую жертву. Находясь примерно в десяти футах от тигрицы и не прерывая своей модулированной молитвы, слова которой ни один мирянин не понимает, он начал, как мы поняли, регулярный процесс месмеризации; он делал *пассы.* Затем мы услышали ужасающее завывание, которое холодом пронизало сердце каждого человеческого существа в том месте. Этот продолжительный, свирепый, растянутый вой постепенно стих и перешел в ряд жалобных разорванных как бы рыданий. Точно, эта ограбленная мать высказывала свои жалобы, и затем, к ужасу толпы, нашедшей убежище на деревьях и в домах, зверь совершил громадный прыжок – на святого человека, как они думали. Они ошиблись, она была у его ног, катаясь в пыли и подергиваясь. Еще несколько мгновений и она стала бездвижной; ее огромная голова покоилась на ее передних лапах, а ее кровью налитые, но теперь кроткие глаза приковались к лицу факира. Затем святой молящийся сел подле тигрицы и нежно гладил ее полосатый мех и похлопывал ее по спине до тех пор, пока ее стенания не стали все слабее и слабее, и спустя полчаса вся деревня стояла вокруг этой группы; голова факира покоилась на спине тигрицы, как на подушке; его правая рука лежала на ее голове, а левая была откинута на землю под ужасающей пастью, и высунувшийся оттуда длинный красный язык нежно ее облизывал.

Вот каким образом факиры укрощают самых диких зверей Индии. Могут ли европейские укротители, с их раскаленными добела железными прутьями сделать то же самое? Конечно, не каждый факир наделен такой мощью; сравнительно весьма немногие. Но все же действительное их количество большое. Как их для этого *обучают* в пагодах –

---

[679] Индусское название особого мантрама или заклинания, удерживающего змею от укуса.

это останется вечным секретом для всех, кроме брахманов и адептов оккультных тайн. Считавшиеся до сих пор баснями рассказы о том, как Кришна и Орфей очаровали диких зверей, получают таким образом подтверждение в наши дни. Есть один факт, который остается неотрицаемым. *Нет* и не было *ни единого иностранца* в Индии, который мог бы похвастать или когда-либо похвастал тем, что он проник в закрытое святилище *внутри* пагод. Ни власть, ни деньги никогда не могли побудить брахмана разрешить непосвященному иностранцу перешагнуть порог сокровенного места. Применить в этом случае власть было бы равносильно бросанию зажженной свечи в пороховой склад. Индусы, кроткие, терпеливые, долготерпеливые, чья апатия спасла британцев от изгнания из страны в 1857 году, подняли бы свои сотни миллионов приверженцев как одного человека при таком святотатстве; независимо от сект и каст, они истребили бы всех христиан. Ост-Индийская Компания хорошо это знала и построила свою твердыню на дружбе с брахманами и выплачивала субсидии пагодам; и Британское правительство ведет себя так же благоразумно, как его предшественница. Именно касты и невмешательство в преобладающие религии обеспечивает его сравнительный авторитет в Индии. Но нам следует еще раз возвратиться к Шаманизму, этой странной и наиболее презираемой изо всех доживших до нашего времени религий – «поклонению духам».

У ее последователей нет ни алтарей, ни идолов, и основываясь непосредственно на утверждении одного шамана-жреца, мы заявляем, что их подлинные обряды, которые они обязаны совершать только один раз в год в самый короткий день зимы, не могут состояться в присутствии иноверца. Поэтому мы уверены, что все описания, до сих пор печатавшиеся в *«Азиатском журнале»* и в других европейских журналах – только домыслы. Русские, которые вследствие постоянных сношений с шаманами в Сибири и Татарии должны бы быть самыми компетентными людьми, чтобы судить об их религии, – ничего не узнали за исключением личной искусности этих людей в том, что они наполовину склонны рассматривать, как ловкое фокусничество. Однако, многие проживающие в Сибири русские твердо убеждены в «сверхъестественных» силах шаманов. Каждый раз, когда они собираются для поклонения, это всегда происходит под открытым небом, на высоком холме или в укромной глуши леса – этим напоминая нам старинные обряды друидов. Их церемонии по случаю рождений, смертей и свадеб представляют собою только ничтожную часть их культа. В него входят жертвоприношения, обрызгивание огня спиртом и молоком, и вещие гимны или, вернее, магические заклинания, запеваемые выполняющим церемонию шаманом и заканчиваемые хором всех присутствующих.

Многочисленные медные и железные колокольчики, носимые ими на жреческом одеянии из оленьей кожи[680] или на поясе из кожи другого животного, считающегося магнетическим, – применяются для того, чтобы прогнать вредоносных духов воздуха – *суеверие,* разделяемое всеми народами древности, в том числе римлянами и даже евреями, о чем говорят их золотые колокола. По той же причине у них имеются железные посохи, также покрытые колокольчиками. Когда, после известных церемоний, желаемый кризис достигнут, «дух уже заговорил», и жрец (он может быть и мужчиной и женщиной) ощущает его непреодолимое влияние, то рука шамана притягивается некою оккультною силою к верхнему концу посоха, который обычно покрыт иероглифами. С ладонью,

---

[680] Между колоколами “языческих” поклонников и колоколами и гранатами иудейского культа разница заключается в следующем: первые, кроме очищения души человека своими гармоническими тонами отгоняли злых демонов, “ибо звук чистой бронзы разрушает чары”, – говорит Тибуллий (I, 8-12); а последние объясняли это, говоря, что звон колоколов “должен быть услышан [Господом], когда он [священнослужитель] входит в священное место перед Господом, и когда он выходит оттуда, *чтобы он не умер* ([*Исход*, XXVIII, 33], [*Екклесиаст*, XIV, 9]). Таким образом, один звук служил для того, чтобы не допускать *злых* духов, а другой – Духов Иеговы. Скандинавские традиции подтверждают, что церковные колокола всегда выгоняют троллей из их обиталищ. Подобная традиция в отношении фей существует в Великобритании.

опирающейся на этот посох, шаман поднимается в воздух на значительную высоту, где остается некоторое время. Иногда он подскакивает чрезвычайно высоко и, в зависимости от контроля, – ибо часто он только безответственный медиум, – изрекает пророчества и описывает будущие события. Так, например, в 1847 году в далекой глуши Сибири один шаман пророчествовал и предсказал с точными подробностями исход Крымской войны. Подробности этого предсказания, тщательно записанные в то время присутствующими при этом, были все проверены шесть лет спустя после этого события. Хотя обычно они не знают даже самого названия астрономии, не говоря уже об изучении этой науки, они часто предсказывают затмения и другие астрономические явления. Когда у них просят совета по поводу краж и убийств, они неизменно указывают виновных.

В Сибири шаманы все невежественны и неграмотны. Шаманы Татарии и Тибета – их очень мало – большей частью по-своему ученые люди и не позволяют себе подпасть под контроль никаких духов. Первые являются *медиумами* в полном смысле этого слова; последние же – «маги». Неудивительно, что набожные и суеверные люди, увидев один из таких кризисов, заявляют, что шаман был одержим бесом. Точно так же, как в случаях корибантского и вакхического исступления у греков древности, «духовный» кризис шамана проявляется в буйном танце и в дикой жестикуляции. Мало-помалу в зрителях возникает дух подражания; охваченные неотразимым импульсом, они тоже танцуют и в свою очередь приходят в экстаз; и тот, кто начал с того, что присоединился к хору, постепенно и бессознательно начинает участвовать в жестикуляции до тех пор, пока не падает на землю истощенный и часто умирающий.

> «О, младая дева! ты одержима богом! Это или Пан, или Геката, или почтенные Корибанты, или Кибела, что возбуждает тебя!» –

поет хор, обращаясь к Федре у Еврипида. Эта форма психологической эпидемии слишком хорошо известна еще со времен средневековья, чтобы приводить ее примеры. *Choroea sancti Viti* – исторический факт, и она распространилась по всей Германии. Парацельс вылечил значительное количество лиц, одержимых таким духом подражания. Но он был каббалист и поэтому был обвинен своими врагами в изгнании бесов силою еще более сильного демона, которого он якобы носил при себе в рукоятке своей шпаги. Христианские судьи того ужасного времени нашли более хорошее и верное лекарство. Вольтер заявляет, что в области Юра между 1508 и 1600 годами набожные судьи предали смерти более 600 ликантропов.

Но в то время как безграмотный шаман является жертвой и в течение своего кризиса иногда видит присутствующих лиц в виде различных животных и часто заставляет их разделять свою галлюцинацию, – его брат-шаман, сведущий в тайнах жреческих училищ Тибета, *выгоняет* элементарных тварей, которые могут создавать галлюцинации, точно так же, как живой месмеризатор, не с помощью более сильного демона, а просто знанием природы невидимого врага. Там, где академики терпели неудачу, как, например, в случае Кевенносы, там шаман или лама скоро пресекли бы эту эпидемию.

Мы уже упомянули принадлежащий нам камень сердолик, который оказал такое неожиданное и благоприятное влияние на решение шамана. Каждый шаман имеет такой талисман, который он носит на шнурке под левой рукой.

«Какую пользу он приносит тебе и каковы его свойства?» – мы часто спрашивали нашего проводника. На это он никогда не отвечал прямо, уклонялся от всяких объяснений, обещая, что как только представится случай и мы будем одни, он попросит камень ответить самому за себя. С такой очень неопределенной надеждой нам только оставалось прибегать к собственному воображению.

Но день, когда камень «заговорил», настал очень скоро. Это произошло в наиболее критические часы нашей жизни, в то время, когда бродяжническая натура путешественника увлекла пишущую эти строки в далекие страны, где неизвестна

цивилизация и безопасность не может быть гарантирована даже на один час. Однажды после обеда, когда все мужчины и женщины ушли из юрты, служившей нашим домом более двух месяцев; чтобы быть свидетелями церемонии ламаистского изгнания Чутгура,[681] обвиняемого в том, что он поломал и тайно похитил всю скудную мебель и горшки у семьи, проживавшей на расстоянии двух миль, – мы напомнили шаману, оставшемуся единственным нашим защитником в этих непривлекаемых пустынях, о его обещании. Он вздохнул и колебался; но после краткого молчания оставил свое место на овчине и, выйдя из юрты, повесил на колышке перед входом высохшую голову козла с огромными рогами; затем, опустив войлочную занавесь юрты, сказал что теперь ни один человек не отважится входить в юрту, так как голова козла была знаком, что он был «за работой».

После этого, засунув руку под пазуху, он вытащил оттуда камешек размером с грецкий орех, и осторожно развернув его, поспешил, как показалось, проглотить его. Через несколько мгновений его конечности застыли, тело стало негибким, и он упал, холодный и бездвижный как труп. Если бы не легкое подергивание его губ при каждом задаваемом вопросе, то эта сцена была бы озадачивающей, даже страшной. Солнце заходило, и если бы не было тлеющих угольков посреди юрты, полный мрак прибавился бы к угнетающей тишине, царствовавшей кругом. Нам приходилось жить в прериях Запада и в бескрайних степях Южной России; но ничто не сравнимо с тишиной при солнечном заходе над песчаными пустынями Монголии – даже не обнаженное безлюдие пустынь Африки, хотя первые частично обитаемы, а последние совершенно лишены признаков жизни. И вот, автор этих строк была наедине с тем, что выглядело ничуть не лучше трупа, лежащего на земле. К счастью, это состояние длилось недолго.

«Махандуу!» – произнес голос, который, казалось, исходил из самых недр земли, на который был простерт шаман. – «Да будет вам мир... что бы вы хотели, чтобы я для вас сделал?»

Каким бы поразительным ни был этот факт, мы были вполне подготовлены к нему, так как мы до этого видели, как другие шаманы проходят через подобные представления. «Кто бы ты ни был», – произнесли мы ментально, – «иди к К. и постарайся направить мысль этой особы сюда. Посмотри, что она делает и скажи ***, чем мы занимаемся и где находимся».

«Я уже там», – ответил тот же самый голос. – «Старая барыня (кокона)[682] сидит в саду... она надевает очки и читает письмо».

«Содержание письма – поскорей!» – был наш торопливый приказ, подыскивая записную книжку и карандаш. Содержание диктовалось медленно, как будто во время диктовки невидимое присутствие хотело дать нам больше времени для записи слов фонетически, так как мы опознали валашский язык, и только, ибо тем наше знание этого языка кончалось. Целая страница была заполнена таким образом.

«Смотри на запад, в сторону третьего кола юрты», – произнес татарин своим естественным голосом, хотя он звучал глухо и шел как бы издали. – «Ее *мысль* здесь».

Затем судорожным рывком верхняя половина тела шамана, казалось приподнялась и его голова тяжело упала на ноги автора, которые он обхватил обеими руками. Положение становилось все менее и менее привлекательным, но любопытство оказалось хорошим союзником храбрости. В западном углу стояла как живая, но трепещущая, неустойчивая, туманная фигура мне дорогого старого друга, румынской леди из Валахии, мистика по своим склонностям, но совершенно неверующего в такого рода оккультные феномены.

«Ее *мысль* здесь, но ее тело лежит без сознания. Мы не могли доставить ее сюда иначе», – сказал голос.

---

[681] Элементарный демон, в которого верят все туземцы Азии.

[682] Молдавская “леди” или “мадам”.

Мы обратились к этому привидению и умоляли ответить, но все понапрасну. Черты лица двигались, фигура жестикулировала как бы в страхе и агонии, но ни один звук не слетел с призрачных уст; только нам казалось – возможно, что это была наша собственная фантазия – что как будто откуда-то издалека к нам донеслись румынские слова: *«Non se pyte»* (этого невозможно сделать).

В течение более чем двух часов нам были даны наиболее обстоятельные, недвусмысленные доказательства, что астральная душа шамана путешествовала по велению наших невысказанных словами желаний. Десять месяцев спустя мы получили письмо от нашего валахского друга в ответ на наше, в которое мы вложили страницу из нашей записной книжки, осведомляясь у нее, что она делала в тот день, описывая при этом полностью всю сцену. Она писала, что в то утро[683] она сидела в саду, прозаически занятая варением варенья; письмо, посланное ей, была копия слово в слово с письма, полученного ею от брата; и тут же сразу – вследствие жары, как она думала, – она упала в обморок, и четко запомнила, что она *видела во сне* автора этих строк в пустынной местности, которую она подробно описала, сидящей «под цыганской палаткой», как она выразилась. «Поэтому», – добавила она, – «я больше сомневаться не могу».

Но наш эксперимент был доказан еще лучше. Мы направили внутреннее *ego* шамана к тому самому другу, которого уже упомянули в настоящей главе, Кучи из Лхассы, который постоянно путешествует в Британскую Индию и обратно. *Мы знаем,* что он был оповещен о нашем критическом положении в пустыне, так как спустя несколько часов пришла помощь, и мы были спасены отрядом из двадцати пяти всадников, которые были направлены их главою, чтобы отыскать нас в том месте, где мы находились, которого ни один человек, обладающий обычными силами, не мог бы узнать. Главою этого эскорта был Шаберон, «адепт», которого мы ни до, ни после этого никогда не видели, ибо он никогда не покидал своего *soumay* (ламасерия), и туда нам доступа не было. Но *он был личный друг Кучи.*

Разумеется, вышесказанное не вызовет у обычного читателя ничего другого, кроме недоверия. Но мы пишем для тех, кто поверят; кто, подобно автору, понимают и знают неограниченные силы и возможности человеческой астральной души. В этом случае мы охотно верим, даже *знаем,* что «духовный двойник» шамана не действовал в одиночку, так как он не был адепт, но просто медиум. По его собственному излюбленному выражению, как только он положил камень в рот, «появился его отец, вытащил его из кожи и брал его всюду, куда бы он ни захотел», и по его приказу.

Тот, кому приходилось видеть только химические, оптические, механические и совершаемые ловкостью рук трюки европейских фокусников, просто не готов к тому, чтобы без удивления смотреть на представления под открытым небом, без всякой подготовки, индусских фокусников, не говоря уже о факирах. Мы не говорим о показе обманчивого проворства рук, ибо в этом отношении Гудини и другие намного превосходят их; также мы не будем касаться случаев, допускающих сообщничество, либо предусмотренное, либо иначе. Бесспорно, что неопытные путешественники, в особенности люди с воображением, преувеличивают чрезмерно. Но наше замечание относится к тому классу феноменов, который невозможно объяснить никакими общеизвестными гипотезами.

> «Я видел», – рассказывает один джентльмен, живший в Индии, – «как человек бросил в воздух ряд шаров, перенумерованных последовательно от единицы и далее. Когда каждый из них уходил вверх, – что они уходили вверх, тут не было никакого обмана, – можно было ясно видеть, как он становился все меньше и меньше, пока не исчезал окончательно. Когда все они были в воздухе, числом двадцать или более, фокусник любезно спросил, который шар вы хотели бы увидеть, и после этого выкрикивал: «№ 1», «№ 15» и так далее, в соответствии с желанием зрителей, и после этого названный шар с большой силой откуда-то издалека падал у

---

[683] Бухарестский час совпадал полностью с часом той страны, где сцена имела место.

его ног... Эти люди очень скудно одеты и несомненно не имеют никакой аппаратуры. Затем я видел как они проглатывали три различного цвета порошка, а затем, откинув назад голову, запивали их водой по туземной манере – длинной струей из «лотах», или медного котла, который они держали на вытянутую руку от рта, и продолжали пить, пока вздувшееся тело не в состоянии было принять ни капли, и вода проливалась с уст. Затем эти люди, после того как струею выпустили эту воду обратно, выплюнули на чистый кусок бумаги эти три порошка сухими и неперемешавшимися» [**666**].

В восточной части Турции и Персии с незапамятных времен обитают воинственные племена Курдистана. Этот народ, будучи чисто индоевропейского происхождения без капли примеси семитской крови (хотя некоторые этнологи, кажется, думают иначе), несмотря на свои разбойничьи наклонности, объединяет в себе мистицизм индусов и практику ассиро-халдейских магов, обширными областями территории которых они завладели и не отдадут их ни в угоду туркам, ни в угоду даже всей Европе.[684] Номинально, будучи магометанами секты Омара, их обряды и верования чисто магические и магианские. Даже те, кто называются христианами-несторианцами, являются христианами только по названию. Калданы, которых насчитывается почти 100000 человек, вместе со своими двумя патриархами, несомненно, скорее манихейцы, нежели несторианцы. Многие из них – езиды.

Одно из этих племен отмечено своим расположением к культу огня. При восходе и заходе солнца всадники слезают с коней и, повернувшись к солнцу, бормочут молитву; а при каждом новолунии совершают таинственные обряды, длящиеся всю ночь. Для этой цели у них поставлена особая палатка, и ее толстая, черная, шерстяная материя украшена вещими знаками ярко-красного и желтого цветов. В центре помещается что-то вроде алтаря, охваченного тремя медными обручами, к которым подвешены многочисленные кольца на веревках из верблюжьей шерсти, которые каждый поклоняющийся во время церемонии держит правой рукой. На алтаре горит любопытная старомодная серебряная лампа, – реликвия, найденная, возможно, в развалинах Персеполиса.[685] Эта лампа с тремя фитилями представляет собою продолговатую чашку с ручкой и очевидно принадлежит к классу египетских погребальных ламп, которые когда-то в изобилии были находимы в подземных пещерах Мемфиса, если мы можем верить Кирхеру [219, с. 544]. Она расширяется с конца к середине, и ее верхняя часть имеет форму сердца; щели для фитилей образуют треугольник, а центр ее покрыт опрокинутым гелиотропом, прикрепленным к изящно вырезанному стеблю, начинающемуся из ручки лампы. Это украшение ясно говорит о ее происхождении. Это был один из священных сосудов, употреблявшихся в культе Солнца. Греки дали «гелиотропу» его имя из-за его странного свойства всегда наклоняться в сторону солнца. Маги древности пользовались ею в своих поклонениях; и кто знает не совершал ли Дарий эти таинственные обряды, озаряя ее тройным светом лицо царя-иерофанта!

Если мы вообще упоминаем эту лампу, что потому, что с нею связана одна странная история. Что делают курды во время своих ночных обрядов поклонения луне, мы знаем только понаслышке; так как они это тщательно скрывают и ни один чужестранец не может быть допущен к этим церемониям. Но в каждом племени есть старик, иногда несколько, которые рассматриваются как «святые существа», кто знают прошлое и могут рассказать тайны будущего. Их очень уважают и обычно обращаются к ним за сведениями в случаях краж, убийств или опасности.

Путешествуя от одного племени к другому, мы провели некоторое время в компании этих курдов. Так как мы не собираемся писать автобиографию, то мы пропускаем все

---

[684] Ни России, ни Англии не удалось в 1849 году заставить их признать и уважать Турецкую часть Персидской территории.

[685] Персеполис – это персидский Истахар, к северо-востоку от Шираза; он стоял на равнине, называемой теперь Мердушт. При слиянии древнего Медус и Аракса; теперь Пулван и Бенд-эмир.

подробности, неимеющие непосредственного отношения к какому-либо оккультному факту, и даже из этих помещаем лишь несколько. Мы просто скажем, что очень дорогое седло, ковер, два черкесских кинжала, богато оправленных и окованных золотом, были выкрадены из палатки, и курды во главе с вождем племени пришли к нам и поклялись призывая Аллаха в свидетели, что этот вор не мог принадлежать к их племени. Мы поверили этому, так как это был беспрецедентный случай среди этих кочевых племен Азии, славившихся своим отношением к гостю, как к чему-то священному, как и, однако, легкостью, с какой они грабят и иногда убивают его, как только он переходит границы их *аула.*

Один грузин, принадлежавший к нашему каравану, посоветовал обратиться за помощью к *кудиану* (колдуну) их племени. Это было устроено с большой секретностью и торжественностью, и наше собеседование было назначено на полночь, когда будет светить полная луна. В назначенный час нас провели в вышеописанную палатку.

Большая дыра или квадратная щель была проделана в куполообразной крыше палатки, и через нее вертикально лились в палатку лунные лучи, смешиваясь с колеблющимся тройным пламенем небольшой лампы. После нескольких минут заклинаний, обращенных, как нам показалось к луне, колдун, старик огромного роста, пирамидальный тюрбан которого касался потолка палатки, вынул круглое зеркало того рода, которые известны под названием «персидских зеркал». Отвинтив его крышку, он начал дышать на зеркало более десяти минут и стирал влагу с поверхности пучком трав, все время бормоча заклинания *вполголоса.* После каждого обтирания стекло становилось все более и более сверкающим, пока, наконец, его хрусталь, казалось, излучал сверкающие фосфорические лучи по всем направлениям. Наконец эта операция была закончена; старик с зеркалом в руке стал бездвижным, словно статуя. «Смотри, ханум... смотри пристально», – шептал он, едва двигая губами. Тени и темные пятна начали собираться там, где за минуту до этого ничего не отражалось, кроме сияющего лика полной луны. Еще несколько секунд и там показалось хорошо знакомое седло, ковер и кинжалы, которые, казалось, поднимались как бы из глубины ясной воды, с каждым мгновением становясь все более четко очертанными. Затем появилась еще более темная тень, витающая над этими предметами, которая постепенно уплотнилась, и затем, так же видимо, как в меньшем конце телескопа, во весь рост появилась фигура мужчины, припавшего над ними.

«Я знаю его!» – воскликнула пишущая эти строки. – «Это татарин, который приходил вчера вечером и предлагал продать своего мула».

Изображение исчезло как бы по мановению волшебной палочки. Старик утвердительно кивнул головой, но остался бездвижным. Затем он забормотал опять какие-то странные слова и вдруг запел. Мелодия была медленная и монотонная, но после того, как он пропел несколько строф на том же самом незнакомом языке, не меняя ни ритма, ни мелодии, он произнес *речитативом* на своем ломанном русском языке следующие слова:

«Теперь, ханум, смотри хорошенько, поймаем мы его или нет – судьбу этого вора – мы узнаем этой ночью», и т. д.

Те же самые тени начали сгущаться, и затем, почти без перехода, мы увидели этого мужчину, лежащего на спине в луже крови поперек седла и двух всадников полным галопом удаляющихся вдалеке. Охваченная ужасом и отвращением при виде этой картины я не хотела дальше смотреть. Старик, вышедши из палатки, позвал нескольких курдов, стоящих около палатки, и, как казалось, давал им указания. Спустя две минуты дюжина всадников полным галопом помчалась с горного склона, на котором находился наш лагерь. Рано утром они возвратились с утерянными вещами. Все седло было покрыто свернувшейся кровью, и, разумеется, мы оставили его им. Они рассказали, что, приближаясь к беглецу, они увидели на гребне отдаленного холма двух удаляющихся всадников, и подъехав она нашли этого татарина-вора мертвым на украденных им вещах в точности так, как мы видели его в магическом зеркале. Он был убит двумя бандитами, и

их несомненное намерение ограбить его было пресечено внезапным появлением отряда всадников, посланных старым кудианом.

Наиболее замечательные результаты достигаются восточными «мудрецами» простым актом дыхания на человека, либо с доброй, либо со злой целью. Это чистый месмеризм; а среди персидских дервишей, которые этим занимаются, животный магнетизм усиливается магнетизмом стихий. Они думают, что если кто-либо стоит лицом против ветра, то он подвергает себя опасности; и многих из этих «сведущих» в оккультных делах невозможно уговорить пойти во время солнечного захода против ветра. Мы знавали одного старого перса из Баку,[686] на Каспийском море, который обладал наиболее незавидной репутацией умельца *наводить чары* с помощью ветра, который очень часто дует в том городе, как показывает само его персидское название.[687] Если жертве, против которого возгорелся гнев этого старого черта, пришлось идти против этого ветра, то он появлялся как бы по мановению волшебной палочки, быстро переходил через дорогу и дышал ему в лицо. С этого момента всякие несчастья преследовали последнего – он находился во власти чар «дурного глаза».

Применение человеческого дыхания колдунами в качестве дополнительного средства для достижения своих гнусных целей, поразительно отображено в нескольких ужасных случаях, отмеченных во французских летописях – в особенности с несколькими католическими священниками. В сущности, этого вида колдовство было известно со времен глубочайшей древности. Император Константин (в уставе IV, *«Code de Malef.»,* и т. д.) предписал суровейшие наказания для тех, кто прибегают к колдовству, чтобы посягать на невинность и возбудить незаконную страсть. Августин *(«Cité de Dieu»)* предостерегает против него; Иероним, Григорий, Назианзен и многие другие церковные авторитеты осуждают это преступление, нередкое среди духовенства. Бафе (кн. V, т. 19, гл. 6) излагает дело кюре из Пейфана, который посредством колдовства обесчестил весьма уважаемую и добродетельную леди, свою прихожанку Дам дю Лье, за что был сожжен заживо парламентом Гренобля. В 1611 году священник по имени Гауфрид был сожжен парламентом Прованса за совращение в исповедальне кающейся Магдалины де ла Палю, *путем дышания на нее,* и погружения ее, таким образом, в состояние иступленной грешной любви к нему.

Вышеупомянутые случаи цитируются в официальном докладе по нашумевшему делу Отца Жирара, иезуита-священника, пользовавшегося большим влиянием, которого в 1731 году судили перед Парламентом Экса, Франция, за совращение своей прихожанки мадемуазель Катерины Кадье из Тулона и за другие возмутительные преступления, связанные с тем же. Обвинительный акт ставил ему в вину то, что преступление это было совершено с помощью колдовства. Мадемуазель Кадье была молодая леди, отличавшаяся своею красотою, набожностью и образцовыми добродетелями. Ее внимание к своим религиозным обязанностям было исключительно строгим, и это послужило причиною ее гибели. На нее пали взоры отца Жирара, и он начал интриговать с целью обесчестить ее. Завоевав своею напускною великою святостью доверие девушки и ее семьи, однажды он нашел предлог для того, чтобы дышать на нее. Девушка сразу была охвачена сильной страстью к нему. Кроме того, у нее бывали экстатические видения религиозного

---

[686] Мы дважды участвовали в странных обрядах остатков этой секты огнепоклонников, которых называют гвебрами и которые время от времени собираются в Баку на “поле огня”. Этот древний и таинственный город расположен у Каспийского моря. Он принадлежит к Российской Грузии. Приблизительно на расстоянии двенадцати милей к северо-востоку от Баку находятся руины древнего храма гвебров, состоящего из четырех колонн; из пустых отверстий этих колонн постоянно бьют струи пламени, что и дало ему имя Храма Негасимого Пламени. Весь этот район покрыт озерами и источниками нефти. Паломники собираются тут из далеких мест Азии, и некоторые племена, то здесь то там рассеяно по всей стране, имеют священнослужителей, поклоняющихся божественному началу огня.

[687] Баадей-ку-Ба – в буквальном переводе “скопление ветров”.

характера, стигматы, или знаки крови «Страстей» и истерические конвульсии. Тут представилась долгожданная возможность уединиться с нею на исповедь; иезуит опять дышал на нее, и прежде чем бедная девушка успела опомниться, он свою цель осуществил. Софистикой и разжиганием ее религиозности он поддерживал эту противозаконную связь месяцами, причем девушка не подозревала, что тут что-то неладно. Наконец, однако, глаза ее открылись, родители были поставлены в известность, и священник был привлечен к суду. Приговор был вынесен 12 октября 1731 года. Из двадцати пяти судей двенадцать голосовали за то, чтобы сжечь его на костре. Общество Иисуса пустило в ход все силы, чтобы защитить преступного священника, и говорят, что было потрачено более миллиона франков, чтобы заткнуть рот свидетелям на суде. Факты эти, однако, были напечатаны в книге (в 5 томах большого печатного листа), ставшей теперь редкостью, под заглавием «Recueil General des Pieces contenues au Procez du Pere Jean-Baptiste Girard, Jesuite» и т. д[688]

Мы отметили то обстоятельство, что, находясь под колдовским влиянием отца Жирара и имея с ним противозаконную связь, – тело мадемуазель Кадье носило *стигматы Страстей:* то есть кровоточащие раны на лбу от тернового венца и от гвоздей на руках и на ногах, а также рану от копья на боку. Следует добавить, что такие же самые знаки видели на телах шести других исповедниц этого священника, а именно у мадам Гийо, Гродье, Алманд, Батарель и Ребу. Фактически, стало общей приметой, что красивые прихожанки отца Жирара были странно подвержены экстазам и *стигматам!* Добавим к этому тот факт, что в вышеупомянутом деле отца Гауфриди, по свидетельству хирургов, такие же стигматы оказались на теле мадемуазель де Палю, и мы будем иметь что-то, стоящее внимания всех (в особенности спиритуалистов), которые думают, что *стигматы* создаются чистыми духами. Исключив вмешательство Дьявола, которого мы уже отправили на покой в другой главе, католикам трудно придется, мы полагаем, несмотря на всю свою непогрешимость, отличить стигматы колдунов от стигматов, получившихся в результате вмешательства Святого Духа или ангелов. Церковные летописи изобилуют примерами якобы дьявольских имитаций этих знаков святости, но, как мы уже сказали, с Дьяволом уже покончено.

Будет вполне естественно, если те, кто до сих пор следовали за нами, зададут нам вопрос – какую практическую цель преследует настоящая книга; так много сказано о магии и ее мощи, так много о невероятной древности ее применения. Желаем ли мы заявить, что оккультные науки следует изучать и применять по всему миру? Хотим ли мы заменить современный спиритуализм древней магией? Ни то, ни другое; такую замену невозможно осуществить, так же как и всемирно проводить такое изучение, не навлекая при этом громадной общественной опасности. В настоящий момент один известный спиритуалист и лектор по месмеризму находится в заключении по обвинению в изнасиловании женщины, которую он загипнотизировал. Колдун – враг народа, а месмеризм очень легко может превратиться в худший вид колдовства.

Мы не хотели бы ни ученых, ни богословов, ни спиритуалистов превращать в практикующих магов, но для всех сделать ясным, что до наступления нынешней современной эры существовала истинная наука, глубокая религия и неподдельные феномены. Мы хотели бы, чтобы все, кто имеют право голоса при решении вопросов общественного воспитания, сперва познали, а затем *учили,* что вернейшим руководством к человеческому счастью и просвещению являются те письменные источники, которые дошли до нас из отдаленнейшей древности; и что наиболее благородные духовные устремления и повышенная средняя нравственность преобладают в странах, где народ пользуется их наставлениями, как правилами поведения в жизни. Мы хотели бы, чтобы все поняли, что магические, т. е. духовные силы, существуют в каждом человеке, и пользоваться ими

---

[688] См. также «Месмеризм и магия», роман, переизданный Харпе-ром тридцать лет тому назад [667].

могут те немногие, которые чувствуют, что они призваны учить, и готовы заплатить цену самодисциплины и самоотверженности, которую требует их развитие.

Много появлялось людей, которые ухватывали проблески истины, и воображали, что они овладели всею истиною. Такие люди терпели неудачу в достижении того блага, которое они могли бы сотворить и к которому они стремились, потому что тщеславие заставляло их выдвигать свою личность на такие незаслуженные высоты, что она становилась между их приверженцами и *всей* истиной, находящейся позади. Мир не нуждается ни в каких сектантских церквях, будь то церковь Будды, Иисуса, Магомета, Сведенборга, Кальвина или какая-либо другая. Так как существует только ОДНА Истина, то человеку требуется только одна церковь – Храм Бога внутри нас, обнесенный стенами материи, но доступный для каждого, кто может отыскать путь; *чистые сердцем зреют Бога.*

Тройственность природы является замком магии, тройственность человека – ключом, который к ней подходит. В торжественных пределах святилища у ВЫСОЧАЙШЕГО не было и нет имени. Оно немыслимо и несказуемо; но все же каждый человек находит в себе самом своего Бога.

> «Кто ты, прекрасное Существо?» – спрашивает развоплощенная душа, в *«Хорда-Авесте»,* у врат Рая. – «Я, о Душа, *твои добрые и чистые мысли,* твои деяния и твой *благой закон*... твой ангел... и твой бог».

Затем человек, или душа, воссоединяется С САМИМ СОБОЮ, так как «Сын Божий» и он сам – одно; это его собственный посредник, *бог* его человеческой души и его «Оправдыватель».

> «Бог не открывается человеку непосредственно, дух является его истолкователем», – говорит Платон в «Пире».

Кроме того, существует много серьезных причин, почему изучение магии, за исключением в ее обширной философии, почти неприменимо в Европе и Америке. Магия, будучи тем, что она собою представляет, является наиболее трудной изо всех наук для экспериментального овладения – овладение ею практически находится за пределами достижения большинства белокожих народов, независимо от того, приложены ли их усилия у себя на родине или на Востоке. Вероятно, не более как один человек из миллиона людей европейской крови годится – физически, нравственно либо психически, – чтобы стать практикующим магом, и даже один из десяти миллионов не окажется наделенным всеми этими тремя свойствами, необходимыми для этого труда. Цивилизованным народам не хватает феноменальных сил ментальной и физической выносливости жителей Востока; благоприятные характерные идиосинкразии восточников полностью отсутствуют у них. У индусов, арабов и тибетцев интуитивное восприятие возможностей оккультных сил природы, подчиненных воле человека, приходит по наследству, и у них как физические, так и духовные чувства развиты гораздо более тонко, чем в расах Запада. Несмотря на заметную разницу в толщине черепов европейца и южноиндуса, эта разница, которая является чисто климатическим результатом, вызванным интенсивностью солнечных лучей, не заключает в себе никаких психологических принципов. Кроме того, возникли бы огромные затруднения на пути *тренировки,* если так можно выразиться. Зараженные веками догматического суеверия, неискоренимым – хотя и ничем неоправданным – чувством превосходства над теми, кого англичане презрительно называют «неграми», белые европейцы едва ли подчинятся практическому обучения копта, брахмана или ламы. Чтобы стать неофитом, нужно быть готовым всею душою и телом отдаться изучению мистических наук. Магия – наиболее властолюбивая хозяйка – не терпит соперниц. В отличие от других наук, теоретическое знание формул без ментальных способностей или душевных сил, совершенно бесполезно

в магии. Дух должен удержать в полном подчинении воинственность того, что неточно названо образованным рассудком, до тех пор пока факты не опрокинут холодную человеческую софистику.

Наиболее подготовленными по достоинству оценить оккультизм являются спиритуалисты, хотя вследствие своего предрассудка они до нынешнего дня были величайшими противниками ознакомления с ним общественности. Вопреки всем глупым отрицаниям и осуждениям, их феномены подлинные. Вопреки, также, их собственным заявлениям, они совершенно неправильно понимают их. Абсолютно несостоятельная теория о постоянном участии развоплощенных человеческих духов в их производстве явилась губительным несчастьем их *Дела.* Тысяча убийственных опровержений не были в состоянии раскрыть их ум или интуицию на истину. Игнорируя учения прошлого, они не нашли им никакой замены. Мы предлагаем им философскую дедукцию вместо непроверяемых гипотез, научный анализ и доказательства вместо неразбирающейся веры. Оккультная философия дает им средства для удовлетворения разумных требований науки, и освобождает их от унизительной необходимости принимать оракулоподобные наставления от «разумов», которые, как правило, менее разумны, чем школьный ребенок. Обосновавшись и усилившись таким образом, современные феномены были бы в состоянии привлечь должное внимание и внушить уважение тем, кто направляет общественное мнение. Не призвав такой помощи, спиритуализм должен будет прозябать, будучи в равной мере отвергаем – не без причины – как учеными, так и теологами. В своем современном виде он не представляет собою ни науки, ни религии, ни философии.

Несправедливы ли мы; будет ли разумный спиритуалист жаловаться, что мы неправильно изложили это дело? На что он может указать нам, как только на путаницу в теориях, смешение взаимно противоречивых гипотез? Может ли он утверждать, что спиритуализм, даже при тридцати годах своих феноменов, обладает какой-либо выдерживающей критику философией; более того – имеется ли что-либо похожее на установленный метод, общепринятый и применяемый его признанными последователями?

И все же, среди разбросанных по всему свету спиритуалистов имеется много вдумчивых, ученых и серьезных писателей. Среди них имеются люди, которые в добавление к своему научному ментальному обучению и обоснованной вере в феномены *per se*, – обладают всеми свойствами, требующимися от вождей движения. Почему так получилось, что за исключением написания отдельных книг или случайных статей в журналах, все они воздерживаются от активного участия в выработке философской системы? Причина этого не в отсутствии нравственного мужества, как об этом свидетельствуют их писания. Также не в равнодушии, ибо энтузиазма у них достаточно, и они уверены в своих фактах. Также тут дело не в отсутствии способностей, ибо многие из них являются замечательными людьми и по своим способностям равны нашим лучшим умам. Это просто по той причине, что, почти без исключения, они смущены теми противоречиями, с которыми они встречаются, и ждут, чтобы их пробные гипотезы получили проверку в дальнейшем опыте. Несомненно, в этом есть доля мудрости. Также поступал Ньютон, который с героизмом своего честного, самоотверженного сердца в течение семнадцати лет воздерживался от провозглашения своей теории гравитации только потому, что сам еще не убедился в ней окончательно.

Спиритуализм, по характеру скорее агрессивный, нежели оборонительный, тяготеет к иконоборству, и до сих пор был успешен. Но, разрушая, он не строит заново. Каждая действительно важная истина, которую он воздвигает, вскоре оказывается погребенной под лавиной химер, пока все не становится одной грудой развалин. При каждом шаге вперед, при каждом обретении новой точки опоры в виде ФАКТА, происходит какое-нибудь бедствие, или в виде жульничества и его разоблачения, или умышленного предательства, которое отбрасывает спиритуалистов назад обессиленными, потому что они *не могут,* а их невидимые друзья *не хотят* (или, возможно, могут менее их самих) обосновать свои претензии. Их фатальная слабость заключается в том, что у них имеется

только *одна* теория для объяснения своих оспариваемых фактов – посредничество *человеческих развоплощенных духов,* и полное подчинение им медиума. Они будут атаковать тех, кто расходятся с ними во мнениях, с яростью, заслуживающей лучшего применения; они будут рассматривать каждый аргумент, противоречащий их теории, как клевету на их здравый смысл и способности наблюдательности; и решительно откажутся даже вести спор по этому вопросу.

Как же тогда спиритуализм может когда-либо возвыситься до статуса науки? Это, как профессор Тиндаль показывает, требует трех совершенно необходимых элементов: наблюдения фактов; выведения законов из этих фактов; и проверки этих законов постоянными практическими опытами. Какой опытный наблюдатель возьмется утверждать, что спиритуализм обладает каким-либо из этих трех элементов? Медиум не окружен единообразными контрольными условиями настолько, чтобы мы могли быть уверены в фактах; выводы из предполагаемых фактов не гарантированы из-за отсутствия подобного контроля; и, в заключение, не было достаточной проверки этих гипотез опытом. Короче говоря, не хватало, как правило, главного элемента точности.

Чтобы нас не могли обвинить в желании неправильно представить положение спиритуализма в момент написания этих строк, или приписать нам невоздавание должного за сделанные им успехи, – мы процитируем несколько отрывков из лондонского *«Спиритуалиста»* от 2 марта 1877 года. На собрании, происходящем каждые две недели, состоявшемся 19 февраля, возникли дебаты по теме «Древняя мысль и современный спиритуализм». Присутствовали некоторые из самых умных спиритуалистов Англии. Среди них был м-р У. Стейнтон Мозес, магистр гуманитарных наук, который недавно уделил некоторое внимание связи между древними и современными феноменами. Он сказал:

> «Общераспространенный спиритуализм не является научным; он очень мало делает в смысле научной проверки. Кроме того, зкзотерический спиритуализм в значительной степени занимается предполагаемым общением с личными друзьями, или удовлетворением любопытства, или же просто разрабатыванием чудес... Истинно эзотерическая наука спиритуализма является большой редкостью и не более редка, чем ценна. В ней мы должны искать начало того знания, которое может быть разработано экзотерически... Мы слишком придерживаемся образа действия физиков; наши испытания грубы и часто иллюзорны; мы слишком мало знаем о Протею-подобной силе духа. В этом отношении древние далеко опередили нас и могут многому научить нас. Мы не ввели никакой определенности в условия – а это непременное требование истинно научного эксперимента. Это большей частью обязано тому факту, что наши кружки построены без соблюдения каких-либо принципов... Мы даже не овладели элементарными истинами, которые древние знали и по которым действовали, например, изолирование медиумов. Мы настолько увлеклись погонею за чудесами, что едва расположили феномены по категориям или выдвинули хоть одну теорию о производстве простейшего из них... Мы никогда не ставили вопроса: что есть разум? Это – большое пятно, наиболее частая причина заблуждений, и тут мы с успехом могли бы поучиться у древних. Среди спиритуалистов существует большое нежелание признать возможность истинности оккультизма. В этом отношении их так же трудно убедить, как и внешний мир – в истинности спиритуализма. Спиритуалисты начинают с заблуждения, а именно, что все феномены вызваны действием духов умерших людей; *они не заглянули в силы человеческого духа;* они не знают тех пределов, до которых дух действует, как далеко он простирается, чему он служит основой»

Нашу точку зрения невозможно было бы лучше определить. Если спиритуализм имеет будущее, то оно в руках таких людей, как м-р Стейнтон Мозес.

Наш труд завершен – о, если бы он был выполнен лучше! Но несмотря на нашу неопытность в искусстве создания книг и серьезные затруднения при писании на чужом языке, мы надеемся, что нам удалось сказать что-то, что останется в умах вдумчивых людей. Все враги истины были перечислены, и все они были рассмотрены. Современная наука, будучи не в силах удовлетворить устремления нашей расы – превращает будущее в

пустоту и лишает человека надежды. В одном смысле она подобна Баитал Начиси, индусскому вампиру народной фантазии, который живет в мертвых телах и питается только гниением материи. Теология христианского мира была обнажена догола наиболее серьезными умами современности. И было обнаружено, что она в целом скорее разрушительна, нежели благоприятна для духовности и благонравственности. Вместо толкования правил божественного закона и справедливости, она излагает только *себя самое.* Вместо вечно-живого божества она проповедует Злого Духа и делает его неотличимым от Самого Бога? «И не вводи нас во искушение», – вот желание христиан. А кто же этот искуситель? Сатана? Нет; эта молитва обращена не к нему. Это тот пламенный гений, который ожесточил сердце фараона, вложил злого духа в Саула, засылал лживых посланцев к пророкам и соблазнял Давида на грех; это – *библейский* Бог Израиля!

Наш просмотр многочисленных религиозных верований, какие когда-либо исповедовало человечество как в древности, так и в последнее время, – со всею убедительностью указывает, что все они возникли из одного первоисточника. Кажется, что все они являются просто различными видами выражения томления заключенной в темницу плоти человеческой души по общению с небесными божественными сферами. Как белый луч света разлагается призмой на различные цвета солнечного спектра, так же и луч божественной истины, проходя через *трехстороннюю* призму человеческой природы, преломился на разноцветные осколки, называемые РЕЛИГИЯМИ. И, подобно тому, как лучи спектра неуловимыми оттенками сливаются один с другим, так и великие теологии, появившиеся на различных степенях отклонения от первоисточника, были соединены посредством меньших схизм, школ и ответвлений с той или с другой стороны. Объединенные, в своей совокупности они представляют собою единую вечную истину; по отдельности же они только оттенки человеческих заблуждений и знаки несовершенства. Поклонение ведийским *питри* быстро становится поклонением духовной части человечества. Требуется лишь правильное восприятие объективного, чтобы в конце концов сделать открытие, что единственный реальный мир есть мир субъективный.

То, что презрительно называлось язычеством, было древней мудростью, насыщенной божеством; и иудаизм и его ответвления, христианство и ислам заимствовали все то вдохновенное, что в них было от этого этнического родителя. До-ведийский брахманизм и буддхизм являются тем двойным источником, из которого возникли все религии; нирвана есть тот океан, к которому все они устремляются.

В целях философского анализа нам нет надобности излагать все те гнусности, которыми омрачены летописи многих из мировых религий. Истинная вера есть воплощение божественного милосердия; те, кто служат у ее алтарей, те только люди. Когда мы перелистываем кровью залитые страницы церковной истории, то мы обнаруживаем, что независимо от героя и костюмов актеров, сюжет трагедии всегда был один и тот же. Но Вечная Ночь была во всем и за всем, и мы переходим от того, что мы видим, к тому, что невидимо глазу чувства. Нашим горячим желанием было показать правдивым душам, как они могут приподнять завесу и в сиянии этой Ночи, превращенной в День, смотреть неослепленным взором на РАЗОБЛАЧЕННУЮ ИСТИНУ.

КОНЕЦ

Литература

Основные источники:

1. Библия

Блаватская для цитат в неоговоренных случаях использует английский перевод короля Джеймса (KJV).

В русском тесте в большинстве случаев используется официальный синодальный перевод (середины XIX века), из-за чего некоторые сетования Блаватской на *неточность перевода* становятся менее понятными – русский перевод значительно точнее.

Сокращенные обозначения книг: Ветхий завет: «Книга Бытия» – *Бытие*; «Книга Исхода» – *Исход*; «Книга Левит» – *Левит*; «Книга Чисел» – *Числа*; «Книга Второзакония» – *Второзаконие*; «Книга Иисуса Навина» – *Иисус Навин*; «Книга Судей» – *Судей*; «Книга Руфи» – *Руфь*; «Первая книга Царств» – *1 Самуила*; «Вторая книга Царств» – *2 Самуила*; «Третья книга Царств» – *1 Царей*; «Четвертая книга Царств» – *2 Царей*; «Первая книга Паралипоменон» – *1 Летопись*; «Вторая книга Паралипоменон» – *2 Летопись*; «Первая книга Ездры» – *1 Ездры*; «Книга Неемии» – *Неемия*; «Вторая книга Ездры» – *2 Ездры*; «Книга Товита» – *Товит*; «Книга Иудифь» – *Иудифь*; «Книга Есфирь» – *Есфирь*; «Книга Иова» – *Иов*; «Псалтирь» – *Псалмы*; «Книга Притчей Соломоновых» – *Притчи*; «Книга Екклесиаста» – *Екклесиаст*; «Книга Песни Песней Соломона» – *Песни*; «Книга Премудрости Соломона» – *Премудрости*; «Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова» – *Сирах*; «Книга пророка Исаии» – *Исайя*; «Книга пророка Иеремии» – *Иеремия*; «Книга плач Иеремии» – *Плач Иеремии*; «Послание Иеремии» – *Послание Иеремии*; «Книга пророка Варуха» – *Варух*; «Книга пророка Иезекииля» – *Иезекииль*; «Книга пророка Даниила» – *Даниил*; «Книга пророка Осии» – *Осия*; «Книга пророка Иоиля» – *Иоиль*; «Книга пророка Амоса» – *Амос*; «Книга пророка Авдия» – *Авдий*; «Книга пророка Ионы» – *Иона*; «Книга пророка Михея» – *Михей*; «Книга пророка Наума» – *Наум*; «Книга пророка Аввакума» – *Аввакум*; «Книга пророка Софонии» – *Софония*; «Книга пророка Аггея» – *Аггей*; «Книга пророка Захарии» – *Захария*; «Книга пророка Малахии» – *Малахия*; «Первая книга Маккавейская» – *1 Маккавейская*; «Вторая книга Маккавейская» – *2 Маккавейская*; «Третья книга Маккавейская» – *3 Маккавейская*; «Третья книга Ездры» – *3 Ездры*; Новый Завет: «Евангелие от Матфея» – *Матфей*; «Евангелие от Марка» – *Марк*; «Евангелие от Луки» – *Лука*; «Евангелие от Иоанна» – *Иоанн*; «Деяния Святых Апостолов» – *Деяния*; «Соборное послание св. Ап. Иакова» – *Иакова*; «Первое Соборное послание св. Ап. Петра» – *1 Петра*; «Второе Соборное послание св. Ап. Петра» – *2 Петра*; «Первое Соборное послание св. Ап. Иоанна Богослова» – *1 Иоанна*; «Второе Соборное послание св. Ап. Иоанна Богослова» – *2 Иоанна*; «Третье Соборное послание св. Ап. Иоанна Богослова» – *3 Иоанна*; «Соборное послание св. Ап. Иуды» – *Иуда*; «К Римлянам послание св. Ап. Павла» – *Римлянам*; «Первое послание св. Ап. Павла к Коринфянам» – *1 Коринф.*; «Второе послание св. Ап. Павла к Коринфянам» – *2 Коринф.*; «Послание к Галатам» – *Галатам*; «Послание к Ефесянам» – *Ефесянам*; «Послание к Филиппийцам» – *Филиппийцам*; «Послание к Колоссянам» – *Колоссянам*; «Первое послание св. Ап. Павла к Фессалоникийцам» – *1 Фессал.*; «Второе послание св. Ап. Павла к Фессалоникийцам» – *1 Фессал.*; «Первое послание к Тимофею» – *1 Тимофею*; «Второе послание к Тимофею» – *2 Тимофею*; «Послание к Титу» – *Титу*; «Послание к Филимону» – *Филимону*; «Послание к Евреям» – *Евреям*; «Апокалипсис св. Ап. Иоанна Богослова» – *Апокалипсис, Откровение*.

2. «Pistis Sophia».

На русском языке: «Пистис София» в комментариях Е. П. Блаватской в кн.: Е. П. Блаватская, «Скрижали Кармы». М., «МЦФ», 1995.

3. Симеон Бен Иохаи. «Зогар».

4. «Зенд-Авеста».

Цитируется Блаватской по: «The Zend-Avesta». Transl. by James Darmesteter. Part I. *The Vendîdâd*. Part II. *The Sîrôzahs, Yashts, and Nyâyis*. Part III (Transl. by L. H. Mills) – в книге: Oxford: Clarendon Press, «Sacred Books of the East», IV, XXIII, XXXI.

Цитируемая литература:

1. Тиндаль. «Фрагменты науки». // Tyndall. «Fragments of Science».
2. Гораций Грили. «Воспоминания о занятой жизни». // Horace Greeley. «Recollections of a Busy Life».
3. Кокер. «Христианство и греческая философия». // Cocker. «Christianity and Greek Philosophy».
4. Томас Тейлор. «Элевзинские и вакхические мистерии». // Thomas Taylor. «Eleusinian and Bacchic Mysteries». New York: J. W. Bouton, 1875.
5. Кузен. «История философии». // Cousin. «History of Philosophy».
6. «Манавадхармашастра».
7. Ману. // «Законы Ману», перевод Лойселюра. «Законы Ману», перевод сэра Уильяма Джонса. // на русском языке: «Законы Ману». Пер. С. Д. Эльмановича, пров. и испр. Г. Ф. Ильиным. Изд. Вост. лит., М., 1960.
8. «Божественная арифметика». // «Theol. Arithme.»
9. Стобеус. «Эклоги».
10. Sextus. «Math.»
11. Аристотель. «Метафизика». // «Metaph.»
12. Крише. // Krische. «Forsch.....»
13. Климент Александрийский. «Строматы». // Clement Alexandrinus, «Stromateis». // (Разноцветные ковры).
14. Плутарх. «Изида». // Plutarch. «De Isis».
15. Зеллер. «Греческие философы». // Ed. Zeller. «Philos der Griech». (под редакцией Зеллера)
16. Зеллер, «Платон и его Академия». // Zeller, «Plato und die Alt. Academie».
17. «Tusc.»
18. Шпигель, «Яшна».
19. «Айтарейя-брахмана», перевод Хауга. // «The Aitareya Brâhmanam of the Rigveda», edited, translated and explained by Martin Haug, Bombay, 1863, 2 vols.
20. Пантеон, «Мифы». // Pantheon, «Myths».
21. Аристофан, «Воэста». // Aristophanes, Voestas.
22. «Книга брахманических вызываний». // «Book of Brahmanical Evocations».
23. Бульвер-Литтон. «Последние дни Помпеи». // Edward Bulwer Lytton. «The Last Days of Pompeii».
24. Бульвер-Литтон. «Грядущая раса». // Edward Bulwer Lytton. «The Coming Race», 1871.
25. Бульвер-Литтон. «Странная история». // Edward Bulwer Lytton. «A Strange Story», 1862.
26. Бульвер-Литтон. «Занони». // Edward Bulwer Lytton. Zanoni.
27. Бульвер-Литтон. «Избранные произведения». // Edward Bulwer Lytton. «Selected Works».
28. Стюарт, «Солнце и Земля». // Stewart, «The Sun and the Earth».
29. Томас Тейлор. «Платон». // Thomas Taylor. «The Works of Plato». London: Printed for Thos. Taylor by R. Wilks, and sold by E. Jeffery and R. H. Evans, 1804. 5 vols.

30. «Диалоги Платона» Джовитта. // Jowiett. «The Dialogues of Plato». // «Диалоги Платона» в 2-х тт. в переводе Джовита. Этот перевод на английский язык считается «классическим».
31. Платон, «Федр». // Plato. «Phжdrus». // «Федр». Пер. *А. Н. Егунова*. – «Платон. Сочинения, в 3-х тт, том 2». М., «Мысль», 1970.
32. Платон, «Тимей». // Plato. «Timжus». // «Тимей». Пер. *С. С. Аверинцева*. – «Платон. Сочинения, в 3-х тт, том 3(1)». М., «Мысль», 1971.
33. Платон, «Республика». // Plato. «Republic».
34. Платон, «Федон». // Plato. «Phжdo». // «Федон». Пер. *С. П. Маркиша*. – «Платон. Сочинения, в 3-х тт, том 2». М., «Мысль», 1970.
35. Платон, «Ион». // Plato. «Ion». // «Ион». Пер. *Я. М. Боровского*. – «Платон. Сочинения, в 3-х тт, том 1». М., «Мысль», 1968.
36. Платон, «Феаг». // Plato. «Theages». (неподлинный диалог)
37. Платон, «Кратил». // Plato. «Cratylus». // «Кратил». Пер. *Т. В. Васильевой*. – «Платон. Сочинения, в 3-х тт, том 1». М., «Мысль», 1968.
38. Платон, «Парменид». // Plato. «Parmenid». // «Парменид». Пер. *Н. Н. Томасова*. – «Платон. Сочинения, в 3-х тт, том 2». М., «Мысль», 1968.
39. Платон, «Протагор». // Plato. «Protagoras». // «Протагор». Пер. *В. С. Соловьева*. – «Платон. Сочинения, в 3-х тт, том 1». М., «Мысль», 1968.
40. Платон, «Пир». // Plato. «Banquet». // «Пир». Пер. *С. К. Апта*. – «Платон. Сочинения, в 3-х тт, том 2». М., «Мысль», 1968.
41. Платон, «Горгий». // Plato. «Gorgias». // «Горгий». Пер. *С. П. Маркиша*. – «Платон. Сочинения, в 3-х тт, том 1». М., «Мысль», 1968.
42. Платон, «Евтифрон». // Plato, «Euthiphro».
43. Платон, «Государство». Пер. *А. Н. Егунова*. – «Платон. Сочинения, в 3-х тт, том 3(1)». М., «Мысль», 1971.
44. Платон, «Законы». // Plato, «Laws». // «Законы». – «Платон. Сочинения, в 3-х тт, том 3(2)». М., «Мысль», 1972.
45. А. Уайлдер. «Неоплатонизм и алхимия».// Wilder, Dr. Alexander. «New Platonism and Alchemy. A Sketch of the Doctrines and Principal Teachers of the Eclectic or Alexandrian School; also an Outline of the Interior Doctrines of the Alchemists of the Middle Ages». Albany, N. Y., 1869. // А. Уайлдер. «Учения и главные учителя александрийской школы». // А. Уайлдер. «Очерк об эклектической философии александрийской школы». // А. Уайлдер. «Павел и Платон».
46. Ригведа Санхита. // «Rigveda-Samhitв». Ed. by F. Max Müller (Samhitâ and pada texts in nâgarî). 2nd ed., London: Trübner & Co., 1877. 2 vols. 8vo. // Transl. by H. H. Wilson: London, «Trübler & Co., and Wm. H. Allen & Co. 1850.
47. Макс Мюллер. «Осколки германского цеха». // Mьller, Max. «Chips from a German Workshop». London: Longmans, Green & Co., 1867-75. 4 vols. Includes his «Lecture on the Vedas», and his essay on «Buddhism». // Включает его «Лекции о Ведах» и эссе «Буддизм».
48. Дж. Дрейпер. «История конфликта между религией и наукой». // Draper, John William. «History of the Conflict between Religion and Science».
49. Дрейпер. «История интеллектуального развития Европы». // Draper, John William. «History of the Intellectual Development of Europe».
50. Д. Бургес. «Труды Платона».
51. Гиббон. «Закат и падение Римской империи». // Edward Gibbon. History Of The Decline And Fall Of The Roman Empire, 6 vols.
52. Годфри Хиггинс. «Анакалипсис». // Higgins, Godfrey. «Anacalypsis, an Attempt to draw aside the Veil of the Saitic Isis», etc. London: Longman, etc., 1836. 2 vols. 4to.
53. Уильям Друммонд. «Эдип Иудейский». // Drummond, Sir William. «Oedipus Judaicus», printed for private circulation, London, 1811, 8 vols.

54. Гёксли. «Физическая основа жизни». // Huxley. «Phisical Basis of Life».
55. «Свод законов», изданный сэром Уильямом Джонсом.
56. Плиний Старший. «Естественная история». // Pliny the Elder. «Historiæ naturalis» (Natural History) in 37 Books. Loeb Classical Library.
57. Юлий Цезарь. // Сжsar.
58. «Mémoires de la Société des Antiquaires de France». //
59. Аммиан Марцеллин. // Ammianus Marcellinus.
60. Швейгер. «Введение к мифологическим представлениям естественной истории».
61. Hippocrates. «De optima prændicandi ratione item judicii operum magni».
62. Эннемозер. «История магии».
63. Филон Иудей. «Комментарии к документам». // Филон Александрийский (20 г. до н. э – 50 г. н. э.)
64. Кассиан. «Собеседования отцов». // Cassian. «Conference».
65. «Жизненный путь Моисея». // «De Vita et Morte Moses».
66. Юстин. // Justinus. // (римский историк, 3 в.).
67. Молитор. Философия истории и традиций. // Molitor. «Philosophy of History and Traditions», trans. Howitt.
68. Берос. // Beros from Abidemus. «Of the Chaldeas Kings and Delige». //
69. Цензорий. // Censorius. «De Natal Die»
70. Сенека. // Seneca. «Nat Quæst»
71. Евсевий. // Eusebius. «Praep Evan. «Of the Tower of Babel and Abraham».
72. S. Davis. «Essey in the Asiatic Researches».
73. Чарльз Колман. «Индийская мифология». // Coleman. «Mythology of the Hindus», New York, J. W. Bouton, Publisher.
74. Бунзен. «Место Египта во всемирной истории».// Baron von Bunsen. «Aegypten's Stelle in der Weltgeschichte», 1845-57, 5 vols.; Engl. tr. by C. H. Cottrell as «Egypt's Place in Universal History». London, 1848-67, 5 vols.
75. Ямвлих. «О пифагорейской жизни».// Iamblichus. «De Vita Pythagorica Liber» // «Life of Pyphagoras», перевод Тейлора, с комментариями (Тейлора) [номера страниц даются по этому изданию].
76. Харгрейв Дженнингс. «Розенкрейцеры». // Jennings, Hargrave. «The Rosicrucians, their Rites and Mysteries». London, 1870. 8 vols.
77. У. Крукс. «Исследования явлений спиритуализма». // W. Crookes, *F. R. S.*. «Researches in the Phenomena Spiritualism».
78. У. Крукс. «Эксперименты с психической энергией». // W. Crookes. «Experiments on Psychic Forge».
79. У. Крукс. «Взгляд на спиритуализм в свете современной науки». // W. Crooks. «Spiritualism Viewed by the Light of Modern Science» – in *«Quarterly Journal of Science»*.
80. У. Крукс. «Смерть Кети Кинг»
81. А. Аксаков. «Феномен медиумизма». // A. Aksakof. «Phenomena of Mediumism».
82. Пфаф. «Астрология». // Pfaff. «Astrology», Berlin.
83. Химман. «Медико-хирургические эссе».
84. Ennemoser. «On Theoph. Paracelsus. – Magic».
85. У. Б. Кемши. «Неорганическая химия». // W. B. Kemshead. «Inorganic Chemistry».
86. Вебстер. «Письмо Дж. Гланвилу, королевскому капеллану и члену Королевского общества». // Webster. «Letter to J. Glanvil, chaplain to the king and a fellow of the Royal Society».
87. Гланвил. «Торжество саддукейства, или полное и ясное свидетельство относительно колдовства и привидений». // Glanvil. «Sadducismus Triumphatus, or a full and plain evidence concerning witches and apparities», in two parts. 1700.
88. Моверс. «Разъяснения». // Movers. «Explanations».
89. Моверс. // Movers. «Die Phönizier».

90. Кори. «Древние фрагменты». // Cory. «Ancient Fragments».
91. Филон Иудей. «О Сотворении». // Philo Judaeus. «On the Creation».
92. К. О. Мюллер. «История греческой литературы». // K. O. Muller. «History of Greek Literature».
93. Weber. «Akad. Vorles».
94. Данлеп. «Духовная история человечества». // Dunlap. «Spirit History of Man».
95. Шопенгауэр. «Виньетки». // Schopenhauer. «Parerga».
96. граф де Мирвиль. «К вопросу о духах». // Comte De Mirville. «Question Des Esprits»
97. Т. Райт. «Рассказы о колдовстве и магии». // Thomas Write. «Narratives of Sorcery and Magic».
98. Де Мюссе. // Des Mousseaux. «Dodone».
99. Де Мюссе. // Des Mousseaux. «Dieu et les dieux».
100. Де Мюссе. «Феномены магии». // Des Mousseaux. «Les Haunts Phénomenes de la Magie».
101. Де Мюссе. // Des Mousseaux. «Moeurs et Pratiques des Démons».
102. Де Мюссе. // Des Mousseaux. «Oeuvres des Demons».
103. Де Мюссе. // Des Mousseaux. «Table des Matières».
104. Де Мюссе. «Магия XIX-го столетия». // Des Mousseaux. «La Magie au XIXme Siècle».
105. «О привидениях». // «On Apparitions», transl. by C. Crowe.
106. Павсаний // Pausanias. «De Abstinentia...»
107. К. У. Апхем. «Салемское ведьмовство; с объяснением постоянства проявления сил в Салеме». // Upham. «Salem Witchcraft».
108. Бриер де Буазмон. «Галлюцинации». // Brierre de Boismont. «Des Hallucinations, ou Histoire raisonnée des apparitions, des songes, des visions, de l'extase du Magnetisme», 1845. // Brierre de Boismont. «On Hallucinations».
109. Макс Мюллер. «Буддизм». // Müller, Max. «Buddhism». // (отдельное издание)
110. Гаспарин. «Феномены спиритизма».
111. Ф. Р. Марвин. «Лекции по медиомании и умопомешательству». // F. R. Marvin. «Lecture n Mediomania and Insanity», New York, 1875.
112. Ваперо. «Биографии современников», с илл. Литрэ. // Vapereau. «Biographie Contemporaine», art. Littre
113. О. Конт. «Система политического позитивизма».
114. Литтре. «Лекции по философии позитивизма». // Littre. «Paroles de la Philosophie Positive», Paris, 1859. // «Auguste Comte et la philosophie positive», 2nd ed., Paris, 1864.
115. О. Конт. «Спиритуализм и шарлатанство».
116. Хэер. «Позитивизм».
117. О. Конт. «Философия позитивизма».
118. Уильям Ховит. «История сверхъестественного». // W. Howitt. «History of the Supernatural».
119. Монтескье. «Свободомыслие Луи».
120. У. Джонс. «Рассуждения, касающиеся Азии».
121. Гросс. «Языческая религия». // «Heathen Religion».
122. Флавий Филострат. «Жизнь Аполлония Тианского». М., «Наука», 1985. // Philostratus. «Life of Apollonius of Tyana». Transl. by Rev. E. Berwick, London, 1809.
123. Салверт. «Научный оккультизм». // Salverte, Anne-Joseph Eusèbe Baconnière de. «Philosophic des Sciences Occultes»; ou, Essai sur la magie, les prodiges et les miracles. Paris: Sédillot, 1829. 2 vols. // Transl., with Notes by Anthony Todd Thomson as «The Occult Sciences. The Philosophy of Magic, Prodigies and Apparent Miracles». London: A. Bentley, 1846.
124. Бюрнуф. «Интродукция». // Burnouf, Émile Louise.
125. Гаспарин. «Столоверчение».
126. Де Мирвиль. «Духи». // Comte De Mirville.

127. Де Мирвиль, «Духи», *«Constitutionnel»,* 16 июня, 1854.
128. Де Мирвиль, «Духи», *«Revue des Deux Mondes»*, 15 янв. 1854.
129. Де Мирвиль. «Явления теоретической физики».
130. Бодин. «Рассмотрение молнии с точки зрения истории официальной медицины и публичной гигиены».
131. У. Крукс. «Физическая сила». – «Научный журнал» за 1 октября 1871 г.
132. Гаспарин. «Наука против спиритизма».
133. Ф. Джерри Файрфилд. «Годы среди спиритических медиумов», Нью-Йорк, 1875.
134. Ф. Джерри Файрфилд. «Десять лет среди медиумов». – *«Library Table»* от 19 июля 1877 г.
135. Полиер. «Индийская мифология».
136. «Древненордические памятники». // «Nothern Antiquities» of Mallett. // «Древненордические памятники», под ред. Маллета.
137. «Демонология, или внебрачные половые оргии». // «Demonologia», Лондон, J. Bumpus, 23 Skinner Street, 1827.
138. Павсаний. // Pausanias, «Eliae».
139. П. Б. Рэндольф. «До-адамовый человек».
140. Данлэп. «Муса, его мистерии». // Dunlap. «Musah, His Mysteries».
141. Данлэп. «Сод. Мистерии Адониса».
142. Данлэп. «Сод, сын человеческий». // Dunlap, «Sod, the Son of the Man».
143. Данлэп. «Мировые религии».
144. Данлэп, «Саба».
145. Павсаний. «Афинянин».
146. Павсаний. «Аттика».
147. Арнобий.
148. «Орфические гимны».
150. Антон. «Кабирия». // Anthon. «Cabeiria».
151. Иосиф Флавий. «Иудейские древности». // Josephus. «Antiquities Jud.». // Иосиф Флавий. «Иудейские древности», перевод с греч. Г. Г. Генкеля. СПб, 1900. // (Иосиф бен Матафий, имя Флавий присвоено ему от покровительствовавшего ему римского императорского дома Флавиев.)
152. Иосиф Флавий. «Против Апиона». // Josephus. «... against Apion». // Иосиф Флавий. «О древности иудейского народа против Апиона», пер. с греч. Я. И. Израэльсона и Г. Г. Генкеля. СПб, 1898.
153. Иосиф Флавий. «Иудейские войны». // «De Bell. Jud. adv. Roman».
154. H. M. Westropp and C. Staniland Wake. «Ancient Symbol-Worship».
155. Сэмюэль Мэтиер. «Страна милосердия».
156. Джосиа П. Кук. «Новейшая химия». // J. P. Cooke. «New Chemistry».
157. Элифас Леви. Догмы и ритуалы высшей магии. // Lévi Zahed, Éliphas. «Dogme et Rituel de la Haute Magie», Paris: Germer-Bailliere, 1856, 2 vols.; 3rd ed., 1894.
158. Элифаса Леви. «Духовная наука». // Levi Zahed, Eliphas. «La Science de Esprits», Paris, 1865.
159. Дю Потэ. «Дьявольская магия». // «La Magie Devoilée».
160. Дю Потэ. «Курс магнетизма».
161. А. Р. Уоллес. «Чудеса современного спиритуализма». // Wallace, Alfred Russel. «On Miracles and Modern Spiritualism». Three Essays. London: J. Burns, 1875.
162. Ириней. «Против ересей». // Irenжus. «Adv. Hoer.» // Against Heresies.
163. Кенни. // Kanne. «Pantheum der Æltesten Philosophie».
164. Чарльз Дарвин. «Происхождение видов». // Charles Darwin. «On the Origin of Species».
165. Филон Иудейский. «Скитания Авраама». // Philo. «Migration of Abraham».
166. Гёксли. «Дарвин и Геккель». // T. H. Huxley. «Darwin and Haeckel».
167. Вергилий. «Георгики». // Virgil. «Georgica».

168. Вергилий. «Энеиды». // Virgil. «Жneid».
169. Хеммэнн. «Медицинско-хирургические очерки», Берлин, 1778.
170. Роберт Фладд. «Трактат III».
171. Роберт Фладд. «Mosaical Philosophy», 1659.
172. А. Уайлдер. «Пророчества древние и современные» – *Phrenological Journal* (*«Френологический журнал»*).
173. А. Уайлдер. «Алхимия или герметическая философия». // Wilder, Dr. Alexander.
174. Юманс, Эдвард Л., «Химия на основе нового метода – спектрального анализа». // Youmans. «Chemistry on the Basis of the New System – Spectrum Analysis».
175. Юманс, Эдвард Л., «Химия».
176. Юманс, Эдвард Л., «Наглядная химия». // Ed. L. Youmans. «Descriptive Chemistry».
177. Ван Гельмонт. «Магнетическое лечение ран». // «De Magnetica Vulner Curatione».
178. Плезантон. «Влияние фиолетового излучения».
179. Месмер. «Животный магнетизм». // «Du Magnetisme Animal, en France», Paris, 1826.
180. Бальфур Стюарт. «Сохранение энергии». Нью-Йорк, 1875.
181. Исаак Ньютон. «Фундаментальные основы натуральной философии». // «Fundamental Principles of Natural Philosophy».
182. Дж. Н. Бьюканан, «Конспекты лекций по неврологической антропологии». // J. R. Buchanan. Outlines of Lectures on the Neurological System of Anthropology».
183. Уильям и Элизабет М. Ф. Дентон, «Душа вещей, или психометрические исследования и открытия», Бостон, 1873. // Denton, William, and Denton, Elizabeth M. Foote. «The Soul of Things, or, Psychometric Researches and Discoveries», 3rd rev. ed.. Boston: Walker, Wise & Co., 1866. viii, 370 pp.
184. Е. Хичкок. «Культ геологии». // E. Hitchcock. «Religion of Geology».
185. «Principles of Science». // «Постулаты науки».
186. Джон Фиск. «Невидимый мир» // John Fisk. «The Unseen World».
187. «Невидимая вселенная». // «Unseen Universe».
188. Верденфельт. «Тайные посвященные». // Werdenfelt. «De Secretis Adeptorum».
189. Стери Хант. «Происхождение рудоносных отложений». // «Origin of Metalliferous Deposits».
190. Джон Бампус. «Алхимия и алкахест». // John Bumpus. «Alchemy and the Alkahest», edition of 1820.
191. Deleuze. «De l'Opinion de Van Helmont sur la Cause, la Nature et les Effets du Magnetisme». // Делёз.
192. У. Крукс. «Заметки по поводу исследования так называемых спиритуалистических феноменов». // W. Crookes. «Notes of an Enquire into the Phenomena called Spiritual».
193. Лукиан. Фесалия. // Lucian. «Pharsalia».
194. Лукиан. «Philopseud».
195. Лукиан, «De Syria Dea».
196. Цицерон. «О предвидении». // Cicero. «De Divinatio».
197. Цицерон. «De Senectute».
198. Цицерон. «О природе богов». // Cicero. De natura deorum.
199. Агриппа. «Оккультная философия». // Agrippa von Nettesheim. «De occulta philosophia libri tres», Beringo Fratres, Lugduni, 1533. // на английском: Agrippa of Netesheim. «Three Books of Occult Philosophy». Transl. by J. F., London, 1650.
200. Генри Мор. «Противоядие». // Henry More. «Antidote».
201. Пьер Пуаре Науде. «Apologie pour tous les grands personnages faussement accusés de magie», 1679.
202. Вирдиг. «Nova Medicina Spirituum», 1675.
203. Порта. «Естественная магия». // Baptista Porta. «Magia Naturalis», Lugduni, 1569.
204. Athanasis Kircher, «Magnes sive de arte magnetici, opus tripartitum». Coloniae, 1654.
205. «Новые исторические сведения о Сиамском царстве», труд де ла Лоубэ, французского

посла в Сиаме в 1687-88 гг. Издание 1692 г.
206. Baptist Van Helmont. «Opera Omnia», 1682.
207. Максвелл. «Магнетическая медицина». // Maxwell. «Medicina Magnetica».
208. А. Дж. Дэвис. «Диакка и его жертвы; разоблачение подделки и отпор спиритуализму».
209. Порфирий. Жизнь Плотина.
210. Порфирий. «О хороших и плохих демонах». // Porphyry. «On the Good and Bad Demons».
211. Порфирий. «Жертвоприношения богам и демонам». // Porphyry. «Of Sacrifices to Gods and Daemons».
212. Порфирий. «Письмо к Анебо», сохраненное Евсевием. // Porphyry, «Epistola ad Anebonem Egyptium» – in: ap. Euseb. Praep. Evangel, vol. 10.
213. Порфирий. «Antro Nympharum».
214. Ямвлих. «Египетские мистерии». // Iamblichus. «De Mysteriis Egyptorum». // на англ.: – «Mysteries of the Egyptians, Chaldeans, and Assyrians».
215. Эпес Сэрджент. «Ощутимые доказательства бессмертия». // Epes Sargent. «Proof Palpable of Immortality».
216. А. Р. Уоллес. «Развитие теории естественного отбора» // Wallace, Alfred Russel. «Contributions to the Theory of Natural Selection». A Series of Essays. London and New York: Macmillan & Co., 1870.
217. Альфред Р. Уоллес. «Географическое распределение животных».
218. Альфред Р. Уоллес. «Ответ Юму....»
219. Кирхер. «Œdipi Ægyptiaci Theatrum Hieroglyphicum».
220. «Lib. De Defectu Oraculorum».
221. Лудовико Виве. «Комментарии на «Treatise de Civitate Dei» Св. Августина».
222. Поркаччи. «Книга о древних погребениях». // Porcacchius. «Book of Ancient Funerals».
223. Маттеус Радерус. «Комментарии к 77-ой эпиграмме IX-ой кн. Марциала». // Matthaeus Raderus. «Commentaries on the 77th Epigram of the IXth Book of Martial».
224. Томас Браун. «Грубые заблуждения». // Sir Thomas Browne. «Vulgar Errors».
225. «Доклад Лондонского Диалектического общества о спиритуализме».
226. Мильтон. Потерянный Рай. // Milton. Paradise Lost.
227. У. Р. Гроув. «Предварительные замечания о соотношении физических сил». // W. R. Grove. «Preface to the Corellation of Physical Forces».
228. Фициний. «Избранные отрывки». // Ficinus. «Excerpta».
229. Фициний. «Трактат по магии». // Ficinus «Dissertation on Magic».
230. «Современный американский спиритуализм».
231. «Избранные работы Плотина», в переводе Тейлора. // «Selected Works of Plotinus».
232. Либиг. «Сила и материя». // Liebig. «Force and Matter».
233. Аристотель. «О душе». // «De Anima».
234. Аристотель. «Никомахова этика».
235. Аристотель. «De Generat. et Corrupt.».
236. Аристотель. «О снах».
237. Аристотель. «De Vatibus in Problemate».
238. Де Местр. «Петербургские вечера». // De Maistre, «Soirées de St. Petersburg».
239. Diogenes Laertus. «Proœin». // Диоген Лаэртский. «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», перевод М. Л. Гаспарова. М., «Мысль», 1979.
240. Фенелон. «Жизнеописания философов». // Fenelon. «Lives of the Philosophers».
241. Евгений Филалет. «Адамическая магия». // Eugeniue Philalethes. «Magia Adamica», 1650.
242. Ричард А. Проктор. «Наше место в беспредельности». // Proctor, Richard Anthony. «Our Place among Infinities», London, 1875; New York, 1876. // (12 очерков: «Сатурн и еврейская суббота», «Мысли об астрологии» и др.).

243. Раулинсон. // Rawlinson....
244. Стобеус. «Эклоги». // Stobæus. «Eclogues».
245. Кизер. «Архив...». // Kieser. «Archiv.».
246. Марбод, в вольном изложении Бикмана. // Marbod. «Liber lapid. ed. Beekman».
247. par Volney. «La Loi Naturelle». // пэр Волни.
248. Вольтер. «Философский словарь». // Voltaire. «Diction. Philosophique».
249. Weber, «Ind. Stud.».
250. Плеазонтон. «Действие голубого луча солнечного света и голубого цвета неба на развитие животной и растительной жизни», книга адресована Филадельфийскому обществу содействия сельскому хозяйству.
251. Чарльз Элам. Проблемы врачевания. // Charles Elam. «A Physician's Problems», London, 1869.
252. Littré. in «Revue des Deux Mondes».
253. Пселл. «Трактат о демонах». // Psell. «De Daemon».
254. Цензорин. «Хронологические и астрономические фрагменты». // Censorinus. «Chronological and Astronomical Fragments».
255. Франк. «Кодекс назареев».
256. А. Франк. «Каббала». // A. Franck. «Die Kabbala».
257. «Кодекс назареев». // Codex Nazaræus «Liber Adami» appelatus Syriace transcriptus. Transl. into Latin by M. Norberg. London, 1815, 16, 4to; 3 vols.
258. Эверард, «Тайны физиологии». // Everard. «Misteres Physiologiques».
259. «Сверхъественственная религия». // «Supernatural Religion; an Inquire into the Reality of Divine Revelation», in 2 vols., London, 1875. // «Сверхъестественная религия: исследование реальности божественного откровения».
260. Сведеборг. «Тайны небесные». // Swedenborg. «Arcana Coelestia». // на англ.: «Heavenly Arcana». // (*Пояснение «Книги Бытия»*).
261. Сведеборг. «Истинная христианская религия». // Swedenborg. «The True Christian Religion».
262. Е. А. Хичкок. «Сведенборг, герметический философ». // E. A. Hitchcock. «Swedenborg, a Hermetic Philisopher».
263. «Ripley Revived», 1678.
264. Дж. Ле Контэ. «Соотношение химических и физических жизненных сил». // J. Le Conte. «Correlation of Vital with Chemical and Physical Forces».
265. Аристотель. «De Part.».
266. Лемприер. «Классический словарь». // Lempriere. «Classical Dictionary».
267. Alieb. «Chaldean Oracles».
268. «Plato», by Cory. // Платон, в переводе Кори.
269. Гомер. «Одиссея».
270. Феликс Нотрдамский. «Таинство и наука». // P. Felix de Notre Dame. «Le Mystère et la Science».
271. Suidas, v. «Tyrrhenia».
272. Жоррес. «Мистика». // Gorres. «Mistique».
273. Апулей. «О божестве Сократа». // Apuleius. «Liber de deo Socratis». // «Du Dieu de Socrate».
274. Апулей. «Золотой осел».
275. «Восточное монашество». // «Eastern Monachism».
276. Харди. «Руководство по буддизму». // Hardy. «Manual of Buddhism».
277. «Церебральная анатомия». // «Anatomie Cerebrale», Malacarne, Milan.
278. «Искусство магии». // «Art-Magic».
279. Катерина Кроу. «Ночная сторона природы». // Crowe, Catherine. «Night-Side of Nature».
280. Фигюйер. «History du Merveilleux dans les Temps Modernes».

281. Юм. «Философские эссе». // Hume. «Philosophical Essays».
282. Юм. «Исследования человеческого познания».
283. Вилкроз. «Доктор д'Алжир».
284. Брюс. «Путешествия в поисках истока Нила».
285. Хасселквист. «Путешествия по Ливану».
286. Лемплиер. «Путешествие по государству Марокко, и т. д., в 1790 г.» // Lempriere. Voyage dans l'Empire de Maroc, etc., en 1790.
287. Тибо де Ченваллон. «Путешествие по Мартинике».
288. Форбс. «Восточные мемуары».
289. Стедманн. «Путешествие по Суринаму».
290. Генри Мор. «Бессмертие души».
291. «Краткий курс элементарной физиологии».
292. Фурнье, «Физиология спинно-мозговой нервной системы», Париж, 1872.
293. Джон Стюарт Милль. «Система логики», восьмое издание, 1872.
294. Шпренгель. «История медицины». // Sprengel. «Histoire de la Médecine».
295. Сильвестр. «Манифест Берселия».
296. Мольен. «Путешествие вглубь Африки».
297. Тоурет. «Recherches et Doutes sur le Magnetisme Animal».
298. Арнольдо ди Вилланова. «Rosarium Philosophorum».
299. Тиндаль. «Использовании в науке воображения». // Tyndall. «On Scientific Use of the Imagination».
300. Луис Агассиз. «Очерки по классификации». // Louis Agassiz. «Essay on Classification».
301. «Diog. in Vita».
302. Кабанис. «История медицины». // Cabanis. «Histoire de la Medecine».
303. Макс Мюллер. «Значение нирваны».
304. Макс Мюллер. «Сравнительная мифология».
305. Макс Мюллер. «Буддийские паломничества».
306. «Ланкаватара», перевод Бюрнуфа.
307. «Лотус...» // «Le Lotus de la bonne Loi», перевод с санскрита на фр. Е. Бюрнуфа.
308. Гумбольдт. «Космос».
309. Ориген. «Против Цельса». // Origen, «Contra Celsum».
310. Ориген, «Philosophumena».
311. Ориген. «De Civit. Dei».
312. Ориоли. «Все о месмеризме». // Orioli. «Fatti relativi al Mesmeris-mo», 1842.
313. Леонард де Вайр.
314. «The Tinnevelly Shanars».
315. Пиерарт. «Обзор спиритуализма».
316. Маймонид. «Абодах Сарах».
317. д'Авранчес Хъют. «Хъютиана».
318. Калмет. «Призраки и т. д.», Париж, 1751.
319. Жорес. «Полное собрание работ». // Gorres. «Complete Works».
320. Г. Р. Ховис. «Прах – праху». Лондон, 1875.
321. Хорст. «Библиотека Заубера».
322. Генри Модсли. «Тело и разум».
323. Генри Модсли. «Пределы философского анализа».
324. «Книга» сэра Марко Поло. // The Book of Sir Marko Polo, transl. and ed. with notes by H. Gule. // «Книга» Марко Поло, перевод на англ. Х. Гула. // на русском языке – пер. со старофранц., М., 1955
325. Дельрио. «Исследование магии».
326. Эдвард Мелтон. «Engelsh Edelmans, Zeldzaame en Geden Kwaardige Zee en Land Reizen, и т. д.», Амстердам.
327. «Мемуары императора Джахангира».

328. Дж. Хьюз Беннет. «Руководство по физиологии», американское издание Липинкотта.
329. Гаффарил. «Curiositйs Inoupes», 1650.
330. Этингер. «Мысли о происхождении и распространении вещей».
331. Плутарх. «Речь по поводу демона Сократа».
332. Плутарх. «Застольные беседы».
333. Плутарх. «Изида и Озирис».
334. Кордан. «De Res. Var.».
335. Nasse, «Zeitschrift für Psychische Aerzte», 1820. // Нэсс.
336. Осборн. «В гостях у Рунджита Сингха». // Osborne, «Camp and Court of Rudjit Singh».
337. Брайд. «В трансе». // Braid. «On Trance».
338. «A Cornel. Cels.».
339. Sage. «Dictionnaire des Tissus».
340. Пейс. «Медицина и лекарства». // «La Medecine et les Medecins».
341. Феон из Смирны. «Математика».
342. Петроний. «Satyric. Vitrus D. Architect».
343. Dionysius of Halicarnassus. // Дионисий Галикарнасский.
344. Дж. М. Пиблс. «Окружающая вселенная».
345. J. M. Peebles, «The Seers of the Ages».
346. Савари. «Описание Египта», Лондон, 1786.
347. Сэр Дж. К. Льюис. «Астрономия древних».
348. Сервий. «Виргилий».
349. Овидий. «Фасты». // Ovid. «Fast.».
350. Тит Ливий. // Тит Ливий. «Римская история от основания города».
351. Луций. «Пизо».
352. «Столбик». // «Columella».
353. «Notise sur les Travaux de l'Academie du Gard».
354. Бюффон. «Естественная история минералов». // Buffon. «Histoire Naturelle des Mineraux».
355. «Археология»
356. Геродот. «История».
357. Гален. «De Composit. Medec.».
358. Яблонский. «Египетский пантеон».
359. Альбрехт Мюллер. «Первые следы человека в Европе».
360. Пселл. «Халдейские оракулы».
361. Ле Полен де Сен-Бартелеми. «Путешествие в Восточную Индию». // Le P. Paulin de St. Barthelemi. «Voyage aux Indes Orientales».
362. A. Gell, «Noet. Attic.»
363. Стивенс. «Происшествия во время путешествия по Центральной Америке и Юкатану».
364. Mosheim. «Ecclesiastical History». // Мошейм.
365. «Пополь-Вух», перевод Брасье де Бурбурга.
366. «Пополь-Вух», перевод Макса Мюллера (с его же коммент.)
367. Х. дэ ла Виллемарк. Том LX серии «Collect et Nouvelle Serie», 1863.
368. Брасье де Бурбург. «Cartas».
369. Брасье де Бурбург. «Мексика».
370. Уилкинсон. «Нравы и обычаи древних египтян».
371. Франк Винсент. «Страна Белого слона». // Frank Vincent. «The Land of White Elephant.
372. Лидия Мария Чайлд. «Прогресс религиозных идей несмотря на смену эпох».
373. Луи Жаколио. «Библия в Индии». // Jacolliot, Louis. «La Bible dans l'Inde».
374. Луи Жаколио. «Христос и Кришна». // Jacolliot, Louis. «Christna et le Christ».
375. Jacolliot, Louis. «La Genèse dans l'Humanité».
376. Jacolliot, Louis. «Histoire des Vierges: Les Peuples et les Continents Disparus».

377. Jacolliot, Louis. «Voyage au Pays des Perles».
378. Jacolliot, Louis. «La Spiritisme dans le Monde».
379. Jacolliot, Louis. «The Initiates of the Ancient Temples».
380. Jacolliot, Louis. «Phènomenes et Manifestations».
381. Луи Жаклио. «Индоевропейские и африканские традиции». // Louis Jacolliot. «Traditions Indo-Européennes et Africaines».
382. Луи Жаколио. «Путешествие в страну слонов». // Louis Jacolliot, «Voyage au Pays de Éléphants», 1876.
383. Луи Жаколио. «Сыны Божии». // Louis Jacolliot, «Les Fils de Dieu».
384. Рот. «Погребальный обряд в Индии».
385. Болдуин. «Доисторические национальности и древняя Америка».
386. Томас Белт. «Натуралисты в Никарагуа». // Thomas Belt. «The Naturalists in Nicaragua», London, 1873.
387. Torfæus. «Historia Vinlandiæ Antiquæ».
388. «Voyage des Pelerins Bouddhistes», vol I: «Histoire de la Vie de Hiouen-Thsang», etc., traduit du Chinois eh francais, par Stanislas Julien.
389. Скотт. «Очерки по буддизму в Китае и в Верхней Азии»... Schott. «Essays on Buddhism in China and Upper Asia», Berlin Academy of Sciences, 1846.
390. Ремьюсат. «История Хотана».
391. Киприан. «De Idol. Vanit.».
392. Шампольон-старший. «Египет».
393. Коллук-Батт. «История Индии».
394. Конт, Огюст. «Катехизис позитивизма». // Comte, Auguste. «Catechisme positiviste», etc., Paris, 1852. // Engl. tr. by R. Congreve as «The Catechism of Positive Religion», London, 1858.
395. Я. Шпренгер, Г. Иститорис. «Молот ведьм». // на русск. – М., «Атеист», 1930
396. Гильберт. «Магнетизм».
397. Бюрнуф. «Введение в историю буддизма в Индии». // Burnouf, Йmile Louise.
398. Донемцио Берти. «Жизнь Бруно».
399. Тьюри. «Ученые записки».
400. Дэвид Брюстер. «Трактат по оптике».
401. Подокаттар. «De Rebus Cypriis», 1566 г.
402. Клеарх. «Трактат о сне».
403. Х. Бланк, «De l'Inspir des Camis», 1859, Плон, Париж.
404. Фретхейм. «Стеганография».
405. Babinet, Jacques. «Revue des Deux Mondes», 1858. // Бабинэ.
406. Захаров. «Народные сказания и предания».
407. Сен-Илер, Бартельми. «Будда и его религия». // Barthelemy St. Hilaire, «Le Buddha et sa Religion», Paris, 1860.
408. Джеймс Фергюссон. «Пещерные храмы Индии, с иллюстрациями».
409. Г. А. Уокер. «Материалы по кладбищам».
410. Кинг. «Гностики и то, что от них осталось». // C. W. King. «The Gnostics and their Remains».
411. Паскуаль де Франциск, дон. «Речи Папы Пия IX». // Don Pasquale di Franciscis. «Discorsi del Sommo Pontefice Pio IX». // «Speeches of Pius IX», Ам. издание.
412. T. Surnden. «Inquiry into the Nature and Place of Hell».
413. Свинден. «Demonologia and Hell».
414. Dr. Stanley. «Lectures on the Eastern Church».
415. Майерхоф. «Reuchlin und Seine Zeit», Берлин, 1830. // «The Life and Times of John Rouchlin, or Capnion, the Father of the German Reformation», transl. F. Barham, Лондон, 1843.
416. «Жизнь Св. Григория Турского».

417. Джордж Рибер. «Христос Павла». // G. Riber. «The Christ of Paul».
418. Е. Покок. «Индия в Греции». // «India in Greece».
419. Генри Кунрат. «Обнаженная Каббала». // «Kabbala Denudata».
420. Бособр. «История манихейства». // «Histor. Manich.»
421. Коблрук. «Asiat. Trans.».
422. Milman. «History of Christianity».
423. Olshausen. «Biblischer Commentar über sammtliche Schriften des Neuen Testaments».
424. Inman. «Ancient Pagan and Modern Christian Symbolism». // Инман. «Древнее язычество и современный христианский символизм».
425. W. D. Whitney. «Oriental and Linguistic Studies, The Veda, etc.».
426. «Navarette».
427. Фабер. «On the Origin of Heathen Idolatry».
428. Кингсборо. «Древняя Мексика». // Lord Kingsborough. «Ant. Mex.».
429. Мането. «Ap. Malal.»
430. Payne Knight. «Phallic Worship». // Пейн Найт.
431. Payne Knight. «Mystic Theology of the Ancients». // Пейн Найт.
432. Кенон Кингсли. «Ипатия».
433. Бодин. «Демономания». // «La dйmonomanie, ou traitй des Sorciers», Париж, 1587.
434. Dr. W. G. Soldan. «Geschichte der Hexen processe, aus den Quellen dargestellt», Stuttgart, 1843. // У. Г. Солдан.
435 Фредерик Фернер, епископ Бамбергский. «Panoplia Armaturoe Dei».
436. Св. Августин. «Город Бога».
437. Стивенс. «Traité Preparatif à l'Apologie pour Herodote»
438. «De Missa Privatâ et Unctiono Sacerdotum».
439. «Rituale Romanum», Parisiis, 1852. // «Roman Ritual», изд. 1851 г. // «Ритуал».
440. Джеймс де Веражин. «Золотая легенда». // James de Veragine.
441. Штраус. «Жизнь Иисуса.
442. «Discourses of Miracles wrough in the Roman Catolic Church; or a full Refutation of Dr. Stillingfleet's unjust Exceptions against Miracles», Octavo, 1676. // Э. Уорсли.
443. Вентура. «Собеседования». // «Conferences».
444. Август Киприан. «De Baptismo Contra Donatistas».
445. де Руже. «Stele».
446. Найт. «Old England Pictorially Illustrated».
447. Инман. «Древние верования, воплощенные в древних названиях». // «Ancient Faiths».
448. «Pères du Desert d'Orient»
449. Юстин Мученик. «Quжst».
450. Фауст, епископ Риенцы. «The Genealogy of the Blessed Virgin Mary».
451. Евсевий. «Ex. H.»
452. Theodoret, «Hæretic. Fab.»
453. Jorvis W. Jervis. «Genesis».
454. Norberg. «Onomasticon».
455. Alph. de Spire. «Fortalicium Fidei».
456. Преллер. // Preller.
457. Мунк, «Палестина». // Munk, «Palestine».
458. Макс Мюллер. «Зенд-Авеста». // «Zend-Avesta».
459. Philo. «De Vita. Contemp.» // Филон Иудей.
460. Филон Иудей, «Quæst. et Solut».
461. Филон Иудей, «Cain and his Birth».
462. Филон Иудей. «Leg. Alleg.»
464. Филон Иудей. «De Somniio».
465. «Vita Eutrop.».
466. Юстин Мученик. «Dial.».

467. Юстин Мученик, «Die Evv.»
468. Юстин Мученик, «Apolog.»
469. Юстин Мученик, «Cum. Trypho».
470. Fabricius. «Cod. Apoc., New Testament»
471. Tischendorf. «Evang. Ap.»
472. Rabbi Iochan. «Mag.».
473. August de Consans. «Evang.»
474. «Clementines»: состоит из трех частей: «Homilies», «Recognitions», «Epitome».
475. Епифаний. «Ереси». // Epiphanius. «Haeresies».
476. Epiphanius. «Contra Ebionitas». // Епифаний.
477. «Epiphanius», ed. Retau. // Епифаний.
478. «Israelite Indeed».
479. Евсевий. «Hist. Eccles.»
480. Credner. «Beiträge». // Креднер.
481. Credner. «Zur Gesch. Des Kan».
482. Schleiermacher. «Sammtl. Werke». // Шлейермахер.
483. Тертуллиан. // Tertullian. «Adv. Marci.».
484. Тертуллиан. «De Præscriptionibus».
485. Тертуллиан. // Tertullian. «De Orat.»
486. Тертуллиан. // Tertullian, «Despectæ».
487. Тертуллиан. «Апологии».
488. Кэнон Уэскотт. «On the Canon».
489. Кэнон Уэскотт. «Священник Гермия».
490. Кэнон Уэскотт. «Simil».
491. Хоун. «Апокрифический Новый Завет». // «Apocryphal New Testament», London, W. Hone, Ludgate Hill, 1820.
492. «Elements of Theology».
493. Parson. «Letters to Travis».
494. Иероним. «De Virus».
495. Иероним. «Комментарии к Матфею».
496. «Св. Иероним» (сочинения)
497. Олсхаузен, «Nachweis der Echtheit der sammtlichen Schriften des Neuen Test.».
498. Иероним, «Opp.»
499. «Auszüge aus dem Sohar». (Зогар?)
500. Schliemann. «Die Clementinem».
501. Гермес Трисмегист. // «Hermes Trismegistus».
502. «Haxthausen».
503. Dr. D. Chwolsohn, «Die Ssabier und der Ssabismus». // Хвольсон.
504. Kleuker, «Natur und Ursprung der Emanationslehre bei den Kabbalisten».
505. Rosenroth, «The Sohar Liber Mysteries».
506. Matter, «Histoire Critique du Gnosticisme».
507. Кленкер. «Nat. und Urspr. d. Emanationslehre b. d. Kabbalisten».
508. «Ad. Kabb. Chr.»
509. Шампольон-младший, «Lettres».
510. Spiegel, «Avesta». // Шпигель.
511. Panthier, «La Chine».
512. Priestley, «History of early Christianity».
513. J. M. Peebles, «Jesus – Man, Myth, or God?».
514. «Book of the Babylonian Companions».
515. «Sohar Ex.»
516. Папп. «Синодикон».
517. Филон, фрагменты, сохраненные Евсевием. // Philo, «Fragments», ex. Euseb., «Praepar.

Evang.»
518. «Hundert und ein Frage».
519. Bunsen, «Hippolytus, U. S. Zeit.»
520. «Ref. Omn. Haer.»
521. Nieder, «Zeitschr. Hist. Theol.»
522. «Scol. Eccl. Hist.»
523. «Bhagavatta».
524. «Hymns to the Maruts».
525. Jacolliot, Louis. «l'Inde des Brahmes». // Луи Жаколио.
526. К. Р. Х Маккензи. «Королевская масонская энциклопедия». // «Royal Masonic Cyclopædia of History, Rites, Symbolism and Biography». Edited by Kenneth R. H. MacKenzie IX° (Cryptonymus), Hon. Member of the Canongate Kilwinning Lodge, No. 2, Scotland. New York, J. W. Bouton, 706 Broadway, 1877.
527. «Дхаммапада». // «The Dhammapada».
528. Neander, «History of the Church».
529. Сент-Илер. «Du Bouddhisme».
530. Ренан. Жизнь Иисуса. // «Vie de Jesus».
531. Шпигель. «Erân das Land zwishen dem Indus und Tigris».
532. Макс Мюллер, «Our Figures».
533. «Всеобщая история».
534. Viscount Amberly, «An Analysis of Religious Beliefs».
535. Бауэр. «История папства». // «History of the Popes».
536. «Новая американская энциклопедия» Эпплтона. // «New American Cyclopaedia». Publ. by Daniel Appleton & Co. Ed. by George Ripley and Chas. A. Dana, 1858-63, 16 vols. Called *American Cyclopaedia* after 1868. New ed. prepared by same Editors, 1873-76, 16 vols.
537. Черчиль. «Mount Lebanon», Лондон, 1853.
539. Lepsius, «Königsbuch».
540. Кейв. «Жизнеописания святых отцов».
541. Тейлор. «Diegesis».
542. Baronius, «Annales Ecclesiastici».
543. Chron. de Lanercost», ed. Stevenson
544. Dulaure, «Histoire Abregee des Differens Cultes».
545. Мартези. «Язычники и христиане». // Martezzi. «Pagani é Christiani»
546. Plutarch. «Romane Questions». // Плутарх.
547. Гай Светоний Транквилл. «Жизнь двенадцати цезарей». *Божественный Клавдий*. // Suetonius. «Life of Claudius».
548. Пейн Найт. «Символический язык древнего искусства и мифологии». // Payne Knight. «Symbolical Language of Ancient Art and Mythology», перевод А. Уайлдера.
549. «Миссия Крофорда в Сиаме».
550. Плот. «Естественная история Стаффордшира», опубликовано в 1666 г.
551. Anthony Escobar, «Universæ Theologiæ Moralis receptiore, absque lite sententiæ», etc., Lugduni, 1652 (т. I), 1663 (т. IV). *(Ed. Bibl. Acad. Cant.)* // Антоний Эскобар.
552. Лакруа. «Theologia Moralis». // «Theologia Moralis nunc pluribus partibus aucta, a R. P. Claudio Lacroix, Societatis Jesu», Coloniae, 1757, (Ed. Mus. Brit.).
553. Richard Arsdekin, «Theologia Tripartita», Coloniae, 1744.
554. Никколини. «История иезуитов».
555. Imago, «Primi Sacculi Societatis Jesu».
556. Петр Алагона. «St. Thomæ Aquinatis Summæ Theologiæ Compendium»
557. Иоанн Баптист Таберна. «Synopsis Theologiæ Practicæ».
558. «Основные правила иезуитов, составленные из цитат их авторов». // «The Principles of the Jesuits, Developed in a Collection of Extracts from their own Authors», London; J. G.

and F. Rivington, St. Paul's Churchyard, and Waterloo Place, Pall Mall; H. Wix, 41 New Bridge Street, Blackfriars; J. Leslie, «Queen Street etc.», 1839.
559. «Иерусалимский талмуд, Синедрион».
560. Чарлз Энтони Каснеди, «Кризис богословия», Улиссипон, 1711.
561. «Thesis propugnata in regio Soc. Jes. Collegio celeberrimiæ Cado mensis, die Veneris, 30 Jan., 1693», Cadomi, 1693.
562. Мишле. «Иезуиты».
563. Шампольон. «Гермес Трисмегист».
564. Габриэль Васкес. «De Cultu Adorationis Libri Tres.»
565. Стефан Фугундес. «Præcepta Decabga» (Edition of Sion Library)
566. Хенри Хенрикес. «Summa Theologiæ Moralis», Venetiis, 1600 (Ed. Coll. Sion).
567. «Cursus Theologici», Du, 1642.
568. «Крата Непоа, или мистерии древнеегипетских жрецов».
569. Умберто Маландрини. «Ритуал посвящений», Венеция, 1657.
570. Лепсий, «Abth.»
571. Лепсий, «Книга Мертвых».
572. Шампольон, «Проявления на Свет». // «La Manifestation a la Limiure».
573. «Confessarium Aphorismi Verbo Clericus», Ed. Coloniae, 1615, Ed. Coll. Sion.
574. «Concertatio Ecclesiæ Catholicæ in Angliâ adversus Calvino Papistas», Resp. fol. 348.
575. Джон Мариана. «De Rege et Regis Institutione, Libri Tres», 1640 *(Edit. Mus. Brit.)*
576. Pasquier. «Catechisme des Jesuites», 1677.
577. «Rapin», fol., London, 1733.
578. Puffendorf, «Droit de la Nat.».
579. Д. Яркер. «Заметки о научных и религиозных мистериях древности». // John Yarker, Jr. «Notes on the Scientific and Religious Mysteries of Antiquity», London, 1872. // Джон Яркер-младший, «Заметки о научных и религиозных мистериях древности; гностицизме и эзотерических школах средних веков; современном розенкрейцерстве; и различных обрядах и степени свободы и правил масонства».
580. «Proceedings of the Supreme Council of Sovereign Grand Inspectors – General of the Thirty-third and Last Degree, etc., etc. Held at the city of New York, August 15, 1876».
581. Грегуар. «Histoire des sectes religieuses».
582. Мюнтер. «Notitia codicis græci evangelium variatum continentis», Havaniae, 1828.
583. Леон Хайнеман. «Древний Йорк и великие ложи Лондона». // «Ancient York and London Grand Lodges».
584. Маури, «Индийские древности».
585. Финдель, «История франкмасонства».
586. Ричард Вулф. «Краткий обзор рыцарей тамплиеров и рыцарей Св. Иоанна Иерусалимского».
587. Риболд. «Всеобщая история франкмасонства».
588. Кахен, «Еврейская Библия».
589. Юлиан, «Матрем».
590. Юлиан, «Речь».
591. «Di Verbo Mirifico».
592. «Описание... населения Индии», аббата Дюбуа, миссионера в Майсоре.
593. «Фетишизм, политеизм, монотеизм».
594. Мортон. «Древнеегипетский череп», Филадельфия, 1844.
595. Мур, «Индусский пантеон».
596. Бартон, «Анатомия меланхолии».
597. Ланди. «Монументальное христианство» // «Monumental Christianity».
598. «Talmud, Tract. Chalin.»
599. Денон, «Египет».
600. Волней. «Руины империй». // Volney. Ruins of Empires.

601. Джост.
602. Бурде, «Иосиф». // Burder. Josephus.
603. Джаффарел. «Введение к «Книге Еноха»». // Gaffarel. Introduction to «Bookof Enoch».
604. Дж. К. Колкухун. «История магии, колдовства и животного магнетизма». // J. C. Colquhoun. History of Magic, Witchcraft, and Animal Magnetism.
605. Neander, «Allg. K. G.».
606. Джекоб Брайант, «Анализ античной мифологии». // Jacob Bryant. Analysis of Ancient Mythology.
607. Хауг, «Ессеи в священном языке, писаниях и религии парсов». // Haug. Essays on the Sacred Language, Writings, and Religion of the Parsees.
608. Стейнлэнд Уэйк. «Происхождение культа змия». // C. Staniland Wake, M. A. I. The Origin of Serpent Worship. New York: J. W. Bouton, 1877.
609. Джеймс Фергюссон. «Культ дерева и змея» и т. д. // James Fergusson. Tree and Serpent Worship,
610. Дюпуи. «Origines des Cultes».
611. Мартин Капилла. «Гимн Солнцу». // Martianus Capella. Hymn to the Sun.
612. Мовес. «Финиза». // Movers. Phiniza.
613. Виргилий. «Эклоги».
614. Норринг. «Terra et Coelum».
615. Кирхер. «Edipus Egypticus».
616. Кирр Портер. «Персия». // Kerr Porter. Persia.
617. Шофеим. «Предания». // Schopheim. Traditions.
618. У. Уильямс. «Древне-христианская история». // W. Williams. Primitive History.
619. «Пророчества Сивиллы».
620. Еврипид, «Вакханки».
621. Нонн, «Дионисий». // Nonnus. Dionysiacs.
622. Диэн, «Культ змия». // Deane. Serpent Worship.
623. Крейцер, «Символ». // Creuzer, «Symbolik».
624. Апхэм. «Махаванси...» // E. Upham. The Mahavansi, etc.
625. Фома Аквинский, «Summa».
626. Кузен, «Лекции по современной философии». // Cousin. Lectures on Modern Philosophy.
627. Кинг, «История Апостольского Символа веры».
628. Юстиниан Бейли, «Совместная молитва». // Justice Bailey. Common Prayer, 1813.
629. «Символ веры», 1676.
630. Св. Августин. «De Fide et Symbol».
631. Эсхилл. «Прометей».
632. «Ортодоксограф», опубликовано Гринеусом.
633. Евсевий, «Demons. Ev.».
634. Еврипид, «Геракл».
635. Корнелий Агриппа. «Превосходство женщины».
636. Индикоплюст. «Христианская топография».
637. «Лалитавистара», П. Е. Фонко, 1847,
638. Стенлэнд Уок и Вестропп. «Фаллицизм в древних религиях». // Staniland Wake & Westropp. Phallism in Ancient Religions.
639. У. Дуайт Уитни. «Восточные и лингвистические студии», «Ведическая доктрина и современная жизнь». // W. Dwight Whitney. Oriental and Linguistic Studies. Vedic Doctrineof a Future Life.
640. Мориц. «Памятники древней Индии».
641. О'Брайен, «Круглая башня».
642. «Religions de l'Antiquite».
643. Буддхагоша. «Притчи», перевод с бирманского полк. Х. Т. Роджерса; с предисловием

М. Мюллера, включающее *«Дхаммападу»,* 1870.
644. «Вишну Пурана». // «Vishnu-Purana». Transl. by H. H. Wilson. Ed. by Fitzedward Hall. London: Trubner & Co., 1864.
645. «Атхарваведа». // «Atharva-Veda. The Sanhitâ», ed. by R. Roth and W. D. Whitney, Berlin, 1855-56.
646. Олькотт. «Люди из другого мира». // Olcott, Col. Henry Stell. «People from the Other World». Ill. by Alfred Kappes and T. W. Williams. Hartford, Conn.: American Publishing Co., March, 1875.
647. С. Дж. Шмидт, «Aus dem Tibetischen übersetzt und mit dem Originaltexte herausgegeben».
648. Эмиль Шлагинтвит. «Буддизм в Тибете». // Emil Schlagintweit. Buddhism in Tibet, 1863.
649. Алабастер, «Колесо Закона». // Alabaster. Wheel of the Law.
650. «Палийские буддийские анналы». // Pali Buddhistical Annals.
651. «Сабеизм».
652. Мюррэй, «История открытий в Азии». // Murray. History of Discoveries in Asia.
653. «Индийский антиквар».
654. Е. Апхэм. «История и доктрины буддизма».
655. «Анализ религиозных вероучений».
656. Didron, «Iconograph. Chrétienne Histoire de Dieu».
657. Р. Оуэн. «Предмет спора». // The Debatable Land.
658. «Бхагавидгита» в переводе Чарлза Уилкинса, 1785 г.
659. «Бхагавад-Пурана», переведенная на французский Эженом Бюрнуфом, 1840.
660. «Страна теней, или Изыскания в мистериях оккультизма», под редакцией Е. Хардинг Бриттен. // Researches into the Mysteries of Occultism. Edited by Mrs. E. Hardinge Britten. Boston, 1877.
661. Хак. «Путешествия по Татарии».
662. Гай Светоний Транквилл. «Жизнь двенадцати цезарей». *Божественный Август*. // Suetonius.«Life of Augustus».
663. «Servius ad Æon».
664. «Семедо». // «Semedo».
665. Скотт, «Über den Buddhismus».
666. Капитан О'Грейди, «Жизнь в Индии». // Capt. W. L. D. O'Grady. Life in India.
667. «Месмеризм и магия». // Magic and Mesmerism.